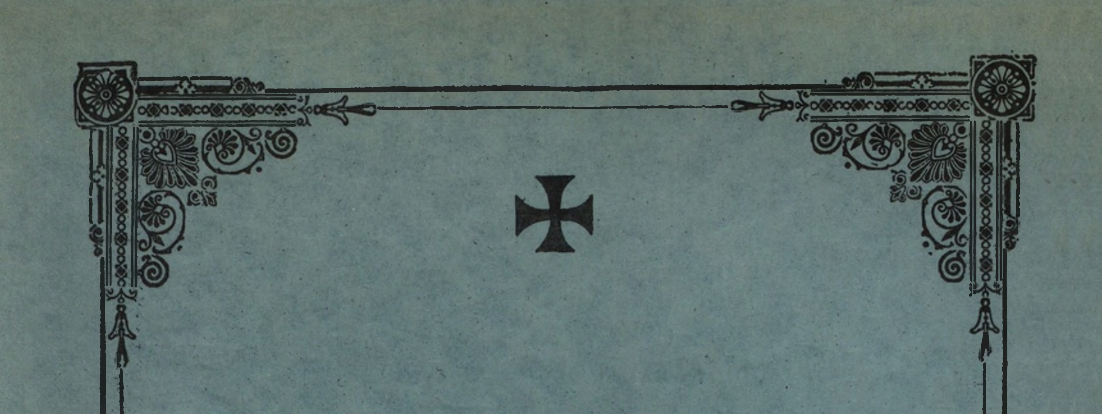

ТРОИЦКІЕ ЛИСТКИ.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ЧТЕНІЕ.
ДЛЯ НАРОДА.

Дайте имъ вы ясти. (Марк. 6, 37).
Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ
человѣкъ (Матѳ. 4, 4).

СОСТАВИЛЪ ИГУМЕНЪ ПАНТЕЛЕИМОНЪ.

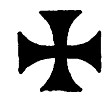
— ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ. —

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ
ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ.

Типографія Св.-Троицкаго Монастыря. Почта: Jordanville, N. Y.

1954 г.

ТРОИЦКІЕ ЛИСТКИ.

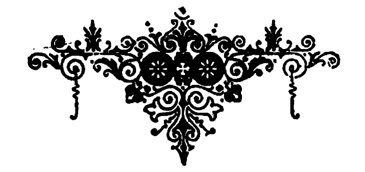
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ЧТЕНІЕ.
ДЛЯ НАРОДА.

Дайте имъ вы ясти. (Марк. 6, 37).
Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ (Матѳ. 4, 4).

СОСТАВИЛЪ ИГУМЕНЪ ПАНТЕЛЕИМОНЪ.

— ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ. —

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ
ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ.

Типографія Св.-Троицкаго Монастыря. Почта: Jordanville, N. Y.

1954 г.

ІИС. ХС.

Гдь на́шъ Іи҃съ Хрто́съ, Сн҃ъ Бж҃ій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Слово Божіе содержитъ въ себѣ не только основныя истины вѣры, но и святѣйшія правила нравственности, и чистѣйшія побужденія къ добродѣтели, и поучительнѣйшіе примѣры для жизни, и дѣйствительнѣйшее подкрѣпленіе и утѣшеніе для сердца во всѣхъ нашихъ обстоятельствахъ. Въ нихъ все направлено къ нашему наставленію, возбужденію, обновленію, питанію, укрѣпленію и возрастанію въ духовной жизни.

Надобно читать и слушать Священное Писаніе какъ Слово Божіе, со всѣмъ вниманіемъ и благоговѣніемъ и съ молитвою объ его уразумѣніи. «Открый очи мои», взывалъ нѣкогда царь и пророкъ Давидъ, «и уразумѣю чудеса отъ закона Твоего... Вразуми мя, и испытаю законъ Твой» (Пс. 118, 34).

Надобно читать и слушать съ чистымъ намѣреніемъ для нашего наставленія въ вѣрѣ и побужденія къ добрымъ дѣламъ. Надобно, наконецъ, понимать его согласно съ изъясненіемъ Православной Церкви и святыхъ Отцевъ. «Мы должны вѣрить Священному Писанію безпрекословно», пишутъ Православные Патріархи восточные, «и притомъ не какъ нибудь по своему, но именно такъ, какъ изъяснила и предала оное Каѳолическая Церковь... Иначе, если бы всякій ежедневно сталъ изъяснять Писаніе по своему, то Каѳолическая Церковь не пребыла бы, по благодати Христовой, до нынѣ такою Церковію, которая, будучи единомыслена въ вѣрѣ, вѣруетъ всегда одинаково и непоколебимо, но раздѣлилась бы на безчисленныя части, подверглась бы ересямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ перестала бы быть Церковію святою, столпомъ и утвержденіемъ истины».

«Самый главный путь, которымъ отыскивается то, къ чему обязываетъ насъ долгъ, есть изученіе Боговдохновенныхъ Писаній, потому что въ нихъ находимъ мы правила дѣятельности, и въ нихъ житія блаженныхъ мужей, представленныя въ письменахъ, подобно какимъ-то одушевленнымъ картинамъ жизни по Богу, предлагаются намъ для подражанія добрымъ дѣламъ. Поэтому, въ чемъ бы кто ни сознавалъ себя недостаточнымъ, занимаясь Священнымъ Писаніемъ, въ немъ, какъ въ общей какой врачебницѣ, находитъ врачество, пригодное своему недугу».

«Изъ соблюденныхъ въ церкви догматовъ и проповѣданій нѣкоторые мы имѣемъ отъ письменнаго наставленія, а нѣкоторые пріяли отъ Апостольскаго преданія, по преемству, въ тайнѣ; тѣ и другіе имѣютъ одну и ту же силу для благочестія... Ибо ежели отважимся отвергать неписанные обычаи, какъ будто невеликую важность имѣющіе: то непримѣтно повредимъ Евангелію въ самомъ главномъ, или паче отъ проповѣди Апостольской оставимъ одно пустое имя».

«Святая Соборная Восточная Церковь — повсемѣстно и въ полнотѣ преподаетъ все то ученіе, которое должны знать люди, ученіе о вещахъ видимыхъ и невидимыхъ, небесныхъ и земныхъ; она весь родъ человѣческій приводитъ къ истинной вѣрѣ, она повсемѣстно врачуетъ и исцѣляетъ всѣ роды грѣховъ, имѣетъ въ себѣ всякій видъ совершенства, въ дѣлахъ, словахъ и всякихъ духовныхъ дарованіяхъ... Она одна во всемъ мірѣ имѣетъ безпредѣльную силу. Въ ней мы, пріемля наставленія и ведя добрую жизнь, получимъ царство небесное и наслѣдуемъ вѣчную жизнь».(Изъ тв. Вас. Великаго).

Поэтому, пользуясь Священнымъ Писаніемъ и Преданіемъ, постоянно надобно обращаться къ голосу Вселенской Церкви, въ ней искать истиннаго разума Писанія и истинныхъ Апостольскихъ преданій, и касательно вѣры, и касательно христіанской жизни.

Издаваемые нами Троицкіе Листки, составлены изъ сокровищницы: — Свято-Отеческихъ Твореній, изъ Житій Святыхъ, изъ Исторіи Христовой Церкви и Вселенскихъ Соборовъ.

Въ Троицкихъ Листкахъ помѣщены избранныя изреченія святыхъ богоносныхъ Отцевъ Восточной и нашей Отечественной Русской Церкви и избранныя повѣсти изъ Житій Святыхъ.

Внимательное чтеніе этихъ изреченій и повѣстей навѣваетъ на читателя — какъ изъ рая благоуханіе святой простоты и истиннаго служенія Богу, осѣненныхъ обильно Божественною благодатію.

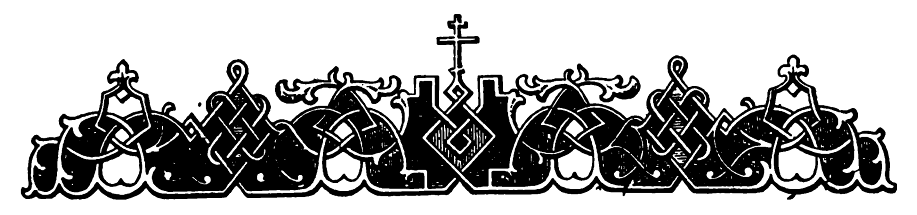
Внимательное чтеніе свято-отеческихъ наставленій направляетъ всякаго христіанина на истинный путь Богоугожденія; имъ можетъ питаться и поддерживаться мирное и молитвенное настроеніе каждаго христіанина — странника, жаждущаго воды живой.

Изреченія св. Отцевъ кратки и просты; поученя ихъ имѣютъ глубокій смыслъ и глубокое значеніе. Они драгоцѣнны, какъ точное, непорочное выраженіе воли Божіей. Возлюбленные, читайте и перечитывайте предложенное здѣсь въ Троицкихъ Листкахъ Православное ученіе; оно — присно юно, изливая въ душу читателя обильныя струи духовныхъ ощущеній.

Будемъ ежедневно воспринимать какое-либо слово утѣшенія изъ Священнаго Писанія, будемъ хранить въ нашемъ сердцѣ залогъ радостныхъ, ободряющихъ мыслей; будемъ постоянно всматриваться въ Евангеліе, взирать на свѣтлый образъ Христа, и наша душа обратится въ живой источникъ свѣта и радости. Тогда радость въ Господѣ и миръ Божій, «который превыше всякаго ума», будетъ преобладать въ нашей жизни, и мы предвкусимъ уже здѣсь на землѣ, что «блаженство въ десницѣ Его во вѣкъ» (Пс. 15, 11).

Первый выпускъ Троицкихъ Листковъ печатается вторымъ изданіемъ, нѣкоторые Листки замѣнены другимъ содержаніемъ и значительно дополнены.

Архимандритъ Пантелеимонъ.
16-го января 1954 года.

Православно — христіанское ученіе о вѣрѣ и жизни.

Христіанская вѣра есть для насъ драгоцѣннѣйшее сокровище. Вѣра христіанская просвѣщаетъ насъ, дѣлаетъ насъ непорочными и святыми, укрѣпляетъ и утѣшаетъ насъ среди бѣдъ и напастей настоящей жизни, и, по смерти вводятъ насъ въ лучшую блаженную и вѣчную жизнь.

Вѣра христіанская просвѣщаетъ насъ, удовлетворитеьно разрѣшая намъ всѣ неразрѣшимые для насъ вопросы. Она научаетъ насъ, что есть Богъ, Существо самобытное и самосущное, отъ Котораго все произошло, Которымъ содержится и Которымъ управляется все. Она объясняетъ намъ, что человѣкъ есть лучшее твореніе Божіе на землѣ, но по собственной волѣ своей, падшее, и за грѣхъ правдою Божіею осужденное на смерть. Она возвѣщаетъ намъ, что милосердый Богъ опредѣлилъ падшему человѣку Ходатая, Сына Своего возлюбленнаго, Который есть Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, искупившій насъ крестною Своею смертію отъ грѣха и смерти. Она открываетъ намъ, что въ свое время имѣетъ послѣдовать обновленіе міра, что всѣ мертвые воскреснутъ, предстанутъ на судъ, который произведетъ, по второмъ славномъ пришествіи Своемъ на зелмю, Искупитель нашъ Христосъ, и однихъ за вѣру и добрыя дѣла введетъ въ рай на вѣчное блаженство, а другихъ за невѣріе и нечестіе осудитъ на вѣчное мученіе.

Дабы намъ быть достойными будущаго блаженства и царствія, святая христіанская вѣра дѣлаетъ насъ еще въ сей жизни непорочными и святыми. Такъ она открываетъ намъ волю Божію и показуетъ намъ, какія дѣла добрыя, чтобы творить ихъ, и какія худыя, чтобы избѣгать ихъ. Такъ она научаетъ насъ служить Богу, призывать Его и прославлять Его въ общественныхъ молитвахъ. Такъ она освящаетъ насъ богоучрежденными святыми таинствами. Является ли человѣкъ въ міръ, она, въ купели крещенія, очищаетъ его отъ прародительскаго грѣха и сообщаетъ ему новую, благодатную жизнь. Преткнулся ли онъ, какъ не свободный отъ немощи, палъ ли во грѣхъ, она возставляетъ его покаяніемъ и сподобляетъ его прощенія грѣховъ и примиренія съ Богомъ. Мало этого: св. вѣра вводитъ еще человѣка въ преискреннее общеніе съ Самимъ Спасителемъ нашимъ Христомъ. Эту величайшую благодать получаетъ человѣкъ въ таинствѣ святаго причащенія, въ которомъ онъ чрезъ соединеніе со Христомъ, дѣлается причастникомъ святыни, безсмертія и вѣчной жизни.

Да можно ли описать благотворность христіанской вѣры и исчислить всѣ благодѣянія, какія доставляетъ она человѣку? Возьмите въ разсужденіе и внѣшнюю жизнь человѣка. Какихъ она исполнена бѣдъ, злоключеній и печалей! Какъ же и чѣмъ можетъ человѣкъ ободрить и укрѣпить себя во дни постигшаго его несчастія? Кто прольетъ утѣшеніе въ растерзанное сердце его? Никто. Одна вѣра христіанская можетъ это сдѣлать. Уже не малымъ облегченіемъ и успокоеніемъ въ терпѣніи нашемъ служитъ та общая истина вѣры, что всѣмъ въ мірѣ располагаетъ Богъ, что все, что ни дѣлается съ нами, имѣетъ причину и цѣль въ премудрыхъ и непостижимыхъ судьбахъ Божіихъ.

Такова святая христіанская вѣра, которую, по благодати Божіей, исповѣдуемъ мы, счастливые, братіе! О, это истинный, величайшій, неоцѣнимый даръ неба бѣдному человѣчеству! И этотъ ли даръ, это ли сокровище нѣкоторые изъ насъ, обольщаемые блестящею суетою міра, готовы мѣнять на растлѣнные обычаи и нравы?

Вѣра составляетъ необходимую нашу обязанность. Самъ Богъ возбуждаетъ и воспитываетъ ее въ родѣ человѣческомъ и Своими обѣтованіями и откровеніями, и Своими милостями и благодѣяніями, Своими угрозами, судами и наказаніями.

Къ вѣрѣ призываетъ насъ Самъ Господь. Ее требовалъ Онъ при самомъ вступленіи Своемъ въ открытое служеніе спасенію человѣковъ; ея требовалъ отъ всѣхъ во время Своего служенія на землѣ; ее завѣщалъ, какъ необходимое условіе спасенія предъ Своимъ вознесеніемъ на небо (Марк. 16, 16).

Вѣру, какъ необходимую нашу обязанность, единодушно внушаютъ намъ Св. Апостолы. **«Сія писана быша, да вѣруете яко Іисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій, и да вѣрующе живота имате во имя Его** (Іоан. 20, 31). Къ ней приводятъ насъ всѣ высшія стремленія и требованія души нашей, удовлетвореніе которымъ безъ нея невозможно. Ея требуетъ стремленіе нашего разума къ познанію истины, свойство Богооткровенныхъ истинъ спасенія и настоящее состояніе нашего разума. Ибо главный предметъ нашего знанія — Богъ невидимый и непостижимый, и «премудрость Божія, въ тайнѣ сокровенная», которая не можетъ быть обнята знаніемъ нашего разума.

Вѣра необходима и для нравственной жизни. Она служитъ началомъ и основаніемъ нравственной нашей дѣятеьности и лежитъ въ основаніи всякой добродѣтели: безъ нея мы «не можемъ угодитъ Богу» (Евр. 11, 6). Чѣмъ чище, живѣе, тверже и основательнѣе вѣра, тѣмъ совершеннѣе и нравственная дѣятельность.

Вѣры требуетъ временное наше благо и временная жизнь наша. Море жизни нашей непрестанно возмущается различными бурями. Въ самой природѣ много бываетъ самыхъ страшныхъ явленій, которыя невольно потрясаютъ душу. Сколько же превратностей и смятеній въ жизни общественной! И какъ безотрадна была бы жизнь

наша на землѣ, если бы вѣра не была нашимъ спутникомъ и руководителемъ!

Вѣра служитъ самымъ твердымъ залогомъ вѣчной жизни и спасенія, на ней основываются всѣ высшія надежды наши по смерти; вѣрующимъ принадлежатъ тѣ великія блага, которыя Богъ уготовалъ любящимъ Его въ блаженной вѣчности. Невѣрующій не можетъ участвовать въ нихъ. **«Вѣруяй въ Сына Божія имать животъ вѣчный»**, говоритъ Спаситель, **«а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ»** (Іоан. 3, 36). **«Иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ»** (Марк.16, 16).

Вѣра освящена, наконецъ, для насъ примѣромъ всѣхъ Святыхъ Божіихъ. Ею жили они и ею одушевлялись въ своихъ подвигахъ. Для ея сохраненія въ чистотѣ и цѣлости и ею подкрѣпляемые, предпринемали они изнурительные труды и подвиги, претерпѣвали различныя скорби, болѣзни и страданія и въ ней обрѣтали истинное свое благо.

Апостольскія слова: **«бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтеся, утверждайтеся»** (1 кор. 16, 13), внушаютъ намъ эту великую обязанность — всегда ненарушимо содержать православную вѣру и, подъ руководствомъ ея, постепенно болѣе усовершенствоваться въ истинномъ благочестіи и христіанскихъ добродѣтеляхъ, чтобы достигнуть вѣчной блаженной жизни въ обителяхъ небесныхъ.

Господь Спаситель Самъ научилъ этой вѣрѣ и предалъ ее Своей Церкви на всѣ времена, и Самъ Онъ показываетъ намъ, какъ необходима эта вѣра для нашего спасенія, когда говоритъ: **«вѣруяй въ Сына, имать животъ вѣчный; а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ»**. Также Господь учитъ: **«аминь, аминь, глаголю вамъ, яко слушаяй словесе Моего, и вѣруяй Пославшему Мя, имать животъ вѣчный; и на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ»** (Іоан. 5, 24).

Посылая апостловъ на проповѣдь и заповѣдуя имъ проповѣдывать евангеліе всѣмъ народамъ и крестить всѣхъ вѣрующихъ въ Него, Іисусъ Христосъ сказалъ: **«иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ; а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ»** (Марк. 16, 16).

Такъ, ученіе Іисуса Христа ясно показываетъ, что вѣра для всѣхъ необходима. Безъ вѣры невозможно угодить Богу, пишетъ апостолъ. Поэтому безъ вѣры невозможно и достигнуть спасенія. Только православная или истинная вѣра показываетъ людямъ истинный путь къ вѣчной жизни. А безъ этой вѣры человѣкъ ходитъ во тьмѣ невѣдѣнія, не знаетъ своего послѣдняго назначенія, и не можетъ найти пути ко спасенію. Безъ этой вѣры и мы скитались бы на землѣ, подобно язычникамъ, не зная ни истиннаго Бога, ни своего назначенія къ вѣчной жизни; блуждали бы по распутіямъ заблужденій и нечестія; жили бы безъ упованія.

Поэтому православная вѣра намъ необходимѣе всего, — необходимѣе всякаго другого знанія, всякаго искусства и всякаго земного блага, сколько бы полезнымъ и нужнымъ оно ни казалось намъ.

Апостолъ Павелъ говоритъ: **«вмѣняю вся тщету быти за превосходящее разумѣніе Христа Іисуса Господа моего, Его же ради всѣхъ отщетихся; и вмѣняю вся уметы быти, да Христа пріобрящу»** (Фил. 3, 8).

Для познанія Іисуса Христа, или для сохраненія вѣры въ Іисуса Христа, говоритъ апостолъ, я все почитаю за ничто, всякое другое вѣдѣніе, всякое достоинство, честь, славу, дружбу, все, что міръ любитъ и высоко цѣнитъ. Для Господа Іисуса Христа я отказался отъ всего, и все почитаю ничего незначущимъ, чтобы только пріобрѣсть Іисуса, т. е. приблизиться къ Іисусу и навсегда соединиться съ Нимъ.

Такъ же дорого цѣнили вѣру въ Іисуса Христа и другіе апостолы. Всѣ дѣла ихъ показываютъ это. Какихъ подвиговъ не совершили они для того, чтобы по всѣмъ странамъ міра возвѣстить ученіе Христово; чтобы, если можно, всѣхъ призвать къ вѣрѣ во Христа Спасителя? Какихъ скорбей, какихъ болѣзней и страданій не претерпѣли они, проповѣдуя сію божественную вѣру? И все это для того, чтобы погибавшихъ во тьмѣ невѣдѣнія и заблужденій спасти чрезъ вѣру въ Іисуса Христа, и чтобы самимъ пребыть вѣрными Христу до смерти, и получить, по обѣтованію Господа, **«вѣнецъ живота»** (Апок. 2, 10).

Вспомнимъ при этомъ, какое было множество мучениковъ и исповѣдниковъ въ первыя времена христіансва! Для чего терпѣли они тяжкія болѣзни и страданія, и охотно подвергались смерти? Для того, чтобы сохранить вѣру въ Іисуса Христа, и чрезъ то получить вѣчную жизнь въ обителяхъ Отца небеснаго. Вспомнимъ соборы древнихъ пастырей и учителей церкви, преемствовавшихъ апостоламъ въ подвигахъ евангельской проповѣди .

Братіе! такъ и мы должны дорожить православною вѣрою, и болѣе всего заботиться о томъ, чтобы намъ твердо и непоколебимо всегда пребывать въ православной вѣрѣ; должны бояться всякихъ заблужденій невѣрія и безпечности о вѣрѣ; должны мужественно преодолѣвать искушенія и соблазны, возстающіе противъ вѣры, и всегда ревностно повиноваться правиламъ и уставамъ Святой Православной Церкви.

Итакъ, братіе, внимая словамъ Духа Божія, вѣщающаго чрезъ апостола, **«бодрствуйте, стойте въ святой православной вѣрѣ, мужайтеся, утверждайтеся»** такъ, чтобы всегда жить по вѣрѣ, повинуясь руководству Св. Церкви, **«яже есть»**, какъ учитъ апостолъ, **«Церковь Бога жива, столпъ и утвержденіе истины»** (1 Тим. 3, 5).

Троицкіе Листки. № 1.

Необходимость вѣры и добрыхъ дѣлъ.

Православный христіанинъ! храни святую соборную и апостольскую вѣру, какъ величайшее сокровище, которымъ пріобрѣтается вѣчная блаженная жизнь; питай и оживляй ее въ своей душѣ во всякое время, благоговѣйно размышляя о Богѣ и дѣлахъ Его, о Христѣ Спасителѣ и о спасеніи чрезъ вѣру въ Него.

Вѣруй, что Богъ есть Духъ всесовершеный, — вѣчный, независимый, вездѣприсущій, всевѣдущій, всемогущій, премудрый, преблагій, всесвятый, всеправедный и всеблаженный.

Вѣруй, что Богъ — единъ по существу и троиченъ въ Лицахъ: Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, Троица единосущная и нераздѣльная. Отецъ не рождается и не исходитъ отъ дугого лица; Сынъ предвѣчно рождается отъ Отца; Духъ Святый предвѣчно исходитъ отъ Отца.

Вѣруй, что всѣ три Божескія лица или ѵпостаси, по Божескимъ совершенствамъ и безпредѣльному величію, власти и славѣ, равны между собою: Отецъ есть истинный всесовершенный Богъ, и Сынъ есть истинный всесовершенный Богъ, и Духъ Святый есть истинный всесовершенный Богъ.

Вѣруй, что вѣчный тріѵпостасный Богъ сотворилъ изъ ничего весь міръ, небо и землю, ангеловъ и человѣковъ, и весь міръ, видимый и невидимый, содержитъ въ бытіи и управляетъ имъ.

Вѣруй, что Сынъ Божій, Іисусъ Христосъ, для нашего спасенія, сошелъ съ небесъ на землю и воплотился отъ Святаго Духа и Дѣвы Маріи, такъ что, будучи Богомъ отъ вѣчности, воспринялъ наше человѣчество — душу и тѣло, и есть истинный Богъ и истинный человѣкъ, или Богочеловѣкъ, въ одномъ Божескомъ Лицѣ соединивъ два естества, Божеское и человѣчекое, непреложно, нераздѣльно, неизмѣнно и несліянно.

Пребывая на землѣ, Онъ Своимъ ученіемъ, примѣромъ и чудесами просвѣтилъ міръ; Своими молитвами къ Отцу, совершеннымъ исполненіемъ воли Его, страданіями и крестною смертію искупилъ человѣковъ отъ грѣха, проклятія и вѣчной смерти; Своимъ воскресеніемъ изъ мертвыхъ и вознесеніемъ на небо открылъ челевѣкомъ путь къ вѣчному блаженству.

Вѣруй, что Іисусъ Христосъ на землѣ создалъ Церковь для спасенія всѣхъ вѣрующихъ въ Него. Эта Церковь, по обѣтованію Господа Спасителя, пребудетъ неедолимою отъ враговъ ея до скончанія міра. Эта Церковь есть единая, святая, соборная или вселенская и апостольская. Этой Церкви даровалъ Господь пастырей, Свое ученіе и седмь спасительныхъ таинствъ. По вознесеніи на небо Господь ниспослалъ на апостоловъ и на всѣхъ вѣрующихъ въ Него, Всесвятаго Духа Утѣшителя, дабы Онъ всегда пребывалъ въ Церкви.

Вѣруй, что Духъ Святый, какъ отъ начала міра вмѣстѣ съ Отцемъ и Сыномъ даетъ тварямъ бытіе и жизнь и всѣмъ управляетъ, и какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ говорилъ чрезъ пророковъ, такъ всегда дѣйствуетъ и въ Христовой Церкви, чрезъ Слово Божіе и спасительныя таинства, сообщая вѣрующимъ различные благодатные дары, необходимые для ихъ спасенія.

Вѣруй, что Іисусъ Христосъ, при скончаніи міра, пріидетъ на землю въ славѣ, сопутствуемый ликами ангельскими. Тогда всѣ, по гласу Его, воскреснутъ изъ мертвыхъ и предстанутъ на судъ Его, **«да приметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла»** (2 Кор. 5, 10); и, по совершеніи послѣдняго суда, идутъ непокаявшіеся грѣшники въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный (Матѳ. 25, 46).

Пріемли съ вѣрою и ненарушимо храни предлагаемыя тебѣ въ Церкви Священное Писаніе и Священныя Преданія, всѣ церковныя правила и постановленія, какъ-то: о почитаніи Преблагословенной Дѣвы Маріи Богородицы, Св. Ангеловъ, Апостоловъ, Пророковъ и Всѣхъ Святыхъ; о чествованіи св. иконъ и мощей, о поминовеніи усопшихъ, о соблюденіи постовъ. Свято храни эти и другіе завѣты Святой Вселенской Церкви Христовой, какъ свойственно вѣрному сыну Ея.

Вотъ краткое изложеніе святой вѣры, которую благоговѣйно долженъ всегда хранить и питать въ своей душѣ каждый православный христіанинъ. Эта вѣра единая, святая, апостльская, вселенская.

На этой вѣрѣ утверждена Церковь Христова, и ею будетъ держаться непоколебимо до скончанія міра, какъ обѣщалъ ея Глава Господь Іисусъ, говоря: **«созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ Ей»** (Матѳ. 16, 18).

Эту вѣру, православный христіанинъ, храни какъ священное и дражайшее наслѣдіе, преданное тебѣ отъ твоихъ православныхъ отцевъ и праотцевъ.

Эту вѣру свято храни, какъ единое истинное основаніе твоего благочестія и добродѣтельной жизни въ Іисусѣ Христѣ, и какъ вѣрный залогъ твоего спасенія, — твоего истиннаго счастія на землѣ и вѣчнаго блаженства на небѣ.

Эту вѣру вы, родители и попечители дѣтей, болѣе всего должны внушать своимъ дѣтямъ или воспитанникамъ, съ раннихъ лѣтъ укоренять въ душахъ ихъ, своимъ словомъ и примѣромъ питать и совершенсвовать ее въ нихъ, во всякое время, и охранять отъ всякихъ ложныхъ мнѣній и заблужденій, противныхъ ученію православной церкви.

Эту вѣру всѣ православные христіане, какъ члены одного тѣла — Церкви Христовой, должны поддерживать одинъ въ другомъ, какъ родные братья одного семейства Божія, другъ друга охраняя отъ уклоненій на распутія, отъ невѣрія или маловѣрія, отъ нерадѣнія и безпечноси о своемъ спасеніи, отъ пагубныхъ суевѣрій и рас-

коловъ, расторгающихъ союзъ членовъ Церкви между собою и единымъ Главою ея Господомъ Іисусомъ, и многоразлично развращающихъ человѣка.

«Всѣ мы» говоритъ святитель Иннокентій, «кто бы ни были есть существа падшія, кои, бывъ созданы невинными, украшены образомъ Божіимъ, поставлены въ раи сладости, предназначены къ безсмертію и блаженству вѣчному, неумѣли стоять на высотѣ богоподобія, послушались совѣта змѣинаго, низверглись произвольно въ бездну преслушанія и грѣха, разбились въ прахъ и потеряли все, что имѣли и могли имѣть.

Для возстановленія насъ отъ сего ужаснаго паденія, изъ бездны грѣха и тлѣнія, сошелъ на землю Самъ Сынъ Божій; облекся нашею плотію, жилъ подобно намъ, претерпѣлъ всѣ роды бѣдности и поношеній, умеръ за насъ на крестѣ, сошелъ во адъ, и потомъ, воскресши изъ мертвыхъ, вознесся на небо, дабы со престола славы управлять всѣмъ міромъ къ нашему спасенію.

Сей возлюбленный Искупитель нашъ, вознесшись на небо, послалъ намъ вмѣсто Себя Иного Утѣшителя, Духа Пресвятаго, дабы Онъ пребывалъ съ нами во вѣкъ, наставлялъ насъ на всякую истину, утѣшалъ насъ во всякой скорби.

Сей Всеблагій Духъ просвѣщаетъ насъ въ пророкахъ и апостолахъ, освящаетъ и врачуетъ въ таинствахъ церкви; Онъ обитаетъ благодатію Своею въ каждой душѣ, которая не изгоняетъ Его изъ себя своею нечистотою и нераскаянностію.

У всѣхъ насъ есть общая, Самимъ Богомъ данная Матерь — Церковь Христова, которая отрождаетъ всѣхъ насъ водою и духомъ въ тинствѣ крещенія, питаетъ всѣхъ насъ Словомъ Божіимъ и Тѣломъ и Кровію Христовою въ таинствѣ причащенія, врачуетъ душу и совѣсть въ покаяніи и исповѣди, сопровождаетъ насъ въ самыя двери гроба разрѣшеніемъ и молитвами своими: связанное или разрѣшенное служителями ея , связуется или разрѣшается въ то же время на небѣ, и всякъ, противящійся святымъ уставамъ церкви, по сему самому, есть хуже мытаря и язычника.

Всѣ мы на землѣ на краткое время, всѣхъ насъ ожидаетъ смерть и судъ; настанетъ время, когда все видимое прейдетъ, всѣ умершіе возстанутъ, дабы воспріять по дѣламъ своимъ, и тогда истинно покаявшіеся получатъ блаженство нескончаемое, а не раскаянные грѣшники подвергнутся вѣчнымъ мукамъ во адѣ».

«Исповѣдую», говоритъ преосвященный Ѳеофанъ, бывшій епископъ тамбовскій, что Богъ, единый по существу, есть троиченъ въ Лицахъ — Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, и что Сіи Три не имена суть одного и того же лица, и не названія разныхъ дѣйствій того же лица, но Три Ѵпостаси Единаго Божества.

Исповѣдаю, что Сей Трivпостасный Богъ всесовершенный, по свободной волѣ Своей, безъ всякой внутренней или внѣшней какой нибудь необходимости, въ 6 дней, единымъ словомъ сотворилъ мiръ сей, не изливаясь въ мiръ и не сливаясь съ нимъ, а пребывая въ Себѣ цѣлымъ и неизмѣннымъ, хотя вездѣсущъ есть и все исполняетъ.

Исповѣдую, что всеблагiй Богъ, сотворилъ мiръ, не оставилъ его на произволъ судьбы и не оковалъ узами неумолимой какой-нибудь необходимости, какъ учитъ невѣрiе и суемудрiе. А съ тою же свободою и властью, съ какою сотворилъ его, съ тою же и правитъ имъ, и благостынно печется о всякой твари, паче же разумной, все свободно направляя къ благимъ цѣлямъ Своимъ, не стѣсняясь законами естества, которые сами суть не что иное, какъ выраженiе Его же воли, по тому всецѣло подлежитъ Его свободному распряженiю и измѣненiю тамъ, гдѣ сего требуетъ Его безпредѣльная премудрость.

Исповѣдую, что мы, будучи сотворены для всегдашняго общенiя съ Богомъ и неизмѣннаго въ Немъ блаженства, въ прародителяхъ нашихъ, нарушенiемъ Его заповѣди, отпали отъ Него, навлекли на себя праведный гнѣвъ Его, и подпали временному наказанiю и вѣчному осужденiю, и что всякое видимое и испытываемое нами зло внутреннее или внѣшнее, не есть естественное наше состоянiе, или слѣдствiе нашей ограниченности, а есть прямый плодъ грѣха, — наказанiе, только милостiю Божiею обращаемое въ очистительное намъ орудiе, подъ условiемъ вѣры, покаянiя и смиренной покорноси волѣ Божiей».

Велико, братiе, достоинство православiя, счастлива доля христiанъ православныхъ. Соблюдающiй православiе есть истинный сынъ Христовой церкви; онъ на вѣрномъ пути спасенiя, ему доступны, для него открыты всѣ источники благодати, его несомнѣнное достоянiе — блаженная вѣчность, только бы онъ твердо держался этого пути и неуклонно шелъ по нему къ извѣстной своей цѣли.

Благодаренiе Спасителю нашему Богу, братiе! И мы, по милосердiю Его, на этомъ пути, въ Православной Церкви Христовой, при обильныхъ источникахъ спасенiя, съ несомнѣнною надеждою на будущее блаженство и царство Великъ, какъ видите, даръ благодати Божiей намъ недостойнымъ. Многочестно званiе, которое носимъ, и состоянiе, въ которомъ по вѣрѣ нашей находимся.

Послушаемъ, что говоритъ апостолъ истинно, православно вѣрующимъ: **«вы родъ избранъ, царское священiе, языкъ святъ, люди обновленiя»** (1 Петр. 2, 9). Вотъ въ какомъ величiи представляетъ онъ вѣрующихъ! Послушаемъ же и того, къ чему онъ затѣмъ побуждаетъ вѣрующихъ и чего ожидаетъ отъ вѣрующихъ. **«Потщитеся»**, говоритъ, **«извѣстно ваше званiе и избранiе творити»** (2 Пет. 1, 10). Вотъ, братiе, не напрасно же мы должны носить званiе православныхъ христiанъ, не тщетно же пользоваться такимъ великимъ

даромъ милосердія Божія. Надо, непремѣнно надо оправдывать свое священное званіе и избраніе, надо быть истинными православными христіанами. Надо дорого цѣнить и крѣпко блюсти свое православіе. Чѣмъ драгоцѣннѣе сокровище, тѣмъ больше надо имѣть заботы, чтобы сохранить, а не потерять его.

Что же намъ должно дѣлать? Должны твердо стоять въ православной вѣрѣ, и благочестивымъ образомъ жизни свидѣтельствовать и оправдывать свою вѣру.

Должно намъ твердо стоять въ православной вѣрѣ. Къ этому именно убѣждаетъ апостолъ всѣхъ вѣрующихъ, когда говоритъ: **«бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтеся»** (1 Кор. 16, 13). Господь избралъ насъ отъ чрева матери нашея, Господь призвалъ насъ, Господь ввелъ насъ въ Святую Церковь Свою, Господь возродилъ насъ свѣтомъ Своего божественнаго Слова, Господь научилъ насъ истинной вѣрѣ въ Него, Господь далъ намъ пастырей и руководителей къ вѣчному животу: неужели мы вотще пріяли такую великую благодать отъ Бога? Не должны ли мы оправдывать на себѣ избраніе Божіе и стараться быть истинными и вѣрными сынами православной Церкви?

«Бодрствуйте», говоритъ апостолъ. Поэтому мы должны быть внимательными къ себѣ, заботливыми о своемъ спасеніи, разумными въ своемъ вѣрованіи, тщательными въ сохраненіи своего православія. Иначе безъ пользы мы будемъ величать себя православными, а невнимательностію еще можемъ причинить и ущербъ своему православію. И сокровище тогда имѣетъ цѣну, когда знаютъ достоинство его и берегутъ его, а безъ должнаго охраненія оно можетъ и совсѣмъ утратиться.

«Стойте въ вѣрѣ», продолжаетъ апостолъ. Стоять значитъ не колебаться и не перемѣнять своего положенія. Таково должно быть наше исповѣданіе вѣры. Мы должны неколеблемо и неизмѣняемо вѣровать, должны вѣровать такъ, какъ вѣруетъ и учитъ вѣровать Православная Церковь, отнюдь не примѣшивая ничего отъ человѣческаго мудрованія и произвола.

Всякое, великое или малое, измѣненіе въ вѣрѣ, есть уже отступленіе отъ истинной вѣры, и позволяющій себѣ такое измѣненіе, или соизволяющій такому измѣненію, есть уже не хранитель вѣры, а отступникъ отъ вѣры. Для сего именно Вселенская Церковь составила **исповѣданіе православной вѣры**, какъ образецъ истиннаго вѣрованія, предала въ руководство вѣрующимъ и заповѣдала содержать его твердо и неизмѣнно.

Въ этомъ духѣ увѣщевали вѣрующихъ еще святые апостолы. «Братіе», говорилъ одинъ изъ нихъ, **«стойте, и держите преданія, имже научистеся или словомъ, или посланіемъ нашимъ»** (2 Сол. 2, 15). И въ такомъ исповѣданіи вѣры мы должны пребывать **неколеблемо до конца жизни, да не отпаднемъ отъ благодати Божіей,**

но да **«дерзновеніе и похвалу упованія даже до конца извѣстно удержимъ»** (Евр. 3, 6).

Должно намъ благочестивымъ образомъ жизни свидѣтельствовать и оправдывать свою вѣру. Да, христіане, и особенно православные, непремѣнно должны быть благочестивы и добродѣтельны, жить не такъ, какъ всегда хочетъ наша страстная плоть, какъ часто предписываетъ намъ лукавый міръ, а такъ, какъ повелѣваетъ Богъ, заповѣдуетъ Святая Церковь и требуетъ законъ христіанскій, чтобы не только имѣть оправданіе предъ Богомъ, но и служить примѣромъ благочестія для другихъ. **«Тако»**, сказалъ Господь послѣдователямъ Своимъ, **«тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрыя дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ»** (Матѳ. 5, 16).

Вообще, братіе, требуется отъ вѣрующихъ непорочная, благочестивая, христіанская жизнь. Она служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ вѣры и дѣйствительнымъ утвержденіемъ въ вѣрѣ. Неужели мы останемся при одной вѣрѣ, будемъ только хвалиться своимъ православіемъ? Вѣдь не спасетъ насъ одна вѣра, хотя и православная, ежели мы не будемъ имѣть дѣлъ сообразныхъ съ вѣрою, а паче ежели будемъ имѣть дѣла, противныя вѣрѣ. **«Вѣра безъ дѣлъ мертва есть»** (Іак. 2, 26), говоритъ апостолъ. Какая же польза отъ мертвой вѣры? Не все ли это равно, какъ и не имѣть вѣры?

Мы — христіане православные: слѣдовательно тѣмъ ревностнѣе должны быть къ Святой Церкви, тѣмъ точнѣе исполнять христіанскія обязанности, тѣмъ болѣе свидѣтельствовать о достоинствѣ свей вѣры.

Вѣра и добрыя дѣла, какъ условіе вѣчааго спасенія.

Въ катихизисѣ Православной Церкви излагается ученіе о томъ, какъ угодить Богу и спасти душу свою. Для этого необходима вѣра правая и добрыя дѣла. Относительно нравственнаго, практически жизненнаго значенія вѣры и добрыхъ дѣлъ въ дѣлѣ спасенія, среди насъ, братіе, господствуютъ неопредѣленныя, смутныя, а иногда и ложныя понятія. То слишкомъ возвышается вѣра на счетъ добрыхъ дѣлъ, то добрыя дѣла въ ущербъ вѣрѣ. Это свидѣтельствуетъ о недостаткѣ живого пониманія ученія слова Божія объ этомъ предметѣ. Ученіе это съ особенностію изложено апостоломъ Іаковомъ.

«Что пользы, братія мои,» говоритъ онъ, «если кто говоритъ, что онъ имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ? можетъ ли эта вѣра спасти его? Если братъ или сестра наги и лишены дневнаго пропитанія, а кто нибудь изъ васъ скажетъ имъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и питаѣтесь; не дастъ имъ потребного для тѣла: что пользы? Такъ и вѣра, если не имѣетъ дѣлъ, мертва сама по себѣ. Но скажетъ кто-нибудь: ты имѣешь вѣру, а я имѣю дѣла: покажи мнѣ вѣру твою безъ дѣлъ твоихъ, а я покажу тебѣ вѣру мою отъ дѣлъ моихъ. Ты вѣруешь, что Богъ одинъ, хорошо дѣлаешь; и бѣсы вѣруютъ, и трепещутъ.

Но хочешь ли знать, неосновательный человѣкъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва? Не дѣлами ли оправдался Авраамъ, отецъ нашъ, возложивъ Исаака, сына своего, на жертвенникъ? Видишь ли, что вѣра содѣйствовала дѣламъ его, и дѣлами вѣра достигла совершенства? И исполнилось слово писанія: вѣровалъ Авраамъ Богу, и сіе вмѣнилось ему въ праведность и онъ нареченъ другомъ Божіимъ. Видите ли, что человѣкъ оправдывается дѣлами, а не вѣрою только? Подобно и Раавъ блудница не дѣлами ли оправдалась, принявъ соглядатаевъ, и отпустивъ ихъ другимъ путемъ? Ибо какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва» (Іак. 2, 14—26).

Для спасенія недостаточно одной вѣры, холодной и мертвой. Спасаетъ насъ вѣра только живая, — выражающаяся въ нравственно-добрыхъ дѣлахъ; послѣднія должны быть разсматриваемы не какъ простыя свидѣтельства нашей вѣры, но какъ непосредственное ея выраженіе, какъ живые дѣйствительные плоды вѣры; въ этомъ смыслѣ они должны имѣть цѣну сами по себѣ, какъ и увѣряетъ насъ Спаситель: «всякій воспріиметъ, что онъ сдѣлалъ съ своимъ тѣломъ, добро или зло». Гдѣ нѣтъ добрыхъ дѣлъ христіанскихъ, тамъ, безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ и истинной христіанской вѣры; и наоборотъ, гдѣ является истинная христіанская жизнь, тамъ необходимо предполагается истинная христіанская вѣра.

Истинная вѣра въ Бога необходимо обнаруживается въ дѣлахъ; ибо **«вѣра безъ дѣлъ мертва есть»**, учитъ апостолъ (Іак. 2, 20); а такое необходимое дѣло живой и спасительной вѣры въ Бога есть исповѣданіе сей вѣры.

Что значитъ исповѣдывать православную вѣру? — Исповѣдывать правславную вѣру значитъ съ благоговѣніемъ предъ Богомъ объявлять свою православную вѣру предъ другими, христіанами и не христіанами, словами и дѣлами, и безъ страха показывать, что мы содержимъ православную вѣру, говорить, когда нужно, и поступать во всемъ согласно съ ученіемъ православной вѣры, и если этого будетъ требовать вѣрность Господу Богу, дѣлать это съ непоколебимою твердостію, не смотря ни на какія къ тому припятствія, хотя бы надлежало перенести разныя оскорбленія, угрозы, мученія и самую смерть.

Исповѣданіе вѣры есть необходимое обнаруженіе глубокаго убѣжденія въ святости вѣры и всецѣлой преданности сей вѣрѣ: потому что мы должны прославлять Бога всѣмъ существомъ своимъ, не только душею, но и тѣломъ, не только внутренно, но и внѣшно. Апостолъ Павелъ говоритъ: **«куплены бо есте цѣною: прославляйте убо Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ, и въ душахъ вашихъ, яже суть Божія»** (1 Кор. 6, 20). Мы всецѣло искуплены цѣною Крови Христовой; потому должны служить Богу всѣмъ существомъ нашимъ и всѣми дѣлами должны прославлять имя Божіе. Тотъ же апостолъ говоритъ: **«аще исповѣси усты твоими Господа Іисуса, и вѣруеши въ сердцѣ**

твоемъ, яко Богъ Того воздвиже изъ мертвыхъ, спасешися. Сердцемъ бо вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе» (Рм. 10, 9).

«Если ты будешь устами своими признавать Іисуса Господомъ, а сердцемъ своимъ вѣровать, что Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ, то спасешься. Поелику сердцемъ вѣруется къ праведности, а устами исповѣдуютъ ко спасенію». Какъ сердце и уста должны совокупно прославлять Господа, такъ вѣра и исповѣданіе, праведность и спасеніе чрезъ вѣру во Христа Спасителя нераздѣльны между собою. Кто въ благопріятное время вѣруетъ, а во время опасности, или скорби, или страданія за вѣру отрекается отъ вѣры: тотъ не имѣетъ истинной, крѣпкой вѣры въ Бога и въ будущую блаженную жизнь, тотъ не достигнетъ праведности и спасенія.

Православіе, православная вѣра и Церковь, какъ солнце сіяютъ въ поднебесной, и могутъ спасти всякаго человѣка, исповѣдающаго православную вѣру, и принадлежащаго къ Православной Церкви.

Православіе — во всей чистоте небесная истина на землѣ, неповрежденная человѣческимъ мудрованіемъ, превратнымъ, ложнымъ, душепагубнымъ.

Христианская вѣра дала огромный толчекъ мысли человѣка, освѣтила дивнымъ свѣтомъ всю область мысли и повела его къ всестороннимъ различнымъ открытіямъ въ области наукъ. Истинно Слово Божіе, «что людіе, сѣдящіе во тьмѣ, видѣша свѣтъ велій и сѣдящимъ въ странѣ и сѣни смертной свѣтъ возсія имъ (Мѳ. 4, 16).

Вѣра Христова православня! Сколько въ тебѣ открыто благъ неизреченныхъ! Какъ ты обновляешь нашу душу и самое тѣло чрезъ вѣру и надежду, чрезъ покаяніе, молитву и особенно чрезъ животворящую тайну причащенія! Какая божественная жизнь! Какія чудныя дѣйства Духа Животворящаго! Немощные — мы врачуемся; мертвые — оживотворяемся; связанные пленицами грѣховъ — разрѣшаемся; плѣнные — освобождаемся; въ печали — утѣшаемся; въ скорбяхъ — врачуемся и радуемся; въ бѣдахъ и опасностяхъ — избавляемся отъ нихъ; въ болѣзняхъ — исцѣляемся. Сколько въ тебѣ благъ, вѣра святая, Православня! Какая ты богатая сокровищница божественная! Какая неистощимая житница! Какой источникъ живой воды Духа Святаго! Какое свѣтозарное солнце всѣмъ, во маркѣ житейской ночи ходящимъ! Какой отъ тебя источникъ благоуханія, святыни, нетлѣнія! Какая чудная ты соль земли, — для насъ земныхъ человѣковъ, гнилостью грѣха зараженныхъ до костей и мозговъ!

Благодаримъ Господа за такое небесное, святое, жизненное сокровище! Научи насъ всѣхъ, Владыко, жить достойно такой вѣры, такого упованія! Вложи, Господи, закваску вѣры Твоей, благодати Твоей въ сердца людей Твоихъ, и «три мѣры муки вкиснутъ всецѣло» (Матѳ. 13, 33), три силы души. (Изъ твореній св. Отцевъ).

Изъ области таинственнаго.

Свидѣтельство умершихъ о безсмертіи души и загробной жизни.

Въ 1864 году лѣтомъ прибылъ къ намъ въ село молодой человѣкъ, лѣтъ 25-ти, разсказываетъ одинъ приходскій священникъ, и поселился въ чистенькомъ домикѣ. Этотъ господинъ сначала никуда не выходилъ, а недѣли черезъ двѣ я увидѣлъ его въ церкви. Не смотря на молодыя лѣта лицо его было помято, морщины кое-гдѣ легли цѣлыми складками и невольно говорили, что не безъ бурь и потрясеній прошло его юношество. Онъ сталъ часто посѣщать нашу церковь и не только въ праздники, но и въ будни можно было его видѣть молящимся гдѣ-нибудь въ углу, при слабомъ мерцаніи лампадки. Онъ всегда приходилъ рано, уходилъ позднѣе всѣхъ, и каждый разъ съ какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ цѣловалъ крестъ.

Вотъ что передалъ о себѣ этотъ молодой человѣкъ. Отецъ мой былъ мелко-помѣстный помѣщикъ въ Я-ской губерніи Д. уѣзда; принадлежала ему одна деревенька. Тихо, плавно текла моя жизнь и я былъ примѣрный ребенокъ. Но вотъ мнѣ исполнилось десять лѣтъ, и я поступилъ въ одно изъ среднеучебныхъ свѣтскихъ заведеній. Тяжело мнѣ было привыкать къ новой жизни: въ заведеніи я уже не слышалъ болѣе того теплаго, истинно религіознаго наставленія, какое мнѣ давали дома на каждомъ шагу. Сначала я былъ религіозенъ и часто молился, но эта молитва была нерѣдко причиной насмѣшекъ моихъ товарищей. Всѣ воспитанники этого заведенія безъ надзора родителей были страшными кощунами, и ихъ язвительныя насмѣшки сыпались градомъ на мою голову за мою религіозность. Поддержки у меня не было и моя охота къ молитвѣ слабѣла съ каждымъ днемъ, сначала потому, что я стыдился товарищей, а потомъ опущеніе молитвы обратилось уже мнѣ въ привычку; я присталъ къ моимъ товарищамъ, и молитва уже болѣе никогда не приходила мнѣ на умъ. Бесѣды и разговоры наши были самые грязные, богопротивные. Насмѣшки надъ священнымъ писаніемъ, надъ богослуженіемъ, надъ усердіемъ и религіозностью нѣкоторыхъ священниковъ и простого народа, — вотъ что было постояннымъ предметомъ нашихъ разговоровъ. Сначала меня коробило отъ всего этого; потомъ время и общество притупили во мнѣ и это послѣднее проявленіе добраго, остатокъ домашняго воспитанія. Но всетаки,

какъ я ни опошлился въ этой средѣ, во мнѣ было сознаніе того, что я грѣшу передъ Богомъ; а между тѣмъ я продолжалъ дѣлать тоже, что и товарищи. Время шло; я перешелъ въ послѣдній классъ и тутъ-то окончательно совершилось мое паденіе, и прежнія насмѣшки надъ священными обрядами и религіозностью людей перешли въ полное осмѣяніе всей Божественной религіи. Я сдѣлался отъявленнымъ матеріалистомъ. Бытіе Бога, безсмертіе души, будущая загробаая жизнь — все это я считалъ порожденіемъ фантазіи и зло смѣялся надъ всѣмъ. Крестъ — это орудіе нашего спасенія, я сбросилъ съ себя и съ какимъ-то презрѣніемъ посмотрѣлъ на него Когда я стоялъ въ церкви по приказанію начальства, какъ я издѣвался, какъ смѣялся надъ отправленіемъ Божественной службы. Когда наступали постные дни, я нарочно старался поѣсть скоромнаго, чтобы показать полное презрѣніе къ церковнымъ постановленіямъ. Святыя иконы, житія святыхъ, были главными предметами моихъ насмѣщекъ. Всегда предъ принятіемъ св. таинъ, я старался хоть чего-нибудь поѣсть и потомъ уже шелъ къ причастію. Однимъ словомъ, въ эту пору я былъ какимъ-то извергомъ, а не человѣкомъ.

Но вотъ наступило время выхода моего изъ заведенія, и тутъ-то я ринулся со всей силой въ бездну погибели, и много, много я увлекъ за собой чистыхъ, невинныхъ душъ!

Въ одинъ годъ померли отъ холеры мои добрые родители и ихъ теплая молитва предъ престоломъ Всевышняго, должно быть, повела къ исправленію заблудшаго ихъ сына. По полученіи извѣстія о ихъ смерти, я отправился въ село къ нимъ на могилу. Странно: какъ я ни опошлѣлъ, какъ ни смѣялся надъ всѣми святыми чувствами человѣка, все-таки привязанность къ родителямъ осталась, и холодный развратный умъ уступилъ голосу сердца — желанію побывать на могилѣ, и не осмѣялъ его. Это я приписываю особенному дѣйствію Промысла Божія, потому что эта поѣздка на родину была началомъ моего исправленія. Пріѣхавши въ родное село, я спросилъ церковнаго сторожа, гдѣ могила такихъ-то и не думая перекреститься на церковь, отправился къ указанному мѣсту

Вотъ уже могила отъ меня шагахъ въ десяти, вотъ ужъ я вижу и свѣжую насыпь, но... вдругъ потемнѣло у меня въ глазахъ, дыханіе захватило, голова закружилась, и я упалъ безъ памяти на землю. Не знаю, что со мной тутъ было, только я пришелъ въ сознаніе ужъ въ квартирѣ, нанятой моимъ слугою у одн... крестьянина. Изъ разсказовъ его я узналъ, что всѣ

окружавшіе меня думали, что со мною ударъ, потому что я былъ безъ памяти, съ багровымъ лицомъ и пѣной у рта. На другой день я всталъ однако совершенно здоровый и, какъ ни ломалъ голову, не могъ объяснить себѣ, отчего со мною сдѣлался такой припадокъ. Потомъ я опять въ тѣ же часы дня отправился на могилу: но каково мое было удивленіе, когда и въ этотъ разъ случилось со мной тоже, что вчера. Думая, что меня постигла падучая болѣзнь, періодически возвращающаяся въ извѣстные часы дня, я на третій день остался дома, и припадка не было. Но когда я пошелъ на четвертый день, и сталъ только приближаться къ могилѣ, прежній припадокъ снова повторился. Вставши утромъ на другой день, я встрѣтилъ своего слугу какимъ-то испуганнымъ, боящимся меня. Послѣ я узналъ, что онъ тутъ же порѣшилъ, что въ этихъ припадкахъ что-нибудь не доброе, и что я должно быть слишкомъ грѣшенъ, коли Господь не допускаетъ меня до могилы родителей. Счастливѣе меня онъ былъ тогда: у него была вѣра въ Промыслъ, вѣра въ Бога, а я былъ жалкій человѣкъ, и не хотѣлъ признавать во всемъ этомъ перста Божія. Впрочемъ, меня довольно озадачили эти странные припадки, и я послалъ на ближайшую станцію за докторомъ. Докторъ обѣщался прибыть на другой день и, въ ожиданіи его, я уснулъ часовъ въ 12 ночи. Утромъ я проснулся рано, и Боже мой! страшно вспомнить: я не могъ пошевелиться, языкъ не повиновался; я лежалъ весь разслабленный, тѣло мое было все въ огнѣ, губы высохли, я чувствовалъ страшную жажду и окончательно упалъ духомъ.

Явился докторъ, осмотрѣлъ меня и далъ лекарство. Началось леченіе . . . Сначала докторъ прописывалъ мнѣ лекарства безъ затрудненія, но потомъ долго, долго иногда просиживалъ около меня, кусая губы, и однажды послѣ шестинедѣльнаго леченья, написалъ мнѣ на бумагѣ: "Имѣя дѣло съ мужчиной, я всегда открыто говорю о его болѣзни, какъ бы она ни была опасна; ваша болѣзнь необъяснима, не смотря на мои усилія понять ее; поэтому, не предвидя успѣха отъ трудовъ моихъ, я оставляю васъ ждать, когда она сама собой откроется". Каковъ же былъ мой ужасъ, когда меня оставляла человѣческая помощь, на которую я только и надѣялся! У другого есть надежда на высшую помощь, но ее отвергъ мой развращенный умъ. Съ каждымъ днемъ болѣзнь моя усиливалась и осложнялась: на тѣлѣ появились прыщи, которые перешли въ гнойныя раны, отъ нихъ несся смрадный запахъ, я не зналъ, что и дѣлать. Цѣлыя ночи я не спалъ и не находилъ себѣ покоя.

Но вотъ однажды, только что я сталъ засыпать, вдругъ чувствую въ своей рукѣ чужую руку. Я вздрогнулъ, раскрылъ глаза и — Боже мой! Передо мною стояла моя мать. Я не могъ вообразить, какимъ образомъ она очутилась передо мною... Да вѣдь она умерла, подумалъ я, какъ же она явилась мнѣ? А между тѣмъ сердце билось во мнѣ. Мать моя была вся въ бѣломъ, и только въ одномъ мѣстѣ виднѣлось черное пятно; лицо ея было сумрачно, и она была вся въ какомъ-то полумракѣ. "Я твоя мать, начала она: твои беззаконія и твоя распутная жизнь, полная невѣрія и безбожія дошли до Господа, и Онъ хотѣлъ истрѣбить тебя, стереть съ лица земли. Ты не только погубилъ себя, но даже запятналъ и насъ, и это черное пятно на моей душѣ — твои тяжкіе грѣхи. Господь, говорю, хотѣлъ поразить тебя, но отецъ твой и я молились передъ престоломъ Всевышняго о тебѣ, и Онъ захотѣлъ обратить тебя къ Себѣ не милостію, потому что ты этого не могъ понять, а строгостію. Онъ зналъ, что одна могила наша для тебя дорога здѣсь, и потому не допустилъ тебя къ ней, поражая сверхестественною болѣзнью, дабы ты призналъ надъ собою высшую силу, тобой отвергнутую, но ты не обратился. Потомъ Господь послалъ меня къ тебѣ — это послѣднее средство для твоего исправленія. Ты не признавалъ Бога, будущей жизни, безсмертія души, — вотъ же тебѣ доказательство загробной жизни: я умерла, но явилась и говорю съ тобою. Увѣруй же въ отрицаемаго тобою Бога. Вспомни твою мать, которая, жизни не жалѣя, старалась сдѣлать изъ тебя истиннаго христіанина"! Съ этими словами лицо ея болѣе помрачилось, раздались въ комнатѣ рыданія ея, и потрясли всю мою душу "Еще разъ заклинаю тебя, продолжала мать, обратись къ Богу. Ты не вѣришь и, можетъ быть думаешь, объяснить мое явленіе тебѣ разстройствомъ твоего воображенія, но знай, что твои объясненія ложны, и я своимъ духовнымъ существомъ теперь предстою предъ тобою. И въ доказательство этого, вотъ тебѣ крестъ, отвергнутый тобою, — прими его, иначе погибнешь. Увѣруй, и твоя болѣзнь исцѣлится чудеснымъ образомъ. Погибель и вѣчный адъ тебѣ, если ты отвергнешь меня"! такъ сказала мать, и скрылась. Я опомнился и увидѣлъ въ рукѣ своей маленькій крестикъ.

Все это до самой сокровенной глубины потрясло мою душу; совѣсть поднялась со всей силой, прежнія убѣжденія рушились и я въ минуту, кажется, весь переродился. Какое-то сладостное, непонятное чувство у меня явилось въ груди, и я хотѣлъ уже поблагодарить Бога за Его милость, но въ эту минуту вошелъ

мой слуга съ чайной чашкой, наполненой водою. “Испей-ка, батюшка, можетъ и полегче будетъ, — это святая водица съ животворящаго креста”, проговорилъ онъ. Я съ радостью принялъ его предложеніе и приподнятый имъ, выпилъ воды. Господи! не могу безъ волненія вспомнить этой чудной минуты. Я тутъ же чувствовалъ себя здоровымъ: члены стали повиноваться, языкъ сталъ свободно говорить, на мѣстѣ струповъ остались однѣ только пятна... Я всталъ и первымъ моимъ дѣломъ было помолиться передъ образомъ, который принесъ слуга. Послѣ этого я пошелъ въ церковь и тамъ молился, и сколько было искренности въ этой непритворной молитвѣ! Тутъ же я отправился на дорогую могилу, цѣловалъ ее и плакалъ, и эти горячія слезы омывали прежнюю мою жизнь и были раскаяніемъ блуднаго сына. (Нижегородскія Епархіальныя Вѣдомости 1865 г. № 24).

* * *

Приведемъ здѣсь прекрасный *разсказъ объ одной ясновидящей*, взятый нами въ сокращеніи изъ книги извѣстнаго русско-галицкаго *прот. Іоанна Наумовича.*

Дѣдъ Онуфрій однажды разсказалъ своему внуку Николаю слѣдующую исторію про ясновидящую, дочь помѣщика того имѣнія, гдѣ онъ жилъ.

— Богаты были наши помѣщики — такъ началъ онъ свой разсказъ — ужасно богаты, и дѣтокъ имъ Богъ послалъ тоже, но тѣ у нихъ какъ-то все не росли. Бывало, родится ребенокъ дюжій, здоровый, но какъ только вступитъ въ пятый годокъ — вдругъ скоропостижно умираетъ, точно косой его скоситъ. Такъ умерло у нихъ десять человѣкъ дѣтей, и всѣ по пятому году. Сколько покойница барыня ни убивалась, сколько ни раздавала денегъ нищимъ, на церкви — ничто не помогало.

Умеръ десятый ребенокъ, и пять лѣтъ послѣ того дѣтей у нихъ уже не было. Ѣдетъ она, бывало на кладбище, велитъ разобрать каменныя могилки, открыть гробики, — плачетъ надъ ними, убивается — до обморока. Опротивѣли имъ ужъ всякія имѣнія, да и подлинно: на что жъ человѣку все это, когда нѣтъ у него ни одного ребенка? Но вотъ, разъ приходитъ къ нимъ въ усадьбу старикъ нищій, сѣдой совсѣмъ, старый-престарый. Барыня вышла къ нему, подала серебряную монету, да и говоритъ: “молись, дѣдушка, чтобы Господь насъ помиловалъ”. А дѣдъ-то ей въ отвѣтъ: “помилуетъ васъ Господь милосердый, помилуетъ, только вы по-

кайтесь, не обижайте народъ, будьте къ нему милостивы. Поѣзжайте-ка вы въ Почаевъ, въ лавру, говѣйте тамъ три дня, потомъ исповѣдайтесь и причаститесь, да пусть монахи отслужатъ вамъ обѣдню заказную съ акаѳистомъ Богородицѣ, а вы всю ту службу чтобъ оба стояли на колѣнахъ, когда будутъ читать евангеліе, можете съ колѣнъ подняться” Барыня послушалась, подала дѣдкѣ еще такую же монету, и сама побѣжала къ барину, — а нищій тѣмъ часомъ куда-то исчезъ. — О чемъ тамъ они говорили съ собо; — неизвѣстно, но назавтра баринъ велѣлъ запрягать лошадей, и поѣхали они оба въ Почаевъ. Молитвы ли чернецовъ, милость ли Божія, только послѣ того года — великая радость у нашихъ господъ: послалъ имъ Богъ снова дочку, и окрестили они ее Анной. Того дня, когда ее крестили, созвалъ баринъ своихъ управителей, писарей и всѣхъ присмотрщиковъ и сказалъ имъ такъ: “смотрите, чтобы во всѣхъ моихъ имѣніяхъ нигдѣ слѣда не было ни палки, ни плети. Кто изъ васъ посмѣетъ ударить когонибудь изъ людей моихъ — лишится мѣста! Кому сдѣлано какое притѣсненіе, обида — за все наградить; ничьей обиды и притѣсненія я не желаю”.— И растетъ ихъ дѣвочка, растетъ — не ребенокъ, а настоящій ангелъ: такова хороша собой да прекрасна, что, кажется, весь свѣтъ исходи, другой такой нигдѣ не сыщешь. Проходитъ ужъ пятый годъ, въ которомъ всѣ старшія ихъ дѣтки померли, — господа отъ заботъ не знаютъ покоя ни днемъ ни ночью: все холятъ, да нѣжатъ ее, да берегутъ. На пятомъ же этомъ году везутъ они ее въ Почаевъ, къ тому старенькому монаху, что предсказалъ имъ Божіе помилованіе. И читаетъ монахъ надъ ней молитву и евангеліе, двѣнадцать другихъ чернецовъ правятъ соборную обѣдню, — и обмываютъ ее родители Почаевскою водой, и что кто ни укажетъ — молитву ли какую читать, жертву ли куда принести, все то охотно дѣлаютъ. Господь, точно, ихъ помиловалъ: дѣвочкѣ пошелъ шестой годокъ, а она растетъ себѣ, красуется на радость родителямъ, что твой маковъ цвѣтъ, — такой красавицы, говорю тебѣ, ни до того, ни послѣ у насъ не видали. Но еще краше была ея душенька. Бывало, всякій день идетъ къ обѣднѣ въ церковь, стоитъ тамъ степенно и со страхомъ, — какъ сейчасъ вижу ее передъ собой, сердечную! — и молится горячо и съ умиленіемъ; а по окончаніи божественной службы раздаетъ нищимъ деньги и всѣмъ вдовамъ, больнымъ, убогимъ, всѣмъ, что не въ силахъ сами работать и кормиться, велитъ приходить и присылать въ усадьбу за мукой, за крупой, солониной и всякимъ добромъ. Зато у насъ на посадѣ всѣ про нее, про барышню Анну,

только и говорили, какъ про настоящаго ангела, хранителя и утѣшителя.

И выросла дѣвица прекрасная, и со всѣхъ сторонъ стали наѣзжать къ ней женихи: тотъ богатъ, этотъ еще богаче, одинъ красавецъ, другой еще лучше: но никто не пришелся ей по сердцу. Она все лишь читаетъ святыя книги, все только молится, да творитъ добрыя, милосердныя дѣла.

Аннѣ минуло восемнадцать лѣтъ, и была она всегда здорова и весела, точно молоденькая серночка въ лѣсной чащѣ. Никто и не думалъ, чтобъ ей на долю выпала не такая свадьба, о какой мечтали ея батюшка съ матушкой. Въ самую великую пятницу, когда мы собирались къ плащаницѣ, стали въ народѣ говорить, что барышня Анна разболѣлась. На другой день, коляска за коляской, скачутъ ужъ къ намъ въ усадьбу, доктора изъ Львова; пробыли у насъ нѣсколько дней, думали, гадали и разъѣхались, сказавши, что такой болѣзни никто никогда и не видывалъ. Плакалъ народъ на всемъ посадѣ изъ конца въ конецъ, даже жидовство, и то молилось въ своей "школѣ", и не было человѣка, кто бы горячо объ ней не молился. А болѣзнь ея, точно, была особенная, невиданная. Съ утра говоритъ со всѣми, ни на какую боль не жалуется, только лицомъ стала блѣднѣе, да съ тѣла спала, и такъ была слаба, что руки не могла поднять. А какъ двѣнадцать часовъ пробило, съ полдней значитъ, закроетъ глаза и лежитъ какъ мертвая, губами только шевелитъ, и все говоритъ, говоритъ, говоритъ! И таково чудно, милый мой, говорила такія все слова, что я самъ никогда бы не повѣрилъ, ежели бы своими ушами не слышалъ. Говорила про души человѣческія, куда онѣ по смерти отходятъ, и разсказывала, что она ихъ видитъ и съ ними бесѣдуетъ. Всякаго узнавала, и при томъ всякаго такими словами наставляла, учила, что никто изъ бывшихъ не могъ удержаться отъ слезъ. Хотя глаза у ней постоянно были закрыты, — перстами книгу читала, сказывала, сколько времени на часахъ, минута въ минуту, когда часы прикладывали ей къ сердцу, и про каждаго изъ знакомыхъ все знала, и гдѣ что на свѣтѣ дѣется — угадывала. Старые господа оба заболѣли; при ней находилась только ея вѣрная старшая горничная дѣвушка, да другіе слуги, а народъ валилъ къ ней смотрѣть будто на какое диво. Но когда приходилъ человѣкъ тяжко предъ Богомъ грѣшный, напримѣръ, что жилъ обманомъ, кривдой людскою, или безбожникъ какой, въ Бога не вѣрующій, или такой, что любилъ непотребныя, гнилыя слова говорить, или клясть, или такой, что худо въ супружествѣ жилъ, дурной при-

мѣръ подавалъ дѣтямъ, — то человѣкъ этотъ былъ еще на дворѣ, а она уже видѣла его духомъ и говорила: "не пускайте ко мнѣ этого человѣка (или эту женщину): это безбожный человѣкъ, какъ онъ войдетъ, со мной будутъ корчи"

Николай. И ты тоже былъ у ней, и видѣлъ ее, и слышалъ ея разговоръ?

Онуфрій. Разнеслась по всему околодку кругомъ молва, что съ барышней Анной приключилась болѣзнь, да не простая: въ сонномъ видѣніи она все знаетъ и дивныя рѣчи говоритъ. Повалилъ къ ней народъ валомъ, — идутъ и ѣдутъ въ усадьбу, точно гдѣ на базаръ или въ церковь къ явленной иконѣ. Я сначала не повѣрилъ, — знаю вѣдь, народъ нашъ зачастую съ глупа болтаетъ, да еще, какъ говорится, къ былямъ всякія небылицы привирать любитъ, — но потомъ и меня взяла охота побывать въ усадьбѣ. Иду, но тутъ какъ разъ повстрѣчался мнѣ покойный батюшка отецъ Андрей Левицкій, да и спрашиваетъ: былъ ли, молъ, въ усадьбѣ, видѣлъ ли барышню Анну?

— Сейчасъ вотъ собрался, отвѣчаю. Но не возьму я все, говорю, хорошенько въ толкъ, батюшка, что это народъ къ ней такъ повалилъ? идутъ и ѣдутъ безъ конца!

— Стоитъ идти и ѣхать, мой милый! Есть на что посмотрѣть, есть что и послушать. Такія дѣла не заурядъ дается видѣть и слышать человѣку.

— Что жъ это такое? говорю. Подлинно ли, батюшка, духовный отецъ, она святая?

— По-истинѣ святая, потому что душа чистая и богобоязненная — отвѣчаетъ батюшка. — Ежели и былъ на ней грѣхъ какой, то лишь самый обыкновенный, и она очистила его своими добрыми дѣлами. Она, понимаешь ли ты, *ясновидящая.*

— А что такое ясновидящая? я этого слова не понимаю.

— Издавна, сынъ мой, бывали люди добродѣтельные и чистые предъ Богомъ, которые получали отъ Бога такую благодать, что не только яснѣе видѣли здѣшнее, земное, но еще при жизни, въ этомъ мірѣ, возносились душой своею превыше земли и зрѣли дѣла загробнаго міра. — Такова ясновидящая и есть Анна. Она, видишь ли, жила все въ Богѣ, въ молитвѣ, въ добрыхъ дѣлахъ милосердія и состраданія, и она поистинѣ была "не отъ міра сего" Потому что міръ нашъ — міръ злой, лукавый, нечистый, грѣшный. Она явилась здѣсь лишь на короткое время, чтобы показать другимъ, какъ жить праведно, богоугодно. Потому-то теперь наступаетъ конецъ земной ея жизни, и отходитъ она въ

свое истинное, небесное отечество, къ чистымъ и свѣтлымъ духамъ, но пока еще отойдетъ, говоритъ намъ о небесномъ, чтобы мы покаялись и начали совсѣмъ другую жизнь, коли хотимъ получить спасеніе.

— Вы были ужъ у ней, батюшка?

— Былъ, она велѣла позвать меня къ себѣ, какъ только занемогла, съ перваго дня, и просила, чтобъ я отъ ней не отходилъ. Я пробылъ тамъ четыре дня, но больше не могъ выдержать ея разговора: кто ее ни слушалъ, всѣ были не въ силахъ удержаться отъ плача.

— Что жъ она говорила?

— Въ первый день, какъ только впала она въ этотъ сонъ свой, велѣла позвать барина съ барыней и всѣхъ слугъ, всю дворню, и сказала при мнѣ, что умретъ непремѣнно, но чтобы никто объ ней не плакалъ, потому что отходитъ она въ такое мѣсто, гдѣ нѣтъ ни горя, ни скорбей, а жили бы всѣ по-христіански, въ молитвахъ, въ любви, да въ добрыхъ и святыхъ дѣлахъ.

— Это ты, отецъ Андрей, — промолвила она. — Спасибо, что пришелъ провѣдать! — А потомъ къ Тимоѳею служителю: "подойди поближе, Тимоѳеюшка, — ты вѣрный слуга мой и другъ, и братъ мой милый! Не плачь, зачѣмъ плакать! зачѣмъ всѣ вы плачете? — и ты, отецъ Андрей, плачешь?

— Я не могъ вымолвить слова, меня душили слезы, безмѣрная печаль сжала всю душу мою! Выплакавшись вволю, я оправился и сказалъ: "какъ же объ васъ не плакать, когда вы такъ больны! Всѣ мы васъ такъ любимъ, барышня, госпожа наша милая! душа невольно ноетъ и болитъ!"

— Не называй меня ни госпожей, ни барышней, говоритъ, это земныя слова. Тамъ, куда я иду теперь, нѣтъ такихъ словъ. Одинъ Богъ — Господинъ всего міра, а мы всѣ — братья и сестры, и я, видишь, говорю тебѣ "ты"

— И она все такъ, спрашиваю, съ закрытыми глазами говорила?

— Пока бывала въ томъ снѣ, постоянно имѣла глаза закрытые, но видѣла всякаго, кто къ ней приходилъ, всѣхъ узнавала, всякому что-нибудь особенное говорила. Мы даже давали ей книги и запечатанныя письма, и она перстами ихъ читала, не глазами, а именно перстами, лучше сказать — духомъ своимъ, какимъ-то особымъ чутьемъ. Оттого-то люди въ такомъ снѣ и зовутся ясновидящими, что они видятъ и сквозь переплетъ, что написано въ книгѣ, и сквозь каменныя стѣны, что дѣлается на

дворѣ, и за тысячи верстъ, что гдѣ происходитъ на свѣтѣ.

Николай. Какъ такъ? Стало-быть, она знала будущее, что должно случиться?

Онуфрій. Нѣтъ, этого она не знала, будущаго не предсказывала и ни объ чемъ такомъ, что еще только должно случиться, кромѣ смерти своей, не говорила. Когда мы ее спрашивали насчетъ будущаго, — кто сколько лѣтъ проживетъ, напримѣръ, или что другое, она или молчала, или отвѣчала коротко: "Богъ вѣсть".

Николай. Я не понимаю, какъ могло быть, чтобъ она видѣла на такую даль, за тысячи верстъ, гдѣ что на свѣтѣ дѣется!

Онуфрій. Душа безъ тѣла, или, какъ говорится правильнѣе, внѣ тѣла, совсѣмъ иначе видитъ все и знаетъ, чѣмъ какъ душа въ тѣлѣ, потому что земное тѣло грубое, тяжеловѣсное и держитъ душу какъ бы въ темницѣ, въ плѣну, въ неволѣ.

Николай. Ну, а ея жъ душа была развѣ не въ тѣлѣ?

Онуфрій. Такова была Божья воля, что, и не совсѣмъ еще отдѣлившись отъ тѣла, могла она уже вознестись въ другой міръ.

Николай. Мнѣ просто не вѣрится почему-то, чтобы такъ могло быть на самомъ дѣлѣ!

Онуфрій. Если мнѣ не вѣришь, повѣрь св. апостолу Павлу. Онъ тоже разсказываетъ, что зналъ двухъ подобныхъ людей, одного — *восхищена бывша даже до третьяго небесе*, другого — *восхищена бывша въ рай и слышавша неизреченные глаголы, яже не лѣть есть человѣкомъ глаголати*. Значитъ, уже во времена св. апостола Павла, въ числѣ обратившихся ко Христу людей было двое такихъ, что еще при жизни вознеслись духомъ, одинъ до третьяго неба, а другой — гораздо выше, въ самый рай, и этотъ другой слышалъ тамъ какія-то слова, которыхъ человѣкъ и сказать не можетъ, и не въ силахъ.

Николай. Чудеса ты мнѣ говоришь, дѣдушка! Но продолжай, — что еще разсказывалъ тебѣ покойный отецъ Андрей?

Онуфрій. Передамъ тебѣ лишь вкратцѣ, потому что разсказывать все отняло бы слишкомъ много времени. Говорилъ онъ мнѣ еще, что Анна три дня разсказывала про адъ. Явился ей сейчасъ, въ первый же день болѣзни, духъ ангелъ-путеводитель, который водилъ ее по тѣмъ бѣдственнымъ мѣстамъ, что мы называемъ адомъ. Разсказывала про тьму и страшныя муки, въ которыхъ пребываютъ великіе грѣшники, тѣ, что при жизни здѣсь, на землѣ, противились Богу и Его заповѣдямъ, но по долгу смотрѣть на это она не могла, только все повторяла: "люди,

люди, братья! почитайте образъ Божій — душу свою, любите Бога и ближняго, хвалите Бога и крѣпко держите Его заповѣди, чтобы не прійти въ это несчастное мѣсто! Всякій, кто попадетъ сюда — будетъ безмѣрно и безконечно жалѣть о своемъ неразуміи, потому что здѣсь грѣшникъ проклинаетъ часъ, когда родился; но паче всѣхъ мучатся тѣ, что другихъ доводили до грѣха, наставляли на зло" Когда говорила про тѣ муки, слезы текли у нея изъ глазъ, а люди, слушая ее, плакали, и много было такихъ, что искренно каялись.

Николай. Однако же, все это она говорила во снѣ?

Онуфрій. Да, во снѣ. Когда сильно уставала и не могла болѣе выносить того, что видѣла, сейчасъ приказывала себя будить.

Николай. Какъ же будить-то?

Онуфрій. Ты вѣрно думаешь — такъ будить какъ будятъ спящаго? Вовсе не такъ, потому что можно было шевелить ее, даже сильно уколоть чѣмъ-нибудь острымъ, — она ничего не чувствовала. Чтобы пробудиться, она приказывала приложить стекло себѣ къ сердцу, и послѣ того только открывала глаза и была такая измученная, усталая, что не могла промолвить слова. Когда разспрашивали ее про то, о чемъ она во снѣ говорила, она ничего не помнила.

Николай. А про жизнь на небесахъ тоже говорила?

Онуфрій. Про это я и хочу теперь разсказать тебѣ, какъ очевидецъ, потому что я былъ у нея уже на четвертый день, вмѣстѣ съ покойнымъ отцомъ Левицкимъ. Когда мы вошли, она уже лежала во снѣ съ закрытыми глазами, но она сейчасъ обоихъ насъ узнала и проговорила шепотомъ наши имена. Мы подошли къ ней; она лежала на спинѣ со скрещенными руками, — какъ есть покойница, только чуть-чуть замѣтно дышала! Потомъ вдругъ заговорила: "ахъ, вижу свѣтъ, прекрасный свѣтъ! О, какъ тутъ сладко, какъ любо! Слышу вдали тихіе звуки, — ахъ, какое дивное пѣніе! Но это не земное пѣніе, не земныхъ голосовъ, — это такое пѣніе, что и сказать вамъ не могу, потому что въ языкѣ человѣческомъ для этого нѣтъ словъ!"— Видъ ея совсѣмъ измѣнился: грудь тихо воздымалась, на лицѣ было написано великое счастье, блаженство. Покойникъ отецъ Андрей сталъ ее разспрашивать:

— А есть теперь при тебѣ твой путеводитель, Анна?

— Есть, но онъ уже не такой грустный, какъ въ тѣ дни, когда мы носились по мѣстамъ темнымъ, среди темныхъ и несчастныхъ духовъ. Ахъ, какой онъ нынче прекрасный, какой яс-

ный! Не могу наглядѣться на красоту его, не могу надышаться и насытиться тою любовью, что разлита по всему этому небесному воздуху и наполняетъ собою все!

— А зришь ли, Анна, какихъ-нибудь блаженныхъ духовъ?

— Вижу, и сама уже нахожусь между ними.

— Видишь ли кого изъ знакомыхъ?

— Вижу много знакомыхъ.

— А кого видишь ближе всѣхъ?

— Старую бабушку Семеновну изъ нашего посада, которую мы недавно хоронили, которую никто не хотѣлъ проводить по-христіански до могилы, потому что бѣдна была, не на что было угощенье справить, водки купить, — о, какая мерзость! — Она говоритъ со мной. Она здѣсь не старая, а прекрасная, дивно прекрасная, преображенная!

— А какъ ты ее узнала?

— Души здѣсь всѣ между собой знакомы, потому что всѣ видятъ все ясно.

— Что жъ она тебѣ говоритъ?

— Благодаритъ за то, что я ей рубашку сшила и тѣло ея проводила до могилы.

— Развѣ такое доброе дѣло — проводить покойника до могилы?

— Да, это означаетъ любовь, а любовь выше всего.

Примолкла немного, какъ будто отъ усталости, потомъ опять сильнѣе начала дышать, и снова заговорила.

— Люди, братья мои! Сколько между вами такихъ грѣшниковъ, что не думаютъ никогда о загробной жизни, не ходятъ въ церковь изъ лѣности, не молятся, предаются недобрымъ мыслямъ, творятъ злыя дѣла, ни о чемъ не заботятся кромѣ тѣла! А что такое тѣло наше? Ничтожная оболочка, подобная той, что сбрасываетъ съ себя крылатое насѣкомое, улетая на вольный воздухъ. О, какъ, бы мнѣ хотѣлось разсказать вамъ все, что здѣсь вижу, но не могу!

— Почему не можешь, Анна? — спросилъ покойный отецъ Андрей. — Разскажи намъ все, разскажи! Мы хотимъ знать, что тамъ будетъ.

— Невозможно разсказать. У васъ на землѣ нѣтъ для того словъ, а у меня въ груди — силы. Ежели бы всякая капля моей крови превратилась въ тысячу языковъ, да всякимъ изъ тѣхъ языковъ я могла бы говорить такъ, какъ умѣлъ говорить св. Іоаннъ Златоустый, поймите, — я все-таки не въ силахъ была

бы высказать и одной стотысячной доли того счастья и той красоты, какія здѣсь вижу. О, просите братьевъ вашихъ, сосѣдей, друзей, молите ихъ, увѣщевайте, — пусть оставятъ грѣшную жизнь, пусть каются и начнутъ вновь жить честно, по-христіански: тогда всѣ будутъ счастливы, блаженны.

— И въ чемъ же заключается это счастье, Анна? — что составляетъ это блаженство?

— Любовь, любовь! святая любовь, что царствуетъ здѣсь между всѣми блаженными духами!

— А еще что?

— Красота и величіе, безконечная глубина, и высота, и широта дѣлъ Божіихъ! Это звѣздное небо вы стараетесь изучать на землѣ — вычисляете, догадываетесь, и все-таки мало знаете о немъ, а здѣсь все видно и все ясно. А какъ безконечны эти свѣтила и красота и величіе ихъ, такъ безконечно блаженство — видѣть и познавать дѣла Божіи и прославлять Бога!

— А духи могутъ возноситься къ этимъ свѣтиламъ, куда ни пожелаютъ?

— Могутъ, куда ни задумаютъ и ни пожелаютъ, но лишь на такую высоту, какая имъ по силѣ: есть и такая красота, которую не можетъ вынести и духъ чистый, доколѣ еще совершеннѣе не очистится, еще болѣе не приблизится къ Богу.

— А ты далеко ль видишь?

— Нѣтъ, теперь еще недалеко, потому что я еще не совсѣмъ свободна отъ тѣла. Оно еще влечетъ меня къ вашей землѣ. Завтра тѣло мое еще болѣе ослабѣетъ, и проводникъ мой поведетъ меня выше. О, какъ я жажду видѣть всѣ чудеса красоты, которыя теперь вынести была бы не въ силахъ!

— Какъ это ты была бы не въ силахъ вынести?

— Да такъ, подобно червяку, привыкшему съ рожденья рыться въ землѣ. Земной червякъ не въ силахъ переносить свѣтъ солнечный, и когда выбросятъ его на солнце, онъ вьется, коробится и погибаетъ: такъ и душа, рожденная на землѣ, не можетъ сразу вынести дѣйствія высшихъ небесныхъ красотъ и блаженства.

— А тамъ всѣ равны между собой?

— Всѣ равны любовію, но не всѣ равны совершенствомъ. И тамъ есть степени совершенства и степени блаженства.

— Кто жъ тамъ выше всѣхъ поставленъ?

— И въ томъ небѣ, гдѣ я теперь, я вижу нѣкоторыхъ духовъ въ вѣнцахъ. Они тутъ болѣе всѣхъ прочихъ блистаютъ. Про-

водникъ мой говоритъ: "это учители и просвѣтители народовъ!" Ихъ наибольшая предъ Богомъ заслуга, имъ тутъ наивысшая и честь. Но то учители, что всѣмъ умомъ и всѣмъ сердцемъ учили познавать истину и правду, въ церкви ли или въ школѣ, словомъ или писаніемъ — распространяя свѣтъ Божій и любовь Бога и ближняго между людьми и народами. Но горе тому учителю и тому духовному пастырю, который напрасно лишь занимаетъ свое мѣсто, или дурно учитъ, дурной примѣръ подаетъ собою другимъ! Такіе сюда не пріидутъ!

Когда она это сказала, я вспомнилъ нашего покойнаго учителя Леоновича, и спрашиваю: Анна, скажи мнѣ, не видишь ли ты тамъ моего учителя Леоновича?

— Нѣтъ, не вижу.

— Отчего?

— Оттого, что онъ выше, гораздо выше, — мой проводникъ это говоритъ. Но его можно вызвать сюда.

— Какимъ это образомъ?!

— Духи съ высшихъ небесъ могутъ приходить на низшія ступени, только низшимъ на высшія нельзя.

— И ты вызовешь его, Анна?

— Проводникъ мой вызоветъ. Три минуты времени на это надобно.

Отецъ Левицкій посмотрѣлъ на часы, и когда прошло ровнехонько три минуты, она сказала.

— Вижу его, — прекрасный, увѣнчанный! Всѣ здѣшніе духи воздаютъ ему честь, славятъ его пѣснями. — Ахъ, какъ все это дивно, какъ прекрасно, — не могу и сказать вамъ! О, если бы я могла хоть отчасти описать вамъ то, что здѣсь вижу! Но это невозможно, это не для васъ, земныхъ!

— А къ намъ, въ этотъ міръ, не сходятъ ли иногда духи изъ другого міра?

— Сходятъ и являются инымъ въ сновидѣніи, кто заслуживаетъ это, присутствуютъ при богослуженіи за ихъ души, хоть они и не имѣютъ нужды въ нашихъ молитвахъ, но радуются нашей любви. — О, иду дальше, возношусь выше и выше, и все сильнѣе и яснѣе чавствую здѣшнее неизреченное счастье, блаженство! Разбудите меня, потому что я не въ силахъ долѣе его выдерживать.

Отецъ Левицкій приложилъ ей стеклянный стаканъ къ груди, она проснулась и открыла глаза. Когда мы стали разсказывать ей, что она говорила, — она ничего не помнила и не могла повто-

рить, потому что душа ея, вступивъ обратно въ тѣло, видѣла уже только земной міръ — комнату, постель и людей, ее окружавшихъ.

Сильно была утомлена и слаба, но, когда предлагали пищу — ничего не принимала, чѣмъ она и жила — непонятно. Но я, сынокъ, никогда бы и не кончилъ, ежели бы все сталъ разсказывать. Потому скажу тебѣ только, что барышня Анна послѣ того еще три дня говорила о небѣ, и все выше и выше возносилась, — видѣла святыхъ, и про нихъ разсказывала, и насъ наставляла почитать ихъ память и ученію ихъ слѣдовать, чтобы достигнуть вѣчнаго спасенія и небесной жизни. О, кто въ силахъ разсказать, что мы слышали! Отъ ея словъ самый закостенѣлый и жестокосердый грѣшникъ не могъ не плакать, какъ дитя, и много людей обратились на правый путь, — пьяницы перестали пить, насильники и обманщики ближняго и всякіе грѣшники каялись.

Четвертаго дня къ вечеру больная сказала, что ровно въ 7 часовъ и пять минутъ душа ея совсѣмъ отрѣшится отъ тѣла, и велѣла себя разбудить. Когда проснулась, подозвала къ самой постели отца Левицкаго и поцѣловала у него руку, поцѣловала потомъ вѣрную свою подругу и неотступную сидѣлку въ болѣзни — старшую горничную дѣвушку Марью; велѣла обнять и поцѣловать за нее отца и матушку, утѣшить ихъ и попросить, чтобы не плакали, но они лежали оба больные безъ памяти, и врачи никого къ нимъ не допускали; попрощалась со всѣми, велѣла созвать всѣхъ дворовыхъ людей, благодарила ихъ за услуги и всякаго благословила. Тутъ поднялся плачъ безмѣрный: всѣ рыдали, у меня у самого слезы лились въ три ручья, потому что никогда такой кончины я не видѣлъ. Когда часы показывали семь и пять минутъ, больная глубоко вздохнула, и душа ея оставила прекрасное земное ея тѣло. Никогда не видѣлъ я такого прекраснаго, ангельскаго лица, никогда не замѣчалъ у покойника такой свѣтлой и радостной улыбки, какъ у нашей барышни Анны, когда одѣли ее въ бѣлое платье, гробъ и всю ее усыпали цвѣтами...

На похоронахъ Анны премножество было народу со всѣхъ селъ, и множество господъ понаѣхало издалека, и всѣ плакали, потому что всѣ лишились въ ней земного ангела.

(Извлечено въ сокращеніи изъ книги прот. І. Г. Наумовича: "Четыре путеводителя доброй жизни").

* * *

Одинъ священнослужитель на 16 году брачной своей жизни, лишился супруги умной и благочестивой. Разлука съ нею поразила его сильно. Глубокая скорбь и невыразимая тоска овладѣли имъ. Онъ впалъ въ уныніе и, пошатнувшись, пошелъ было путемъ опаснымъ, сдружившись съ виномъ. Не знаю, говорилъ самъ вдовый священникъ, долго-ли я шелъ бы этимъ губительнымъ путемъ и куда бы пришелъ, если-бы не остановила покойная моя жена. Она явилась въ сонномъ видѣніи, и, принимая искреннее участіе въ моемъ положеніи, сказала мнѣ: "Другъ мой! что съ тобою? Ты избралъ опасный путь, на которомъ уронишь себя во мнѣніи людей, а главное можешь лишиться благословенія Божія, которое донынѣ почивало на нашемъ домѣ. Ты въ такомъ санѣ, въ которомъ малое пятно представляется великимъ; ты на такомъ мѣстѣ, откуда видятъ тебя со всѣхъ сторонъ; у тебя шесть неоперившихся птенцовъ, для которыхъ ты долженъ быть теперь отцемъ и матерью. Ужели ты пересталъ дорожить своимъ саномъ, своими заслугами и тѣмъ почетомъ, которымъ пользовался отъ всѣхъ? Ужели твоя честь, жизнь, заслуги нужны были только для одной твоей жены? Подумай, другъ мой, объ этомъ, прошу тебя и умоляю, разсуди здраво, и поспѣши сойти съ этого пути, на который ты, къ великой моей горести, такъ необдуманно сталъ. Ты грустишь о разлукѣ со мною, но, какъ видишь, союзъ нашъ не прерванъ; мы и теперь можемъ имѣть духовное общеніе другъ съ другомъ; а въ жизни загробной можемъ на вѣки соединиться, если ты будешь того достоинъ. Ты жалуешься на пустоту въ сердцѣ твоемъ: наполняй эту пустоту любовью къ Богу, къ дѣтямъ и братьямъ твоимъ, питай душу хлѣбомъ ангельскимъ, какъ любилъ ты называть слово Божіе и любилъ имъ питать себя и семейство свое, молись Богу за меня и за себя и за дѣтей нашихъ и за души, тебѣ ввѣренныя". Этотъ голосъ любимой супруги моей глубоко проникъ въ душу мою и благотворно подѣйствовалъ на меня. Я принялъ его, какъ голосъ Ангела хранителя моего, какъ голосъ Самого Бога, вразумляющаго меня, и рѣшился всѣми силами противостать искушенію, и благодареніе Богу, при Его помощи, преодолѣлъ искушенія и твердой ногой сталъ на путь правый. (Странникъ 1865 г., іюль).

* * *

Тайны загробнаго міра.

Замѣчательное сновидѣніе.

Послушница Тихвинскаго Введенскаго монастыря (Новгородской губерніи), по имени Ѳекла, 5-го декабря 1902-го года, послѣ причащенія Сятыхъ Таинъ, придя изъ церкви послѣ обѣдни, почувствовала слабость и необычайно захотѣла спать, такъ что не могла пить, а только успѣла снять съ одной ноги чулокъ, такъ и уснула и спала 20 съ половиною часовъ. Во время сна начала вздрагивать, страшно стонать, слезы текли у нея изъ глазъ, всю ее сильно передергивало, какъ бы отъ страшнаго испуга; то она вдругъ замирала, такъ что едва можно было уловить ея дыханіе, а по всему лицу и на оконечностяхъ выступалъ потъ; многіе изъ монашествующихъ приходили смотрѣть на нее; всѣ думали, что она до утра не доживетъ.

Въ 11 часовъ вечера былъ позванъ фельдшеръ; онъ нашелъ, что пульсъ у нея нормальный, но разбудить ее не могъ; пробовалъ поднять вѣко, но оно не поднималось; ротъ тоже невозможно было открыть; давалъ нюхать нашатырный спиртъ, но никакого признака пробужденія не было видно, такъ ее и оставили до тѣхъ поръ, пока она сама проснулась.

Съ 3-хъ часовъ дня до 6-и часовъ вечера она все улыбалась; хотя и были подергиванія, но видно было, что они не отъ испуга, а отъ радости. Въ продолженіе этихъ трехъ часовъ три раза громко сказала: «Господи», а сама все улыбалась. Потомъ сдѣлала движеніе руками, какъ будто старалась что-то поймать, и громко на всю келію сказала: «Царица Ты Небесная». Послѣ этого лежала тихо и все улыбалась; еще разъ сказала вслухъ: «Господи» и потомъ проснулась.

Разсказъ послушницы Ѳеклы.

Когда я уснула, вижу идетъ ко мнѣ моя родная сестра Пелагея, умершая 13 лѣтъ тому назадъ въ чахоткѣ, 16 лѣтъ отъ роду, дѣвушка. На головѣ у нея былъ вѣнчикъ, платье бѣлое; и сказала она мнѣ съ улыбкой: пойдемъ со мной. И я пошла съ нею. Шли мы полемъ прямо и пришли къ такому темному мѣсту, что и сказать трудно, а по ту и по другую сторону рвы; въ одинъ изъ нихъ иноки падали, а въ другой выходили; тутъ сестра моя скрылась, а ко мнѣ явились два юноши, свѣтлые, красивые, такіе, какихъ у насъ и нѣтъ, и сказали они мнѣ: пойдемъ. Тутъ я спросила ихъ: за что эти иноки падаютъ въ ровъ? Юноши отвѣтили мнѣ: «за свою нерадивую жизнь въ монастырѣ; они падаютъ и встаютъ опять, потому что нѣтъ теперь на землѣ наставниковъ и руководителей и спасаться будутъ только однѣми болѣзнями и скорбями».

Одинъ изъ юношей скрылся, а другой остался со мною и сказалъ мнѣ: «бодрствуй и крестись и пойдемъ со мною впередъ»; взялъ меня крѣпко за руку и мы пошли; мѣсто было темное, тѣсное; шелъ онъ очень скоро, такъ что я съ трудомъ поспѣвала за нимъ. Вдругъ явились страшилища (такъ она называетъ демоновъ); въ рукахъ у нихъ была большая хартія, вся исписанная большими словами; они поднесли ее къ моимъ глазамъ и я тутъ увидѣла всѣ свои грѣхи, отъ юности записанные.

Въ это время опять явился другой юноша, и я увидѣла у него крылья и догадалась, что это былъ Ангелъ Хранитель. Онъ строгимъ голосомъ сказалъ: «Не смѣйте сегодня устрашать эту душу, она причастница, и не показывайтесь впередъ насъ». Тутъ я увидѣла, что хартія сдѣлалась совершенно чистая, грѣхи мои всѣ изгладились и страшилища скрылись.

Тогда я съ первымъ юношей пошла впередъ, Ангелъ же Хранитель скрылся. Путь былъ очень тѣсный, такъ что я съ большимъ трудомъ шла бокомъ за своимъ путеводителемъ по темной лѣстницѣ, на которой страшилища, хотя и являлись, но не ловили меня; мы съ юношей подошли къ большимъ печамъ, ихъ было три; около печи были страшилища, они бѣгали съ крюками, а въ печахъ на рѣшеткахъ были точно дрова, которыя горѣли, а страшилища вытаскивали ихъ изъ печей, точно головни, колотили ихъ молотомъ; вдругъ изъ головни дѣлался человѣкъ и съ сильнымъ ревомъ бросался опять въ печь; тутъ я очень устрашилась, боялась, что попаду туда же, но юноша улыбнулся и сказалъ мнѣ: «крестись и пойдемъ дальше». Когда мы отошли, я спросила у него: за что эти люди посажены въ эти страшныя печи? Юноша отвѣтилъ мнѣ: «сюда попадаютъ всѣ христіане, которые только по имени были христіанами, а дѣла творили неподобныя; не почитали праздники, бранились скверными словами, пировали рано утромъ». «Бодрствуй и крестись», сказалъ мнѣ юноша и мы пошли дальше.

Пришли мы къ очень темному мѣсту, тутъ я увидѣла двѣ высокія лѣстницы, демоновъ на нихъ было очень много: по одну сторону этихъ лѣстницъ была пропасть, по другую большой чанъ, наполненный кипящей смолой; въ этотъ чанъ бросали человѣка, который очень стоналъ, а кругомъ чана было много народу. Я спросила у юноши, за что же этихъ людей бросаютъ въ чанъ? Онъ мнѣ отвѣтилъ: «за зло и за гордость, это безкорыстный грѣхъ; а въ пропасть за клевету и осужденіе».

Дальше мы пошли тѣмъ же путемъ и пришли къ храминѣ, у которой не было потолка, а изъ этой храмины былъ слышенъ сильный крикъ и визгъ; когда мы вошли въ нее, то я увидѣла множество людей. Одни изъ нихъ были одѣты очень худо, другіе, совсѣмъ голые, сидѣли другъ къ другу спинами, какъ бы не видя другъ друга; вдругъ эта храмина заколыхалась, заклокотала; и я

спросила у юноши: отчего это? юноша отвѣтилъ мнѣ: «сейчасъ сюда прибыла грѣшная душа». А на мой вопросъ, почему эти люди сидятъ и не видятъ одинъ другого, юноша отвѣтилъ: «эти люди жили на землѣ безпечно, не было за ними ни худого, ни хорошаго, имъ нѣтъ теперь поминовенія: потому и здѣсь не видятъ ни муки, ни отрады; поминовеніемъ ихъ можно было бы искупить, но поминать-то ихъ некому».

Изъ храмины мы вышли и опять шли такимъ же узкимъ путемъ, и я слышала еще издали шумъ и визгъ; когда мы опять подошли къ такой же храминѣ, увидѣли, что въ ней было очень много народу; всѣ сидѣли наклонивъ головы на грудь; здѣсь юноша оставилъ меня и я испугалась, когда увидѣла страшилищъ, которые стали меня стращать; своими длинными руками они хотѣли меня схватить и сбросить на вѣсы, которые стояли посреди храмины и на которыхъ вѣшали добрыя и худыя дѣла; я очень испугалась, вся затряслась; вдругъ я увидѣла, что явился Ангелъ-Хранитель и принесъ мой платочекъ, который я когда-то дала нищему, бросилъ его на вѣсы, и перетянулъ всѣ мои худыя дѣла; я обрадовалась и вышла изъ храмины; Ангелъ же Хранитель опять скрылся; ко мнѣ явился опять юноша и мы съ нимъ пошли дальше, но онъ шелъ такъ быстро, что я не успѣвала за нимъ и изнемогала отъ усталости; юноша ободрялъ меня и говорилъ: «крестись и бодрствуй». Я крестилась и мнѣ становилось легче.

Мы опять подошли къ храминѣ, около которой былъ смрадъ и визгъ; въ этой храминѣ я увидѣла женщину, которая сидѣла посреди, платье на ней было все въ кровавыхъ пятнахъ, на головѣ, точно вѣнецъ, обвилась мѣдяница и было много разныхъ червей; вокругъ шеи тоже обвилась змѣя и пастью своей впившись ей въ губы, а хвостомъ хлопала по ушамъ; другая большая змѣя обвилась вокругъ ногъ и пастью доставала до груди и впивалась въ нее; она манила меня рукой и просила помочь ей; около нея былъ прикованъ какъ будто баранъ, но съ лицомъ человѣка. Мнѣ стало здѣсь страшно, я стала умолять путеводителя, чтобы онъ не оставлялъ меня, и мы съ нимъ вышли изъ храмины. Я спросила его: за что эта женщина страдаетъ здѣсь? Онъ отвѣтилъ: «это блудница, она на землѣ вся отдалась своимъ страстямъ, а здѣсь получаетъ возмездіе за дѣла свои».

Идя дальше, мы опять подошли къ храминѣ очень большой и высокой; внизу этой храмины была большая пропасть съ сильнымъ пламенемъ; посреди храмины былъ столбъ, обвитый змѣями; на этомъ столбѣ были укрѣплены точно нары; всѣ они шатались, народу на этихъ нарахъ было очень много, всѣ были очень страшные, а страшилища всѣхъ этихъ людей бросали въ пропасть, сдирали съ нихъ платье, демоны крюками изъ этой пропасти тащили въ нижнюю пропасть бездонную, гдѣ они и тонули;

я очень боялась, что и меня туда бросятъ; здѣсь былъ такой смрадъ, что я задыхалась отъ него; змѣи на меня разинули рты и хотѣли проглотить; а у одной змѣи было три головы. Вдругъ на воздухѣ является святая великомученица Варвара съ чашей въ рукахъ; юноша здѣсь оставилъ меня одну. Она сказала мнѣ: «не бойся». Тогда опять ко мнѣ явился Ангелъ-Хранитель и сказалъ: «вотъ что значитъ въ понедѣльникъ постъ всѣмъ Ангеламъ» Я спросила, за какіе грѣхи страдаетъ этотъ народъ? Онъ отвѣчалъ: «за содомскіе грѣхи».

Потомъ привелъ меня юноша къ стекляннымъ воротамъ; чрезъ нихъ я увидѣла огромную комнату, посреди были накрыты столы, на нихъ кипѣли самовары, стояли вина, а на тарелкахъ были мыши, лягушки и разная скверность; за этими столами сидѣлъ народъ, а другіе плясали въ пламени, и всѣ эти люди очень кричали, точно чего требуютъ, а страшилища обливаютъ ихъ кипяткомъ. Юноша на мой вопросъ отвѣтилъ: «они не почитали праздниковъ, рано, во время обѣдни, пили, ѣли и пьянствовали». Недалеко отъ этого народа цѣлая партія плясала въ пламени: они перестанутъ плясать, а ихъ заставляютъ снова плясать. «Это за то, сказалъ юноша, что они во время службы плясали и занимались разными играми».

Около этой храмины я увидѣла женщину, которая ходила и щелкала зубами; во рту у нея была вложена сулема, она старалась то выплюнуть ее, то проглотить, и не могла. Юноша сказалъ, что это за сладкую пищу.

Тутъ опять мы пошли въ храмину небольшую; тамъ я увидѣла нѣсколько человѣкъ, привѣшенныхъ за средину живота и за языкъ къ потолку, они очень стонали; мнѣ сдѣлалось очень страшно; я спросила у юноши, за что это они повѣшены такъ? «Эти люди кумовья, жили худо, имѣли плотскій союзъ между собою».

Потомъ мы опять пошли темнымъ, тѣснымъ путемъ и подошли опять къ храминѣ; когда мы вошли въ нее, то я увидѣла, что человѣкъ стоитъ посреди храмины, въ уши у него продѣты раскаленныя до красна цѣпи, и краями прикованы къ двумъ противоположнымъ стѣнамъ, а языкъ вытянутъ, и два страшилища рѣжутъ его горячимъ тупымъ ножемъ, а у другого человѣка изъ ушей пыщетъ пламя; я съ великимъ страхомъ спросила у юноши: за что такое мученіе? Онъ отвѣчалъ мнѣ: «первый разговаривалъ въ церкви во время службы, за то у него пилятъ языкъ; а другой стоялъ невнимательно, не слушалъ пѣнія и чтенія, вертѣлъ головой, и вотъ за это она прикована у него здѣсь цѣпями. У третьяго пышетъ пламя изъ ушей, этотъ человѣкъ слушалъ клевету и передавалъ ее другимъ».

Изъ этой храмины мы пришли къ ледяному колодцу, у котораго сидѣла женщина и разливала поварешкой воду въ обѣ стороны. Я спросила у юноши, что эта женщина дѣлаетъ? Онъ отвѣтилъ мнѣ: «она при жизни своей продавала молоко и разбавляла его водой, вотъ за это ее теперь и заставили отдѣлять воду отъ молока».

Отъ этого колодца былъ темный, тѣсный путь; юноша шелъ скоро, точно летѣлъ, а меня онъ ужъ тащилъ за руку, потому что я не могла слѣдовать за нимъ; я сказала ему, что я не могу больше идти, а онъ сказалъ мнѣ: «бодрствуй, крестись и иди». Я почувствовала, что мы вошли на лѣстницу, прошли двѣ ступеньки и вошли на третью: вдругъ къ нашимъ ногамъ упалъ человѣкъ и свалился въ пучину, которая была подъ лѣстницею; страшилища опять стали являться и я очень испугалась. Когда мы прошли лѣстницу, я спросила у путеводителя, за что этого человѣка ввергли въ пучину? Онъ отвѣтилъ мнѣ: «этотъ человѣкъ прошелъ всѣ мытарства, а вотъ этого не прошелъ, потому что былъ жестокъ и немилосердъ».

Идя отъ этой лѣстницы, я едва опять поспѣвала за юношей, такъ какъ онъ быстро шелъ. Вдругъ я услышала страшный шумъ, а впереди увидѣла пламя. Путеводитель мой здѣсь скрылся и я очутилась около рѣки огненной, въ которой вода сильно волновалась, но не такими волнами, которыя бываютъ отъ вѣтра, а какъ-то особенно крутилась; въ этой рѣкѣ народу было очень много; черезъ эту рѣку были перекинуты двѣ тоненькія жердочки, и я увидала своего путеводителя на другой сторонѣ рѣки. Онъ говорилъ мнѣ: «переходи сюда». А я говорю ему, что я боюсь упасть въ рѣку и не могу идти. «Иди, не бойся», говоритъ мнѣ юноша, «вѣдь ты меня знаешь». — «Нѣтъ, я не знаю тебя, отвѣчала я ему, у насъ нѣтъ такихъ какъ ты». Онъ опять говоритъ мнѣ: «ты знаешь меня, отъ юности ты любила меня, молилась мнѣ и я привелъ тебя и устроилъ въ обитель, а теперь ты меня забыла, вотъ уже два года, и не молишься мнѣ». — «Нѣтъ, я не знаю тебя», отвѣчала я ему опять. — «Я великомученикъ Георгій», сказалъ онъ мнѣ, и съ этими словами опять приблизился ко мнѣ. А до него страшилища гнали меня, говоря, что никому не миновать этой рѣки.

Святый великомученикъ Георгій взялъ меня за руку и повелъ черезъ рѣку, а Ангелъ летитъ. По обѣимъ сторонамъ образовались двѣ стѣны, такъ что я не видала рѣки и безбоязненно перешла на другую сторону со святымъ великомученикомъ Георгіемъ и мы пошли по берегу рѣки; народу было въ ней множество, всѣ они какъ будто старались выпрыгнуть, но снова окунались и громко кричали: «о, люто мнѣ, люто мнѣ».

Въ рѣкѣ я увидѣла знакомаго мужика изъ нашей деревни, который кричалъ мнѣ: зачѣмъ ты здѣсь, уйди отсюда, тебѣ не вынести и одной искры этого пламени. Въ это время я почувствовала, что искра упала мнѣ на руку (лѣвую) и я вздрогнула. Я спросила у святаго великомученика Георгія, за какіе грѣхи здѣсь страдаютъ люди? Онъ отвѣчалъ мнѣ: «здѣсь будутъ всѣ самоубійцы и христіане, которые только назывались христіанами, но дѣла дѣлали не христіанскія, всѣ тѣ люди будутъ ниже невѣрныхъ въ этой рѣкѣ, и освободить душу изъ этой рѣки очень трудно, надо много молитвъ и труда для этого освобожденія».

Мы все шли берегомъ, народу въ рѣкѣ было все меньше и меньше; наконецъ, подошли мы къ широкому мосту, перешли него. Вдругъ я увидѣла глубокій снѣгъ, былъ сильный вѣтеръ и вьюга, такъ что я шла съ большимъ трудомъ, едва вытаскивая ноги; было ужасно холодно, что я чувствовала, что всѣ мои члены начинаютъ стынуть отъ холода. Тогда святый великомученикъ Георгій сказалъ мнѣ: «бодрствуй и крестись». Подошли мы къ большому полю, оно было покрыто льдомъ; ледъ былъ очень толстый и опять была сильная вьюга, святый Георгій скрылся отъ меня. И тутъ узнала я иноковъ (по одеждѣ); сидятъ они, волосы у нихъ распущены, всѣ трясутся отъ холода и сильно щелкаютъ зубами; мнѣ стало ихъ жаль, и думаю я, за что же эти иноки попали сюда? и не видя святаго Георгія, я и за себя испугалась, думала, что и мнѣ здѣсь придется остаться. Но вотъ я почувствовала, что меня какъ будто теплымъ обдало и вдругъ я увидала около себя святаго Георгія, который сказалъ мнѣ: «эти иноки жили въ обители, и нося ризу Царицы небесной, жили безпечно, нерадиво несли послушаніе и роптали на трапезу; тамъ на землѣ они много колотили языками, а здѣсь Господь ихъ заставилъ колотить зубами, а по молитвамъ Царицы небесной они избавлены отъ вѣчнаго пламени».

Отъ этого поля мы пошли дальше; я чувствовала, что становится все теплѣе и теплѣе, необыкновенный свѣтъ разливается по тому мѣсту, по которому мы шли; вдругъ я увидѣла огромное поле, покрытое травой и цвѣтами; посреди протекала небольшая рѣчка. Святый Георгій сказалъ: «это обѣтованная земля и кроткіе наслѣдуютъ ее».

Мнѣ стало такъ радостно и весело, что я стала улыбаться; и чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ больше становилась трава и цвѣты красивѣе; свѣтъ становился такой, какъ бы свѣтило не одно солнце. Среди этого поля стоялъ огромный храмъ, а близъ него проходный коридоръ, гдѣ висѣло много черныхъ мантій, въ которыхъ хоронятъ, ихъ замѣняютъ бѣлыми; а кто не достоинъ, тѣ будутъ казаться, черные, какъ головешки, и я видѣла нѣсколько такихъ, но не узнала; имъ нѣтъ ни мученія, ни огня; они недостойны, чтобы имъ развязали руки.

Мы взошли на паперть и я услышала пѣніе, да такое чудное, что нѣтъ словъ передать его. Пѣли: «Святъ, Святъ, Святъ» и «Воскресеніе Христово видѣвше». Внутри храма была такая красота, что и передать невозможно; двери, которыя вели въ храмъ, были точно изъ бисера и сіяли разными огнями; въ храмѣ было очень много колоннъ, около нихъ стояли монахини; по обширности храма ихъ казалось мало; я узнала нѣкоторыхъ живыхъ еще нашихъ монахинь и послушницъ, но святый Георгій сказалъ мнѣ: «обратишься назадъ въ житейское море, не говори никому про живыхъ, кого здѣсь видѣла, чтобы они, узнавши про себя, не возгордились. Что не запрещаю, то все можешь сказать».

Въ храмѣ такъ было чудно хорошо, что я невольно воскликнула: «Господи, Ты»... Посреди храма была огромная гора, точно хрустальная, переливалась она разными радугами, я хотѣла взглянуть наверхъ, но тамъ было такъ свѣтло, что меня сразу ослѣпило и я скорѣй опустила голову. Святый Георгій сказалъ мнѣ: «храмъ этотъ приготовленъ для послѣднихъ иноковъ, но мало ихъ будетъ; нѣтъ теперь на землѣ наставниковъ и руководителей, и немногіе могутъ спастись, но за то какое блаженство Господь уготовалъ имъ! Удивляясь всей этой красотѣ, я только и могла говорить: «Господи, Господи».

Вдругъ святый Георгій сказалъ: «смотри, смотри, вотъ Царица небесная спускается сюда». Я взглянула и увидѣла Величественную Жену, красоты неизреченной, въ коронѣ и въ порфирѣ: Она спускается по воздуху, улыбается и близко подлетѣла ко мнѣ, такъ что я хотѣла обѣими руками схатить Ее, и я воскликнула: «Царица Ты Небесная». Она улыбнулась перекрестила меня три раза и тихо сказала: «Святый Георгій, возврати эту душу обратно».

Святый Георгій сказалъ мнѣ: «молись Ей, молись всегда. Она Заступница всѣхъ христіанъ, день и ночь Она молится передъ Сыномъ и Богомъ, а особенно молится за иноковъ, чтобы они не посрамили ризы Ея, которую носятъ». Тутъ я увидѣла, что всѣ попарно идутъ прикладываться, и я со святымъ Георгіемъ прикладывалась; на аналоѣ лежало Евангеліе и икона Знаменія Божіей Матери.

Когда мы вышли изъ храма, то вошли въ храмъ рядомъ же съ этимъ, но гораздо меньше, и мы опять вошли въ него; посреди храма стояли три стола, вокругъ этихъ столовъ стояли прекрасные юноши, сидѣли отроки и плели вѣнки изъ разныхъ цвѣтовъ, которые были насыпаны на всѣхъ столахъ въ великомъ множествѣ; юноши эти учили отроковъ плести вѣнки; всѣ они вмѣстѣ очень хорошо пѣли «Аллилуія».

Среди этихъ отроковъ я увидѣла своего племянника, который умеръ въ этомъ году; онъ увидя меня, улыбнулся, но не подошелъ ко мнѣ, и мнѣ сдѣлалось очень обидно, что онъ не загово-

рилъ со мной. Здѣсь я долго стояла, и мнѣ не хотѣлось уходить; но святый Георгій взялъ меня за руку и мы пошли изъ храма. На мой вопросъ, для кого плетутъ эти вѣнки, святый Георгій отвѣтилъ: «для праведныхъ».

Недалеко отъ этого храма я увидѣла три обители; святый Георгій сказалъ мнѣ: «это обитель Введенскихъ Игуменій». Когда мы подошли къ нимъ, то изъ одной обители вышла (недавно умершая) наша игуменья Рафаила, она обратилась ко мнѣ и сказала: «ты Ѳеклушка, здѣсь уже? да я тебя еще не возьму, тебѣ надо еще потрудиться въ своей обители». Еще спросила у меня какъ поживаете, и когда я стала ей разсказывать, то она сказала мнѣ: «я знаю, все знаю. Помоги Господи, матушкѣ Аполинаріи, я за нее и за всѣхъ сестеръ молюсь».

Когда матушка отошла отъ меня, я пошла къ красивому домику; у дверей домика я увидѣла свою старицу монахиню Людмилу, она отворила дверь и радостно сказала: «а, и ты пришла сюда, да тебѣ еще рано, я еще не возьму тебя». Она ввела меня въ келію гдѣ было множество иконъ; здѣсь было у нея очень хорошо. Потомъ она сѣла къ столу и что-то писала. Вдругъ послышался звонъ и старица сказала: теперь иди домой, а мнѣ надо идти къ обѣднѣ.

Когда я вышла отъ нея, то встрѣтила мат. Поликсенію; она очень обрадовалась, когда увидѣла меня, и сказала: «ахъ, Ѳеклуша, ты уже здѣсь? но вѣдь еще рано тебѣ». Крѣпко меня обняла и показала свою келію: это былъ красивый одноэтажный домикъ. Она сказала: «я все знаю, молюсь за своихъ келейныхъ и жалѣю ихъ».

Когда она отошла, я встрѣтила первую мою старицу (старшую при молочной на скотномъ дворѣ). Она тоже очень обрадовалась, крѣпко меня обняла, говоря: и ты, Ѳеклушка, пришла къ намъ? Я спросила у нея: «матушка, вѣдь Вы умершая, хорошо-ли Вамъ здѣсь? «Было раньше не особенно хорошо, отвѣчала она; сама знаешь, съ народомъ жила, много грѣха было; но сестры въ 6 недѣль умолили за меня, теперь мнѣ хорошо».

Она отошла отъ меня, я осталась стоять среди поля, тутъ явился святый Георгій, и мы пошли дальше; поле становилось все красивѣе; вдали виднѣлись ворота; вдругъ я увидала, что посреди поля идутъ монашествующіе, все больше полками, въ бѣлыхъ, свѣтлыхъ и парчевыхъ мантіяхъ, въ золотыхъ и серебрянныхъ вѣнцахъ.

Много шло святителей въ золотыхъ одеждахъ, въ вѣнцахъ и съ крестами; въ 5-мъ полку узнала своего священника, очень хорошей жизни.

Впереди монахинь шли игуменьи съ посохами; много узнала своихъ умершихъ сестеръ, нѣкоторые рясофорные были въ мантіяхъ бѣлыхъ съ золотыми вѣнцами, а другія въ бѣлыхъ съ сере-

бряными вѣнцами, у нѣкоторыхъ были букеты изъ чудныхъ цвѣтовъ. Всѣ знакомыя монахини кланялись мнѣ и улыбались, а одна послушница сказала: «Ѳеклушка, и ты пришла къ намъ! да не совсѣмъ, вернешься обратно».

Во главѣ священства шелъ святитель въ митрѣ, весь въ золотѣ и съ крестомъ въ рукѣ. Въ 5-мъ полку узнала трехъ іеромонаховъ большого Тихвинскаго монастыря, въ томъ числѣ и отца Клавдіана, съ крестами въ рукахъ. Всѣ они были веселы и всѣ, какъ будто въ однихъ годахъ, лѣтъ 30-ти; а мірскіе шли по краямъ съ двухъ сторонъ, ихъ было такъ много, какъ бы въ воздухѣ комаровъ; всѣ они проходили въ ворота.

Вдругъ явился около меня сѣдой старичекъ въ блестящей одеждѣ и въ крестахъ, я узнала въ немъ святителя Николая: «пойдемъ, теперь надо возвратиться обратно». И мы съ нимъ пошли. Тутъ я никого не видала; пришли мы на другое поле, которое похоже на нашу сѣнокосную полянку «Планъ», только теченіе рѣки какъ будто другое, съ восточной стороны; на этомъ полѣ я увидѣла своихъ монахинь и послушницъ, которыя косили траву, а нѣкоторыя гребли сѣно, и свѣтло было у нихъ; они пѣли очень хорошую псальму: «Пресвѣтлый Ангелъ мой Господень».

Вдругъ въ воздухѣ точно блеснуло что-то, и я увидѣла небольшой вѣнчикъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ работали наши; онъ золотой и все дѣлался больше и больше, наконецъ, онъ сдѣлался во всю пожню; то онъ поднимался, то опять опускался; а съ восточной стороны идетъ точно игуменья съ посохомъ въ рукахъ, но я не узнала, которая идетъ, а сама все креститъ всѣхъ.

Тутъ я оглянулась и посмотрѣла за рѣку, тамъ было очень темно; на самомъ берегу стояли наши, живущіе въ монастырѣ; волосы у нихъ были распущены, имъ, повидимому, хотѣлось перейти на эту сторону, но только онѣ подойдутъ ближе, берегъ рѣки начинаетъ обваливаться, и онѣ вмѣсто того, чтобы приближаться, все отдалялись дальше; мнѣ стало ихъ очень жаль. Вдругъ въ это время явился ко мнѣ въ облаченіи съ крестомъ о. Клавдіанъ, онъ сказалъ мнѣ: «не говори никому кого ты видѣла за рѣкой, онѣ, быть можетъ, милосердіемъ Божіимъ и покаются».

Послѣ этихъ словъ я опять увидѣла около себя святителя Николая, онъ сказалъ мнѣ: «теперь пойдемъ, я провожу тебя». И точно, мы пришли въ келію, я легла на кровать, а онъ пошелъ въ большой уголъ и скрылся тамъ.

Вдругъ въ келію открывается дверь и входитъ умершая наша матушка игуменья Рафаила, въ парчевой блестящей мантіи и въ вѣнцѣ на головѣ; за ней входитъ другая монахиня, высокая черная, а одежда на ней еще свѣтлѣе, на головѣ корона; она стояла позади матушки игуменьи и улыбалась, а матушка подошла

ко мнѣ и сказала: «вотъ ты теперь больна, пособоруйся и поправишься». Тутъ матушка три раза перекрестила меня. Я спросила: «матушка, кто это съ вами?» Матушка отвѣтила мнѣ: «это наша благовѣрная царица, схимонахиня Дарья». Она стоитъ и улыбается, издали перекрестила меня и онѣ обѣ скрылись.

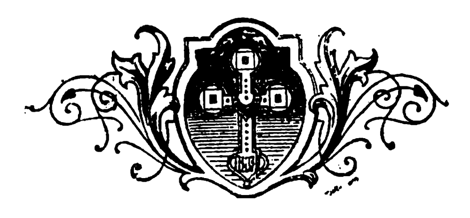
Послѣ этого я проснулась, окинула взглядомъ всю келію, и какая грязная и мрачная показалась она мнѣ послѣ того, что я видѣла. Сначала никого не узнала кто былъ около меня, такіе они мнѣ показались дурные, черные, послѣ тѣхъ, какихъ я видѣла въ полѣ и которые шли полками.

Немного погодя, я совершенно пришла въ себя, узнала всѣхъ и первое слово мое было къ нимъ: дѣвушки, не дѣлайте никому зла. За зло то, что будетъ вамъ на томъ свѣтѣ, страшно и подумать.

Послѣ этого сновидѣнія она пролежала въ постели 15 дней, была очень слаба, можно сказать, находилась между жизнью и смертью, сильный былъ у нея страхъ, всѣ ночи горѣла лампа, каждую ночь двое или трое приходили къ ней спать, съ одной своей старшей она боялась оставаться, такъ она была слаба, что когда приходилось вставать съ постели и если не успѣвали ее поддержать, то она падала на полъ.

Въ 19-й день вечеромъ ее соборовали, съ трудомъ она могла стоять; во время Евангелія ее поддерживали подъ руки, по прочтеніи же послѣдняго она почувствовала крѣпость, какую-то особую бодрость и съ этого дня она стала поправляться, и теперь совершенно здорова, ходитъ на всѣ послушанія; страхъ ея также прошелъ. Послушница эта жива и въ настоящее время.

Дѣвица эта живетъ въ монастырѣ 17 лѣтъ, почти неграмотная, съ трудомъ читаетъ Псалтырь, цѣлыми днями находится въ монастырскихъ послушаніяхъ, весьма хорошей жизни, усердная въ трудѣ, кроткая, скромная, однимъ словомъ, живущая въ страхѣ Божіемъ. Въ настоящее время ей 33 года; нѣсколько лѣтъ она жила при больной старицѣ и ходила за нею безропотно. Первое время она плохо и говорила, такъ какъ она изъ Олонецкой губерніи и въ ихъ деревнѣ особое нарѣчіе. Объ участи праведныхъ и грѣшныхъ она мало имѣетъ понятія, такъ что воображеніе на нее не могло дѣйствовать. (Взято изъ Почаевскаго Листка, а также изъ Аѳонскаго Листка изданнаго обителью Вознесенія Господня, на которомъ отмѣчено: «Перепечатано съ дозволеннаго цензурою»).

Одинъ часъ мученія въ аду.

Одинъ разслабленный, изнемогая въ духѣ терпѣнія, съ воплемъ просилъ Господа прекратить его страдальческую жизнь.

— Хорошо, — сказалъ явившійся однажды больному ангелъ, — Господь, какъ неизреченно благъ, соизволяетъ на твою молитву. Онъ прекращаетъ твою временную жизнь, только съ условіемъ, вмѣсто одного года страданій на землѣ, которыми всякій человѣкъ, какъ золото въ огнѣ, искушается, согласенъ ли ты пробыть три часа въ аду? Твои грѣхи требуютъ очищенія въ страданіяхъ собственной твоей плоти: ты долженъ бы еще быть въ разслабленіи годъ, потому что, какъ для тебя, такъ и для всѣхъ вѣрующихъ, нѣтъ другого пути къ небу, кромѣ крестнаго, проложеннаго безгрѣшнымъ Богочеловѣкомъ. Тотъ путь тебѣ уже наскучилъ на землѣ; испытай, что значитъ адъ, куда идутъ всѣ грѣшники; впрочемъ только испытай въ теченіи трехъ часовъ, а тамъ — молитвами святой Церкви ты будешь спасенъ.

Страдалецъ задумался. Годъ страданій на землѣ — это ужасное продолженіе времени. Лучше же я вытерплю три часа, сказалъ онъ наконецъ ангелу. Ангелъ тихо принялъ на свои руки его страдальческую душу и, заключивъ ее въ преисподнихъ ада, удалился отъ страдальца, со словами: «чрезъ три часа явлюсь я за тобой».

Господствующій повсюду мракъ, тѣснота, долетающіе звуки неизъяснимыхъ грѣшническихъ воплей, видѣніе духовъ злобы, въ ихъ адскомъ безобразіи, все это слилось для несчастнаго страдальца въ невыразимый страхъ и томленіе.

Онъ всюду видѣлъ и слышалъ только страданіе, и ни ползвука радости въ необъятной безднѣ ада: одни лишь огненные глаза демоновъ сверкали въ преисподней тьмѣ и носились предъ нимъ ихъ исполинскія тѣни, готовыя сдавить его, сожрать и сжечь своимъ геенскимъ дыханіемъ. Бѣдный страдалецъ затрепеталъ и закричалъ; но на его крикъ и вопли отвѣчала только адская бездна своимъ замирающимъ въ дали эхомъ и клокотаніемъ геенскаго пламени. Ему казалось, что уже цѣлые вѣка страданій протекли: съ минуты на минуту ждалъ онъ къ себѣ свѣтоноснаго ангела.

Наконецъ страдалецъ отчаялся въ его появленіи, и, скрежеща зубами, застоналъ, заревѣлъ, что было силы, но никто не внималъ его воплямъ. Всѣ грѣшники, томившіеся въ преисподней тьмѣ, были заняты собою, своимъ собственнымъ только мученіемъ.

Но вотъ тихій свѣтъ ангельской славы разлился надъ бездною. Съ райскою улыбкою подступилъ ангелъ къ нашему страдальцу и спросилъ: — Что, каково тебѣ братъ?

— «Не думалъ я, чтобъ въ устахъ ангельскихъ могла быть ложь,» — прошепталъ едва слышнымъ, прерывающимся отъ страданій голосомъ страдалецъ. — «Что такое? — возразилъ ангелъ».

«Какъ, что такое? — произнесъ страдалецъ; ты обѣщался взять меня отсюда черезъ три часа, а между тѣмъ цѣлые годы, цѣлые, кажется вѣка протекли въ моихъ невыразимыхъ мученіяхъ!»...

— Что за годы, что за вѣка? — кротко и съ улыбкою отвѣчалъ ангелъ, — часъ еще только прошелъ со времени моего отсутствія отсюда, и два часа еще быть тебѣ здѣсь.

— «Какъ два часа?» — въ испугѣ спросилъ страдалецъ, — «еще два часа? Охъ, не могу терпѣть; нѣтъ силы! Если только можно, если только есть воля Господня, — умоляю тебя: возьми меня отсюда! Лучше на землѣ я буду страдать годы и вѣки, даже до послѣдняго дня, до самого пришествія Христова на судъ, только выведи меня отсюда. Невыносимо! пожалѣй меня!» — со стономъ воскликнулъ страдалецъ, простирая руки къ свѣтлому ангелу.

— Хорошо, — отвѣтилъ ангелъ, — Богъ, какъ Отецъ щедротъ и утѣхи, удивляетъ на тебѣ благодать Свою.

При этихъ словахъ страдалецъ открылъ глаза и видитъ, что онъ по прежнему на своемъ болѣзненномъ ложѣ. Всѣ чувства его были въ крайнемъ изнеможеніи; страданія духа отозвались и въ самомъ тѣлѣ; но онъ съ той поры уже въ сладость терпѣлъ и переносилъ свои страданія, приводя себѣ на память ужасъ адскихъ мученій и благодаря о всемъ милующаго Господа. (Изъ писемъ святогорца, стр. 183-я, письмо 15-е, 1883 г.).

* * *

Часъ адскихъ мукъ на землѣ.

Долгое время при Н. церкви безсмѣнно служилъ церковнымъ старостой Гавріилъ Ивановичъ Гончаръ, немого не дослужилъ до пятидесятилѣтія. Не было ни однихъ выборовъ, на которыхъ прихожане говорили бы что-либо иное, какъ одни и тѣ-же слова: «у насъ никого нѣтъ справедливѣе Гавріила Ивановича, а усерднѣе до Божьяго храма, про то и говорить нечего, мы боимся и подумать, какъ можно его смѣнять, просимъ, чтобы до самой смерти ходилъ безсмѣнно». И служилъ онъ при церкви до самой своей кончины, которую удостоился принять въ пятокъ на Пасхальной недѣлѣ.

Былъ онъ честности идеальной, кротости безмѣрной и любви истинно-христіанской. Богъ не даровалъ ему дѣтей, жилъ онъ съ женой, братомъ и племянникомъ. Никто никогда не видалъ его и минуты безъ труда и Богу вѣдомо, что онъ всегда же творилъ и умную молитву. Видомъ онъ былъ похожъ на св. старца Серафима Саровскаго, въ годъ канонизаціи котораго и умеръ.

Никакихъ спиртныхъ напитковъ и табаку онъ не употреблялъ и другихъ всегда кротко «каралъ» за нетрезвость и трубку. Даже когда принималъ Святыя Тайны, и то запивалъ чистою водою. Служилъ я съ нимъ уже въ послѣдніе годы его жизни, но всѣ лю-

ди говорили, что знаютъ дѣдушку Гавріила трезвенникомъ, какъ запомнятъ.

Нѣсколько разъ я разспрашивалъ его, почему онъ такой строгій трезвенникъ, что, бывъ въ болѣзни, и врача не послушалъ, и пилъ ли когда вино; дѣдушка отнѣкивался и заговаривалъ о другомъ. За годъ до его кончины ѣхали мы вмѣстѣ съ нимъ въ городъ (онъ положилъ небольшую сумму денегъ вѣчнымъ вкладомъ на нужды церкви и свое поминовеніе). Обыкновенно молчаливый, дѣдушка на этотъ разъ былъ очень словоохотливъ и много разсказывалъ о Святой Землѣ и Аѳонѣ, гдѣ онъ заболѣлъ и прожилъ съ мѣсяцъ. Поразило его, трезвенника, тамъ очень то, что при каждой трапезѣ всѣмъ даютъ вина, и ему давали... «А мнѣ не можно».....

Вотъ тутъ то я и упросилъ дѣдушку разсказать, почему ему не можно даже и малой чары слабаго вина съ водой выпить.

«Былъ я одинъ сынъ у отца, всего у насъ было вдоволь. Родители мои учили меня уму-разуму и воли мнѣ не давали. Но, извѣстно, паробоцкое дѣло: собираются на вечерки, нанимаютъ музыку, пьютъ водку, а на водку, да на гостинцы дивчатамъ, воруютъ у батекъ всякое збожье (зерно). Былъ и я такой и хотя батько и каралъ меня, но я все изворачивался, а съ нашего дому можно было долго тянуть и ничего незамѣтно. Повадился я на вечерки, да на вечерки и сталъ втягиваться: безъ водки и скучно мнѣ стало. А тутъ отецъ померъ. Своя воля стала, матери не слушался. Женила меня мать, думала исправлюсь, а я пропащій сталъ совсѣмъ человѣкъ и пропалъ бы, если бы Господь не оглянулся на меня.

Случилось, повезъ я разъ въ городъ продавать возъ муки. Продавши, выпилъ тамъ добрѣ, ѣхалъ домой съ пріятелями и дорогой тоже все пилъ.

Какъ пріѣхали домой, не помню. Вотъ, батюшка, есть люди, что не вѣрятъ, что будутъ вѣчныя муки, вѣчный огонь, что ада нѣтъ, а я, окаянный, уже мучился на этомъ свѣтѣ вѣчными муками огненными и каждую минуту про это помню, хотя это и было давно.

Проснулся я и вижу, что кругомъ огонь, чую, что связанъ, ни руками, ни ногами не двигну, да стоятъ кругомъ меня... (онъ никогда не называлъ имени бѣсовскаго и при этомъ всегда крестился) и жгутъ они меня огнемъ, да не такимъ, какъ на землѣ, этотъ можно стерпѣть, а лютѣйшимъ. Да такъ же больно, да такъ же горячо (чуть не съ плачемъ говорилъ онъ), какъ сейчасъ это было, а вѣдь уже больше 50 лѣтъ прошло, какъ былъ я въ муккахъ, а какъ бы въ эту ночь они были! А огонь то лютый, а жгутъ меня и палятъ, а сами то.... и сказать нельзя!...

Спаситель мой! Матерь Божія! Взмолился я тутъ, а мученію и конца нѣтъ. Думалось, что уже цѣлый вѣкъ прошелъ, а всего то мучился я одинъ часъ. Видно, Господь наказалъ меня для вразумленія, да помиловалъ.

Вдругъ сразу все пропало, чую, что развязались руки и ноги, я повернулся и вижу: предъ образами горитъ лампадка (дѣло было на самое Успенье) и на колѣняхъ стоитъ мать моя и слезно молится. Вотъ тутъ-то я и вспомнилъ и понялъ, что правильно сказано: «материнская молитва со дна моря поднимаетъ». И меня молитва матери вызволила изъ адскихъ мукъ.

Поднялся я здоровъ, какъ будто и хмѣльнаго въ ротъ не бралъ. Мать разсказала, что привезла меня лошадь безъ чувствъ. Снесли, какъ мертваго и положили на лавку, дыханія и не замѣтно было. Мать стала со слезами молиться... Съ тѣхъ поръ я этого часа во всю свою жизнь забыть не могу.

Какъ же будетъ намъ грѣшнымъ, если такъ мучиться цѣлый вѣкъ! Господи Милосердный, наказалъ Ты меня разъ на землѣ, накажи еще здѣсь много разъ лютыми муками, да избавь вѣчныхъ мукъ».

Спрашиваю, разсказывалъ ли ты, дѣдушка, кому-либо объ этомъ? «Было разъ, кромѣ отца духовнаго (въ лаврѣ въ Кіевѣ, куда онъ ежегодно ходилъ въ Великомъ постѣ, хотя и въ своей церкви говѣлъ очень часто), разсказалъ я одному человѣку, такъ онъ засмѣялся и сказалъ, что это тебѣ спьяна представилось. Богъ съ нимъ, больше я уже никому и не разсказывалъ, кромѣ вотъ Васъ, батюшка».

И умно дѣлалъ дѣдушка, что никому объ этомъ не говорилъ. Онъ былъ радъ, что Господь вразумилъ его и не желалъ безплодными размышленіями и разъясненіями допустить врага рода человѣческаго опять склонить его на путь погибельный.

Такія вразумленія бываютъ нерѣдко, но они часто проходятъ безслѣдно для пользы вразумляемыхъ, ибо ихъ стараются объяснить естественными причинами, забывая, что въ мірѣ, а особенно въ жизни человѣка, все происходитъ не по какимъ-либо естественнымъ причинамъ, а по Промыслу Божіему. (Корм. № 18).

* * *

Замѣчательная кончина христіанскаго отрока.

Въ 60-хъ годахъ я жила въ селѣ Красномъ, въ имѣніи Раевскаго, съ сыномъ Викторомъ, — такъ разсказываетъ Бернаскони, старушка 65-и лѣтъ. Это былъ замѣчательный ребенокъ, подвижной, умный, развитой не по лѣтамъ, и притомъ отличался замѣчательною набожностію. Всѣ окружавшіе его любили, не исключая простонародія. Когда ему исполнилось пять лѣтъ, онъ забо-

лѣлъ дифтеритомъ. Однажды утромъ онъ мнѣ говоритъ: «Ну, мама, я долженъ умереть сегодня, а потому ты мнѣ ванночку сдѣлай, чтобы я могъ явиться Богу чистенькимъ». Я стала возражать, что ему отъ этого хуже сдѣлается, онъ можетъ простудиться, но онъ настойчиво требовалъ ванну, и я уступила его просьбѣ, — умыла его, одѣла въ чистое бѣлье и положила на кроватку.

— А теперь, мама, дай мнѣ образокъ сюда тотъ, который я такъ люблю, попросилъ онъ, и я исполнила его просьбу.

— Скорѣй, мама, дай мнѣ въ руку свѣчку, я сейчасъ умру, требовалъ ребенокъ, и я зажгла восковую свѣчу и вложила ему въ руку. — Ну, теперь прощай, мама! были послѣднія слова ребенка; онъ закрылъ глаза и тотчасъ же скончался.

Для меня потеря этого ребенка составляла безъисходное горе, я днемъ и ночью плакала, не находя ни въ чемъ утѣшенія. Но вотъ однажды зимою я, проснувшись утромъ, услышала съ лѣвой стороны моей кровати, голосъ моего ребенка Виктора, который звалъ меня: — Мама, мама, ты не спишь?

Пораженная, я отвѣтила: нѣтъ, не сплю, и повернула голову въ ту сторону, откуда раздался голосъ, и — о чудо! — я увидѣла моего Виктора, стоявшаго въ свѣтлой одеждѣ и грустно смотрѣвшаго на меня. Казалось, что свѣтъ прямо шелъ отъ него, потому что въ комнатѣ было настолько темно, что безъ этого я не могла бы увидѣть его. Онъ такъ близко стоялъ отъ меня, что первый порывъ мой былъ броситься къ нему и прижать къ сердцу; но едва эта мысль промелькнула у меня въ головѣ, какъ онъ предупредилъ меня: «мама, ты меня не трогай, меня нельзя трогать», и при этихъ словахъ отодвинулся нѣсколько назадъ. Я стала молча любоваться имъ, а онъ между тѣмъ продолжалъ говорить: «Мама, ты все плачешь обо мнѣ, зачѣмъ ты плачешь? Мнѣ вѣдь хорошо тамъ, но еще лучше было бы, если бы ты меньше плакала. Ты не плачь», и исчезъ.

Черезъ два года Викторъ снова явился мнѣ наяву, когда я была въ спальнѣ: «Мама, зачѣмъ тебѣ Оля, она тебѣ лишняя, сказалъ онъ» (Оля моя дочь, которой было въ ту пору около года). Когда я спросила: неужели вы и ее возьмете? Онъ сказалъ: «она лишняя» и исчезъ. За двѣ недѣли до ея смерти онъ опять явился и сказалъ: «мама, тебѣ Оля лишняя; у тебя все большіе, она тебѣ будетъ только мѣшать». Я была увѣрена, что дочь моя умретъ, и черезъ двѣ недѣли, придя домой, нисколько не удивилась, когда нянька объявила, что у ребенка жаръ, и затѣмъ чрезъ два дня Оля моя умерла. (Ребусъ 1893 г., № 2).

* * *

У монаха Іоны умеръ сынъ Косма, бывшій послушникомъ въ Чудовомъ монастырѣ. Въ пятницу подъ Лазареву субботу, около полуночи Іона всталъ поправить лампадку, и видитъ, что дверь

отворилась, входитъ сынъ его въ бѣлой рубашкѣ, а за нимъ два мальчика, прекрасно одѣтые.

— Косма, за чѣмъ ты пришелъ, не тронь меня, я боюсь тебя, сказалъ отецъ. — Не бойся, батюшка, я ничего не сдѣлаю, отвѣтилъ онъ, и поцѣловалъ отца.

— Ребятишки, вы не уходите, не оставляйте меня одного съ нимъ, проговорилъ Іона. «Каково тебѣ, Косма тамъ»? — Слава Богу, батюшка, мнѣ хорошо.

Отецъ еще хотѣлъ спросить о чемъ-то, но сынъ всталъ и поспѣшно проговорилъ: «Прости, батюшка, мнѣ нужно навѣстить старца» и, не сказавъ какого, вышелъ съ мальчиками вонъ изъ кельи. (Изъ кн. Монастырскія письма. Письмо 16-е).

* * *

Въ ночь съ 28-е на 29-е сентября снилось мнѣ, передаетъ графъ М. В. Толстой, будто стою я у себя въ залѣ и слышу изъ гостинной раздаются голоса дѣтей. Смотрю — проходятъ мимо меня въ залу разныя дѣти и между ними Володя, нашъ сынъ. Я съ радостью кинулся къ нему, онъ улыбается мнѣ своей прежней ангельской улыбкой. Я протянулъ къ нему руки: Володя, это ты? Онъ кинулся мнѣ на шею, и крѣпко, крѣпко обнялъ меня.

— Гдѣ ты, моя радость, ты у Бога? — Нѣтъ, я еще не у Бога, я скоро буду у Бога. — Хорошо ли тебѣ?

— Хорошо, лучше чѣмъ у васъ. А у васъ я часто бываю, все около васъ. Я все почти одинъ, только Марія Магдалина со мною бываетъ. Иногда мнѣ дѣлается скучно.

— Когда тебѣ скучно? — Особенно когда плачутъ обо мнѣ. А меня утѣшаетъ, когда обо мнѣ молятся, когда даютъ бѣднымъ за меня. Я все молюсь, молюсь за мамашу, за васъ, за братьевъ, за Пашу (сестру), за всѣхъ, кто меня любитъ. Милую мою мамашу обнимите за меня, вотъ такъ, крѣпко.

— Ты съ ней повидался бы, моя радость. — И повидаюсь, непремѣнно повидаюсь. — Когда же? — Когда плакать перестанетъ.

Тутъ послышался голосъ моей жены изъ коридора, я обернулся туда къ ней, потомъ взглянулъ назадъ — его ужъ нѣтъ.

Я проснулся съ усиленнымъ біеніемъ сердца, въ такомъ волненіи, что не могъ удержаться отъ громкихъ рыданій, которыми разбудилъ жену свою. Въ ту же минуту я набросалъ на бумагу видѣнное во снѣ слово въ слово такъ, какъ было. (М. Погодинъ — Простая рѣчь о мудренныхъ вещахъ).

Троицкіе Листки. № 37.

СВЯТАЯ ТРОЙЦА

✠

О МОЛИТВѢ.

Когда становишься на молитву, помни, что, ты вступаешь въ бесѣду съ Богомъ, окруженъ Ангелами и Святыми, которые живо чувствуютъ благоговѣніе, любовь, благодарность къ Нему, всегда прославляютъ Его (Ис. 6, 2-3). Богъ, прославляемый славословіемъ Ангеловъ и Святыхъ, благоволитъ выслушивать и твою бесѣду съ Нимъ, твою молитву. Съ какими же чувствами долженъ ты прино-

сить свою молитву, зная что она слышится на небѣ Богомъ, Ангелами и Святыми. Надѣюсь, твой умъ и твое сердце сами внушатъ тебѣ, что молитва твоя должна приноситься съ тѣми же чувствами, съ какими воспѣваютъ свои пѣсни Ангелы и Святые, то есть съ чуствами благоговѣнія, любви и благодарности къ Богу.

Но что же дѣлать тебѣ, если, ставъ на молитву, ты найдешь, что душа твоя не согрѣта ни однимъ изъ этихъ святыхъ чувствъ, сообщающихъ нашей молитвѣ благоуханіе предъ Богомъ, дѣлающихъ ее пріятною жертвою Богу? Тогда начни твою молитву прошеніемъ, чтобы милосердный Богъ далъ тебѣ новый христіанскій — духъ и новое — христіанское сердце, чтобъ Онъ — таинственнымъ вліяніемъ Святаго Духа Своего — вызвалъ въ твоей душѣ святое расположеніе къ молитвѣ, молись чаще словами мужа по сердцу Божію, Давида царя: **сотвори мнѣ Боже чистое сердце, и духъ правый** (какой я получилъ отъ Тебя въ таинствѣ крещенія, но омрачилъ своими грѣхами) **обнови внутри меня** (Пс. 50, 12).

Молитва есть благоговѣйная бесѣда нашей души съ Богомъ. Какъ любящія дѣти ежедневно чувствуютъ потребность бесѣдовать съ своими родителями; такъ истинныя дѣти Отца небеснаго не могутъ не чувствовать ежедневно потребности обращаться къ Нему съ молитвой; потому-то св. Апостолъ Павелъ говоритъ: **всегда въ молитвѣ и прошеніи съ благодареніемъ открывайте свои желанія предъ Богомъ** (Фил. 4, 6). Если расположеніе къ молитвѣ станетъ посѣщать тебя очень рѣдко, то это вѣрный признакъ, что ты перестаешь быть истиннымъ христіаниномъ, сыномъ Отца небеснаго. Что же дѣлать тебѣ для оживленія въ души молитвеннаго расположенія? Читай святое Евангеліе и молитвенныя пѣсни (псалмы) боголюбиваго царя Давида, а также житія святыхъ угодниковъ Божіихъ, и чаще посѣщай домы молитвы, святые храмы Божіи; въ нихъ въ особенности вѣетъ Святый Духъ, Духъ молитвы и располагаетъ къ молитвѣ всѣхъ предстоящихъ.

Для успѣха нашей молитвы предъ Богомъ недовольно одного благоговѣнія къ Богу, выражаемаго — всего естественнѣе — колѣнопреклоненіемъ и земными поклонами — нужна еще живая сердечная вѣра въ крестныя заслуги Спасителя нашего, Господа Іисуса Христа, Сына Божія, Который Своими страданіями на Крестѣ примирилъ людей съ Богомъ, и ради Котораго все готовъ подать намъ Отецъ нашъ небесный. Если о чемъ попросите Отца **во имя Мое,** то сдѣлаю, говоритъ Господь Іисусъ Христосъ (Іоан. 14, 13). Итакъ, твоя молитва только тогда будетъ успѣшна, когда ты принесешь ее **во имя Іисуса Христа,** съ живою вѣрою въ Его крестныя заслуги.

Но чѣмъ же тебѣ выразить, что ты просишь Бога въ молитвѣ во имя Іисуса Христа? Крестнымъ знаменіемъ всего лучше можно выразить это. Сопровождая сердечную молитву свою крестомъ, мы по-

лагаемъ на ней печать, которая дѣлаетъ ее угодною Богу, ибо мы выражаемъ крестнымъ знаменіемъ, что просимъ у Отца небеснаго исполненія нашихъ молитвъ не ради нашихъ заслугъ, которыхъ у насъ грѣшниковъ нѣтъ, а ради заслугъ Спасителя, Которымъ все пріобрѣтено для насъ. Крестною смертію Спасителя отверста для насъ сокровищница небесныхъ благъ, — крестнымъ знаменіемъ, соединеннымъ съ живою вѣрою во Спасителя и сопровождающимъ нашу благоговѣйную — сердечную молитву, каждый изъ насъ отверзаетъ эту сокровищницу вновь для себя, чтобъ получитъ изъ нея тѣ блага, въ коихъ онъ нуждается.

Молясь Богу, нужно стяжать такую твердую, непоколебимую вѣру, чтобы сомнѣніе въ чемъ либо было дѣломъ труднымъ, даже невозможнымъ, а для этого нужно имѣть въ сердцѣ какъ бы начертанными слова: **вся возможна суть у Бога**; нужно еще имѣть живую увѣренность, что Господь вся исполняетъ, — что Существо Его есть Любовь и Благость; что Его дѣло и какъ бы существо: творить, давать, миловать, ущедрять, исполнять наши прошенія... Надо крайне заботиться объ истинѣ молитвы, о той искренности, которая дѣлаетъ своими всѣ слова молитвы, составленной другимъ, почитаетъ истиннымъ каждое слово молитвы.

Молясь, нужно все твореніе представлять какъ ничто предъ Богомъ, а Единаго Бога — Всѣмъ, вся содержащимъ, вездѣ сущимъ, дѣйствующимъ, и все оживляющимъ.

«Когда покроетъ тебя тьма, сомнѣніе, уныніе, отчаяніе, смущеніе, тогда призови только всѣмъ сердцемъ твоимъ сладчайшее имя Христа: въ Немъ ты все найдешь: и свѣтъ и утвержденіе, и упованіе, и утѣшеніе, и покой; найдешь въ Немъ самую благость, милость, щедрость, все это найдешь въ одномъ имени заключеннымъ, какъ бы въ какой богатой сокровищницѣ».

Молиться Богу надо въ полномъ вниманіи, вникать умомъ въ каждое слово молитвы. Если умъ отбѣжитъ, надо возвратить его, принудить его тутъ быть и въ то же время языкомъ повторять слова молитвы.

Внутренняя молитва есть дыханіе духа безсмертнаго, она производитъ радость о Господѣ и постоянное благодареніе за все, что подастъ Господь, за скорби такъ же, какъ и за радости, видя во всемъ милосердіе Божіе, ведущее насъ ко спасенію, ими же вѣси судьбами.

Блаженъ, кто сподобился усмотрѣть внутри себя Господа Бога и ощутитъ въ сердцѣ своемъ миръ божественный и радость, происходящую отъ Духа Святаго; сей горитъ любовью къ Богу подобно купинѣ, любовью вѣчно несгораемой.

«Будь подобенъ Херувимамъ», говоритъ св. Ефремъ Сиринъ, «и не думай, что кромѣ тебя и Бога есть кто-либо другой на землѣ».

——— * * * ———

О. Іоаннъ Кронштадтскій о молитвѣ.

ВЫБОРКИ ИЗЪ ЕГО ТВОРЕНІЙ.

О СУЩЕСТВѢ, ЗНАЧЕНІИ И СИЛѢ МОЛИТВЫ.

1. Молитва — доказательство моей разумной личности, моей богообразности, залогъ моего будущаго обоженія и блаженства. Я изъ ничего созданъ; я ничто предъ Богомъ, какъ ничего своего не имѣющій; но я, по милости Его, есмь лице, имѣю разумъ, сердце, волю свободную и при своемъ разумѣ и свободѣ могу сердечнымъ обращеніемъ къ Нему постепенно увеличивать въ себѣ Его безконечное царствіе, постепенно все больше и больше умножать въ себѣ Его дарованія, почерпать изъ Него, какъ изъ приснотекущаго неисчерпаемаго Источника, всякое благо духовное и тѣлесное, особенно духовное. Молитва внушаетъ мнѣ, что я образъ Божій, что при смиренномъ и благодарномъ расположеніи своей души предъ Богомъ, при своей свободной волѣ, я, безконечно умножая духовные дары Божіи, могу, такимъ образомъ, въ безконечность усовершаться и до безконечности увеличивать мое богоподобіе, мое небесное блаженство ,къ которому я предопредѣленъ. О! молитва, есть знакъ моего великаго достоинства, которымъ почтилъ меня Создатель.—Но она, въ одно и то же время, напоминаетъ мнѣ о моемъ ничтожествѣ (изъ ничего я и ничего своего не имѣю—потому и прошу Бога о всемъ), какъ и о моемъ высочайшемъ достоинствѣ (я образъ Божій, я обоженный, я могу другомъ Божіимъ называться, какъ Авраамъ, отецъ вѣрующихъ, только бы вѣровалъ я несомнѣнно въ бытіе, благость и всемогущество Бога моего и уподоблялся Ему въ сей жизни дѣлами любви и милосердія).

2. Въ молитвѣ прошеніе — противъ гордой плоти нашей, все приписывающей себѣ; благодареніе—противъ безчувственности плоти нашей къ безчисленнымъ благодѣяніямъ Божіимъ, славословіе—противъ плотского человѣка, ищущаго славы только для себя.

3. Богъ есть Истина: и молитва моя должна быть истинна, какъ и жизнь. Богъ есть свѣтъ: и молитва моя должна быть приносима въ свѣтѣ ума и сердца; Богъ есть огонь: и молитва моя, какъ и жизнь, должна быть пламенна; Богъ всесвободенъ: и моя молитва должна быть свободнымъ изліяніемъ сердца. Какое богатство духа человѣческаго: только помысли онъ сердечно о Богѣ, только пожелай сердечнаго соединенія съ Богомъ, и Онъ сейчасъ съ тобой: и ни стѣны дома, никакіе заклепы темницъ, ни горы, ни пропасти не воспрепятствуютъ этому соединенію. Богъ сейчасъ съ тобою; такъ и Ангелы, и святые: съ Богомъ они всѣ передъ твоими глазами, у твоего сердца, какъ самые близкіе друзья, какъ присные тебѣ. О, богатство духа человѣческаго!

4. Молитва есть вознесеніе ума и сердца къ Богу, созерцаніе Бога, дерзновенная бесѣда твари съ Творцомъ, благоговѣйное стояніе души предъ Нимъ, какъ предъ Царемъ и Само-Животомъ дающимъ всѣмъ животъ; забвеніе для него всего окружающаго насъ, пища души, воздухъ и свѣтъ, животворная теплота ея, очищеніе грѣховъ, благое иго Христово, легкое бремя Его. Молитва—постоянное чувство (сознаніе) своей немощи или нищеты духовной, освященіе души, предвкушеніе будущаго блаженства, блаженство ангельское, небесный дождь, освѣжающій, напояющій и оплодотворяющій землю души, сила и крѣпость души и тѣла, освѣженіе и очищеніе мысленнаго воздуха, просвѣщеніе лица, веселіе духа, златая связь, соединяющая тварь съ Творцомъ, бодрость и мужество во всѣхъ скорбяхъ и искушеніяхъ жизни, успѣхъ въ дѣлахъ, равноангельское достоинство, утвержденіе вѣры, надежды и любви. Молитва—исправленіе жизни, мать сердечнаго сокрушенія и слезъ; сильное побужденіе къ дѣламъ милосердія; безопасность жизни; уничтоженіе страха смертнаго; пренебреженіе земными сокровищами, желаніе небесныхъ благъ, ожиданіе всемірнаго Судіи, общаго воскресенія и жизни будущаго вѣка; усиленное исканіе милости помилованія у Владыки; хожденіе предъ очами Божіими; блаженное исчезаніе предъ всесоздавшимъ и всеисполняющимъ Творцомъ; живая вода души; молитва—вмѣщеніе въ сердцѣ всѣхъ людей любовію; низведеніе неба въ душу; вмѣщеніе въ сердцѣ Пресвятыя Троицы, по сказанному **къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ** (Ін. 14, 23).

5. Молитва—постоянное чувство своей духовной нищеты и немощи, созерцаніе въ себѣ, въ людяхъ и въ природѣ дѣлъ премудрости, благости всемогущества силы Божіей, молитва—постоянное благодарственное настроеніе.

6. Молясь, старайся всемѣрно о томъ, чтобы чувствовать сердцемъ истину и силу молитвы, питайся ими, какъ нетлѣнною пищею, напой ими, какъ росою, сердце свое, согрѣвайся, какъ благодатнымъ огнемъ.

7. Въ молитвѣ и во всякомъ дѣлѣ своей жизни избѣгай мнительности и сомнѣнія и діавольской мечтательности. Да будетъ око твое душевное просто, чтобы было все тѣло твоей молитвы, твоихъ дѣлъ и твоей жизни свѣтло.

8. Доколѣ стоимъ на усердной молитвѣ, дотолѣ и спокойно и тепло и легко и свѣтло на душѣ; оттого что тогда мы съ Богомъ и въ Богѣ; а какъ съ молитвы долой, такъ и пошли искушенія, разныя смущенія. О, преблаженное время молитвы!

9. Молясь, мы непремѣнно должны взять въ свою власть сердце и обратить его къ Господу. Надобно, чтобы оно не было холодно, лукаво, невѣрно, двоедушно. Иначе, что пользы отъ нашей молитвы, отъ нашего говѣнія? Хорошо ли слышать отъ Господа гнѣвный гласъ: **приближаются Мнѣ людіе сіи усты своими, и устами чтутъ Мя: сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене** (Мѳ. 15, 8). Итакъ, не будемъ стоять

въ церкви съ душевнымъ разслабленіемъ, но да горитъ каждый духомъ своимъ работая Господу. И люди не много цѣнятъ тѣ услуги, которыя мы дѣлаемъ съ холодностью, по привычкѣ. А Богъ хочетъ именно нашего сердца. **Даждь Ми, сыне, твое сердце** (Прит. 23, 26); потому что сердце—главное въ человѣкѣ, жизнь его; больше—сердце наше есть самый человѣкъ. Потому, кто не молится или не служитъ Богу сердцемъ—тотъ все равно, что вовсе не молится, потому что тогда молится тѣло его, которое само по себѣ безъ души—то же, что земля. Помните, что предстоя на молитвѣ, вы предстоите Богу, имѣющему разумъ всѣхъ. Поэтому молитва ваша должна быть, такъ сказать, вся духъ, вся разумъ.

10. На молитвѣ будь, какъ дитя лепечущее, сливаясь въ одинъ духъ съ духомъ произносимой молитвы. Считай себя за ничто, молитвы принимай какъ великій даръ Божій. Отъ своего разума плотского совсѣмъ откажись и не внимай ему, ибо плотскій **разумъ кичитъ** (1 Кор. 8, 1), сомнѣвается, мечтаетъ, хулитъ. Если во время или внѣ молитвы врагъ запнетъ душу твою какими либо хулами или мерзостями, не унывай отъ нихъ, но скажи съ твердостью въ сердцѣ своемъ: для очищенія отъ этихъ то и подобныхъ имъ грѣховъ и пришелъ на землю Господь нашъ Іисусъ Христосъ, въ этихъ то и подобныхъ имъ немощахъ духа и пришелъ Многомилостивый помочь намъ; и когда скажешь эти слова съ вѣрою, сердце твое тотчасъ успокоится: ибо Господь сердце твое очиститъ. Вообще ни отъ какого грѣха, какъ отъ мечты, не надо унывать, а уповать на Спасителя. О, безмѣрное благоутробіе Божіе! О, величайшее служеніе Богочеловѣка намъ грѣшнымъ! И донынѣ Онъ помогаетъ человѣколюбно, очищая и спасая насъ. Итакъ, да посрамится держава вражія.

11. Мысли человѣка имѣютъ крайне сильное вліяніе на состояніе и расположеніе его сердца и дѣйствій; потому, чтобы сердце было чисто, добро, покойно, а расположеніе воли доброе и благочестивое, надо очищать свои мысли молитвою, чтеніемъ Свящ. Писанія и твореній св. Отцовъ, размышленіемъ о тлѣнности и скоропреходности и исчезновеніи земныхъ удовольствій.

12. Какъ близка къ тебѣ твоя мысль, какъ близка вѣра къ твоему сердцу, такъ близокъ къ тебѣ Богъ, и чѣмъ живѣе и тверже мысль о Богѣ, чѣмъ живѣе вѣра и познаніе своей немощи и ничтожества, и чувство нужды въ Богѣ, тѣмъ Онъ ближе. Или какъ близокъ воздухъ къ тѣлу, такъ близокъ Богъ къ душѣ. Ибо Богъ, такъ сказать, мысленный воздухъ, которымъ дышать всѣ Ангелы, души святыхъ и души людей, живущихъ особенно благочестиво. Ты не можешь жить безъ Бога ни минуты, и дѣйствительно, каждую минуту живешь Имъ: **о Немъ бо живемъ, и движемся, и существуемъ.**

13. Нечувствіе сердцемъ истины словъ на молитвѣ происходитъ отъ сердечнаго невѣрія и нечувствія своей грѣховности, а это въ свою очередь проистекаетъ отъ тайнаго чувства гордости.—По мѣрѣ

чувствъ своихъ на молитвѣ, человѣкъ узнаетъ: гордъ онъ или смиренъ: чѣмъ чувствительнѣе, пламеннѣе молитва, тѣмъ онъ смиреннѣе; **чѣмъ** безчувственнѣе, тѣмъ гордѣе.

14. Старайся дойти до младенческой простоты въ обращеніи съ людьми и въ молитвѣ къ Богу. Простота—величайшее благо и достоинство человѣка. Богъ совершенно простъ, потому что совершенно духовенъ, совершенно благъ. И твоя душа пусть не двоится на добро и зло.

15. Учитесь молиться, принуждайте себя къ молитвѣ: сначала будетъ трудно, а потомъ, чѣмъ болѣе будете принуждать себя, тѣмъ легче будетъ, но сначала всегда нужно принуждать себя.

16. Когда молишься, тогда представляй, что какъ бы единъ только и былъ предъ тобою Богъ, Троичный въ Лицахъ и кромѣ Его ничего не было. Представь, что Богъ въ мірѣ, какъ душа въ тѣлѣ, хотя и безконечно выше его и не ограничивается имъ, твое тѣло мало, и все его проникаетъ малая душа моя. Но міръ великъ. Богъ безконечно великъ, и по всему творенію Богъ все наполняетъ—**вездѣ сый и вся исполняяй.**

17. Спаситель благоволилъ воплотиться не для того только чтобы спасать насъ тогда, какъ грѣхи, страсти одолѣли насъ, когда мы уже опутаны ими, но и для того, чтобы спасти насъ, по молитвѣ нашей тогда, когда еще только усиливаются ворваться въ насъ грѣхъ и страсть, когда борютъ насъ. Не надо спать и опускать малодушно руки, когда борютъ насъ страсти, но въ это время и быть на сторожѣ, бодрствовать и молиться Христу, чтобы Онъ не допустилъ насъ до грѣха. Не тогда спасать должно домъ отъ пожара, когда огонь всюду уже распространился въ немъ, а лучше всего тогда, когда пламя только что начинается. Такъ и съ душею. Душа—домъ, страсти—огонь. **Не дадите мѣста діаволу** (Ефес. 4, 27).

18. Молитву старается лукавый разсыпать, какъ песчанную насыпь, слова хочетъ сдѣлать, какъ сухой песокъ, безъ связи, безъ влаги, т.е. безъ теплоты сердечной. Молитва то бываетъ храмина на пескѣ, то—храмина на камнѣ. На пескѣ строятъ тѣ, которые молятся безъ вѣры, разсѣянно, съ холодностью,—такая молитва сама собою разсыпается и не приноситъ пользы молящемуся; на камнѣ стоятъ тѣ, которые во все продолженіе молитвы имѣютъ очи, вперенныя въ Господа, и молятся Ему, какъ живому, лицомъ къ лицу бесѣдующему съ ними.

19. Мѣру достоинства своей молитвы будемъ измѣрять мѣрою человѣческою, качествомъ отношеній нашихъ къ людямъ. Каковы мы бываемъ съ людьми? Иногда мы холодно, безъ участія сердца, по должности или изъ приличія высказываемъ имъ свои просьбы, похвалы, благодарность, или дѣлаемъ для нихъ что-либо; а иногда съ теплотою, съ участіемъ сердца, съ любовію или иногда притворно, иногда искренно. Также неодинаковы мы бываемъ и съ Богомъ! Надо всегда отъ всего сердца высказывать Богу и славословіе, и благодареніе, и проше-

ніе; надо всегда отъ всего сердца дѣлать всякое дѣло предъ Нимъ; всѣмъ сердцемъ всегда любить Его и надѣяться на Него.

20. Можно ли молиться съ поспѣшностію, не вредя своей молитвѣ? Можно тѣмъ, которые научились внутренней молитвѣ чистымъ сердцемъ. Въ молитвѣ надобно, чтобы сердце искренне желало того, чего проситъ; чувствовало истину того, о чемъ говоритъ,—а чистое сердце имѣетъ это какъ бы въ природѣ своей. Потому оно можетъ молиться и съ поспѣшностью и въ то же время богоугодно, такъ какъ поспѣшность не вредитъ истинѣ (искренности) молитвы. Но не стяжавшимъ сердечной молитвы надо молиться неспѣшно, ожидая соотвѣтствующаго отголоска въ сердцѣ каждаго слова молитвы. А это не всегда скоро дается человѣку, не привыкшему къ молитвенному созерцанію. Поэтому рѣдкое произношеніе словъ молитвы для людей должно быть положено за непремѣнное правило. Ожидай, пока каждое слово отдастся въ сердцѣ свойственнымъ ему отголоскомъ.

21. Какъ человѣкъ недобрый, приходя съ просьбою къ человѣку доброму, кроткому и смиренному, для лучшаго успѣха своей просьбы самъ старается уподобиться ему, такъ христіанинъ, приступая съ молитвою къ Господу или пречистой Его Матери или Ангеламъ или Святымъ—для успѣха своей молитвы долженъ уподобиться, по возможности, Самому Господу или Пречистой Его Матери или Ангеламъ или Святымъ. И вотъ въ этомъ то и состоитъ тайна приближенія и скораго услышанія молитвъ нашихъ.

22. Отдайте, молельщики, Богу ваше сердце, то любящее, искреннее сердце, которымъ вы любите дѣтей своихъ, родителей, благодѣтелей, друзей, въ которомъ вы ощущаете сладость непритворной, чистой любви.

23. Иногда въ продолжительной молитвѣ только нѣсколько минутъ бываютъ истинно угодны Богу и составляютъ истинную молитву и истинное служеніе Богу. Главное въ молитвѣ—близость сердца къ Богу, свидѣтельствуемая сладостію Божьяго присутствія въ душѣ.

24. Молитва принужденная развиваетъ ханжество, дѣлаетъ неспособнымъ ни къ какому занятію, требующему размышленія, и дѣлаетъ человѣка вялымъ ко всему, даже къ исполненію должностей своихъ. Это должно убѣдить всѣхъ такимъ образомъ молящихся, исправить свою молитву. Молиться должно охотно, съ энергіей, отъ сердца. Не отъ скорби, не отъ нужды (принужденно) молись Богу,—**доброхотна бо дателя любитъ Богъ** (Коринѳ. 9, 7).

25. Величайшее дарованіе Божіе, въ коемъ мы больше всего нуждаемся и которое получаемъ весьма часто отъ Бога вслѣдствіе нашей молитвы, есть сердечный миръ, какъ говоритъ Спаситель: **«Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные и Азъ упокою Вы»** (Матѳ. 11, 28). И радуйтесь и считайте себя богатыми, имѣющими все, когда получили миръ.

26. Прося Господа или Пречистую Матерь Божію, или Ангеловъ или Святыхъ, нужно имѣть такую вѣру, какую имѣлъ капернаумскій сотникъ. Онъ вѣровалъ, что какъ слушались его воины и исполняли его слова, такъ тѣмъ болѣе, по всемогущему слову Всеблагого Господа, исполнится просьба его. Если твари своею ограниченною силою исполняли то, о чемъ онъ ихъ просилъ, то не исполнитъ ли Самъ Владыка Своею всемогущею силою прошенія рабовъ Своихъ, съ вѣрою и надеждою и любовію приносимыхъ, и вѣрные, сильные благодатію и ходатайствомъ къ Богу, слуги Его—Пречистая Матерь Божія, Ангелы и Святые человѣки. Воистину, и я вѣрую съ сотникомъ, что если буду просить, какъ должно и о чемъ должно какого-либо святого: подай сіе—и подастъ, пріиди ко мнѣ на помощь—и придетъ, сотвори сіе—и сотворитъ. Вотъ какую простую и сильную вѣру надо имѣть.

27. Наружная молитва нерѣдко исполняется насчетъ внутренней, а внутренняя—насчетъ наружной, т.е., если я молюсь устами или читаю, то многія слова не ложатся на сердце, я двоюсь, лицемѣрю; устами выговариваю одно, а на сердцѣ другое; уста говорятъ истину, а сердечное расположеніе не согласуется съ словами молитвы. А если я молюсь внутренно, сердцемъ, то не обращаю вниманія на выговариваніе словъ, я сосредоточиваю его на содержаніи, на силѣ ихъ, пріучая сердце постепенно къ истинѣ, и вхожу въ то самое расположеніе духа, въ какомъ написаны молитвенныя слова, и такимъ образомъ, пріучаюсь мало-по-малу молиться духомъ и истиною, по словамъ вѣчной Истины: **иже кланяется Богу, духомъ и истиною достоитъ кланятися.** Когда человѣкъ молится наружно, вслухъ, тогда ему не всегда можно услѣдить за всѣми движеніями сердечными, которыя слишкомъ быстры, такъ что ему по необходимости надо заняться выговоромъ, внѣшнею формою слова. Такимъ образомъ, у многихъ причетниковъ, бѣгло читающихъ, образуется совершенно ложная молитва: устами они какъ будто молятся, по всему зришь ихъ аки благочестивыхъ, а сердце спитъ и не знаетъ, что уста говорятъ. Это происходитъ оттого, что они торопятся и не размышляютъ сердцемъ о томъ, что говорятъ. Надо молиться о нихъ, какъ они для насъ молятся; нужно молиться, чтобы ихъ слова доходили до сердца ихъ и дышали его теплотою. Они для насъ молятся словами святыхъ людей, а мы объ нихъ.

28. Всѣ приступающіе работать Господу въ молитвѣ, научитесь быть подобно Ему кроткими, смиренными и истинными сердцемъ; не имѣйте лукавства въ душѣ, двоедушія, не будьте хладны; постарайтесь имѣть Духъ Его, ибо кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Его,—и Господь подобнаго Себѣ и сроднаго ищетъ въ насъ, къ чему бы могла привиться благодать Его. Помните, что ни одно слово даромъ не пропадетъ въ молитвѣ, если отъ сердца говорится: каждое слово Господь слышитъ и каждое слово у Него на вѣсахъ. Намъ ка-

жется иногда, будто наши слова только воздухъ бьютъ напрасно, раздаются, какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ: нѣтъ. Нужно помнить, что Господь на молитвѣ понимаетъ насъ, если можно такъ сказать, т.е. наши слова—точно такъ, какъ себя понимаютъ совершенные молитвенники, ибо человѣкъ есть образъ Божій. Господь отвѣчаетъ на каждое желаніе сердца, выраженное въ словахъ или невыраженное.

29. Чтобы христіанинъ жилъ христанскою жизнію, и не угасла въ немъ совершенно жизнь духа, ему необходима молитва домашняя и общественная, необходимо посѣщать съ вѣрою, разумѣніемъ, усердіемъ, Богослуженіе во храмѣ, какъ необходимо подливать елей въ лампадку, чтобы она горѣла и не угасала; а такъ какъ молитва искренняя, горячая бываетъ при воздержаніи, то для поддержанія въ себѣ христіанской жизни или горячности вѣры, надежды и любви, нужны воздержаніе и постъ. Ничто такъ скоро не погашаетъ въ насъ духа вѣры, какъ невоздержаніе, лакомство и пресыщеніе и разсѣянная, разгульная жизнь.—Я угасаю, умираю духовно, когда не служу въ храмѣ цѣлую недѣлю и возгораюсь, оживаю душою и сердцемъ, когда служу, понуждая себя къ молитвѣ не формальной, а дѣйствительной, духовной, искренней, пламенной.

30. Зри Бога твердо сердечными очами и во время Его созерцанія проси, чего хочешь, во имя Іисуса Христа,—и будетъ тебѣ. Богъ будетъ для тебя всѣмъ въ одно мгновеніе, ибо Онъ простое Существо, выше всякаго времени и пространства, и въ минуты твоей вѣры, твоего сердечнаго единенія съ Нимъ, совершитъ для тебя все, что тебѣ нужно къ спасенію тебя и ближняго и ты будешь на это время самъ причастенъ Божеству по пріискреннему общенію съ Нимъ: **Азъ рѣхъ: бози есте.** Какъ между Богомъ и тобою на этотъ разъ не будетъ промежутка, то и между твоими словомъ и между твоимъ исполненіемъ тоже не будетъ промежутка; скажешь—и тотчасъ совершится, какъ и Богъ **рече, и быша, повелѣ, и создашася.** Это—какъ относительно таинствъ, такъ и вообще духовной молитвы. Впрочемъ, въ таинствахъ все совершается ради благодати священства, которою облаченъ священникъ, ради Самого верховнаго Первосвященника—Христа, Коего образъ носитъ на себѣ священникъ,—поэтому, хотя онъ и недостойно носитъ на себѣ санъ, хотя онъ мнителенъ, маловѣренъ или недовѣрчивъ, тѣмъ не менѣе, тайна Божія совершается вскорѣ, въ мгновеніе ока.

31. Говорятъ: мы скоро устаемъ молиться. Отчего? Оттого, что не представляете предъ собою живо Господа,—яко одесную васъ есть. Смотрите на Него непрестанно сердечными очами, и тогда ночь цѣлую простоите на молитвѣ и не устанете. Что я говорю—ночь! Три дня и три ночи простоите и не устанете. Вспомните о столпникахъ. Они много лѣтъ стояли въ молитвенномъ настроеніи духа на столпѣ, и превозмогали свою плоть, которая, какъ у тебя и у нихъ.

также была склонна къ лѣности, А ты тяготишься нѣсколькими часами молитвы общественной, даже однимъ часомъ.

МОЛИТВА — ДЫХАНІЕ ДУХА СВЯТАГО.

32. Молитва — дыханіе духовное; молясь, мы дышемъ Духомъ Святымъ: **Духомъ Святымъ молящеся** (Іуд. 1, 20). Итакъ, всѣ церковныя молитвы — дыханіе Духа Святаго, какъ бы духовный воздухъ и вмѣстѣ свѣтъ духовный огонь, пища и духовное одѣяніе.

33. Въ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ церковныхъ, по всему ихъ пространству, движется Духъ истины. Все, что отъ инуду приходитъ въ голову противорѣчащаго и хулящаго — отъ діавола, отца лжи, клеветника; молитвы и пѣснопѣнія — дыханіе Духа Святаго.

34. Мы ощутили въ сердцѣ своемъ во время молитвы или при чтеніи слова Божія и другихъ книгъ священнаго содержанія (а иногда и свѣтскихъ — благонамѣреннаго содержанія, гдѣ, напримѣръ, описывается какой либо случай, представляющій дѣйствіе Промысла Божія надъ людьми), или въ благочестивыхъ разговорахъ — гласъ хлада тонка, такъ что по тѣлу вашему, какъ будто пробѣжитъ электричество. Это Господь посѣщаетъ васъ. **Гласъ хлада тонка — и тамо Господь** (3 Царств. 19, 12).

35. **Не позналъ еси, яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во мнѣ** (Іоанн. 14, 9 10). Не знаешь, развѣ что во время молитвы Отецъ, Сынъ и Духъ Святый въ тебѣ и ты въ Нихъ ?

36. Молитва есть дыханіе души, какъ воздухъ дыханіе естественное тѣла. Дышемъ Духомъ Святымъ. Ни одного слова молитвы не можешь сказать отъ всего сердца, безъ Духа Святаго. Молясь усты ко устомъ съ Господомъ бесѣдуешь, и если имѣешь открытыя вѣрою и любовію сердечныя уста, въ то же время, какъ бы вдыхаешь изъ Него просимыя духовныя блага Духомъ Святымъ.

37. Когда станешь на молитву обремененный грѣхами многими и одержимый отчаяніемъ, начни молиться съ упованіемъ, духомъ горящимъ, вспомни тогда что Самъ Духъ Божій способствуетъ намъ въ немощахъ нашихъ, **ходатайствуя о насъ воздыханіями неизглаголанными.** Когда ты вспомнишь съ вѣрой объ этомъ въ насъ дѣйствіи Духа Божія, тогда слезы умиленія потекутъ изъ очей твоихъ и на сердцѣ будешь ощущать миръ, сладость, оправданіе и радость о Духѣ Святѣ, ты будешь глаголомъ сердца вопіять: Авва Отче!

МОЛИТВА — ПРЕДСТОЯНІЕ СВЯТОЙ ТРОИЦѢ И СОНМУ НЕБОЖИТЕЛЕЙ.

38. Призывая на молитвѣ Господа Бога въ трехъ Лицахъ, помни, что ты призываешь безначальнаго Отца всей твари, Ангеловъ и человѣковъ, что тебѣ, призывающему, удивляются всѣ Силы небесныя и съ любовію взираютъ на тебя за то, что ты съ вѣрою и любовію и подобающимъ благоговѣніемъ призываешь общаго ихъ и нашего

Творца Вседержителя и Господа, Коего они безмѣрно любятъ, предъ Кѣмъ крѣпко благоговѣютъ. О, какое высокое счастіе и блаженство, какое величіе, какое достоинство призывать вѣчнаго Отца! Дорожи постоянно и неизмѣнно этимъ высочайшимъ счастіемъ, этимъ блаженствомъ, которое предоставила тебѣ безконечная благость Бога твоего, и не забывайся во время молитвы твоей. Тебѣ внимаетъ Богъ, тебѣ внимаютъ Ангелы и Святые Божіи человѣки.—Февраля 26-го 1864 года. Прослезился я писавъ эти строки.

39. Когда ты одинъ молишься и унываетъ духъ твой и станетъ скучать и тяготиться одиночествомъ, помяни тогда, какъ и всегда, что на тебя свѣтлѣйшими, паче солнца, очами взираетъ тріипостасный Богъ, всѣ святые ангелы, Ангелъ твой хранитель и святые Божіи человѣки. Истинно, ибо всѣ они едино въ Богѣ, и гдѣ Богъ тамъ и они. Куда солнце, туда и всѣ лучи его обращены. Разумѣй, что говорится. Молись всегда горящимъ сердцемъ, а для этого никогда не объѣдайся и не упивайся. Помни съ кѣмъ бесѣдуешь! Люди забываютъ пречасто, съ Кѣмъ они бесѣдуютъ на молитвѣ, Кто Свидѣтель ихъ молитвы. Они забываютъ, что бесѣдуютъ съ Бодрымъ и Всевидящимъ, что бесѣдѣ ихъ съ Богомъ внимаютъ всѣ Силы небесныя и святые Божіи человѣки.

40. Когда молишься Владычицѣ или святому какому либо, вообрази твердо, что ты членъ Церкви, въ которой Владычица—главный камень зданія. **Начальница мысленнагоназданія** (акаѳ. Пресв. Богор. ик. 10) и знай, что ты тѣсно связанъ внутренно со всѣми небожителями, какъ камень зданія, хотя и мягкій и не твердый. Такъ понимая поймешь, почему молитвы столь легко доходятъ къ святымъ: ибо всѣ мы подъ одною Главою—Христомъ (ср. Еф. 1, 22) и всѣ одушевлены однимъ Духомъ Божіимъ.

41. Въ концѣ домашнихъ, утреннихъ и вечернихъ молитвъ призывай святыхъ патріарховъ, пророковъ, апостоловъ, святителей, мучениковъ, исповѣдниковъ, преподобныхъ, воздержниковъ или подвижниковъ, безсребренниковъ, — чтобы, видя въ нихъ осуществленіе всякой добродѣтели и самому сдѣлаться подражателемъ во всякой добродѣтели. У патріарховъ учись дѣтской вѣрѣ и послушанію Господа; у пророковъ и апостоловъ—ревности о славѣ Божіей и о спасеніи душъ человѣческихъ; у святителей — ревности проповѣдывать слово Божіе и вообще писаніями содѣйствовать къ возможному прославленію имени Божія, къ утвержденію вѣры, надежды и любви въ христіанахъ; у мучениковъ и исповѣдниковъ—твердости за вѣру и благочестіе предъ людьми невѣрующими и нечестивыми; у подвижниковъ—распинанію плоти со страстьми и похотьми, молитвѣ и богомыслію; у безсребренниковъ—нестяжательности и безмездной помощи нуждающимся.

* * *

СЛОВО ВЪ МОЛИТВѢ.

42 Слово и въ нашихъ устахъ является уже творческимъ, образуя членораздѣльные звуки; со словомъ выходитъ живой духъ человѣка, не отдѣляющійся отъ мысли и слова. Видите, слово, по природѣ своей, даже въ насъ творительно. Отъ чего же мы маловѣрны бываемъ и недовѣрчивы къ творческой силѣ слова, напримѣръ, въ молитвѣ, что она—это словесное служеніе—низведетъ къ намъ непремѣнно милость Владыки?—Такъ слово безпрестанно творитъ плоть: членораздѣльные звуки, и письмена, или книги наши не плоть ли, въ которую облеклось слово? А мы такъ къ этому прислушались и присмотрѣлись, что намъ кажется это совершенно не заслуживающимъ особеннаго вниманія. Не только природа Божества, но по дару Его, и природа сотворенныхъ тварей одушевленныхъ—творительна подъ Божіимъ руководствомъ: **раститеся и множитеся** (Быт.1, 28).Души живыхъ тварей растятъ себѣ тѣла при Божіемъ руководствѣ (паукъ, пчела, червь). Такъ человѣки данною имъ отъ Бога силою доселѣ растутъ и множатся на землѣ; такъ, люди и животныя творятъ себѣ все необходимое для жизни. собенно, человѣкъ—это изобрѣтельнѣйшее существо, которое изумляетъ своимъ безконечнымъ творчествомъ во всѣхъ родахъ искусства. Такъ какъ Слово—Творецъ вездѣсущъ, то вездѣ, хотя не въ безконечность, и творенія Его раскинуты, и вездѣ Онъ созидаетъ и если нужно претворяетъ.

43. Слово Бога все равно, что Самъ Богъ. Потому несомнѣнно вѣруй всякому слову Господа; слово Бога — дѣло; и твое слово должно быть дѣломъ; потому давши слово, непремѣнно его исполни; потому и на молитвѣ слова наши должны быть дѣломъ и истиною, а не ложью, не притворствомъ, не лестью. Такъ и во всей жизни.

44. На молитвѣ всегда твердо вѣрь и помни что каждая мысль твоя и каждое слово твое могутъ, несомнѣнно могутъ быть дѣломъ. **Не изнеможетъ у Бога всякъ глаголъ** (Лук. 1, 37). **А прилѣпляйся Господеви, единъ духъ есть съ Господемъ** (1 Кор. 6, 17).Значитъ и твое слово не изнеможетъ. **Вся возможна вѣрующему** (Мр. 9, 23).Береги слово: драгоцѣнно слово. **За всякое слово праздное люди отвѣтятъ въ день судный** (Мѳ. 12, 36).

45. Молясь, крѣпко внимай словамъ молитвы, чувствуй ихъ сердцемъ. Не отвлекай отъ нихъ ума ни въ какія помышленія. Молясь во время Богослуженія, совершенія таинствъ и молитвословій при разныхъ случаяхъ, твердо положись на самыя слова церковныхъ молитвъ, вѣруя, что ни одно слово не положено напрасно, каждое имѣетъ силу свою, что въ каждомъ словѣ Самъ Господь тріипостасный вездѣсый и вся исполняяй; думай: я ничто, все дѣлаетъ Господь. Еще думай: я говорю — Богъ — Слово во мнѣ говоритъ. Мнѣ не о чемъ пещись.**Всю печаль вашу, сказано,возверзите на Него, яко Той печется о васъ** (1. Петр. 5. 7).

46. Какъ въ Богѣ Отецъ, Сынъ и Святый Духъ нераздѣльны, такъ и въ молитвѣ и въ жизни нашей мысль, слово и дѣло должны быть также нераздѣльны. Просишь ли чего у Бога, вѣруй, что будетъ, сдѣлается по твоему прошенію, какъ Богу будетъ угодно; читаешь слово Божіе—вѣруй что все, что въ немъ говорится,было, есть и будетъ, и сдѣлалось, дѣлается и сдѣлается. Такъ и говори , такъ читай, такъ молись. Великая вещь слово! Великая вещь душа мыслящая, говорящая и дѣйствующая, образъ и подобіе Троицы всемогущей! Человѣкъ! познай себя, кто ты, и веди себя сообразно съ своимъ достоинствомъ.

47. Когда усомнишься въ совершимости или исполненіи слова молитвеннаго, помяни, что природа слова — совершимость, дѣйственность, и что Духъ Святый, научающій насъ **молиться о чесомъ-либо, якоже подобаетъ** (ср. Римл. 8. 26) есть и называется Самъ Совершитель, Онъ то и совершаетъ нашу молитву**(совершаемая Духомъ). Помяни**, что слово есть сила,**не изнеможетъ**, сказано,**у Бога всякъ глаголъ** (Лук. 1 37). Глаголъ Господень **не возвращается** къ нему **тощъ** (Исаіи 55, 11), но подобно дождю или свѣту, поитъ землю сердецъ нашихъ и даетъ сѣмя исполненія сѣющему. И о людяхъ говорятъ: у него необыкновенная сила слова. Видишь, слово есть сила, духъ, жизнь.

48. Богъ есть Духъ, простое Существо. А духъ чѣмъ проявляетъ себя? Мыслію, словомъ и дѣломъ, Поэтому Богъ, какъ простое Существо, не состоитъ из множества словъ, или твореній, но Онъ весь въ одной простой мысли—Богъ-Троица, или въ трехъ Лицахъ, соединенныхъ воедино. Но Онъ же весь и во всемъ сущемъ, все проходитъ, все наполняетъ Собою. Напримѣръ, вы читаете молитву, и Онъ весь въ каждомъ словѣ, какъ Святый Огонь, проникаетъ каждое слово: — каждый самъ это можетъ испытать если будетъ молиться искренно, усердно, съ вѣрою и любовію. Но, особенно, Онъ весь въ принадлежащихъ Ему именахъ: Отецъ, Сынъ и Святый Духъ или — Троица, или Господь, Господи Боже; Господь Саваоѳъ; Господи Іисусе Христе, Сыне Божій; Душе Святый; Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истины... и прочихъ именахъ Своихъ. Ангелы и Святые так же въ своихъ именахъ близки къ намъ, какъ близки имена ихъ и вѣра наша въ нихъ—къ сердцу нашему; ибо они не иное что какъ дыханія Божіи и суть единъ духъ съ Господомъ.

49. Каждое слово Св. Писанія каждое слово Божественной Литургіи, утрени и вечерни, каждое слово священно-таинственныхъ молитвъ и молитвословій имѣетъ въ себѣ соотвѣтствующую ему и въ немъ заключающуюся силу, подобно знаменію честнаго и животворящаго креста. Такая благодать присуща каждому церковному слову, ради обитающаго въ Церкви Ѵпостаснаго, вочеловѣчившагося Божія Слова, Которое есть Глава Церкви. Да и всякое истинное доброе слово имѣетъ соотвѣтствующую ему силу, ради всенаполняющаго простого Божія Слова. Съ какимъ же вниманіемъ и благоговѣніемъ надо

произносить каждое слово, съ какою вѣрою! Ибо Слово есть Самъ Зиждитель — Богъ, и Словомъ отъ небытія въ бытіе все приведено.

50. Словесное существо! помни, что ты имѣешь начало отъ слова Всетворца и въ соединеніи (черезъ вѣру) съ зиждительнымъ Словомъ, посредствомъ вѣры, самъ можешь быть зиждителемъ вещественнымъ и духовнымъ. Вѣруй, что при вѣрѣ твоей въ зиждительное Слово Отчее и твое слово не возвратится къ тебѣ никогда напраснымъ, безсильнымъ (когда напр. ты молишься Благодѣтелю—Богу по руководству Церкви святой или по наставленію Господа), но принесетъ тебѣ благопріятный даръ; вѣрь, что при вѣрѣ въ зиждительное Слово, ты не будешь безъ успѣха поучать народъ во храмѣ при Богослуженіи, при совершеніи таинствъ въ домахъ; не будетъ безуспѣшно твое слово въ училищѣ, но созиждетъ умы и сердца внимающихъ тебѣ.

51. Вѣруй твердо въ осуществимость всякаго слова, особенно произнесеннаго во время молитвы, памятуя, что виновникъ слова есть Богъ-Слово, что Самъ Богъ нашъ, въ Троицѣ покланяемый выражается тремя словами или именами: Отецъ, Слово и Святый Духъ; что всякому слову соотвѣтствуетъ бытіе, или всякое слово можетъ быть бытіемъ и дѣломъ. Благоговѣйно обращайся съ словомъ и дорожи имъ. Помни, что какъ Ѵпостастное Слово Божіе—Сынъ Божій всегда соединенъ со Отцомъ и Духомъ Святымъ, такъ и въ словѣ Святаго Писанія, или въ молитвѣ или въ Писаніяхъ богомудрыхъ отцовъ участвуетъ по Своему вездѣсущію Отецъ, какъ верховный Разумъ, творческое Его Слово и Совершитель Духъ Святый. Потому никакое слово не праздно, но имѣетъ или должно имѣть въ себѣ свою силу, и горе праздпословящимъ, ибо они дадутъ отвѣтъ за празднословіе. **Яко не изнеможетъ у Бога всякъ глаголъ**(Лук. 1, 37),это вообще свойство слова— сила и совершенность его. Такимъ оно должно быть въ устахъ человѣка.

* * *

МОЛИТВА ЦЕРКОВНАЯ.

52. Люблю я молиться въ храмѣ Божіемъ, особенно въ св. алтарѣ, у престола или у жертвенника Божія, ибо чудно измѣняюсь я во храмѣ благодатію Божіею; въ молитвѣ покаянія и умиленія спадаютъ съ души моей тернія узы страстей, и мнѣ становится такъ легко; все обаяніе, вся прелесть страстей исчезаютъ, я какъ бы умираю для міра, и міръ для меня со всѣми своими благами; я оживаю въ Богѣ и для Бога, для единаго Бога, и весь имъ проникаюсь и бываю единъ духъ съ Нимъ; я дѣлаюсь какъ дитя, утѣшаемое на колѣнахъ матери и сердце мое тогда полно пренебеснаго, сладкаго мира; душа просвѣщается свѣтомъ небеснымъ; все свѣтло видишь, на все смотришь правильно, ко всѣмъ чувствуешь дружество и любовь, къ самимъ врагамъ, и охотно ихъ извиняешь и прощаешь. О, какъ блаженна душа съ Богомъ! Церковь истинно земной рай.

53. О Храмъ святый! сколь благо, сладостно въ тебѣ молиться! Ибо гдѣ пламенная молитва, какъ не въ стѣнахъ твоихъ, предъ престоломъ Божіимъ и предъ лицемъ Сѣдящаго на немъ! Поистинѣ, душа таетъ отъ умиленія молитвеннаго, и слезы по ланитамъ струятся, какъ вода. Сладостно молиться за всѣхъ.

54. Во время Богослуженія, во время совершенія всѣхъ таинствъ и молитвословій будь довѣрчивъ, какъ дитя по отношенію къ своимъ родителямъ. Помни, какіе великіе отцы, какія свѣтила вселенныя, Духомъ Святымъ озаренные, руководятъ тебя. Какъ дитя, будь простъ и довѣрчивъ, не сумнителенъ въ дѣлѣ Божіемъ. Всю печаль возверзи на Господа, а самъ будь совершенно безпечаленъ. **Не пецытеся, како или что возглаголете: не вы бо будете глаголющи: но Самъ Духъ Отца вашего глаголяй въ васъ** (Мѳ. 10, 19-20). Давно Господь снялъ съ насъ эту заботу, эту печаль, научивъ богоносныхъ отцовъ нашихъ Духомъ Святымъ, что глаголать Господу при Богослуженіи, совершеніи таинствъ и при разныхъ обстоятельствахъ человѣческой жизни, требующихъ молитвы, низводящей свышнее благословеніе.—Намъ должно быть легко молиться. Только вотъ врагъ стужаетъ. Да что его стуженія, если сердце наше утверждено въ Господѣ! Вотъ бѣда, если мы не въ Богѣ, если вѣры твердой въ насъ нѣтъ, если пристрастіями житейскими связали мы себя, если разумъ нашъ гордъ и кичливъ, тогда и въ святѣйшемъ, непорочнѣйшемъ дѣлѣ Богослуженія, совершенія и причащенія Св. Таинъ, діаволъ будетъ сильно запинать насъ.

55. Въ Богослуженіи указываются намъ церковью предметы или нужды, о коихъ мы должны молить милосердіе Божіе съ несомнѣнною надеждою на полученіе ихъ, по тому что мы просимъ о имени Господа Іисуса Христа сказавшаго: **«еже аще что просите отъ Отца во имя Мое, то сотворю, да прославится Отецъ въ Сынѣ»** (Іоан.14, 13).

56. Стоя въ храмѣ, будь весь, какъ на небѣ съ Богомъ; ибо въ храмѣ все небесное... Тутъ общая молитва не о чемъ другомъ, житейскомъ, а о—спасеніи души, о прощеніи грѣховъ, о преуспѣяніи въ добродѣтели и дарованіи безсмертія душамъ нашимъ—молитва за всѣхъ. Всякое житейское попеченіе должно отлагать въ сторону при входѣ въ храмъ и стояніи въ немъ.

57. Литургія есть наглядное изображеніе въ лицахъ, различныхъ вещахъ, словахъ и дѣйствіяхъ, рожденія, жизни, ученія, заповѣдей, чудесъ и пророчествъ, страданій, распятія на крестѣ, смерти, воскресенія и вознесенія на небо Начальника нашей вѣры, Господа Іисуса Христа, Сына Божія единороднаго. Во время литургіи Онъ Самъ невидимо присутствуетъ. Самъ дѣйствуетъ и все совершаетъ чрезъ священника и діакона, которые только орудія Его.

Что такое смерть?

Священное Писаніе даетъ намъ точное опредѣленіе смерти словами: «и возвратится персть въ землю, якоже бѣ, и духъ возвратится къ Богу, Иже даде его» (Еккл. 12, 7). Значитъ, смерть есть разлученіе души отъ тѣла. Когда душа разстанется съ тѣломъ, тогда мы человѣка называемъ мертвымъ. Одно тѣло безъ души не составляетъ полнаго человѣка, оно — трупъ, а не человѣкъ; точно такъ и душа безъ тѣла есть духъ, а не человѣкъ.

Тѣло человѣка само по себѣ, безъ души — мертво, безъ нея оно подвергается разложенію, тлѣнію и, такимъ образомъ, лишается жизни и дѣятельности. Время отъ разлученія души съ тѣломъ до второго пришествія Христова на землю въ Священномъ Писаніи называется сѣнью смертною. (Псал. 22, 4).

Смерть тѣла есть какъ бы естественный, временный сонъ, способствующій обновленію силъ душевныхъ и тѣлесныхъ; это есть какъ бы погребеніе сѣмени въ землю, которое и должно истлѣть, чтобы возрастить въ себѣ корень новой жизни, чтобы произвесть изъ себя зеленѣющее растеніе съ цвѣтами и плодами въ вѣчности.

Видя умирающаго, не на то смотри, что онъ сомкнулъ глаза и лежитъ безгласенъ, но на то, какъ онъ воскреснетъ и получитъ неизъяснимую, изумительную и дивную славу; отъ настоящаго видѣнія возведи помыслы къ надеждѣ будущаго. Умершій гніетъ, тлѣетъ и превращается въ персть и прахъ. Что жъ изъ этого? Надо радоваться, ибо тотъ, кто хочетъ перестроить развалившійся ветхій домъ, напередъ выводитъ изъ него живущихъ, потомъ разрушаетъ его и снова воздвигаетъ его въ лучшемъ видѣ. Выведенные не скорбятъ объ этомъ, а еще радуются; ибо обращаютъ вниманіе не на видимое разрушеніе, но воображаютъ будущее, хотя еще и невидимое зданіе. Тоже и Богъ творитъ. Онъ, разрушая наше тѣло, сперва изводитъ изъ него душу въ немъ живущую, какъ бы изъ нѣкотораго дома, дабы потомъ, воздвигнувъ его въ лучшемъ видѣ, снова ввести въ него душу съ большею славою. (Изъ кн. Христіанское Чтеніе 1842 г. стр. 137).

Итакъ, смерть есть удѣлъ каждаго человѣка, удѣлъ неизбѣжный, — ея не минуетъ никто; ибо, какъ говоритъ пророкъ Давидъ: «кто есть человѣкъ, иже поживетъ и не узритъ смерти» (Псал. 88, 49), тому же поучаетъ и святый апостолъ Павелъ, говоря: «лежитъ человѣкомъ единою умрети, потомъ же судъ» (Евр. 9).

Однако, ничего нѣтъ неизвѣстнѣе, какъ день или часъ смерти: «неразумѣ человѣкъ времени своего» (Еккл. 9, 12), говоритъ Священное Писаніе.

Всѣмъ извѣстно, что умремъ, но когда? — не знаемъ; такъ какъ смерть не разбираетъ и не назначаетъ времени, не считаетъ, сколько лѣтъ прожилъ человѣкъ, не ждетъ старости, не щадитъ юности, не обращаетъ вниманія на то: приготовилъ ли се-

бя человѣкъ для будущей жизни, или нѣтъ, — пожинаетъ всѣхъ; она подобна земледѣльцу, вышедшему съ косою на лугъ, который не смотритъ и не разбираетъ цвѣтовъ отъ травы, а коситъ подъ рядъ все, будетъ ли то трава старая, или едва распустившіеся цвѣтки, и затѣмъ все скошенное вмѣстѣ сушитъ и собираетъ въ стога, или въ устроенныя для того помѣщенія; такъ и смерть не щадитъ никого: ни молодыхъ, ни старыхъ, ни юношей, ни дряхлыхъ, ни только начинающихъ жить, ни много лѣтъ прожившихъ, ни сильныхъ, ни немощныхъ; умерщвляетъ одинаково какъ повитыхъ пеленами, такъ и украшенныхъ сѣдинами и всѣхъ безъ разбора полагаетъ, какъ сѣно въ стога, въ гробы; почему и пророкъ Давидъ говоритъ: «человѣкъ, яко трава, дніе его, яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ, яко духъ пройде въ немъ, и не будетъ, и не познаетъ ктому мѣста своего». (Псал. 102, 15, 16).

Изъ Священнаго Писанія намъ извѣстно, что прародители наши — Адамъ и Ева, отъ которыхъ произошелъ весь родъ человѣческій, сотворены были безсмертными: «и сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ», читаемъ мы въ книгѣ Бытія (1, 27), «и вдуну въ лице его дыханіе жизни, и бысть человѣкъ въ душу живу» (Быт. 2, 7).

Откуда же и когда явилась смерть? То же Священное Писаніе поучаетъ, что она есть послѣдствіе грѣха. «Грѣхомъ смерть вниде въ міръ» (Рим. 5, 12), говоритъ апостолъ Павелъ, и получила свое securityназваніе отъ Самого Бога въ то время, когда ея еще и не было, такъ какъ Господь Богъ, заповѣдуя прародителямъ нашимъ Адаму и Евѣ не вкушать плодовъ отъ древа познанія добра и зла, сказалъ: «въ оньже аще день снѣсте отъ него, смертію умрете» (Быт. 2, 17).

Изъ вышесказаннаго ясно видно, что смерть есть опредѣленное, по непреложному суду Божію, слѣдствіе грѣха, распространившагося чрезъ прародителей на весь родъ человѣческій, такъ - какъ судъ Божій, высказанный прародителямъ: «смертію умрете, земля еси и въ землю отыдеши» (Быт. 3, 19) относится и къ каждому человѣку, какъ потомку первыхъ людей, почему и апостолъ Павелъ говоритъ: «лежитъ человѣкомъ единою умрети» (Евр. 9,).

Діаволъ въ образѣ змія, прельщая прародителей къ преступленію заповѣди Божіей, говорилъ: «не смертію умрете, но будете яко бози» (Быт. 3, 4—5). Они, повѣрили ему, вкусили запрещеннаго плода, но только не получили божества, а были изгнаны изъ рая сладости и подпали подъ казнь смертную, и не только сами, но и ихъ дѣти, и весь родъ человѣческій. Бывши до грѣхопаденія какъ боги безсмертными, безстрастными и безболѣзненными, тотчасъ послѣ паденія потеряли божество и безсмертіе, и смерть приняла надъ ними, а чрезъ нихъ и надъ всѣми, свое господство; почему и пророкъ Давидъ говоритъ: «азъ рѣхъ: бози есте и сынове Вышняго вси: вы же яко человѣцы умираете» (Псал. 81, 6—7).

О необходимости приготовленія къ смерти.

Если же по особому милостивому Промыслу Божію не всѣмъ намъ открытъ смертный часъ, то мы, тѣмъ болѣе, должны заботиться и молиться о томъ, чтобъ кончина наша была безболѣзненна и мирна и чтобы во всякое время всегда готовы были предстать и дать добрый отвѣтъ на страшномъ судилищи Христовомъ за жизнь проведенную нами на землѣ. А для этого намъ нужно непрестанно вспоминать о смертномъ часѣ — «помни послѣдняя твоя», говоритъ Премудрый: «и во вѣки не согрѣшиши», и, въ случаѣ грѣхопаденій, скорѣе исповѣдываться предъ своимъ духовнымъ отцемъ, не откладывая покаянія день-за-день, какъ это дѣлается по нашему нерадѣнію и безпечности. Еще успѣемъ покаяться, когда придетъ старость; но такъ говорятъ только лѣнивые и неразумные, ибо, если намъ неизвѣстно и того: доживемъ ли мы до завтра, то какъ
откладывая покаянія день-за-день, какъ это дѣлается по нашему
Кто намъ сказалъ, что мы долговѣчны, и кромѣ того, развѣ не часто намъ приходится видѣть молодыхъ людей, одержимыхъ тяжкими болѣзнями, которымъ не до сокрушенія о грѣхахъ, такъ-какъ у страждущаго душа бываетъ занята ужасомъ самой смерти. Какое обращеніе ко Господу, какое раскаяніе въ прошломъ можетъ быть тогда, когда страданія тѣла, терзаемаго смертію, или оставитъ человѣка вовсе безъ сознанія, или при слабомъ сознаніи, безъ всякаго мужества и силы. Нѣтъ. Готовиться къ смерти нужно ранѣе. Тогда лучше будемъ мы вразумляться и мыслію о смерти и больше соберемъ плодовъ для вѣчности. Тогда-то мы будемъ располагать жизнь свою такъ, что намъ никогда не будетъ страшно перейти въ вѣчность. При каждой встрѣчѣ съ искушеніемъ сильнымъ, предъ грознымъ взоромъ смерти будутъ погасать въ насъ порочныя страсти, а чистый пламень любви къ Господу будетъ горѣть въ насъ не угасая. «Во всѣхъ словесѣхъ твоихъ поминай послѣдняя твоя и во вѣки не согрѣшиши» (Сир. 7, 39), сказалъ Премудрый.

Истинный христіанинъ встрѣчаетъ смерть не какъ грозное страшилище, но какъ вѣстника мира. Смерть приходитъ къ нему не для того, чтобы разлучить его съ Іисусомъ Христомъ, Который исполнилъ за насъ правду закона, но для того, чтобы соединить съ Нимъ. Если же не такъ представляютъ себѣ смерть: это значитъ, что не знаютъ другой жизни, кромѣ земной, другихъ благъ, кромѣ благъ временныхъ, другого Бога, кромѣ боговъ вѣка сего.

Въ такомъ случаѣ несчастна та душа, которую не хотятъ пробуждать страхомъ смерти отъ ея сна; несчастны тѣ люди, которые заботятся о томъ, какъ бы не дошла до ушей ихъ вѣсть о смерти. Это значитъ то же, что у утопающаго въ волнахъ отнимаютъ доску, на которой онъ могъ бы спастися. Чѣмъ болѣе смерть будетъ устрашать насъ, тѣмъ скорѣе исчезать будутъ обаянія грѣха, тѣмъ болѣе мы будемъ дорожить талантами, врученными намъ отъ Бога.

Правда, никто изъ насъ не говоритъ себѣ, что не увидитъ смерти, однакожъ, не многіе ли такъ живутъ, какъ будто вовсе не думаютъ умереть. Всѣмъ извѣстенъ приговоръ Правды вѣчной: «земля еси и въ землю отыдеши», — наши знакомые, наши друзья въ глазахъ нашихъ исполняютъ его на себѣ. Однакожъ, не такъ ли мы ведемъ себя, что до насъ этотъ приговоръ какъ будто не касается?

Мы провожаемъ другихъ на тотъ свѣтъ, а готовимъ ли себя въ тотъ-же путь? Напротивъ, мысль о смерти не такъ ли близка душѣ нашей какъ гость постылый, котораго и холодно принимаемъ мы и сбываемъ съ рукъ какъ можно скорѣе? Не такъ ли рѣдко западаетъ она въ душу нашу, какъ холодно принятый знакомецъ посѣщаетъ угрюмаго знакомца? Если такъ, то нечему дивиться, что такъ мало живемъ мы для добра.

Въ комъ нѣтъ надежды на загробную жизнь, тотъ не можетъ называться истиннымъ христіаниномъ, потому что съ истиннымъ христіанствомъ должно быть соединено упованіе и ожиданіе явленія Христова и будущей жизни. (Изъ кн. Вѣчныя загробн. тайны).

* * *

Внезапная смерть.

Срашное дѣло — смерть внезапная. Она есть мечъ гнѣва Божія за наши грѣхи Это мы ясно видимъ изъ притчи о богатомъ и Лазарѣ. Богатый былъ корыстолюбивъ, рабъ плоти и прихотей. Онъ совершенно забылъ о смерти, о безсмертіи души и о Богѣ. Онъ прилѣпился умомъ своимъ и сердцемъ къ благамъ земнымъ, къ утонченнымъ питіямъ и явствамъ, и умеръ не какъ человѣкъ вѣрующій въ Бога, но какъ человѣкъ нечестивый, потерявшій всякую вѣру; не какъ человѣкъ, имѣющій безсмертную душу, но какъ человѣкъ, душею умершій; не какъ человѣкъ разумный, но какъ животное безсловесное. За всѣ эти грѣхи богатый и умеръ, по опредѣленію Божію, смертію принужденною — внезапною. Что онъ умеръ неестественно, а его скосила, по повелѣнію Божію, внезапная смерть, — это мы видимъ изъ той же притчи. Іисусъ Христосъ представилъ въ притчѣ то, что не случается при смерти естественной, то-есть представилъ, во-первыхъ, Самого Бога обличающаго нечестиваго грѣшника и объявляющаго ему страшную казнь внезапной смерти: «безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе» (Лук. 12, 20). При этомъ Господь представилъ и причину такого страшнаго осужденія, — порокъ лихоимства, безпечности о своей душѣ и о концѣ земной жизни.

Да, пагубна для души нашей смерть внезапная! Ибо, какъ мы уже и прежде сказали, что въ какомъ состояніи застанетъ насъ моментъ смерти, въ такомъ мы останемся и пребудемъ въ немъ вѣчно. По смерти же ни добродѣтельный не измѣняется изъ добродѣтельнаго въ порочнаго, ни грѣшникъ — изъ порочнаго въ добро-

дѣтельнаго. Подтверждаетъ это и божественный Екклезіастъ, говоря: «и аще падетъ древо на югъ, и аще на сѣверъ, на мѣстѣ, идѣже падетъ древо, тамо будетъ» (Еккл. 11, 3). Это значитъ: какого мѣста достойнымъ обрящется человѣкъ въ часъ смерти своей, тамъ и опредѣляется и пребываетъ въ безконечные вѣки вѣковъ.

Мы, несчастные, постоянно согрѣшаемъ, и грѣхъ слѣдуетъ постоянно по пятамъ нашимъ. Одно время мы посвящаемъ многояденію и многопитію; другое — проводимъ въ покоѣ, безпечности, прихотямъ, остальное — жертвуемъ хищеніямъ, неправдамъ, убійствамъ, враждамъ, притѣсненіямъ и гоненіямъ братіи! Когда мы не согрѣшаемъ? Поношенія, клеветы, осужденіе, ложь, сквернословіе и празднословіе не престаютъ исходить изъ устъ нашихъ. Когда пребываемъ мы непричастными гордости, славолюбію, гнусной мстительности и лукавому воображенію? Почти что никогда! Удобообстоятельный грѣхъ всегда окружаетъ насъ, всегда представляетъ уды наши въ рабы нечистотѣ и беззаконію въ беззаконіе. (Рим. 6, 19).

Когда прежде смерти Человѣколюбецъ Богъ посылаетъ на насъ жестокую болѣзнь, тогда она, пришедши, возвѣщаетъ намъ, какъ бы другой Исаія, говоря: «сія глаголетъ Господь: устрой о дому твоемъ, умираеши бо ты» (Исх. 38, 1). Какъ велегласная труба гласитъ она намъ эти слова: «человѣкъ! приготовляйся къ будущей жизни». Чувствуетъ тогда человѣкъ разлученіе съ міромъ, видитъ тогда, что безполезны ему теперь и богатство, и слава, и премудрость, и вообще другія какія-либо земныя блага. Родственники и друзья больного призываютъ тогда духовнаго отца его, чтобы онъ могъ раскаяться, плакать, обратиться къ Богу, исповѣдать грѣхи свои и соединиться со Спасителемъ Іисусомъ Христомъ, чрезъ принятіе Пречистаго Тѣла и Крови Его. Безъ смнѣнія, тогда есть надежда, что таковой можетъ спастись и остаться не на мѣстѣ мученія; но на мѣстѣ блаженства.

Но когда внезапно, какъ налетѣвшій ураганъ, какъ вихръ внезапный, смерть похититъ жизнь, когда въ часъ тотъ человѣкъ, будучи въ силахъ, здоровъ и грѣшащъ, въ одну минуту явится безгласенъ и безчувственъ, какая тогда можетъ быть надежда ко спасенію? Гдѣ тогда покаяніе? Гдѣ исповѣдь? Гдѣ обращеніе? Ни сродникъ, ни другъ, ни священникъ не могутъ помочь тогда, хотя бы и хотѣлъ кто, старался и усердно желалъ. Тогда вдругъ придутъ немилосердные, истязующіе душу несчастнаго. «Въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе» (Лук. 12 20).

Смерть, безъ сомнѣнія, неизбѣжна и срашна, и предотвратить или миновать ее въ концѣ концовъ невозможно; но мы можемъ приготовить себя къ ней, — устроить дѣла земныя и приложить стараніе и попеченіе о душѣ своей. Освободившись отъ всѣхъ земныхъ попеченій, мы приготовимъ и облегчимъ душу свою покая-

ніемъ, исповѣданіемъ грѣховъ, освободимся отъ угрызеній совѣсти и прогонимъ отъ себя чрезмѣрный страхъ мученій и въ таинствѣ причащенія соединимся со Христомъ.

Вслѣдствіе чего вселится въ сердце наше упованіе на милость Божію, чаяніе вѣчнаго покоя, надежда бесмертнаго царствія, умѣряющая и даже вовсе отъемлющая печаль о разлученіи съ міромъ. Ничего не останется тогда скорбнаго и страшнаго, кромѣ подвига разлученія души съ тѣломъ. Ангелы милостивые и свѣтлые окружатъ тогда насъ и далеко прогонятъ полки бѣсовскіе. Они усладятъ горесть смерти, облегчатъ трудность ея, прогонятъ душевный страхъ, и, радуяся, поймутъ душу нашу. Блаженъ тотъ, кто удостоится такой блаженной кончины, онъ тихо и кротко скажетъ съ Давидомъ: «въ мирѣ вкупѣ усну и почію» (Псал. 4, 9).

Когда же случится съ нами смерть нечаянная, внезапная, когда она застанетъ насъ среди беззаконій нашихъ, какъ она страшна будетъ для насъ, какъ губительна! Увидимъ и почувствуемъ мы тогда, что повисъ надъ нами обнаженный мечъ ея, и мы сейчасъ, — въ одну секунду отойдемъ въ вѣчность. Желали бы мы тогда всей силой души, чувствъ и мыслей избѣжать, но побѣгъ этотъ уже не имѣетъ мѣста. Хотѣли бы мы сдѣлать распоряженія предсмертныя о домѣ своемъ, но мысли наши помутятся, помышленія исчезнутъ. Хотѣли бы покаяться, исповѣдать грѣхи свои предъ священникомъ, но языкъ нашъ не будетъ повиноваться намъ, и самыя уста сомкнутся, и мы горько почувствуемъ, что умираемъ во грѣхахъ и уготованы діаволу и аггеламъ его.

Это причинитъ намъ страшныя мученія, ужасъ и совершенное отчаяніе. Бѣсы мрачные и немилостивые, обличая дѣянія наши, и истязуя душу нашу, будутъ мучительно терзать насъ. Наконецъ, душа наша въ невыразимыхъ мученіяхъ разлучится съ тѣломъ, — похитится насильственно. Горе тому человѣку, который, такимъ образомъ, окончитъ жизнь свою, ибо это и есть та самая смерть, о которой святый пророкъ Давидъ сказалъ: «смерть грѣшниковъ люта». (Псал. 33, 22).

Мы, люди, не только не знаемъ о времени нашей смерти, но не знаемъ и о томъ, каковъ будетъ образъ нашей кончины: кроткою-ли и смиренною она придетъ къ намъ, или лютою и звѣрскою. Предупредитъ-ли она насъ какими-либо знаменіями, или какъ тать въ нощи постигнетъ насъ. Дастъ-ди она намъ нѣкоторое время на раскаяніе, или мгновенно похититъ насъ во всѣхъ беззаконіяхъ нашихъ? Ничто неизвѣстно намъ. Для чего же такая неизвѣстность, такое невѣдѣніе о часѣ смертномъ и объ образѣ его? Но такъ устроилъ человѣколюбивый Богъ, ради нашего спасенія, именно потому, что незнаніе часа смертнаго рождаетъ страхъ, — страхъ — воздержаніе, а воздержаніе пресѣкаетъ случай ко грѣху и паденію.

Далѣе, незнаніе о часѣ смертномъ производитъ вниманіе; а вниманіе — желаніе, которое бываетъ первою причиною добродѣтели. Оставлено для насъ въ неизвѣстности, — добрая или лютая будетъ кончина наша для того, чтобы страшиться — избѣгать грѣха, и, отстраняясь отъ пороковъ, намъ болѣе и болѣе преуспѣвать въ добродѣтели. Поэтому приготовимся къ вѣчности и къ переходу въ вѣчность, именуемому смертію, во время земной жизни, въ этомъ преддверіи вѣчности.

Земная жизнь не есть собственно жизнь; но непрестанная борьба между жизнею и смертію, и мы колеблемся между ними, постоянно уклоняясь то къ той, то къ другой, оспариваемся ими. Если оцѣнимъ справедливо то краткое мгновеніе, на которое мы поставлены здѣсь, на землѣ, сравнивъ его съ неизмѣримою и величественною вѣчностію, то найдемъ, что только одно правильное употребленіе земной жизни, то есть, приготовленіе къ вѣчности, будетъ для насъ полезно. (Изъ кн. «Вѣчныя загробныя тайны»).

* * *

Примѣры изъ жизни людей, умершихъ внезапною смертію.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ внезапной смерти, которую Богъ посылаетъ людямъ за грѣхи и нераскаянность и которая явилась для этихъ людей именно «казнею Божіею».

Въ Кіево-Печерской лаврѣ были два инока, священникъ Титъ и діаконъ Евагрій. Нѣсколько лѣтъ они жили между собою такъ дружелюбно, что прочіе братія дивились ихъ единодушею... Но врагъ рода человѣческаго искони сѣетъ плевелы посредѣ пшеницы! Онъ посѣялъ между ними вражду и гнѣвомъ и ненавистію такъ омрачилъ ихъ, что они не могли безъ досады даже взглянуть другъ на друга. Когда, отправляя Божію службу, одинъ изъ нихъ шелъ съ кадильницею по церкви, то другой отходилъ въ сторону, чтобы не услышать ѳиміама; а если иногда сей послѣдній оставался на своемъ мѣстѣ, то первый проходилъ отъ него какъ можно далѣе. Сія временная злоба продолжалась весьма долго; и они, не примирившись между собою, дерзали приносить безкровную жертву Богу... Сколько братія ни совѣтовали имъ, чтобы отложили гнѣвъ и жили между собою въ мирѣ и согласіи, но все было тщетно!

Однажды священникъ Титъ тяжко разболѣлся. Отчаясь въ жизни, онъ началъ горько плакать о своемъ согрѣшеніи и послалъ къ недругу своему просить прощенія; но Евагрій не хотѣлъ слышать о томъ и началъ жестоко проклинать его. Братія, соболѣзнуя о столь тяжкомъ заблужденіи, насильно привлекли его къ умирающему. Титъ, увидѣвъ врага своего, съ помощію другихъ, всталъ съ одра и палъ предъ нимъ, слезно умоляя простить его, но Евагрій былъ такъ безчеловѣченъ, что отвратился отъ него и съ остерве-

неніемъ воскликнулъ: «ни въ сей, ни въ будущей жизни не хочу примириться съ нимъ»! Онъ вырвался изъ рукъ братіи, намѣреваясь убѣжать, но въ тотъ же мигъ упалъ на землю.

Иноки хотѣли поднять его; но какъ изумились, увидѣвъ его мертвымъ и настолько охладѣвшимъ, какъ-бы уже умеръ нѣсколько времени назадъ! Ихъ изумленіе уможилось еще болѣе, когда священникъ Титъ, въ то же самое время, всталъ съ одра болѣзни здоровъ, и какъ никогда боленъ не былъ. Въ ужасѣ отъ столь необыкновеннаго происшествія, они окружили Тита и одинъ предъ другимъ спрашивали: «что значитъ это»? «Будучи въ тяжкой болѣзни — отвѣчалъ онъ — доколѣ я, грѣшный, сердился на брата моего, видѣлъ ангеловъ, отъ меня отступившихъ и плакавшихъ о погибели души моей, а нечистыхъ духовъ радующихся, — вотъ причина, почему я всего болѣе желалъ примириться съ нимъ; но какъ скоро привели его сюда, и я поклонился ему, а онъ началъ проклинать меня, я увидѣлъ, что одинъ грозный ангелъ поразилъ его пламеннымъ копіемъ, и несчастный мертвъ повергся на землю; а мнѣ сей же ангелъ подалъ руки и возстановилъ отъ одра болѣзни».

Иноки оплакали лютую смерть Евагрія, и съ того времени болѣе прежняго начали блюстись, да никогда не зайдетъ солнце во гнѣвѣ ихъ; ибо памятозлобіе есть порокъ ужаснѣйшій и столько же мерзокъ предъ Богомъ, сколько и губителенъ въ обществѣ. Христіане! человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію: какое отличіе!.., но повѣрьте, что памятозлобный не имѣетъ его: онъ болѣе звѣрь, нежели человѣкъ. (Изъ кн. Четіи Минеи 27-го февр.).

* * *

Иконоборствующій царь Константинъ Копронимъ, потерявъ всю надежду поколебать преподобнаго Стефана ласками и дарами, вознамѣрился предъ лицемъ святыя Церкви посрамить его имя, возложивъ на невиннаго старца грѣхъ, которымъ гнушаются даже молодые, но благовоспитанные люди. На совокупное съ нимъ безславіе обрекли одну молодую инокиню именемъ Анну и подкупили ея служанку, чтобы лжесвидѣтельствовала на невинныхъ подобно ангеловъ въ тѣлеси.

Безсовѣстная женщина сдѣлала все, что желали ихъ гонители. Анна была при всемъ народѣ выведена изъ церкви и представлена къ суду. При допросахъ находился самъ Копронимъ и требовалъ только одного, чтобы она призналась въ преступленіи; послѣ чего обѣщалъ ей всѣ царскія милости. Но когда ни ласки, ни лжесвидѣтельство ея рабыни, ни самыя мученія, болѣзненныя и постыдныя, не могли поколебать ея твердости, то мучитель на тотъ разъ былъ принужденъ оставить преподобнаго Стефана въ покоѣ.

Между тѣмъ, Копронимъ почелъ за нужное наградить клеветницу, чтобы и другія въ подобныхъ случаяхъ охотнѣе исполняли волю его. Она выдана была въ супружество за нѣкотораго чиновника, и чрезъ нѣкоторое время родила близнецовъ. Но, клеветники и лжесвидѣтели! вострепещите, видя казнь, которую на главу сей преступницы излилъ Тотъ, Кто въ громѣ и молніи нѣкогда проглаголалъ: не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна. Въ одну ночь, когда она спала съ дѣтьми своими, вдругъ они обуяли и, пріявъ нѣкоторую удивительную силу, схватили сосцы матерніе и начали пить молоко ея не по-младенчески, но какъ скимны — львы, такъ что она не могла освободиться отъ нихъ. Такимъ образомъ, свирѣпствуя надъ своею матерію, они тогда же умертвили ее, и сами, какъ порожденіе ехидново, вмѣстѣ съ нею погибли. (Изъ кн. Училище благочестія стр. 446 — 447).

* * *

Иванъ Аѳанасьевичъ Пращевъ, молодой офицеръ, участвовалъ въ усмиреніи польскаго мятежа въ 1831-мъ году. Денщикомъ у него былъ въ эту пору Наумъ Середа. Въ одной изъ перестрѣлокъ смертельно ранили Середу, и, умирая, онъ просилъ Пращева переслать матери его находящіеся при немъ три золотыхъ.

— Непремѣнно исполню твое порученіе, — отвѣтилъ Пращевъ, — и не только эти три золотыхъ, но и отъ себя еще прибавлю за твою вѣрную службу.

— «Чѣмъ же я васъ, ваше благородіе, отблагодарю», со стономъ проговирилъ умирающій.

— А вотъ, если умрешь, приди ко мнѣ съ того свѣта въ тотъ день, когда я долженъ умереть.

— «Слушаю ваше благородіе», —отвѣчалъ Середа, и вскорѣ умеръ.

Однажды, пользуясь превосходной погодой (это было черезъ 30 лѣтъ послѣ смерти Середы), Пращевъ, его жена, дочь и ея женихъ были въ саду ночью. Собака, постоянно бывшая при Пращевѣ, вдругъ бросилась по аллеѣ, какъ обыкновенно бываетъ, когда завидитъ чужого. За ней послѣдовалъ Пращевъ, и что-жъ? онъ видитъ — подходитъ къ нему Середа.

— Ты что, Середа, скажешь? Развѣ сегодня день моей смерти? спросилъ Пращевъ. — «Такъ точно, ваше благородіе, я пришелъ исполнить ваше приказаніе, день вашей смерти наступилъ», отвѣтилъ неземной вѣстникъ и скрылся.

Пращевъ немедленно приготовился къ смерти по христіанскому обряду, исповѣдался и причастился Святыхъ Таинъ, сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія. Но смерти не было. Около одинадцати часовъ вечера семнадцатаго мая Пращевъ былъ со всѣми домашними въ саду; вдругъ раздался женскій крикъ, и у ногъ Пра-

щева, какъ у своего помѣщика, просила помощи жена повара: за нею гнался мужъ ея; поваръ былъ пьянъ и въ такомъ видѣ онъ считалъ всегда жену свою измѣнницей и билъ ее. Онъ подскочилъ къ Пращеву и большимъ поварскимъ ножемъ нанесъ ему въ животъ смертельную рану, отъ которой тотъ тотчасъ же и умеръ. (Изъ журн. Нива. 1880-го года № 15 — 17).

Примѣры встрѣчи смерти святыми и благочестивыми людьми.

1. Предъ смертію къ преподобному Марку Ѳраческому пришелъ преподобный Серапіонъ. Преподобный Маркъ встрѣтилъ Серапіона съ сердечною радостію и сказалъ ему: «Богъ послалъ мнѣ тебя, чтобы ты святыми руками приготовилъ къ погребенію мое смиренное тѣло». Чрезъ часъ времени сказалъ: «брате Серапіоне! пребуди нощь сію безъ сна ради моего разлученія!» Оба встали на молитву. По окончаніи молитвы, Маркъ сказалъ Серапіону: «тѣло мое по отшествіи моемъ положи въ пещерѣ сей съ миромъ Христовымъ, двери пещеры загради камнями и иди во свое мѣсто, а здѣсь не будь». Серапіонъ просилъ его взять съ собою, но онъ сказалъ ему: «тебѣ не здѣсь слѣдуетъ умереть, но въ своемъ мѣстѣ». Еще присовокупилъ: «великъ сей день, онъ мнѣ лучше всѣхъ дней живота моего, потому что сегодня разлучается душа моя отъ страданій плотскихъ и идетъ успокоиться во обители небесной; сегодня тѣло мое почіетъ отъ многихъ трудовъ и болѣзней; сегодня пріиметъ меня свѣтъ покоя моего».

При этихъ словахъ вертепъ наполнился свѣта, свѣтлѣе солнца, въ воздухѣ носился ароматъ. Преподобный Маркъ взялъ Серапіона за руку и сказалъ ему: «пусть мое мертвое тѣло, гдѣ трудилось во временной сей жизни, тамъ пребудетъ до всеобщаго воскресенія, здѣсь мой домъ болѣзнямъ, трудамъ и нуждамъ. Ты Господи, разлучи душу мою отъ тѣла, потому что ради Тебя я претерпѣвалъ голодъ, жажду, наготу, морозъ, зной и всякую тѣсноту; Самъ, Владыко, одѣй меня одеждою славы въ страшный день пришествія Твоего; почійте же очи и ноги мои, потрудившіеся во всенощномъ стояніи; отхожу отъ временной жизни, всѣмъ же остающимся желаю спастися. Спасайтесь всѣ Бога ради!»

По наставленіи, цѣловавъ Серапіона, сказалъ ему: «спасайся и ты, Серапіоне! Заклинаю тебя Богомъ, ничего не бери отъ смиреннаго моего тѣла». Когда Серапіонъ заплакалъ, съ неба былъ голосъ: «принесите Мнѣ сосудъ избранный отъ пустыни, принесите Мнѣ дѣлателя правды, совершеннаго христіанина и вѣрнаго раба. Гряди, Маркъ, гряди! почій во свѣтѣ радости и духовныя жизни!» Маркъ сказалъ Серапіону: «преклонимъ колѣна, брате!» Тогда былъ голосъ архангельскій Марку: «простри руки твои!» Этотъ голосъ слышалъ Серапіонъ.

Серапіонъ тотчасъ всталъ и увидѣлъ душу святаго отъ союзовъ плотскихъ уже разрѣшившуюся и руками ангельскими бѣлосвѣтлою одеждою покрываемую и на небо возносимую. (Изъ кн. Четіи Минеи 5-го апрѣля).

2. Преподобная Аѳанасія, получивъ извѣщеніе о времени часа смертнаго за двѣнадцать дней, — не пила и не ѣла, а присутствующимъ сестрамъ говорила: «пойте и хвалите Бога всегда!» Когда наступилъ двѣнадцатый день, она не докончила чтеніе псалтири и сказала: «помогите мнѣ изнемогшей, идите въ церковь и докончите чтеніе псалтири, я не могу кончить: сила моя изнемогла!» Онѣ плача спросили ее: «до котораго псалма она читала?» Она отвѣтила: «девятнадцатый во устахъ имѣю и болѣе не могу». Сестры ушли въ церковь и окончили чтеніе псалтири.

Оставшіеся же сестры: Марина и Евпраксія заплакали. Она обняла ихъ, поцѣловала и сказала имъ: «сегодня разлучимся, а въ будущемъ вѣкѣ увидимся!» Лице ея просвѣтилось, какъ солнце. Она сказала: «день праздника не оставляйте по службѣ. Церковное пѣніе пусть будетъ благочинно: сиротамъ, нищимъ и вдовамъ сотворите учрежденіе по силамъ; по божествеаной литургіи передайте мое убогое тѣло землѣ!» Посемъ закрыла уста, очи смежила и почила о Господѣ. уснувши общимъ сномъ смерти. Скончалась въ навечеріе 14-го августа. (Изъ кн. Четіи Минеи).

3. Утѣшительна повѣсть о смерти праведниковъ, поучительно и душеспасительно сказаніе о томъ, съ какимъ сокрушеніемъ и смиреніемъ сердца они приготовлялись къ ней; съ какимъ святымъ страхомъ они встрѣчали ее и какъ Господь Богъ прославлялъ кончину ихъ.

Такъ, когда настало время умирать великому Сисою, просвѣтилось лице его, и онъ сказалъ сидѣвшимъ у него отцамъ: «вотъ пришелъ авва Антоній». Помолчавъ нѣсколько сказалъ: «вотъ ликъ Пророческій пришелъ». Потомъ просвѣтился болѣе и сказалъ: «вотъ пришелъ ликъ Апостольскій». И опять сугубо просвѣтилось лице его; онъ началъ съ кѣмъ-то бесѣдовать.

Старцы упрашивали его сказать, съ кѣмъ онъ бесѣдуетъ? Онъ отвѣчалъ: «Ангелы пришли взять меня; но я умоляю ихъ, чтобы они оставили меня на короткое время для покаянія». Старцы сказали ему: «отецъ! ты не нуждаешься въ покаяніи». Онъ отвѣчалъ имъ: «по истинѣ не знаю о себѣ, положилъ ли я начало покаянію». А всѣ знали, что онъ совершенъ.

Такъ говорилъ и чувствовалъ истинный христіанинъ, несмотря на то, что во время жизни своей онъ воскрешалъ мертвыхъ единымъ словомъ и былъ исполненъ даровъ Святаго Духа.

И еще болѣе засіяло лице его, засіяло какъ солнце. Всѣ убоялись. Онъ сказалъ имъ: «смотрите, — Господь пришелъ и изрекъ: принесите Мнѣ избранный сосудъ изъ пустыни». Съ этими слова-

ми онъ испустилъ духъ. Блеснула молнія, и храмина исполнилась благоуханія. Такъ окончилъ земное теченіе одинъ изъ великихъ угодниковъ Божіихъ. (Изъ кн. Патерикъ Скитскій).

4. Въ Костромской губерніи, Ветлужскаго уѣзда, въ деревнѣ Ч — ѣ, жилъ одинъ набожный крестьянинъ Филиппъ А — ъ. Съ раннихъ лѣтъ крестьянинъ этотъ возлюбилъ церковь Божію, а потому, какъ въ дѣтствѣ, такъ равно и по вступленіи въ бракъ, не пропускалъ ни одной службы Божіей, несмотря на то, что деревня, въ которой онъ жилъ, отстояла отъ села въ десяти верстахъ, за что сосѣди скоро прозвали его святошею.

Въ собраніи родственниковъ и знакомыхъ, Филиппъ никогда первый не начиналъ разговора, а всегда любилъ слушать разговоры другихъ; но едва только рѣчь склонялась къ осужденію кого-либо, набожный Филиппъ, какъ будто не слыхавъ начала ея, тотчасъ заводилъ разговоръ объ иномъ предметѣ, большею частію въ религіозномъ видѣ, и тѣмъ нерѣдко отклонялъ другихъ отъ дальнѣйшихъ пересудовъ.

За какое бы дѣло Филиппъ ни принялся, онъ приступалъ къ нему не иначе, какъ съ призываніемъ помощи Божіей, — за что Господь щедро награждалъ его Своими дарами; если же усильные труды его иногда и не вознаграждались, то и въ такомъ случаѣ Филиппъ не смѣлъ произнести ни одного ропотнаго слова; никогда ни въ чемъ не завидовалъ другимъ, и всегда былъ доволенъ своей долей.

Но недолго Филиппъ пользовался счастіемъ: Промыслу Божію, для неисповѣдимыхъ Его цѣлей, угодно было испытать терпѣніе Филиппа, какъ нѣкогда праведнаго Іова, чтобы и о немъ ненавистники добра не сказали того же, что нѣкогда сказалъ начальникъ ихъ объ Іовѣ: «Даромъ ли Филиппъ чтитъ Бога? Не Онъ ли благословилъ дѣла рукъ его? Но пусть простретъ Онъ руку Свою и коснется его: не отречется ли Филиппъ отъ него?» — Филиппа на двадцать пятомъ году его жизни постигла болѣзнь: все тѣло его покрылось язвами, издававшими изъ себя нестерпимо-гнилой запахъ.

Видя страждущаго Филиппа въ такомъ жалкомъ положеніи, ненавистники его примѣрно-благочестивой и поучительной для нихъ жизни, вмѣсто того, чтобы утѣшить его въ горѣ, съ язвительными насмѣшками отзывались о немъ такъ: «вотъ нашъ святоша еще заживо гніетъ».

Дѣйствительно, болѣзнь несчастнаго въ скоромъ времени развилась до того, что во многихъ мѣстахъ подъ кожею его завелись черви, которые, прогрызая кожу и въ мѣстахъ здоровыхъ, мало-по-малу распространились по всему тѣлу, и въ два года его болѣзни до того размножились, что ночью выползали изъ его тѣла цѣлыми роями и покрывали всю его постель.

О чистотѣ одра больного и объ исполненіи его нуждъ должна была заботиться жена его Ѳеодосья Н — а, женщина очень строптиваго характера, которая, не въ силахъ будучи смотрѣть равнодушно на страданія своего мужа, нерѣдко высказывала ему, «что смерть видно забыла его», на что терпѣливый страдалецъ обыкновенно отвѣчалъ ей: «да! видно за мои тяжкіе грѣхи Господь посѣтилъ меня такою тяжкою болѣзнію, но что же дѣлать? видно Господь, Которому я служилъ съ дѣтства моего, знаетъ, что для меня лучше и удобнѣе идти къ нему не путемъ благоденствія, которымъ я доселѣ пользовался, а путемъ страданія: нужно и потерпѣть».

По прошествіи двухъ лѣтъ болѣзнь эта не только не обѣщала прекращенія, а, напротивъ, съ каждымъ часомъ замѣтно все болѣе и болѣе усиливалась такъ, что Филиппъ, предвидя близкій конецъ своимъ страданіямъ, просилъ жену поскорѣе пригласить священника, для напутствованія его святыми Дарами. Желаніе его немедленно было исполнено; и онъ, удостоившись принять сію драгоцѣнную святыню, по уходѣ священника, съ улыбкою на устахъ, сказалъ женѣ своей: «Ѳедосьюшка! ахъ, какъ мнѣ теперь стало легче, именно съ той минуты, какъ батюшка причастилъ меня»!

Спустя немного времени, страданія его возобновились сильнѣе прежняго, и онъ, чрезъ мѣсяцъ, совершенно ослабѣвъ тѣломъ, въ другой разъ пожелалъ пригласить священника, чтобы онъ особоровалъ его масломъ и еще разъ удостоилъ причастія святымъ Тѣломъ и Кровію Спасителя, но въ этотъ разъ просьба его была не исполнена, и на желанія его жена только съ гнѣвомъ ему отвѣтила: «ну-ну! давно ли причащался»? на такой отказъ страдалецъ отвѣчалъ ей громкими слезами, и весь тотъ день провелъ въ молитвенныхъ вздохахъ и слезахъ.

По наступленіи вечера, жена больного, оставила его одного, отправилась къ сосѣду на вечеръ, и возвратилась не ранѣе полуночи, — страдалецъ же, огорченный отказомъ въ своей пламенной просьбѣ отъ близкой его сердцу, весь вечеръ провелъ въ слезахъ, а близъ полуночи, въ бодрственномъ состояніи, удостоился слѣдующаго утѣшительнаго видѣнія: комната, въ которой онъ, страдая отъ мучительной болѣзни, лежалъ безвыходно около двухъ съ половиною лѣтъ, вдругъ наполнилась необыкновеннымъ свѣтомъ, и предстала ему Дѣва, неизобразимой красоты, съ двумя величественными юношами. Подошедши къ его одру, Она ласковымъ голосомъ сказала ему: «не бойся и не унывай, Филиппъ! Ты Меня скоро увидишь, — Я тебя Сама встрѣчу»; потомъ одинъ изъ юношей, прекрасный лицемъ, подошедшій тоже къ постели его, чѣмъ-то помазалъ ему крестообразно чело и перси и далъ что-то испить, — другой же, болѣе величественный видомъ, издали трижды покадилъ на него, и всѣ трое мгновенно стали невидимы.

Когда возвратилась къ нему, около полуночи, жена его, Филиппъ зказалъ ей: «ахъ ты, глупенькая, — ушла! а у меня сейчасъ какіе гости -то были! я, право, и не видалъ такихъ отъ роду», и подробно, какъ только могъ, пересказалъ ей все виденное и присовокупилъ: «Ахъ, какъ мнѣ теперь легко! Смотри-ка, гдѣ у меня рана-то»? Дѣйствительно, жена его долго стояла въ великомъ изумленіи, не находя на всемъ тѣлѣ его ни малѣйшихъ признаковъ прежнихъ язвъ. Но терпѣливый страдалецъ, удостоившійся получить исцѣленіе отъ неизвѣстныхъ ему гостей, въ ту же ночь предалъ съ миромъ духъ свой, самъ крестообразно сложивъ руки на груди.

На третій день по кончинѣ сего горькаго страдальца тѣло его принесено было въ церковь, для совершенія надъ нимъ чина погребенія. Священникъ того прихода въ этотъ самый день отлучался изъ дома верстъ за пятнадцать, для служенія молебна, въ домѣ своего духовнаго сына, купца 2-й гильдіи В. С., передъ мѣстно чтимой иконою «Толгской» Божіей Матери, которая изъ церкви туда и обратно несена была при многолюдномъ стеченіи народа и при звонѣ колоколовъ.

По совершеніи молебна, священникъ съ причтомъ отправился домой, прежде иконъ, и, нашелъ тѣло страдальца въ церкви, немедленно приступилъ къ чину погребенія, чтобы окончить его и успѣть, съ тѣмъ же причтомъ, проводить тѣло усопшаго на кладбище прежде возвращенія иконъ. Но едва только успѣли они выйти на паперть церковную съ тѣломъ его, какъ начался звонъ, встрѣчавшій обратно несомую икону Царицы Небесной. Такимъ образомъ тѣло усопшаго страдальца Филиппа несено было со звономъ до самаго кладбища, на разстояніи одной версты, а здѣсь какъ разъ встрѣтились и несшіе икону «Толгской» Божіей Матери и тѣло почившаго. Здѣсь то сбылось предсказаніе Царицы Небесной (Которой, какъ свидѣтельствовали многіе, усопшій при жизни молился со особеннымъ благоговѣніемъ), что Она, приходившая, за два дня до смерти, для утѣшенія его въ образѣ прекрасной дѣвы, встрѣтитъ его, и что онъ увидитъ Ее.

При столь внезапной встрѣчѣ, несшіе икону Царицы Небесной и тѣло почившаго, ощутили въ себѣ какое-то особенное чувство благоговѣнія къ путямъ Промысла Божія, а нѣкоторые изъ числа родственниковъ въ избыткѣ чувствъ прослезились. Другіе же изъ сопровождавшихъ икону Царицы небесной и почившаго, на которыхъ сія встрѣча не произвели, казалось, ни малѣйшаго впечатлѣнія, говорили: «ай да святоша! какой ты счастливый! смотрика: никого еще со звономъ не провожали въ могилу, а ты чего удостоился»? (Разсказъ священника А. Преображенскаго. Изъ ж. «Сранникъ» 1864 г. стр. 37—41).

* * *

Разсказы о явленіи умершихъ.

У меня былъ товарищъ по семинаріи, съ которымъ я дружилъ, и въ продолженіи богословскаго курса вмѣстѣ квартировалъ, разсказывалъ въ своихъ посмертныхъ записяхъ протоіерей Н. Соколовъ. Это сынъ болховскаго священника Николай Семеновичъ Веселовъ. По окончаніи курса семинаріи, онъ остался учителемъ уѣзднаго училища, а я по окончаніи академіи поступилъ священникомъ въ Херсонъ. Но въ одно время приснился онъ мнѣ такъ, что я понялъ, что его нѣтъ въ живыхъ. Написалъ къ отцу его, и получилъ отвѣтъ, что сынъ его умеръ, какъ разъ въ тотъ день и часъ, когда видѣлъ его во снѣ. Мнѣ снилось, что будто я нахожусь на херсонскомъ кладбищѣ подлѣ ветхаго пирамидальнаго памятника, въ которомъ отъ вывалившихся камней образовалось отверстіе шириною около пяти вершковъ. Изъ любопытства я влѣзъ черезъ отверстіе во внутръ памятника. Потомъ хочу вылѣзти назадъ, не нахожу отверстія въ темнотѣ. Я сталъ ломать каменья, и блеснулъ свѣтъ. Проломавъ отверстіе больше, я вышелъ и очутился въ прекрасномъ саду. На одной изъ аллей вдругъ навстрѣчу Веселовъ.

— Николай Семеновичъ, какими судьбами? воскликнулъ я.

Я умеръ, и вотъ видишь... отвѣчалъ онъ.

Лицо его сіяло, глаза блестѣли, грудь и шея были обнажены. Я бросился къ нему, чтобы поцѣловать его, но онъ отскочилъ назадъ и устраняя меня руками, сказалъ: «я умеръ, не приближайся». Я какъ-будто повѣрилъ, что онъ на томъ свѣтѣ, и испугался. Я взглянулъ на него, и замѣтилъ, что лицо его было весело, страхъ мой пропалъ. Веселовъ прошелъ мимо меня, я пошелъ съ нимъ рядомъ, не дотрагиваясь до него.

— Я живъ, хотя и умеръ, умеръ и живъ — все равно, сказалъ онъ. Слова его показались мнѣ такъ логичны, что я ничего не могъ возразить на нихъ. Когда мы приблизились къ старому пирамидальному памятнику, Веселовъ сказалъ: «Прощай, ты пойдешь домой», и указалъ мнѣ на отверстіе. Я полезъ и тутъ-же проснулся. (Прибавленіе къ Херсон. Еп. Вѣдомостямъ 1891 г. № 11).

* * *

Въ 1871-мъ году состоявшій въ пѣвческомъ хорѣ А. Я., проживъ не болѣе 24-хъ лѣтъ, разсказываетъ ярославскій архіепископъ Нилъ, умеръ отъ эпидемической холеры. Черезъ десять дней послѣ смерти, именно утромъ 16-го іюля, явился онъ мнѣ во снѣ.

На немъ былъ знакомый мнѣ сюртукъ, только удлиненный до пятъ. Въ моментъ явленія я сидѣлъ у стола гостинной своей, а онъ вошелъ изъ залы довольно скорымъ шагомъ, какъ это и всегда бывало, показавъ знаки уваженія ко мнѣ, приблизился къ столу и, не сказавъ ни слова, началъ высыпать на столъ изъ-подъ жилета мѣдныя деньги съ малой примѣсью серебра.

Съ изумленіемъ спросилъ я: «Что это значитъ»? Онъ твѣчалъ: «на уплату долга». (Надобно замѣтить, что наканунѣ приходили отъ фотографа Г. объявивъ, что по книгамъ значится за Я. 4-е рубля). Это меня очень поразило и я неоднократно повторилъ: «нѣтъ, нѣтъ, не нужны твои деньги, самъ заплачу твой долгъ».

При сихъ словахъ Я... съ осторожностію сказалъ мнѣ: «говорите потише, чтобы не слыхали другіе».

На выраженную же мною готовность уплатить за него долгъ, онъ не возражалъ, а деньги не замедлилъ сгрести рукою со стола. Но куда положилъ онъ ихъ, не удалось мнѣ замѣтить, а кажется тутъ же онѣ исчезли.

Затѣмъ, вставши со стула, я обратился къ Я... съ вопросомъ: «Гдѣ находишься ты, отшедши отъ насъ»? — Какъ-бы въ заключенномъ замкѣ. — Имѣете-ли вы какое-либо сближеніе съ ангелами? — Для ангеловъ мы чужды. — А къ Богу имѣете-ли какое отношеніе? — Объ этомъ послѣ когда-нибудь скажу.

— Не въ одномъ ли мѣстѣ съ тобою Миша? (Миша — тоже пѣвчій, мальчикъ, жившій въ одной комнатѣ съ Я..., и скончавшійся года за четыре передъ тѣмъ. — Не въ одномъ. Кто же съ тобою? — Всякій сбродъ. — Имѣете ли вы какое развлеченіе? — Никакого. У насъ даже звуки не слышатся никогда; ибо духи не говорятъ между собою. — А пища какая-либо есть у духовъ? — Ни-ни... Звуки эти произнесены были съ явнымъ неудовольствіемъ и конечно по причинѣ неумѣстности вопроса.

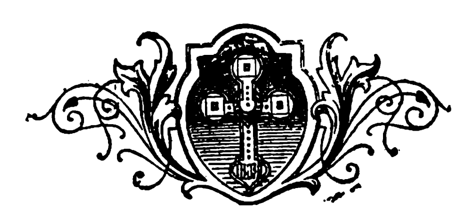
— Ты же какъ чувствуешь себя? — Я тоскую. — Чѣмъ же этому помочь? — Молитесь за меня: вотъ донынѣ не совершаются обо мнѣ заупокойныя литургіи.

При сихъ словахъ душа моя возмутилась, и я сталъ передъ покойникомъ извиняться, что не заказалъ сорокоуста, но что непремѣнно сдѣлаю. Послѣднія слова видимо успокоили собесѣдника.

Засимъ онъ просилъ благословенія, «нужно ли испрашиавть у кого-либо дозволенія на отлучку? Отвѣтъ заключался только въ одномъ словѣ: **да.** И слово это было произнесено протяжно, уныло и какъ-бы по принужденію.

Тутъ онъ вторично попросилъ благословенія, и я благословилъ его. Вышелъ онъ отъ меня дверью, обращенной къ Туговой горѣ, на которой покоится прахъ его. (Душеп. размышленія 1881 г.).

Троицкіе Листки. № 39.

Изъ области таинственнаго.

На скитской площади у южной стороны алтарной стѣны надъ крутымъ обрывомъ въ потокъ, называемый Морфо, стоитъ высокій деревянный, бурою краскою выкрашенный крестъ, имѣющій, какъ говорили мнѣ скитяне, мѣру и подобіе креста, на которомъ былъ распятъ Спаситель. Вышина его 5 аршинъ 2 вершка, а длина поперечника подъ руками Христа въ $2^3/_4$ аршина. Вкопанъ онъ тутъ въ 1860 году по какому-то особенному таинственному случаю. Подножіе обложено землею и обведено каменною стѣнкою.

Пониже недалеко находится кладбищная церковь (гробница) въ память Покрова Пресвятыя Богородицы, построенная въ 1849 году схимонахомъ Іаковомъ молдаваниномъ. Всѣхъ келлій и калибъ въ настоящее время здѣсь около 40, а монашествующихъ всего до 100 человѣкъ. Близъ Киріакона есть келлія во имя Святителя Николая Чудотворца. Здѣсь нѣкоторое время подвизался русскій старецъ-духовникъ, іеросхимонахъ Арсеній съ своими учениками, въ числѣ коихъ былъ о. Іоанникій, впослѣдствіи извѣстный старецъ нашей обители духовникъ о. Іеронимъ († 1885 г.). Въ настоящее время на ней подвизается девяностолѣтній старецъ архимандритъ Лазарь молдаванинъ съ своими учениками, претерпѣвающій по временамъ большія притѣсненія отъ заправилъ монастыря Свято Павловскаго, на землѣ котораго находится скитъ „Лакъ".

Прежде чѣмъ оставить этотъ бѣдный и безмолвный скитъ, бѣдный тлѣнными богатствами и богатый благодатными насельниками, я считаю особеннымъ удовольствіемъ сообщить сказаніе изъ рукописей нашей монастырской библіотеки о хожденіяхъ одного изъ смиренныхъ подвижниковъ - молдаванъ по обителямъ небеснымъ. Но кто этотъ подвижникъ, въ какой обители подвизался и какъ его имя — намъ неизвѣстно. — Видѣніе старца, продолжавшееся часа три, въ теченіе почти цѣлой утрени, похоже на благодатное видѣніе блаженнаго Андрея Христа ради юродиваго, память котораго 2-го окт. Это случилось на Святой Аѳонской горѣ въ мартѣ мѣсяцѣ 1854 г. Замѣчательное видѣніе это очень ясно обличаетъ неправомысліе всѣхъ многоразличныхъ протестантовъ и сектантовъ, какъ напримѣръ штундистовъ, баптистовъ, пашковцевъ и другихъ, отвергающихъ ходатайство о насъ предъ престоломъ Тріvпостаснаго Божества Божіей Матери и Святыхъ. Чтобы обличить ихъ, а православныхъ утвердить и укрѣпить въ своей святой православной вѣрѣ, мы цѣликомъ приводимъ видѣніе аѳонскаго старца.

„Однажды, въ четвергъ въ шесть часовъ ночи, т. е. по захожденіи солнца наканунѣ, я, говорилъ старецъ, всталъ къ утрени и войдя въ церковь помѣстился въ формѣ *), когда братія начинала уже по-

*) Формою называются монашескія мѣста въ церкви, съ открывающимися скамьями для сидѣнія во время чтенія.

слѣдованіе полунощницы; и размышляя о непостижимой глубинѣ существа Божія, при мысли, что Онъ одинъ есть Господь, Создатель и Творецъ вселенной; и что для спасенія людей принялъ наше естество, и сдѣлавшись человѣкомъ былъ распятъ и погребенъ: — я почувствовалъ такое умиленіе въ своемъ сердцѣ, и такая радость объяла душу мою и успокоила разумъ, что отъ избытка сладостныхъ чувствованій—слезы, какъ источникъ, текли изъ очей моихъ; и неизмѣримая любовь Божія наполняла все существо мое до восхищенія; а вмѣстѣ съ этимъ смиреніе мое превышало границы.

Тогда разверзлось сердце мое, изъ котораго, какъ бы одна дорога восходила къ престолу Божію, и сливаясь въ одно съ разумомъ и чувствами, давало полную свободу пламенной молитвѣ; и каждое слово молитвы выражалось глубоко отъ души. Тутъ я почувствовалъ любовь къ ближнимъ, и началъ молиться за оскорбившихъ и порицающихъ меня; и отъ радости сердца душа моя была въ восхищеніи. Но когда я находился въ этомъ трогательномъ состояніи, вмѣстѣ и ощущалъ, что находился я въ церкви, и видѣлъ, что братія молилась. Не имѣя же силъ болѣе стоять на ногахъ—открылъ скамью формы и присѣлъ, не переставая мысленно молиться. Тогда я до того сосредоточенъ былъ въ любви Божіей, что не въ состояніи былъ успокоиться на землѣ и чѣмъ болѣе питалъ ко Господу любовь и дерзновеніе—разсѣивался страхъ мой къ Нему и болѣе ликовала душа моя отъ этого, такъ что я не могъ продолжать ни начатой ни другихъ молитвъ, а чувствовалъ только искреннее желаніе любви Божіей, что, какъ пламень огненный, горѣло въ моемъ сердцѣ: душа прилѣплялась къ Богу, только о Немъ и воображала; слезы подобно ручью струились изъ очей, и я находился въ полномъ восторгѣ и смиреніи. Но неожиданно предавшись какому-то забвенію, я не видалъ болѣе ни церкви, ни братіи, и не слыхалъ того, что читалось, и вдругъ очутился среди обширнаго и богатаго поля, которое было украшено роскошными деревьями и цвѣтами, дышавшими чуднымъ благоуханіемъ. Красоты и благолѣпія этого поля не возможно ни описать, ни разсказать языкомъ человѣческимъ, потому что оно было исполнено такихъ свѣтовъ, какъ будто свѣтило семь солнцъ, а издали виднѣлось неисчислимое множество людей, молодыхъ собою и облеченныхъ въ блестящія одежды, которые были очень благообразны, и лица коихъ сіяли болѣе, нежели солнце—и ходили очень тихо.

При видѣ всего этого радовалась душа, и въ удивленіи я спрашивалъ самого себя: кому принадлежитъ этотъ вертоградъ; что это за люди и какъ очутились здѣсь?! Съ этою мыслію я пошелъ далѣе, и пройдя еще немного, увидѣлъ другихъ большое множество, которые всѣ стояли вмѣстѣ, и будучи облечены въ воинское одѣяніе, были собою молоды, разныхъ лѣтъ, сильные тѣломъ, и лица ихъ выражали глубокое смиреніе, а красота ихъ до того была ослѣпительна, что сіяла болѣе, нежели какъ сіяетъ солнце.

При видѣ этихъ людей, я остановился и душевно восхищался, любуясь ихъ благообразіемъ и украшеніемъ. Тогда услышалъ я изъ среды этихъ людей голосъ, называвшій меня по имени: „Какъ извѣ-

стно всѣмъ намъ, братъ нашъ (N) имѣетъ большое желаніе достигнуть къ Царю: кто же изъ насъ возьмется быть ему вожатымъ?“ И избрался одинъ изъ нихъ, молодой лѣтами, который превосходя красотою и могуществомъ всѣхъ прочихъ, и сіяя какъ луна между звѣздами, казался старшимъ надъ другими, и обратясь ко всему лику сказалъ: „я буду путеводителемъ, ибо какъ вы знаете, онъ питая ко мнѣ особенную любовь, денно и нощно просилъ меня объ этомъ, и я не разъ уже ходатайствовалъ за него предъ Богомъ.“ Сказавши это, онъ шелъ ко мнѣ; а я между тѣмъ, удивляясь думалъ: мнѣ ни разу не приходилось видѣть этихъ людей; гдѣ же они видѣли меня, что знаютъ мое имя, и какъ они узнали, что я имѣю желаніе прійти къ Царю? Когда же славный воинъ подошелъ ко мнѣ и съ лицемъ веселымъ сказалъ: „Слѣдуй за мною и пойдемъ къ Царю,“ — я просилъ оставить меня, говоря: что я за особа, чтобы дерзалъ предстоять Царю; и спрашивалъ: чего желаетъ отъ меня тотъ Царь, и что Онъ за Царь? Тогда нѣсколько улыбнувшись, онъ весело продолжалъ: „ты вѣрно шутишь, что не узнаешь этого Царя, къ Которому я имѣю привести тебя? и развѣ ты не знаешь меня, въ то время, когда любишь меня, и молишь меня день и ночь? И вотъ я пришелъ провести тебя къ Царю, и теперь, если бы и захотѣлъ, — не могу тебя оставить; и такъ слѣдуй за мной.“ Не имѣя что отвѣчать на это, я послѣдовалъ за нимъ, и мнѣ хотѣлось узнать и спросить у него, кто онъ, что оказываетъ мнѣ столько добра, потому что до этихъ поръ я не узнавалъ его и вмѣстѣ совѣстился спросить, думая, что можетъ быть еще успѣю узнать послѣ, тѣмъ болѣе что въ душѣ питалъ къ нему какое-то и благоговѣніе и безпокойство, видя его около себя.

Когда мы прошли много мѣста, отъ того роскошнаго вертограда, который уже окончился, никого болѣе не было, исключая меня и моего путеводителя, подошли къ одному узкому пути, который такъ далеко простирался, что не видно было его конца и будучи заключенъ между двумя высокими стѣнами, едва давалъ возможность пройти одному человѣку. Это привело меня къ нѣкоторой боязни, потому что мѣсто это, безъ посторонней помощи, было слишкомъ опасно; но при видѣ своего вожатая, я снова успокоился Тогда путеводитель мой немного пріостановился и, ласково глядя на меня, началъ говорить: „Братъ, отъ чего смущается душа твоя, и овладѣло тобою уныніе? зачѣмъ умъ твой находится въ разсѣянности, и не возносится лучше молитвой къ Богу? Не знаешь ты, сколько теряетъ человѣкъ, когда забываетъ молитву и занятъ однимъ собою; и сколько получаетъ, если постоянно прибѣгаетъ къ спасительному имени Іисуса Христа? Такой человѣкъ, избавляясь отъ страданій и грѣховъ, вмѣщаетъ въ себѣ Святую Троицу, и достигаетъ любви Божіей въ томъ совершенствѣ, котораго и ты отчасти по милости Божіей неожиданно удостоился. Но достигая это блаженство, зачѣмъ ты нерадишь о немъ, и долго ли еще будешь находиться въ глубокомъ снѣ лѣности и не одумаешься? Вспомни, братъ, свое прежнее рвеніе, отъ котораго ты нынѣ совершенно отказался, когда Господь не понуждалъ тебя, а ты самъ добровольно полагалъ Приснодѣву и Матерь Божію посредницею и ходатаицею твоего спасенія, и не сдѣлался ли ты уже недостойнымъ, чтобы Милосердая напутствовала тебя за твою невѣрность? Видно ты предпочитаешь лѣность любви Божіей; но зна-

ешь-ли, сколько неизреченнаго милосердія излилъ на тебя Господь, и не смотря на твое нерадѣніе, какъ велика любовь Его къ тебѣ?!" Когда мой путеводитель говорилъ это, слова его трогали меня до глубины души и съ сокрушеннымъ сердцемъ я повторялъ: Господи Іисусе Христе, помилуй меня! И искренняя молитва эта, чуждая посторонних мыслей и сосредоточившая весь мой умъ, до того была исполнена любви Божіей, отрадными чувствованіями и силою, что въ мигъ разсѣяла происходившую во мнѣ боязнь. Тогда путеводитель мой, снова обратясь ко мнѣ, сказалъ: „теперь ты самъ видишь, что лучше пребывать въ молитвѣ; и если всегда желаешь находиться въ такомъ состояніи духа и пріобрѣсти спасеніе, убѣгай пагубной лѣности и, мысленно полагая всю свою надежду на имя Іисуса Христа и Госпожи нашей Богородицы, старайся вести жизнь такъ, какъ жилъ прежде, въ непрестанномъ преуспѣяніи добрыхъ дѣлъ, по заповѣдямъ Божіимъ. Помни и сохраняй также въ точности и мое наставленіе, каждый разъ, когда съ тобою что-либо случится, исповѣдывайся чисто, и ни одной даже мысли не скрывай предъ духовнымъ отцемъ твоимъ." Съ этимъ мы начали идти по узкому ущелью, и взойдя выше, я увидѣлъ предъ собою крестъ, который какъ бы указывалъ намъ путь. Достигнувъ этого креста, путеводитель, а за нимъ и я остановились и оградивъ себя трижды крестнымъ знаменіемъ съ молитвой: „Кресту Твоему покланяемся Владыко, и святое воскресеніе Твое поемъ и славимъ",—снова продолжали путь, и послѣ долгаго времени перешли на другую сторону: откуда виднѣлось такое мѣсто, что страхъ и трепетъ объялъ бы того, кто бы его увидѣлъ, потому что оно представляло глубокій оврагъ, низменность котораго, какъ бездонная пропасть, была такъ ужасна и мрачна, что трудно было опредѣлить какъ она длинна, широка и какъ непроходимо глубока, по другую сторону которой очень далеко виднѣлась высокая гора, касающаяся небесъ.

Вмѣсто моста, чрезъ эту пропасть, положено было круглое бревно, въ четверть толщины, одинъ конецъ котораго примыкалъ къ нашему пути, а другой къ концу противоположной горы; и переходъ этотъ тѣмъ болѣе былъ еще страшенъ, что бревно это, при дуновеніи вѣтра, колебалось надъ бездной, какъ листъ на деревѣ. Когда же мы подошли поближе къ этой пропасти и переходу, страхъ и трепетъ объялъ меня снова, ибо я увидѣлъ, что мы должны будемъ переходить по лежавшему бревну, и сколько я ни смотрѣлъ во всѣ стороны, нигдѣ за исключеніемъ того бревна, не замѣтилъ ни одного мѣста, которое бы давало возможность перейти черезъ мрачную пропасть на другую сторону. Тогда путеводитель мой обратился ко мнѣ съ нѣкоторымъ укоромъ: „снова ты, сказалъ онъ, — нерадишь о молитвѣ и опять ты находишься въ страхѣ! Дай мнѣ свою руку." Я подалъ ему правую руку, и такимъ образомъ мы начали идти по страшной перекладинѣ, которая послѣ нѣсколькихъ шаговъ такъ заколыхалась, какъ листъ на деревѣ, и когда я поглядѣлъ на обѣ стороны пропасти, душа замерла отъ страха,—я не рѣшался идти далѣе, и одно только присутствіе путеводителя, державшаго меня за руку, снова меня воодушевило, и такъ мы продолжали путь.

Черезъ нѣсколько времени остановившись, путеводитель велѣлъ мнѣ съ крестнымъ знаменіемъ призвать на помощь имя Госпожи нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи, говоря, что имя Ея на томъ мѣстѣ имѣетъ большое преимущество. И, о чудо! Когда я исполнилъ, что мнѣ сказалъ путеводитель, и повторялъ: Пресвятая Богородице, помоги мнѣ!—такая смѣлость явилась во мнѣ, что я совершенно былъ покоенъ, не смотря на то, что перекладина подобно паутинѣ сгибалась подъ нами. Благополучно достигнувъ конца, скоро мы подошли къ подошвѣ горы, гдѣ вожатый оставилъ мою руку, присовокупивъ, что мнѣ нечего болѣе бояться. Но изъ любви, которую я питалъ къ нему, мнѣ не хотѣлось отдѣлиться отъ него, и продолжая держать его за руку, шелъ вмѣстѣ; и послѣ того, какъ прошли немного мѣста, мы начали взбираться на гору, откуда, сколько я ни смотрѣлъ, не было видно вершины. Эта гора была очень обрывиста; однако мѣстность ея такъ была очаровательна, что когда, сдѣлавъ еще довольно пути, мы остановились и я увидѣлъ, что всѣ стороны горы покрыты были масличными деревьями:—изумился и недоумѣвалъ, откуда явилось здѣсь такое множество маслинъ!

Вскорѣ мы достигли наконецъ и вершины, и продолжая путь подошли къ большимъ вратамъ, которыя были отворены, гдѣ путеводитель, а за нимъ и я, оградили себя прежде три раза крестнымъ знаменіемъ; а потомъ, минуя врата, вошли и во внутренность. Тогда передъ нами снова открылось большое поле, обширное, какъ твердь небесная, и не видно было нигдѣ предѣловъ его, ни въ ширину, ни въ длину; а красоту и великолѣпіе его не возможно даже и высказать, потому что языкъ человѣческій не въ состояніи высказать, ни объяснить, ни умъ человѣческій постигнуть того совершенства, которое было тамъ; ибо поле это было усажено всевозможнаго рода отличными деревьями и украшено великолѣпными цвѣтами, исполненными пріятнаго благоуханія. Солнце, которое свѣтило тамъ, не было какъ обыкновенное солнце,—но какъ бы было семь солнцевъ, и такъ отрадно было это мѣсто, что умилилось сердце мое, и я желалъ тамъ остаться. Но путеводитель сказалъ мнѣ: отселѣ ты пройдешь еще другія мѣста, гораздо восхитительнѣе этого, и напослѣдокъ увидишь Самого Царя. Съ этою радостною вѣстію, мы пошли черезъ прекрасный вертоградъ, и я увидѣлъ издалека множество людей, одѣтыхъ въ иноческія одежды,—не чернаго, а багроваго цвѣта, сіяющаго подобно солнцу: лица ихъ сіяли болѣе солнца; а видъ этихъ иноковъ и красота были не постижимы. Одни изъ нихъ были молоды, а нѣкоторые въ лѣтахъ; и когда мы подошли ближе, они радостно приняли насъ и привѣтствовали моего путеводителя, говоря: радуйся, великомученикъ Георгій—возлюбленный Христа! Путеводитель съ своей стороны тоже привѣтствовалъ ихъ: радуйтесь и вы, возлюбленные Христа-преподобные! Послѣ этого всѣ они, называя меня по имени, весело обратились ко мнѣ съ словами: сынъ (N), какая польза человѣку, если онъ весь міръ пріобрѣтетъ, а душу свою погубитъ! Все же сколько бы онъ ни жилъ, сколько ни исполнялись бы его желанія и ни испытывалъ бы всѣхъ мірскихъ наслажденій,—ударитъ часъ

смерти, и вся жизнь его пройдетъ, какъ сонъ. Тебѣ также покажется вся жизнь твоя одною тѣнью, если только воспрянешь ты отъ лѣности, и начнешь жить такъ благочестиво, какъ жилъ прежде и, угодивши Господу, удостоишься небеснаго царствія, и вѣчнаго съ нами блаженства. Но если окончишь жизнь свою въ нерадѣніи, то знаешь ты, что ожидаетъ лѣнивыхъ и нераскаянныхъ грѣшниковъ. Сынъ! не предпочитай болѣе мрачную бездну здѣшнему царству; не прилѣпляйся скорѣе къ лѣности, нежели къ любви Іисуса Христа, Который все, что ты видѣлъ, устроилъ собственно для твоего спасенія. Вспомни ты, изъ какой степени совершенства ты упалъ, сколько потерялъ и куда погрузился? Возвратись, и припади къ милосердію Божію; и мы не преставемъ молить Господа о твоемъ спасеніи. Сказавши это, они снова обратились къ моему путеводителю, говоря: „Георгій, возлюбленный Христа, возымѣй все попеченіе надъ этою душею и представь ее Царю, тѣмъ болѣе, что ты имѣешь къ Нему большое дерзновеніе». Послѣ этого, мы отдѣлились отъ нихъ и начали снова идти; но когда я услышалъ, что путеводитель мой былъ великомученикъ Георгій, тогда только я узналъ его, и понялъ тѣ слова, которыя относились ко мнѣ, когда въ первый разъ онъ изъявилъ готовность путеводить мною, и на вопросъ: „кто изъ насъ будетъ ему вожатымъ? отвѣчалъ онъ:—я,—потому что онъ питаетъ ко мнѣ особенную любовь, и часто полагалъ меня посредникомъ предъ Богомъ; и я ходатайствовалъ за него.“ Ибо, дѣйствительно, съ самаго дѣтства я имѣлъ къ великомученику Георгію особенное уваженіе предъ другими Святыми, и много разъ просилъ ходатайства предъ Богомъ, въ дѣлѣ моего спасенія. Такимъ образомъ, узнавъ въ лицѣ своего путеводителя св. великомученика Георгія, сперва я нѣсколько убоялся, а потомъ отъ избытка чувствъ и сердечнаго умиленія, которыя наполняли душу мою,—я обнялъ его, и лобызалъ долгое время; послѣ чего мы пошли далѣе; пройдя немного, увидѣлъ я издали небольшое число праведниковъ, облеченныхъ въ иноческую одежду, такую же, какую я видѣлъ прежде на преподобныхъ; они имѣли предъ прочими значительную славу, и лица ихъ сіяли болѣе солнца. Тогда я спросилъ у своего путеводителя: что это за люди, что облечены такою славою?—Это нынѣшніе иноки, отвѣчалъ св. Георгій, которые безъ руководителей и совѣтовъ другихъ собственно доброю волею соревновали благочестію прежнихъ иноковъ, и окончивши жизнь свою въ добрыхъ дѣлахъ, — угодили Господу. За тѣмъ я снова спросилъ: какимъ же образомъ обрѣлись на землѣ такіе избранные люди, когда въ настоящее время совершенно оскудѣли въ мірѣ добрыя дѣла? — Дѣйствительно, отвѣчалъ путеводитель, таковыхъ людей нынѣ на землѣ очень мало; но кто въ эти дни, по силамъ своимъ, сдѣлаетъ хотя малое добро,—угодитъ Богу и великимъ наречется въ царствіи небесномъ; ибо малое безъ понужденій и наставленія другихъ примется Господомъ за большое. Братъ, продолжалъ путеводитель, въ настоящее время оскудѣли добрыя дѣла: усилилась безнравственность, вкоренилась неправда, забыта любовь, потеряна вѣрность и въ устахъ у людей изсякло слово Божіе. Всюду торжествуетъ обманъ и не-

честіе; вмѣсто любви настала вражда; вмѣсто милосердія—жестокость: вмѣсто правды — неправда; умы наполнились худыми помышленіями и подобные поступки до того умножились, что всѣ прилѣпились ко злу, и почти нѣтъ никого, кто бы жилъ благочестиво. Потому-то творящіе нынѣ хотя мало добра угождаютъ Богу, и проч.... Такимъ образомъ продолжая путь въ разговорахъ, когда мы прошли еще немного на востокъ чуднымъ этимъ вертоградомъ, намъ появился высокій, обширный и великолѣпный чертогъ, стѣны котораго трудно было сравнить съ чѣмъ-либо: они, казалось, сдѣланы изъ чистаго золота; а сіяніе, исходившее изъ нихъ, освѣщало всю окрестность его. Слава и великолѣпіе сего чертога не постижимы для человѣческаго ума. Тутъ я еще спросилъ путеводителя моего объ этомъ превосходнѣйшемъ чертогѣ: на что онъ отвѣчалъ, что этотъ чертогъ Царя, предъ Котораго они предстать должны. Вскорѣ подошли мы къ высокимъ вратамъ сего чертога, которые были отворены. Тогда, оградивъ себя трижды крестнымъ знаменіемъ, мы вошли вратами на открытое мѣсто, откуда видна была вся окрестность горняго мѣста, коего пространство неизмѣримо. Я приходилъ въ крайнее изумленіе, смотря на такое благолѣпіе, какого человѣческое око никогда не видало. Здѣсь находилось безчисленное множество Святыхъ, осѣненныхъ большою славою. Тутъ путеводитель взялъ меня за правую руку, и мы прошли еще врата,—на востокъ, которые искуственно были устроены изъ драгоцѣнныхъ камней. На правой сторонѣ вратъ былъ образъ, изображеніе Спасителя, сидящаго на престолѣ; а на лѣвой—Божіей Матери. Войдя во врата, я увидѣлъ опять множество людей, которые, держа въ рукахъ кресты и вѣтви, были одѣтыми въ одинаковыя иноческія ризы — багровыя и блестящія, какъ молнія; лица ихъ были неописанной красоты. Когда они увидѣли наше появленіе къ нимъ, то встрѣтили насъ съ большою радостію, и сладко привѣтствовали меня, говоря: „братъ, долго ли мы будемъ дожидать тебя, и почему ты самъ не стараешься объ этомъ?“... Потомъ обратясь къ путеводителю моему, сказали: „Георгій! ты взялъ его на свои поруки, когда-жъ приведешь его къ намъ?“ Когда будетъ на то воля Божія, отвѣчалъ имъ Георгій. Они взявъ меня за руки, ласкали и утѣшали меня. Тутъ св. Георгій подошелъ къ образу Пресвятой Богородицы, и сталъ умилительно пѣть: Достойно есть яко воистинну блажити Тя Богородицу и проч. По окончаніи тропаря, мы трижды перекрестились, поклонившись иконѣ Божіей Матери. Тогда св. Георгій взялъ меня за руку и сказалъ: все, что ты видишь теперь, сдѣлано для того, чтобы ты не сомнѣвался въ видѣнномъ и слышанномъ тобою, и не подумалъ бы, что это прелесть и навожденіе врага.

Тогда всѣ блаженные отошли отъ насъ, а я съ путеводителемъ моимъ остались у вратъ, которые вдругъ сами собою отворились, и послышался голосъ: „велика Твоя милость, Господи, къ сынамъ человѣческимъ!...“

Стоя у вратъ, я приходилъ въ восхищеніе отъ всего видѣннаго и слышаннаго мною. По отверстіи вратъ, я увидѣлъ великую церковь, исполненную несказаннымъ свѣтомъ. Посреди церкви стоялъ высо-

кій великолѣпный престолъ, на которомъ возсѣдалъ Царь славы, окруженный многочисленнымъ ликомъ Святыхъ: іеромонахи и монахи стояли въ бѣлыхъ ризахъ, другіе, какъ воинство вооруженное. Ликъ Царя былъ подобенъ лику Спасителя, изображенному на иконѣ у вратъ, чрезъ которыя проходили мы; видомъ молодъ и неописанной красоты; облаченный въ архіерейскія ризы, а на главѣ вѣнецъ изъ драгоцѣнныхъ камней. Красоты, величія и славы Царя—не возможно ни описать, ни высказать языкомъ человѣческимъ. Свѣтомъ, исходившимъ отъ лица Царя, освѣщался весь храмъ, и ликъ праведниковъ какъ бы слитъ однимъ сіяніемъ съ Царемъ. Если бы можно собрать въ одно мѣсто тысячу тысячъ и милліонъ милліоновъ солнцевъ, то и тогда не было бы такого сіянія, какое сіяло отъ лица Царя. Между тѣмъ какъ я стоялъ у вратъ церковныхъ и созерцалъ несозерцаемое, путеводитель мой вошелъ въ церковь, чтобъ поклониться Царю, а я, оставался на мѣстѣ. Св. Георгій, воротившись назадъ, сказалъ мнѣ: что же стоишь? пойдемъ вмѣстѣ со мною, и поклонимся Владыкѣ; и только что вознамѣрился войти въ церковь, вдругъ слышу гласъ Царя: „Георгій, оставь его у дверей; ибо онъ недостоинъ войти во внутрь храма, не имѣя брачной одежды.“ Голосъ этотъ привелъ меня въ нѣкоторый страхъ; но потомъ я совершенно успокоился, потому что любовь, наполнившая мою душу, не давала мѣста страху. Оставивъ меня у дверей, св. Георгій самъ вступилъ въ церковь, гдѣ ликъ Святыхъ съ честію встрѣтилъ его, какъ бы одного изъ вельможъ Царя, и Самъ Царь славы, когда Георгій подошелъ къ Нему, всталъ съ Своего престола, и съ радостію цѣловалъ его въ лице. Тогда путеводитель мой трижды поклонился Царю и лобызалъ ноги Его и, наконецъ, со смиреніемъ сказалъ: „Господи! ради крови, которую Ты пролилъ на крестѣ за грѣшниковъ, прости его и наставь на путь спасенія. Велико Твое милосердіе, Владыко, и безмѣрны Твои благодѣянія!..“. „Георгій, отвѣчалъ ему Господь, тебѣ извѣстно Мое благоволеніе, коимъ удостоилъ Я его сначала, показавъ ему тайники сокровенные любви Моей, не смотря на то, что другіе подвизались болѣе его, и не сподобились этого; но такъ какъ онъ остался нерадивъ и предпочелъ прелесть міра, паче Меня, то и не достоинъ благости Моей.“ Тогда св. Георгій началъ умолять Владыку: „Господи, умоляю Тебя, прости его, и яви на немъ къ прославленію имени Своего благость и милосердіе Твое, — если онъ и недостоинъ сего. Ты видишь его доброе намѣреніе, и не оставь его!“... и долго умолялъ онъ Господа о помилованіи меня. „Георгій, возлюбленный Мой! отвѣчалъ ему Господь, вижу Я упадокъ міра: заповѣди Мои не исполняются; вмѣсто слова Моего настало нечестіе; вмѣсто любви — ненависть, вражда; вмѣсто правды — неправда. Оскудѣла вѣрность, отвергнуто смиреніе, а распространились ложь, обманъ, гордость. Вмѣсто цѣломудрія,—блудъ, прелюбодѣяніе; и сіе творятъ не только міряне, мужья и жены, но даже іереи и иноки. Осодомилась земля и люди вторично распинаютъ Меня; но Я все терплю съ кротостію — безъ гнѣва, ожидая ихъ покаянія“... Св. Георгій опять припалъ къ сто-

памъ Владыки и умолялъ: «Господи! вспомни о крови, которую я пролилъ изъ любви къ Тебѣ, и умоляю Тебя, Владыко, даруй мнѣ эту душу, прости ее и удостой чаши, которой онъ желаетъ»! «Георгій, сказалъ ему Владыка, да будетъ исполнено твое прошеніе». Вдругъ въ лѣвой рукѣ у Владыки появилась чаша золотая, наполненная питіемъ на подобіе вина, которую благословивъ правой рукой, и подавая св. Георгію, сказалъ: «эту чашу любви Моей подай испить ему». Принявъ чашу отъ Владыки, св. Георгій поднесъ ко мнѣ, и я трижды перекрестясь всю выпилъ ее. Питіе это было такъ сладко, что ни съ чѣмъ земнымъ нельзя было сравнить его; тотчасъ душа и сердце мое вспыхнуло какъ пламень огненный любовію къ Богу. Когда св. Георгій возвратилъ чашу Владыкѣ и снова предстоялъ Царю славы, я не въ силахъ уже былъ оставаться на своемъ мѣстѣ, и съ дерзновеніемъ вошелъ въ храмъ, подошелъ къ Царю славы и упалъ къ ногамъ Его, съ умиленіемъ лобызалъ, и душа моя такъ уязвилась любовію къ Богу, что я не могъ уже подняться на ноги. Тогда я услышалъ голосъ къ моему путеводителю: «Георгій! возьми его и идите; пусть онъ совершенно очиститъ себя, чтобы могъ достигнуть любви Моей, которую онъ потерялъ, и пусть готовится принять чашу, которою посѣщу Я его». Вслѣдъ за симъ путеводитель мой поднялъ меня за правую руку, и вмѣстѣ кланяясь въ ноги Царю славы, положивъ три поклона, мы вышли изъ храма, и врата сами собою затворились. На обратномъ пути насъ опять встрѣтили святые, прежде видѣнные нами, и говорили мнѣ: «братъ, постарайся, мы тебя будемъ ожидать». Я началъ было просить у своего путеводителя — св. Георгія остаться мнѣ здѣсь, и не возвращаться уже на землю. «По волѣ Божіей, отвѣчалъ онъ мнѣ, ты долженъ возвратиться на землю, для того, чтобы добрыми дѣлами—исполненіемъ заповѣдей Божіихъ, ты очистился какъ золото въ горнилѣ». Оградивъ себя троекратнымъ знаменіемъ, мы пошли назадъ изъ роскошнаго веселаго вертограда, гдѣ опять встрѣтили небольшое собраніе монашествующихъ, которые встрѣтили насъ съ радостію. Шедши оттуда, мы взошли на высокую гору, гдѣ немного остановившись я любовался веселымъ мѣстоположеніемъ горы, усаженной со всѣхъ сторонъ масличными деревьями. Когда мы сошли съ этой горы, мнѣ опять показалась эта страшная пропасть, чрезъ которую мы проходили уже. Сошедши съ горы, путеводитель мой взялъ меня за руку, и мы снова безъ всякой уже боязни съ моей стороны вступили на страшную перекладину, и пошли по ней. На самой срединѣ сей перекладины св. Георгій остановился, и обратясь ко мнѣ сказалъ: «любезнѣйшій братъ! постарайся о небесномъ царствіи, и страшись потерять его. Ты видѣлъ милосердіе Божіе надъ тобою? смотри же не будь неблагодарнымъ къ Спасителю своему, показавшему тебѣ незримое. Старайся пріобрѣсти любовь Его, и приготовляйся испить чашу, посланную тебѣ по волѣ Владыки нашего: тогда благодать Божія, и заступленіе Царицы Небесной всегда будутъ съ тобою, —и я не оставлю тебя». За симъ, перекрестивъ меня три раза, произнесъ: «Пресвятая Богородице, помоги рабу Твоему»—и сдѣлался невидимъ,

а я остался одинъ посреди страшной перекладины, надъ самой бездной ада преисподняго.

Вдругъ послышался страшный громъ и шумъ изъ пропасти, и дикій страшный крикъ: «теперь онъ остался одинъ! пойдемъ и свергнемъ его въ пропасть! пойдемъ же скорѣе, пока не пріидетъ Георгій»! А бревно, лежавшее перекладиною черезъ пропасть, колыхалось какъ листъ на деревѣ. Тогда посмотрѣвъ на обѣ стороны бездны, я подумалъ: Господи! кто въ состояніи оказать здѣсь помощь человѣку! Вдругъ я услышалъ голосъ, подобно грому: „одни добрыя дѣла и милость Пресвятой Богородицы!“ Тутъ громъ, и шумъ, и страшные голоса изъ пропасти, и скрежетъ зубовъ—утихли, и я пришелъ въ себя».

Вотъ отрадное и утѣшительное повѣствованіе старца-молдаванина о своемъ вразумительномъ и вмѣстѣ утѣшительномъ видѣніи.

Дѣйствительно, многіе изъ христіанъ — монаховъ и мірянъ, принося свои молитвы ко Господу Богу, молятся и къ Божіей Матери и ко святымъ небожителямъ, избирая изъ нихъ, по нѣкоторымъ случаямъ, или побужденіямъ сердца, одинъ—однихъ угодниковъ Божіихъ, а другой — другихъ. Также и въ молитвахъ ко Господу Богу представляютъ въ помощь предъ Нимъ во первыхъ Божію Матерь, безплотныхъ силъ, своего Ангела Хранителя, Ангела-покровителя, имя коего носятъ и Святыхъ нѣкоторыхъ поименно, и всѣхъ вообще. Богомудрый отецъ нашъ преподобный Θеогностъ говоритъ: «хочешь ли, я покажу тебѣ и другой путь ко спасенію, или лучше, къ безстрастію? Докучай Создателю своему, сколько силы есть, молитвами, и чтобъ не уклониться отъ предлежащей цѣли твоей, ходатаями предъ Нимъ всегда предлагая *всѣ небесныя силы и всѣхъ Святыхъ, и со Пресвятою Богородицею*“ *).

Знаменательныя явленія.

Въ одной изъ замоскворѣцкихъ церквей въ 1871 году умеръ отецъ діаконъ И. Ш., родной братъ мой, отъ свирѣпствовавшей тогда холеры, въ нѣсколько часовъ уложившей его въ гробъ, несмотря на молодые его годы и крѣпкія силы. Насколько я любилъ его, настолько горестна была для меня потеря его. Отъ скорби вдался я въ тоску, которая оставляла меня только во время сна и молитвы. А молился я за душу его отъ всей души, движимый къ тому какъ любовію къ покойному, такъ еще сознаніемъ неполноты предсмертной его исповѣди, которая была приносима имъ въ состояніи мучительныхъ холерныхъ корчей. Вскорѣ по смерти онъ явился мнѣ во снѣ какъ живой. Въ полномъ сознаніи переселенія его въ другой міръ, я началъ разговоръ о мытарствахъ. «Ты, вѣроятно, проходишь теперь мытарства»?—спрашиваю его.—«Да»,—отвѣтилъ онъ.—«Скажи,

какъ ты проходишь»?—«Очень трудно,—сказалъ онъ,—и вотъ почему: у діаволовъ, оказывается, все записано, кто въ чемъ согрѣшилъ, даже мысли, какія иногда невольно возбуждались въ душѣ и пробѣгали съ быстротой молніи, на которыя мы не обращали вниманія, забывая ихъ и не каясь въ нихъ, и эти невольные и мимолетные грѣхи изобличаются на мытарствахъ и самими душами тогда вспоминаются и сознаются, какъ дѣйствительно бывшіе». При этомъ онъ вынулъ изъ-подъ полы рясы таблицу, какъ бы картонную, размѣромъ нѣсколько больше четвертки почтовой бумаги, которая съ одной стороны вся была исписана грѣхами такъ мелко и часто, какъ будто насѣяна чернымъ макомъ.—«И вотъ, сказалъ онъ, такихъ таблицъ было за мною 25, изъ коихъ 7 я загладилъ предсмертною исповѣдію, а 18 осталось за мною». Затѣмъ я спросилъ его: пускаютъ ли васъ (умершихъ) на землю для свиданія? — Да, пускаютъ, отвѣтилъ. — Такъ приходи ко мнѣ почаще,—сказалъ я ему, но онъ мгновенно исчезъ въ образовавшееся подполье. Послѣ сего видѣнія я усилилъ молитву за него, но въ теченіе десяти лѣтъ онъ ни разу не являлся мнѣ.

Когда Господь сподобилъ меня благодати священства, то я пользуясь ближайшимъ предстательствомъ у престола Божія, чѣмъ въ санѣ діакона, еще усерднѣе сталъ молиться о упокоеніи души любимаго брата, и вотъ на пятомъ году моего священства онъ является, но не мнѣ, а одной моей прихожанкѣ К. М., которая отличалась благочестивою жизнію и особенно усердными молитвами за усопшихъ. Разъ поутру неожиданно проситъ она меня чрезъ нарочнаго придти къ ней по важному дѣлу. — Она спрашиваетъ: былъ у васъ братъ, въ духовномъ санѣ умершій? Былъ діаконъ, — отвѣтилъ я. И начала она описывать его примѣты съ такою ясностію, какъ будто она видѣла его живаго, и затѣмъ разсказала слѣдующее: въ нынѣшнюю ночь онъ является мнѣ и говоритъ: скажите моему брату, что 5 таблицъ еще заглажено. Кто вашъ братъ? Здѣшній священникъ. О какихъ таблицахъ вы говорите? Онъ уже знаетъ это, только скажите непремѣнно. А что же вы не явились ему? Я явлюсь ему, когда всѣ таблицы будутъ заглажены, отвѣтилъ онъ и исчезъ. Вотъ зачѣмъ я послала за вами, сказала благочестивая прихожанка, чтобы узнать тайну сновидѣнія—справедливо оно или нѣтъ. Я разсказалъ ей о явленіи мнѣ покойнаго брата на первыхъ порахъ послѣ смерти его и о таблицахъ, и тутъ-то сознал, что то явленіе его мнѣ было не простое, какимъ я считалъ его прежде, а знаменательное, и сталъ ждать исполненія обѣщаннаго имъ явленія мнѣ. На пятомъ году моего ожиданія я получилъ извѣстіе о вторичномъ явленіи его прихожанкѣ моей, чрезъ которую онъ просилъ меня особенно помолиться за него въ Великій четвертокъ. Такъ нужно по грѣхамъ моимъ, — сказалъ онъ, что, конечно, я и исполнилъ съ возможнымъ усердіемъ и каждогодно тотъ великій день, когда установлена Господомъ безкровная жертва *о грѣсѣхъ*, напоминаетъ мнѣ просьбу его, которую всегда считаю для себя святымъ завѣтомъ. Послѣ сего на восьмомъ, слѣдовательно на тридцатомъ году моего ожиданія личнаго явленія мнѣ брата, наконецъ онъ является мнѣ во снѣ, какъ обѣщалъ, чтобъ

извѣстить меня о своей свободѣ отъ грѣховъ *). Это явленіе было очень коротко. Сижу я будто за письменнымъ столомъ, вдругъ входитъ изъ сосѣдней комнаты покойный братъ въ рясѣ, какъ живой, и, идя мимо меня позади стула, проговорилъ явственно: „теперь я свободенъ,“ и сталъ невидимъ. Этотъ строго послѣдовательный рядъ явленій покойнаго не служитъ ли очевиднымъ признакомъ существующей связи между загробнымъ міромъ и земнымъ? Самыя явленія, очевидно, знаменательнаго характера не служитъ ли голосомъ съ того свѣта, который да послужитъ земнымъ жителямъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что души наши не прекращаютъ бытія своего, но переходятъ въ другой міръ духовный, гдѣ ожидаютъ ихъ мытарства съ обличеніями на нихъ самыхъ мельчайшихъ грѣховъ и нечистыхъ мыслей, даже мимолетныхъ, и что молитвы, возносимыя за умершихъ, содѣйствуютъ прощенію грѣховъ ихъ и освобожденію отъ страданій, особенно если молитвы приносятся при безкровной Жертвѣ (Душ. Чт. 1898 г.).

Свящ. *І. Шаровъ.*

*) Замѣчательно, что число лѣтъ молитвы совпадаетъ съ числомъ таблицъ неизглажденныхъ отъ грѣховъ.

Молитва за усопшихъ—пріятна имъ.

Вѣра въ загробную жизнь и молитвы св. матери нашей—Церкви Православной, основанныя на ученіи Св. Писанія и преданія церковнаго, за усопшихъ сродниковъ нашихъ—присуща духу христіанскому. Св. Церковь, чадолюбивая мать наша установила особенныя моленія о почившихъ, узаконила особенныя времена для этихъ молитвъ, всѣмъ извѣстныя и свято всѣми хранимыя. Пока жива будетъ наша вѣра, до тѣхъ поръ не поколеблется слово Спасителя нашего: *вѣрующій въ Меня имѣетъ животъ вѣчный, и Я воскрешу его въ послѣдній день.* Вѣрно слово и пріятія достойно...

Въ годовой день по кончинѣ своей родной матери я присутствовалъ на Богослуженіи въ одной изъ Стародубскихъ церквей, при чемъ не малочисленнымъ почитателямъ почившей, собравшимся во храмѣ помолиться за усопшую, сказалъ вылившееся отъ

дня созданія міра и доселѣ, тутъ послѣдовательно, шагъ за шагомъ, разобрано религіозное и культурное развитіе человѣчества, при чемъ доказывается, что почти не было на свѣтѣ людей, на какихъ бы степеняхъ развитія они ни стояли, которые бы не имѣли никакого представленія о высочайшемъ всемогущемъ существѣ — Богѣ и о продолженіи жизни за гробомъ; здѣсь немало богословскихъ и философскихъ разсужденій, но очень немного достовѣрныхъ историческихъ фактовъ о явленіи душъ изъ загробнаго міра. Единичные случаи явленій душъ во Франціи, Италіи и еще кое-гдѣ,.. тѣмъ и кончается перечень событій. Можетъ ли этотъ животрепещущій матеріалъ исчерпаться пятью-десятью фактами?! Конечно, нѣтъ! Ихъ тысячи (во св. Евангеліи, Апостолѣ, Прологахъ, Четіихъ-Минеяхъ, исторіи, періодической печати, въ преданіяхъ и сказаніяхъ по городамъ и деревнямъ), но они или забыты или сокрыты подъ спудомъ. Первые вѣка христіанства во всемъ блескѣ и величіи доказываютъ цѣлымъ рядомъ разительныхъ фактовъ бытіе Божіе и безсмертіе души человѣческой; средніе — дѣлаютъ шагъ назадъ, — христіанство перемѣшиваютъ съ язычествомъ, вмѣсто истинной вѣры вселяется въ людей суевѣріе, и въ широкихъ размѣрахъ практикуется колдовство, процвѣтаютъ разныя демоническія науки. Въ наше время въ ходу модное суевѣріе: гипнотизмъ, столоверченіе и спиритизмъ, въ связи съ вызываніемъ медіумами (спеціалистами своего дѣла) душъ умершихъ, по желанію, во всякое время и почему-то только при сумрачномъ освѣщеніи, при безусловной тишинѣ. Но, по ученію нашихъ богослововъ, подъ видомъ душъ умершихъ вызываются собственно не души людей, кои являются по особому соизволенію Божію, а злые духи въ образѣ того или иного лица. Нынѣ интересуются буддизмомъ, и цѣлью жизни ставятъ погруженіе въ нирвану (въ безсмысленную спячку, въ которой нѣтъ ни жизни, ни смерти). Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, надлежитъ подѣлиться назидательными разсказами изъ сверхъ-естественнаго міра, а также сообщеніями о чудотвореніяхъ, не ставшихъ до настоящаго времени достояніемъ печати. Посему передамъ давно слышанный мною чистосердечный разсказъ одного почтеннаго вдоваго іерея, родомъ сибиряка. Свое повѣствованіе онъ началъ такъ: „Овдовѣлъ я, сравнительно, молодымъ, долго тосковалъ по своей супругѣ, но, чтобы не предаваться отчаянію, пьянству, а съ нимъ и другимъ грѣховнымъ порокамъ, я поставилъ для себя правиломъ возможно чаще совершать Божественную литургію и за оной поминать дорогую покойницу. Это постоянное трезвеніе давало мнѣ относительный покой, однакожъ, при всемъ томъ я никакъ не могъ удерживаться отъ посѣщенія могилы, гдѣ была погребена моя жена. Здѣсь, вдали отъ жилья и шума людскаго,

сыновнаго чувства слово, въ которомъ, какъ умѣлъ, раскрылъ предъ слушателями необходимость молитвъ за умершихъ. О словѣ этомъ заговорили на поминальномъ обѣдѣ собравшіеся утѣшить старика отца моего близкіе знакомые. „Да, батюшка“, обратился ко мнѣ одинъ изъ присутствовавшихъ, получившій высшее богословское образованіе и занимающій отвѣтственный постъ руководителя юношества, „я самъ на себѣ испыталъ силу молитвъ за усопшихъ родныхъ и глубоко вѣрю въ то, что искренняя молитва угодна Богу и пріятна умершимъ. Когда я былъ на службѣ въ Кіевѣ, имѣлъ знакомаго одного монаха Кіево-Печерской Лавры. Вечеромъ одного дня, когда онъ былъ у меня, я просилъ его помолиться за присныхъ мнѣ усопшихъ, при чемъ и благодарилъ его за это. И что же? Въ ночномъ видѣніи являются ко мнѣ родители мои и приносятъ мнѣ благодарность поклономъ“. Какъ потомъ узналъ разсказчикъ, сонное видѣніе ему было въ то время, когда служитель Божій исполнилъ просьбу изъятіемъ частицъ на св. проскомидіи въ одной изъ церквей Кіево-Печерской Лавры. („Кормчій“ 1891 г.).

Свящ. Н. Г. Б—скій.

Изъ области таинственнаго.

Явленіе изъ загробнаго міра.

Въ наше время, полное безвѣрія и сомнѣній, когда врываются во „святое-святыхъ“ человѣка, — въ его душу для того, чтобы произвести полный разладъ, чтобы отнять вѣру въ безпредѣльное и разумное бытіе, вѣру въ то, чѣмъ онъ поддерживаетъ земную скорбную жизнь, — весьма было бы полезно и душеспасительно дѣлиться достовѣрными фактами изъ жизни своей, родственниковъ и знакомыхъ, относительно чудотвореній, исцѣленій и необычайныхъ явленій душъ изъ иного міра. Но, къ сожалѣнію, выдающіяся изъ ряда вещи, исходящія не отъ міра сего, вмѣсто преданія ихъ широкой гласности, остаются сокрытыми десятками, сотнями и тысячами, частію изъ-за ложнаго стыда предъ невѣрами, частью изъ ревниваго оберегаиія чудесныхъ событій отъ постороннихъ взоровъ; между тѣмъ правдивые разсказы о чудесныхъ исцѣленіяхъ и о необычайныхъ явленіяхъ могли-бы, если не вполнѣ, то отчасти возвысить нравственно—религіозный кругозоръ христіанина и укрѣпить его въ вѣрѣ въ недремлющій Промыслъ Божій. Съ большимъ вниманіемъ и живѣйшимъ интересомъ прочиталъ я (лѣтъ 5 — 6 назадъ) нѣсколько объемистыхъ томовъ сочиненія іеромонаха Митрофана о томъ, какъ живутъ за гробомъ наши умершіе и, признаюсь, мало нашелъ въ этомъ сочиненіи того матеріала, котораго искалъ. Правда, здѣсь масса научнаго кропотливаго труда и доказательствъ въ бытіе, начиная чуть не со

я давалъ полную волю своимъ слезамъ и нерѣдко ропталъ на судьбу, спрашивая: кому и зачѣмъ понадобилась такъ скоро смерть жены?.. Въ одно изъ такихъ посѣщеній мѣста упокоенія матушки со мною случилось нѣчто необыкновенное, и это нѣчто отвадило меня отъ частыхъ прогулокъ на могилу, надъ которой чуть не ежедневно я проливалъ потоки горькихъ слезъ. Произошло слѣдующее. Когда я былъ всецѣло поглощенъ мыслію о тяжелой утратѣ своей супруги, вдругъ явственно, при лунномъ свѣтѣ, я замѣтилъ силуэтъ женщины, спускающейся по наклону съ горы къ мѣсту моего нахожденія; она была одѣта въ дипломатъ и въ платье точь въ точь, какъ у моей жены. Я былъ заинтересованъ и сталъ вглядываться пристальнѣе въ движущійся предметъ, чтобы узнать, кто бы это такая могла быть въ поздній часъ и въ такомъ пустынномъ мѣстѣ. Но вотъ силуэтъ сталъ обрисовываться яснѣе и яснѣе и о, радость!.. Я узналъ въ приближающейся съ горы женщинѣ свою жену, ея походку,— она такъ же, какъ и при жизни, осторожно спускалась ниже, по направленію ко мнѣ, придерживая лѣвой рукой платье. Наконецъ, она подошла вплотную ко мнѣ. У меня съ радости закружилась голова—я забылъ, что предо мною покойница, и собрался было, въ чаду забвенія, говорить съ женою и корить ее за долгую отлучку, но... во время опомнился и овладѣлъ собою: радость моментально смѣнилась ужасомъ, я чувствовалъ, какъ у меня волосы на головѣ подымаются дыбомъ, мнѣ стало понятно, что предо мной стоитъ духовнымъ своимъ существомъ моя матушка, и именно „она“, не воображеніе разстроеннаго мозга, не призракъ, созданный мною,—нѣтъ, это—моя супруга, которую вотъ тутъ похоронили. Однако, она продолжала стоять предо мною и такъ внушительно, укоризненно-строго, молча, смотрѣла на меня ясными очами, точно хотѣла проникнуть въ мою душу. По мнѣ пошелъ холодъ, колѣни мои дрожали, я близокъ былъ къ обмороку. Собравъ, наконецъ, все присутствіе духа, я сдѣлалъ по направленію къ женѣ крестное знаменіе и—видѣніе исчезло, какъ бы испарилось. Съ тѣхъ поръ я болѣе молился, менѣе плакалъ и тосковалъ, принявъ ея укоризненный взглядъ за запрещеніе нарушать ея мирный могильный покой своими сѣтованіями, ни къ чему не ведущими, кромѣ лишь разстройства собственнаго здоровья“. Такъ закончилъ свой разсказъ почтенный іерей. („Тоб. Еп. Вѣд.“ 1906 г.).

Наказаніе Божіе за сквернословіе.

На первыхъ порахъ своей сельской пастырской службы я усмотрѣлъ, что мои прихожане, помимо многихъ другихъ нравственныхъ недостатковъ, особенно заражены были привычкой къ сквернословію. И старые и малые, безъ малѣйшаго

зазрѣнія совѣсти, сквернословили постоянно и въ своихъ домахъ и на улицахъ. Немедленно начавъ борьбу съ разнаго рода пороками своихъ пасомыхъ, я особенно ополчился противъ ихъ сквернословія. И въ храмѣ, и въ школѣ, и въ жилищахъ прихожанъ, и на уличныхъ собраніяхъ ихъ, благовременно и безвременно, обличалъ и бичевалъ я этотъ порокъ. Благіе результаты борьбы сказались: сквернословіе сперва перестало оглашать улицы, а потомъ начало, и совсѣмъ изчезать. Но вотъ, 2 ноября минувшаго года, гуляя по своему садику, я былъ непріятно изумленъ и возмущенъ ужасной „матершиной“, разразившейся на проѣзжей дорогѣ, пролегающей между огородами и полями. Устранившись тотчасъ же къ дорогѣ съ цѣлію узнать и обличить виновника, я вскорѣ увидѣлъ парня, лѣтъ 16, Василія Матвѣева Лаврова, который, бичуя палкой ни въ чемъ неповинныхъ воловъ, осыпалъ ихъ отборнымъ сквернословіемъ. На мои обличенія парень говорилъ въ свое оправданіе, что его раздражали волы, медленно тащившіе бочку съ бардой, и что онъ радъ бы не сквернословить, да не можетъ сладить съ собой. Объяснивъ гнусность и грѣховность сквернословія, я внушалъ парню немедленно и навсегда оставить свою дурную привычку, чтобы не подвергнуться гнѣву Божію. Парень на мои увѣщанія должнаго вниманія не обратилъ и въ тотъ же день подвергся грозному наказанію Божію.

Направляясь съ бардой вторично изъ винокуреннаго завода въ барскую усадьбу, парень по прежнему началъ осыпать воловъ ударами и сквернословіемъ. Какъ вдругъ раздался оглушительный трескъ, бочка мгновенно лопнула, и кипящая барда обдала парня съ головы до ногъ. Страданія и стоны его были услышаны. Немедленно отправленъ былъ онъ въ больницу, гдѣ пролежалъ около трехъ мѣсяцевъ. По выходѣ его изъ больницы я бесѣдовалъ съ нимъ по поводу постигшаго его несчастія, которое онъ самъ всецѣло приписываетъ праведной карѣ Божіей за грѣхъ сквернословія (Корм. 1905 г.).

Свящ. *Порфирій Амфитеатровъ.*

* * *

Предсмертныя видѣнія грѣшныхъ.

(Изъ сказаній св. Григорія Двоеслова).

Иногда души, еще находясь въ тѣлѣ, терпятъ нѣкоторое мученіе отъ демоновъ, что, впрочемъ, бываетъ съ одними для ихъ собственнаго вразумленія, а съ другими для вразумленія слышащихъ.

1. „Былъ отрокъ, пишетъ св. Григорій Двоесловъ, по имени Ѳеодоръ,—отрокъ очень неспокойный, который поступилъ въ мой монастырь не столько по желанію, сколько по нуждѣ. Неудивительно, что для него было тяжело, когда кто-нибудь говорилъ ему о спасеніи; онъ не могъ не только дѣлать, но даже слышать добраго. Обманывая, предаваясь гнѣву, ругаясь, онъ показывалъ, что никогда не изучитъ святой жизни. Во время заразы, которая недавно погубила великую часть нашего города, онъ, будучи пораженъ въ бедро, приближался къ смерти. Когда онъ былъ уже при послѣднемъ издыханіи, собрались братія, чтобы помолиться объ исходѣ души его. Уже тѣло его въ конечныхъ частяхъ своихъ омертвѣло, въ одной только груди еще оставалась жизненная теплота. Но братія тѣмъ прилежнѣе начала о немъ молиться, что видѣли его быстро приближающимся къ смерти. Вдругъ онъ началъ взывать къ предстоящимъ братіямъ, и своими великими воплями даже прерывать ихъ молитвы: „отступите, кричалъ онъ, отступите! Я отданъ змію на пожраніе, и по причинѣ вашего присутствія онъ пожрать меня не можетъ. Вотъ онъ проглотилъ голову мою своею пастью, оставьте, чтобы онъ болѣе меня не мучилъ; пусть дѣлаетъ, что хочетъ. Если я отданъ ему на пожраніе, то для чего ради васъ это замедляется“? Тогда братія обратились къ нему съ слѣдующими словами:—„что это ты говоришь, братъ? Сотвори на себѣ знаменіе святаго креста“.— „Хочу перекреститься, отвѣчаетъ онъ, но не могу, — чешуя этого змія гнететъ меня“. Когда услышали это братія, то, повергшись на землю, начали еще сильнѣе и со слезами молиться объ избавленіи его. И вотъ опять больной началъ вопіять: „благодареніе Богу! воскликнулъ онъ; змій, начавшій меня пожирать, бѣжалъ; онъ не могъ устоять, прогоняемый вашими молитвами. Теперь помолитесь о грѣхахъ моихъ, ибо я готовъ обратиться, и рѣшился оставить мірское житіе“.—И этотъ человѣкъ, почти, какъ уже сказано, умершій, возвратился къ жизни и всѣмъ сердцемъ обратился къ Богу. Измѣнившись въ душѣ, онъ долго еще страдалъ отъ ранъ, и, наконецъ, душа его отрѣшилась отъ плоти.

2. Былъ нѣкто Хризорій, мужъ очень извѣстный въ этомъ мірѣ, но столько же порочный, какъ и богатый, надменный гордостію, преданный наслажденіямъ плоти своей, въ пріобрѣтеніи богатствъ разжигаемый огнемъ корыстолюбія. Но такъ какъ такому злу Господь благоволилъ положить конецъ, то попустилъ этому человѣку впасть въ тѣлесную болѣзнь. Когда онъ приближался къ смерти, то въ тотъ самый часъ, въ который душа его уже готова была выйти изъ тѣла, вдругъ онъ видитъ открытыми глазами страшныя лица, зритъ мрачныхъ духовъ, предъ нимъ стоящихъ и силящихся увлечь его въ адскіе затворы. Онъ начинаетъ трепетать, блѣднѣть, обливаться потомъ, громкими воплями испрашивая отсрочки; сильнымъ и страшнымъ голосомъ начинаетъ звать своего сына, по имени Максима (котораго я послѣ видѣлъ уже монахомъ): „Максимъ, взывалъ онъ, иди скоро! я никогда не дѣлалъ тебѣ зла; поддержи меня твоею молитвою“! Пришелъ смущенный Максимъ; собралось и семейство, плача и стоная. Но тѣхъ, присутствіе которыхъ такъ страшно тревожило его, т. е. злыхъ духовъ, они сами не могли видѣть. Присутствіе же ихъ они замѣтили по его смущенію, блѣдности, трепету. Страшась мрачнаго ихъ образа, онъ оборачивался на своей постели то на ту, то на другую сторону; лежалъ на лѣвомъ боку, но, не имѣя возможности переносить ихъ вида, оборачивался къ стѣнѣ, но и тамъ они представлялись ему. Когда же послѣ сильныхъ напряженій онъ отчаялся въ возможности освободиться отъ нихъ, то началъ взывать громко: „отсрочьте хотя до утра! отсрочьте хотя до утра“. И съ этими восклицаніями отрѣшился отъ узъ тѣлесныхъ.—Ясно, что онъ это видѣлъ не ради себя, но ради насъ, дабы его видѣніе принесло пользу намъ, обращенія которыхъ еще милостиво ждетъ долготерпѣніе Божіе. („Разговоры объ исходѣ душъ“, гл. 37).

Поучительное видѣніе.

Когда я былъ на Новомъ Аѳонѣ (на Кавказѣ), мнѣ пришлось исповѣдывать одного мѣщанина А. П. Писаревскаго. Въ бесѣдѣ со мною послѣ исповѣди, онъ разсказалъ мнѣ замѣчательный случай, бывшій съ нимъ, и уполномочилъ меня объявить о немъ во всеобщее свѣдѣніе къ пользѣ единовѣрныхъ собратій. „Однажды“, говорилъ онъ, „ѣхалъ я на парѣ лошадей, въ повозкѣ съ кладью пудовъ 50, и заснулъ. Лошади, спускаясь подъ гору рысью, опрокинули повозку, которая всею тяжестію придавила меня. Къ счастію, случилось это въ селеніи. Четверо человѣкъ съ трудомъ высвободили меня изъ-потъ тяжести и, такъ какъ я былъ безъ сознанія, то стали обливать меня холодною водой, чтобы привести въ чувство“.

„Когда я былъ безъ чувствъ. я увидалъ двухъ страшныхъ эѳіоповъ, приблизившихся ко мнѣ и говорившихъ: это-душа наша, потому что она умерла безъ покаянія. Къ великому утѣшенію своему я увидалъ въ другой сторонѣ двухъ Ангеловъ въ бѣломъ одѣяніи, которые сказали эѳіопамъ: какое вы имѣете право говорить, что душа ваша и начали спорить съ ними. Эѳіопы представляли Ангеламъ всѣ грѣхи, мною содѣянные отъ юности и до настоящаго дня, даже забытые мною грѣхи воспомянули и особенно сильно осуждали меня за сквернословіе. Все, что говорили они, была сущая правда. Ангелы въ защиту меня представляли мои добрыя дѣла. но эѳіопы переспорили Я ощущалъ страхъ и ужасъ, все думалъ, вотъ сейчасъ ввергнутъ меня въ бездну ада. Тогда сказалъ Ангелъ: вотъ какое доброе дѣло сдѣлалъ этотъ человѣкъ—однажды ночью онъ привезъ хлѣба, крупы и муки одному бѣдному семейству и подалъ все это въ окно тайно, говоря въ себѣ: пріимите Господа ради, а самъ поспѣшно скрылся. Это семейство до сихъ поръ молитъ Бога о немъ. Милостыня бѣднымъ и молитва ихъ спасли и оправдали меня. Эѳіопы сказали только на это: если онъ останется жить, еще болѣе согрѣшитъ. Не ваше дѣло, отвѣчали Ангелы, касаться этого. Если согрѣшитъ, то и покается и отогнали эѳіоповъ. Болѣе этого ничего я не видалъ и не слыхалъ; я пришелъ въ сознаніе“.

Съ тѣхъ поръ прошло уже четыре года, но видѣніе это глубоко запавшее въ душу Писаревскаго, всякій разъ, какъ онъ впадаетъ въ какой-либо грѣхъ, возбуждаетъ въ немъ сердечное раскаяніе и онъ старается загладить его исповѣдію, молитвою и милостынею.

Златоустаго монастыря іеромонахъ Діонисій.

Ожившія покойницы.

(Изъ рукописей библіотеки Русскаго аѳонскаго монастыря).

«Иногда какъ бы для опытнаго удостовѣренія грѣшника въ томъ, что ожидаетъ его по смерти, Господь Богъ переноситъ на время душу его въ другой міръ посредствомъ обмороковъ, и поднимая завѣсу, скрывающую отъ насъ сотояніе душъ умершихъ братій нашихъ, показываетъ грѣшнику, какія страшныя истязанія и муки ожидаютъ его за гробомъ. Исихій Хоревитъ (Прол. Окт. 3), живя среди пустынниковъ, долго и упорно скрывалъ подъ одеждою иноческою сластолюбивое сердце. Ни увѣщанія братіи, ни примѣръ строгой жизни ихъ не дѣйствовали на лицемѣра: отъ первыхъ онъ ограждался личиною добродѣтели, тщательно утаивая свои слабости; къ послѣднему одебелѣвшее сердце было совершенно равнодушно. Благодать Божія проникла однако же и сквозь эту кору лицемѣрія: послѣ часоваго обморока, во время болѣзни, Исихій провелъ двѣнадцать лѣтъ въ затворѣ въ самыхъ строгихъ подвигахъ покаянія». («Уроки и примѣры христ. вѣры». Свящ. Григорія Дьяченко).

Подобныхъ примѣровъ много разсказываются въ нашемъ народѣ. Вотъ два такихъ примѣра, заимствованныхъ нами изъ рукописей, сохраняющихся въ нашемъ Пантелеимоновомъ монастырѣ:

1.

Смоленской губерніи въ г. Рославлѣ, жила одна бѣдная дворянка

Окнова, которая имѣла тутъ собственный домъ. Послѣ долгой болѣзни она умерла; ее по обыкновенію обмыли и положили въ гробъ, а на третій день собравшіеся священники готовились уже выносить тѣло ея изъ дому въ церковь, какъ, къ общему изумленію, она поднялась изъ гроба и сѣла: всѣ пришли въ ужасъ, и когда удостовѣрились, что она жива, вынули ее изъ гроба и положили опять въ постель. Болѣзнь ея послѣ оживленія не прошла. Ожившая жила еще нѣсколько лѣтъ.

Я, будучи въ Рославлѣ въ 1836 году, слышалъ отъ всѣхъ объ этомъ необыкновенномъ событіи, ходилъ къ ней въ домъ и нашелъ ее при первомъ знакомствѣ уже разбитую параличемъ; она разсказывала мнѣ слѣдующее:

Когда я умирала, то видѣла себя вознесенною наверхъ по воздуху и была представлена на какое-то страшное судилище, должно полагать, мытарство, гдѣ стояла предъ какими-то мужами весьма грознаго вида, предъ которыми была развернута большая книга; судили они меня очень долго: въ это время находилась я въ несказанномъ ужасѣ, такъ что, когда теперь я объ этомъ вспомню, прихожу въ трепетъ; тутъ представляли многія дѣла мои, отъ юности сдѣланныя, даже тѣ, о которыхъ я совершенно забыла и въ грѣхъ не ставила. По милости Божіей однако, казалось мнѣ, я прощена была во многомъ и уже надѣялась быть оправданною, какъ одинъ грозный мужъ, строго началъ требовать отъ меня, почему я слабо воспитала сына своего, что онъ впалъ въ развратъ и гибнетъ отъ своего поведенія. Я со слезами и трепетомъ оправдывалась, представляя ослушанія сына и что онъ развратился, будучи уже въ совершеннолѣтіи. Долго очень длился судъ за сына, тогда не внимали ни просьбамъ, ни воплямъ моимъ; наконецъ, грозный оный мужъ, обратясь къ другому, сказалъ: отпустите ее, чтобы она принесла покаяніе и оплакала, какъ слѣдуетъ, грѣхи. Тогда одинъ изъ Ангеловъ взялъ, толкнулъ меня и я почувствовала, какъ будто опускаюсь внизъ, и, оживши, увидѣла себя лежащею во гробѣ, что около меня зажженныя свѣчи горятъ и священники во облаченіи поютъ. Не столько строго я за прочіе грѣхи судилась, говорила она, какъ за сына, и это истязаніе невыразимо было. Разсказывала Окнова, что сынъ ея совершенно развратился, не живетъ съ нею, и нѣтъ возможности и надежды исправить его.

2.

Одна благочестивая женщина, провождая всегда дни свои въ молитвѣ и постѣ, имѣла большую вѣру къ Пресвятой Владычинѣ нашей Богородицѣ и всегда умоляла Ее о покровительствѣ. Эта женщина всегда терзалась совѣстію о какомъ то содѣянномъ ею въ молодости грѣхѣ, который по ложной стыдливости не хотѣла открыть духовнику своему; но, объявляя объ немъ, темно выражалась сими словами: раскаиваюсь и въ тѣхъ грѣхахъ, которые или не объявила, или не запомню. Наединѣ же въ тайной молитвѣ своей ежедневно каялась въ ономъ грѣхѣ Богоматери, всегда умоляла Владычицу, чтобы Она на судѣ Христовомъ ходатайствовала за нее о прощеніи грѣха. Такимъ образомъ, доживши до глубокой старости, умираетъ она; когда на третій день готовились предать тѣло ея землѣ, вдругъ воскресла умершая и

говоритъ испугавшейся и изумленной дочери соей: «подойди ко мнѣ поближе, не бойся; раскрой меня и позови духовника моего».

Когда пришелъ священникъ, то она, при всемъ собраніи народа, сказала: «не ужасайтеся меня, милосердіемъ Божіимъ и ходатайствомъ Пречистыя Его Матери возвращена душа моя для покаянія. Едва разлучилась душа моя отъ тѣла, какъ въ туже минуту темные духи окружили ее и готовились влечь ее въ адъ, говоря, что она достойна этого за то, что, по ложной стыдливости, не открывала тайнаго грѣха своего, въ юности ею сдѣланнаго. Въ столь лютую минуту предстала скорая Помощница Пресвятая Владычица наша и, какъ утренняя звѣзда или какъ молнія, мгновенно разогнала тьму злыхъ духовъ и, приказавъ мнѣ исповѣдать грѣхъ мой предъ духовнымъ отцемъ, повелѣла душѣ моей возвратиться въ тѣло. Итакъ теперь какъ предъ тобою отецъ святый, такъ и предъ всѣми исповѣдую грѣхъ мой: если я въ продолженіе жизни была благочестива, но совсѣмъ тѣмъ грѣхъ, лежавшій на совѣсти моей, который я отъ малодушія стыдилась исповѣдывать духовнымъ отцамъ, низвелъ бы меня во адъ, если бы не заступилась за меня Матерь Божія». Сказавъ это она исповѣдала грѣхъ свой, и потомъ, всклонивши голову свою на плеча дочери, перенеслась въ вѣчную и блаженную жизнь.

Обличеніе изъ загробнаго міра.

Нѣсть бо тайно, еже не явится
(Марк. 4, 22).

По грѣховной немощи людей, въ тайнѣ творятся ими не столько добрыя дѣла, сколько злыя, преступныя: ибо всякій, дѣлающій злое, не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его (Іоан. 4, 20). Но все, сдѣланное въ тайнѣ, хотя бы и самой глубокой, сокровенной, непремѣнно должно открыться если не въ сей, временной жизни, то въ будущей, вѣчной. Въ семъ увѣряетъ насъ слово Самого Господа Іисуса Христа: *нѣсть бо тайно, еже не явится.*

Предлагаемый разсказъ—истинное происшествіе, пополняетъ собою множество примѣровъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что слово Божіе—*не мимо идетъ* (Матѳ. 24, 35).

Въ г. Баку, въ составѣ морскихъ командъ находился рядовой П. Ѳ. Лебедевъ, поступившій на службу изъ мѣщанъ г. Краснаго-Яра, Астраханской губерніи. Онъ былъ женатъ: жену его звали Олимпіада Петровна. Дѣтей у нихъ было много, но всѣ они умирали въ младенчествѣ; въ живыхъ былъ одинъ только сынъ Павелъ, имѣвшій отъ роду 5 лѣтъ, когда въ 1858 г. у нихъ родился еще сынъ, названный Гавріиломъ. Новорожденный былъ такъ слабъ, что родители его опасались, какъ-бы онъ не умеръ некрещеннымъ и потому рѣшили немедленно его крестить. Вскорѣ нашлись и воспріемники: писарь флотскаго экипажа П. И. Ивановъ и жена рядоваго

ихъ сослуживца, по фамиліи тоже Иванова, Настасья Петровна. Приготовивши, что было нужно, воспріемники, а съ ними и бабка съ младенцемъ, 70-лѣтняя старуха, отправились крестить его.

Опасенія родителей младенца дѣйствительно оправдались: вскорѣ послѣ того, какъ кумъ съ кумой и бабкой возвратились, стали замѣчать, что младенецъ дѣлается все слабѣе и слабѣе и, спустя не болѣе, какъ часа два, скончался.

Крестины смѣнились приготовленіями къ похоронамъ. Жалко было родителямъ умершаго своего сына, но они имѣли утѣшеніе въ томъ, что Богъ далъ во-время совершить надъ нимъ святое таинство крещенія, «привести въ христіанскую вѣру». Такъ какъ родная мать, не оправившись отъ родовъ, лежала въ постели, то приготовленіемъ къ похоронамъ занялась крестная мать: шила, что нужно было, одѣвала и убирала своего умершаго крестника. Бывшіе при этомъ знакомые Лебедевыхъ замѣтили, что крестная мать усопшаго была все время въ веселомъ расположеніи и часто улыбалась «не кстати». Въ другое время и при другой обстановкѣ веселое настроеніе кумы, конечно, не могло-бы обратить на себя вниманія: но въ данное время оно вовсе не соотвѣтствовало печальному событію и явно выражать его при этомъ дѣйствительно было «не кстати» и неприлично. Неумѣстную веселость кумы приписывали тогда не чему иному, какъ вліянію лишней рюмки, выпитой при поздравленіяхъ «съ новорожденнымъ сыномъ». Но изъ послѣдующаго видно будетъ, что причина тому была другая.

Младенца похоронили, помянули, и затѣмъ обыденная жизнь вошла въ свою обычную колею...

Прошло восемь лѣтъ.

Въ 1866 г. жена Лебедева—Олимпіада Петровна сильно заболѣла лихорадкой и была отправлена для лѣченія въ мѣстный военный лазаретъ. Однажды вечеромъ замѣтили, что больной сдѣлалось хуже и что она умираетъ. Послали за мужемъ, а онъ за И. П. Б—вой, женою ихъ сослуживца, съ которою больная О. П. была въ болѣе дружескихъ отношеніяхъ, нежели съ другими и часто называла ее сестрой.

Пришли. Видя, что больная лежитъ неподвижно съ закрытыми глазами, думали, не скончалась ли она; но докторъ сказалъ имъ, что жива, есть признаки жизни. Долго они находились при больной, но она не приходила въ сознаніе; въ такомъ состояніи и оставили ее.

На другой день вечеромъ И. П. Б—ва опять пришла въ лазаретъ навѣстить больную, которая была въ прежнемъ положеніи, безъ сознанія. Мужъ ея былъ уже тамъ. Чрезъ нѣсколько времени больная вдругъ вздрогнула и, не открывая глазъ, сказала: скорѣе, скорѣе, одѣвайте меня, кладите...

— Куда тебя класть?

— Въ гробъ.

— Что ты, Господь съ тобой! развѣ живыхъ людей кладутъ въ гробъ.

— Я живая?

— Конечно, живая.

Больная закрыла лицо руками и какъ будто съ сожалѣніемъ произнесла:

— Ахъ, лучше-бы умереть! Зачѣмъ я не умерла, осталась...

Мужъ больной и И. П. подняли ее и посадили на кровать, прислонивъ къ стѣнѣ. Немного погодя она, обратившись къ мужу, сказала:

— Петя, прошу тебя ради Бога, оставь ругаться. Если бы ты зналъ, что *тамъ* за это будетъ... Оставь, прошу тебя...

Просьбу эту больная повторила нѣсколько разъ.

Нужно сказать, что мужъ больной П. Лебедевъ, дѣйствительно, имѣлъ грѣховную привычку почти постоянно ругаться и сквернословить.

— Зачѣмъ ты желала умереть? спросила больную И. П. Б—ва.

— Ахъ, Петровна! я, грѣшная, удостоилась видѣть, какъ святые Ангелы взяли и понесли душу какой-то убогой женщины, умершей въ городѣ *). Видя это, и я желала тогда-же умереть, чтобы и моя душа сподобилась такой же чести... А вотъ сегодня были здѣсь похороны какого-то офицера; съ почестію хоронили его; но какъ душу-то его провожали? Я тоже видѣла, какъ она была окружена,—но не Ангелами, а страшными бѣсами; ихъ было очень много, и всѣ кричали: это наша... А какой нестерпимый былъ смрадъ... Господи, избави отъ такой смерти!...

Сначала слова больной приняли было за бредъ болѣзненнаго воображенія, но потомъ на нихъ обратили вниманіе, потому что въ тотъ день дѣйствительно были похороны умершаго флотскаго офицера, лейтенанта К. Но не могли понять, какъ больная ихъ видѣла, когда она весь день, да и предшествующую ночь находилась въ безсознательномъ состояніи?

Больная продолжала: еще я видѣла всѣхъ нашихъ умершихъ дѣтей. Они, увидавши меня, кинулись ко мнѣ съ словами: «мама», «мама»!—которыя съ боковъ, другія—на плечи ко мнѣ и всѣ съ радостію окружили меня...

— А Паню **) видѣла?—спросилъ мужъ.

— И Паню видѣла; онъ бросился мнѣ прямо на грудь... Дѣтей тамъ очень много—цѣлые полки и все рядами: одни ниже, другіе—выше, а тамъ за ними еще выше.. Смотрю,—всѣ наши дѣти собрались вокругъ меня; только одного Гани (Гавріила) нѣтъ. Я спросила: гдѣ-же Ганя? Тутъ какой-то мужъ сказалъ мнѣ: «вотъ онъ»,—и приподнялъ край одѣяла, которое держалъ на рукахъ. Я взглянула туда и увидала Ганю, но безъ движенія и чернаго, какъ головешка. Я спросила: отчего онъ такой черный? «Оттого, что не крещенъ»,—отвѣчалъ мужъ. Мы крестили его,—сказала я.—«Нѣтъ, онъ и умеръ некрещеннымъ»—повторилъ мужъ.

Этотъ разсказъ больной, возбудившій было особенное вниманіе мужа ея и И. П. Б—вой, наконецъ, опять навелъ ихъ на сомнѣніе: не въ бреду-ли больная? Она говоритъ, что Ганя не былъ крещенъ, тогда

---

*) Лазаретъ и казармы находятся въ $1\frac{1}{2}$ вер. отъ города.

**) Сынъ Павелъ умеръ 7 лѣтъ отъ роду, чрезъ два года послѣ Гавріила, т. е. въ 1860 г.

какъ они очень хорошо помнили, что онъ былъ крещенъ въ самый день рожденія, въ который потомъ и скончался.

Больная, какъ-бы замѣчая ихъ сомнѣніе къ своимъ словамъ, сказала: да, бѣдный Ганя не былъ крещенъ; мнѣ такъ было сказано *тамъ*... Я спросила: что-же нужно теперь сдѣлать, чтобы и Ганя былъ такой-же, какъ и прочіе дѣти? Неизвѣстный мужъ сказалъ: «нужно шесть разъ вынуть части «за упокой его души на шести проскомидіяхъ Божественныхъ литургій и кромѣ того помянуть на ектеніяхъ».

— Ты, Петя,—сказала больная мужу, непремѣнно помяни Ганю, *какъ мнѣ сказано было*. А если, Богъ дастъ, я выздоровѣю, то я сама исполню это. Еще мнѣ тамъ сказано было нѣсколько словъ, но я не могу передать ихъ ни вамъ и никому,—не велѣно.

Чтобы убѣдиться въ истинѣ разсказаннаго женою относительно Гани, П. Лебедевъ, по совѣту И. П. Б—вой, тотчасъ же отправился къ куму П. Иванову, жившему въ казармѣ, вблизи лазарета,—испытать, что онъ скажетъ.

По уходѣ мужа больная сказала:

— Я не надѣюсь, чтобы Петръ Ѳедоровичъ, въ случаѣ моей смерти, помянулъ Ганю. Поэтому я прошу тебя, Петровна, не забудь, ради Бога сдѣлай все, что мнѣ сказано было.

Немного времени прошло, какъ П. Ѳ. Лебедевъ возвратился отъ кума и взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

— Ирина Петровна! вѣдь Ганя и въ самомъ дѣлѣ не былъ крещенъ.

Затѣмъ изъ разсказа его выяснилось слѣдующее:

Придя къ куму, П. Лебедевъ подробно разсказалъ ему видѣніе жены и потомъ спросилъ: правда ли, что Ганя не былъ крещенъ? Очевидно было, что такое неожиданное и необычайное обличеніе поразило кума, смутило его, и онъ тутъ же сказалъ: Ганя дѣйствительно не былъ крещенъ. Въ этомъ грѣхъ нашъ, добавилъ онъ, и тутъ же объяснилъ причину противузаконнаго проступка. Онъ, т. е. П. И. Ивановъ имѣлъ незаконную связь съ женою своего сослуживца, съ тою именно, которая вмѣстѣ съ нимъ приглашена была П. Лебедевымъ въ воспріемники при крещеніи его сына Гавріила. Отказаться отъ приглашенія безъ видимой къ тому причины, они не рѣшились изъ ложнаго опасенія, чтобы чрезъ отказъ не догадались о противузаконной между ними связи, и сознавая свой грѣхъ, который не допускалъ быть имъ воспріемниками при совершеніи святаго таинства крещенія,—они условились между собою, да и бабку къ тому же подговорили, чтобы младенца не крестить, а только сдѣлать видъ, что онъ крещенъ, но не въ церкви, а на квартирѣ у бабки. Такъ они и сдѣлали. Собрались и ушли какъ бы въ церковь крестить младенца, а пробыли нѣсколько времени у бабки и потомъ возвратились. Послѣдовавшая въ тотъ же день смерть младенца, какъ видно, доставила облегченіе совѣсти его мнимымъ воспріемникамъ, оправдавъ ихъ надежды, «развязала ихъ грѣхъ», и потому крестная мать не могла даже скрыть своего душевнаго настроенія, когда она приготовляла къ погребенію младенца. Отпѣвалъ его священникъ, дававшій новорожденному мо-

литву и нарекшій ему имя, котораго крестный отецъ постарался предупредить, что младенецъ «не дожилъ до крещенія въ церкви и что крестила его бабка». Похоронивши крестника, мнимые воспріемники его совсѣмъ успокоились при мысли, что поступокъ ихъ окончательно скрытъ, погребенъ вмѣстѣ съ младенцемъ, и никто о немъ не узналъ и не узнаетъ.

Но вотъ—чрезъ восемь лѣтъ, когда стали забывать о содѣянномъ грѣхѣ, лишившемъ невиннаго младенца благодатныхъ даровъ св. крещенія,—неожиданно является обличеніе въ томъ грѣхѣ и обличеніе необыкновенное—изъ загробнаго міра! Совѣсть не допустила П. Иванова утаить совершенный имъ тяжкій грѣхъ — и онъ въ немъ сознался *. Другой участницы — кумы Н. П. Ивановой не было въ Баку въ то время, когда случилось это открытіе: черезъ два года послѣ смерти младенца Гавріила, мужъ ея вышелъ въ отставку, и она съ нимъ тогда же уѣхала на родину.

Болѣзнь О. П. Лебедевой не только не уменьшилась, но болѣе усилилась, осложнилась: по всему тѣлу открылись раны, причинявшія ей ужасную боль. Часто она говорила посѣщавшей ее И. П. Б—вой, чтобы она нисколько не опасалась ея болѣзни, которая для другихъ не заразительна, а ей дана за ея грѣхи; нужно терпѣть. И она терпѣла, переносила ужасныя страданія съ необыкновенною твердостію вплоть до самой кончины, послѣдовавшей черезъ полтора мѣсяца послѣ описаннаго выше видѣнія ея.

Черезъ полгода послѣ ея смерти мужъ ея вышелъ въ отставку и уѣхалъ. Сомнѣніе О. П. Лебедевой насчетъ мужа оправдалось, что онъ, послѣ смерти ея не позаботится о поминовеніи Гани такъ, какъ ей *тамъ* было сказано. Предсмертную просьбу своей подруги исполнила И. П. Б—ва, которая и въ настоящее время живетъ въ г. Баку.

По разсказамъ ея, покойная О. П. Лебедева обладала истинно христіанскими качествами души: кроткая, тихая, незлобивая, она ни съ кѣмъ никогда не ссорилась, не бранилась, да и мужа своего постоянно удерживала отъ брани и укоряла въ сквернословіи; посты строго соблюдала и посѣщала всѣ церковныя Богослуженія; развѣ только иногда болѣзнь или особенное какое семейное дѣло могли ее удержать отъ посѣщенія храма Божія.

Да сподобитъ ее Господь Богъ небесныхъ благъ, уготованныхъ любящимъ Его!

3 апрѣля, 1893 г. — П. Русковъ.

---

*) П. Ивановъ, котораго я лично зналъ, уже не подлежитъ суду земному: онъ скончался назадъ тому года три или четыре. Ближайшія участницы его: Н. П. Иванова — жива или нѣтъ и гдѣ находится—неизвѣстно; а бабка, имѣвшая въ то время 70 лѣтъ, тоже окончила земное бытіе и предстала на судъ Царя небеснаго.

Сила молитвы.

Зная по опыту, какъ отрадно и утѣшительно дѣйствуютъ на душу разсказы устные и печатные о нѣкоторыхъ выдающихся обстоятельствахъ въ жизни людей вѣрующихъ, гдѣ особенно поразительно ясно является сила молитвы и милосердіе Божіе, или Матери Божіей, нашей заступницы, я для утѣшенія многихъ скорбящихъ душъ хочу передать слышанный отъ очевидца разсказъ.

Въ нашемъ приходѣ особымъ уваженіемъ издавна пользуется одинъ крестьянинъ пожилыхъ лѣтъ, человѣкъ грамотный, трезвый, честный и умный, занимающій съ пользою одну изъ общественныхъ должностей. Но не всегда онъ былъ такимъ, какъ оказывается. Жена его. скромная, простая женщина, однажды, разговорившись о своемъ житьѣ-бытьѣ, между прочимъ упоминала, что смолоду она видѣла много горя и слезъ пролила не мало, потому что мужъ ея велъ очень безнравственную и нетрезвую жизнь. Собесѣдница ея такъ удивлена была ея словами, что сначала подумала, что разсказчица, вѣроятно, была такъ несчастлива въ первомъ бракѣ, и что рѣчь идетъ не объ настоящемъ ея мужѣ, этомъ уважаемомъ человѣкѣ. «Нѣтъ, родимая», отвѣчала она «я дѣвушкой сиротой выдана была за него, вдовца. и съ той поры живу съ нимъ».

— «Да что же это такое было съ нимъ? И отчего онъ могъ не только исправиться, но и заслужить всеобщее уваженіе?» спросила ее собесѣдница.—«Ахъ, это матушка Царица небесная заступилась. А какъ это все было-то, сейчасъ тебѣ разскажу, родимая ты моя!»

«Было это дѣло осенью, холода большіе наступили, и трое моихъ дѣтокъ лежали въ оспѣ почти при смерти. Это ли не великая скорбь для материнскаго сердца?! Но скорбь эта не одна была у меня въ то время: мужененъ мой имѣлъ въ сосѣдней деревнѣ синильное заведеніе и тамъ большею частію проживалъ, тамъ же, въ мѣстномъ трактирѣ, почасту и пропивалъ свой заработокъ. И вотъ, какъ сейчасъ помню, наступилъ праздникъ въ честь Казанской иконы Божіей Матери; рано по утру приходитъ къ намъ въ домъ сосѣдка наша и разсказываетъ, что мужъ мой опять запилъ напропалую, пропилъ даже съ себя всю одежду и остался совсѣмъ въ одной рубашкѣ. Не въ первый разъ уже случалось мнѣ слышать и видѣть его безобразное пьянствo, но въ этотъ-то разъ, при смертной болѣзни моихъ дѣтушекъ, ужъ очень это поразило меня, я упала на лавку и зарыдала съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Сосѣдка испугалась даже за меня; принялась было меня уговаривать, но, видя, что не въ силахъ успокоить меня, вспомнила, что нынче праздникъ-то большой и затѣмъ уговорила меня идти съ нею въ церковь помолиться Богу; — «авось либо тебѣ полегчаетъ, отлегнетъ хоть маленько отъ сердца-то», гоговорила она, «а за ребятами свекровь покуда походитъ». Не зная, куда мнѣ дѣться отъ своего лютаго горя, я встала рыдая и пошла въ церковь. Въ церкви, когда мы пришли туда, пѣли очень умилительно: «Заступница усердная!..» Слезы полились у меня рѣкою, я

упала на колѣни и плакала, и молилась, а сердце мое точно разрывалось на части отъ горя. Никого не видѣла я вокругъ себя, слышу только, наконецъ, сзади: «что это она такъ плачетъ-то? или у нея отецъ съ матерью умерли?»—«Нѣтъ», говорятъ другіе, «у нея давно нѣтъ ни отца, ни матери, житье ей очень плохое, мужъ то ея...» я еще горьче заплакала, еще горячѣе молилась: «Матушка! заступница Ты моя! Какъ же мнѣ жить то?!.. Не уйду отъ Тебя, заступись! Вступись за меня, сироту горькую!!...» И вступилась же Царица небесная! Услышала мою слезную, горькую молитву. Ахъ! и сейчасъ не забуду: пришла это я домой-то, гляжу и глазамъ не вѣрю: мужъ то мой дома и не пьяный. У меня вдругъ какъ то сорвалось: что же это, Господи!.. Аль вытрезвляешься? — «Да,» отвѣтилъ тихонько, а самъ смотритъ таково боязливо. И разсказалъ онъ, родимая ты моя, что какъ всталъ онъ утромъ, такъ и отправился прямехонько въ трактиръ опохмѣляться; подошелъ къ самой двери, взялся уже за скобу, только вдругъ точно кто крикнулъ на него: «воротись! ступай домой!» Онъ, не оглядываясь, бросился бѣжать, въ испугѣ, не раздумывая, кто бы могъ такъ отогнать его, и такъ пришелъ домой, не понимая, что съ нимъ дѣлается. Когда же я съ горя и радости вмѣстѣ, плача, стала разсказывать, какъ была я въ церкви и какъ молила Царицу небесную, заступницу, то и поняли мы съ нимъ со страхомъ и великою радостію, что это никто, какъ Она — Матушка, заступница наша, попечалилась о насъ предъ Богомъ и воротила его отъ погибели-то этой. И съ этого дня, родимая ты моя, хотя бы онъ каплю какую взялъ въ ротъ по сіе время, а ужъ этому больше 25 лѣтъ теперь будетъ. Такъ, вотъ, вѣдаешь, мы каждый годъ въ Казанскую-то (22 окт.) и служимъ молебенъ съ этихъ поръ, какъ обѣщались. И Казанскую икону Божіей Матери мы въ ту же пору задумали написать въ память нашей радости и благодарности Заступницѣ. Самъ мужъ-то и въ Москву тогда за ней ѣздилъ. А еще какъ ждали-то мы его съ иконою, вотъ удивительное тоже дѣло было! Сижу я всю ночь, и огонь у меня горѣлъ, все жду его, только вдругъ дѣвчурка моя глядитъ на меня и спрашиваетъ: «матушка, пріѣхалъ тятя-то?» — «Нѣтъ,» говорю, не пріѣзжалъ еще. — «Да какъ же не пріѣзжалъ, я его сейчасъ вотъ тутъ видѣла въ бѣлой, пребѣлой рубашкѣ! А икона-то новая на лавочкѣ стояла, гдѣ жъ она!?» Мнѣ жутко даже стало, я принялась увѣрять дѣвочку свою, что ей приснилось.—«Нѣтъ матушка, я не спала, я все глядѣла и на тебя и на батюшку, и на икону». Вскорѣ и въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ мужъ мой съ иконою. И возрадовались же мы всѣ, что привелъ Господь намъ получить такую радость въ своемъ домѣ.»

«Такъ то, родимая,» закончила свою истинную повѣсть разсказчица, «и по гробъ буду помнить, какую милость великую сотворила намъ заступница наша, Царица небесная.» (Калуж. Еп. Вѣд.).

Вразумляющее наказаніе Божіе, постигшее сквернословца.

(Разсказъ священника Іоанна Смирнова).

На третьей недѣлѣ Великаго поста, 1868 года, прихожанинъ мой, села Вескресенскаго крестьянинъ С. И. пошелъ въ свой скирдъ за соломою. Вѣтеръ въ ту пору былъ необыкновенно сильный. Взявъ соломы, сколько нужно, онъ пошелъ въ обратный путь; но такъ какъ сильный порывистый вѣтеръ мѣшалъ ему идти, — то онъ, по своей гнусной привычкѣ, началъ ругаться и осыпать вѣтеръ разными скверными словами. Неразумный, онъ не размыслилъ: Кто повелѣваетъ быть вѣтру и Кто управляетъ имъ? Онъ не подумалъ, что Богъ изводитъ вѣтеръ отъ сокровищъ Своихъ (Іер. 10, 13), воздвигаетъ море вѣтромъ (Исх. 14, 21), что Онъ же и запрещаетъ вѣтру (Матѳ. 8, 26). Не думая и не размышляя объ этомъ, онъ — Савва, такъ звали моего прихожанина, — шелъ и ругался; — и за это дерзкое и безумное оскорбленіе Самого Господа былъ строго наказанъ: не дойдя еще до своего дома, онъ внезапно сдѣлался нѣмъ...

Тутъ уразумѣлъ несчастный сквернословецъ, что эта внезапная нѣмота—кара Божія за сквернословіе,—и съ сокрушеннымъ сердцемъ и слезами обратился къ Господу Богу съ искреннимъ раскаяніемъ въ своихъ грѣхахъ *), далъ Богу обѣтъ впередъ такъ не грѣшить, и премилосердый Господь чрезъ двадцать одинъ день **) отверзъ его уста, и онъ началъ опять говорить.

Великій Богъ правосуденъ, но и многомилостивъ! Онъ не хощетъ смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему («Странникъ» 1868 году).

---

*) При исповѣди я довольствовался движеніемъ головы и руки.

**) Во все время нѣмоты онъ былъ совершенно здоровъ и въ полномъ сознаніи.

Изъ дневника православнаго христіанина.

Обмиравшая.

(Разсказъ священника).

Какъ много иногда таится дивной, небесной любви въ сердцѣ крестьянина! Но кто даже и подумаетъ предполагать здѣсь урокъ для христіанскаго назиданія?—Я разскажу объ одной труженицѣ Пелагіи, жившей лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ въ деревнѣ Шипиловкѣ, Костромскаго уѣзда. Эта крестьянка жила въ одномъ домѣ съ двумя невѣстками, которыхъ мужья большую часть года были въ отлучкѣ для заработковъ. Домикъ у нихъ былъ маленькій и небогатый; кромѣ одной тѣсной избы, въ которой онѣ помѣщались, на дворѣ былъ еще

хлѣвъ для помѣщенія домашняго скота. Пелагія сначала жила съ дѣтьми въ одной комнатѣ; но потомъ, для тайныхъ ночныхъ подвиговъ молитвы и богомыслія, стала уходить въ хлѣвъ, гдѣ и проводила цѣлыя ночи, и ложилась спать только предъ разсвѣтомъ. Наконецъ, чтобы скрыть свои подвиги отъ людскихъ взоровъ, она рѣшилась и навсегда остаться въ той душной избѣ, и только изрѣдка ночевала съ нею одна любимая ея невѣстка. Она не хотѣла, чтобы кто-нибудь, кромѣ этой невѣстки, видѣлъ ея молитву. И между тѣмъ, какъ послѣдняя сидѣла въ той избѣ и занималась рукодѣльемъ, Пелагія уходила въ сѣни и молилась. Пища ея была самая грубая; она даже придумала для себя особенную пищу, именно густо разбалтывала ржаную муку, и это сырое тѣсто употребляла вмѣсто хлѣба, да и то очень мало, другую же пищу принимала рѣдко. Днемъ она, по обыкновенію, пряла ленъ, и выработанныя деньги раздѣляла на двѣ части, одну часть отдавала въ церковь, а другую—бѣднымъ, притомъ такъ, что подходила ночью къ дому бѣднаго и тихо клала свое подаяніе на окно, немного открывъ его, или бросала деньгами въ нищаго.

Въ одну ночь труженица, по своему обыкновенію, молилась въ сѣняхъ, а сноха спала въ избѣ. Предъ утромъ сноха пробудилась и увидѣла, что свекровь ея стоитъ на колѣняхъ въ молитвенномъ положеніи. Постоявъ нѣсколько минутъ въ страхѣ и смущеніи, она сказала ей: «матушка, а матушка!» но отвѣта не было: матушка уже была холодна. Тутъ пришла и другая сноха для домашней работы. Видя, что свекровь ихъ умерла, онѣ одѣли тѣло усопшей и положили его на столъ; а на третій день положили въ гробъ и собирались уже везти ее въ церковь, какъ вдругъ лице ея оживилось, она открыла глаза, откинула руку и перекрестилась. Семейство испугалось и бросилось въ печной уголъ. Спустя нѣсколько времени, ожившая сказала тихимъ голосомъ: «дѣти!... не бойтесь, я жива;» а потомъ поднялась, сѣла и при помощи семейства встала изъ гроба.—«Успокойтесь, дѣти,» говорила она; «вы испугались, почитали меня мертвою? нѣтъ, мнѣ назначено еще немного пожить. Богъ, по благости Своей, желаетъ спасенія всякому и, таинственными судьбами руководя насъ къ блаженству, такъ все устрояетъ, чтобы и самая смерть и возвращеніе къ жизни служили многимъ на пользу!»

Что было съ нею, когда считали ее умершею, объ этомъ она почти ничего не говорила; только со слезами увѣщевала своихъ дѣтей жить благочестиво и удаляться отъ всякаго грѣха, утверждая, что великое блаженство ожидаетъ праведныхъ на небѣ и страшныя мученія нечестивымъ во адѣ! Послѣ того она продолжала еще труженическую жизнь свою шесть недѣль, умиленно устремляя мысленный взоръ свой въ страну небеснаго отечества, и, наконецъ, переселилась въ небесные кровы. (Кн. Райск. цвѣты съ Рус. земли, Новгородскаго. Влад. 1891 г.).

Дай Богъ всякому такъ умереть!

Христіанскія кончины живота нашего, безболѣзненны, непостыдны, мирны и добраго отвѣта на страшномъ судищи Христовѣ

у Господа просимъ. Важны и другія прошенія въ этой эктеніи, но, кажется, упомянутое прошеніе болѣе другихъ должно занимать наши мысли во время молитвы въ храмѣ Божіемъ. Ни одинъ изъ насъ, какими бы крѣпкими силами ни обладалъ, какъ бы ни хвалился добрымъ здоровьемъ,—не можетъ съ полною увѣренностію сказать: я проживу столько лѣтъ; мнѣ умирать еще рано. Смерть приходитъ чаще всего безъ вѣдома нашего,—врасплохъ. И блаженъ тотъ, который усердно проситъ Господа послать себѣ непостыдную и мирную кончину. Къ общему утѣшенію нашихъ православныхъ соотечественниковъ, есть и въ настоящемъ вѣкѣ такіе счастливцы, которымъ Господь Богъ посылаетъ не одно только утѣшеніе умереть непостыдно—по-христіански, но и удостоиваетъ такой милости, что прямо посылаетъ на землю Ангела смерти—сказать человѣку: готовься, я пришелъ взять душу твою.

Вотъ живой примѣръ такой истинно-христіанской кончины.

Верстахъ въ 20-ти отъ моей родины, въ небольшомъ селеніи К..., Царевскаго уѣзда, жилъ одинъ почтенный старичекъ — заштатный діаконъ. Будучи надѣленъ отъ природы здравымъ толкомъ и крѣпкимъ здоровьемъ, онъ, какъ служитель алтаря, исполнялъ свою діаконскую обязанность съ горячимъ усердіемъ и благоговѣніемъ, остальное же время всѣ свои силы и заботы обращалъ на обработываніе сада. Невдалекѣ отъ родной хаты, на живописномъ склонѣ горы, окаймленной внизу маленькою рѣчкою и прекрасными поемными лугами, стоялъ тотъ садъ, въ которомъ давно-давно, съ ранней весны и до глубокой осени, старикъ трудился. Быть въ саду, дышать свѣжимъ воздухомъ, окапывать плодовыя деревья, подрѣзывать на нихъ старыя сухія сучья, лѣчить разнаго рода снадобьями захирѣвшія растенія, разсаживать новыя деревья, теплѣе укутывать ихъ на зиму и благодарить Бога по собраніи плодовъ—составляло для него все на свѣтѣ. Вотъ и вся незамѣчательная жизнь этого старца.

Не знаю, за его ли добросовѣстную службу церковную, за честный ли трудъ въ своемъ саду, или, быть можетъ, за какія-нибудь особенныя добрыя дѣла, которыя видѣлъ одинъ Богъ,—конецъ его жизни ознаменованъ вотъ какимъ рѣдкимъ случаемъ.

Въ декабрѣ 1860-го года, за два дня передъ рождественскимъ сочельникомъ, о. діаконъ отправился съ своимъ работникомъ неподалеку въ городъ К... для разнаго рода покупокъ—къ празднику. Исправивъ свое дѣло, онъ ужъ возвращался домой и находился, какъ самъ послѣ разсказывалъ своимъ семейнымъ, въ 6-ти верстахъ отъ своего селенія;—вдругъ, видитъ какого-то юношу средняго роста, съ прямымъ открытымъ лицомъ—осѣненнымъ роскошными бѣлокурыми волосами, покрытаго какою то странною бѣлою одеждою, видитъ его сидящимъ на саняхъ, рядомъ съ нимъ, и пристально смотрящимъ ему въ лицо. Старикъ поблѣднѣлъ отъ страха; но, собравшись немного съ силами, онъ спросилъ своего сосѣда:—«кто ты такой, добрый человѣкъ?»—«Торопись скорѣе домой: ты нынѣ умрешь,»—былъ ему отвѣтъ. Слова эти, само собою, показались старику странными, и по-

тому послѣ нѣкотораго молчанія онъ спросилъ:—«Что ты за человѣкъ, что предрекаешь мнѣ смерть? Я чувствую себя совершенно здоровымъ, и послѣ того не понимаю, какъ могу я такъ скоро умереть?»—«Скажи своему работнику, чтобы онъ скорѣе погонялъ лошадь; я—Ангелъ смерти, посланъ Богомъ взять душу твою.»—Тутъ только открылись умныя очи у старца, и онъ узналъ въ незнакомцѣ Ангела смерти. Какъ оглянулся кругомъ на Божій міръ, какъ вспомнилъ свою родную семью и любимый садъ,—зарыдалъ старикъ, какъ малый ребенокъ, и рѣшился просить Ангела, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ далъ время доѣхать благополучно до дому и успѣть приготовиться къ смерти. На всѣ его просьбы и слезы былъ одинъ отвѣтъ: —«торопись, торопись скорѣе!»—«Съ кѣмъ это ты тамъ калякаешь, о. діаконъ?» спросилъ работникъ, обернувшись къ своему хозяину. «Развѣ ты не видишь, съ кѣмъ?»—началъ было старикъ, и вдругъ обратился въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Ангелъ, но его уже ни на саняхъ, ни около не было!

По пріѣздѣ домой, еще не успѣлъ переступить чрезъ родной порогъ,—старикъ потребовалъ у своихъ домашнихъ теплой воды и чистаго бѣлья;—одного сына послалъ за священникомъ, другаго за свѣчами и ладаномъ. Домашніе начали спрашивать, для чего всѣ эти приготовленія; старикъ въ короткихъ словахъ разсказалъ имъ все случившееся съ нимъ на дорогѣ и старался, по возможности, успокоить семейство. Вскорѣ не замедлилъ придти священникъ съ причетникомъ.—«Что это ты, Илья Поликарповичъ, вздумалъ? Недалеко и праздникъ Божій, хоть бы еще немножко!»—«Нужно исполнить святую волю Божію, о. Трофимъ; нѣтъ ужъ, больше не жилецъ я на бѣломъ свѣтѣ! Живите вы, а моимъ костямъ пора на мѣсто!»—Нужно было взглянуть въ то время на лице почтеннаго старца, съ какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ смотрѣлъ онъ на всѣ приготовленія къ отшествію отъ здѣшняго міра. На всѣ вздохи и горькія слезы домашнихъ и близкихъ знакомыхъ онъ съ рѣшительною твердостію отвѣчалъ: «а вы плакать-то бросьте; лучше благодарите Бога за Его великую милость ко мнѣ, грѣшному.» Послѣ исповѣди и принятія Св. Таинъ, старикъ началъ замѣтно слабѣть.—«Ну, теперь положите меня въ постель, а вы, батюшка, потрудитесь скорѣе пособоровать меня масломъ!»—Положили старика въ постель, и елеосвященіе началось. «Господи, пріими душу мою съ миромъ!» произнесъ лежащій. Всѣ обратились къ нему и къ удивленію замѣтили, что онъ лѣвою рукою потиралъ лицо, а правою будто бы что-то прогонялъ отъ себя.—Такъ онъ не переставалъ дѣлать до чтенія третьяго Евангелія—именно до того мѣста, гдѣ одинъ изъ учениковъ фарисейскихъ, изъявляя готовность слѣдовать за Спасителемъ, сказалъ Ему: *Господи, повели ми прежде ити, и погребсти отца своего. Іисусъ же рече ему: гряди по Мнѣ, и остави мертвыхъ погребсти своя мертвецы* (Мат. 8, 21 22). При послѣднемъ словѣ, старца уже болѣе не было въ здѣшнемъ мірѣ. (Разсказъ свящ. Григорія Воронцова. Изъ «Странника» 1875 г.).

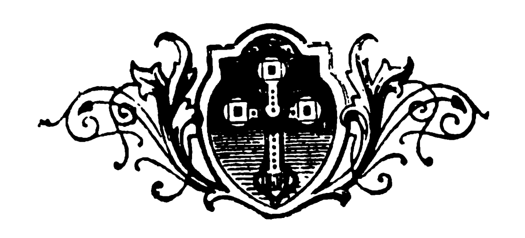
Необдуманое клятвенное слово матери.

(Разсказъ прот. Петра Полидорова).

Одна женщина, моя прихожанка, объявила мнѣ великую скорбь свою, прося молитвенной помощи и пастырскаго совѣта, какъ ей избавиться отъ этой скорби. Она заключалась въ слѣдующемъ:

«Двое было у меня дѣтей,» говорила эта бѣдная женщина,—«дѣвочка 12-ти лѣтъ, и мальчикъ 3-хъ лѣтъ. Послала я однажды свою дочь къ сосѣду попросить одну вещь, а та, какъ ребенокъ, заигралась съ подругами на улицѣ, и потому возвратилась домой нескоро. Это вывело меня изъ терпѣнія, и я въ порывѣ гнѣва сказала нехорошо: «чтобъ ты издохла!» Въ этотъ же самый день дочь моя заболѣла и скоро умерла. Обмывши тѣло умершей, я стала собираться въ городъ (женщина эта была жительница Подгородной слободы), чтобы купить, что слѣдуетъ къ погребенію дочери, а мой трехлѣтній сынъ и присталъ ко мнѣ: «возьми меня съ собою, мама!» Я отказываю; а онъ еще пуще капризничаетъ и реветъ: «возьми, да возьми!» Мнѣ было и такъ горе, а онъ тутъ привязался. Я вышла изъ терпѣнія и сказала: «отвяжись отъ меня! Чтобъ тебѣ пропасть!» И пошла себѣ въ городъ, оставивъ ребенка ревѣть, сколько хочетъ. Когда же возвратилась домой: то нашла и сына своего заболѣвшимъ: а затѣмъ чрезъ нѣсколько дней онъ скончался... Теперь этотъ сынъ мой каждую ночь во снѣ является и говоритъ мнѣ: «Мать, за что ты меня убила?» Это мнѣ не даетъ покоя ни днемъ, ни ночью... Научите меня, что мнѣ дѣлать, чтобы успокоить сына моего и самой успокоиться? Наложите на меня какую-нибудь епитимію за грѣхъ мой.»

Сдѣлавъ, по обязанности своей, скорбной матери приличное наставленіе, чтобы она на будущее время была осторожнѣе въ словахъ, я согласно ея желанія назначилъ для успокоенія ея мятущейся совѣсти епитимію, а относительно сына посовѣтовалъ ей, чтобы она въ теченіе 40 дней подавала просфору на проскомидію за упокой души своего сына, умершаго, какъ она полагаетъ, отъ клятвеннаго ея слова. Этотъ совѣтъ она исполнила. Впослѣдствіи она объяснила мнѣ, что хотя, какъ мать, очень жалѣетъ о смерти сына своего, но онъ болѣе не является ей во снѣ.

Вѣчныя загробныя тайны.

Былъ іюль на исходѣ. Жара нестерпимая. Солнце недвижимо стоитъ на чистомъ безоблачномъ небѣ и обливаетъ землю раскаленными лучами. Тихо. Ни малѣйшаго движенія вѣтерка, освѣжающаго душный воздухъ. Какъ заснувшія стоятъ запыленныя деревья по обѣимъ сторонамъ дороги. Ни одинъ листикъ не шелохнется, и длинныя, густыя тѣни деревьевъ, пересѣкая дорогу, лежатъ темными пятнами. Дорога ведетъ въ село Флорово, принадлежащее моему знакомому, помѣщику Семену Павловичу Рынину. Вотъ, наконецъ, показалось и село. На пригоркѣ виднѣется церковь. Вызлащенный крестъ ея горитъ на солнцѣ яркимъ свѣтомъ. Дальше видны поля, испещренныя копнами скошеннаго хлѣба. Изъ-за густыхъ деревьевъ мелькнула крыша барскаго дома. Онъ окруженъ обширнымъ старымъ садомъ, въ которомъ растутъ столѣтніе дубы, липы и множество различныхъ фруктовыхъ деревьевъ. Съ одной стороны садъ омываетъ глубокая, причудливо извивающаяся въ своихъ берегахъ, покрытыхъ по мѣстамъ мелкимъ кустарникомъ и камышомъ, рѣчка. Я засталъ Семена Павловича, владѣльца дома и сада, сидящимъ въ тѣни большаго дерева. Тутъ-же находилась и жена его, женщина лѣтъ 34—35 и три человѣка сосѣднихъ помѣщиковъ также съ своими семействами. Компанія о чемъ-то горячо спорила.

— Все это выдумки, говоритъ одинъ изъ гостей, игра праздной фантазіи, бредъ.

Я подошелъ къ собесѣдникамъ. Поздоровались.

— Вотъ, батюшка, обратился ко мнѣ хозяинъ, — мы ведемъ разговоръ о явленіяхъ изъ загробнаго міра. Петръ Петровичъ, указалъ онъ мнѣ на одного изъ своихъ товарищей, положительно не вѣритъ такимъ явленіямъ. Скажите намъ, пожалуйста, могутъ ли быть и бываютъ ли дѣйствительно явленія умершихъ намъ, живущимъ на землѣ?

— Такія явленія, сказалъ я, отрицать нельзя и нужно имѣть большую дерзость, чтобы рѣшиться на это. Много можно было бы привести случаевъ, гдѣ явленія подтверждены вполнѣ безспорными доказательствами и слѣдовательно должны быть приняты, какъ факты, наглядно доказывающіе истинность явленій изъ загробнаго міра. При этомъ я передалъ нѣсколько случаевъ, о которыхъ мнѣ довелось прочитать и между прочимъ о видѣніи митрополиту Платону, случай, разсказанный самимъ владыкою. Побесѣдовавъ такимъ образомъ нѣкоторое время, гости мало-по-малу начали расходиться по саду. Мы съ хозяиномъ также отправились прогуляться по тѣнистымъ аллеямъ сада.

— Со мною самимъ, заговорилъ Семенъ Павловичъ, когда мы остались вдвоемъ, нѣсколько лѣтъ назадъ былъ удивительный случай, о которомъ кромѣ меня до сего времени никто не знаетъ. По смерти матери, — отца своего я не помню, — я сдѣлался наслѣдникомъ

богатаго имѣнія. Было мнѣ тогда 24 года. Предоставленный самому себѣ, я повелъ самую безолаберную и разгульную жизнь. Постоянные кутежи съ товарищами, игра въ карты и проч. были обыкновеннымъ моимъ времяпровожденіемъ. Такъ шло года два. О Богѣ, о церкви, о постахъ и помину не было, хотя моя покойная матушка была глубокая христіанка и строгая блюстительница уставовъ православной Церкви, въ повиновеніи которой и меня старалась воспитать. Разъ, часа въ четыре пополудни, сижу я въ своемъ кабинетѣ, задумавшись надъ раскрытою книгой (въ домѣ кромѣ меня и моего лакея, который находился отъ меня комнаты на двѣ, никого не было). Вдругъ тихо отворилась дверь въ моей комнатѣ. Я оглянулся и обомлѣлъ. На порогѣ стоитъ моя покойная мать и строго на меня смотритъ. Потомъ она указала на икону Спасителя, висѣвшую у меня. трижды осѣнила меня крестнымъ знаменіемъ и удалилась, мягко и часто ступая, какъ это она дѣлала при жизни. Я хотѣлъ броситься за ней, но не могъ сдвинуть ногъ съ мѣста; хотѣлъ крикнуть, но и языкъ прильпнулъ къ моей гортани. Только минутъ черезъ пять я въ состояніи былъ подняться и отыскать своего человѣка.

— Иванъ, сказалъ я, ты никого не видѣлъ?

— Никого.

— И ничего не слышалъ?

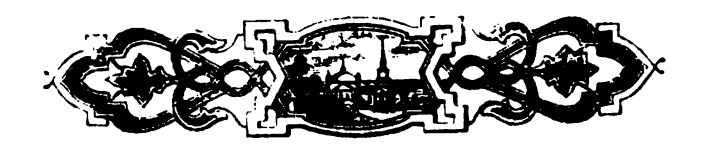
— Слышалъ, сказалъ онъ, какъ будто шаги по направленію къ вашему кабинету; вѣроятно, кто-нибудь приходилъ къ вамъ.

— Да, отвѣчалъ я, у меня былъ дорогой гость. И затѣмъ я прекратилъ всякіе дальнѣйшіе разспросы и разговоры по этому предмету. Это явленіе моей матери глубоко поразило меня и заставило сильно задуматься о моемъ тогдашнемъ нравственномъ состояніи. И не будь этого явленія, Богъ знаетъ, что бы было со мной! Быть можетъ я погибъ бы въ житейской тинѣ, какъ погибли многіе изъ моихъ прежнихъ товарищей.

Да, заключилъ свой разсказъ Семенъ Павловичъ, дивны и непостижимы пути, которыми Отецъ небесный влечетъ души и сердца грѣшниковъ къ покаянію и спасенію! (Кормчій. 1897 г. № 36).

Священникъ *Г. Тростянскій.*

Поучительное сновидѣніе.

(Изъ келейныхъ записокъ инока).

Сильно смущалъ меня помыслъ оставить монастырь и идти въ міръ. Соглашаясь съ этимъ помысломъ, смутившись сердцемъ, я вполнѣ предался отчаянію и положилъ рѣшимость непремѣнно выйдти въ міръ. Это было въ четвергъ, а я предположилъ остаться въ монастырѣ только до воскресенья. На слѣдующій день въ пятницу утромъ будильщикъ, ходившій. по чиноположенію монастырскому, будить братію къ утрени, разбудилъ и меня; но я, по обычной мнѣ лѣности, легъ опять на постель подождать, когда зазвонятъ къ утрени, и заснулъ. Вдругъ во снѣ представилось мнѣ: будто я умеръ и мысль мнѣ говоритъ, что умеръ безъ покаянія; сижу надъ своимъ тѣломъ и очень плачу; мнѣ казалось, что я буду осужденъ на вѣчное мученіе, въ предѣлы ада. Въ этомъ плачѣ говорю: „Господи, если бы я зналъ, что умру въ эту ночь, я сходилъ бы къ духовнику, покаялся бы, упросилъ бы братію помолиться обо мнѣ.“ Или, думаю, помучившись нѣсколько, я опять воскресну, чтобы принести покаяніе? Представляю себѣ Божіе правосудіе, но и милосердіе и говорю: „Господь долготерпѣливъ и многомилостивъ. У человѣкъ сіе невозможно, у Бога же вся возможна.“

Въ ту же минуту явился мнѣ юноша прекрасный лицомъ. въ бѣлой блестящей шелковой одеждѣ, по груди крестообразно опоясанъ розовой лентой; подходитъ ко мнѣ, беретъ меня за руку и ведетъ куда то въ темное мѣсто. Ахъ! что я тамъ увидѣлъ! сидятъ много людей нагихъ, одни горько плачутъ, другіе жалобнымъ голосомъ стонутъ, а нѣкоторые скрежещутъ зубами, рвутъ на себѣ волосы и кричатъ: „увы, увы намъ, о горе! о бѣда!“ При этомъ видѣ сердце мое исполнилось страха и ужаса, такъ что я весь трепеталъ отъ страха.

Юноша, водившій меня, говоритъ: „на это мѣсто мученія широкимъ путемъ пришли; пойдемъ я покажу тебѣ, куда ведетъ тѣсный путь, мѣсто, въ которое приходятъ многими скорбями.“ Какъ только юноша выговорилъ эти слова, явился другой во всемъ подобный первому и назвалъ его по имени, но имени его я не могу припомнить; беретъ онъ меня за руку, и говоритъ первому, водившему меня: „пойдемъ ко гробу, тамъ начали пѣть панихиду.“ Мнѣ показалось, что мы вошли въ нашъ соборъ: здѣсь гроба и тѣла я не видѣлъ, но только слышалъ пѣніе: „Твой есмь азъ, спаси мя,“ и „Благословенъ еси Господи, научи мя оправданіемъ Твоимъ.“ Мнѣ сдѣлалось очень весело. Первый юноша говоритъ: „при пѣніи панихиды душѣ всегда дѣлается весело.“

Вдругъ представилось мнѣ, будто мы стоимъ предъ какими то великолѣпными вратами, и вижу: у вратъ множество ангеловъ, стоящихъ въ бѣлыхъ сіяющихъ одеждахъ; лица ихъ были красоты неизреченной; мы намѣревались войти во внутренность вратъ; но два путеводителя, бывшіе со мною, вошли невозбранно, а я остался внѣ вратъ; меня не пускаютъ стоявшіе тамъ ангелы и слышу одинъ изъ нихъ говоритъ: „Писано есть, ничтоже скверно внидетъ сѣмо.“ Одинъ мой путеводитель, обратившись назадъ, сказалъ Ангеламъ: „пустите его, Богъ милосердствуетъ о немъ.“ По его слову ангелы разступились на обѣ стороны, и я только что вступилъ на порогъ вратъ, какъ раздался голосъ великолѣпной пѣсни: „Сія врата Господня, праведніи внидутъ въ ня.“

Пѣніе это было такое пріятное, что я наслаждался имъ съ восторгомъ и казалось не могъ вполнѣ насладиться этою радостію. Когда мы вошли во внутренность этого храма, я увидѣлъ въ немъ множество людей всякаго званія и возраста; одни изъ нихъ держали въ рукахъ кресты, другіе вѣтви съ деревьевъ, третіи цвѣты, нѣкоторые свѣчи, а иные ничего не имѣли въ рукахъ, но были въ восхищеніи и радости. Воздухъ носился тонкій и пріятный голубоватаго цвѣта. Бывшій со мною Ангелъ сказалъ: „смотри, это покой мірскихъ людей, пойдемъ далѣе, я покажу тебѣ покой монаховъ, потрудившихся въ... Обители.“ Мнѣ показалось, что идемъ по лѣстницѣ вверхъ и я осмѣлился спросить водившаго меня: „позвольте узнать ваше имя?“—„Мое имя -*Послушаніе.*“

Помни же, что послушаніе ведетъ тебя въ Царство Небесное. Только что Ангелъ произнесъ эти слова, мы появились предъ великими вратами и незамѣтнымъ образомъ вошли въ какую-то Обитель несравненно лучшую первой, сіяющую лучезарнымъ свѣтомъ, красоты неизреченной. Ангелъ говоритъ: „сей покой монаховъ.“ Желая болѣе насладиться красотами этой Обители, я смотрю влѣво и вижу какъ бы облако; на немъ сидитъ множество Ангеловъ, они плетутъ вѣнцы изъ цвѣтовъ. Цвѣты были различные, но такой красоты и пріятности для взгляда, что—не знаю, есть ли подобное въ природѣ или нѣтъ. Я спросилъ водившаго меня Ангела: „кому эти вѣнцы?“ Онъ отвѣчалъ: „работающимъ Богу усердно въ терпѣніи; терпящимъ скорби съ самоотверженіемъ; сказано: возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитаетъ; не дастъ во вѣкъ молвы праведнику (Псал. 54), терпи и ты; терпѣніе преодолѣетъ всѣ скорби. Самъ Господь сказалъ: въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши. Потрудишься мало, зато будешь покоиться вѣчно здѣсь со святыми отцами: всѣ они терпѣніемъ получили славу. Жизнь земная не что иное, какъ воспитаніе младенца. Написано: аще не будете, яко дѣти, не внидете въ Царство Небесное; разбери свойства отрочати и поревнуй ему.“ Идемъ мы далѣе по сей же Обители, наслаждаясь пріятностію небесной красоты; мнѣ казалось—долина неограниченнаго пространства, по которой были разсажены цвѣтущія деревья; нѣкоторыя были съ плодами, я не могъ понять съ какими. Виднѣлись рѣки чистыхъ водъ, отъ деревьевъ и цвѣтовъ весь воздухъ наполнялся пріятнымъ ароматическимъ запахомъ. Ангелъ, указывая на сіе мѣсто, говоритъ мнѣ: Апостолъ Павелъ, увидѣвъ славу уготованную любящимъ Бога, желалъ разрѣшитися и со Христомъ быти. Пророкъ Давидъ мысленно созерцая то же говорилъ: „Се покой мой, здѣ вселюся“ и, съ терпѣніемъ ожидая, взывалъ: „Коль возлюбленна Селенія Твоя, Господи силъ, желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господни. Когда пріиду и явлюся лицу Божію.“ „Слышишь, сколько я привелъ тебѣ свидѣтельствъ: смотри не угаси зажженный свѣтильникъ вѣры, старайся сосудъ твой наполнить елеемъ добрыхъ дѣлъ, чтобы съ радостію могъ ты встрѣтить Небеснаго Жениха Христа. Если будешь таковъ, какъ теперь, я всегда буду съ

тобою, сказалъ Ангелъ. Пойдемъ къ престолу Господа Вседержителя Іисуса Христа". И мы пошли далѣе по Обители, наслаждаясь чудною небесною красотою; впереди насъ увидѣлъ я хоръ Ангеловъ, посреди храма; другой хоръ стоялъ на лѣвой сторонѣ, третій на правой. Когда мы подошли къ Ангеламъ, стоявшимъ посреди храма, они разступились на обѣ стороны, даютъ намъ невозбранный ходъ и смотрятъ на насъ, улыбаясь. Когда мы стали проходить между ними, два Ангела тихо меня ударили по плечамъ и сказали: „блаженъ ты юноша, что оставилъ міръ изъ млада, возлюбивъ Христа" и стали пѣть: „Господа пойте дѣла и превозносите во вся вѣки". Вижу въ лѣвой сторонѣ стоятъ подобно нашимъ три аналойчика: на первомъ лежалъ крестъ, украшенный цвѣтами; на второмъ Евангеліе, украшенное золотомъ, на третьемъ икона Знаменія Божіей Матери, и вотъ множество монаховъ подходятъ прикладываться попарно, одѣты они были въ бѣлыя одежды, шли съ великимъ благоговѣніемъ. Впереди шли игумены, за ними архимандриты, потомъ іеромонахи, монахи и послушники. Ангелъ, мнѣ указывая рукою, сказалъ: это монахи потрудившіеся въ сей Пустыни. Называлъ ихъ по имени каждаго, но имена ихъ не помню; спрашиваю: гдѣ же отецъ Іоаннъ Асѣевъ?*) Ангелъ отвѣчалъ: „Онъ здѣсь".— И видѣть его можно?—„Нѣтъ, увидишь его послѣ; пойдемъ и мы приложимся". Тогда и мы пошли, также двое; когда подошли къ кресту, Ангелъ сказалъ: „перекрестись" и самъ перекрестился, мы приложились къ кресту, евангелію и иконѣ. Тогда на правомъ хорѣ стали пѣть: „Кресту Твоему покланяемся, Владыко" и проч., на среднемъ, который посреди храма былъ, начали пѣть: „Просвѣти мя свѣтомъ разума святаго Твоего Евангелія". Потомъ вышли всѣ на средину храма и начали пѣть: „Величитъ душа моя Господа и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ" и проч. до конца пѣсни. При сей пѣсни весь храмъ исполнился такого благоуханія, что невозможно уму представить; пѣніе такъ было хорошо, пріятно и усладительно для сердца, и я былъ въ такомъ восторгѣ и радости, что не могу выразить словами. Въ этомъ храмѣ иконостаса не было: вмѣсто иконостаса видѣлъ

*) Незадолго передъ тѣмъ скончавшійся рясофорный монахъ.

я огромную занавѣсъ розоваго цвѣта, и по всему храму сіялъ свѣтъ свѣтлѣе солнца, такъ что невозможно было смотрѣть вверхъ отъ сильнаго блеска. Тогда мнѣ Ангелъ сказалъ: „теперь пора тебѣ къ утрени; только помни, что имя мое *Послушаніе:* теперь ты видѣлъ славу уготованную любящимъ Бога; не скорби же, что пошелъ въ монастырь, ибо сего духовнаго пристанища многіе желали, но, не бывъ избраны, не могли достигнуть". Я проснулся. Сердце мое трепетало отъ страха и радости. Пошелъ къ утрени и не понималъ, гдѣ я нахожусь, въ церкви или нѣтъ, стоялъ весь погруженный въ размышленіе о видѣнномъ мною.

Замѣчательное обращеніе старообрядки.

(Разсказъ свящ. Михаила Лавденкова. Изъ „Странника" 1861 г.).

Однажды я приглашенъ былъ однимъ изъ моихъ прихожанъ—помѣщикомъ Б.—въ день именинъ отслужить молебенъ. По окончаніи молебна всѣ гости зашумѣли, заговорили, а одна почтеннаго вида дама, мнѣ еще незнакомая, стояла въ благоговѣйномъ положеніи и, казалось, все еще хотѣла молиться. Наконецъ она положила три земные поклона и, обратясь ко мнѣ, просила благословить ее. „Это—матушка моя, подарившая меня своимъ пріѣздомъ," сказалъ мнѣ почтенный хозяинъ. Обмѣнявшись съ нею привѣтствіями, мы, по приглашенію хозяина, усѣлись рядомъ и занялись разговоромъ. Сначала рѣчь шла у насъ то о томъ, то о другомъ; наконецъ заговорили мы о предметахъ болѣе серьезныхъ, о предметахъ вѣры. Видно было, что разговоръ этотъ очень занималъ мою новую знакомку: она слушала меня со вниманіемъ; но, говоря въ свою очередь, часто и къ дѣлу и не къ дѣлу примѣшивала слова: „Господи! *грѣхъ юности моея и невѣдѣнія моего не помяни.*" Сначала я принялъ это за поговорку, но, замѣтивъ при этомъ тяжелые вздохи, рѣшился спросить, поговорка ли эти слова, или они имѣютъ какое-нибудь особенное значеніе въ ея жизни. „Ахъ, батюшка, сказала она, можно ли святыя слова обращать въ поговорку? Если вамъ угодно будетъ, я разскажу дивный случай въ моей жизни, къ которому имѣютъ отношеніе эти слова. Пойдемте въ отдѣль-

ный покой. Я вамъ, какъ пастырю, разскажу, все разскажу. Предложеніе было выполнено, и она начала:

„Мнѣ болѣе восьмидесяти лѣтъ. Я чувствую, что уже не далекъ конецъ моей земной жизни, и потому лгать мнѣ не приходится: значитъ, вѣрьте отецъ святой, что сказанное мною будетъ вовсе не выдумка, а совершенная правда."

„О, Господи! *грѣхъ юности моея и невѣдѣнія моего не помяни*" Если въ комъ, продолжала она, то на мнѣ грѣшной, удивилъ Господь Богъ милость Свою. Если бъ не Его вседѣйствующая благодать, быть можетъ я бы навсегда погубила душу свою, коснѣя въ страшномъ заблужденіи. Я родилась отъ богатыхъ и благородныхъ родителей, православнаго исповѣданія, но ни богатствомъ ихъ, ни православіемъ не досталось мнѣ воспользоваться въ юности моей. Семи лѣтъ я осталась круглою сиротою и была взята на воспитаніе двоюродною бабушкою моею, очень бѣдною дворянкою, жившею однимъ подаяніемъ. Но это еще не бѣда: бѣда въ томъ, что бабушка моя была закоснѣлая старообрядка, или правильнѣе, раскольница секты безпоповщинской, въ которую и меня, какъ мало свѣдущую и находящуюся въ полномъ ея распоряженіи, скоро совратила. Имѣніе родителей моихъ отдано, какъ водится, въ распоряженіе опекунамъ, которые не только не обращали никакого вниманія на мое воспитаніе, но и самое имѣніе разорили и, по проискамъ родного моего дяди, составивъ ложные документы, передали оное ему во владѣніе. Грамотѣ меня не учили; да правду сказать, грамотность въ то время считали для женщины дѣломъ вовсе не нужнымъ. Недобрый дядя, когда я достигла совершеннолѣтія, чтобы удобнѣе владѣть несправедливо захваченнымъ имѣніемъ, зная крайнюю бѣдность моей бабки и мою неопытность, хотѣлъ было выдать меня замужъ за своего крѣпостнаго человѣка. Но Богу, Отцу сиротъ и несчастныхъ, угодно было устроить это иначе. Въ это самое время вышелъ въ отставку недальній нашъ сосѣдъ—помѣщикъ, поручикъ гвардіи А. П. Б. Имѣя довольно ограниченное состояніе, онъ хотѣлъ чрезъ женитьбу упрочить свою будущность. Сосѣди—помѣщики, не зная вполнѣ моихъ обстоятельствъ, рекомендовали меня за хорошую и богатую невѣсту. Какъ образованный молодой человѣкъ, онъ скоро свелъ знакомство съ нами и началъ просить руки моей. Его

чинъ, вѣжливое обращеніе и вниманіе къ бабушкѣ,—все располагало въ его пользу. Оставалось одно препятствіе: женихъ былъ, по мнѣнію нашему, суетный (такъ мы прежде называли православныхъ). Но совѣты другихъ и это препятствіе устранили: бабушка дала слово, но съ тѣмъ, чтобы меня не только не совращать съ прежней вѣры, но дать мнѣ полную свободу молиться по своему и не препятствовать ѣздить въ раскольническую часовню. Согласіе послѣдовало, и мы обвѣнчались. Надежды мужа моего на мое богатое приданое не сбылись. Много нужно было хлопотъ и издержекъ, чтобы имѣніе, по праву принадлежавшее мнѣ, вырвать изъ рукъ недобраго дяди; а покойный А. П. былъ человѣкъ чуждый всякихъ тяжбъ, да и средства къ тому имѣлъ самыя ограниченныя, и мы рѣшились, возложивъ всю надежду на Господа Бога, жить, какъ Его святой волѣ угодно будетъ. Надежда насъ не обманула. Занявшись въ небольшомъ имѣніи мужа хозяйствомъ, мы имѣли безбѣдное содержаніе для себя и для своей семьи, которою насъ Богъ благословилъ.

„Много времени прошло отъ моего замужества, а я все коснѣла въ моемъ нечестіи. Покойный мужъ мой былъ человѣкъ положительный, любилъ меня искренно, не напоминалъ мнѣ о перемѣнѣ вѣры и всегда готовъ былъ даже предупреждать мои желанія. Замѣтно было, что разность вѣры сильно его безпокоила; но онъ всегда умѣлъ скрывать это. Были минуты, когда мнѣ приходило на мысль превосходство православной вѣры; но, пока не пришла пора моего возрожденія, мысль эта скоро меня оставляла. Меня особенно удивляли истинно-христіанская жизнь моего мужа и свято исполняемые имъ благочестивые обряды. Напримѣръ, въ Великій постъ когда, бывало, говѣетъ онъ,—поужинаетъ (что во всю жизнь сохранилъ) въ понедѣльникъ и до принятія Святыхъ Таинъ ничего не ѣстъ, да и послѣ пріобщенія Св. Таинъ напьется только чаю и уже поздно вечеромъ поужинаетъ. Одна молитва да чтеніе душеполезныхъ книгъ были въ это время его пищею. Размышляя объ этомъ его трудномъ подвигѣ, я представляла себѣ, что это зависитъ отъ крѣпкаго его сложенія (онъ и зимой всегда одѣвался легко и ходилъ на босу ногу). Пользуясь, по милости Божіей, и сама цвѣтущимъ здоровьемъ, я пыталась также это выполнить, но не могла и въ половину

выдержать, и наконецъ спросила: какъ можетъ онъ поститься такъ цѣлую недѣлю? зависитъ ли это отъ силъ человѣческихъ, или этому есть другая причина? Онъ нахмурилъ брови—знакъ, что вопросъ этотъ ему не по вкусу—и, помолчавъ, началъ говорить: „если бъ ты"... и тотчасъ же замолчалъ, окончивъ начатую рѣчь тяжелымъ вздохомъ. Я тотчасъ поняла, что онъ этимъ хотѣлъ напомнить, что если бъ я исповѣдывала истинную вѣру, то могла бы выполнить, что онъ выполнялъ,—только не хотѣлъ измѣнить даннаго бабкѣ слова не совращать меня (какъ послѣ и самъ объяснилъ) и не сталъ далѣе говорить. На этотъ разъ и я замолчала и пошла въ свои покои. Безотчетливая какая-то грусть наполняла мою душу, въ сердцѣ ощущалась какая-то пустота, и я чуть не плакала, сама не зная о чемъ. Предложенный мною вопросъ и его недосказанный отвѣтъ такъ меня заняли, что я почти о немъ только и думала.

„Годъ цѣлый эта мысль меня не покидала, и наконецъ я рѣшилась поднять прежній вопросъ. Это было тоже въ Великій постъ, послѣ принятія мужемъ моимъ Святыхъ Таинъ. Поздравивъ его съ выполненіемъ обряда (какъ прежде называла), я спросила: „ужели тебѣ легко такъ поститься?" Вторая попытка моя была удачнѣе. Онъ не измѣнилъ своего свѣтлаго взора, всегда бывшаго у него послѣ пріобщенія Святыхъ Таинъ, и съ улыбкою сказалъ: „это не отъ нашихъ силъ зависитъ, а отъ помощи Божіей; на это нужно время, чтобы заслужить такую милость, нужно покорить тѣло духу, питать его молитвою и словомъ Божіимъ, и особенно негиблющимъ брашномъ—Тѣломъ и Кровію Христовою, которыхъ такъ называемые старовѣры, по упорному невѣжеству своему, не принимаютъ," и потомъ задумался.

„Продолжай, продолжай," сказала я съ веселымъ видомъ:— „я знаю, чего ты боишься, но я тебѣ позволяю."

— „Да, другъ мой, продолжалъ онъ:—дѣло великое обрѣсти вѣру истинную, гдѣ все располагаетъ человѣка къ Богу, гдѣ есть нужныя таинства, освящающія его, гдѣ есть духовное брашно, питающее его душу, или лучше, обожающее духъ, умъ же питающее странно (гостепріимно), чего ваша кривая вѣра не имѣетъ."

„Послѣднія слова, конечно, по наущенію врага, сильно оскорбили меня, и я съ неудовольствіемъ сказала:

— „Довольно! Я на твою вѣру не произношу хулы, а ты начинаешь порицать мою, называя ее кривою. Тамъ, за гробомъ, узнаешь, кто изъ насъ правъ, кто виноватъ.“

Онъ нахмурилъ брови и пошелъ въ свой кабинетъ, какъ будто нехотя сказавъ: „дѣло и тутъ видное,“ и потомъ, обратясь ко мнѣ съ неудовольствіемъ, но довольно тихо, продолжалъ: „сама же вызвалась!“ — Я тоже, взволнованная, ушла въ свои покои. Грусть болѣе прежняго овладѣла мною, и я сердечно жалѣла, что вызвала его на этотъ разговоръ. Но мысль объ этомъ разговорѣ все-таки меня не покидала. Я старалась быть веселою, но тайная грусть томила меня. О, Господи! *грѣхъ юности моея и невѣдѣнія моего не помяни.*

„Наконецъ Господь Богъ, *не хотяй смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему,* не оставилъ и меня Своею милостію: пришла пора и моему обращенію. Это было въ томъ же году, наканунѣ Богоявленія Господня. Мы жили въ хуторѣ, верстахъ въ семи отъ церкви. Каждый годъ покойный мой А. П отправлялся въ церковь за святою водою и мнѣ предлагалъ отправиться въ свою часовню, но на этотъ разъ, не зная почему, мнѣ этого не предложилъ, а съ торопливостію собрался и поѣхалъ, ни съ кѣмъ не простившись. Болѣе часа грусть и тоска томили меня, а послѣ того внезапно какая-то отрада наполнила душу. Одно нетерпѣливое желаніе скорѣе увидѣть мужа нѣсколько омрачало мою радость. Я часто смотрѣла въ окно, въ ту сторону, откуда онъ долженъ былъ ѣхать. Наконецъ сѣрая лошадка показалась и, вмѣсто радости, меня объялъ какой-то страхъ.

„Такъ какъ мы жили въ хуторѣ, то священникъ въ этотъ вечеръ не успѣвалъ пріѣзжать къ намъ со святою водою, а пріѣзжалъ на другой день. Цѣня дорого (какъ и должно), вечернюю святую воду, покойный имѣлъ обыкновеніе для святой воды брать съ собою зеленый съ крышкою кувшинъ (который и теперь у меня, какъ завѣтный, хранится), и, по входѣ въ переднюю, начиналъ пѣть священный стихъ: *во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи...* а при входѣ въ залу открывалъ крышку, вливалъ святую воду въ приготовленное блюдо, кропилъ домъ и всѣ службы, въ сопровожденіи всего нашего семейства и всей дворни (кромѣ меня, потому что я, какъ мнимо православная, уходила въ свою спальню). Но на этотъ

разъ Господу содѣйствующу, и я осталась въ залѣ. Священную пѣснь, по обыкновенію, началъ онъ пѣть еще на порогѣ дома. а пришедши въ залъ, началъ снимать съ кувшина крышку,—и что же? едва только крышка была снята съ кувшина, какъ намъ показалось, что изъ него мгновенно вылетѣли три огнерадужныя струи и разлились по всей комнатѣ. Необыкновенное благоуханіе мы ощутили и невольно всѣ пали на колѣни, а у А. П. и кропило выпало изъ рукъ, и едва удержался кувшинъ. Нѣсколько минутъ всѣ мы находились въ ужасѣ и въ какомъ то оцѣпенѣніи и не могли другъ другу сказать слова—и пѣснь замолкла въ устахъ поющаго. Я первая будто отъ летаргіи очнулась и первая прервала молчаніе. Первымъ словомъ моимъ было тотчасъ же послать за православнымъ священникомъ. Послали человѣка съ письмомъ просить священника присоединить меня къ Православной Церкви. Добрый и всегда исполнительный пастырь не замедлилъ исполнить нашу просьбу. Не могу вамъ выразить, какая радость наполнила душу мою послѣ присоединенія къ той Церкви, въ которой я родилась и отъ которой отпала; но эту радость смѣняла иногда грусть. что я такъ долго коснѣла въ моемъ заблужденіи. Особенно грустно мнѣ было оттого, что добрая моя воспитательница умерла въ расколѣ. Почтенный пастырь долго бесѣдовалъ со мною о предметахъ вѣры: то вразумлялъ меня, то увѣрялъ въ милосердіи Божіемъ, то поощрялъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ христіанскимъ и наконецъ предложилъ ѣхать къ Богоявленской утрени. Всѣ мы отправились въ храмъ Божій. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ждала начала общественнаго Богослуженія въ той Церкви, въ нѣдрахъ которой крестилась и въ которой, между тѣмъ, столько времени, какъ заблуждшая овца, не бывала! Вотъ началось чтеніе великаго повечерія, и я вся превратилась въ слухъ: каждое священное слово ловила съ жадностію и старалась передать его сердцу; каждый почти стихъ я прилагала къ себѣ и находила въ немъ отраду, какъ вдругъ услышала слова: „Господи! *грѣхъ юности моея и невѣдѣнія моего не помяни*." Эти слова какъ-то особенно подѣйствовали на душу мою, они пробудили во мнѣ прежнее былое мое. Мнѣ казалось, что Пророкъ какъ будто для меня грѣшницы и написалъ эти слова. Да, думала я, видно, дѣло немаловажное—

грѣхъ юности и невѣдѣнія, когда такой великій мужъ, какъ Пророкъ Давидъ, молился о семъ. Какъ же мнѣ не молиться и не запечатлѣть этихъ словъ навсегда въ сердцѣ моемъ, когда моя юность прошла въ страшномъ грѣхѣ—въ отпаденіи отъ святой Церкви и невѣдѣніи?

„Послѣ утрени я допущена была къ исповѣди, а послѣ Божественной литургіи удостоилась принять страшныя Тайны Христовы. Радостенъ и достопамятенъ былъ для меня день этотъ: я окончательно удостоилась быть дщерью истинной Церкви Христовой. Важны и достопамятны были и сказанныя выше слова, потому что они постоянно мнѣ твердятъ, что я имѣла страшный грѣхъ и, слѣдовательно, должна постоянно молиться о томъ, чтобы Господь Богъ простилъ его и даже не помянулъ.

„А чтобы не быть въ невѣдѣніи, я рѣшилась учиться грамотѣ. Но кого взять въ учителя? Кто рѣшится учить уже довольно пожилую женщину? Жребій палъ на старшаго сына моего А... и онъ-то выучилъ меня чтенію и письму, сколько могъ передать, и сколько я могла понять. Съ тѣхъ поръ и читаю Божественныя книги и въ нихъ нахожу назиданіе и утѣшеніе, благодаря Бога, пославшаго мнѣ Свою неизреченную милость.“

Такъ окончила дама свой разсказъ, прибавивъ: „Господи, *грѣхъ юности моея*...“ Я, въ свою очередь, благодарилъ ее за интересную для меня исторію жизни ея и просилъ позволенія передать (если то можно будетъ) въ назиданіе другихъ.—„Хотя, отвѣчала она, истину эту и многіе знаютъ, есть даже въ живыхъ свидѣтели этого дивнаго случая, но прошу васъ передать во всеуслышаніе по смерти моей“

На дняхъ я узналъ отъ почтеннаго сына ея, что она уже умерла.

Обращенный атеистъ.

(Разсказъ Елисаветы Богдановой. Изъ „Странника“ 1867 г.).

Въ городѣ Гродно есть явленный образъ Остробрамской Божіей Матери. Названіе свое эта икона получила оттого, что явилась на остроконечномъ шпицѣ Остробрамскихъ воротъ города. Вскорѣ послѣ явленія послѣдовало столько чудесныхъ исцѣленій, что жители Гродно увѣровали всей душой въ свою небесную Покровительницу и берегутъ съ неизмѣрною любовію данное имъ небомъ сокровище. Снимокъ съ

этой чудотворной иконы въ первый разъ увидала я въ домѣ одной моей знакомой Б. О. Лопухиной. Велика была ея вѣра къ святому образу, потому что въ собственномъ семействѣ ихъ совершилось чудо, имѣвшее огромное вліяніе на всю жизнь одного изъ ея близкихъ родственниковъ.

Вотъ какъ передала она мнѣ этотъ случай.

«Родственникъ мой по матери, В. П. К—нъ былъ честенъ, уменъ, образованъ, богатъ. Только недоставало самаго благороднаго. самаго лучшаго свойства ума и сердца,—именно вѣры въ Бога и любви къ Нему. Все священное у него легко дѣлалось предметомъ хулы и кощунства, онъ возмутительнымъ образомъ открыто проповѣдывалъ свой атеизмъ. Счастливый и гордый своею завидною участью, онъ забылъ, что счастію земному, какъ и горю, одинъ и тотъ же исходъ,—это могила, а за ней — вѣчная жизнь, въ которой потребуется отчетъ въ дѣлахъ жизни временной. Страшно было намъ слушать его безумныя убѣжденія. Ни совѣты, ни просьбы, ничто не помогало, а судьба, какъ нарочно, баловала закоснѣлаго безумца. Все ему удавалось; жизнь его текла свѣтло и ровно, ни одной, кажется, горькой минуты не выпадало на его долю, и оттого онъ не нуждался въ защитѣ и утѣшеніи ни отъ Бога, ни отъ людей.

Но должно быть, за добрыя дѣла и непоколебимую вѣру давно умершей матери его, спасеніе несчастнаго безумца приняла на Себя Сама Матерь Божія. Она ходатайствомъ Своимъ удерживала до извѣстнаго времени справедливо карающую руку Своего возлюбленнаго Сына, желая чудеснымъ образомъ обратить грѣшника на путь истинный. Наконецъ насталъ часъ вразумленія заблуждшаго. Получивъ отпускъ, К—нъ (онъ былъ военный) проѣздомъ чрезъ Гродно былъ у одной изъ своихъ знакомыхъ, которая занимала антресоли высокаго трехъэтажнаго дома. Комната, въ которой они находились, выходила окнами на вымощенную дикимъ камнемъ мостовую. Съ ними сидѣлъ у чайнаго стола съ кренделемъ въ рукахъ трехлѣтній сынъ хозяйки. Представьте себѣ ихъ ужасъ,—когда вдругъ послышался страшный пронзительный крикъ: „горимъ! горимъ! а вмѣстѣ съ тѣмъ внизу видны были клубы чернаго, густого дыма, быстро разносимаго вѣтромъ!.. Горѣлъ бельэтажъ. О спасеніи не было возможности

и думать: длинная, выкрашенная масляной краской, лѣстница пылала уже въ двухъ мѣстахъ. И помощи имъ не отъ кого было ждать: вверху, кромѣ ихъ троихъ, не было никого. И теперь-то, въ первый разъ въ жизни, болѣзненно забилось сердце К—на. Онъ до того растерялся, что даже забылъ объ угрожавшей имъ опасности. Но у хозяйки квартиры чувства материнской любви къ сыну пересилили чувства ужаса и отчаянія: она схватила своего ребенка, и со словами: „Матерь Божія, вручаю Тебѣ моего сына, спаси его!“ бросила его въ окно на каменныя плиты мостовой, а сама упала замертво въ той же комнатѣ. Тутъ только К—нъ пришелъ въ себя: „помоги и мнѣ, невѣрующему, да увѣрую въ Тебя, Святая Заступница“, въ свою очередь вскричалъ вразумленный К—нъ, и, перекинувъ чрезъ шею безчувственную г-жу Н., бросился внизъ по пылающимъ ступенямъ лѣстницы.

И спасла его Матерь Божія, не отринула мольбы грѣшника. Спасла не только тѣло его отъ временныхъ страданій, но и душу отъ будущихъ вѣчныхъ мукъ. Вполнѣ вразумился К—нъ на мостовой, когда увидѣлъ невредимо сидящаго и безпечно доѣдающаго свой крендель ребенка. И дивное чудо! Младенецъ, казалось, какъ будто не былъ брошенъ матерью съ высоты третьяго этажа, а бережно перенесенъ на мостовую. Пресвятая Дѣва сохранила и мать, съ крѣпкою вѣрою поручившую Ей своего младенца. Съ этой минуты Церковь пріобрѣла себѣ вѣрнаго сына въ лицѣ спасеннаго богоотступника. К—нъ вымѣнялъ себѣ небольшой изъ финифти образъ Остробрамской Божіей Матери и никогда съ нимъ не разлучался. Зато и этотъ образокъ спасъ его отъ смерти въ другой разъ. Во время венгерской кампаніи въ одномъ дѣлѣ съ непріятелемъ, въ которомъ онъ участвовалъ, прямо направленная ему въ грудь пуля отскочила, вдавивъ только немного въ тѣло висѣвшій у него на шеѣ образокъ Богоматери. Съ тѣхъ поръ К—нъ уже окончательно предался св. покрову Ея: онъ вступилъ въ монашество, и раскаяніе его было такъ искренне, вѣра такъ глубока, что къ нему, кажется, вполнѣ могутъ быть примѣнены Евангельскія слова Самого Спасителя о женѣ грѣшницѣ: *отпущаются грѣси ея мнози, яко возлюби много* (Лук. 7, 47).

Дивный случай.

Въ газетѣ „Соврем Извѣстія,“ издававшейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ г. Москвѣ, нѣкто г. В. Казанцевъ передавалъ слѣдующій необъяснимый случай. Отецъ его былъ человѣкомъ мало заботившимся о надлежащемъ исполненіи религіозныхъ обязанностей. Ему случайно пришлось попасть въ скитъ Николаевской на Пѣсноши пустыни, верстахъ въ 80 отъ Москвы. Дѣло было во время Успенскаго поста. „Вхожу въ храмъ,“ разсказывалъ самъ отецъ г. Казанцева, „вижу много говѣльщиковъ, беру свѣчку и дожидаюсь прибытія духовника. Наконецъ, въ храмъ введенъ былъ подъ-руку о. Савватій, управляющій скитомъ. Онъ былъ слѣпъ. Какъ теперь вижу, его словно восковое лицо и длинную, сильно пожелтѣвшую бороду. Сотворивъ обычное правило и приложившись къ св. иконамъ, онъ надѣлъ епитрахиль и, введенный подъ руку послушникомъ на амвонъ, сталъ громко на память читать молитву передъ исповѣдію. На половинѣ ея голосъ его прервался, и онъ, сдѣлавъ два земныхъ поклона предъ иконою Спасителя, снова началъ читать. Но опять голосъ его прервался, тогда, обратясь къ народу, онъ сказалъ: „Чада святой матери Церкви! Межъ вами есть одинъ не сынъ ея. Подойдите каждый и скажите ваши имена порознь.“ Говѣльщиковъ было около 60 человѣкъ; всѣ подходили и говорили. Когда очередь дошла до меня, и только что сказалъ я свое имя, какъ лицо о. Савватія сдѣлалось величественно-грознымъ. „Выйди вонъ, ты не сынъ Церкви, ты пренебрегъ тѣломъ и кровью Христовыми.“ Я стоялъ, какъ пораженный громомъ; въ глазахъ у меня потемнѣло: не помню, какъ я вышелъ изъ церкви. Послѣ многихъ просьбъ моихъ о. Савватій согласился исповѣдать и пріобщить меня, но съ тѣмъ, чтобы я недѣлю провелъ съ нимъ въ его кельѣ. „Нечего и говорить,“ заканчиваетъ свой разсказъ г. Казанцевъ, „что о пренебреженіи къ религіознымъ обрядамъ съ тѣхъ поръ и помину не было.“ (Кормч. 1901 г.).

Троицкіе Листки. № 42.

* * *

Наставленіе св. Тихона Задонскаго о христіанской жизни.

Не долженъ ты, христіанинъ, въ праздности жить, но въ трудахъ благословенныхъ упражняться. Ибо праздность—виновница всякаго зла, и кто въ праздности живетъ, тотъ непрестанно грѣшитъ. Изъ сего правила исключаются только немощные и престарѣлые люди, которые трудиться не могутъ.

Всякаго грѣха, какъ смертоноснаго яда, берегись, ибо всякій грѣхъ прогнѣвляетъ и оскорбляетъ великаго Бога: онъ грѣшника отлучаетъ отъ Бога и препятствуетъ достиженію вѣчнаго спасенія. Итакъ, берегись грѣха, чтобы не подвергъ тебя вѣчной смерти.

Что совѣсть возбраняетъ тебѣ дѣлать, того не дѣлай, ибо что возбраняетъ совѣсть непогрѣшительная, то возбраняетъ и законъ Божій. Совѣсть добрая согласна съ закономъ Божіимъ. Законъ Божій говоритъ: *не убій, не укради,* и проч., тоже слышишь и въ совѣсти твоей: и она то же тебѣ говоритъ. Берегись же дѣлать то, что совѣсть запрещаетъ, чтобы, уязвивши совѣсть, не уязвить тебѣ и не погубить души своей.

Имя Божіе произноси, поминай со всякимъ почтеніемъ, страхомъ и благоговѣніемъ, и то тамъ и тогда, гдѣ и когда это нужно: ибо имя Божіе свято и страшно, и поминающій Его съ непочтеніемъ тяжко грѣшитъ. Итакъ отдавай почтеніе имени Божію, какъ Самому Богу. Имя царя земнаго ты съ почтеніемъ поминаешь, какъ и слѣдуетъ: тѣмъ болѣе имя Бога, Царя небеснаго, предъ Которымъ благоговѣютъ сами Ангелы и души Святыхъ, съ высокимъ почтеніемъ поминать должно.

Правильно поминается или произносится имя Божіе въ молитвѣ, въ славословіи, въ благодареніи, въ хвалебныхъ пѣсняхъ духовныхъ и въ бесѣдахъ и разговорахъ, христіанамъ приличныхъ, т. е. когда разговоръ бываетъ о святомъ Бо-

жіемъ словѣ, о законѣ и Евангеліи, о пришествіи Христовомъ въ міръ, о Его страданіяхъ и смерти, насъ ради подъятой, о смерти, о вѣчной мукѣ и вѣчной жизни и проч.: въ другихъ же разговорахъ безъ крайней нужды не поминай, и если нужно будетъ помянуть, то со всякимъ опасеніемъ и достодолжнымъ почтеніемъ поминай.

Во лжи и шуткахъ крайне берегись поминать имя Божіе, чтобы тотчасъ же не постигло тебя наказаніе Божіе, ибо Богъ есть *огнь поядаяй*.

Вошли въ обычай божбы, крайне непристойныя христіанамъ, какъ-то: *ей Богу, на то Богъ, свидѣтель Богъ*, *видитъ Богъ*, *на то Христосъ* и проч., и поминаются они отъ людей часто и почти во всякихъ словахъ. Такія божбы не иное что, какъ сатанинскій вымыслъ, на безчестіе имени Божія и погибель человѣческую изобрѣтенный: ты берегись такъ и подобно тому божиться.

Когда нужно будетъ тебѣ утвердить истину, буди тебѣ слово Христово: *ей, ей; ни, ни* (Матѳ. 5, 37). Прочее все отъ непріязненнаго духа.

Вездѣ и во всякихъ вещахъ съ любовію поминай Господа Бога твоего и святую любовь Его къ намъ. Все, что ни видишь на небеси, и на земли, и въ домѣ твоемъ, побуждаетъ тебя къ воспоминанію Господа Бога твоего и любви Его святой. Любовь Божія объемлетъ насъ; всякое созданіе Божіе свидѣтельствуетъ любовь Его къ намъ. Итакъ, видя созданіе Божіе и пользуясь имъ, говори самъ себѣ: это есть дѣло рукъ Господа Бога моего и ради меня оно сотворено. Сіи свѣтила небесныя: солнце, луна и звѣзды суть созданіе Господа Бога моего,—всей вселенной и мнѣ они свѣтятъ. Сія земля, на которой я живу, которая мнѣ и скотамъ моимъ плоды прозращаетъ, и все, что ни есть на ней, есть созданіе Господа моего. Сія вода, которая меня и скотовъ моихъ напояетъ, есть даръ Господа моего. Сей скотъ, который мнѣ служитъ, есть созданіе Господа моего, и мнѣ на службу отъ Него онъ данъ. Сей домъ, въ которомъ я живу, Божіе добро есть, и мнѣ онъ данъ отъ Него для жилища и покоя моего. Сія пища, которую я вкушаю, есть даръ Божій, данный мнѣ для укрѣпленія и утѣшенія немощной плоти моей. Сію одежду, которою одѣваюсь, Господь Богъ мой подалъ мнѣ для прикрытія нагаго тѣла моего и проч. Сей образъ, *образъ Христовъ*, есть

образъ Спасителя моего. Который ради меня пришелъ въ міръ сей, полный бѣдъ и скорбей,—спасти меня погибшаго, и своими страданіями и смертію избавилъ меня отъ грѣха, діавола, смерти, ада. Покланяемся неизреченному человѣколюбію Его. Сей образъ, *образъ Богородицы;* есть образъ Пресвятыя оныя Дѣвы, Которая Господа Бога моего Іисуса Христа плотію безъ сѣмене родила. Благословенна въ женахъ, Бога плотію рождшая, Матерь. и благословенъ плодъ чрева Ея. Сей образъ *Предтечи* есть образъ того великаго пророка, который отъ Бога посланъ предъ лицемъ Спасителя моего Іисуса Христа, и Его—уже пришедшаго въ міръ—возвѣстилъ людямъ, и указывалъ на Него, говоря: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра*,— и сподобился крестить Его въ струяхъ іорданскихъ. Сей образъ *Апостола* есть образъ ученика Спасителя моего, который самъ Его видѣлъ, и обращался съ Нимъ, и чудодѣйствующаго видѣлъ, и поучающаго слышалъ, и страждущаго за спасеніе міра и воскресшаго изъ мертвыхъ и возносящагося на небо видѣлъ. Сей образъ *Мученика* есть образъ того подвижника, который *страдалъ до крове за честь* Спасителя моего Іисуса Христа. и за имя Его святое живота своего не пощадилъ и благочестивую нашу вѣру, яко истинную, изліяніемъ крови своея утвердилъ и проч. Сіе слово, *Священное Писаніе,* которое я слышу, есть слово Божіе, есть слово устъ Его; и нынѣ чрезъ него Богъ мой мнѣ глаголетъ: *благъ мнѣ законъ устъ твоихъ, паче тысящъ злата и сребра* (Пс. 118, 72). Господи! даждь мнѣ уши слышати слово Твое святое. Сей домъ священный, *церковь,* въ которомъ я стою, есть храмъ Божій, въ которомъ обще отъ вѣрныхъ, братіи моей, приносится Богу моему молитва и славословіе. Сіи гласы, *славословіе и молитва общая,* суть тѣ гласы, которыми пѣніе, благодареніе, хвала и славословіе возсылаются святому имени Бога моего. Сей священный мужъ—*епископъ* или *іерей* есть ближайшій служитель Бога моего, который о мнѣ грѣшномъ и о всемъ мірѣ приноситъ Ему молитвы. Сей мужъ, *проповѣдникъ слова Божія,* есть посланникъ Бога моего, который мнѣ и прочимъ людямъ, братіи моей, возвѣщаетъ путь спасенія. Сей братъ мой, *всякъ человѣкъ*, есть любезное созданіе Бога моего, какъ и я, —созданіе, по образу Божію и по подобію сотворенное и падшее, кровію Сына Божія, Спасителя моего, какъ и я, искупленное, и къ вѣчной жизни словомъ Божіимъ призванное. На-

добно мнѣ его любить, какъ любезное созданіе Бога моего,— любить какъ себя самого люблю, и не дѣлать ему ничего, чего себѣ не хочу,—дѣлать же то, чего себѣ хочу. Словомъ, всякій случай и всякая вещь можетъ и должна возбуждать тебя къ воспоминанію Господа Бога твоего и показывать тебѣ любовь Его къ Тебѣ, такъ что и самое наказаніе Его происходитъ отъ любви Его къ намъ, какъ сказано: *егоже любитъ Господь наказуетъ* (Евр. 12, 6). Итакъ, поминай вездѣ и во всякомъ случаѣ имя Господа Бога твоего. Берегись забывать благодѣтеля, довольствуясь благодѣяніемъ Его: забвеніе благодѣтеля—явный знакъ неблагодарности.

Какое бы дѣло ты ни начиналъ, разсуждай, — согласно-ли оно съ совѣстію и закономъ Божіимъ и истинно-ли оно полезно для тебя; если съ закономъ Божіимъ согласно — начинай и дѣлай, если противно—оставь, чтобы не впасть тебѣ въ сѣть врага, который всегда ищетъ уловить человѣка въ свою сѣть. Не все тебѣ полезно, что кажется полезнымъ, а только то, что согласно съ здравымъ разумомъ и словомъ Божіимъ.

При началѣ всякаго дѣла призывай имя Господа Бога твоего и начинай съ молитвою, да поспѣшитъ тебѣ Господь начать и совершить свое дѣло. А отсюда уже видно и то, что христіанинъ ничего не долженъ предпринимать такого, что съ закономъ Божіимъ не согласно.

Когда хочешь ѣсть и пить, призывай имя Господа и проси отъ Него благословенія ястію и питію твоему, говоря: Господи, благослови. И при этомъ ты помышляй, что хочешь вкушать и наслаждаться благами Господа Бога твоего. Кто хищеніемъ и неправдою пріобрѣлъ себѣ состояніе, тотъ находится подъ клятвой и лишенъ благословенія; поэтому и имя Божіе призывать ему не годится. Такъ и тѣмъ, которые хотятъ упиваться, имя Божіе призывать не должно: ибо пьянство запрещено отъ Бога.

Что люди дѣлаютъ, тому безразсудно не подражай. Ибо отъ такого безразсуднаго подражанія люди портятся и развращаются, и часъ отъ часу умножается зло и оскудѣваетъ благочестіе, но внимай лишь тому, чему учитъ слово Божіе.

О таинствѣ Пресвятыя Троицы, святѣйшія Евхаристіи и о прочихъ таинствахъ, а также и о томъ, что не открыто въ словѣ Божіемъ, и что открыто, да понять не можешь, любопытно не испытывай, чтобы не впасть въ сѣть діавольскую

и не погибнуть; ибо что требуетъ одной вѣры и превышаетъ разумъ нашъ, то испытывать очень опасно. Итакъ, берегись испытывать то, что выше тебя. Вѣруй во всемъ такъ, какъ святая Церковь вѣруетъ. Это есть самый безопасный путь.

Истинные христіане живутъ въ мірѣ семъ такъ, какъ путники, странники и пришельцы, и всегда вѣрою и душевными очами взираютъ лишь на небесное отечество и одного достигнуть стремятся: будь же и ты въ мірѣ семъ странникомъ и пришельцемъ и непрестанно взирай на отечество вѣчное и его получить старайся.

Тѣмъ христіанамъ, которые въ мірѣ семъ желаютъ и ищутъ обогатиться, достигнуть почестей и прославиться, не подражай. Таковые забыли, что за нихъ умеръ и пострадалъ Христосъ Сынъ Божій и Своими страданіями и смертію открылъ входъ въ животъ вѣчный. Видно, что они того только желаютъ и ищутъ, что видятъ, а чего не видятъ, того не желаютъ и не ищутъ. Они на всякъ день, какъ Адамъ въ раю, простираютъ руки къ запрещенному древу и отъ него на бѣду себѣ вкушаютъ и сердцемъ своимъ отъ Бога отступаютъ. Ты таковымъ христіанамъ не подражай, но вѣрою и сердцемъ стремись къ вѣчнымъ благамъ; ибо христіанское имѣніе и наслѣдіе, честь и слава, богатство и все сокровище,—не въ мірѣ семъ, но въ будущемъ вѣкѣ и въ небесномъ отечествѣ.

Всѣ умершіе оставили міръ и все, что въ немъ; оставишь и ты, хотя бы и весь міръ былъ въ твоей власти. Одно только благочестіе идетъ съ нами въ страну вѣчности; будь же благочестивъ до конца и одно благочестіе считай истиннымъ сокровищемъ.

Чаще поминай смерть, судъ Христовъ, вѣчную муку и вѣчную жизнь, и тогда непремѣнно міръ сей со всею его прелестію не будетъ привязывать тебя; ты не захочешь въ мірѣ семъ богатиться, славиться и веселиться, а о томъ одномъ будешь стараться, чтобы Богу угодить, блаженно скончаться, на судѣ Христовомъ не посрамиться, вѣчной муки свободиться и въ царствіе Божіе внити.

Если имѣешь нужду изъ дома выйти и къ людямъ пойти, то будь внимателенъ къ себѣ и со всею осторожностію береги сердце свое. Вездѣ представляй себѣ Господа Бога своего, и страхъ Его святый, какъ свѣча, да предшествуетъ тебѣ. Куда ни выйдешь, и гдѣ ни будешь, вездѣ съ тобою Богъ, и вся-

кое дѣло твое Онъ видитъ и знаетъ и всякое слово твое слышитъ. Итакъ. вездѣ береги себя.

Крайне берегись оскорблять кого-бы то ни было словомъ или дѣломъ, ибо это есть тяжкій грѣхъ. Когда оскорбляется человѣкъ, то оскорбляется и Богъ, Который любитъ человѣка. Но если какъ-нибудь оскорбишь ближняго своего, то тотчасъ примирись съ нимъ и со смиреніемъ попроси прощенія у него, чтобы не подпасть тебѣ праведному суду Божію.

Со всякимъ человѣкомъ обходись не лестно, но просто, такъ, какъ самъ съ собою. Какимъ являешься ему по наружности, такимъ будь и по внутреннему расположенію, и что говоришь ему, то должно быть и на сердцѣ у тебя, ибо лесть и коварство — дѣла пагубныхъ людей, и въ сердцахъ ихъ діаволъ живетъ, который научаетъ ихъ лести и коварству на прельщеніе наше.

Если увидишь и услышишь, что ближній твой согрѣшилъ, берегись оклеветать и осудить его. Ты о немъ скажешь одному, тотъ другому, этотъ третьему, третій четвертому, и такимъ образомъ всѣ будутъ знать и соблазняться, и согрѣшившаго будутъ осуждать, что тяжко есть; а ты будешь всему тому причиной, ибо разсказалъ братнее согрѣшеніе. Клеветники подобны прокаженнымъ, которые своимъ запахомъ и другимъ вредятъ, или подобны зараженнымъ моровою язвою, которые съ мѣста на мѣсто переносятъ заразу и другихъ погубляютъ. Берегись же ближняго твоего оклеветать, да не тяжко согрѣшишь и другимъ ко грѣху поводъ подашь. Точно также берегись и осуждать его, ибо своему *Господеви стоитъ* онъ *или падаетъ,* ибо и самъ ты грѣшникъ. Праведнику судить и осуждать никого не должно, тѣмъ болѣе — грѣшнику грѣшника. Судить людей—дѣло одного Христа, Которому судъ переданъ отъ Отца Небеснаго, и будетъ судить Онъ живыхъ и мертвыхъ, суду Котораго предстанешь и ты. Берегись же присвоивать себѣ право суда, не принадлежащее тебѣ, да не явишься съ этимъ тяжкимъ грѣхомъ на страшный судъ Христовъ и не осудишься за оный на вѣчную казнь. Обрати лучше очи твои и умъ твой на себя самого и разсматривай себя: обличай себя, обвиняй себя предъ Богомъ за грѣхи твои, чего требуетъ дѣло покаянія,—обличай и обвиняй себя предъ Богомъ и проси отъ Него милости, какъ мытарь, — *да отъ Него оправдишься.*

Случай при напутствованіи умирающаго.

(Изъ записной книжки приходскаго священника).

Однажды приглашенъ я былъ напутствовать умирающаго. Это былъ старикъ около 80 лѣтъ, отпущенникъ одного помѣщика, записавшійся въ мѣщанское общество г. Сарапула человѣкъ бѣдный и семейный. Выслушавъ его исповѣдь, приступилъ я къ его причащенію, разумѣется, запасными Дарами. Больной сидѣлъ на лавкѣ, и отъ изнеможенія держался за стоявшій предъ нимъ столъ. Лишь только хотѣлъ я поднести лжицу со Св. Дарами къ устамъ болящаго, частица Св. Даровъ, не могу понять какимъ образомъ, очутилась на скатерти, покрывавшей столъ. Приписавъ этотъ случай своей неосторожности, я съ благоговѣніемъ и возможною осторожностію тою же лжицею снялъ святую частицу со скатерти, и опять поднесъ къ устамъ больнаго. Но что же? Какъ я ни осторожно дѣйствовалъ, частица Св. Даровъ опять очутилась на той же скатерти. Это меня, какъ всякій посудить можетъ, смутило до чрезвычайности, такъ что я не зналъ, что и дѣлать; смутился тѣмъ болѣе, что все это происходило въ виду домашнихъ больнаго, которые смотрѣли на происходившее съ какимъ-то ужасомъ. Въ третій разъ поднесъ я частицу къ устамъ больнаго, но, къ несказанному ужасу и моему и присутствующихъ, частица Св. Даровъ очутилась уже не на скатерти, какъ въ первые два раза, а на полу избы. Поднявъ упавшее и приказавъ обтереть чистою холстиною мѣсто пола, гдѣ упала частица Св. Даровъ, я какъ бы по вдохновенію какому выслалъ всѣхъ находившихся въ избѣ, и кротко и внушительно обратился къ больному съ вопросомъ: не забылъ ли онъ на исповѣди открыть мнѣ какого-либо тяжкаго грѣха? Не менѣе меня испуганный больной отвѣчалъ, что ничего не припомнитъ. Да подумай сообрази, говорю я. Подумавши нѣсколько времени, больной открылъ мнѣ дѣйствительно одинъ изъ тяжкихъ грѣховъ, содѣянныхъ имъ въ его юности. Затѣмъ утѣшивши его, сколько могъ, и призвавъ его домашнихъ, я безпрепятственно пріобщилъ его Св. Тайнъ, и онъ вскорѣ съ миромъ отошелъ ко Господу.

Не ясное ли это указаніе на неизреченное милосердіе къ намъ грѣшнымъ Господа нашего Іисуса Христа, иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися, не хотяй смерти грѣшника не раскаявшагося?— Аминь. (Странн. 1879 г.).

Изъ дневника православнаго христіанина.

Чудодѣйственная сила таинства Причащенія.

«Ощутительный плодъ вкушенія трапезы Господней является вѣрующимъ то неизреченною радостію въ сердцѣ, то сладкою тишиною въ душѣ, то свѣтлостію въ умѣ, то глубокимъ миромъ въ совѣсти, то утишеніемъ обуревавшихъ искушеній, то прекращеніемъ страданій душевныхъ и тѣлесныхъ, а иногда и совершеннымъ исцѣленіемъ»... (Филаретъ, митроп. Московскій).

Въ одинъ вечеръ (это было въ воскресенье, 28 января) я пришелъ въ одинъ знакомый мнѣ домъ. Вижу, — хозяинъ дома сидитъ одинъ; лицо его было печально и угрюмо. Я спросилъ: «что вы такъ невеселы?».

— Да! меня Господь посѣтилъ величайшимъ несчастіемъ,—моя жена находится при смерти; за нѣсколько минутъ до вашего прихода она исповѣдалась и причастилась, и вотъ теперь она спитъ, но кажется, что этотъ сонъ будетъ сномъ вѣчнымъ — и съ этими словами, опечаленный мужъ сдѣлался еще печальнѣе.

Не желая болѣе безпокоить удрученнаго скорбію, я поспѣшилъ удалиться; при прощаніи онъ мнѣ сказалъ: «придите ко мнѣ когда-нибудь,—вотъ я скоро останусь одинъ»... Я обѣщался,—дѣйтвительно во вторникъ вечеромъ мнѣ нужно было отправиться въ этотъ же знакомый домъ. Прихожу, — хозяйка ходитъ совершенно здоровою; мужъ ея сидитъ съ веселымъ видомъ; они приняли меня очень ласково. У недавно страдавшей я спросилъ о здоровьи: «теперь, слава Богу, я совершенно здорова», сказала она. «Ахъ, какое чудо совершилъ надо мною милосердый Господь!»... Любознательность овладѣла мною, я просилъ разсказать обо всемъ случившемся, и хозяйка дома сообщила мнѣ слѣдующее:

«Вотъ уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ я страдаю удушьемъ и перемежающеюся лихорадкою: но такого страшнаго мученья я никогда не испытывала, какъ въ субботу на прошедшей недѣлѣ, во время ночи. Мужа моего не было дома, я легла спасть совершенно здоровою и вижу во снѣ: будто я иду по какой-то дорогѣ, съ правой стороны которой былъ необыкновенный свѣтъ, а съ лѣвой—страшная темнота; я все рвалась къ свѣтлой сторонѣ, но какая-то сила влекла меня въ противоположную сторону... Вдругъ послѣдовалъ страшный ударъ въ голову и я очнулась. Въ головѣ у меня сдѣлалась нестерпимая боль и сильнѣйшій жаръ; колотье распространилось по всему тѣлу; открылась страшная рвота и сильное воспаленіе въ груди и я совершен-

но была безъ памяти.—На разсвѣтѣ я очнулась, а болѣзнь моя еще стала труднѣе.—Пріѣзжаетъ мужъ, я съ великимъ трудомъ могла выговорить: «умираю». Тотчасъ послали за священникомъ. Не знаю, почему у меня вдругъ родилось сильное нетерпѣливое желаніе, чтобы поскорѣе пришелъ священникъ; мнѣ пришли на умъ слова: «болитъ ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры церковные»... Каждая минута казалась для меня мучительнѣе смерти, пока не приходилъ священникъ. Наконецъ приходитъ священникъ: моя болѣзнь въ высшей степени стала нестерпима,—захватило у меня дыханіе и я едва не умерла. — Священникъ положилъ на столъ какой-то ящикъ, надѣлъ на себя епитрахиль (какъ я послѣ узнала) и поручи на руку. Когда стали всѣ выходить изъ комнаты по приказанію священника, мужъ мнѣ сказалъ тихо: «прими съ вѣрою»!... Эти слова точно стрѣлою пронзили мое сердце.—Потомъ священникъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: знаешь ли ты, что здѣсь, указавъ на ящикъ? Я сказала: нѣтъ! Здѣсь, говоритъ онъ, Св. Дары—Пречистое Тѣло Христово и Его Кровь: вѣруешь ли ты сему?—Нѣтъ, сказала я. Священникъ изумился и потомъ, постоявъ минуты двѣ, опять спросилъ: почему же ты не вѣришь сему?—Я молоканка, и хоть я крещенная, но я носила только имя христіанки, а на самомъ дѣлѣ я была строгая послѣдовательница своего ученія... Изумленіе еще болѣе овладѣло священникомъ, тутъ онъ началъ говорить мнѣ о Спасителѣ, о томъ, за кого Онъ страдалъ; за кого Онъ былъ распятъ на крестѣ и, послѣ продолжительныхъ увѣщаній, онъ сказалъ: «вѣрь и ты будешь спасена»!... Вдругъ какая-то дрожь пробѣжала по всему тѣлу, я съ твердостію духа сказала: вѣрю, батюшка, и вѣрю несомнѣнно, что эти частицы хлѣба суть истинное Тѣло Христово! И какъ только приняла эти частицы, съ меня свалилась какъ бы какая тяжесть,—мнѣ стало легче.... По уходѣ священника, я, чрезъ нѣсколько минутъ, уснула крѣпко.... Во снѣ я все ходила по какому-то новому, красивому саду; предо мною мелькали все какіе-то цвѣты, но еще нераспустившіеся: мнѣ было невыразимо пріятно... Поутру я встала здоровою и не только не чувствовала ни малѣйшаго признака болѣзни, — но даже у меня цвѣтъ лица перемѣнился: вмѣсто прежней блѣдности открылась свѣжесть и вотъ теперь мнѣ такъ легко, такъ весело и пріятно, что я не могу вполнѣ выразить вамъ всего этого... О, какъ велико и спасительно Причащеніе!... я никогда въ жизни ни въ чемъ не повѣрю своимъ лжемудрователямъ, — я сама испытала, что православная вѣра есть истинная вѣра; теперь я неумолчно буду говорить про чудо, совершившееся надо мною, и старымъ и малымъ, а особенно прежнимъ своимъ лживымъ учителямъ. Вотъ придетъ воскресенье и я въ первый разъ пойду въ церковь и, послѣ обѣдни, отслужу благодарственный молебенъ».

При сихъ словахъ слезы умиленія показались на глазахъ изцѣленной грѣшницы. (Кормчій 1890 г.).

Къ утѣшенію вѣрующихъ почитаемъ благопотребнымъ сообщить, что недавно и въ Одессѣ Господь явилъ свою чудодѣйственную благодатную помощь чрезъ святѣйшее таинство Св. Причащенія. У доктора Л. М. Ш. опасно заболѣла дифтеритомъ дочь въ отроческомъ возрастѣ. Товарищи и сотрудники доктора отдѣлили больную отъ всей семьи и принимали всѣ врачебныя мѣры къ спасенію болящей. Болѣзнь оказалась очень злокачественною и медики находили, что положеніе больной безнадежно. Пригласили священнослужителя, пишущаго эти строки. Болящая причащена Св. Таинъ, и быстро пошло выздоровленіе ея къ удивленію знавшихъ ходъ болѣзни и положеніе ея предъ Св. Причащеніемъ. Видно, сильна была вѣра родителей, искренно вѣровала и болящая. Для маловѣрныхъ здѣсь дорого то, что самъ отецъ болящей, докторъ медицины призналъ въ этомъ исцѣленіи дѣйствіе всемогущей силы Божіей, побѣждающей законы естества. (Херсон. Еп. Вѣд. 1891 г. № 9).

Изъ дневника православнаго христіанина.

Гибельное слѣдствіе небреженія о таинствахъ покаянія и причащенія.

Не разъ приходилось мнѣ слышать разсказы, обливающіе сердце кровію, о тѣхъ, кои чуждаются трапезы небесной, манны Божіей, тѣла Христова, не піютъ крови Спасителя своего, за что получаютъ должное возмездіе отъ правосуднѣйшаго Бога. Не разъ и самому приходилось быть свидѣтелемъ Божія наказанія за удаленіе отъ Христа въ таинствѣ евхаристіи. Изъ множества случаевъ считаю не лишнимъ представить на видъ одинъ, совершившійся въ моихъ глазахъ.

На первомъ году священническаго моего служенія въ селѣ Кириловѣ, для ознакомленія съ моими прихожанами пошелъ я въ ввѣренный моему попеченію приходъ. Это было въ св. и великую Четыредесятницу 1867 года. На дворѣ стояла оттепель. Весеннее солнце радостно смотрѣло на Божій міръ. Снѣгъ и холодъ не могли вынести теплаго солнечнаго взора, — и ручьи мутной воды шумно побѣжали по склону дороги. Какъ-то пріятно и тепло на душѣ отъ радушнаго, теплаго, свѣтлаго дня, предвѣстника весны. Съ свѣтлыми думами приблизился я къ первому дому, въ которомъ намѣренъ былъ начать знакомство съ прихожанами. Вдругъ пронзительный крикъ, шумъ и безсвязныя слова долетѣли до меня. Сердце что-то дрогнуло. На минуту мелькнула мысль: «идти или воротиться»? Но за чѣмъ воротиться? Быть можетъ, нужна помощь сторонняго человѣка. Съ послѣднею мыслею переступилъ я порогъ сказаннаго дома. Навстрѣчу мнѣ спѣшитъ старуха, страшно взволнованная. — «Куда ты»? спро-

силъ я.—«За людьми, батюшка, вѣдь сынъ мой вздумалъ удавиться; подика, родной, уговори его, а я межъ тѣмъ народъ соберу». Съ послѣдними словами старушка скрылась изъ глазъ моихъ. Я вошелъ во дворъ. Поразительное открылось глазамъ моимъ. Въ сараѣ, близъ раскрытой ямы погреба въ одной рубашкѣ, съ растрепанными волосами, съ страшно-сверкавшими глазами стоялъ крестьянинъ, лѣтъ 40. Въ рукахъ держалъ онъ конецъ петли, которую думалъ на себя накинуть; другой конецъ петли былъ въ рукахъ жены и двухъ сыновей, изъ которыхъ старшему было около 16 лѣтъ, а другому близъ 14-ти лѣтъ. Иванъ, такъ звали крестьянина, пытался вырвать петлю изъ рукъ жены и дѣтей.

— «Побойся Бога, Иванъ», сказалъ я, подходя къ описанной группѣ крестьянъ, «недоброе ты дѣло затѣялъ. Осмотрись, вотъ жена и дѣти, а ты хочешь убить себя и ихъ. Знаешь ли ты, что дѣлаешь? Ты на безконечность губишь душу твою,—строгій отвѣтъ дашь ты всевышнему Судіи за насильственное отнятіе жизни, непринадлежащей тебѣ».—«Не знаю, да и знать не хочу», неестественно кричалъ Иванъ и, въ мгновеніи ока, бросился въ открытую яму погреба, полную воды, и растянулся въ длину роста своего на самомъ днѣ, думая захлебнуться мутною холодною водою...

Къ счастію, на зовъ старушки, матери Ивана, прибѣжали сосѣди, крестьяне. Бросились они въ погребъ и вынули несчастнаго безумца. Я приказалъ отвести Ивана въ избу и перемѣнить бѣлье, затѣмъ и самъ пошелъ туда же. Иванъ молча сидѣлъ на прилавкѣ у печи. Видъ его былъ сурово-безучастный, глаза безумно блуждали по хатѣ, руки опустились на колѣни. Вокругъ него вились малютки дѣти 5-ти и 4-хъ лѣтъ. Въ отдаленіи стояла жена, держала на рукахъ младенца; тутъ же были и два другіе сына, о коихъ упоминалъ я прежде; близъ дверей находились сосѣди.—«Что съ тобою сталось, Иванъ»?—заговорилъ я; «живешь ты не хуже другихъ, нужда-злодѣйка не заглядывала въ твой домъ, ребятишками Богъ надѣлилъ тебя, жить бы тебѣ, да радоваться, а ты вотъ задумалъ самовольно расквитаться съ жизнію, съ бѣлымъ свѣтомъ, задумалъ наложить на себя руки».—«Я и не думалъ налагать на себя рукъ», прервалъ меня Иванъ.—«А веревка-то за чѣмъ у тебя была»?—«Веревка? Я хотѣлъ ребяткамъ качели сдѣлать».—«Вретъ онъ, батюшка, вретъ», вскричала жена Ивана, «я тебѣ скажу, какъ дѣло было. Вишь, убирали мы съ нимъ дрова, Иванъ все что-то говорилъ: прости меня, Маѳа, я обиждалъ тебя больно, прости; да не забудь взять съ N долгъ.—А самъ то, молъ, что? говорила я ему.—Да самъ-то я ѣду въ Спасскъ.—Такъ послѣ возьмешь, вѣдь мое дѣло бабье, гдѣ мнѣ взять, да я N и денегъ не давала, онъ можетъ отказаться отъ долга. — Ничего, отдастъ, — ты скажешь, что, молъ, Иванъ тогда-то и столько денегъ давалъ тебѣ, возврати, а то грѣхъ тебѣ будетъ... Я слушала его рѣчи и не понимала, а сердечушко-то такъ вотъ и щемило, такъ щемило, что и сказать трудно. Что-то не ладно, гадала я, а Иванъ-то все наровилъ уйдти отъ меня, и вотъ вздумалъ послать меня посмотрѣть въ избѣ дѣтишекъ. Побѣжала я въ хату, а у самой такъ и трясутся колѣни да руки. Что же ты

думаешь, батюшка, не утерпѣла, видитъ Богъ, не утерпѣла, взглянула въ избу, да опрометью къ хозяину, а онъ уже и петлю накидываетъ на себя. Рванулась я къ нему, схватила за петлю, да и закричала... Матушка и дѣти (два сына) прибѣжали съ огорода на крикъ мой, а тутъ и ты, батюшко; а остальное при тебѣ было», докончила разсказъ свой Мароа.

— «Видишь, что говоритъ жена-то твоя, Иванъ», обратился я къ крестьянину, «а ты еще оправдываешься,—говоришь, качели ребятишкамъ хотѣлъ дѣлать».—«Вретъ она, безумная, вретъ», глубоко твердилъ Иванъ.—«А въ погребъ за чѣмъ кидался?»—«Въ погребъ? Я хотѣлъ дрова подложить подъ бочку, чтобы отъ напора воды она не упала и не вылила брагу, какую я варилъ къ празднику».—«За чѣмъ хвастать, Иванъ, за чѣмъ скрывать тебѣ отъ меня душу твою. Я твой духовный отецъ: не бойся меня. За тѣмъ Господь и поставилъ насъ священниковъ, чтобы мы были вхожи къ вамъ, чтобы утѣшали, наставляли васъ и заботились о душахъ вашихъ. За чѣмъ же вамъ избѣгать насъ, за чѣмъ скрываться отъ насъ, за чѣмъ таить отъ насъ думы, когда мы только блага, только счастія молимъ вамъ, когда мы заботимся о душахъ вашихъ, о томъ, какъ жить, чтобы спастись».—«Коли такъ, прикажи-жь, батюшка, выдти всѣмъ изъ хаты: я одинъ желаю поговорить съ тобою».

По желанію Ивана всѣ вышли вонъ. Въ хатѣ остался я съ Иваномъ, да двое малолѣтокъ, которые ничего еще не понимали. «Что-жъ скажешь, Иванъ? Ты хотѣлъ быть откровененъ со мною». Иванъ молча блуждалъ глазами по хатѣ.—«Что жъ молчишь ты, признайся, что побудило тебя на самоубійство»?—«Тоска, батюшка, страшная, мучительная тоска овладѣла моимъ бѣднымъ сердцемъ, и я нигдѣ не находилъ покоя, а тутъ еще какой-то таинственный голосъ шепталъ мнѣ; порѣши съ собою, и ты будешь покоенъ; въ землѣ ничто не потревожитъ тебя, тамъ вѣчный покой. Не могъ я заглушить въ себѣ этотъ шепотъ, и хотѣлъ разомъ порѣшить съ собою». — «Ты говоришь: нигдѣ не находилъ спокойствія», сказалъ я, «а храмъ-то Божій на что, а церковь-то святая? Поспѣшилъ бы ты сюда и благодать Божія успокоила бы растерзанное твое сердце, подала бы тебѣ миръ и безмятежіе». — «Нѣтъ, батюшка, не найти мнѣ себѣ и въ храмѣ спокойствія».—«Отъ чего такъ? Ты вѣдь не раскольникъ, а христіанинъ православный. Взгляни, сколько благъ уготовано вѣрующимъ христіанамъ въ Церкви святой: въ нее Апостолы съ избыткомъ положили все, что только требуется вѣрующему христіаниину, такъ что каждый жаждущій можетъ принять отъ нея питіе жизни, — въ ней благодать, въ ней спокойствіе и утѣшеніе».—«Не для меня все это, а для другихъ». — «Какъ не для тебя? Господь приходилъ въ міръ за тѣмъ, чтобы всѣхъ людей спасти отъ грѣха, проклятія и смерти: насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ, и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, и вочеловѣчшася, читаетъ каждый день христіанинъ въ символѣ вѣры,—за насъ, за всѣхъ — и за меня, и за тебя Спаситель нашъ пролилъ кровь Свою на древѣ крестномъ» —«Такъ, батюшка, да самъ-то я

далеко ушелъ отъ Господа». — «Какъ такъ»? спросилъ я его. — «Да вотъ какъ: забылся я въ моихъ хлопотахъ житейскихъ, забылся до того, что вотъ ужъ девятый годъ, какъ не былъ я въ церкви святой, не исповѣдался и не причащался св. Таинъ. Страшно мнѣ теперь и показаться въ церковь, страшно приблизиться къ алтарю Господню; заполонилъ меня врагъ души моей и твердитъ одно, что нѣтъ мнѣ спасенія, что одинъ мнѣ конецъ, смерть, да могила». — «Да, давненько не былъ ты въ Божіемъ храмѣ», говорилъ я Ивану, «и не хорошо дѣлаешь, что за хлопотами житейскими забылъ церковь святую, забылъ Христа Бога своего: но все таки не падай духомъ, не отчаивайся. Господь безконечно милосердъ. Много ты оскорбилъ Его: сознай это, возрыдай, восплачь предъ Нимъ слезами истиннаго раскаянія, — и слезы покаянія облегчатъ душу твою и очистятъ ее отъ тяжести грѣховъ. Ты такъ долго не причащался: приблизься, послѣ покаянія, къ трапезѣ Господней; причастись тѣла и крови Христа Спасителя твоего, и, таинственно соединившись съ Нимъ, ты получишь веліе утѣшеніе и радость неземную».

— «Нѣтъ, не могу», отчаянно воскликнулъ Иванъ, «я вижу темнаго человѣка, вотъ онъ манитъ меня, онъ говоритъ мнѣ: за одинъ разъ порѣшить съ собою, — говоритъ, что этимъ прекратятся всѣ мои мученія, что умру и вѣчно стану лежать въ холодной землѣ, не чувствуя ни скорби, ни мученія». — «Не поддавайся, сынъ мой», утѣшалъ я Ивана, «это голосъ исконнаго твоего врага, это онъ манитъ тебя и обольщаетъ ложными мечтами. Знай, что со смертію твоею, если ты не раскаешься и не отдашься въ волю Божію, для тебя наступятъ еще большія, ужаснѣйшія мученія, невыносимѣйшая тоска, скрежетъ зубовь, огнь геенскій, червь и тма кромѣшная; все это наказанія для самоубійцы. Видишь ли ты картину страшнаго суда Божія; видѣлъ ли тамъ, въ самомъ жерлѣ ада, на рукахъ веельзевула, Іуду, предателя Спасителя, — лишившаго себя жизни чрезъ самоубійство? Это удѣлъ всѣхъ самоубійцъ. Туда и тебя хочетъ увлечь сатана; не вѣрь его льстивымъ рѣчамъ и не поддавайся обману. Повѣрь Господу, Который чрезъ покаяніе и сокрушеніе сердца зоветъ тебя къ Себѣ и обѣщаетъ тебѣ отпущеніе грѣховъ твоихъ. Смотри, вотъ Петръ Апостолъ, отрекшійся отъ Христа, покаялся, горько возрыдалъ о грѣхѣ своемъ и былъ прощенъ. Вотъ разбойникъ, сознавшій виновность свою, воздохнулъ изъ глубины души предъ Спасителемъ, воскликнулъ къ Нему: помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ, и услышалъ радостный голосъ страдавшаго вмѣстѣ съ нимъ Спасителя: *днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. 23, 42. 43). Вотъ Павелъ, гонитель, а теперь Апостолъ и другъ Христовъ. Много, много спаслось людей чрезъ покаяніе. Весь міръ во злѣ лежитъ, всѣ рождаются со грѣхомъ и всѣ живутъ во грѣхахъ: но, омывшись въ таинствѣ покаянія, дѣлаются ближними Господу. Затѣмъ, причастившись тѣла и крови Христовыхъ, навсегда соединяются съ Спасителемъ своимъ, если новыми грѣхами не удалятъ Его снова отъ себя. Ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ (Іоан. 6, 56), говоритъ Самъ Спаситель о вѣрующемъ христіанинѣ».

— «Слова твои, батюшка, радуютъ меня: но какой-то страхъ все еще сжимаетъ мое сердце; боюсь, батюшка, боюсь, родной мой, приступить къ Спасителю моему, Котораго недостойно оскорбилъ я моею холодностію и невниманіемъ».

— «Не бойся, сынъ мой; Господь, общій нашъ Отецъ, такъ любитъ насъ грѣшныхъ, что скорѣе мать забудетъ отроча свое, чѣмъ Онъ забудетъ рыдающаго грѣшника». — «Что же, и меня проститъ Господь»? спросилъ Иванъ и устремилъ на меня взоръ свой, полный вѣры и любви къ Богу. — «Проститъ, другъ мой, проститъ, только, повторяю тебѣ, сознай всю силу грѣха твоего, познай всю вину твою и восплачь всею душею предъ Господомъ, Спасителемъ твоимъ. Святая Четыредесятница, слава Богу, еще не кончилась: иди, съ нынѣшняго же дня, въ церковь святую, постись и молись тамъ; такимъ образомъ достойно приготовишь себя, съ искренностію открой на духу (на исповѣди) грѣхи свои, и съ вѣрою, смиреніемъ и покорностію приступай къ трапезѣ Господней, гдѣ получишь благодатное утѣшеніе, и снова спокойно заживешь въ семьѣ твоей».

Слезы покатились на рѣсницахъ крестьянина; онъ крестился и тихо твердилъ: «Господи, помилуй, Господи, прости меня, грѣшника». Побесѣдовавъ еще немалое время съ Иваномъ, я оставилъ его совершенно успокоеннаго и, такъ какъ время приблизилось уже къ вечерни, отправился къ себѣ въ домъ, дивясь Божію Промыслу, чудно пекущемуся о насъ грѣшныхъ.

Иванъ сдержалъ свое слово; съ сего же вечера поспѣшилъ онъ въ храмъ Божій, поговѣлъ, исповѣдался и причастился тѣла и крови Христа Спасителя и Бога своего. «Послѣ этого святаго дѣла», говорилъ онъ мнѣ, «радость посѣтила меня, и я уже не чувствую прежней тоски. Слава Богу, что во время привелъ тебя Господь ко мнѣ въ то страшное для меня время, иначе бы я погибъ на вѣки». („Странникъ“. 1871 г.).

Священникъ *Василій Реморовъ.*

Изъ дневника православнаго христіанина.

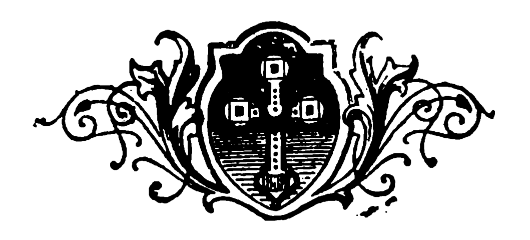
Вразумительный случай.

Въ „Орл. Епарх. Вѣд.“ 1902 г. описанъ слѣдующій вразумительный случай. Во время продолжительнаго бездождія и страшной засухи лѣтомъ, почти всѣ селенія Ухтымскаго прихода (Орл. губер.) просили и усердно принимали на свои поля св. иконы для исправленія молебствій, и весьма нерѣдко слезная молитва испрашивала желанный дождь, и притомъ тутъ только, гдѣ были общія моленія о немъ. По примѣру другихъ, и жители селенія Евтинскаго (Чумовскаго тоже) располагались также въ началѣ іюля просить и принять св. иконы, и для этого 8 числа іюля они достали и деньги, сдавши подъ сѣнокосъ участокъ пустопорожней, принадлежащей ихъ обществу земли. Но на послѣднемъ совѣтѣ въ этотъ день голоса удалой молодежи пересилили стариковъ. Большинствомъ порѣшено лучше выпить на эти деньги, потому—де, что силой не взять у Господа Бога дождя.—И выпили они, и, веселые подъ вліяніемъ вина, еще и пошутили, когда въ видѣ росы окропилъ ихъ небольшой дождикъ, въ томъ смыслѣ, что ладно, молъ, и сдѣлали, что выпили, потому что вотъ чего они желали, то и получаютъ безъ всякой молитвы. Но на другой же день, 9 числа, въ то же самое время, когда предложено было принять св. иконы, они жестоко поплатились за это ихъ кощунство. При совершенно ясномъ небѣ откуда ни взялось, замѣчательно, только надъ ихъ селеніемъ и полями, небольшое бѣлое шумное облако, изъ котораго страшнымъ вихремъ разразился градъ, выбившій въ селеніи всѣ окна и уничтожившій въ полѣ всю рожь. А что всего тутъ поразительнѣе, такъ это то, что градъ, ничего не оставившій въ озимовомъ полѣ, вдругъ, гонимый обратнымъ вѣтромъ, воротился тотчасъ къ нимъ же и совершенно уничтожилъ у нихъ и все яровое поле, не задѣвъ ни одного сосѣднаго поля. Такимъ образомъ, и безъ того бѣдные, при бывшихъ неурожаяхъ, жители селенія Евтинскаго остались буквально безъ всякаго зерна хлѣба, въ назиданіе, для всѣхъ поразительное и поучительное. Они и теперь съ крайнимъ сокрушеніемъ и сердечнымъ раскаяніемъ всѣмъ разсказываютъ о своей неумѣстной кощунственной шуткѣ.

Кара раскольника-хулителя св. угодниковъ Божіихъ.

Священникъ тобольской епархіи не очень давно передавалъ въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ о слѣдующемъ событіи. У крестьянина дер. Кунмовой, Прокуткинскаго прихода, Ишимскаго округа, производилась перестройка дома и надворныхъ строеній. Подрядчикомъ на эту работу нанятъ былъ уклонившійся въ расколъ Матвѣй Савеліевъ Фадѣевъ. Работа шла исправно, не было и ссоръ между подрядчикомъ и рабочими. Утромъ же 23 іюня, какъ въ день мѣстно-чтимаго праведнаго Артемія, веркольскаго чудотворца, православные рабочіе отказывались идти на работу. Нужно замѣтить, что обычай свято соблюдать и чтить этотъ день на подобіе воскресныхъ и другихъ праздничныхъ дней велся и ведется здѣсь издавна. Подрядчикъ Фадѣевъ, не обращая на заявленія рабочихъ никакого вниманія, принуждалъ ихъ къ работѣ и даже нашелъ поводъ поглумиться надъ ихъ религіознымъ чувствомъ. „Вотъ выдумали святого, запальчиво кричалъ Фадѣевъ, да этотъ Артемій-то вашъ тоже у Бога, что нашъ десятникъ волости.“ Непотребныя хулы и ругательства слѣдовали затѣмъ неудержимымъ потокомъ. Рабочіе возмущались, но не зная, какъ унять расходившагося ругателя, отправились на работу. Недолго, однако, торжествовалъ хулитель, его постигла ужасная смерть. Въ 12 часовъ того дня поднялась буря. Сильнымъ порывомъ вѣтра сорвало крышу съ ближайшаго поднавѣса, при чемъ одинъ изъ тяжелыхъ перекладовъ этой крыши угодилъ въ голову Фадѣева и размозжилъ ее. Смерть была моментальная. Рабочіе, тутъ же стоявшіе, остались невредимы. Крестясь и благодаря Бога за свое избавленіе отъ опасности, они оставили работу, подобравъ лишь несчастнаго умершаго (В. Д. 1902 г. № 36).

Самоиспытаніе и познаніе грѣховности.

Всякій войди въ себя самого и займись, прежде всего, разсмотрѣніемъ жизни своей и всего, что въ ней было неисправнаго. Конечно всякій говоритъ о себѣ, что онъ грѣшенъ, и не только говоритъ, а нерѣдко и чувствуетъ себя таковымъ; но эта грѣховность наша представляется намъ въ видѣ смутномъ и неопредѣленномъ. Этого мало. Истинное покаяніе и должная исповѣдь требуетъ опредѣленно разъяснить себѣ, что именно въ насъ нечисто и грѣшно и въ какой мѣрѣ, — узнать свои грѣхи ясно и раздѣльно, какъ бы численно.

Для этого вотъ что совѣтуютъ сдѣлать: Поставь, съ одной стороны, законъ Божій, а съ другой—собственную жизнь и смотри, въ чемъ они сходны и въ чемъ не сходны. Бери или свои дѣла и подводи ихъ подъ законъ Божій, чтобы видѣть, законны ли они; или бери законъ и смотри, исполняется ли онъ, какъ слѣдуетъ, въ жизни твоей. Напримѣръ: ты былъ оскорбленъ — и отмстилъ: такъ ли велитъ законъ христіанскій? Видишь погрѣшности другихъ и осуждаешь, такъ ли это по заповѣдямъ Господнимъ? Сдѣлаешь что доброе — и высишься, или трубишь предъ собою; позволительно ли такъ дѣлать христіанину? Или: законъ велитъ въ церковь ходить нелѣностно, и въ церкви стоять благоговѣйно—во вниманіи и молитвѣ; исполняется ли тобою это? Законъ велитъ не похотствовать, не гнѣваться, не завидовать, не присвоять чужаго и проч.; исполнено ли все это?

Чтобы ничего не упустить въ этомъ важномъ дѣлѣ самоиспытанія,—хорошо держаться въ немъ какого-либо порядка. Напримѣръ: вообрази себѣ, какъ можно яснѣе, всѣ обязанности свои—въ отношеніи къ Богу, ближнимъ и самому себѣ; и потомъ, какъ можно точнѣе и подробнѣе, просмотри свою жизнь — по всѣмъ этимъ отношеніямъ. Или: перебирай заповѣди десятословія одну за другою, со всѣми частными предписаніями, содержащимися въ нихъ,

и смотри, исполнилъ ли ты все требуемое ими? Читай также или припоминай нагорную бесѣду Спасителя, гдѣ Онъ изъясняетъ законъ, восполняя его духомъ христіанскимъ; или — посланія Апостольскія, гдѣ излагаются обязательныя для христіанъ дѣла и расположенія, напр. Римл. съ 12 главы, Ефес. съ 4, Іакова, Іоанна Богослова и проч. Смотрись во все это, какъ въ зеркало, и увидишь, гдѣ въ тебѣ есть какое пятно и какое безобразіе?

Въ слѣдствіе такого пересмотра жизни, откроется,—въ числѣ нашихъ дѣлъ, словъ, чувствованій, помышленій, желаній—множество или прямо противоположныхъ закону, или полузаконныхъ, т.-е., такихъ, въ коихъ нечисты намѣренія, хоть они внѣшно сообразны съ закономъ; или опущенныхъ, коимъ слѣдовало бы быть, но мы не хотѣли ихъ выполнить; соберется всего этого многое множество, и—можетъ быть—вся жизнь окажется составленною изъ однихъ дѣлъ недобрыхъ, какъ непрерывная цѣпь, или непрерывный рядъ издѣлій безобразныхъ и отвратительныхъ.

Внѣшнее въ покаяніи сдѣлано. Но на этомъ не должно останавливаться. Надобно идти далѣе по пути познанія своей грѣховности—входить глубже въ грѣховное сердце. Подъ дѣлами и словами, подъ частными мыслями, желаніями и чувствованіями лежатъ постоянныя расположенія сердца, служащія для нихъ источникомъ. Совокупность этихъ расположеній составляетъ *личность* человѣка и опредѣляетъ его характеръ. Ихъ-то потому особенно и надобно опредѣлить; труда здѣсь не очень много: добросовѣстность наша предъ собою не позволитъ намъ скрыть, чѣмъ облачается наше сердце и какіе обитаютъ въ немъ властители; а то и озязательно можно указать о томъ свидѣтеля, и именно: какія недобрыя дѣла часто нами повторяются и вырываются съ такою силою, что мы совладѣть съ собою не можемъ?.. Это значитъ, что они имѣютъ корень въ сердцѣ; тамъ, должно быть, скрывается постоянный ихъ производитель, т.-е. соотвѣтственная имъ склонность или страсть. Какая въ особенности страсть господствуетъ во мнѣ, препятствуя моему покаянію и удерживая въ оковахъ грѣха? Это можно узнать по слѣдующимъ признакамъ: все, съ чѣмъ труднѣе всего намъ разстаться,—чѣмъ наиболѣе привыкло утѣшаться наше сердце,— о чемъ наиболѣе всего мечтаемъ мы и наяву, и во снѣ, — что особенно стараемся мы скрыть не только отъ другихъ, но и отъ самихъ себя, — въ чемъ тяжелѣе всего признаться предъ отцемъ духовнымъ,—чего особенно не хочется объявить на исповѣди,—

все это очевидно господствуетъ надъ нами и держитъ насъ въ плѣну; во всемъ этомъ скрывается внутренній змій, который отравляетъ насъ своимъ ядомъ. Противъ сего-то именно недуга душевнаго и должно направить всѣ усилія и всю духовную бдительность. Кто не побѣдитъ своей господствующей страсти, тотъ никогда не исправится и не выйдетъ на свободу отъ грѣховъ. При всякомъ порывѣ вознестись горѣ, господствующая страсть влечетъ и повергаетъ долу. Итакъ, какая же во мнѣ господствующая страсть? Извѣстно, что корень всему злу есть *самолюбіе*. Изъ самолюбія выходитъ: *гордость, корысть* и *страсть къ наслажденіямъ*,— а отъ нихъ уже и всѣ прочія страсти. Онѣ всѣ есть у всякаго, кто грѣшитъ, но не у всѣхъ въ одинаковой степени. У одного гордость преобладаетъ, у другаго—корысть, у третьяго—страсть къ наслажденіямъ. И гордый не чуждъ корыстныхъ видовъ и наслажденій, но легко приноситъ ихъ въ жертву, когда они могутъ унизить его. И своекорыстный готовъ потѣшиться, если это ему ничего не стоитъ, и проч. Такъ у всякаго одна какая-либо страсть господствуетъ, а другія стоятъ какъ бы въ тѣни. Эту-то господствующую страсть и надобно увидѣть и опредѣлить, чтобы потомъ на нее рѣшительнѣе и дѣйствовать можно было. Одинъ св. отецъ говоритъ: „Господь требуетъ отъ тебя возстановленія цѣломудрія, а ты милостыню раздаешь, да богадѣльни и часовни строишь,— исправь прежде первое, и второе пріятно будетъ.“ Легко узнавать и частные пороки, которыми кто страждетъ. Если, напримѣръ, кто, указывая на другаго, въ одномъ случаѣ скажетъ: „Смотри, что онъ дѣлаетъ!“—въ другомъ съ досадою повторитъ, „какая несообразность“—а то мину покажетъ насмѣшливую и вообще охотнѣе и больше говоритъ о поступкахъ другихъ и съ невыгодной стороны,—тому нетрудно догадаться, что онъ страдаетъ богопротивнымъ порокомъ осужденія и т. п.

И еще далѣе надо идти въ познаніи себя. Послѣ всего надобно опредѣлить общій духъ жизни нашей или одну отличительную ея черту. Кому мы служимъ: Господу или себѣ и грѣху? Что имѣемъ въ виду—себя или Господа—славу Его, угожденіе Ему? За кого всегда стоимъ—за имя Божіе или за себя? Но сказать это можетъ только совѣсть наша, въ тайнѣ предъ лицемъ Господа. Ее и вопросите. Дѣла же и добрыя не суть доказательство, что мы служимъ Господу, ибо можно и ихъ дѣлать себя ради. Эта черта опредѣляетъ, что мы такое и чего потому ожидать должны. Познаніемъ же этой черты *возглавляется*, или завершается *само-*

познаніе. Такъ, наконецъ, вообразится вся картина нашей грѣховности и вся исторія нашей грѣховной жизни: дѣла, чувства, расположенія и главный духъ жизни. (Изъ сочин. Еписк. Θеофана).

Начнемъ теперь *судъ совѣсти*, т.-е. будемъ давать ей вопросы, а она пусть отвѣчаетъ намъ добросовѣстно.

1. Считаю ли я священнымъ долгомъ своимъ—пріобрѣтать вѣрное и отчетливое познаніе о Богѣ и о прочихъ истинахъ и предметахъ святой вѣры?

Люблю ли Бога всѣмъ сердцемъ и всей душой,—болѣе всего?

Любовь и благоговѣніе мое къ Богу не нарушалъ ли я часто помыслами невѣрія или маловѣрія, холодностью, или разсѣянностью при Богослуженіи, во храмѣ, — или дома, стоя на молитвѣ, — опущеніемъ ежедневныхъ молитвъ, утромъ или вечеромъ, и даже совершеннымъ небреженіемъ о нихъ?

Не прогнѣвлялъ ли я Бога невниманіемъ къ урокамъ, подаваемымъ намъ жизнію, путями Промысла Божія?

Не огорчалъ ли я Господа малодушнымъ ропотомъ на неправедныя якобы судьбы Его Промысла, — или неблагодарностію за благодѣянія, или глумленіемъ надъ предметами святой вѣры, надъ святыми угодниками Божіими, священными обрядами и постановленіими церковными?

2. По отношенію къ ближнимъ.

Люблю ли я ближнихъ моихъ, по заповѣди Христовой, какъ самого себя?

Уважаю ли въ нихъ достоинство людей, во всемъ подобныхъ мнѣ, имѣющихъ однѣ со мною нравственныя силы и права на одно и то же царствіе въ загробной жизни?

Цѣню ли въ нихъ высокое титло христіанъ, запечатлѣнныхъ даромъ Духа Святаго, искупленныхъ кровію Христовой, назначенныхъ къ наслѣдію вѣчнаго блаженства?

Не смотрѣлъ ли на ближнихъ, какъ на орудіе къ удовлетворенію нечистыхъ страстей, какъ на средство къ достиженію постыдныхъ цѣлей?

Не оскорблялъ ли ихъ—неосновательнымъ подозрѣніемъ или недовѣріемъ, презрѣніемъ, клеветою, ненавистію, осужденіемъ, злопамятствомъ, льстительностію, злорадованіемъ при ихъ скорбяхъ и печаляхъ?

Не присвоялъ ли чужой собственности хищничествомъ или обманомъ, лихоимствомъ или другимъ образомъ?

Не нанесъ ли вреда имуществу, чести, доброму имени и даже здоровью ближнихъ?

3. По отношенію къ самому себѣ.

Дорожу ли я своимъ достоинствомъ человѣческимъ и христіанскимъ?

Храню ли чистоту своей души и тѣла?

Удерживаюсь ли отъ всего, что противно трезвости и цѣломудрію?

Избѣгаю ли грѣховъ невоздержанія, неумѣренности въ пищѣ и питіи, такъ воспламеняющихъ нечистыя страсти въ душѣ и безпорядочныя движенія въ тѣлѣ?

Вѣренъ ли я обѣтамъ, даннымъ Богу?

Не изрекалъ ли языкомъ своимъ ложныхъ, скверныхъ и соблазнительныхъ словъ?

Не употреблялъ ли очей своихъ, рукъ, ногъ и всего тѣла на вредъ себѣ и на пагубу другимъ?

Достойно ли велъ себя въ званіи, въ коемъ поставленъ я Промысломъ?

Богатство, честь и другіе дары и преимущества свои употреблялъ ли съ пользою и достойно славы Божіей?

(Читай катихизисъ—о заповѣдяхъ и блаженствахъ).

4. Приникни въ умъ свой, чтобы видѣть:

Какой въ немъ образъ мыслей, какими водится онъ убѣжденіями?

Свѣтитъ ли въ немъ свѣтъ вѣры, озаряя всѣ пути жизни, или же онъ мудрствуетъ по стихіямъ міра, а не по Христѣ,—по духу вѣка, а не по духу Евангелія Христова?

Такъ ли онъ судитъ о всемъ, какъ учитъ Слово Божіе, или какъ требуетъ самолюбіе наше и другія страсти?

Не прелагаетъ ли онъ истину Божію во лжу,—не представляетъ ли доброе лукавымъ и лукавое добрымъ, — свѣтъ тьмою, а тьму свѣтомъ?

5. Приникни въ сердце свое, чтобы видѣть:

Чѣмъ живетъ оно, что любитъ и ненавидитъ, чего желаетъ и отвращается, къ чему стремится и отъ чего удаляется, что наиболѣе радуетъ и огорчаетъ насъ?

Гдѣ главная цѣль, къ которой мы стремимся всѣми желаніями и мыслями,—на небѣ или на землѣ?

Какими правилами преимущественно руководствуемся въ своихъ дѣйствіяхъ,—взятыми изъ Евангелія или изъ обычаевъ міра и внушеній гордости житейской?

Какими побужденіями—наиболѣе—одушевляемся въ нашихъ желаніяхъ, предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ, — желаніемъ ли угожденія Богу, спасенія души своей и наслѣдія жизни вѣчной, или—похотію плоти похотію очесъ и гордостію житейской?

Что наиболѣе радуетъ или печалитъ насъ, — преуспѣяніе ли въ добродѣтели или — удачи въ земныхъ предпріятіяхъ, побѣда надъ какой-либо страстію или исполненіе нашихъ прихотей, достиженіе честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ цѣлей?

6. Проникни въ свою совѣсть, чтобы видѣть:

Такъ ли вѣрно различаетъ она доброе отъ лукаваго, какъ различаетъ Слово Божіе?

Такъ ли зорко и неусыпно слѣдитъ она за нашими дѣйствіями, какъ видитъ ихъ чистое око Божіе?

Такъ ли строго и неумолимо осуждаетъ она всякое преступное движеніе души нашей, какъ осуждаетъ Слово Божіе?

7. Спросимъ еще себя:

Какъ располагается моя внѣшняя жизнь,—по уставамъ ли св. Церкви или по требованіямъ и обычаямъ свѣта, противнымъ обычаямъ христіанскимъ;—по правиламъ ли благоразумія христіанскаго или по прихотямъ развращеннаго сердца?

8. Испытаемъ, наконецъ, со всѣмъ вниманіемъ:

Въ какомъ состояніи мы находимся въ отношеніи къ своему спасенію, т.-е. положено ли въ насъ начало спасенія посредствомъ истиннаго, всесовершеннаго и нераскаяннаго (*неизмѣннаго*) покаянія, хотя бы и встрѣчались въ нашей жизни преткновенія и даже паденія?

Живемъ ли мы благодатною жизнію христіанской или находимся въ состояніи грѣха, нечувствія, нераскаянности и мертвости духовной, хотя и исповѣдуемся часто?

Желаемъ ли мы искренно спасенія души своей, т.-е. сознаемъ ли тяжесть грѣха, которымъ оскорбляется величіе Божіе, прогнѣвляется любовь и милосердіе Отца небеснаго, попирается св. Кровь Сына Божія, безчестится благодать Всесвятаго Духа?

Чувствуемъ ли всю опасность грѣховной жизни, которая лишаетъ насъ славы чадъ Божіихъ, изгоняетъ изъ свѣтлаго царствія Божія, дѣлаетъ душу нашу предметомъ отвращенія Ангеловъ, игралищемъ злыхъ и нечистыхъ духовъ, и изъ существа богоподобнаго обращаетъ насъ въ скотовъ несмысленныхъ?

Трепещетъ ли сердце наше при одной мысли объ утратѣ жизни вѣчной, о лишеніи царства Божія на всю вѣчность?

Содрогается ли все существо наше при помышленіи о нескончаемой вѣчности мученій, ожидающихъ грѣшника по смерти?

Возьми жизнь Святыхъ и грѣшныхъ въ словѣ Божіемъ и сравни съ ними свою—отъ начала до конца,—изо дня въ день, изъ часа въ часъ. Святымъ много лѣтъ жизни требовалось, чтобы достигнуть полнаго самопознанія.

Если мы почитаемъ себя окаянными грѣшниками, коимъ угрожаетъ погибель вѣчная, и оживлены вѣрою въ Сына Божія, въ Его крестную жертву за насъ,—прилѣпляемся сердечною любовію къ Нему, Единому могущему спасти насъ, и стараемся сколько возможно болѣе сообразовать себя съ Его ученіемъ, освящать себя Его благодатію, подражать Его святой жизни, если, при всѣхъ случайныхъ уклоненіяхъ и невольныхъ преткновеніяхъ, главною цѣлію нашихъ дѣйствій, постояннымъ правиломъ поведенія, главнымъ побужденіемъ къ трудамъ и источникомъ одушевленія есть мысль о Богѣ и вѣчномъ спасеніи: если постоянно одушевляемся ревностію быть совершенными, *яко Отецъ нашъ небесный совершенъ есть*, желаемъ быть благоугодными предъ Богомъ, страшимся оскорбить Его любовь и милосердіе и быть въ числѣ отверженныхъ: если послѣ каждой исповѣди—мы чувствуемъ себя лучше; если все порочное и нечистое не только теряетъ для насъ свою прелесть, но со дня на день становится омерзительнѣе, а все доброе и благое—со дня на день живѣе привлекаетъ къ себѣ наше сердце, занимаетъ умъ и воображеніе: то это признакъ, что мы—со дня на день—болѣе и болѣе умираемъ грѣху и оживаемъ для Бога и вѣчности и, слѣдовательно, находимся на пути спасенія.

Напротивъ, если началомъ нашихъ мыслей, чувствъ и дѣйствій служитъ самолюбіе или другая какая либо страсть,—если грѣховные навыки владѣютъ душею нашею, — если мы любимъ грѣхъ, услаждаемся имъ внутренно, ищемъ случая удовлетворенія своимъ похотямъ; то хотя бы жизнь наша украшалась какими либо внѣшними дѣлами благочестія, какъ мертвый трупъ украшаютъ цвѣтами, мы не въ числѣ спасающихся и мертвы предъ Богомъ, а слѣдовательно, находимся на пути погибели. (Изъ соч. Архіеп. Херсонскаго Димитрія).

Такія и подобныя размышленія приводятъ насъ къ познанію грѣховности, производятъ истинную печаль по Богѣ и содѣлываютъ покаяніе наше нераскаяннымъ (*неизмѣннымъ*), безъ чего по-

каяніе и исповѣдь наши безплодны, и послѣ покаянія мы опять остаемся во грѣхахъ своихъ.

Исповѣдь общая, церковная, словесная предъ священникомъ.

Исповѣдуюся Господу Богу Вседержителю, во Святой Троицѣ славимому и поклоняемому Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и преблагословенной Приснодѣвѣ, Богородицѣ Маріи, и всѣмъ Святымъ, и тебѣ, честный отче, во всѣхъ моихъ грѣхахъ.

Во грѣхахъ зачатый, во грѣхахъ рожденный, во грѣхахъ воспитанный, отъ самаго крещенія до сихъ поръ живущій во грѣхахъ, исповѣдую, что согрѣшилъ я противъ всѣхъ заповѣдей Божіихъ: *противъ первой заповѣди*—маловѣріемъ и невѣріемъ,—сомнѣніемъ и вольнымъ мнѣніемъ,—суевѣріемъ и самонадѣянностію, — нерадѣніемъ и отчаяніемъ въ своемъ спасеніи, надеждою на себя и на людей болѣе чѣмъ на Бога, и неразумною (излишнею) надеждою на милосердіе Божіе, — забвеніемъ о правосудіи Божіемъ и недостаткомъ преданности волѣ Божіей, непокорностію распоряженіямъ Промысла Божія и упорнымъ желаніемъ, чтобы все было по моему,—нетерпѣливостію и ропотомъ, когда что-нибудь дѣлается не по моему желанію,—человѣкоугодіемъ и пристрастною любовію къ твари, — нестараніемъ раскрыть въ себѣ полнаго познанія Бога и воли Его, вѣры въ Него, благоговѣнія къ Нему и страха Его,—надежды на Него, преданности волѣ Его и послушанія Ему, — любви къ Нему, стремленія всѣмъ существомъ къ Нему и ревности о славѣ Его; — *противъ второй заповѣди*—порабощеніемъ себя страстямъ: сладострастію, корыстолюбію, гордости, раболѣпствомъ духу времени и мірскимъ обычаямъ, противъ совѣсти, съ нарушеніемъ заповѣдей Божіихъ, лицемѣріемъ и ханжествомъ;—*противъ третьей заповѣди*—богохульствомъ и кощунствомъ, — ложною клятвою и нарушеніемъ клятвы, — нарушеніемъ обѣтовъ, легкомысленною божбою, неуваженіемъ къ благочестію и людямъ благочестивымъ, презрѣніемъ и насмѣшками надъ ними, — стыдливостію показаться набожнымъ и вообще — христіаниномъ въ кругу мірскихъ людей;—*противъ четвертой заповѣди*—непочитаніемъ праздниковъ и занятіями, неподобающими праздникамъ: работами, играми, разгуломъ, неблагоговѣйнымъ стояніемъ въ церкви и невниманіемъ къ чтенію и пѣнію, блужданіемъ помысловъ, разговорами и смѣхомъ въ церкви, лѣностію въ молитвѣ, въ чтеніи слова Божія и другихъ благочестивыхъ книгъ, оставленіемъ утреннихъ, вечернихъ и другихъ молитвъ, — утаиваніемъ грѣховъ на исповѣди и нестараніемъ о должномъ приготовленіи къ причащенію Св. Таинъ, неблагоговѣйнымъ, небрежнымъ совершеніемъ Богослуженія,—неуваженіемъ къ священнымъ вещамъ и небрежнымъ изображеніемъ на себѣ крестнаго знаменія, — несоблюденіемъ постовъ по уставу Церкви, — лѣностью къ труду и недобросовѣстнымъ исполненіемъ порученныхъ

работъ и дѣлъ по должности службы, — теряніемъ попусту многаго времени въ праздности, разсѣянности, забавахъ, пиршествахъ; — *противъ пятой заповѣди* — не должнымъ почитаніемъ родителей и холодностію къ родственникамъ, — непочитаніемъ начальниковъ и неуваженіемъ къ старшимъ, — неблагодарностію къ благодѣтелямъ, беззаботностію о воспитаніи въ благочестіи подчиненныхъ, потворствомъ или строптивымъ обращеніемъ съ ними, нерадѣніемъ о благосостояніи ихъ и жестокими поступками съ ними; — *противъ шестой заповѣди*—нравственнымъ или физическимъ убійствомъ себя или другаго,—притѣсненіемъ и лишеніемъ средствъ къ жизни ближнаго, неподаяніемъ помощи къ сохраненію жизни ближняго отъ преждевременной смерти,—оскорбленіемъ ближняго суетнымъ гнѣвомъ, строптивостію въ обращеніи, злословіемъ, ненавистію, причиненіемъ вреда ближнему, враждою, злопамятствомъ, соблазномъ на грѣхъ, бездѣятельностію, пресыщеніемъ себя, упорнымъ сопротивленіемъ истинѣ, ожесточеніемъ во грѣхахъ, совершенною нераскаянностію, непріученіемъ себя не только никого не оскорблять ни словомъ, ни дѣломъ, но и обходиться со всѣми кротко, вѣжливо, дружелюбно, назидательно,—съ гнѣвающимися примиряться, обиды терпѣливо переносить и прощать, — благотворить всѣмъ, — даже врагамъ; *противъ седьмой заповѣди*—плотскими грѣхами—блудомъ, прелюбодѣяніемъ, малакіею, сладострастіемъ во всѣхъ его видахъ — страстными поцѣлуями съ другимъ поломъ, нечистымъ осязаніемъ, засматриваніемъ на красивыя лица съ вождѣленіемъ, сквернословіемъ, любовными пѣснями, безстыдными тѣлодвиженіями, кокетничествомъ, волокитствомъ, сводничествомъ, услажденіемъ нечистыми мечтами, произвольнымъ похотнымъ разженіемъ, чрезмѣрною привязанностію; неумѣренностію въ плотскихъ удовольствіяхъ, невоздержаніемъ въ посты, воскресные и праздничные дни, кровосмѣшеніемъ въ духовномъ и плотскомъ родствѣ, пресыщеніемъ въ пищѣ и питьѣ, чтеніемъ романовъ, разсматриваніемъ соблазнительныхъ картинъ, вольнымъ обращеніемъ и играми съ другимъ поломъ, излишнимъ щегольствомъ, съ желаніемъ нравиться и прельщать другихъ;—*противъ осьмой заповѣди*—воровствомъ, присвоеніемъ чужой собственности, обманомъ, ложнымъ письменнымъ документомъ, обмѣриваніемъ, обвѣшиваніемъ, обсчитываніемъ, ложною монетою, продажею худаго товара, вмѣсто хорошаго, утаиваніемъ найденной вещи, скрываніемъ вора и покражи, неуплачиваніемъ долга подъ предлогомъ мнимой несостоятельности и другихъ ложныхъ причинъ, поджигательствомъ, попущеніемъ чужой вещи затеряться или попортиться, препятствіемъ выгодамъ другихъ, тунеядствомъ, лихоимствомъ, продаваніемъ по высокимъ цѣнамъ вещей, особенно пищи, во время общей крайней нужды, взиманіемъ подарковъ, святотатствомъ, святокупствомъ, несострадательностію къ несчастнымъ, немилосердіемъ къ бѣднымъ, неподаяніемъ милостыни или помощи нуждающимся, скупостью, расточительностію, роскошью, пьянствомъ, игрою въ карты, вообще безпорядочною жизнію, корыстолюбіемъ, невѣрностью, несправедливостью, жестокосердіемъ; *противъ девятой заповѣди*—ложнымъ доносомъ, ложнымъ свидѣтельствомъ на судѣ, оклеветаніемъ,

очерненіемъ добраго имени ближняго и чести, разглашеніемъ грѣховъ и слабостей ихъ, подозрительностью, сомнѣніемъ въ чести ближняго, перетолкованіемъ словъ и дѣйствій его въ худую сторону, осужденіемъ, пересудами, двоедушіемъ, сплетнями, насмѣшками, остротами на счетъ другихъ, непристойными шутками, злонамѣреннымъ ябедничествомъ, ложью, лукавствомъ, обманомъ, лицемѣрнымъ обращеніемъ съ другими, лестью, пресмыкательствомъ предъ высшими, болтливостью, празднословіемъ: не имѣю прямодушія, искренности, простоты, вѣрности, правдивости, уважительности, степенности, осторожности въ словахъ, благоразумной молчаливости, охраненія и защищенія чести и добраго имени ближнихъ; *противъ десятой заповѣди*— худыми желаніями и помыслами, завистію, внутреннимъ прелюбодѣяніемъ, мыслями и желаніями корыстолюбивыми и властолюбивыми, самолюбивыми и горделивыми, своекорыстіемъ и плотоугодіемъ: не имѣю любви съ самоотверженіемъ, воздержанія, цѣломудрія, скромности въ словахъ и поступкахъ, чистоты сердца, безкорыстія, нестяжательности, щедрости, милосердія, смиренномудрія, самоотверженія. Вообще неусердно забочусь объ искорененіи въ себѣ грѣховнаго расположенія и страстей и объ утвержденіи себя въ добродѣтеляхъ.— Зрѣніемъ, слухомъ, вкусомъ, обоняніемъ, осязаніемъ, похотнымъ и нечестивымъ, и всѣми помышленіями и словами, желаніями и дѣлами погубилъ я себя; потому что и въ этихъ и въ прочихъ всѣхъ беззаконіяхъ, которыми человѣческая немощь можетъ согрѣшить противъ Господа и Создателя своего, или помышленіемъ, или словомъ, или дѣломъ, или услажденіемъ, или вожделѣніемъ согрѣшилъ я, и сознаю себя болѣе всѣхъ людей виновнымъ предъ лицемъ Божіимъ, и исповѣдуюсь въ этихъ всѣхъ и другихъ безчисленно многихъ моихъ грѣхахъ, которые мною сдѣланы волею и неволею, вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, самимъ мною или чрезъ другихъ и съ другими, которыхъ всѣхъ и припомнить не могу, по причинѣ ихъ множества, которые же припомнилъ, тѣ всѣ безъ утаенія сказалъ. Повиненъ, безотвѣтенъ я предъ Господомъ Богомъ моимъ; каюсь во всѣхъ сказанныхъ и несказанныхъ мною грѣхахъ, душевныхъ и тѣлесныхъ прегрѣшеніяхъ, которыми Бога моего и Творца прогнѣвалъ, ближняго моего онеправдовалъ и себя самого очернилъ: искренно объ этомъ жалѣю и желаю раскаяться и больше не грѣшить — всевозможно удерживаться отъ грѣховъ. Но, какъ слабый и вовсе безсильный—самъ по себѣ—на дѣла благая, смиренно, со слезами молю Тебя, Господа Бога — Спасителя моего, помози мнѣ утвердиться въ моемъ намѣреніи—жить прочее время жизни для Тебя, единаго Бога моего, богоугодно; а прошедшія согрѣшенія мои прости милосердіемъ Своимъ и разрѣши отъ всѣхъ моихъ сказанныхъ предъ Тобою грѣховъ, яко благій и человѣколюбецъ. Смиренно молю Пресвятую и Преблагословенную Дѣву Богородицу, и всѣ небесныя силы, и всѣхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, и тебя, честный отче, въ присутствіи которыхъ все сіе я исповѣдалъ, да будете мнѣ свидѣтелями въ день судный, противъ діавола, врага и ненавистника рода человѣческаго, что все сіе я исповѣдалъ, и да помолитеся о мнѣ грѣшномъ Господу

Богу моему.—Прошу и тебя, честный отче, какъ имѣющаго данную тебѣ отъ Христа Бога власть — разрѣшать исповѣдавшихся, — отпущать и оставлять грѣхи ихъ, — прошу разрѣшить меня отъ всѣхъ грѣховъ моихъ, которые я высказалъ предъ тобою, очистить меня отъ всѣхъ ихъ, простить и дать епитимію, необходимую для моего исправленія. Ибо искренно сожалѣю о моихъ согрѣшеніяхъ, желаю раскаяться въ нихъ и впредь при помощи Божіей, сколько возможно, блюстись отъ нихъ. Прости меня, отче святый, и разрѣши, и помолись о мнѣ грѣшномъ. Аминь.

Послѣ исповѣди, приготовься, какъ слѣдуетъ, ко причащенію Св. Таинъ—Тѣла и Крови Христовыхъ.

И послѣ исповѣди, и послѣ причащенія, всегда спрашивай самою себя:

Надлежащимъ-ли образомъ иду по пути благочестія?

Ослабѣваетъ - ли во мнѣ сила грѣха и оживаетъ-ли болѣе и болѣе стремленіе къ добру?

Рѣже - ли подвергаюсь тѣмъ паденіямъ, которымъ подвергался прежде?

Менѣе-ли чувствую надъ собою силу страстей, которыя господствовали во мнѣ прежде?

Легче-ли становится упражненіе въ духовныхъ подвигахъ и добродѣтеляхъ, которые прежде казались такъ трудными?

Возрастаетъ-ли и укрѣпляется-ли во мнѣ вѣра, любовь и упованіе, смиреніе, самоотверженіе и терпѣніе?

Болѣе - ли нахожу удовольствія, духовной сладости и веселія въ молитвѣ, въ чтеніи слова Божія и книгъ душеполезныхъ?

Отставая отъ одного недостатка или порока, не вдаюсь-ли въ другую крайность?

Прилѣпившись къ одному доброму дѣлу, не оставляю-ли другихъ— не менѣе нужныхъ и важныхъ?

Стараясь освободиться отъ одной страсти, не покоряюсь-ли другой, болѣе благовидной, но не менѣе опасной?

Уклоняясь отъ одного вида удовольствій, не порабощаюсь-ли другимъ, болѣе утонченнымъ, но не менѣе грѣховнымъ?

Е. І.

О церкви, или храмѣ.

1. Церковь, или храмъ—земное небо.

Въ храмѣ стояще славы Твоея, на небеси стояти мнимъ. (Послѣдов. утрени, по „Благо есть"). Вотъ какъ смотрѣли на церковь, или храмъ, святые отцы и вообще истинные христіане: стоя въ храмѣ, или церкви, они думали, что стоятъ на небѣ. И дѣйствительно, церковь—это небо на землѣ. На небѣ находится особенное присутствіе Божіе, являемое въ вѣчной славѣ св. ангелами (Правосл. катих. о первомъ членѣ). И въ церкви благодатно и таинственно присутствуетъ Господь Богъ, присутствуютъ Пречистая Матерь Божія,

св. ангелы и угодники Божіи. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, на небѣ Ангелы непрестанно славословятъ Господа Бога. И въ церкви священнослужителями въ различныхъ церковныхъ службахъ также совершается славословіе Господа Бога. Наконецъ, съ неба отъ Господа Бога—посылаются человѣку всякіе дары и всякое освященіе, а также и въ радости и въ горѣ человѣкъ обращаетъ взоры всегда къ небу. И въ церкви чрезъ св. таинства изливаются на насъ Господомъ Богомъ различные благодатные дары, и всѣ самыя важныя событія въ нашей жизни, какъ-то: рожденіе, бракъ и смерть, освящаются здѣсь же. Равнымъ образомъ, радость ли посѣтитъ вѣрующаго человѣка, онъ спѣшитъ въ церковь возблагодарить за нее здѣсь Бога и просить о ея продолженіи. Скорбь ли, горе ли какое поразитъ его, онъ опять же въ церковь стремится найти себѣ утѣшеніе и облегченіе. Итакъ, поистинѣ, церковь для насъ—земное небо. А если такъ, то и относиться къ ней, вести себя въ ней мы должны уже совершенно иначе, нежели какъ относимся къ обыкновеннымъ вещамъ и ведемъ себя въ другихъ мѣстахъ.

2. Какъ христіанинъ долженъ относиться къ церкви и къ ея принадлежностямъ.

Какъ относиться къ тому, что принадлежитъ церкви, научаетъ насъ преподобный отецъ Серафимъ Саровскій. Онъ заповѣдуетъ: „Ни подъ какимъ видомъ, предлогомъ, либо дѣломъ, ниже щетки, ниже чего никогда не брать церковнаго, боясь за то прещенія Господня, ибо въ храмѣ все наималѣйшее принадлежитъ токмо единому Богу. И все, хотя и малое, взятое оттуда, есть какъ бы износимый огнь, все и вся попаляющій. Вытирая пыль и выметая соръ изъ храма Божія, никогда не бросать его съ пренебреженіемъ, ибо и самый прахъ храма Божія святъ уже есть, а, бережно собравъ его, сжигать въ пещи или бросить въ рѣку проточной воды“.

Если щетку церковную нельзя взять, какъ принадлежащую Богу, и если уже прахъ церковный святъ, и къ нему не должно относиться безъ вниманія, то что же сказать о болѣе важныхъ принадлежностяхъ церкви? А что сказать о самой церкви? Судите сами послѣ этого, какъ мы должны относиться къ церкви и ко всему, что принадлежитъ ей? Въ этомъ отношеніи мы должны соблюдать особенную осторожность, великое благоговѣніе не только къ самой церкви, но и ко всѣмъ ея принадлежностямъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ важнѣе эти принадлежности. А нѣкоторые изъ этихъ принадлежностей для людей непосвященныхъ въ санъ священника или діакона даже совсѣмъ неприкосновенны, то-есть мірской или свѣтскій человѣкъ не долженъ прикасаться къ нимъ, таковы: престолъ, жертвенникъ и все, что находится на нихъ, царскія врата, завѣса на нихъ и мѣсто между цар-

скими вратами и престоломъ, да по настоящему и весь алтарь долженъ быть недоступенъ для мірянъ.

Что касается самой церкви, то не говоря уже о благоговѣніи, какое мы должны имѣть, когда находимся въ церкви,—еще когда только собираемся идти въ церковь, мы должны помнить, что идемъ не въ какой-нибудь обыкновенный домъ, а въ жилище Самого Бога, Его Пречистой Матери и Святыхъ Его. Хорошіе, благовоспитанные люди и въ домъ какого-нибудь знатнаго или почетнаго лица, или начальника, и то идутъ не прямо, какъ и въ чемъ попало, а стараются прежде нѣкоторымъ образомъ приготовиться, напримѣръ, привести себя въ порядокъ, поопрятнѣе и получше одѣться; стараются войти потише и поаккуратнѣе, чтобы не испортить чего, чтобы какъ-нибудь не побезпокоить кого и т. п. Тѣмъ болѣе надобно намъ, христіанамъ, приготовиться и привести себя въ порядокъ, когда идемъ въ церковь, и приготовиться не только по тѣлу, но и по душѣ: надобно чисто вымыть лицо и руки, причесать голову, имѣть въ порядкѣ по состоянію одежду и обувь, выкинуть изъ головы мысли и думы о житейскомъ, а изъ сердца—разныя чувства и желанія, возбуждаемыя земными предметами, и выходить изъ дому, помолившись на св. иконы. Идти-то въ церковь и изъ церкви и то надобно не такъ, какъ ходимъ въ обыкновенное какое-нибудь мѣсто и собраніе, а съ особенною степенностію и скромностію, какъ подобаетъ христіанину.

3. Какъ христіанинъ долженъ вести себя въ церкви.

Подходя къ церкви, надобно помолиться на нее или, по крайней мѣрѣ, перекреститься и потомъ уже, оправившись, входить. Вошедши въ церковь, точно такъ же должно сперва помолиться на св. иконы, и потомъ уже идти на мѣсто. Въ церкви надобно ходить тихо, не стучать и не смыгать ногами. Стоять въ церкви надобно правильно, прямо, не переходя съ мѣста на мѣсто, не переминаясь съ ноги на ногу, не отставляя ногу впередъ или назадъ и не прислоняясь къ стѣнѣ. Въ церкви не должно безъ особой нужды сморкаться, кашлять, харкать и плевать, если уже необходимость заставитъ сдѣлать что-нибудь подобное, то надобно, какъ можно, тише и незамѣтнѣе. Въ церкви, особенно во время служенія, не должно разговаривать, даже шепотомъ,—развѣ уже по необходимости какой,—а тѣмъ болѣе нельзя говорить вслухъ и смѣяться; не оглядываться назадъ, не смотрѣть по сторонамъ, а смотрѣть прямо предъ собою на св. иконы и на священнодѣйствія, слушать, что читаютъ и поютъ, и молиться, изображая на себѣ крестное знаменіе истово, правильно, и класть поклоны поясные и земные. Поясные поклоны надобно дѣлать такъ, чтобы въ нихъ участвовала спина, а не однимъ только кивкомъ головы. Во

время чтенія Евангелія, апостола, паремій и проповѣди и во время пѣнія „Вѣрую" не должно молиться, а надобно стоять и слушать. Когда священникъ или діаконъ кадятъ, и когда священникъ говоритъ: „миръ всѣмъ", „благословеніе Господне на васъ", „съ миромъ изыдемъ" и послѣ отпусковъ надобно кланяться имъ. Когда священникъ или діаконъ говоритъ: „главы ваша Господеви преклоните", надобно преклонить или нагнуть голову.

Хорошіе, благовоспитанные люди и вездѣ, а тѣмъ болѣе въ домахъ лицъ почетныхъ, знатныхъ и начальствующихъ стараются вести себя благоприлично. Какъ же, стало быть, намъ-то, христіанамъ, должно вести себя въ церкви. въ этомъ, какъ сказано, жилищѣ Самого Бога, Матери Божіеіі и Святыхъ Божіихъ? Тотъ же преподобный Серафимъ Саровскій вотъ что между прочимъ заповѣдуетъ относительно того, какъ должно вести себя въ алтарѣ: „Никогда,—говоритъ онъ,—Боже упаси, ни ради чего, ни ради кого бы то ни было, кромѣ молчаливаго знака согласія или отрицанія, не разговаривать въ алтарѣ. Самъ Господь тутъ присутствуетъ, и трепеща въ страхѣ предстоятъ Ему херувимы и серафимы и вся сила Божія. Кто же возглаголетъ предъ лицемъ Его". Казалось бы, велико ли дѣло сказать слово, другое? А между тѣмъ не смѣй: Самъ Господь присутствуетъ здѣсь,—ты ли,—ничтожное, жалкое и бѣдное твореніе,—дерзнешь разглагольствовать, когда херувимы и серафимы предстоятъ Ему со страхомъ и трепетомъ.

Хотя здѣсь и говорится только объ алтарѣ, но вѣдь алтарь есть часть храма, стало быть, то, что относится къ части храма, должно относиться и ко всему храму, или церкви, впрочемъ въ нѣсколько меньшей степени, потому что алтарь есть первая и важнѣйшая часть храма. Но именно только въ меньшей степени, а не то, чтобы въ другихъ частяхъ храма, кромѣ алтаря, можно было разговаривать, какъ и сколько угодно.

Все это говорено о благоприличіи наружномъ, тѣлесномъ. А что сказать о благоговѣніи внутреннемъ, душевномъ? Вѣдь душевное благоговѣніе еще важнѣе, чѣмъ тѣлесное. Какъ тѣло безъ души мертво, такъ и молитва при одномъ тѣлесномъ благоприличіи, безъ благоговѣнія душевнаго, не имѣетъ никакой цѣны и бываетъ безплодна.

Зачѣмъ мы ходимъ въ церковь? преимущественно затѣмъ, чтобы молиться Богу. А что мы дѣлаемъ, когда молимся Богу?—прославляемъ и благодаримъ Его за милости къ намъ и просимъ Его о своихъ нуждахъ. Когда мы какого-нибудь человѣка, облагодѣтельствовавшаго насъ, благодаримъ отъ всего сердца, то мы о томъ только и говоримъ, что сдѣлалъ онъ для насъ и какъ это намъ дорого и пріятно, и говорить съ этимъ человѣкомъ о чемъ-нибудь другомъ, какъ бы

забывши о его благодѣяніи, мы считаемъ неприличнымъ, оказываемся въ этомъ случаѣ неблагодарными и даже называемъ такой поступокъ черною неблагодарностію. Равнымъ образомъ, и когда мы просимъ чего-нибудь у человѣка, мы обыкновенно думаемъ и говоримъ въ этомъ случаѣ только о томъ, о чемъ просимъ и что намъ нужно, забывая обо всемъ остальномъ. Такъ вотъ, если съ человѣкомъ такъ, тѣмъ несравненно болѣе съ Господомъ Богомъ. Когда мы благодаримъ и прославляемъ Его за что нибудь, то этимъ только однимъ, то-есть благодареніемъ или прошеніемъ, и должна быть занята душа наша всецѣло, въ этомъ одномъ и должна состоять молитва наша, и ни о чемъ постороннемъ въ молитвѣ своей мы не должны уже ни думать, ни говорить. Только при этомъ условіи, только при такомъ, такъ сказать, благоприличіи душевномъ молитва наша и будетъ настоящею молитвою, и будетъ имѣть желанный успѣхъ. Таково душевное благоприличіе. Но такъ ли бываетъ у насъ? Напротивъ, не всегда ли у насъ бываетъ такъ, что тѣломъ-то мы стоимъ въ церкви и молимся, а мысли-то наши блуждаютъ по разнымъ мѣстамъ, душа-то наша въ это время занята бываетъ вовсе не тѣмъ, о чемъ молимся? Какая же это молитва! Это не молитва, а только одно оскорбленіе Бога такою неискренностію, невнимательностію и лицемѣріемъ. Вотъ оттого не имѣемъ успѣха и не бываетъ услышана наша молитва. Да и какъ же услышитъ насъ Господь Богъ, когда мы и сами то себя, и то не слышимъ? А отсюда и всѣ бѣды наши, а то иногда прямо и погибель наша. Злѣ, худо просимъ или молимся (Іак. 4 3), зломъ, худомъ для насъ кончается наша молитва. И послѣ этого еще имѣемъ дерзость роптать: „молимся, молимся, а Господь все не слышитъ нашей молитвы". Да кто же виноватъ въ этомъ, какъ не мы сами? Нѣтъ у насъ, столь необходимаго въ молитвѣ, благоприличія ни тѣлеснаго, ни тѣмъ паче душевнаго, оттого и безплодна наша молитва. Позаботимся пріобрѣсти то и другое, тогда, по милости Божіей, и будемъ имѣть успѣхъ въ молитвѣ.

Господь нашъ долготерпѣливъ и многомилостивъ, но Онъ же и праведный Судія; Онъ милуетъ, но Онъ же и наказуетъ. Напримѣръ Надавъ и Авіудъ, сыновья первосвященника еврейскаго Аарона „взяли каждый свою кадильницу, и положили въ нихъ огня, и вложили въ него куреній, и принесли предъ Господа огонь чуждый, котораго Онъ не велѣлъ имъ. И вышелъ огнь отъ Господа, и сжегъ ихъ и умерли они предъ лицемъ Господнимъ" (Лев. 10, 1.12). Преступленіе, по нашему, какъ будто невелико: зажгли куреніе въ кадильницахъ не священнымъ огнемъ изъ подъ жертвенника, а своимъ огнемъ, принесеннымъ изъ дома. А между тѣмъ погибли, и притомъ какою ужасною смертію. А

вотъ другой примѣръ. Ковчегъ завѣта Господня чудесно и со славою возвратился изъ плѣна филистимскаго въ землю Еврейскую и остановился недалеко отъ города Веѳсамиса. Жители Веѳсамиса очень обрадовались, увидя ковчегъ Господень. Но ненадолго „порадовались Веѳсамитяне, что видѣли ковчегъ Господа. И поразилъ Господь жителей Веѳсамиса за то, что они заглядывали въ ковчегъ Господа, и убилъ изъ народа пятьдесятъ тысячъ семьдесятъ человѣкъ; и заплакалъ народъ: ибо поразилъ Господь народъ пораженіемъ великимъ. И сказали жители Веѳсамиса: кто можетъ стоять предъ Господомъ, симъ святымъ Богомъ“ (1 Цар. 6, 19. 20). А вотъ еще. Царь Давидъ рѣшилъ перенести ковчегъ завѣта Господня къ себѣ въ Іерусалимъ. И повезли ковчегъ Божій на колесницѣ. Во время пути одинъ израильтянинъ, по имени „Оза простеръ руку свою къ ковчегу Божію, (чтобы придержать его), и взялся за него; ибо волы наклонили его. Но Господь прогнѣвался на Озу; и поразилъ его Богъ тамъ же за дерзновеніе, и умеръ онъ тамъ у ковчега Божія“ (2 Цар. 6, 6. 7). Всѣ эти люди наказаны Господомъ за свои недолжныя отношенія къ святынѣ и вообще за свое неблагоприличіе тѣлесное и душевное.

Осмотримся и подумаемъ, такъ ли мы относимся къ церкви и ея принадлежностямъ; и такъ ли мы ведемъ себя въ ней, какъ должно, какъ требуетъ того мѣсто жилища Божія и Святыхъ Его и мѣсто молитвы и, вообще, какъ требуетъ того святость храма Божія? Если не такъ, то, призвавши Бога на помощь, возстанемъ и исправимся (Пс. 19, 9), и будемъ стараться всегда дѣлать это такъ, какъ сказано выше. Иначе не навлечь бы и намъ на себя наказанія Божія, и не поразилъ бы и насъ гнѣвъ Божій, какъ поразилъ Надава и Авіуда, пятьдесятъ тысячъ Израильтянъ и Озу. *Страшно еже впасти въ руцѣ Бога живаго* (Евр. 10, 31)!

Троицкіе листки № 44.

Какова должна быть семейная жизнь сообразно духу и ученію христіанскому?

(Изъ бесѣдъ Я. К. Амфитеатрова).

Поведеніе христіанина въ кругу домашнемъ или семейномъ будетъ предметомъ настоящей бесѣды для насъ. Представимъ семейную жизнь сперва въ такомъ видѣ, въ какомъ она является на опытѣ; а потомъ начертаемъ образъ оной, заимствованный изъ слова Божія. Другими словами, — постараемся рѣшить два вопроса: 1) какова есть семейственная жизнь на самомъ дѣлѣ, провождаемая большею частію людей, и 2) какова она быть должна, сообразно съ здравымъ ученіемъ христіанскимъ.

1) Жизнь семейная, сама по себѣ, естественно заключаетъ много пріятностей, неизвѣстныхъ людямъ одинокимъ, такъ сказать, сиротствующимъ въ мірѣ; сама по себѣ можетъ быть источникомъ и добродѣтелей и наслажденій тихихъ, священныхъ, неподозрительныхъ. Счастливое семейство образуетъ свой особый, отдѣльный, домашній міръ въ маломъ видѣ,—не столько блестящій и многочисленный. какъ большой свѣтъ, но за то болѣе спокойный и довольный; не столько шумный, суетливый и разсѣянный, но за то болѣе свободный и независимый,—живущій и движущійся самъ собою, по своему доброму и незатѣйливому вкусу, по своимъ простымъ и неприхотливымъ правиламъ, по своимъ необширнымъ, но здраво обдуманнымъ, хорошо избраннымъ и вѣрно соображеннымъ планамъ. Здѣсь всѣ члены добраго общества домашняго крѣпко связаны узами родства и естественной пріязни, всѣ живутъ одинъ для пользы и утѣшенія другаго. Мужъ находитъ отраду мысли и сердца въ женѣ своей; жена видитъ опору и защиту въ мужѣ. Дитя обрѣтаетъ первую земную пищу, первое успокоительное ложе на груди доброй матери; мать покоитъ взоръ свой на первой невинной улыбкѣ дитяти,—и сія улыбка, родящая возвышеннѣйшія удовольствія для матери, кротко награждаетъ ее за всѣ труды и безпокойства, коихъ требуетъ отъ ней юный и слабый любимецъ ея материнскаго сердца. Братья и сестры суть наилучшія друзья, наилучшіе собесѣдники и помощники взаимные; прислужники домашніе, если они есть, суть вѣрные исполнители порядка и благоустройства, которое составляетъ душу въ семъ обществѣ. Здѣсь все у всѣхъ общее—и выгода и неудача, и печаль и радость. Случится ли какое несчастіе? Есть съ кѣмъ погоревать и переносить его вмѣстѣ. Послѣдуетъ ли что нибудь благопріятное?

Есть съ кѣмъ раздѣлить радость. Замѣчается ли какой недостатокъ въ одномъ лицѣ семейства? Онъ восполняется совершенствомъ другаго лица. Словомъ,—доброе, по естеству, семейство, въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, всегда счастливо само собою, и представляетъ одно изъ пріятнѣйшихъ зрѣлищъ на землѣ. Просвѣщенно ли оно, или безъ дальняго образованія: но если оно согласно,—на него не могутъ взирать безъ глубокаго уваженія люди самые образованные, равно какъ люди и грубые и развратные. Богато или бѣдно,— ему будутъ завидовать первые въ свѣтѣ богачи и вельможи, у коихъ все есть, кромѣ домашняго благополучія; ему завидуютъ всѣ, ибо истинное семейное счастіе есть удѣлъ не многихъ въ свѣтѣ. *Треми украсихся и стахъ красна предъ Господемъ и человѣки* (Сир. 25, 1. 2), говоритъ Премудрость устами сына Сирахова. Чѣмъ же—тремя? *Единомысліемъ братій и любовію искреннихъ*, то есть, родственниковъ, и, наконецъ, *мужъ и жена между собою согласны*. Сіе согласіе производитъ то, что добрые супруги живутъ какъ бы въ два раза болѣе противъ обыкновеннаго: *жены добрыя блаженъ есть мужъ, и число дней его сугубо, и годы жизни его прибавляются отъ домашняго мира и веселія* (Сир. 26, 1. 2). Ничто на землѣ не можетъ замѣнить той дружбы, какая бываетъ между добрыми супругами: *пріятель и другъ срѣтающеся во время, а паче обоихъ жена съ мужемъ* (Сир. 40, 23). Ничья рѣчь не можетъ быть такъ пріятна и животворна, какъ бесѣда добрыхъ супруговъ между собою въ дни радости или печали: *свирѣль и псалтирь услаждаютъ пѣснь, и паче обоихъ языкъ сладкій честныхъ супруговъ* (Сир. 40, 21). Ничей образъ не можетъ такъ возвеселить око и душу супруга, какъ образъ его вѣрной жены, и на оборотъ: *доброта женска веселитъ лице и надъ все желаніе человѣческо предуспѣваетъ* (Сир. 36, 24). Справедливо замѣчаетъ древній мудрецъ, что человѣкъ имѣющій супругу кроткую и ласковую, становится какъ бы не похожъ на людей обыкновенныхъ, есть выше и достопочтеннѣе ихъ: *аще есть на языцѣ ея милость и кротость, нѣсть мужъ ея точенъ сыномъ человѣческимъ* (Сир. 36, 25); и что получившій добрую жену или мужа, пріобрѣтаетъ великое сокровище: *стяжавый жену, начинаетъ имѣти стяжаніе, помощника по себѣ и столпа покою*. Напротивъ, *идѣже нѣсть ограды, разхищено будетъ имѣніе; идѣже нѣсть жены, воздохнетъ скитаяся*, какъ сирота въ мірѣ. *Кто бо повѣритъ вооруженну разбойнику, переходящу отъ града въ градъ? Такожде и человѣку не имущу гнѣзда, и обитающу идѣже обвечеряетъ* (Сир. 36, 26—29).

Вотъ изображеніе счастливой жизни семейной! Сею жизнію можно восхищаться, когда она есть дѣйствительно. Но гдѣ она есть? Стоитъ только перемѣнить взглядъ на предметъ,—и всякій съ горестію увидитъ, что счастіе семейное всего чаще само собою падаетъ и разрушается; что сей источникъ наслажденій тихихъ легче поверхности морской возмущается, гонимый и волнуемый бурею страстей и нелѣпыхъ прихотей человѣческихъ. Войдите въ семейства, гдѣ нѣтъ добраго порядка и согласія между членами, — что вы тамъ найдете? Малый адъ домашній. Члены сего неуютнаго семейства живутъ точно, какъ взаимные враги домашніе, ничѣмъ между собою не связанные, кромѣ стѣнъ одного дома. Жена не любитъ мужа; мужъ презираетъ жену свою. Мужъ ищетъ случая быть съ женою какъ можно рѣже; жена превосходитъ его въ уловкахъ, дабы не обременять мужа своею встрѣчею съ нимъ. Мужъ возвращается домой, какъ свирѣпый звѣрь; жена встрѣчаетъ его, какъ эхидна. Мужъ расточаетъ имѣніе на покупку имени и достоинствъ; жена помогаетъ въ расточительности, требуя отъ него удовлетворенія суетнымъ прихотямъ, дабы нравиться не мужу, а свѣту. Супругъ таится отъ супруги; а она въ свою очередь тайно похищаетъ у супруга. Мужъ обманываетъ свою жену мнимою суровостію; жена льститъ ему притворными ласками, дабы кому нибудь изъ двухъ одержать побѣду, какъ будто дѣло происходитъ на полѣ сраженія со врагами. Взаимная хитрость раждаетъ между несчастною четою жестокую недовѣрчивость; взаимная нескромность производитъ ревность, которая содѣлываетъ жизнь мучительнѣе смерти. Совершенство одного лица производитъ зависть и опасенія въ другомъ: недостатокъ одного служитъ поводомъ къ упреку и униженію другаго. Если мужъ какимъ ни есть случаемъ подвергается несчастію,—тогда жена вслухъ желаетъ ему погибели: «*рцы глаголъ нѣкій ко Господу, и умри*; я гублю себя, живя съ тобою»! Если жена въ какомъ нибудь отношеніи ниже своего мужа, тогда мужъ не даетъ ей покоя отъ упрековъ: «я далъ тебѣ состояніе; я вывелъ тебя въ люди». Напрасный трудъ! Если ты далъ состояніе, но отнялъ у ней сердце твое, и грубо оскорбилъ ея чувствительность,— она не подорожитъ твоимъ богатствомъ и титуломъ, и вѣрно найдетъ средства отмстить тебѣ такъ, что всѣ твои достоинства потеряютъ для тебя самого всю свою цѣну и пріятность (Сир. 25, 15). Если ты дурнымъ обхожденіемъ сдѣлалъ жену свою злою и сварливою, то лучше тебѣ покинуть свой домъ, и поселиться въ пустынѣ: зане *лучше жити въ земли пустѣ, неже жити съ женою сварливою, язычною и гнѣвливою* (Притч. 21, 19). Если ты неумѣстною стро-

гостію заставилъ жену свою быть хитрою и лукавою, то лучше тебѣ скорѣе одряхлѣть и состарѣться, ибо *лице дряхло и язва сердечна жена лукава* (Сир. 25, 25). Если ты кроткимъ и умнымъ поведеніемъ не умѣлъ заставить жену свою любить и уважать тебя, то лучше тебѣ быть больнымъ руками и ногами, нежели жить съ неуважающею тебя супругою; ибо *руцѣ немощныя и колѣна разслаблена, яже не блажитъ мужа своего* (Сир. 25, 26). *Болѣзнь сердца и сѣтованіе, жена ревнива. Воловое иго движимо жена лукавна, держайся ея, яко емляйся скорпіи* (Сир. 26, 7—9). *Посреди искреннихъ своихъ возляжетъ мужъ ея, и слышавъ воздохнетъ горько* (Сир. 25, 20). Что такое дѣти въ семъ злополучномъ семействѣ? *Чада бываютъ мерзска, чада грѣшниковъ* (Сир 41, 8), то есть, дурныхъ отцовъ и матерей, и *живущая въ селеніихъ*, то есть, семействахъ *нечестивыхъ*. Но какъ же и быть имъ хорошими? Сіи бѣдные дѣти не получаютъ надзора отъ отца, не видятъ ласкъ отъ матери; не покоятся на груди ея, не питаются млекомъ, которое, повидимому, напрасно уготовила для нихъ природа въ груди не чадолюбивой родительницы. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ привыкаютъ они достопочтенныя и любезныя имена *отецъ* и *мать* замѣнять чуждыми и неестественными названіями мамокъ и т. п. Примѣръ родителей не научаетъ ихъ ничему доброму, и потому ростутъ они безъ воспитанія, или воспитываются для прихоти и щегольства, а выростаютъ на горе и погибель себѣ и родителямъ. *Отца нечестива укорятъ чада, яко его ради поношенія пріимутъ. И аще родятся, на клятву родятся: и аще умираютъ, въ клятву раздѣлены будутъ* (Сир. 41, 10—12). Однимъ словомъ,--подобное семейство съ одной стороны возбуждаетъ глубокую грусть при взглядѣ на оное, а съ другой производитъ глубокое отвращеніе, и заставляетъ презирать сихъ людей, хотя бы это были знатные и богатые люди.

2) Если есть такое несчастіе въ семействахъ, то отъ чего происходитъ оно? Отъ того, что сіи семейства не живутъ по христіански. Какова же должна быть семейная жизнь, сообразно духу и ученію христіанскому? Разсматривая счастливыя и по естеству добрыя семейства, мы назвали ихъ малымъ домашнимъ міромъ; представляя худыя и несчастныя, наименовали оныя малымъ домашнимъ адомъ. Назовемъ теперь истинно христіанскія семейства малою домашнею церковію Господа Іисуса. Спаситель говоритъ: *идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту и Азъ посредѣ ихъ*. Такъ точно: посреди семействъ истинно христіанскихъ обитаетъ Господь, какъ въ Церкви Своей. Здѣсь Онъ есть первый предметъ занятій для каждаго члена,—есть

Домовладыка и Распорядитель всѣхъ домашнихъ событій. Именемъ Его все здѣсь начинается и оканчивается, все родится, живетъ и умираетъ во Христѣ и со Христомъ. Всѣ отношенія членовъ семейства, всѣ ихъ обязанности утверждаются и освящаются отношеніемъ ко Господу. Каждое лицо, взаимно служа другому лицу, служитъ такъ, какъ будто бы оно служило Самому Господу, совершало свое дѣло въ присутствіи Царя небеснаго; и всѣ онѣ, связуясь узами родства, еще болѣе связуются живою мыслію о Христѣ Іисусѣ слѣдующимъ образомъ: Христосъ есть глава мужу; мужъ глава женѣ, жена и мужъ вмѣстѣ—глава дѣтямъ; дѣти и всѣ, кто живетъ въ домѣ, суть неразрывные члены, такъ что семейство образуетъ собою одно—одну душу и тѣло, коего глава начало, жизнь есть Христосъ. Раскроемъ сію мысль нѣсколько подробнѣе, примѣняя оную.

Къ членамъ супружества. Что такое супружество? По закону христіанскому, это не есть простая гражданская сдѣлка, называемая контрактомъ, какъ будто бы дѣло шло о какомъ нибудь товарѣ или переторжкѣ; не есть союзъ, заключенный изъ пустой прихоти; не есть средство къ полученію извѣстныхъ выгодъ, впрочемъ, низкихъ, но есть она изъ великихъ и весьма важныхъ тайнъ, видимо изображающихъ невидимый союзъ Іисуса Христа съ Церковію. *Тайна сія*, говоритъ Апостолъ, *велика есть: азъ же глаголю во Христа и во Церковь* (Еф. 5, 32). Отсюда выходятъ два главныя правила для жизни и счастія супруговъ: взаимная любовь и уваженіе. Мужъ долженъ любить жену свою такъ точно, какъ Христосъ возлюбилъ Церковь. Онъ долженъ всѣмъ для нея жертвовать, въ супружескомъ отношеніи ничего, кромѣ ея, не знать; о ея чистотѣ, здоровьѣ, пріятности житейской пещись неусыпно. Почему? Потому что она для него есть образъ Церкви, и должна быть мужу своему столько же любезна и драгоцѣнна, сколько Христу любезна Церковь. *Мужіе любите своя жены, якоже и Христосъ возлюби Церковь, и Себе предаде за ню* (Еф. 5, 25). Долженъ пещись о ея нравственномъ совершенствѣ, блюсти ея славу и неприкосновенность, хранить и защищать доброе имя и честность; всячески отклонять ее отъ непристойныхъ поступковъ, отъ скверны или порока, и содѣлывать ее совѣтами, убѣжденіемъ, просьбами и моленіями святою и непорочною. Ибо и Христосъ предалъ Себя за Церковь, *да освятитъ ю, да представитъ ю Себѣ славну церковь, не имущу скверны, или порока, или нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна* (Еф. 5, 27). Ни въ какомъ случаѣ не долженъ поступать съ нею слишкомъ грубо и жестоко, но ласковымъ и кроткимъ обхожденіемъ внушать къ себѣ

уваженіе; прямотою души исправлять ея женскія хитрости, молчаніемъ побѣждать строптивость, добродушіемъ вспыльчивость. *Мужіе любите жены ваша, и не огорчайтеся къ нимъ*, то есть, не будьте суровы и жестоки (Кол. 3, 19). Словомъ, супругъ такъ тѣсно долженъ быть связанъ съ своею супругою, какъ съ собственнымъ тѣломъ; любить ее какъ самаго себя; питать и грѣть, какъ лучшую часть самого себя, быть съ нею совершенно одно. *Тако должны суть любити своя жены, яко своя тѣлеса: любяй бо свою жену, себе самого любитъ. Никто же бо когда свою плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю, якоже Господь Церковь*. Жена, съ своей стороны, обязана не только любить, но даже вмѣстѣ съ тѣмъ питать благоговѣйный страхъ и уваженіе къ своему супругу, должна повиноваться ему, *яко Господу*, и не только явно, въ глазахъ, но и тайно, въ душѣ и мысляхъ, должна сохранять къ нему такую вѣрность, какую истинная Церковь сохраняетъ ко Христу. *Жены своимъ мужемъ повинуйтеся, якоже Господу... Якоже Церковь повинуется Христу, такожде и жены своимъ мужемъ во всемъ* (Еф. 5, 22—24). Во всю жизнь свою должна быть нераздѣльна съ мужемъ своимъ также точно, какъ тѣло нераздѣльно съ головою въ живомъ человѣкѣ, какъ Церковь нераздѣльна со Христомъ. *Зане мужъ глава есть жены, якоже и Христосъ, глава Церкви*. Въ свою очередь жена обязана составлять славу и украшеніе своего супруга, *да хвалимъ будетъ во вратѣхъ мужъ ея, и славенъ внегда аще сядетъ въ сонмищи со старѣйшими жительми земли* (Прит. 31, 23. 24). Ибо если мужъ есть глава жены, то и жена должна быть не иное что, какъ вѣнецъ, украшающій сію счастливую главу: *жена мужественна* (Притч. 12, 4), то есть, тщательная и усердная, есть *вѣнецъ мужу своему*, говоритъ Премудрый. Пусть она предупреждаетъ всѣ его добрыя желанія, пусть не препятствуетъ полезнымъ его намѣреніямъ, помня, что *якоже въ древѣ червъ, тако мужа погубляетъ жена злотворная* (Прит. 12, 4). Пусть она *дѣлаетъ мужу своему благая во все житіе* (Прит. 31, 12); пусть занимается приличнымъ для нея рукодѣліемъ женскимъ: *обрѣтши волну и ленъ*, или что подобное, *пусть творитъ благопотребная рукама своима* (Притч. 31, 13). Какъ это хорошо, если въ занятіяхъ домашнихъ *не угасаетъ свѣтильникъ ея всю нощь!* Сколько чести и уваженія для жены, если она устрояетъ въ семействѣ такой порядокъ, что *не печется о сущихъ въ дому мужъ ея, внегда аще гдѣ замедлитъ, вси бо одѣяни суть* (Притч. 31, 21), все у нея къ мѣсту, все раздѣлено съ точностію и благоразуміемъ! Она не должна быть многорѣчива предъ мужемъ своимъ; если же нужно говорить,

то *пусть отверзаетъ уста своя внимательно, мудро и законно и чинъ заповѣдаетъ языку своему* (Притч. 31, 25—28). Не должна домогаться преимущества въ наставленіяхъ мужу, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда сей послѣдній будетъ вовсе безпорочный человѣкъ: *женѣ учити не повелѣваю*, говоритъ Апостолъ. Не должна безпокоить спутника жизни своей мерзкими прихотями женскими, желая блистать и нравиться кому бы то ни было; пусть не буде въ ней *ложнаго угожденія и суетныя доброты женскія: жена бо разумная благословена есть* (Притч. 31, 31). Если ей нужно нравиться, то пусть нравится не внѣшнею лѣпотою, но внутреннимъ достоинствомъ и превосходными поступками, такъ чтобы мужъ ея былъ покоренъ не словами, а житіемъ своей жены, видя оное чистымъ и богобоязненнымъ. Ибо что составляетъ красоту женщины? *Не внѣшнее плетеніе волосъ*, говоритъ Апостолъ, *не золотые уборы, не наряды въ одеждѣ, но добрыя дѣла цѣломудріе, кроткій и молчаливый духъ* (1 Петр. 3, 3—4). Если мужъ взыскателенъ, жена должна угождать ему предупредительною и благоразумною услужливостію. Если мужъ суровъ, пусть она смягчаетъ нравъ его нѣжными ласками, а не хитростію; если ласки не дѣйствительны, пусть употребляетъ искреннія слезы. Ибо не хитрость и тонкія уловки составляютъ могущество женщины, а нѣжное сердце и добрыя слезы. Словомъ,—во всякомъ случаѣ жена обязана быть скромнѣе своего мужа, помня, что *отъ жены началò грѣха, и тою умираемъ вси* (Сир. 25, 27).

Одна изъ важнѣйшихъ обязанностей, общихъ мужу и женѣ, есть христіанское воспитаніе дѣтей. Но о семъ предметѣ мы не разсуждаемъ здѣсь; ибо онъ такъ важенъ и обширенъ, что требуетъ особеннаго изслѣдованія. Впрочемъ, каковы бы ни были взаимныя обязанности мужа и жены, всѣ они заключаются и основываются на одной главной—на отношеніи Іисуса Христа къ Церкви, то есть, въ состояніи супружескомъ мужъ, при каждомъ взглядѣ на жену свою, долженъ живо припомнить себѣ, какъ любезна и драгоцѣнна Церковь Іисусу Христу, за которую Господь ничего не пощадилъ, за которую Онъ страдалъ и умеръ на крестѣ; жена при каждомъ взглядѣ на мужа, должна представлять себѣ тайну искупленія, неизреченную любовь и милосердіе Божіе къ роду человѣческому, падшему отъ ея слабости, неизреченныя заслуги, оказанныя Іисусомъ Христомъ, дабы стяжать истинную Церковь кровію и муками Своими. И такимъ образомъ, оба супруги всѣ свои супружескія обязанности должны учреждать и исполнять по тѣмъ же отношеніямъ, съ такими же мыслями

и чувствованіями, съ какими учреждается связь Іисуса Христа съ Церковію.

Скажутъ: «моя жена слишкомъ прихотлива, и мучитъ меня своими непомѣрными требованіями». Но развѣ плоть твоя, которую ты носишь, менѣе имѣетъ прихотей, чѣмъ жена? Развѣ менѣе причиняетъ беспокойства тебѣ? Однакожъ ты любишь ее, питаешь пространно, грѣешь и нѣжишь. Почему же женѣ не можешь оказывать такой же услужливости?

Скажутъ: «у моей жены дурной и распутный нравъ; я не могу съ нею ужиться». Но развѣ родъ человѣческій, изъ котораго Господь избралъ себѣ Церковь, былъ лучше и благонравнѣе, нежели самая дурная тварь? Однакожь Спаситель не отвергнулъ его, но все употребилъ, чтобы исправить оный. Такъ и ты долженъ поступать. Если твоя жена зла: твой долгъ сдѣлать ее доброю. Съ другой стороны,— развѣ ты самъ всегда благонравенъ и добръ? Если жена твоя не хороша,—значитъ, что ты лучшей не достоинъ. Если же ты самъ добръ, а жена не добра,—молись, терпи и угождай; она для тебя крестъ, ниспосланный Промысломъ для искушенія твоего терпѣнія и добродѣтели.

Скажутъ: «грубое и жестокое обхожденіе мужа нестерпимо». Но неужели васъ создалъ Господь для однихъ нѣжностей? Неужели вы такъ слабы и чувствительны, что не въ состояніи перенести грубаго слова и суроваго взгляда?

Наконецъ, никто ничего не сказалъ бы, еслибы всѣ хорошо понимали обязанности супружескія, если бы всѣ похристіански исполняли оныя: тогда вовсе не было бы несчастныхъ супружествъ; тогда люди, достойные супружества, вступали бы въ бракъ по благословенію и указанію Божію, вѣдая, что отъ Господа жена сочетавается мужу; тогда юноши христіанскія не дѣлали бы неразумнаго выбора по разсчетамъ пылкой страсти и выгодъ свѣтскихъ, но основывались бы на чистыхъ и святыхъ побужденіяхъ духа, воспитаннаго вѣрою Христовою; тогда дѣвы христіанскія не увлекались бы наружнымъ блескомъ, наружнымъ достоинствомъ, а искали бы себѣ помощника и друга жизни по внутренному достоинству; тогда мужъ и жена самыхъ противоположныхъ характеровъ умѣли бы взаимно уровнять себя, умѣли бы такъ тѣсно соединиться, что ни животъ, ни смерть не могла бы разлучить ихъ. Живя на земли согласно, они согласно перешли бы и въ царствіе небесное, какъ едино составляющіе два члена Церкви Христовой.

Яркій примѣръ истинно-христіанской жизни въ міру.

Не только въ монастырѣ, но и въ міру можно вести истинно-духовную жизнь. Немало есть праведниковъ, спасающихся въ міру. Немало есть людей, связанныхъ съ міромъ своимъ положеніемъ, своею заботою, своею семьею,—въ тоже время на всякомъ шагу только и думающихъ объ угожденіи Богу. Что-то теплое согрѣваетъ душу, когда слышишь о нѣкоторомъ благочестіи живущихъ въ міру людей, подобныхъ той благословенной семьѣ, о которой сейчасъ пойдетъ рѣчь.

Одинъ благочестивый странникъ проходилъ селомъ, лежавшимъ въ 5 верст. отъ большого сибирскаго города. Церковь въ немъ была небольшая, но хорошо снаружи разукрашенная. Странникъ помолился на паперти и пошелъ дальше. На лужкѣ подлѣ церкви играло двое дѣтей лѣтъ 5—6. Не успѣлъ странникъ отойти шаговъ десяти отъ церкви, какъ услышалъ дѣтскіе голоса: „нищенькій, нищенькій, постой!" И дѣти подбѣжали къ нему, схватили его за руки и сказали: „Пойдемъ къ маменькѣ, она нищихъ любитъ". Онъ возразилъ: „я не нищій, а прохожій человѣкъ."—„А какъ же у тебя мѣшокъ?"—настаивали дѣти.—„Это мой дорожный хлѣбъ".—„Пойдемъ непремѣнно, маменька дастъ тебѣ денегъ на дорогу".—И дѣти повели странника въ прекрасный садъ, въ которомъ стоялъ большой господскій домъ. Изъ палатъ выбѣжала къ нимъ барыня и встрѣтила странника словами: „Милости прошу, милости прошу. Откуда тебя Богъ послалъ къ намъ? Садись, любезный!" И сама она сняла съ него сумку, положила ее на столъ, посадила гостя въ покойное кресло, предложила ему покушать или чаю попить. До слезъ былъ тронутъ странникъ такою необыкновенною ласковостью и смиреніемъ богатой барыни. Сердце его умилилось, кипѣло молитвою, ему хотѣлось уединенія, и онъ сталъ просить, чтобы его отпустили въ дальнѣйшій путь.—Боже тебя сохрани уходить, отвѣчала барыня: вотъ, къ вечеру пріѣдетъ мужъ изъ города. Онъ служитъ тамъ по выборамъ судьею въ уѣздномъ судѣ. Какъ онъ обрадуется, увидѣвъ тебя! Онъ каждаго странника почитаетъ за посланника Божія. Завтра воскресный день. Ты помолишься съ нами и откушаешь. У насъ каждый праздникъ бываетъ гостей до тридцати нищихъ Христовой братіи. Да разскажи мнѣ о себѣ. Я люблю слушать духовныя бесѣды людей богоугодныхъ. Дѣти, дѣти, позвала она, возьмите сумочку странника и отнесите въ образную комнату. Тамъ онъ будетъ ночевать.

И, слушая всѣ эти слова, не зналъ нашъ странникъ: наяву ли все это, эта великость любви, или видитъ онъ несбыточный сонъ.

Да, воистину жизнь такихъ людей, какъ та добрая барыня, всякій ихъ шагъ—это безмолвное, но неотразимое поученіе для нашего себялюбія, гордости, чванства.

Говоря со странникомъ, барыня разсказала, что ея мать монахиня въ Тобольскомъ монастырѣ и недавно приняла схиму. Когда пришло время обѣда, за столъ, кромѣ барыни, дѣтей ея и странника, сѣло еще четыре женщины. Одна изъ нихъ, кончивъ первое кушанье, встала, помолилась на образа, поклонилась обѣдавшимъ, вышла и вернулась со вторымъ блюдомъ. Послѣ этого блюда еще одна изъ женщинъ пошла за третьимъ. Странникъ спросилъ барыню: „кто онѣ, сестры ваши?“ „Да, онѣ мнѣ сестры, отвѣчала барыня! Одна кухарка, потомъ кучерова жена, ключница и горничная“.

И опять умилился странникъ, видя, какъ свято соблюденъ здѣсь завѣтъ Христовъ: „всѣ вы братья“. Чтобъ скрыть глубокое, овладѣвшее имъ волненіе, онъ попросилъ уединиться въ саду, но барыня пожелала идти съ нимъ и сказала: „Если тебѣ идти одному, то дѣти не дадутъ тебѣ покоя. Они, какъ скоро тебя увидятъ, то не отойдутъ отъ тебя ни на минуту: такъ они любятъ нищихъ, Христовыхъ братій и странниковъ“.

Въ саду, поклонясь барынѣ въ ноги, странникъ просилъ ее сказать, давно ли начала она провождать такую богоугодную жизнь и какъ достигла такого благочестія. „Мать моя, повела разсказъ барыня, правнучка святителя Іоасафа, котораго мощи на вскрытіи почиваютъ въ Бѣлгородѣ. У насъ былъ въ городѣ большой домъ, во флигелѣ котораго снималъ себѣ квартиру небогатый дворянинъ. Онъ умеръ, а вскорѣ умерла и его жена, родивъ сына, которымъ осталась отъ мужа беременной. Мать моя изъ жалости взяла мальчика на воспитаніе, а чрезъ годъ родилась и я. Мы росли вмѣстѣ, вмѣстѣ учились, и свыклись, какъ братъ съ сестрою. Когда скончался мой отецъ, матушка переѣхала съ нами въ это имѣніе, впослѣдствіи выдала меня замужъ за своего воспитанника, перевела на насъ имѣніе, а сама удалилась въ монастырь. Давая намъ свое родительское благословеніе, она сдѣлала намъ такое завѣщаніе: жить по христіански, молиться усердно Богу, и больше всего прилежать главнѣйшей заповѣди Христовой любви къ ближнимъ—питать и помогать нищимъ, Христовой братіи въ простотѣ и смиреніи, дѣтей воспитывать въ страхѣ Божіемъ, съ слугами обходиться какъ съ братьями. Вотъ, исполняя завѣтъ матушки, мы и живемъ здѣсь уединенно уже десять лѣтъ. Есть у насъ и нищепріемница, въ которой и теперь живутъ болѣе десяти человѣкъ увѣчныхъ и больныхъ“.

Вскорѣ подъѣхалъ баринъ, и, увидавъ странника, по братски его обнялъ и расцѣловалъ, потомъ повелъ въ свою

комнату, говоря: „я думаю, жена тебѣ надоѣла. Она, какъ увидитъ странника или странницу, или какого больного, то рада и день и ночь не отходитъ отъ нихъ. Во всемъ ея родѣ изстари такое обыкновеніе“.—Они вошли въ кабинетъ барина. Тамъ было множество книгъ, прекрасныя иконы, животворящій крестъ во весь ростъ, и при немъ поставлено Евангеліе; странникъ, помолясь, сказалъ барину: „да у васъ, батюшка, здѣсь рай Божій. Вотъ, Самъ Господь Іисусъ Христосъ, Пречистая Его Матерь, святые Его угодники, а книги—ихъ божественныя, живыя и неумолкаемыя слова и наставленія; я думаю, вы часто наслаждаетесь небесною бесѣдою съ ними?

— Да, признаюсь, отвѣчалъ баринъ, я охотникъ читать.

Во время бесѣды вошла барыня, принесла имъ чаю, а дѣти притащили подносъ печенья. Баринъ раскрылъ одну духовную книжку и, подавая ее барынѣ, сказалъ: „вотъ, мы ее заставимъ читать. Она прекрасно читаетъ, а сами подкрѣпимся“. Съ усладой слушалъ странникъ чтеніе Такъ занимались они чтеніемъ до ужина. За столомъ попрежнему господа и слуги сидѣли вмѣстѣ. Поужинавъ, долго молились, и странника заставили читать акаѳистъ сладчайшему Іисусу. Когда молитва была кончена, слуги пошли на покой, а странникъ остался съ супругами. Барыня принесла ему бѣлую рубаху и чулки. Поклонясь въ ноги, онъ сказалъ, что всю жизнь ходитъ въ онучахъ. Тогда она побѣжала, принесла свой старый кафтанъ тонкаго желтаго сукна, разрѣзала его на двѣ онучи, а баринъ принесъ свои новые башмаки. Они велѣли ему перемѣнить въ другой комнатѣ бѣлье, и затѣмъ вернуться къ нимъ. Тогда они посадили его на стулъ и начали обувать: баринъ сталъ обвертывать ему онучами ноги, а барыня начала надѣвать ему башмаки. Сперва онъ не хотѣлъ даться, но они сказали: „сиди и молчи. Христосъ умывалъ ноги ученикамъ“. Ничего не оставалось ему дѣлать. Онъ началъ плакать. Заплакали и они.

Всю почти ночь, ходя по саду, баринъ проговорилъ со странникомъ о духовныхъ предметахъ и соснули только съ часъ или съ полтора предъ утреней. Когда по благовѣсту они пришли въ церковь, баринъ былъ тутъ давно со своими дѣтьми. И всѣ отстояли утреню и божественную литургію. Баринъ со странникомъ стояли въ алтарѣ, а барыня съ дѣтьми у алтарнаго окна, чтобъ видѣть возношеніе Даровъ. Какъ они молились на колѣняхъ и заливались радостными слезами! Какія просвѣтленныя сдѣлались у нихъ лица! И странникъ, глядя на нихъ, досыта наплакался. Когда служба отошла, господа, священникъ, слуги и всѣ нищіе пошли вмѣстѣ къ обѣденному столу. Нищихъ было до сорока человѣкъ. Всѣ сѣли въ тишинѣ и молчаніи за одинъ столъ. Странникъ шопотомъ сказалъ барину: „въ обителяхъ во

время трапезы читаютъ житія Святыхъ. Вотъ бы и вамъ завести такой же обычай“ Баринъ сказалъ: „въ самомъ дѣлѣ, Маша, заведемъ такой порядокъ. То будетъ преназидательно“ Но, пока они сидятъ за этой трапезой любви, съ благословеніемъ съ высокаго неба взираетъ на нихъ Христосъ, отойдемъ мы отъ нихъ, благословенныхъ дѣтей Божьихъ, унося въ сердцѣ примѣръ изъ жизни, и скажемъ себѣ: что и въ міру можно всею душею служить Богу. („Корм.“1904 г.).

Е. Поселянинъ.

* * *

Рѣдкій документъ.

Недавно въ библіотекѣ въ Римѣ найденъ рѣдкій документъ и, если бы можно было навѣрное знать, что документъ этотъ дѣйствительно подлинный, то онъ былъ бы самымъ драгоцѣннымъ изъ всѣхъ найденныхъ древнихъ документовъ. Онъ относится къ личности Христа Спасителя и состоитъ изъ письма прокуратора Іудеи Публія Лентулія къ римскому кесарю. Содержаніе его слѣдующее: „Кураторъ Іудеи, Публій Лентулій, римскому кесарю. Я узналъ, о, кесарь, что ты желаешь имѣть свѣдѣнія о добродѣтельномъ человѣкѣ, по имени Іисусѣ Христѣ, и котораго народъ считаетъ пророкомъ, а его ученики—Сыномъ Бога, Создателя неба и земли. Дѣйствительно, кесарь, ежедневно говорятъ о немъ чудеса; коротко сказать: онъ воскрешаетъ мертвыхъ и исцѣляетъ больныхъ. Это—человѣкъ средняго роста, на на его лицѣ отпечатаны мягкость и вмѣстѣ съ тѣмъ такое достоинство, что, глядя на него, чувствуешь себя обязаннымъ любить его и въ то же время бояться. Отъ макушки до ушей его волосы цвѣта зрѣлыхъ орѣховъ, а отъ ушей и до плечъ они свѣтлые и блестящіе: они раздѣлены проборомъ, согласно назарейскому обычаю. Его борода того же цвѣта, какъ волосы, и курчавая. Хотя она не длинна, но раздѣлена на обѣ стороны. Его строгіе глаза блестятъ, какъ лучъ солнца; никто не можетъ смотрѣть ему въ лицо. Когда онъ кого-нибудь упрекаетъ, то внушаетъ страхъ, но затѣмъ тотъ начинаетъ плакать, даже когда онъ строго привѣтливъ и доброжелателенъ. Говорятъ, что его никогда никто не видѣлъ смѣющимся; напротивъ, часто проливалъ онъ слезы. Всѣ находятъ разговоры его пріятными и назидательными. Его рѣдко увидишь въ народѣ, но когда онъ появляется, то

очень скромно. Его мать—самая красивая изъ женъ этой страны. Если ты хочешь съ нимъ познакомиться, какъ ты мнѣ однажды писалъ, то увѣдомь меня тотчасъ объ этомъ, и я пришлю къ тебѣ. Хотя онъ никогда не учился, но знаетъ всѣ науки. Онъ ходитъ босой, съ обнаженной головой. Многіе смѣются надъ нимъ издали и, встрѣтясь съ нимъ лицомъ къ лицу, дрожатъ предъ нимъ и любуются. Евреи говорятъ, что никогда не видѣли подобнаго ему человѣка и съ такими познаніями, какъ у него. Многіе говорятъ, что онъ—Богъ, другіе полагаютъ, что онъ—твой врагъ и кесарь. Эти злые евреи мнѣ надоѣдаютъ со всѣхъ сторонъ. Говорятъ, что онъ никогда не опечалилъ ни одного человѣка, а напротивъ, старался всѣми силами сдѣлать всѣхъ счастливыми". („Кормчій" 1909 г. № 12).

Перстъ Божій.

По обязанности моей службы мнѣ пришлось быть въ воскресенье 31 августа 1908 г. въ с. Сорокошичахъ, Остерскаго уѣзда, Черниговской губ., гдѣ я остановился у мѣстнаго священника о. Евгенія Ольховаго, бесѣдовалъ съ нимъ о томъ, о другомъ. Наконецъ, коснулись вопроса: какъ мѣстное населеніе чтитъ праздники и какъ велика ихъ религіозная настроенность. При этомъ батюшка съ великимъ прискорбіемъ и видимымъ душевнымъ волненіемъ сообщилъ мнѣ о замѣтномъ пагубномъ вліяніи на населеніе вредныхъ элементовъ, этихъ микробовъ—остатковъ временной постыдной болѣзни, постигшей нашу разнузданную молодежь въ 1905 и 1906 годахъ, и что эти годы положили въ деревнѣ какъ бы начало колебанія въ вѣрѣ, непочтеніе къ старшимъ и т. д. Эти начала проявлялись въ различныхъ формахъ: чтившіе до того воскресный день начали работать въ эти дни, рѣдко посѣщать церковь,—словомъ, охладѣли къ религіи, при чемъ батюшка разсказывалъ мнѣ о нѣкоторыхъ предразсудкахъ, существующихъ въ мѣстномъ населеніи, которые крестьяне принимаютъ за правило и руководствуются ими. Напримѣръ, въ воскресенье и вообще въ какой-либо праздникъ работать не возбраняется, но чтобы работа эта была тихая, т.-е. не производила бы никакого шума или стука, какъ бы во избѣжаніе того, что работающаго въ праздникъ могутъ услышать, поэтому нужно какъ бы скрываться съ работою, дѣлать это втихомолку отъ другихъ и тѣмъ самымъ удовлетворяться этимъ самообманомъ. Нельзя, напримѣръ, работать топоромъ, строгать, косить, даже, работать молоткомъ, цѣпомъ и т. под., но можно зато сгре-

бать сѣно, мыть бѣлье, копать въ огородѣ и даже молоть зерно въ водяныхъ мельницахъ; послѣднее на томъ будто бы основано, что хоть мельница производитъ шумъ и стукъ, но это дѣлаетъ не самъ работающій, а вода, которая и является виновницей нарушенія воскреснаго или праздничнаго дня. Какъ разъ на этомъ мѣстѣ нашъ разговоръ былъ прекращенъ приходомъ сельскаго десятскаго — нарочнаго изъ сосѣдняго села Новаго-Глыбова, который просилъ прислугу доложить, что онъ явился ко мнѣ по дѣлу. Изъ его доклада я узналъ, что сегодня, т.-е. въ воскресенье, зубчатымъ колесомъ водяной мельницы, во время работы задавленъ на смерть единственный сынъ крестьянина с. Новаго-Глыбова Саввы Сѣраго 14 лѣтній мальчикъ Артемій. Я, разумѣется, тотчасъ же, находясь еще подъ живымъ впечатлѣніемъ разговра съ о. Евгеніемъ, отправился въ сосѣднее село Новое-Глыбово. Подъѣхавъ къ избѣ Сѣраго, я услышалъ душу раздирающіе отчаянные крики пожилой уже женщины-матери единственнаго сына, общаго любимца семьи и всѣхъ сосѣдей, знавшихъ этого кроткаго и не по лѣтамъ развитаго, умнаго мальчика, подававшаго семьѣ большія надежды. Горе каявшагося грѣшника—отца не поддается описанію: онъ съ какимъ-то ожесточеніемъ буквально рвалъ на себѣ волосы, бросался на колѣни то предо мною, то падалъ на землю и ползкомъ добирался до изуродованнаго трупа своего мученика—сына, выкрикивая все время: „простите ваше благородіе!.. Артеша! прости, прости, сынокъ,— не буду; душегубъ я, Артеша!“ и т. под. Раскаяніе его было полное, но позднее, безвозвратное; трупъ мальчика съ раздробленною грудью и костями неподвижно покоился, вытянутый всѣмъ своимъ худенькимъ тѣльцемъ, на лавкѣ, съ немного наклоненною въ нашу сторону головою и чуть полуоткрытыми глазами, какъ бы съ укоромъ поглядывавшими на приходившаго въ неистовство отца.

Изъ словъ самого Саввы Сѣраго я узналъ, что сегодня, еще съ утра, его тянуло „что-то“ молоть жито, и зналъ онъ, что сегодня воскресный день и что хотя у нихъ и говорятъ, будто бы въ праздникъ можно работать на мельницѣ, что это не грѣхъ, но какой-то внутренній голосъ все-таки останавливалъ, удерживалъ его отъ этого. Наконецъ, преодолѣвъ всякое колебаніе, онъ, не побывавъ даже въ церкви, запрягъ лошадь, взялъ мѣшокъ жита, своего сына Артешу и поѣхалъ на берегъ рѣки Днѣпра, гдѣ расположены мельницы. Пріѣхавъ туда, онъ сына оставилъ близъ воза, а самъ, съ помощью мельника, снесъ привезенное имъ жито на мельницу и засыпалъ его въ „копъ“, послѣ чего мельникъ пустилъ мельницу въ ходъ. Не успѣло колесо сдѣлать и полъ-оборота, какъ страшный дѣтскій крикъ огласилъ мельницу. Остановивъ моментально машину и бросившись

внизъ по большому зубчатому колесу, онъ увидѣлъ ужасную картину: его Артеша, съ искаженнымъ отъ страданія лицемъ, лежалъ засунутымъ между большимъ зубчатымъ колесомъ и шестернею, безъ всякихъ признаковъ жизни. Вытащивъ мертваго сына изъ шестерни, онъ тутъ же вспомнилъ, что сегодня—воскресенье, что онъ и самъ не пошелъ въ церковь, и сына своего не пустилъ туда, куда его покойный Артеша раньше всего спѣшилъ съ такою охотой, лишь заслышитъ благовѣстъ въ церкви. Тутъ только онъ созналъ всю нелѣпость предразсудковъ, что въ воскресенье работать можно, сразу же увидѣлъ гнѣвъ Божій, проявившійся тѣмъ, что мельница, не смоловъ ни одного даже зерна, начала и кончила его дѣтищемъ, его любимцемъ—Артешей. Теперь, придя немного въ себя отъ постигшаго его горя, онъ все-таки никакъ не можетъ понять того, какимъ образомъ Артеша, оставленный на дворѣ у воза, могъ очутиться внутри мельницы, и кто могъ бросить его въ шестерню въ моментъ самаго начала работы, такъ какъ ему и раньше не разъ приходилось, правда, въ будніе дни, бывать съ нимъ на той же мельницѣ, и мальчикъ всегда былъ остороженъ и зналъ опасныя мѣста, куда подходить нельзя было.

Покончивъ официальныя стороны этого печальнаго инцидента, я, возвратившись обратно въ село Сорокошичи, разсказалъ все описанное мною о. Евгенію, послѣ чего батюшка, медленно откинувъ лѣвой рукой широкій рукавъ своей рясы и поднявъ благоговѣйно глаза на иконы, набожно перекрестился за упокой души невинно погибшаго страдальца —мальчика и тихо чуть слышно прошепталъ: „Да, здѣсь очевиденъ перстъ Божій!“ („Черн. Еп. Вѣд.“).

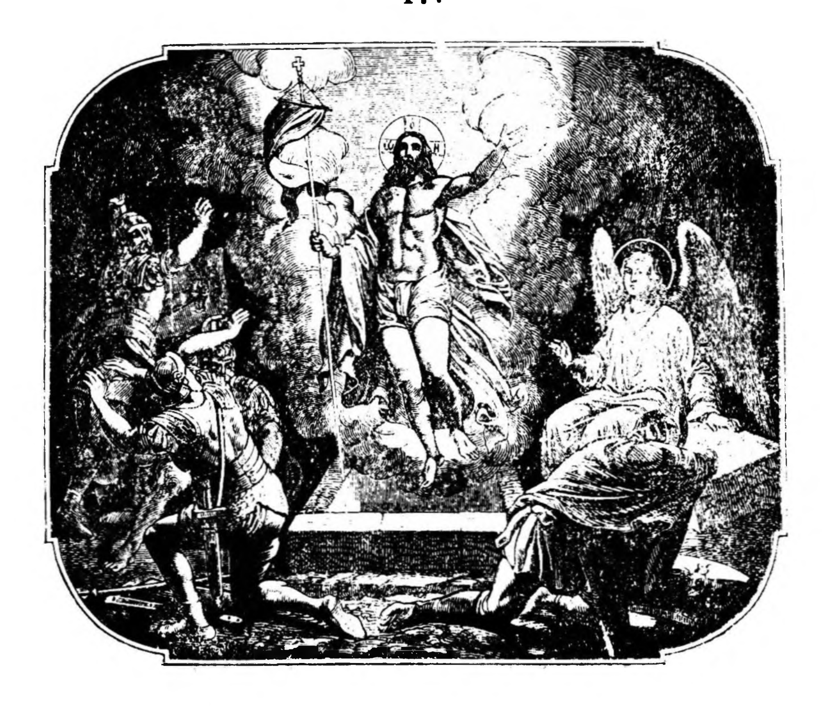
Приставъ *Федосовъ*.

Божіе наказаніе старообрядца за хуленіе святыхъ Таинъ Христовыхъ.

Въ концѣ первой половины 1892 года происходило собесѣдованіе миссіонера-слѣпца А. Е. Шашина съ раскольниками въ деревнѣ Запольцахъ, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи. На этой бесѣдѣ присутствовалъ, между прочимъ, старообрядецъ Алексѣй Курицынъ, крестьянинъ села Знаменскаго, Жашкова тожъ, Егорьевскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Возвращаясь съ бесѣды домой, старообрядецъ Курицынъ встрѣтился на дорогѣ съ православнымъ священникомъ, шедшимъ тоже съ бесѣды, и назвалъ его слугою антихриста. Священникъ кротко спросилъ его, имѣетъ ли онъ на себѣ крестъ, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, замѣтилъ ему: вотъ тебя справедливѣе назвать слугою антихриста, а не меня, такъ какъ я ношу на себѣ крестъ, какъ видимое знаменіе того, что я слуга и послѣдователь Іисуса Христа Спустя немного времени послѣ этой встрѣчи, тотъ же священникъ былъ приглашенъ причастить больнаго въ тотъ домъ, въ которомъ жилъ упомянутый раскольникъ Курицынъ. Послѣ напутствованія больнаго святыми Тайнами Христовыми, когда священникъ выходилъ изъ дома, встрѣтилъ Курицына, который злобно обратился къ нему и выразился о Христовыхъ Тайнахъ въ такихъ хулительныхъ словахъ, при одной мысли о которыхъ человѣкъ богобоязненный содрогается отъ ужаса и трепета. Но Богъ поругаемъ не бываетъ. По Своему правосудію, Господь Богъ страшно караетъ тѣхъ грѣшниковъ, которые, не смотря на милосердіе Божіе къ нимъ, продолжаютъ коснѣть въ своихъ грѣхахъ и доходятъ въ нихъ нерѣдко до крайней степени кощунства и богохульства. Вотъ и на Курицына, дерзнувшаго въ высшей степени кощунственно похулить святыя и животворящія Хрaстовы Тайны, Богъ излилъ, наконецъ, Свой праведный гнѣвъ, поразивъ его вскорѣ, послѣ содѣяннаго кощунства, смертельною болѣзнію,—сведшею его въ могилу въ нѣсколько дней. Случай этотъ замѣчательно поучительный. Пусть же обратятъ на него должное вниманіе и вразумятся имъ тѣ изъ ревнителей мнимо древняго благочестія, которые, пылая въ сердцѣ своемъ злобою и враждою противъ святой Церкви Греко-Россійской, всемѣрно изощряются хулить ее, ругаться надъ ея спасительными таинствами и поносить ея священнослужителей. Страшное наказаніе Божіе, постигшее несчастнаго ругателя святыхъ Таинъ Божіихъ—раскольника Алексѣя Курицына, не свидѣтельствуетъ-ли такъ громогласно вамъ, глаголемые старообрядцы, что святыя Тайны церкви Греко-Россійской есть дѣйствительно Тайны Христовы, такъ какъ кощунства надъ ними Господь Богъ, какъ всѣмъ видно, не терпитъ?

Рязанской губерніи, Егорьевскаго уѣзда, села Краснаго, Успенской церкви *Священникъ Павелъ Арбековъ.*

Воскресеніе Христово.

У премудрости Божіей такое правило, что всѣ важныя событія въ царствѣ благодати заранѣе предвозвѣщаются, дабы люди, зная, чего ожидать, тѣмъ удобнѣе могли приготовлять себя къ ожидаемому; посему воскресеніе Господа предсказано было задолго и неоднократно. Еще Богоотецъ Давидъ воспѣвалъ, что Господь не дастъ преподобному Своему видѣть истлѣнія и не оставитъ души Его во адѣ (Псал. 15, 10). Потомъ одинъ изъ пророковъ прямо указалъ даже на время воскресенія, говоря: *исцѣлитъ ны по двою дню и въ третій день воскреснемъ и живи будемъ предъ лицемъ Его* (Осіи 6, 3). Наконецъ Самъ Господь всегда почти, когда говорилъ о будущей смерти Своей (а Онъ говорилъ о ней часто), упоминалъ въ то же время и о воскресеніи. Предсказанія Его о семъ были такъ многочисленны и такъ ясны, что самые враги, какъ намъ извѣстно, сочли за нужное окружить гробъ Его стражею до третьяго дня (Иннокентія, архіепископа Херсонскаго. Томъ IV 1872 г.), для охраненія Его тѣла отъ мнимой покражи; эта же стража послужила для невѣрныхъ бичемъ, потому что Іудеи убѣдились черезъ нее въ воскресеніи

Христовомъ, вслѣдствіе чего были посрамлены (Окт. 7 гласъ). 30-го марта въ 5541 году отъ сотворенія міра былъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и перваго апрѣля того же года ночью съ субботы на воскресенье въ шестомъ часу (по нашему въ 12 ч. ночи) при гробницѣ Іисусовой раздались подземные удары. Стража вдругъ почувствовала землетрясеніе и была чрезвычайно испугана (Мат. 28, 2); но ужасъ еще болѣе овладѣлъ ею, когда она увидѣла предъ собою сошедшаго съ неба свѣтоноснаго Ангела, видъ котораго былъ, какъ молнія, и одежда—бѣла, какъ снѣгъ. Этотъ небесный вѣстникъ отвалилъ огромный камень отъ дверей гроба и сидѣлъ на немъ (Мат. 28, 2—4). Отваленіе камня, совершенно не нужное для Воскресшаго (ибо тѣло Его, какъ видно изъ явленія ученикамъ, свободно проходило сквозь затворенныя двери), нужно было для послѣдователей Господа, особенно для св. женъ, дабы онѣ, пришедши ко гробу, безпрепятственно и скорѣе могли узнать, что напрасно ищутъ живаго между мертвыми. Притомъ, отваленіе камня Ангеломъ служило вмѣсто торжественнаго объявленія стражѣ о воскресеніи Божественнаго Мертвеца, ею стрегомаго: ибо Самъ Воскресшій не благоволилъ явить стражамъ Своего лица, отъ чрезвычайной славы коего, въ первыя минуты воскресенія, они могли бы исчезнуть съ лица земли (Иннокентій). Христосъ Своею Божественною силою воскресъ согласно съ писаніемъ пророковъ. Ужасная година области темной (Лук. 22, 53) приближалась уже къ своему концу: великій Дѣлатель не могъ оставаться въ сердцѣ земли (Мат. 12, 40) далѣе покоя дня субботняго, съ окончаніемъ котораго, при наступленіи перваго дня недѣли, бывшаго нѣкогда первымъ днемъ творенія, т. е. воскреснаго, послѣдовало преславное возстаніе изъ гроба (Иннок.). Стража, разбѣжавшись отъ гроба, ушла въ городъ и разсказала еврейскимъ вождямъ обо всемъ, что она сама видѣла. Когда горѣ совершалось Божественное восхожденіе къ Отцу истины и блаженства,—долу, въ дворѣ Анны и Каіафы, совершалось новое, ужасное нисхожденіе къ отцу лжи и смерти. Услышавъ отъ кустодіи о воскресеніи, враги Распятаго, вмѣсто того, чтобы пробудиться отъ нечувствія и ожесточенія, пріити въ себя, признать свое заблужденіе и омыть оное слезами, замыслили новую, тягчайшую неправду

и клевету (Иннок.). Первосвященники и книжники составили по этому поводу совѣтъ и порѣшили подкупить воиновъ значительною суммою денегъ; они позвали ихъ и вручивъ имъ деньги, внушили: „говорите всѣмъ: когда мы спали, пришли ученики и украли тѣло Іисусово" (Мат. 28, 13). Воины, получивши деньги, стали распускать по всей Іудеѣ такую странную молву о похищеніи мертваго тѣла Іисусова, но не всякій могъ вѣрить сей лжи, нелѣпѣе которой ничего не могло быть: ибо какъ воину римскому ссылаться было на сонъ во время стражи? Съ другой стороны, какъ спавшая стража могла свидѣтельствовать о томъ, что именно ученики Іисуса украли тѣло Его! И ученикамъ ли отважиться на похищеніе мертваго,—тѣмъ, которые оставили живаго? Если бы кто и другой вздумалъ похитить тѣло, то сдѣлалъ бы сіе до приставленія ко гробу стражи; а при стражѣ не сталъ бы медлить въ пещерѣ, снимать погребальныя пелены и сударь со главы и раскладывать ихъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ нашли ихъ Петръ съ Іоанномъ. Но другой лжи не представлялось; потому и ухватились за то, что первое и послѣднее попало на злой умъ. Подобнымъ чудомъ и толкованіемъ народа, незнающаго закона (Іоан. 7, 49), книжники и фарисеи немного дорожили; страшнѣе былъ Пилатъ, который, за настойчивость въ преторіи при осужденіи Іисуса, могъ теперь жестоко отмстить книжникамъ провозглашеніемъ ужасной для нихъ истины. Но золото въ то время было сильнѣе всякой истины на судѣ римскомъ; посему первосвященники смѣло говорили стражѣ: *„аще сіе услышано будетъ у Игемона, мы утолимъ его и васъ безпечальны сотворимъ* (Мат. 28, 14).

Слыша сіе, многіе изъ насъ во святой ревности могутъ подумать, для чего Воскресшій не явился тотчасъ въ торжествѣ врагамъ Своимъ и не принудилъ ихъ къ вѣрѣ? Но, что было бы пользы отъ сего явленія? Принужденная вѣра не есть вѣра. Притомъ, злоба враговъ Іисусовыхъ могла бы устоять въ своемъ невѣріи и при явленіи имъ Воскресшаго; могла бы сказать, что явившійся или не умиралъ, или ожилъ не Божественною силою. Воскресшій поступилъ премудрѣе: Онъ не явился Іерусалиму Самъ, дабы, между прочимъ, не подать повода къ волненіямъ многочисленному народу, стекшемуся на праздникъ: а достойнымъ въ Іерусалимѣ послалъ отъ Себя

такихъ вѣстниковъ Своего воскресенія, кои, подобно Ему, сами воскресли изъ мертвыхъ, и потому имѣли полное право на довѣріе. Здѣсь разумѣются тѣ святые люди, которые, по свидѣтельству Евангелиста Матѳея, востали изъ гробовъ въ часъ смерти Господа и, по воскресеніи, вошедши во святый городъ, явились многимъ (Матѳ. 27, 53), безъ сомнѣнія, съ вѣстію о воскресеніи (Иннок.). Не безынтереснымъ является вопросъ, что послѣдовало съ сими святыми людьми послѣ ихъ явленія? Въ разрѣшеніе сего ни Евангелистъ, ни церковная исторія не говорятъ ни слова, но самое молчаніе даетъ знать, что явившіеся Святые не остались на пребываніе въ Іерусалимѣ не только между невѣрующими, но и между тѣми, коимъ они являлись. Какъ бы они начали жить на землѣ? Земля, явно, не по нихъ, равно, какъ и они не по землѣ. Куда же отошли они, — ужели въ гробы, изъ коихъ вышли? Это было бы несообразно съ ихъ воскресеніемъ. Если Лазарь воскрешенный умеръ опять, по прошествіи извѣстнаго времени, то должно помнить, что Лазарь воскресъ съ прежнимъ тѣломъ, т. е. съ обыкновеннымъ тѣломъ, а святые, воскрешенные смертію Господа. воскресли въ тѣлѣ обновленномъ, такомъ, каковы будутъ тѣлеса всѣхъ святыхъ по всеобщемъ воскресеніи. Такому тѣлу какъ входить опять во гробъ и для чего? Посему-то св. Отцы издревле полагали благочестно, что воскресшіе святые не умирали уже опять, а невидимо сопровождали Господа на небо при Его вознесеніи, составивъ изъ себя вокругъ Его начатки обновленнаго человѣчества, къ коему потомъ присоединилась Матерь Божія, взятая съ тѣломъ на небо (Иннок.).

Только что начала заниматься заря перваго дня недѣли, когда еще было темно, Марія Магдалина, другая Марія Клеопова и Саломія съ приготовленными благовоніями пошли ко гробу, чтобы помазать тѣло Спасителя, чего не успѣли сдѣлать при погребеніи Его; къ нимъ присоединилась и Іоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова. Мvроносицы дорогою недоумѣвали, кто отвалитъ имъ большой камень отъ входа въ гробницу (Марк. 16, 1—3). Подошедши близко, онѣ замѣтили. что камень уже отваленъ, и во гробѣ нѣтъ Іисуса (Марк. 16, 4). Марія Магдалина прежде другихъ женъ пришла ко гробу и, увидѣвъ, что камень отваленъ, побѣжала назадъ; приходитъ къ Петру и Іоанну и говоритъ: „унесли Господа

изъ гроба, и не знаю, гдѣ положили Его". Между тѣмъ другія жены мυроносицы вошли въ самую пещеру и, къ изумленію, при гробѣ Спасителя нашли сидѣвшихъ двухъ юношей въ бѣлыхъ блистающихъ одеждахъ; онѣ ужаснулись и въ страхѣ потупили взоры въ землю. Тогда Ангелъ, который сидѣлъ на правой сторонѣ, сказалъ женамъ: „не ужасайтесь! я знаю, что вы ищете Іисуса Назарянина распятаго; нѣтъ Его здѣсь. Онъ воскресъ, какъ сказалъ. Подойдите, посмотрите, вотъ мѣсто, гдѣ Господь положенъ былъ, и подите скорѣе, скажите ученикамъ Его и Петру, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ и встрѣтитъ всѣхъ въ Галилеѣ, и тамъ Его увидите, какъ Онъ раньше сказалъ вамъ, что и я теперь сказываю вамъ. Вы вспомните, какъ Онъ, еще будучи въ Галилеѣ, говорилъ вамъ, что Сыну Человѣческому надлежитъ быть предану въ руки человѣковъ грѣшныхъ, быть распяту и въ третій день воскреснуть" (Мар. 16, 7). И тогда онѣ вспомнили, что Іисусъ Христосъ говорилъ это имъ. Жены возвратились отъ гроба со страхомъ и поспѣшили возвѣстить ученикамъ Іисуса Христа все, что узнали. Ученики не повѣрили, но Петръ и Іоаннъ побѣжали ко гробу, гдѣ уже не видѣли ни Самого Воскресшаго, и ни одного изъ Ангеловъ, — безъ сомнѣнія потому, что для нихъ, какъ мы замѣтили, не пришелъ еще часъ полной радости; и по состоянію души ихъ, имъ полезнѣе было вначалѣ услышать о воскресеніи отъ другихъ, нежели тотчасъ увидѣть Воскресшаго самимъ (Иннок.), вмѣсто Котораго они увидѣли во гробѣ однѣ пелены и платъ, который былъ на головѣ Іисуса Христа, а теперь свитый лежалъ на особомъ мѣстѣ. Увидѣвъ это, Іоаннъ повѣрилъ, что Іисусъ Христосъ воскресъ, потому что, если бы кто унесъ тѣло Его, то не оставилъ бы пеленъ, а особенно не сталъ бы бережно складывать головнаго плата (Лук. 24, 12; Іоан. 20, 2—9); послѣ сего Петръ и Іоаннъ воротились домой. Пресвятая Богородица не ходила ко гробу, а со дня удаленія отъ гроба Господня къ Іоанну пребывала въ домѣ его въ ожиданіи предсказаннаго великаго событія и, утѣшая Себя этою надеждою, со слезами молилась: *„душевную мою язву нынѣ исцѣли, Чадо Мое, воскресни и утоли Мою болѣзнь и печаль, можеши бо Владыко, елико хощеши и твориши, аще и погреблся еси волею"* (Канонъ о распятіи Господнемъ и на

плачъ Пресв. Богородицы. Пѣснь 9). И святая вѣра Ея оправдалась на дѣлѣ. Печаль Ея скоро смѣнилась высокою радостію. Немедленно, по воскресеніи Спасителя, архангелъ Гавріилъ возвѣстилъ Ей славное Его воскресеніе: „*Чистая Дѣво, радуйся, и паки реку, радуйся: Твой Сынъ воскресе тридневенъ отъ гроба!*" Словами Архангела и св. Церковь воспѣваетъ славное Воскресеніе Христово, присоединивъ ихъ къ 9-ой пѣсни пасхальнаго канона и прибавивъ къ нимъ слова: „*Ангелъ вопіяше Благодатнѣй: (Чистая Дѣво, радуйся, и паки реку, радуйся* и проч.).

Вскорѣ и Самъ воскресшій Господь въ озаренномъ Божественною славою тѣлѣ благоволилъ явиться Ей первой передъ всѣми, первой возвѣстивъ небесныя блага, даруемыя Его воскресеніемъ,—явился, какъ нѣжной Матери, вѣрно, съ самоотверженіемъ исполнившей передъ Нимъ материнскій долгъ въ тяжкое время Его страданій и смерти,—явился, какъ къ Матери всего искупленнаго Его пречистою кровью человѣчества. Велика была радость Божіей Матери при видѣ Своего воскресшаго Сына. Теперь-то, согласно благовѣщенію Архангела, Она увидѣла въ Немъ Сына Вышняго, Царя Небеснаго, Побѣдителя смерти и ада.(Иннок.).

Марія Магдалина опять возвратилась въ садъ Іосифовъ: она стояла подлѣ гроба и плакала, а потомъ наклонилась ко гробу и увидѣла двухъ Ангеловъ, въ бѣломъ одѣяніи, сидящихъ, одного въ головахъ, а другого въ ногахъ у того мѣста, гдѣ положили Его. Они сказали ей: „жена, что ты плачешь?" Марія отвѣчала: „унесли Господа моего, и не знаю, гдѣ положили Его". Говоря это, она замѣтила особенное благоговѣйное движеніе въ Ангелахъ, взоръ которыхъ устремленъ былъ въ это время на что-то внѣ пещеры. Она оглянулась назадъ и увидѣла незнакомаго человѣка, который спросилъ ее: „что ты плачешь, кого ищешь?" Думая, что это садовникъ, она говоритъ ему: „Господинъ! если ты взялъ Его, скажи мнѣ, гдѣ ты положилъ, и я возьму Его", и, не дождавшись отвѣта, опять оборачивается къ Ангеламъ, чтобы узнать причину, что ихъ заставило принять такое благоговѣйное положеніе. Вдругъ слышитъ позади себя знакомый голосъ: „Марія"! (Это былъ Іисусъ Христосъ). Она, оборотившись, воскликнула: „Раввуни"! (Учитель!) и бросилась къ ногамъ Его. Іисусъ же говоритъ ей: „*не прикасайся Мнѣ* (не

останавливай Меня), потому что Я еще не восшелъ къ Отцу Моему, а поди къ братіямъ Моимъ (ученикамъ) и скажи имъ, что Я восхожу къ Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему". Марія Магдалина пошла и разсказала ученикамъ Господнимъ, что она видѣла Господа и слышала Его рѣчь. Но тѣ не повѣрили ей (Іоан. 20, 11—18; Марк. 16, 9—11; Матѳ. 28, 8—10). Въ тотъ же день, послѣ явленія Пресвятой Богородицѣ и Маріи Магдалинѣ, Іисусъ Христосъ явился Іакову, потомъ и прочимъ мvроносицамъ на обратномъ ихъ пути отъ гроба, двумъ ученикамъ, шедшимъ по дорогѣ въ Еммаусъ, Петру, въ самомъ Іерусалимѣ десяти Апостоламъ и другимъ. Явившись на дорогѣ другимъ мvроносицамъ, когда онѣ отъ гроба возвращались къ Апостоламъ съ Ангельскою вѣстію о воскресеніи, Іисусъ привѣтствовалъ ихъ: *„радуйтесь"* (здравствуйте)! Тѣ испугались и поклонились Ему. Онъ же сказалъ: „не бойтесь, подите, возвѣстите братіямъ Моимъ, чтобы они шли въ Галилею: тамъ они Меня увидятъ". Мvроносицы разсказали ученикамъ все видѣнное и слышанное ими, но ученики опять не повѣрили имъ (Матѳ. 28, 1—15; Марк. 16, 1—11; Лук. 23, 55; 24, 12; Іоан. 20, 1—18). По преданіямъ палестинскимъ, св. Іаковъ, братъ Божій, скрывался въ продолженіе страданій Спасителя въ вертепѣ, въ верхней части скалы, украшенномъ портикомъ съ фризами и поддерживаемомъ четырьмя круглыми колоннами въ греческомъ вкусѣ, противъ памятника Авессалома, у подошвы горы Елеонской, давъ обѣтъ не вкушать со дня Тайной Вечери пищи, доколѣ Господь не воскреснетъ изъ мертвыхъ. Іисусъ явился ему въ этомъ вертепѣ по воскресеніи и, велѣвъ принести хлѣбъ, благословилъ и преломилъ его, сказавъ: „вкуси отъ сего хлѣба, ибо Сынъ Человѣческій воскресъ изъ мертвыхъ" (Норова). Апостолъ Петръ пламенно желалъ видѣть воскресшаго Господа и умолить Его, дабы простилъ ему троекратное его отреченіе. Господь явился ему въ день Своего воскресенія и утѣшилъ скорбящую душу сего Апостола (Лук. 24, 34. и 26, 1—35 Кн. для чт., от. 1, изд. 4, 1869). Въ тотъ же самый день Господь явился двумъ ученикамъ, шедшимъ по дорогѣ въ Еммаусъ—селеніе, отстоявшее отъ Іерусалима верстъ на десять, Лукѣ и Клеопѣ. Дорогой они уныло разговаривали между собою объ Іерусалимскихъ собы-

тіяхъ послѣднихъ дней. Въ моментъ столь оживленнаго разговора явился имъ Спутникъ и пошелъ съ ними рядомъ; но видя, что прервалъ ихъ бесѣду, спрашиваетъ ихъ: „о чемъ вы разговариваете? И отчего вы печальны?“ Клеопа отвѣчаетъ Ему: „Ужели Ты, бывши въ Іерусалимѣ, не знаешь, что случилось въ эти дни“?—„А что такое“? спросилъ неузнанный Спутникъ. Тѣ разсказали Ему объ Іисусѣ Назарянинѣ, Который былъ Пророкъ, прославившійся чудесами и ученіемъ передъ Богомъ и всѣми людьми, но Котораго первосвященники предали для осужденія на смерть и распяли. Мы было надѣялись“, продолжали они: „что Онъ и есть Тотъ, Который избавитъ Израиля. Но вотъ уже теперь третій день, какъ Онъ распятъ и умеръ, и погребенъ. Правда, нѣкоторыя женщины изъ нашихъ изумили насъ своими разсказами, что во гробѣ Его уже нѣтъ; что Онъ живъ, какъ возвѣстили имъ Ангелы, но Самого-то Его не видали“. Тогда Христосъ сказалъ имъ: „какъ вы трудно понимаете и какъ вы медленны своимъ сердцемъ для того, чтобы вѣровать всему предсказанному Пророками! Не надлежало-ли Мессіи, согласно съ Писаніемъ, пострадать и потомъ уже войти въ славу Свою“? И, начавъ съ Моисея и всѣхъ Пророковъ, приводилъ и изъяснялъ имъ мѣста, заключающія предсказанія о Немъ. Среди разговоровъ они подошли къ селенію. День склонился уже къ вечеру. Христосъ даетъ замѣтить, что Онъ хочетъ дальше идти. Его упросили остаться съ ними вечерять въ селеніи. Онъ вошелъ съ ними въ домъ и во время вечерняго стола, когда возлежалъ съ ними, сверхъ обыкновенія, точно хозяинъ дома, взялъ хлѣбъ, благословилъ, преломилъ и подалъ имъ. Тутъ только отверзлись у нихъ очи, и они узнали, Кто съ ними. Но Онъ уже сталъ невидимымъ. Тогда они сказали другъ-другу: „не чувствовало-ли (Его присутствія) и не горѣло ли сердце наше, когда Онъ говорилъ съ нами на дорогѣ и изъяснялъ намъ Писанія“? Оставивъ трапезу, они тотчасъ же встали и пошли обратно въ Іерусалимъ, гдѣ нашли почти всѣхъ Апостоловъ и другихъ съ ними учениковъ, которые сообщили имъ, что Господь дѣйсвтительно воскресъ и уже явился Симону Петру и многимъ другимъ. И еммаусскіе путешественники въ свою очередь сообщили, что было съ ними на пути и какъ узнали Господа Іисуса въ

преломленіи хлѣба (Лук. 24, 13—35; Марк. 16, 12—13). Наступилъ вечеръ перваго (воскреснаго) дня. Ученики Христовы въ одномъ домѣ собрались и, по опасенію отъ Іудеевъ, запершись, вели между собою разговоръ о воскресеніи Господа Іисуса. Вдругъ Онъ Самъ является среди нихъ и говоритъ имъ „*миръ вамъ*", что было не столько по обычаю привѣтствія, сколько для успокоенія учениковъ. Тѣ въ сомнѣніи не знали, что отвѣчать на сіе привѣтствіе, и молчали. „*Миръ вамъ*", повторилъ Онъ, желая утѣшить ихъ душевное волненіе. Они смутились и подумали, что это духъ. Тогда Господь сказалъ имъ: „что вы смутились и что за мысли у васъ на душѣ? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои: это Я Самъ, осяжите Меня и разсмотрите: духъ не имѣетъ плоти и костей, какъ вы видите у Меня". Сказавши это, Онъ показалъ имъ руки, ноги и бокъ Свой. Когда же они все еще не вѣрили, но уже отъ радости дивились, Онъ спросилъ ихъ: „есть-ли у васъ здѣсь что-нибудь съѣстное". (Лук. 24, 36—48). Это долженствовало служить уже рѣшительнымъ признакомъ, что видимое тѣло Учителя было не воздушное и не одинъ призракъ, а то самое, которое висѣло на крестѣ и лежало во гробѣ. Они подали Ему *часть печеной рыбы и сотоваго меду*,—остатокъ, вѣроятно, собственной вечери. Господь вкусилъ того и другого. Тогда ученики обрадовались, удостовѣрившись, что это (не духъ, а Самъ воскресшій) Господь. Онъ же сказалъ имъ: „вотъ, о чемъ именно Я вамъ говорилъ, когда жилъ вмѣстѣ съ вами, что надобно исполниться всему писанному обо Мнѣ въ законѣ Моисеевомъ и Пророкахъ и псалмахъ". Тогда отверзся имъ умъ, такъ что они поняли Писаніе. Напомнивъ имъ объ исполненіи на Немъ пророчествъ, Христосъ продолжаетъ: „теперь вы знаете, что написано, и понимаете, что Христу надобно было пострадать и въ третій день воскреснуть изъ мертвыхъ, и надобно, чтобы во имя Его проповѣдано было покаяніе и прощеніе грѣховъ во всѣхъ народахъ, начиная отъ Іерусалима. Вы же должны быть (предъ цѣлымъ міромъ) свидѣтелями (и проповѣдниками) всего этого". Затѣмъ, онъ сказалъ имъ въ другой разъ: „*миръ вамъ*! Какъ послалъ Меня Отецъ, такъ и Я посылаю васъ"! (Іоан. 20, 21). Затѣмъ дунувъ на нихъ, присовокупилъ: „пріимите Духа Святаго. Кому вы простите грѣхи, тому про-

стятся; на комъ оставите, на томъ останутся". Этими словами Іисусъ Христосъ простился съ учениками. Евангелисты не упоминаютъ, какъ отошелъ за симъ Господь изъ среды учениковъ. По всей вѣроятности такъ же, какъ и въ другихъ явленіяхъ, т. е. *невидимъ бысть имъ* (Лук. 24, 31). Свидѣтелями этого явленія Іисуса Христа изъ Апостоловъ было только 10; Апостола Ѳомы не было при этомъ явленіи. Когда же ученики разсказали Ѳомѣ, что они видѣли Господа, осторожный Ѳома отвѣчалъ: „если не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей и пока самъ не вложу руки моей въ (проколотый) бокъ Его, до тѣхъ поръ не повѣрю". Черезъ седмицу по воскресеніи Христосъ явился ученикамъ, бывшимъ съ Ѳомою. Сими и другими явленіями Своими Господь нашъ Іисусъ Христосъ засвидѣтельствовалъ истину славнаго Своего воскресенія изъ мертвыхъ, показавъ Себя, послѣ страданія Своего, живымъ. Вѣрнымъ доказательствомъ сего служатъ многія мѣста Св. Писанія (Дѣян. 1, 3). Такъ, святые Апостолы говорятъ о себѣ: „мы ѣли и пили съ Нимъ, по воскресеніи Его изъ мертвыхъ" (Дѣян. 10, 41). Изъ словъ Спасителя Магдалинѣ видно, что Ему предстояло еще теперь восхожденіе къ Отцу. Какое и для чего? Будущее вознесеніе на небо, послѣдовавшее съ Елеона спустя 40 дней по воскресеніи? Но Воскресшій говоритъ: *не взойду, а восхожду,* т. е. теперь, или вскорѣ. Посему, не временное ли это восхожденіе въ міръ горній? И не на сіе ли самое указываетъ св. Павелъ, когда, исчисляя главныя событія въ жизни Господа, предъ словами: *„вознесся на небо"*, поставляетъ: *„показался Ангеламъ?"* (1 Тим. 3, 16). Въ самомъ дѣлѣ, если Воскресшему, по словамъ Писанія, должны были *поклониться вси Ангели Божіи* (Евр. 1, 6), то была ли какая нужда лишать ихъ сего блаженства въ продолженіе 40 дней? Не опустимъ, наконецъ, безъ вниманія и того, кому суждено пріять и распространить первую вѣсть о воскресеніи; не Іоанну, не Петру, не Іакову — верховнымъ Апостоламъ, а слабымъ, но усерднымъ женамъ, шедшимъ съ ароматами ко гробу Іисуса. Ароматы остались безъ употребленія; но несшія ихъ, за свою любовь, сами сдѣлались *благоуханіемъ Христовымъ* (2 Кор. 2, 15). „Жена", замѣчаетъ Григорій Великій, „изъ устъ змія приняла первую ложь, и жена же изъ устъ Самого воскресшаго Господа первая услышала радостную

истину, дабы, чья рука (жены Евы) растворила смертное питіе, та же самая (жены мvроносицы) подала и чашу жизни". А мы замѣтимъ для всѣхъ женъ, что онѣ, по примѣру мvроносицъ, могутъ назидать спасеніе не только свое, но и другихъ. Женѣ Апостолъ не повелѣлъ учить (1 Тим. 2, 12), т. е., подобно мужамъ, въ собраніяхъ христіанскихъ; но для дѣтей мать есть первый, Самимъ Богомъ поставленный, учитель. И та жена, изъ устъ которой дѣти услышатъ первую вѣсть о своемъ Спасителѣ и Его воскресеніи, будетъ мvроносицею для своей домашней церкви (Иннок.).

Итакъ, Іисусъ Христосъ воскресъ, какъ объ этомъ было предсказано, или написано въ пророческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта, чѣмъ и довершилъ искупленіе рода человѣческаго; посему-то мы и говоримъ въ Сvмволѣ вѣры: (вѣруемъ) въ Господа нашего Іисуса Христа, *воскресшаго въ третій день по писаніемъ*. Искупленіе есть новое твореніе, столько же удивительное, премудрое, величественное, какъ и мірозданіе. Чрезъ искупленіе на землѣ создался міръ духовный, свѣтлый всѣми добродѣтелями, полный красотъ и совершенствъ ангельскихъ. Земля изъ проклятой и отверженной сдѣлалась преддверіемъ неба, или, лучше сказать, небо перешло на землю. Апостолы, смотря на такое чудесное, неизъяснимое преобразованіе во всемъ существѣ каждаго изъ возлюбившихъ Христа, признавали это дѣйствіе за новое твореніе и называли его нѣкоторымъ начаткомъ Его созданій (Іак. 1, 18), или еще опредѣленнѣе говорили: „*аще кто во Христѣ, нова тварь*" (2 Кор. 5, 17). Получившимъ такую новую жизнь, Іисусъ Христосъ предоставлялъ право именоваться дѣтьми Божіими, какъ говоритъ св. евангелистъ Іоаннъ: „вѣрующимъ во имя Его далъ власть быть чадами Божіими, которые не отъ крови, ни отъ хотѣнія плоти, ни отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога родились (Іоан. 1, 12—13). Одинъ только Іисусъ Христосъ силою Своего Божества могъ возстать изъ мертвыхъ и преодолѣть смерть, отъ которой ничто живущее въ мірѣ не освобождается. Такъ всемогущъ Господь надъ силами и законами видимаго міра! И міръ невидимый — міръ духовъ Ему послушенъ, и Ангелы Ему служатъ (Мат. 4, 11), и покорствуютъ (1 Петр. 3, 22); нечистые духи, по Его повелѣнію, съ трепетомъ оставляютъ свои добычи (Мат. 8, 16; Мар. 1, 25—27); души грѣшниковъ, по

одному слову Его, очищаются отъ своихъ беззаконій и становятся образцами святости. Даже имя Его всесильно и побѣдоносно; оно, устами Апостоловъ произносимое, производило не меньшія чудеса, какъ и Онъ Самъ. Петръ сказалъ хромому отъ рожденія: „*во имя Іисуса Христа Назорея востани и ходи*“ (Дѣян. 3, 6); и тотъ вскочилъ, какъ бы никогда не былъ хромъ (надпись на крестѣ Г. н. І. Христа. Ѳеод. Яковлева. 1880 г.).

Взирая на природу, мы можемъ замѣтить, что время Воскресенія Христова есть то самое въ году, когда вся природа обновляется и какъ бы воскресаетъ послѣ холода зимняго. Смотря на весну изъ оконъ храма, невольно видишь въ ней нѣкое знаменіе, коимъ земля ежегодно привѣтствуетъ Побѣдителя ада и смерти. Печальныя знаменія на Голгоѳѣ произошли однажды; ибо Спаситель однажды умеръ; а радостныя знаменія Воскресенія повторяются всегда; ибо Христосъ, воскреснувъ изъ мертвыхъ, *ктому не умираетъ* (Римл. 6, 9). Онъ могъ умереть и воскреснуть въ другое время года; между тѣмъ воскресъ именно тогда, какъ вся природа можетъ привѣтствовать Его своимъ совоскресеніемъ. Между воскресеніемъ Господа связь не только времени, а самаго дѣла. Природа воскресаетъ теперь временно, потому что воскресъ нынѣ Воскреситель ея, и потому же самому воскреснетъ нѣкогда вѣчно. Такое понятіе объ отношеніи весны къ нашему празднеству увеличиваетъ и радость праздника и пріятность весны. Воскресеніе Господа становится для насъ, если можно, еще величественнѣе, когда представляемъ, что дѣйствія его не ограничиваются даже цѣлымъ родомъ человѣческимъ, а простираются на всю природу. И кого же, послѣ сего, привѣтствовать природѣ своимъ воскресеніемъ, какъ не Воскресшаго и *съ Собою*, какъ воспѣваетъ Церковь, *вся Воскресившаго?* (Велич. въ нед. Антипасхи). Послѣ сего понятно, что значитъ, когда Церковь воспѣваетъ, что въ воскресеніи Господа обрадованы *небо и земля и преисподняя*. Воскресеніе Господа есть праздникъ истинно всемірный: ибо на Голгоѳѣ съ Богомъ, по выраженію Апостола: *примиренъ весь міръ* (Колос. 1, 20); оно же было довершеніемъ искупительной жертвы за насъ, и потому есть не только величайшее чудо, не подлежащее никакому сомнѣнію, но и такое событіе, которымъ

Спаситель нашъ запечатлѣлъ, утвердилъ вѣрность искупленія рода человѣческаго и положилъ основаніе нашему блаженному воскресенію: „*Онъ преданъ былъ за грѣхи наши*“, говоритъ апостолъ Павелъ о Христѣ Іисусѣ, „*и воскресъ для оправданія нашего*“ (Рим. 4, 25). Оттого и праздникъ Воскресенія Христова, какъ святѣйшій и радостнѣйшій день, содѣлялся для всѣхъ вѣрующихъ величайшимъ и торжественнѣйшимъ праздникомъ изъ всѣхъ христіанскихъ праздниковъ.

Богослуженія, совершаемыя въ свѣтлый день Воскресенія Христова, а равно въ продолженіе всей Свѣтлой седьмицы, видимо отличаются отъ всѣхъ прочихъ въ цѣломъ году Богослуженій также своею торжественностію и своимъ величіемъ. Отличіе настоящаго Богослуженія начинается еще въ навечеріе Пасхи, и начинается, можно сказать, самымъ неожиданнымъ, и потому разительнымъ образомъ. Въ началѣ литургіи въ Великую субботу, которая, подобно великопостной литургіи, соединяется съ вечернею, священнослужители являются всѣ въ мрачныхъ одеждахъ. Богослуженіе продолжается обыкновеннымъ порядкомъ до Евангелія; но тутъ оно какъ бы прерывается на время или останавливается. Вмѣсто ожидаемаго чтенія Евангелія поется стихъ: *Воскресни Боже, суди земли, яко Ты наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ.* Въ это время служащіе измѣняютъ свои одежды: отлагая мрачныя, являются въ свѣтлыхъ и праздничныхъ. Это первая заря праздника. Такая перемѣна облаченія среди самаго Богослуженія невольно останавливаетъ вниманіе каждаго зрящаго. Что образуетъ она собою? Въ прошедшемъ—напоминаетъ бѣлыя ризы, въ коихъ явился у гроба Спасителя Ангелъ съ вѣстію о воскресеніи; въ настоящемъ—внушаетъ о той чистотѣ духа и сердца, какую требуетъ святость праздника; въ будущемъ—предуказуетъ тѣ бѣлыя ризы, въ кои достойные изъ насъ облекутся по своемъ воскресеніи, какъ это видѣно св. Іоанномъ въ его дивномъ Апокалипсисѣ. Блаженъ, кому достанется сложить мрачныя ризы плоти среди служенія Господу!

Повѣствуя о явленіи Ангеловъ при гробѣ воскресшаго Спасителя, св. Евангелисты замѣчаютъ, что у одного изъ нихъ одѣяніе было *бѣло, какъ снѣгъ* (Матѳ. 28, 3), а у двухъ другихъ—*ризы блестящіяся* (Лук. 24, 4). Если и Ангелы, послужившіе воскресшему Господу, являлись людямъ въ такомъ

одѣяніи и такихъ ризахъ; то тѣмъ болѣе прилично такое облаченіе для служителей алтаря Христова. Ибо предметъ служенія нашего выше ангельскаго. Ангелы должны были только возвѣстить о воскресеніи Господа, а мы должны не только возвѣщать о семъ воскресеніи, но и низводить благодать Воскресшаго въ души и сердца вѣрующихъ въ Господа, преподавать имъ самое Тѣло и самую Кровь Его. Посему-то, еще при первомъ учрежденіи чина священническаго, Самъ Богъ чрезъ Моисея не только далъ уставъ Богослуженія, но и начерталъ во всей подробности правила касательно вида, состава и употребленія одеждъ священныхъ. Божественный Основатель Церкви новозавѣтной не начерталъ подобныхъ правилъ для одеждъ Своихъ служителей; ибо собственныя одежды Его были совлечены съ Него и достались въ удѣлъ распинателямъ; но когда явился потомъ возлюбленному ученику Своему въ видѣ Великаго Первосвященника Церкви новозавѣтной, то явился *облеченнымъ въ подиръ и препоясаннымъ поясомъ златымъ* (Апокал. 1, 13); и когда показалъ ему въ видѣніи стоящихъ предъ престоломъ славы Его, то показалъ *облеченными въ ризы бѣлыя, и финицы въ рукахъ ихъ* (Апок. 7, 9). Имѣя въ виду сіе, Церковь новозавѣтная, хотя и преимуществуетъ предъ ветхозавѣтною Церковью благодатію, духомъ и истиною, но, подобно ей, никогда не пренебрегала и не пренебрегаетъ и внѣшнимъ благолѣпіемъ Богослуженія и священныхъ облаченій. Особенно настоящій день, какъ праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ, всегда отличался особенною торжественностію не только служенія, но и священнаго облаченія служителей алтаря Христова.

Послѣ литургіи Великой субботы опять неожиданная особенность и опять ради наступающаго дня Пасхи. Является пять хлѣбовъ и совершается благословеніе ихъ, что, какъ извѣстно, предъ другими великими праздниками бываетъ только на всенощныхъ бдѣніяхъ. Это—потому, что непосредственно послѣ литургіи, оканчивавшейся уже къ ночи, въ древней Церкви начиналось чтеніе Дѣяній Апостольскихъ, продолжавшееся до утрени пасхальной; посему освященные хлѣбы служили, вмѣсто трапезы, къ поддержанію немощи тѣлесной, напоминая въ то же время малостію снѣди, что *не о хлѣбѣ*

единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ словѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ (Матѳ. 4, 4).

Наступаетъ полночь, и въ то же время торжественный звукъ колокола возвѣщаетъ наступленіе праздника. Въ полночь возвѣщаетъ: ибо воскресеніе Господа произошло утру глубоку, когда все покоилось сномъ. Въ противоположность тому, вѣрующіе теперь не спятъ, какъ бы въ видимое доказательство, что они готовы срѣтить Жениха, имѣющаго нѣкогда пріити въ полунощи. Но что въ храмѣ? Тамъ, кромѣ обыкновеннаго праздничнаго убранства и освѣщенія, по всѣмъ главнымъ мѣстамъ церкви, особенно же предъ царскими дверьми, совершается куреніе ѳиміама. Это—знаменіе обилія благодатнаго, проторгшагося изъ гроба Христова во весь міръ; это—знакъ того, что мысли и чувства всѣхъ должны, какъ ѳиміамъ, нестись теперь горѣ,—къ престолу Воскресшаго и съ Собою вся Воскресившаго.

И вотъ, въ глубинѣ алтаря, будто на небѣ, изъ устъ священнослужителей, будто изъ устъ Ангеловъ Божіихъ, впервые слышится вѣсть воскресенія: *Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси*... Съ сею пѣснію священнослужители исходятъ изъ алтаря, а потомъ и изъ храма, купно со всѣми вѣрующими, и съ крестомъ и иконами идутъ вокругъ церкви, становятся предъ вратами ея, и здѣсь, возгласивъ нѣсколько разъ славу Воскресшаго, входятъ съ торжествомъ въ церковь. Въ семъ хожденіи — утру глубоку нетрудно узнать хожденіе св. женъ мѵроносицъ и Апостоловъ въ вертоградъ Іосифовъ. Служеніе начато внѣ церкви;—начато предъ запертыми вратами потому, что храмъ въ сіе время означаетъ рай, двери коего были заключены для людей дотолѣ, пока не отверзъ ихъ Крестомъ Своимъ воскресшій Искупитель рода человѣческаго. Войдя за священнослужителями въ церковь, всякій, присутствующій въ оной, не можетъ не замѣтить, что во все время Богослуженія въ этотъ день на клиросѣ ничего не читаютъ, а все поютъ и поютъ. И поютъ не на одномъ клиросѣ, а на двухъ поперемѣнно. Это взято изъ примѣра св. Игнатія Богоносца. Св. Игнатій Богоносецъ былъ епископомъ Антіохійской церкви въ I вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ; онъ установилъ въ своей епархіи пѣніе въ церквахъ на два хора; отъ него впослѣдствіи заимствовали сей обы-

чай и другіе пастыри Церкви; поэтому и теперь, гдѣ есть возможность, поютъ на два клироса или два хора (Чет. Мин. 20 декаб.). Пасхальное Богослуженіе, состоящее изъ пѣнія торжественныхъ пѣснопѣній и только изъ пѣнія, продолжается и во всю Свѣтлую седмицу. Почему? Потому что это торжество торжествъ, а „*благодушествуетъ-ли кто, да поетъ*", говоритъ Апостолъ. Поелику же въ Воскресеніи источникъ благодати неизсякаемый, то и пѣніе непрерывное, непрерывное и самое торжественное. Если Церковь земная приближается къ небесной, торжествующей, то когда болѣе, какъ не въ эти дни?

Подъ конецъ утрени происходитъ единственное въ цѣломъ году взаимное цѣлованіе или, такъ называемое, христосованіе. Порядокъ сего обряда состоитъ въ томъ, что архіерей, гдѣ есть, или священникъ съ крестомъ и, гдѣ есть, діаконъ съ Евангеліемъ, выходятъ изъ алтаря на солею и тамъ первый у второго цѣлуетъ Евангеліе, и второй у перваго—св. крестъ, потомъ цѣлуются оба, при чемъ священникъ діакону говоритъ: „Христосъ воскресе!" а діаконъ отвѣчаетъ: „воистину воскресе!" Потомъ священникъ, обратясь къ народу, говоритъ три раза: „Христосъ воскресе!" Народъ, находящійся въ церкви, отвѣчаетъ: „воистину воскресе!" Послѣ этого подходятъ къ священнику первоначально старѣйшіе мужчины и женщины, цѣлуютъ у него св. крестъ въ рукахъ, а потомъ цѣлуются и съ нимъ самимъ, при чемъ священникъ говоритъ: „Христосъ воскресе!" а подходящій отвѣчаетъ: воистину воскресе!" Точно такъ же подходятъ къ діакону и, такимъ образомъ, всѣ до послѣдняго христосуются; кромѣ того нѣкоторые при христосованіи обмѣниваются красными яйцами, гдѣ есть обычай. Обрядъ трогательный и по самому внѣшнему виду его; но какъ бы онъ былъ еще трогательнѣе, если бы мы исполняли его въ томъ самомъ духѣ, въ какомъ онъ введенъ въ Церковь! „Простимъ вся воскресеніемъ", поется во время сего обряда, почему, если когда, то въ это время надобно подойти не къ друзьямъ и пріятелямъ только, а ко врагу и недоброжелателю, если есть таковый, сказать ему: „Христосъ воскресе!" облобызать отъ души и прекратить навсегда вражду. Такое христосованіе будетъ только отъ Христа и для Христа. Ему возрадуются и люди, и Ангелы, и Самъ воскресшій Господь.

Не всѣмъ еще извѣстно, кто первый сказалъ „Христосъ воскресе", и кто сказалъ „воистину воскресе", а также.— что значитъ цѣлованіе другъ друга и подаваніе красныхъ яичекъ. Первый сказалъ „Христосъ воскресе" Маріи Магдалинѣ при гробѣ—Ангелъ (Мар. 16, 1—6). „Воистину воскресе" сказали Апостолы въ одинъ голосъ Лукѣ и Клеопѣ, когда они возвратились изъ Еммауса (Лук. 24, 34). Есть преданіе, что Марія Магдалина была въ Римѣ и поднесла императору Тиверію красное яйцо, сказавъ: „Христосъ воскресе!" и что будто христіане, слѣдуя ея примѣру, въ праздникъ Воскресенія Христова стали дарить другъ другу красныя яйца. Смотря на яйцо, всякъ знаетъ, что оно мертвое, но оно служитъ знаменіемъ нашего воскресенія, поелику мы во время второго пришествія Христова воскреснемъ изъ праха, подобно тому, какъ изъ яйца рождается живая птичка. Цѣлованіе при семъ или христосованіе служитъ выраженіемъ искренней радости, въ кругу соединенныхъ вѣрою и любовію, по заповѣди Апостола: *цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ* (Рим. 16, 16). Цвѣтъ краснаго яйца напоминаетъ животворящую Кровь Христову, которою Онъ смылъ грѣхи наши и тѣмъ избавилъ насъ отъ вѣчной смерти.

Среди литургіи главная особенность—чтеніе Евангелія. Его читаетъ не одинъ діаконъ, а всѣ священнослужители, если есть, и, такимъ образомъ, повторяютъ нѣсколько разъ. Зачѣмъ? Затѣмъ, что повторяемое содержитъ великія тайны. Это какъ будто нѣсколько Евангелистовъ объясняютъ одно и то же, въ знакъ взаимнаго согласія. Кромѣ сего, тамъ, гдѣ можно, это Евангеліе читается не на одномъ, а на разныхъ языкахъ, въ память того, что Апостолы о воскресеніи Господа, пріявъ даръ языковъ, проповѣдали всему міру.

Послѣ литургіи, является предъ вратами царскими пасхальный хлѣбъ съ изображеніемъ Воскресенія Христова, называемый „артосомъ". Его поставляютъ предъ иконою Спасителя, освящаютъ, носятъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви цѣлую седьмицу, а потомъ раздробляютъ и раздаютъ въ субботу послѣ литургіи. Хлѣбъ сей служитъ въ воспоминаніе того, что воскресшій Христосъ, явившись ученикамъ на пути въ Еммаусъ, познанъ ими въ преломленіи хлѣба.

Вечерня Пасхи также имѣетъ отличіе то, что на ней чи-

тается Евангеліе, чего не бываетъ на обыкновенной вечернѣ. Евангеліе это о явленіи Господа Апостоламъ, при коемъ не было Ѳомы, что и послужило для послѣдняго поводомъ къ невѣрію. Читается оно на этой вечернѣ потому, что самое явленіе Господа было въ этотъ вечеръ, и читается священникомъ въ царскихъ вратахъ, обратясь лицомъ къ народу, такъ что привѣтъ Господа *„миръ вамъ"* слышится какъ бы изъ устъ Самого Воскресшаго. Кромѣ сихъ отличій, всю недѣлю царскія двери остаются отверстыми и во время служенія и внѣ его, такъ что предстоящіе въ церкви могутъ видѣть все, что совершается въ алтарѣ и на престолѣ. Симъ выражается, что смертью Господа разорвана завѣса, сокрывавшая святое святыхъ, куда однажды въ годъ входилъ архіерей;—что крестомъ Господа отверстъ входъ въ рай и на небеса;—и что воскресеніемъ Господа раскрыты тайны будущаго вѣка. Наконецъ, во всю недѣлю (равно и во всѣ воскресные дни въ году) воспрещаются земные поклоны. Въ другое время Церковь заповѣдуетъ ихъ, особенно во время поста, а теперь запрещаетъ. Это для того, чтобы изобразить радость и торжество о воскресеніи, и чтобы предызобразить будущее наше состояніе на небѣ, гдѣ всѣ знаки печали и сокрушеній изчезнуть навсегда (Сл. на день Пасхи Иннок.).

Въ Іерусалимѣ,—тамъ, гдѣ Іисусъ совершилъ тайну искупленія человѣчества, арабы греческаго исповѣданія, предъ начатіемъ велико-субботней заутрени, выражаютъ радость свою, обѣгая толпою три раза кругомъ часовни Гроба Господа, бія въ ладоши и восклицая: „нѣтъ другой вѣры, кромѣ вѣры, кромѣ вѣры православной!" Кромѣ того, въ Іерусалимѣ Свѣтлому Христову Воскресенію предшествуетъ знаменитое торжество, заключающееся въ ожиданіи огня небеснаго и въ возжиганіи онаго. Никто изъ русскихъ путешественниковъ, писавшихъ о Палестинѣ, не имѣетъ положительнаго свѣдѣнія о времени, когда произошло первое чудесное явленіе святаго огня. Полагаютъ, что древнѣйшее преданіе о подобномъ событіи принадлежитъ концу второго столѣтія. Монахъ Бернардъ въ концѣ 9-го столѣтія первый говоритъ положительно о святомъ огнѣ. „Въ Великую субботу", пишетъ онъ, „наканунѣ Пасхи, на утреннемъ церковномъ служеніи, въ

храмѣ Гроба Господня, по пропѣтіи „Киріе елейсонъ", Ангелъ нисходитъ и возжигаетъ лампады, висящія надъ Гробомъ Господнимъ. Патріархъ передаетъ этотъ огонь епископу и, наконецъ, всему народу, дабы всякій могъ засвѣтить этотъ огонь въ своемъ домѣ".

Папа Урбанъ II-ой на Крестовомъ соборѣ въ Клермонтѣ, въ своей рѣчи къ собранному предъ нимъ подъ открытымъ небомъ безчисленному множеству народа провозгласилъ между прочимъ слѣдующее: „поистинѣ въ этомъ храмѣ (Гроба Господня) опочиваетъ Богъ; въ этомъ храмѣ Онъ за насъ умеръ и былъ погребенъ. Доселѣ не престаетъ Онъ тамъ являть Свои чудеса, ибо во дни святыхъ страстей Своихъ, когда всѣ огни погашены надъ Гробомъ Его и во храмѣ внезапно погашенныя лампады возгараются. Чье сердце, сколь бы оно ни было окаменѣлымъ, не смягчится таковымъ явленіемъ?"

Игуменъ Даніилъ о томъ же предметѣ пишетъ: „къ назиданію вѣрныхъ", говоритъ онъ, „скажу, что лѣтъ за 500 тому назадъ, въ Великую субботу, пополуночи, къ утру, часу въ шестомъ (по нашему 12 ч. ночи), нисходитъ съ небесъ огонь и возжигаетъ одну или нѣсколько лампадъ въ пещерѣ Гроба Господа, когда уже все духовенство и народъ были собраны въ церкви. Тогда этимъ огнемъ зажигали свѣчи предъ престоломъ до начатія литургіи. Патріархъ, духовенство, царь и народъ направлялись со свѣчами ко Гробу Господню, благоговѣйно прикладывались къ оному, обходили оный трижды и приступали къ литургіи съ живою радостію, возсылая благодареніе Отцу свѣта, и Сыну свѣта,—вѣчной чистотѣ и Духу Святому, Который нисшелъ въ языкахъ огненныхъ на Апостоловъ и на тѣхъ, которые съ ними были на святой горѣ Сіонѣ. При ожиданіи огня небеснаго и при возжиганіи онаго соблюдался слѣдующій порядокъ: въ храмѣ Воскресенія Христова собирались патріархъ, царь, духовенство и народъ весьма рано поутру до того часа, который обыкновенно бывалъ шестой (по нашему 12 ч. ночи), когда благоизволялъ Господь ниспосылать огонь на святыню. Послѣ долгой молитвы избирали одного изъ епископовъ, какъ-то: горы Сіонской, горы Масличной, Виѳлеемскаго, Хевронскаго, церквей пророка Аввакума, Іоанна Крестителя, Спасителя, что на Іорданѣ, Назаретскаго, горы Ѳаворской, горы Кар-

мильской или церкви св. Крестителя Іоанна, что въ Севастѣ, или другихъ мѣстъ,—того, кто считался среди нихъ благочестивѣйшимъ, и посылали его для принятія святаго огня. Если онъ не находилъ еще лампады, зажженной въ пещерѣ Гроба Господня, то возвращался къ патріарху, царю, духовенству и народу, взывая громкимъ голосомъ: „еще не посѣтилъ насъ Господь Своимъ небеснымъ свѣтомъ!“ Тутъ начинались молитвы съ пролитіемъ слезъ и съ воплями, дабы Господь удостоилъ обычно посѣтить ихъ. Съ окончаніем таковыхъ молитвъ посылали другого и т. д., до тѣхъ поръ, пока Господь низведетъ огонь или даръ свѣта. Обрѣтя оный, возжигали свѣчи въ духовной радости и передавали святой огонь сперва патріарху, діакону и иподіакону, а они уже вначалѣ царю, а потомъ всѣмъ, присутствующимъ во храмѣ.

Русскіе путешественники, писавшіе о Палестинѣ и находившіеся сами въ этотъ торжественный день въ храмѣ Воскресенія Христова разсказываютъ, между прочимъ, слѣдующее: „передъ утренею, когда все духовенство было собрано въ алтарѣ греческаго собора, растворились царскія двери греческаго алтаря, и несмѣтная толпа народа всѣхъ языковъ и вѣръ, наполнявшая соборъ, раздвинулась, открывъ путь ко Гробу Господню, — а разоблаченный митрополитъ, въ одномъ бѣломъ подризникѣ, со связкою незажженныхъ свѣчей въ рукахъ, для принятія святаго огня, направился къ часовнѣ Гроба Господня, предшествуемый всѣмъ духовенствомъ въ бѣлыхъ ризахъ, блестящихъ золотомъ. Митрополитъ удостоилъ дать намъ мѣсто вслѣдъ за собою. Толпы дикихъ арабовъ пребыли мирны, какъ агнцы; лишь нѣкоторые вырывались иногда изъ рядовъ, чтобы поцѣловать одежду митрополита или только коснуться ея, несмотря на всѣ воспрещенія и угрозы предводившаго процессіею янычара. Такимъ образомъ мы достигли часовни Гроба Господня, куда за митрополитомъ вошли только одинъ изъ греческихъ епископовъ, архіерей армянскій, русскій консулъ, прибывшій изъ Яффы и мы трое русскихъ путешественниковъ. За нами затворились двери. Никогда не угасающія лампады надъ Гробомъ Господнимъ были уже потушены; одно слабое освѣщеніе проходило къ намъ изъ храма сквозь небольшія боко-

выя отверстія часовни. Эта минута торжественна: волненіе въ храмѣ утихло; все наполнилось ожиданія. Мы стояли въ придѣлѣ Ангела передъ отваленнымъ отъ вертепа камнемъ; одинъ только митрополитъ вошелъ въ вертепъ Гроба Господня, куда входъ не имѣетъ дверей, и потому престарѣлый митрополитъ, склонясь предъ низкимъ входомъ, вошелъ въ вертепъ и повергся на колѣни предъ святымъ Гробомъ, на которомъ ничего не стояло и который былъ совершенно обнаженъ. Не прошло минуты, какъ мракъ озарился свѣтомъ, и митрополитъ вышелъ къ намъ съ пылающимъ пукомъ свѣчей. Едва только свѣтъ огня блеснулъ сквозь отверстія часовни, какъ безмолвіе толпы замѣнилось самыми необузданными восклицаніями и буйнымъ волненіемъ. Не довольствуясь огнемъ, поданнымъ народу чрезъ боковыя отверстія часовни, арабы вломились въ запертыя двери, сколько для принятія святаго огня изъ первыхъ рукъ, столько же и для достиженія чести — нести митрополита, по обычаю и по необходимости, на плечахъ до соборнаго алтаря. Часовня Гроба Господня, которая едва можетъ вмѣстить въ себѣ нѣсколько болѣе десяти человѣкъ, вдругъ наполнилась до невозможности толпою и превратилась въ одну живую груду съ пылающими свѣчами и, въ довершеніе смятенія, двери часовни опять закрылись отъ вновь нахлынувшей толпы. Тутъ положеніе наше сдѣлалось ужаснымъ, и если-бъ оно продолжалось нѣсколько болѣе, то всѣ, находящіеся въ часовнѣ, погибли бы. Воздухъ отъ огня свѣчей, то загорающихся, то погасающихъ, дѣлался уже едва выносимымъ человѣку. Столѣтній митрополитъ совсѣмъ уже изнемогалъ отъ духоты, дыма и шума;—тѣ, которые не совсѣмъ потерялись, подняли его на руки и почти безчувственнаго посадили на плечи православнаго араба, но и тутъ еще мы не могли растворить дверей отъ напиравшей толпы. Наконецъ, усилія и громкія воззванія сквозь двери къ изступленной толпѣ, открыли намъ выходъ; толпа разступилась передъ несомымъ на плечахъ араба изнеможеннымъ митрополитомъ; тогда народъ опять сомкнулся и, какъ быстрый потокъ, устремился вслѣдъ за митрополитомъ къ греческому алтарю. Богослуженіе остановилось: митрополита оттирали и освѣжали разными эссенціями въ ризницѣ, куда и мы послѣдовали. Только послѣ получасоваго отдыха, между тѣмъ,

какъ священный огонь все еще переходилъ изъ рукъ въ руки и поднимался съ хоръ на хоры, выше и выше, — обѣдня началась. Евангеліе было читано на языкахъ греческомъ и русскомъ.

Таково въ Іерусалимѣ знаменитое торжество, предшествующее Свѣтлому Христову Воскресенію и сопряженное всегда съ опасностію для многихъ, даже иногда для митрополита. Притомъ, не будетъ лишнимъ сказать, сколь неумѣренны и далеки отъ истины порицанія католиковъ противу грековъ. Негодованіе ихъ происходитъ болѣе оттого, что принятіе святаго огня издревле принадлежитъ Православной Греческой Церкви; ибо мы видимъ изъ разсказа игумена Даніила, что въ день Великой субботы духовенство греческое, а не римское, было собрано для испрошенія свыше святаго огня, и самъ король Балдуинъ, въ присутствіи всего духовенства, принялъ съ должнымъ благоговѣніемъ отъ греческаго епископа первую вожженную отъ святаго огня свѣчу, и отъ нее всѣ предстоявшіе возжгли свои свѣчи (Путеш. Норова. Томъ III).

При всей внутренней сокровенности своей, чудо воскресенія не замедлило дать знать о себѣ всему міру самымъ величественнымъ образомъ. При воскресеніи, по свидѣтельству евангелиста Матѳея, *бысть трусъ велій* (Мат. 28, 2), т. е. сильное сотрясеніе земли. При смерти Господа это служило знаменіемъ обличительнымъ для цѣлаго Іерусалима, собравшагося тогда на Голгоѳѣ; теперь трясущейся землѣ некого было вразумлять, кромѣ стражи; ибо весь Іерусалимъ еще спалъ: однакоже она сотряслась не менѣе прежняго, и не могла не сотрясаться; потому что изъ нѣдръ ея, какъ изъ утробы матерней, выходилъ теперь Великій *Первенецъ изъ мертвыхъ* (Кол. 1, 18),—выходилъ не по всеобщему закону рожденія въ жизнь вѣчную, по которому, вслѣдствіе искупленія міра, востанутъ нѣкогда изъ утробы земной всѣ почивающіе во гробахъ, а по особенному, чрезвычайному дѣйствію Божественнаго всемогущества.

Родъ человѣческій, угнетенный всякаго рода бѣдствіями, болѣе всего нуждается въ прозрѣніи окомъ упованія въ ту сторону, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печали, ни воздыханія. И дѣйствительно, мысли и желанія человѣческія во всѣ вре-

мена и у всѣхъ народовъ устремлялись за предѣлы сей жизни. Но кто могъ разсѣять мракъ гроба?—ниспровергнуть сію преграду?—Являлись мудрецы; но, *приходя отъ земли* (Іоан. 3, 31), о землѣ и говорили; хвалились, что свели философію съ неба, а на небо не возвели ни одного человѣка. Приходили Пророки, наставляли, обличали, утѣшали: но потомъ сами умирали, *не пріявъ обѣтованія* (Евр. 11, 39), и надъ ихъ гробами лились слезы, слышались вздохи. Только Енохъ и Илія воспарили надъ бездною тлѣнія; но воспарили подобно уединеннымъ орламъ, коихъ слѣдъ незримъ окомъ человѣческимъ. Надъ всѣмъ прочимъ родомъ человѣческимъ царствовала смерть съ такою свирѣпостію, что во время Іисуса Христа не только многіе изъ мудрецовъ языческихъ, даже великая часть народа Божія отвергла всякую надежду на безсмертіе, говоря: *не быти воскресенію* (Мат. 22, 23).

Надлежало возстановить падшую надежду явить предъ лицемъ всего міра, что только тѣло человѣка *возвращается въ землю, а духъ возвращается къ Богу, Который далъ его* (Еккл. 12, 7). И вотъ въ воскресеніи Спасителя совершается торжество надежды! И подлинно, въ дѣлѣ безсмертія нашего все предусмотрѣно и разсчислено премудростію Божіею съ величайшею точностію. Апостолъ Павелъ повѣствуетъ, что люди, которымъ послѣдними достанется жить на землѣ, не умрутъ, а живые измѣнятся (1 Кор. 15, 52) чудеснымъ образомъ при всеобщемъ воскресеніи мертвыхъ. Почему не будетъ дано имъ умереть и не будутъ ждать ихъ смерти, чтобы начать всеобщее воскресеніе? Потому, что не зачѣмъ будетъ медлить: всѣ, имѣвшіе придти на свѣтъ, уже пришли; всѣ пришедшіе имѣли уже время сдѣлать свое дѣло; потому Побѣдитель смерти тотчасъ вступитъ во всѣ права надъ нею, низринетъ и упразднитъ ее, какъ ни къ чему ненужную. Въ самомъ дѣлѣ, когда глава вѣрующихъ—Христосъ воскресъ, то какъ могутъ остаться мертвыми прочіе члены? Христосъ есть Царь; надъ кѣмъ же Онъ будетъ царствовать, если подданные останутся въ гробахъ?

Надежда на безсмертіе духа человѣческаго, хотя слабая, и прежде была въ родѣ человѣческомъ. Воскресеніе Іисуса Христа, утверждая сію надежду, расширило ея область, показавъ, что не только духъ человѣческій не умираетъ, но и

тѣло содѣлается нѣкогда безсмертнымъ,— что наступитъ день, когда и сіе *тлѣнное облечется нетлѣніемъ и сіе мертвенное облечется въ безсмертіе* (1 Кор. 15, 53; 2 Кор. 5, 4). Поистинѣ, торжество полное и величественное; ибо много было обѣщано, когда Христосъ сказалъ, что *въ воскресеніи* вѣрующіе въ Него будутъ, *яко Ангели Божіи на небеси* (Мат. 22, 30). Человѣку ли быть ангеломъ? Но вотъ, по воскресеніи Своемъ, Господь еще щедродательнѣе: Онъ Самъ не хочетъ имѣть ничего, кромѣ Божества, чего бы не раздѣлилъ съ нами. Его пречистое тѣло страданіями заслужило славу; мы не страдали; а между тѣмъ Онъ дастъ намъ ту же славу. Наше тѣло будетъ подобно Его тѣлу: не будетъ имѣть только язвъ, кои остались на пречистой плоти Его; одно это преимущество остается за Нимъ. Онъ изъ любви къ ближнимъ отдалъ душу Свою: и вотъ души всѣхъ сыновъ человѣческихъ предаются Ему во власть, какъ Искупителю и Судіи. И это еще только видимые для насъ слѣды торжества невидимаго. Если бы мы, по обѣщанію Спасителя, узрѣли небо отверстымъ (Іоан. 1, 51), какое бы торжество добродѣтели открылось въ лицѣ Его предъ очами нашими! Тамъ увидѣли бы мы Сына Человѣческаго за пріятіе смерти увѣнчаннаго славою и честію (Евр. 2, 9), сидящаго одесную силы Божіей (Лук. 22, 69); увидѣли бы двадцать четыре старца, повергающихъ вѣнцы свои предъ Агнцемъ закланнымъ (Апок. 4, 10); увидѣли бы сонмы Ангеловъ, не восходящихъ уже и нисходящихъ къ Сыну Человѣческому (Іоан. 1, 51), а закрывающихъ лица свои отъ неприступной славы Его лица.

Итакъ, ничто да не препятствуетъ радости нашей: *сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь!* (Псал. 117. 24). Возрадуемся о Царѣ небесномъ, Который, яко женихъ отъ чертога, исшелъ отъ Гроба Своего.

Празднуя же Пасху въ честь Господа и Спасителя нашего, за насъ пострадавшаго и для насъ воскресшаго, каждый истинно-вѣрующій въ Него считалъ бы для себя за величайшее несчастіе, если бы это празднованіе послужило для Него въ огорченіе; посему для насъ весьма нужно знать вѣрно, какъ лучше праздновать Пасху, чтобы симъ празднованіемъ угодить Ему, и что Ему въ нашемъ празднованіи можетъ быть благоугодно и что противно. Узнать сіе

можно отъ наиболѣе приближенныхъ къ нашему Господу; изъ нихъ ближе всѣхъ тѣ, кои всегда творятъ волю Отца Его. Одинъ изъ таковыхъ былъ св. апостолъ Павелъ, который пользовался за сіе еще на землѣ такою постоянною и великою близостію къ Воскресшему, что могъ сказать о себѣ: *„уже я не живу, но живетъ во мнѣ Христосъ“* (Гал. 2, 20). Говоря же о Пасхѣ, Апостолъ совѣтуетъ празднующимъ Пасху беречься, во первыхъ, злобы. И зачѣмъ ей быть тутъ? Пусть она останется въ сердцѣ враговъ Іисусовыхъ, въ сердцѣ Іуды, Пилата и ему подобныхъ (о, если бы не было ея и тамъ!); а въ сердцѣ христіанина зачѣмъ быть злобѣ? на кого злиться? — Не за всѣхъ ли умеръ Христосъ, и не для всѣхъ ли воскресъ? Онъ умеръ и воскресъ для всѣхъ, а мы не въ состояніи будемъ ради Его перенести какой-либо обиды, какого-либо слова? Что же мы за послѣдователи Его? Если бы кто обидѣлъ насъ и самою жестокою обидою, то мы должны простить ему нынѣ ради Воскресшаго. Ибо при такой радости не время считаться обидами. Никто болѣе насъ самихъ не прогнѣвалъ Царя небеснаго; но воскресшій Господь всѣмъ исходатайствовалъ прощеніе. Намъ ли, помилованнымъ, продолжать злобу? Прощеннымъ ли питать злобу? Напротивъ, если бы кто имѣлъ врага самаго жестокаго, то нарочито употреби всѣ усилія примириться съ нимъ въ настоящіе дни: превративъ злобу его въ любовь, ты премного угодишь Воскресшему, составишь для Него празднество самое свѣтлое. „Но какъ явиться къ такому врагу?“ А какъ Господь являлся врагамъ Своимъ ради тебя! Явись о имени Іисуса, скажи: Христосъ воскресе, и докажи сіе на дѣлѣ; объяви, что Воскресшій не велѣлъ питать вражды, что ты исполняешь повелѣнное отъ Него, скажи сіе, и требуй мира и любви. Послушаетъ?—ты пріобрѣлъ брата, отнялъ его у сатаны и даровалъ Господу. Не послушаетъ?—ты самъ вышелъ изъ области смерти; ибо *ненависть*, по слову Апостола, *есть смерть* (1 Іоан. 3, 14).

Во вторыхъ, св. Павелъ совѣтуетъ, чтобы у празднующихъ Пасху не было лукавства. Лукавство никогда неприлично христіанамъ, ибо для чего лукавить тѣмъ, кои всѣ должны быть братіями, всѣ созданы и возсозданы во Христѣ для истины, кои идутъ къ одной цѣли, сражаются съ одними врагами, пользуются одними средствами спасенія, для коихъ всѣхъ

истина столь же необходима, какъ воздухъ? Но тѣмъ паче въ настоящіе дни неприлично христіанину имѣть и малѣйшій видъ лукавства. Ибо что говоритъ онъ нынѣ другимъ и что слышитъ отъ другихъ, встрѣчаясь съ ними? Говоритъ: Христосъ воскресе! слышитъ: воистину воскресе! То-есть, мы всѣ христіане дѣлаемся нынѣ свидѣтелями и благовѣстниками истины воскресенія Христова, и потому повторяемъ оную всѣ стократно, вопреки іудеямъ, силившимся и теперь еще силящимся сокрыть сію истину въ неправдѣ, клеветавшимъ и теперь еще клевещущимъ на Апостоловъ Христовыхъ, будто они похитили тѣло своего Учителя. Но въ свидѣтелѣ всего нужнѣе любовь къ истинѣ; тому не вѣрятъ, кто, хотя и говоритъ правду, но часто говорилъ и неправду.—Посему, предаваясь лукавству и лжи въ настоящіе дни, мы симъ самымъ лишимъ языкъ свой всей силы, отвратимъ отъ себя всякое довѣріе не только враговъ нашей вѣры,—іудеевъ, магометанъ и другихъ, но и самыхъ присныхъ нашихъ;—ибо отъ лживаго, скажетъ всякій, что можетъ быть истиннаго? (Сирах. 34, 4). Въ такомъ случаѣ лучше не говорить: Христосъ воскресе! и не отвѣчать: востину воскресе! а молчать, зная свое недостоинство. Но какъ молчать, когда всѣ говорятъ и свидѣтельствуютъ о воскресеніи?—Такое молчаніе было бы тяжелѣе смерти. Значитъ, надобно возлюбить истину и удалить отъ себя всякій видъ двоедушія: неискренности, хитрости и лукавства, дабы содѣлаться достойнымъ свидѣтелемъ истины воскресенія Христа.

Наконецъ, Апостолъ совѣтуетъ для достойнаго празднованія Пасхи имѣть чистоту и истину. Праздникъ всякій любитъ чистоту; вслѣдствіе чего, мы очищаемъ къ праздникамъ домы наши и одежды, измываемъ самихъ себя. Но для Воскресшаго нужна не сія чистота. Онъ готовъ принять насъ въ рубищахъ, готовъ нагихъ посадить за трапезу съ Собою, коль скоро душа чиста и облечена въ одежду невинности. И напротивъ, измовенныя уста для Него отвратительны, когда на нихъ привитаетъ ложь и нечистота сердечная; и свѣтлая одежда для Него хуже вретища, когда подъ нею сокрываются страсти, когда она куплена притѣсненіемъ ближнихъ. Посему, празднуя Пасху, надобно заботиться не объ одной чистотѣ домовъ и одеждъ, а болѣе о чистотѣ души и сердца.

Безъ сей чистоты съ какимъ лицомъ осмѣлимся мы приходить въ церковь? Ибо, въ сіи наипаче дни надобно часто лобызать крестъ, икону воскресенія и священный хлѣбъ; какъ приступить къ сей святынѣ съ очерненною совѣстію, съ зловоніемъ грѣха?—Магдалина шла съ благовоннымъ мνромъ ко гробу Воскресшаго, но и тутъ сказано ей: *не прикасайся Мнѣ!* Что же скажутъ намъ, если мы будемъ исполнены худыхъ мыслей, беззаконныхъ замысловъ?

Но довольно уже говорили мы, каково должно быть настоящее празднество; скажемъ теперь еще нѣчто и о томъ, какъ бываетъ оно на самомъ дѣлѣ.

Ахъ, какъ далеко отстоятъ наши празднованія Пасхи отъ истиннаго празднества, коего требуетъ Апостолъ! Кому не извѣстны обычаи міра въ сіи дни, происшествія, ихъ наполняющія, занятія, въ коихъ они проходятъ; когда менѣе чистоты и святости между людьми, какъ не въ сіи дни? Когда наиболѣе злословятъ, лгутъ, кощунствуютъ, какъ не въ сіи дни? Когда наиболѣе распрей, браней, даже убійствъ, какъ не въ сіи дни?—Съ окончаніемъ поста какъ будто оканчивается у многихъ все доброе; Христосъ воскресаетъ, а они умираютъ духомъ! И для людей съ чувствомъ христіанскимъ тяжело смотрѣть въ сіи дни на безумныя игрища, на забвеніе многими всякаго воздержанія, на явное торжество нечистыхъ страстей: каково же видѣть сіе Тому, Который для того и умеръ за насъ, чтобы содѣлать всѣхъ насъ людьми чистыми и святыми? Въ противоположность тому, отъ имени Воскресшаго, предложена была намъ грѣшнымъ просьба: *„потерпи Мене“*, *глаголетъ Господь,* читалось на литургіи въ Великую субботу, *„потерпи Мене въ день воскресенія Моего, во свидѣтельство“* (Соф. 3, 8). Вотъ, до чего дошли христіане, что имъ надобно предлагать такую просьбу! —Спаситель не требуетъ уже ничего для Себя отъ тѣхъ, кои искуплены Его Кровію; не говоритъ: прославь Меня, или: принеси Мнѣ въ даръ что-либо; нѣтъ, этого много для Его послѣдователей! Онъ ищетъ меньшаго: проситъ не долга, а милости;—не справедливости, а снисхожденія: *потерпи Мене*!

Ты, какъ бы такъ говорилъ Онъ, не хочешь служить Мнѣ, хотя купленъ Моею Кровію;—не хочешь слѣдовать за Мною, хотя клялся быть Моимъ послѣдователемъ. Окажи по крайней

мѣрѣ одну милость: *потерпи Мене*, не предавайся порокамъ при Мнѣ, не изгоняй Меня прежде времени. *Потерпи Мене,* — хотя ненадолго, хотя въ день воскресенія Моего, — въ тотъ день, когда и узникамъ даютъ свободу, и съ врагами обходятся дружелюбно. Пусть пройдутъ Мои торжества, престанутъ славословія, затворятся двери: тогда, если хочешь погубить душу твою, тогда твори угодное тебѣ; а теперь не измѣняй такъ нагло, не безславь Моего креста, не порочь своей вѣры и Моей Церкви. *Потерпи Мене, потерпи во свидѣтельство* Мое; — Мнѣ нужно свидѣтельство! у Меня идетъ споръ, и споръ не малый: *судъ Мой въ сонмища языковъ* (Соф. 3, 8). Это овцы, *кои не суть* еще *отъ двора Моего* (Іоан. 10, 16), коихъ Мнѣ такъ же подобаетъ привести въ ограду Церкви. Но какъ привести, когда приведенные уже будутъ бѣжать вонъ?—Какъ привести, когда невѣрные видятъ въ послѣдователяхъ Моихъ всѣ мерзости язычества? Какъ привести, когда Меня Самого изгоняютъ изъ храмовъ безчинствами во дни самаго воскресенія Моего?—Итакъ, еще прошу: *потерпи Мене; зане судъ Мой въ сонмища языковъ*! Иначе іудей за тебя будетъ издѣваться надо Мною; иначе магометанинъ, за твою жизнь, будетъ поносить крестъ Мой; иначе судъ Мой съ ними будетъ продолжительнѣе; ибо у Меня не будетъ доставать свидѣтельства Моихъ послѣдователей. Самъ діаволъ посмѣется надъ торжествомъ Моимъ: Я буду показывать язвы, за тебя понесенныя, а онъ будетъ выставлять язвы, тобою за него носимыя; Я буду изводить души изъ ада, а онъ твою душу повлечетъ во адъ; Я буду распространять жизнь и воскресеніе, а онъ чрезъ тебя будетъ разливать смерть и тлѣніе. *Потерпи убо Мене въ день воскресенія Моего, во свидѣтельство: зане судъ Мой въ сонмища языковъ*! (Иннок.).

Надобно имѣть каменное сердце, чтобы не тронуться отъ сего гласа воскресшаго Господа. Посему, если кто на свободѣ размыслитъ о немъ самъ, тотъ навѣрно столько умилится сердцемъ, что постарается провести настоящій праздникъ, какъ совѣтуетъ Апостолъ, а не какъ требуетъ плоть и кровь, т. е. не въ злобѣ и лукавствѣ, а въ чистотѣ души и истинѣ.

Итакъ, доколѣ имѣемъ всю возможность, не будемъ медлить очищеніемъ себя отъ всякой скверны плоти и духа, памятуя, что всякій грѣхъ есть тяжесть, которая по смерти будетъ

влечь насъ долу — во адъ; поспѣшимъ, ибо какъ на землѣ, такъ и на небѣ, царскія двери не всегда отверсты: будетъ время, когда онѣ затворятся навсегда, и толкущимъ въ нихъ скажется: *не вѣмъ васъ*! (Мат. 25, 12). Престанемъ же болѣе всего бояться и убѣгать креста; возлюбимъ его, хотя бы на немъ надобно было предать самый духъ свой Отцу небесному. Намъ всѣмъ должно быть тамъ, гдѣ теперь воскресшій Господь и Спаситель нашъ; а пути туда нѣтъ ни ближе, ни вѣрнѣе, какъ со креста; или лучше сказать, путь туда только одинъ и есть—крестъ!

О, какая тамъ неизглаголанная участь ожидаетъ насъ! Посему поемъ и не престанемъ пѣть воскресшему Господу нашему Іисусу Христу: *славно бо, славно прославися*! (Исх. 15, 1).

Діаконъ *І. Ержиновскій.*

День воскресный и его провожденіе.

(Слово на 27 недѣлю).

Въ Евангеліи разсказывается, что однажды Іисусъ Христосъ былъ въ одной изъ синагогъ и училъ. Тамъ была женщина, восемнадцать лѣтъ имѣвшая духа немощи: она была скорчена и не могла выпрямиться. Іисусъ, увидѣвъ ее, подозвалъ и сказалъ ей: женщина! ты освобождаешься отъ недуга своего, и возложилъ на нее руки,— она тотчасъ выпрямилась и стала славить Бога. День праздничный и такое великое святое дѣло--помощь страждущей,—что можетъ быть согласнѣе одного съ другимъ? Но нѣтъ,—такое благодѣяніе со стороны Спасителя подверглось осужденію со стороны начальника синагоги. Онъ, не смѣя сказать что-нибудь Христу, сказалъ собравшемуся народу: *шесть дній есть, въ няже достоитъ дѣлати: въ тыя убо приходяще цѣлитеся, а не въ день субботній* (Лук. 13, 14),. т.-е. вы бы приходили исцѣляться въ дни будничные, а день субботній не на то данъ. Какое неправильное понятіе о праздничномъ днѣ! Какой грубый взглядъ на субботній покой, будто въ день субботній нельзя дѣлать дѣлъ милосердія! Іудеи дѣйствительно имѣли неправильное понятіе о покоѣ субботняго дня. Они думали, что субботній покой состоитъ въ недѣланіи ничего — въ полномъ бездѣйствіи. Но

правильнѣе ли наши понятія о дняхъ праздничныхъ? Остановимся на этомъ.

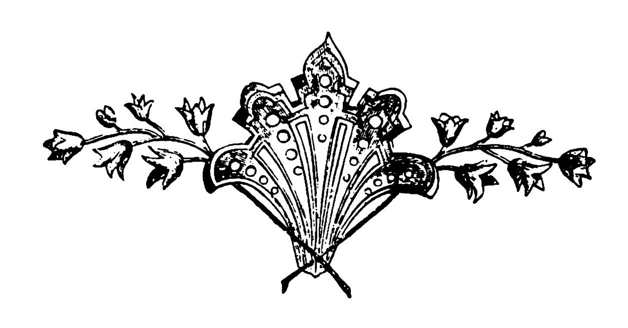
Со времени воскресенія Христова, вмѣсто субботы, мы празднуемъ каждую недѣлю день воскресный—первый день недѣли. Нѣтъ нужды доказывать важность и святость этого дня, когда Церковь такъ торжественно прославляетъ побѣду Христа въ этотъ день надъ смертію, діаволомъ, разрушеніе Христомъ ада и отверзеніе Имъ заключенныхъ дотолѣ дверей въ Царствіе Небесное. Христосъ воистину побѣдилъ смерть, воскресши изъ мертвыхъ Своею Божественною силою. Онъ воистину сдѣлалъ этотъ день свѣтлымъ, радостнымъ; такъ какъ воскресши Самъ и намъ подалъ надежду на воскресеніе для вѣчныхъ радостей. Смерть и діаволъ побѣждены, адъ разрушенъ, входъ въ Царствіе Небесное открытъ всѣмъ, -какія великія милости со стороны Спасителя воспоминаются въ день воскресный! Да, это такія милости, подобныхъ которымъ не было оказано никогда. Понятно послѣ сего, что это за день для христіанина? Это день, когда онъ весь долженъ отдаться неземному, попеченію о душѣ, о своемъ спасеніи,—это день Христовъ, и онъ весь его долженъ отдать Христу тому, что приближаетъ его ко Христу, что дѣлаетъ его пріятнымъ Ему, что подаетъ надежду на возсоединеніе — вѣчное соединеніе съ Нимъ въ царствіи Его. Древніе христіане имѣли великое благоговѣніе къ этому дню. Они цѣлую ночь подъ этотъ день проводили безъ сна, въ молитвѣ, въ благочестивыхъ поученіяхъ, и каждое воскресенье пріобщались св. Христовыхъ Таинъ. Не быть въ храмѣ въ день воскресный для нихъ было дѣло немыслимое. Оставались дома только тѣ, которымъ нельзя было выйти по обязанностямъ службы, или по болѣзни, и по другимъ уважительнымъ причинамъ. И какую искреннюю нелицемѣрную скорбь испытывали тѣ, которымъ дѣйствительно нельзя было быть. Мученица Сира была заключена въ темницу и при наступленіи воскреснаго дня скорбѣла, что вмѣстѣ съ другими христіанами не могла участвовать въ ихъ всенощныхъ молитвословіяхъ и хваленіяхъ Христа. И вотъ по ходатайству одного христіанина она была освобождена изъ темницы, отстояла всѣ службы церковныя, и потомъ опять пришла въ темницу. Св. Меланія по причинѣ мукъ рожденія въ воскресный день не могла быть въ

храмѣ, но за то она дома всю ночь среди тяжкихъ страданій провела въ чтеніи молитвъ и пѣніи псалмовъ. И между нынѣшними современными намъ Святыми мы знаемъ многихъ, которые глубоко чтили день воскресный, наприм., извѣстный всей Россіи старецъ Серафимъ Саровскій. Онъ наканунѣ воскреснаго дня всю ночь стоялъ на молитвѣ въ своей келліи, а по первому удару колокола къ утренѣ отправлялся въ храмъ и только по совершеніи литургіи дозволялъ себѣ нѣсколько уснуть на рогозѣ. — Христіане не ограничивали празднованіе воскреснаго дня посѣщеніемъ храма Божія, но они освящали его и дѣлами милосердія. Посѣщеніе больныхъ, заключенныхъ, учрежденіе трапезы для нищихъ, — это было для нихъ первымъ дѣломъ въ день воскресный послѣ посѣщенія храма. Христіане самыхъ первыхъ вѣковъ въ самомъ храмѣ сейчасъ же по окончаніи богослуженія учреждали вечери любви, гдѣ богатые угощали бѣдныхъ. Отсюда и названіе первой части храма трапезою, которое и до сихъ поръ удержано, т.-е. въ этой части храма, ближайшей къ выходу, ставились столы, за которыми и сидѣли бѣдные, угощаемые ради Христа пищею, принесенною богатыми.—Въ этотъ день покоя во Христѣ могли-ли христіане дозволить себѣ какія-либудь житейскія корыстныя занятія. Нѣтъ, они отлагали попеченія обо всемъ житейскомъ, — ни торговли, ни какихъ-либо шумныхъ собраній, тѣмъ болѣе какихъ-либо публичныхъ увеселеній, ничего подобнаго допустить не могли даже и въ мысляхъ. День великій, день святой. Все должно быть свято. Кромѣ святыхъ богоугодныхъ дѣйствій ничего не допускалось. Все остальное было осуждаемо и порицаемо. Безъ побужденія власти всѣ по доброй волѣ побуждали сами себя къ святости жизни. Но побужденій власти и не могло быть, потому что слишкомъ 300 лѣтъ христіане находились подъ владычествомъ царей языческихъ невѣрующихъ, которые и понятія не имѣли о томъ, что такое день воскресный.

Мы видѣли значеніе воскреснаго дня, видѣли, какъ относились къ нему христіане первыхъ вѣковъ. Таково-ли наше понятіе о немъ? Но говорить-ли о томъ? Не лучше-ли умолчать? Къ стыду нашему мы должны сознаться, что ни одинъ праздникъ не пользуется у насъ такимъ малымъ уваженіемъ, какъ день воскресный. День воскресный, по понятію однихъ,

это такой день, въ который смѣло можно дозволять себѣ все. Это не великій праздникъ, наканунѣ котораго можно, вмѣсто богослуженія, быть гдѣ угодно, въ какомъ угодно собраніи, доставить себѣ какое угодно удовольствіе. Это день свободный отъ службы, слѣдовательно утренніе часы можно проводить во снѣ. И вотъ многія семейства совсѣмъ оставили обычай посѣщать въ этотъ день храмъ и службу. Что всего прискорбнѣе, такъ это то, что сами родители, шесть дней посылая ребенка въ школу, въ 7 воскресный день не думаютъ внушить ему нужду посѣщенія храма. И многія дѣти въ дни воскресные храма не видятъ и службъ церковныхъ не слушаютъ. Ужели храмъ—училище духовное—ниже школы мірской? Ужели служеніе Христу, прославленіе воскресшаго Христа менѣе важно, чѣмъ изученіе наукъ свѣтскихъ? И какой же вѣры послѣ этого ждать отъ дѣтей, когда эту вѣру не стараются всаждать, намѣренно или ненамѣренно отвлекая отъ тѣхъ мѣстъ, отъ тѣхъ дѣйствій, которыми укореняется въ сердцѣ вѣра? День воскресный, день Дражайшаго Спасителя нашего! Но кто не омрачаетъ твою свѣтлость? Скажемъ больше: кто не ругается надъ тобой? Торговецъ съ спокойною совѣстію идетъ на дѣло торговли своей, ища любимую корысть свою; ремесленникъ спокойно сидитъ и доканчиваетъ работу свою. Объ удовлетвореніи потребностей духовныхъ нѣтъ у нихъ и мыслей. А загляните въ общественныя открытыя питейныя заведенія, гдѣ возсѣдаетъ по преимуществу классъ ремесленный и фабричный. О, страшно и подумать, что тамъ дѣлается съ самаго ранняго утра. Сердце кровью обольется, если только пройти мимо этихъ заведеній. Про базары наши и говорить нечего, что творится тамъ въ воскресный день тоже съ самаго ранняго утра. Шумъ, брань, крикъ, споры, обманы, божба, смѣхъ—все это какъ бы неразлучно съ воскреснымъ днемъ въ этихъ мѣстахъ. Вотъ гдѣ и какъ, вмѣсто храма Божія, проходитъ у православнаго народа утро дня воскреснаго. О Богѣ, о Христѣ, о молитвѣ и о душѣ въ этомъ шумѣ мірскомъ и помину нѣтъ и не можетъ быть. А вечеромъ увидите другого рода картины не менѣе, если не болѣе, безобразныя утреннихъ.

Троицкіе листки № 46 и № 47.

Изъ дневника православнаго христіанина.

Союзъ совершенства.

(Разсказъ священника).

Это случилось лѣтъ сорокъ тому назадъ. Иванъ Павловичъ Задонскій пріѣхалъ въ свое родовое помѣстье, деревню Богдановку, входившую въ составъ моего прихода.

Пріѣздъ его не былъ для меня неожиданностью. Въ тотъ самый день, когда я схоронилъ его отца и мать—глубокихъ стариковъ, неожиданно умершихъ отъ холеры, вся дворня уже говорила, что вотъ-вотъ пріѣдетъ молодой баринъ, которому была послана эстафета. Но такъ какъ и отвѣта не прислалъ Иванъ Павловичъ, и держать покойниковъ было небезопасно въ виду свирѣпствовавшей эпидеміи, то я ждать не сталъ и предалъ прахъ стариковъ христіанскому погребенію.

Прошло уже около двухъ мѣсяцевъ, а Иванъ Павловичъ и вѣсточки не подалъ о себѣ.

Что можетъ означать это долгое молчаніе? — не разъ съ грустью спрашивала у меня его родная сестра вдова, которая сначала каждый день, а потомъ еженедѣльно заѣзжала ко мнѣ съ просьбой отслужить панихиду по усопшимъ.

Вѣроятно, служебныя дѣла не позволяютъ пріѣхать, а, можетъ быть, отлучился въ командировку,—старался я утѣшить сердобольную Елизавету Павловну.

Она охотно вѣрила такой случайности, потому что Иванъ Павловичъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ и, какъ раньше самъ увѣдомлялъ своихъ родителей, не разъ и на очень продолжительные сроки уѣзжалъ изъ губернскаго города.

Ивану Павловичу пришлось служить не въ той губерніи, въ которой онъ родился и подросталъ, пока не поступилъ

въ учебное заведеніе: жилъ онъ почти за полторы тысячи верстъ отъ Богдановки.

Мнѣ не разъ приходилось быть свидѣтелемъ жалобныхъ воплей и горючихъ слезъ Елизаветы Павловны, на которую обрушились бѣдствія трехъ смертей. Не прошло и полугода, какъ умеръ ея мужъ, оставивъ ей троихъ дѣтей, а тутъ и еще двѣ нежданныя, потрясающія смерти отъ холеры, вмѣстѣ съ опасеніями за свою жизнь и здоровье дѣтей.

Елизавета Павловна заставляла себя вѣрить и убѣждаться, что брата все еще нѣтъ въ губернскомъ городѣ, и совсѣмъ потеряла голову въ разнаго рода догадкахъ.

А мое сердце уже чуяло бѣду, хоть и не рѣшался я по долгу пастыря, утѣшителя страждущихъ, даже намекнуть ей на свои предчувствія.

Ивана Павловича я зналъ еще съ того времени, какъ онъ окончилъ курсъ гимназіи и поступилъ въ университетъ. Никогда не могу забыть я того вечера наканунѣ отъѣзда юноши изъ дому, когда въ присутствіи всей семьи почившихъ было молебствіе о здравіи и благополучіи молодого человѣка на новомъ жизненномъ поприщѣ. Кончился молебенъ.

Я благословилъ юношу и окропилъ его святой водой, а когда вся семья сошлась въ гостиной, не могъ оторвать глазъ своихъ отъ благочестивой старушки—матери, которая все время осѣняла своего сына крестнымъ знаменіемъ, завѣщая ему и на чужбинѣ не забывать храма Божія, уклоняться отъ соблазнительныхъ отщепенцевъ—товарищей и почаще писать своимъ роднымъ.

Помни свою мать, которая, не щадя своей жизни, старалась сдѣлать изъ тебя истиннаго христіанина! — закончила старушка...

Въ тотъ же вечеръ Иванъ Павловичъ уже ѣхалъ на перекладныхъ въ Москву, и съ тѣхъ поръ мнѣ приходилось съ нимъ видѣться лишь во время лѣтнихъ каникулъ.

Но кто могъ бы узнать въ студентѣ Задонскомъ прежняго Ваню съ отзывчивымъ на все прекрасное, глубоко вѣрующимъ сердцемъ, съ пытливымъ умомъ, стремившимся всѣ новыя знанія объединить въ цѣльную систему христіанскаго міровоззрѣнія?—Это былъ уже задорный скептикъ, безъ разбора отвергавшій все, что не укладывалось въ узкія рамки его „положительныхъ знаній“, безпощадно глумившійся надъ божествомъ, безсмертіемъ души, святымъ крестомъ, церковными обрядами. Самый видъ его носилъ уже печать ожесточенія, отрицанія: гдѣ дѣвался свѣтлый жизнерадостный взглядъ, нѣжная, обходительная, почтительная фигура!..

Горевалъ отецъ, плакала мать, но всепрощающее родительское сердце еще, казалось, больше привязалось къ пошатнувшемуся въ своихъ религіозно-нравственныхъ устояхъ

сыну, и горячая молитва о его вразумленіи еще усерднѣе стала возноситься къ престолу Божію. А молодой человѣкъ съ каждымъ годомъ все больше и больше удалялся отъ завѣтовъ родительскихъ, пока всей силой не бросился въ бездну погибели и много, много увлекъ за собой чистыхъ неповинныхъ душъ. Въ то время, когда во всей Богдановкѣ ждали пріѣзда молодого барина, наслѣдника половины отцовскаго имѣнія, это былъ уже грубый, безсердечный матеріалистъ, для котораго, кромѣ утонченныхъ удовольствій и внѣшнихъ благъ, не было никакой цѣли...

Эта горькая правда возставала предо мной всякій разъ, когда Елизавета Павловна начинала изливать предо мной свое наболѣвшее сердце. Чо сама она въ эти минуты, казалось, и не думала о томъ, какая духовная рознь, какая глубокая пропасть отдѣляетъ ее отъ брата. Она судила по себѣ и никакъ не могла понять, почему не пріѣхалъ Иванъ Павловичъ...

Было уже далеко за полночь, а въ помѣщичьей усадьбѣ деревни Богдановки никто не смыкалъ глазъ. Въ барскомъ домѣ, въ небольшой уютной комнаткѣ съ опущенными занавѣсками, еле-еле мерцалъ свѣтъ лампады. На мягкой пуховой постели была видна неподвижная, блѣдная человѣческая фигура. Больной не могъ шевельнуть ни однимъ членомъ: руки, ноги, языкъ—уже три дня тому назадъ отказались служить ему, и только по мутному страдальческому взгляду да по слабымъ движеніямъ высохшихъ губъ можно было догадываться о нѣкоторыхъ желаніяхъ больного.

Не спала вся дворня. Давно желанный гость—новый баринъ Задонскій пробылъ на отцовскомъ наслѣдствѣ только недѣлю и теперь уже готовъ былъ разстаться съ нимъ навсегда.

У изголовья больного сидѣлъ докторъ, въ уголкѣ—безутѣшно плакавшая старушка—няня и поминутно засматривала въ дверь Елизавета Павловна. Отъ великаго горя, суеты и безсонныхъ ночей она до того измучилась, что и слезъ не видно было, и только раскраснѣвшіеся, вспухнувшіе глаза да мертвенно-блѣдное лицо говорили о томъ, что переживала эта женщина.

Тихонько отворивъ дверь, Елизавета Павловна вызвала доктора въ сосѣднюю комнату.

— Есть надежда? спросила она.

— Пошлите за священникомъ.

— Боже мой!—воскликнула Елизавета Павловна,—и, въ безпомощности, ломая руки, упала на кресло.—Развѣ я не ежеминутно думаю объ этомъ! Но...

— Боитесь испугать?

— Нѣтъ, нѣтъ. Вы не знаете, онъ не захочетъ, не потому... нѣтъ... это больше взволнуетъ и разсердитъ его.

Докторъ понялъ и, не находя исхода изъ такого затрудненія, только пожалъ плечами.

— Нужно дать покой больному, — сказалъ онъ, немного помолчалъ и, простившись съ Елизаветой Павловной, ушелъ въ отведенную ему комнату.

Возлѣ сестры умирающаго остались только ея дѣти, которыя не могли уснуть въ ожиданіи страшной, роковой развязки и подъ впечатлѣніемъ страданій матери. А у изголовья больного тотчасъ же по уходѣ доктора помѣстилась няня, которая во все время продолженія болѣзни выполняла обязанность сидѣлки.

Съ раннимъ утромъ она уже будила вздремавшую въ кругу своихъ дѣтей Елизавету Павловну.

— Что... умеръ?—вздрогнувъ, спросила испуганная сестра.

— Зоветъ васъ.

— Какъ зоветъ?—воскликнула она и, не помня себя отъ радости, бросилась къ брату.

Ее встрѣтила привѣтливая улыбка, игравшая на лицѣ Ивана Павловича, и протянутыя къ ней руки.

— Боже!.. Неужели...

И не вѣря своимъ глазамъ, въ сильномъ волненіи, она бросилась къ доктору.

Чрезъ минуту около больного уже толпились радостныя лица тѣхъ, которые не надѣялись видѣть его къ утру въ живыхъ.

— Пошлите за батюшкой!—сказалъ онъ сестрѣ.—А ваши заботы теперь ужъ не нужны,—докончилъ онъ, обращаясь къ доктору:—благодарю васъ за усердіе, но... безсиленъ человѣкъ тамъ, гдѣ требуется помощь Божія.

Всѣ, окружившіе больного, были въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Скоро радостная вѣсть разнеслась и по всей усадьбѣ.

Я не сразу узналъ Ивана Павловича. Ему было лишь около сорока лѣтъ, но распутная жизнь такъ состарила его, что, когда я вошелъ къ нему,—предо мной лежалъ старикъ, съ морщинистымъ лицомъ, лишь съ нѣсколькими клочками волосъ на огромномъ черепѣ.

— Сегодня родительская суббота,—сказалъ онъ мнѣ послѣ короткаго привѣтствія.

Я... хотѣлъ-бы... въ этотъ день...

— Господь съ любовію пріемлетъ всѣхъ кающихся,—отвѣчалъ я.

— Нѣтъ,—отрицательно закачалъ онъ головой,—указывая на св. Дары:—я не о томъ... послѣ... недостоинъ.

— Чего-жъ вы хотите отъ смиреннаго служителя Христова? недоумѣвающе спросилъ я.

— Я хотѣлъ бы помолиться на могилахъ, дорогихъ могилахъ,—сказалъ онъ, и слезы ручьемъ потекли изъ глазъ его.

Помните, — продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—какъ уѣзжалъ я въ Москву?

Все прошлое этого человѣка сразу воскресло въ моей памяти, и, полный душевнаго смятенія, я только кивнулъ въ знакъ согласія.

— Теперь на закатѣ дней своихъ клянусь, что не нарушу воли матери, не нарушу ея вѣчнаго покоя. Она спасла меня отъ гибели; она была у меня сегодня...

Ужасъ охватилъ всѣхъ насъ, но никто не рѣшился спросить Ивана Павловича, ожидая отъ него продолженія.

— Дайте мнѣ одѣться,—совсѣмъ неожиданно закончилъ онъ, обращаясь къ нянѣ.

Скоро въ гостиной, куда вышли мы, появился и Иванъ Павловичъ. А черезъ часъ мы уже были на родовомъ кладбищѣ Задонскихъ.

Сколько слезъ пролила здѣсь Елизавета Павловна. Но это не были слезы горести. Это выливалась великая радость объ исцѣленіи и обращеніи брата. Съ какимъ умиленіемъ шептала свои молитвы старушка — няня, сколько утѣшенія свѣтилось въ глазахъ дѣтокъ!

А Иванъ Павловичъ! Можно-ли забыть этого живого мертвеца, который всѣми силами своего сердца, вспыхнувшаго порывомъ вѣры и любви, старался утѣшить измученную сестру страдалицу! Какъ усердно молился онъ объ упокоеніи отца и матери послѣ столькихъ лѣтъ ожесточенія!.. Можно-ли передать тотъ трепетъ, который охватывалъ всѣхъ насъ при одномъ только взглядѣ на Ивана Павловича, который нѣсколько часовъ тому назадъ былъ на шагъ отъ смерти. Что означало это таинственное: „Она была у меня сегодня“!..

По окончаніи панихиды мы всѣ снова собрались въ домѣ Задонскихъ. Какъ и прежде, общее вниманіе было сосредоточено на Иванѣ Павловичѣ. Нелегко было и ему скрывать тайну.

— Вы знаете, съ какимъ настроеніемъ возвратился я къ могиламъ родителей, заговорилъ онъ, замѣтивъ общее нетерпѣніе.—Что сюда влекло меня, — и самъ не знаю, если не желаніе получить по духовному завѣщанію часть наслѣдства. Но и могилы родителей, какъ ни протестовалъ мой умъ, были дороги сердцу. А развѣ догадывается кто-либо изъ васъ, что было со мной у этихъ могилъ! Не понималъ и я вразумленія свыше. Лишь только въ первый разъ приблизился я къ нимъ, потемнѣло у меня въ глазахъ, закружилась голова, и я упалъ безъ чувствъ. На другой день повторилось то-же. Съ тѣхъ поръ, я съ каждымъ днемъ слабѣлъ все больше и больше, пока сегодня ночью чуть совсѣмъ не простился съ жизнью. Но лишь только ушелъ докторъ и уснула няня, я почувствовалъ въ своей рукѣ чу-

жую руку. Я вздрогнулъ, раскрылъ глаза и—Боже!—предо мною стояла моя мать. Я помертвѣлъ отъ страха: хотѣлъ увѣрить себя, что предо мною призракъ, но рука матери не позволила мнѣ обмануть себя. Думалъ, не во снѣ-ли я?.. Но я чувствовалъ, какъ бьется сердце, сознавалъ, что спящій не можетъ провѣрять свои чувства.

— Твои беззаконія и распутная жизнь, — говорила мнѣ мать,—дошли до Господа, и Онъ хотѣлъ поразить тебя, но отецъ твой и я молились за тебя предъ престоломъ Всевышняго, и Господь взыскалъ тебя Своею милостью, послалъ меня для вразумленія. Обратись же на путь истины, не терзай родительское сердце.

При этомъ въ комнатѣ раздались ея рыданія, которыя потрясли всю мою душу. Въ этотъ моментъ совѣсть поднялась во мнѣ со всей силой, и я переродился душою, а вмѣстѣ съ тѣмъ обновились мои и тѣлесныя силы. Я понялъ, что для любви мало земнаго бытія, что она связываетъ насъ и съ міромъ загробнымъ. Сія-то любовь—чистая, безкорыстная—и есть „союзъ совершенства". (Русск. Пал. 1901 г.).

И. Ѳ. Милинскій.

Наказаніе Божіе за уклоненіе въ сектантство и необычайное исцѣленіе послѣ покаянія.

Священникъ о. Аристархъ Чаусовъ въ „Донскихъ Епарх. Вѣд." сообщаетъ (въ № 10—11, 1904 г.) о необычайномъ и очевидномъ для всѣхъ наказаніи Божіемъ за уклоненіе въ сектантство, а затѣмъ еще объ обращеніи этого заблудшаго на путь истинный.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней прошлаго года, пишетъ о. Чаусовъ, мой прихожанинъ Герасимъ Лысенко послѣ литургіи заявилъ мнѣ, что сынъ его Ларіонъ, проживающій всегда на сторонѣ на промысловыхъ заработкахъ, пріѣхалъ къ нему гостить и склоняетъ его и все его семейство въ новую вѣру. Въ бесѣдѣ съ Герасимомъ я увидѣлъ, что сынъ его сектантъ — штундистъ. Повышенный, вызывающій тонъ въ голосѣ Герасима, замѣтно безпокойное состояніе его духа подсказали мнѣ, что дѣло принимаетъ плохой оборотъ. И я не ошибся. Герасимъ, уже 65-лѣтній старикъ, увлекся сектантскимъ ученіемъ такъ, что въ душѣ его уже начался разладъ, который потомъ настолько усилился, что Герасимъ на другой же день слегъ и сталъ буйствовать, кричать, биться о стѣну головой. Когда я вошелъ въ хату, то Герасимъ, увидѣвъ меня, сейчасъ же заговорилъ: „батюшка съ крестомъ; крестъ серебряный блеститъ; а вы," обратился онъ къ при-

сутствующимъ, „кивайте головами на крестъ, да деньги давайте“.

Въ виду того, что въ домѣ собралось очень много народу, да и самъ Герасимъ, видно, былъ въ своемъ умѣ, я, какъ могъ, разъяснилъ всѣ слова Герасима, которыя были не что иное, какъ излюбленныя сектантскія возраженія противъ православія. „Крестъ“, сказалъ я ему, „есть знамя Христовой Церкви и печать вѣры Христовой. Мы чтимъ его, какъ жертвенникъ, на которомъ Господь принесъ Себя за грѣхи міра. Чѣмъ дороже вещество креста, тѣмъ большую мы проявляемъ любовь къ своему Господу“. — „Я, говоритъ Герасимъ, болѣе уже не вѣрю вашей благодати, которую вы купили за деньги и сами продаете другимъ.“—„Ошибаешься, другъ мой“, сказалъ я. „На трудовые деньги своихъ родителей мы учились, а благодать Божію получили даромъ. Если же тебя соблазняетъ взиманіе пастырями вознагражденія за свой трудъ, то и я прочитаю въ назиданіе тебѣ и всѣмъ слушателямъ ученіе слова Божія по сему вопросу. Еще въ Ветхомъ Завѣтѣ, т. е. до Рождества Христова Господь опредѣлилъ (Числ. 35, 1 — 3 и 7 ст.) въ собственное пользованіе священниковъ и левитовъ 48 городовъ. Имъ же отданы части жертвъ и даже выкупъ деньгами (Числ. 18 гл.). Законъ этотъ не былъ отмѣненъ, даже Новый Завѣтъ ссылается на него (Гал. 6, 6 ст.). Духовнымъ отцамъ за трудъ вѣрующіе не только могутъ давать, но законъ Божій даже прямо велитъ это дѣлать. Прочиталъ я неопустительно и объяснилъ 1 Кор. 9 гл. Апостолъ Павелъ самъ бралъ подаянія (2 Кор. 11, 8—9); за такія приношенія благодарилъ филиппійцевъ (Фил. 4, 10—19); бралъ и имѣлъ св. Апостолъ даже съ преизбыткомъ. Изъ св. Евангелія мы знаемъ, что Іисусъ Христосъ былъ бѣденъ (Матѳ. 8, 20), пользы отъ храма не имѣлъ, но подать платилъ на храмъ (Матѳ. 17, 24 — 27): вдовицу за послѣднюю лепту на храмъ не осудилъ (Марк. 12, 42—44). Слушатели внимательно слѣдили за моей рѣчью. Послѣ этой бесѣды я отслужилъ Господу Богу молебенъ объ обращеніи заблудшаго и уѣхалъ.

На другой день вечеромъ пріѣзжаетъ за мной младшій сынъ Герасима (30 лѣтъ) и со слезами проситъ меня поѣхать къ нимъ въ домъ, отслужить водосвятіе на головѣ больного и, если можно, напутствовать его Святыми Таїнами Христовыми. Немедленно же съ своимъ псаломщикомъ я ѣду къ больному и вижу, что Герасимъ лежитъ на полу, связанный по рукамъ и ногамъ, говоритъ Богъ знаетъ что, клянетъ всѣхъ и все, богохульствуетъ, бранится невозможно, усиливается подняться на ноги, свиститъ, мяукаетъ, смѣется; словомъ, представляетъ видъ бѣсноватаго. Напутствовать я его не могъ, а началъ служить молебенъ. Едва запѣли молитву Св. Духу, какъ Герасимъ вдругъ поднялъ крикъ, подобный реву

животнаго, глаза налились кровью, онъ сталъ биться о землю, кружился на спинѣ, стараясь разорвать связки на рукахъ и ногахъ. Многіе не могли перенести такого ужаснаго зрѣлища и ушли. Водосвятіе было окончено, и я окропилъ Герасима водой со св. креста. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ значительно успокоился. Указавъ народу на болѣзнь Герасима, какъ на видимое Божіе наказаніе за отступленіе отъ св. православной Церкви Христовой, и давъ назиданіе, я уѣхалъ.

Чрезъ день я вижу, что Герасимъ съ младшимъ сыномъ своимъ пріѣхалъ въ церковь и уже самъ со слезами просилъ меня причастить его Святыхъ Таинъ Христовыхъ и отслужить Господу Богу благодарственный молебенъ. Радости моей я не могу описать. Удостоилъ и меня грѣшнаго Господь воочію видѣть чудо. Самъ я также безъ слезъ не могъ слушать раскаяніе заблудшаго сына, пришедшаго снова въ домъ Отца Небеснаго съ покаяніемъ. Вскорѣ—Богъ далъ Герасимъ окончательно выздоровѣлъ. Теперь онъ неопустительно посѣщаетъ св. Церковь во всѣ праздничные дни и со вниманіемъ слушаетъ слово Божіе. Болѣзнь свою считаетъ наказаніемъ Божіимъ за грѣхъ отступленія отъ родной матери своей православной Церкви Христовой. Случай этотъ оставилъ настолько тяжелое впечатлѣніе на односельчанахъ Герасима, что они съ ужасомъ и теперь посматриваютъ на домъ, въ которомъ совершилось такое необычайное событіе, а о сектантѣ Ларіонѣ они безъ непріязни не могутъ вспомнить. Самъ же штундистъ болѣе уже не появляется въ моемъ приходѣ.

Священникъ *Аристархъ Чаусовъ*

Разсказъ монаха.

Проѣзжая въ городъ Т. по дѣламъ службы на пароходѣ, я встрѣтился съ однимъ монахомъ, который сидѣлъ на скамейкѣ у борта парохода, читая какую-то книгу. Это былъ мужчина лѣтъ сорока, высокаго роста, съ голубыми глазами; бѣлокурые кудрявые волосы падали длинными прядями на его плечи. Когда я подошелъ къ нему близко, онъ всталъ со скамейки и, подойдя ко мнѣ, почтительно поклонился и сказалъ; „благословите, отецъ духовный, меня грѣшнаго инока Валентина.“ Я благословилъ инока.

— Откуда вы, отецъ, изъ какого монастыря? спросилъ я.

— Я, отвѣтилъ онъ, Т—ской губерніи, изъ Спасо-Преображенскаго монастыря.

— Куда же вы держите свой путь?

— Я проѣзжаю въ городъ Е—ъ для сбора пожертвованій въ пользу нашего монастыря, въ которомъ въ настоящее время строится каменный храмъ.

Я сѣлъ рядомъ съ инокомъ на скамейку. Между нами за-

вязался разговоръ; я распрашивалъ инока объ ихъ монастырѣ и житьѣ монастырской братіи, а также и объ его путешествіяхъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія, я спросилъ инока: извините меня за нескромный вопросъ: вы давно уже приняли монашество?

— Уже десять лѣтъ, отвѣчалъ инокъ. Скажу вамъ откровенно, что со мною въ жизни случилось несчастіе: я лишился зрѣнія—и былъ слѣпцомъ два года; *но дивны дѣла Господа:* Всемилосердый Господь, по Своей неизреченной милости ко мнѣ грѣшному, исцѣлилъ меня отъ моей слѣпоты чудеснымъ образомъ. При этихъ словахъ инокъ благоговѣйно оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ. Наступило непродолжительное молчаніе.

— Не будете-ли вы такъ добры, чтобы разсказать мнѣ о дивномъ явленіи милосердія Божія къ вамъ, спросилъ я инока.

— Отчего же не разсказать: *о дѣлахъ Божіихъ объявлять похвально* (Тов. 12. 11). сказалъ онъ. И вотъ какой разсказъ я услышалъ отъ него. „Я урожденецъ, говорилъ инокъ — Т—ской губерніи, Я—го уѣзда, села Барехатова. Отецъ мой былъ крестьянинъ. У родителей своихъ я былъ единственный сынъ; родители меня очень любили, особенно мать моя, которая, какъ говорится, души не чаяла во мнѣ. На 21-мъ году моей жизни Господу угодно было испытать меня: я заболѣлъ глазами. Эта моя болѣзнь сильно опечалила родителей; отецъ мой былъ человѣкъ небогатый; онъ имѣлъ во мнѣ хорошаго помощника въ своихъ крестьянскихъ работахъ, а потому особенно сильно горевалъ по причинѣ моей болѣзни. Не смотря на свою бѣдность, онъ для излѣченія меня жертвовалъ послѣднюю трудовую копѣйку; я много лѣчился, но ни домашнія, ни медицинскія средства не помогали. Съ теченіемъ времени, болѣзнь глазъ моихъ все болѣе и болѣе усиливалась и, наконецъ, я ослѣпъ. Это послѣдовало чрезъ полгода отъ начала моей болѣзни. Потерявъ совершенно зрѣніе, я сталъ ходить ощупью и, отъ непривычки, спотыкался. Однажды мой отецъ дрожащимъ голосомъ спросилъ меня: „Вася (въ мірѣ мое имя было Василій), развѣ ты ничего не видишь?“ Вмѣсто отвѣта, я заплакалъ, и отецъ мой не могъ удержаться отъ слезъ: онъ зарыдалъ, какъ младенецъ; а о матери и ея чувствахъ и говорить нечего: она скорбѣла еще болѣе отца.“ Инокъ замолкъ: на глазахъ его блестѣли слезы.

Помолчавъ немного, онъ продолжалъ свой разсказъ: „тяжело было мое положеніе; грустные смѣнялись для меня дни и ночи. Не легче, не веселѣе было и моему бѣдному, убитому горемъ, отцу. Бывало, онъ отправится на пашню или на покосъ,—туда и я съ нимъ: а теперь онъ всюду одинъ,—и работа не такъ стала спориться въ его рукахъ. Во время моей болѣзни отецъ мой сильно измѣнился: онъ сдѣлался очень

грустнымъ и молчаливымъ. Придетъ, бывало, съ работы, скажетъ слово—два и замолчитъ. Я понималъ, я чувствовалъ, что мое несчастіе сильно поразило его. Однажды я одинъ сидѣлъ въ избѣ; чрезъ нѣсколько минутъ въ избу зашелъ отецъ, и сѣвши рядомъ со мною, положилъ свою руку на мое плечо и крѣпко задумался. Наступило молчаніе, которое нарушалось только тяжелыми вздохами моего, убитаго горемъ, отца. Наконецъ, я нарушилъ это тяжелое для обоихъ насъ молчаніе. „Батюшка! печально сказалъ я: ты все горюешь о мнѣ? Слѣпота моя не отъ насъ, но отъ Бога, судьбы Котораго для насъ непостижимы. Припомни-ка, что священникъ-то намъ говорилъ, когда былъ въ нашемъ домѣ со св. иконами въ дни св. Пасхи? Онъ говорилъ намъ: „не унывайте много, добрые люди, чтобы не дойти намъ до ропота на Бога. Помните, что судьбы всеблагаго и премудраго Промысла Божія непостижимы для нашего ограниченнаго человѣческаго разума. И слово Божіе говоритъ: *пути Его кто постигнетъ? Какъ вѣтеръ, котораго человѣкъ не можетъ видѣть,—такъ и большая часть дѣлъ Его сокрыты* (Сирах. 16, 21) отъ насъ. Мы не знаемъ и не дано намъ знать, почему Господь посылаетъ намъ ту или другую скорбь и несчастіе. Конечно, безопаснѣе думать, что они посылаются намъ по грѣхамъ нашимъ. Помнишь, батюшка, какъ нашъ добрый и сердобольный о. Василій, обратившись ко мнѣ и положа свою руку на мою голову, сказалъ истинно-отечески: „не скорби много, добрый Вася, о своемъ несчастіи,—не доходи до отчаянія, которое можетъ прогнѣвать милосердаго Отца небеснаго; всегда и твердо помни слова Премудраго: *Наказанія Господня, сынъ мой, не отвергай, и не тяготись обличеніемъ Его; ибо кого любитъ Господь, того наказываетъ и благоволитъ къ тому, какъ къ сыну своему* (Притч. 3, 11. 12); не скорби много о своемъ несчастіи, но безропотно преклонись предъ волею Божіею, такъ какъ *невозможно изслѣдовать дивныхъ дѣлъ Господа* (Сирах. 18, 5). Сказавъ эти слова и оградивъ меня крестомъ, который о. Василій держалъ въ своихъ рукахъ, онъ пошелъ со св. иконами изъ нашей избы; и ты помнишь, какъ утѣшили меня тогда эти отеческія слова о. Василія?—„Такъ-то такъ, Вася, да какъ мы жить-то будемъ; мать-то твоя отъ горя, слезъ, непосильныхъ трудовъ и заботъ совсѣмъ сгорбилась, да и я самъ уже съ трудомъ начинаю ходить и вести свое хозяйство.“ Отецъ мой замолчалъ. Я чувствовалъ ужасную тоску въ своемъ сердцѣ; но что я могъ сказать въ утѣшеніе моему бѣдному отцу? Посидѣвъ печально нѣсколько времени около меня, отецъ всталъ и тихо вышелъ изъ избы; а я, оставшись одинъ, палъ на колѣни предъ иконою и зарыдалъ, какъ малый ребенокъ“... Инокъ замолкъ: на глазахъ его навернулись слезы, и онъ, низко опустивъ свою голову на грудь, задумался.

„Прошло времени болѣе года, сказалъ инокъ послѣ непродолжительнаго молчанія, какъ я лишился зрѣнія. Однажды я заснулъ съ печальными и скорбными думами на сердцѣ. Я увидѣлъ во снѣ нѣкотораго старца, который, подошедши ко мнѣ и оградивъ меня крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: „что ты такъ много скорбишь о своемъ несчастіи? Это грѣшно предъ Богомъ; знай, что *Онъ не по изволенію сердца Своего наказываетъ и огорчаетъ сыновъ человѣческихъ* (Плачъ Іереміи 3, 33); а для ихъ же нравственной пользы. Часто Онъ, какъ милосердый Отецъ, разрушая счастіе человѣка на землѣ, устрояетъ его для него тамъ— на небѣ. Почему знать, быть можетъ, и надъ тобою повторится приговоръ Господа: *ни сей согрѣши, ни родители его... но да явятся дѣла Божія на немъ* (Іоан. 9, 3)? Потомъ старецъ, помолчавъ и посмотрѣвъ на меня строго-отечески, сказалъ: „*что обѣщалъ, исполни, такъ какъ Господь не благоволитъ*“ (Екк. 5, 3) къ неисполняющимъ даннаго Ему обѣщанія. Смотри, „*что обѣщалъ исполни,*“ строго повторилъ старецъ и, оградивъ меня крестнымъ знаменіемъ, онъ сталъ невидимъ. Я проснулся. Этотъ сонъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе; я долго размышлялъ о снѣ и особенно о словахъ, сказанныхъ старцемъ: „*что обѣщалъ исполни;*“ и что же? Я вспомнилъ, что я, купаясь съ товарищами три года тому назадъ, чуть не утонулъ и, будучи спасенъ отъ потопленія, далъ обѣщаніе сходить въ Верхотурье на поклоненіе св. мощамъ праведнаго Симеона Верхотурскаго, но потомъ забылъ о своемъ обѣщаніи—не исполнилъ его. Вспомнивши это, я затрепеталъ... Чрезъ двѣ недѣли я отправился съ роднымъ дядею въ Верхотурье. Что я чувствовалъ, молясь предъ св. мощами угодника Божія, это высказать невозможно, но можно только чувствовать. Я еще въ Верхотурьѣ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе своей болѣзни—ослабленіе моей слѣпоты; но я не говорилъ объ этомъ своему дядѣ, который былъ со мною. Мы съ нимъ благополучно вернулись домой. Однажды утромъ, вставши на молитву, я вдругъ, къ моей радости, ясно увидѣлъ св. икону Спасителя, предъ которою молился; отъ душевной радости я затрепеталъ... Я вскричалъ: „родители, я прозрѣлъ!“ Родители также преклонили колѣни со мною предъ св. иконою и въ порывѣ душевной радости плакали навзрыдъ... „Я былъ счастливъ: я прозрѣлъ!“

Помолчавъ немного и отеревъ слезы, инокъ продолжалъ: „я тутъ же при родителяхъ далъ обѣщаніе Богу поступить въ монашество, чтобы до конца жизни молить Господа и благодарить Его. Всемилосердаго, за дарованное мнѣ исцѣленіе. Когда я совершенно выздоровѣлъ, то началъ усердно помогать своему отцу въ его хозяйственныхъ трудахъ; вскорѣ наше разстроенное хозяйство было общими силами и трудами приведено въ порядокъ. Похоронивъ своихъ добрыхъ роди-

телей, умершихъ на одной недѣлѣ отъ тифа, который сильно тогда свирѣпствовалъ въ нашемъ селѣ и окрестныхъ деревняхъ, я поступилъ въ число монастырской братіи Спасо-Преображенскаго монастыря. Да, „*дивны дѣла Божіи!*" сказалъ инокъ, благоговѣйно ограждая себя крестнымъ знаменіемъ, закончивши свой разсказъ.

Прощаясь съ инокомъ и благословляя его, я сердечно его благодарилъ за его назидательный разсказъ объ его дивномъ исцѣленіи отъ слѣпоты (Воскр. Чт. 1899 г.).

Свящ. *Алексѣй Соболевъ.*

Дивное вразумленіе.

„Тульск. Еп. Вѣд." сообщаютъ о непостижимомъ, но понятномъ для христіанина событіи. 23-го сентября сего года въ селеніи Кукуевка, Ефремовскаго уѣзда, днемъ носили по домамъ досточтимую икону Божіей Матери — изъ церкви села Новгородскаго, Богородицкаго уѣзда; тамъ духовенствомъ совершаемы были молебны. Въ то-же время въ селеніи былъ свадебный разгулъ и при перенесеніи иконы изъ дома въ домъ гулящіе не переставали безобразничать. Въ числѣ свадебныхъ гостей было пять Кукуевскихъ домохозяевъ, которые, въ числѣ четырехъ, иконы въ свои дома не приняли, но остальной, хотя и былъ пьяный, пожелалъ принять. Такимъ образомъ, обойдя деревню, икону унесли. Тутъ-же случился пожаръ, начавшійся съ дома того жителя, который первый не принялъ иконы, а за тѣмъ несчастіе пало и на остальные три дома, владѣльцы коихъ не пожелали принять иконы. Домъ-же пятаго домохозяина, который изъявилъ желаніе на принятіе святыни, несмотря на близость въ расположеніи отъ горѣвшаго дома, остался невредимъ (Рус. Пал. 1901 года).

Вразумленіе къ достодолжному провожденію храмовыхъ праздниковъ.

Вблизи Славяно-Сербскаго, на Аѳонѣ, монастыря-Хиландаря издревле выстроена келлія, съ малой въ ней церквицей, во имя св. первомученика архидіакона Стефана. Въ этой келліи проживаютъ и болгары, но больше русскіе, которые и на Аѳонѣ первые, можно сказать, радѣтели и любители храмовъ Божіихъ. Наканунѣ 27 декабря 1885 г., ко дню памяти св. Первомученика, проживавшій въ сей келліи старецъ схимонахъ Л. обратился въ монастырь съ просьбой прислать къ нему—для отправленія всенощнаго бдѣнія и въ самый день праздника литургіи—іеромонаха съ причтомъ. Просьба была исполнена: *) къ вечеру прибыли приглашенные изъ обители. Старецъ о. Л. предложилъ имъ угощеніе къ подкрѣпленію на всенощное бдѣніе. **) Но во время стола хозяинъ, по невниманію къ своимъ склонностямъ и характеру, требующимъ охраненія, по наущенію общаго нашего душегубца діавола, слово-по-слову непримѣтно допустилъ нанесть всѣмъ смущеніе и дошелъ до того, что къ удивленію предложилъ священно и церковно-служителямъ, готовящимся уже начать службу Божію, уйти отъ него. Приглашенные, видя діавольскую въ семъ сѣть, снисходительно отнеслись къ немощи старца и оставили его, и за не возможностію уже, по случаю поздняго времени, возвратиться въ обычно затворяющійся на ночь монастырь, удалились въ находящуюся невдалекѣ отъ Стефановской келліи, никѣмъ не занимаемую избу, объявивъ и старцу, куда они уходятъ. Тамъ они, по краткомъ вечернемъ славословіи, расположились на ночлегъ. По уходѣ служащихъ, и самъ старецъ, истомленный и ослабѣвшій готовился спать. Не успѣлъ онъ еще совсѣмъ сомкнуть глаза, вдругъ видитъ, что подходитъ къ нему въ великомъ свѣтѣ и славѣ юноша съ жезломъ, въ видѣ трости. Поднявъ трость вверхъ и грозя беззаботному старцу ударомъ, явившійся говоритъ ему: одинъ всего разъ въ годъ совершаешь въ сей церкви въ память мою празднованіе, и то, по невниманію къ себѣ и нераденію своему, не исправляешь какъ должно. Сейчасъ же поправь свою ошибку, а то я тебя этимъ жезломъ жестоко накажу... Не трудно было угадать, кто явившійся. Въ страхѣ и трепетѣ вскочилъ съ постели своей старецъ и, несмотря на

*) Передается разсказъ отъ проживавшаго въ то время въ Хиландарѣ русскаго м. Исихія, какъ соучастника въ семъ торжествѣ, очевидца, слѣдовательно и непосредственно-достовѣрнаго свидѣтеля.

**) На Аѳонѣ, особенно въ храмовые дни, продолжаютъ и на келліяхъ почти до разсвѣта служеніе,—съ водосвятіемъ по утрени, у Греко-Болгаръ и съ литургіею—неисходно.

ночное время, поспѣшилъ къ высланнымъ имъ служителямъ Божіимъ. Разсказывая угрозу св. Первомученика, кланялся имъ до земли, прося прощенія за оскорбленіе. Преподавъ старцу отъ всего сердца прощеніе, іеромонахъ съ церковниками отправились съ любовію къ нему. Отслуживъ утреню и литургію, закончили торжество, при чувствѣ благодаренія, молебнымъ пѣніемъ страстотерпцу Стефану, такъ знаменательно постоявшему за себя и свою церковь, и своимъ вмѣшательствомъ подвигшему живущаго подъ его кровомъ старца къ спасительному самоисправленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ св. Первомученикъ симъ вразумляетъ и весь міръ, что святые какъ о посвященныхъ въ честь ихъ храмахъ, такъ и о служащихъ въ нихъ, имѣютъ свое небесное промышленіе.

Аѳонецъ П.

Замѣчательные случаи.

Лѣтомъ, 23-го іюля въ Климантинскомъ приходѣ Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, въ деревнѣ Звясинѣ вспыхнулъ пожаръ. Загорѣлось съ конца и, такъ какъ былъ сильный вѣтеръ на деревню, огонь быстро распространился по посаду, буквально пожирая убогія крестьянскія хижины. Спасти хотя нѣкоторыя изъ нихъ не было никакой возможности. Пожарныхъ трубъ наѣхало много, но воды въ самой деревнѣ не было. Крестьяне пользовались въ обыкновенное время водой изъ пруда, находящагося отъ деревни въ разстояніи одной версты. Понятно, что при всеобщей пожарной сумятицѣ не успѣвали подвозить воду и посадъ сгорѣлъ. Но вотъ что удивительно. Среди сгорѣвшаго посада стояла самая убогая изъ всей деревни небольшая хижина, уже покосившаяся отъ дряхлости, принадлежащая одной бѣдной вдовицѣ. Эта то бѣдная старая хижина, покрытая соломой, несмотря на то, что была окружена во время пожара со всѣхъ сторонъ огнемъ, все таки уцѣлѣла. Огонь не коснулся даже соломы, которой покрыта хижина, тогда какъ приставленныя къ ней жердочки обгорѣли сверху донизу. Разстояніе отъ хижины до сосѣднихъ домовъ по обѣ стороны около 2-хъ саженъ. Надо при этомъ замѣтить, что былъ сильный вѣтеръ, и огонь, сильно имъ раздуваемый, почти касался стѣны этой хижины и все таки не тронулъ ея. Всѣ единодушно признали въ этомъ удивительномъ случаѣ особенное дѣйствіе Промысла Божія, *призирающаго на нища и убога и осушающаго слезы вдовицъ*. Эта вдовица — уже престарѣлая, весьма доброй жизни, незлобивая, терпѣливая и набожная. По смерти ея мужа, вдовца послѣ первой жены, остались съ нею пасынки; но когда подросли и поженились, то раздѣлились съ ней, но она и послѣ этого раздѣла заботилась о нихъ. У одного изъ нихъ была жена безрукая, которая

не могла поэтому ни обмывать, ни одѣвать своихъ дѣтей. Старица—вдова все за нее исправляла и даже удѣляла изъ своихъ убогихъ достатковъ на поддержаніе бѣдной семьи. Много она вытерпѣла горя въ жизни, но всегда переносила несчастія безропотно, въ полной надеждѣ на Бога, за что Онъ видимо и наградилъ ее, спасши ея хижину цѣлу и невредиму въ пламени огненномъ.

Села Климатина, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губ., священникъ Михаилъ Смирновъ 17-го октября.

Священникъ Смоленской губерніи М. Назаревскій сообщаетъ въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ о замѣчательномъ случаѣ, бывшемъ въ его приходѣ въ сентябрѣ 1889 года. „Въ деревнѣ Хмѣльникахъ жилъ крестьянинъ Никита Петровъ, 45 лѣтъ, раскольникъ. Какъ мнѣ извѣстно, говоритъ Назаревскій, недавно и въ расколъ перешелъ Петровъ, а поноситель святой Церкви, лицъ духовнаго званія и всего церковнаго былъ самый завзятый. Не однажды бесѣдовалъ я съ Петровымъ о мнимой старой вѣрѣ, но бесѣды мои не имѣли на Петрова дѣйствія. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ былъ я позванъ въ деревню Чернятино для напутствованія Святыми Тайнами больнаго. Случилось, что и Никита Петровъ въ это время былъ въ Чернятинѣ у родственника своего. Увидя меня проходящимъ мимо оконъ,—такъ передавали мнѣ,—Петровъ обругалъ меня и, по своему обычаю, сталъ порицать святую Церковь и духовенство. Самъ Петровъ въ это время обѣдалъ,—и лишь только извергли его нечестивыя уста хулу, какъ пища, взятая имъ въ ротъ, остановилась въ горлѣ, и Петровъ мгновенно умеръ.“

Въ Саратовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ оповѣщается слѣдующій случай наказанія Божія за обманъ. Въ деревнѣ Борисовкѣ, Старобурасовскаго прихода, Саратовскаго уѣзда, одинъ солдатъ с. Борисовки, давно уже занимавшійся собираніемъ милостыни, захотѣлъ увеличить свою прибыль отъ означеннаго ремесла. Для этого онъ устроилъ костыли, притворился хромымъ и отправился для сбора милостыни въ сосѣднія села и деревни. Сборъ свой окончилъ благополучно и, возвращаясь обратно домой, въ Старыхъ Бурасахъ на церковной площади, предъ самымъ храмомъ Божіимъ, слѣзая съ телѣги, *сломалъ себѣ ногу*. Это было 14 апрѣля 1890 года. Мѣстность, гдѣ это несчастіе произошло, совершенно ровная. Пострадавшій солдатъ находился еще далеко не въ крайней бѣдности: имѣлъ лошадь, корову, хлѣбъ для пропитанія; съ нимъ живетъ 25 лѣтній сынъ—женатый, да и самъ онъ еще въ силѣ, могъ бы работать.“ (Саратов. Епарх. Вѣд. 1890 г. № 11).

Исцѣленіе слѣпой.

(Русск. Паломн. № 19 1890 г.).

Борисоглѣбскій мѣщанинъ Александръ Моисеевъ Яковлевъ— портной, десять лѣтъ тому назадъ, жилъ въ станицѣ Урюпино Области Войска Донскаго. Здѣсь у него родилась дочь Марія, у которой на шестимѣсячномъ возрастѣ, образовались на обоихъ глазахъ большія бѣльма, такъ что оба глаза сдѣлались бѣлые. Яковлевъ обратился сначала за помощью къ доктору г. Тенчинскому, потомъ къ доктору г. Захарьевскому, и къ другимъ въ томъ числѣ и къ военному врачу (всѣ они и въ настоящее время проживаютъ въ Урюпино), но всѣ мѣры медицины оказались безсильны, такъ что больная на четвертомъ году совершенно ослѣпла и вѣки глазъ ея закрылись. Отъ сильной боли она настолько была измучена, что будучи шести лѣтъ, не могла ходить. По совѣту нѣкоторыхъ лицъ, отецъ ея раскрылъ ей вѣки и увидѣлъ вмѣсто глазъ одно мясо облитое кровью. Потерявъ всякую надежду на излѣченіе дочери, Яковлевъ и жена его, взявъ больную, завернули въ одѣяло и отправились въ церковь на старомъ кладбищѣ станицы Урюпино, гдѣ находится явленная икона Казанской Божіей Матери. Здѣсь попросили они священника отслужить молебенъ предъ этою иконою. Возвратившись въ квартиру, они посадили дочь, по обыкновенію, завернутую въ одѣяло, на всегдашнюю ея постель на сундукѣ, а сами стали готовиться пить чай. Въ это время неожиданно, дочь ихъ раскрыла глаза и произнесла, что она видитъ отца, самоваръ и все, что на столѣ, и попросила отца и мать заговорить что нибудь, такъ какъ она ихъ отъ роду не видала, а знала лишь по одному голосу.

Въ настоящее время Яковлевъ съ семействомъ живетъ въ Борисоглѣбскѣ, на Большой улицѣ, въ домѣ Феофанова, близъ дома Земства, и дочь Марія, которой теперь одиннадцатый годъ, съ совершенно здоровыми глазами учится въ Борисоглѣбскомъ женскомъ училищѣ.

Троицкіе листки № 48

Изъ дневника православнаго христіанина.

Таинственное дѣйствіе слова Божія.

Чудная сила заключена въ словѣ Божіемъ, спасительная для людей. Какъ бы самое появленіе непостижимаго Бога, слово Божіе устрашаетъ тѣхъ духовъ злобы, что непрестанно вьются вокругъ насъ. Оно разрушаетъ діавольскія козни, низводитъ на душу благословенную тишину и даетъ ей ощущеніе благости Спасителя міра. Кто изъ глубоко вѣрующихъ людей не представлялъ въ своемъ сердцѣ сладости тѣхъ часовъ, когда обитательница Виѳаніи, Марія, сестра Лазаря, сидѣла у ногъ Іисуса Христа, внимая Его божественной рѣчи? Но и теперь всякому доступно это блаженное состояніе. Углубись въ книгу благовѣствованія, и душа твоя будетъ что душа Маріи у ногъ Іисусовыхъ.

Въ доказательство благодатной силы слова Божія приведемъ разсказъ одного благочестиваго странника.

Этотъ странникъ, обходя святыя мѣста Русской земли, всегда имѣлъ съ собою въ катомкѣ двѣ книги — Библію и Добротолюбіе. Однажды въ сумерки на большой дорогѣ напали на него два человѣка, похожіе на бѣглыхъ солдатъ, и стали требовать у него денегъ, и напослѣдокъ ударили его по головѣ дубиной, такъ что онъ упалъ безъ чувствъ. Очнувшись, онъ увидѣлъ, что они унесли его катомку, въ которой лежали его драгоцѣнныя книги. А къ Библіи своей онъ привыкъ съ дѣтства. На третій день онъ нагналъ по дорогѣ этапъ колодниковъ, среди которыхъ призналъ и двухъ ограбившихъ его мужчинъ. Христомъ Богомъ онъ вымолилъ у нихъ, чтобъ они открыли ему, гдѣ похищенныя у него книги. Они сказали, что съ прочими отобранными у нихъ вещами ихъ везутъ въ обозѣ. Странникъ бросился къ капитану, завѣдывавшему командой, и просилъ его выдать ему эти книги.

Капитанъ, удостовѣрясь, что странникъ говоритъ правду, предложилъ пройти съ ними до ночлега, чтобъ не останавливать нарочно этапъ и обозъ. Получивъ книги, странникъ былъ такъ радъ, что прижалъ ихъ къ своей груди и держалъ ихъ до тѣхъ поръ, что даже руки окостенѣли, слезы лились изъ его глазъ, и на вопросъ капитана: „видно, ты любишь читать Библію?"—онъ отъ радости ничего не могъ отвѣтить, а только плакалъ.

Тогда офицеръ сказалъ ему: я самъ, братъ, аккуратно всякій день читаю Евангеліе. И онъ, растегнувъ мундиръ, вынулъ окованное въ серебрѣ небольшое Евангеліе кіевской печати, и сталъ разсказывать такъ:

„Съ молодыхъ лѣтъ служилъ я въ войскахъ, зналъ службу, былъ любимъ начальствомъ. Но по молодости, увлеченный товарищами, научился пить и, наконецъ, дошелъ до запоя. Пьянствовалъ, бывало, недѣль по шести. Въ пьяномъ видѣ дѣлалъ я разныя безобразія. Долго мнѣ ихъ терпѣли. Наконецъ, разжаловали меня за грубость начальнику на три года въ солдаты, съ перемѣщеніемъ изъ полка въ гарнизонъ. Хотя мнѣ грозили еще худшею участью въ случаѣ неисправленія, я никакъ не могъ отвыкнуть отъ пьянства. Меня уже хотѣли перевести въ арестантскія роты, что является конечнымъ униженіемъ.

„Однажды, когда я сидѣлъ въ казармахъ, вошелъ какой-то монахъ, собиравшій на свой монастырь. Мы подали, что могли. Подошедши ко мнѣ, онъ спросилъ: „что ты такой печальный?" Я ему разсказалъ мое горе. Внимательно выслушавъ меня, монахъ сказалъ: „такая же бѣда была съ моимъ роднымъ братомъ. И, вотъ его духовникъ далъ ему такой совѣтъ; какъ потянетъ его къ вину, чтобъ читалъ онъ по главѣ изъ Евангелія немедленно; и если будетъ продолжаться позывъ на вино,—чтобъ читалъ еще главу. Братъ сталъ такъ поступать, и страсть къ вину исчезла. Вотъ уже пятнадцать лѣтъ онъ не беретъ въ ротъ хмѣльнаго".

Выслушалъ я прилежно разсказъ монаха; слова, какъ говорится, не утратилъ. Но невольно подумалъ: „какъ это такъ чтеніе Евангелія можетъ избавить человѣка отъ страсти къ вину?" Мысль мою я выразилъ монаху вслухъ. „Гдѣ же, сказалъ я ему, помочь твоему Евангелію, когда никакія мои старанія, никакія лѣкарства доселѣ не могли меня спасти, не приносили никакой пользы?"

А нужно сказать, что я до той поры какъ это часто бываетъ даже съ грамотными, даже съ вѣрующими людьми, никогда не читалъ Евангелія, и не могъ себѣ представить, какую оно имѣетъ силу.

— Не говори, возразилъ мнѣ монахъ, что Евангеліе безсильно помочь тебѣ. Польза будетъ, вотъ увидишь. Да я и дамъ тебѣ Евангеліе.

На слѣдующее утро онъ, дѣйствительно, принесъ мнѣ Евангеліе—вотъ это самое, которое доселѣ при мнѣ. Я неважно зналъ церковно-славянскій языкъ и, раскрывъ Евангеліе, и почитавъ немного, сказалъ: „не возьму я его. Тутъ ничего не поймешь, да я и не привыкъ къ церковной печати“. Но монахъ продолжалъ убѣждать меня, говоря, что въ самыхъ словахъ Евангелія есть благодатная сила, какъ въ словахъ Самого Господа Бога. „Нужды нѣтъ, убѣждалъ онъ меня, что не все понимаешь. Только читай прилежно. Одинъ святой сказалъ: „если ты слова Божіи не понимаешь, такъ бѣсы понимаютъ, что ты читаешь и трепещутъ. А вѣдь страсть къ пьянству возбуждается непремѣнно бѣсами, только и думающими, какъ бы сбить на дурное и погубить христіанскую душу. Да и Великій Іоаннъ Златоустъ пишетъ, что даже та самая храмина, въ которой хранится Евангеліе, устрашаетъ духовъ тьмы и бываетъ недоступна для ихъ козней.“

Въ концѣ концовъ я взялъ у монаха Евангеліе и положилъ его съ прочими моими вещами въ сундучекъ, и, на время о немъ забылъ. Пришла обычная пора запоя. Отперъ свой сундучекъ, чтобъ достать скорѣе денегъ и бѣжать въ кабакъ. Но прежде всего мнѣ кинулось въ глаза лежавшее сверху Евангеліе. Мнѣ живо пришли тутъ на память слова монаха, и я сталъ читать первую же главу. Мало я въ ней понялъ, но опять таки вспомнилъ слова монаха: „нужды нѣтъ, что не поймешь. Только читай прилежнѣе.“—Дай, говорю себѣ, прочту другую главу. Прочелъ, и стало понятнѣе.—Дай, и третью.—Только что ее началъ, какъ раздался звонокъ въ казармѣ—время идти къ койкамъ. Такъ я и не пошелъ въ кабакъ, — за ворота нельзя уже было идти: не пропустили бы. Остался я въ казармѣ, помолился Богу и уснулъ.

Вставши на слѣдующее утро и чувствуя эту жажду вина, извѣстную пьяницамъ, я собрался идти за этимъ зельемъ. Но сказалъ себѣ: „а что, если сперва почитать Евангеліе?“ Прочелъ, и не пошелъ. Вскорѣ однако опять стала сосать меня та же проклятая жажда. Еще я прочелъ изъ Евангелія, и стало мнѣ легче. Теперь ужъ я чувствовалъ на себѣ благодатную силу Евангелія, и это значительно меня ободрило. Какъ только меня начинало тянуть опять къ вину, я принимался за Евангеліе, читая по одной главѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ становилось легче. И когда я прочелъ всѣхъ четырехъ Евангелистовъ, страсть къ водкѣ совсѣмъ у меня пропала. И наоборотъ, я сталъ чувствовать къ вину полнѣйшее омерзѣніе. Прошло съ тѣхъ поръ двадцать лѣтъ — и я ни разу не бралъ въ ротъ ни капли хмѣльнаго.

„И вмѣстѣ съ новою трезвостью моею измѣнилась моя вся жизнь. Чрезъ три года мнѣ возвратили мой прежвій чинъ, потомъ стали повышать. Я женился. Богъ послалъ

жену благочестивую, умную. Завелся у насъ достатокъ. Живемъ себѣ потихоньку, Бога благодаримъ, бѣднымъ помогаемъ, странниковъ принимаемъ. Вотъ ужъ и сына вырастили. Офицеръ онъ ужъ у меня, хорошій, надежный парень.

„Теперь слушай, какой я самъ съ собой завѣтъ на всю жизнь положилъ. Какъ я исцѣлился чрезъ Евангеліе отъ запоя,—далъ я себѣ клятву—во всю мою жизнь читать каждый день Евангеліе, по цѣлому евангелисту въ сутки. Никакія препятствія меня отъ этого не могутъ удержать. Если за день я такъ утомлюсь, что не въ силахъ вечеромъ самъ читать, то лежа въ постели, прошу жену или сына прочесть надо мною Евангеліе. А въ благодарность за исцѣленіе оправилъ я то маленькое, данное мнѣ, горькому пьяницѣ, монахомъ Евангеліе въ чистое серебро, и, не снимая, ношу его на груди"

Вотъ какова сила слова Божія! „Цѣпокъ врагъ, да силенъ Богъ". Если когтями порока онъ вцѣпился въ тебя, то бѣги къ Богу; знай, что, читая благоговѣйно Его слово, ты какъ бы сидишь у ногъ Христовыхъ. И тѣмъ, какъ возьметъ тебя врагъ, ты побѣдишь его и посрамишь, прильнувъ всею душею къ ризѣ Христовой.

Не забывай же никогда о томъ, какъ спасаетъ чтеніе Евангелія, и возьми добрую привычку всякое утро прочитывать хоть по одной главѣ (Кормч. 1905 г.).

Е. Поселянинъ.

Совѣтъ.

Когда тропой тернистой
Господь ведетъ,—ступай,
И лишь молитвой чистой
Дорогу расчищай.

Когда кругомъ лишенья,
Потери и бѣды,
Въ колѣнопреклоненьи
Отраду находи.

Когда позоръ, проклятья
На голову спадутъ:
Молись ты у Распятья,—
Они замолкнутъ, побѣгутъ.

Пусть міръ въ ожесточеньи
Отниметъ все,—отдай,
И что сказалъ въ лишеньи
Мужъ Іовъ, вспоминай.

Пусть люди ополчатся,
А ты терпи, молись.
Зачѣмъ въ бѣдѣ теряться?
Нѣтъ,—бодрствуй и крѣпись...

Страдалецъ! вѣрь въ спасенье,
На Бога уповай...
За горе, за терпѣнье,
Онъ обѣщаетъ рай.

(Странникъ, 1863 г.).

Въ чемъ состоитъ грѣхъ противъ Св. Духа?

Сего ради глаголю вамъ: всякъ грѣхъ и хула отпустится человѣкомъ, а яже на Духа хула не отпустится человѣкомъ. И иже аще речетъ слово на Сына Человѣческаго, отпустится ему, а иже речетъ на Духа Святаго, не отпустится ему, ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій (Матѳ. 12, 31. 32). Эти слова составляютъ начало обширной рѣчи Спасителя о грѣхахъ языка человѣческаго. Въ ней Онъ говоритъ о трехъ различныхъ родахъ этихъ грѣховъ, отъ которыхъ предостерегаетъ своихъ слушателей. Сначала, въ нашемъ текстѣ, Господь Іисусъ говоритъ о самомъ большемъ грѣхѣ языка, о „богохульствѣ“; потомъ о всѣхъ „злыхъ“ словахъ, которыя составляютъ изліяніе злаго сердца (ст. 33—35); и, наконецъ, предостерегаетъ отъ „безполезныхъ“ словъ, за которыя мы нѣкогда должны будемъ дать отчетъ (ст. 36. 37).

Мы обратимъ здѣсь вниманіе только на грѣхъ богохульства, и главнымъ образомъ на грѣхъ противъ Св. Духа, за который нѣтъ прощенія, и посмотримъ, въ чемъ онъ состоитъ, почему онъ такъ важенъ и остается безъ прощенія.

—

*) Грѣхъ къ смерти или смертный грѣхъ, это—грѣхъ тяжкій, дѣлая который человѣкъ дѣлается неспособнымъ къ раскаянію,—это грѣхи хулы противъ Духа Святаго, каковы грѣхи: упорное невѣріе въ дознанную христіанскую истину: упорное отступничество отъ вѣры, не принимающее никакого вразумленія; ожесточенное закоснѣніе въ пагубныхъ еретическихъ заблужденіяхъ и тяжкихъ нераскаянныхъ грѣхахъ. *Епископъ Михаилъ.*

Уже вводныя слова Спасителя: *сего ради глаголю вамъ*, а также повтореніе Его словъ (ст. 32) показываютъ намъ важность ихъ; но если ближе разсмотримъ ихъ, то сначала увидимъ въ нихъ утѣшительное обѣщаніе прощенія грѣховъ вообще, а потомъ строгую угрозу непрощаемости грѣха противъ Св. Духа.

Такимъ образомъ, въ нашемъ текстѣ прежде всего заключается утѣшительное обѣтованіе прощенія грѣховъ, которое Господь высказываетъ въ словахъ: *всякъ грѣхъ и хула отпустится человѣкомъ*. На эту истину, которую обыкновенно проходятъ безъ вниманія, при разсмотрѣніи вышеприведенныхъ словъ Господа, мы прежде всего и должны обратить вниманіе по ея важности и утѣшительности.

Господь Іисусъ Христосъ въ начальныхъ словахъ Своей рѣчи учитъ насъ, что грѣхи прощаются, что Богъ готовъ простить величайшіе и тягчайшіе грѣхи, если только мы въ духѣ и истинѣ прибѣгаемъ къ Нему. „У Тебя прощеніе, да благоговѣютъ предъ Тобою" (Псал. 129, 4). „Всякій грѣхъ", говоритъ Іисусъ Христосъ, какъ бы великъ, тяжелъ и гнусенъ онъ ни былъ, и какъ бы часто ни совершался, простится людямъ, и именно по благодати Божіей и ради крестныхъ заслугъ Іисуса Христа. „Если будутъ грѣхи ваши, какъ багряница, то сдѣлаются бѣлыми какъ снѣгъ; если будутъ красны, какъ пурпуръ, сдѣлаются какъ бѣлая волна" (Ис. 1, 18). Благость и милосердіе Божіе такъ далеко простираются, что Онъ готовъ простить и вопіющіе на небо грѣхи, какъ грѣхъ Каина, и даже богохульство. Ап. Павелъ, напр., говоритъ о себѣ, что онъ „прежде былъ хулитель", но что былъ помилованъ (1 Тим. 1, 13). Далѣе Іисусъ Христосъ говоритъ: *и иже аще речетъ слово на Сына Человѣческаго, простится ему*. Многіе говорили противъ Сына Человѣческаго во время жизни Его на землѣ и во время смерти Его на Голгоѳѣ; многіе, къ сожалѣнію, говорятъ еще и теперь; но и такіе грѣшники могутъ найти прощеніе подъ крестомъ Спасителя. Хотя бы грѣхи человѣка восходили до неба, но благодать Божія безконечно больше, и „кровь Іисуса Христа, Сына Божія, очищаетъ отъ всякаго грѣха" (1 Іоан. 1, 7).

Послѣ утѣшенія, предложеннаго въ первыхъ словахъ Господа, и обѣщанія милосердія, слѣдуетъ угроза, что грѣхи противъ Духа Святаго не будутъ прощены Богомъ: *а иже*

речетъ на Духа Святаго, не отпустится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій.

Эти строгія слова, возбуждающія въ каждомъ священный ужасъ къ этому грѣху и совершенію его, необходимо приводятъ къ вопросу: въ чемъ именно состоитъ грѣхъ противъ Св. Духа?—Отвѣтъ представляетъ связь рѣчи, въ которой стоитъ разсматриваемый нами текстъ, или обстоятельства, послужившія поводомъ къ произнесенію Господомъ словъ о грѣхѣ противъ Св. Духа. Евангелистъ повѣствуетъ, что Іисусъ Христосъ только исцѣлилъ бѣсноватаго, который былъ слѣпъ и нѣмъ (Мѳ. 12, 22). „И дивился весь народъ, и говорилъ: не это ли Христось, сынъ Давидовъ? Фарисеи же, услышавъ сіе, сказали: Онъ изгоняетъ бѣсовъ, не иначе, какъ силою веельзевула, князя бѣсовскаго“ (ст. 23 и 24). Фарисеи, въ своей враждѣ противъ Іисуса Христа, лучше всего желали бы отвергнуть чудо, какъ это часто они дѣлали, но этого теперь не могли они, такъ какъ чудо происходило предъ глазами всего „народа“; къ тому же это былъ фактъ, котораго не могъ совершить ни одинъ человѣкъ. И такъ какъ чудо изгнанія бѣса было несомнѣнно, то вражда и злоба довела ихъ до того, что они сказали: „Онъ изгоняетъ бѣсовъ силою веельзевула, князя бѣсовскаго“.

Несомнѣнный фактъ, что они были ожесточенные враги Іисуса и говорили такъ только вслѣдствіе злобы своей. Несомнѣнно также, что они говорили это вопреки ясному своему сознанію, говорили противъ совѣсти; ибо когда они посылали своихъ учениковъ, вмѣстѣ съ слугами Ирода къ Іисусу, то говорили: „Учитель! Мы знаемъ, что Ты справедливъ и истинно пути Божіи учишь“ и т. д. (Матѳ. 22, 16). И Никодимъ, который хотя здѣсь и не могъ участвовать, но былъ фарисей и князь іудейскій, говорилъ къ Іисусу, какъ бы отъ имени всѣхъ: „Равви! мы знаемъ, что Ты учитель, пришедшій отъ Бога, ибо такихъ чудесъ, какія Ты творишь, никто не можетъ творить, если не будетъ съ нимъ Богъ“ (Іоан. 3, 2). И если и другія чудеса Іисуса Христа почему-либо могли быть неубѣдительны для фарисеевъ, то изгнаніе Имъ бѣса должно было убѣдить ихъ въ божественномъ посланничествѣ Его, такъ какъ оно было откровеніемъ вышечеловѣческой силы, доказательствомъ силы Божіей, Святаго Духа, которой нельзя было отрицать, вслѣдствіе чего „и дивился весь народъ“, и

почти готовъ былъ признать Іисуса Христа Мессіей, „Сыномъ Давида". Фарисеи желали помѣшать этому, но такъ какъ фактъ чуда былъ доказанъ, то они въ злобѣ своей прибѣгли къ богохульному утвержденію, что „Онъ изгоняетъ бѣсовъ не иначе, какъ силою веельзевула, князя бѣсовскаго", и это былъ грѣхъ противъ Св. Духа. Поэтому онъ состоялъ въ томъ, что они Іисуса, Святаго Израилева, обвиняли въ союзѣ съ діаволомъ, и чудеса Его приписывали силѣ діавола, между тѣмъ какъ эти дѣла совершались дѣйствіемъ силы Божіей, Св. Духа, Которымъ такъ обильно исполненъ Іисусъ Христосъ, что очень хорошо знали фарисеи и клеветники. Въ общемъ это не только было гнусное обвиненіе Іисуса Христа, но и дерзкое порицаніе Св. Духа, Которымъ Іисусъ Христосъ совершалъ Свои чудеса,—порицаніе, которое было тѣмъ виновнѣе, что происходило изъ діавольской злобы и высказано было совершенно противъ совѣсти. А что это былъ грѣхъ противъ Св. Духа, о Которомъ здѣсь говоритъ Іисусъ Христосъ, яснѣе всего открывается изъ словъ Ев. Марка, приведенныхъ имъ непосредственно за объясняемыми нами словами Господа: „потому что они говорили: въ Немъ нечистый духъ" (Мар. 3, 30). Они не только обвиняли Іисуса Христа, но и Св. Духа, пребывавшаго въ Немъ, называли нечистымъ, діавольскимъ духомъ и порицали Его самымъ возмутительнымъ образомъ. Высочайшее откровеніе благодати и милости Божіей было заподозрѣно и потоптано ногами, объявлено дѣломъ діавола, въ чемъ высказалась ужасная ихъ злоба и высочайшая степень вражды противъ Бога.

Ясное названіе этого грѣха противъ Духа Святаго находится только въ приведенномъ мѣстѣ Ев. Матѳея и въ обоихъ параллельныхъ мѣстахъ Марка и Луки; но сюда же относятся и слѣд. слова, Іоан. 7, 32 и д. 8, 48; 10, 20. 31; Дѣян. 4, 13—17; 5, 17 и д. 33. 40; 7, 51 и д., въ которыхъ говорится, что фарисеи превратнымъ образомъ судили о словахъ и дѣлахъ Христа и Апостоловъ, безсовѣстно хулили ихъ, препятствовали обращенію другихъ и такимъ образомъ дерзко противились дѣйствію Св. Духа.

Сверхъ того, нужно взять во вниманіе, что грѣхъ противъ Духа Святаго, о Которомъ говорится въ нашемъ текстѣ, совершается не только по отношенію къ лицу Св. Духа, но и по отношенію къ служенію и дѣятельности Его, такъ что

этотъ грѣхъ состоитъ не только въ томъ, что когда кто-либо дерзкимъ образомъ словами порицаетъ Св. Духа, но онъ совершается и тогда, когда упорно Ему противодѣйствуютъ. Ибо человѣкъ въ этомъ противодѣйствіи можетъ зайти такъ далеко, что отвергаетъ отъ себя Св. Духа, посмѣивается надъ всѣми Его внушеніями и съ ожесточеніемъ закрываетъ свое сердце, чтобы не слышать Его голоса, подобно тѣмъ іудеямъ, къ которымъ говорилъ первомученикъ Стефанъ: „жестоковыйные! люди съ необрѣзаннымъ сердцемъ и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому, какъ отцы ваши, такъ и вы“ (Дѣян. 7, 51). Св. Духъ оставляетъ, наконецъ, такихъ упорныхъ людей и удаляется отъ нихъ, такъ какъ Онъ вслѣдствіе этого не возбуждаетъ въ нихъ ни покаянія, ни вѣры, и они никогда не могутъ найти прощенія.

Правда, нужно замѣтить. что Господь Іисусъ говоритъ здѣсь о „рѣчахъ“ противъ Св. Духа и о „хулѣ“ противъ Него, слѣдов. о грѣхахъ слова и языка; но эти рѣчи или хула, проистекая изъ сердца, открываются въ жизни и дѣлахъ человѣка и слѣдов. потому заключаютъ въ себѣ злыя мысли и стремленія.

Такимъ образомъ грѣхъ противъ Св. Духа чрезвычайно грѣшенъ, такъ какъ онъ всегда совершается вопреки ясному сознанію и по діавольской злобѣ. Онъ есть грѣхъ противъ собственнаго существа Божія, потому что Богъ есть духъ. Поелику же, далѣе, существо божественное составляетъ любовь, то грѣхъ противъ Св. Духа потому—такой страшный грѣхъ, что имъ уничижается и хулится любовь и благость Божія. Кто такимъ образомъ, несмотря на всѣ предостереженія и дѣйствія Св. Духа, вопреки ясному сознанію, возмущается противъ свѣта и познанія истины, тотъ совершаетъ духовное самоубійство. Грѣхъ этотъ потому крайне грѣшенъ и не находитъ себѣ прощенія, что онъ представляется совершеннымъ ожесточеніемъ и нераскаянностію, высшею степенью злобы и вражды противъ Бога. Какъ великъ и страшенъ предъ Богомъ этотъ грѣхъ, показываетъ исторія современныхъ Ною людей, о которыхъ Господь сказалъ: „не имать пребывати Духъ Мой въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть“ (Быт. 6, 3), и слѣдствіемъ сего было истребленіе ихъ потопомъ. Далѣе, примѣръ израильтянъ въ пустынѣ, которые ожесточили сердца свои противъ голоса Св. Духа, и потому не во-

шли въ покой Божій (Евр. 3, 7—11). Затѣмъ новый примѣръ грѣха противъ Духа Святаго и дальнѣйшихъ слѣдствій его мы видимъ въ Ананіи и Сапфирѣ, которые за ложь противъ Духа Св. тотчасъ были наказаны смертію (Дѣян. 5, 1—11).

Господь Іисусъ Христосъ говоритъ: не отпустится ему, согрѣшившему противъ Духа Святаго, ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій, потому что этотъ грѣхъ, какъ мы уже показали, чрезвычайно грѣшенъ, такъ какъ онымъ всецѣло отвергается Самъ Св. Духъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благодатныя Его дѣйствія и возможность прощенія, и потому что такъ Богъ опредѣлилъ и нашелъ это справедливымъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что выраженія „ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій" относятся къ тогдашнему іудейству и начинавшемуся христіанству; но слова Господа, очевидно, означаютъ нынѣшнее состояніе жизни и вѣчность. Это подтверждаютъ и слова въ Ев. Марка, гдѣ сказано: „но кто хулитъ Духа Святаго, тому не будетъ прощенія во вѣкъ, но подлежитъ онъ вѣчному осужденію"(3, 29). Изъ этихъ же словъ Господа: „ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій" естественно вытекаетъ заключеніе, что нѣкоторые грѣхи, не прощенные въ семъ вѣкѣ, могутъ быть прощены въ будущемъ вѣкѣ. Это прощеніе можетъ быть исходатайствовано молитвами св. Церкви, которая и молится за скончавшихся въ вѣрѣ, но не успѣвшихъ принести покаянія и получить прощенія за свои вольныя и невольныя прегрѣшенія. („Воскр. Чт." 1876 г. т. 2, стр. 331—336).

Завѣты мірянамъ преподобнаго Серафима Саровскаго.

Путь святыхъ Божіихъ есть самый прямой и ближайшій путь къ соединенію со Христомъ. Но, путемъ тяжкихъ подвиговъ, поста, молитвы и богомыслія, отреченія отъ міра и всецѣлой преданности Богу, непостыдной и твердой вѣры, надежды и любви къ Нему, со страхомъ содѣлывая свое спасеніе, они, въ крѣпости своей вѣры и въ обиліи пріобрѣтенныхъ ею духовныхъ даровъ, благодатнымъ образомъ дѣйствовали и на другихъ: обращаясь къ грѣшному міру, они силою своего убѣжденія въ вѣрѣ обращали невѣрующихъ, силою обличенія посрамляли упорныхъ противниковъ истины и добродѣтели, словомъ небесной мудрости просвѣщали умы и

сердца, наставляли въ истинѣ, поддерживали въ скорбяхъ и искушеніяхъ, обильно озаряя всѣхъ свѣтомъ Христовой истины, всѣмъ съ любовью служа какъ своими молитвами, такъ и богомудрыми, спасительными совѣтами и наставленіями.

Таковъ былъ и преподобный Серафимъ, Саровскій чудотворецъ, память котораго благоговѣйно чтится всей православной Россіей. Съ дѣтства отвергшись всего земного и всецѣло устремившись своею смиренною душою къ Богу, Серафимъ прошелъ всѣ степени иноческихъ трудовъ и подвиговъ и достигъ еще на землѣ чистоты ангельской. Озаряемый благодатію небесною, онъ еще въ земной своей жизни творилъ дивныя исцѣленія и чудеса, прозиралъ сердца человѣческія, предсказывалъ будущее, наставлялъ приходившихъ къ нему за совѣтомъ и благословеніемъ—богоугодной жизни, указывая, смотря по мѣрѣ духовныхъ силъ и земному положенію просителя, на кратчайшій и легчайшій путь ко спасенію, и никого не оставляя безъ утѣшенія и ободренія.

Въ пустыню къ благодатному старцу приходило при его жизни много и мірянъ, колеблющихся и сомнѣвающихся, какъ имъ спастись. Дѣлая таковымъ обще-христіанское назиданіе, онъ въ особенности совѣтовалъ всегда имѣть память о Богѣ и для сего непрестанно призывать въ сердцѣ имя Божіе, повторяя непрестанно молитву Іисусову: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго*! „Въ этомъ да будетъ,— говорилъ онъ,—все твое вниманіе и обученіе! Ходя и сидя, дѣлая и въ церкви до начала богослуженія стоя, входя и исходя, сіе непрестанно содержи на устахъ и въ сердцѣ твоемъ. Съ призываніемъ, такимъ образомъ, имени Божія, ты найдешь покой, достигнешь чистоты духовной и тѣлесной, и вселится въ тебя Святый Духъ, источникъ всѣхъ благъ, и управитъ Онъ тебя во святынѣ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ“.

Особенно часто преподобный Серафимъ мірянамъ, ищущимъ спасенія, предлагалъ слѣдующія молитвенныя правила:

„Воставши отъ сна, всякій христіанинъ, ставъ предъ св. иконами, пусть прочитаетъ молитву Господню: *Отче нашъ* трижды, въ честь Пресвятой Троицы, потомъ пѣснь Богородицѣ: *Богородице Дѣво радуйся*—также трижды и наконецъ, Сѵмволъ вѣры: *Вѣрую во единаго Бога*—единожды“.

„Совершивъ это правило, всякій христіанинъ пусть зани-

мается своимъ дѣломъ, на которое поставленъ или призванъ. Во время же работы дома, или на пути куда-нибудь, пусть читаетъ тихо: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго* (или—грѣшную); а если окружаютъ его другіе, то, занимаясь дѣломъ, пусть говоритъ умомъ только это: *Господи помилуй,* и продолжаетъ до обѣда".

„Предъ самымъ же обѣдомъ пусть совершаетъ вышесказанное утреннее правило".

„Послѣ обѣда, исполняя свое дѣло, всякій христіанинъ пусть читаетъ также тихо: *Пресвятая Богородице, спаси мя грѣшнаго,* и это пусть продолжаетъ до самаго сна".

„Когда случится ему проводить время въ уединеніи, то пусть читаетъ онъ: *Господи Іисусе Христе, Богородицею помилуй мя грѣшнаго* (или грѣшную)"

„Отходя же ко сну, всякій христіанинъ пусть опять прочитываетъ вышепоказанное утреннее правило, т. е. трижды *Отче нашъ,* трижды *Богородице* и однажды *Сумволъ вѣры.* Послѣ того пусть засыпаетъ, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ".

Относительно этого малаго правила, предлагаемаго преподобнымъ Серафимомъ многимъ мірянамъ, которые жаловались, что они мало молятся Богу, даже оставляютъ необходимыя молитвы, одни по безграмотству, другіе—по недосугу,—благодатный старецъ толковалъ, что, и держась его, можно достигнуть мѣры христіанскаго совершенства; ибо означенныя три молитвы—основаніе христіанства; первая—какъ молитва, данная Самимъ Господомъ, есть образецъ молитвъ; вторая—принесена съ неба Архангеломъ въ привѣтствіе Дѣвѣ Маріи, Матери Господа, Сумволъ же вкратцѣ содержитъ въ себѣ всѣ спасительные догматы христіанской вѣры".

Если кому невозможно выполнить, какъ бы слѣдовало, и этого малаго правила предъ иконами по обстоятельствамъ благословнымъ, то старецъ совѣтовалъ читать его во всякомъ положеніи; и во время занятій, и на ходьбѣ, и даже на постели, помня слова Господа: всякій, кто только призоветъ имя Господне, *спасется* (Іоил. 2, 32; Римл. 10, 13).

А кто располагаетъ временемъ больше, чѣмъ какое требуется на это правило и, вдобавокъ, если онъ человѣкъ грамотный, тотъ, по завѣту преподобнаго Серафима, пусть къ этому присоединяетъ и другія душеполезныя молитвословія и чтенія,

какъ-то: чтеніе нѣсколькихъ зачалъ изъ св. Евангелія и Апостола, чтеніе канонов, акаѳистовъ, псалмовъ и разныхъ другихъ молитвъ. Читая же, пусть благодаритъ онъ Господа со всякимъ смиреніемъ и за то, что имѣлъ время принести Ему въ жертву и еще нѣчто изъ священныхъ плодовъ. Такимъ путемъ христіанинъ, по мысли благодатнаго старца. мало-по-малу можетъ подниматься на верхъ христіанскихъ добродѣтелей.

Эти памятные завѣты и наставленія преподобнаго Серафима слѣдовало бы особенно запечатлѣть въ умѣ и сердцѣ тѣмъ изъ мірскихъ людей (а таковыхъ въ наше время очень много), которые свое небреженіе о жизни духовной, о спасеніи своей души, оправдываютъ множествомъ духовныхъ необходимыхъ земныхъ заботъ, жизнью въ міру. Въ нашъ вѣкъ упадка духовной жизни и преобладанія грубаго практическаго матеріализма многіе съ лицемѣріемъ разсуждаютъ такъ: „Среди мірской жизни и хотѣлось бы иногда помолиться, но отъ молитвы отрываютъ то домашнія заботы, то необходимыя земныя занятія. Хотѣлось бы иногда провести нѣсколько времени въ уединенномъ богомысліи, въ чтеніи душеспасительныхъ книгъ; но хозяйство требуетъ надзора; семейство нуждается въ попеченіи; обязанности службы, занятія трудами и ремеслами отнимаютъ и время, и вниманіе. Неизбѣжныя сношенія и бесѣды съ людьми объ общихъ мірскихъ занятіяхъ и интересахъ охлаждаютъ сердце и развлекаютъ мысль; мірскому человѣку цѣлый день нѣтъ покоя, нѣтъ отдыха отъ заботъ и треволненій мірскихъ“. И вотъ нѣкоторые послѣ такихъ или подобныхъ размышленій говорятъ: „въ мірѣ—какое же спасеніе“!

Но не въ мірѣ жить—грѣшно и не мірскими дѣлами заниматься—гибель для души, а грѣшно любить міръ, забывая о Богѣ, гибельно привязываться къ земному всей душей, такъ что для Бога и добрыхъ дѣлъ нѣтъ и мѣста на сердцѣ. Можно и въ мірѣ жить, но любить не земное, а одного Бога; можно и въ мірѣ трудиться, и Богу молиться; можно заниматься земными дѣлами, но духомъ преуспѣвать въ благочестіи, въ добродѣтели, въ любви къ Богу и ближнему, и, такимъ образомъ, по выраженію Апостола, со страхомъ и трепетомъ содѣлывать свое спасеніе (Филип. 2, 12).

А какъ достигнуть сего, съ чего немощнымъ и обремененнымъ мірскими заботами начать спасительный путь,—этому

и учатъ отчасти вышеприведенные памятные завѣты и наставленія преподобнаго старца Серафима, напоминающіе лишь о самомъ маломъ и простомъ молитвенномъ правилѣ, доступномъ для всякаго христіанина, въ какомъ бы званіи и состояніи онъ ни находился, но въ то же время при смиреніи и теплотѣ сердечной постепенно возводящемъ на лѣстницу духовныхъ добродѣтелей („Моск. Церк. Вѣд." 1903 г. № 28).

Н. С—кій.

Жизнь есть духовная война.

(Изъ твореній св. Тихона Задонскаго).

Жизнь наша есть духовная война съ невидимыми духами злобы и со своей плотью. Люты и жестоки враги наши видимые; но еще болѣе жестоки враги невидимые, то-есть демоны. Нѣтъ злѣйшаго и хитрѣйшаго врага, какъ сатана и демоны его; а посему и брань съ ними весьма опасна для насъ. Когда люди противу людей воюютъ, то иногда и отдыхъ имѣютъ отъ брани; но сатана и его злые помощники никогда не спятъ, но всегда бодрствуютъ и тщатся насъ низложить. Брань, которая между людьми бываетъ, хотя и продолжается, однако перестаетъ, и миръ заключается; но у христіанъ непрестанная брань, даже до смерти, противу враговъ своихъ, и только смертью кончится. Демоны имѣютъ свое оружіе, и христіане имѣютъ свое оружіе. Демоны борютъ насъ оружіемъ страстей и удовъ нашихъ, и столько у нихъ оружія, сколько въ плоти нашей страстей. А христіанское оружіе есть слово Божіе и молитва. Христіанинъ безъ молитвы и слова Божія — какъ воинъ безъ меча и ружья. Воины на брани всегда при себѣ имѣютъ мечъ и оружіе; такъ и христіане всегда должны быть вооружены духовнымъ мечомъ глагола Божія и оружіемъ молитвы, ибо непрестанная у нихъ брань противу враговъ своихъ. Посему повелѣвается имъ: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 17). Воины на брани бодрствуютъ и весьма осторожно поступаютъ ради окружающихъ враговъ; такъ и христіанамъ на брани своей должно бодрствовать и осторожно поступать всегда, ибо всегда окружаютъ враги ихъ. Посему и сказано: *трезвитеся, бодрствуйте, зане супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая, ходитъ искій кого поглотити: емуже противитеся тверди вѣрою* (1 Петр. 5, 8—9). На брани имѣются начальники и

и полководцы, которые воиновъ научаютъ, наставляютъ и поощряютъ къ доброму подвигу противу врага; такъ и на брани христіанской есть начальники—пастыри и учители, которые христіанъ вооружаютъ словомъ Божіимъ противу врага—діавола, и научаютъ и наставлютъ, какъ противу его стоять и подвизаться; и никто такъ врагу сему не досаждаетъ, какъ пастыри и учители добрые. Посему злобный духъ ни на кого не гнѣвается и не свирѣпѣетъ такъ много, какъ на пастырей и учителей. Берегись же, христіанинъ, хотя и всякаго человѣка, а наипаче пастыря и учителя злословить, да не съ діаволомъ едино будешь мудрствовать. Смотри, христіанинъ, злобу, вражду и лютость противу тебя врага твоего и берегись его. Не злато, не сребро и прочее вещество тлѣнное, но вѣчное и нетлѣнное сокровище, спасеніе твое тщится у тебя отнять врагъ твой. Береги же сіе не токмо паче имѣнія, но и паче живота твоего.

Діаволъ поощряетъ тебя ко грѣху, но ты въ сердцѣ твоемъ отвѣтствуй ему: не хочу, ибо сіе Богу противно, Богъ то запретилъ. Діаволъ возбуждаетъ въ тебѣ скверную и блудную мысль,—ты отвѣчай ему: „Богъ мой запретилъ сіе мнѣ". Діаволъ возбуждаетъ въ тебѣ гнѣвъ и злобу къ отмщенію,—ты пресѣкай сію мысль, глаголя въ сердцѣ твоемъ: „Богъ того не повелѣлъ". Указуетъ тебѣ діаволъ на чужую вещь и подстрекаетъ сердце твое къ похищенію ея, а ты говори въ сердцѣ твоемъ: „Богъ то запретилъ: *не укради*, *не пожелай*". Такъ поступай и въ прочихъ мысляхъ, противныхъ закону Божію, возстающихъ въ сердцѣ твоемъ. Въ семъ примѣръ подалъ намъ Христосъ Спаситель нашъ, Который на всякое діавольское искушеніе отвѣтствовалъ искусителю: *писано есть, писано бо есть,* (Матѳ. 4, 4. 7. 10). Приводитъ тебя сатана къ отчаянію, говоритъ тебѣ въ сердцѣ твоемъ: „Нѣтъ тебѣ спасенія; ты много согрѣшилъ". Ты отвѣчай ему: „Ты осужденный, а не судія; тебѣ нѣтъ спасенія, но уготованъ вѣчный огонь; моя надежда и спасеніе—Христосъ Богъ, Который пришелъ въ міръ грѣшники спасти".

Но вездѣ нужно и другое оружіе, то-есть молитва, безъ которой все наше тщаніе и сопротивленіе врагу безсильно. Во всякомъ искушеніи должно возводить очи свои ко Христу и молиться Ему: *Господи*, *помози мнѣ!*

Другой злѣйшій врагъ нашъ—плоть наша со своими страстями. Плоть хочетъ гордиться и возноситься; но христіанину должно ее *смиреніемъ* Христовымъ усмирять. Плоть хочетъ въ мірѣ семъ богатѣть; но христіанину должно *нищетою* Христовою хотѣніе ея пресѣкать. Плоть хочетъ на человѣка гнѣваться и за обиду ему мстить; но христіанину должно движеніе ея *кротостію* и тихостью Христовою укрощать. Плоть въ несчастіи волнуется, мятется, смущается и хочетъ роптать; но христіанину должно *силою и терпѣніемъ* Христовымъ ее успокаивать. Плоть хочетъ враждующихъ ей ненавидѣть и злобиться; но христіанину должно *благостью и любовью* Христовою ее побѣждать. Такъ и въ прочемъ христіанину должно силою и примѣромъ Христовымъ противу плоти стоять и подвизаться, и ее побѣждать. На видимой брани воинъ не противу одного врага, но противу всякаго стоитъ и подвизается; такъ должно и христіанину не противу одной только страсти, но и противу всѣхъ стоять и подвизаться. Что пользуетъ воину противу одного врага стоять и подвизаться, а другимъ не противиться, но отъ нихъ побѣжденнымъ и умерщвленнымъ быть? Что пользуетъ и христіанину противу одной нѣкоей страсти стоять и подвизаться, а другимъ покоряться и работать? Христіанинъ! какъ вооружился ты противу одной какой страсти, такъ и противу прочихъ вооружайся и не попущай себя отъ нихъ побѣжденнымъ быть. Какъ борешься съ блудною похотью и не попущаешь ей одолѣть тебя, такъ борись и брань твори съ гордостью, борись съ высокоуміемъ, борись съ тщеславіемъ, борись съ гнѣвомъ, яростью и памятозлобіемъ, борись со сребролюбіемъ и скупостью, борись съ ненавистью и завистью. Какъ воздерживаешь чрево твое отъ объяденія и пьянства, такъ воздерживай языкъ твой отъ клеветы и осужденія, празднословія, сквернословія и буесловія. Какъ удерживаешь руки твои отъ убійства, воровства, хищенія и грабленія, такъ удерживай и отъ ударенія и біенія. Какъ постишься отъ пищи и питія, такъ постися и отъ всякаго зла. Се есть христіанскій постъ, се есть истинное воздержаніе! Трудный сей подвигъ, но христіанскій долгъ сего требуетъ.

Троицкіе листки № 49.

Изъ дневника православнаго христіанина.

Изъ дневника сельскаго священника.

Въ 1866 году, на другой годъ по окончаніи курса семинаріи, мнѣ пришлось быть въ Святогорскѣ, Харьковской губерніи. Въ Святогорскъ я попалъ не по обѣщанію, а по совѣту врача, для купанья въ Донцѣ, послѣ лѣченья Славянскими минеральными водами. Три недѣли прожилъ я въ святой обители. За это время пришлось мнѣ познакомиться и съ иноками, ихъ жизнію—трудами и бдѣніями, пришлось познакомиться и съ нѣкоторыми богомольцами. Особенно запечатлѣлся въ моей памяти одинъ странникъ, съ которымъ я случайно встрѣтился во время одной изъ своихъ прогулокъ. Любимое мое мѣсто для гулянья была крытая галлерея, ведущая на самую вышку мѣловой скалы, гдѣ находится часовня съ чудотворнымъ образомъ святителя Николая.

Разъ, послѣ утренняго купанья, еще до восхода солнца, направляюсь я къ галлереѣ. Благовѣстили къ ранней обѣднѣ. Богомольцы густой толпой спѣшили въ церковь. По заведенному здѣсь порядку, они послѣ ранней обѣдни, въ сопровожденіи монаха, обходятъ пещеры и заходятъ въ часовню поклониться чудотворному образу. Погулявши не много времени на одной изъ площадокъ галлереи, я поднялся въ часовню и, сверхъ ожиданія, застаю здѣсь одного богомольца: съ поднятыми вверхъ руками, стоитъ предъ чудотворнымъ образомъ странникъ, съ котомкой за спиной, и горячо молится. Чтобы не помѣшать его молитвѣ я сѣлъ сзади его на скамьѣ, возлѣ окна, и сталъ любоваться мѣстностью.

Съ высокой и почти отвѣсной скалы открывался великолѣпный видъ. У подножія скалы пріютилась обитель; она видна была какъ на ладони. За обителью, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея струится голубой Донецъ; за нимъ тянется обширный хвойный лѣсъ; а тамъ дальше, выдѣляясь изъ темно-зеленой массы хвойныхъ иглъ, бѣлѣютъ въ разныхъ сторонахъ церкви, сверкая въ небесномъ сводѣ, какъ дальнія звѣздочки, золоченными крестами. Чудная мѣстность! Созерцая ее съ высоты скалы, душу объемлютъ сладостныя мысли и чувства: чувствуешь себя какъ бы освобожденнымъ отъ тяготы мірской жизни, возвышаешься и паришь надъ всѣми ея низменностями. И какой жалкой отсюда съ этой скалы кажется она, эта жизнь со всѣми ея страстями, суетой и чувственными наслажденіями! Глядя на пріютившуюся у скалы обитель, невольно приходятъ на мысль слова Господни: „Марія-же благую часть избра.“ Благую часть избрали иноки: всѣ ихъ помышленія „о единомъ на потребу;“ они свободны

отъ треволненій мірской жизни; тиха ихъ жизнь, какъ эти тихія волны голубого Донца. Правда, и ихъ жизнь не безъ терній. Но изъ-за терній, изъ-за колючихъ хвой иноческой жизни духовное око иноковъ подвижниковъ зритъ небесное сіяніе,—имъ свѣтитъ райскій лучъ и наполняетъ ихъ душу трепетнымъ восторгомъ.

Окончивши молитву, странникъ подошелъ ко мнѣ и первый заговорилъ со мною. На видъ ему не болѣе 30-ти лѣтъ. Онъ одѣтъ былъ въ черный простого сукна халатъ, подъ которымъ виднѣлся нанковый подрясникъ. Волосы подстрижены въ кружокъ. Какого онъ былъ происхожденія трудно отгадать. Но съ перваго раза онъ располагалъ къ себѣ своей простотой и сердечностію. Я заинтересовался странникомъ и пригласилъ его къ себѣ на утренній чай. За чаемъ мы познакомились. Онъ сообщилъ мнѣ много интереснаго изъ своей жизни. Въ моей памяти доселѣ сохранился его разговоръ, и я могу его воспроизвести до мельчайшихъ подробностей.

— Я живу въ св. обители, говорилъ странникъ, уже нѣсколько дней, и каждое утро бываю въ часовнѣ. Буду тамъ завтра и послѣ-завтра, пока не достигну своей цѣли: по утрамъ до ранней обѣдни, когда богомольцы стоятъ въ церкви въ часовню приходятъ старцы-подвижники, которые не показываются на народъ; одного изъ нихъ мнѣ желательно видѣть.

Вы говорите загадочное, замѣтилъ я.

Да, я и могу показаться загадочнымъ. Чтобы понимать человѣка, нужно знать его. Хотите узнать меня?

Я выразилъ свое удовольствіе, и странникъ началъ:

Родомъ я изъ Тамбовской губерніи, духовнаго просхожденія, священническій сынъ, окончилъ полный курсъ духовной семинаріи. Отецъ мой былъ богатый человѣкъ. Онъ меня сильно любилъ: ни въ чемъ мнѣ не отказывалъ, особенно когда я перешелъ въ семинарію; я занималъ дорогую квартиру, жилъ, какъ панычъ: деньги у меня никогда не переводились. Излишняя доброта отца однако послужила мнѣ во вредъ. Я позволялъ себѣ различныя увлеченія: сталъ играть въ карты, отпробовалъ водочку, увлекался пѣвицами и проч. Ученіе осталось на заднемъ планѣ; я о немъ менѣе всего думалъ; а о своемъ призваніи, о томъ, куда готовился, я вовсе не помышлялъ. Въ продолженіе шестилѣтняго пребыванія въ семинаріи я не прочелъ ни одной серьезной богословской, или нравоучительной книжки, за то всякой изгари прочитана масса. Кончилъ я курсъ. Мнѣ выдали аттестатъ съ хорошими отмѣтками, дававшими мнѣ право на полученіе хорошаго священническаго мѣста. Съ радости я кутнулъ съ товарищами, на прощаньи всюду побывалъ и уѣхалъ домой. За мной пріѣхалъ нашъ работникъ старый и преданный намъ служака; онъ радъ былъ, что я кончилъ ученіе; всю дорогу

заводилъ со мною разговоры о разныхъ предметахъ, но мнѣ скучно было бесѣдовать съ нимъ. Я не спросилъ у него ни разу о своихъ родныхъ, о ихъ здоровьѣ, не поинтересовался и хозяйствомъ. Моя голова и сердце заняты были иными предметами: я виталъ своимъ воображеніемъ въ излюбленныхъ мѣстахъ, услаждался воспоминаніемъ извѣданныхъ мною прелестей. Ровно годъ, какъ я не былъ дома; на Рождество и Свѣтлый праздникъ я не ѣздилъ домой, потому что состоялъ въ семинарскомъ хорѣ и мой голосъ нуженъ былъ для хора. За это время я нѣсколько отвыкъ отъ родного очага, успѣлъ охладѣть къ роднымъ, а больше всего успѣлъ развратиться. Мы подъѣзжали къ родному селу, показался родительскій домъ; работникъ весело посмотрѣлъ на меня; а я смотрѣлъ на все такъ холодно и тупо. Увидя меня отецъ, мать и двѣ сестры выбѣжали ко мнѣ навстрѣчу; у отца показалась на лицѣ дрожь, мать бросилась ко мнѣ на шею: „сыночекъ мой, сокровище мое!“ вскричала. И слезы ея ручьемъ потекли на мою грудь; сестры также бросились ко мнѣ, осыпали меня поцѣлуями, и у меня вдругъ заныло сердце... Родные дохнули на меня теплотой души, и я очнулся—„въ себя пришедъ.“

Меня окружили самыми нѣжными попеченіями; всѣ заботились о моемъ спокойствіи. Но чѣмъ больше о мнѣ заботились, тѣмъ хуже я себя чувствовалъ: съ каждымъ днемъ у меня проявлялось все больше и больше сознаніе, что я „гадкій“ и это сознаніе щемило мое сердце и не позволяло мнѣ наслаждаться счастьемъ въ родной семьѣ.

Мои сестры получили домашнее образованіе и воспитаніе; онѣ умѣли только читать и писать. Наука не сдѣлала на нихъ никакихъ слѣдовъ, но за то и нравственная тля не коснулась ихъ. Ихъ дѣтская невинность, чистота ихъ сердца поражали меня. И когда мы были вмѣстѣ, мнѣ становилось даже больно за себя: въ сравненіи съ ними я былъ, какъ падшій духъ предъ свѣтлыми ангелами. Сестры льнули ко мнѣ, жаждали отъ меня просвѣщенія, обращались ко мнѣ съ разными вопросами, а я тяготился ими и сталъ избѣгать ихъ: уходилъ въ поле, лѣсъ. Но и тамъ картины прошлаго рисовались въ моемъ воображеніи и онѣ уже не услаждали меня, а вызывали укоры пробудившейся совѣсти. Тяжелы были тѣ укоры, и я всячески старался смягчить ихъ: оправдывалъ свои поступки и своей молодостію и примѣрами своихъ товарищей, и тѣмъ, что не я одинъ грѣшникъ въ мірѣ, есть еще грѣшнѣе меня; но какъ я ни оправдывалъ себя, все было тщетно: чѣмъ больше усиливался я себя оправдать, тѣмъ совѣсть сильнѣе карала меня. Совѣсть—судія неподкупный!

Прошла осень, зима; наступила красная весна. Многіе изъ моихъ товарищей поженились и поступили на мѣста; а я о томъ и не помышлялъ. Всѣ мои помыслы были объ одномъ —

умиротвореніи своей совѣсти. Испросивши позволеніе своего отца, я отправился на богомолье въ Саровскую пустынь.

Въ Саровской пустыни я говѣлъ и исповѣдался; отъ духовника получилъ полное разрѣшеніе своихъ грѣховъ, но не получилъ того, что желалъ, облегченія для своей души: меня попрежнему угнетала мысль, что я великій грѣшникъ.

Не весело было мое возвращеніе съ богомолья. Весна была въ полномъ развертѣ, -кругомъ все цвѣло и радовалось; одинъ я былъ угрюмъ какъ Каинъ. Съ какой-бы радостію я промѣнялъ свое положеніе на горемычную долю самаго бѣднаго крестьянина. Согласился бы всю жизнь коптѣть въ курной избѣ, питался бы сухой коркой, все терпѣлъ бы на свѣтѣ, лишь-бы только не терпѣть укоровъ совѣсти. Я горькимъ опытомъ извѣдалъ отъ чего жизнь тяжела: она тяжела, когда нѣтъ душевнаго мира. Душевный миръ--самое лучшее сокровище въ мірѣ. Безъ этого сокровища и свѣтлица темна, и лучшія обильныя яства не въ сытость, и ласки друга, матери въ тягость...

Протомившись дома, послѣ возвращенія съ богомолья, недѣли двѣ, я собрался опять въ путь въ Кіевъ. Если бы кто изъ моихъ товарищей или знакомыхъ встрѣтилъ меня, ни за что не узналъ бы меня. Въ семинаріи я щеголялъ своимъ костюмомъ, а теперь былъ въ поношенномъ отцовскомъ подрясникѣ, въ лаптяхъ, съ котомкой за спиной, и вмѣсто прежнихъ веселыхъ рѣчей, теперь изъ устъ моихъ слышались вздохи и сокрушенія о грѣхахъ.

Въ Кіевѣ я прожилъ недѣли двѣ; каждый день ходилъ въ церковь, выстаивалъ длинныя всенощныя, соблюдалъ строгій постъ, два раза исповѣдывался у схимниковъ,—говорилъ имъ о всѣхъ своихъ грѣхахъ и о томъ, что я сильно сокрушаюсь о нихъ. Духовники хвалили меня, что я обратился на путь истины, совѣтовали усерднѣй молиться и утѣшали, что Господь благословитъ меня миромъ. Возвратившись изъ Кіева, я предался духовнымъ подвигамъ: молился и постился — не ѣлъ цѣлый день по средамъ и пятницамъ, а миръ не возвращался ко мнѣ. Я прожилъ дома осень и зиму, никуда не показываясь, сталъ нелюдимъ. Отецъ думалъ, что я скучаю отъ одиночества, предлагалъ мнѣ поѣхать поискать невѣсту, но я отказывался нездоровьемъ. Дѣйствительно я сильно измѣнился: исхудалъ, лицо стало желтое, но не отъ поста и молитвы. Тоска снѣдала меня. Не было „мира въ костѣхъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ. Яко беззаконія моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ“ (Пс. 37).

Дождавшись теплыхъ дней, я опять нарядился въ одежду кающагося грѣшника, повѣсилъ на спину котомку и отправился въ Святыя горы.

Вы видите, какая тутъ великолѣпная мѣстность! Я замѣ-

тилъ тамъ на скалѣ, какъ вы восхищались ею. Да, здѣсь нельзя не восхищаться. Нужно имѣть окаменѣлое сердце, чтобы быть холоднымъ зрителемъ этой чудной мѣстности. Но когда я въ первый разъ взошелъ на скалу и окинулъ взоромъ окрестности, эта чудная природа страхъ какъ не благопріятно на меня подѣйствовала; такъ что дома, въ зимнее время, сидя одинъ въ холодной комнатѣ съ запушенными морозомъ окнами я чувствовалъ себя легче. Природа и та казнила меня, напоминала мнѣ, что я великій грѣшникъ, потерявшій красоту своей души и поэтому недостойный наслаждаться ея красотами.

Я нѣсколько разъ входилъ на скалу не затѣмъ, чтобы любоваться чудными видами, къ чему я былъ не способенъ, а чтобы помолиться предъ чудотворной иконой; я сталъ выходить изъ часовни, какъ --смотрю--идетъ навстрѣчу ко мнѣ старецъ, въ власяницѣ, подпоясанный кожаннымъ поясомъ и въ послушнической шапочкѣ. Подойдя ко мнѣ, онъ спросилъ у меня: кто я таковъ и зачѣмъ пришелъ сюда? Я отвѣтилъ.— Молиться Богу пришелъ, сказалъ я. Но молитва моя безуспѣшная: Молюсь, молюсь, а желаемаго не получаю.

А ты чего желаешь? спрашиваетъ меня.

Одного желалъ бы я, спокойствія своей душѣ. Я, говорю, въ молодости грѣшилъ и теперь скорблю и мучаюсь мыслію, что я великій грѣшникъ, какихъ нѣтъ на свѣтѣ.

Да ты каялся въ своихъ грѣхахъ предъ духовникомъ?

— Каялся; но и покаяніе не облегчило моей души.

— А вѣришь ты въ милосердіе Божіе?

— Вѣрю.

— А въ своемъ спасеніи не отчаиваешься?

Нѣтъ. Я надѣюсь, что Господь проститъ меня грѣшника, изгладитъ мои грѣхи, если я заглажу ихъ доброю жизнію.

Ну, значитъ покой твоей души нарушаетъ иная скорбь, а не та, что спасеніе содѣлываетъ (2 Кор. 7, 10). Ты скорбишь не о томъ, что своими грѣхами оскорбилъ Бога, осквернилъ свою душу и тѣло и потерялъ вѣчное блаженство, а скорбишь о томъ только, что ты великій грѣшникъ, что ты грѣшнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Но думалъ ли ты, отъ чего происходитъ твоя скорбь? Прости меня, если я открою причину, источникъ твоей скорби; не укоры совѣсти тебя сокрушили и не даютъ тебѣ покоя, хотя и началось съ нихъ, а гордость твоя сокрушила тебя. Ты грѣшникъ. Ты самъ сознаешь это и мучаешься; почему? потому, что твое самолюбіе оскорблено, что ты такъ низко палъ; тебѣ хотѣлось-бы быть лучше другихъ: ты радовался-бы, если-бы другіе были хуже, грѣшнѣе тебя; „слава Богу, сказалъ-бы и ты, что я не таковъ какъ прочіе люди прелюбодѣи.“ У насъ такъ и бываетъ: согрѣшитъ человѣкъ, и не кается предъ Богомъ, а утѣшаетъ себя „не я первый, есть еще хуже меня“ и покоенъ себѣ. А вотъ

ты столько натворилъ мерзостей, что не можешь сказать себѣ въ утѣшеніе: „не я первый...,“ не можешь заглушить укоровъ своей совѣсти, она постоянно напоминаетъ тебѣ, что ты согрѣшилъ горѣе скота, тебя и грызетъ тоска. Тебѣ больно признать себя первымъ грѣшникомъ въ мірѣ.

А есть люди, которые считаютъ себя первыми грѣшниками въ мірѣ, всю жизнь проливаютъ слезы о грѣхахъ, и находятъ въ томъ, - въ своемъ смиреніи и слезахъ для себя усладу. Нужно и тебѣ, чадо, побороть свою гордость и признать себя также первымъ грѣшникомъ. Въ этомъ твое и спасеніе. Иначе миръ Божій никогда не водворится въ твою душу, —всю жизнь ты будешь тосковать.

Не легко искоренить гордость. Но ты призови на помощь Господа. Молись Господу, воздерживайся отъ худыхъ поступковъ, Господь поддержитъ тебя и укрѣпитъ Своею всесильною благодатію.

Ты знаешь молитву св. Ефрема Сирина: „Господи и Владыко живота моего! Духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми.“ Отъ чего мы грѣшимъ? отъ праздности. Не даромъ сказано: праздность есть мать пороковъ... Трудись, займись чѣмъ либо хорошимъ, и худыя мысли не пойдутъ тебѣ въ голову. Ты человѣкъ книжный, читай душеспасительныя книги, а паче всего читай каждый день святое Евангеліе, и слово Божіе предохранитъ тебя отъ поползновенія ко грѣху.

Но человѣку свойственно грѣшить. Согрѣшилъ; сейчасъ же кайся предъ Господомъ и какъ можно почаще, прибѣгай къ духовнику. Нападетъ на тебя послѣ грѣховъ уныніе, не поддавайся ему—оно можетъ погубить тебя; потому-то оно и названо „бѣсовскимъ“ (Молитва на сонъ гряд.) Разсуди самъ, отъ чего оно произошло: если отъ отчаянія, крѣпче вѣруй въ Бога и надѣйся на милосердіе Божіе; если отъ гордости, прогоняй ее смиреніемъ; не желай превосходства предъ другими, или что-тоже любоначалія.

Не ищи себѣ утѣшенія въ пустыхъ, праздныхъ бесѣдахъ съ пустыми людьми; празднословіемъ не облегчишь скорби своей души, а еще усилишь скорбь. Послѣ шумнаго мірскаго веселья бываетъ еще большая скука, пустота въ душѣ. Ищи себѣ утѣшенія въ добродѣтельной жизни.

„Духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любве даруй ми рабу Твоему.“ Ты согрѣшилъ, исправься; противопоставь грѣхамъ противоположныя имъ добродѣтели. Согрѣшилъ ты противъ 7-й заповѣди, старайся теперь соблюсти цѣломудіе, цѣломудріе во всемъ- -и въ словахъ, и въ мысляхъ.

Страдаешь гордостію, смирись. Безъ смиренія нѣтъ спасенія,- не будетъ блаженства, покоя человѣку ни на небѣ, ни на землѣ. Поэтому Спаситель и взываетъ къ намъ грѣшникамъ: „Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи (и скор-

бями и грѣхами), и Азъ упокою вы. Научитесь отъ Мене, яко кротокъ и смиренъ есмь сердцемъ; и обрящете покой душамъ вашимъ (Матѳ. 11, 28. 29).

Но достигнуть желаннаго покоя сразу нельзя; нужно побѣдить тѣ страсти, загладить грѣхи, которые нарушили покой души, а для этого требуется время, можетъ быть, и продолжительное; вооружись же, братъ, терпѣніемъ. Твоя душа теперь страдаетъ, потерпи; со временемъ раны твоей души заживутъ и возвеселится сердце твое.

Но чтобы достигнуть духовнаго совершенства, намъ нужна еще одна христіанская добродѣтель—любовь къ ближнимъ. Любовь къ ближнимъ состоитъ не въ томъ только, что мы должны помогать имъ, дѣлать имъ добро, но и не желать имъ зла.

А если ты скорбишь, что ты грѣшнѣе своихъ ближнихъ, значитъ ты не любишь ихъ. „Возлюбиши ближняго своего, яко самъ себе“ (Лук. 10, 27). Тебѣ не пріятно, что ты такъ низко палъ, ты страдаешь; не желай-же, чтобы и другіе такъ-же пали и такъ страдали, какъ ты. Проникнись, воодушевись этой святой христіанскою любовію и себялюбивая твоя скорбь исчезнетъ изъ твоего сердца.

„Ей, Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего.“ Не забывай своихъ грѣховъ. Тѣ, которые забываютъ свои грѣхи, грѣшники нераскаянные. Не думай, что памятуя о грѣхахъ, ты нарушишь покой своей души; напротивъ, воспоминаніемъ о своихъ грѣхахъ, скорѣе достигнешь желаннаго покоя: памятуя прежніе грѣхи, ты будешь избѣгать новыхъ; воспоминаніе о грѣхахъ располагаетъ къ сокрушенію о нихъ и истинному покаянію; а истинное сердечное покаяніе низводитъ благодать Божію; а гдѣ благодать, тамъ миръ и веселіе. Только нераскаянный грѣшникъ боится воспоминать свои грѣхи, чтобы избавиться отъ укоровъ своей совѣсти. Воспоминаніе о своихъ грѣхахъ полезно намъ еще потому, что спасаетъ насъ отъ осужденія нашихъ ближнихъ. А не осуждая другихъ, мы сами спасемся отъ суда: „Не судите, да не судими будете“ (Мѳ. 7, 1).

Я слушалъ старца, говорилъ странникъ, потупивъ свои глаза долу; мнѣ стыдно было смотрѣть на него. Слова старца, какъ стрѣлы, разили мое сердце, но онѣ были и цѣлительнымъ бользамомъ для моей многострадальной души: мое сердце согрѣлось, когда я слушалъ его. Старецъ кончилъ, прошла минута—двѣ въ безмолвной тишинѣ; подымаю свои глаза,—и я одинъ. Мы стояли съ старцемъ на площадкѣ, возлѣ часовни; посмотрѣлъ я кругомъ, нѣтъ старца; вхожу въ часовню, и тамъ его нѣтъ. Я бросился по галлереѣ внизъ къ выходу, думалъ догнать его, и тамъ упасть къ ногамъ и облобызать края власяницы своего вразумителя; но старца нигдѣ не оказалось.

Съ тѣхъ поръ прошло уже 6 лѣтъ. Вразумленіе старца спасло меня. Я и теперь считаю себя первымъ грѣшникомъ въ мірѣ, но о томъ уже не скорблю, а даже радуюсь: что я „былъ мертвъ, и ожилъ; пропадалъ, и нашелся“ (Лук. 15, 32).

За это время много произошло перемѣны въ нашемъ семействѣ: сестры выданы въ замужество, отецъ и мать умерли. Матери не пришлось увидѣть своего единственнаго сына священникомъ. А она такъ желала! Но я и не думаю поступить въ священники: я не достоинъ этого великаго сана. Я пришелъ сюда за тѣмъ, чтобы увидѣть своего благодѣтеля старца; распрашивалъ о немъ у нѣкоторыхъ здѣшнихъ монаховъ, описывалъ его наружность, и мнѣ сказали, что это одинъ затворникъ; онъ живъ еще доселѣ и посѣщаетъ, когда не бываетъ народа, часовню на мѣловой скалѣ. Мнѣ желательно видѣть старца во 1-хъ, чтобы поблагодарить его, что онъ направилъ меня на путь истины; во 2-хъ, попросить его совѣта и благословенія: у меня явилось и созрѣло желаніе совсѣмъ оставить міръ и поступить въ монастырь.

Странникъ кончилъ свой разсказъ. На прощаньи, онъ просилъ меня записать его имя въ памятную книжку.

Я записалъ.

Когда будете іереемъ Бога вышняго, сказалъ онъ, дѣлая мнѣ земной поклонъ рукою, помяните предъ престоломъ въ своихъ святыхъ молитвахъ многогрѣшнаго раба Божія А—я.

Священникъ А. К—ій.

(Пастырскій Собесѣдникъ 1891 г. №№ 17 и 18).

Чудесное спасеніе погибавшихъ въ морѣ *).

Въ началѣ февраля 1898 года, крестьяне Зимнезолотицкаго прихода, Архангельскаго уѣзда и губерніи, въ числѣ около 40 человѣкъ, отправились на своихъ лодкахъ въ Бѣлое море для ловли звѣрей морскихъ, или, по мѣстному выраженію, „за бѣльками.“ Долго плавали они и ходили по льду, но не могли найти звѣрей. Промыселъ имъ не удался; а между тѣмъ видятъ, что ихъ отнесло на значительное пространство, отъ своего берега, около 100 верстъ. Чтобы не быть самимъ уловленными голодомъ и холодомъ и бурями, они рѣшаются возвратиться домой. И вотъ, направившись къ своему, такъ называемому зимнему берегу, они то тянутъ свои лодки по плавающимъ льдамъ, то при раздѣленіи льда спускаютъ ихъ на воду и плывутъ, къ ночи же ложатся спать. Исполненію ихъ намѣренія возвратиться домой препятствовали то противный вѣтеръ, то приливы и отливы моря, и въ пути, который при благополучіи можно было со-

*) Случай этотъ описанъ въ годовой вѣдомости о состояніи православія въ Зимнезолотицкомъ приходѣ за 1899 годъ, представленной благочинному 1 округа Архангельскаго уѣзда.

вершить въ три дня, они провели около двухъ недѣль и все же не могли попасть къ мѣсту своего стремленія. Ложась на ночь спать, видятъ свой берегъ не очень далеко, но, вставши отъ сна, усматриваютъ уже не то, ихъ или спустило внизъ верстъ на 20, или отнесло далѣе отъ берега. Явно убѣждались они, что всѣ труды ихъ тщетны; а пищеваго запаса оставалось весьма мало. Смущеніе и печаль, страхъ и отчаяніе окружили странниковъ. Но вотъ въ одну ночь, съ 19 на 20 февраля, одинъ изъ нихъ, крестьянинъ Іаковъ Васильевъ Пономаревъ, видитъ во снѣ, какъ на яву: является къ нему въ бѣлой свѣтлой и блестящей одеждѣ благоговѣйный мужъ и объявляетъ о себѣ: „Я Ѳеодосій Углицкій, пришелъ спасти васъ, аще бы не пришелъ къ вамъ, много бы горя и бѣдъ пришлось испытать вамъ, молитесь Богу.“ И это святитель повторилъ три раза. „Признаюсь, говоритъ Пономаревъ, я объ этомъ святителѣ мало и слыхалъ.“ Когда это видѣніе Пономаревъ разсказалъ товарищамъ, то всѣ они въ молитвенномъ усердіи положили обѣщаніе пріобрѣсть икону святителя Ѳеодосія Углицкаго. Итакъ, по милости Божіей и молитвамъ святителя, странники эти всѣ живы и здоровы вышли на свой берегъ 22 февраля. По выходѣ же ихъ на берегъ случилась такая сильная буря, что, если бы они находились на морѣ, то Богъ вѣсть, что бы было съ ними. Унесло бы въ океанъ, умерли бы съ голоду, или бы замяло льдами. Обѣщаніе свое они исполнили: купили икону святителя Ѳеодосія въ кіотѣ, обложили икону новой чеканной позолоченной ризой и внесли въ свой мѣстный храмъ. 3 января 1899 года, при общемъ собраніи всѣхъ спасшихся отъ погибели, былъ отправленъ молебенъ святителю Ѳеодосію въ благодарственное воспоминаніе сего случая. „Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ!“ (В. Д. 1901 г. № 17).

Зимнезолотицкаго прих. *свящ. Андрей Дмитріевъ.*
Псаломщикъ Филиппъ Спировъ.

Замѣчательное видѣніе.

Въ іюнѣ 1892 г. я пріѣхалъ изъ г. Баку въ Тифлисъ къ своей замужней дочери. Вскорѣ по пріѣздѣ она между прочимъ, сказала мнѣ, что проживающая не подалеку отъ нихъ 13 лѣтняя дочь вдовы мѣщанки Е. Б—ой, Анна, имѣла видѣніе во время болѣзни, видѣла своего умершаго отца, братьевъ, сестеръ и проч. Я сначала на этотъ разсказъ не обратилъ вниманіе, но когда услыхалъ о томъ же отъ род-

---

*) *Примѣч.* Говорятъ, что всякій разъ, при открытіи нетлѣнно-благодатныхъ мощей св. угодниковъ Божіихъ, нѣкоторыя частички тѣла или конечности рукъ и ногъ отчасти, напримѣръ, два-три пальца находятъ преданными обыкновенному тлѣнію. Это, конечно, совершается строеніемъ Божіимъ смотрительно во увѣреніе намъ, что все остальное тѣло нетлѣнно не по какой-либо случайности, а единственно по изволенію Божію, проявляющему грѣшному міру мужей по сердцу Своему и въ доказательство истины воскресенія мертвыхъ въ извѣстное Ему время, при кончинѣ сего міра. Слава и благодареніе Господу за вся и за все!

ственниковъ отроковицы Анны, съ которыми я былъ знакомъ, то попросилъ ихъ пригласить Анну въ свой домъ; тамъ она лично разсказала мнѣ, въ присутствіи родныхъ, свое видѣніе, тогда-же съ ея словъ мною записанное:

Въ 1892 году на третій день св. Пасхи, я заболѣла дифтеритомъ и была отправлена въ городскую больницу. На другой день, когда я трудно больная лежала въ постели и стала забываться, какъ бы засыпать, въ это время вдругъ я увидала своего отца, который умеръ назадъ тому болѣе 6 мѣсяцевъ. Онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку, велѣлъ встать и повелъ меня. Очень скоро очутились мы на кладбищѣ. Отецъ повелъ меня къ своей могилѣ, гдѣ онъ былъ похороненъ.

— Вотъ это твоя могила, — сказалъ мнѣ отецъ, указывая мѣсто около своей могилы.

— Я не хочу, папа, умирать,—сказала я.

— Почему?

— Я еще молодая, хочу жить.

— Ну живи. Я возьму дѣдушку твоего, если на то будетъ воля Господня.

— Скоро дѣдушку возьмешь?—спросила я.

— Я тогда тебѣ скажу.

— А скоро-ли?—опять спросила я.

— Нѣтъ не скоро.

— Какъ же, папа, ты теперь со мной говоришь, спросила я,— вѣдь ты давно умеръ?

— Умерло мое тѣло; оно—спитъ; а душа живая.

— У всѣхъ-ли такъ бываетъ?

— У всѣхъ. Хорошо ты дѣлаешь, Анюта, что помнишь и исполняешь мое приказаніе и зажигаешь лампаду предъ св. иконами. А вотъ о могилѣ моей никто изъ васъ не позаботился; хотя бы ячменю на ней посѣяли.

— Я скажу мамѣ и мы посѣемъ.

Послѣ сего отецъ взялъ меня за руку и мы съ нимъ пошли. Дорога была каменистая; потомъ вскорѣ началась тропинка, покрытая краснымъ блестящимъ пескомъ. Мы пошли по этой тропинкѣ. Она привела насъ къ большимъ высокимъ воротамъ; на нихъ было много иконъ; а по сторонамъ воротъ стояли два монаха и держали въ рукахъ иконы. Я вошла вмѣстѣ съ отцемъ въ отворенныя ворота. Тутъ, при входѣ, встрѣтили насъ очень много дѣтей; въ числѣ ихъ я увидала знакомыхъ и своихъ братьевъ и сестеръ, умершихъ въ разное время: Алексѣя 6-ти лѣтъ, Евгенію 7 лѣтъ, Ѳеодосію 5 лѣтъ, Марію 4-хъ лѣтъ, Петра 3 лѣтъ, Антонину 1-го года и Лидію 6-ти мѣсяцевъ. Всѣ они со мною поцѣловались. Одѣты они были не одинаково, а такъ кого въ чемъ похоронили; но на всѣхъ были крестики, снаружи, а на головахъ вѣнчики, какія на умершихъ надѣваются въ церквахъ; за поясками у всѣхъ были платочки, съ изображеніями ангельскихъ ликовъ и съ надписями; но что написано — я не знаю и не читала. Дѣти хотѣли было вести меня, но папа взялъ меня за руку и самъ

повелъ. Мы пришли къ церкви, очень большой, бѣлой, съ сіяющимъ куполомъ. Въ притворѣ было много иконъ: съ правой стороны стоялъ монахъ въ облаченіи и читалъ: тамъ же на столѣ были: крестъ, святая вода, свѣчи съ изображеніями Спасителя и Божіей Матери и вѣнчики. Я спросила: для чего здѣсь вѣнчики?

— Они даются тѣмъ, кого похоронятъ безъ вѣнчиковъ,—отвѣчалъ отецъ.

Среди церкви стоялъ монахъ и читалъ, но я не помню что; я разсматривала церковь. Иконостасъ весь блестѣлъ и въ немъ было много иконъ, царскія врата были растворены; надъ ними — бѣлый голубь. Съ правой стороны была икона Спасителя, а съ лѣвой—Божіей Матери; обѣ иконы большія, въ бѣлыхъ блестящихъ ризахъ, усѣянныхъ золотыми крестиками и звѣздочками. На обоихъ клиросахъ стояло много Ангеловъ въ бѣломъ одѣяніи, всѣ въ одинъ ростъ и всѣ они пѣли: Христосъ воскресе! Я узнала Ангеловъ потому, что они были съ крыльями, какъ изображаются на иконахъ. Кромѣ Ангеловъ и монаховъ никого въ церкви не было. Отецъ выпустилъ мою руку, которую все время держалъ въ своей рукѣ и я стала молиться предъ иконой Божіей Матери. Помолившись я хотѣла подойти и поцѣловать икону, но кто-то невидимо удержалъ меня и я не могла подойти къ иконѣ. Послѣ сего отецъ взялъ меня за руку и мы вышли изъ церкви. Тутъ я увидѣла очень сильный свѣтъ, не похожій на солнечный. Въ это время отецъ велѣлъ мнѣ поклониться. Я поклонилась. Потомъ велѣлъ встать — я встала и спросила: что такое было, что мнѣ велѣли поклониться?

— Тебя Господь благословилъ,—отвѣчалъ отецъ.

Тутъ насъ опять встрѣтили дѣти и мы всѣ пошли далѣе. Деревьевъ было много, какъ будто лѣсъ. Шли мы по широкой тропинкѣ, покрытой зеленью, какъ ковромъ и еще чѣмъ-то блестящимъ. Вскорѣ мы пришли къ тому мѣсту, гдѣ дѣти постоянно находятся. Тутъ на большомъ столѣ я опять увидала свѣчи, съ бантами изъ лентъ и изображеніями Святыхъ. Дѣти срывали съ деревьевъ много разныхъ плодовъ и давали мнѣ, но я отказывалась, не брала; они были какъ будто недовольны моимъ отказомъ и клали плоды въ корзинки. Я стала спрашивать дѣтей.

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Богу молимся, въ церковь ходимъ, поемъ, и звонимъ на колокольнѣ.

— За кого вы молитесь?—спросила я.

— За тѣхъ, кто за насъ молится.

— Чѣмъ вы здѣсь питаетесь?

— Молитвами, когда насъ поминаютъ.

— Какими молитвами?

— Какія бываютъ на проскомидіи.

— А когда васъ не поминаютъ, тогда чѣмъ питаетесь?

— Когда ты придешь къ намъ, тогда все узнаешь.

Тутъ всѣ дѣти стали просить меня, чтобы я осталась у нихъ.— Ты будешь нянчить своихъ маленькихъ сестеръ. Но я не желала оставаться. Отецъ сказалъ мнѣ: пойдемъ отсюда.

Я стала прощаться съ дѣтьми, брала ихъ за руки, а онп меня цѣловали.

Когда мы пошли, я стала разспрашивать папу:

— Спите-ли вы здѣсь?

— На что намъ сонъ, — сказалъ онъ; спитъ наше тѣло, а душа не спитъ.

— Развѣ ночей здѣсь не бываетъ?

— У насъ какъ теперь свѣтло, такъ и всегда. *Свѣтъ незаходимый.*

— А холодно бываетъ?

— Здѣсь нѣтъ ни холодовъ, ни жаровъ.

Я стала смотрѣть вверхъ, думала увидѣть небо, облака, но ничего не видѣла, кромѣ сильнаго свѣта и большихъ деревьевъ, стоявшихъ вокругъ и поднимавшихся на значительную высоту: а сверхъ ихъ видѣла летающихъ Ангеловъ и трубившихъ въ трубы.

Отсюда пошли дальше. Вижу бесѣдки, сплетенныя изъ растеній: въ нихъ были монахи и священники. Далѣе за бесѣдками, подъ деревьями, сидѣлъ кто-то въ креслѣ, съ короною на головѣ.

Я спросила папу: кто это сидитъ? Онъ сказалъ: Государь. Имени Государя я не знаю и не спрашивала; только вдали видѣла еще много такихъ-же.

Пошли еще дальше. Вышли на тропинку, гдѣ не было ни лѣсу ни земли и дорога была не такая хорошая, какъ прежде. Чѣмъ дальше шли, свѣтъ постепенно все уменьшался и мы подошли къ какимъ-то подваламъ; кругомъ было сыро, холодно, смрадъ. Тутъ я увидала много людей; изъ нихъ нѣкоторые сидѣли за какими-то перегородками и всѣ плачутъ. У нѣкоторыхъ женщинъ, склонившихъ головы, вся одежда была мокрая отъ слезъ. Я узнала нѣкоторыхъ знакомыхъ и свою крестную мать, умершую назадъ тому два года. Она сидѣла и увидавши меня, бросилась было ко мнѣ, но невидимо кто-то удержалъ ее и не допустилъ до меня. Она опять сѣла и заплакала.

Я спросила: о чемъ вы плачете?

— О томъ, что обо мнѣ никто не молится?

— Хорошо-ли вамъ здѣсь?

— Нѣтъ,—отвѣчала она.

Я хотѣла еще ее спросить, но папа повелъ меня дальше; шли мы какъ будто подъ гору, все внизъ. Свѣту тамъ почти не было; народу было очень много, одни сидѣли, другіе стояли. Вдругъ я увидала впереди огонь, выходившій откуда-то снизу и сильно испугалась. Отецъ сказалъ мнѣ: ничего не бойся. Я спросила его: что это за люди? Грѣшники,—отвѣчалъ онъ.

Я опять стала смотрѣть въ ту сторону, гдѣ былъ огонь и увидала что-то похожее на бревна; на нихъ висѣли цѣпи, а людей не видно было, только одни головы. Слышны были крики, стоны, оханье.

Отсюда мы пошли назадъ. Подошли къ воротамъ, около которыхъ стояло какое-то большое чудовище похожее на корову; оно сильно зарычало; я испугалась и — вдругъ очнулась.... Лежала въ постели, около меня никого не было.

———

По словамъ родственниковъ отроковицы Анны, С. В. и Е. П. Т—хъ разсказъ этотъ, въ первый разъ услышанный ими отъ своей племянницы, произвелъ на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе; да и сама Анна, подъ свѣжимъ вліяніемъ своего видѣнія, была въ сильномъ волненіи и со слезами передавала свой разсказъ; въ дѣйствительности котораго никто не имѣлъ сомнѣнія по слѣдующему обстоятельству. Когда отроковица Анна находилась въ больницѣ, въ это время умерли двѣ двоюродныя ея сестры: Евгенія и Марія, заболѣвшія тоже дифтеритомъ и находившіяся въ домѣ своихъ родителей. О смерти ихъ отроковицѣ Аннѣ не говорили и она о томъ не могла узнать ни отъ кого другаго, кромѣ посѣщавшихъ ея родныхъ. Между тѣмъ въ разсказѣ своемъ она упоминаетъ о Евгеніи и Маріѣ, находившихся въ числѣ встрѣтившихъ ее дѣтей, и кромѣ того она подробно описала, въ чемъ онѣ были одѣты при погребеніи, т.-е. какъ она ихъ видѣла въ загробномъ мірѣ.

Что всемогущій Богъ скрываетъ отъ мудрыхъ и разумныхъ міра сего, то открываетъ младенцамъ и чистымъ сердцемъ. Приведенный разсказъ, какъ и множество подобныхъ ему, лишь утверждаетъ въ непреложности Божественнаго откровенія о дѣйствительномъ бытіи загробной жизни и ученіи св. Церкви о необходимости и силѣ Ея молитвъ за умершихъ, въ чемъ, къ сожалѣнію, сомнѣваются и даже вовсе отрицаютъ многіе изъ современныхъ лже-мудрецовъ, зараженные духомъ невѣрія. Къ этимъ людямъ вполнѣ можно примѣнить слова праведнаго Авраама, сказанныя имъ Евангельскому богачу: *аще кто отъ мертвыхъ воскреснетъ*, они *не имутъ вѣры* (Лук. 16, 31).

2 Января, 1894 года. **П. Русковъ.**

Бойся грѣха сквернословія.

Помни, что даръ слова данъ человѣку для того, чтобы Господа славословить. Не оскверняй срамословіемъ устъ, которыми должно благословлять Бога.

Помни, что слово дано тебѣ для назиданія ближнихъ, для того, чтобы говорить имъ то, что служитъ къ ихъ душевной пользѣ. Не оскверняй твоихъ устъ словами, которыя только оскорбляютъ ближнихъ, развращаютъ ихъ, наводяхъ ихъ на дурныя мысли. Апостолъ заповѣдуетъ: «никакое слово гнилое да не исходитъ изъ устъ вашихъ, а только доброе для назиданія въ вѣрѣ, дабы оно доставляло благодать слушающимъ» (Еф. IV, 29).

Помни, что вслѣдъ за крещеніемъ, чрезъ помазаніе освященнымъ мѵромъ, на твои уста положена печать дара Св. Духа. Срамословіемъ оскорбляется Св. Духъ, освятившій твои уста для употребленія ихъ во славу Божію. Не оскверняй ихъ срамословіемъ, не удаляй отъ себя Св. Духа.

Помни, что устами твоими ты принимаешь Тѣло и Кровь Христову. Не прогнѣвляй Христа Спасителя тяжкимъ грѣхомъ срамословія, которымъ оскверняются уста, освящаемыя прикосновеніемъ къ нимъ пречистаго Тѣла и Крови Христовой.

Помни, что устами твоими ты лобызаешь святый крестъ. святыя иконы, святыя мощи, священныя слова книги Евангелія. Устыдись срамословія, исходящаго изъ устъ, освящаемыхъ прикосновеніемъ ихъ къ симъ великимъ святынямъ.

Вѣдай, что, когда срамословишь, тебя слушаютъ не одни люди. но и святые Ангелы. Если не предъ людьми, то предъ Ангелами остерегись произносить слово срамное. Не причиняй имъ скорбь этимъ грѣхомъ, не радуй имъ діавола.

Вѣдай, что грѣхъ сквернословія нельзя творить безнаказанно. Въ прежнее время, при царяхъ Михаилѣ Θеодоровичѣ и Алексѣѣ Михаиловичѣ, за сквернословіе налагаемо было тѣлесное наказаніе: на рынкахъ и по улицамъ ходили переодѣтые чиновники съ стрѣльцами. схватывали ругателей и тутъ же на мѣстѣ преступленія наказывали ихъ розгами для примѣра прочимъ. Подобныя строгія мѣры противъ сквернословія, вслѣдствіе ихъ безуспѣшности, давно отмѣнены. Но если сквернословамъ удается избѣгать человѣческаго суда, то не миновать имъ суда Божія. По слову Христа Спасителя, «за всякое праздное слово люди дадутъ отвѣтъ въ день суда» (Матѳ. XII, 36). Грѣхъ сквернословія несравненно тяжелѣе грѣха празднословія, а потому несравненно строже будетъ наказанъ на страшномъ судѣ. Итакъ. если не страхомъ предъ людьми. то страхомъ предъ Богомъ и Его неумытнымъ судомъ удерживай себя отъ сквернословія. Горе сквернослову. Его языкъ, изрыгавшій срамныя слова, будетъ палимъ вѣчнымъ геенскимъ пламенемъ. Оставь привычку къ сему грѣху, если не желаешь себѣ погибели. Милосердый Господь, не хотяй смерти грѣшника. но еже обратитися и живу быти ему, долготерпитъ о тебѣ, ожидая твоего исправленія. Воспользуйся этою милостію Небеснаго Владыки. да не поразитъ тебя гнѣвъ Божій. который иногда и въ этой жизни грозно и явственно для всѣхъ караетъ неисправимыхъ грѣшниковъ

Такъ, недавно въ приходѣ села Новой Ямской слободы, Краснослободскаго уѣзда, Пензенской губерніи, подвергся явному наказанію Божію одинъ крестьянинъ, по имени Степанъ Терентьевъ Шихаревъ. Этотъ несчастный имѣлъ привычку не только въ пьяномъ. но и въ трезвомъ состояніи всѣ свои рѣчи постоянно сопровождать скверными словами. Сколько увѣщаній и убѣжденій приходскій священникъ ни дѣлалъ Степану, послѣдній не отставалъ отъ своей привычки. и долготерпѣніе Божіе къ нему истощилось.

Однажды Степанъ былъ позванъ сосѣдомъ на брачный пиръ. Здѣсь. выпивая чарку за чаркой, онъ сталъ такъ сквернословить, что многіе вышли изъ-за стола, причемъ одна старушка замѣтила Шихареву: «что ты, кормилецъ, дѣлаешь! вѣдь ты ѣшь хлѣбъ-соль. смотри—Богъ тебя накажетъ,—подавишься».—«Небось (такая-сякая), не подавлюсь; на, вотъ смотри»!... Сказавъ это, Степанъ схватилъ кусокъ говядины и только вложилъ его въ ротъ, какъ тутъ же свалился на лавку и, раза два встрепенувшись, испустилъ духъ. По вскрытіи тѣла оказалось, что кусокъ говядины застрялъ въ горлѣ Степана, отъ чего послѣдній моментально и померъ.

Такъ Господь накажетъ и всякаго, кто оскверняетъ худыми слова-

ми языкъ свой, который данъ намъ, чтобы славословить Бога и говорить святую истину. («Пенз. Епарх. Вѣд.». 1893 г.).

Замѣчательный случай.

Въ ночь на 23 сентября въ селѣ Костылевѣ, Челябинскаго уѣзда, вспыхнулъ пожаръ въ надворномъ строеніи крестьянина Михаила Пономарева. Вскорѣ огонь охватилъ всю обширную постройку, сосѣдній противъ вѣтра стоящій высокій домъ Михаила Подгорбунскаго и двухъ-этажный домъ Михаила Пономарева. Вѣтеръ клонилъ огонь вдоль селенія на сосѣдній обширный пристрой Евграфа Пономарева, и сила пожирающаго пламени возрастала соразмѣрно съ количествомъ горѣвшихъ строеній. При вѣтрѣ вдоль селенья, при отсутствіи пожарныхъ инструментовъ, глядя на быстро возраставшее пламя, естественно было ожидать, что огонь не пощадитъ и двухъ-этажнаго дома Евграфа Пономарева и пойдетъ по селенію. Старинный пристрой этого дома уже охваченъ былъ пламенемъ, оставалось шаговъ десять до самаго дома. Становилось невыносимо жарко у стѣны этого дома, подъ желѣзной крышей котораго задымились деревянныя стропила. Народъ, послѣ тщетныхъ усилій не пускать огонь дальше, вынужденъ былъ отступить и вдругъ въ этотъ сильный разгаръ пожара, все быстрѣе и быстрѣе двигавшагося вдоль селенія, огонь принялъ слабое направленіе къ озеру и остановился въ чертѣ горѣвшихъ зданій. Жаръ болѣе сильный, чѣмъ тотъ, отъ котораго загорѣлись строенія даже противъ вѣтра, не могъ воспламенить стоявшаго въ десяти шагахъ, почти беззащитнаго дома. Между огненнымъ моремъ, охватившимъ уже пристрой этого дома, и самымъ домомъ Евграфа Пономарева явилась необоримая Стѣна, ненадежныхъ Надежда, въ копіи Табынскаго своего образа. На границѣ наступившаго огня, при дверяхъ дома возносилось медленное пѣніе всѣхъ умилительныхъ тропарей Божіей Матери, положенныхъ въ чинѣ водоосвященія. Знаменательно отражалось пламя пожара въ вѣнцѣ Богоматери, пробуждая упованіе на могущество и соизволеніе Надежды ненадежныхъ отразить силу наступающаго огня,— и упованіе не посрамило. Кончился молебенъ, когда становилось нестерпимо жарко; окроплено мѣсто и внутренность накалившагося дома и сосѣднихъ съ нимъ святою водой въ такое критическое мгновеніе, что мальчикъ-пѣвчій, несшій ведро съ освященной водой, закрывался и едва переводилъ духъ отъ сильнаго жара, а хозяева издали мысленно прощались съ жильемъ своимъ. Совершено затѣмъ обхожденіе съ крестомъ и св. водою вокругъ пожара, близъ самой линіи огня съ пѣніемъ тропарей Царицѣ небесной, и въ это-то время страшная стихія, послушная всемогущей Заступницѣ, совершенно остановилась въ обойденномъ кругу горѣвшихъ зданій. Когда вслѣдъ за тѣмъ второй разъ было совершено обхожденіе, то сила огня не представляла болѣе опасности и оставалось вознести благодарную пѣснь взбранной Воеводѣ.

Въ прекращеніи пожара, во время наибольшей силы огня, — случившемся, при всѣхъ естественныхъ условіяхъ къ его развитію, послѣ

молебнаго пѣнія передъ Табынской иконой Божіей Матери, священникъ и прихожане, не исключая раскольниковъ, увидѣли осязательное заступничество Небесной Стѣны, явленное Ею для укрѣпленія вѣры ихъ, почему и сочли долгомъ сдѣлать этотъ фактъ общеизвѣстнымъ, да не останется утаенной явная милость Пресвятыя Богородицы. Очевидцами этого событія были: мѣстный священникъ Максимъ Худоносовъ, сельскій староста Таскаевъ и многіе крестьяне. (Оренб. Еп. Вѣд. 1894 г.).

Потеря памяти, какъ послѣдствіе куренія табаку.

Неоднократно было замѣчено, что неумѣренные курильщики сигаръ и папиросъ наживаютъ въ себѣ внутреннія болѣзни, нерѣдко даже со смертельными исходами. Помимо желудочныхъ болей, головокруженія, сердцебіенія и другихъ симптомовъ органическихъ разстройствъ, злоупотребляющіе куреніемъ, какъ свидѣтельствуетъ докторъ Ришардьеръ, часто подвергаются весьма распространенному между ними психическому недугу—притупленію памяти, сопровождающемуся, въ большей части случаевъ, утратой дара слова. Докторъ Ришардьеръ неоднократно встрѣчалъ курильщиковъ, терявшихъ, отъ излишняго куренія, способность находить слова для выраженія своей мысли. — Табачный дымъ, непосредственно вліяющій на мозгъ, притупляетъ его функціи настолько, что люди, злоупотребляющіе куреніемъ, особенно сигаръ, забывая названія вещей, нерѣдко затрудняются выразить самую простую мысль. Докторъ Шевро, въ свою очередь производившій наблюденія надъ дѣйствіемъ куренія на психическую природу человѣка, сообщилъ недавно парижской медицинской академіи рядъ фактовъ, неоспоримо доказывающихъ, что тотъ, кто много куритъ, особенно въ запертой комнатѣ, непремѣнно кончитъ тѣмъ, что потеряетъ память, будетъ затрудняться въ пріисканіи подходящихъ словъ для выраженія своей мысли, и самый заурядный разговоръ сдѣлается ему въ тягость. «Я много наблюдалъ такихъ субъектовъ, — говоритъ Шевро. — На нихъ находятъ какъ бы припадки, въ продолженіе которыхъ они рѣшительно теряютъ прирожденный людямъ естественный даръ слова, совершенно забываютъ имена даже близкихъ къ нимъ лицъ и не только безпрестанно запинаются, но безъ особаго усилія не въ состояніи назвать настоящимъ именемъ ту или другую вещь. Подобные припадки могутъ доходить до утраты способности звукопроизношенія». Такія явленія бывали періодическими и не слишкомъ продолжительными. Но часто повторяющіеся случаи мозгового разстройства, вслѣдствіе чрезмѣрнаго куренія табака, могутъ дѣйствительно привести къ значительному ослабленію способности мышленія, независимо отъ вреднаго вліянія табачнаго дыма на органъ слуха, притупленіе котораго Ришардьеръ и Шевро наблюдали въ нѣсколькихъ случаяхъ (В. Д.).

Завѣты о. Іоанна Кронштадтскаго о святой вѣрѣ и Церкви Православной.

Въ какомъ святомъ, величественномъ и досточтимомъ чинѣ поставилъ насъ Господь съ самаго рожденія нашего, учинивъ насъ членами Церкви Своей святой, Апостольской и соборной. Но многіе, многіе своимъ невѣріемъ и порочною, нераскаянною жизнію, сдѣлались недостойными этого святого чина.

Ты принадлежишь къ Церкви Божіей, или обществу вѣрующихъ во Христа. Эта Церковь есть единое тѣло Христа и Христосъ Богъ есть глава. Достойный ли ты членъ, свято ли живешь, каешься ли всегда, исправляешь ли сердце и жизнь свою?.. Живой ли ты членъ, или мертвый? Примутъ ли тебя святые, когда ты перейдешь отъ этой жизни временной въ вѣчную? Не отвергнутъ ли тебя, какъ гнилой членъ, смердящій, непотребный? Не будетъ ли твоя участь съ отверженными отъ Бога?—Спѣши поправить дѣло, исправить все свое поведеніе. Тебѣ дано на то время.

Человѣкъ-христіанинъ! Доколѣ есть время, постарайся здѣсь, на землѣ, присвоиться Богу и святымъ Его чрезъ вѣру и благочестіе: будь церковнымъ, впитывай въ себя духъ церковный, духъ покаянія, святыни, мира, богомыслія, духъ любви, кротости, смиренія, терпѣнія, благопокоренія, спасенія. Не поднимай высоко свою голову и не презирай матери своей—Церкви, спасающей тебя: бывай часто въ храмѣ во время богослуженія, стой со смиреніемъ, слушай, размышляй или читай и пой. Если здѣсь не присвоишься ей и чрезъ нее Богу, то останешься чуждымъ ей и Богу, и по смерти Богъ не приметъ тебя, и святые Его отрекутся

отъ тебя, какъ отъ чуждаго имъ по духу и расположенію сердца и мыслей, и будешь ты изгнанъ въ страну чуждую, въ мрачное и пламенное мѣсто отпадшихъ духовъ и непокаянныхъ душъ человѣческихъ. Будь мудрымъ, чтобы побѣждать ухищренія діавола и достигать своего великаго назначенія.

Господь сказалъ о Церкви Своей: *Созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* Это сказано какъ о пастыряхъ Церкви и о всѣхъ истинно-вѣрующихъ, такъ и о всѣхъ таинствахъ, о всѣхъ догматахъ, заповѣдяхъ св. православной вѣры и о всѣхъ чинопослѣдованіяхъ таинствъ, напр., литургіи, священства, брака, крещенія, мѵропомазанія, елеосвященія, которыя установлены на всѣ вѣка, и прошли уже многія столѣтія и тысячелѣтія неизмѣнно. Вотъ какъ тверда Церковь, основанная Господомъ! Помни эти слова Господни и нимало не колеблись, совершая какое-либо таинство. Будь какъ адамантъ твердъ.

Святые угодники достигли единенія съ Господомъ. Чѣмъ же достигли? Единеніе съ Богомъ достигается не иначе, какъ единеніемъ и общеніемъ съ Церковью; безъ Церкви никто не можетъ соединиться съ Богомъ, ибо соединительная сила и средства всѣ предоставлены Церкви, и Самъ Господь говоритъ, что если кто Церковь преслушаетъ, тотъ будетъ какъ язычникъ и мытарь. Всѣ святые достигли единенія съ Богомъ только въ Церкви и при ея посредствѣ, потому всѣ еретики, сектанты и раскольники не могутъ быть въ общеніи съ Богомъ и достигнуть спасенія души, хотя бы раздали все свое имѣніе и хотя бы были замучены за Христа. Церковь есть великое духовное тѣло Христа, Который есть глава ея и Спаситель, и внѣ Церкви нѣтъ спасенія.

Необходимо принадлежать къ Церкви Христовой, коей Глава есть всемогущій Царь, Побѣдитель ада, Іисусъ Христосъ. Царство Его есть Церковь воинствующая съ началами и властями и міродержателями тьмы вѣка, съ духами злобы поднебесными, которые составляютъ искусно организованное царство и воюютъ крайне опытно, умно, мѣтко и сильно со всѣми людьми, хорошо изучивши всѣ ихъ страсти и наклонности. Одинъ человѣкъ тутъ въ полѣ не воинъ, да и великое общество, но неправославное и безъ Главы-Христа— ничего не можетъ сдѣлать съ такими врагами хитрыми. Христіанину православному нужна сильная поддержка. Вотъ такая-то помощница ему въ борьбѣ съ невидимыми и видимыми врагами есть именно Церковь Христова, къ которой, Божіею милостію, мы и принадлежимъ.

Дѣло спасенія душъ нашихъ есть самое великое, самое мудрое дѣло, и учиться этому дѣлу, этому мастерству надо у тѣхъ, кому открыто это дѣло, кто исполнилъ это дѣло; а

это дѣло спасенія открыто особенно святымъ, такъ какъ они особенно старались заниматься имъ и выполняли его превосходнымъ образомъ богоугодно, душеспасительно. Святые же оставили это духовное наслѣдіе, это искусство спасенія, Церкви Православной, вложивъ въ нее, какъ въ вѣрную сокровищницу, все свое разумѣніе, свое слово, свое усердіе, свои опыты... Вотъ и учитесь у св. Церкви.

Съ какою любовью материнскою или, лучше сказать, божественною Церковь ежедневно какъ бы носитъ насъ на рукахъ своихъ, вознося о всѣхъ насъ непрестанныя молитвы ко Господу вечеромъ, въ полночь, утромъ и около средины дня, поучаетъ насъ, очищаетъ, освящаетъ, врачуетъ и укрѣпляетъ таинствами, и всѣми способами руководствуетъ насъ нѣжнѣйшимъ и кратчайшимъ образомъ ко спасенію и вѣчной жизни. Блаженны тѣ священнослужители и церковнослужители, которые понимаютъ эту любовь и это попеченіе Церкви о спасеніи чадъ ея и стараются усвоять духъ ея, жить этимъ духомъ, дышать этимъ духомъ и со вниманіемъ сердечнымъ и съ благоговѣніемъ совершаютъ молитвы, пѣснопѣнія и священнодѣйствія церковныя, памятуя, что чрезъ все это спасаются и они сами, и паства ихъ.

Въ католической вѣрѣ, претендующей на истину и непогрѣшимость, явились вопіющія несообразности и отступленія отъ истины... О недостаточности ко спасенію и лживости протестантства и реформатства и говорить не стоитъ: тамъ все извращено, весь строй вѣры и богослуженія. А что сказать о магометанствѣ, іудействѣ и язычествѣ? Это не вѣры, а изувѣрства, не истина, а сатанинская ложь пагубная. О, какъ должны мы, православные, дорожить своею вѣрою и твердо жить по ней и спасаться!

Увы! Многихъ соблазняетъ даръ свободы, данный человѣку отъ Бога, и возможность человѣка быть добрымъ и злымъ, а по паденіи въ грѣхъ,—удобопреклонность человѣка болѣе ко злу, чѣмъ къ добру. Винятъ Творца и говорятъ: зачѣмъ насъ Богъ сотворилъ такими, почему не сотворилъ насъ такъ, чтобы мы не могли падать и дѣлать зло? А иные относятъ поврежденіе человѣка грѣхомъ къ несовершенству природы, обходя Бога въ мысляхъ своихъ и признавая міръ весь, со всѣми его явленіями и предметами, какимъ-то безличнымъ, несамостоятельнымъ, несвободнымъ существомъ, коего они—части. Вотъ что дѣлаетъ удаленіе отъ Церкви! Вотъ въ какое невѣжество впадаете вы, суемудренные!

О, какое драгоцѣнное достояніе наше—православная вѣра! Сколь многіе и сколь удобно спаслись въ ней добромысленные люди всѣхъ вѣковъ! Столь губительныя ереси пресѣкли и отсѣкли св. отцы всѣхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, и сколь многіе отцы святые и богомудрые подвизались въ защищеніи правоспасительной вѣры! Какъ мы долж-

ны ихъ любить, благодарить, благоговѣть предъ ними, ихъ чтить всей душой—какъ Господа благодарить! Какъ твердо держаться должны мы вѣры своей и ни по какимъ побужденіямъ не отпадать отъ нея и не совращаться въ ереси и секты! Какъ должны мы достойно вести себя, какъ православные христіане и наслѣдники будущаго небеснаго званія.

Христіанинъ и христіанка! Чувствуете ли вы въ душѣ своей сродство съ Господомъ, Богоматерью, со святымъ ангеломъ-хранителемъ и съ ангельскимъ міромъ, со святыми угодниками Божіими и стараетесь ли подражать имъ по силѣ, жить благодатною жизнію въ вѣрѣ, любви, покаяніи, добродѣтели? Церковь Православная помогаетъ намъ вспоминать это родство, чувствовать его, радоваться о немъ и благодарить Господа, что Онъ Самъ съ самаго рожденія причелъ насъ къ Церкви Своей и къ обществу святыхъ, такъ что мы можемъ сказать своимъ сочленамъ, православнымъ христіанамъ: „вы не странники и пришельцы, но сожители святымъ и присные Богу, бывъназданы на основаніи апостоловъ и пророковъ, имѣя краеугольнымъ камнемъ Самого Іисуса Христа“.

Возблагодаримъ Господа, что мы родились въ правой вѣрѣ и Церкви, и постараемся быть достойными членами ея, живя въ воздержаніи, чистотѣ, смиреніи, повиновеніи, упражняясь въ дѣлахъ благихъ, особенно въ дѣлахъ милосердія. Слава Богу! Слава Владычицѣ Богородицѣ! Доколѣ Россія будетъ православна и будетъ усердно чтить Бога и Богоматерь, дотолѣ она будетъ могущественна и непоколебима.

Пріемлюще кончину вѣры вашей, спасеніе душамъ (1 Петр. 1, 9). Вотъ конецъ и цѣль вѣры Христовой православной—спасеніе души каждаго вѣрующаго. Сколь драгоцѣнна вѣра наша, сколь свята, права, богоугодна, сильна, спасительна! Какъ надо ее любить, ее достойно цѣнить, ею пользоваться непрестанно во спасеніе свое и другихъ. Господи, спаси родъ христіанъ православныхъ, и всѣхъ неправославныхъ обрати въ православіе, какъ единую спасительную вѣру, Тобою утвержденную, Тобою прославленную и вѣчно прославляемую. („В. Бл.“).

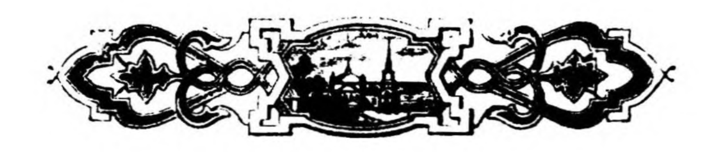
Можно ли выходить изъ церкви прежде отпуста священническаго.

Отрадно видѣть, какъ въ воскресные и праздничные дни благочестивые христіане, при первомъ же ударѣ церковнаго колокола, благоговѣйно осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, спѣшатъ въ храмъ Божій, чтобы здѣсь излить свою душу въ горячей молитвѣ къ Богу. Еще отраднѣе видѣть, какъ цѣлыя сотни народа, оставивши всѣ земныя житейскія дѣла и помышленія и колѣнопреклонившись въ святомъ храмѣ

Божіемъ, сливаются въ общей молитвѣ, какъ одинъ человѣкъ! Много можетъ такая молитва у Бога! Подобно ѳиміаму кадильному, окутывающему всѣхъ присутствующихъ, она вмѣстѣ съ нимъ несется къ престолу Всевышняго и приклоняетъ милосердіе Божіе къ грѣшному человѣку! Жаль только, что многіе сами умаляютъ силу этой своей молитвы, оставляя храмъ Божій прежде отпуста священническаго, чаще всего во время пѣнія причастнаго или же во время причащенія вѣрующихъ животворящихъ Таинъ Христовыхъ, и тѣмъ навлекая на себя немилость Божію. Послушайте, что говоритъ о выходящихъ изъ церкви прежде отпуста священнического великій и славный учитель вселенскій св. Іоаннъ Златоустъ: „Что ты дѣлаешь, человѣкъ! Когда Христосъ присутствуетъ, когда ангелы предстоятъ, когда эта страшная трапеза предлежитъ, когда братія твои еще причащаются Тайнамъ, ты, бросая все, уходишь! Бывъ позванъ куда-либо на обѣдъ, ты, если бы и насытился прежде другихъ, не осмѣливаешься уйти прежде друзей, когда другіе еще возлежатъ (сидятъ за столомъ); а здѣсь, когда совершаются страшныя Христовы Тайны, когда продолжается еще священная служба, ты все оставляешь и уходишь!—Стоитъ ли это какого-либо извиненія? Можно ли это чѣмъ-либо оправдать"?

„Хотите ли, я скажу, говоритъ далѣе св. Златоустъ, что дѣлаютъ тѣ, которые уходятъ прежде окончанія службы, не выслушавъ въ концѣ трапезы благодарственныхъ пѣсней. Можетъ быть, тяжко покажется то, что скажу,—однакоже, надобно сказать, ради небрежности многихъ. Іуда, участвовавъ въ послѣдней вечери, бывшей въ послѣднюю ночь, когда другіе возлежали, одинъ поспѣшилъ уйти. Итакъ, вотъ кому подражаютъ тѣ, кои уходятъ, послѣдняго благодаренія не выслушавъ! Тотъ (Іуда), если бы не ушелъ, не сдѣлался бы предателемъ; не погибъ бы, если бы не оставилъ соучениковъ; волкъ не нашелъ бы его одного и не пожралъ бы, если бы самого себя не отлучилъ отъ стада: не былъ бы добычею звѣря, если бы не удалился отъ Пастыря. Такимъ образомъ, когда тѣ съ Господомъ, воспѣвше, изыдоша, онъ вышелъ вмѣстѣ съ іудеями на предательство".

Какъ доброе начало, по всенародному мнѣнію, составляетъ половину дѣла, такъ конецъ является вѣнцомъ всего дѣла. Посему то св. Іоаннъ Златоустъ ежедневно испрашивалъ у Господа какъ начала благого, такъ и конца благого же: „Господи, Боже мой! взывалъ онъ, аще и ничтоже благо сотворихъ предъ Тобою, но даждь ми по благодати Твоей положити начало благое!—Господи Іисусе Христе! Напиши мя, раба Твоего, въ книзѣ животнѣй и даруй ми конецъ благій!"

На Воздвиженіе честнаго креста Господня.

(Изъ слова св. Андрея Критскаго).

Креста праздникъ совершаемъ, и—блескомъ озаряется все множество христіанъ и сіяетъ радостію лице земли, и, вмѣстѣ съ Распятымъ, оставляя дольняя, мы возвышаемся въ горняя! крестъ воздвигается, и — возноситъ съ собою поверженное долу естество человѣческое, воздвигается, и—устрашаетъ демоновъ, воздвигается, и — низлагаетъ сокрушенныя вражія силы, и празднуютъ церковные соборы и все множество градовъ и весей: ибо такова, поистинѣ, неизглаголанная сила креста. Кто обладаетъ имъ, тотъ обладаетъ величайшимъ сокровищемъ, въ которомъ заключена сущность нашего спасенія и возвращенія въ пакибытіе: ибо, если бы не было креста, то и Христосъ не былъ бы распятъ; если бы не было креста, то и Животъ нашъ не былъ бы пригвожденъ на древѣ, не истекли бы изъ ребра Его источники безсмертія, очистившіе чадъ Божіихъ, не наслаждались бы древомъ жизни, не былъ бы отверстъ рай и пламенное оружіе не отступило бы отъ входа его.—Если бы не было креста, то и Христосъ не явился бы на землѣ, Богъ Слово не облекся бы плотію,—не было бы ни Виѳлеема, ни яслей, ни пеленъ, ни крещенія во Іорданѣ, ни явленія Тріѵпостаснаго Божества, ни чудесъ.—Если бы не было креста, то не попрана была бы смерть, не истощены адовы царствія, не лишенъ своей силы древній змій. О! поистинѣ великъ и драгоцѣненъ для насъ крестъ Христовъ!

Онъ есть надежда христіанъ, упованіе отчаеваемыхъ, обуреваемыхъ пристанище, врачъ немощныхъ, отгнаніе искушеній, здравія податель! Крестъ—оружіе противъ враговъ, жезлъ силы, вѣры утвержденіе, опора старости, вождь слѣпыхъ, свѣтъ помраченныхъ! Крестъ—наставникъ неразумныхъ, на-

казатель младенцевъ, руководитель покаянія, образецъ правды! Крестъ лѣствица къ небу, путь, ведущій къ добродѣтели, смерти умерщвленіе, освободитель отъ истлѣнія, ключъ къ царствію небесному! Съ того времени, какъ онъ водруженъ на землѣ, мы познали Сына Божія и стали поклоняться Ему вкупѣ со Отцемъ и Св. Духомъ. Съ того времени прешла и сѣнь законная и языческія суевѣрія Еллиновъ, — очищенъ воздухъ отъ вони идольскихъ жертвъ, и мы обоняемъ благоуханіе *мура излїяннаго* (Пѣсн. Пѣсн. 1, 2);—съ того времени умолкли прорицалища демоновъ, сокрушены идолы, основались повсюду алтари и церкви, люди содѣлались согражданами Ангеловъ, открыто для земнородныхъ небо и—Богъ не только познанъ ими, но и содѣлался, яко единъ отъ нихъ!

Итакъ, крестъ Христовъ есть источникъ и податель намъ всѣхъ благъ. Посему-то, въ Писаніи онъ называется то жезломъ правоты, то жезломъ царствія и силы (Псал. 44, 7; 109, 2), то древомъ живота (Притч. 3, 18), то подножіемъ ногъ Божіихъ (Псал. 98, 5), то мѣстомъ селенія и пребыванія Его (Пс. 131, 7. 5). Его прообразовалъ нѣкогда патріархъ Іаковъ, при благословеніи внуковъ своихъ, положивъ руки крестообразно, а равно и тогда поклонился на верхъ жезла Іосифова. Но еще прежде, образъ креста указанъ былъ Аврааму посреди роговъ овна, принесеннаго имъ въ жертву, вмѣсто Исаака сына своего; равнымъ образомъ, и Исаакъ, несшій дрова на гору для сей жертвы, прообразовалъ собою тайну креста, и чудесный жезлъ Моисеевъ, раздѣлившій воду сюду и сюду, и самъ Моисей, молившійся на горѣ съ воздѣтыми руками о побѣдѣ надъ Амаликомъ, и милоть Иліи, раздѣлившая воды Іордана, и древо, брошенное пророкомъ Елисеемъ въ воду и заставившее всплыть желѣзо,—все это были прообразованія силы креста!

Посему, велико и драгоцѣнно поистинѣ священное древо креста, предсказанное и прообразованное столько разъ въ Писаніи и нынѣ источающее безчисленныя и неизглаголанныя чудеса. Пріидите же, поклонимся сему древу, чрезъ которое мы познали Господа, стяжали благословеніе и свободились отъ клятвы, и къ нему приложимъ нынѣ слова Писанія: *Вси языцы, елика сотворилъ еси, пріидутъ и поклонятся предъ Тобою, Господи, и прославятъ имя Твое, яко велій еси Ты и творяй чудеса*! (Пс. 85, 9).

Смыслъ тайны Креста.

Такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. (Іоан. 3, 16).

Всякій разъ, когда возвращается, при годичномъ теченіи времени, торжество всеміpнаго Воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня, мысль мгновенно переносится къ Голгоѳскому позорищу, бывшему около 1900 лѣтъ тому назадъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приходитъ на память вся нелѣпая гордыня, зависть, лукавство, злоба и клевета іудейскихъ первосвященниковъ, книжниковъ и фарисеевъ, доведшихъ обѣщаннаго издревле и явившагося Мессію и Спасителя міра до смерти, и смерти крестной, самой позорной и мучительной. Тогда они въ изступленіи кричали Пилату: *возьми, возьми, распни Его* (Іоанн. 19, 6). И Пилатъ, не находя никакой вины въ Праведникѣ, долженъ былъ уступить неистовству взбѣсившихся учителей іудейскихъ и наущенной ими толпѣ. Умывъ руки предъ народомъ въ своемъ, якобы неповинномъ, осужденіи на смерть Праведника, Пилатъ предалъ его на осужденіе смерти. И Онъ былъ распятъ, прибитый къ древу креста руками и ногами. Таинство правды Божіей и торжество человѣческой неправды совершилось—и неповинная жертва за грѣхи міра — Христосъ, испустилъ послѣдній гласъ: *совершилось! И, преклонивъ главу, предалъ духъ.* (Іоан. 19, 30).

Вникнемъ въ смыслъ тайны креста и въ приведенныя вначалѣ слова Евангелиста: *такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную.* Это значитъ, что міръ, то есть родъ человѣческій, преданъ былъ бы вѣчной смерти, вѣчнымъ мученіямъ—по неизмѣнной, строжайшей правдѣ Божіей, если бы Сынъ Божій не сдѣлался добровольнымъ, по безпредѣльной благости, Посредникомъ и Искупителемъ преступнаго, оскверненнаго и растлѣннаго грѣхомъ человѣчества. Ибо оно низринуто было лестью змія человѣкоубійцы въ страшную бездну беззаконій и погибели.

Духъ Божій, Духъ святыни и правды, Духъ животворящій, оставилъ человѣческій родъ, оплотянѣвшій окончательно чрезъ грѣхъ и предавшійся идолопоклонству и всякимъ страстямъ. Люди нуждались въ примиреніи съ Богомъ и въ искупленіи, въ очищеніи, освященіи и помощи Самого Бога. Но чтобы люди могли сподобиться этого примиренія и искупленія свыше, надобно было Сыну Божію снизойти въ міръ, принять на Себя душу и тѣло человѣческія и стать

Богочеловѣкомъ — чтобы Собственнымъ Лицемъ, человѣческимъ естествомъ Своимъ, исполнить всю правду Божію, дерзко нарушенную всякими неправдами человѣческими; исполнить весь законъ Божій, даже до іоты, стать величайшимъ Праведникомъ за все неправедное человѣчество, научить его правдѣ съ покаяніемъ во всякой неправдѣ и съ оказаніемъ плодовъ покаянія. Это Онъ исполнилъ, не бывъ повиненъ ни въ единомъ грѣхѣ, и бывъ единымъ совершеннымъ Человѣкомъ въ упостасномъ соединеніи съ Божествомъ.

Но этого мало. Человѣчество было предано праведному проклятію за грѣхи, и для его спасенія и примиренія съ Богомъ, для избавленія отъ проклятія,—надобно было Сыну Божію Самому на Себя принять проклятіе и для того пострадать на крестѣ, во исполненіе слова Божія: *проклятъ всякъ, висяй на древѣ* (Втор. 21, 23). Исполнено и это. Вися на крестѣ и страдая за грѣхи міра, Онъ принялъ на Себя наше проклятіе, какъ неповинный ему, и исходатайствовалъ намъ благословеніе: ибо проклятіе праведное было уничтожено крестомъ, и чрезъ тотъ же крестъ исходатайствовано благословеніе вѣрующимъ и творящимъ правду. Наконецъ, Избавитель нашъ долженъ былъ вкусить смерть, будучи неповиненъ ей, крестомъ, сойти въ адъ и побѣдить адъ и смерть, и всѣхъ увѣровавшихъ въ Него избавить отъ нихъ и совоскресить съ Собою, какъ Богъ, и всѣмъ людямъ открыть, чрезъ вѣру, входъ въ древній рай. Вотъ смыслъ крестныхъ страданій и смерти Сына Божія за грѣхи рода человѣческаго, вотъ древнее явленіе правды Божіей въ этой страшной крестной жертвѣ Возлюбленнаго, Единороднаго Сына Божія! Вотъ сколь смертоносенъ и противенъ Богу грѣхъ, вошедшій въ міръ чрезъ непослушаніе и оскверняющій природу человѣческую, созданную по образу и подобію Божію; и сколь глубоко проникъ онъ въ природу нашу, ибо онъ ничѣмъ не могъ быть отмытъ и изглаженъ изъ человѣка, какъ только пречистою кровію Божіею, изліянною добровольно за грѣхи всего міра. Теперь только отъ несомнѣнной вѣры въ эту искупительную жертву зависитъ спасеніе каждаго человѣка и отъ послушанія, безпрекословнаго послушанія его Сыну Божію, бывшему послушнымъ за насъ Отцу Небесному, *до смерти, смерти же крестныя* (Филип. 2, 8); зависитъ отъ искренней вѣры во едину, святую, соборную и апостольскую Церковь, которую Онъ основалъ на землѣ для нашего примиренія съ Богомъ, для просвѣщенія, освященія, утвержденія и спасенія, и которой даровалъ Духа Святаго, просвѣщающаго и освящающаго и спасающаго души наши;—отъ искренняго покаянія и исправленія сердца нашего благодатію Божіею и отъ причащенія съ вѣрою пречистыхъ таинъ тѣла и крови Агнца Божія, взявшаго на Себя грѣхи наши и всего міра.

Заключеніе изъ всего сказаннаго то, что всякій человѣкъ невѣрующій во Христа и искупительную силу креста, остается подъ гнѣвомъ Божіимъ и подъ клятвою Божіей, пребываетъ въ сквернахъ всякаго грѣха и осуждается на вѣчную казнь за грѣхи, потому что грѣхъ, несознанный, неосѣтованный, непокаянный, неоплаканный дѣлаетъ человѣка свойственнымъ діаволу, виновнику грѣха и чуждымъ Богу, единому праведному и оправдывающему грѣшника ради вѣры въ единственнаго Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, и ради покаянія, безъ котораго невозможно прощеніе и оправданіе. Оттого Господь въ первомъ словѣ проповѣди Своей людямъ возглашаетъ: *покайтесь, ибо приблизилось царствіе Божіе* (Матѳ. 3,2). *Невѣрующій въ Сына Божія осужденъ, яко невѣрова во Единороднаго Сына Божія* (Іоан. 3,18), говоритъ св. Евангелистъ Іоаннъ Богословъ.

Отсюда слѣдуетъ еще, что именующіеся христіанами, но явно или тайно невѣрующіе во Христа, какъ въ Сына Божія и Искупителя міра, и относящіеся презрительно къ Его Церкви, іерархіи, богослуженію, къ таинствамъ покаянія и причащенія, и умершіе въ своемъ невѣріи и окаменѣніи, не будутъ вписаны въ книгу жизни вѣчной, и какъ плевелы будутъ ввержены въ вѣчный огонь. Жестоко и непріятно это слово для невѣрующихъ, но это слово Самого Бога. *Страшно* есть, говоритъ Апостолъ, *чаяніе суда и огня ревность, хотящаго поясти сопротивныя. Страшно впасть въ руки Бога живаго* (Евр. 10, 27. 31). Но средство избавиться изъ этихъ всемощныхъ, праведно-наказующихъ вѣчною мукою, рукъ—одно: вѣровать во Христа и въ искупительную силу креста, и нелицемѣрно каяться во всѣхъ грѣхахъ и сподобляться таинства причащенія тѣла и крови Христа, въ коихъ однихъ только наше примиреніе, очищеніе, освященіе и спасеніе. Аминь.

Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ.

„Крестъ трисоставный“.

Въ канонѣ честному и животворящему кресту находятся слѣдующія слова: „крестъ трисоставный честное древо, Троицы бо носитъ тріѵпостасныя образъ“ (пѣснь 8-я). О трисоставномъ крестѣ Господнемъ воспѣвается еще и въ слѣдующихъ канонахъ: гласа 2-го, въ среду на утрени, пѣснь 9-я, стихъ 2-й и гласа 3-го, въ среду и пятокъ на утрени сѣдаленъ. Въ какомъ смыслѣ животворящій крестъ Господа нашего Іисуса Христа названъ древомъ и крестомъ трисоставнымъ, тогда какъ изъ ученія св. православной Цер-

кви мы знаемъ, что крестъ Господень былъ составленъ изъ одного негніющаго древа, и именно кипариса? Отвѣтъ на предложенный вопросъ можетъ быть найденъ въ мѣстномъ преданіи „о древѣ крестномъ“ Крестнаго монастыря, находящагося вблизи св. града Іерусалима. Извѣстно, что сей монастырь, по древнымъ сказаніямъ, построенъ на томъ св. мѣстѣ, гдѣ росло древо креста Господня. Въ настоящее время на семъ мѣстѣ установленъ св. престолъ. Онъ и обозначаетъ мѣсто произрастанія крестнаго древа. Отсюда и самъ монастырь получилъ названіе „Крестнаго монастыря“. По болѣе новому преданію, греческій императоръ Ираклій, отнявъ въ 628 г. у Персовъ „животворящій крестъ Господень“, провелъ съ симъ св. древомъ на мѣстѣ Крестнаго монастыря ночь наканунѣ торжественнаго внесенія креста во св. градъ. Очевидно, что императоръ Ираклій именно потому и выбралъ для ночнаго покоя Крестный монастырь, что на мѣстѣ его, по древнему сказанію, и выросло св. древо Креста Господня, ибо монастырь этотъ не находится по пути изъ Антіохіи, гдѣ было отнято у Хозроя св. древо креста, въ св. градъ Іерусалимъ. Крестный монастырь стоитъ въ сторонѣ отъ большой дороги.

Какое-же преданіе Крестнаго монастыря „о древѣ крестномъ? Патріархъ Авраамъ, по сему преданію, желая узнать проститъ ли милосердый Богъ тяжкій грѣхъ Лота (Быт. 19, 30—28), насадилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время находится главный престолъ Крестнаго монастыря, три лѣторасли изъ трехъ негніющихъ деревъ: кипариса, певга (т. е. финиковой пальмы—ваіа отъ финикъ) и кедра и приказалъ Лоту возить изъ Іордана воду и поливать эти насажденія. Авраамъ постановилъ въ себѣ, что если примутся поименованныя вѣтки, то Богъ простилъ Лота,—если же нѣтъ, то грѣхъ Лота непрощенъ. Лотъ усердно исполнялъ положенный на него подвигъ искренняго покаянія. Искуситель рода человѣческаго—діаволъ, видя неустанный трудъ Лота, чинилъ ему всевозможныя препятствія, чтобы не допустить поливать водой заповѣдныя три вѣтки. Подвигъ покаянія превозмогъ козни искусителя. Обильно поливаемыя вѣтки—выросли. Мало сего, онѣ срослись въ одно древо. Изъ этого единаго, но трисоставнаго древа и былъ впослѣдствіи руками распинателей содѣланъ крестъ, къ которому, грѣхъ ради нашихъ и ради нашего спасенія, и былъ пригвожденъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Можно положительно утверждать, что это мѣстное преданіе Крестнаго монастыря (въ „Розыскѣ“ св. Димитрія Ростовскаго это преданіе сообщено нѣсколько въ иномъ видѣ; я лично записалъ преданіе въ 1894 г.), было распространено на протяженіи всей Палестины и сосѣдней Сиріи. Было оно извѣстно и при греческомъ императорѣ Иракліи. Несомнѣнно, было

оно извѣстно и великому подвижнику обители Саввы Освященнаго, богодухновенному творцу каноновъ Октоиха—св. Іоанну Дамаскину. Послѣ сихъ предварительныхъ словъ для насъ будетъ понятно и слѣдующее мѣсто изъ воскреснаго канона 2-го гласа: „яко изволилъ еси (распятися) на кипарисѣ, и на певгѣ и кедрѣ, плотію совоздвизаемъ“ (ст. 1-й, пѣснь 5-я).

Старообрядческіе начетчики, не вѣдая вышеизложеннаго преданія, въ своихъ толкованіяхъ о томъ, что крестъ, на которомъ былъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, якобы состоялъ изъ осьми концовъ, а не изъ четырехъ, обыкновенно ссылаются на прописанныя слова 5-й пѣсни канона: на кипарисѣ, певгѣ и кедрѣ былъ распятъ Христосъ, говорятъ они. Три древа образовали якобы шесть концевъ креста, а титлы сверху креста образовали еще два конца и потому будто крестъ былъ осьмиконечный.

Но древнѣйшее преданіе Крестнаго монастыря объясняетъ намъ, что три вѣтки: кипариса, певга и кедра срослись въ одно древо. И св. крестъ Господа нашего Іисуса Христа былъ трисоставный, — „Троицы бо носитъ тріѵпостасныя образъ“ (8-я пѣснь),—но не осьмиконечный.

Такое имѣетъ значеніе слово: трисоставный крестъ въ канонѣ честному и животворящему кресту (Воскр. Чт. 1895 г.).

Прот. Кл. Ѳоменко.

О крестномъ знаменіи.

(Изъ поуч. Макарія, митрополита Московскаго).

— Съ того времени, какъ только мы научились молиться, и каждый разъ, когда мы молимся, мы привыкли осѣнять себя знаменіемъ св. креста. Это обычай всеобщій въ православной Церкви, обычай всегдашній и самый древній: онъ несомнѣнно ведетъ свое начало отъ временъ св. Апостоловъ. Но, употребляя всегда и вездѣ при своей молитвѣ крестное знаменіе, подумали ли мы хотя когда-нибудь, что за мысль лежитъ въ основаніи этого благочестиваго обычая и въ чемъ его надлежащее употребленіе? По крайней мѣрѣ въ день Воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня намъ весьма прилично размышлять о томъ, какъ мы должны изображать на себѣ крестное знаменіе, чтобы оно могло оказать для насъ свои спасительныя дѣйствія.

Прежде всего, мы должны воздвизать его съ живою вѣрою. Крестное знаменіе само по себѣ есть внѣшній знакъ, который можетъ получать значеніе только отъ внутренняго

смысла, какой мы съ нимъ соединяемъ. И если мы не будемъ изображать на себѣ это знаменіе съ вѣрою во Христа Спасителя, умершаго за насъ на крестѣ, съ вѣрою и въ благодатную силу самаго креста Господня—орудія нашего спасенія, въ такомъ случаѣ наше крестное знаменіе, сколько бы мы ни возлагали его на себѣ, будетъ лишено христіанскаго смысла и останется неугоднымъ Богу: *безъ вѣры невозможно угодити Богу* (Евр. 11, 6).

Должно, во-вторыхъ, начертывать на себѣ знаменіе св. креста, по заповѣди православной Церкви, соединеніемъ трехъ первыхъ перстовъ правой руки во имя Пресвятой, единосущной Троицы. Когда мы начертываемъ на себѣ св. крестъ тремя перстами вмѣстѣ, тогда самымъ сочетаніемъ перстовъ мы выражаемъ то же, что нерѣдко выражаемъ и устами при осѣненіи себя крестнымъ знаменіемъ, говоря: „во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа",—и слѣдовательно самымъ сочетаніемъ перстовъ исповѣдуемъ вѣру въ Тріѵпостаснаго Бога, которая прежде всего требуется отъ насъ, какъ вообще въ дѣлѣ нашего спасенія, такъ въ частности и при употребленіи крестнаго знаменія. Съ другой стороны, этотъ обычай знаменаться тремя перстами потому еще достоинъ всего нашего уваженія, что онъ всегда и вездѣ употреблялся въ православной Церкви, не только у насъ въ Россіи, но и въ Греціи, Сиріи, Палестинѣ, Египтѣ, Грузіи, Болгаріи и другихъ странахъ міра, а не есть обычаї новый и частный, каковъ обычай знаменаться двумя перстами, существующій только у нашихъ мнимыхъ старообрядцевъ.

Наконецъ, должно возлагать на себѣ знаменіе св. креста такъ, чтобы дѣйствительно начертывался на насъ св. крестъ,— и чтобы этотъ крестъ, по наставленію св. Церкви, верхнимъ концомъ своимъ касался нашего чела, нижнимъ—нашей груди, или персей, боковыми—нашихъ мышцъ. Иначе, если въ нашемъ крестномъ знаменіи не будетъ собственно креста, какъ и ожидать отъ него спасительныхъ дѣйствій? Полагая на себѣ знаменіе св. креста во время молитвы и запечатлѣвая имъ свое *чело*, *грудь и рамена,* мы тѣмъ самымъ освящаемъ и какъ бы посвящаемъ и приносимъ въ жертву Господу нашъ умъ съ его мыслями и познаніями, наше сердце съ его чувствованіями и желаніями и наши силы душевныя и тѣлесныя съ ихъ дѣятельностью. А посему какъ неразсудительно поступаютъ тѣ христіане, къ сожалѣнію, весьма многіе, которые творятъ на себѣ крестное знаменіе съ такою невнимательностію, поспѣшностью и небрежностью, что вовсе не начертываютъ на себѣ св. креста, а представляютъ движеніемъ своей руки какъ будто какую то дѣтскую забаву, лишенную всякаго смысла!

Научимся же отселѣ быть внимательными къ крестному знаменію, которое на себя возлагаемъ, и будемъ возлагать

его не только съ живою вѣрою, но и съ величайшимъ благоговѣніемъ, какое подобаетъ священнодѣйствію,—возлагать именно такъ, какъ заповѣдуетъ намъ св. Церковь, будемъ возлагать его всегда съ яснымъ представленіемъ въ умѣ своемъ того самаго креста, на которомъ былъ распятъ Владыка неба и земли и принесъ Себя въ умилостивительную жертву правдѣ Божіей за наши грѣхи.

Свѣтъ Христовъ.

И въ радости, и въ горѣ жизни,
Среди покоя и трудовъ,—
На всѣхъ путяхъ земной отчизны
Всѣхъ просвѣщаетъ свѣтъ Христовъ.
Мудрецъ! тебя томитъ тревожное сомнѣнье?
Безвѣстенъ путь—и цѣли нѣтъ...
Взгляни съ любовію на крестъ,—
Въ немъ всякой тайны разрѣшенье!
Страдалецъ! ты отвергъ надежду на спасенье?
На крестъ съ надеждою взгляни,—
И взоръ останови, душею отдохни...
Въ крестѣ—твое успокоенье!
Богачъ! томишься ты тоскою пресыщенья?—
Чтобъ утомленною душею отдохнуть,—
Взгляни на крестъ,—и твой безцѣльный путь—
Въ немъ цѣль найдетъ и утѣшенье!—
И въ радости, и въ горѣ жизни,
Среди покоя и трудовъ,—
На всѣхъ путяхъ земной отчизны
Всѣхъ просвѣщаетъ свѣтъ Христовъ!

Молитва за Царя и отечество.

Тебѣ, Творецъ непостижимый,
Мольбу отъ сердца возношу
За русскій людъ, Тобой любимый,
И за царя Тебя прошу.—
Господь, спаси царя Россіи;
Въ годину бѣдствій и невзгодъ
Мутятъ повсюду люди злые,
Смущаютъ русскій нашъ народъ;—
Но дай намъ, Боже, силъ, терпѣнья
Сей крестъ тяжелый пронести,
Спаси царя отъ всѣхъ волненій

И отъ злодѣевъ защити.
О, Боже, даруй миръ Россіи,
Спаси взволнованный народъ,—
И да исчезнутъ люди злые!
Спаси царя Руси оплотъ.—
Спаси царя и тронъ державный,
Его враговъ ты порази,
Введи народъ нашъ православный
На путь свободы и любви (С. В.).

Крест. *Андріанъ Лунинъ.*

Жизнь природы—образъ нашего воскресенія.

Осенью яркій блескъ солнца тускнѣетъ; направленіе лучей къ поверхности обитаемаго нами полушарія становится косвеннѣе; окружающая насъ атмосфера хладѣетъ; ночи дѣлаются длиннѣе и сумрачнѣе; дни—короче и туманнѣе; деревья повергаютъ листья къ корнямъ своимъ, обнажаютъ верхи свои и поникаютъ долу; поля блекнутъ; пастбища опустѣваютъ; птицы разстаются съ гнѣздами и кустами и ищутъ безопаснѣйшаго пріюта; животныя скрываются въ своихъ логовищахъ или прячутся около жилищъ человѣка; человѣкъ, изъ обитателя полей и садовъ, дѣлается жителемъ мирныхъ хижинъ или великолѣпныхъ чертоговъ:—настаетъ пора года, которая въ ряду періодическихъ измѣненій нашей планеты называется *осенью*,— время мрачное, которое, отъ сопровождающихъ его ненастій, дѣлается даже несноснымъ! Эта пора года тѣмъ непріятнѣе, что влечетъ за собою другую, еще болѣе суровую, — за осенью наступаетъ зима, когда вся природа цѣпенѣетъ въ узахъ смерти: сугробы снѣга тяготятъ землю; кучи льда сковываютъ рѣки и моря, а жестокая стужа удерживаетъ и стѣсняетъ дыханіе живыхъ существъ, — повсюду въ природѣ безжизненность, вездѣ смерть!

Такія времена бываютъ и въ жизни человѣка. Поражаетъ болѣзнь, наступаетъ старость! Онѣ лишаютъ насъ красоты лица и свѣжести силъ; тѣло больнаго и престарѣлаго чернѣетъ; кожа сжимается и покрывается морщинами; руки преклоняются къ землѣ; ноги слабѣютъ; кровь стынетъ; жизнь гаснетъ, — какъ тогда мрачно на душѣ! Какъ тяжело на сердцѣ! Это, поистинѣ, время моей и твоей, возлюбленный братъ, осени, которое тѣмъ ужаснѣе, что напоминаетъ намъ о приближеніи нашей хладной зимы: дряхлая старость, болѣзни суть предвѣстницы и предтечи смерти; а смерть кому не страшна? Даже бѣднякъ и одинокій нерѣдко ея стра-

шится. Что-же сказать о тѣхъ, которые окружены благами міра и связаны узами знакомства, дружбы и родства? Какъ должна быть нестерпима старость, страшна болѣзнь и ужасна смерть для богатыхъ и сильныхъ земли, для отцовъ и матерей семейства, для друзей и подругъ!

И вотъ снова солнце возвышается надъ нашими главами; хладная атмосфера земли нагрѣвается; снѣгъ таетъ; льдины разбиваются; рѣки освобождаются отъ своего покрова; поля обнажаютъ свои вершины; несется къ небу пѣніе жаворонка; на холмахъ и долинахъ просвѣчиваетъ зелень, а деревья одѣваются листьями. Что за новое явленіе въ природѣ? Это начало новой ея жизни—появленіе весны; что было, то будетъ опять; опять раскинется передъ нами богато убранная ткань природы; опять предстанутъ намъ пушистые луга, зеленѣющія рощи, цвѣтущіе сады, роскошныя нивы, обильныя пастбища, — опять жизнь, опять веселіе!

То же будетъ и съ тобою, сынъ персти! Остановится на нѣкоторое разстояніе времени колесо твоей жизни; сойдетъ на время плоть твоя въ утробу земли — нашей общей матери; полежатъ немного бренныя кости твои въ хладной могилѣ: но труба ангела возвѣститъ разсвѣтъ новаго дня, и ты явишься подъ новымъ небомъ, на новой землѣ. Природа видимая въ семъ случаѣ въ многомъ уступаетъ тебѣ: ея будущая весна часто бываетъ хуже прошедшей, а твоя весна ни съ чѣмъ не можетъ сравниться. Ибо, по описанію тайновидца Іоанна, на новой землѣ и подъ новомъ небомъ будетъ градъ святый, Іерусалимъ новый, сходящій съ неба, какъ невѣста, украшенная своему жениху; градъ этотъ не будетъ требовать солнца и луны,—ибо слава Божія просвѣтитъ его и свѣтильникъ ему Агнецъ; это скинія, въ которой вселится съ людьми Самъ Богъ! (Апок. Іоан. 21, 1. 2. 4. 6).

Итакъ, возлюбленный о Христѣ братъ, не унывай въ болѣзни, не грусти въ старости, не страшись смерти! Смерть для тебя есть не что иное, какъ новое рожденіе. Ты уже разъ родился, и вотъ тебѣ свободнѣе на лицѣ земли, нежели какъ было въ утробѣ матери. Родишься еще разъ, и получишь уже полную свободу; ибо чрезъ смерть перейдешь въ тотъ градъ, въ которомъ отрѣшишься отъ всякаго земнаго бремени, отъ скорби, болѣзни и смерти: тамъ *отъиметъ Богъ всяку слезу отъ очію, и смерти не будетъ ктому; ни плача, ни вопля, ни болѣзни не будетъ ктому: яко первая мимоидоша* (Апок. 21, 4);—войдешь въ состояніе той свободы, которую купилъ для насъ Сынъ Божій Своею кровію; но *аще Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете* (Іоан. 8, 36).

Троицкіе листки № 51.

Крамола.

(По проповѣдямъ Димитрія, архіеп. Херсонскаго).

Что видимъ мы вокругъ себя?

Се тма, по слову Пророка, *покрываетъ землю* (нашу) (Ис. 60, 2), видимо сбывается уже скорбное прореченіе Апостольское, *яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ* (1 Тим. 4, 1). *Привнидоша бо нѣцыи человѣцы, древле предуставленіи на сіе осужденіе, нечестивіи, Бога нашего благодать прелагающіи въ скверну, и единаго Владыки Бога и Господа нашего Іисуса Христа отметающіися. Сіи соніе видяще, плоть убо сквернятъ (по своихъ похотѣхъ ходяще и нечестіихъ),* господства же (Богомъ поставленной власти) *отмѣтаются, славы же* (всего священнаго, великаго и славнаго) *хуляще не трепещутъ, елика убо не вѣдятъ, хулятъ. Сіи суть ропотницы, укорители: уста ихъ глаголятъ прегордая, чудящеся лицамъ пользы ради* (Іуд. 4. 8. 10. 16),— *свободу обѣщавающе, сами раби суще тлѣнія* (2 Петр. 2, 19)— отъ сихъ-то *лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію* (1 Тим. 4, 2), возникли среди насъ смуты и крамолы, мятежи и убійства; отъ ихъ ядоноснаго ученія обезумѣвшіе люди, увлекаясь отъ одного заблужденія къ другому, низвергаясь изъ одной бездны въ другую, не видятъ конца своимъ бѣдствіямъ.

Намъ нельзя оставаться равнодушными, при видѣ зла, которое такъ дерзко проникаетъ въ среду общества, составляющаго Церковь святую о Господѣ,—и намъ должно въ кругу дѣятельности каждаго стараться исторгать плевелы, растущіе и множащіеся посреди насъ. Не должно обольщать себя мыслію, что пороки и беззаконія вредятъ только самимъ порочнымъ и беззаконнымъ: нѣтъ; они, какъ болѣзненные соки, проникаютъ весь составъ общества, заражаютъ и здоровые его члены.

Что жъ дѣлать намъ, какъ членамъ великаго и вѣчнаго союза—Церкви Христовой, какъ клятвенно обѣщавшимъ при своемъ крещеніи быть вѣрными Христу, небесному Царю и Богу нашему?

Трезвитеся и бодрствуйте, заповѣдуютъ намъ свв. Апостолы. Бодрствуйте, прежде всего, на стражѣ собственной души своей, да не угаснетъ въ ней свѣтильникъ вѣры Христовой, да не оскудѣетъ елей любви къ Господу и ревности о благочестіи. Лучшее средство къ исправленію и исцѣленію общества есть исправленіе самого себя каждымъ членомъ общества. Когда всѣ члены здоровы, будетъ здорово и все тѣло: въ такомъ случаѣ неисцѣльно зараженные члены отпадутъ сами собою. Сѣмя свято—стояніе всякаго общества,

опора его благоденствія, источникъ его силы и крѣпости. Чѣмъ болѣе сего святаго сѣмени въ народѣ, тѣмъ крѣпче, сильнѣе, безопаснѣе и долгоденственнѣе царство; напротивъ, *за умноженіе беззаконія изсякнетъ любы многихъ* (Мат. 24, 12), изсякнетъ та жизненная сила, которая скрѣпляетъ союзъ общества, оживляетъ и вдохновляетъ его на все истинно великое и славное, на всѣ подвиги самоотверженія, на всѣ труды и жертвы на пользу общественную. *Родъ правыхъ благословится*, говоритъ слово Божіе. И чѣмъ болѣе правыхъ и непорочныхъ предъ Богомъ и человѣками въ какомъ-либо родѣ, тѣмъ обильнѣе изливается на него благословеніе Отца небеснаго; напротивъ, чѣмъ болѣе порочныхъ и нечестивыхъ, тѣмъ скорѣе *открывается гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду человѣковъ, содержащихъ истину въ неправдѣ* (Рим. 1, 18).

Бодрствуйте надъ воспитаніемъ чадъ своихъ. Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ; да не злоба измѣнитъ разумъ ихъ и не заразитъ его язвою невѣрія, которое, надмевая, извращая, ослѣпляя молодые умы, дѣлаетъ ихъ неспособными ни къ чему доброму, полезному и благотворному, напротивъ скорыми, дерзновенными на все злое и вредоносное;—да не проникнетъ въ сердце ихъ зараза пороковъ и разврата, которая сдѣлаетъ и ихъ самихъ истинною язвою общества, посрамленіемъ и отребіемъ человѣчества. Ихъ порочная жизнь будетъ укоромъ вамъ предъ лицемъ общества, будетъ мучить васъ до самаго гроба, преслѣдовать муками и за гробомъ, вопіять на васъ предъ судомъ Божіимъ.

Бодрствуйте надъ своею жизнію и дѣятельностію, не подавая другъ другу претыканія и соблазна, но *разумѣвающе другъ друга въ поощреніи любви и добрыхъ дѣлъ*. Да не посмѣетъ среди общества нашего возвысить свой голосъ нечестивое кощунство, дерзкое злорѣчіе, наглая насмѣшка; да изгонится изъ него все, чѣмъ погашается святая любовь христіанская; всѣ раздоры и несогласія, всякое недоброжелательство и лицемѣріе, всякая злоба и лукавство; но да царствуетъ въ немъ миръ и единодушіе, взаимная любовь и доброжелательство. Да упразднятся и изгонятся изъ среды общества христіанскаго и тѣ соблазнительныя, большею частію безвременныя увеселенія, которыя порождаются праздностію и усиливаютъ праздность, а съ нею и всякое зло. Совѣстливое исполненіе обязанностей семейныхъ и общественныхъ неужели не можетъ такъ наполнить времени, чтобы оно не оставалось празднымъ? Дѣла христіанской любви и милосердія неужели не могутъ принести истиннаго, высокаго и животворнаго утѣшенія сердцу? Богомысліе и молитва неужели не могутъ ободрить и освѣжить душу и сдѣлать ее способною и готовою на всякое доброе дѣло?

Достойно ли чувственное веселіе того, чтобъ имъ ознаменовывать дни праздничные, дни радости семейной и общественной? Нѣтъ, братіе!

Вотъ завѣтъ Апостольскій: *бодрствуйте и трезвитеся, всякою молитвою и моленіемъ молящеся на всяко время духомъ.* О Бозѣ, единомъ Бозѣ—спасеніе и слава наша: къ Нему единому и должны обращаться и умъ и сердце наше, въ Немъ полагать всѣ желанія, чаянія и надежды свои, у Него просить всякаго даянія благаго и всякаго дара совершеннаго, Ему возсылать хвалу и благодареніе за всякое ниспосылаемое свыше благодѣяніе.

Богъ, будучи Самъ Царемъ царствующихъ и Господомъ господствующихъ, устрояетъ и царства земныя по образу Своего небеснаго царствія, содержа Самъ въ десницѣ Своей власть земли; Онъ *воздвизаетъ* мужей *благопотребныхъ* (Сир. 10, 4) во время свое и вручаетъ имъ власть сію. *Владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и ему же восхощетъ дастъ е* (Дан. 4, 14). Сихъ-то избранныхъ Онъ превозноситъ надъ всѣми дѣйствіемъ всепромыслительнаго смотрѣнія Своего; почему и заповѣдуетъ воздавать имъ небесную честь: *Бога бойтесь, царя чтите* (1 Петр. 2, 17). Ихъ помазуетъ Онъ елеемъ святымъ Своимъ и съ симъ помазаніемъ ниспосылаетъ имъ Духа Своего—Духа премудрости и разума, Духа совѣта и крѣпости, Духа вѣдѣнія и благочестія; почему и заповѣдуется всѣмъ: *не прикасайтеся помазаннымъ Моимъ* (Псал. 104, 15). Ихъ облекаетъ Онъ силою, посылая имъ свыше Свою божественную помощь и творитъ ихъ отмстителями въ гнѣвъ злое творящимъ (Рим. 13, 4). Вручая имъ власть надъ народами, Онъ содержитъ ихъ *сердце въ руцѣ Своей* и аможе восхищетъ, тамо уклонитъ е (Притч. 21, 1); почему и заповѣдуетъ оказывать имъ полное и совершеннѣйшее повиновеніе: *повинитеся всякому человѣчу созданію Господа ради: аще царю, яко преобладающу; аще ли княземъ, яко отъ него посланнымъ* (1 Петр. 2, 13, 14); *противляяйся бо власти, Божію повелѣнію противляется* (Римл. 13, 2). Главная цѣль, для которой воздвигаются на высотѣ власти сіи мужи богоизбранные, есть наше благоденствіе. *Божій слуга есть тебѣ во благое,* говоритъ св. Апостолъ (Римл. 13, 4). Итакъ, чѣмъ безпрепятственнѣе дѣйствуетъ власть Помазанника Господня, чѣмъ болѣе находитъ содѣйствія въ нашемъ усердіи и послушаніи; тѣмъ скорѣе достигается, тверже упрочивается и надолѣе остается наше собственное благо. *Повинитесь убо всякому человѣчу созданію Господа ради.*

Царь нашъ зоветъ насъ теперь заняться устроеніемъ отечества нашего, для чего созываетъ онъ въ Государственную Думу выборныхъ нами согражданъ. Послушаемъ зова его, постараемся выбрать честныхъ, умныхъ, любящихъ свою

родину ближнихъ своихъ, чтобы помочь всѣми силами Царю нашему, согласно волѣ его, въ управленіи Русью. Сдѣлаемъ это тихо, безъ ссоръ и волненій, тѣмъ болѣе не допустимъ между собою мятежа и насилій, то-есть, того, что разумѣется подъ словомъ крамола. Послушаемъ слова св. Апостола: *Молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія и благодаренія за царя, и за вся, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ* (1 Тим. 2, 1—3).

* * *

Изъ дневника православнаго христіанина.

Со дна погибели.

Врагъ иногда до того овладѣваетъ человѣкомъ, что со стороны даже страшно смотрѣть, какъ ругается онъ надъ человѣческою душею. Человѣкъ доходитъ до какого-то непонятнаго безумія—грѣха. Онъ грѣшитъ уже не потому, что чувствуетъ какую-нибудь сладость въ грѣхѣ, но какъ будто только для того, чтобъ угодить посильнѣе діаволу, больше потѣшить его. Такъ, когда люди предаются гульбѣ, кутежамъ, они доходятъ до безумствъ даже не въ пьяномъ еще видѣ: бьютъ дорогую посуду, заводятъ ссоры съ совершенно незнакомыми имъ людьми, швыряютъ деньги направо и налѣво; бывали случаи, что закуривали курящіе папиросы сторублевою бумажкою—на которую не одинъ мѣсяцъ могла бы быть сыта цѣлая семья. И надъ всею этою потѣхою, дикою и безобразною видится еще болѣе ужасное зрѣлище. сатанинское полчище, ликующее тѣмъ, что такъ далеко отвлекло оно человѣка отъ Бога, что человѣкъ, купленный невыразимою цѣною крови Христовой, измѣняетъ своему Благодѣтелю и Богу и съ рабскою вѣрностію и усердіемъ служитъ сатанѣ.

Но не погибъ окончательно человѣкъ, и даже въ такомъ паденіи можетъ и самъ посрамить и надругаться надъ сатанинскою силою, если въ немъ тлѣетъ искра вѣры въ Бога. Господь силенъ въ одну минуту возжечь въ душѣ огонь Божественный, который, попалитъ терніе всѣхъ прегрѣшеній человѣка и содѣлаетъ его вновь, какъ младенца, чи-

стымъ отъ всякой скверны. Господь съ милосердіемъ и любовію взираетъ на всякую душу, „скорбящую и озлобленную, милости Божіей и помощи требующую“, и только ждетъ, чтобъ человѣкъ позналъ Его. И тогда, по первому зову, приходитъ Христосъ, и въ мигъ разрушены долголѣтнія ухищренія врага; посрамленное отступаетъ ополченіе дьявольское; какъ мать, склоняется Христосъ надъ плачущимъ грѣшникомъ; какъ добрый пастырь заблудшую и найденную овцу, беретъ его на Свои плечи и вноситъ его въ крѣпкую ограду Своей Церкви.

Примѣръ такого исправленія жизни человѣка, повидимому, совершенно, безвозвратно погибшаго, даетъ одинъ случай изъ пастырской дѣятельности извѣстнѣйшаго священника, протоіерея Кронштадтскаго собора отца Іоанна.

Былъ богачъ, ведшій разгульную жизнь. Богатство его было велико. Въ хлѣбородныхъ губерніяхъ у него было 11 тысячъ десятинъ земли, въ Петербургѣ два дома и еще былъ капиталецъ. Сколько бы добра можно сдѣлать на такія средства, сколько бы можно утереть горькихъ слезъ! Какъ же этотъ богачъ распоряжался своимъ богатствомъ? Онъ спускалъ его съ невѣроятною быстротой, а самъ утопалъ въ самыхъ безшабашныхъ кутежахъ. Діаволъ точно хотѣлъ показать на этомъ несчастномъ человѣкѣ всю силу своей страшной власти. Имущество свое онъ продавалъ за безцѣнокъ. Такъ онъ продалъ южныя земли свои за 700 тысячъ, а покупщики тутъ же взяли за лѣсъ 650 тысячъ, распродали земли его по участкамъ на милліонъ, и оставили еще себѣ часть ея. Дома свои онъ спустилъ по такой низкой цѣнѣ что покупщики въ банкѣ получили подъ залогъ ихъ сумму въ 1½ раза большую. Онъ былъ постоянно окруженъ толпой прихлебателей, которые нѣсколько лѣтъ жили на его счетъ и обворовывали его самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Онъ далъ тремъ трактирщикамъ нажить съ себя не менѣе 200 тысячъ рублей. Ни одинъ изъ окружающихъ его нисколько не жалѣлъ его, не любилъ его, и только увлекалъ его къ скорѣйшему разоренію. Какіе бы счеты ему ни подавали, онъ, не возражая, платилъ, никого онъ не повѣрялъ, и громадное богатство его таяло, какъ глыба снѣга въ жаркій день. Наскучило ему все на свѣтѣ, и онъ ударился въ пьянство. Онъ пилъ съ 2 часовъ дня—время, въ которое онъ вставалъ, и до глубокой ночи, и въ такой ужасной жизни онъ дождался, наконецъ, полнаго разоренія. Въ послѣднее время предъ крахомъ онъ немного опомнился, надѣялся устроить что-нибудь, вывернуться. И, можетъ быть, дѣловой человѣкъ, какъ ни были запутаны дѣла, придумалъ бы исходъ; но онъ, ничего не знавшій, безвольный: что онъ могъ сдѣлать? За долги, которыхъ онъ не могъ заплатить, его тянули къ суду, описали его иму-

пцество, и послѣднія крохи такъ быстро прожитаго состоянія пошли съ молотка. Даже кровать, которую по закону нельзя продавать за долги и ту у него продали—и остался онъ безпріютнымъ нищимъ. Пуста была его душа и томилась одною только жаждою—выпивки.

Всѣ его бросили, отшатнулись отъ него. Только бывшій его дворникъ, купившій его домъ, сжалился надъ бывшимъ своимъ бариномъ и на время далъ ему у себя свѣтлый уголъ. У этого же человѣка бывшій богачъ выпрашивалъ на выпивку. И онъ продолжалъ пьянствовать, только не въ богатѣйшихъ трактирахъ, а въ кабакахъ и харчевняхъ послѣдняго разбора. Тамъ у него составилась компанія, завелись друзья, и продолжалась, при новомъ уничиженіи, та же старая хмѣльная жизнь. Иногда, въ рѣдкія минуты трезвости, онъ жалѣлъ себя, раскаивался, что такъ обернулъ свою жизнь, скрежеталъ зубами, а потомъ, въ хмѣлѣ, снова все забывалъ.

Въ такой жизни онъ дошелъ до мысли о самоубійствѣ, и для окончанія счетовъ съ жизнію, отправился „хорошенько“ напиться въ послѣдній разъ.

Онъ направлялся къ кабаку, гдѣ былъ завсегдатаемъ, какъ увидѣлъ громадную толпу народа, бѣжавшаго къ нему навстрѣчу.

Онъ спросилъ прохожаго, что это тѣснится народъ.

—Батюшку отца Іоанна встрѣчаютъ,—получилъ онъ отвѣтъ.

Тогда вспомнилъ онъ про этого священника, о которомъ когда-то слыхалъ и даже читалъ.

„Правда ли то все, что про него говорятъ и пишутъ, про его доброту, про то, какъ онъ людямъ въ бѣдахъ помогаетъ: правда ли?“ — спрашивалъ онъ самъ себя. „А не повидать ли его, спрошу у него благословенія на тотъ свѣтъ: можетъ, тогда легче умирать будетъ“.

И ему удалось сквозь цѣпь жандармовъ, сквозь тѣсную толпу пробраться въ самый храмъ, и здѣсь, въ священной, забытой имъ обстановкѣ, столь чуждой всему, чѣмъ онъ жилъ столько лѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ охватившей его, вызвавшей въ немъ какія-то невѣдомыя чувства, звавшей его къ иной жизни, къ свѣту и правдѣ: здѣсь онъ умилился духомъ и громко простоналъ, уже забывъ страшную мысль о самоубійствѣ: „Господи, милостивъ буди мнѣ грѣшному! Господи, помоги мнѣ!“

Этотъ вопль измученной души пронесся по всему храму, всѣ обернулись на него, а онъ въ страхѣ сдавливалъ себѣ рукою горло.

Вдругъ надъ его ухомъ раздался голосъ, произносившій съ убѣжденіемъ слова: „Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы“. Обернувшись, онъ увидалъ около себя отца Іоанна.

Положивъ ему руку на плечо, отецъ Іоаннъ сказалъ: „плачь о грѣхахъ твоихъ. Это полезно тебѣ“.

— Батюшка, воскликнулъ онъ: силъ моихъ больше нѣтъ!

— Силъ много у Бога,—отвѣчалъ о. Іоаннъ. Проси—и дастся. Проси у Него силъ — и Онъ пошлетъ ихъ тебѣ. Мы немощны, и никто бы не устоялъ противъ врага, но Господь милостивъ. Онъ нашъ Заступникъ и Помощникъ. Его именемъ мы сильны. Помолимся вмѣстѣ.

Отецъ Іоаннъ положилъ руку на голову несчастнаго и сталъ читать молитвы. Тотъ не вникалъ въ слова ихъ, но онъ живо чувствовалъ, какъ легче, чище и свѣтлѣе становилось у него на душѣ, какъ въ немъ совершился спасительный переломъ. Окончивъ молитву и благословляя его, отецъ Іоаннъ произнесъ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа: да дастся тебѣ сила и крѣпость въ борьбѣ со врагомъ! Да побѣдишь ты его и будешь жить во Христѣ!“

И всталъ онъ спокойный, радостный, увѣренный въ помощи Божіей и въ своемъ исцѣленіи. Перекрестясь, онъ пошелъ изъ церкви.

Чрезъ недѣлю онъ, приготовившись постомъ и молитвой, исповѣдался и пріобщился у отца Іоанна. Покой былъ на душѣ. Онъ не клялъ больше жизнь, и позналъ, что въ трудѣ и молитвѣ истинное счастіе жизни.

Онъ избѣгалъ теперь мѣстъ, гдѣ раньше бражничалъ, чтобъ не поддаться соблазну. Онъ старался сохранить нерастраченнымъ въ душѣ все то, что пережилъ онъ во дни покаянія. Всякаго дѣла, которое было не совсѣмъ чисто, онъ сторонился. Ему предлагали поступить въ трактиръ, но онъ отказался, зная по опыту, какъ тамъ спаиваютъ посѣтителей. Не принялъ и мѣста въ лавкахъ, гдѣ обмѣриваютъ и обвѣшиваютъ.

— Ну, такъ дохни съ голода,—говорили ему.

— И лучше умру,—отвѣчалъ онъ, да честнымъ человѣкомъ, а не разбогатѣвшимъ мошенникомъ.

Почти мѣсяцъ искалъ онъ занятія. Въ дѣтствѣ онъ любилъ и хорошо зналъ столярничество. И теперь рѣшился попытать счастье въ этомъ дѣлѣ, и отправился искать работы по мастерскимъ. За хлѣбъ и койку его взяли строгать бруски. Чрезъ двѣ недѣли хозяинъ, безъ его даже просьбы, назначилъ небольшое жалованье. Чрезъ годъ онъ сталъ мастеромъ, чрезъ два вошелъ въ дѣло съ хозяиномъ и мало-по-малу сталъ богатымъ человѣкомъ, петербургскимъ дачевладѣльцемъ и благотворителемъ.

Господи, и насъ, погибающихъ отъ пороковъ нашихъ, воззови на путь покаянія и спаси насъ! („Кормч.“ 1905 г. № 43).

Е. Поселянинъ.

Совѣсть замучила.

12 февраля въ управленіе 2 участка, Мѣщанской части, въ Москвѣ, явился мѣщанинъ гор. Старицы Василій Ивановичъ Бреховъ, 20 лѣтъ, проживающій въ домѣ Фликенштейнъ, и заявилъ что 25 декабря минувшаго года, ночью, онъ убилъ вахмистра 1-го лейбъ-драгунскаго полка Егорова, котораго встрѣтилъ въ Красносельскомъ тупикѣ, убилъ его ударомъ по головѣ шашкой, выхваченною изъ ноженъ у Егорова, который проходилъ въ нетрезвомъ видѣ. Совершивъ убійство, Бреховъ скрылся бѣгствомъ. Убійство Бреховъ совершилъ изъ мести за то, что драгуны побили его нагайками. Причину сознанія въ преступленіи Бреховъ объяснилъ тѣмъ, что его стала мучить совѣсть, напала тоска, и всюду преслѣдовала его, Брехова, тѣнь убитаго Егорова.

Другой подобный случай произошелъ съ рабочимъ на Прохоровской фабрикѣ. Во время усмиренія революціи онъ налгалъ на студента Григорьева, желая спасти себя. Студента разстрѣляли, а рабочаго отпустили. Но „горе клеветникамъ“, сказалъ Христосъ. Такъ произошло и съ рабочимъ-клеветникомъ. Онъ живъ остался, но совѣсть преслѣдуетъ его и не даетъ ему покоя. По ночамъ ему является видѣніе: студентъ Григорьевъ, весь окровавленный, грозитъ ему сжатыми кулаками. Это съ ужасомъ разсказываетъ самъ клеветникъ-рабочій.

Да, видно совѣсть—неподкупный судія, и обличенія ея ничѣмъ не заглушишь („Кормч.“ 1906 г. № 10).

Св евангелистъ Лука—скорый и безмездный врачъ.

Одинъ духовный сынъ мой, въ прославленіе Господа, дивнаго въ дѣлахъ Своихъ, сообщилъ мнѣ случай скораго и чудеснаго исцѣленія своего, отъ безмезднаго врача св. евангелиста Луки, въ день его праздника. Обстоятельства этого исцѣленія были слѣдующія.

„На день св. евангелиста Луки“ (18 октября), разсказывалъ получившій исцѣленіе А. Ил. I—нъ: „вздумалось мнѣ встать и пойдти къ утрени: день былъ поліелейный, совѣстно было въ этотъ день пролежать богослуженіе въ постели. Но, по причинѣ болѣзни ногъ отъ ревматизма, коимъ я страдалъ тогда, я едва могъ ходить: поэтому, пройдя нѣсколько шаговъ, я долженъ былъ остановиться и сѣсть на тумбѣ среди улицы. Въ это время я, въ горести души по причинѣ сказанной своей болѣзни, воскликнулъ: „О святый

евангелисте Луко, ты вѣдь врачъ; молю тебя, исцѣли меня объ обдержащей меня болѣзни ногъ: даю обѣщаніе, что по выздоровленіи, пока буду живъ и въ силахъ, я буду чтить твой праздникъ, и въ этотъ день постараюсь всегда являться въ храмъ Божій на молитву!“ Только произнесъ я эту мою молитву и обѣтъ предъ св. апостоломъ Лукою, какъ тотчасъ же почувствовалъ исцѣленіе моихъ ногъ отъ сказанной болѣзни, безъ всякаго затрудненія дошелъ до церкви, отстоялъ всѣ службы Божіи на ногахъ, а прежде имѣлъ обыкновеніе садиться при богослуженіи и съ этихъ поръ, благодареніе Господу, за молитвы св. евангелиста Луки,—и доселѣ я не чувствую болѣзни въ ногахъ“.

Въ справедливости этого разсказа сомнѣваться нѣтъ ни малѣйшаго повода, такъ какъ сообщившій мнѣ описанный случай есть человѣкъ честнѣйшихъ правилъ, отличной нравственности и высокаго благочестія, притомъ получившій научное образованіе и уже преклонныхъ лѣтъ („Странн.“ 1876 г.).

Протоіерей Петръ Полидоровъ.

Примѣры добродѣтели въ жизни крестьянъ.

(Изъ наблюденій сельскаго священника).

Въ деревнѣ моего прихода есть семейство Ѳеодора и Прокофія Степановыхъ. Первый женатъ и имѣетъ жену и четырехъ дѣтей, второй холостъ, $41\frac{1}{2}$ года.

Давно я зналъ Прокофія, такъ какъ мнѣ, жившему въ сосѣднемъ приходѣ, случалось иногда причащать его во время болѣзни. Моя духовная связь съ нимъ еще болѣе скрѣпилась со времени моего перехода въ тотъ приходъ, гдѣ жило указанное семейство.

При первомъ же посѣщеніи деревни С. въ Богоявленскій праздникъ я вступилъ съ Прокофьемъ въ бесѣду. И вотъ что услышалъ отъ него.

„Было мнѣ 21 годъ, въ 1883 году, когда призывали меня къ жеребью. Жеребьемъ я не освободился отъ воинской повинности. Три раза водили меня въ присутствіе и каждый разъ браковали. Такъ счастливо сошла эта повинность, и я радовался своему счастью; родные утѣшались мною: сосѣди мнѣ завидовали. Всѣмъ я былъ найденъ отъ Господа: и ростомъ и дородствомъ, красотою и ловкостью, трезвостью и грамотностью. Словомъ, былъ парень хоть куда. Но вотъ Господь нашелъ меня бѣдою. Вдругъ заболѣли у меня ноги ни съ того, ни съ сего, и я слегъ въ постель. Никакія лѣкарства не помогли мнѣ, и я лишился возможности двигать-

ся. Такъ вотъ и лежу въ углу уже одиннадцать лѣтъ. Злые языки говорили, что я испортилъ себя самъ, чтобы остаться отъ солдатчины. Народная молва мой недугъ приписала карѣ Божіей за мой этотъ грѣхъ. Но вѣрь мнѣ, батюшка, не портилъ я себя. А такъ уже Господь наказалъ, что я долго гулялъ въ солдатчину".

Веселый и пріятный взглядъ и благодушный видъ такого больного невольно заинтересовали меня, и я рѣшился разспросить его о теперешней его жизни.

Что же ты подѣлываешь теперь лежа, и каковъ уходъ за тобою?—спросилъ я.

„Ничего, батюшка, я не дѣлаю, да и какъ я могу работать? Вѣдь ноги то у меня, что плети, и я не могу ни встать ни лечь, а руки хотя и здоровы, такъ что мнѣ въ нихъ? Лежа не могу работать".

Какъ же ты время коротаешь?—спрашиваю я его.

„Вотъ все, что я могу дѣлать и что дѣлаю. Языкомъ я или молитвы творю или книги читаю, а руками крещусь... Спасибо Авдотьѣ невѣстушкѣ, а то бы, пожалуй, черви съѣли меня. Она и одѣваетъ меня, она и кормитъ, и обмываетъ меня. Дай ей Богъ добра—здоровья за меня. Сколько одной грязи она оберетъ отъ меня. Сколько ей изъ-за меня безпокойства, безсонныхъ ночей! Это ангелъ,—а не человѣкъ".

Послѣ такого откровеннаго заявленія я рѣшился еще предложить ему вопросъ о томъ, скучаетъ-ли онъ, безпокоится-ли онъ о себѣ, не ропщетъ-ли на свое положеніе.

На все это отвѣтилъ: „что-же:—Богу такъ надо, можно-ли роптать и гнѣвить тѣмъ Бога?"

Послѣдующія мои наблюденія убѣдили меня, что онъ не рисовался, а высказывалъ одну правду. Такой вѣры въ Бога, такой покорности и преданности волѣ Божіей, какую я видѣлъ въ этомъ человѣкѣ, рѣдко встрѣтишь нынѣ.

Бывало, подходишь къ его комнатѣ и слышишь—читаетъ громко, нараспѣвъ „Отче нашъ, Богородицу и Царю Небесный", или поетъ что-либо изъ священныхъ, знакомыхъ ему пѣсней. Его простая и безыскусственная, но полная неподдѣльнаго усердія и любви къ нимъ—молитва за умершихъ еще и теперь у меня живо хранится въ памяти. Какъ-то лѣтомъ, въ сѣнокосъ, былъ я въ деревнѣ, гдѣ лежалъ этотъ больной и вздумалъ навѣстить его, а онъ въ это время помѣщался на конюшнѣ, въ пологѣ скрываясь отъ назойливости надоѣдливыхъ комаровъ и мухъ. Подхожу къ его помѣщенію и—слышу—онъ молится: упокой, Господи, батюшку Степана, матушку Татіану, дѣдушку... такого-то, бабушку такую-то, батюшку крестнаго... такого-то и т. д., и т. д. поименно поминаетъ онъ всѣхъ сродниковъ. Затѣмъ слышу началъ поминать поименно всѣхъ умершихъ сосѣдей. Слышу далѣе молится и за живыхъ. Здѣсь прежде всего за братца Θеодора и не-

вѣстушку Авдотью съ дѣтьми. Дай имъ, Господи, добраго здоровья, что не обижаютъ меня и ходятъ за мною. Награди ихъ, Господи, и ихъ дѣтушекъ здоровьемъ и счастьемъ. Далѣе онъ молится и за другого брата и его семейство и за всѣхъ сосѣдей. И всѣхъ поименно вспоминаетъ. Не оставилъ непомянутыми и отцовъ духовныхъ.

Эта молитва больного глубоко тронула меня. Мнѣ думалось въ тѣ минуты такъ: если мірянинъ не тяготится поминать умершихъ знаемыхъ и незнаемыхъ, ближнихъ и дальнихъ, то какъ же должна быть усердна наша-то іерейская молитва? Я думалъ тогда: если этотъ простецъ считаетъ за свой долгъ молиться такъ, то какой-же тяжелый будетъ намъ, іереямъ, грѣхъ, если мы забудемъ поминать и молиться о своихъ духовныхъ чадахъ, отошедшихъ изъ сей земной юдоли? Я считалъ неудобнымъ нарушить его молитвенный подвигъ. И только тогда вошелъ, когда онъ умолкъ.

Не слышалъ я, чтобы этотъ больной ропталъ когда на свое положеніе. Только разъ какъ то сказалъ мнѣ: „вотъ, батюшка ты мой, я видѣть-то сталъ какъ-то плохо, что то глаза попортились, да и въ головѣ то моей что то помутилось“. Но и это все сказано было съ кротостью и покорностью судьбѣ, съ преданностью Промыслу Божію. Никакого оттѣнка сердечной горечи не было слышно въ его словахъ.

За то и Господь не забылъ его. Пятнадцать лѣтъ пролежалъ этотъ страдалецъ на одрѣ болѣзни своей, и у него не было ни одного пролежня на тѣлѣ. Видимо Господь хранилъ его. Дай Богъ и каждому такъ отойти изъ сей земной жизни, какъ Господь сподобилъ раба Божія Прокопія окончить свое земное странствіе. Въ день его кончины Господь привелъ мнѣ быть въ ихъ деревнѣ съ требой. Узнавши объ этомъ, невѣстка сряду-же пригласила меня и его причастить. Прихожу... Мой больной совершенно осунулся. Желтый цвѣтъ лица, мутный взглядъ, хриплый голосъ,—все мнѣ говорило, что насталъ часъ конца его земныхъ страданій. Но и на этотъ разъ душевно онъ былъ здоровъ. Раскаялся въ своихъ грѣхахъ совершенно искренно и чистосердечно. Только жаловался на то, что ему стало холодно. Я простился съ нимъ, благословилъ его, какъ отходящаго въ вѣчность. И мои мысли оправдались на дѣлѣ. Черезъ три часа послѣ моего отъѣзда его не стало. Онъ умеръ, какъ бы заснулъ отъ душевныхъ тревогъ.

Послѣднія слова его въ этой земной жизни были слова любви и примиренія съ ближними. На слова невѣстки: „прости меня, Прокофьюшко“,—онъ отвѣтилъ: „я давно тебя простилъ“. Помолчавъ, онъ прибавилъ: „прости меня Авдотьюшка“. Затѣмъ повернулся на лѣвый бокъ, руку положилъ подъ щеку и въ такомъ положеніи скончался. Миръ праху

твоему, великій страдалецъ, вмѣстѣ съ тѣмъ несравненный учитель терпѣнія, покорности и преданности волѣ Божіей!

Попутно съ этимъ случаемъ мнѣ невольно припомнился и другой подобный случай изъ моей пастырской практики.

Былъ у меня въ дер. Д. крестьянинъ Григорій, отечество позабылъ, а у него жена Ѳекла. И тотъ и другая были люди разумные и добродѣтельные. Особенно послѣдняя, т. е. Ѳекла, отличалась добротою и ласковостью ко всѣмъ. Когда бы ты ни пришелъ къ нимъ, всегда ты встрѣтишь у нихъ нищаго, нашедшаго у нихъ пріютъ, и угощеніе, а о праздникахъ домъ ихъ полонъ гостями,—и ближними, и дальними. Ихъ доброту я могъ прослѣдить и изучить на ютившейся у нихъ дальней родственницѣ слѣпой старушкѣ. Дальняя она была родственница Григорію, выходила, такъ сказать, уже и изъ родни. Но Ѳекла жалѣла ее, какъ родную свою и, притомъ, самую близкую. Нѣсколько разъ я видѣлъ самъ, какъ она носила ее на рукахъ въ баню, чтобы попарить, обмыть ее тамъ. Видѣлъ я не разъ, какъ Ѳекла возила ее и зимою на салазкахъ туда же. Сколько здѣсь выливалось наружу непритворной христіанской любви къ безпомощной старицѣ со стороны этой Ѳеклы. Сколько и выраженія чувствъ глубокой признательности мнѣ приходилось слышать изъ устъ этой безродной старушки! Но всего трогательнѣе было видѣть эту любовную и добродѣтельную семью, когда приходилось напутствовать эту старушку въ ея частыхъ старческихъ недугахъ и немощахъ. Здѣсь дѣлалось все, что только могли хозяева сдѣлать по своему разумѣнію и по своему достатку деревенскому. Все было всегда чисто и опрятно у больной. Въ опрятномъ, чистомъ и приличномъ видѣ предали они ее и землѣ, когда эта, бывшая слѣпою много лѣтъ, старушка предала свою душу Богу.

Да! Есть еще на Святой Руси добродѣтельныя семьи, а въ нихъ и боголюбцы; и дай-то, Господи, чтобы они никогда не переводилися. (Новгород. В.).

Священникъ *Н. С.*

Божье наказаніе за непочтеніе матери.

(Быль).

Лѣтомъ 188* года былъ я въ Хутынской слободѣ, Новгородскаго уѣзда.

Около ограды монастыря во имя св. Варлаама собралась кучка людей, сосредоточившихъ все свое вниманіе на мужчинѣ лѣтъ тридцати, одѣтомъ въ синія рубаху и порты и обутомъ въ лапти съ оборами,—съ лицомъ блѣдно-желтымъ, сухимъ и болѣзненнымъ.

Только подойдя ближе, я разсмотрѣлъ живую змѣю пепельнаго цвѣта, плотно обернувшуюся два раза вокругъ шеи этого человѣка!

Я пробрался къ мужчинѣ и, выражая свое удивленіе, обратился съ просьбой разсказать мнѣ, какимъ образомъ онъ приручилъ эту змѣю, какой она породы, и не можетъ ли она по его приказанію выдѣлывать какія-либо штуки?

— Что вы говорите! воскликнулъ мужчина, съ презрѣніемъ глядя на меня.—Я ее совсѣмъ не приручалъ! Радъ бы убить ее, да руки не поднимаются!.. Про породу тоже спрашиваете!... Я почемъ знаю. Это наказаніе Божіе, а вы... выдумали «какія-то штуки!..»

Заинтересовавшись этимъ неожиданнымъ протестомъ, я убѣдительно сталъ просить его сообщить мнѣ подробности объ этой змѣѣ и предложилъ для большаго удобства пойти со мною къ знакомому крестьянину.

Онъ согласился. Тамъ намъ подали самоваръ, и мы принялись за чаепичіе. Окончивъ пить чай, онъ принялся разсказывать. Во время разсказа змѣя раза три отдѣляла свою голову отъ шеи мужика, и каждый разъ онъ поилъ ее молокомъ изъ ведерочка, имѣвшагося при немъ.

Я передаю здѣсь разсказъ этого незнакомца, но, насколько достовѣренъ онъ, предоставляю судить читателямъ.

«Позапрошлымъ лѣтомъ былъ я живъ здоровъ и этого наказанія не было!—началъ онъ и указалъ на змѣю.—Я крестьянинъ деревни Петровки, Демьянскаго уѣзда, имѣю жену и трехлѣтняго сына. Домъ у меня—полная чаша! До женитьбы жилъ съ матерью, которую любить не любилъ, а уважалъ. Отецъ мой умеръ на четырнадцатомъ году моей жизни, и я сталъ полнымъ хозяиномъ. И все дѣлалъ, и все ладно шло! Только на двадцать четвертомъ году отъ роду полюбилъ я дѣвушку изъ сосѣдняго села и вздумалъ жениться. Сказалъ объ этомъ матери, та дала благословеніе. Ну, понятно, весе-

лымъ пиркомъ, да за свадебку!.. Стали жить всѣ въ одномъ домѣ, подъ одною крышею и... все хорошо, смирно было! Мать и жена моя между собою ладили! Прошелъ годъ такой покойной жизни. Родился сынъ... вотъ тутъ-то и пошли между нами ссоры да ругань. Жена хотѣла показать, что она въ домѣ хозяйка, а мать не могла къ этому привыкнуть. Кто изъ нихъ былъ правъ—я не разбиралъ! Плачъ ребенка, крикъ и гвалтъ бранящихся матери и жены—все это наводило на меня какую-то злость. Сначала я злился на всѣхъ— и на ребенка, и на жену, и на мать, потомъ только на одну мать. Съ тѣхъ поръ она отъ меня добраго слова не слыхала... Однажды лѣтомъ мать была на работѣ въ полѣ, а жена возилась дома около ребенка. Я кололъ на дворѣ дрова, когда мать пришла съ работы, и вслѣдъ за нею вошелъ въ избу. Она стала сбирать обѣдъ. Утромъ еще, по уходѣ матери, жена принялась жаловаться мнѣ, что она суется не въ свое дѣло, указываетъ, гдѣ не слѣдуетъ, и не хочетъ исполнить ея приказаній. Эти жалобы поднимали во мнѣ злобу. Я не зналъ, какъ выразить наговоры жены,—не зналъ, какъ толкомъ и дѣльно высказать объ этомъ матери и думалъ, если выругаю ее, такъ она навѣрное пойметъ за что. Вдругъ мать ласково обратилась ко мнѣ:

— Степа, будь добръ, принеси молока. Мнѣ хочется поѣсть его.

— Эхъ, мать! Скорѣе бы змѣю сталъ цѣлый вѣкъ поить молокомъ, чѣмъ тебя! —крикнулъ я и, не объяснивъ причины такой ненависти, опустился въ подвалъ.

Здѣсь на завалинкѣ стояло нѣсколько горшковъ, покрытыхъ деревянными кружочками. Я приподнялъ одинъ изъ кружочковъ, какъ вдругъ изъ горшка—изъ молока прыгнула эта гадина и обвилась около моей шеи. Я со стонами упалъ на землю, и мнѣ почудился благовидный старецъ, который сказалъ, что эта змѣя—наказаніе Божіе за непочтеніе матери, и исчезъ. Когда я очнулся, жена была около меня. На вопросъ мой о матери, она отвѣтила, что мать моя, какъ только я крикнулъ, молча вышла изъ-за стола, одѣлась и ушла. Куда?... я и теперь не знаю, гдѣ она. Отвязаться отъ змѣи я до сихъ поръ не могу. Чего я ни дѣлалъ! И вотъ теперь хожу по угодникамъ, прошу ихъ, чтобы они избавили меня отъ этой змѣи, и все это время пою ее молокомъ. Каково мое положеніе!... («Благовѣстъ», вып. 11. 1890 г.).

Ф. Владыкинъ.

Вразумленіе Божіе.

Въ мѣсяцѣ іюнѣ 1862 года я отправился для исправленія требы въ свою приходскую деревню. Подъѣзжая къ деревнѣ, я замѣтилъ, что все поле, засѣянное хлѣбомъ, было кругомъ опахано, отдѣлено отъ прочей мѣстности глубокой бороздой. Исправивши требу, я призвалъ къ себѣ нѣкоторыхъ крестьянъ, и спросилъ ихъ: за чѣмъ они опахали кругомъ поле?

«Ахъ, батюшка, отвѣчали крестьяне, развѣ вы не видите, что наши хлѣба погараютъ отъ чрезмѣрной жары; прогнѣвался на насъ Господь за наши грѣхи и давно уже не посылаетъ дождя, останемся мы безъ хлѣба нынѣшній годъ. Думали мы на мірской сходкѣ, какъ помочь этому несчастію—и положили опахать поле; выбрали для сего честныхъ вдовицъ и дѣвокъ своихъ; въ полночное время онѣ и опахали все поле».

— Ахъ! православные, тяжкій грѣхъ взяли вы на свою душу. Сами говорите, что Господь прогнѣвался на васъ; значитъ Его милосердаго и просить нужно, чтобы Онъ удалилъ праведный гнѣвъ свой. Видно вы забыли, что Господь есть нашъ небесный Отецъ, къ Которому нужно обращаться во всѣхъ бѣдствіяхъ, забыли, что Онъ одинъ милосердый дождитъ на праведныя и неправедныя. А вы что сдѣлали своимъ опахиваніемъ: кого вы просили, кому молились о дождѣ?

«Да вѣдь они, батюшка, опахивали поле со святою иконою?»

— Тѣмъ грѣшнѣе, что они имѣли святую икону при исполненіи этого безразсуднаго суевѣрія, этимъ предразсудкомъ они показали только неуваженіе къ святынѣ.

«Какъ же вы, батюшка, называете этотъ обычай безразсуднымъ суевѣріемъ, когда онъ ведется отъ нашихъ предковъ!»

— Не все то, любезные, хорошо, что дѣлали предки. Мы должны почитать своихъ предковъ за то, что они любили св. православную Церковь, были благочестивы и набожны, должны уважать ихъ за то, что они крѣпко любили православную Русь и своихъ православныхъ Государей, безусловно повиновались предержащимъ властямъ; но тому, что въ жизни ихъ было несообразно съ ученіемъ Церкви, мы не должны подражать. А опахиваніе поля, совершенное въ полночное время—съ цѣлію получить чрезъ это избавленіе отъ несчастія, есть очевидно суевѣріе. А всѣ суевѣрія строго запрещены св. Церковію; по правиламъ церковнымъ, люди, преданные разнымъ суевѣріямъ, лишаются общенія съ вѣрными.

Нѣтъ, православные, сколько ни опахивайте поле,—а если вы не вознесете Господу Богу теплой, искренней и покаянной молитвы, вы не поможете своему горю. Не такъ нужно поступать, когда насъ постигаютъ бѣдствія. Вотъ вамъ искренній мой совѣтъ: назначьте всѣмъ

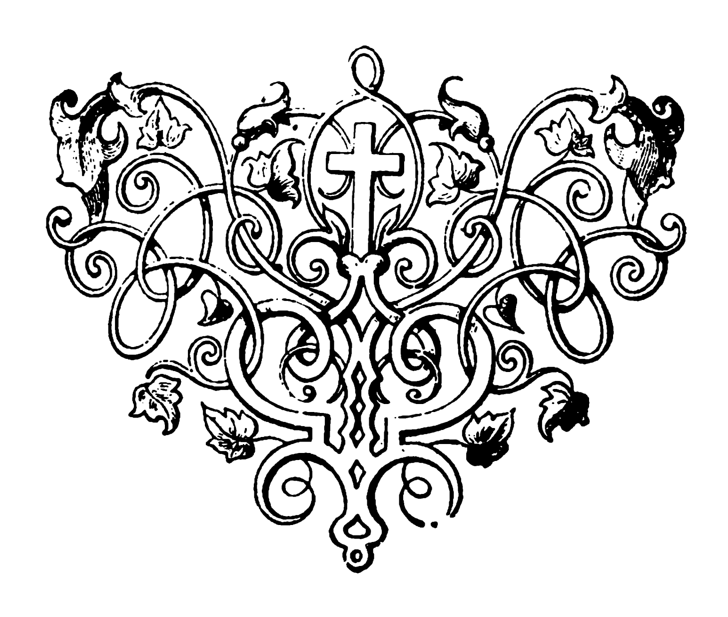
міромъ особенный день для совершенія Господу Богу молебствія: подумайте о самихъ себѣ, не согрѣшилъ ли кто изъ васъ тяжко предъ Богомъ, раскайтесь искренно въ своихъ грѣхахъ, помолитесь Господу съ вѣрою и упованіемъ. И тогда Господь умилосердится надъ вами.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ сего крестьяне избрали особенный день для совершенія молебствія. Въ назначенный день всѣ они пришли въ храмъ Божій, и отслушавши обѣдню, отправились со святыми иконами въ свою деревню. Здѣсь сначала совершенъ былъ водосвятный молебенъ; потомъ совершено молебствіе по случаю бездождія; кругомъ всей деревни совершенъ ходъ со святыми иконами; поля окроплены святой водою, народъ, какъ я замѣтилъ, молился съ глубокимъ умиленіемъ и смиреніемъ. И велико милосердіе Божіе! Только я съ причтомъ уѣхалъ изъ деревни, какъ поднялась туча и пролилъ сильный дождь. Поля, увлаженныя дождемъ, зазеленѣлись, всходы хлѣбовъ быстро стали поправляться.

Крестьяне возблагодарили Господа за Его неизреченную милость, возблагодарили за то, что Онъ вразумилъ ихъ, какъ безполезно и безразсудно ихъ суевѣріе, искренно каялись въ своемъ заблужденіи и дали твердое обѣщаніе никогда не прибѣгать къ суевѣрнымъ обычаямъ, а во всѣхъ бѣдствіяхъ обращаться къ молитвамъ св. Церкви. («Странникъ» 1862 г.).

Священникъ Гавріилъ Сергіевскій.

Троицкіе листки № 52.

Изъ дневника православнаго христіанина.

«Берегитесь несчастія».

Во всей Минской епархіи существуетъ единственный храмъ во имя новоявленнаго Святителя Тихона, Задонскаго чудотворца, въ мѣстечкѣ Брагинѣ. Жители сосѣднихъ приходовъ, особенно крестьяне, даже изъ сосѣдней Черниговской епархіи, питаютъ особенное благоговѣніе къ сему новявленному Святителю, который, какъ извѣстно изъ его житія, со слезами молился Господу Богу о прекращеніи когда либо крѣпостнаго крестьянскаго ига, а потому во множествѣ ежегодно и собираются вознести молитвы сему угоднику Божію, въ день празднованія открытія честныхъ мощей его. Многіе при этомъ говѣютъ, исповѣдываются и причащаются св. Христ. Таинъ. Псаломщикъ сосѣдней Храковичской, Николаевской церкви Михаилъ Мигай, смотря на прихожанъ, отправляющихся въ Брагинъ, вознамѣрился и самъ тоже помолиться въ сей день во храмѣ, посвященномъ имени Святителя Тихона, для чего приготовилъ было лошадь и помазалъ повозку. Но имѣя свою вѣтряную мельницу, и пользуясь поднявшимся тогда вѣтромъ, онъ оставилъ задуманную поѣздку и отправился на мельницу съ намѣреніемъ пустить ее въ ходъ. Исправивъ нѣкоторыя поврежденія въ мельничномъ механизмѣ, онъ пустилъ мельницу, но вдругъ былъ подхваченъ ея колесомъ и тутъ же придавленъ до смерти... Знаменательно вотъ что: въ ночь на этотъ день, на 13-е августа, самъ покойный и его жена - оба слышали во снѣ одно и то же: „берегитесь несчастія“. Объ этомъ мнѣ лично разсказывалъ при нѣкоторыхъ другихъ лицахъ мѣстный священникъ Лукашевичъ въ тотъ же самый день, 13 августа. Проснувшись мужъ и жена сильно были встревожены одинаковымъ сномъ. Старуха крестьянка, нянька ихъ дѣтей, нѣсколько разъ бывавшая въ сей день въ Брагинѣ, увидѣвъ покойнаго Мигая, идущаго работать на мельницу, напоминала ему видѣнный обоими супругами сонъ, уговаривая ѣхать въ Брагинъ, согласно обѣщанію· но покойный не внялъ ни благодатному внушенію свыше, ни совѣту благочестивой и разумной женщины, которая въ теченіе цѣлаго дня 13 августа соблюдала строгій постъ.—При видѣ мертваго своего мужа, жена его, окруженная пятью сиротами, убиваясь отъ горя, всенародно и предъ священникомъ восклицала: „а намъ же грѣшнымъ св. Тихонъ во снѣ внушалъ: „берегитесь несчастія„ Но мы не вняли ему, и Господь такъ тяжко наказалъ насъ“...—Въ назиданіе многимъ и для вашего благоговѣйнаго почитанія великаго новоявленнаго угодника Божія, Святителя Тихона, я вмѣняю себѣ въ священ-

ный долгъ, какъ настоятель храма, посвященнаго его имени, предать это многознаменательное происшествіе гласности.

Протоіерей Максимъ Еремичъ.

До чего доводитъ пагубная привычка сквернословить?

Въ нашей деревнѣ, въ 1886 г., умеръ крестьянинъ по имени Иванъ. Жилъ онъ на свѣтѣ болѣе 70-ти лѣтъ. Къ собственному своему несчастію, онъ имѣлъ дурную привычку, почти къ каждому слову, ругаться скверными словами, даже и при обыкновенныхъ разговорахъ. Предъ смертію Иванъ хворалъ долго, не менѣе, кажется, года, и во все время болѣзни не переставалъ произносить скверныя, ругательныя слова. Жена Ивана, видя, что ея мужъ находится близъ смерти, пригласила священника, чтобы исповѣдать и причастить своего больнаго мужа. Священникъ, прочитавъ послѣдованіе къ исповѣди и причащенію, сталъ спрашивать, или перечислять грѣхи Ивана, а онъ, вмѣсто отвѣта: „согрѣшилъ я Господу - Богу", изрыгалъ, со свойственною ему привычкою, скверныя слова. Священникъ, съ великимъ сожалѣніемъ, оставилъ умирающаго Ивана нераскаяннымъ грѣшникомъ. При выходѣ священника изъ дома Ивана, сосѣдъ, живущій противъ его, спросилъ священника: „что, батюшка, исповѣдалъ Ивана"? Священникъ,—теперь уже покойный, глубоко вздохнувши, сказалъ, что Иванъ на мои вопросы: грѣшенъ ли онъ, только ругается постыдными словами.

Грѣшно и погибельно, братія, оставлять дурную привычку на многіе годы! Привычка можетъ сдѣлаться второй природой: это видно изъ примѣра нераскаянно-умершаго Ивана, который всю свою жизнь не разставался съ грѣховной привычкой сквернословить; съ ней и умеръ, явился на нелицепріятный судъ Божій, на которомъ за каждое праздное слово воздадутъ человѣцы отвѣтъ Богу (Матѳ. 12, 26), Который будетъ судить не только дѣла, но и слова и даже самыя мысли и намѣренія наши. Писаніе говоритъ: потребитъ Господь уста льстивыя, языкъ велерѣчивый (Псал. 11, 4). Чтобы избѣжать намъ осужденія за празднословіе: положимъ храненіе устамъ своимъ, какъ поетъ св. Церковь, и дверь огражденія о устахъ своихъ; удержимъ языкъ свой отъ зла (Псал. 33, 14). Ибо тотъ соблюдаетъ свою душу отъ погибели, кто хранитъ уста свои (Пр. 13, 3). Всѣ мы согрѣшаемъ, говоритъ апостолъ Іаковъ, и только тотъ совершенъ (въ разумѣ), кто не согрѣшаетъ въ словѣ. — Еще онъ указываетъ и на орудіе грѣха: языкъ много дѣлаетъ зла; это неудержимое зло (Іак. 3, 2. 5. 8).—Откуда у насъ вражды и ссоры?—все отъ злаго языка; онъ воспаляетъ кругъ жизни и, развращая многихъ, далеко вокругъ себя распространяетъ пагубу. Имъ изрыгается

изъ сердца срамословіе и всякое пустословіе, какъ потокъ грязной воды; имъ высказываемъ мы презрѣніе къ ближнему и проклинаемъ человѣка, созданнаго по образу Божію;—и во всѣхъ грѣхахъ во-первыхъ участвуетъ злой языкъ. Языкомъ своимъ злоязычный губитъ ближняго своего; онъ исполненъ у него смертоноснаго яда (Іак. 3, 8). Мягокъ языкъ, но пронзаетъ сердце. и язва язычная сокрушаетъ внутренности. Мужъ язычен не исправится на земли (Псал. 139, 12), сказалъ Пророкъ Давидъ: посему мужъ мудрый водитъ безмолвіе (Прич. 11. 12). Безумный же, какъ сказано, умножаетъ словеса (Екл. 10, 14). Ибо человѣкъ премудръ умолчитъ до времени; а умножаяй словеса. мерзокъ будетъ (Сир. 20, 7. 8). Обуздывающій языкъ тихо и мирно поживетъ: и ненавидяй велерѣчіе умалитъ порокъ (Сир. 19, 6). Еще сказано: отъ многоглаголанія не избѣжиши грѣха (Прит. 10, 19); а иже хранитъ уста соблюдаетъ свою душу (Прит. 13, 3). Изъ сего можно понять, что если кто многоглаголивъ, то, вѣрно, и многогрѣшенъ; а если не хранитъ свои уста, то навѣрно не спасетъ душу и, отъ чего спаси Богъ, умретъ, подобно вышеупомянутому Ивану, безъ покаянія.

Мартирій Желобовъ.

Изъ дневника православнаго христіанина.

Замѣчательный случай изъ пастырской практики.

Недавно мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ одного, не совсѣмъ обыкновеннаго, случая изъ пастырской практики, о которомъ я считаю не лишнимъ повѣдать.

Въ воскресенье 30 августа 1909 года, около 8 часовъ утра, я былъ приглашенъ въ больницу при Псковскомъ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи для напутствованія больного арестанта. Когда я со Святыми Дарами вошелъ въ особую, нарочно для этого отводимую въ больницѣ небольшую палату, предо мною былъ приведенный туда заранѣе, пожелавшій причаститься, каторжанинъ, болѣвшій, по свидѣтельству мѣстнаго врача, туберкулезомъ легкихъ. Роста выше средняго, бѣлокурый, блѣдный, съ осунувшимся лицомъ, онъ производилъ впечатлѣніе не совсѣмъ еще слабаго человѣка, такъ какъ при моемъ появленіи самъ всталъ, и, смотря на ковчежецъ со святыней на груди моей, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Прежде чѣмъ приготовить Св. Дары, я, по обыкновенію, вступилъ въ бесѣду съ нимъ, чтобы видѣть, нормаленъ ли онъ, насколько искренно его намѣреніе и др., — словомъ

подготовить его. На мои вопросы, какъ онъ себя чувствуетъ, давно ли въ тюрьмѣ, какъ давно причащался, онъ сказалъ мнѣ: „Ужъ очень давно не причащался я, батюшка, одно время я рѣшилъ даже вовсе оставить и мысль о причащеніи. Но прошлая жизнь моя, полная всякой нравственной грязи, не даетъ мнѣ покоя. Давно хочется мнѣ излить наружу все, что накопилось у меня, что такъ гнететъ меня. Если позволите, то я все разскажу вамъ“. Я съ удовольствіемъ согласился слушать его. Сначала онъ сказалъ, откуда онъ, гдѣ учился, что состоялъ нѣсколько лѣтъ сельскимъ учителемъ. По мѣрѣ приближенія къ разсказу о своихъ злодѣяніяхъ, онъ возбуждался больше и, наконецъ, какъ-то быстро, какъ бы скороговоркой выкрикнулъ: „двухъ человѣкъ я сознательно убилъ; съ сестрой жилъ какъ съ женой четыре года; старика отца изводилъ грубостью, всегдашнею бранью, одинъ разъ даже убить его покушался“. Въ сильномъ волненіи былъ онъ въ это время; на лбу потъ выступилъ крупными каплями, дыханіе стало такое учащенное. .

Насколько и какъ могъ, я успокоилъ его и сталъ приготовлять Св. Дары. Совершили затѣмъ чинъ „о еже како вельми больному дати причастіе, я прочиталъ послѣ исповѣди надъ нимъ разрѣшительную молитву и предложилъ ему приготовиться къ св. причащенію. Онъ перекрестился и сложенными крестообразно на груди руками приготовился принять Св. Тайны. Только что собрался я преподать ему страха ради смертнаго святыню, уже началъ: „Честнаго и Пречистаго“... вдругъ вижу: руки его распались, на лицѣ изобразился какой-то неописуемый ужасъ, глаза выкатились и, что было у него силы, онъ ужаснымъ, какимъ-то страшно неестественнымъ, голосомъ закричалъ: „Ай, огонь, страшно, страшно, ай, ай, ай, караулъ, сожжешь, сожжешь“... Я въ первое мгновеніе совершенно растерялся, волосы на головѣ дыбомъ, когда, при зловѣщей больничной тишинѣ, раздался его ужасный вопль. Охраняя въ рукахъ своихъ святыню, я поспѣшилъ отойти къ дверямъ камеры. На крикъ его прибѣжалъ съ другого конца корридора надзиратель, три-четыре больничныхъ служащихъ. Больной въ это время метался по палатѣ; бросался къ окну, къ стѣнѣ и, наконецъ, съ крикомъ—„огонь, огонь“ упалъ на койку, забился въ конвульсіяхъ, потомъ замолкъ, вытянулся, глаза его оставались полуоткрытыми, виднѣлись одни бѣлки, руки разбросались въ безпорядкѣ, изъ груди вырывался слабый стонъ. Я послалъ за больничнымъ фельдшеромъ, а самъ отправился въ храмъ служить литургію. Около 11—12 часовъ дня больной сталъ проявлять признаки буйнаго помѣшательства, такъ что ему надѣта была смирительная рубашка. Всѣхъ поразила такая быстрая перемѣна съ больнымъ, такъ какъ, по единогласному свидѣтельству фельдшера и служащихъ больницы, до

сего времени онъ ничего ненормальнаго не проявлялъ,—напротивъ, былъ со всѣми вѣжливъ, разговорчивъ, общителенъ съ товарищами по заключенію. Осмотрѣвшій больного больничный врачъ нашелъ у него туберкулезъ мозга, призналъ его безнадежнымъ и—больного, какъ буйнаго, помѣстили въ клѣткѣ. Въ продолженіе 5—6 дней послѣ описаннаго случая онъ буйствовалъ, иногда отказывался отъ пищи; потомъ сталъ тише, что-то про себя шепталъ, иногда вскакивалъ съ койки, обводилъ безумнымъ взглядомъ камеру и снова молча опускался на койку. Такъ продолжалось дней 16.

15 сентября утромъ,—когда я, по обыкновенію, зашелъ къ нему, онъ вдругъ говоритъ мнѣ: „причаститься желаю". Физически за эти дни онъ сдѣлался очень слабъ, такъ что дни его были сочтены, но ничего похожаго на помѣшательство въ немъ уже не осталось. Около двухъ часовъ дня врачъ осмотрѣлъ его и нашелъ вполнѣ возможнымъ перенести его изъ клѣтки снова въ больницу, какъ больного только физически. Когда 16 сентября утромъ я явился въ больницу и спросилъ больного: „не измѣнилъ онъ своего намѣренія"; то онъ отвѣтилъ: „желаю, батюшка, желаю принять Св. Тайны". Вошли мы съ нимъ въ ту же палату. Искренно, съ полнымъ сознаніемъ онъ исповѣдался и съ вѣрою и благоговѣніемъ причастился Святыхъ Таинъ. Затѣмъ далъ я ему просфору, онъ перекрестился, поцѣловалъ ее и, сказавши: „спасибо вамъ", трудною, медленною походкою отправился въ свою палату.

Считаю нужнымъ добавить, что со дня его заболѣванія — 30 августа — каждый день за литургіей подавалась „о спасеніи и прощеніи грѣховъ раба Божія Мануила" особая просфора.

Пусть кто какъ хочетъ объясняетъ описанное, но я твердо убѣжденъ, что это событіе незаурядное и еще разъ подтверждаетъ, что Святыя Тайны — суть „огнь, недостойныя попаляяй". Это съ одной стороны. Съ другой, убѣждаетъ въ томъ, что Богъ, „не хотяй смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему", по молитвамъ святой Церкви подаетъ Свою милость людямъ раскаявшимся, но не успѣвшимъ принести плодовъ, достойныхъ покаянія. Воистину, значитъ, и великая польза душамъ, когда моленіе о нихъ возносится въ то время, когда предлежитъ великая и страшная жертва", какъ говоритъ св. Кириллъ Іерусалимскій („Пск. Е. В.").

Успенской церкви при Псков. исправител. арестантскомъ отдѣленіи, священникъ *Николай Колиберскій*.

Простое ли совпаденіе или Божіе промышленіе?

Милость Божія по молитвѣ св. княгини Анны Кашинской.

Дѣла Божія открывати славно (*Тов.* 12, 7).

Въ концѣ лѣта 1908 года моя жена—и всегда-то не отличающаяся здоровьемъ—почувствовала внутри себя какую-то страшную болѣзненность, которая стала замѣтно сильно изнурять ее. Около этого времени я узналъ изъ газетныхъ сообщеній о предстоящемъ прославленіи честныхъ мощей св. княгини Анны Кашинской и мысленно попросилъ у сей угодницы Божіей молитвенной помощи въ освобожденіе своей жены отъ изнуряющей ее болѣзни. Въ очень скоромъ времени послѣ сей молитвы (просилъ молитвъ и при гробницѣ указанной святой) я узналъ изъ „печати“ о „цѣлебности“ меда и сталъ „лакомить“ имъ свою жену. И что же? Медъ открылъ причину помянутой болѣзненности жены: оказался у ней солитеръ. Поѣхали въ уѣздный г. (Бирскъ) къ доктору, который примѣнилъ къ нему глистогонное средство. Я же опять мысленно молился поименованной угодницѣ Божіей. И означенный нежеланный гость былъ скоро изгнанъ. Изложенное я открылъ своей женѣ, и мы оба прославили Бога, поистинѣ дивнаго во Святыхъ Своихъ (Псал. 67, 36). Все это свидѣтельствую своею іерейскою совѣстію и предаю гласности чрезъ „Тверскія Епархіальныя Вѣдомости“ во славу Божію, честь св. княгини Анны Кашинской и „благочестивую пользу“ ближнихъ. „Умалчиваяй добрая Святыхъ, дѣяній лишаетъ благочестивыхъ пользы“ (св. Симеонъ Метафрастъ).

Священникъ Михаило-Клопской церкви, села Десятника, Бирскаго уѣзда, Уфимской епархіи. *Викторъ Нарциссовъ.*

Изъ дневника православнаго христіанина.

Вразумленіе крестьянки, гнѣвавшейся на отца духовнаго.

Одна крестьянская дѣвица, А. С., «начетчица», любящая много говорить и преимущественно судить священниковъ, за что пользуется въ мѣстности отъ подобныхъ себѣ любезнымъ вниманіемъ, разъ въ св. и вел. Четыредесятницу 1874 года (1-й годъ моего здѣсь служенія) нарочно пришла ко мнѣ показать себя и высказать кипѣвшій въ ней гнѣвъ на отца своего духовнаго за какую-то обиду отъ него въ сельско-хозяйственномъ дѣлѣ. Но какъ время поста есть время покаянія, слезъ, мира и добродѣланія, а не гнѣва и мести, то хитрая начетчица не сразу обратилась ко мнѣ съ жалобою. Она прежде всего просила меня принять ее къ себѣ «въ

духовницы *)», заявляя при этомъ, что я «пришелся ей къ сердцу — какъ и сказать она не знаетъ»... Видя ее въ первый разъ, я, конечно, спросилъ ее: откуда она и кто ея отецъ духовный? Дѣвица отвѣтила, что она не моя «духовница», но пришла «проситься» ко мнѣ «на духъ» (на исповѣдь). При возраженіи моемъ она объявила, что «къ своему попу ужъ ни за что не пойдетъ на духъ» при этомъ разразилась во всю ширь кипѣвшаго въ ней гнѣва на отца своего духовнаго и пошла напѣвать такую чепуху, такую невыносимую клевету, что я принужденъ былъ остановить ее...

— «Какъ хочешь, батюшка», кричала дѣвица, — «если ты не примешь меня на духъ, то всѣ мы перейдемъ къ раскольникамъ, а ты за насъ отвѣтъ Богу отдашь». При этомъ она съ увлеченіемъ выхваляла мои достоинства и чрезчуръ ужъ расхваливала, льстя моему самолюбію и вызывая тѣмъ какъ бы на одобреніе своей болтовни и единомысліе съ нею.

— «Ты ужъ такъ всѣмъ по сердцу у насъ, говорила она между прочимъ, что и сказать — не знаю какъ! Всѣ говорятъ, что послалъ Богъ ангела, а не попа Если такъ поживешь и такъ будешь служить и ладить съ нами, то ужъ и сказать не знаю — какъ полюбятъ тебя! Ты и служишь-то ужъ больно истово... да слышала я, что и за крестъ (перстосложеніе раскольническое) насъ не ругаешь, а благословляешь молиться, какъ мы молимся... Ужъ это-то мы всѣ переговариваемъ, — намъ больно и любо. Да вотъ и кадишь ты больно хорошо: всѣмъ иконамъ и по всей церкви». При этомъ дѣвица судила и отчасти передразнивала, кто «какъ кадитъ» и кто какой «иконѣ честь отдаетъ» или не отдаетъ, и проч. и пр. «Мы вѣдь, охъ какъ слѣдимъ: кто какъ кадитъ когда! Нѣтъ ужъ — какъ хочешь, батюшка, прими меня на-духъ, къ тебѣ пойду. Если не простяся нельзя идти на исповѣдь, то я согласна при всѣхъ положить своему священнику 25 земныхъ поклоновъ и больше, только бы простилъ меня, а на исповѣдь къ нему ужъ ни за что не пойду — сердце не лежитъ, что хочешь, то и дѣлай! И въ церковь когда хожу при немъ, такъ только злоба одолѣваетъ... Прими, батюшка, и прости!.. Она сдѣлала при этомъ предо мною земной поклонъ.

Я убѣждалъ ее оставить гнѣвъ на отца духовнаго, выставляя на видъ страшныя наказанія Божіи за непочтеніе отца духовнаго; объяснялъ ей между прочимъ и то, что самовольно оставлять одного духовника и переходить къ другому безъ важной причины возбранено церковными правилами и есть великій грѣхъ, котораго не проститъ ни одинъ духовникъ и т. п. Дѣвица начала при этомъ уже

*) Таковы здѣсь народныя выраженія: вмѣсто того, чтобы говорить: «я твой духовный сынъ» или «я твоя духовная дочь», говорятъ: «я, батюшка, твой духовникъ, я твоя духовница, мы твои духовники».

и на меня сердиться, забывъ только что излитую похвалу и «сердце» ко мнѣ. Ей видимо крайне непріятно было, что я не одобрилъ ея грѣховной горячности и гнѣва къ отцу духовному,—чего она не ожидала.

— Поодумайся, голубушка, сказалъ я ей серьезнымъ тономъ.— Ты, кажется, дѣвица умная, знаешь Писаніе Божіе и читаешь книги старинныя и сама знаешь, какъ грѣшно гнѣваться на отца духовнаго и безчестить его!. Поодумайся»!.

Дѣвица ушла отъ меня, не высказавъ положительной рѣшимости идти на исповѣдь не ко мнѣ... однако, разъ вижу, является она вмѣстѣ съ прочими къ своему духовнику, исповѣдуется и на слѣдующій день пріобщается Таинъ Христовыхъ... Душевно радуюсь, но не надолго: въ слѣдующій годъ лукавый опять смутилъ ее,—да и такъ смутилъ, что она сильно разгнѣвалась и на меня и на отца своего духовнаго, лѣтъ 6—7 не приходила на исповѣдь, посѣщая раскольническую въ приходѣ моленную и увѣряя, что уйдетъ въ расколъ. На меня она болѣе всего гнѣвалась за проповѣди, въ которыхъ— казалось ей, я говорю будто бы все про нее, ее все уличаю... «Людей учитъ», говорила она другимъ,—«а самъ въ антихристовыхъ подошвахъ ходитъ» (въ калошахъ зимою для тепла ходилъ я). Къ кресту и подъ благословеніе она уже нѣ подходила, хотя въ церковь ходить не переставала... Однако, въ концѣ концевъ случилось то, по милости Божіей, что она нахвалиться досыта теперь не можетъ священниками своими! И проповѣди хвалитъ, и на исповѣдь ходитъ, къ кресту и подъ благословеніе подходитъ и сердится, если я не даю цѣловать ей руку при этомъ. Надъ нею совершилось явное чудо такого рода, по ея собственному признанію: злоба ея на отца духовнаго довела ее до того, что она разхворалась, разслабла и едва ходила, и при этомъ «все пахло» ей «покойниками во рту», такъ что, что ни ѣстъ, что ни пьетъ, все какъ покойники», говорила она.—Разъ и въ церкви, при моемъ кажденіи предъ нею, вдругъ сильно закружилась голова ея отъ такой мечты,—она стоять не могла и сѣла у плащаницы. Ей тутъ пришло на мысль: не Богъ ли наказываетъ ее такъ, какъ съ нею никогда не бывало? По совѣту добрыхъ людей, она рѣшилась поскорѣе исповѣдаться... Исповѣдывалась у своего отца духовнаго и пріобщилась на Божественной литургіи, совершенной мною (по чредѣ служенія). И что же?! Не дивное ли чудо милости Божіей къ грѣшникамъ! По пріобщеніи Св. Таинъ дѣвица эта тутъ же почувствовала необъяснимую сладость во рту, полное здоровье во всемъ тѣлѣ, благодушество въ душѣ и кругомъ благоуханіе...

— «Все мнѣ такъ вдругъ стало хорошо и пріятно, какъ только причастилась... И запаху покойниковъ не слышу, и дома пила и ѣла

такъ все пріятно, какъ во всю жизнь со мною не бывало»! заявила она мнѣ на другой же день по пріобщеніи, и по сіе время не перестаетъ вспоминать чудо такое и говорить о немъ каждому, высказывая, что въ моленную теперь ужъ не пойдетъ ни за что, «хоть озолоти».

Священникъ Н. Румянцевъ.

Замѣчательная кончина крестьянки православной, крѣпко любившей службы церковныя.

Какъ отрадно, что и въ наше время многосуетное и многогрѣховное есть люди боголюбивые и явно боголюбезные! Они какъ бы и незамѣтны при жизни въ ряду самыхъ обыкновенныхъ людей, но при тщательномъ наблюденіи, при «кончинѣ живота» своего, они рѣзко выдѣляются явною къ нимъ милостію Божіей изъ окружающей ихъ темной среды людей безпечныхъ. Тѣмъ болѣе отрадно видѣть таковыхъ не въ высокообразованной средѣ, гдѣ отсутствіе боголюбія не должно бы быть и мыслимо, а въ средѣ неученыхъ простыхъ и повидимому грубыхъ сельскихъ жителей.

5-го февраля 1890 года мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ замѣчательной кончины одной нашей сельской крестьянки, по имени Іустиніи И. Е., доставившей мнѣ и глубокое утѣшеніе, и поводъ къ размышленіямъ, и дающей случай повѣдать о милости Божіей къ грѣшникамъ—всѣмъ боголюбцамъ паче, нежели міролюбцамъ. Въ понедѣльникъ Сырной недѣли 1890 года, послѣ непродолжительной болѣзни, скончалась эта крестьянка, благочестно вдовствовавшая послѣ мужа своего 3 года. Оставшись бѣдною вдовою и не имѣя родныхъ дѣтей, она проживала у пасынковъ въ разныхъ домахъ, терпѣла много горя и непріятностей, то отъ бѣдности, то отъ семейныхъ огорченій, и единственное себѣ утѣшеніе находила лишь въ храмѣ Божіемъ, который она особенно любила посѣщать во всѣ воскресные и праздничные дни, преимущественно—въ дни св. и вел. Четыредесятницы. Отличительною чертою любви ея къ церковнымъ богослуженіямъ было то, что она всегда становилась въ храмѣ Божіемъ впереди всѣхъ передъ алтаремъ, усердно молилась, съ напряженнымъ

вниманіемъ всегда слушала Божественную службу и пастырскія поученія. Всегда привѣтливая, ласковая и миролюбивая, она при встрѣчѣ съ священникомъ, спѣшила подъ его благословеніе и другимъ всегда давала добрые совѣты (такъ нужные въ нашей мѣстности раскольнической) крѣпко любить Церковь Божію и почитать священниковъ — пастырей стада Христова. Любовь ея къ священству и безхитростная простота и довѣріе выразились разъ даже предъ очами архипастыря, въ 1887 году совершавшаго литургію въ нашемъ храмѣ. Сопровождая его послѣ службы на квартиру, она протискалась сквозь толпу народную, предстала предъ святителемъ Церкви Божіей и, испрашивая архипастырскаго благословенія, не утерпѣла, чтобы не сказать: «Экой ты — родимой, экой ты пріятный! Какъ ты утѣшилъ и осчастливилъ насъ: ну-ко и обѣдню отслужилъ за насъ грѣшныхъ! Такой радости мы никогда не имѣли, да и дѣды наши не видали... Спаси тебя, Господи»! и проч. Конечно, ничего особеннаго какъ бы не замѣтно въ такихъ отношеніяхъ сельской крестьянки къ Церкви и священству... Да они и не воспомянулись бы въ мірѣ семъ и, какъ и многое подобное, скорô забылись бы, если бы мнѣ не пришлось быть свидѣтелемъ христіанской, непостыдной и мирной кончины этой крестьянки, подобную которой (кончинѣ) я рѣдко видѣлъ въ своей многолѣтней пастырской жизни. Впечатлѣнія мои при одрѣ умирающей записаны мною тотчасъ же въ пастырскій дневникъ мой, и я выписываю ихъ здѣсь со всею подробностію.

Послѣ обѣда 5 числа февраля 1890 года, въ 12 часовъ дня, я легъ по обычаю и слегка заснулъ. Снится мнѣ, что я во св. алтарѣ хожу вокругъ престола и пою: «со святыми упокой» и проч. Обхожу престолъ 3 раза, поя одно и тоже, и лишь обошелъ въ третій разъ, какъ, по голосу жены, просыпаюсь: она будитъ меня и говоритъ, что за мною пришли отъ больной Іустиніи И., которая проситъ меня зачѣмъ-то побывать къ ней поскорѣе. Соображая то, что я уже пріобщалъ больную и соборовалъ ее 1-го февраля, я недоумѣваю, что ей еще нужно отъ меня. Однако только что видѣнный мною сонъ заставилъ меня поторопиться къ больной, и вотъ я, взявъ требникъ, явился къ одру ея, спрашиваю — что ей отъ меня нужно?.. Обрадовавшись моему приходу и, лежа на одрѣ, испросивъ отъ меня любимое ею благословеніе, она проситъ прочитать ей «отходную.» Говоритъ она легко и весело, какъ и всегда; дыханіе у ней—не особенно опасное, лишь съ перхотою и я потому совѣтую ей повременить читать. «Здѣсь до меня не далеко»—говорю: «за мною придутъ и опять, если будутъ явные признаки приближенія смерти.»

— Такъ что же бы ты сдѣлалъ теперь со мною? Я очень рада тебѣ и хотѣлось бы мнѣ, чтобы ты отчиталъ ужъ отходную.

— Я отчитаю,—говорю, вотъ подождемъ еще хоть до утра: какъ увидятъ, что ты кончаешься, такъ прибѣгутъ за мною и я, хотя бы въ полночь, явлюсь къ тебѣ. А теперь я благословлю тебя именемъ Господнимъ.

— Ну хорошо—не оставь же, сказала моя Іустинія И., по разговору положительно не представлявшая скорой опасности...«исповѣдываться еще бы»—она отказалась, говоря, что грѣхи ея всѣ уже были исповѣданы.

Между прочимъ, просьба ея—«читать отходную»—глубоко и тревожно залегла въ моемъ сердцѣ. Я присѣлъ при одрѣ болящей и раздумывалъ: «Кто знаетъ, быть можетъ, такъ вотъ—сейчасъ же и нужно читать отходную по ея желанію, а не по моему усмотрѣнію, и не поздно ли будетъ уже, если я отложу отходную до другаго зова, и не погрѣшу ли я тяжко предъ Богомъ и предъ умирающей, если не утѣшу души ея въ тяжкую минуту разлуки съ грѣшнымъ тѣломъ?.. Думу такую я высказываю домашнимъ ея и всѣмъ окружающимъ одръ ея и жду ихъ совѣта. Одна изъ женщинъ высказала, что «здѣсь не далеко, успѣемъ-де позвать священника, если будетъ хуже, а теперь кажется и опаснаго-то ничего нѣтъ.» Больная же опять говоритъ: «Ахъ, какъ бы теперь же отчитали мнѣ отходную, такъ ужъ бы и умереть то я не боялась... ужъ точно бы ничего лучшето мнѣ и не нужно.

— Но у тебя, голубушка, говорю я,—разговоръ-то такой легкій и веселый?!

— На это не смотри, батюшка, сказала больная... меня такъ и гонитъ: я думаю, не доживу и до вечера.

— Въ такомъ случаѣ ждать больше не будемъ и сейчасъ же помолимся Пресвятой Богородицѣ, порѣшилъ я,—утѣшься, матушка»!

— Добрѣ бы! обрадовалась больная.

Я пригласилъ всѣхъ къ молитвѣ и сталъ читать «канонъ на исходъ души» (см. требникъ). Больная слушала съ глубокимъ вниманіемъ внятно читаемый мною канонъ и постоянно крестилась. Прочитавши канонъ, окончательную «молитву на исходъ души» я все—таки отложилъ до слѣдующаго раза, высказавъ объ этомъ больной и прося домашнихъ ея придти за мною, если больная почувствуетъ смертный конецъ. Больная сердечно благодаритъ меня, что я такъ утѣшилъ ее и проситъ домашнихъ отдать мнѣ «за труды». *) Отъ платы я отказался, прося больную вмѣсто платы помолиться за меня и, благословивъ ее, хотѣлъ отправиться домой... Но больная еще проситъ—«улечься бы на полу на соломкѣ.» Я прошу сейчасъ же сдѣлать по ея желанію и отправляюсь въ домъ свой, полный мно-

---

*) Желающихъ читать отходную здѣсь очень мало.

гихъ думъ о смертномъ часѣ и о Промыслѣ Божіемъ о насъ грѣшныхъ, не предполагая, впрочемъ, чтобы такъ скоро могла помереть моя І. И. Но вотъ—не болѣе какъ чрезъ часъ бѣгутъ за мною опять и просятъ идти поскорѣе къ той же Іустиніи И. «Страдаетъ, батюшка, поскорѣе!» торопятъ меня... Я спѣшу, вхожу въ домъ и вижу: І. И. лежитъ уже на полу на соломѣ, на лѣвомъ боку, трудно и съ храпомъ дышетъ короткимъ дыханіемъ: глаза закрыты. Ей сказали, что я пришелъ... Не открывая глазъ, внятно и тѣмъ же голосомъ, какъ и ранѣе, только съ перерывами, по случаю частаго и короткаго дыханія, она начала высказывать свою сердечную радость и благодарность, что я «не облѣнился» — пришелъ къ ней. «Какъ ангелъ съ неба прилетѣлъ ты ко мнѣ,» сказала она и потомъ начала благодарить меня «за службы» мои и «наставленія,» высказывала—какъ она «любила эти службы и наставленія, какъ всегда утѣшалась».. Долго говорила она, и я благоговѣлъ, слушая ея изліянія сердечныя, при которыхъ какъ будто забыты были умирающею всѣ ея страданія тѣлесныя въ минуты смерти, при которыхъ какъ будто парила она уже въ невидимомъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни выздыханій—одно утѣшеніе... Голосъ ея подъ конецъ сталъ слабѣе и слабѣе: «храбрецъ» душилъ ее все круче и сильнѣе, но она сего какъ-будто не чувствовала, продолжая говорить о своемъ утѣшеніи, которое находила въ церкви Божіей. Не сомнѣваясь болѣе въ приспѣвшемъ смертномъ часѣ болящей, я пригласилъ всѣхъ окружавшихъ ее (полный домъ) къ молитвѣ на исходъ души, преклоньше колѣна. Больная замолкла, перекрестилась и съ глубокимъ вниманіемъ, но все еще съ закрытыми глазами, слушала молитву. Послѣ молитвы опять она стала благодарить меня и говорить о своемъ утѣшеніи... Но вотъ и слова ея стали прерываться: вмѣсто «утѣшалась» или «утѣшеніе», въ послѣдній разъ изъ устъ ея было слышно лишь «утѣшеніе утѣшен...» Тебѣ трудно? спросилъ я при этомъ.—«Трудно,» сказала она довольно внятно, и потомъ заговорила было еще: «труд... пусть»... и замолкла. Но и послѣднее слово—«пусть»—можно было видѣть лишь въ устахъ: договорить его вслухъ она уже не могла, такъ какъ дыханіе ея сдѣлалось еще труднѣе и съ задержкою. Послѣ словъ «труд... пусть»—больная вдругъ повернула лице кверху (глазъ все еще по открывала) перекрестила себя истово и не спѣшно твердою рукою, какъ замѣтно было, съ глубокою вѣрою и благоговѣніемъ, не громко простонала 3 раза, затѣмъ опять повернула голову на лѣвую сторону, подложивъ подъ нее обѣ руки и вдругъ, широко раскрывъ глаза и ротъ, установилась на образъ Богоматери—на божницѣ, гдѣ горѣла лампадка. Глядѣла такъ, не мигая, минутъ пять или болѣе. Я стоялъ и, благословляя умирающую, съ какимъ то трепетомъ слѣдилъ за ея кончиною.

Дыханіе ея стало вотъ уже останавливаться и задерживаться все чаще и далѣе: потомъ вдругъ крѣпко она сжала глаза и губы и какъ бы что принимала или глотала сильно горькое, непріятное,—съ симъ послышалось что-то въ родѣ легкой отрыжки... еще легкій и короткій вздохъ... и конецъ!

Благословивъ еще новопреставленную и пригласивъ всѣхъ къ новой молитвѣ, я совершилъ литію объ упокоеніи рабы Божіей Іустиніи, и затѣмъ невольно высказалъ: «Какъ любила ты службу церковную, І. И., какъ утѣшалась ею,—такъ съ этимъ утѣшеніемъ Господь сподобилъ тебя и перейти въ вѣчность, на небо къ Отцу Небесному, при священникѣ Церкви Христовой, съ ѳиміамомъ кадила и молитвою о блаженномъ упокоеніи тебя тамъ, гдѣ вѣчно ненарушимое и неизреченное утѣшеніе.»

Было $3^1/_2$ часа пополудни, когда я пришелъ отъ умершей въ домъ свой. Такъ тихо и мирно скончалась р. Б. Іустинія И., за два часа—не болѣе—положительно не представлявшая смертной опасности и въ минуты смерти какъ будто не страдавшая и не умиравшая, а лишь какъ обычно переходившая изъ бреннаго тѣла въ міръ невидимый, вѣщая живущимъ на землѣ о своемъ утѣшеніи.

Домашніе почившей разсказывали, между прочимъ, что 4-го числа, наканунѣ смерти, больной представилось: будто бы пришла къ ея постели какая-то женщина, показывала картину страшнаго суда. И потомъ, свернувъ ее ушла. Въ тотъ же день больная высказала желаніе «сотворить бы милостыню изъ теплыхъ рукъ» и—горькое сожалѣніе, что «въ рукахъ-то у нея нѣтъ ничего». 4-го числа Евангеліе на литургіи читалось о страшномъ судѣ,—и недивно ли, что больная такъ любившая службы церковныя, душею своею созерцала то, о чемъ вѣщала въ этотъ день св. Церковь, въ которой быть ей за болѣзнію не пришлось.—Не назиданіе-ли пресыщеннымъ благами земли, до забвенія смертнаго часа и суда Божія, въ мирной кончинѣ боголюбивой крестьянки бѣдной, въ минуты смерти утѣшавшейся лишь одною службою церковною, и не чувствовавшей никакого страха и скорби о разлукѣ съ міромъ? Такова ли смерть грѣшника, не любящаго Церкви и священства и отвергающаго нужду и великую важность ихъ въ дѣлѣ вѣчнаго спасенія и блаженства?

Священникъ *Н. Румянцевъ.*

Изъ дневника православнаго христіанина.

Новое чудо отъ иконы Божіей Матери „всѣхъ скорбящихъ радости“.

Еще не улеглись толки о недавнемъ необыкновенномъ чудѣ—исцѣленіи отрока Николая Грачева предъ иконою Богоматери „всѣхъ скорбящихъ радости“, что у Стекляннаго завода по Шлиссельбургскому тракту, какъ новое знаменіе милости Божіей проявилось на болящихъ, прибѣгающихъ съ молитвою къ чудотворному образу.

Новое чудо—исцѣленіе имѣло мѣсто 17-го февраля сего 1891 года.

Вотъ обстоятельства дѣла, сообщаемыя „Петербургскому Листку“, священникомъ Мих. Поповымъ. Мѣщанка города Красные Холмы, Тверской губерніи, Вѣра Ивановна Бѣлоногина, 26 лѣтъ, около 6 лѣтъ страдала грудными болями, опухолью и пораненіями горла, а года два тому назадъ она, не смотря на всѣ усилія пользовавшихъ мѣстныхъ врачей гг. Попова, Мясникова и Крединева, совершенно лишилась голоса и объяснялась шопотомъ и знаками. Мѣстные доктора рѣшили, что Вѣра Бѣлоногина страдаетъ неизлѣчимою болѣзнію легкихъ и впродолженіи пяти съ половиною лѣтъ лѣчили ее безуспѣшно; наконецъ, горломъ пошла у нея обильно кровь и, казалось, больная доживала послѣдніе дни. Мужъ Бѣлоногиной Иванъ Никифоровъ Бѣлоногинъ служитъ писаремъ на фабрикѣ Торнтона, что на правомъ берегу Невы противъ фарфороваго завода. Полгода тому назадъ, къ нему и прибыла больная жена. Здѣсь, по совѣту земскаго врача г. Короваева, больная отправилась въ клинику. Осмотрѣвши больную, профессоръ Симоновскій и доцентъ Никитинъ, какъ и красно-холмскіе врачи, признали, что у В. И. Бѣлоногиной чахотка. Началось лѣченіе, но безуспѣшно. Въ концѣ концовъ, они заявили мужу ея, что хотя жизнь больной и можно поддержать, но во всякомъ случаѣ, она лишилась голоса навсегда. Таковъ былъ приговоръ врачей.

Наслышавшись о чудотворной иконѣ Божіей Матери „всѣхъ скорбящихъ радости, больная рѣшилась прибѣгнуть къ ея святой помощи, и съ этой цѣлью отправилась помолиться въ часовню и отслужила молебенъ; но на первый разъ исцѣленія больной не послѣдовало. Вѣроятно потому, говорила потомъ Вѣра Ивановна, что я не особенно-таки вѣрила въ возможность исцѣленія. Но вотъ 10-го или 11-го февраля, разсказывала она священнику отцу Михаилу Попову, какъ-бы въ дремотѣ, явился ко мнѣ утромъ сѣденькій старичекъ въ черной рясѣ, подпоясанный кожанымъ поясомъ, но безъ клобука, самъ сгорбенный, но такой хорошій, что все-бы на него глядѣла; похожъ онъ былъ на Святителя Николая Чудотворца, какъ его рисуютъ на иконахъ. Этотъ старикъ приказалъ

мнѣ сходить и помолиться предъ иконой Божіей Матери „всѣхъ скорбящихъ радости".—У тебя будетъ голосъ! сказалъ старичекъ.

Видѣніе кончилось. Но на слѣдующій день оно снова повторилось. Это побудило больную снова обратиться къ заступничеству Божіей Матери, и 17-го февраля 1891 года она съ мужемъ и кумомъ своимъ, служащимъ на фабрикѣ Торнтона, крестьяниномъ Дмитріемъ Чистяковымъ, отправилась въ часовню и попросила священника отслужить молебенъ передъ чудотворнымъ образомъ. Въ то время, когда больную кропили святою водой и пѣли канонъ: „Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды развѣ Тебе, Владычице", она почувствовала сразу измѣненіе въ своемъ здоровьи, у нея появился голосъ, но она сначала не смѣла говорить, и только по возвращеніи къ себѣ на квартиру, съ радостію обратилась кь своему мужу.

— „Ваня, я совершенно здорова!" громко и совершенно явственно произнесла исцѣленная.

Нечего и говорить, какое потрясающее впечатлѣніе произвело это событіе на семейство счастливыхъ Бѣлоногихъ, но особенно была трогательна сцена объясненія исцѣленной матери съ маленькимъ ея сыномъ, который въ первый разъ услышалъ голосъ матери.

Супруги Бѣлоногины, въ настоящее время счастливые и благодарные святому заступничеству за нихъ Божіей Матери, живутъ на фабрикѣ Торнтона, въ заднемъ каменномъ большомъ корпусѣ, во 2-мъ этажѣ, кв. № 38. (Изъ Русск. Паломн. № 13, 1881 г.).

Чудо отъ мощей св. Митрофана Воронежскаго.

(Изъ Русскаго Паломника 1890 г. № 31).

Недавно въ Воронежъ, на постоялый дворъ, близъ церкви Вознесенія, одинъ пріѣзжій привезъ своего сына, мальчика четырнадцати лѣтъ, совершенно разслабленнаго и не владѣющаго руками и ногами. На другой день по пріѣздѣ въ Воронежъ, мальчикъ принесенъ былъ на рукахъ въ Митрофановскій монастырь, гдѣ его приложили къ мощамъ св. Митрофана, послѣ чего мальчикъ сталъ владѣть ногами и руками. Случай этотъ записанъ въ книгу при Митрофановскомъ монастырѣ. Подобное чудо совершилось въ монастырѣ въ прошломъ году надъ одною молодою дѣвушкою, страдавшею тяжкою хроническою болѣзнью.

Судъ Божій.

(«Воскресенье» № 47 1890 г.).

Въ селѣ Самчихахъ (Волынской губерніи) живетъ много старообрядцевъ, которые иногда переходятъ въ православную вѣру, или же случается наоборотъ: православные совраща-

ются въ старообрядчество. Такой недавно былъ случай съ крестьяниномъ — старообрядцемъ, Савеліемъ Губинскимъ. Онъ пожелалъ отказаться отъ старообрядчества и принялъ православіе. Затѣмъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ заболѣлъ отъ простуды. Старообрядцы, его бывшіе пріятели, воспользовались этимъ обстоятельствомъ и стали уговаривать его снова сдѣлаться старообрядцемъ, отчего онъ сейчасъ же выздоровѣетъ. Послѣ всевозможныхъ переговоровъ Губинскій наконецъ не устоялъ и согласился снова перекреститься въ старообрядчество. Больнаго понесли къ копани. положили на нарушники (полотенцы) и стали спускать въ воду. Какъ только его спустили къ водѣ, рушники развязались, Губинскій упалъ въ воду и захлебнулся; пока его вытаскивали, онъ былъ уже мертвъ.

Не видно ли въ этотъ перста Божьяго!

Петръ Н. Фольварскій.

Божіе наказаніе за хулу православной церкви.

(Изъ журнала «Воскресеніе» 1890 г. № 38).

Въ приходѣ села Рождественскаго, Гжатскаго уѣзда, Смоленской губерніи, былъ такого рода случай въ 1889 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Въ деревнѣ Хмѣлькахъ жилъ крестьянинъ Никита Петровъ, 45 лѣтъ, раскольникъ. И въ расколъ-то перешелъ онъ недавно, а поноситель св. Церкви, лицъ духовнаго званія и всего церковнаго былъ самый завзятый. Не однажды бесѣдовалъ приходскій священникъ съ Петровымъ о мнимой старой вѣрѣ, но бесѣды эти не имѣли на Петрова воздѣйствія по причинѣ крайняго упорства и нежеланія сознать заблужденіе. Тѣмъ не менѣе, даже и при встрѣчахъ, неизбѣжныхъ съ прихожаниномъ, священникъ постоянно просилъ Петрова быть осторожнымъ въ словахъ и особенно касательно св. Церкви, подъ страхомъ суда Божія.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, приходскій священникъ былъ позванъ въ деревню Чернятино для напутствованія св. Тайнами больнаго. Случилось, что и Никита Петровъ въ это время былъ въ Чернятинѣ у родственника своего Павла Никитина. Увидя священника проходящимъ мимо оконъ, Петровъ обругалъ его и по своему обычаю сталъ порицать св. Церковь и духовенство. Самъ Петровъ въ это время обѣдалъ, и лишь только извергли его нечистыя уста хулу, какъ пища, взятая имъ въ ротъ, остановилась въ горлѣ и Петровъ моментально умеръ. Такъ наказалъ Господь богохульника въ урокъ всѣмъ собратіямъ его по вѣрѣ.

Изъ миссіонерскаго быта.

Въ «Правосл. Благов. (1898 г.) миссіонеръ протоіерей Соколовъ, въ своихъ запискахъ сообщая о плодахъ своей миссіонерской дѣятельности, говоритъ: «изъ новообращенныхъ замѣчательно крещеніе: а) Ининскаго богатаго и вліятельнаго калмыка Мендеша. Давно онъ уже знакомъ со мною и много разъ слышалъ отъ меня слово Божіе; и хотя имѣлъ мысль о крещеніи, но привести ее въ исполненіе не рѣшался; какая-то невидимая сила, по его собственнымъ словамъ, удерживала его отъ крещенія. Но вотъ онъ серьезно задумалъ о крещеніи, и тутъ—новое страшное искушеніе. Въ одну ночь,—такъ передавалъ намъ самъ Мендешъ,—является ему во снѣ бѣсъ Яйыкъ (бѣсъ потопа) съ такою угрозою: «вотъ ты, Мендешъ, до старости (ему 56 лѣтъ) прожилъ благополучно, ни разу даже боленъ серьезно не былъ, скота у тебя множество, въ семьѣ твоей все хорошо идетъ. И все это отъ меня, въ награду тебѣ за вѣрность мнѣ, и вдругъ ты вздумалъ бросать меня! Да развѣ это можно? всѣ бѣды тогда съ страшною силой обрушатся на твою сѣдую голову. Смотри же, пожалѣй себя и семью свою; всѣмъ, вѣдь, тогда вамъ достанется отъ меня». Къ счастію Мендешъ откровенно сообщилъ мнѣ это бѣсовское искушеніе; получилъ должное пастырское вразумленіе и наставленіе и, убѣдившись въ козняхъ діавола для его погибели, немедленно рѣшилъ креститься вмѣстѣ съ дѣтьми. Вторая жена его (первая умерла) отложила до будущаго года; б) крещеніе Каинчинскаго 14-ти лѣтняго мальчика Санаака, нареченнаго Григоріемъ. Отецъ и мать его умерли язычниками, старшій братъ крещенъ въ прошломъ году, другіе два брата вмѣстѣ съ нимъ и мачихою оставались въ язычествѣ, не смотря на всѣ убѣжденія наши и крещеннаго брата. Самъ Санаакъ въ послѣднее время страдалъ падучею болѣзнію. И вотъ внутренній голосъ говоритъ ему: «прими съ вѣрою св. крещеніе и будешь здоровъ». Повинуясь этому голосу, Санаакъ, пользуясь нашимъ присутствіемъ въ Каинчѣ, раннимъ утромъ, до свѣту, когда вся семья его спала, пѣшкомъ за 4 версты идетъ къ молитвенному дому, гдѣ мы имѣли пребываніе; но лишь только доходитъ до порога дома, подъ вліяніемъ непонятнаго для него страха, измѣняетъ свое намѣреніе и бѣжитъ назадъ. Тамъ въ откровенной бесѣдѣ съ старшимъ братомъ все это разсказываетъ ему безъ утайки, а этотъ сообщаетъ намъ. Испросивши себѣ помощь свыше, отправились мы въ аилъ мачихи Санаака, и здѣсь, послѣ часовой бесѣды, Господу содѣйствующему, склонили мальчика ко крещенію, которое и совершено было надъ нимъ предъ самою литургіею. Благодать св. крещенія и соединеніе съ Господомъ въ таинствѣ св. Причащенія не замедлили проявить надъ болящимъ отрокомъ свою цѣльбоносную силу. Съ тѣхъ поръ мальчикъ почувствовалъ себя совершенно здоровымъ и не подвергался уже болѣе прежнимъ припадкамъ, хотя бы въ слабой степени. Язычница—мачиха узрѣла въ семъ исцѣленіи пасынка силу Божію и дала намъ обѣщаніе креститься въ слѣдующемъ году съ остальною семьею.

Но въ то время, какъ мы, при содѣйствіи благодати Божіей, похищали у врага его жертвы, онъ съ большею, можно сказать, яростію нападалъ на остальныхъ своихъ плѣнниковъ, стараясь удержать ихъ въ своей власти. Вотъ и примѣръ тому. Зайсанскій толмачъ Балдыръ изъявилъ зайсанскому письмоводителю г. Кантаражіу намѣреніе креститься. Не понравилось это человѣкоубійцѣ искони и вотъ какія козни строитъ онъ, чтобъ помѣшать дѣлу обращенія язычника. Передаемъ разсказъ самого Болдыра. «Вскорѣ послѣ того, какъ задумалъ я о крещеніи, какъ то вечеркомъ, въ прекрасную лунную ночь, ѣду я (верхомъ) на своемъ сѣркѣ по направленію къ Коньгинскому озеру. Уже не далеко было до цѣли моего путешествія, какъ вдругъ вижу предъ собою толпу всадниковъ; всѣ въ калмыцкихъ костюмахъ; впереди на громадномъ ворономъ конѣ—старикъ необыкновенно свирѣпаго вида. Я думалъ было проѣхать мимо этихъ незнакомыхъ мнѣ людей, но не тутъ то было. Раздался грозный приказъ старика къ окружавшимъ его всадникамъ: «держите этого молодца, сейчасъ надъ нимъ буду судъ свой творить». При этихъ словахъ, сказанныхъ никогда неслыханнымъ мною, какимъ-то гробовымъ голосомъ, даже всегда смирная лошадь моя затрепетала и забѣсилась, я же отъ страха не зналъ, что и дѣлать. Но вотъ начинаются новыя распоряженія страшнаго судьи: «тащите розогъ и дерите этого мерзавца до смерти»!— Помилуйте, говорю, за что? «За что дуракъ? да знаешь ли ты съ кѣмъ имѣешь дѣло? милліоны людей мнѣ служатъ, цари мнѣ кланяются; а ты, тварь ничтожная, вздумалъ противиться мнѣ. Такъ я же тебѣ докажу, какова моя сила. Зачѣмъ ты задумалъ оставить вѣру отцовъ своихъ»?—Я... я, съ испугу заговорилъ я, это такъ, по глупости; теперь никогда не измѣню прежней вѣрѣ.—То-то, смотри, а то уничтожу»... При этихъ послѣднихъ словахъ грозный судья и вся страшная свита его вдругъ стала казаться меньше, и, наконецъ, совсѣмъ исчезла. Вотъ онъ, какъ бѣсъ проклятый напугалъ меня»!— Такъ неужели ты изъ боязни бѣса оставишь со всѣмъ свое святое намѣреніе?—«Нѣтъ, оставить то не оставлю, а только все же маленько подожду». Съ этими словами разсказчикъ поспѣшилъ отъ насъ во-свояси.

* * *

Благодатная сила троеперстнаго крестнаго знаменія надъ болящимъ и благословеніе Божіе надъ нерушимо сохраняющимъ постановленія св. Церкви.

Не желаю долѣе молчать о милости Божіей, явленной мнѣ лѣтъ около 30-ти тому назадъ, и рѣшаюсь въ назиданіе благочестиво живущимъ, для прославленія имени Божія и въ доказательство святости

постановленій св. Церкви, предать гласности все то, что сотворилъ со мною Господь Богъ.

Родился я въ Москвѣ, въ купеческой семьѣ, отъ родителей, приверженныхъ къ старообрядчеству. Хотя крещенъ въ православной церкви, но воспитывался въ духѣ старообрядчества и молился раскольническимъ крестомъ двуперстно, былъ отъ рожденія слабымъ, и хилымъ и золотушливымъ ребенкомъ, до 10-ти лѣтняго возраста совсѣмъ не ходилъ. Послѣ 10-ти лѣтъ, хотя и началъ ходить, но въ ногахъ чувствовалъ слабость, былъ косноязыченъ, въ книжномъ ученіи непонятливъ, не могъ терпѣть запаха бѣлаго хлѣба и питался чернымъ хлѣбомъ и картофелемъ. Въ такомъ состояніи прожилъ до 14-ти лѣтъ отроду. Въ этомъ году въ день моего ангела, 17-го апрѣля, премилосердый Богъ явилъ на мнѣ Свою милость; я сдѣлался совершенно здоровымъ,—въ ногахъ моихъ явилась крѣпость, языкъ мой началъ говорить ясно и твердо и у меня явился правильный аппетитъ. Это случилось такъ. Апрѣля 17-го дня, по случаю моихъ именинъ, я былъ съ своею матерью за обѣдней въ одной изъ Московскихъ церквей. Здѣсь, стоя между молящимися, я замѣтилъ, что всѣ стоящіе вблизи меня дѣлали на себѣ крестное знаменіе тремя перстами, а также и дьяконъ, когда обращался къ народу со словами „И во вѣки вѣковъ", держалъ орарь тремя перстами. Какая-то невидимая сила заставила и меня перекреститься тремя перстами. Когда я это сдѣлалъ, т. е. сложилъ въ первый разъ три перста правой руки во имя Св. Троицы и два остальные пригнулъ во исповѣданіе Божества и человѣчества Господа Іисуса, то почувствовалъ въ себѣ огнь палящъ и какой-то клубокъ въ родѣ мяча повернулся во мнѣ, хлынули слезы изъ глазъ, явилась сладостная любовь ко Спасителю, миръ и спокойствіе неземное, братская любовь ко всему окружающему, а что всего удивительнѣе, почувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Тутъ же во мнѣ явилась стойкая рѣшимость креститься всегда тремя перстами, если бы даже и стали за это бранить мои родители. Такъ проплакалъ и прорыдалъ я всю обѣдню. Во время великаго входа замѣтилъ меня плачущимъ служащій священникъ и, когда послѣ обѣдни я вмѣстѣ съ другими подошелъ служить молебенъ своему ангелу, спросилъ меня, о чемъ плакалъ. Я ему отвѣтилъ, что плакалъ отъ радости, что исцѣлился отъ болѣзни, и разсказалъ ему при этомъ, какая произошла во мнѣ перемѣна и какъ окрѣпли мои ноги и что все это произошло отъ того, что я въ первый разъ въ жизни съ вѣрою перекрестился истовымъ перстосложеніемъ. Священникъ, зная моихъ родителей, изумился и приписалъ такую перемѣну во мнѣ дѣйствію благодати Божіей, всегда немощная врачующей и наставляющей на путь истины смиренныхъ и кроткихъ. Онъ благословилъ продолжать начатое мною, но совѣтовалъ съ родителями объ этомъ не спорить и относиться къ нимъ съ сыновнимъ почтеніемъ, переносить всѣ укоренія отъ родителей терпѣливо,—совѣтовалъ вѣровать, что надо мною невидимо простерта всесильная рука Божія, которая всегда наставитъ, утвердитъ и укрѣпитъ меня. Послѣ обѣдни и молебна, я возвратился вмѣстѣ съ матушкой моею домой. Здѣсь родитель мой, сильный ревнитель ста-

рообрядства, узнавъ о случившемся, вмѣсто того, чтобы возблагодарить Бога за исцѣленіе сына отъ болѣзни, разгнѣвался на меня за перемѣну перстосложенія и сказалъ мнѣ: „Если сталъ своевольничать, то ты не сынъ мнѣ“ и выгналъ меня вонъ. Я уже почувствовалъ въ себѣ силу слѣдовать внушенію свыше и, вѣруя въ неисповѣдимыя судьбы Божіи, взглянулъ на образъ Спасителя съ благословляющею десницею, у котораго мысленно испросилъ благословенія, и, сказавъ родителямъ: „прощайте“, вышелъ изъ дома родительскаго, не давая себѣ отчета, куда пойду. Попавъ на дорогу, ведущую въ Троице-Сергіеву лавру, пошелъ по ней. Между тѣмъ родитель сожалѣлъ, что такъ круто поступилъ со мною, и послалъ двоихъ работниковъ догонять меня. Посланные догнали меня, идущаго около деревни Ростокино. и возвратили въ домъ къ родителямъ. Послѣ сего отецъ хотя враждебно относился ко мнѣ, но молиться троеперстнымъ крестомъ не препятствовалъ.

Ноги мои совершенно окрѣпли и я сдѣлался вполнѣ здоровымъ. Но дивны дѣла Божіи и неизреченно милосердіе ко мнѣ грѣшному. По легкомыслію, свойственному въ молодыхъ лѣтахъ, и невнимательности къ себѣ, я сталъ забывать совершившееся надо мной дѣло милости Божіей и крестился уже не такъ благоговѣйно, а иногда небрежно, и вообще не такъ велъ себя, какъ при началѣ вразумленія. И вотъ Господь Богъ не замедлилъ меня вразумить. Меня постигли снова болѣзни, но болѣзни болѣе серьезныя. Цѣлый годъ страдалъ рвотою и поносомъ, а другой годъ страдалъ желчію. За эти два года такъ я ослабъ, что постоянно лежалъ въ постели и съ трудомъ большимъ могъ ходить. Лежа на одрѣ болѣзненомъ, я вспомянулъ о первомъ моемъ выздоровленіи. Вотъ тутъ-то возопилъ я ко Господу отъ всего сердца: Господи Боже! Отнынѣ буду истово полагать на себѣ крестное знаменіе съ вѣрою въ Тебя, въ Св. Троицѣ покланяемаго. Молитва вѣры спасла меня въ другой разъ отъ болѣзни, и я мало-по-малу началъ выздоравливать. Минуло мнѣ 19-ть лѣтъ, и я въ это время совершенно поправился въ силахъ, выросъ и окрѣпъ и болѣзни мои прежнія ко мнѣ уже никогда не возвращались.

Испытавши на себѣ двоекратно слѣды милости Божіей отъ изображенія на себѣ крестнаго знаменія при правильномъ перстосложеніи, я уже болѣе не колебался въ истинѣ троеперстія и съ того времени положилъ себѣ креститься тремя перстами, не обращая вниманія на замѣчанія со стороны родителя. Родитель мой не переставалъ враждебно смотрѣть на меня и лишилъ меня видимо своего благоволенія, давая мнѣ часто такое дѣло, гдѣ я находился подъ властію прикащиковъ, а иногда и совсѣмъ отстранялъ отъ дѣла. Но Богъ меня не оставлялъ вразумленіемъ и помощію. Я часто утѣшалъ себя тѣмъ, что все терплю для славы имени Божія и на пользу своей души. Вѣра и надежда на Бога укрѣпляли меня и я ободрялся и переносилъ всѣ скорби и лишенія отъ родителя съ великодушіемъ.

Братья мои (два) были крѣпкіе здоровьемъ, находились въ любви у родителей. Отецъ къ нимъ всегда былъ благосклоненъ и постепенно передавалъ дѣло свое торговое въ ихъ руки; меня же все болѣе и болѣе удалялъ отъ себя и, наконецъ, чтобы совершенно отстранить

отъ совмѣстной торговли съ братьями, отдѣлилъ отъ себя. Въ одной торговой мѣстности купилъ для меня клокъ земли, построилъ на немъ деревянный домъ съ лавкой для торговли. Въ этомъ-то домѣ меня родители и водворили для постояннаго въ немъ жительства. Я покорился волѣ Божіей и родительской. При этомъ одного только желалъ, чтобы родитель мой благословилъ меня на новомъ жительствѣ иконою Господа Вседержителя съ распростертымъ раскрытымъ евангеліемъ и благословляющею десницею. И вотъ родитель мой по ошибкѣ, вмѣсто предположенной для благословенія иконы приноситъ съ собою именно ту икону, которую я желалъ, и ею благословилъ меня въ новомъ домѣ, хотя желалъ благословить меня другою иконою.

Съ того времени благословеніе Божіе видимо почиваетъ на мнѣ и на моемъ семействѣ. Взирая всегда на св. икону, данную мнѣ родителемъ въ благословеніе, я всегда мысленно испрашиваю благословеніе Божіе на всѣ мои дѣла и предпріятія и вѣрую, что въ св. иконѣ своей Господь Богъ вседержащею Своею рукою наставляетъ и вразумляетъ меня на пути жизни, укрѣпляетъ и утверждаетъ въ добродѣтели. Одинаково дорожу и именословнымъ священническимъ благословеніемъ. Чту крестное знаменіе, осѣняющее меня именословнымъ перстосложеніемъ благословляющей руки священнической. Благоговѣйно всегда принимаю отъ священника это знаменіе благословенія Божія, на меня ниспосылаемаго. Равно дорожу и троеперстнымъ крестнымъ знаменіемъ, на себѣ истово изображаемымъ. Въ этомъ вижу непобѣдимую и непостижимую Божественную силу честнаго и животворящаго креста, которымъ спасъ меня Сынъ Божій Іисусъ Христосъ, благоволеніемъ Бога Отца, при содѣйствіи Св. Духа. Вѣрую, что крестное знаменіе спасало и спасаетъ меня отъ всѣхъ бѣдъ и напастей и даруетъ мирную и безмятежную жизнь. Примѣръ всему этому вижу въ своей жизни и жизни моихъ братьевъ. Я, по милости Божіей и благословенію родительскому, живу въ той же мѣстности доселѣ и при торговлѣ. Но братья мои давно бросили торговлю и живутъ при другихъ условіяхъ, но не такъ уже безбѣдно какъ прежде.

Потому вѣрую и исповѣдую, что въ жизни каждаго человѣка управляетъ рука Всеблагаго, Всемогущаго, Премудраго и Правосуднаго Бога. Велика сила крестнаго знаменія. Велика и вѣра въ истиннаго въ Троицѣ поклоняемаго Бога. Предъ всѣми свидѣтельствую, что меня спасла и исцѣлила отъ болѣзней сила креста, при крѣпкой вѣрѣ изображеннаго на челѣ, персяхъ и раменахъ во имя, въ честь и поклоненіе св. Троицы, при сильной молитвѣ и надеждѣ на Спасителя моего, даровавшаго мнѣ крестными страданіями Своими путь ко спасенію, содѣлавшаго меня возлюбленнымъ чадомъ Божіимъ и причастникомъ благодати Св. Духа. Это крестное знаменіе укрѣпляло меня и въ перенесеніи скорбей, искушеній и всѣхъ невзгодъ жизненныхъ. Знаменіе же благословенія родительскаго—св. икона Господа Вседержителя съ благословляющею рукою, побуждало меня дорожить священническимъ благословеніемъ, какъ благословеніемъ Самого Бога.

Кресту Твоему поклоняюсь, Владыко и святое всемогущество Твое

славлю. Избави отъ бѣдъ раба Твоего, Милостиве, яко азъ усердно къ Тебѣ прибѣгаю, къ милостивому избавителю всѣхъ, въ Троицѣ славимому Богу. (Воскр. День. 1897 г.).

К. С. К.

„Мнѣ отмщеніе, Я воздамъ,“—говоритъ Господь (Рим. 12, 19).

„Зачѣмъ лишать человѣка свободы слова и убѣжденія,“—говорятъ наши свободолюбивые интеллигенты, когда слышатъ, что власти принимаютъ мѣры для прекращенія сектантской пропаганды, а пастыри Церкви стараются предохранить свои приходы отъ слышанія этого „слова и убѣжденія?“ Говорятъ такъ наши интеллигенты, не зная, что душа необразованнаго не меньше ихъ душъ воспріимчива ко „всякому вѣтру ученія,“ болѣе ихъ душъ подвергается опасности дойти до мыслей и поступковъ, влекущихъ за собой разстройство всей ихъ жизни, разстройство религіозныхъ, семейныхъ и общественныхъ отношеній и подпасть страшному суду Божію. Къ тысячамъ извѣстныхъ уже случаевъ „погибельнаго конца“ сектантской пропаганды считаемъ нужнымъ присоединить для свѣдѣнія нашего православнаго народа еще два подобныхъ случая съ сектантами въ кіевской епархіи.

Первый случай имѣлъ мѣсто въ мѣст. Стеблевѣ, Каневскаго уѣзда, въ декабрѣ мѣсяцѣ минувшаго года. Очагомъ, откуда во всѣ стороны летятъ искры штундоваго пожара, служитъ для Каневскаго уѣзда мѣст. Богуславъ. Отсюда штунда перешла и окрѣпла въ с. Сидоровкѣ, а изъ Сидоровки проповѣдники штундизма попытались занести его въ мѣст. Стеблевъ. Жертвою штундовой пропаганды въ Стеблевѣ сдѣлался молодой 26-ти лѣтній крестьянинъ Гавріилъ Николенко. Познакомился онъ съ сидоровскими штундистами у себя на вѣтряной мельницѣ за работой, куда заѣхали проповѣдники какъ бы за дѣломъ—помолоть жито. За работой они и начали свою проповѣдь. Съ шумомъ и скрипомъ вертятся, захватывая вѣтеръ, крылья мельницы, гудитъ жерновой камень, тихою струей течетъ изъ подъ него Божій хлѣбъ, а штундисты растворяютъ душу молодаго крестьянина „теплыми и человѣколюбивыми“ словами. Сперва говорятъ они лишь о Богѣ, о томъ, какъ Богъ милосердъ, какъ люди должны искать Бога, а тамъ—„отъ дай, голубе, мы почитаемъ тебѣ отъ слова Божія!“ и идутъ проповѣдники новыхъ словъ къ своимъ торбамъ на возу, вынимаютъ оттуда Библію и начинаютъ вычитывать свои штундовыя мѣста. Шумитъ вѣтеръ, стономъ стонетъ вѣтрякъ, подъ камнемъ давно уже нѣтъ ни зернышка, но не до работы молодому Николенко. Онъ то блѣднѣетъ, то краснѣетъ, слушаетъ Божіе слово, которое читаетъ ему сидоровскій штундистъ. Началъ штундистъ чтеніе съ заповѣди: „Не дѣлай себѣ кумира и никакого изображенія того, что на небѣ вверху, и что на землѣ внизу, и что въ водѣ ниже земли. Не поклоняйся имъ и не служи имъ;“ затѣмъ читаетъ другія заповѣди...

Все знакомыя Николенку слова. А дальше онъ перелистываетъ Библію и выхватываетъ любимыя штундистами отдѣльныя слова; слушаетъ Николенко: „Твердо держите въ душахъ вашихъ, что вы не видѣли никакого образа въ тотъ день, когда говорилъ вамъ Господь на горѣ Хоривѣ изъ среды огня, дабы вы не развратились и не сдѣлали себѣ изваяній, изображеній какого-либо кумира, представляющихъ мужчину или женщину... Проклятъ, кто сдѣлаетъ изваянный или литый кумиръ—мерзость предъ Господомъ произведеніе рукъ художника,—и поставитъ его въ тайномъ мѣстѣ... Ихъ идолы, серебро и золото,—дѣло рукъ человѣческихъ. Есть у нихъ уста, но не говорятъ; есть у нихъ глаза, но не видятъ,—уши, но не слышатъ; есть у нихъ ноздри, но не обоняютъ,—руки, но не осязаютъ, есть у нихъ ноги, но не ходятъ, и они не издаютъ голоса гортанью своею... Кому уподобите вы Бога? Какое подобіе найдете ему? Идола выливаетъ художникъ или золотильщикъ, покрываетъ его золотомъ и придѣлываетъ серебряныя цѣпочки. А кто бѣденъ для такого приношенія,—выбираетъ негніющее дерево, пріискиваетъ себѣ искуснаго художника, чтобы сдѣлать идола, который стоялъ-бы твердо... Дѣлающіе идола всѣ ничтожны и вожделѣннѣйшіе ихъ не приносятъ никакой пользы, и они сами себѣ свидѣтели въ томъ.... "Долго еще читаетъ штундистъ „проклятыя слова" Завѣта, но Николенко ихъ уже плохо слышитъ. Какъ острый буравъ его мозгъ сверлитъ мысль: „Боже, это жъ объ иконахъ пишется." И забылъ Николенко школьные уроки, забылъ объясненія батюшкины, забылъ, что иконы служатъ для напоминанія намъ о Богѣ и святыхъ Его, забылъ проповѣди, забылъ и свое отношеніе къ иконамъ, какъ къ образу Божію, но не какъ къ Богу. Уже давно пролетѣлъ короткій зимній день; смерклось, штундисты не могутъ больше читать, а огня не припасено.

—Ну, прощай же, любезный братъ,—говорятъ они Николенку,—заходи къ намъ въ Сидоровку: насъ люди зовутъ штундистами, но то—по ярости и злобѣ языческой. Ты не слушай ихъ...

Щедрою рукой они отсыпаютъ Николенку жита за помолъ и уѣзжаютъ, а Николенко, въ сердцѣ котораго мрачно, какъ въ аду, возвращается домой.

Суббота, и въ чистой хатѣ Николенка свѣтится въ углу, предъ иконами, лампадка. Онъ входитъ въ хату, крестится не глядя на иконы... Лицо его блѣдно, онъ со вздохомъ опускается на лавку.

— Что съ тобой, Гаврило,—спрашиваетъ жена,—можетъ-быть, нездоровъ?

— Ничего, отойди,—отмахивается отъ любимой жены Николенко.

Плохо вечеряется ему на сей разъ послѣ трудоваго дня, плохо и спится; а на утро, чуть забрезжилъ свѣтъ, онъ, ничего не говоря женѣ, спѣшитъ въ Сидоровку. Съ радостію встрѣтили его, какъ желаннаго гостя, сидоровскіе штундисты. Тамъ онъ нашелъ цѣлое собраніе. Читали и говорили о нерукотворенныхъ храмахъ, о духѣ и истинѣ, о царяхъ и священникахъ, о книжникахъ и фарисеяхъ. а главное о пастыряхъ, которые сами себя пасутъ, и объ идолахъ. О! сколько было въ этихъ рѣчахъ и чтеніяхъ чарующей для моло-

даго Николенка прелести, какая слышалась ему любовь къ братьямъ, какое негодованіе на грѣхъ и темноту язычниковъ! Кэкъ очарованный, только къ вечеру вернулся домой Николенко и началъ проповѣдь съ тревогой слушавшей его женѣ о новой истинной вѣрѣ, которую онъ нашелъ у сидоровскихъ штундистовъ.

— Довольно, жинко, ходить къ попамъ, пойдемъ въ штунду, тамъ настоящая вѣра,—заключилъ онъ.

Жена только руками всплеснула и слезами залилась.

Ночь. Лежитъ Николенко на печи и не можетъ уснуть. Въ комнатѣ полумракъ: луна и выпавшій за день снѣгъ освѣщаютъ предметы въ хатѣ. Вотъ лучъ луны пробивается въ окно, скользитъ по стѣнѣ и освѣщаетъ божницу. Глядитъ туда Николенко, и вдругъ пораженный, поднимается на печи. На него какъ бы живое глядитъ лицо Господа Іисуса Христа. То была старинная, дѣдовская икона.

— Ой! не могу жъ я, не могу жъ,—шепчетъ Николенко. Онъ готовъ уже перекреститься, готовъ пасть ницъ предъ святой иконой, но тутъ ему припоминаются штундитскія рѣчи и наставленія. штундитскія чтенія изъ слова Божія. Снова глядитъ на божницу Николенко. Лучъ солнца спустился ниже, скользитъ по стѣнѣ, на полу. Потемнѣвшій ликъ Спасителя въ полумракѣ кажется темною доской. Возлѣ нея чернѣютъ доски и блеститъ фольга другихъ образовъ. „А, такъ вотъ оно что,—радостно усмѣхается и шепчетъ Николенко,—очи имѣютъ и не видятъ, уши—и не слышатъ. Ихъ плотникъ сдѣлалъ, кузнецъ выковалъ, маляръ нарисовалъ,—припоминаетъ онъ слова изъ пророка Исаіи, которыя недавно ему читали.—А я, глупый, испугался....“ И вдругъ Николенко, какъ бы въ изступленіи, спрыгиваетъ съ печи и бросается къ женѣ, лежавшей внизу на лавкѣ. Она тоже не спитъ и со страхомъ, шепча молитвы, прислушивается къ безумному бреду мужа на печи.

— Жинко,—тормошитъ ее Николенко,—вставай, выноси своихъ идоловъ изъ хаты... Геты!..

Жена съ воплемъ бросается ему въ ноги, проситъ, молитъ образумиться, подумать хоть до утра; она позоветъ священника, пусть мужъ поговоритъ съ нимъ.

Николенко грозно нахмуриваетъ брови и дико кричитъ:

— А, такъ ты до попа?!—и могучіе кулаки его, какъ молоты, опускаются на голову бѣдной женщины, и она падаетъ на полъ. Николенко толкаетъ ее ногой и продолжаетъ кричать:—Вставай, выноси идоловъ!...

Жена поднимается и съ судорожными рыданіями снимаетъ со стѣны крайнюю икону.

— Нѣтъ, прежде эту, этого Ваала,—указываетъ Николенко на икону Спасителя.—Теперь эту Астарту,—кричитъ онъ, указывая на икону Богоматери.

Жена снимаетъ ихъ и кладетъ на столъ.

— Нѣтъ, въ сѣни, на дворъ, въ хлѣвъ,—кричитъ Николенко.

— Ой! Боже мой, Боже мой,—шепчетъ жена,—прости меня грѣшную, помилуй меня!..

Она тихо выходитъ изъ хаты, кладетъ въ сѣняхъ на кадушки съ водой иконы, а сама, опрометью бросается къ сосѣду—брату мужа за помощію и совѣтомъ.

Черезъ четверть часа жена съ братомъ и нѣсколькими сосѣдями вернулись къ себѣ въ хату. Они застали Николенко въ припадкѣ полнаго безумія. Онъ съ хохотомъ и ругательствами топталъ на землѣ остальныя сорванныя имъ со стѣны иконы. Увидя вошедшихъ, онъ вскричалъ:

— А, язычники, вотъ ваши боги!

Къ нему бросились, схватили за руки, но онъ съ нечеловѣческою силой вырвался отъ нихъ, и ухватилъ попавшійся подъ руку топоръ и съ крикомъ:

— Вотъ я такъ порублю и ваше капище!—бросился изъ хаты и помчался по улицѣ, по направленію къ церкви. Только съ помощію накинутой веревки удалось догонявшимъ его брату и сосѣдямъ остановить и усмирить Николенко.

Когда настало утро, дали знать властямъ, священнику и послали за докторомъ. Жена съ братомъ, которому она разсказала все происходившее наканунѣ, послали въ Сидоровку къ штундистамъ—проповѣдникамъ: не придутъ ли они и не успокоятъ ли Николенко. Извѣщенные штундисты съ радостію откликнулись на зовъ, взяли Библію и отправились ободрять ревность Ильину, проявленную Николенкомъ. Но когда они пришли, то могли лишь явиться свидѣтелями внезапнаго буйнаго умопомѣшательства Николенко, которое призналъ пріѣхавшій врачъ.

На другой день Николенко, не переставашій богохульствовать и ни на минуту не приходившій въ память, скончался. Случай этотъ произвелъ на всѣхъ жителей Стеблева и сосѣднихъ мѣстъ громадное впечатлѣніе. Не знаемъ, порадовались ли штундисты дѣлу ихъ безстыдной, направленной на искаженіе истинныхъ понятій церковныхъ, проповѣди? Порадуются ли и наши либеральные интеллигенты свободѣ, съ которою кіевскіе штундисты ходятъ теперь по базарамъ и площадямъ, по домамъ и такимъ удобнымъ для пропаганды мѣстамъ, какъ мельницы, заѣзжіе дворы и уединенные хутора, и тамъ безбоязненно проповѣдуютъ свои „слова и убѣжденія“ и тѣмъ губятъ простыя, безхитростныя души? Или имъ свобода проповѣдыванія противо-церковныхъ идей дороже души человѣческой?!

Другой случай, также кончившійся умопомѣшательствомъ и смертью, но уже самого пропагандиста—штундиста, имѣлъ мѣсто въ с. Помойникѣ, Уманскаго уѣзда, осенью минувшаго года. Пропагандистомъ здѣсь оказался крестьянинъ солдатъ изъ другаго села, поселившійся въ Помойникѣ. Началъ онъ свою проповѣдь весьма безбоязненно, открыто, переходя изъ дома въ домъ, проповѣдуя на сходахъ, и чуть ли не на церковной паперти, и въ какихъ-нибудь двѣ, три недѣли сильно смутилъ прекрасный, отличающійся высокимъ благочестіемъ и глубокою преданностію св. Церкви, приходъ. Батюшка звалъ его къ себѣ на бесѣду, но штундистъ не явился. Тогда батюшка сталъ говорить противосектантскія проповѣди, устроилъ внѣбо-

гослужебныя чтенія. Народъ слушалъ проповѣди, бывалъ на чтеніяхъ, но слушалъ и сектанта; ужъ очень онъ краснорѣчиво и съ Евангеліемъ въ рукахъ говорилъ о новой, разумной вѣрѣ по Евангелію, въ которой не нужно ни храмовъ, ни постовъ, которая не устрашаетъ адомъ, которая не заставляетъ платить попамъ, повиноваться властямъ, давать подати. Батюшка угрожалъ сообщить о пропагандѣ начальству, но штундистъ не унимался... Однажды къ батюшкѣ приходитъ одинъ крестьянинъ, проситъ отслужить молебенъ съ водосвятіемъ. Батюшка отправился. Въ домѣ крестьянина оказался пришедшій неизвѣстно для чего штундистъ. Онъ не вышелъ изъ комнаты при началѣ молебна, но молча, лишь съ насмѣшливой улыбкой, глядѣлъ и слушалъ совершавшійся молебенъ. По окончаніи молебна, батюшка сталъ кропить присутствовавшихъ св. водой. Штундистъ продолжалъ улыбаться. Батюшка, какъ бы по наитію, поднялъ кропило, взмахнулъ, изображая св. крестъ, надъ головой штундиста и окропилъ его. Штундистъ съ сердитымъ ворчаніемъ отвернулся. На другой день батюшкѣ сообщили, что штундистъ безумствуетъ, ругается, бросается на присутствующихъ. Батюшка служилъ молебенъ о здравіи, но Господь не помиловалъ развратителя душъ своихъ ближнихъ. На десятый день штундистъ въ страшныхъ мукахъ скончался, а смущенный его проповѣдью приходъ со страхомъ припоминаетъ теперь эту погибель—конецъ его сектантской пропаганды (Кіев. Еп. В.).

С. Потѣхинъ.

На пути къ монашеству.

(Отрывки изъ посмертныхъ записокъ инока).

Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ; Богъ—нашъ Творецъ и Отецъ, и никакой отецъ земной такъ не печется о дѣтяхъ своихъ, какъ печется о насъ Отецъ нашъ Небесный. Безъ Его воли святой никакая бѣда насъ не постигнетъ, безъ Его попущенія и *власъ главы* нашея *не погибнетъ* (Лук. 21, 18), какъ увѣряетъ насъ въ томъ Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ святомъ Своемъ Евангеліи. И еслибы мы повнимательнѣе всматривались въ разныя обстоятельства нашей жизни, то каждый изъ насъ ясно видѣлъ бы въ нихъ руку Божію, направляющую все ко благу нашему. Но никогда не бываетъ столь поразительно видна сія десница Божія, управляющая обстоятельствами жизни человѣка, какъ въ то время, когда самъ человѣкъ всецѣло и беззавѣтно отдаетъ себя и судьбу свою на волю Божію, всѣмъ сердцемъ вѣруетъ, что нѣтъ ничего лучше воли Божіей, ее только и ищетъ, и идетъ, такъ сказать, навстрѣчу спасающей благодати Божіей. Это

особенно знаютъ люди, оставившіе міръ ради жизни монашеской. Рѣдкій изъ нихъ не испыталъ на себѣ, не ощущалъ на самыхъ фактахъ жизни, при рѣшеніи оставить міръ, особеннаго водительства Промысла Божія, и если бы можно было собрать разсказы иноковъ о путяхъ Божіихъ, коими Богъ привелъ ихъ въ монастырь, то составилась бы поучительная исторія многообразнаго попеченія о насъ Благости Божіей, спасающей грѣшное человѣчество. Но, по понятнымъ причинамъ, каждый благодарно слагаетъ всѣ глаголы сіи въ сердцѣ своемъ, и развѣ изрѣдка повѣдаетъ ихъ близкимъ людямъ въ назиданіе или утѣшеніе, или же запишетъ ихъ въ своей келейной лѣтописи во славу Божію и въ поученіе тѣмъ, кому сія лѣтопись достанется послѣ ихъ смерти.

Предлагаемъ вниманію благочестивыхъ читателей нашихъ отрывки изъ одной такой лѣтописи или келейныхъ записокъ, найденныхъ по кончинѣ бывшаго строителя пустыни Св. Параклита іеромонаха о. Дороѳея, скончавшагося послѣ многолѣтней, тяжкой болѣзни въ Троицкой Сергіевой лаврѣ 26 февраля 1886 года. Утѣшительно отмѣтить въ его разсказѣ, что и въ наше грѣшное время еще кое-гдѣ отъ времени до времени являются сокровенные рабы Божіи, коихъ міръ не знаетъ, или же и зная—презираетъ, какъ нѣкое отребіе міра, хотя, быть можетъ, они то и суть—*сѣмя свято, стояніе* и крѣпкая опора самого, презирающаго ихъ міра. Кого мы здѣсь разумѣемъ—читатель узнаетъ ниже.

О. Дороѳей окончилъ курсъ въ Костромской духовной семинаріи въ 1848 году. „И въ училищѣ, и въ семинаріи,“ говоритъ онъ въ своихъ запискахъ: „я былъ отчаянный шалунъ, а въ семинаріи уже курилъ табакъ, пилъ вино и дрался съ товарищами, за что и получилъ отъ нихъ очень нелестное прозвище. Въ 1848 г. въ Костромѣ была холера; поэтому насъ, семинаристовъ, распустили по домамъ въ іюнѣ, а окончательный экзаменъ мы сдавали уже въ октябрѣ. Въ Костромѣ я прожилъ до праздниковъ Рождества Христова и все это время пилъ вино, и пропилъ съ себя всю теплую одежу.“ Далѣе о. Дороѳей вспоминаетъ свою поѣздку въ Ветлужскій уѣздъ, къ своему воспитателю, священнику села Троицкаго Адуевскаго, и удивляется, какъ Господь сохранилъ его безъ теплой одежды, даже безъ шапки, въ страшные зимніе морозы.

Тутъ онъ жилъ до августа 1849 г., и „при всякомъ удобномъ случаѣ пьянствовалъ“... О монашествѣ, о монастырѣ не могло ему и на мысль придти. Но при всей своей испорченности Дмитрій Егоровичъ (его мірское имя) имѣлъ и добрыя свойства. Это былъ человѣкъ прямой, искренній, человѣкъ съ твердымъ характеромъ и непреклонной волей. Стоило толкнуть его на добрый путь и онъ способенъ былъ, при помощи Божіей, нравственно переродиться. Промыслъ Божій не замедлилъ вразумить его. Въ августѣ того же года священникъ—сосѣдъ зоветъ его въ Ветлугу на праздникъ 18 числа (тамъ бываетъ ярмарка въ это время). „По пути, говоритъ, навѣстимъ и юродивую Елисавету Ивановну.“

—„Какая—нибудь шарлатанка дѣвченка,“ говоритъ ему Дмитрій Егоровичъ: „а впрочемъ. поѣдемъ, посмотримъ на нее“...

„18 августа пріѣзжаемъ въ Ветлугу,“ разсказываетъ о. Дороѳей. „Денекъ покутили, а 19 го вздумали побывать у шарлатанки—дѣвченки, какъ говорилъ я безумный. Для меня тогда невозможнымъ казалось, чтобы мѣщанская дѣвушка могла проходить такой высокій и многотрудный подвигъ, какъ юродство. Но любопытство влекло меня посмотрѣть на „шарлатанку“ и я отправился къ ней вмѣстѣ съ о. А. и односельцемъ—дьячкомъ. Еще утромъ, предъ отправленіемъ къ ней, я, изъ опасенія, чтобы она не обличила меня, не сталъ пить водки и ѣсть скоромнаго (день былъ постный).“

Замѣтимъ здѣсь: вотъ доказательство, что Дмитрій Егоровичъ вовсе не такъ былъ испорченъ, какъ можно бы подумать, судя по его пьянству и кутежамъ: въ глубинѣ души онъ уже расположенъ былъ вѣрить, что Елисавета Ивановна—истинная подвижница и раба Божія, и только *лицемѣрилъ*, осуждая ее. Но продолжимъ его разсказъ.

„Когда мы пошли къ ней, то вздумали купить въ подарокъ бѣлаго хлѣба, яблоковъ и арбузовъ, но арбузовъ въ это время не нашли; на это я, шутя, сказалъ: „Елисавета Ивановна извинитъ, если взять негдѣ.“ Пришли въ домъ, гдѣ она жила съ матерью, и для насъ вывели ее изъ заключенія. (Въ домѣ для нея отгорожена была крошечная каморка, выходившая угломъ на улицу; тутъ не было печи, холодъ и зловоніе были невыносимы). Она подошла къ образамъ и начала молиться—но *какъ* молиться!—съ великимъ трепетомъ и благоговѣніемъ!—Потомъ, все еще про-

должая молиться, она стала озираться назадъ и смотрѣть и по временамъ—то на священника, то на меня, то на дьячка. Въ это время я подумалъ: „можетъ ли быть у нея искренняя и неразвлекаемая молитва, когда она то и дѣло на насъ озирается?“ Но въ эту самую минуту она обращается ко мнѣ и говоритъ: „да понимаешь ли ты, что значитъ искренняя молитва?“

„Меня какъ варомъ обдало при этихъ словахъ ея на мою мысль, и я молча стоялъ, какъ осужденный предъ обличителемъ. А она продолжала еще довольно долго молиться. Потомъ вдругъ запѣла: *Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды* и прочее до конца стиха,—и такъ запѣла тепло, задушевно и умилительно, что у меня потокомъ брызнули изъ глазъ слезы, и я зарыдалъ, какъ ребенокъ, а за мною и спутники мои... Потомъ она запѣла: *Не ввѣри мя человѣческому предстательству*... Къ ней пристали и мы, но я, отъ волненія душевнаго, уже не могъ пѣть. Наконецъ она замолкла и присѣла на корточки (она никогда не садилась какъ люди: но или стояла, или присаживалась на ноги). Въ это время я и о. А. предложили ей яблоковъ, которыя она взяла и начала ѣсть, приговаривая: „вотъ, все равно, что арбузъ ѣла!“

„Я при этомъ взглянулъ на о. А., а она продолжала: „Лизавета Ивановна извинитъ, коли взять негдѣ!“..

„Можете себѣ представить, что я въ это время чувствовалъ“...

„Ея мать—старушка спросила насъ: „помолиться что ли вы сюда пріѣхали?“

„На это сейчасъ же Елисавета Ивановна отвѣчала за насъ: „какое богомолье! Пріѣхали покутить, да посмотрѣть на шарлатанку—дѣвченку—вотъ все ихъ и богомолье!“

„Все это меня поражало болѣе и болѣе; я видѣлъ уже въ Елисаветѣ Ивановнѣ не шарлатанку, а истинную юродивую, великую рабу Божію“...

„Теперь я рѣшился спросить ее: какъ мнѣ она посовѣтуетъ устроить свою судьбу: жениться ли мнѣ и идти на отцовское мѣсто во священники? Или поступить въ гражданскую службу?—Но на всѣ мои вопросы она не дала мнѣ никакого отвѣта. Наконецъ я спрашиваю: что же мнѣ дѣлать? куда идти? и что со мной будетъ?“

„Она сказала: „ты будешь ангеломъ.“

— „Нѣтъ, говорю, матушка, я не думаю и не намѣренъ

быть монахомъ; я такой безнравственный, такой повѣса, что и понятія не имѣю о монашеской жизни.“

— „Да вотъ, говоритъ, посмотри — будешь ангеломъ, — я тебѣ говорю“—Потомъ стала называть меня: „попъ Анна, Павла Еленовна“ и под... Ничего изъ словъ ея я тогда не понялъ, пока не сбылось въ свое время. Она взяла меня за руку и ввела въ свою коморку—честь, которой удостоивались очень немногіе. Тутъ взяла бѣлый хлѣбъ, мною купленный, разломила его пополамъ и обѣ половины бросила на полъ въ разныя стороны. На вопросъ мой: для чего она это сдѣлала? Она отвѣчала: „ты отдѣлишься и пойдешь въ другую сторону и другою дорогой.“—Посидѣвъ у нея въ коморкѣ нѣсколько минутъ, я вышелъ, и мы стали съ нею прощаться. Но всѣмъ намъ очень не хотѣлось уходить отъ нея: такъ она всѣхъ насъ заинтересовала и привязала къ себѣ, и что же?—вдругъ она говоритъ намъ: „если вамъ не хочется уйти, я не гоню васъ, оставайтесь“... Разумѣется, мы были этому очень рады и остались. Я спрашиваю: „выздоровѣетъ ли мой воспитатель?“

— „Выздоровѣетъ, только не весь,“ отвѣчала она.

Потомъ я навелъ разговоръ на свою прежнюю буйную и пьяную жизнь, и она такъ осторожно и умно обличила меня, что никто, кромѣ меня, не понялъ ея намековъ. (Отличительная черта юродивыхъ говорить иносказательно, чтобы другіе не понимали, кромѣ того, къ кому относятся ихъ рѣчи).

Наконецъ, какъ ни жаль было разставаться съ Елисаветой Ивановной, а волей—неволей надобно было уходить, и мы опять съ нею стали прощаться. При прощаньи она поцѣловала и о. А., и дьячка, но когда и я подошелъ къ ней, меня не стала цѣловать: „монахи, говоритъ, не цѣлуются,“ и дала мнѣ колосъ ржи, сказавъ: „у тебя выростетъ.“

Это свиданіе произвело во мнѣ совершенный переворотъ: я вышелъ отъ Елисаветы Ивановны совсѣмъ другимъ человѣкомъ, съ другими мыслями, съ другимъ направленіемъ. Всего провелъ я у нея часовъ шесть; прихожу къ брату, у котораго я гостилъ, часа въ два, когда обѣдъ уже былъ оконченъ. На вопросъ его: гдѣ ты былъ и почему не пришелъ къ обѣду?--отвѣчаю: былъ у Елисаветы Ивановны юродивой.

— Съ ума ты сошелъ, что вздумалъ ходить къ дуракамъ и помѣшаннымъ! сказалъ онъ.

— Нѣтъ, братъ, говорю; я бы желалъ быть такимъ дуракомъ, да чувствую, что недостанетъ ни ума, ни воли...

На другой день послѣ свиданія съ юродивой я порѣшилъ уѣхать домой. Братъ оставлялъ позавтракать, но я сказалъ, что не хочу, да и нѣтъ времени.

— Возьми хоть яблоковъ на дорогу, сказалъ онъ, подавая мнѣ ихъ десятка два.

Я взялъ, и простившись съ нимъ, сейчасъ же пошелъ къ Елисаветѣ Ивановнѣ. Лишь только я переступилъ ея порогъ, какъ она встрѣтила меня словами: „ангелъ сытый пришелъ!"

Поздоровавшись съ ней, я подаю ей яблоки и прошу кушать ихъ. Она беретъ ихъ у меня изъ рукъ и по одному проноситъ мимо груди своей и бросаетъ на полъ, приговаривая: „они не вѣрятъ, они смѣются, они не знаютъ!"..

—Кто это—они? спрашиваю я.

— „Чьи яблоки," отвѣчаетъ она. Потомъ говоритъ: „давай, теперь съѣмъ, а ты поди въ дорогу."

И такъ, я голодный доѣхалъ до своего села, которое отъ Ветлуги находится въ 35 верстахъ. Домой я явился уже не прежнимъ буйнымъ пьяницей, а, такъ сказать, переродившись: я сразу бросилъ пить вино, пѣть пѣсни и курить табакъ; сталъ неопустительно ходить въ церковь; сталъ мало ѣсть, больше молчать, а на вопросы другихъ: что со мною сдѣлалось? говорилъ, что я нездоровъ... Такъ прошло время до праздника Рождества Христова. Послѣ Рождества я опять собрался въ Ветлугу къ Елисаветѣ Ивановнѣ, и думаю себѣ: „теперь я живу порядочно; вѣрно она меня похвалитъ и научитъ, какъ жить еще лучше." Прихожу къ ней и—сверхъ моего ожиданія, на всѣ мои вопросы она ничего не отвѣчаетъ,—не только не хвалитъ, но даже и говорить со мной не хочетъ!..

Что за причина?! думаю съ собой: когда я жилъ скверно, она меня приняла хорошо, а теперь, когда я сталъ жить хорошо, она и не говоритъ со мной...

Въ это время она вдругъ подзываетъ меня къ себѣ, и я съ охотой и съ удовольствіемъ наклоняюсь къ окошку ея коморки, думая услышать что-нибудь полезное,--но въ эту самую минуту она ударила меня довольно сильно кулакомъ по головѣ съ словами: „я тебѣ вышибу дурь-то!"

На слова матери: „что ты, матушка Лизанька, дерешься?" она говоритъ: „вишь онъ какой пришелъ! Думаетъ и Богъ знаетъ что сдѣлалъ, а — ровно ничего! Изъ такихъ надобно еще не такъ выбивать бусорь-то"

Сказавши это, она закрылась одѣяломъ и легла на полъ. И такъ я со стыдомъ вышелъ отъ нея, и уѣхалъ домой.

Время шло. Наступилъ и Великій постъ. Въ это время былъ у своего родителя. Между прочимъ разъ онъ говоритъ мнѣ, что скоро поѣдетъ со мной въ Кострому, сдавать мнѣ свое мѣсто. Но моя мысль уже склонилась къ тому, чтобы идти странствовать и потомъ поступить въ какой-нибудь монастырь. Поэтому я совершенно отказался занимать священническое мѣсто, и на угрозы отца, что онъ будетъ жаловаться Архіерею, сказалъ, что онъ еще самъ въ силѣ, и слѣдовательно не имѣетъ нужды въ моей помощи. Тутъ я сталъ просить его благословить меня въ монастырь. Сверхъ моего ожиданія, онъ съ любовію благословилъ меня, сказавъ; что у него есть еще чѣмъ жить, а отъ болѣзни и я не избавлю его. И вотъ, 15 марта 1850 года, на 25 году своей жизни я покинулъ родное К—во, и пошелъ въ Кострому. Здѣсь спрашиваю своихъ прежнихъ товарищей: гдѣ бы мнѣ найти духовника построже, который не только бы побранилъ меня за порочную жизнь, но и наставилъ, какъ начать и проходитъ новую. Мнѣ указали на священника въ приходѣ Пр. Сергія Радонежскаго чудотворца о. Іоанна Смирнова *). Являюсь къ нему, исповѣдую всѣ грѣхи мои, высказываю намѣренія свои, и онъ съ отеческой любовію оставляетъ меня у себя для приготовленія къ монашеству. Одинокій, бездѣтный вдовецъ, онъ всю свою жизнь посвятилъ воспитанію семинаристовъ въ страхѣ Божіемъ и много его питомцевъ разсѣяно по св. обителямъ Русской земли. У него жила старица, Татьяна Павловна, тайно постриженная съ именемъ Таисіи, его дальняя родственница.

Дивны дѣла Твои, Господи! Неизреченно милосердіе Твое ко мнѣ окаянному! — Я прожилъ у о. Іоанна два мѣсяца. Какъ полезно и благотворно было это пребываніе! — До того времени

---

*) Скончался въ санѣ протоіерея въ январѣ 1878 года. Это былъ замѣчательный іерей—подвижникъ, о которомъ желательно было бы имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія, для которыхъ мы съ благодарностію открываемъ страницы «Душеполезнаго Собесѣдника». — *Редакторъ*.

я не имѣлъ и понятія о монастыряхъ и о монашеской жизни,— не понималъ, что такое общежитіе, не зналъ, куда идти, да и денегъ у меня не было. Все это они мнѣ объяснили, чрезъ нихъ отецъ мой прислалъ мнѣ денегъ, а о. Іоаннъ далъ мнѣ рекомендательныя письма къ игуменамъ—Оптиной, Софроніевой, Глинской и Площанской пустыней, о. намѣстнику Кіевской лавры,—со всѣми сими лицами о. Іоаннъ былъ знакомъ по своему путешествію къ русскимъ св. мѣстамъ.. О. Іоаннъ не совѣтовалъ мнѣ оставаться въ Саровѣ, и совѣтовалъ идти въ Оптину или другую пустынь; но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Когда я пришелъ въ Саровскую пустынь, мнѣ и понравилось тамъ, и нѣтъ; помня совѣтъ о. Іоанна, я вѣроятно бы и ушелъ оттуда, но на гостиницѣ мнѣ попадается странникъ, который мнѣ прямо велитъ оставаться въ Саровѣ. Я, разумѣется, не послушалъ его, и сколько онъ меня ни уговаривалъ, я рѣшительно отказался его послушать. Тогда онъ мнѣ говоритъ: „тебѣ должно быть въ Саровѣ, а для того, чтобы ты повѣрилъ, что я правду тебѣ говорю, пойдемъ со мной въ Муромъ къ старцу о. Антонію, мужу прозорливому, который тебѣ все скажетъ, гдѣ тебѣ на пользу жить.“

Я согласился на его предложеніе, и мы пошли въ Муромъ. Поклонившись здѣсь почивающимъ угодникамъ Божіимъ, мы приходимъ къ старцу Антонію. Калитка къ его келліи заперта была наглухо и заколочена досками—значитъ, пройти нельзя. На стукъ мой, сквозь заборъ слышу старческій голосъ, но не вижу говорящаго.

— „Что ты шляешься? Развѣ мало благодати въ Саровѣ-то? Тамъ ея цѣлое море. Ну что пришелъ къ пустому старициску? Хоть ты, братъ, и философъ, да держись-ко за носокъ, да помни смертный цасокъ, а не шляйся! Поди проць! не пушшу!“..

И съ этими словами, слышу, отошелъ отъ забора и захлопнулъ дверь. Но я пришелъ и рѣшился непремѣнно видѣть его. Для этого на другой день пошелъ въ Спасскій монастырь, куда онъ ходилъ всегда къ ранней литургіи. Послѣ литургіи я подхожу къ нему и говорю, что я нарочно пришелъ изъ Сарова видѣть его и попользоваться его совѣтами, и не отступлюсь, доколѣ не приметъ меня къ себѣ въ келлію. Видя мою неотвязчивость, онъ пустилъ меня къ себѣ и со мною

еще нѣкоторыхъ другихъ странниковъ и странницъ. Потомъ ушелъ въ другую комнату и оттуда вынесъ горшокъ съ сухарями изъ бѣлыхъ хлѣбовъ и мнѣ велѣлъ взять изъ него сухарей. Я, сдуру, опустилъ руку и захватилъ цѣлую горсть сухарей и между прочимъ—дугу отъ калача. Когда старецъ увидѣлъ, что я взялъ очень много, то сказалъ: „не знаю, братъ, выдюжишь-ли? Ну да впрочемъ и здоровъ!"—Потомъ взялъ дугу отъ калача изъ горсти моей и началъ говорить: „согнись-ко, какъ дуга, да будь всѣмъ слуга." И затѣмъ бралъ по одному сухарю, и при каждомъ сухарѣ давалъ наставленія,—всего насчиталъ двадцать сухарей.—Потомъ я спросилъ: „гдѣ мнѣ благословите, батюшка, жить?"

— „Откуда пришелъ, туда и иди. Я тебѣ сказывалъ, чтобы ты жилъ въ Саровѣ, ну и поживешь тамъ годка три, а тамъ помаешься, а тамъ... какъ Богъ велитъ!"

Возвратясь съ тѣмъ же странникомъ въ Саровъ, я сталъ вникать въ порядокъ службы, въ чиноположеніе монастыря, и чѣмъ болѣе всматривался, тѣмъ болѣе мнѣ все нравилось, такъ что я рѣшился наконецъ остаться тамъ въ числѣ братства, и попросилъ о. игумена Исаію принять меня въ послушники. Онъ принялъ меня не сразу. Четыре раза я ходилъ къ нему; цѣлыхъ три недѣли прожилъ на гостиницѣ; наконецъ услышалъ отъ него: „ну, Богъ тебя благословитъ, оставайся и иди на послушаніе къ келарю о. Ѳеодору."

„Я такъ обрадовался этому рѣшенію, что буквально запрыгалъ, какъ козелъ, и думалъ, что меня приняли прямо на небо"...

Такъ заканчиваетъ разсказъ о своемъ поступленіи въ монастырь почившій о. Дороѳей. Такъ Промыслъ Божій обратилъ его съ пути погибели, на который онъ уже вступилъ было, предавшись пьянству, и привелъ въ тихое пристанище—св. обитель. Предсказаніе старца о. Антонія надъ нимъ сбылось: года три онъ подвизался въ Саровѣ со всѣмъ жаромъ усердія; но неумѣренные подвиги, да еще безъ вѣдома духовнаго отца, скоро надломили его здоровье: „помаялся" онъ еще „г дка три" и „не выдюжилъ:" въ 1856 г. онъ вынужденъ былъ оставить Саровъ и поступилъ въ обитель преподобнаго Сергія, которой и служилъ, на разныхъ послушаніяхъ, до конца дней своихъ...

С. І. Никонъ.

Троицкіе листки № 54.

Изъ дневника православнаго христіанина.

Богъ поругаемъ не бываетъ.

(Изъ недавней дѣйствительности).

Жаркій іюльскій день клонился къ вечеру. Было невыносимо жарко и тяжко. Природа какъ бы замерла въ ожиданіи чего-то грознаго. Даже животныя чувствовали себя какъ-то особенно,—напр., коровы, возвращавшіяся стадомъ домой въ деревню, какъ-то безпокойно обмахивались хвостами, тревожно поводили ушами, и скорѣе обычнаго шли къ своимъ дворамъ.

Въ деревнѣ, расположенной на живописномъ берегу рѣки, напротивъ,—было большое оживленіе. Люди, чувствуя грозу послѣ затишья, и видя медленно надвигающуюся съ юго-востока грозную тучу, спѣшили покончить свои дневныя дѣла, чтобы скорѣе добраться до отдыха за весь тяжелый страдный день. Кто торопился подобрать на сушило сѣно, кто убиралъ съ улицы подъ навѣсъ предметы сельскаго хозяйства въ ожиданіи обильнаго дождя. Кстати сказать, мужички уже давно желали дождя, опасаясь, что погорятъ поля, такъ какъ долго стояла жаркая погода, не давая на землю ни единой капли влаги.

Природа какъ бы ждала, когда уляжется эта людская суета, какъ будто давала время народу окончить работы и привести въ порядокъ около дома и въ полѣ хозяйство, чтобы потомъ прекратить эту работу, можетъ быть, на продолжительное время.

Изъ оконъ почти каждой избы высовывались курчавыя, стриженыя и просто косматыя головки ребятишекъ, смотрѣвшихъ на суетливую работу своихъ отцовъ и матерей.

Солнце низко склонилось къ закату. Подулъ легкій вѣтерокъ, листья деревьевъ тревожно зашелестѣли, хвойныя деревья зашумѣли, однимъ словомъ,—все предвѣщало сильную грозу съ обильнымъ дождемъ.

Покончивъ съ работой, мужички и бабы тихо разошлись по своимъ домамъ, гдѣ ожидалъ ихъ скудный деревенскій ужинъ и, главное, покой, котораго такъ требовали ихъ уставшія кости. Вѣдь легко сказать: съ пѣтуховъ уйти въ поле и вернуться домой лишь къ заходу солнца, пробывъ, такимъ образомъ, болѣе полъ-сутокъ за тяжелой полевой работой, подъ палящими лучами іюльскаго солнца.

Наконецъ, тихо стало въ деревнѣ. Лишь въ одной избѣ, гдѣ жила молодая вдова, кстати сказать, баба по народному выраженію — „бойкая“, „непутевая“, извѣстная по всей де-

ревнѣ подъ кличкой „Дарьи-молодухи“, собралась деревенская молодежь „на посидки“. Подъ игру неизмѣнной гармоники парни и дѣвки сначала просто пѣли пѣсни, а потомъ пустились и въ пляску. Между тѣмъ. сама хозяйка избы сидѣла у раскрытаго окна и подтягивала пѣсни молодежи.

Вѣтеръ становился крѣпче, на улицѣ стало темнѣе; слышались отдаленные раскаты грома, блестѣла молнія.

Молодежь стала немного сдерживаться въ пѣсняхъ и пляскахъ; нѣкоторая благоразумная часть молодежи даже совсѣмъ остановилась и перестала пѣть и плясать, сердцемъ чувствуя что-то недоброе.

Блескъ молніи и удары становились все чаще и чаще, гроза надвигалась все ближе и ближе...

Молодая, „аховая“, какъ выражается народъ, хозяйка, вмѣсто того, чтобы стать на сторону благоразумной части молодежи, напротивъ, стала уговаривать продолжать пляску и пѣсни.

— И чего вы, дѣвоньки, боитесь? А вы, молодцы, чего не веселите дѣвокъ-то? Чего испугались? Гроза, какъ гроза: пошумитъ и пройдетъ; дождичекъ пойдетъ, насъ не замочитъ. Пляшите себѣ!..

— Какъ это ты такъ говоришь, тетка Дарья! — сказала одна изъ дѣвушекъ: „не видишь развѣ, какая гроза надвигается? А Богъ-то? Развѣ можно такъ?“

Но тетка Дарья не ждала себѣ возраженій, а потому съ сердцемъ отвѣтила дерзкой, по ея мнѣнію, дѣвушкѣ: „молода ты учить да укорять-то меня! Сама я молода была, сама была въ твою пору, можетъ быть, веселѣй тебя плясала и пѣла, да и не въ такую грозу, да вотъ ничего, все прошло... Да и гроза-то, гляди, стороной отъ насъ пройдетъ“...

Но, благодареніе Господу Богу, благоразуміе молодежи взяло верхъ надъ безумной болтовней разгульной бабы: пляска и пѣсни совсѣмъ остановились.

Гроза, между тѣмъ, усиливалась.

— „Да закрой ты Бога ради окно-то, да зажги лампадочку у иконы-то, неровенъ часъ!“.. — „А ништо, и такъ пройдетъ, въ избѣ вишь какъ душно... Да полно вамъ, танцуйте, знай, въ мою голову“... Но не успѣла она договорить своихъ безумныхъ словъ, какъ новый страшный ударъ молніи свалилъ ее на полъ. Часть молодежи какъ бы невѣдомой силой была выкинута за дверь, въ сѣни избы, часть попадала тутъ же на полъ, оглушенная сильнымъ раскатомъ грома. Отъ удара молніи въ конекъ дома загорѣлась тесовая крыша. Начался пожаръ. Сбѣжавшіеся мужички вытащили оглушенныхъ и въ обморочномъ состояніи молодыхъ людей, а потомъ и виновницу горя и несчастья—убитую молніей Дарью. При тушеніи пожара отъ молніи, какъ это можно встрѣтить только въ деревнѣ, впереди мужиковъ, бѣжавшихъ тушить

начавшійся пожаръ съ ведрами воды, бѣжали съ тою же цѣлью бабы, но съ кринками молока въ рукахъ. Разразившійся сильнѣйшій дождь быстро прекратилъ пожаръ. Вошедшіе въ избу замѣтили тамъ слѣдующее: ударомъ молніи въ переднемъ углу былъ разбитъ кіотъ иконы, разбито стекло, часть лампадки расплавилась, но ликъ Спасителя на иконѣ остался неповрежденнымъ; далѣе, то мѣсто, гдѣ лежала убитая Дарья, оказалось сильно выжженнымъ, тутъ же валялся смятый ножъ, которымъ покойная Дарья чистила у окна картофель,—потомъ—выжженный полукругъ на полу и разщепленныя бревна у нижняго сруба избы, гдѣ искра молніи вышла наружу.

„Боже, милостивъ буди намъ, грѣшнымъ!“ — проговорили въ народѣ, явно видя здѣсь карающую руку Божію.

Оглушенные парни и дѣвушки быстро пришли въ чувство и оправились на воздухѣ, но Дарья была мертва, хотя мужички и приняли обычныя деревенскія въ такихъ случаяхъ мѣры къ оживленію обмершихъ, какъ-то: зарываніе на половину въ сырую землю, или обкладываніе тѣла грязью и т. п.

Мірской сходъ этой деревни тутъ же рѣшилъ, въ ознаменованіе этого событія, построить на этомъ мѣстѣ изъ разобраннаго дома часовню, которая всегда бы напоминала всѣмъ и каждому, что Богъ поругаемъ не бываетъ...

Деревенскіе ребятишки съ этихъ поръ съ особымъ чувствомъ стали приглядываться къ каждой новой грозовой тучѣ.

Какъ прискорбно, что люди развращаютъ благоговѣющихъ предъ грозными явленіями дѣтей, которыхъ Богъ, по любви Своей къ нимъ, не перестаетъ вразумлять и въ наши дни!.. (Божія Нива № 91).

Судъ Божій надъ кощунниками.

Въ Самурзакани, составляющей нынѣ одинъ изъ административныхъ участковъ Сухумскаго округа, на Кавказѣ, населенной племенемъ абхазскаго происхожденія съ значительной примѣсью мингрельцевъ, произошло въ ночь на Воздвиженіе Честнаго Креста Господня знаменательное событіе, служащее въ послѣднее время главною темою для разговоровъ среди мѣстныхъ жителей.

13 сентября въ домѣ умершаго жителя с. Мухури Самурзаканскаго участка Гаіоза Чоларія собрались ближайшіе сосѣди и знакомые Чоларія; въ числѣ этихъ лицъ были: князь Муджитъ Анчабадзе, Платонъ Бенія и Максимъ Гвеселіани, которые взялись за писаніе писемъ родственникамъ и знакомымъ покойнаго Чоларія, съ сообщеніемъ о смерти по-

слѣдняго и съ приглашеніемъ прибыть на похороны, такъ какъ, по существующему среди жителей сего края обычаю, въ случаѣ смерти кого-либо приглашаются „для оплакиванія“ всѣ его родственники и знакомые.

Занятыя писаніемъ писемъ, указанныя три лица помѣщались за однимъ столомъ, поставленнымъ на верандѣ; здѣсь же, на верандѣ, а также въ комнатѣ, гдѣ лежалъ покойникъ, находилось порядочно народу, въ общемъ приблизительно было до 20 человѣкъ. Былъ одиннадцатый часъ ночи. Къ этому времени показавшіяся ранѣе на горизонтѣ небольшія тучи увеличились и нависли надъ селеніемъ; частыя молніи прорѣзывали темноту ночи, а затѣмъ послышался первый раскатъ грома—наступила гроза.

Сидѣвшій между кн. Анчабадзе и Бенія, Гвеселіани предложилъ было перейти въ комнату, на что первые двое не согласились и начали шутить и смѣяться надъ тѣми, кто ограждалъ себя при ударѣ грома крестнымъ знаменіемъ.

— Какого Бога ловишь руками?—обращались кощунники съ такимъ вопросомъ къ тѣмъ, кто творилъ крестное знаменіе.

Разговоръ перешелъ на тему о происхожденіи грозы.

— Это отъ буйвола происходитъ,—объяснилъ одинъ.

— Это отъ столкновенія пыли въ воздухѣ, — пояснялъ другой.

На замѣчаніе одного изъ присутствующихъ, что гроза бываетъ по изволенію Божію, со стороны безбожниковъ посыпались насмѣшки и кощунства.

— Князь Анчабадзе и Бенія нехорошо говорили о Богѣ,—такъ впослѣдствіи заявили многіе изъ присутствующихъ.

Но сбылось слово Божіе: „Богъ поругаемъ не бываетъ“...

Раздался сильный громовой ударъ, вслѣдъ за которымъ домъ моментально объяло пламя... Изъ горящаго дома едва успѣли выбѣжать и вынести упавшихъ безъ чувствъ, а также и покойника, — домъ въ одинъ мигъ сгорѣлъ до основанія, хотя въ то время уже шелъ сильный проливной дождь.

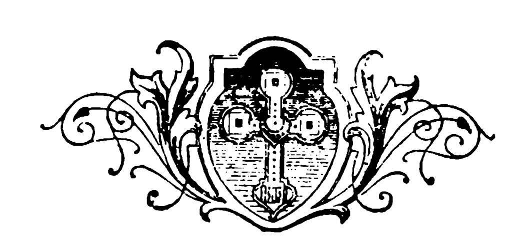
Ударомъ грома, какъ оказалось, были убиты: князь М. Анчабадзе и П. Бенія, трое же: Иванъ Чкадуа, Максимъ Шашатовъ и Моисей Начкебія были сильно оглушены, но въ скоромъ времени пришли въ чувство; М. Гвеселіани же, который также былъ поверженъ молніею на полъ, очнулся лишь утромъ, на другой день; по его желанію къ нему былъ приглашенъ священникъ, который исповѣдалъ его и пріобщилъ Св. Христовыхъ Таинъ. Почувствовавъ себя лучше, онъ всталъ и направился въ близъ лежащее селеніе Илори, гдѣ въ церкви этого селенія находится чтимая всѣми самурзаканцами древняя чудотворная св. икона Георгія Побѣдоносца, и здѣсь Гвеселіани много и горячо молился.

Отъ удара молніи у Гвеселіани оказалось онѣмѣніе кисти лѣвой руки, которую онъ носитъ теперь на перевязи, сожжена борода и контужена голова.

— Я теперь другой человѣкъ,—говорилъ всѣмъ Гвеселіани, давая этимъ понять, что онъ уже не тотъ маловѣрный, каковымъ былъ до сего времени.

Къ сему слѣдуетъ еще добавить, что отъ грозы сгорѣлъ одинъ лишь домъ покойнаго Чоларія, а находившійся въ 3 арш. отъ дома сарай, крытый соломою, остался невредимъ.

Судъ Божій надъ кощунниками и страшная смерть князя Анчабадзе и Бенія произвели сильное впечатлѣніе на всѣхъ жителей Самурзакани. О всемъ этомъ произведено надлежащее разслѣдованіе, и то, что мы сообщаемъ, подтверждается данными, имѣющимися у г. начальника Сухумскаго округа („Дон. Еп. В.“).

Бесѣда о злыхъ духахъ.

(Протоіерея о. Іоанна Кронштадтскаго).

На небѣ былъ между ангелами Божіими одинъ великій, свѣтозарный — отъ свѣтозарности названный денницею — духъ, одинъ изъ самыхъ близкихъ къ Богу. Жить бы да блаженствовать свѣтлому духу — съ такою благостію, съ такою щедростію Божескою украшенному всякими совершенствами—во свѣтѣ лица Божія. Но нѣтъ: захотѣлъ быть самостоятельнымъ свѣтомъ, захотѣлъ быть самъ Богомъ; сказалъ: *на небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой; буду подобенъ Вышнему* (Исаіи 14, 13. 14). И гордаго, упорнаго духа, омрачившаго себя нераскаяннымъ противленіемъ Творцу своему, Господь низвергъ съ свѣтлаго неба; потому что *кое общеніе свѣту ко тмѣ* (2 Кор. 6, 14). Такъ какъ денница былъ начальникомъ нѣкоторыхъ подчиненныхъ ду-

ховъ, то увлекъ и ихъ за собою, возмутивши и ихъ противъ Владыки всякой твари.

А точно-ли есть злые духи, спросятъ нѣкоторые? — Что злые духи есть—это выше всякаго сомнѣнія. Во время земной жизни Іисуса Христа они исповѣдывали Его устами бѣсноватыхъ людей Сыномъ Божіимъ; — свидѣтельствовали какъ бы невольно, что они осуждены Имъ на вѣчныя муки (Мѳ. 8, 28—34);—съ свойственною имъ злостію, истинно адскою, мучили людей бѣсноватыхъ—и съ такою же злостію, выходили изъ нихъ по повелѣнію Спасителя, въ виду многочисленнаго народа. Однажды, вышедши по слову Спасителя, изъ двухъ бѣсноватыхъ, съ тѣмъ, чтобы войти въ свиней, пасшихся неподалеку, они очевиднѣйшимъ образомъ доказали свое позорное бытіе тѣмъ, что стадо свиней, въ которое они вошли, гонимое и мучимое ихъ силою, устремилось все въ море — и перетонуло (Матѳ. 8, 28—34). Св. Писаніе прямо называетъ ихъ—то *духами злыми* (Лук. 7, 21), то *духами нечистыми* (Матѳ. 10, 1), то *духами злобы* (Еф. 6, 12), *бѣсами* или *демонами* (Лук. 8, 30. 33. 35; Апок. 9, 20), и между ними различаетъ одного главнаго, или предводителя, котораго называетъ *діаволомъ* (1 Петр. 5, 8), *сатаною* (Апок. 20, 2. 7), *княземъ міра* (Іоан. 12, 31), *княземъ власти воздушныя* (Еф. 6, 12), *княземъ бѣсовскимъ* (Матѳ. 9, 34).

Но кромѣ Св. Писанія въ бытіи злыхъ духовъ увѣряетъ насъ и опытъ.

Люди, наблюдавшіе за самими собою—за состояніемъ своей духовной жизни—замѣчали, что душа ихъ прежде тихая и покойная, какъ величественная рѣка, ровно текущая въ своихъ берегахъ, вдругъ была возмущаема какою то непріязненною злою силою — и начинала смутно волноваться отъ напора нечистыхъ помысловъ и желаній страстныхъ;—усматривали, что внутри ихъ иногда кто-то съ силою устремляется на самыя коренныя, спасительныя убѣжденія разума, на самыя святыя чувствованія; колеблетъ вѣру въ самомъ ея основаніи, омрачая и возмущая умъ и разсудокъ, чтобы въ этомъ мракѣ и смятеніи удобнѣе похитить сокровище вѣры; навязываетъ разныя скверныя, лукавыя и хульныя помышленія тогда, какъ человѣкъ расположенъ къ помысламъ святымъ и возвышеннымъ;—и это дѣлаетъ съ такою силою, что человѣкъ долженъ иногда отстаивать въ потѣ и слезахъ самыя святыя и животворныя истины вѣры, свое благоговѣніе къ лицамъ, превознесеннымъ и препрославленнымъ на небѣ и на землѣ и къ предметамъ святымъ и достойнымъ всякаго почтенія. Вообще эта злобная сила старается представить человѣку все доброе и святое въ видѣ мрачномъ и нечистомъ, скрывая во мракѣ все свѣтлое и прекрасное. Прочитайте разныя молитвы, составленныя Церковію на разные случаи, стихи каноновъ, или — житія святыхъ;—и вы

увидите тамъ, что святые Божіи въ земной жизни своей были въ постоянной борьбѣ съ какою-то духовною, непріязненною силою, которая нападала на нихъ и рано и поздно и мучила ихъ тягостнымъ бореніемъ. Какъ объяснить это явленіе въ нашей душѣ? Что это за сила, такъ свободно прокрадывающаяся сквозь тѣло въ душу и — попремѣнно то оставляющая насъ въ покоѣ, то снова на насъ устремляющаяся,—которая неизвѣстно откуда приходитъ и куда уходитъ? Это не есть одна только испорченность нашей природы, это не есть только тотъ иной *законъ во удѣхъ* нашихъ *противу воюющъ закону ума* нашего, о коемъ говоритъ св. Апостолъ (Рим. 7, 23). Нѣтъ:—тутъ именно замѣтно дѣйствіе посторонней злой силы, которая противодѣйствуетъ усиливающейся въ насъ доброй силѣ. Это—именно дѣйствіе духовъ злобы поднебесныхъ. Св. Апостолъ такъ рѣшительно былъ увѣренъ въ дѣйствительности этой внутренней борьбы съ злыми духами, что — какъ опытный духовный наставникъ—просилъ новообращенныхъ христіанъ облечься въ духовное всеоружіе, чтобы въ состояніи противостоять кознямъ діавольскимъ. *Яко нѣсть наша брань къ плоти и крови,* говоритъ онъ, т. е. не съ нашею только испорченною грѣхомъ природою, *но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. 6, 10—12). Бытіемъ злыхъ духовъ весьма многое объясняется въ судьбѣ и жизни человѣчества: паденіе человѣка, его развращеніе, безбожіе, многобожіе и другіе гнусные пороки. На бытіи злыхъ духовъ основывается самое таинство искупленія нашего Сыномъ Божіимъ, потому что Онъ пришелъ разрушить дѣла діавола (1 Іоан. 3, 8).

Что касается природы злыхъ духовъ; то, прежде всего, какъ духи, они безплотны и потому-то свободно проникаютъ въ душу каждаго человѣка, по Божію попущенію, внушая ему худыя мысли и пожеланія и всячески коварствуя надъ нимъ. Какъ духи злые, они злы до чрезвычайности; намъ трудно и вообразить, какъ они злы. Только отчасти, по ихъ дѣламъ въ людяхъ и животныхъ, можно заключить о ихъ злости. Такъ, одного бѣсноватаго, котораго исцѣлилъ Іисусъ Христосъ, демонъ часто приводилъ къ огню, чтобы онъ сгорѣлъ, и—къ водѣ, чтобы потонулъ въ ней (Матѳ. 17, 14—22). У другого бѣсноватаго демонъ связалъ языкъ такъ, что при языкѣ онъ не могъ ничего сказать. Когда Господь изгналъ бѣса, нѣмой тотчасъ сталъ говорить (Мѳ. 9, 32. 33). Еще другіе два бѣсноватыхъ жили во гробахъ, въ которыхъ, вѣроятно, бѣсы хотѣли заживо похоронить ихъ, и были такъ свирѣпы и страшны, что никто не смѣлъ ходить тою дорогою, гдѣ они были. Изъ этихъ-то двухъ бѣсноватыхъ человѣковъ Господь повелѣлъ бѣсамъ выйти—и войти, какъ они просили, въ свиней. Когда они вошли въ свиней, то немед-

ленно погнали ихъ въ море и перетопили (Мѳ. 8, 28 — 34). Господь съ тѣмъ, между прочимъ, и позволилъ имъ войти въ свиное стадо, чтобы показать людямъ злость бѣсовъ. Еще злость бѣсовскую можно видѣть въ людяхъ, исполненныхъ нечестія и разврата, произносящихъ хулы на св. вѣру и благочестіе и уставы церковные, посмѣвающихся надъ лицами и предметами священными; потому что бѣсы не терпятъ всего священнаго. Бѣсы особенно жаждутъ погибели души человѣческой, и *діаволъ, яко левъ рыкая, ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8).

При крайней злости своей злые духи очень умны на зло—потому, что они и вначалѣ получили отъ Бога умъ, высшій человѣческаго и—потому, что живутъ очень долго, никогда не умирая и все болѣе и болѣе изобрѣтаютъ средствъ—привесть въ дѣйствіе свою злобу, которая есть жизнь ихъ.—Кромѣ того, они очень сильны,—что доказываютъ примѣры бѣсноватыхъ, которыхъ иногда ничѣмъ нельзя было связать; а если и связывали въ минуты ихъ спокойствія, то они разрывали даже и желѣзныя цѣпи. Но яснѣе сила ихъ видна надъ людьми нечестивыми и обладаемыми страстями, нерадящими о своемъ спасеніи, которыхъ за нерадѣніе Господь предаетъ во власть діавола: адская сила съ такимъ могуществомъ влечетъ ихъ къ погибели, что человѣкъ дѣлается совершеннымъ рабомъ демоновъ, дѣлая все, что они внушаютъ. Таковъ примѣръ Іуды (Лук. 22, 3 — 6; Іоан. 13, 27—30). Паденіе злыхъ духовъ такъ велико и ожесточенно, злыя дѣла ихъ въ царствѣ Божіемъ такъ пагубны, что они сами никогда не могутъ покаяться и потому ихъ ожидаютъ несомнѣнныя безконечныя муки въ адѣ вмѣстѣ съ грѣшниками нераскаянными. Св. Писаніе неоднократно говоритъ, что Господь Богъ блюдетъ ихъ на судъ великаго дня втораго и славнаго Своего пришествія, послѣ котораго они будутъ мучиться во вѣки вѣковъ (2 Петр. 2, 4; Іуд. ст. 6). Падшихъ духовъ такъ много, что они составляютъ собою цѣлое царство, по словамъ Спасителя: *аще и сатана самъ въ себѣ раздѣлится, како станетъ царство его* (Лук. 11, 18)? Наибольшая часть св. отцевъ Церкви держались той мысли, что съ сатаною ниспало съ неба безчисленное множество духовъ, ему подчиненныхъ, не говоря, сколько именно.

Братія! злыя духи были вначалѣ добрыми и уже потомъ сдѣлались злыми чрезъ противленіе волѣ Божіей; почему и осуждены за свою упорную гордость на вѣчныя мученія. Эта опасность — подвергнуться вѣчнымъ мученіямъ вмѣстѣ съ злыми духами можетъ легко и намъ угрожать: и люди бываютъ дерзкими противниками волѣ Божіей, когда, напр., упорно не хотятъ признавать того, что повелѣваетъ признавать слово Божіе и св. Церковь, или—съ намѣреніемъ, наперекоръ идутъ противъ какой-либо заповѣди Божіей,—по-

ставляя свои мысли и правила выше слова Божія или уставовъ Церкви. Господь Богъ, наконецъ, отвергаетъ такихъ людей отъ лица Своего, какъ отвергъ гордаго денницу съ подчиненными ему духами. Итакъ будемъ страшиться гордости, *да не возгордѣвся въ судъ впадемъ діаволь* (1 Тим. 3, 6), т. е. чтобы не подвергнуться одинаковому осужденію съ діаволомъ.—Нечистые духи внушаютъ намъ ложныя мысли и злыя желанія, стараясь отвлекать нашъ умъ и сердце отъ предметовъ святыхъ. Будемъ же всячески противиться имъ, не давая укореняться въ себѣ худымъ помысламъ и желаніямъ. Бѣсы очень злы, и самая жизнь ихъ въ томъ и состоитъ, чтобы дѣлать зло. Мы, напротивъ, братія, какъ *избранные Божіи облечемся во утробы щедротъ, благость, смиренномудріе, кротость и долготерпѣніе* (Колос. 3, 12),—*и да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ* (Евр. 10, 24), всегда памятуя, что зло получитъ должное себѣ воздаяніе на страшномъ судѣ Христовомъ, равно какъ и всякое добро не останется безъ должнаго вознагражденія, и—*благодаря Бога и Отца... Иже избави насъ отъ власти темныя, и престави въ царство Сына любве Своея* (Колос. 1, 12. 13). Аминь.

Примѣры вліянія злыхъ духовъ на людей.

Блаженный Августинъ въ „Молитвенныхъ воздыханіяхъ души къ Богу“ писалъ такъ: „Къ ногамъ величія Твоего, Вѣчный Судія, приношу жалобу на врага моего: осуди его и спаси меня. Хитръ и лукавъ врагъ сей; ибо онъ не только въ дѣлахъ плотскихъ, удобно распознаваемыхъ, и не только въ порокахъ, но даже и въ духовныхъ упражненіяхъ скрываетъ онъ тонкія сѣти, самые пороки облекаетъ въ наружность добродѣтели и преображается въ ангела свѣтла“. Справедливость означенныхъ словъ св. отца подтверждается всею жизнью св. Божіихъ угодниковъ, изложенной въ Четьихъ-Минеяхъ и въ сказаніяхъ, изъ которыхъ приводимъ нѣкоторые случаи искушенія людей отъ діавола.

1. Въ одну ночь преп. Пахомій Великій и блаженный Ѳеодоръ, идя по обители своей, оба вмѣстѣ увидѣли издали бѣса, въ образѣ прекрасной женщины, окруженнаго множествомъ слугъ. Пахомій началъ молиться Богу. А бѣсъ, въ образѣ женщины, подходя, сказалъ: „зачѣмъ напрасно трудишься, ибо ничего не можешь сдѣлать, такъ какъ я отъ Бога принялъ власть искушать, когда хочу“. Тогда св. Пахомій спросилъ бѣса: „кто ты, откуда идешь и кого искушать хочешь“? Кажущаяся женщина отвѣчала: „я — сила діавольская, и все полчище бѣсовъ служитъ мнѣ; я отлу-

чила Іуду отъ лика Апостольскаго, имѣю власть и противъ тебя, Пахомій“ Св. Пахомій спросилъ: „меня ли одного пришла искушать, сила діавольская, или и прочихъ“?— „И тебя и всѣхъ подобныхъ“, отвѣчалъ демонъ (Четій-Минея мая 15).

2. Преподобному епископу Нифонту было открыто, какъ бѣсы, ходя между людьми, склоняютъ ихъ къ разнымъ грѣхамъ: осужденію, клеветѣ, брани и причиняютъ разныя скорби. Такъ, однажды Нифонтъ видѣлъ одного человѣка, дѣлающаго свое дѣло, и вотъ вдругъ приходитъ къ тому человѣку бѣсъ и начинаетъ шептать ему на ухо; неподалеку былъ другой человѣкъ, тоже занимающійся своею работой, бѣсъ и тому пошепталъ на ухо, и вотъ они оба, оставивъ свою работу, стали ссориться. Блаженный, вставъ, сказалъ: „о, лесть бѣсовская, какъ сѣешь вражду между людьми“! Въ другое время на блаженнаго напалъ бѣсъ тщеславный, говоря: „съ сего времени ты будешь творить чудеса, и по всей землѣ прославится твое имя, ибо ты угодилъ Богу“. Блаженный сказалъ бѣсу: „подожди, я совершу предъ тобою чудо“. Увидя предъ собою камень, преподобный сказалъ: „тебѣ говорю, камень, иди отсюда и перенесись на другое мѣсто“, но камень лежалъ неподвижно. Тогда святой сказалъ бѣсу: „вотъ твой даръ“, и плюнулъ діаволу въ лицо. Затѣмъ помолился Богу, и діаволъ исчезъ. Видѣлъ преподобный еще одного человѣка, за которымъ шелъ діаволъ и влагалъ въ него хульные помыслы. Блаженный сказалъ лукавому духу: „перестань, діаволъ, надоѣдать рабамъ Божіимъ. Какая тебѣ польза въ томъ, если его душа пойдетъ на погибель“? Бѣсъ отвѣчалъ: „никакой пользы намъ нѣтъ изъ сего, но мы имѣемъ такое повелѣніе отъ царя своего и князей, чтобы мы боролись съ людьми; если же князья найдутъ насъ не борющимися, то жестоко бьютъ насъ за это“ (Чет.-Мин. декабря 23).

3. Однажды бѣсъ, пришедши ночью въ келлію преп. Макарія Алекс., сказалъ ему: „встань, авва Макарій, и пойдемъ въ церковь къ Богослуженію“. Макарій же, будучи исполненъ благодати, уразумѣлъ искушеніе діавола и отвѣчалъ ему: „о, лжецъ и ненавистникъ добра. Какое можетъ быть съ тобою участіе въ Богослуженіи, и что можетъ быть у тебя общаго съ соборомъ святыхъ“? Діаволъ сказалъ: „развѣ ты не знаешь, Макарій, что безъ насъ не бываетъ ни одной службы церковной и ни одного монашескаго собранія; иди же и увидишь дѣла наши“. Старецъ отвѣчалъ: „да запретитъ тебѣ Господь“, и просилъ святой Бога открыть ему: правда-ли все то, что говоритъ діаволъ. Когда наступило время полунощнаго Богослуженія, онъ пришелъ въ церковь. И вотъ видитъ по всей церкви какъ бы нѣкіихъ малыхъ отроковъ въ образѣ эѳіоповъ, быстро обходящихъ церковь

и летающихъ. Въ монастырѣ томъ былъ обычай: одинъ братъ читалъ псалмы, а другіе сидѣли и слушали, и вотъ рядомъ съ каждымъ изъ братій сидѣли тѣ эѳіопы и подсмѣивались надъ ними. Кому пальцами своими дотрогивались до глазъ, тѣ сейчасъ начинали дремать; предъ иными ходили въ женскомъ подобіи, а предъ другими дѣлали нѣчто иное. И что представляли предъ кѣмъ, тотъ о томъ и размышлялъ въ себѣ. Но отъ нѣкоторыхъ, какъ только начинали дѣлать что-либо подобное, тотчасъ нѣкой силою были прогоняемы и удаляемы, и болѣе не могли стоять предъ ними и даже пройти мимо. А у нѣкоторыхъ немощныхъ братьевъ, невнимательныхъ къ молитвѣ, насмѣхаясь сидѣли на шеѣ и плечахъ. Преподобный Макарій, увидѣвъ сіе, вздохнулъ изъ глубины сердца и сказалъ: „Воззри, Господи, и не смолчи; воскресни, Боже, дабы разошлись враги Твои и убѣжали отъ лица Твоего, ибо душа наша полна поруганія“. По окончаніи службы, преп. Макарій, призывая поодиночкѣ каждаго брата, спрашивалъ, о чемъ тотъ думалъ во время Богослуженія, и каждый открывалъ свои помышленія. Оказалось, что каждый думалъ о томъ, что, насмѣхаясь, представлялъ предъ нимъ бѣсъ (Чет.-Мин. января 19).

4. Преподобный Маркъ, сидя однажды при дорогѣ, увидѣлъ діавола во образѣ человѣка, обвѣшаннаго какими то сосудами и направлявшагося къ близъ лежавшему монастырю. Остановивъ бѣса, святой спросилъ его: „куда идешь“?—„Да иду навѣстить братію“, былъ отвѣтъ.—„А что за сосуды съ тобой“? спросилъ преподобный. — „А это, отвѣчалъ бѣсъ, различныя кушанія для монаховъ“.—„Для чего же ихъ такъ много съ тобою“? спросилъ Маркъ.—„Да чтобы, если одно не понравится, такъ угостить другимъ. Одинъ мой злой совѣтъ или внушеніе не примутъ, ну такъ другой, еще горшій, предложу и, такимъ образомъ, кого-нибудь уловлю“, сказалъ діаволъ и пошелъ своимъ путемъ. Преподобный же остался ожидать его возвращенія. Дождавшись, спросилъ: „ну какъ твои дѣла“?—„Худы, отвѣчалъ діаволъ. Почти всѣ монахи не приняли меня и только одинъ слушается“.— „Какъ его имя“?.—„Ѳерапонтъ“, отвѣчалъ діаволъ и исчезъ. Маркъ отправился въ монастырь, гдѣ дѣйствительно узналъ, что Ѳерапонтъ одержимъ духомъ любодѣйства (Прол. февраля 10).

5. Одинъ подвижникъ, по имени Валентъ, долго живя въ пустынѣ, много изнурялъ свою плоть и считался великимъ подвижникомъ, но потомъ, обольщенный духомъ самомнѣнія и гордости, впалъ въ крайнее высокомѣріе, такъ что сдѣлался игралищемъ бѣсовъ. Надмившись пагубною страстію самомнѣнія, онъ сталъ мечтать, наконецъ, въ самообольщеніи, что съ нимъ бесѣдуютъ ангелы и при всякомъ дѣлѣ служатъ ему. Діаволъ, увѣрившись, что Валентъ совершен-

но предался обману, принимаетъ на себя видъ Спасителя и ночью приходитъ къ нему окруженный сонмомъ демоновъ въ образѣ ангеловъ, съ зажженными свѣтильниками. И вотъ явился огненный кругъ, и въ срединѣ его Валентъ видитъ какъ бы Спасителя. Одинъ изъ демоновъ, въ образѣ ангела, подходитъ къ нему и говоритъ: „ты благоугодилъ Христу своими подвигами, и онъ пришелъ посѣтить тебя. Итакъ другого ничего не дѣлай, а только, вставши вдали и увидѣвъ его, стоящаго его среди всего сонма, поклонись ему и потомъ иди въ келлію свою. Валентъ вышелъ и, увидѣвъ множество духовъ съ свѣтильниками, палъ и поклонился лже-Христу. Обольщенный, онъ до того простеръ свое безуміе, что, пришедши на другой день въ церковь, сказалъ при всей братіи: „я не имѣю нужды въ пріобщеніи, ибо видѣлъ Христа“. Тогда его окружающіе, видя что онъ впалъ въ умоизступленіе, связали его цѣпями и въ теченіе года вполнѣ уврачевали его, истребивъ гордость его молитвами (Лавс. гл. 29).

6. Въ образѣ Христа діаволъ искусилъ однажды препод. Исаакія Печерскаго, семь лѣтъ подвизавшагося въ затворѣ, не видя никого. И однажды, когда онъ, при наступленіи ночи, утрудившись отъ пѣнія псалтири, потушилъ свѣчу и сидѣлъ въ своемъ мѣстѣ, видитъ въ пещерѣ необычайный свѣтъ, и ему предстали два бѣса въ образѣ двухъ юношей, сказавъ: „мы ангелы, а вотъ грядетъ къ тебѣ Христосъ“. Не остерегся Исаакъ отъ губительнаго помысла видѣть Христа и не побѣдилъ его смиренной молитвой. Не оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, онъ поклонился бѣсу, явившемуся въ образѣ Христа. Какъ только это совершилось, бѣсы радостно воскликнули: „нашъ Исаакъ“. Они начали кружиться возлѣ преподобнаго, который на другой день былъ найденъ въ безпамятствѣ и послѣ этого нѣсколько лѣтъ находился въ душевномъ и тѣлесномъ разслабленіи. (Патер. печер.).

7. Въ образѣ Христа явился бѣсъ и преп. Пахомію и сказалъ: „радуйся, старецъ, столько мнѣ угодившій. Я—Христосъ и пришелъ къ тебѣ, какъ другу своему“. Изумился преподобный Пахомій и, смотря на привидѣніе, началъ разсуждать: „Христово пришествіе къ человѣку сопровождается радостію, сердце не чувствуетъ никакого страха, всѣ помышленія тотчасъ исчезаютъ, умъ дѣлается очами серафимскими и весь вперяется въ созерцаніе славы Господней; а я теперь смущаюсь, боюсь... Нѣтъ, это не Христосъ. Потомъ, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, съ дерзновеніемъ сказалъ: „отойди отъ меня, духъ злобы. Будь проклято лукавство всѣхъ твоихъ начинаній“. Мгновенно призракъ изчезъ, и домъ наполнился смрадомъ.

8. „Вотъ что со мною было однажды, говоритъ преподоб-

ный Θеодосій Печерскій: я стоялъ въ келліи на молитвѣ и пѣлъ обычные псалмы. Вдругъ предо мною предсталъ черный песъ, такъ что я не могъ класть поклоновъ. Такъ какъ онъ долго стоялъ предо мною и мѣшалъ мнѣ, то я хотѣлъ его ударить, но онъ сталъ невидимъ. Тогда объялъ меня страхъ и трепетъ, такъ что я хотѣлъ бѣжать съ того мѣста. Но Господь помогъ мнѣ... Страхъ оставилъ меня, и я уже не боялся того, что являлось предъ глазами моими.

9. Одинъ юный инокъ, подвизавшійся въ монастырѣ, желалъ жить въ отшельничествѣ и выпросился у настоятеля въ отдаленное мѣсто пустыни. Онъ нашелъ себѣ для жительства пещеру и жилъ здѣсь, употребляя въ пищу финики. Шесть лѣтъ онъ прожилъ здѣсь, никого не видя; но вотъ приходитъ къ нему діаволъ, во образѣ мірскаго человѣка, и началъ разсматривать его съ головы до ногъ. Инокъ спросилъ его: „что ты такъ смотришь на меня"? Онъ сказалъ: „развѣ ты не знаешь меня? я—сосѣдъ твоего отца", и назвалъ имя отца и матери, и сестры отшельника. Потомъ сказалъ: „мать и сестра твои умерли уже болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ, а отецъ умеръ только недавно, сдѣлавъ тебя наслѣдникомъ своимъ; предъ смертію отецъ просилъ всѣхъ отыскать тебя, чтобы ты пришелъ домой, принялъ имущество и роздалъ его нищимъ за душу свою и отца; многіе отправились отыскивать тебя, но не нашли, а я, пришедши по дѣламъ своимъ, узналъ тебя. Не медли, пойди и исполни волю отца твоего". Отшельникъ отвѣчалъ: „мнѣ не слѣдуетъ возвращаться въ міръ". Но діаволъ разными обольстительными внушеніями склонилъ отшельника оставить келлію, проводилъ до города, гдѣ жилъ отецъ, и тутъ оставилъ его. Инокъ входитъ въ родительскій домъ, съ увѣренностію, что отца нѣтъ въ живыхъ, и вотъ самъ отецъ выходитъ къ нему на встрѣчу живъ и здоровъ. Сначала отецъ не могъ узнать своего сына, а сынъ постыдился объяснить истинную причину, почему онъ оставилъ келлію, и сказалъ, что этому причиной была его сыновняя любовь и привязанность къ отцу... Такъ и остался онъ въ мірѣ, окончательно измѣнивъ своимъ иноческимъ обѣтамъ (Отечн. еписк. Игнатія).

10. Святый Никита, епископъ Новгородскій, былъ родомъ кіевлянинъ и съ юныхъ лѣтъ вступилъ въ Печерскую обитель. Стремясь къ высшимъ подвигамъ, онъ вскорѣ рѣшился сдѣлаться затворникомъ, несмотря на всѣ внушенія настоятеля о преждевременности такого многотруднаго дѣла для молодого инока и, дѣйствительно, подвергся въ затворѣ искушенію. По внушенію отъ діавола, явившагося ему въ образѣ ангела свѣта, Никита совершенно пересталъ молиться Богу, весь предался чтенію ветхозавѣтныхъ книгъ, началъ принимать къ себѣ приходящихъ, давать имъ совѣты,

изрекать предсказанія и чрезъ то пріобрѣтать себѣ суетную славу. Никто не былъ въ состояніи состязаться съ нимъ въ знаніи книгъ ветхозавѣтныхъ. Совокупныя молитвы отцевъ Печерскихъ освободили несчастнаго инока отъ обаяній искусителя.

11. Одинъ изъ Ѳиваидскихъ старцевъ разсказывалъ о себѣ, что онъ, сынъ жреца идольскаго, въ дѣтскомъ возрастѣ былъ во храмѣ и видѣлъ отца своего, приносящаго жертвы идоламъ. Однажды, послѣ того, какъ отецъ вышелъ изъ храма, сынъ вошелъ тайно въ храмъ и увидѣлъ сатану. Сатана сидѣлъ на тронѣ; многочисленное воинство предстояло предъ нимъ. И вотъ, приходитъ къ нему одинъ изъ князей бѣсовскихъ и кланяется ему. Сатана спросилъ его: „откуда ты"? Князь отвѣчалъ: „я былъ въ такой то странѣ, возбудилъ тамъ войну и большое смятеніе, произвелъ кровопролитіе и пришелъ возвѣстить тебѣ". Сатана спросилъ: „во сколько времени сдѣлалъ ты это"? Тотъ отвѣчалъ: „въ тридцать дней". Сатана велѣлъ его бить бичами И вотъ другой пришелъ. Сатана спросилъ: „откуда ты"? Демонъ отвѣчалъ: „я былъ въ морѣ, воздвигъ бурю, потопилъ корабли, умертвилъ множество людей". Сатана спросилъ: „во сколько времени ты сдѣлалъ это"? Демонъ отвѣчалъ: „въ двадцать дней". И этотъ былъ битъ за медлительность. Но вотъ явился демонъ, говоря: „я изъ пустыни... уже сорокъ лѣтъ борюсь я съ однимъ изъ монаховъ и едва одержалъ надъ нимъ побѣду, повергнувъ его въ грѣхъ". Сатана услышавъ это, сказалъ: „ты совершилъ великое и славное дѣло". Увидѣвъ и услышавъ это, сынъ жреца сказалъ себѣ: „чинъ иноческій должно быть много значитъ у Бога". Онъ принялъ христіанство и вступилъ въ монашество (Отечн. стр. 480).

12. Святый мученикъ Трифонъ въ юномъ возрастѣ врачевалъ болѣзни и изгонялъ бѣсовъ. Римскій императоръ Гордіанъ, изъ дочери котораго св. мученикъ изгналъ бѣса, пожелалъ своими очами видѣть изгнаннаго. Мученикъ Трифонъ дѣйствительно вызвалъ бѣса, и всѣ увидѣли его въ видѣ чернаго пса съ огненными очами. Св. мученикъ спросилъ бѣса: „кто послалъ тебя въ отроковицу?" Бѣсъ отвѣчалъ: „отецъ, начальникъ всякой злобы, сидящій въ адѣ". На вопросъ Трифона: „кто далъ тебѣ такую власть?" Бѣсъ отвѣчалъ: „мы не имѣемъ власти надъ тѣми, которые знаютъ Бога и вѣруютъ въ Единороднаго Сына Божія, только по попущенію Божію, наносимъ легкія искушенія. А надъ тѣми имѣемъ полную власть, которые не вѣруютъ въ Бога, ходятъ въ похотяхъ своихъ и угодное намъ творятъ; угодныя же намъ дѣла суть: идолопоклонство, хула, прелюбодѣяніе, зависть, убійство, гордость и проч. Эти люди опутываются грѣхами, какъ сѣтьми; они—друзья наши, и одна ихъ съ нами участь будетъ (Чет. Мин. февр. 1).

Подобные разсказы встрѣчаются чуть-ли не на каждой страницѣ житій святыхъ... Но и приведенныхъ достаточно для доказательства того, какъ демоны уловляютъ чрезъ разныя злоухищренія души человѣческія въ пагубу.

Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь одинъ разсказъ изъ обыденной жизни въ подтвержденіе того, что злые духи имѣютъ сильное вліяніе на судьбу людей. Разсказъ этотъ принадлежитъ священнику о. Аркадію Левашеву и помѣщенъ былъ въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей" за 1878 г. Разсказъ ведется отъ имени почтеннаго пастыря Церкви.

„Въ вечеръ Великой субботы 1875 г. является ко мнѣ въ домъ гость—высокій мужчина, весь покрытый хлопьями мокраго снѣга... Это былъ знакомый мнѣ человѣкъ, старшій меня десятью годами... Бывало онъ часто употреблялъ слова „черти—діаволы", и вотъ они явились къ его услугамъ. Образъ или способъ, которымъ вліялъ бѣсъ на моего знакомаго, былъ поистинѣ изумительный. Бѣсъ незримо ни для кого, но слышимо для больного, ясно и отчетливо говоритъ ему. Тоны голоса онъ мѣняетъ: иногда говоритъ страшно угрожающимъ тономъ, иногда ласково! Но какъ бы, и о чемъ бы онъ ни говорилъ, его слова всегда оставляютъ въ душѣ моего знакомаго страхъ и уныніе. Ни днемъ, ни ночью бѣсъ не даетъ ему покоя своими рѣчами, переходящими иногда въ крикъ. Больной старается заглушить бѣсовскій голосъ молитвой, пѣніемъ церковныхъ пѣсней, но бѣсъ во все вмѣшивается, и молитвы не приносятъ успокоенія несчастному.

„Преслѣдуя свою жертву, бѣсы достигли, наконецъ, того, что разстроили разсудокъ моего знакомаго, который и былъ помѣщенъ въ больницу.

„Въ 25 верстахъ отъ К—ва есть село „Княжева Пустынь", куда православные ходили для исповѣди къ опытному духовнику... Дорога туда глухая, проселочная... Дѣло было ночью. Мой знакомый не убоялся ни темной ночи, ни лѣсовъ дремучихъ и изъ больницы прямо направилъ путь свой въ „Княжеву Пустынь". Страшный оглушительный бѣсовскій крикъ сопровождалъ его: „куда пошелъ? не ходи... попа дома нѣтъ". Оказалось, что, дѣйствительно, священника дома не было, и мой знакомый, не удовлетворивъ своей потребности, пошелъ домой. Дорогой встрѣчается съ нимъ промотавшійся полковникъ, съ которымъ онъ вмѣстѣ лежалъ въ больницѣ и который въ больницѣ же остался, когда тотъ убѣжалъ оттуда. Завязался разговоръ.

— „Пойдемъ, выпьемъ: здѣсь кабачекъ есть", обратился полковникъ къ моему знакомому.

— „Пожалуй, зайдемъ",—отвѣчалъ тотъ.

„Пошли мы съ полковникомъ", — разсказываетъ мой зна-

комыи: „пришли въ кабакъ, цѣловальникъ стоитъ за прилавкомъ, виднѣются штофы, полуштофы".

— „Подай намъ полштофъ водки",—говоритъ полковникъ цѣловальнику.

„Водка подана. Полковникъ налилъ мнѣ стаканъ. Я выпилъ, а отъ другого отказался.

— „Эхъ вы, говоритъ полковникъ". Вотъ мы не такъ пьемъ. Подай чашку, цѣловальникъ!"

„Подана была чашка. Всю оставшуюся въ полштофѣ водку и налитый стаканъ полковникъ вылилъ въ чашку, и тотчасъ выпилъ.

— „Вотъ какъ надо пить",—поучалъ онъ.

— „Ну, ужъ эдакъ-то сохрани и спаси Господи,—говорю я.

„Лишь только вымолвилъ я эти слова: ни кабака, ни цѣловальника, ни полковника, ничего не стало. Я оказался стоящимъ на пнѣ въ лѣсу, и не знаю, далеко ли отъ дороги. Тутъ я страшно испугался; въ воздухѣ послышалось страшное: ха-ха-ха... Долго я блуждалъ, стараясь выйти на дорогу. Я не радъ былъ жизни и уже подошелъ къ рѣкѣ, чтобы броситься въ прорубь, а бѣсъ шепчетъ „бросься... не утонешь"...

Крестясь, несчастный продолжалъ идти, не пошелъ въ городъ, а отправился странствовать... и по дорогѣ зашелъ ко мнѣ.

„Какъ же начались бѣсовскія навожденія?"—спросилъ о. Аркадій Левашевъ своего знакомаго, и тотъ разсказалъ, что бѣсы овладѣли имъ послѣ того, когда онъ, при живой женѣ, сошелся съ одной красавицей. Совѣсть начала мучить его, и вотъ для ея заглушенія онъ сталъ пить вино. Бѣсы и завладѣли имъ и постоянно кричали: „нашъ! нашъ!"

„Не было въ домѣ, кажется, ни одного мѣста, откуда бы не доносились до меня крики. И на полу, и на потолкѣ, и на стѣнахъ, и по скамьямъ,—вездѣ кричали на разные голоса, разсказывалъ несчастный... Бѣсовъ я даже видѣлъ... Какъ бы чадъ разстилался по полу, клубился и тутъ обращался во что то неосязательное, но видимо страшное—отвратительное; и это страшно кричало адскимъ голосомъ: „не уйдешь отъ насъ... нашъ!.. нашъ!"... Наконецъ, бѣсы стали прямо приступать ко мнѣ и говорить: „отдай намъ свою душу".

„Зарѣжься, зарѣжься",—кричали мнѣ бѣсы.

— „Да нечѣмъ",—отвѣчалъ я...

— „А вотъ серпъ",—указываютъ мнѣ: „имъ зарѣзаться можешь". И тутъ то мнѣ пришло на мысль помолиться Богу... Но лишь только я сталъ класть поклоны, бѣсы схватили меня за полы моей одежды, съ силой повлекли меня отъ мѣста, гдѣ я сталъ на молитву, и неистово кричали: „не молись, теперь поздно". Между тѣмъ, по милосердію

Божіему, я почувствовалъ въ себѣ какъ бы нѣкую силу. Я началъ крестить всѣ стороны, призывая на помощь Бога и Ангела-Хранителя. Бѣсы сначала смѣялись и передразнивали меня, но я не ослабѣвалъ въ призываніи на помощь Бога. И только послѣ долгой борьбы моей съ силой бѣсовской, она стала какъ будто удаляться отъ меня. Я не сталъ уже чувствовать осязательнаго прикосновенія къ себѣ бѣсовъ, бѣсовскихъ голосовъ казалось все меньше и дальше... и дальше... наконецъ, они совсѣмъ перестали быть слышны. Не безъ угрозъ, впрочемъ, бѣсы разстались со мной: изъ дальнаго угла донесся до меня страшный голосъ какъ бы самого сатаны, который, скрежеща зубами, желая какъ бы проглотить меня, простоналъ: „нашъ же, нашъ же будешь; погоди, мы тебѣ дадимъ". Всегдашній же мой спутникъ, бѣсъ, всегда говорящій мнѣ на ухо, на этотъ разъ проговорилъ: „напрасно ты дѣлаешь такъ". Избавился несчастный отъ бѣсовъ, но страшное отчаяніе овладѣло имъ: простилъ ли его Богъ, получилъ ли онъ спасеніе?

„Это великое несчастіе—впасть въ уныніе",—сказалъ священникъ А. Левашевъ своему знакомому: „это, какъ нельзя болѣе, помогаетъ бѣсамъ вліять и дѣйствовать на тебя; это безъ всякихъ бѣсовъ должно держать тебя въ постоянной тьмѣ, печали и уныніи; а при вліяніи на тебя бѣсовъ, эта безнадежность должна всецѣло отравить всю твою жизнь и обратить ее въ чистый адъ... Я понимаю это... Понимаю, пожалуй, лучше, чѣмъ кто-либо другой, потому что самъ подверженъ былъ подобному же искушенію. У меня, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, составилось нѣкогда представленіе, что въ званіи священника я не спасусь, — погибну для вѣчности. Но люди прозорливые, съ которыми мнѣ, по милости Божіей, приходилось встрѣчаться, поддерживали меня. Ты шелъ, да палъ... такъ что? и лежать надо... Нѣтъ, вставай. Не то дивно, что палъ, а то чудно, что возсталъ. Чаще исповѣдаться: Богъ грѣхи проститъ. Не думай, что Богъ тебя забылъ, отдавши во власть бѣсовъ. Нѣтъ! Богъ наказывалъ тебя, любя. Ты теперь знаешь, какъ жить въ обществѣ съ бѣсами, и теперь безъ сомнѣнія примешь всѣ мѣры, чтобы по смерти твоей, въ будущей жизни вѣчной Богъ избавилъ тебя отъ ихъ сообщества... Великое ты искушеніе терпишь, но если съ покорностію перенесешь его, то и великую награду получишь отъ Бога"... Эти наставланія пастыря произвели на несчастнаго благотворное дѣйствіе и, при Божіей помощи, ему удалось навсегда избавиться отъ вліянія злыхъ духовъ.

Вотъ нѣсколько случаевъ, которые могутъ служить прекрасной иллюстраціей къ словамъ преподобнаго Исаака Сирина и Антонія Великаго о способахъ вліянія на людей злыхъ духовъ. Приведенные случаи такъ наглядно пред-

ставляютъ злыхъ духовъ вліяющими на людей, что видѣть въ демонахъ здѣсь лишь простыя олицетворенія страстей,— нелѣпо. Бѣсы здѣсь не представляются только невидимыми внушителями худыхъ помысловъ людямъ, а изображаются дѣйствительно живыми существами, которыя, по попущенію Божію, являются къ людямъ въ разныхъ видахъ и бесѣдуютъ съ ними. Если бы гонимые отъ бѣсовъ были пьяницы или полупомѣшанные, тогда можно было бы подумать, что всѣ разсказы о явившихся имъ бѣсахъ — плодъ ихъ разстроеннаго воображенія. Но этого нельзя сказать о тѣхъ, которые при жизни считались святыми, — чрезъ которыхъ явно дѣйствовала благодать Божія, когда они еще находились въ бренномъ тѣлѣ. Что касается послѣдняго разсказа о вліяніи бѣсовъ, то онъ написанъ священникомъ,—лицомъ, говорящимъ все „по іерейской совѣсти", то есть все равно, что за присягой, и потому усомниться въ немъ нельзя. (Кн. „Злые духи". Игумена Марка).

Вопль души.

Всещедрый Боже, припадаю
Къ Тебѣ съ горячею мольбой,
О, помоги, къ Тебѣ взываю
Своею грѣшною душей.
Въ грѣховномъ морѣ утопаю,
Давно исправиться пора,
Но я не въ силахъ; умоляю,
Спаси меня, какъ спасъ Петра.
Простри Всесильную мнѣ руку,
Изъ бездны золъ возстанови,
Исторгни сердца злую муку
И вновь мнѣ душу обнови.
Своею милостью безмѣрной
Одежду брачную ей дай
И доведи тропою вѣрной
Къ Тебѣ, къ блаженству, въ свѣтлый рай!

(Душ. Чт. 1897 г.).

Въ предостереженіе отъ ложныхъ и опасныхъ современныхъ мудрствованій.

(Изъ поуч. преосв. Иринея, еписк. Екатеренбургскаго).

Я говорю вамъ, какъ разсудительнымъ; сами разсудите о томъ, что говорю (1 Кор. 10, 15).

Нынѣ вошло въ обычай, что почти каждый считаетъ себя въ правѣ судить обо всемъ, даже о томъ, о чемъ не имѣетъ понятія... Хотя и каждому понятно, что не выучившійся, напримѣръ, слесарному, или граверному, или золотопріисковому, или рудному, или другому подобному искусству, не можетъ разумѣть основательно этого дѣла; потому естественно, что благоразумный человѣкъ не станетъ съ видомъ знатока судить о такомъ дѣлѣ. Но—удивительное явленіе!—чуть не каждый считаетъ себя призваннымъ обсуждать важнѣйшіе предметы и явленія церковной, государственной и общественной жизни, порицать нерѣдко, самымъ рѣзкимъ образомъ, духовную и гражданскую власть, дѣлать свои проекты преобразованій, реформъ, представляя себя все понимающимъ, все разумѣющимъ лучше другихъ, лучше всѣхъ...

И какія неразумныя и опасныя мнѣнія и сужденія приходится нынѣ иногда выслушивать! Мнѣнія эти бываютъ не только совершенно неосновательны, но идутъ вразрѣзъ съ опытомъ и здравымъ смысломъ; и тѣмъ не менѣе, однако, они нерѣдко принимаются на вѣру даже и такими лицами, которые въ другихъ случаяхъ не вѣруютъ самому Евангелію... Естественно, впрочемъ, что кому противна истина, тотъ долженъ показывать видъ, что доволенъ проповѣдью неправды и лжи. Подалъ бы намъ Богъ, чтобы заблужденія и ложь съ ихъ печальными послѣдствіями меньше распространялись у насъ! И благодареніе Господу, пока еще не широкій кругъ, гдѣ распространяютъ и на вѣру принимаютъ заблужденія, которыя мы имѣемъ въ виду; но все-таки, къ сожалѣнію, они проникаютъ и въ такія области, гдѣ имъ совсѣмъ не слѣдовало быть... Поэтому необходимо взять противъ нихъ благовременныя предосторожности.

Вотъ простые, не мудрствующіе лукаво, люди слышатъ отъ лукавыхъ человѣковъ, считающихъ себя мудрѣйшими изъ всѣхъ, такія опасныя, зловредныя рѣчи, что не должно быть никакихъ государственныхъ и общественныхъ податей и налоговъ, что не слѣдуетъ быть никакимъ военнымъ повинностямъ, и что всѣ общественныя подати когда-нибудь сами собою уничтожатся съ лучшимъ общественнымъ благоустройствомъ“... Что отвѣчать на это? — Руководитесь въ отвѣтѣ

слѣдующими соображеніями. Первѣе всего надо помнить то, что государственная и общественная жизнь строится на тѣхъ же основахъ, какъ и жизнь каждаго семейства, всякаго промышленнаго, торговаго или другого какого-либо общества. Всякое же семейство, всякое общество, неизбѣжно для своего существованія и благосостоянія, должно производить извѣстныя имущественныя или денежныя затраты, нести расходы. Для покрытія этихъ расходовъ и издержекъ нужно имѣть или капиталы или доходныя статьи; а если такихъ доходныхъ статей или наличныхъ капиталовъ бываетъ недостаточно, или же ихъ совсѣмъ нѣтъ, то приходится на удовлетвореніе неизбѣжныхъ потребностей и нуждъ наложить на своихъ членовъ особыя повинности. Государству же сверхъ того для защиты отъ нападеній внѣшнихъ враговъ и устроенія внутренняго порядка необходимо имѣть войско и много разныхъ правительственныхъ служебныхъ лицъ. И чѣмъ непокойнѣе время, т. е. чѣмъ непослушнѣе и недовольнѣе люди, тѣмъ больше правительству нужно чиновниковъ, судей и войска.

Ясно, кажется, что для того, чтобы государство могло насъ защищать отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ и кромѣ того, чтобы у насъ были церкви, школы, больницы, разные правители, судьи, войско, и чтобы вообще у насъ были безопасность, спокойствіе, порядокъ и благосостояніе,—для этого государству нужна громадная сумма денегъ, для пріобрѣтенія коей каждый, смотря по состоянію, и долженъ содѣйствовать государству податями и разными повинностями. О податяхъ и повинностяхъ есть заповѣдь Самого Христа Спасителя. Онъ сказалъ: „отдавайте кесарево кесареви,“ т.-е. что слѣдуетъ давайте государственной власти (Мѳ. 22. 21). И св. апостолъ Павелъ заповѣдуетъ христіанамъ: отдавайте каждому должное, кому повинности—повинности, кому подать—подать, кому честь—честь“ (Рим. 13, 7). Помните это, возлюбленные, главное—не увеличивайте сами общественныхъ повинностей, государственныхъ налоговъ нарушеніемъ и неисполненіемъ законовъ, своимъ недовольствомъ, своимъ непослушаніемъ, преступленіями и недоброю, нехристіанскою жизнію. Если бы, по возможности, всѣ люди были правдивы, послушны, миролюбивы, честны и благожелательны другъ къ другу,—словомъ, если бы жили по-христіански, то гораздо меньше было бы государственныхъ и общественныхъ повинностей и податей...

Слышны у васъ и такія безумныя рѣчи, что „нѣтъ надобности въ начальствѣ, что можно обойтись безъ всякой власти“... Но естественно спросить: на какомъ основаніи говорится это? Чѣмъ вызвана богопротивная мысль о ненадобности начальства и власти? Ибо трудно представить, чтобы такіе противники власти и любители безначалія не понима-

ли, что если въ каждомъ домѣ долженъ быть хозяинъ, въ каждой школѣ учитель, на всякомъ кораблѣ кормчій, во всякой деревнѣ или селѣ—староста или старшина, какъ бы онъ тамъ ни назывался,—то тѣмъ болѣе нужно сказать о государствѣ, что оно не можетъ существовать безъ власти. Притомъ, кто изъ христіанъ не знаетъ, что всякая власть происходитъ отъ Бога, что существующія власти отъ Бога установлены, и что противящійся власти противится Божію установленію (Рим. 13, 1—2)? Въ ученіи апостола Павла о власти есть замѣчательныя слова, дающія отчасти основаніе и къ рѣшенію вопроса, почему нѣкоторымъ пріятна мечта и проповѣдь о безначаліи. Апостолъ говоритъ, что „начальникъ, Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое и что начальствующіе страшны для злыхъ“ (ст. 3, 4). Не имѣется ли за проповѣдниками безначалія такихъ дѣлъ, нѣтъ ли у нихъ такихъ беззаконныхъ замысловъ (наприм. въ случаѣ безвластія самимъ занять властную должность)... за которые имъ нужно страшиться существующей власти, ожидать отъ нея наказанія?.. Апостолъ говоритъ, что „начальникъ, какъ слуга Божій, намъ на добро.“ Если же начальство намъ на добро, то какъ же считать его ненужнымъ? Апостолъ говоритъ: „если дѣлаешь зло, то бойся: не напрасно начальникъ носитъ мечъ.“ Такимъ образомъ мы естественно приходимъ къ заключенію, не страхъ ли ожидаемой отъ начальства кары за недобрыя дѣла побуждаетъ къ отрицанію власти.—Поэтому не прилагайте, возлюбленные, слуха къ рѣчамъ законопреступниковъ: недоброе у нихъ на умѣ!.. Намъ необходимо прилежно молить Господа, чтобы Онъ даровалъ носителямъ власти твердость, разумъ и силу къ исполненію требованій законовъ Божіихъ и царскихъ, въ охрану порядка и спокойствія, дабы они предусматривали и преграждали источники смутъ и непорядковъ, особенно въ такія времена, когда извращеніе нравственныхъ понятій, общественнаго долга и правды незамѣтно просачиваются и въ твердую доселѣ народную почву. Поэтому, подчиняясь власти, мы должны только молиться о томъ, чтобы начальствующіе, сами слѣдуя въ жизни своей закону Божію и исполняя велѣнія и желанія Верховной Власти, шли къ достиженію блага общаго, путями правды и истины Христовой; и чтобы всѣ подчиненные по совѣсти и вѣрно исполняли свои обязанности, не слушая враговъ вѣры и общественнаго благоустройства.

Слышатся среди васъ, какъ сообщаютъ намъ, и такія зловредныя рѣчи: „возмутительно, говорятъ, такое несоразмѣрное распредѣленіе имущества между богатыми и бѣдными, какое видимъ нынѣ.“ По мудрованію зловредныхъ смутьяновъ, все должно быть распредѣлено поровну и что будто при этомъ только условіи возможенъ на землѣ миръ, счастіе

и довольство. Къ вразумленію такихъ сумасбродныхъ мечта телей да послужитъ слѣдующій примѣръ. Нѣкоторый отецъ, умирая, раздѣлилъ все свое имущество между семью своими сыновьями по равной части. Получивъ каждый свою часть, они стали жить отдѣльно своимъ хозяйствомъ. По истеченіи десяти лѣтъ, кто-то полюбопытствовалъ узнать, какъ идетъ ихъ хозяйство. Оказалось слѣдующее: изъ семи сыновей только два сохранили свое наслѣдство въ томъ видѣ, какъ получили; два нѣсколько увеличили свои части; два напротивъ сократили, и одинъ совершенно потерялъ свою часть имущества... Равное распредѣленіе имущества, такимъ образомъ, оказалось непродолжительнымъ. Да иначе и быть не можетъ. Что оказалось на данномъ примѣрѣ — должно быть всегда и вездѣ. Послѣ короткаго времени равное распредѣленіе имущества должно исчезнуть. Счастіе и несчастіе въ жизни обладателей равныхъ частей имущества, способность и неспособность ихъ, прилежаніе и лѣность и другія обстоятельства непремѣнно у одного сократятъ, а у другаго увеличатъ имущество и собственность, такъ что какъ бы часто ни происходило новое дѣленіе на равныя части, снова вскорѣ повторилась бы прежняя исторія. При этомъ надо имѣть въ виду и то, что равное распредѣленіе имущества между людьми не имѣетъ для себя основаній въ волѣ Божіей, и мечтаемая равномѣрность и не составляетъ необходимости для блага людей. Есть основаніе утверждать, что неравенство въ распредѣленіи имущества имѣетъ нравственную для себя основу; ибо вслѣдствіе того, что одинъ богатъ, а другой бѣденъ, одинъ болѣе состояteленъ, а другой менѣе, каждый имѣетъ надобность въ другомъ, и такимъ образомъ устрояется тѣсная связь между людьми, на что есть и воля Божія. Равное распредѣленіе имущества, поэтому, и невозможно, и неполезно и желается только такими людьми, которые хотѣли бы отнять у другихъ чужое...

Можете, наконецъ, услышать и такія рѣчи, которыя прежде говорились людьми безумными только въ сердцѣ своемъ: „не нужно никакой религіи, не нужно церкви; можно и безъ нихъ спокойно прожить вѣкъ"... На такія безбожныя рѣчи отвѣчайте: если бы человѣкъ былъ только неразумнымъ животнымъ и не имѣлъ разумной, безсмертной, созданной по образу Божію, призванной къ вѣчному блаженству души, тогда можно было бы изрекать подобные безумные глаголы... Но человѣкъ имѣетъ назначеніе, призваніе, способность и обязанность познавать Бога и служить Богу; только въ Богѣ и чрезъ Бога онъ можетъ находить свое истинное счастіе: а это и возможно только при религіи. Для вѣрнаго и несомнѣннаго достиженія своей истинной, вѣчной цѣли и назначенія, человѣку необходимо имѣть религію, знать что она указываетъ и что требуетъ, пользоваться благодатными сред-

ствами Церкви, руководительствомъ церковнымъ. Святая Церковь есть устроенная Самимъ Христомъ непогрѣшимая учительница истины и добродѣтели, она есть ковчегъ, въ которомъ всѣ можемъ спасаться отъ вѣрной погибели; она есть видѣнная Іаковомъ лѣствица, по которой мы можемъ и должны восходить на небо.

Возблагодаримъ, возлюбленные, Господа за дарованную намъ спасительную религію Христову и св. Церковь, хранительницу истины и сокровищницу благъ, потребныхъ человѣку для его счастія и блаженства. Благо тому, для кого религія и православная Церковь первое и желаннѣйшее благо: блаженъ тотъ, кто любитъ свою религію, свою св. Церковь, кто не допускаетъ себѣ заблуждаться въ своей вѣрѣ и обманываться пустыми измышленіями легкомысленныхъ и не всегда добросовѣстныхъ людей. Только св. вѣра христіанская приводитъ къ истинной добродѣтели и довольству. Безъ религіи никто не можетъ быть истинно добрымъ и счастливымъ. Многовѣковый опытъ свидѣтельствуетъ, что семейства, общества, страны, въ которыхъ мало цѣнится св. вѣра Христова, оказываются въ высшей степени несчастными; существованіе ихъ непрочно. Что такое въ семействѣ отецъ, мать, супругъ, супруга, а въ обществѣ начальникъ, гражданинъ, воинъ — безъ религіи и страха Божія?! И что такое были бы самыя торжественныя клятвы и присяга безъ религіи? Не болѣе, какъ пустая и ничего не значущая форма. Для всякаго семейства, для всякаго общества и государства религія есть самое лучшее и спасительнѣйшее благо. Поэтому для насъ должны быть священными ученія св. вѣры, ея заповѣди и учрежденія, а кто дерзаетъ порицать религію или Церковь, того нужно особенно беречься, потому что такой не дѣлаетъ добра ни себѣ, ни другимъ. Помните: смущающій васъ понесетъ грѣхъ (и результаты грѣха)... кто бы онъ ни былъ (Гал. 5, 10). Не нужно обольщаться подобными приведенными мудрствованіями, а необходимо твердо держаться того, чему учитъ св. православная Церковь. Слѣдуетъ всегда имѣть въ виду слово Апостола: Не будь побѣжденъ злымъ, но побѣждай зло добромъ (Римл. 12, 21).

О врагахъ истинно-православной Церкви.

(Изъ поуч. преосв. Іустина, бывшаго еп. Уфимскаго).

Аще же и Церковь преслушаетъ братъ твой, буди тебѣ яко-же язычникъ и мытарь (Матѳ. 18, 15—17).

Слова сіи сказалъ Спаситель нашъ. Изъ словъ этихъ, само собою, видно, что въ Церкви Христовой всегда могутъ быть, какъ и были и нынѣ есть, ослушники ея: *подобаетъ и ересемъ быти*, сказалъ ап. Павелъ. И дѣйствительно: во все время существованія на землѣ Церкви Христовой, у ней всегда были, какъ и теперь есть, разные ослушники и враги ея.

Лишь только возникла еще юная Церковь Христова, какъ у ней явились уже враги и гонители ея. Самъ апостолъ Павелъ, до обращенія своего, говоритъ о себѣ: По *премногу гонихъ Церковь Божію и разрушахъ ю*. Но онъ скоро обратился и былъ великимъ, уже не гонителемъ, а поборникомъ Церкви. Потомъ вооружились всѣми адскими силами на Церковь Христову евреи. Они безпощадно гнали самого апостола Павла и неустанно преслѣдовали во всѣхъ концахъ вселенной вѣрующихъ во Христа Спасителя міра, — во всѣхъ предѣлахъ земли старались разрушать, насажденныя святыми Апостолами, юныя Церкви. Злоба ихъ противъ христіанъ была неимовѣрно велика; но зубы ихъ скоро сокрушились о камень христіанской вѣры.

Вслѣдъ за евреями или, лучше сказать, вмѣстѣ съ ними, поднялись на христіанъ язычники, населявшіе всю вселенную. Почувствовавъ всю силу христіанства и безсиліе своихъ стародавнихъ вѣрованій, язычники, во что бы то ни стало, хотѣли совсѣмъ уничтожить христіанскую новую вѣру; и для этого пустили въ ходъ всевозможныя преслѣдованія и мученія христіанъ. Цѣлыхъ десять страшныхъ гоненій и гонителей являлись одни за другими на Церковь Христову отъ язычниковъ. Въ этихъ гоненіяхъ все испытано надъ христіанами: и огонь, и вода, и мечи, и висѣлицы, и желѣзные когти, и звѣриные зубы. Цѣлыхъ три вѣка христіанская кровь лилась по землѣ рѣками отъ жестокихъ и звѣрскихъ гоненій жидовскихъ и языческихъ. Но тѣ и другіе погибли и погибаютъ въ своей безумной ярости, а Церковь осталась непобѣдимою и укрѣпилась на дальнѣйшую борьбу съ своими врагами.

Не успѣла св. Церковь успокоиться отъ внѣшнихъ гоненій, какъ явились новые враги ея внутренніе. Это—разныхъ сортовъ безбожные еретики, волновавшіе Церковь Христову болѣе шести вѣковъ, начиная съ Арія и кончая иконоборцами. Особенно сильно было гоненіе на Церковь Божію отъ

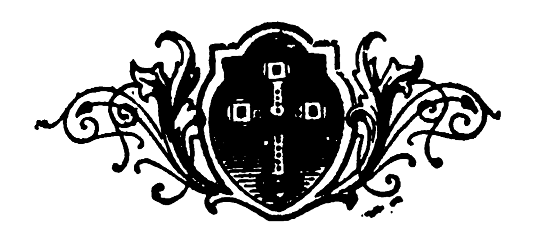
аріанъ. Арій и его послѣдователи вооружились на самое божественное лицо Господа Іисуса Христа и хотѣли низвести въ рядъ тварей Божіихъ. Злая аріанская ересь охватила было весь міръ христіанскій, но погибла съ шумомъ, и Церковь осталась непобѣдимою. Вслѣдъ за аріанскою явилась ересь несторіанская; за нею—монофизитство; потомъ—монофелитство, и, наконецъ, безумное иконоборство. Много было борьбы съ несторіанствомъ, отвергавшимъ Богорожденіе Господа Іисуса Христа отъ Пресвятой Дѣвы Маріи, и не хотѣвшимъ называть Ее Богородицею. Еще болѣе требовалось борьбы съ ересью монофизитовъ, думавшихъ, въ лицѣ Іисуса Христа—одно естество Божеское а не человѣческое и съ лжеученіемъ монофелитовъ, хотѣвшихъ признавать въ Іисусѣ Христѣ одну только волю Божескую, а не человѣческую. Но всего болѣе безпокоило Церковь иконоборство, которое много пролило крови христіанской. Но всѣ эти злобные враги Церкви Христовой скоро погибли и ереси ихъ исчезли; а истинная Церковь стоитъ на камени православнаго исповѣданія своего твердо и непоколебимо, предавъ всѣхъ своихъ враговъ и гонителей грозной анаѳемѣ.

Не успѣла св. Церковь оправиться отъ вѣковой борьбы съ врагами своими, и возблагодарить Бога за побѣду надъ ними, какъ отъ восточной—греческой православной Церкви отдѣлилась западная—римская Церковь, и стала во враждебное отношеніе къ истинной Церкви—восточной. Потомъ, отъ римской Церкви отдѣлились лютеранская, реформатская, протестантская, кальвинская и проч., которыя, раздробившись въ свою очередь на безчисленныя секты и общества, сами собою живутъ враждебно, и особенно вооружаются на Церковь православную. Съ другой стороны, на Церковь восточную посланъ ужасный бичъ Божій въ лицѣ мусульманъ, которые, завоевавъ Константинополь, воздвигли на Церковь Божію и до сихъ поръ воздвигаютъ страшныя гоненія. Православіе изъ восточной греческой Церкви всецѣло перешло къ намъ — въ Россію, при великомъ князѣ Владимірѣ, которымъ крещена была Русь и стала святою.

Но и наша грекороссійская церковь не долго наслаждалась полнымъ спокойствіемъ и миромъ: скоро у насъ появились непріязненныя дѣйствія на Церковь Божію—это междоусобіе князей, за ними татарщина, за татарщиной — иностранщина, внесшая въ Россію масонство, пашковщину, штундизмъ, толстовщину и проч. и проч. Все это непріязненно и враждебно относилось и относится къ Церкви Христовой. Такъ, Церковь наша со всѣхъ сторонъ окружена разнаго рода раціоналистами, атеистами, нигилистами, прогрессистами. Невѣріе и суевѣріе, какъ море, разливается около насъ. Вмѣстѣ съ симъ появились у насъ такіе люди, которые *изыдоша отъ насъ, но не быша отъ насъ*. Это наши доморощенные раскольники или

старообрядцы, раздробившіеся, такъ же какъ и протестанты на западѣ, на безчисленные толки и секты, другъ другу враждебные, если взять ихъ по частямъ, но всѣ вмѣстѣ—злѣйшіе враги истинной Церкви Христовой.

И смотрите, чѣмъ - чѣмъ ни вооружено это сатанинское воинство противъ Церкви православной!? Тутъ и огнестрѣльное оружіе, и кинжалы, и сабли, и мечи, и стрѣлы, и копія, и камни, и дубины, устремленные на уязвленіе Церкви. Упорство и злоба этихъ враговъ неимовѣрна. Злоба ихъ такъ сильна, что, въ случаѣ невозможности уязвить Церковь Христову, убиваютъ сами себя, сожигаютъ, морятъ голодомъ, живыхъ въ землю закапываютъ, какъ это недавно случилось, изрыгаютъ хулы на Самого Бога. Чѣмъ объяснить такую злобу? Ничѣмъ не объяснить, какъ только вліяніемъ духа злобы. А Церковь православная, управляемая Самимъ Господомъ, оживляемая Духомъ Святымъ, поучаемая св. Апостолами, святителями, пастырями и учителями ея, неуязвимая адскою злобою враговъ своихъ, на всѣхъ парусахъ идетъ себѣ къ своему назначенію, по бурному житейскому морю—къ тихому пристанищу. Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ трудно объяснить причины этого невѣрія и суевѣрій, особенно трудно уразумѣть упорство нашихъ старовѣровъ. Царь у насъ православный; пастыри и учители православные; большинство народа православное; господствующая Церковь православная; свѣтъ ея сіяетъ, яко полудне, во очію всѣхъ; безчисленные православные храмы, какъ наглядное выраженіе Церкви Христовой, красуются во всѣхъ концахъ Руси православной, а тамъ паритъ непроглядная тьма. Боже Великій! Что это такое?! Но не усиливаясь разгадать неизслѣдные пути Промысла Божія, пожалѣемъ отъ всей души погибающихъ собратій нашихъ по созданію, будемъ усердно молиться за нихъ и за себя: „Утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, Церковь, юже стяжалъ еси честною Твоею кровію.“

Берегите вѣру православную.

Братіе христіане православные, берегите свою вѣру паче злата и сребра и храните ее, какъ зѣницу ока. Ничто земное не достойно быть ея замѣною. Очень худо поступаютъ тѣ изъ васъ, которые живя между полувѣрными, иновѣрными и невѣрными, увлекаются ихъ примѣромъ и соблазномъ и, не дорожа почти нисколько своимъ званіемъ православныхъ, поступаютъ въ жизни и дѣлахъ въ иномъ не лучше, а во многомъ даже хуже и безчестнѣе всякаго еретика, невѣра и язычника, забывая о томъ, что съ православныхъ взыщется гораздо строже на страшномъ судѣ Христовомъ.

Что тогда намъ пользы и хвалы въ нашемъ православіи, когда оно останется у насъ только громкимъ словомъ или именемъ безъ всякихъ доказательствъ или правъ на званіе? Мы будемъ тогда только гнусными самозванцами, которые называютъ себя таковыми, а на дѣлѣ и въ жизни являются другими.

Развѣ это христіанинъ, и притомъ православный, который не знаетъ, не уважаетъ, да и знать и почитать не хочетъ ни креста, въ его правильномъ изображеніи, ни поста, никакого праздника?

Это ли христіане, которые, нагло попирая всѣ уставы православной Церкви, наканунѣ даже и великихъ праздниковъ или постовъ позволяютъ себѣ безъ всякаго стыда и совѣсти не только срамныя пѣсни, безстыдныя пляски, шумныя, кощунственныя бесѣды, блудныя зрѣлища, различнаго рода игры азартныя, не только объяденія и пьянство до безумія, но и другія страшныя и срамныя дѣла.

Это ли христіане, и притомъ православные, которые и сами не знаютъ, какой они вѣры и для чего они живутъ на свѣтѣ, почему ихъ называютъ христіанами и почему православными, которые не знаютъ никакой молитвы, не знаютъ даже, кто такой Христосъ Спаситель, что такое Церковь и какія ея таинства и обряды, которые въ полномъ смыслѣ этого слова не умѣютъ даже перекреститься, да и не знаютъ, что такое крестъ и что онъ означаетъ, которые по нѣскольку лѣтъ сряду не бывали не только у исповѣди и св. причастія, но даже иногда иные и въ храмѣ Божіемъ. И пусть бы это только „люди темные,“ какъ и сами они сознаются въ этомъ откровенно; а то нерѣдко все это можно встрѣтить и между людьми просвѣщенными, только безъ сомнѣнія свѣтомъ не Христовымъ. Нѣтъ, это не христіане, а чистые безбожники и въ словѣ и въ дѣлѣ.

Итакъ, сознайте, православные христіане, свою слабость въ дѣлахъ вѣры и благочестія, свое нерадѣніе объ исполне-

ніи святыхъ заповѣдей Божіихъ и уставовъ той Церкви православной, которую, какъ матерь, мы такъ часто оскорбляемъ своимъ неповиновеніемъ. Затѣмъ перемѣните, по возможности, жизнь свою на новую, лучшую жизнь о Христѣ. Тамъ, гдѣ увидите при этомъ свое безсиліе, обратитесь съ усердною молитвою къ Богу. Просите Его съ теплой вѣрой и глубокимъ смиреніемъ о всемъ, что нужно и полезно вамъ,—просите, и дано будетъ вамъ.

Вѣрующему все возможно. Хотя не вдругъ, а понемножку, постепенно пріучитесь къ исполненію закона Божія во всѣхъ дѣлахъ, словахъ и мысляхъ, и твердо соблюдайте всѣ уставы святой Церкви, пріучая къ тому же и вашихъ домочадцевъ, начиная съ правильнаго изображенія на себѣ крестнаго знаменія, неуклоннаго исполненія всѣхъ домашнихъ и общественныхъ молитвъ, располагая себя и другихъ къ частому посѣщенію храма Божія, къ строгому наблюденію всѣхъ постовъ и уваженію великихъ нашихъ праздниковъ церковныхъ. Обратившій грѣшника отъ пути заблужденія спасетъ и свою душу и его. Только при общемъ содѣйствіи и возможно поддерживать упадающую среди насъ святую вѣру православную. (Изъ пропов. прот. І. Полисадова, т. 1, кн. 3, стр. 10—14).

* * *

Церковь—ковчегъ спасенія.

Какое высокое значеніе придаетъ храму Божію Самъ Богъ, благоволившій въ немъ воспитать и уготовить Пресвятую Дѣву въ Матерь Себѣ! И если ветхозавѣтный храмъ, подзаконный, имѣлъ такое значеніе, то какое значеніе и силу для христіанина имѣетъ и долженъ имѣть храмъ новозавѣтный, христіанскій,—и какъ должны благоговѣть предъ нимъ христіане, какъ любить его, съ какимъ усердіемъ посѣщать его, съ какимъ вниманіемъ стоять въ немъ и молиться.

Какъ особенно родители должны усердно ходить въ храмъ и водить въ него своихъ дѣтей, если хотятъ ихъ сдѣлать добрыми христіанами и почтительными чадами, признательными и благодарными!

Мы часто видимъ нынѣ дѣтей обоего пола непочтительными и часто дерзкими къ родителямъ, непокорными, а—

безчисленномъ множествѣ, по молитвамъ святыхъ, свидѣтельствуютъ, что и нынѣ дивныя дѣла Божіи можетъ видѣть и испытать на себѣ всякій вѣрующій человѣкъ, лишь бы онъ молился съ теплой вѣрой и твердымъ упованіемъ на Бога.

Священникъ с. Сосницы, Полоцкаго уѣзда ***Петръ Петровскій.***
(Полоц. Епарх. Вѣд. 1887 г. № 4).

Сила вѣры.

(„**Москов. Церк. Вѣд.**" 1884 г., № 4.)

Много есть въ природѣ такого, чего нельзя измѣрять ходомъ дѣлъ естественнаго порядка, но такъ или иначе, въ виду ниже приведеннаго факта, должны признать не только христіане, но даже и люди невѣрующіе, дѣйствіе премудрости силы Божіей, безъ которой не можетъ погибнуть ни одинъ даже волосъ головы человѣческой. Все, что мы намѣрены сообщить,—фактъ, записанный прямо изъ устъ истинно вѣрующаго христіанина.

Не такъ давно, въ одной семьѣ, мать семейства заболѣла и заболѣла серьезно. Мужъ этой женщины вынужденъ былъ отправить ее на излѣченіе въ одну изъ городскихъ больницъ. Достовѣрно не знаемъ—не интересовались, долго-ли она тамъ находилась, но дѣло въ томъ, что врачи посовѣтовали мужу взять обратно изъ больницы больную, не оказавши ей врачебной помощи, подъ тѣмъ предлогомъ, что болѣзнь хроническая, требующая весьма продолжительнаго и сомнительнаго, въ смыслѣ благопріятнаго исхода, лѣченія, что съ подобными болѣзнями имъ невозможно держать больныхъ, въ виду наплыва больныхъ съ острыми болѣзнями. Получивши такое печальное заявленіе, мужъ больной былъ огорченъ. Больная, предъ тѣмъ какъ оставить больницу, получила отъ врача надлежащее медицинское наставленіе и рецептъ, въ которомъ было прописано медикаментовъ рублей приблизительно на семь. Потерявши всякую надежду и довѣріе къ врачамъ земнымъ, больная не пожелала болѣе уже расходовать деньги по рецепту врача, и просила своего мужа препроводить эти деньги лучше врачу не отъ міра сего, врачу и цѣлителю св. великомученику Пантелеимону. Мужъ, не желая огорчить отказомъ свою больную жену и радуясь, что можетъ доставить ей утѣшеніе, попросилъ, чтобы ему привезли въ домъ св. мощи; былъ отслуженъ молебенъ угоднику и хроническая болѣзнь, въ смыслѣ безнадежности излѣченія, оказалась послѣ того не хронической. Больная стала видимо поправляться. Мужъ отъ радости пригласилъ къ ней того самаго врача, который ее прежде пользовалъ, чтобы онъ константировалъ фактъ выздоровленія. Врачъ выздоровленіе сталъ приписывать дѣйствію единственно своего лѣкарства, но когда ему объяснили, что имъ больная не пользовалась, то выздоровленіе онъ сталъ приписывать дѣйствію средствъ какого-либо другаго врача, у котораго больная стала лѣчиться по выходѣ изъ больницы. Въ настоящее время какъ

больная, такъ равно и мужъ ея всецѣло дѣло выздоровленія приписываютъ дѣйствію вѣры въ силу цѣлителя Пантелеимона.

Священникъ *Леонидъ Воздвиженскій.*

Чудесное исцѣленіе отъ болѣзни.

(„Русскій Паломн.“ 1890 г. № 4).

Сынъ мой Николай, 15-ти лѣтъ, простудившись въ концѣ января 1888 года, сдѣлался боленъ настолько, что не могъ работать и съ трудомъ могъ ходить по причинѣ сильной ломоты въ ногахъ, переходившей въ ту или другую руку или въ обѣ руки, въ голову и грудь. Болѣзнь была, по всему вѣроятію, суставный ревматизмъ. Я помѣстилъ сына въ одну изъ Петербургскихъ городскихъ больницъ, но такъ какъ лѣченію врача боли не поддавались, то врачъ черезъ двѣ недѣли прекратилъ лѣченіе, а черезъ мѣсяцъ выписалъ сына моего совершенно больнымъ и не могшимъ ходить, такъ что я принужденъ былъ черезъ день же отправить его въ другую больницу, въ которой онъ пользовался лѣченіемъ тоже около двухъ недѣль и опять былъ выписанъ больнымъ. Въ одно изъ моихъ посѣщеній, выписываемый врачами сынъ мой настолько былъ слабъ, что не могъ подняться съ постели, чтобы поздороваться со мною; я уже потерялъ всякую надежду на его излѣченіе и, положась на волю Единаго Всемогущаго Господа и Его Пречистую Матерь, сталъ молиться о болящемъ сынѣ. Въ то время мнѣ пришлось прочитать о многочисленныхъ и чудесныхъ исцѣленіяхъ многоразличныхъ болѣзней (не излѣчимыхъ врачами) отъ части честныхъ мощей св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона, во время слѣдованія этой святыни съ Аѳона въ 1863, 64 и 65 гг. въ пути и въ Петербургѣ, въ Александро-Невской Лаврѣ. Съ несомнѣнной вѣрой и усердной молитвой и я, многогорѣшный, обратился къ этому чудному врачу, цѣлителю Пантелеимону,—просилъ его усердно и дома во время работы и во св. храмѣ предъ его честной иконой; а предъ св. нетлѣнными мощами на Ново-Аѳонскомъ подворьѣ и въ Александро-Невской Лаврѣ отслужилъ молебенъ и прочитывалъ нѣсколько разъ акаѳистъ св. Страстотерпцу. Послѣ сего придя навѣстить сына, я неожиданно нашелъ его въ лучшемъ положеніи; принесъ съ собою акаѳистъ св. Пантелеимону и велѣлъ сыну съ умиленіемъ читать его ежедневно. Принесъ и просфору, но сестра милосердія, по слабости его здоровья, не дозволила ему давать просфоры; не смотря однако на это сынъ мой страстно пожелалъ просфоры, хотя маленькій кусочекъ, что я и исполнилъ. Принесъ и маслица изъ лампады: помазалъ имъ больныя мѣста и далъ проглотить нѣсколько капель; затѣмъ вручилъ крошечную стклянoчку, велѣлъ самому каждый день мазаться и принимать внутрь съ молитвою; принесъ также маленькій образокъ Святаго, повѣсилъ его въ изголовьи и велѣлъ молиться ему усердно, хотя на постелѣ, и просить объ исцѣленіи, при чемъ увѣрялъ

его, что онъ непремѣнно будетъ здоровъ, если попроситъ угодника Божія. Съ того времени сынъ мой быстро началъ поправляться и скоро опять былъ выписанъ изъ больницы. Спустя нѣсколько дней, мы пошли въ Александро-Невскую Лавру, отслужить молебенъ предъ честными мощами угодника Божія; благодарили его и просили о совершенномъ исцѣленіи и св. Страстотерпецъ внялъ слабой молитвѣ нашей: вскорѣ сынъ мой совершенно сталъ здоровъ и мы снова пошли благодарить безмезднаго Врача, въ церковь во имя его, и отслужили молебенъ предъ честной и чудотворной его иконой. Независимо отъ сего я молился и о себѣ, потому что и самъ былъ боленъ, тоже ревматизмомъ я прострадалъ около двухъ лѣтъ; 3 мѣсяца совершенно не могъ работать и едва передвигалъ ноги; въ продолженіе моей болѣзни пользовался 1½ мѣсяца въ больницѣ, а всего пользовался въ разное время у пяти врачей и испытывалъ многоразличныя домашнія средства, но все было тщетно. Тогда, истощивъ уже скудныя мои средства, я снова возложилъ надежду на Врача врачующихъ Господа и раба Его св. великомуч. цѣлителя Пантелеимона; къ сему-то святому врачу я и прибѣгнулъ съ искренней молитвой о сынѣ и о себѣ, и онъ услышалъ насъ грѣшныхъ и даровалъ обоимъ намъ совершенное исцѣленіе, такъ что съ мая мѣсяца 1889 г., ни я, ни сынъ мой не чувствуемъ ни малѣйшей боли. Приписывая столь чудесное и благодатное исцѣленіе особой къ намъ милости Божіей, Его Пречистой Матери и цѣльбосной силѣ св. великомуч. Пантелеимона, я счелъ долгомъ засвидѣтельствовать сіе чудесное исцѣленіе гласно: во славу Всемогущаго Господа Іисуса Христа, и въ честь угодника Его св. великомуч. и цѣлителя Пантелеимона, ему же и благодареніе. Крестьянинъ Костромской губ., Солигаличскаго уѣзда, Карцевской вол., дер. Шаломецъ, Михаилъ Софроновъ Потаповъ.

Кара Господня надъ хульницею Церкви Божіей.

(Тобол. Еп. Вѣд. №№ 23—24-й 1889 г.)

Противо-раскольническая миссія въ Тобольской епархіи существуетъ съ 1887 года. Состоя въ должности епархіальнаго миссіонера, я нерѣдко бывалъ въ деревнѣ Бердюгиной, Ялуторовскаго округа, сплошь населенной раскольниками безпоповцами. Здѣсь бесѣды со старообрядцами всегда ведутся въ довольно помѣстительномъ домѣ крестьянина Давида Швецова, принявшаго въ мартѣ настоящаго года единовѣріе. 17-го сентября минувшаго года, послѣ веденной мною съ безпоповцами въ означенной деревнѣ и домѣ бесѣды, Швецовъ разсказалъ мнѣ о слѣдующемъ явленіи карающей дерзкихъ и нераскаянныхъ хульниковъ Церкви Божіей десницы Всевышняго.

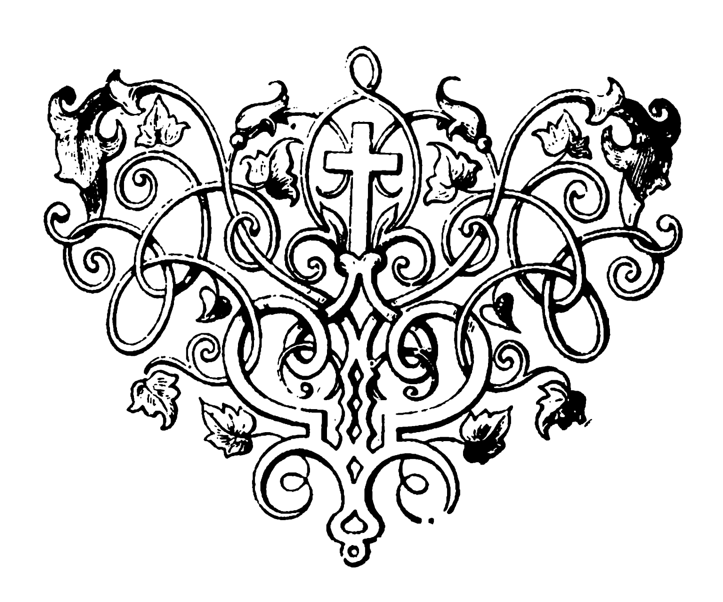
— „Охъ, какъ тяжело, о. К—нъ, измѣнять убѣжденія, а особенно религіозныя! Двадцать лѣтъ боролся съ мыслію, гдѣ истина—у насъ ли безпоповцевъ, у австріяковъ ли, или въ Церкви греко-рос-

сійской. Наконецъ, путемъ бесѣдъ и чтенія Священнаго Писанія мнѣ удалось найти дорогу изъ болота, ведущую ко святой, соборной, апостольской Церкви, въ которой даждь, Боже, животъ свой положити. Будучи еще раскольникомъ, хотя уже по одной внѣшности, я съ сыномъ своимъ Евгеніемъ въ 1887 году, зимою, отправился съ мукою въ городъ Тюмень. Въ отсутствіе наше незаконная жена моя съ таковою же сына моего Евгенія Анѳисою Мироновой начала разговоръ:

— А что, Анѳиса, вѣдь дѣло то неладно: говорятъ, Давидъ съ Евгеніемъ нарочито уѣхали въ Тюмень, чтобы присоединиться къ Церкви. Что будемъ дѣлать, если и вправду уйдутъ они къ никоніанамъ? Въ отвѣтъ на это раскольница, изрыгнувъ обычныя у нихъ хуленія на Церковь, между прочимъ сказала: отсохни у меня руки и ноги, а я не перемѣню свою истинную вѣру на никоніанскую.

По пріѣздѣ изъ города, узнавъ о дерзкомъ и хульномъ на Церковь Божію разговорѣ, я сказалъ: Анѳиса, въ Церковь силою никого не тянутъ, поносить же и хулить ее есть величайшій грѣхъ. Смотри, не исполнилось бы твое желаніе, не отсохли бы у тебя руки и ноги... И что же? Въ скоромъ времени дерзкая хульница Церкви наказана была Господомъ какою то непонятною для насъ болѣзнію: сперва стали у нея терпнуть руки, потомъ начали гнить и отваливаться пальцы, коихъ предъ своею лютою смертію она лишилась всѣхъ. Передъ самою же смертію она извивалась какъ вьюнъ, а по смерти—руки, ноги и голову притянуло къ животу. Въ таковомъ положеніи и была погребена. Вотъ какъ жестоко наказываетъ еще здѣсь Господь хульниковъ Церкви Его."

Миссіонеръ священникъ *К. Беллюсовъ.*

Церковная молитва помогла.

Св. Димитрій Ростовскій, какъ Святитель просвѣщенный и богоугодной жизни, за 200 лѣтъ назадъ, описывая жизнь Святыхъ, сдѣлалъ на поляхъ въ этихъ житіяхъ краткія и душеполезныя замѣчанія, изъ которыхъ одно замѣчательнѣйшее, какъ-то: „Святая литургія и мертвымъ и живымъ помоществуетъ,“ а въ особенности, прибавлю я, въ домашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и въ скорбяхъ; вотъ тому два примѣра.

1., Будучи безъ пансіона въ отставкѣ, живя въ Москвѣ съ семьей самъ-пятъ и съ прислугою въ 1862 году, я съ конца іюля мѣсяца не находилъ частныхъ межевыхъ занятій. Конечно, вся моя надежда была на Всевышняго Создателя. Августа 10 дня у меня оставалось въ домѣ денегъ не болѣе 1 рубля 50 коп. Всѣ мы вѣрующіе, православные христіане убѣждены, что Богъ и нашъ Господь Іисусъ Христосъ всегда печется о каждомъ изъ насъ, съ отеческою любовію хранитъ насъ, только бы мы старались познавать и исполнять Его святую волю во всемъ съ терпѣніемъ и смиреніемъ. Съ этими мыслями насталъ для меня день 11 Августа, суббота. Утромъ я пошелъ къ обѣднѣ на Мясницкую улицу въ церковь св. Апостола и архидіакона Евпла; отстоявъ оную, и возвращаясь по Лубянской площади, я издали увидѣлъ шедшихъ знакомыхъ изъ города Гжатска*): письмоводителя тамошней опеки Лебедева и помѣщика Александрова. Лебедева я хорошо зналъ и онъ меня. Я было не хотѣлъ идти къ нимъ, но не много подумавъ, сказалъ самъ себѣ: а, быть можетъ, Господь посылаетъ знакомыхъ мнѣ, а чрезъ нихъ, быть можетъ, будутъ у меня землемѣрныя работы. Я своротилъ къ нимъ, и идя у стѣны Китая города и спускаясь на театральную площадь, я пошелъ такъ, чтобы Лебедевъ узналъ меня. И точно. Онъ вдругъ сказалъ: а это сынъ Андрея Ивановича! Я подтвердилъ это, и въ свою очередь тотчасъ спросилъ его: нѣтъ ли межевыхъ дѣлъ въ вашемъ уѣздѣ и гдѣ они остановились въ Москвѣ? Онъ отвѣтилъ: есть дѣла. Пріѣзжайте, а остановились они здѣсь на Тверской, въ гостинницѣ Римъ. Я былъ у нихъ 13, 14, 15 Августа. Они согласились взять меня съ собою. 16 Августа, на день празднованія Нерукотвореннаго образа Господа нашего Іисуса Христа, я выѣхалъ въ 10 ч. вечера на почтовыхъ съ ними, предавая себя и семейство въ волю Божію. Я началъ первое межевое дѣло о надѣлѣ крестьянъ-собственниковъ землею 20 Августа. А та земля была опекунскимъ имѣніемъ и состояла подъ управленіемъ означеннаго Александрова. 30 дня Августа я даже могъ послать въ Москву женѣ 25 р. Работалъ

*) Въ коемъ—когда то служилъ 20 лѣтъ мой родной отецъ.

старательно ежедневно, кромѣ воскресныхъ и другихъ праздничныхъ дней. 17 Сентября, побывавъ въ г. Гжатскѣ, вновь отослалъ 25 р. въ Москву. Въ началѣ Октября окончилъ опекунскіе деревни и получилъ остальныя 67 руб. с. Но съ окончаніемъ перваго, -открылись дѣла у другихъ помѣщиковъ около селъ Бодаева и Ренскаго на 34 руб. с. и къ 25 числу Октября окончилъ еще на 28 руб. с. Пріѣхавши въ Москву 28 октября, и вскорѣ неожиданно получилъ даромъ 25 р. отъ помѣщицы Рузиной, у которой я въ іюнѣ сего года измѣрялъ земли въ селѣ Никулинѣ-Спасское тожъ, Подольскаго уѣзда. -Вообще за два мѣсяца съ небольшимъ пріобрѣлъ 204 руб. с. Поистинѣ скажу каждому человѣку, что болѣе милостію и щедротами Царя нашего Небеснаго, Господа Спасителя, нежели своими трудами, я получилъ все это и въ то время, какъ бы видимо все мнѣ поспѣшествовало на пользу. Я вижу въ упомянутой встрѣчѣ и разсказанномъ событіи Промыслъ Божій, предоставившій мнѣ незатруднительныя межевыя занятія по надѣлу крестьянъ землею и въ томъ уѣздѣ, гдѣ знали моего отца.

2., Безъ должности и готовыхъ денегъ трудно жить въ столицѣ съ семьею. У меня опять не было частныхъ занятій, по зимнему времени, не смотря на старанія двухъ знакомыхъ, а заработанныя деньги истощились. Снова не хотѣлось поступать въ уѣздные землемѣры, хотя были частныя письма отъ родныхъ жены изъ г. Гродно. Они звали меня опять перейти въ ихъ губернію на службу, но я пока оставлялъ приглашеніе безъ вниманія. Конечно жена была не прочь, но мнѣ хотѣлось въ Москвѣ имѣть какое-либо частное мѣсто, а для этого я хотѣлъ публиковаться въ Московскихъ Полицейскихъ газетахъ, но какъ это было давно, болѣе 38 лѣтъ, именно въ генварѣ 1863, то навѣрно не помню, публиковался ли я, на что хотѣлось,—на помощника управляющаго или землемѣра въ какое-либо богатое имѣніе. Одинъ изъ знакомыхъ, хлопотавшихъ за меня, прямо объявилъ мнѣ, что не могъ выхлопотать для меня частнаго мѣста. Видя, что истощаются мои денежныя средства, и потерявъ надежду имѣть ихъ, я вспомнилъ, что есть въ Москвѣ чудотворная икона Пресвятыя Богородицы, именуемая „Утоли моя печали" и съ своею женою задумалъ въ день празднованія этой иконѣ, 25 генваря, сходить въ церковь, гдѣ та св. икона, къ поздней обѣднѣ и помолиться, а потомъ подать прошеніе о казенной службѣ. Насталъ означенный день. Помолясь дома съ женою, я отправился въ храмъ, поставилъ свою небольшую свѣчку. Отстоялъ торжественную обѣдню съ молебномъ, которую совершалъ благоговѣйно Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Игнатій *). Возвратясь домой, порѣшилъ подъ ве-

*) Впослѣдствіи Костромскій епископъ скончавшійся въ 1883 г. въ Іюнѣ мѣсяцѣ.

черъ написать *письмо* и вмѣстѣ *докладную записку въ С.-Петербургъ, прямо къ управляющему Межевымъ корпусомъ* генералу Ивану Михайловичу Гедеонову, прося его объ опредѣленіи меня землемѣромъ въ Гродненскую губернію. И я, пиша прошеніе, почти былъ увѣренъ въ успѣхѣ, такъ какъ предъ симъ одна странница принесла мнѣ просфору отъ нашей бывшей слуги Надежды, изъ св. Троице-Сергіевой лавры. Я почелъ то благопріятнымъ знакомъ къ моему предполагаемому дѣлу. Написанное къ генералу Гедеонову вмѣстѣ съ своимъ аттестатомъ я отправилъ на другой день по почтѣ. Ровно, чрезъ двѣ недѣли, я былъ отъ 8 февраля генераломъ *) опредѣленъ въ Гродненскую губернію Бѣльскимъ уѣзднымъ землемѣромъ, и прослужилъ въ должности уѣзднаго и повѣрочнаго землемѣра еще 10 лѣтъ.

Вотъ какъ полезно въ престольные праздники и другіе праздничные дни, особенно будучи въ скорбяхъ и недостаткахъ, ходить ко святой литургіи въ церковь и просить милости и избавленія отъ бѣдъ и вразумленія у Господа Бога и у Пречистой Матери, равно просить ходатайства за насъ грѣшныхъ и у Святыхъ Божіихъ.

31 Декабря 1900 года
г. Гжатскъ.

Землемѣръ *Александръ Андр. Глѣбовъ.*

Замѣчательные случаи при напутствованіи умирающихъ.

Съ 1840 по 1853 годъ я исправлялъ священническую должность въ селѣ Коноплевѣ, Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи. Въ этомъ приходѣ больше раскольниковъ, нежели православныхъ. Здѣсь я былъ свидѣтелемъ незабвенныхъ для меня случаевъ при напутствованіи умирающихъ крестьянъ, которые желаю передать читателямъ.

1. Крестьянинъ деревни Старой Герасимъ Кирилловъ, жившій трезвенно и благочестиво лѣтъ 80 среди раскола, былъ очень усерденъ ко святой церкви; это усердіе онъ доказывалъ частымъ хожденіемъ во дни воскресные и праздничные въ церковь, ежегодною исповѣдію и принятіемъ Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Когда почувствовалъ онъ приближеніе своей кончины, призвалъ меня для напутствованія его исповѣдію и пріобщеніемъ Святыхъ Таинъ. Явившись къ нему, я исполнилъ свою обязанность. Когда же я сталъ напоминать больному о томъ, что ему надобно и особороваться, такъ какъ таинство елеосвященія очищаетъ душу и отъ тѣхъ грѣховъ, кои по забвенію не открыты духовнику при исповѣди: онъ мнѣ отвѣтилъ, что во время жизни своей ни о чемъ такъ

---

*) Этотъ почтенный и добрѣйшій старецъ, кажется и въ настоящее время еще здравствуетъ и состоитъ сенаторомъ.

не молился Богу, какъ о томъ, чтобы Господь сподобилъ его христіанской и мирной кончины и должнаго напутствія передъ нею. Черезъ недѣлю Герасимъ былъ напутствованъ и таинствомъ елеосвященія, а недѣли черезъ двѣ настала для него и роковая смертная минута. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ самъ своими руками отдалъ внукѣ все свое имѣніе, потомъ зажегъ свѣчу предъ образами, положилъ три земныхъ поклона, легъ и уснулъ сномъ смертнымъ. Мирная кончина старца поразила внуку, бывшую при немъ въ то время. Когда я совершалъ погребеніе его въ третій день послѣ его смерти, лице его было бѣло, какъ снѣгъ, и никакого запаха тлѣнія отъ его тѣла не было слышно. Такого покойника имѣлъ я предъ своими глазами одного въ теченіе двадцати-пятилѣтняго моего служенія.

2. Въ другое время 7-го мая мнѣ представилось въ сонномъ видѣніи, что пріѣхалъ за мною крестьянскій мальчикъ и звалъ меня причастить Святыхъ Таинъ и особоровать болящую вдову въ деревнѣ Леоновой не моего прихода. Я спросилъ мальчика, почему же вашъ священникъ не можетъ исправить этой требы? Онъ мнѣ отвѣтилъ, что приходскій священникъ занятъ нынѣшній день служеніемъ молебновъ въ одной деревнѣ, и матушка (супруга священника) велѣла мнѣ просить васъ исправить за него эту требу. Какъ только я проснулся и разсказалъ свой сонъ моимъ домашнимъ,—крестьянскій мальчикъ дѣйствительно пріѣхалъ за мною. Онъ былъ именно изъ деревни Леоновой и просилъ меня напутствовать болящую. Естественно, я долженъ былъ предложить ему тѣже вопросы, и онъ мнѣ отвѣчалъ тоже самое, что было сказано мнѣ мальчикомъ во снѣ. Напутствовавъ, по порядку церковному, таинствами болящую вдову Анну, я спросилъ окружающихъ ее, какого она поведенія? Мнѣ отвѣчали, что она была кротка духомъ, любила посѣщать церковь Божію, особенно милостива была къ бѣднымъ людямъ. Кончина ея была самая мирная. (Душеп. Чт. 1863 г.).

Свящ. *Ѳ. Лебедевъ.*

Изъ дневника православнаго христіанина.

Наказанное неуваженіе праздничныхъ дней.

Въ іюнѣ NN года, въ одномъ домѣ встрѣтился я съ однимъ своимъ хорошимъ знакомымъ, недавно воротившимся изъ дальней поѣздки. На вопросъ мой о состояніи хлѣбовъ онъ отвѣтилъ, что во всю дорогу видѣлъ отличные хлѣба и что поселяне не нарадуются смотря на нихъ, а иные затрудняются въ будущемъ помѣщеніи ихъ. На что я сказалъ: „прежде всего надобно имъ благодарить Бога за хорошій урожай хлѣба, а не затрудняться еще будущимъ помѣщеніемъ его, какъ бы считая его уже въ рукахъ своихъ. Ибо за грѣхи наши Господь въ одну минуту можетъ отнять все, чѣмъ мы владѣли или надѣялись владѣть.“—„Да, батюшка, отвѣчалъ мой знакомый, это сущая правда: не хотите ли я вамъ разскажу одинъ случай, доказывающій справедливость вашихъ словъ?“—„Согласенъ,“ отвѣчалъ я. „Въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія—началъ разсказъ мой знакомецъ,—дѣдъ мой Елисей Савельичъ, царство ему небесное!—былъ бурмистромъ, или, по нашему, вотчинымъ старостой у своего помѣщика. Въ одинъ годъ помѣщикъ этотъ засѣялъ хлѣба десятинъ сотъ пять, и хлѣбъ уродился превосходный. Помѣщикъ, смотря на него, какъ говорится, не нарадуется. Вотъ уже хлѣбъ начинаетъ поспѣвать. Разъ призываетъ къ себѣ помѣщикъ моего дѣдушку, да и говоритъ ему: „ну, Елисей, хлѣба у насъ нынѣ такъ хлѣба—изъ годовъ вонъ. Да почти уже и поспѣлъ.“—„Точно, кормилецъ, отвѣчалъ дѣдушка, хлѣба вашей милости нынѣшнимъ годомъ отмѣнно хороши: какъ-то Создатель велитъ убрать ихъ?“—„Г-мъ!.. за уборкой дѣло не станетъ, говоритъ помѣщикъ, сдѣлаемъ помочь, да и подвалимъ весь хлѣбъ разомъ. Не правда-ли?“—„Вѣстимо, батюшка, помочью лучше, а то своимъ народомъ такую область нескоро уберешь, а перестоитъ, будетъ сыпаться, а тамъ подоспѣетъ молотьба на сѣмена, озимовые посѣвы, сѣнокосъ“—„Такъ, такъ, староста, рѣшено: подвалить хлѣбъ помочью!“—Потомъ, помолчавъ немного, помѣщикъ говоритъ: „А знаешь ли, Елисей, что я придумалъ?—„Не знаю, батюшка!“—„Какъ бы намъ эту помочь да устроить на мои именины? Тутъ знаешь ты, пріѣзжаютъ ко мнѣ мои хорошіе сосѣди: Иванъ Михайловичъ, Кузьма Кирилловичъ, Кузьма Иванычъ и прочіе. Вотъ я съ ними въ поле-то къ вамъ и пріѣхалъ бы, да тамъ же бы свои именины-то и справилъ:—и—справилъ бы, знаешь ты, старина, при этомъ урожаѣ, на славу! А? Какъ ты думаешь,

староста, вѣдь я придумалъ для помочи время самое хорошее?“ Дѣдушка мой повѣсилъ голову, да и молчитъ. Помѣщикъ опять говоритъ: „что? хорошъ, вѣдь, для помочи день выбралъ я, староста?“ Дѣдушка, почесавъ свою сѣдую голову, отвѣчаетъ: „не совсѣмъ, кормилецъ, хорошъ!“ Баринъ возразилъ: „А почему же?“ „Илья-то великій больно, говорятъ старики, грозенъ!“—„Вотъ вздоръ какой! закричалъ помѣщикъ. У васъ, мужиковъ, Илья великій—грозенъ, и Михаилъ Архангелъ—грозенъ; вѣрно одинъ Николай Чудотворецъ милостивъ. Вздоръ! На Ильинъ день быть помочи!“—„Такъ-то такъ, батюшка Илья Иванычъ! А не надо бы на вашъ-то Ангелъ работать; больно, сказываютъ, грозенъ Илья великій!“—„Нѣтъ, нѣтъ, старина, возразилъ помѣщикъ, ты ужъ дѣлай что велятъ, а пустяковъ-то не думай. Да ты, староста, сдѣлай для моихъ именинъ помочь то на славу, чтобы долго народъ не забылъ ее. Слушай: теперь до Ильина-то дня недѣли полторы есть: такъ ты сорокоушъ пять-шесть свари хорошей браги, печей десятокъ — побольше испеки пироговъ, десятка два зарѣжъ барановъ, возьми ведеръ десять водки; да чтобы подвалить весь хлѣбъ безъ остатка, такъ ты оповѣсти и по сосѣднимъ-то деревнямъ; скажи, что баринъ въ этотъ день будетъ именинникъ, самъ будетъ съ гостями въ полѣ и угоститъ всѣхъ на славу. Понимаешь, „старина?“ „Какъ не понимать?!“ отвѣчалъ мой дѣдушка. „Такъ теперь ступай же, старина, и готовься!“—заключилъ помѣщикъ. „Слушаю, кормилецъ!“ отвѣчалъ мой дѣдушка и поплелся отъ барина, почесывая свою сѣдую голову.

Вотъ наступилъ и давно желанный день помѣщика, Ильинъ день,—и день ясный, ведряный. Народъ и свой и чужой, озабоченный господскимъ угощеніемъ, съ ранняго утра отвсюду потянулся на барское поле, дѣдушка мой вывезъ туда же цѣлый обозъ печенаго и варенаго; для помѣщика своего съ гостями подъ тѣнью деревъ на сказанномъ мѣстѣ разбилъ палатку; вслѣдъ за тѣмъ выѣхала туда же и господская кухня съ полными кульками различныхъ винъ и наливокъ. Вотъ, наконецъ, выѣзжаетъ къ помочи съ гостями и самъ именинникъ: „неправда-ли, говоритъ онъ, обращаясь къ своимъ гостямъ,—что хлѣбъ у меня нынѣ великолѣпенъ? А къ большему моему благополучію весь хлѣбъ такой, — неугодно ли кому лично въ этомъ удостовѣриться?“—Вслѣдъ за тѣмъ объѣхалъ помѣщикъ съ гостями свое поле; потомъ разставили по десятинамъ народъ, отдали приказъ начинать жнитво—и лишь только начали по нѣскольку сноповъ, откуда ни возьмись туча, кажись и небольшая; поднялась гроза, пошелъ дождь, затѣмъ—градъ, да такой! по голубиному яйцу! да такъ весь хлѣбъ, какъ говорится, лоскомъ и положилъ, забилъ въ грязь, да такъ уничтожилъ, что и сѣмянъ-то не собрали. Народъ, видя, что нечего больше дѣлать, пустился по домамъ;

а помѣщихъ стоитъ ни живъ, ни мертвъ, только плечами пожимаетъ, руки ломаетъ, да вздыхаетъ. Дѣдушка мой, видя такую бѣду великую, подошелъ къ нему, да и говоритъ: „вотъ, батюшка Илья Ивановичъ, не правду ли я вамъ говорилъ, что больно грозенъ Илья великій, что не надобно собирать помочи на твои, кормилецъ, именины?“—„Теперь и я вѣрю, Савельичъ, что грозенъ Илья великій, говоритъ помѣщикъ; покуда живъ, этого не забуду, и другу-недругу закажу работать на этотъ праздникъ!“—да съ тѣмъ и поѣхалъ съ гостями своими домой.

Выслушавъ этотъ разсказъ своего знакомаго, я сказалъ: „теперь видите сами, что за хорошій урожай надобно благодарить милосердаго Бога, но отнюдь не должно его считать своимъ, а и себя, и все что есть у насъ, считать въ руцѣ Божіей, и что Господь воленъ отнять у насъ все и всегда, когда прогнѣваемъ Его своими грѣхами, и въ доказательство сей истины не хотите ли я разскажу вамъ одинъ случай. Случай этотъ ясно показываетъ, что не только хлѣбъ, какъ говорится, стоящій на корню, но и свезенный въ гумно и даже обмолоченный нельзя считать своимъ.

— Разскажите, батюшка, отвѣчаетъ мой знакомый.

— Года съ три тому назадъ, говорю я, по случаю бездождія, жители одной изъ недалекихъ отсюда деревень, вздумали помолиться о дождѣ; подняли изъ приходской церкви святыя иконы, пригласили священника, помолебствовали прежде въ полѣ, потомъ вздумали помолебствовать при одномъ колодцѣ и въ самой деревнѣ: пришли, начали служить молебенъ, а одинъ, ихъ же обыватель, въ виду молебствія, сидитъ себѣ преспокойно въ своей избѣ да глазѣетъ. Кто-то изъ сосѣдей подошелъ къ нему да и говоритъ: „Ты что, Силычъ, не молишься?“—„А что мнѣ молиться, Силычъ отвѣчаетъ, у меня лѣтъ на десять хватитъ еще стараго хлѣба; молитесь, когда у васъ нѣтъ!“ Едва онъ кончилъ свою рѣчь, какъ вдругъ блеснула молнія (тучи на небѣ уже собирались), мгновенно зажгла его домъ, дворъ и на задахъ гумно.—и въ нѣсколько часовъ отъ всего строенія остались только кучи углей и груды пепла, — и такимъ образомъ тотъ, кто за полчаса предъ симъ хвалился достаткомъ хлѣба на десять лѣтъ, вдругъ лишился всего, сдѣлался всѣхъ бѣднѣе и всѣхъ позорнѣе. А къ вящшему его вразумленію, отъ этой молніи и сгорѣлъ только онъ одинъ. Это передавалъ мнѣ вскорѣ потомъ самъ молебствовавшій въ деревнѣ той священникъ: слѣдовательно, достовѣрность разсказа не подлежитъ никакому сомнѣнію... Такъ-то, мой любезный, заключилъ я, обращаясь къ своему собесѣднику, никогда, ничего не должно считать своимъ, а все Божіимъ, и что однимъ только тщательнымъ исполненіемъ заповѣдей Божіихъ можно сдѣлаться достойными и вещественныхъ даровъ Господнихъ, не говоря уже о

духовныхъ; въ противномъ случаѣ, всего можно лишиться и все потерять, какъ и Господь говоритъ устами пророка Исаіи: *аще хощете и послушаете Мене, благая земли снѣсте; аще же не хощете, ниже послушаете Мене, мечъ вы поястъ* (Ис. 1, 19). (Пермск. Еп. Вѣд. 1897 г.).

Замѣчательное совпаденіе.

„Москов. Вѣд." отмѣчаютъ то постояннное атмосферическое явленіе, которое ежегодно сопровождаетъ выносъ изъ города Курска въ Коренную пустынь чудотворнаго образа Знаменія Божіей Матери. Выносъ этотъ бываетъ каждый годъ въ девятую пятницу послѣ св. Пасхи и потому послѣдняя приходится въ разное время.

Не смотря на эту крайнюю неопредѣленность во времени, каждый годъ, въ тотъ именно день, какъ происходитъ у насъ выносъ чудотворнаго образа, въ Курскѣ и въ окрестностяхъ Курска вплоть до Коренной пустыни бываетъ перемежающійся дождь. Какая бы ни была предшествующая погода, дождикъ этотъ въ день выноса иконы ожидается здѣсь всѣми, какъ постоянное явленіе, отсутствіе его (до сихъ поръ небывалое) вызвало бы у всѣхъ недоумѣніе.

Каждый заранѣе уже знаетъ, что въ этотъ день непремѣнно будетъ дождь, знаетъ, не справляясь съ астрономическимъ календаремъ, ни съ „научными" наблюденіями разныхъ метеорологовъ. Простой народъ смотритъ здѣсь на это исключительное явленіе, какъ на „благодать Божію,". помогающую многотысячной толпѣ молящихся перенести чудотворный образъ Знаменія Божіей Матери за тридцать верстъ отъ города, въ жаркую іюньскую погоду, по песчаной дорогѣ, когда безъ облегчающаго и освѣжающаго дождика, путь былъ бы труденъ.

Въ этомъ году, какъ и во всѣ предшествующіе, выносъ изъ Курска чудотворнаго образа сопровождался все тѣмъ же облегчающимъ путь дождемъ; провожать чудотворный образъ по обыкновенію собралось изъ окрестныхъ мѣстъ до сорока тысячъ православныхъ людей, которые посильными приношеніями, искреннею молитвой и личнымъ трудомъ проявляли предъ святымъ образомъ всѣ свои лучшія чувства. Вѣра ли здѣсь „двигаетъ горами," непосредственное ли здѣсь вмѣшательство Промысла Божія, но только исключительность этого явленія далека и отъ постоянно мѣняющихся „законовъ" науки, и отъ „приблизительной" достовѣрности излишне самоувѣренныхъ служителей ея (В. Д. 1900 г.).

Замѣчательный разсказъ священника.

Одинъ изъ священниковъ нашего города сообщилъ мнѣ слѣдующій достопримѣчательный случай исцѣленія отъ бо-

лѣзни одного его знакомаго—св. апостолами Петромъ и Павломъ и Іоанномъ Богословомъ.

Когда я шелъ по улицѣ,—такъ говорилъ сказанный священникъ,—навстрѣчу мнѣ попадается одинъ мѣщанинъ, останавливаетъ и проситъ благословенія. „Вы, какъ вижу я, не узнали меня, батюшка?" Всматриваюсь въ лице его,—физіономія знакомая; но никакъ не могу себѣ привесть на память: гдѣ я человѣка этого видѣлъ.

— „Я тотъ самый Павелъ, который подавалъ въ алтарѣ кадило, когда вы были еще приходскимъ священникомъ въ Николаевской церкви и всегда относились ко мнѣ съ особенною расположенностію."

Одиннадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ протекло, какъ выбылъ онъ изъ Николаевской церкви: могъ ли я признать въ возросломъ человѣкѣ, котораго случайно встрѣтилъ на улицѣ, того мальчика, который нѣкогда прислуживалъ мнѣ въ алтарѣ?

Возобновивъ съ нимъ знакомство, я сталъ спрашивать у него: чѣмъ онъ занимается и гдѣ живетъ? Онъ объяснилъ и между прочимъ сказалъ, что живетъ своимъ домомъ, имѣетъ жену и дочь; и при этомъ случаѣ усердно просилъ, чтобы я посѣтилъ его домъ и благословилъ семейство. Я обѣщалъ ему это, и чрезъ недѣлю исполнилъ свое обѣщаніе. При этомъ посѣщеніи моемъ его, онъ разсказалъ мнѣ вотъ что: „Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я отчаянно заболѣлъ, такъ что не надѣялся выздоровѣть. Но признаюсь вамъ, батюшка, что очень хотѣлось мнѣ еще пожить, если не для себя, то ради семейства, которое, въ случаѣ моей смерти, должно было остаться въ безпомощномъ положеніи. Вотъ, я, лежа больной въ постелѣ, вспомнилъ исторію Езекіи, царя іудейскаго, (надо замѣтить, что разскащикъ этотъ былъ изъ начетчиковъ), — какъ онъ въ своей болѣзни, обратясь къ стѣнѣ, сталъ со слезами молиться Богу о своемъ выздоровленіи, и Господь даровалъ ему чрезъ пророка Исаію исцѣленіе. При этомъ воспоминаніи я сказалъ самъ себѣ: отчего и мнѣ не испытать того же средства? Правда, не видно при мнѣ пророка подобнаго Исаіи: но я стану призывать ангела моего, св. апостола Павла, онъ такъ же силенъ помочь мнѣ въ болѣзни, какъ и пророкъ Исаія царю Езекіи. Вотъ я, подобно болящему Езекіи, обратился къ стѣнѣ и съ горькими слезами сталъ молиться Богу объ исцѣленіи меня; тутъ же призывалъ и св. апостола Павла.

„Въ эту же самую ночь, во снѣ ли, или наяву, не знаю: только вижу я, что приходятъ къ постели, гдѣ я лежалъ больной, св. апостолъ Павелъ съ другими Апостолами — Петромъ и Іоанномъ, и говорятъ: „не унывай! завтра будешь здоровъ," и стали невидимы. Такъ и случилось. Богъ меня помиловалъ, и я, по предсказанію св. Апостоловъ, на другой день поднялся съ постели, и въ скорости затѣмъ совсѣмъ выздоровѣлъ.

Вотъ, батюшка, какую великую милость Господь удивилъ надо мною грѣшнымъ! „Такъ заключилъ свой чудный разсказъ мой знакомый. Это самое подтвердила и жена его. Вымышлять вышеприведенную исторію никакого повода ему не было (Стран. 1875 г.).

Протоіерей *Петръ Полидоровъ.*

Предчувствіе.

Былъ лѣтній день. Страдная пора въ самомъ разгарѣ. Крестьянинъ слободы Ф. Харитонъ Тихоновичъ Соровъ, утомившись за работою, легъ отдохнуть. Но не прошло и десяти минутъ, какъ онъ проснулся, и сверхъ обыкновенія, не тотчасъ всталъ, а еще нѣсколько минутъ неподвижно сидѣлъ на мѣстѣ отдохновенія, глубоко задумавшись. Харитонъ Тихоновичъ былъ человѣкъ еще далеко не старый, совершенно здоровый, трезвый, разсудительный. Въ средѣ своихъ односельчанъ онъ пользовался уваженіемъ. И не напрасно. Со всѣми онъ былъ ласковъ, привѣтливъ, никого, бывало, не отпуститъ безъ совѣта или помощи, когда то требовалось. Поднявшись, онъ твердо заявилъ окружающимъ его, что на слѣдующій день умретъ. Прошла ночь. Утромъ Харитонъ Тихоновичъ чѣмъ свѣтъ идетъ къ своему приходскому священнику и проситъ напутствовать его св. Тайнами, объявляя и ему о своей близкой кончинѣ. Видитъ священникъ, что пришедшій совершенно здоровъ, усумнился въ справедливости его словъ и даже въ нормальности его умственныхъ способностей. Но послѣ нѣкоторой съ нимъ бесѣды, уступаетъ его просьбѣ и напутствуетъ его. По пути Харитонъ Тихоновичъ прощался съ своими знакомыми. Дома онъ немного побылъ на крыльцѣ и затѣмъ вошелъ въ хату, гдѣ собравшемуся семейству преподалъ наставленіе. Онъ умолялъ близкихъ ему помнить Бога и Ему единому служить, любить ближняго, жить въ благочестіи и поступать всегда по правдѣ. „Имѣйте всегда въ умѣ, заключилъ онъ, что едино есть на потребу: Это одно самое главное, самое необходимое. Это—наше стремленіе войти на небо, къ Богу.“ За симъ онъ сдѣлалъ подробное распоряженіе относительно своего погребенія, помина и имущества.

— Ну, дѣти, сказалъ онъ послѣ сего,—теперь затеплите лампаду, помолитесь Господу Богу. Лампадка была зажжена, и послѣ общей и горячей молитвы онъ легъ на приготовленное мѣсто и тихо въ виду всѣхъ скончался. Какъ Харитонъ Тихоновичъ предузналъ о своей кончинѣ, осталось тайною, которую онъ унесъ съ собою въ могилу (Кормч. 1898 г.).

Священникъ *Г. Тростинскій.*

Помощь Богоматери.

Прошла тяжелая зима, а вмѣстѣ съ нею прошли у прихожанъ села Солодилова (Тул. г.) и тяжелыя думы о своемъ бѣдственномъ положеніи. Наступила весна; теплый вѣтерокъ смахнулъ съ нихъ зимнюю дремоту, а яркіе лучи солнышка привѣтственно обласкали ихъ по пашнѣ. Скотъ вышелъ на подножный кормъ; сами занялись работой. При земской ссудѣ, да небольшой помощи приходскаго попечительства, они надѣялись кое-какъ прожить до новины. Видъ зеленѣющихъ озимей воскресилъ въ нихъ надежду на новый урожай. Да и правда, за работой не замѣтишь, какъ подоспѣетъ новый хлѣбушекъ. Съ горемъ пополамъ обсѣменили и яровое поле. Начало весны стояло благопріятное, и крестьянинъ воспрянулъ духомъ, повеселѣлъ, но не надолго. Съ окончаніемъ осенняго посѣва окончилась благопріятная для хлѣбовъ погода. Съ половины апрѣля до 12 числа мая не выпадало дождя: поля пожелтѣли, и трава начала сохнуть. Снова пріуныли крестьяне: „Ужели Господь,—думали они,—пошлетъ опять плохой урожай. Богъ далъ, перетерпѣли тяжелую зиму, а какъ же дальше? Наказаніе Божіе!..“

Но не оскудѣла вѣра православнаго русскаго человѣка. Въ особенныя трудныя минуты своей жизни онъ спѣшитъ съ молитвою прибѣгнуть къ помощи Божіей. Съ твердою вѣрой въ слова Спасителя: „Просите и дастся вамъ,“ съ глубокою надеждой получить просимое, онъ прибѣгаетъ къ Нему чрезъ ходатаевъ своихъ, св. угодниковъ Божіихъ и Его Пречистую Богородицу. И Господь, по молитвамъ Святыхъ, являетъ Свою милость просящимъ. Начались молебствія о дождѣ, коихъ каждая деревня прихода сдѣлала по нѣскольку. Въ службахъ къ ектеніямъ прибавились прошенія о дождѣ. Но дождя не было. Тогда крестьяне собрали сходъ и единодушно согласились просить чрезъ священниковъ своихъ разрѣшенія принести чудотворную Владимірскую икону Божіей Матери, находящуюся въ недалекомъ селѣ Новгородскомъ, Богородицкаго же уѣзда. Священники охотно исполнили ихъ желаніе; разрѣшеніе было получено.

Мѣстночтимая Владимірская икона Божіей Матери предшествовавшіе три года подъ рядъ была приносима въ приходъ с. Солодилова, и, съ прибытіемъ ея, Господь каждый разъ посылалъ Свою благодать. Такъ, въ первый разъ прибѣгли къ Богородицѣ съ молитвою о прекращеніи въ селѣ эпидеміи горячки, и болѣзнь прекратилась. Остальные разы молились о дождѣ, и Господь не оставлялъ молитвы,—посылалъ дождь.

Но особенно чудесно сила этой св. иконы явилась воочію всѣхъ прихожанъ с. Солодилова 21 мая 1898 года.

Въ три часа пополудни прихожане собрались къ храму, чтобы отсюда съ мѣстными иконами идти навстрѣчу чудотворной Владимірской иконѣ Божіей Матери за село—въ поле, гдѣ былъ приготовленъ столъ и чаша для молебна и водосвятія. Вышли въ поле; жалкій видъ его наводилъ уныніе. Жара нестерпимая. Прибытія иконы пришлось ждать около часа. Въ это время на небосклонѣ появилось небольшое облачко, стало понемногу сгущаться, послышался громъ. Большинство присутствующихъ осѣнило себя крестнымъ знаменіемъ. Упало три-четыре капли дождя, но и только. Поднявшійся вѣтеръ унесъ тучу, громъ замолкъ. Солнышко вышло изъ-за тучи, продолжая печь ожидающихъ. Душно... Снова безмолвная, томительная тишина, прерываемая вздохами да краткими замѣчаніями въ толпѣ: „опять дождя нѣтъ!" Наконецъ, прибыла икона; отслужили молебенъ и съ пѣніемъ богородичновъ направились въ храмъ. По принесеніи въ храмъ, началось всенощное бдѣніе. И вотъ въ это-то время Господу Богу угодно было явить чудесную силу св. иконы Божіей Матери и Свое милосердіе. Не по естественнымъ законамъ совершилось это, а единственно чудесною силой Божіей, по молитвамъ Заступницы рода христіанскаго. Лишь только началась служба и теплою молитвой возносилось прошеніе: „Дождь воленъ и тучу мирную подаждь земли..." какъ сверкнула молнія, непосредственно разразился оглушительный ударъ грома съ такою силой, что всѣ присутствующіе затрепетали, многіе въ страхѣ выбѣжали изъ храма вонъ; и что же, къ изумленію, видятъ? На чистомъ недавно небѣ явилось облако, разрослось въ тучу, и обильный дождь-ливень съ грозой пролилъ въ теченіе трехъ часовъ,—ровно до окончанія службы.

Эта чудесная благодать, по недостойнымъ молитвамъ, поразила всѣхъ до слезъ. Молящіеся рыдали. То были слезы благодарности, сопровождаемыя земными поклонами при пѣніи акаѳиста. Подъемъ религіознаго духа былъ особенный, такъ что, по окончаніи всенощной, молящіеся въ религіозномъ восторгѣ просили отслужить благодарственный молебенъ.

Обильный дождь и теплый воздухъ оживили поля. Съ какимъ восторгомъ на другой день шли прихожане къ обѣднѣ, неся съ собою скудныя копѣйки или клокъ холстины на свѣчу чудотворной иконѣ. Постановили три дня не работать. Каждый домъ въ селѣ считалъ за обязанность принять у себя икону и отслужить молебенъ, почему она и пробыла въ приходѣ десять дней. Служба была ежедневно; храмъ полонъ молящихся. Во все время пребыванія иконы шелъ дождь. Масса народа, отъ мала до велика, собралась провожать св. икону въ сосѣдній приходъ с. Рождествина, а возвращаясь домой, дали обѣтъ ежегодно брать ее въ село.

Не умолчимъ никогда, Богородице, силы Твоя глаголати недостойніи! (Тул. Губ. В. 1898 г.).

Замѣчательный случай.

Въ селѣ Преображенкѣ (Пузанинѣ), Никол. уѣзда, Самар. губерніи, въ память свящ. Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ настоящее время построенъ храмъ, гдѣ предполагается освятить престолъ во имя Николая Чудотворца (тезоименитаго небеснаго покровителя Императора Николая II-го). Храмъ построенъ (на средства Спасо-Преображенскаго Единов. монастыря) въ центрѣ раскола и несомнѣнно будетъ имѣть большое значеніе въ дѣлѣ просвѣщенія мѣстныхъ раскольниковъ: тѣмъ болѣе, что при самомъ храмѣ (въ нижнемъ этажѣ его) основана церковно-приходская школа. Не только православные, но даже и глаголемые старообрядцы весьма сочувственно относятся къ построенному храму: такъ, при постройкѣ до 100 старообрядческихъ семействъ участвовали въ возкѣ песку, камня, дерева и друг. матеріаловъ для храма, въ копаніи и возкѣ земли; они же, старообрядцы, собрали до 50 руб. денегъ на предметъ сооруженія иконъ во имя Николая Чудотворца и мученицы Александры. Особенно старообрядцы расположились къ построенному храму послѣ одного чудеснаго событія, совершившагося въ 1898 году, въ первыхъ числахъ ноября, во время рекрутскаго набора. Нѣсколько старообрядцевъ проходили мимо храма; двое изъ нихъ, братья Ладушкины, захотѣли поглумиться надъ домомъ Божіимъ. Одинъ изъ братьевъ Ладушкиныхъ, указывая на колокольню, сказалъ: „это мечеть, а я—мулла... Залѣзу я на эту мечеть и буду кричать, какъ мулла..." Страхъ напалъ на прочихъ богобоязненныхъ старообрядцевъ: они начали уговаривать своихъ товарищей не кощунствовать.—„Накажетъ,—говорили они,—Никола чудотворецъ, не потерпитъ! Вернитесь... Но все было напрасно. Оба брата вошли въ колокольню. Кощунствовать имъ, однакоже, не пришлось. Тутъ же постигло ихъ Божіе наказаніе,—Николай чудотворецъ не потерпѣлъ... Страхъ и ужасъ напалъ на дерзкихъ кощунниковъ. Одинъ изъ нихъ, который назывался муллою, точно началъ кричать... и кричалъ безумно и неистово. Но прежде чѣмъ взошелъ на колокольню, онъ бросился бѣжать оттуда. А другой братъ, по сказанію товарищей, тутъ же „сбѣсился:" сталъ кричать, кусаться, рвать на себѣ волосы и одежду, такъ что домашніе принуждены были приковать его на цѣпь... Это наказаніе Божіе вскорѣ огласилось по всей окрестности. Страхъ и трепетъ напалъ на старообрядцевъ, и они теперь со страхомъ

Божіимъ относятся къ этому дому Божію, построенному во имя Николая Чудотворца (Самар. Еп. В. 1899 г.).

———

Не могу умолчать о случившемся со мной исцѣленіи по молитвѣ святаго мученика Трифона. Я больной, у меня хроническое воспаленіе легкихъ, при очень мучительномъ кашлѣ. Въ ночь съ 14 на 15-е февраля сего 1901 года кашель у меня настолько былъ силенъ и частъ, что мнѣ пришлось прибѣгнуть къ прописаннымъ докторомъ порошкамъ. Когда мнѣ подали стаканчикъ съ водой и всыпаннымъ туда порошкомъ, плавающимъ сверхъ воды, то я, чтобы порошокъ не палъ на дно, поспѣшилъ залпомъ выпить его и что же: лекарство прошло какъ слѣдуетъ въ питательное горло, а находившееся въ немъ что то твердое, незамѣченное мною раньше, попало въ дыхательное горло и остановилось тамъ, причиняя боль. Мучившись остатокъ ночи и слѣдующій день я рѣшилъ, если не пройдетъ дальше и не выйдетъ назадъ застрявшій у меня въ горлѣ предметъ, то утромъ 16-го февраля пригласить доктора для извлеченія его. Когда я молился на сонъ грядущій, мнѣ пришло на мысль помолиться и святому мученику Трифону. Потомъ я легъ спать и уснулъ такимъ крѣпкимъ сномъ, какимъ не сыпалъ почти во все время моей долгой болѣзни и проснувшись утромъ, къ крайнему своему удивленію и радости не чувствовалъ уже никакой боли въ горлѣ и не зналъ, куда могъ дѣться находившійся въ горлѣ предметъ причиняющій боль.

Личный почетный гражданинъ

Василій Сергѣевичъ Волковъ.

Г. Ковровъ
19 марта 1901 г.

Троицкіе листки № 57

Ст҃ы́й ца́рь и҆ прⷪро́къ Дави́дъ.

Бесѣда преподобнаго Серафима Саровскаго съ Н. А. Мотовиловымъ о цѣли христіанской жизни.

Въ сентябрѣ 1831 года прибылъ въ Саровъ одинъ помѣщикъ Симбирской и Нижегородской губерній, коллежскій совѣтникъ Николай Александровичъ Мотовиловъ *), совершенно больной, и получилъ по молитвамъ отца Серафима чудесное исцѣленіе. Въ своей запискѣ о Дивѣевской обители онъ такъ пишетъ о своемъ исцѣленіи.

„Великій старецъ Серафимъ исцѣлилъ меня отъ тяжкихъ и неимовѣрныхъ, великихъ ревматическихъ и другихъ болѣзней, съ разслабленіемъ всего тѣла и отнятіемъ ногъ, скорченныхъ и въ колѣнкахъ распухшихъ и съ язвами пролежней на спинѣ и бокахъ, коими страдалъ неисцѣльно болѣе трехъ лѣтъ. Исцѣленіе это было слѣдующимъ образомъ. Велѣлъ я везти себя, тяжело больнаго, изъ сельца Бритвина, Нижегородскаго Лукояновскаго имѣнія моего, къ батюшкѣ о. Серафиму. 5 сентября 1831 года я былъ привезенъ въ Саровскую пустынь; 7 сентября и 8 на день Рождества Божіей Матери удостоился имѣть я двѣ бесѣды, первыя съ батюшкой о. Серафимомъ, до обѣда и послѣ обѣда въ монастырской келліи его, но исцѣленія еще не получалъ. А когда на другой день, 9 сентября, привезенъ былъ я къ нему въ ближнюю его пустыньку, близъ его колодца, и четверо-человѣкъ, носившіе меня на своихъ рукахъ, а пятый, поддерживавшій мнѣ голову, принесли меня къ нему, находящемуся въ бесѣдѣ съ народомъ, во множествѣ приходившимъ къ нему, тогда, возлѣ большой и очень толстой сосны и до сего времени на берегу р. Саровки существующей, на его сѣнокосной пожнинкѣ меня посадили. На просьбу мою помочь мнѣ и исцѣлить меня онъ сказалъ: „да вѣдь я не докторъ, къ докторамъ надобно относиться, когда хотятъ лечиться отъ болѣзней какихъ нибудь.“ Я подробно разсказалъ ему бѣдствія мои и что я всѣ главные способы лѣченій испыталъ, но ни отъ одного способа не получилъ исцѣленія болѣзней моихъ и затѣмъ ни въ чемъ уже не полагаю себѣ спасенія и не имѣю другой надежды получить исцѣленія отъ недуговъ, кромѣ какъ только лишь благодатію Божіею. Но будучи грѣшенъ и не имѣючи дерзновенія самъ ко Господу Богу, прошу его св. молитвъ, чтобы Господь исцѣлилъ меня. И онъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ: „а вѣруете—ли вы въ Господа Іисуса Христа, что Онъ есть Богочеловѣкъ, и въ Пречистую Его Матерь, что Она есть Приснодѣва?“ Я отвѣчалъ: „вѣрую.“—„А вѣруешь ли, продолжалъ онъ меня спрашивать, „что Господь, какъ прежде исцѣлялъ

*) Онъ род. въ 1809 году, получилъ образованіе въ Казанскомъ университетѣ и былъ совѣстнымъ судьею въ Корсунскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи.

мгновенно и однимъ словомъ Своимъ или прикосновеніемъ Своимъ всѣ недуги, бывшіе въ людяхъ, такъ и нынѣ также легко и мгновенно можетъ по прежнему исцѣлять требующихъ помощи, однимъ же словомъ Своимъ, и что ходатайство къ Нему Божіей Матери за насъ всемогуще и что по сему Ея ходатайству Господь Іисусъ Христосъ и нынѣ также мгновенно и однимъ словомъ можетъ всецѣло исцѣлить васъ?" — Я отвѣчалъ, что истинно всему этому всею душою моею и сердцемъ моимъ вѣрую и если-бы не вѣровалъ, то не велѣлъ бы везти себя къ вамъ. „А если вѣруете," заключилъ онъ,— „то вы здоровы уже!"—„Какъ здоровъ?" спросилъ я,—„когда люди мои и вы держите меня на рукахъ!"—„Нѣтъ," сказалъ онъ мнѣ,—„вы совершенно всѣмъ тѣломъ вашимъ теперь уже здоровы въ конецъ!" И онъ приказалъ державшимъ меня на рукахъ своихъ людямъ моимъ отойти отъ меня, а самъ, взявши меня за плечи, приподнялъ отъ земли и, поставивъ на ноги мои, сказалъ мнѣ: „крѣпче стойте, тверже утверждайтесь ими на землѣ, вотъ такъ; не робѣйте, вы совершенно здравы теперь." И потомъ прибавилъ, радостно смотря на меня: „вотъ, видите-ли какъ вы хорошо теперь стоите." Я отвѣчалъ: „поневолѣ хорошо стою, потому что вы хорошо и крѣпко держите меня." И онъ, отнявъ руки свои отъ меня, сказалъ: „ну, вотъ уже и я теперь не держу васъ, а вы и безъ меня все крѣпко же стоите: идите же смѣло, батюшка мой, Господь исцѣлилъ васъ, идите же и трогайтесь съ мѣста." Взявъ меня за руку одною рукою своею, а другою въ плечи мои немного поталкивая, повелъ меня по травѣ и по неровной землѣ, около большой сосны, говоря: „вотъ, ваше боголюбіе, какъ вы хорошо пошли!" я отвѣчалъ: „да, потому что вы хорошо меня вести изволите!"—„Нѣтъ," сказалъ онъ мнѣ, отнявъ отъ меня руку свою: „Самъ Господь совершенно исцѣлить васъ изволилъ, и Сама Божія Матерь о томъ Его упросила, вы и безъ меня теперь пойдете и всегда хорошо ходить будете; идите—же"... и сталъ толкать меня, чтобы я шелъ. „Да эдакъ упаду я и ушибусь"... сказалъ я. „Нѣтъ," противорѣчилъ онъ мнѣ,—„не ушибетесь, а твердо пойдете"... И когда я почувствовалъ въ себѣ какую-то свыше осѣнившую тутъ меня силу, пріободрился немного и твердо пошелъ, то онъ вдругъ остановилъ меня и сказалъ: „довольно уже," и спросилъ: „что, теперь удостовѣрились ли вы, что Господь васъ дѣйствительно исцѣлилъ во всемъ и во всемъ совершенно? Отъялъ Господь беззаконія ваша и грѣхи ваши очистилъ есть Господь. Видите ли какое чудо Господь сотворилъ съ вами нынѣ; вѣруйте-же всегда несомнѣнно въ Него, Христа Спасителя нашего, и крѣпко надѣйтесь на благоутробіе Его къ вамъ, всѣмъ сердцемъ возлюбите Его и прилѣпитесь къ Нему всею душою вашею и всегда крѣпко надѣйтесь на Него и благодарите Царицу Небесную за Ея къ вамъ великія ми-

лости. Но такъ какъ трехлѣтнее страданіе ваше тяжко изнурило васъ, то вы теперь не вдругъ помногу ходите, а постепенно: мало-по-малу пріучайтесь къ хожденію и берегите здоровье ваше, какъ драгоцѣнный даръ Божій"... И довольно потомъ еще побесѣдовавъ со мною, отпустилъ меня на гостинницу совершенно здоровымъ. Итакъ, люди мои пошли одни изъ лѣса и ближней пустыньки до монастыря, благодаря Бога и дивныя милости Его ко мнѣ, явленныя въ собственныхъ глазахъ ихъ, а я самъ одинъ сѣлъ съ гостинникомъ отцемъ Гуріемъ, твердо безъ поддержки людской, и сидя въ экипажѣ, возвратился въ гостинницу Саровской пустыни. А такъ какъ многіе богомольцы были со мною при исцѣленіи моемъ, то прежде меня возвратились въ монастырь, всѣмъ возвѣщая о великомъ чудѣ этомъ."

Съ тѣхъ поръ Мотовиловъ часто и подолгу бывалъ въ Саровской пустыни и неоднократно бесѣдовалъ съ дивнымъ старцемъ Серафимомъ,—причемъ въ одну изъ бесѣдъ имѣлъ счастіе видѣть его свѣтлѣе солнца въ благодатномъ состояніи. Эта бесѣда препод. Серафима была въ свое время записана Н. А Мотовиловымъ „служкой Серафимовымъ," какъ онъ любилъ себя называть.

Болѣе шестидесяти лѣтъ мирно покоились эти записки въ Дивѣевскомъ монастырѣ. Въ 1902 году лѣтомъ былъ въ монастырѣ С. А. Нилусъ, которому и передала эти записки, съ разрѣшенія игуменіи Маріи, старица Елена Ивановна, вдова Николая Александровича. Онѣ были опубликованы С. А. Нилусомъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ въ іюлѣ 1903 года подъ заглавіемъ: „Духъ Божій, явно почившій на отцѣ Серафимѣ Саровскомъ въ бесѣдѣ его о цѣли христіанской жизни," а затѣмъ перепечатаны въ книжкѣ того же С. Нилуса: „Великое въ маломъ," откуда мы и извлекаемъ часть этой вдохновенной бесѣды препод. Серафима на душевную пользу читателей.

— Это было въ четвергъ, пишетъ Мотовиловъ. День былъ пасмурный. Снѣгу было на четверть на землѣ, а сверху порошила довольно густая снѣжная крупа, когда батюшка отецъ Серафимъ началъ бесѣду со мной на ближней пожнинкѣ своей, возлѣ той же его ближней пустыньки противъ рѣчки Саровки, у горы, подходящей близко къ берегамъ ея. Помѣстилъ онъ меня на пнѣ только — что имъ срубленнаго дерева, а самъ сталъ противъ меня на корточкахъ.

— Господь открылъ мнѣ — сказалъ великій старецъ, — что въ ребячествѣ вашемъ вы усердно желали знать, въ чемъ состоитъ цѣль жизни нашей, христіанской, и у многихъ великихъ духовныхъ особъ вы о томъ неоднократно спрашивали...

Я долженъ сказать тутъ, что съ 12-ти лѣтняго возраста меня эта мысль неотступно тревожила, и я, дѣйствительно,

ко многимъ изъ духовныхъ лицъ обращался съ этимъ вопросомъ, но отвѣты ихъ меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвѣстно.

— Но никто, — продолжалъ отецъ Серафимъ, не сказалъ вамъ о томъ опредѣлительно. Говорили вамъ: ходи въ церковь, молись Богу, твори заповѣди Божіи, твори добро, вотъ тебѣ и цѣль жизни христіанской. А нѣкоторые даже негодовали на васъ за то, что вы заняты не Богоугоднымъ любопытствомъ и говорили вамъ: высшихъ себя не ищи. Но они не такъ говорили, какъ бы слѣдовало. Вотъ я, убогій Серафимъ, растолкую вамъ теперь, въ чемъ, дѣйствительно, эта цѣль состоитъ.

Молитва, постъ, бдѣніе и всякія дѣла христіанскія, сколько ни хороши они сами по себѣ, однако не въ дѣланіи только ихъ состоитъ цѣль нашей христіанской жизни, хотя они и служатъ необходимыми средствами для достиженія ея. *Истинная же цѣль жизни нашей христіанской состоитъ въ стяжаніи Духа Святаго Божіяго.* Постъ же и бдѣніе, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради дѣлаемое доброе дѣло суть средства для стяжанія Святаго Духа Божіяго. Замѣтьте, батюшка, что лишь только ради Христа дѣлаемое доброе дѣло приноситъ намъ плоды Святаго Духа. Все же, не ради Христа дѣлаемое, хотя и доброе, но мзды въ жизни будущаго вѣка намъ не представляетъ, да и въ здѣшней жизни благодати Божіей тоже не даетъ. Вотъ почему Господь Іисусъ Христосъ сказалъ: „всякъ, иже не собираетъ со Мною, той расточаетъ.“ Доброе дѣло нельзя иначе назвать, какъ собираніемъ, ибо хотя оно и не ради Христа дѣлается, однако же добро. Писаніе говоритъ: „во всякомъ языцѣ бояйся Бога и дѣлаяй правду, пріятенъ Ему есть.“ И какъ видимъ изъ послѣдовательности священнаго повѣствованія этотъ „дѣлаяй правду“ до того пріятенъ Богу, что Корнилію сотнику, боявшемуся Бога и дѣлавшему правду, явился ангелъ Господень во время молитвы его и сказалъ: „пошли въ Іоппію къ Симону усмарю, тамо обрящеши Петра и той ти речетъ глаголы живота вѣчнаго, въ нихъ спасешися ты и весь домъ твой.“

Итакъ, Господь всѣ Свои Божественныя средства употребляетъ, чтобы доставить такому человѣку возможность за свои добрыя дѣла не лишиться награды въ жизни пакибытія. Но для этого надо начать здѣсь правою вѣрой въ Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія, пришедшаго въ міръ грѣшныя спасти и пріобрѣтеніемъ себѣ благодати Духа Святаго, вводящаго въ сердца наши царствіе Божіе и прокладывающаго намъ дорогу къ пріобрѣтенію блаженства жизни будущаго вѣка. Но тѣмъ и ограничивается эта пріятность Богу дѣлъ добрыхъ, не ради Христа дѣлаемыхъ: Создатель нашъ даетъ средства на ихъ осуществленіе. За человѣкомъ же

остается или осуществить ихъ или нѣтъ. Вотъ почему Господь сказалъ Евреямъ: „аще не бысте видѣли, грѣха не бысте имѣли. Нынѣ же глаголете — видимъ, и грѣхъ вашъ пребываетъ на васъ.“ Воспользуется человѣкъ, подобно Корнилію, пріятностью Богу дѣла своего, не ради Христа сдѣланнаго, и увѣруетъ въ Сына Его, то и такого рода дѣло вмѣнится ему, какъ бы ради Христа сдѣланное, и только за вѣру въ Него. Въ противномъ же случаѣ человѣкъ не въ правѣ жаловаться, что добро его не пошло въ дѣло. Этого не бываетъ никогда только при дѣланіи какого-либо добра Христа ради, ибо добро ради Него сдѣланное, не только въ жизни будущаго вѣка вѣнецъ правды ходатайствуетъ, но и въ здѣшней жизни преисполняетъ человѣка благодатію Духа Святаго и притомъ, какъ сказано: „не въ мѣру бо даетъ Богъ Духа Святаго. Отецъ бо любитъ Сына и вся даетъ въ руцѣ Его.“

Такъ-то, ваше боголюбіе! Такъ въ *стяжаніи этого-то Духа Божіяго и состоитъ истинная цѣль нашей жизни христіанской, а молитва, бдѣніе, постъ, милостыня и другія ради Христа дѣлаемыя добродѣтели суть только средства къ стяжанію Духа Божіяго.*

— Какъ же стяжаніе?—спросилъ я батюшку Серафима: — я что-то этого не понимаю.

— Стяжаніе все равно, что пріобрѣтеніе,—отвѣчалъ мнѣ онъ:—вѣдь вы разумѣете, что значитъ стяжаніе денегъ. Такъ все равно и стяжаніе Духа Божія. Вѣдь вы, ваше боголюбіе, понимаете, что такое въ мірскомъ смыслѣ стяжаніе? Цѣль жизни мірской обыкновенныхъ людей есть стяжаніе или наживаніе денегъ, а у дворянъ сверхъ того—полученіе почестей, отличій и другихъ наградъ за государственныя заслуги. Стяжаніе Духа Божія есть тоже капиталъ, но только благодатный и вѣчный; и онъ, какъ и денежный, чиновный и временный, пріобрѣтается почти одними и тѣми же путями, очень сходственными другъ съ другомъ.

Богъ—Слово, Господь нашъ, Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ уподобляетъ жизнь нашу торжищу и дѣло жизни нашей на землѣ именуетъ куплею и говоритъ всѣмъ намъ: „купуйте, дондеже пріиду, искупующе время, яко дніе лукави суть,“ т. е. выгадывайте время для полученія небесныхъ благъ черезъ земные товары. Земные товары—это добродѣтели, дѣлаемыя Христа ради, доставляющія намъ благодать Всесвятаго Духа, безъ Котораго и спасенія никому нѣтъ и быть не можетъ, ибо: „Святымъ Духомъ всяка душа живится и чистотою возвышается, свѣтлѣетъ же Тройческимъ единствомъ священнотайнѣ.“ Самъ Духъ Святый вселяется въ души наши, и это-то самое вселеніе въ души наши Его, Вседержителя, и сопребываніе съ духомъ нашимъ Его Тройческаго Единства и даруется намъ лишь черезъ всемѣрное съ нашей стороны стяжаніе Духа Святаго, которое и предуготовляетъ въ душѣ

и плоти нашей престолъ Божіему Всетворческому съ духомъ нашимъ сопребыванію, по непреложному слову Божіему: „вселюся въ нихъ и похожду, и буду имъ въ Бога, и тіи будутъ людіе Мои.“ Конечно, всякая добродѣтель, творимая ради Христа, даетъ благодать Духа Святаго, но болѣе всего даетъ молитва, потому что она какъ бы всегда въ рукахъ нашихъ, какъ орудіе для стяжанія благодати Духа. Захотѣли бы вы „напримѣръ, въ церковь сходить, да либо церкви нѣтъ, либо служба отошла; захотѣли бы нищему подать, да нищаго нѣтъ, либо нечего дать; захотѣли бы дѣвство соблюсти, да по сложенію вашему или по усиліямъ вражескихъ козней, которымъ вы по немощи человѣческой противостоять не можете, силъ нѣтъ этого исполнить; захотѣли бы и другую какую-либо добродѣтель ради Христа сдѣлать, да тоже силъ нѣтъ, или случая сыскать не можно. А до молитвы уже это никакъ не относится: на нее всякому и всегда есть возможность—и богатому, и бѣдному, и знатному, и простому, и сильному, и слабому, и здоровому, и больному, и праведнику, и грѣшнику.

Велика сила молитвы, и она болѣе всего приноситъ Духа Божіяго и ее удобнѣе всего всякому исправлять. Молитвою мы съ Всеблагимъ и Животворящимъ Богомъ и Спасомъ нашимъ бесѣдовать удостоиваемся. Но и тутъ надобно молиться лишь до тѣхъ поръ, пока Богъ Духъ Святый не сойдетъ на насъ въ извѣстныхъ Ему мѣрахъ небесной Своей благодати. И когда благоволитъ Онъ посѣтить насъ, то надлежитъ уже перестать молиться. Чего же молиться тогда Ему: „пріиди и вселися въ ны и очисти ны отъ всякія скверны и спаси, Блаже, души наша,“ когда уже пришелъ Онъ къ намъ, во еже спасти насъ, уповающихъ на Него и призывающихъ имя Его святое во истинѣ, то-есть съ тѣмъ, чтобы смиренно и съ любовію срѣтить Его, Утѣшителя, внутрь храминъ душъ нашихъ, алчущихъ и жаждущихъ Его пришествія.

— Ну, а какъ же, батюшка, быть съ другими добродѣтелями, творимыми ради Христа, для стяжанія благодати Духа Святаго? Вѣдь вы мнѣ о молитвѣ только говорить изволите?

— Стяжевайте благодать Духа Святаго и всѣми другими Христа ради добродѣтелями, торгуйте ими духовно, торгуйте тѣми изъ нихъ, которыя вамъ большій прибытокъ даютъ. Собирайте капиталъ благодатныхъ избытковъ благодати Божіей, кладите ихъ въ ломбардъ вѣчный Божій изъ процентовъ невещественныхъ и не по четыре или по шести на сто, но по сту на одинъ рубль духовный, но даже еще того въ безчисленное число разъ больше. Примѣрно: даетъ вамъ болѣе благодати Божіей молитва и бдѣніе, бдите и молитесь; много даетъ Духа Божіяго постъ, поститесь; болѣе даетъ милостыня, милостыню творите, и такимъ образомъ о всякой добродѣтели, дѣлаемой Христа ради, разсуждайте. Такъ и извольте торговать духовно добродѣтелью. Раздавайте дары

благодати Духа Святаго требующимъ по примѣру свѣщи возженной, которая и сама свѣтитъ, горя земнымъ огнемъ, и другія свѣщи, не умаляя своего собственнаго огня, зажигаетъ во свѣтѣніе всѣмъ въ другихъ мѣстахъ. И если это такъ въ отношеніи огня земнаго, то что скажемъ объ огнѣ, благодати Всесвятаго Духа Божія?!

Батюшка, сказалъ я,—вотъ вы все изволите говорить о стяжаніи благодати Духа Святаго, какъ о цѣли христіанской жизни, но какъ же и гдѣ я могу ее видѣть? Добрыя дѣла видны, а развѣ Духъ Святый можетъ быть виденъ? Какъ же я буду знать, со мной Онъ или нѣтъ?

— Мы въ настоящее время,—такъ отвѣчалъ старецъ,—по нашей почти всеобщей холодности къ святой вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса Христа и по невнимательности нашей къ дѣйствіямъ Его Божественнаго о насъ Промысла и общенія человѣка съ Богомъ до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились отъ истинно-христіанской жизни. Намъ теперь кажутся странными слова Священнаго Писанія, когда Духъ Божій устами Моисея говоритъ: „и видѣ Адамъ Господа, ходящаго въ раи,“ или когда читаемъ у апостола Павла: „идохомъ во Ахаію и Духъ Божій не иде съ нами, обратихомся въ Македонію, и Духъ Божій иде съ нами.“ Неоднократно и въ другихъ мѣстахъ Священнаго Писанія говорится о явленіи Бога человѣкамъ. Вотъ нѣкоторые и говорятъ: „эти мѣста непонятны, неужели люди такъ очевидно могли видѣть Бога?“ А непонятнаго тутъ ничего нѣтъ. Произошло это непониманіе отъ того, что мы удалились отъ простора первоначальнаго христіанскаго вѣдѣнія и, подъ предлогомъ просвѣщенія, зашли въ такую тьму невѣдѣнія, что намъ уже кажется неудобопостижимо то, о чемъ древніе до того ясно разумѣли, что имъ и въ обыкновенныхъ разговорахъ понятіе о явленіи Бога между людьми не казалось страннымъ. Бога и благодать Духа Его Святаго люди не во снѣ видѣли и не въ мечтаніи, и не въ изступленіи воображенія разстроеннаго, а истинно въявѣ. Очень ужъ мы стали невнимательны къ дѣлу нашего спасенія, отчего и выходитъ, что мы и многія другія слова Священнаго Писанія пріемлемъ не въ томъ смыслѣ, какъ бы слѣдовало. А все потому, что не ищемъ благодати Божіей, не допускаемъ ей по гордости ума нашего вселяться въ души наши, и потому не имѣемъ истиннаго просвѣщенія отъ Господа, посылаемаго въ сердца людей, всѣмъ сердцемъ алчущихъ и жаждущихъ правды Божіей.

Когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ изволилъ совершить Свое дѣло спасенія, по воскресеніи Своемъ, дунулъ на Апостоловъ, возобновивъ дыханіе жизни, утраченное Адамомъ, и даровалъ имъ эту же самую Адамовскую благодать Всесвятаго Духа Божіяго. Въ день Пятидесятницы торжественно ниспослалъ Онъ имъ Духа Святаго въ дыханіи бурнѣ, въ

видѣ огненныхъ языковъ, на коемже изъ нихъ сѣдшихъ и вошедшихъ въ нихъ, и наполнившихъ ихъ силой огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостотворно дѣйствующей въ душахъ, причащающихся Ея силѣ и дѣйствіямъ. И вотъ эту-то самую огневдохновенную благодать Духа Святаго, когда она подается намъ всѣмъ вѣрнымъ Христовымъ въ таинствѣ святаго крещенія, священно запечатлѣваютъ муропомазаніемъ въ главнѣйшихъ, указанныхъ Святою Церковью, мѣстахъ нашей плоти, какъ вѣковѣчной хранительницы этой благодати. Говорится: „печать дара Духа Святаго.“ А на что, батюшка, ваше боголюбіе, кладемъ мы, убогіе, печати свои, какъ не на сосуды, хранящіе какую-нибудь высокоцѣнимую нами драгоцѣнность? Что же можетъ быть выше всего на свѣтѣ и что драгоцѣннѣе даровъ Духа Святаго, ниспосылаемыхъ намъ свыше въ таинствѣ крещенія, ибо крещенская эта благодать столь велика, и столь необходима, столь живоносна для человѣка, что даже и отъ человѣка — еретика не отъемлется до самой его смерти; то-есть до срока, обозначеннаго свыше по Промыслу Божію для пожизненной пробы человѣка на землѣ — на что де онъ будетъ годенъ и что де онъ въ этотъ Богомъ дарованный ему срокъ, при посредствѣ свыше дарованной ему силы благодати, сможетъ совершить. И если бы мы не грѣшили никогда послѣ крещенія нашего, то во вѣки пребыли бы святыми, непорочными и изъятыми отъ всякія скверны плоти и духа угодниками Божіими. Но вотъ въ томъ-то и бѣда, что мы, преуспѣвая въ возрастѣ, не преуспѣваемъ въ благодати и въ разумѣ Божіемъ, какъ преуспѣвалъ въ томъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, а, напротивъ того, развращаясь мало-по-малу, лишаемся благодати Всесвятаго Духа Божіяго и дѣлаемся въ многоразличныхъ мѣрахъ грѣшными и многогрѣшными людьми. Но когда кто, будучи возбужденъ ищущею нашего спасенія премудростью Божіею, рѣшится ради нея на утренневаніе къ Богу и бдѣніе ради обрѣтенія вѣчнаго своего спасенія, тогда тотъ, послушный гласу ея, долженъ прибѣгнуть къ истинному во всѣхъ грѣхахъ своихъ покаянію и къ сотворенію противоположныхъ содѣяннымъ грѣхамъ добродѣтелей, а черезъ добродѣтели Христа ради къ пріобрѣтенію Духа Святаго, внутрь насъ дѣйствующаго и внутрь насъ царствіе Божіе устраивающаго.

Благодать Духа Святаго, даруемая при крещеніи во имя Отца и Сына и Святаго Духа, несмотря на грѣхопаденія человѣческія, несмотря на тьму вокругъ души нашей, все-таки свѣтится въ сердцѣ искони бывшимъ Божественнымъ свѣтомъ безцѣнныхъ заслугъ Христовыхъ. Этотъ свѣтъ Христовъ, при обращеніи грѣшника на путь покаянія, совершенно изглаживаетъ и слѣды содѣянныхъ преступленій, одѣвая бывшаго преступника снова одеждой нетлѣнія, сотканной изъ

благодати Духа Святаго, о стяжаніи которой, какъ о цѣли жизни христіанской, я и говорю сколько времени вашему боголюбію.

Еще скажу вамъ, чтобы вы еще яснѣе поняли, что разумѣть подъ благодатію Божіею и какъ распознать ее и въ чемъ особенно проявляется ея дѣйствіе въ людяхъ, ею просвѣщенныхъ. Благодать Духа Святаго есть свѣтъ, просвѣщающій человѣка. Господь неоднократно проявлялъ для многихъ свидѣтелей дѣйствіе благодати Духа Святаго на тѣхъ людяхъ, которыхъ Онъ освящалъ и просвѣщалъ великими наитіями Его. Вспомните про Моисея послѣ бесѣды его съ Богомъ на горѣ Синайской. Люди не могли смотрѣть на него,—такъ сіялъ онъ необыкновеннымъ свѣтомъ, окружавшимъ лицо его. Онъ даже принужденъ былъ являться народу не иначе, какъ подъ покрываломъ. Вспомните Преображеніе Господне на горѣ Ѳаворѣ. Великій свѣтъ объялъ Его и „быша ризы Его, блещущія яко снѣгъ, и ученицы Его отъ страха падоша ницъ." Когда же Моисей и Илія явились къ Нему въ томъ же свѣтѣ, то, чтобы скрыть сіяніе свѣта Божественной благодати, ослѣплявшей глаза учениковъ, „облакъ," сказано, „осѣни ихъ." И такимъ-то образомъ благодать Всесвятаго Духа Божія является въ неизреченномъ свѣтѣ для всѣхъ, которымъ Богъ являетъ дѣйствія ея.

— Какимъ же образомъ,—спросилъ я батюшку отца Серафима,—узнать мнѣ, что я нахожусь въ благодати Духа Святаго?

— Это, ваше боголюбіе, очень просто! — отвѣчалъ онъ мнѣ,—поэтому-то и Господь говоритъ: „вся проста суть обрѣтающимъ разумъ"... Находясь въ этомъ разумѣ, и Апостолы всегда видѣли, пребываетъ ли Духъ Божій въ нихъ, или нѣтъ, и, проникнутые имъ и видя сопребываніе съ ними Духа Божія, утвердительно говорили, что дѣло ихъ свято и вполнѣ угодно Господу Богу. Этимъ и объясняется, почему они въ посланіяхъ своихъ писали: „изволися Духу Святому и намъ," и только на этихъ основаніяхъ и предлагали свои посланія, какъ истину непреложную, на пользу всѣмъ вѣрнымъ;—такъ св. Апостолы ощутительно сознавали въ себѣ присутствіе Духа Божіяго... Такъ вотъ, ваше боголюбіе, видите ли, какъ это просто?"

— Я отвѣчалъ:

— Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо увѣреннымъ, что я въ Духѣ Божіемъ. Какъ мнѣ самому въ себѣ распознавать Его истинное явленіе?

Батюшка о. Серафимъ отвѣчалъ:

— Я уже, ваше боголюбіе, сказалъ вамъ, что это очень просто, и подробно разсказалъ вамъ, какъ люди бываютъ въ Духѣ Божіемъ и какъ должно разумѣть Его явленіе въ насъ... Что же вамъ, батюшка, еще надобно?

Надобно, сказалъ я, — чтобъ я понялъ это хорошенько!..

Тогда о. Серафимъ взялъ меня весьма крѣпко за плечи и сказалъ мнѣ:

— Мы оба теперь, батюшка, въ Духѣ Божіемъ съ тобою!.. Что же ты не смотришь на меня?

Я отвѣчалъ:

— Я не могу, батюшка, смотрѣть, потому что изъ глазъ вашихъ молніи сыпятся. Лицо ваше сдѣлалось свѣтлѣе солнца, и у меня глаза ломятъ отъ боли!

О. Серафимъ сказалъ:

— Не устрашайтесь, ваше боголюбіе, и вы теперь сами такъ же свѣтлы стали, какъ и я самъ. Вы сами теперь въ полнотѣ Духа Божіяго, иначе вамъ нельзя было бы и меня такимъ видѣть.

И, преклонивъ ко мнѣ свою голову, онъ тихонько на ухо сказалъ мнѣ:

— Благодарите же Господа Бога за неизреченную къ вамъ милость Его Вы видѣли, что я и не перекрестился даже, а только въ сердцѣ моемъ мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказалъ: Господи! удостой его ясно и тѣлесными глазами видѣть то сошествіе Духа Твоего, которымъ Ты удостоиваешь рабовъ Своихъ, когда благоволишь являться во свѣтѣ великолѣпной славы Твоей. И вотъ, батюшка, Господь и исполнилъ мгновенно смиренную просьбу убогаго Серафима... Какъ же не благодарить Его за этотъ Его неизреченный даръ намъ обоимъ! Этакъ, батюшка, не всегда и великимъ пустынникамъ являетъ Господь Богъ милость Свою. Это благодать Божія благоволила утѣшить сокрушенное сердце ваше, какъ мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божіей... — Что жь, батюшка, не смотрите мнѣ въ глаза? Смотрите просто и не убойтесь—Господь съ нами!

Я взглянулъ послѣ этихъ словъ въ лицо его, и напалъ на меня еще большій благоговѣйный ужасъ. Представьте себѣ, въ серединѣ солнца, въ самой блистательной яркости его полуденныхъ лучей, лицо человѣка съ вами разговаривающаго. Вы видите движеніе устъ его, мѣняющееся выраженіе его глазъ, слышите его голосъ, чувствуете, что кто-то васъ руками держитъ за плечи, но не только рукъ этихъ не видите, не видите ни самихъ себя, ни фигуры его, а только одинъ свѣтъ ослѣпительный, простирающійся далеко, на нѣсколько саженъ кругомъ, и озаряющій яркимъ блескомъ своимъ и снѣжную пелену, покрывающую поляну, и снѣжную крупу, осыпающую сверху и меня, и великаго старца. Возможно ли представить себѣ то положеніе, въ которомъ я находился тогда!

— Что же чувствуете вы теперь? спросилъ меня о. Серафимъ.

— Необыкновенно хорошо! сказалъ я.

— Да какъ же хорошо? Что именно?

— Я отвѣчалъ:

— Чувствую я такую тишину и миръ въ душѣ моей, что никакими словами выразить не могу!

— Это, ваше боголюбіе,—сказалъ батюшка о. Серафимъ,— тотъ миръ, про который Господь сказалъ ученикамъ Своимъ: „миръ Мой даю вамъ, не якоже міръ даетъ, Азъ даю вамъ. Аще отъ міра бысте были, міръ убо свое любилъ бы, но Азъ избрахъ вы отъ міра, сего ради ненавидитъ васъ міръ. Но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ.“ Вотъ этимъ-то людямъ, ненавидимымъ отъ міра сего, избраннымъ же отъ Господа, и даетъ Господь тотъ миръ, который вы теперь въ себѣ чувствуете; „миръ,“ по слову Апостольскому, „всякъ умъ преимущій.“

Что же еще чувствуете вы?—спросилъ меня о. Серафимъ.

— Необыкновенную сладость!—отвѣчалъ я.

И онъ продолжалъ:

— Это та сладость, про которую говорится въ Священномъ Писаніи: „отъ тука дому Твоего упіются и потокомъ сладости Твоея напоиши я.“ Вотъ эта-то теперь сладость преисполняетъ сердца наши и разливается по всѣмъ жиламъ нашимъ неизреченнымъ услажденіемъ. Отъ этой-то сладости наши сердца какъ будто таютъ, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никакимъ языкомъ выражено быть не можетъ... Что же еще вы чувствуете?

— Необыкновенную радость во всемъ моемъ сердцѣ!

И батюшка отецъ Серафимъ продолжалъ:

— Когда Духъ Божій снисходитъ къ человѣку и осѣняетъ его полнотою Своего наитія, тогда душа человѣческая преисполняется неизреченною радостію, ибо Духъ Божій радостно творитъ все, къ чему бы Онъ ни прикоснулся. Это та самая радость, про которую Господь говоритъ въ Евангеліи Своемъ: „жена, егда рождаетъ, скорбь имать, яко пріиде годъ ея; егда же родитъ отроча, ктому не помнитъ скорби за радость, яко родися человѣкъ въ міръ. Въ мірѣ скорбни будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возметъ отъ васъ.“ Но какъ бы ни была утѣшительна радость эта, которую вы теперь чувствуете въ сердцѣ своемъ, все-таки она ничтожна въ сравненіи съ тою, про которую Самъ Господь устами Своего Апостола сказалъ, что радости той „ни око не видѣ, ни ухо не слыша, ни на сердце человѣку не взыдоша благая, яже уготова Богъ любящимъ Его.“ Предзадатки этой радости даются намъ теперь, и если отъ нихъ такъ сладко, хорошо и весело въ душахъ нашихъ, то что сказать о той радости, которая уготована тамъ, на небесахъ, плачущимъ здѣсь на землѣ?! Вотъ и вы, батюшка, довольно таки поплакали въ жизни вашей на зем-

лѣ, и смотрите-ка, какою радостью утѣшаетъ васъ Господь еще въ здѣшней жизни.

Что же вы еще чувствуете, ваше боголюбіе?

Я отвѣчалъ:

— Теплоту необыкновенную!

— Какъ, батюшка, теплоту? Да вѣдь мы въ лѣсу сидимъ. Теперь зима на дворѣ, и подъ ногами снѣгъ, и на насъ болѣе вершка снѣгу; и сверху крупа падаетъ... Какая же можетъ быть тутъ теплота?!

Я отвѣчалъ:

— А такая, какая бываетъ въ банѣ, когда поддадутъ на каменку и когда изъ нея столбомъ паръ валитъ...

— И запахъ, — спросилъ онъ меня, — такой же, какъ изъ бани?

Нѣтъ,—отвѣчалъ, я,—на землѣ нѣтъ ничего подобнаго этому благоуханію. Когда, еще при жизни матушки моей, я любилъ танцовать и ѣздилъ на балы и танцовальные вечера, то матушка моя опрыснетъ меня, бывало, духами, которые покупала въ лучшихъ модныхъ магазинахъ Казани, но тѣ духи не издаютъ такого благоуханія

И батюшка о. Серафимъ, пріятно улыбнувшись, сказалъ:

И самъ я, батюшка, знаю это точно такъ же, какъ и вы, да нарочно спрашиваю у васъ—такъ-ли вы это чувствуете? Сущая правда, ваше боголюбіе! Никакая пріятность земнаго благоуханія не можетъ быть сравнена съ тѣмъ благоуханіемъ, которое мы теперь ощущаемъ, потому что насъ теперь окружаетъ благоуханіе Святаго Духа Божія. Что же земное можетъ быть подобно ему?... Замѣтьте же, ваше боголюбіе, вѣдь вы сказали мнѣ, что кругомъ насъ тепло, какъ въ банѣ, а посмотрите-ка, вѣдь ни на васъ, ни на мнѣ снѣгъ не таетъ и подъ нами также. Стало быть, теплота эта не въ воздухѣ, а въ насъ самихъ. Она-то и есть именно та самая теплота, про которую Духъ Святый словами молитвы заставляетъ насъ вопіять ко Господу: „теплотою Духа Твоего Святаго согрѣй мя!“ Ею-то согрѣваемые пустынники и пустынницы не боялись зимняго мраза, будучи одѣваемы, какъ въ теплыя шубы, въ благодатную одежду, отъ Святаго Духа istканную. Такъ вѣдь и должно быть на самомъ дѣлѣ, потому что благодать Божія должна обитать внутри насъ, въ сердцѣ нашемъ, ибо Господь сказалъ: „царствіе Божіе внутрь васъ есть.“ Подъ царствіемъ же Божіимъ Господь разумѣлъ благодать Духа Святаго. Вотъ это царствіе Божіе теперь внутрь насъ и находится, а благодать Духа Святаго и отвнѣ осіяваетъ и согрѣваетъ насъ, и, преисполняя многоразличнымъ благоуханіемъ окружающій насъ воздухъ, услаждаетъ наши чувства пренебеснымъ услажденіемъ, напояя сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положеніе есть то самое, про которое Апостолъ говоритъ: „царствіе

Божіе нѣсть пища и питіе, но правда и миръ о Дусѣ Святѣ." Вѣра наша состоитъ „не въ препрѣтельныхъ человѣческія мудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы." Вотъ въ этомъ-то состояніи мы съ вами теперь и находимся. Про это состояніе именно и сказалъ Господь: „суть нѣцыи отъ здѣ стоящихъ, иже не имутъ вкусити смерти, дондеже видятъ царствіе Божіе, пришедшее въ силѣ" Вотъ, батюшка, ваше боголюбіе, какой неизреченной радости сподобилъ насъ теперь Господь Богъ!.. Вотъ что значитъ быть въ полнотѣ Духа Святаго, про которую святой Макарій Египетскій пишетъ: „Я самъ былъ въ полнотѣ Духа Святаго"... Этою-то полнотою Духа Своего Святаго и насъ, убогихъ, преисполнилъ теперь Господь... Ну, ужъ теперь нечего болѣе, кажется, спрашивать, ваше боголюбіе, какимъ образомъ бываютъ люди въ благодати Духа Святаго!. Будете ли вы помнить теперешнее явленіе неизреченной милости Божіей, посѣтившей насъ?

— Не знаю, батюшка! — сказалъ я, — удостоитъ ли меня Господь навсегда помнить такъ живо и явственно, какъ теперь я чувствую эту милость Божію.

— А я мню, — отвѣчалъ мнѣ отецъ Серафимъ, — что Господь поможетъ вамъ навсегда удержать это въ памяти вашей, ибо иначе благость Его не преклонилась бы такъ мгновенно къ смиренному моленію моему и не предварила бы такъ скоро послушать убогаго Серафима, тѣмъ болѣе, что и не для васъ однихъ дано вамъ разумѣть это, а черезъ васъ для цѣлаго міра, чтобы вы сами, утвердившись въ дѣлѣ Божіемъ, и другимъ могли быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монахъ, а вы мірской человѣкъ, то объ этомъ думать нечего: у Бога взыскуется правая вѣра въ Него и Сына Его Единороднаго. За это и подается обильно свыше благодать Духа Святаго. Господь ищетъ сердца, преисполненнаго любовію къ Богу и ближнему — вотъ престолъ, на которомъ Онъ любитъ возсѣдать и на которомъ Онъ является въ полнотѣ Своей пренебесной славы. „Сыне даждь Ми сердце твое!" говоритъ Онъ, — „а все прочее Я Самъ приложу тебѣ," ибо въ сердцѣ человѣческомъ можетъ вмѣщаться царствіе Божіе. „Близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ, и нѣсть у Него зрѣнія на лица, Отецъ бо любитъ Сына и вся дастъ въ руцѣ Его, лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего небеснаго, истинно, по сыновнему. Господь равно слушаетъ и монаха, и мірянина, простого христіанина, лишь бы оба были православные и оба любили Бога изъ глубины душъ своихъ, и оба имѣли въ Него вѣру, хотя бы „яко зерно горушно," и оба двинутъ горы. „Единъ движетъ тысящи, два же тьмы." Самъ Господь говоритъ: „вся возможна вѣрующему," а батюшка святой апостолъ Павелъ велегласно восклицаетъ: „вся могу о

укрѣпляющемъ мя Христѣ.“ Не дивнѣе ли еще этого Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ о вѣрующихъ въ Него: „вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ, яко Азъ иду ко Отцу Моему и умолю Его о васъ, да радость ваша исполнена будетъ. Доселѣ не просисте ничесоже во имя Мое, нынѣ же просите и пріимите“... Такъ-то, ваше боголюбіе, все, о чемъ бы вы ни попросили у Господа Бога, все воспріимете, лишь бы только то было во славу Божію или на пользу ближняго, потому что и пользу ближняго Онъ же къ славѣ Своей относитъ. почему и говоритъ: „вся, яже единому отъ меньшихъ сихъ сотвористе, Мнѣ сотвористе.“ Такъ не имѣйте никакого сомнѣнія, чтобы Господь Богъ не исполнилъ вашихъ прошеній. лишь бы только они или къ славѣ Божіей или къ пользамъ и назиданію ближнихъ относились. Но если бы даже и для собственной вашей нужды, или пользы, или выгоды вамъ что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Богъ изволитъ послать вамъ, только бы въ томъ *крайняя* нужда и необходимость настояла, ибо любитъ Господь любящихъ Его; благъ Господь всяческимъ, волю же боящихся Его сотворитъ и молитву ихъ услышитъ. (См. житіе препод. Серафима Саровскаго, сост. Л. Денисовымъ. М. 1904 г.).

Есть-ли въ наше время бѣсноватые?

Составитель лѣтописи Серафимо-Дивѣевскаго женскаго монастыря, архимандритъ Серафимъ (Чичаговъ) описываетъ слѣдующее страшное событіе въ жизни Николая Александровича Мотовилова, великаго почитателя и усерднаго послушника Саровскаго старца Серафима.

„Н. А. Мотовиловъ, человѣкъ горячаго и искренняго сердца, дабы дѣйствительно послужить памяти отца Серафима, рѣшилъ лично поѣхать на родину великаго старца, въ Курскъ, собрать свѣдѣнія о дѣтствѣ и юношествѣ его, а также посѣтить Кіево-Фроловскій монастырь Поѣздка эта имѣла весьма дурныя послѣдствія для Николая Александровича: онъ заболѣлъ по попущенію Божію отъ врага, излившаго на него свою месть за трудъ, послужившій къ прославленію угодника Божія, отца Серафима".

Обстоятельства, предшествовавшія болѣзни Н. А. Мотовилова и объясняющія ея начало, слѣдующія.

Какъ то разъ въ бесѣдѣ съ преподобнымъ Серафимомъ коснулся разговоръ о вражьихъ нападеніяхъ на человѣка. Свѣтски-образованный Мотовиловъ не преминулъ, конечно, усомниться въ реальности явленій злой силы. Тогда Преподобный повѣдалъ ему о своей страшной борьбѣ въ теченіи 1001 ночи и 1001 дня съ бѣсами и силой своего слова, авторитетомъ своей святости, въ которомъ не могло быть и тѣни даже лжи и преувеличенія, убѣдилъ Мотовилова въ существованіи бѣсовъ не въ призракахъ, или мечтаніи, а въ самой настоящей горькой дѣйствительности.

Пылкій Мотовиловъ такъ вдохновился повѣстью старца, что отъ души воскликнулъ:

„Батюшка, какъ бы я хотѣлъ побороться съ бѣсами"!

Батюшка Серафимъ испуганно перебилъ его:

„Что вы, что вы, ваше Боголюбіе! Вы не знаете, что вы говорите. Знали бы вы, что малѣйшій изъ нихъ своимъ ногтемъ можетъ перевернуть всю землю, такъ не вызывались бы на борьбу съ ними".

— „А развѣ, батюшка у бѣсовъ есть когти"?

— „Эхъ, ваше Боголюбіе, ваше Боголюбіе, и чему только васъ въ университетѣ учатъ! Не знаете, что у бѣсовъ когтей нѣтъ?! Изображаютъ ихъ съ копытами, когтями, рогами, хвостами, потому, что для человѣческаго воображенія невозможно гнуснѣе этого вида и придумать. Таковы въ гнусности своей они и есть, ибо самовольное отпаденіе ихъ отъ Бога и добровольное ихъ противленіе Божественной благодати изъ ангеловъ свѣта, какими они были до отпаденія, сдѣлало ихъ ангелами такой тьмы и мерзости, что не изобразить ихъ никакимъ человѣческимъ подобіемъ, а подобіе нужно,—вотъ ихъ и изображаютъ черными и безобразными. Но, будучи сотворены съ силой и свойствами ангеловъ, они обладаютъ такимъ для человѣка и для всего земного непоборимымъ могуществомъ, что самый малѣйшій изъ нихъ, какъ и сказалъ я вамъ, можетъ своимъ когтемъ перевернуть всю землю. Одна Божественная благодать Всесвятаго Духа, туне даруемая намъ, православнымъ христіанамъ, за божественныя заслуги Богочеловѣка, Господа нашего Іисуса

Христа, одна она дѣлаетъ ничтожными всѣ козни и злоухищренія вражіи.

Жутко стало тогда Мотовилову. Тогда подъ защитой Преподобнаго онъ могъ не бояться злобы сатанинской. Но легкомысленно-дерзкій вызовъ, по попущенію Божію, не остался безъ послѣдствій,—онъ былъ принятъ.

Когда Мотовиловъ, послѣ кончины старца Серафима, поѣхалъ въ Курскъ, немного ему удалось собрать здѣсь свѣдѣній о дѣтствѣ и юности Преподобнаго. Близкіе родные, помнившіе о. Серафима въ молодости, кто перемерли, кто отозвались забвеніемъ. Даже домъ, въ которомъ родился и воспитывался Преподобный, былъ разрушенъ, и на мѣстѣ его выросли новыя постройки. Нашелся одинъ старикъ, сверстникъ Батюшки, который и далъ Мотовилову свѣдѣнія, вошедшія теперь во всѣ изданія житія Преподобнаго. Поѣздка въ Курскъ и пребываніе въ немъ были вполнѣ благополучны. Гроза ждала на возвратномъ пути въ Воронежъ.

На одной изъ почтовыхъ станцій, по дорогѣ изъ Курска, Мотовилову пришлось заночевать. Оставшись совершенно одинъ въ комнатѣ для проѣзжающихъ, онъ досталъ изъ чемодана свои рукописи и сталъ ихъ разбирать при тускломъ свѣтѣ одинокой свѣчи, еле освѣщавшей просторную комнату. Одною изъ первыхъ ему попалась записка объ исцѣленіи бѣсноватой дѣвицы изъ дворянъ, Еропкиной, у раки святителя Митрофана Воронежскаго.

„Я задумался, пишетъ Мотовиловъ,—какъ это можетъ случиться, что православная христіанка, пріобщающаяся Пречистыхъ и Животворящихъ Таинъ Господнихъ, и вдругъ одержима бѣсомъ и притомъ такое продолжительное время, какъ тридцать съ лишнимъ лѣтъ. И подумалъ я: вздоръ! этого быть не можетъ! Посмотрѣлъ бы я, какъ бы посмѣлъ въ меня вселиться бѣсъ, разъ я часто прибѣгаю къ таинству святого причащенія; и въ это самое мгновеніе страшное, холодное, зловонное облако окружило его и стало входить въ его судорожно стиснутыя уста.

Какъ ни бился несчастный Мотовиловъ, какъ ни старался защитить себя отъ льда и смрада, вползавшаго въ него облака, оно вошло въ него все, несмотря на его нечеловѣческія усилія. Руки были точно парализованы и не могли сотворить крестнаго знаменія; застывшая отъ ужаса мысль не могла вспомнить спасительнаго имени Іисусова. Отвратительно ужасное совершилось, и для Николая Александровича наступилъ періодъ тягчайшихъ мученій. Собственноручная рукопись его даетъ такое описаніе испытанныхъ имъ мукъ.

„Господь сподобилъ меня на себѣ самомъ испытать истинно, а не во снѣ и не въ привидѣніи, три геенскія муки: первая—огня несвѣтимаго и неугасимаго ничѣмъ болѣе,

какъ лишь одною благодатію Пресвятаго Духа. Продолжалась эта мука въ теченіе трехъ сутокъ, такъ что я чувствовалъ, какъ сожигался, но не сгоралъ. Со всего меня по 16 или по 17 разъ въ сутки снимали эту геенскую сажу, что было видимо для всѣхъ. Перестали эти муки лишь послѣ исповѣди и причащенія Святыхъ Таинъ Господнихъ молитвами архіепископа Воронежскаго Антонія и заказанными имъ по всѣмъ 47 церквамъ Воронежскимъ и по всѣмъ монастырямъ заздравными за болящаго болярина раба Божія Николая, ектеніями".

„Вторая мука въ теченіе двухъ сутокъ—тартара лютаго, геенскаго, такъ что и огонь не только не жегъ, но и согрѣвать меня не могъ. По желанію его высокопреосвященства архіепископа Воронежскаго Антонія, я съ полъ-часа держалъ руку надъ свѣчей, и она вся закоптѣла донельзя, но не согрѣлась даже. Опытъ сей удостовѣрительный я записалъ на цѣломъ листѣ и къ тому описанію рукою моею и на ней свѣчною сажею мою руку приложилъ. Но обѣ эти муки причащеніемъ давали мнѣ хоть возможность ѣсть и пить, и спать немного могъ при нихъ, и видимы онѣ были всѣмъ".

Но третья мука геенская, хотя на полсутокъ еще уменьшилась, ибо продолжалась только полторы сутки и едва ли болѣе, но за то великъ былъ ужасъ и страданіе отъ неописуемаго и непостижимаго. Какъ я живъ остался отъ нея! Исчезла она тоже отъ исповѣди и причащенія Святыхъ Таинъ Господнихъ. На этотъ разъ самъ архіепископъ Антоній изъ своихъ рукъ причащалъ меня оными. Эта мука была—червя неусыпнаго геенскаго, и червь этотъ никому болѣе, кромѣ меня самого и архіепископа Антонія, не былъ виденъ, но я весь самъ былъ преисполненъ этимъ наизлѣйшимъ червемъ, который ползалъ во мнѣ во всемъ и неизъяснимо ужасно грызъ всю мою внутренность, но и выползаючи чрезъ ротъ, уши и носъ, снова во внутренности мои возвращался. Богъ далъ мнѣ силу на него, и я могъ брать его въ руки и растягивать. Я по необходимости заявляю это все, ибо недаромъ подалось мнѣ это свыше отъ Бога видѣніе, да и не возможетъ кто подумать, что я дерзаю всуе имя Господне призывать. Нѣтъ! Въ день страшнаго суда Господня Самъ Онъ—Богъ, Помощникъ и Покровитель мой, засвидѣтельствуетъ, что я не лгалъ на Него, Господа, и на Его Божественнаго Промысла дѣяніе, во мнѣ совершенное".

Вскорѣ послѣ этого, страшнаго и недоступнаго для обыкновеннаго человѣка, испытанія, Мотовиловъ имѣлъ видѣніе своего покровителя, преподобнаго Серафима, который утѣшалъ страдальца обѣщаніемъ, что ему дано будетъ исцѣленіе при открытіи мощей святителя Тихона Задонскаго

и что до того времени вселившійся въ него бѣсъ уже не будетъ его такъ жестоко мучить.

Дѣйствительно, чрезъ 30 слишкомъ лѣтъ совершилось это событіе, и Мотовиловъ его дождался, дождался и исцѣленія по великой своей вѣрѣ.

Въ день открытія мощей святителя Тихона Задонскаго, Мотовиловъ стоялъ въ алтарѣ, молился и горько плакалъ о томъ, что Господь не посылаетъ ему исцѣленія, котораго, по обѣщанію преподобнаго Серафима Саровскаго ждала его измученная душа. Во время пѣнія Херувимской пѣсни, онъ взглянулъ на горнее мѣсто и увидѣлъ на немъ святителя Тихона. Святитель благословилъ плачущаго Мотовилова, и сталъ невидимъ.

Мотовиловъ сразу почувствовалъ себя исцѣленнымъ. (Изъ кн. С. Нилуса: „*Великое въ маломъ*“. Изд. 2-е 1905 г.).

Троицкіе листки № 58

Предсмертное видѣніе и мирная кончина православнаго христіанина.

Въ г. Карачевѣ (Орловской губерніи) жилъ боголюбивый гражданинъ Петръ Ивановичъ Подсалихинъ. Въ теченіе пятидесяти-двухлѣтней своей жизни, онъ часто страдалъ отъ болѣзней, въ послѣдніе же два года постигла его болѣзнь самая тяжкая. И вотъ 1849 года, мѣсяца октября 21 числа послѣ сильныхъ, мучительныхъ пароксизмовъ, въ часъ пополудни, онъ, наконецъ, обмеръ. Слѣды жизни едва были замѣтны по самому легкому біенію нѣкоторыхъ жилъ.—Въ такомъ положеніи находился онъ четыре часа. Потомъ, вдругъ всплеснувъ руками, обмершій окинулъ жаднымъ взоромъ окружавшую одръ его толпу родныхъ и двукратно произнесъ: „Гдѣ Знаменіе Божіей Матери? Гдѣ Знаменіе Божіей Матери?“ Жена его Евдокія Михаиловна, осѣнивъ больного крестнымъ знаменіемъ, сказала: „Петръ Ивановичъ, что съ тобою?“—Помолчавъ нѣсколько, пробудившійся отъ неестественнаго сна, отвѣчалъ: „Ахъ, друзья мои! послушайте, что я разскажу вамъ“; и, перекрестившись, началъ говорить: „я еще живъ; слава Тебѣ, Господи, что я еще живъ послѣ того, какъ мнѣ казалось, что я совершенно умеръ. Мнѣ представилось, что грѣшное мое тѣло уже положено было въ гробъ и перенесено въ нашу Преображенскую церковь, гдѣ совершена была Божественная литургія и отпѣто по мнѣ погребеніе. Потомъ изъ церкви понесли

меня на Думную горку *); когда стали подходить къ могилѣ, покойные отецъ мой, мать и всѣ тѣ дѣти, которыхъ я прежде похоронилъ, вышли ко мнѣ навстрѣчу.—Дѣти обратились ко мнѣ съ такимъ привѣтствіемъ: „Папенька! папенька! Мы здѣсь давно васъ ждемъ!" Когда же мой гробъ хотѣли опустить въ могилу, вдругъ явился какой-то монахъ и сказалъ предстоящимъ: „остановитесь!" Носильщики остановились; и въ это время мнѣ представился прекрасный рай. Тотъ монахъ, подошедши къ райскому древу, отвернулъ въ немъ кранъ, налилъ стаканъ горькой воды и далъ мнѣ выпить его. Выпивши стаканъ горькой воды, я почувствовалъ ужаснѣйшую горечь. Тутъ страданія мои дошли до крайней степени. Во время этихъ страданій, тотъ же монахъ подошелъ къ другому райскому древу, тоже отвернулъ кранъ, налилъ стаканъ сладкаго меду и далъ мнѣ выпить его. Выпивши этотъ стаканъ меду, я почувствовалъ невыразимую сладость. Послѣ сего, прежній монахъ сказалъ предстоящимъ: „оставьте его!—онъ долженъ умереть черезъ десять дней,—перваго числа ноября, на праздникъ Космы и Даміана, въ четыре часа пополудни". Только что монахъ окончилъ свою рѣчь, я увидѣлъ надъ собою икону Знаменія Божіей Матери съ распростертыми надо мною руками. Пораженный столь дивнымъ явленіемъ, я бросился поцѣловать образъ и вдругъ ожилъ".

Разсказъ больного поразилъ очень многихъ; всѣ съ нетерпѣніемъ желали узнать, оправдается ли сновидѣніе больного относительно его смерти, которая, по предсказанію, должна была послѣдовать 1 числа ноября, въ 4 часа пополудни. На другой день послѣ видѣнія, больной пріобщенъ былъ Св. Таинъ, и совершено надъ нимъ св. таинство Елеосвященія. Чрезъ пять дней, во второй разъ былъ онъ удостоенъ причастія Св. Таинъ. Подъ самый день его кончины, 31 октября родные, не спросивши больного, опять пригласили было священника для той же требы, но больной умолялъ отложить это до утра; такъ и сдѣлано. Послѣ ранней литургіи, 1 ноября, онъ въ самый день своей кончины въ третій разъ былъ удостоенъ причащенія Св. Таинъ, при чемъ прочитана была ему и отходная молитва. По отбытіи священника больной благословилъ дѣтей, а во время прощанья съ родными, предсказалъ многимъ на будущее время удачи и неудачи въ жизни,—и, между прочимъ, просилъ ихъ внимательнѣе слѣдить за его кончиной, и свою просьбу выразилъ въ такихъ словахъ:—„когда наступитъ урочная минута моей кончины, я буду говорить вамъ такъ: простите меня грѣшнаго

*) Думною горкою въ городѣ Карачевѣ отъ глубокой древности называется общественное градское кладбище.

и помилуйте! а вы отвѣчайте: Господь Богъ тебя проститъ и помилуетъ, и при этомъ какъ можно внимательнѣе всматривайтесь въ движеніе моего тѣла и выраженіе лица. Если я самъ стройно и спокойно выпрямлюсь, сложу руки, сомкну глаза, и на лицѣ моемъ выразится веселіе и радость, то знайте, что Ангелы Божіи будутъ брать мою душу; а когда скорчусь и умру безобразно, злые духи возьмутъ ее". Это наставленіе больного тѣмъ болѣе усилило стараніе предстоящихъ точнѣе слѣдить за его кончиной. Наконецъ, роковая минута его смерти настала дѣйствительно: 1 ноября, въ четыре часа пополудни, рабъ Божій Петръ, по предсказанному за десять дней въ видѣніи, произнесши послѣднія слова: „простите меня грѣшнаго и помилуйте!" стройно самъ выпрямилъ свое тѣло, сложилъ руки и, закрывъ глаза, съ ясною улыбкою отошелъ къ Господу.

Въ теченіе десяти дней, послѣ видѣнія, больной явнымъ образомъ пилъ горькую чашу земныхъ страданій, а подъ самый конецъ жизни выпилъ стаканъ сладкаго меду,—что доказываетъ мирная его кончина.

Дай Богъ всякому православному христіанину вкусить столь блаженную и мирную кончину!

Діаконъ *Іоаннъ Свиридовъ.*

Что все написанное здѣсь о предсмертномъ видѣніи нашего прихожанина Петра Ивановича Подсалихина, мною въ послѣдніе дни его кончины три раза исповѣданнаго и Св. Таинъ пріобщеннаго, вѣрно и безъ всякаго преувеличенія, то подтверждаю своимъ подписомъ. Мѣстный карачевскій градской Преображенской церкви священникъ *Николай Капитанниковъ* („Странникъ" 1866 г.).

Чудесное исцѣленіе бѣсноватаго крестьянскаго мальчика у мощей преподоб. Сергія, Радонежскаго чудотворца.

Недавно отъ вполнѣ достовѣрнаго лица мы слышали разсказъ о совершившемся 7 февраля текущаго 1910 года чудѣ исцѣленія 12-лѣтняго мальчика у раки мощей св. Сергія въ Троице-Сергіевой лаврѣ.

Исцѣленный мальчикъ сталъ обнаруживать признаки крайне болѣзненнаго безпокойства, постепенно усиливавшагося и, наконецъ, перешедшаго въ умоизступленіе, вслѣдъ затѣмъ, какъ родители довольно грубо побранили его за неуспѣшность въ ученьи.

Когда никакія медицинскія средства и совѣты уже не могли благотворно воздѣйствовать на больного, отецъ повезъ его въ Троице-Сергіеву лавру, съ цѣлью помолиться у св. мощей, вмѣстѣ съ больнымъ сыномъ. Но, по пріѣздѣ въ лавру, оказалось, что ввести мальчика въ соборъ, гдѣ почиваютъ св. мощи, невозможно. Какая-то чудовищная сила не пускала больного за порогъ храма. Даже когда повели бѣднаго юнаго страдальца въ храмъ три сильныхъ мужика, и они не могли вдвинуть его въ церковь. Наконецъ, вызвался внести мальчика въ соборъ и приложить къ св. мощамъ одинъ изъ лаврскихъ послушниковъ. Какъ впослѣдствіи разсказывалъ послушникъ, когда онъ съ большимъ усиліемъ вносилъ ребенка въ храмъ, все время твердо держалъ въ душѣ своей одну мысль, именно, что онъ борется съ діаволомъ и уповаетъ въ этой борьбѣ на силу Божію. Все время, какъ подводили бѣсноватаго къ ракѣ Преподобнаго, онъ неистово кричалъ и страшно бился. Кричалъ вполнѣ явственно: „Меня вогнали родители!.. Преподобный, выйти велишь? ладно, выйду“. Послѣ сихъ словъ, мальчика приложили къ св. мощамъ, и онъ сразу затихъ, успокоился и вполнѣ пришелъ въ здоровое состояніе.

Свидѣтелями сего исцѣленія были всѣ присутствовавшіе въ то время въ соборѣ.

На другой день опять видѣли исцѣленнаго мальчика вмѣстѣ съ отцомъ въ соборѣ у раки Преподобнаго. Теперь уже мальчикъ самъ легко подходилъ къ св. ракѣ и усердно молился. А на лицѣ родителя сіяла великая радость. Слава Тебѣ, Господи, дивному во святыхъ Твоихъ.

Преподобне, отче Сергіе, моли Бога о насъ! („Добр. Сл.“).

Имѣю желаніе довести до свѣдѣнія читателей два случая изъ моей жизни, а именно.

I.

Живя въ небогатой крестьянской семьѣ православной вѣры, въ мое малолѣтство, однажды лѣтней порой, когда былъ жаркій полдень, я вышелъ изъ своего дома, сказавши своей родной матери, что я иду на рѣчку покупаться. На это она сказала мнѣ: „иди съ Богомъ“. По дорогѣ присталъ ко мнѣ товарищъ мой А. Для купанья мы нашли мѣсто подъ плотиной старой мельницы. Тутъ изъ людей близко къ намъ никого не было и въ берегахъ рѣки никто насъ видѣть не могъ. Мы наскоро оба раздѣлись и вошли въ воду, я зашелъ на быстрое теченіе рѣки и легко переплылъ глубокое мѣсто; зашелъ за мной по тому же слѣду и мой товарищъ, но онъ не смогъ переплыть глубокое мѣсто и сталъ

тонуть; крикнулъ: „я тону“ и съ тѣмъ скрылся въ водѣ. Я тутъ же безъ всякой боязни поплылъ на глубину искать его, къ счастью, попалъ какъ разъ на то мѣсто, гдѣ онъ скрылся, и тутъ же близко ко мнѣ показалась изъ воды одна рука, за которую я успѣлъ поймать и вытащить утопавшаго изъ воды на берегъ; онъ оказался не совсѣмъ еще обмершимъ, но былъ близко къ смерти: лицо посинѣло, глаза помутнѣли и стояли неподвижно, языкомъ не владѣлъ, на ногахъ стоялъ только съ поддержкою подъ руку. Что съ нимъ дѣлать, я не зналъ, а потому прямо сталъ его одѣвать, поддерживая его подъ руку, но онъ изъ моихъ рукъ упалъ на землю пластомъ, такъ, что ударился всѣмъ тѣломъ о песокъ, а тутъ же изо рта его хлынула вода. Вскорѣ онъ пришелъ въ чувство и память, и я помогъ ему одѣться. Собравшись совсѣмъ, мы пошли обратно по домамъ. Идя дорогой, онъ проговорилъ: Богъ тебѣ помогъ меня поймать за руку и вытащить изъ воды, вѣдь совсѣмъ было захлебнулся водой.

Вотъ, что случилось и благополучно миновалось по краткословной материнской усердной молитвѣ „иди съ Богомъ“, и такъ былъ спасенъ человѣкъ и благополучно миновалась опасность жизни моей.

II.

Бѣдное положеніе родителей заставило меня съ раннихъ лѣтъ сѣсть въ козлы ямщика. И вотъ, однажды, состоя ямщикомъ съ парой лошадей у повѣреннаго (что сборщикъ питейной торговли) лѣтней порой я, собравшись въ путь на парѣ лошадей въ ямскомъ тарантасѣ, передъ выѣздомъ со двора снялъ съ себя шапку, перекрестился съ молитвою: „Господи, благослови“, а стоявшая возлѣ меня родная моя мать оградила меня крестнымъ знаменіемъ съ краткою молитвою „ѣзжай съ Богомъ“. Я благополучно выѣхалъ изъ дому и находился въ дорогѣ почти двѣ недѣли, на обратномъ пути съ казной проѣзжая послѣднюю станцію. Подъ вечеръ дня, въ 6 верстахъ отъ станціи, дорога шла по небольшему подъему, когда сѣдокъ замѣтилъ съ лѣвой стороны бѣгующую за нами погоню на перерѣзъ намъ. Онъ приказалъ мнѣ гнать лошадей какъ можно шибче, говоря: это разбойники спѣшатъ опередить насъ и остановить на мосту у лѣсной чащи. Разбойникамъ дорога шла подъ уклонъ и какъ они шибко ни скакали на одной хорошей бѣжавшей лошади, запряженной въ легкій ящикъ, въ которомъ сидѣло 3 человѣка, но не могли достигнуть своей цѣли. Одинъ изъ нихъ правилъ, гналъ лошадь во весь духъ, другой лежалъ въ растяжку и держалъ въ рукѣ топоръ, послѣдній стоялъ на колѣняхъ за спиной перваго и держалъ

въ рукѣ что-то въ видѣ желѣзнаго шкворня. Мы успѣли опередить и оставить преслѣдователей позади себя не болѣе какъ саженей на 10; тутъ опасность миновалась, а на поворотѣ дороги неподалеку намъ навстрѣчу ѣхалъ большой обозъ, который и былъ помѣхой разбойникамъ для дальнѣйшаго преслѣдованія насъ.

Для обороны у сѣдока былъ только кистень, а у меня ничего. Нападеніе грозило намъ лишеніемъ жизни. Вотъ что случилось въ пути и благополучно миновалось по усердной молитвѣ матери: „ѣзжай съ Богомъ“ и такъ были спасены отъ нападенія разбойниковъ.

Эти два случая свидѣтельствую пережившій ихъ

Гор. Владикавказъ, Терской обл.,
24 ноября, 1907 года.

З. У. Самойловъ.

Вразумленіе безумныхъ.

(Дѣйствительное происшествіе).

Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ.

Въ роскошной гостинной большого аристократическаго дома собралось блестящее общество кавалеровъ въ черныхъ фракахъ, блестящихъ мундирахъ и бѣлыхъ перчаткахъ. Дамы въ кисейныхъ шелковыхъ декольтированныхъ платьяхъ съ обнаженными руками и безконечными шлейфами. Настроеніе общества было самое безшабашное. Воздухъ былъ пропитанъ дорогими духами. Столы украшены вазами съ живыми цвѣтами. Всюду били ключемъ жизнь и веселіе. Кромѣ всего, балу особенное значеніе придавало присутствіе одного изящнаго молодого человѣка. Выдающійся піанистъ, онъ долженъ былъ на этомъ балу проявить всю свою ловкость и способность въ игрѣ—своимъ недюжиннымъ талантомъ очаровать блестящее общество. Разговоры велись на самыя разнообразныя и изысканныя темы. Между прочимъ, заговорили о Богѣ, о религіи вообще. Какъ водится, не нашлось ни одного защитника идеи Божества и важности религіи для вѣрующаго человѣка. Всѣ какъ-то избѣгали поднимать разговоръ о такой вещи, о которой говорятъ „только“ простые невѣжественные мужики, а особенно молодой піанистъ богохульствовалъ и острилъ на счетъ религіи и даже Самого Бога. Наконецъ, вся шумная толпа перешла въ огромную, освѣщенную люстрами, залу. Вотъ настала очередь піанисту, вдобавокъ еще и фавориту прекраснаго пола, щегольнуть своими талантами.

Всѣ притихли, размѣстились. Артистъ сѣлъ за піанино. И прежде чѣмъ ударить аккордъ, на время какъ бы замеръ на мѣстѣ. Лицо его приняло какое-то странное выраженіе, помутнѣвшіе глаза смотрѣли куда-то вдаль, руки какъ изваянные замерли на клавишахъ. И, спустя минуту-двѣ, залъ заполнила необычайно-трогательная, невыразимо-грустная музыка: „Вѣчная память, вѣчная память, вѣ-ѣ-ѣ-ѣ-ѣ-чная па-а-амять!“

Большинство дамъ упало въ глубокій обморокъ, нѣкоторые изъ мужчинъ бросились на играющаго съ сжатыми кулаками, а нѣкоторые сидѣли словно какъ приросшіе на своихъ мѣстахъ, пораженные столь неожиданнымъ и столь ошеломляющимъ явленіемъ. Самъ же виновникъ происшествія, вставъ изъ-за піанино и скрестивъ на груди руки, погрузился въ какую то загадочно грустную думу. На всѣ обращенные къ нему возгласы и протесты онъ не отвѣчалъ никому ни однимъ словомъ. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ стали постепенно собираться и оставлять домъ. Другіе, жестикулируя, горячились и кричали, что это неслыханный скандалъ.

Когда уже добрая половина присутствовавшихъ разъѣхалась, а оставшіеся немного успокоились и приступили къ піанисту съ разспросами, зачѣмъ онъ все это сдѣлалъ, то послѣдній, уже пришедшій въ себя, ничего не могъ имъ объяснить, оправдываясь лишь, что и какъ это случилось—онъ и самъ этого не знаетъ и не можетъ объяснить. Въ это время задребезжалъ звонокъ на подъѣздѣ; выскочившій на звонокъ швейцаръ принялъ отъ почталіона телеграмму, которую доставилъ въ залъ. На конвертѣ значилась фамилія піаниста. Принявъ телеграмму, разорвавъ ее дрожащими руками и сразу окинувъ глазами ея содержаніе, піанистъ неестественно вскрикнулъ и громыхнулся на полъ. Въ домѣ поднялась суета, визгъ дамъ и властныя приказанія мужчинъ; несли холодную воду, нашатырный спиртъ и другіе препараты. Начали приводить въ чувство. Когда больной очнулся, то невнятно произнесъ: „отецъ“ и, поникнувъ головой, вновь впалъ въ обморокъ. Когда взяли отъ него телеграмму, то въ послѣдней извѣщалось, что нѣсколько часовъ тому назадъ скоропостижно умеръ его отецъ. Отецъ жилъ въ сосѣднемъ городкѣ.—Событіе это каждый объяснялъ по-своему. Но, лишившійся столь неожиданно своего отца—піанистъ, придя въ себя, во всеуслышаніе заявилъ: „да, господа! Теперь я чувствую, что надъ нами что то и вѣрнѣе *Кто-то* есть и этотъ *Кто-то* указываетъ намъ пути, руководитъ нашими мыслями, дѣйствіями, жизнію. До сего времени я думалъ, что, получая высшее образованіе, я уже познялъ всю истину, всю тайну бытія и думалъ, что имѣлъ право отрицать все то, что невидимо, неосязаемо. Скептически

всегда я относился къ многими признаваемому Божеству— къ какой бы то ни было религіи. Отнынѣ же, дорогіе мои друзья и пріятели, моя жизнь началась новая, новая и радостная. Ибо я почувствовалъ, что надо мною есть источникъ силы, крѣпости воли и безконечной радости и благодати. Скажите же, кто изъ васъ, здѣсь присутствующихъ, вдохновилъ меня вмѣсто безумно-веселыхъ мотивовъ вальса—произвести звуки этого великаго печальнаго напутствованія отходящихъ отъ насъ въ другой невѣдомый ни философамъ, ни мыслителямъ міръ? Молчите? вы въ недоумѣніи? А я познаӆъ... Мнѣ сегодня открылись глаза".—И піанистъ запѣлъ: „Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ, всякаго бо отвѣта недоумѣюще, сію ти молитву яко Владыцѣ грѣшные приносимъ, помилуй насъ!"

Скоро всѣ присутствующіе на балу разъѣхались. А молодой піанистъ съ этого дня повелъ самую благочестивую и достойную вѣрующаго христіанина жизнь. (Кормчій 1909 г.).

Иванъ Шаповаловъ.

Церковный сторожъ.

(Разсказъ священника и другихъ).

Вѣренъ же Богъ, иже не оставитъ васъ искуситеся паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести (1 Ко. 10, 13).

По обязанности миссіонера, привелось мнѣ побывать (въ 1887 г.) въ одномъ торговомъ и многолюдномъ селѣ, Ж—го уѣзда, для собесѣдованія съ тамошними раскольниками - безпоповцами (Филиппова толка). Остановился я въ домѣ священника О. Н—го, съ которымъ близко познакомился и много узналъ интереснаго изъ его многолѣтняго пастырскаго служенія. Между прочимъ онъ разсказалъ мнѣ о состояніи мѣстнаго раскола, за прежнее и настоящее время. „Теперь слава Богу", говорилъ онъ—„пропаганда раскольниковъ утихла и прекратилась, но прежде сильно свирѣпствовала, и нѣкоторыхъ простыхъ и неискусныхъ въ вѣрѣ отторгала отъ Православной Церкви и увлекала въ заблужденіе".

Присутствовавшая при семъ супруга священника сказала: „ужъ какой у насъ былъ добродѣтельный и благочестивый церковный сторожъ Н—ръ, и того было раскольники уловили въ свои сѣти: но Господь, за его добродѣтели и великіе подвиги, удержалъ его, не допустилъ окончательно упасть въ эту бездонную пропасть—перекрещенскій расколъ". Слова матушки заинтересовали меня, и я покорно просилъ о. Н—го разсказать мнѣ: какимъ образомъ раскольники едва не совратили ихъ церковнаго сторожа, и что его спасло отъ совращенія? „Съ удовольствіемъ готовъ исполнить

ваше желаніе,—сказалъ о Н—й. *Тайну цареву хранити добро, дѣла же Божія открывати славно* (Тов. 12, 11), — говоритъ Св. Писаніе. Въ жизни покойнаго сторожа—Н—ра, умершаго полтора года тому назадъ, явно обнаруживались дѣла Божія, и мы съ чувствомъ благоговѣнія вспоминаемъ о немъ, какъ о человѣкѣ истинно-благочестивомъ. Покойный Н—ръ былъ украшенъ самыми высокими христіанскими добродѣтелями, о которыхъ теперь только и можно знать изъ житій св. отцевъ. Въ нашъ же грѣшный и растлѣнный вѣкъ весьма и весьма рѣдко слышно объ нихъ. Особенно среди грубаго и невѣжественнаго деревенскаго народа не видно ничего подобнаго. Но покойный Н—ръ поистинѣ былъ свѣтильникъ во тьмѣ горящій, хотя и неблестящій, непылавшій, но свѣтилъ онъ тихо, ровно, разливая вокругъ себя теплоту. Надѣюсь, что вы не соскучитесь выслушать меня, если я разскажу вамъ съ нѣкоторыми подробностями про жизнь покойнаго все то, что привелось мнѣ слышать отъ людей, знавшихъ Н—ра еще дитятей, и что самому мнѣ лично извѣстно!—Сдѣлайте милость. Съ удовольствіемъ готовъ буду слушать,—сказалъ я.

„Покойный Н—ръ принадлежалъ къ крестьянамъ нашего села, былъ сынъ бѣдныхъ родителей,—началъ свой разсказъ о Н—й,—родился и выросъ въ крайней нуждѣ и въ полномъ деревенскомъ невѣжествѣ. Въ тѣ времена и богатые люди мало учили дѣтей своихъ грамотѣ, а про бѣдныхъ и говорить нечего. Всѣ почти они были неграмотные, къ числу которыхъ принадлежалъ и Н—ръ. Но онъ, по разсказамъ хорошо знавшихъ его, съ самыхъ юныхъ лѣтъ сталъ проявлять въ себѣ прекрасныя качества: смиреніе, кротость и послушаніе, избѣгалъ всякихъ раздоровъ; никогда и никого словомъ не обижалъ и безропотно переносилъ обиды своихъ сверстниковъ, и къ старшимъ былъ почтителенъ. Онъ любилъ ходить въ храмъ Божій на молитву и старался что-либо тамъ дѣлать, т. е. разводилъ жаровню, раздувалъ кадило и подносилъ теплоту, а по окончаніи богослуженія помогалъ сторожу выметать храмъ. За такую услужливость всѣ церковно-служители его любили, давали кусочекъ просфоры, а иногда грошикъ. Потомъ онъ сталъ взбираться на колокольню и скоро научился трезвонить. Рано пришлось Н—ру познакомиться съ тяжелымъ сельскимъ трудомъ. Отецъ и мать были стары. Поэтому Н—ръ 15-ти лѣтъ ходилъ за сохой и съ косой, а 17-ти—исправлялъ почти всѣ полевыя работы. Такъ какъ Н—ръ отличался отъ многихъ благонравіемъ, хорошимъ и безукоризненнымъ поведеніемъ и былъ лучшимъ работникомъ, то многіе жители села, люди зажиточные желали имѣть его своимъ зятемъ и засылали свахъ. Отецъ и мать тоже хотѣли какъ можно скорѣе женить его, чтобы имѣть въ домѣ необходимую помощницу, и весьма часто напоминали ему о женитьбѣ. Н—ръ не возражалъ родителямъ, большею частію перемалчивалъ, но иногда говорилъ: „успѣю еще жениться. Моя невѣста еще въ люлькѣ качается“. Отъ деревенскихъ игръ и сродныхъ молодому человѣку забавъ онъ видимо уклонялся и

отъ женскаго пола сторонился. При семъ достойно замѣчанія, что любовь Н—ра къ храму Божію и церковному богослуженію съ лѣтами не оскудѣвала, но еще больше усугублялась и сдѣлалась для него какъ бы необходимою потребностію. Въ самую страдную пору, когда деревенскій людъ, такъ сказать, убитъ полевыми работами, не зная ни днемъ ни ночью покоя; когда въ воскресенье и праздничные дни къ утреннему богослуженію почти никто не являлся, Н—ръ неопустительно посѣщалъ храмъ, даже нерѣдко въ будніе дни находилъ время бывать за богослуженіемъ. Нѣкоторые удивлялись, а другіе смѣялись такому усердному молитвеннику и говорили: „ты, Н—ръ, себя не жалѣешь и отдыха не знаешь. Въ церковь можно и тогда сходить, когда дѣлать нечего. Какъ ты убиваешься надъ работою, надолго ли хватитъ твоихъ силъ“? — „Нельзя, братцы, — нужно и въ церковь Божію ходить,—кротко говорилъ Н—ръ. Вѣдь самъ Господь повелѣлъ шесть дней работать, а седьмой—отдавать Ему на молитву. Куда мы годны безъ молитвы? Помолишься—Господь и дѣла наши благословитъ, и силы подкрѣпитъ. Безъ Бога не до порога“. Но вотъ умираетъ у Н—ра мать, а чрезъ годъ съ небольшимъ и отецъ, и онъ остается круглымъ сиротой, настоящимъ бобылемъ, и вынужденъ былъ призвать къ себѣ дальнюю родственницу, престарѣлую и хилую дѣвицу, которая ничего почти не могла работать, но лишь бы присматривала за домомъ въ его отсутствіе. Сосѣди и знакомые опять стали совѣтовать Н—ру жениться, представляя ему жизнь невозможную безъ бабы-хозяйки. Н—ръ и самъ сознавалъ это, но все же не изъявлялъ никакого желанія обзавестися хозяйкой. Сердобольныя свахи, не видя отъ него никакого толка, говорили ему: „что же ты, богомольникъ, не женишься? аль въ монахи хочешь уйти? Ну, ступай“, Н—ръ дѣйствительно подумывалъ о монашествѣ, но хорошо зналъ, что этому не бывать при крѣпостномъ правѣ.

Выше я говорилъ, что Н—ръ помогалъ церковному сторожу, будучи еще мальчишкой, и когда сдѣлался взрослымъ не оставлялъ этого добраго дѣла, и нерѣдко исполнялъ всѣ его обязанности. Однажды заболѣлъ сторожъ и Н—ру предложили временно занять его должность. Онъ съ радостію согласился и весьма прилежно сталъ исполнять свою обязанность, и въ какія нибудь двѣ—три недѣли внутренность храма какъ бы преобразилась, и всюду видна была чистота и опрятность. Причтъ и церковный староста не могли этаго не видѣть, и когда прежній сторожъ выздоровѣлъ, то предложили Н—ру быть вторымъ и назначили ему небольшее содержаніе. Старый сторожъ радъ былъ такой перемѣнѣ; потому что давно имѣлъ желаніе походить по святымъ мѣстамъ, и какъ только открылась весна, отправился на все лѣто паломничать. И это повторялъ онъ каждый годъ. Два раза былъ въ старомъ Іерусалимѣ и на Аѳонѣ, а Россію исколесилъ вдоль и поперекъ. Вступивъ въ должность сторожа, Н—ръ не замедлилъ распродать и такъ раздать бѣднымъ все свое хо-

зяйство, а домишко оставилъ своей бѣдной родственницѣ доживать вѣкъ. Я уже говорилъ, что Н—ръ былъ простой и неграмотный, но постоянно пребывая около храма и въ храмѣ за богослуженіемъ, онъ многому научился, много зналъ наизусть, читалъ цѣлые псалмы, пѣлъ стихиры, тропари и кондаки, воскресные и праздничные ирмосы. Особенно любилъ ирмосы великаго канона: „Помощникъ и покровитель“ или въ Великую субботу: „Волною морскою“. Бывало лѣтомъ, въ тихую и теплую ночь, растворишь окна (на второмъ этажѣ), стоишь и слушаешь, какъ Н—ръ, обходя храмъ, распѣваетъ своимъ дребезжащимъ теноркомъ какую нибудь изъ церковныхъ пѣсней, распѣваетъ не ради скуки, а съ глубокимъ чувствомъ, съ молитвеннымъ изліяніемъ. Обойдя храмъ, онъ всходитъ на паперть, углубляется въ одну изъ нишъ и тамъ молится, нерѣдко на колѣняхъ, что мнѣ лично приводилось видѣть. Эту молитву не оставлялъ онъ ни лѣтомъ, ни зимой, но всегда старался, чтобы никто его не видалъ, по заповѣди евангельской: *егда молишися, внгиди въ клѣть твою, и затворивъ двери твя, помолися Отцу твоему, иже въ тайнѣ: и Отецъ твой видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ* (Мѳ. 6, 6).

Кромѣ этихъ высокихъ качествъ, Н—ръ имѣлъ какую-то беззавѣтную любовь къ страждущимъ — ближнимъ, доходившую у него до самоотверженія. Былъ въ нашемъ селѣ одинъ разслабленный, не владѣвшій ни руками, ни ногами. За нимъ ухаживала дальняя родственница, но когда она умерла, то онъ остался безъ всякаго призора, терпѣлъ голодъ и холодъ и валялся хуже, чѣмъ въ грязи. Н—ръ нерѣдко навѣщалъ его и дѣлалъ всевозможное, чтобы хотя нѣсколько облегчить участь страдальца; но ему далеко было ходить, да и времени не доставало, и онъ сердечно скорбѣлъ объ этомъ, что не можетъ постоянно за нимъ ухаживать. Наконецъ онъ обратился къ намъ и церковному старостѣ съ просьбою, чтобы дозволить ему перевезти больнаго въ церковную сторожку. Конечно мы дозволили, потому что сторожка наша весьма помѣстительна, и немало подивились милосердію Н—ра. Онъ въ тотъ же день перевезъ къ себѣ разслабленнаго и сталъ за нимъ ухаживать, какъ за самымъ близкимъ роднымъ. Но для любящей души Н—ра и этого было мало. Почти въ то же время оказался на селѣ мальчикъ лѣтъ пяти или шести, круглый сирота, еще въ младенчествѣ лишившійся отъ оспы обоихъ глазъ и скорченный ногами. Куда было дѣвать сироту—слѣпца и калѣку? Общество на сходѣ тому и другому предлагало взять на попеченіе сироту, обѣщая хорошую плату, но никто не согласился. Н—ръ узналъ объ этомъ и явился какъ Ангелъ хранитель. Онъ взялъ къ себѣ въ сторожку и сироту и сталъ уже за обоими ухаживать, какъ не всякая мать ухаживаетъ за своими кровными дѣтьми. Разслабленнаго обмывалъ, ворочилъ съ бока на бокъ, кормилъ и поилъ изъ своихъ рукъ. То же самое дѣлалъ и съ слѣпцомъ-калѣкой: только тотъ ѣлъ и пилъ своими руками. Ни ропота, ни жалобы никто и никогда не слыхалъ отъ Н—ра. Онъ не только съ тер-

пѣніемъ, но и съ благодушіемъ и любовію являлъ истинно-отеческое милосердіе къ страждущимъ ближнимъ. Всѣ мы съ чувствомъ благоговѣнія смотрѣли на великіе подвиги его и благодарили Бога, что имѣемъ около себя такого подвижника, въ простотѣ души сіяющаго высокими добродѣтелями, не поученіями словесными, но примѣромъ святой жизни и добрыми дѣлами назидающаго всѣхъ и каждаго, кто его близко зналъ. Разслабленный недолго пользовался попеченіями Н—ра, заболѣлъ еще труднѣе и, умирая, благословлялъ своего благодѣтеля. Тогда Н—ръ всецѣло посвятилъ себя мальчику слѣпцу-калѣкѣ. Не умѣя самъ грамотѣ, онъ научилъ его многимъ домашнимъ и церковнымъ молитвамъ, а когда немного подросъ, то сдѣлалъ ему два костыля и сталъ пріучать ходить: мальчикъ на одну искривленную ногу могъ опираться. Уроки эти поначалу давались въ сторожкѣ, а потомъ и на улицѣ. Скоро хромецъ сталъ ходить все тверже и тверже, а тамъ и весьма быстро. Иногда сторожъ выводилъ своего воспитанника на базарную площадь, и многіе встрѣчающіеся безъ просьбы бросали въ шапку мальчику гроши и копѣйки, а иные клали пятачки и гривенники. Но бескорыстный и нестяжательный Н—ръ рѣдко этимъ пользовался, даже собранныя деньги, остающіяся отъ необходимыхъ расходовъ, раздавалъ бѣднякамъ. Слѣпецъ оказался шустрымъ и понятливымъ, сталъ ходить одинъ безъ повадыря, даже взбираться на колокольню, когда сторожъ звонилъ и упрашивалъ дядюшку дозволить ему за веревочку подергать и позвонить въ маленькій колокольчикъ; потому что сильно любилъ колокольный звонъ. Итакъ, благодаря Н—ру, слѣпецъ и хромецъ выросъ въ сторожкѣ. Теперь ему уже за тридцать лѣтъ, и онъ у насъ звонаремъ, да еще какимъ, какихъ немного бываетъ. *)

Изъ разсказаннаго мною можно заключить, на какую высоту добродѣтелей восшелъ Н—ръ, цѣлые десятки лѣтъ подвизаясь подвигомъ добрымъ. Но и ему попустилъ Господь впасть въ искушеніе, по навѣтамъ врага рода человѣческаго—діавола и клевретовъ его—раскольниковъ. Они знали его добродѣтельную жизнь, его ночныя молитвы, постъ и воздержаніе, дѣвство и цѣломудріе. По-

---

*) Слѣпца-звонаря я имѣлъ счастіе лично видѣть, и слушать его прекрасный звонъ, изъ котораго онъ извлекаетъ чисто музыкальные звуки; видѣлъ, съ какой невѣроятной быстрой взбирался онъ на колокольню, такъ что едва ли кто съ здоровыми ногами могъ за нимъ поспѣть. А когда съ колокольни спускался, то положительно скатывался, гремя костылями, какъ барабанными палками. Слѣпецъ пожелалъ получить отъ меня благословеніе и его подвелъ ко мнѣ священникъ о. Т—въ. Я разговорился съ слѣпцомъ. «Спаси васъ, Господи, о. М—лъ.—сказалъ онъ. Славно вы обличили нашихъ перекрещенцевъ. Теперь и мы знаемъ, что насупротивъ-то имъ сказать».—«Когда мы. о. М—лъ, забудемъ содержаніе вашихъ бесѣдъ,—сказалъ о. Т—въ,—то намъ напомнитъ слѣпецъ. Онъ вѣдь у насъ—живая книга». Я полюбопытствовалъ спросить слѣпца, что онъ помнитъ изъ моихъ бесѣдъ. Слѣпецъ безъ всякаго затрудненія сталъ передавать то, что я говорилъ и читалъ изъ старопечатныхъ книгъ. Я въ высшей степени изумленъ былъ такимъ необыкновеннымъ его даромъ и вспомнилъ слова Св. Писанія: *Господь умудряетъ слѣпцы* (Пс. 145, 8).

этому, встрѣчаясь съ нимъ, низко кланялись и съ охотою вступали въ разговоръ о предметахъ душеполезныхъ. Простосердечный и не свѣдущій Н—ръ не подозрѣвалъ ихъ лукавыхъ и коварныхъ козней, прикрытыхъ наружнымъ благочестіемъ, фарисейскимъ лицемѣріемъ и слушалъ ихъ росказни съ довѣріемъ, принимая хитросплетенныя басни за истину. Зная, что Н—ръ любитъ слушать про житія св. отцевъ, они познакомили его съ „исторіею о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ“, съ мученіемъ протопопа Аввакума, поповъ Лазаря и Никиты Пустосвята, Ѳеодора діакона, болярыни Морозовой и княгини Урусовой. Всѣ эти сказки они выдавали за творенія св. отцевъ, будто бы взятыя ими изъ богодухновенныхъ книгъ. Не буду распространяться о всѣхъ козняхъ раскольниковъ, которыя они пускали въ ходъ для обольщенія Н—ра, который, самъ того не сознавая, запутывался въ ихъ лукавыхъ сѣтяхъ, пропитываясь ядомъ ихъ нечестиваго и богохульнаго лжеученія. Но вотъ что достойно удивленія, что ни мы (священники), ни другіе православные не знали и не подозрѣвали, что Н—ръ свелъ близкое знакомство съ раскольниками и постепенно склонялся на путь совращенія. Н—ръ всегда откровенный, въ этомъ дѣлѣ оказался скрытнымъ и однимъ словомъ не промолвился о своихъ бесѣдахъ съ безпоповцами, будто бы онъ былъ ими усыпленъ или очарованъ. Что касается своей обязанности по церкви, то Н—ръ попрежнему исполнялъ все съ усердіемъ и по наружности не замѣчалось въ немъ никакой перемѣны; но внутренній міръ его, какъ самъ онъ послѣ разсказывалъ, сильно возмущенъ былъ разными сомнѣніями и недоумѣніями. Прежде онъ, стоя въ храмѣ, устремлялъ взоръ свой на св. иконы и вслушивался въ церковное чтеніе и пѣснопѣніе и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на предстоящихъ. Но теперь сталъ какъ бы невольно надзирать за другими, всматриваться, кто какъ стоитъ, кто какъ молится, истово ли ограждаетъ себя крестнымъ знаменіемъ, и сталъ осуждать немощи и слабости человѣческія, а о себѣ думать, что онъ не таковъ, *якоже прочіи человѣцы* (Лук. 18, 11).

Однажды Н—ръ возымѣлъ желаніе сходить въ Кіевъ помолиться тамошнимъ угодникамъ, нетлѣнно почивающимъ въ пещерахъ. Раскольники узнали объ этомъ и всячески старались отвратить его отъ такого святаго дѣла, говоря: „на нынѣшнее время отказано въ явленіяхъ св. мощей. А старинныя мощи всѣ посокрылись отъ антихристовой прелести и невѣдомо гдѣ находятся. Если теперь и есть гдѣ мощи, то неистовыя, а фальшивыя, поддѣльныя“. На этотъ разъ слова раскольниковъ не имѣли на Н—ра вліянія, и онъ вскорѣ отправился на богомолье съ однимъ болѣзненнымъ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ нужно было итти тихо и за которымъ требовалось ухаживанье. Достигнувъ благополучно Кіева, наши паломники ходили по св. мѣстамъ, были въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ. Н—ръ, прикладываясь къ св. нетлѣннымъ мощамъ, крѣпко прижималъ къ нимъ уста, даже

осмѣливался осязать руками; потому что ядъ раскольническихъ словъ породилъ въ немъ сомнѣніе относительно подлинности св. мощей. Когда Н—ръ порѣшилъ возвратиться на родину, то заболѣлъ его спутникъ и пролежалъ цѣлую недѣлю. Н—ръ остался при немъ и ухаживалъ за нимъ. Имѣя свободное время, онъ вздумалъ тамъ поговѣть и разсказалъ на исповѣди про грѣхъ сомнѣнія относительно св. мощей и просилъ духовника - іеромонаха наложить на него епитимію. Тотъ исполнилъ его желаніе, но не распросилъ: откуда въ его душу запало это сомнѣніе?

Возвратившись домой, Н—ръ взялся за свои обычныя дѣла. Спустя недѣли двѣ по его приходѣ, раскольники не преминули распросить его о путешествіи въ Кіевъ. Онъ разсказалъ имъ все подробно, что ему привелось тамъ видѣть и слышать и сталъ увѣрять, что въ тамошнихъ пещерахъ почиваютъ настоящія св. мощи, воистину нетлѣнныя, а не какія-либо фальшивыя. И про монаховъ говорилъ, что онъ видѣлъ тамъ великихъ подвижниковъ, которые и на свѣтъ-то Божій мало когда выходятъ, а проживаютъ въ келіяхъ и затворахъ. Хотя раскольники повидимому съ любопытствомъ слушали правдивые разсказы Н—ра, но одебѣлѣлое и очерствѣлое сердце ихъ не способно было вразумиться и понять свое заблужденіе и обратиться съ покаяніемъ къ своей родной матери-Церкви Православной. Они и тутъ имѣли злое намѣреніе и старались возмутить покой душевный простосердечнаго Н—ра. „Можетъ быть и вправду тамъ (въ Кіевѣ) есть мощи,— говорили раскольники,—но вѣдь они старинныя, прославленныя до Никона патріарха. Ужъ послѣ Никона ничего нѣтъ святаго и благочестиваго; потому что антихристъ все плѣнилъ, на все наложилъ свою скверную печать. Теперь только и можно спастися въ тайныхъ и сокровенныхъ мѣстахъ. Вотъ у насъ, древлеблагочестивыхъ христіанъ, все совершается въ тайнѣ, въ ночное время (тьма не терпитъ свѣта). Такими и т. п. словами силились раскольники обольстить бѣднаго сторожа, который поддавался ихъ обольщеніямъ и далъ слово перейти въ ихъ безпоповщинскую вѣру. Раскольники уже торжествовали свою побѣду, считая Н—ра великимъ пріобрѣтеніемъ, котораго расчитывали сдѣлать отцемъ, т. е. совершителемъ духовныхъ требъ: крещенія и покаянія. Хотя они знали, что Н—ръ неграмотный, но это выкупалось его добродѣтельною жизнію, чистотою и цѣломудріемъ. Назначивъ ночь для перекрещиванія Н—ра, они приготовили кадушку съ водой, нашли кума и куму, подыскали въ святцахъ новое имя и съ нетерпѣніемъ стали ожидать свою жертву, чтобы убить ее духовно.

Давъ слово раскольникамъ притти къ нимъ въ молельню въ самую полночь, Н—ръ съ самаго утра сталъ ощущать внутри себя какую-то непонятную тревогу и страхъ, и чувствовалъ боль въ груди. Думы темныя и мрачныя роились въ головѣ его. Онъ сталъ вспоминать прожитое-минувшее, отъ самаго дѣтства и до сего времени: свои молитвы и усердіе къ храму Божію; первое знакомство свое съ раскольниками, ихъ слова и ученіе, путешествіе въ Кіевъ, тамошнихъ угодниковъ Божіихъ, нетлѣнно почивающихъ и про послѣднія свои бесѣды съ раскольниками, и про свое согласіе итти въ ихъ вѣру. Но всѣ эти воспоминанія какъ-то у него смѣшались и перепутались, и онъ не могъ ни на чемъ сосредоточиться. Грусть и тоска давили его и онъ не зналъ, какъ отъ нихъ освободиться. Пытался онъ молиться въ сторожкѣ, всходилъ на паперть, углублялся въ знакомую нишу, гдѣ въ былое время, ночною порой любилъ простаивать на колѣняхъ цѣлые часы, взирая чувственными очами на темные лики св. иконъ, а мысленными возносился горѣ, согрѣваясь и пламенѣя внутренно любовію къ Единому Богу. Но теперь онъ не могъ такъ молиться. Уста шептали, а сердце не чувствовало. Оттуда вѣяло холодомъ и пустотой. Къ полудню бѣдный Н—ръ не въ состояніи былъ больше выдерживать внутреннихъ тревогъ и терзаній. Онъ думалъ съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своими думами и тѣмъ хотя нѣсколько облегчить себя отъ невыразимыхъ внутреннихъ страданій. Къ священнику, къ отцу своему духовному онъ не думалъ итти; потому что раскольники строго ему наказали ни одного слова не говорить съ нимъ о своемъ намѣреніи совратиться въ ихъ заблужденіе. А онъ, какъ видно было, находился всецѣло подъ ихъ злымъ вліяніемъ, какъ бы подъ гипнотизмомъ и не

оставлялъ своего намѣренія итти ночью къ раскольникамъ. Наконецъ онъ рѣшился обратиться къ моей сестрѣ (пожилой дѣвицѣ) и открыть ей свою тайну. Сестру мою Н—ръ особенно уважалъ и любилъ и всегда называлъ матушкой, за ея привѣтъ и ласковое съ нимъ обращеніе. Она жила вмѣстѣ съ нами, только въ нижнемъ этажѣ, имѣя отдѣльную комнату. Къ ней-то и вошелъ Н—ръ, по обычаю поздоровался и остановился возлѣ двери. „Что же ты, Н—ръ, нейдешь сюда и не садишься?"—сказала сестра. Онъ какъ-то робко подошелъ и присѣлъ на скамью, но опять ничего не сказалъ. Сестра посмотрѣла на него и замѣтила, что онъ что-то намѣревался ей сказать, но какъ бы не рѣшался, будто чего-то опасался. „Что это ты, Н—ръ, сегодня какой-то сталъ скучный и грустный, и все молчишь? здоровъ ли ты?"—спросила сестра. „Я ничего, слава Богу, здоровъ,—отвѣтилъ онъ. Только мнѣ что-то сгрустнулось. Вотъ я и надумалъ притти къ тебѣ, матушка, да кое о чемъ поговорить." „О чемъ же ты хотѣлъ со мною поговорить?"—спросила сестра.—„Да вотъ насчетъ старовѣрцевъ,—какъ-то робко сказалъ онъ. Старовѣрцы зовутъ меня въ свою моленную, да я одинъ-то боюсь къ нимъ итти въ самую полночь. Вѣдь ихъ моленная-то почти на самомъ краю села. Я и надумалъ: пойду попрошу матушку Н—ку проводить меня". „Да за чѣмъ тебѣ нужно въ раскольническую молельню итти, да еще въ самую полночь?"—съ какимъ-то удивленіемъ и недоумѣніемъ спросила она.—Какъ за чѣмъ, матушка Н—ка? Вѣдь я имъ далъ честное слово непремѣнно притти нынѣшнею ночью,—сказалъ Н—ръ. Они давно меня звали, но я не рѣшался; но теперь уже совсѣмъ порѣшилъ." „Что порѣшилъ?"— „Да перейти въ ихъ старинную вѣру." Слова Н—ра поразили мою сестру. Она не вѣрила своимъ ушамъ, что слышитъ ихъ отъ такого благочестиваго старца, преданнаго сына Православной Церкви, болѣе тридцати лѣтъ прожившаго при храмѣ Божіемъ, человѣка честнаго, правдиваго, украшеннаго самыми высокими христіанскими добродѣтелями Поначалу она намѣревалась въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ обличить безуміе старика, разоблачить его заблужденіе, но удержалась отъ этого, опасаясь, какъ бы не раздражить старика и чрезъ то еще больше не посодѣйствовать его совращенію.. „Почему не проводить, если ты одинъ опасаешься итти въ молельню, кротко сказала она. Только нужно объ этомъ батюшкѣ (т. е. мнѣ) сказать. Ты вѣдь къ нему всегда, изъ за какой-нибудь мелочи, обращался и на всякое дѣло испрашивалъ благословеніе. А вѣдь теперешнее твое дѣло, оставить Православную Церковь и перейти въ раскольницкую вѣру, не малое, а великое. Нужно тебѣ непремѣнно объ этомъ посовѣтоваться съ батюшкой". Н—ръ молча сидѣлъ, склонивъ свою старческую голову. Потомъ сказалъ: „нѣтъ, матушка Н—ка, батюшкѣ объ этомъ неслѣдъ говорить. Я и келейнымъ (раскольникамъ) далъ слово, что бы ему (священнику) ничего про это не сказывать". Сестра попыталась еще убѣдить его, чтобы онъ

обратился ко мнѣ за совѣтомъ; но увидѣла явно его упорство и больше не настаивала. „Если не желаешь, то не будемъ говорить объ этомъ батюшкѣ,— сказала она. Какъ только ты соберешься итти, то стукни потихоньку вотъ въ эту раму, и я сію же минуту къ тебѣ выйду, и мы пойдемъ въ моленную“. Старикъ успокоился, поблагодарилъ сестру и отправился въ свою сторожку.

Сестра тотчасъ же вошла ко мнѣ и передала все, что узнала и услышала отъ Н—ра. Разсказъ ея возмутилъ меня до глубины души, и я воскликнулъ: Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Что же это дѣлается? Какой злой демонъ подкрался къ благочестивому Н—ру и плѣнилъ его простую и незлобивую душу? Горе намъ, пастырямъ, нерадящимъ о своихъ овцахъ, которыхъ расхищаютъ, такъ сказать, изъ рукъ вырываютъ лютые волки—злые и лукавые раскольники! Да кто могъ когда-либо подумать, чтобы этотъ благочестивый старецъ, исполненный самыми высокими христіанскими добродѣтелями, могъ поддаться обольщенію этихъ русскихъ іезуитовъ? И какъ же эти тати и разбойники подкрались подкопать его душевную храмину? Хоть бы я что-нибудь замѣтилъ, хоть бы отъ кого слово одно слышалъ о знакомствѣ Н—ра съ раскольниками. Господи! помоги мнѣ соблюсти и сохранить эту кроткую и незлобивую овцу, и не допусти растерзать ее волкамъ-душегубцамъ! И я хотѣлъ было тотчасъ же отправиться къ Н—ру. Но сестра и жена удержали меня, говоря: „повремени, дай себѣ успокоиться. Сначала обдумай все хорошенько, потомъ съ молитвою и упованіемъ на Бога приступай къ дѣлу. Времени еще довольно до ночи, успѣешь“. Я соглашался съ ними вполнѣ, сознавая справедливость ихъ замѣчанія, и сталъ обдумывать предстоящее свиданіе съ Н—мъ и въ тоже время мысленно молился, усердно прося помощи отъ Бога, Который сказалъ: *яко безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5).

Спустя часа два я отправился въ садъ (окружающій съ трехъ сторонъ церковь), прошелся по дорожкамъ и, какъ бы мимоходомъ, зашелъ въ сторожку. Н—ръ сидѣлъ за столомъ облокотившись, поддерживая обѣими руками голову, вѣроятно, съ своими думами, которыя наполняли теперь его старческую голову. Онъ не замѣтилъ меня; потому что дверь была открыта, и я тихо вошелъ.—Здорово, Н—ръ, сказалъ я. Онъ вздрогнулъ и какъ бы пробудился отъ сна, съ видимою робостію принялъ отъ меня благословеніе и остановился, какъ бы вкопаный. Я присѣлъ на лавку и, не подавая ни малѣйшаго повода думать ему, что знаю о его намѣреніи совратиться въ расколъ, заговорилъ съ нимъ о погодѣ и о садѣ, похвалилъ его за хорошій уходъ за плодовыми деревьями и т. п. Н—ръ какъ-то угрюмо слушалъ, перемалчивалъ или отрывочно отвѣчалъ. Зная, что онъ любитъ слушать разсказы изъ житій св. отцевъ, я сталъ говорить ему на эту тему. Онъ какъ бы оживился и немного повеселѣлъ, и видимо сталъ вслушиваться. „Теперь трудно спасти свою душу,—сказалъ онъ. Прежде-то св. отцы спасались въ пустыняхъ, горахъ и вер-

тепахъ, и пропастяхъ земныхъ. Вотъ они и угодили Богу. А вѣдь мы живемъ въ міру, при великихъ соблазнахъ. Теперь ужъ люди не таковы стали“.—Правду ты, Н—ръ, говоришь, что трудно теперь спастися,—сказалъ я. Но вѣдь и прежде, въ стародавнія времена, никто безъ труда не спасался. И тогда не всѣ въ пустыняхъ спасались. Многіе спасались въ селахъ и городахъ, среди соблазновъ міра и суеты. Для спасенія прежде всего нужна православная вѣра, согласная съ евангельскимъ ученіемъ, духовный и самый тѣсный союзъ съ св. Церквію, сыновняя преданность, покорность и послушаніе Церкви. Люди какъ прежде, такъ и теперь были и есть грѣшные. *Никтоже чистъ отъ скверны,*—сказано въ Св. Писаніи,—*аще и единъ день житіе его на земли* (Іов. 14, 4). Посему-то св. Церковь и называется врачебницею, очищающею насъ покаяніемъ отъ всѣхъ скверпъ грѣховныхъ, исцѣляющею наши душевныя язвы, нанесенныя намъ исконнымъ врагомъ рода человѣческаго—діаволомъ. Но этого мало. Св. Церковь, какъ чадолюбивая матерь, послѣ покаянія питаетъ насъ небесною пищею и питіемъ—Пречистыми Тайнами—тѣломъ и кровію Христовыми и тѣмъ соединяетъ насъ съ Самимъ Христомъ. Ибо Самъ Господь сказалъ: *ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь, во мнѣ пребываетъ, и Азъ въ Немъ, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день* (Іоан. 6, 56, 54). Итакъ кто причащается Св. Таинъ, тотъ принимаетъ въ себя Самого Христа и самъ входитъ во Христа, имѣетъ жизнь вѣчную, и воскреситъ его Господь въ день суда для царствія небеснаго. Одними же добродѣтелями, самыми великими подвигами мы никогда себя не очистимъ отъ скверпъ грѣховныхъ. Изъ житія св. отцевъ мы знаемъ, что всѣ они, жившіе въ мірѣ, въ монастыряхъ, пустыняхъ, въ дебряхъ и непроходимыхъ мѣстахъ, благоугождая Богу своими усердными молитвами, воздержаніемъ, трудами и другими добродѣтелями, никогда не считали себя праведниками, чистыми отъ грѣха. Посему всегда старались очищать себя таинствомъ покаянія предъ своими отцами духовными—священниками, которымъ отъ Самого Господа дана власть, чрезъ Апостоловъ и преемниковъ ихъ—епископовъ, вязать и разрѣшать грѣхи человѣческіе, и всегда причащались св. Христовыхъ Таинъ, безъ причащенія которыхъ немыслимо спасеніе. *Аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго,*—сказалъ Господь,—*ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. 6, 53).

Н—ръ съ видимымъ вниманіемъ слушалъ мои слова, и сталъ весьма часто вздыхать. Видно благодать Божія коснулась его внутренняго міра, омраченнаго раскольническимъ лжеученіемъ и стала прогонять навѣянную тьму. Я продолжалъ: счастливы мы, православные христіане, что находимся въ духовномъ единеніи съ матерію нашею—св. Церквію и невозбранно пользуемся всѣми ея благодатными дарами! И какъ жалки и несчастны наши раскольники, которые добровольно отступили отъ св. Церкви, лишили себя духовнаго съ нею единенія, а самое главное—лишили

себя святаго причащенія тѣла и крови Христовыхъ! Они не узрятъ Господа, съ Которымъ не соединяются здѣсь, на землѣ, въ таинствѣ св. причащенія. Они услышатъ тотъ грозный и неумолимый приговоръ, отъ котораго содрогнутся земля и небо: *идите отъ мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его* (Мѳ. 25, 41).

Н—ръ весь затрясся, зарыдалъ и бросился мнѣ въ ноги, говоря: „Батюшка! простите меня, грѣшнаго и окаяннаго! Согрѣшилъ я передъ Богомъ, предъ св. Церквію и передъ вами, отецъ ты мой духовный“!

Я поднялъ Н—ра и сказалъ: да въ чемъ простить—то тебя? Я не вижу за тобой ничего дурнаго. „Согрѣшилъ, батюшка, тяжко согрѣшилъ;—рыдая и обливаясь слезами, говорилъ онъ,—и не знаю, проститъ ли меня Господь?“—Успокойся, Н—ръ. Нѣтъ того грѣха на землѣ, котораго бы не простилъ Господь. Вѣдь Онъ Самъ сказалъ; *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Мѳ. 9, 13). Вотъ ты и долженъ придти на зовъ Самого Господа, если сознаешь себя грѣшнымъ. Какъ же, батюшка, не признавать себя грѣшнымъ,—сказалъ онъ. Вѣдь я было совсѣмъ отступилъ отъ нашей матушки—Церкви Православной; совсѣмъ было совратился къ раскольникамъ—перекрещенцамъ.“ При семъ Н—ръ разсказалъ мнѣ про всѣ ихъ козни и лукавста, которыми они его обольщали.—Почему же ты никогда ни однимъ словомъ мнѣ не промолвился про свое знакомство съ раскольниками?—спросилъ я „Самъ, батюшка,не знаю почему,—отвѣтилъ онъ Вѣдь обольщать-то они меня давно уже начали, чай года три будетъ; но я и на исповѣди ниразу вамъ не сказывалъ; какъ будто какое затмѣніе находило на меня.“—Стало быть ты забылъ про сонъ предмѣстника своего (сторожа), который тоже думалъ совратиться въ расколъ“ *).

*) Предмѣстникъ Н—ра, церковный сторожъ, умершій лѣтъ за десять предъ симъ, о которомъ я вамъ говорилъ, что любилъ путешествовать по святымъ мѣстамъ, тоже попалъ было въ раскольническія сѣти, и Господь спасъ его чудеснымъ образомъ, чрезъ сонное видѣніе. Вотъ что онъ разсказалъ намъ и другимъ многимъ. «Однажды лѣтомъ возвращался я изъ Кіева съ богомолья и, не доходя верстъ двадцати до села, застигла меня ночь и я остановился на ночлегъ въ одномъ постояломъ дворѣ Весь этотъ день и вечеръ почему-то я думалъ и размышлялъ о перекрещенской вѣрѣ; съ такими думами и спать легъ. И вижу я во снѣ будто иду по направленію къ своему селу по большему Б—му тракту, а навстрѣчу мнѣ идетъ большая и тѣсно сплоченная толпа народа, и когда она приблизилась, то я сталъ узназать нашихъ Н—хъ раскольниковъ, во главѣ которыхъ шелъ А—фій (главный расколоэождь). Смотрю всю эту толпу окружаетъ одна желѣзная цѣпь, и никто изъ подъ ней не можетъ освободиться. Позади толпы идутъ мужчины и женщины, даже ребятишки, идутъ напросторѣ, какъ бы своею охотою. Потомъ я увидѣлъ около цѣпи высокаго роста и грознаго навидъ стражника съ бичемъ въ рукѣ. Я осмѣлился подойти къ нему, снялъ шапку и спросилъ: куда же это вы, господинъ, гоните нашихъ раскольниковъ? «Въ Б—й острогъ,—отвѣтилъ онъ,—на вѣчное заключеніе» —А вонъ тѣ-то, что позади-то идутъ, почему же не скованы цѣпью?—спросилъ я. «Тѣ еще не оставили Православную Церковь, но только намѣреваются совратиться въ расколъ, и если совратяюся, то и они будутъ скованы». Сказавъ эти слова, стражникъ хлопнулъ бичемъ, свистнулъ и погналъ толпу. Въ это время я пробудился и понялъ, что сонъ этотъ посланъ мнѣ отъ Бога, чтобы удержать меня отъ совращенія въ расколъ».

„Забылъ, батюшка, про все забылъ,—сказалъ онъ. Вотъ теперь-то все мнѣ вспомнилось, все открылось. А то вѣдь я какъ какой помраченный былъ. Вы знаете, какъ я любилъ церковное пѣніе, которое всегда любилъ распѣвать, обходя около церкви; но вотъ уже больше двухъ мѣсяцевъ минovало, какъ заградились мои грѣшныя уста и я не могъ больше славить Господа; потому что умъ мой весь омрачился, и не было въ немъ свѣта Божія".

Н—ръ просилъ меня исповѣдать его. Что было мною исполнено, а на другой день за божественной литургіей онъ сподобился причаститься св. Христовыхъ Таинъ. Съ этихъ поръ Н—ръ еще больше усугубилъ свои подвиги, преуспѣвая въ добродѣтеляхъ, и опять сдѣлался веселъ и со всѣми привѣтливъ, опять, обходя въ ночное время церковь, распѣвалъ духовныя пѣсни. О раскольникахъ говорилъ съ сожалѣніемъ, какъ о заблуждшихъ и молился за нихъ, чтобы Господь обратилъ ихъ на путь истины. Особенно Н—ръ подолгу любилъ молиться предъ иконою св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона, которую мы пріобрѣли прямо съ св. Аѳонской горы. Св. икона эта особенно чествуется всѣми нашими прихожанами и, почти всякій старается приложиться къ ней и поставить свѣчу, и были уже отъ ней исцѣленія.

Итакъ, Н—ръ до самой смерти оставался преданнымъ душею и тѣломъ св. Церкви Православной. Когда онъ заболѣлъ, то призвалъ меня, исповѣдался и причастился св. Христовыхъ Таинъ, потомъ особорованъ былъ св. елеемъ и умеръ смертію праведника. съ застывшею улыбкою на устахъ. Цѣлыхъ три дня его тѣло стояло въ храмѣ и народъ съ ранняго утра и до поздней ночи толпился около гроба, и мы почти безпрерывно служили по немъ панихиды, а на погребеніе собралось болѣе пяти тысячъ разнаго званія, пола и возраста людей. Вы видѣли, что наше кладбище около села, но тѣло покойнаго Н—ра несли изъ храма цѣлыхъ 5-ть часовъ, потому что почти на каждомъ шагу останавливались и пѣли литіи. Царство ему небесное!" —заключилъ свой разсказъ о Н—й.

Калужскій епархіальный миссіонеръ, свящ. *М. Дударевъ.*

Троицкіе листки № 59.

За что Русскій народъ наказывается.

(Изъ поученій Макарія, епископа Томскаго).

Русь Святая, что сталось съ тобою? Гдѣ твоя святость? Гдѣ теперь благочестіе предковъ нашихъ, которые за вѣру православную, за домъ Пречистой Богоматери, за царя самодержавнаго, за землю Русскую готовы были отдать все, не только имущество, но и самую жизнь? Тогда весь Русскій народъ, какъ одинъ человѣкъ,—всѣ думали одну думу; всѣ сословія: и бояре, и земледѣльцы, и богатые, и бѣдные составляли какъ бы одну семью. Гдѣ земледѣлецъ, тамъ и бояринъ; гдѣ купецъ, тамъ и нищій. Настанетъ ли праздникъ Господень, и всѣ идутъ въ храмъ Божій: князь и бояринъ съ сумой для милостыни, и бѣднякъ въ лохмотьяхъ, и нищій съ протянутой рукой, и земледѣлецъ съ копѣйкой трудовой на свѣчку Богу,—всѣ идутъ въ храмъ Божій и для всѣхъ тамъ было мѣсто. А пьянства и грѣховныхъ увеселеній, отвлекающихъ нынѣ людей отъ праздничной Божіей службы, отнюдь не допускалось: всѣ питейные дома запирались съ субботы до понедѣльника; о зрѣлищахъ и увеселеніяхъ подъ праздники, какъ допускаютъ нынѣ, и помину не было.

Супружества были связаны неразрывными узами до гроба. Дѣти воспитывались въ страхѣ Божіемъ, въ повиновеніи родителямъ, въ почтеніи старшимъ. Немного было тогда мужей ученыхъ, но всѣ они были люди вѣрующіе, благочестивые. Простой народъ разнымъ наукамъ хотя и не учился, но хорошо зналъ ту науку, которую давала ему св. Церковь: отъ нея онъ учился по Псалтири, по прологамъ или толковымъ Евангеліямъ, по житіямъ Святыхъ, по „Златоусту“ и другимъ учителямъ Церкви, которые читались въ храмахъ Божіихъ. Изъ этихъ книгъ народъ не только умудрялся во спасеніе, но и научался и житейской мудрости. Нынѣ не то стало; все пошло по иному, но только не по Божьему. Старое мы стали бросать, а новаго—добраго тоже не наживаемъ. Отъ добрыхъ старыхъ обычаевъ у насъ остались только клочки. Мы проживаемъ старое богатство, доставшееся намъ по наслѣдству отъ добрыхъ нашихъ предковъ, какъ проживалъ блудный сынъ наслѣдство своего добраго отца. Нужны-ли примѣры для этого? Вотъ, встарину и бояринъ, и купецъ, и ремесленникъ, и земледѣлецъ, — всѣ любили св. Церковь, какъ матерь свою. Нынѣ многіе стали чуждаться св. Церкви, стыдиться, какъ стыдится иногда юноша своихъ простыхъ родителей, попавшій въ городъ по ихъ же милости и наслушавшійся насмѣшливыхъ разсказовъ недобрыхъ людей о простотѣ селянъ и мнимомъ превосходствѣ городскихъ жителей.

Встарину и князь, и бояринъ, и купецъ, и земледѣлецъ

чтили праздники Господни; всѣ болѣе или менѣе любили посѣщать храмы Божіи; съ вечера шли къ вечернѣ; утромъ, вставая рано, шли къ утрени, а потомъ къ литургіи. Нынѣ не то! Посмотрите, кѣмъ нынѣ бываютъ наполнены наши городскіе храмы? Тамъ только простой народъ, да и тотъ далеко не весь и не всегда. Все знатное и богатое тамъ отсутствуетъ; нѣтъ ихъ ни на вечерняхъ, ни на утреннемъ богослуженіи. Съ вечера одни изъ нихъ сидятъ въ домахъ увеселеній, въ театрахъ; другіе дома занимаются увеселеніями или прогулками; иные сидятъ за картежными столами, а утромъ, когда бываетъ литургія, они еще спятъ послѣ вечернихъ и ночныхъ развлеченій.

Встарину весь Русскій народъ составлялъ одну семью, у которой была одна вѣра, одни обычаи. Нынѣ раздѣлился Русскій народъ.—Каждое сословіе избрало для себя какъ бы свою особую вѣру, свои обычаи. Верхнія сословія стали стыдиться вѣры своихъ отцевъ и остались совсѣмъ безъ вѣры, или же пошли за изобрѣтателями новыхъ вѣръ, сдѣлались послѣдователями новыхъ лжеучителей. Среднія сословія избрали себѣ новыхъ боговъ· торговое стало поклоняться золотому тельцу, которому приноситъ въ жертву всѣ свои труды, все время, ему отдаетъ и всѣ свои думы, и все свое сердце; ремесленникъ то занятъ своимъ дѣломъ, препятствующимъ ему служить Богу, то отдается грѣховному отдыху въ видѣ разгула, попоекъ и разнаго рода увеселеній. И торговцы, и ремесленники живутъ также безъ вѣры и безъ церкви.

Только низшее сословіе держится пока унаслѣдованной отъ предковъ вѣры и обычаевъ, но и то далеко не все. И среди его образовался злополучный раздѣлъ: значительная часть простого народа отпала отъ Церкви, перешедши въ расколъ и сектантство съ ихъ многочисленными толками и раздѣленіями.

Такимъ образомъ, какъ бы весь Русскій народъ пришелъ въ такое состояніе, въ какомъ нѣкогда находился Израиль, который, отпавши отъ Бога и предавшись нечестію, за это подвергался разнымъ наказаніямъ, а потомъ 70-лѣтнему плѣну. Чрезъ пророка сказано было объ этомъ народѣ: *отъ подошвы ноги до темени головы нѣтъ у него здраваго мѣста, всюду язвы, пятна, гноящіяся раны* (Ис. 1, 6).

Нѣчто подобное стало и съ Русскимъ народомъ. И онъ какъ бы обратился отъ ногъ до головы въ гнойный трупъ.

Въ верхнихъ слояхъ его отступленіе отъ Бога, отпаденіе отъ Церкви, возстаніе противъ Богоучрежденной власти, крамолы и убійства, подстрекательства къ бунту, убійства сановниковъ и другихъ вѣрныхъ царскихъ слугъ. Въ среднемъ сословіи—торговомъ и ремесленномъ—поклоненіе золотому тельцу съ забвеніемъ о Богѣ, о правдѣ и чести, о милости.

А о простомъ народѣ съ сожалѣніемъ должно сказать, что онъ спился и развратился. Онъ пропиваетъ свое достояніе, свои пожитки; онъ пьетъ съ горя, съ радости; всѣ сдѣлки у него совершаются не иначе, какъ съ выпивкой. Если онъ несетъ въ жертву Богу свою трудовую копѣйку, то въ винную лавку отдаетъ полный рубль. Онъ самъ пьетъ, и дѣти пьютъ; пьютъ и женщины. Пьянство приводитъ его къ разврату. Мужья оставляютъ женъ, жены покидаютъ мужей и идутъ за другими. Развращается и молодежь по примѣру старшихъ. Не было встарину такого разврата, какъ нынѣ. Усилилось нынѣ и воровство; одинъ обкрадываетъ казну, и не считаетъ это грѣхомъ; этотъ крадетъ святыню, обкрадываетъ церковь. Наемникъ обкрадываетъ хозяина, а хозяинъ не всегда отдаетъ должное наемнику. Обманъ и клятвопреступленіе также не стали считаться грѣхомъ. Кто только нынѣ не лжетъ, кто не обманываетъ? Нигдѣ не стало честности и добросовѣстности. У самыхъ, повидимому, честныхъ людей честность сохраняется только дотолѣ, пока ее сдерживаетъ стыдъ и страхъ. У насъ прошли тѣ времена, когда можно было цѣнныя вещи оставлять на дворѣ безъ запора и караула. Трудно нынѣ найти человѣка, который самъ объявилъ бы потерянную кѣмъ-либо вещь и доставилъ ее хозяину ея.

Такъ мы растеряли то сокровище добра, которое скопили наши предки и передали намъ, какъ богатое наслѣдіе, съ которымъ соединялось Божіе благословеніе.

Не потому ли мы теперь терпимъ и неудачи? На окраинѣ нашего отечества насъ постигла война, столь несчастливая для насъ, что какъ будто Господь отступилъ отъ насъ и не ходитъ съ нами въ войскахъ нашихъ, предавши насъ позору предъ народами земли. И при такомъ униженіи мы дерзнемъ-ли сказать: за что, Господи? Ибо знаемъ, что мы, будучи народомъ осчастливленнымъ Богомъ и удостоеннымъ милостей Его преимущественно предъ другими народами, обезславили имя Его нашею жизнію. Мы можемъ сказать только одно: „Тебѣ, Господи, правда, намъ же стыдѣніе лицъ!“

Несчастливые во внѣшней войнѣ, мы ведемъ и внутреннюю войну, которая едва ли не тяжелѣе внѣшней. Это—наша внутренняя смута, которая раздираетъ нашъ народъ, производитъ застой въ работахъ. Намъ грозитъ опасность придти въ состояніе того царства, которое, по Евангелію, раздѣлившись само на себя, не устоитъ. Но при всемъ томъ, мы какъ бы не чувствуемъ ударовъ; ибо пришли въ состояніе безчувствія, подобно больному, пораженному параличемъ. Бѣдствіе родины, какъ чужое, не трогаетъ насъ, и мы, даже при тяжелыхъ ударахъ, говоримъ: не больно намъ! Не для того ли Господь посылаетъ къ намъ, кромѣ общаго для всей страны бѣдствія, еще для каждаго города и области особыя

несчастія: въ одномъ мѣстѣ у насъ повальныя болѣзни, въ другомъ—падежъ скота, въ третьемъ—неурожай хлѣба нѣсколько лѣтъ сряду, въ четвертомъ — волненія молодежи, волненія среди рабочихъ и другія смуты, грабежи, пожары. Несмотря и на это, мы все еще готовы говорить: „не больно намъ“, и продолжаемъ ѣсть и объѣдаться, пить и пропиваться, играть и проигрываться. Попрежнему пустѣютъ наши храмы и наполняются театры и дома народныхъ увеселеній любителями веселія.

О, Русь Святая! Вспомни свои добрыя былыя времена! Вспомни и тѣ лихолѣтья, въ которыя ты умѣла прибѣгать къ Богу съ молитвой и покаяніемъ и получила себѣ избавленіе! Вспомни Забытаго тобою и помолись! Смѣхъ твой въ плачъ да обратится; принеси покаяніе и плоды, достойные покаянія.

Обрати насъ, Господи, и мы обратимся. А безъ Тебя мы и сего не можемъ сдѣлать.

Возстани, Господи, помози намъ и избави насъ имене Твоего ради! (Том. Е. В.).

Мысли при наступленіи седьмицы страстей Христовыхъ.

(Изъ дневника протоіерея о. Іоанна Кронштадтскаго).

Какую истину внушаютъ намъ страсти Христовы?

Ту истину, что грѣху и грѣшнику предлежитъ, по неизмѣнной правдѣ Божіей, наказаніе и мученіе, и что, если грѣхъ въ грѣшникѣ пребываетъ, и грѣшникъ остается нераскаяннымъ, и не обращается на истинный путь, съ помощію Божіею, которая есть милость Божія, сострадательно подаваемая желающему оставить грѣхъ и обратиться на истинный путь, — то мученіе остается вѣчнымъ и тяжкимъ, по мѣрѣ грѣховъ. Итакъ, грѣху неизмѣнно предлежитъ мученіе. Но Христосъ, по безмѣрному милосердію, взялъ наши мученія на Себя, перенесъ ихъ на Себѣ, какъ Богочеловѣкъ, праведнѣйшій и вѣчный Сынъ Божій, имѣющій безконечную правду и безконечное достоинство, Коего жертва предъ Отцемъ добровольная имѣетъ безконечную цѣну и можетъ всякаго грѣшника право - вѣрующаго освободить отъ безконечныхъ мученій, уготованныхъ діаволу и нераскаяннымъ грѣшникамъ: ибо Онъ, взявъ долги наши на Себя, заплатилъ за нихъ Отцу.

Но что требуется отъ насъ, искупленныхъ страданіями и смертію Сына Божія — Богочеловѣка? Требуются страданія же плоти и духа каждаго изъ насъ, чтобы распять свою плоть со страстьми и похотьми; требуется искреннее покая-

ніе во всякомъ грѣхѣ и всякій разъ, какъ только мы сознательно согрѣшимъ; требуется возвращеніе къ правдѣ Божіей, къ святости, въ которой мы созданы вначалѣ по образу и по подобію Божію, къ правотѣ и простотѣ богоподобной природы души нашей. „Сердце чисто,— говоритъ кающійся Богоотецъ и пророкъ Давидъ, — созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей". Итакъ, воспоминая и прославляя страсти Христовы, сораспинайтесь Христу и сами, распинайте свои страсти плотскія: самолюбіе, плотоугодіе, сластолюбіе, лѣность, разсѣянность, чревоугодіе, лакомство, многояденіе, пьянство, блудъ и всякую нечистоту грѣховную, всякія похотѣнія плотскія; скупость, корыстолюбіе, сребролюбіе, жестокосердіе и немилосердіе, роскошь, суетность, праздность, празднословіе, страсть къ играмъ и забавамъ,— ибо время ли часто забавляться, когда мы находимся въ постоянномъ плѣну грѣховномъ, въ плѣну многоразличныхъ страстей и похотей? Распинайте зависть, злобу, непріязнь, злопамятство, зложелательство, злорадство, смѣхъ: ибо прилично ли смѣяться человѣку, находящемуся постоянно въ великой бѣдѣ и опасности? Распинайте невѣріе, маловѣріе, вольномысліе, лжеименный разумъ, уныніе, отчаяніе, малодушіе и боязливость, трусость, лицепріятіе, непокорность, самочиніе, самонадѣяніе, человѣконадѣяніе, ложь, обманъ, воровство, ложную клятву, клятвопреступленіе, низкопоклонничество, подобострастіе, лицемѣріе, лукавство;— возненавидьте всякій грѣхъ совершенною ненавистію, объявите войну плоти своей, въ которой не живетъ доброе, и въ которой гнѣздятся всякія страсти, которая непрестанно враждуетъ противъ Бога и противъ нашей души, притворяясь благожелательнымъ другомъ и ежеминутно вводя насъ въ обманъ, бѣду и напасть. Ко всему этому прибавьте искреннее и непрестанное стремленіе ко всякой добродѣтели или лучше ко всѣмъ добродѣтелямъ, противоположнымъ упомянутымъ грѣхамъ. Вотъ тогда наше воспоминаніе страстей Господнихъ будетъ благопріятнымъ Богу и для насъ спасительнымъ и плодотворнымъ, жизненнымъ, радостнымъ. Аминь.

„Чертогъ Твой вижду, Спасе"...

(Пѣснь Страстного четверга).

Спаситель мой! Вижду чертогъ Твой прекрасный:
Тамъ Ангеловъ сонмы въ восторгѣ поютъ,
Тамъ лики святыхъ Твоихъ радостны, ясны
Въ лучахъ Твоей славы, Тебѣ предстаютъ...
Но—ахъ!—не могу я, нечистый, грѣховный,
Придти въ вожделѣнный небесный чертогъ:

Нѣтъ свѣта въ душѣ,—нѣтъ одежды духовной!
Подъ нашей неправдой я весь изнемогъ...
О, мой Свѣтодавецъ! На вопль покаянный
Съ высотъ Твоихъ свѣтлыхъ ко мнѣ снизойди:—
Прости, просвѣти,—и въ прекрасный
Чертогъ Твой заблудшаго сына введи! (В. Д.).

Какъ намъ уготовить мирный и непостыдный исходъ изъ здѣшней жизни?

Возгласивъ гласомъ велiимъ, Iисусъ рече: Отче, въ руцѣ Твои предаю духъ Мой. И сiя рекъ издше (Лук. 23, 46).

Святая Церковь, собравъ насъ въ храмъ Божiй, воспоминаетъ нынѣ предъ нами страданiя Христовы, и мы только что выслушали изъ устъ священнослужителя глубоко трогательное и скорбное повѣствованiе о послѣднихъ дняхъ земной жизни нашего Спасителя и Господа, закончившихся Его крестною смертiю. Всѣмъ намъ извѣстно это Евангельское повѣствованiе; но каждый разъ, когда предлагается оно намъ, мы не можемъ выслушивать его безъ сердечнаго умиленiя, часто сопровождающагося невольною слезою.

Господь, дающiй всѣмъ дыханiе и жизнь, явившись на землѣ въ нашей плоти, предается во власть смерти, — этого страшнаго и неумолимаго врага всего живущаго. Невыразимую тугу сердечную чувствовалъ Онъ въ предвидѣнiи своей кончины, и съ воплемъ крѣпкимъ молился Отцу небесному, да мимоидетъ отъ Него горькая чаша, ожидающая воспринятую Имъ природу человѣческую. Но въ пламенной молитвѣ къ Отцу небесному этотъ Сынъ Человѣческiй (какъ Онъ часто называлъ Себя), вознося къ престолу Божiю Свои скорби и желанiя, носимыя Имъ въ силу воспринятаго Имъ на Себя естества нашего, подчиняетъ Свою волю опредѣленiямъ высшей небесной правды, и съ покорностiю ведется на заколенiе. *Обаче не якоже Азъ хощу*, говоритъ Онъ въ молитвѣ, *но якоже Ты* (Матѳ. 26, 39). И свершилось. Господь, умирая на крестѣ, испустилъ духъ. И вотъ, при видѣ бездыханнаго тѣла Владыки тварей и Начальника жизни, пришла въ трепетъ вся природа: затмилось солнце, потряслась земля и распались твердые камни. И сердца случайныхъ свидѣтелей смерти Праведника поражены были глубокою горестью, и они возвращались съ потрясающаго позорища, бiя въ перси своя (Лук. 23, 48).

Братiе! И намъ всѣмъ уготована горькая чаша смерти, которую испилъ, при трепетѣ всей природы, Самъ Господь, Начальникъ жизни нашей. Всѣ мы жалкiе данники смерти.

Надъ нашею головою занесенъ острый мечъ, которымъ, рано или поздно, поразитъ насъ этотъ послѣдній врагъ нашъ. Каждый часъ стережетъ онъ жизнь нашу, и непремѣнно возьметъ ее у насъ, можетъ быть, тогда, когда мы менѣе всего думаемъ о томъ. Сколько бы мы ни удаляли отъ своей мысли угрожающихъ нападеній этого врага, — печальный и грозный образъ его, противъ нашей воли, является предъ нами и устрашаетъ насъ. Чуть не каждый день мы бываемъ свидѣтелями неотразимой силы его, когда онъ то отнимаетъ отъ насъ дорогого намъ родственника или близкаго намъ друга, то поражаетъ знаемыхъ нашихъ, живущихъ окрестъ насъ. И вотъ что мы чувствуемъ, когда предъ нашимъ взоромъ встаетъ неподвижное бездыханное тѣло близкаго намъ друга или родственника, когда скажемъ словами св. Іоанна Златоуста: „лежитъ на столѣ человѣкъ, и нѣтъ человѣка, члены безъ духа, ему кричатъ, а онъ не отвѣчаетъ, его зовутъ, а онъ не слышитъ, лежитъ съ блѣднымъ лицомъ, съ потухшимъ взоромъ, съ измѣненнымъ видомъ", въ которомъ погасла всякая искра жизни. Въ жизни нашей нѣтъ минуты болѣе страшной, чѣмъ минуты разставанія съ жизнію;— и нѣтъ бѣдствія болѣе тяжкаго, чѣмъ то, какое наноситъ намъ смерть, отнимая у насъ вмѣстѣ съ жизнію все, чѣмъ мы владѣемъ. Ея трепещетъ и ея бѣжитъ все живущее, видя въ ней казнь, ниспосланную на насъ высшимъ неотразимымъ судомъ. Не говорите, что тотъ или другой безбоязненно идетъ навстрѣчу смерти. Судорожныя движенія и потрясенія тѣла, на которыя смерть налагаетъ свою руку, свидѣтельствуютъ о мучительной борьбѣ угасающей жизни съ этимъ неумолимымъ врагомъ. А что въ душѣ умирающаго? Намъ, живущимъ, не измѣрить той горечи, какая ее наполняетъ. *Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть*,—возглашаетъ церковная пѣснь, выражая горькія чувства, возбуждаемыя въ нашей душѣ грознымъ приговоромъ Божіимъ, осудившимъ на смерть дѣтей Адама за неповиновеніе святой волѣ Божіей,—приговоромъ, постоянно выполняемымъ предъ нашими глазами.

Что же дѣлать намъ, чтобы доля смертная, намъ присужденная, не такъ тяжко давила душу нашу? Есть ли какія либо средства, могущія облегчить ту гнетущую боль, какую причиняетъ намъ жало смерти? Ударъ врага неотразимъ: мы должны заботиться не о томъ, чтобы избѣжать его, а о томъ, какъ легче и лучше принять и перенести его. Святая Церковь, какъ чадолюбивая мать наша, напоминая намъ о смерти, ежедневно молится о ниспосланіи намъ кончины живота нашего непостыдной и мирной. Какъ же мы можемъ уготовать себѣ кончину жизни непостыдную и мирную?

Издавна искала успокоенія отъ тревоги, причиняемой

намъ смертію, мысль человѣческая; но, предоставленная самой себѣ, она не могла найти желаемаго успокоенія. Она видѣла, что вся природа подвергается тлѣнію, и все, живущее въ ней, если не съ раздирающимъ плачемъ, то съ тупымъ безчувствіемъ, склоняетъ свою голову подъ мечъ, занесенный надъ нимъ. Древніе мудрецы, старавшіеся облегчить борьбу со страшнымъ врагомъ, не могли найти противъ него никакого оружія, и лучшее, что они совѣтовали,—это тупая покорность неотразимой судьбѣ, — покорность, служащая выраженіемъ безысходнаго отчаянія.

Если желаете съ возможнымъ спокойствіемъ смотрѣть на смерть и съ миромъ встрѣтить ее, когда она приблизится къ вамъ, — ищите вспомоществованія тамъ, гдѣ течетъ источникъ благодатныхъ утѣшеній. И святые Божіи, переселившіеся въ иной міръ, могутъ быть для насъ образцами и руководителями въ семъ важномъ и трудномъ дѣлѣ. Они, конечно, не могли не сознавать и не чувствовать тяжести удара, наносимаго нашей жизни смертію, и не безчувственны они были къ тѣмъ страданіямъ, какими предварялось вкушеніе смерти, особенно если они воспринимали мученическую кончину. Посмотрите, или внимайте сказаніямъ о нихъ: страданія не подавляютъ ихъ, и въ то время, когда разрушается ихъ бренное тѣло,—они съ миромъ и бодрымъ духомъ оставляютъ эту жизнь, какъ бы забывая тяжесть удара, имъ наносимаго. Что же давало имъ такую бодрость и крѣпость духа?

Первое оружіе, съ которымъ они бодро выступали на борьбу со страхомъ смерти,—это была крѣпкая вѣра, наполнявшая ихъ душу,—вѣра въ то, что смерть не есть окончательное прекращеніе нашего бытія. Они видѣли въ ней переходъ изъ здѣшняго многомятежнаго міра въ другой міръ,—лучшій, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія. Они твердо убѣждены были, что умираетъ только тѣло, эта временная одежда нашего духа, а духъ, имъ управлявшій и его оставляющій, не подвергается тлѣнію, но возвращается къ Богу, его давшему (Еккл. 12, 7). Для насъ яснымъ подтвержденіемъ этой вѣры должна служить воспоминаемая нами нынѣ смерть Господа, принявшаго наше человѣческое естество: оканчивая воспринятое Имъ на Себя земное служеніе, Онъ предаетъ во власть смерти только воспринятое Имъ тѣло, а беретъ у этого хищника жизни высшую часть Своего человѣческаго естества, и Духъ Свой, восхищая отъ смерти, предаетъ въ руки Отца небеснаго (Лук. 23, 46). Въ то время, когда бездыханное тѣло Его виситъ на крестѣ и предается погребенію, Онъ, живый духомъ, является во адъ съ проповѣдью избавленія душамъ, томившимся въ темницѣ (1 Петр. 3, 18—19), сопровождаетъ въ рай благоразумнаго разбойника (Лук. 23, 43) и возносится къ престолу величія

Божія. И святые праведники, считавшіе для себя священнымъ долгомъ слѣдовать стопамъ своего Спасителя и Господа, въ минуту смерти Ему предавали духъ свой, и иные изъ нихъ сподоблялись видѣнія этого отдѣленія души отъ тѣла и вознощенія ея на небо. Въ твердомъ упованіи на переселеніе въ новый лучшій міръ, они благодушно смотрѣли на смерть, и вмѣстѣ съ Апостоломъ заявляли, что желаютъ отъити отъ тѣла и внити ко Господу, считая, что жить съ Христомъ несравненно лучше, чѣмъ, живя въ тѣлѣ, влачиться по коварному житейскому морю, волнуемому бурею страстей и напастей (2 Кор. 5, 1—2, 4, 6, 8; Фил. 1, 21—23). Святые мученики встрѣчали смерть среди невыразимыхъ тѣлесныхъ страданій. Ихъ подвергаютъ жестокому бичеванію, вывертываютъ ихъ члены, ихъ распинаютъ на крестѣ, ихъ бросаютъ на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ, предаютъ огню, или обнаженныхъ среди жестокой стужи заставляютъ выносить тяжкія мученія отъ холода, отъ котораго цѣпенѣли ихъ члены. Но въ то время, когда изнемогало и страдало ихъ тѣло, не изнемогалъ духъ ихъ, и они имѣли силы съ хвалою и благодареніемъ къ Господу отлагать тѣло свое,—этого *ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ* (Еф. 4, 22). Такъ четыредесять севастійскихъ мучениковъ, осужденные на казнь чрезъ замерзаніе во время зимней стужи,—среди страданій утѣшали и ободряли себя такими представленіями: „Тяжко ли для раба (говорили они*) потерпѣть то, что терпѣлъ и Владыка? Жестока зима, но сладокъ рай; мучительно замерзнуть; но пріятно успокоеніе. Недолго потерпимъ, и насъ согрѣетъ патріархово лоно; за одну ночь вымѣняемъ себѣ цѣлый вѣкъ. Пусть опаляется нога; только бы непрестанно ликовать съ ангелами. Пусть отпадаетъ рука; только бы имѣть дерзновеніе воздѣвать ее ко Владыкѣ“. Имѣйте въ мысли своей то, чѣмъ одушевляли себя святые праведники, и смерть не будетъ для насъ страшилищемъ, и вы безъ отчаянія, съ миромъ встрѣтите ее, когда она посѣчетъ ваше тѣло, будучи безсильна овладѣть вашею душею.

Отрадное упованіе на будущую жизнь, могущее смягчать и умалять страхъ нашъ предъ грознымъ врагомъ нашимъ, должна укрѣплять въ насъ память о спасительной смерти Христовой. По вѣрѣ, намъ внушаемой, Господь принялъ вольную смерть, *да упразднитъ имущаго державу смерти и избавитъ* тѣхъ, которые, одержимые *страхомъ смерти, чрезъ все житіе повинни бѣша работѣ* (Евр. 2, 14—15). Острое жало смерти притупилось, когда поражало несокрушимую силу Безсмертнаго. И вотъ, какъ отъ Адама мы получили

*) Творенія св. Василія Великаго ч. IV, стр. 302. Бесѣда 19-я на св. четыредесять мучениковъ.

печальное наслѣдіе смерти, какъ казнь за грѣхъ, такъ отъ Христа получили помилованіе и увѣренность въ животѣ вѣчномъ (1 Кор. 15, 21—23). Мы были отчуждены отъ Бога, Источника жизни, и ходили подъ гнѣвомъ Его, но благоугодно было Отцу, по свидѣтельству Апостоловъ, примирить насъ съ Собою смертію Сына, въ тѣлѣ плоти Его, и чрезъ то приблизить насъ къ Себѣ (Кол. 1, 19—28). Итакъ, не изнемогайте духомъ при видѣ смерти. Смерть, угрожавшая поглотить насъ, по слову Тайновидца, *ввержена въ езеро огненное* (Апок. 20, 15). Предъ нашимъ духовнымъ взоромъ да будетъ всегда Христосъ, первенецъ отъ умершихъ, расторгшій смертныя узы, и нанесшій пораженіе смерти, чтобы она болѣе не обладала нами (1 Кор. 15, 20—21; Кол. 1, 18). *Азъ есмь воскресеніе и животъ* (говоритъ Онъ въ успокоеніе всѣхъ вѣрующихъ); *вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ* (Іоан. 11, 25), *и прейдетъ отъ смерти въ животъ* (Іоан. 5, 24), которымъ будетъ владѣть вѣчно. Къ Христу обратимся, за насъ умершему, приближаясь къ исходу изъ сей жизни, да пріиметъ Онъ насъ въ Свои вѣчныя обители.

Если же намъ возвѣщено Свидѣтелемъ вѣрнымъ и истиннымъ, что смерть служитъ для насъ переходомъ къ новой, нескончаемой жизни, то нужно готовиться къ достойному переселенію въ иной міръ, насъ ожидающій. Представьте: если кто отправляется въ далекую дорогу и переселяется на новое мѣсто для постояннаго жительства, какія дѣлаетъ приготовленія къ тому! Беретъ съ собою большіе запасы, старается забрать съ собою какъ можно больше имущества и сокровищъ, чтобы не потерпѣть лишенія въ пути и не испытать тревоги и бѣдствій на новомъ мѣстѣ жительства. Но что это переселеніе въ далекую страну въ сравненіи съ переселеніемъ въ иной міръ, изъ котораго нѣтъ возврата и гдѣ мы найдемъ покой, если надлежащимъ образомъ приготовимся къ тому, или будемъ бѣдствовать, если ничѣмъ не запасемся для водворенія въ новомъ мірѣ? Какіе же запасы мы должны приготовить для добраго вселенія въ обителяхъ, для насъ уготованныхъ? Для этого не нужны сокровища земныя, и бѣдный, ничего здѣсь не имѣющій, можетъ тамъ оказаться богаче богатаго. Мы переселяемся въ иной міръ не тѣломъ, а душею, и не нужно тамъ ничего изъ того, чѣмъ мы питаемъ и услаждаемъ тѣло. Нужно обогатить душу, чтобы она явилась туда не пустою. Какъ обогатить? Обогатить ее нужно добрыми дѣлами. Молитва, преданность Богу и упованіе на Его милосердіе, покаянное очищеніе души, дѣла любви и благотворенія, — вотъ сокровища, какими мы должны запасаться для мирнаго переселенія въ будущую жизнь. Они послужатъ для насъ крыльями, при пособіи которыхъ душа усопшаго легко перенесется чрезъ страшный и трудно проходимый смертный рубежъ,

отдѣляющій нашу кратковременную жизнь отъ жизни вѣчной. Въ особенности дѣла милости къ бѣдствующей братіи нашей имѣютъ великую цѣну на томъ свѣтѣ. Вамъ извѣстно, какъ Господь изображаетъ будущій судъ, на который мы предстать должны. Тамъ не спросятъ насъ, какое положеніе мы занимали въ свѣтѣ, какими гражданскими подвигами отличались, какой успѣхъ имѣли на житейскомъ поприщѣ, а спросятъ о томъ, что мы сдѣлали для Бога и ближнихъ. Господь обѣщаетъ наслѣдіе царства небеснаго тѣмъ, которые напитали алчущаго и напоили жаждущаго, одѣли нагаго, принимали странника въ домъ, посѣщали больного и принимали участіе въ положеніи заключеннаго въ темницѣ,— принимая эти дѣла любви, какъ долгъ, оказанный Ему Самому (Матѳ. 25, 34—40). А тѣхъ, которые забывали о такихъ дѣлахъ благотворенія, Онъ отсылаетъ отъ Себя прочь, и они пойдутъ въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его (Матѳ. 25, 41—46). У одного благочестиваго подвижника*) записано знаменательное видѣніе, указующее, какъ милостыня облегчаетъ для человѣка переходъ изъ здѣшней жизни въ блаженныя обители небесныя. — Умеръ одинъ человѣкъ, отличавшійся сострадательностію и по мѣрѣ возможности всегда старавшійся помогать находящимся въ бѣдѣ и нуждѣ. По отшествіи изъ тѣла, онъ приведенъ былъ къ огненной рѣкѣ, за которою, на другой сторонѣ видно мѣсто злачное и свѣтлое, манящее своею прелестію и обѣщающее большія наслажденія. Не можетъ онъ перейти чрезъ эту рѣку въ мѣсто злачное, и стоитъ предъ нею въ трепетѣ и недоумѣніи. Тогда бѣдные, которымъ онъ помогалъ во время своей земной жизни, являются предъ нимъ, и, одинъ за другимъ, ложатся поверхъ страшной рѣки, и изъ нихъ образуется живой мостъ, по которому онъ безпрепятственно переходитъ чрезъ рѣку въ райское мѣсто. Могъ бы Господь иначе переселить его въ рай (объясняетъ подвижникъ). О Лазарѣ писано, что онъ ангелами несенъ былъ на лоно Авраамово. Но этимъ видѣніемъ Господь хотѣлъ научить насъ, чѣмъ мы можемъ облегчить для себя переходъ изъ здѣшней жизни въ страну вѣчнаго покоя.

Намъ возвѣщено Господомъ въ Писаніи, что для насъ по смерти уготовано царство небесное, и мы призваны къ наслѣдію этого царства. Помня это обѣтованіе, мы когда провожаемъ въ могилу близкаго человѣка, съ вѣрою и упованіемъ говоримъ: царство ему небесное и вѣчный покой! Ждетъ насъ въ это царство Владыка всей твари, создавшій насъ для блаженной жизни, и потомъ, когда мы уклонились, непослушаніемъ велѣніямъ Его на путь гибельный, иску-

*) Въ житіи святаго Пафнутія Боровскаго.

пившій насъ безцѣнною кровію непорочнаго Агнца—Христа. Тамъ, въ этомъ царствѣ, уготована вечеря велія всѣмъ званнымъ, и каждому изъ званныхъ назначено свое мѣсто. Но что бы мы сдѣлали, если бы насъ пригласилъ къ себѣ царь земной на свою трапезу и обѣщалъ вознаградить насъ выше заслугъ нашихъ? Мы облачились бы въ лучшія свѣтлыя одежды; мы постарались бы узнать, что требуется выполнить для достойнаго явленія въ царскіе чертоги предъ лице высшаго правителя страны, удостоившаго насъ своего приглашенія, и непремѣнно со всею тщательностію исполняли бы все то, что намъ указали бы. Не такъ ли, не съ большею ли еще внимательностію, намъ нужно повести себя, когда зоветъ насъ на Свою вечерю Царь небесный? Гдѣ же взять намъ тѣ свѣтлыя одежды, въ какихъ мы безбоязненно могли бы явиться въ чертоги Царя небеснаго, на вечерю, Имъ уготованную для вѣрныхъ рабовъ Своихъ? Эти одежды не нужно покупать на торжищахъ: онѣ изготовляются не изъ дорогихъ тканей, а изъ тѣхъ нитей, которыя исходятъ изъ благоговѣйнаго, преданнаго Богу, сердца. Украшеніемъ этой одежды служатъ чистые помыслы, святыя чувствованія и богоугодныя дѣла. Апостолъ сказавъ, что Отецъ небесный насъ бывшихъ отчужденными отъ Него, примирилъ съ Собою смертію Сына Своего, разъясняя это, даетъ намъ разумѣть, что Онъ съ любовію пріиметъ насъ, если мы предстанемъ предъ Нимъ святыми и непорочными и если пребудемъ тверды и непоколебимы въ вѣрѣ и не отпадемъ отъ надежды благовѣствованія, проповѣданнаго всей твари поднебесной (Кол. 1, 22—23). Вотъ въ какомъ убранствѣ намъ нужно предстать предъ престоломъ величія Божія. Но если душа явится въ обители небесныя безъ этого украшенія, она будетъ изгнана вонъ, какъ не имѣющая приличнаго одѣянія, и ей могутъ сказать: *друже, како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія брачна* (Матѳ. 22, 12)? И не будетъ ли съ нею, если она явится въ нечистомъ видѣ и неряшливой одеждѣ, того, что постигло, по сказанію притчи Евангельской, человѣка, явившагося на званную вечерю не въ брачномъ одѣяніи: *тогда царь рече слугамъ: связавше ему руцѣ и нозѣ, возмите его и ввержите во тьму кромѣшнюю: ту будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ* (Матѳ. 22, 13)?

Душа наша не праздная переходитъ на тотъ свѣтъ: жизнь, проведенная ею въ тѣлѣ на землѣ, не пропадаетъ безслѣдно, а кладетъ на нее неизгладимую печать. По слову Тайновидца, дѣла умершихъ, отходящихъ изъ этого міра, *ходятъ вслѣдъ съ ними* (Апок. 14, 13). Одни изъ этихъ дѣлъ, переходящихъ вмѣстѣ съ душею умирающаго, возносятъ ее къ небу, въ царство свѣта, къ престолу величія Божія, и она, какъ бы естественною силою притяженія, влечется туда, гдѣ царствуютъ правда, радость и миръ, и гдѣ сіяетъ немер-

цающій свѣтъ Трисіяннаго Божества, а другія, отягощая и омрачая душу, влекутъ ее долу, и она, противъ воли своей, не вынося силы небеснаго свѣта, ее опаляющаго, несется въ мѣсто, полное мрака и тьмы. Не нужно разъяснять вамъ, какія дѣла возносятъ насъ горѣ и какія влекутъ долу. Вамъ извѣстно это издѣтства; Церковь не перестаетъ твердить намъ, что мы должны дѣлать, чтобы спастись. Помня это, позаботимся снабдить свою душу дѣлами, указуемыми намъ велѣніемъ Божіимъ, и тогда мы можемъ надѣяться на мирную и непостыдную кончину живота нашего, которой да сподобитъ всѣхъ насъ милосердый Владыка и Господь нашъ („Церк. Вѣд." 1904 г.).

В. Пѣвницкій.

Троицкіе листки № 60.

Мысли о богоугодной жизни.

(Изъ рукописей святителя Ѳеофана).

Отъ чего душа, въ грѣхѣ сущая, не постоитъ, а все мятется?

Отъ того, что теряетъ точку опоры.

Точка опоры дается ей страхомъ Божіимъ и спокойною совѣстію. Когда совѣсть покойна, и отношеніе къ Богу мирно; тогда душа пребываетъ въ себѣ и держитъ себя степенно. Когда же совѣсть встревожена, и Богъ оскорбленъ, тогда душѣ тяжело быть въ себѣ, какъ въ угарной, чадной комнатѣ,—и она бѣжитъ вонъ, и внѣ себя ищетъ—чѣмъ бы утолить внутреннее томленіе, перебѣгая отъ предмета къ предмету безъ промежутковъ, чтобъ и на минуту не оставаться съ самой собою. Только тогда, когда, какъ ангелъ, нисходитъ въ нее помышленіе о примиреніи съ Богомъ и совѣстію, возвращается она къ себѣ, какъ бѣглый рабъ съ повинной головою, и съ того времени опять остепеняется.

Въ чемъ все дѣло заботливыхъ о спасеніи души?

Въ томъ, чтобы имѣть Бога своимъ Богомъ и себя сознавать Божіими.

Имѣніе Бога своимъ Богомъ есть *одна* сторона дѣла, которая не можетъ получить прочнаго образованія, если при этомъ не будетъ *второй*, то есть сознанія себя Божіими, или

удостовѣренія въ томъ, что какъ ты имѣешь Бога своимъ, такъ и Богъ тебя имѣетъ Своимъ. Въ этомъ существо союза съ Богомъ и все таинство религіи.

Кто же имѣетъ Бога своимъ и себя Божіимъ?

Тотъ, кто узнавъ опредѣлительно и ясно волю Божію, исполняетъ ее добросовѣстно, такъ что ни въ тайныхъ помышленіяхъ сердца своего, ни въ сокровенныхъ движеніяхъ совѣсти не слышитъ себѣ обличенія не только въ нарушеніи, но и въ какомъ либо нерадѣніи объ исполненіи ея. Въ этомъ истинный характеръ ревности о богоугожденіи, которая не можетъ оставить человѣка въ покоѣ, пока сознаніе говоритъ, что въ словахъ, дѣлахъ и помышленіяхъ допущено нѣчто такое, что можно считать неугоднымъ Богу въ какомъ-либо отношеніи. Въ послѣднемъ случаѣ она спѣшитъ уничтожить это раздѣленіе между собою и Богомъ богоучрежденнымъ способомъ, и снова питаетъ успокоительное убѣжденіе, что Богъ есть ея Богъ. Чѣмъ больше дѣлъ, согласныхъ съ волею Божіею, и чѣмъ больше твердости и постоянства въ нихъ, тѣмъ сильнѣе и глубже становится это убѣжденіе. Это—со стороны человѣка, и, какъ его собственное дѣло, оно понятно и удободостижимо.

Но какъ быть увѣрену, что и Богъ имѣетъ тебя Своимъ?

Въ то самое время, когда человѣкъ дѣятельно начинаетъ имѣть Бога своимъ, въ совѣсти приходитъ ему удостовѣреніе, что и Богъ имѣетъ его Своимъ. Богъ вездѣсущъ, и на ревностно угождающія Ему души взираетъ благоволительно. Это благоволительное Божіе воззрѣніе, отражаясь въ душѣ, даетъ ей знать, что она принята и усвоена Богомъ, стала Ему Своя. Отъ этого, по мѣрѣ работы Богу и возрастанія *первой* стороны, растетъ и сія *вторая*, не какъ однакоже слѣдствіе ея, а какъ равная, взаимодѣйствующая сила, хотя и несомнѣнно то, что она не входитъ въ душу безъ первой. Онѣ совмѣстны, и рождаются въ одинъ моментъ; и когда рождаются, свидѣтельствуютъ о зарожденіи внутренняго потаеннаго человѣка. Отъ чего такъ? Отъ того, что и ревность по Богу не можетъ получить дѣятельнаго начала безъ воздѣйствія и помощи Божіей. Душа это знаетъ, и зная вѣритъ, что за ревность по Богу пріемлется и покровительствуется Богомъ, какъ Своя Ему. Вотъ сѣмя духовной жизни! Но поелику въ основѣ ея лежатъ такія возвышенныя убѣжденія, то она, зрѣя, не надмѣвается, а углубляется болѣе и болѣе въ смиреніи, до рѣшительнаго самоуничиженія или полнаго сознанія, что самъ по себѣ человѣкъ есть ничто. Въ этомъ то и тайна истинной жизни въ Богѣ.

Всѣ ищутъ. Осмотрись кругомъ, и удостовѣришься, что такъ есть: Самъ Апостолъ говоритъ о себѣ: „гоню, спѣшу, стремлюсь, ищу.“ Безъ покаянія жизнь не жизнь. Отъ чего такъ? Отъ скудости естества нашего, или поминутной его

оскудѣваемости. Чувствуя оскудѣніе, невольно ищешь, чѣмъ пополнить оскудѣвающее. Чувство это есть возбудитель исканія. Искомое всегда есть нѣчто такое, чѣмъ чаешь пополнить пустоту свою; оно составляетъ цѣль. Чаяніе, что оно дѣйствительно способно и сильно удовлетворить, или дать чаемое отъ него,—поддерживаетъ исканіе и трудъ въ придумываніи средствъ и приведеніи ихъ въ исполненіе. Такова общая форма жизни всѣхъ живущихъ на землѣ. И у скрывшагося въ глубокую пустынь, и у живущаго въ полной суетѣ мірской круговращеніе жизни одинаково. Разница—въ содержаніи: въ *возбудителѣ*, въ томъ, какого рода чувствуемая скудость—въ *средствахъ*, коими надѣются достигнуть чаемаго,—въ *послѣдней цѣли*, то есть въ томъ, чѣмъ чаютъ пополнить ощущаемую скудость. Разнаго рода искатели у насъ передъ глазами. Спрашивается: кто же попалъ на прямую дорогу? Должно быть тотъ, кто чувствуетъ, что восполняетъ свою скудость своимъ способомъ исканія, и въ слѣдствіе того успокоивается, имѣетъ покой въ самомъ исканіи. Кто именно таковъ, всякій догадается. Но то диво, что и тѣ, которые не перестаютъ чувствовать снѣдающую ихъ скудость, при всѣхъ усиленныхъ исканіяхъ, не перемѣняютъ неудачнаго исканія, не смотря на осязательную неудовлетворительность его; думаютъ: авось впереди оно станетъ лучше и дастъ то, что чается. А такъ какъ это *впереди* все отбѣгаетъ, какъ завтрашній день—то они безустанно ищутъ и никогда не находятъ. И растолковать имъ этого нельзя. Такое горе!

Сколько лѣтъ слышимъ Евангеліе, и утѣшительные глаголы его проносятся у насъ поверхъ головы!... Дастъ же, наконецъ, Богъ, иному минуту, когда оно услышится его сердцемъ. Тогда вошедши внутрь, оно производитъ тамъ свое дивное, разрушительно—созидательное дѣло, сущность котораго—истинная жизнь. А дотолѣ что? Дотолѣ имѣемъ только видъ, что живы, а между тѣмъ мертвы—мертвы. Не строго ли? Войди и виждь.

Оглянись кругомъ и разсмотри, чѣмъ заняты всѣ люди, изъ за чего такъ хлопочутъ, на кого работаютъ? Всѣ до одного работаютъ на желудокъ, и всѣ хлопоты объ удовлетвореніи его требованій: дай ѣсть, дай пить.—Сколь же великое благо обѣщается въ будущемъ однимъ обѣтованіемъ упраздненія этого нашего тирана! Стань теперь на этой точкѣ и рѣши: куда же обращена будетъ неутомимая жажда дѣятельности, принадлежащая вѣку сему, въ другомъ вѣкѣ, когда не будетъ нужды хлопотать о желудкѣ, а вслѣдствіе того и вообще о житейскомъ? Рѣшить это надо теперь, чтобы приготовиться къ тому, что насъ ожидаетъ въ безконечномъ будущемъ.

Откуда нестроенія въ человѣческомъ родѣ?

(Изъ дневника отца Іоанна Кронштадтскаго).

Шелъ я моремъ вечерней порой на паровомъ суднѣ и съ душой, полной высокаго удовлетворенія, наблюдалъ захожденіе солнца, чуднымъ свѣтомъ блистающаго и озаряющаго подсолнечную. Быстро оно сѣло, и такъ сказать, спустилось подъ землю: остался полусвѣтъ, перешедшій мало-по-малу въ полумракъ; потомъ появились звѣзды. Тишина была полная; вода—зеркало. Какой чудный, вѣчный порядокъ! Какая дивная гармонія въ безконечномъ твореніи! Какіе твердые, неизмѣнные законы! Сколько благодѣяній разумнымъ и неразумнымъ одушевленнымъ тварямъ отъ этихъ твердыхъ въ своей природѣ порядковъ и законовъ! Какое благосостояніе и довольство, всего живаго и движущагося на землѣ! Какая чудная, премудрая, всемогущая держава! Какая твердая Рука, предержащая вселенную! Какія щедроты истощаются Ею всѣмъ тварямъ! Казалось бы, въ такомъ мірѣ должны быть довольны и благополучны всѣ земныя твари, особенно разумная тварь—человѣкъ; но онъ-то именно и недоволенъ и не благополученъ; у него-то именно и разстройство во внутренней и внѣшней жизни, не смотря на данные твердые законы въ совѣсти,—на скрижаляхъ каменныхъ, и въ законодательствѣ органическомъ всестороннемъ, не смотря на всаженный во всѣхъ отъ природы и просвѣщенный наукою разумъ. У него-то, у этого разумнаго существа—человѣка всякіе безпорядки въ жизни, всякія неустройства внутреннія и внѣшнія, всякія бури и волненія, всякія нелѣпыя, часто вредныя для семейной, общественной и религіозной жизни.—а оттуда всякія нестроенія, бѣдность, нищета, болѣзни и тысячи необычныхъ смертей; извольте вы управиться съ такимъ страннымъ, чудовищнымъ существомъ, какъ человѣкъ. Откуда такія нестроенія въ человѣческомъ родѣ? Отъ грѣха, отъ испорченности нравовъ, отъ беззаконія и самочинія, отъ необузданной воли, отъ потворства своимъ страстямъ. Вотъ для такого-то существа нужны твердые законы, твердая, могущественная власть, твердые вѣрные исполнители власти предержащей,—люди высокаго разума и могучей рѣшительной воли, органы управленія и правосудія; для всѣхъ нуженъ Царь Самодержавный, какъ свѣтило на высотѣ небесной, какъ солнце озаряющее всю вселенную, проливающее по всему царству свѣтъ и теплоту, довольство и миръ: нужны мудрые, благонамѣренные правители.

Грѣховные помыслы.

Богъ запрещаетъ не одни внѣшніе грѣхи, но и внутренніе грѣховные помыслы. Онъ не только сказалъ: *не укради, не прелюбы сотвори,* но и: *не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго...*

Конечно, есть различіе между грѣхомъ дѣйствительнымъ и грѣхомъ воображаемымъ; но это различіе бываетъ часто мало и незначительно. „Только вредныя слѣдствія того и другаго грѣха не одинаковы, говоритъ блажен. Августинъ, но желаніе ихъ одинаково." Каждый грѣхъ, совершенный внѣшнимъ образомъ, уже заранѣе совершенъ внутренно; и если бы онъ прежде не явился въ помыслѣ души, то не открылся бы и во внѣ. Грѣхи наши бываютъ сокрыты въ мысляхъ и желаніяхъ, какъ растеніе въ сѣмени; при благопріятныхъ обстоятельствахъ, они могутъ укореняться въ душѣ, возрастать и приносить плодъ. Когда человѣкъ исполненъ мести къ своему врагу, тогда онъ ищетъ случая отмстить ему, тогда онъ слѣдитъ за нимъ, обдумываетъ средства, старается удалить всѣ препятствія, даже предощущаетъ удовольствіе отъ исполненія своего намѣренія. Долго ли тутъ до совершенія видимаго преступленія? И подобный человѣкъ не долженъ ли быть судимъ, какъ человѣкоубійца? *Всякъ ненавидяй брата своего,* говоритъ ап. Іоаннъ, *человѣкоубійца есть.*

Но грѣхи, совершаемые мыслію, не только весьма важны, но и въ высшей степени опасны для спасенія. Опасность происходитъ отъ того, главнымъ образомъ, что они совершаются легко и удобно.

Внѣшнія грѣховныя дѣйствія часто однимъ видомъ своимъ отвращаютъ душу, въ которой еще есть остатокъ стыда и совѣсти; но дѣйствія внутреннія не таковы: они представляются обыкновенно въ формѣ пріятной, такъ что человѣкъ находитъ удовольствіе, предаваясь грѣховнымъ помысламъ. Наружному дѣйствію всегда предшествуетъ большее или меньшее размышленіе, большая или меньшая борьба душевная. Но грѣшныя мысли входятъ въ нашу душу сокровенно и незамѣтно для насъ; онѣ мало-по-малу занимаютъ мѣсто въ сердцѣ, весьма сильно дѣйствуютъ на волю и легко побѣждаютъ ее.

Удивительно велика и независима дѣятельность человѣческой воли, въ отношеніи къ нашимъ внутреннимъ дѣйствіямъ! Наша воля не связывается ни мѣстомъ, ни временемъ; она дѣйствуетъ мгновенно, обнимаетъ и близкіе и отдаленные предметы, и не знаетъ никакихъ препятствій, которыя часто встрѣчаются при совершеніи внѣшнихъ дѣйствій. Воля всегда

можетъ предаваться грѣшнымъ мыслямъ. Она не нуждается ни въ одномъ изъ тѣхъ многоразличныхъ обстоятельствъ, изъ тѣхъ многочисленныхъ условій, тѣхъ пособій, которыя требуются при совершеніи видимаго грѣха. Отъ совершенія внутренняго грѣха не удержатъ ее ни святость дома Божія, ни взоры людей, ни опасеніе быть открытой. Для нея всякое мѣсто годно, всякое время удобно, всякій случай благопріятенъ. Какъ бы ни былъ человѣкъ склоненъ ко грѣху: но, по встрѣтившимся препятствіямъ, онъ часто не можетъ совершать преступленія; помыслы не знаютъ никакихъ препятствій, онѣ не боятся свѣта, потому что свѣтъ ихъ не видитъ.

Непремѣннымъ слѣдствіемъ такой легкости совершенія мысленныхъ грѣховъ бываетъ то, что они до невѣроятности могутъ размножаться въ сердцѣ легкомысленнаго человѣка. Ибо, если совершается множество видимыхъ грѣховъ, не смотря на то, что они встрѣчаютъ преграду; то какъ многочисленнѣе должны быть грѣхи мысленные, не встрѣчающіе никакихъ трудностей? Развращенный человѣкъ грѣшитъ непрестанно: отъ вечера до утра, и отъ утра до вечера. Вся жизнь его бываетъ, такъ сказать, соткана изъ многоразличныхъ и многообразныхъ грѣховъ. Эти грѣхи, постоянно въ немъ возрастая и умножаясь, дѣлаютъ наконецъ то, что въ душѣ его не остается ни одного мѣста для мысли доброй.

Какъ же, послѣ этого, подобный человѣкъ можетъ принести истинное покаяніе во грѣхахъ своихъ? Существенную часть истиннаго покаянія составляетъ точное изслѣдованіе совершеннаго и твердая рѣшимость не дѣлать этого впередъ. Но какъ трудно все это сдѣлать душѣ, въ которой господствуютъ грѣховныя мысли! Можетъ ли она прослѣдить за сокровенными, давно прошедшими движеніями сердца? Можетъ ли, хотя приблизительно, опредѣлить число и мѣру грѣховъ своихъ? Если же не можетъ, то какъ можетъ твердо рѣшиться очистить себя навсегда отъ сквернъ грѣховныхъ? Какъ можно не дѣлать того, что дѣлается такъ легко, такъ сказать, само собою, къ чему каждую минуту мы имѣемъ случай, что чрезъ долгое обыкновеніе превратилось въ нашу природу? Какъ можно возненавидѣть то, что до сихъ поръ отъ всего сердца любили, и чему такъ радовались? Страшна сила привычки для того, кто знаетъ духъ истиннаго покаянія.

Одно только есть средство для исправленія подобныхъ грѣшниковъ: это страхъ Божій. Будемъ же чаще припоминать себѣ невидимаго Судію, Который проникаетъ въ самыя тайныя намѣренія, Который *судитъ* сокровенныя *помышленія и мысли сердечныя* (Евр. 4, 12). Будемъ чаще молиться Ему, вмѣстѣ съ Давидомъ: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей.*

Совѣтъ противъ хульныхъ помысловъ.

Одинъ епископъ, пришедши въ Римъ, объявилъ св. папѣ Григорію Двоеслову, что его смущаютъ и обуреваютъ многочисленные помыслы хульные на Бога, такъ что онъ отъ великой скорби изнемогъ плотію и уже приходитъ въ отчаяніе. Услышавши это, папа сказалъ: „ты епископъ, а не знаешь козней бѣсовскихъ. Всегдашній врагъ нашъ, діаволъ, когда видитъ кого-нибудь дѣлающаго добро и не можетъ совратить его на путь грѣха, тогда начинаетъ дѣйствовать на него хульными помыслами, дабы возмутить его, разстроить умъ, отклонить отъ добродѣтели и низвергнуть въ глубину отчаянія. Но ты знай, что хульные помыслы не имѣютъ никакого значенія и ни мало не могутъ вредить тѣмъ, которые ихъ пренебрегаютъ и не смущаются ими. Они причиняютъ вредъ только тѣмъ, которые, будучи малодушны и не опытны, вмѣняютъ ихъ себѣ въ грѣхъ и впадаютъ въ изнеможеніе отъ напрасной скорби. На такихъ-то малодушныхъ людяхъ сбывается слово Пророка Давида: *тамо убояшася страха идѣже не бѣ страхъ* (Пс. 13, 5).

Мысли о спасеніи души.

(Изъ записокъ покойнаго аѳонскаго іеромонаха Арсенія).

Лѣкарство, прописанное для внутренняго употребленія, безъ сомнѣнія, тогда только оказываетъ свое дѣйствіе, когда будетъ болящимъ принято, а если онъ лишь омочитъ губы свои въ немъ, то чего отъ него ожидать? Такъ точно большая часть людей поступаютъ съ словомъ Божіимъ: въ одно ухо оно къ нимъ входитъ, а другимъ исходитъ, отъ того и остаются они неизлѣчимо больными до самой смерти.—Придутъ ли они въ храмъ Божій, умъ ихъ какъ часовой маятникъ безостановочно работаетъ, помышляя о дѣлахъ житейскихъ, а дома имъ и вовсе нѣтъ времени помолиться Богу,—все у нихъ поглощено житейскими попеченіями; хотя и слышатъ нерѣдко: *всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе*, но мало внимаютъ словамъ Божіимъ. Спрашивается, кто же виноватъ, если они не спасутся. Одна только надежда нѣкоторымъ изъ нихъ на спасеніе, это—скорби, лишенія, болѣзни, тогда они, какъ говорится, приходятъ въ себя отъ угара мірскаго и вспоминаютъ о смертномъ часѣ и вѣчности. Но не всѣмъ даруется эта милость, большею частію любящіе суетный міръ и работающіе ему въ немъ и кончаютъ жал-

кую свою жизнь. Несомнѣнно, что большая помощь бываетъ отъ дѣлъ милосердія, состраданія къ бѣдствующимъ и страждущимъ; но люди обремененные дѣлами житейскими, люди богатые по большей части мало доступны. мало сострадательны, и нерѣдко очень скупы на помощь ближнему: сами не испытывая нужды, они холодны, несочувственны къ мольбамъ страждущихъ.

Неужели для того сотворилъ насъ Господь, чтобъ пить, ѣсть, строить дома и фабрики, скоплять богатство, украшаться чинами и орденами и проч. Какъ во снѣ, человѣкъ видитъ себя богатымъ, славнымъ, а просыпается—и нѣтъ ничего, все исчезло; такъ точно будетъ и съ земными пріобрѣтеніями: грянетъ нежданно, негаданно часъ смертный, и куда что дѣнется, все мгновенно уничтожится и раскроется предъ взорами умирающаго безпредѣльная вѣчность. Тогда будетъ онъ скорбѣть, будетъ тужить, будетъ горько раскаиваться, сожалѣть, но напрасно его покаяніе. тщетна его скорбь и сожалѣніе, все уже будетъ рѣшено. все потеряно для него...

Какъ во время войны одна изъ воюющихъ сторонъ слагаетъ оружіе и безъ сопротивленія отдается въ плѣнъ врагамъ своимъ и тѣмъ прекращается война, такъ бываетъ и съ христіанами, которые не сопротивляются искушеніямъ вражескимъ,—таковыхъ, какъ побѣжденныхъ, врагъ уже не искушаетъ; отъ того и видимъ нерѣдко, что иные хотя и мало помнятъ о Богѣ, но имъ все удается, богатство ихъ умножается, и на оборотъ: не рѣдко можно видѣть благочестивыхъ людей бѣдствующихъ, страждущихъ. что служитъ несомнѣннымъ признакомъ къ нимъ милости Божіей, по слову св. Апостола: *горе вамъ, если безъ наказанія* (безъ скорбей) *проходитъ жизнь ваша, вы забыты Богомъ и не чада Божіи,* а терпящимъ лишенія онъ говоритъ: *радуйтесь великою радостію, когда подвергаетесь различнымъ скорбямъ.*

Скорби есть знаменіе милости Божіей, а отсутствіе ихъ знакъ гнѣва Божія; мірскіе же люди это наоборотъ понимаютъ, отъ того, что они не изучаютъ Божественное Писаніе, и такъ во всю свою жизнь остаются въ невѣдѣніи о самомъ нужномъ, тогда какъ свои житейскія суетныя дѣла они до тонкости доводятъ; изъ сего и познается на самомъ дѣлѣ, что они лишь по имени христіане, но истинно, сердечно, не Бога чтутъ, а золотаго тельца, или какой иной кумиръ.

Богачъ, погибшій среди своихъ сокровищъ.

Скупой знаетъ только самого себя, помышляетъ только о своемъ богатствѣ. Онъ желалъ бы уничтожить всѣ существа подобныя ему, чтобы наслаждаться одному и въ спокой-

ствіи своими несмѣтными сокровищами. Тогда онъ не боялся бы воровства и находился бы внѣ всякаго страха и опасеній, которые такъ много тревожатъ дни его жизни и заставляютъ его предаваться чрезмѣрной предусмотрительности, на которую онъ только одинъ и способенъ. Скупой—отдѣльное существо въ обществѣ, которое презираетъ его. Онъ постыдный рабъ своего богатства и когда онъ окружаетъ сокровища свои толстыми стѣнами, желѣзными дверями и замками, то какъ бы самъ себя ввергаетъ въ темницу, содержитъ самъ себя въ ужасномъ плѣну. Можетъ ли быть что-нибудь страшнѣе жизни скупца? Сколько тревожныхъ заботъ, безпокойства, мучительнаго страха придумываетъ, создаетъ онъ самъ для себя. Все въ тягость этому злополучному невольнику жадности и скупости. Ему нравится быть только въ уединеніи. Онъ не любитъ прекраснаго солнца; ибо страшится, чтобы свѣтозарные лучи его не открыли убѣжища его идоловъ. Онъ могъ бы вести жизнь тихую, спокойную и пріятную; но онъ самъ не хочетъ этого. Какъ убогій нищій, ходящій по улицамъ, онъ всегда покрытъ лохмотьями, онъ—постоянная жертва самыхъ жестокихъ лишеній. Увядающіе дни его, не оживляясь ни единою благотворительностію, отпадаютъ одинъ за другимъ отъ его тяжкой жизни, которую проводитъ онъ безъ всякой добродѣтели, и наконецъ, какъ это нерѣдко случается, скупые кончаютъ эту жизнь ужасно плачевнымъ образомъ. Вотъ что разсказываютъ объ одномъ изъ числа этихъ плѣнниковъ сребролюбія, содѣлавшихся жертвою своей страсти.

Этотъ человѣкъ былъ обладаемъ демономъ скупости и помышлялъ единственно только о скопленіи богатства на богатство, сокровищъ на сокровища. Опасаясь, чтобы кто-нибудь не похитилъ его сокровищъ, онъ устроилъ въ каменномъ подвалѣ подземную кладовую съ потаенною желѣзною дверью, такъ хитро вдѣланною, что не возможно было примѣтить. Сюда спряталъ онъ свои богатства и сталъ приходить часто и днемъ и ночью, любоваться на свое серебро и золото, которые содѣлались богомъ его. Однажды, отнеся значительную сумму денегъ въ свое мрачное убѣжище онъ забылъ вынуть ключъ изъ замка и взять его съ собою. Затворивъ дверь, онъ, вѣроятно, сталъ считать свои сокровища, лежавшія грудами, и налюбовавшись ими вдоволь, хотѣлъ удалиться изъ подземной комнаты; но дверь не могла изнутри отвориться безъ ключа. Легко можно судить о томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ находился этотъ несчастный человѣкъ! Конечно, онъ кричалъ, стучался въ дверь, но кто могъ его слышать и кто могъ догадаться, чтобы искать его въ этомъ потаенномъ мѣстѣ?

Семейство скупаго, не видя возвращенія его, находилось въ страшномъ безпокойствѣ. Его всюду искали; но тщетны

были всѣ поиски, и наконецъ рѣшили, что онъ или убитъ, или самъ на себя наложилъ руку. Въ этотъ промежутокъ времени, одинъ слесарь, слыша разговоры о случившемся, вспомнилъ, что этотъ скупой, когда-то заказывалъ ему по секрету сдѣлать желѣзную дверь съ пружиною, и предположилъ, что этотъ несчастный по неосторожности или по ошибкѣ, затворилъ самъ себя въ устроенной имъ темницѣ. Онъ сообщилъ свои предположенія членамъ семейства погибшаго, и отвелъ ихъ въ то удаленное мѣсто, гдѣ находилась подземная комната. Когда отворили дверь то страшное изумленіе и ужасъ объяли всѣхъ: предъ ними находился трупъ несчастнаго скупца, предавшійся тлѣнію и покрытый червями; онъ лежалъ среди несмѣтнаго количества золота, серебра и разныхъ драгоцѣнностей, среди собранныхъ имъ на свою погибель сокровищъ гнѣва и проклятія Господня.

Наказывалось сребролюбіе въ прошедшія времена, наказуется оно и въ настоящее время и будетъ наказано въ будущемъ вѣкѣ, по непреложному слову Апостола Павла: знайте, что никакой блудникъ, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолопоклонникъ, не имѣетъ наслѣдія въ царствѣ Христа и Бога (Ефес. 5, 5).

Чудесное спасеніе жизни Карамзина.

Русскій историкъ Ник. Мих. Карамзинъ, будучи 10 лѣтнимъ мальчикомъ, въ одинъ жаркій день, по своему обыкновенію, читалъ книгу подъ сѣнію дуба; его дядька старикъ сидѣлъ на травѣ въ десяти шагахъ отъ него. Вдругъ нашла туча и солнце закрылось черными парами. Дядька звалъ домой своего юнаго барина. „Погоди,“ отвѣчалъ тотъ, не спуская глазъ съ книги. Блеснула молнія, загремѣлъ громъ, пошелъ дождикъ. Старикъ непремѣнно хотѣлъ идти домой. Карамзинъ завернулъ книгу въ платокъ, всталъ и посмотрѣлъ на бурное небо. Гроза усиливалась: онъ любовался блескомъ молніи и шелъ тихо, безъ всякаго страха. Вдругъ изъ загустаго лѣса выбѣжалъ медвѣдь и прямо бросился на него. Двадцать шаговъ отдѣляютъ нашего маленькаго героя отъ неизбѣжной смерти; но онъ задумался и не видитъ опасности; еще секунда—двѣ и—несчастный будетъ жертвой яростнаго звѣря. Но въ это время грянулъ страшный громъ, какого юный Карамзинъ никогда еще не слыхалъ; казалось, что небо надъ нимъ обрушилось, и эта молнія обвилась вокругъ головы его. Онъ закрылъ глаза, упалъ на колѣни и только могъ сказать: „Господи.“ Чрезъ полминуты взглянулъ и—видитъ предъ собой убитаго громомъ медвѣдя. Дядька насилу могъ образумиться и сказать ему, какимъ чудеснымъ образомъ Богъ спасъ его отъ неминуемой смерти. Карамзинъ

все еще стоялъ на колѣняхъ, дрожалъ отъ страха и дѣйствія электрической силы; наконецъ устремилъ глаза на небо и не смотря на черныя густыя тучи, онъ видѣлъ, чувствовалъ тамъ присутствіе Бога—Спасителя. Слезы его лились градомъ; онъ молился въ глубинѣ души своей, съ пламенною ревностію, какъ младенецъ; и молитва его была... благодарность. „Читатель! вѣрь или не вѣрь, но этотъ случай не выдумка." Такими словами заканчиваетъ этотъ замѣчательный разсказъ Карамзинъ въ своей автобіографіи, написанной имъ подъ заглавіемъ „Рыцарь нашего времени" (Корм. 1894 г).

Трудися для неба.

Мы идемъ по широкой дорогѣ
И отъ правды ушли далеко:
Мы забыли объ истинномъ Богѣ
И попрали завѣты Его.
Ненавидимъ наставниковъ добрыхъ:
Они правдой намъ колятъ глаза...
Уважаемъ богатыхъ, хоть гордыхъ,
Бѣдняка-жъ насъ не тронетъ слеза.
Себя любимъ, другихъ презираемъ
И стараемся знатными быть!
За ничто мы другихъ осуждаемъ,
Но свой грѣхъ постараемся скрыть..
Жизнь свою мы проводимъ безпечно,
Лишь грѣшимъ каждый часъ, каждый день,
И не видимъ, что жизнь скоротечно,
Незамѣтно проходитъ какъ тѣнь.
Забываемъ, что Богъ всѣхъ насъ любитъ
И велитъ намъ другъ друга любить,
И того, кто завѣтъ не забудетъ,
Обѣщается въ вѣкъ наградить!...
Скоро время идетъ!... И настанетъ,—
Когда мы будемъ ровные всѣ:
И богатый и бѣдный предстанетъ
Дать отчетъ о всемъ прошломъ—Судьѣ.

Ѳ. Игнатовъ.

Изъ дневника православнаго христіанина.

Исцѣленія и помощь по молитвѣ къ св. великомученику Пантелеимону.

(Разсказъ приходскаго священника).

Недавно къ иконѣ великомуч. Пантелеимона, находящейся въ Сосницкомъ храмѣ Полоцкаго уѣзда, принесена прекрас-

ная рама однимъ изъ жителей г. Витебска, Э. И. Г., состоящимъ на службѣ по министерству юстиціи, семейство котораго сряду нѣсколько лѣтъ проживало въ нашей мѣстности на дачѣ, въ лѣтнюю пору. Навѣщая свое семейство, г. Г. ежегодно, въ день памяти великомученика Пантелеимона, посѣщалъ нашъ храмъ и просилъ отслужить молебенъ предъ образомъ сего угодника Божія; во время молебна онъ всегда горячо молился. Заинтересованный этимъ, я возъимѣлъ нескромность спросить Г., „почему онъ особенно благодарно чтитъ великомученика Пантелеимона?“ Въ отвѣтъ на это жертвователь сказалъ: „въ жизни моей были нѣкоторыя обстоятельства, при которыхъ я испыталъ дивныя милости Господни, чрезъ посредство сего угодника Божія, заставившія меня во всю жизнь благоговѣйно чтить и благодарственно прославлять его. Не очень давно, говорилъ жертвователь, я былъ опасно боленъ общимъ разстройствомъ организма. Сначала меня лѣчили въ Витебскѣ, потомъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и Самарѣ и, наконецъ, въ Ялтѣ. Положеніе мое стало столь опаснымъ, что врачи посовѣтовали мнѣ ѣхать на родину и я возвратился домой едва живымъ, съ твердымъ намѣреніемъ оставить всякое лѣченіе и предать себя въ руцѣ Божіи. По возвращеніи домой, прежде всѣхъ посѣтилъ меня письмоводитель мой, который обратился ко мнѣ съ такими словами: въ отсутствіе ваше мы много молились о здравіи вашемъ, но вижу, что молитвы наши не помогали вамъ. Вотъ вамъ иконка великомученика Пантелеимона: помолитесь теперь предъ нею вы сами. Угодникъ Божій упроситъ Отца небеснаго спасти васъ отъ смерти, возстановить ваши силы, и возвратить вамъ здоровье.“ Съ глубокою вѣрою, продолжалъ жертвователь, я принялъ добрый совѣтъ и, съ твердымъ упованіемъ на благодатную помощь цѣлителя Пантелеимона, сталъ молиться предъ образомъ его, повѣсивъ образъ при одрѣ своемъ. Скоро я почувствовалъ себя лучше, затѣмъ сталъ выздоравливать и наконецъ, сдѣлался совершенно здоровымъ.

Такая видимая милость Божія, помогавшая мнѣ избавиться отъ болѣзни, безъ лѣченія, по предстательству великомученика Пантелеимона, заставила меня навсегда прибѣгать съ молитвой къ сему угоднику Господню; а иконописное изображеніе великомученика, принесенное въ даръ мнѣ, сдѣлалось съ тѣхъ поръ неоцѣненною святынею моего дома. Къ сожалѣнію, недолго мнѣ пришлось владѣть сею святынею. Приходитъ какъ то разъ женщина-крестьянка и съ горькими слезами разсказываетъ, что у нея дочь въ домѣ умираетъ. Сжалившись надъ бѣдною матерью, я преподалъ ей кое-какіе совѣты и вручилъ ей икону великомученика Пантелеимона, настаивая, чтобы она, возвратившись домой, немедленно просила мѣстнаго священника отслужить предъ иконою молебенъ о здравіи больной и затѣмъ возвратила намъ святыню моего

дома. Но женщина эта не возвратила мнѣ иконы. Я былъ настолько довѣрчивъ, что не спросилъ тогда: откуда эта женщина, гдѣ она живетъ; а въ слѣдствіе сего не могъ и принять мѣръ къ розысканію своей святыни.

Спустя нѣкоторое время послѣ сего заболѣлъ у меня сынъ малютка. Консиліумъ врачей призналъ его положеніе безнадежнымъ. Идя на службу, подъ давленіемъ горестныхъ чувствъ я помолился горячо и далъ обѣтъ: выписать икону великомученика Пантелеимона съ тѣмъ, чтобы поставить ее въ своемъ приходскомъ храмѣ, на поклоненіе людямъ. И малютка оправился и находится въ полномъ здравіи до сего дня. Икона выписанная находится нынѣ въ Покровскомъ храмѣ г. Витебска: предъ нею стоитъ аналой, на которомъ лежитъ всегда житіе великомученика Пантелеимона.

..Вотъ почему я глубоко почитаю великомученика Пантелеимона и въ день мамяти его, совершаемой св. Церковію 27 іюля, гдѣ бы я ни былъ, всегда стараюсь побыть въ храмѣ Божіемъ и помолиться ему.

Этими словами жертвователь окончилъ свой поучительный разсказъ о чудныхъ обстоятельствахъ въ жизни, которыя наряду съ другими подобнаго рода случаями, совершившимися въ безчисленномъ множествѣ, по молитвамъ Святыхъ, свидѣтельствуютъ, что и нынѣ дивныя дѣла Божія можетъ видѣть и испытать на себѣ всякій вѣрующій человѣкъ, лишь бы онъ молился съ теплой вѣрой и твердымъ упованіемъ на Бога. (Воскр. Чтеніе 1889 г.).

Въ журналѣ „Вѣстникъ военнаго духовенства,“ благочинный 28-й пѣхотной дивизіи, священникъ А. Измайловъ, разсказываетъ о слѣдующемъ замѣчательномъ случаѣ выздоровленія одной особы въ то время, когда врачебная помощь для нея оказалась безсильною. Этотъ случай, происшедшій въ 1894 году въ С. пѣхотномъ полку, ничѣмъ не можетъ быть объяснимъ, какъ только силою молитвы. Вотъ какъ это было. Въ С. полку, квартировавшемъ въ уѣздномъ городѣ К., состоялъ на службѣ подполковникъ Е. И. Л., въ семействѣ котораго была жена и единственный сынъ, мальчикъ лѣтъ около девяти. Совершенно неожиданно для всѣхъ эту семью постигло большое несчастіе: хозяйка дома была разбита параличемъ; вся лѣвая сторона у нея отнялась, лице искривилось, и языкъ не дѣйствовалъ, больная не могла ни ходить, ни вставать съ постели. Можно себѣ представить, сколько горя причинило это несчастіе семейству! По обыкновенію, прежде всего обратились къ врачебной помощи. Любящій и убитый горемъ мужъ не жалѣлъ средствъ на лѣченіе своей дорогой супруги: были приглашены всѣ мѣстные врачи, какъ военные, такъ и городскіе, а нѣкоторые находились при больной безотлучно. Но никакія средства не помогали: болѣзнь постепенно усиливалась и осложнялась, аппетитъ у боль-

ной пропалъ, и упадокъ ея силъ былъ настолько великъ, что она уже не въ состояніи была ни говорить ни пошевелить рукой или ногой. Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ; наконецъ, и сердце стало отказываться отъ работы. Врачи единогласно пришли къ заключенію, что дни и часы больной сочтены. Въ это время при больной была ея мать-старушка, пріѣхавшая изъ южныхъ губерній навѣстить свою дочь. И вотъ она-то, видя свою дочь безнадежною, 25-го мая 1894 года, рано утромъ, является къ полковому священнику и, обливаясь слезами, проситъ его исповѣдать и причастить больную, а также и отслужить молебенъ въ церкви о здравіи болящей. Священникъ тотчасъ отправился со Святыми Дарами къ больной на квартиру. Во время исповѣди больная выслушала отъ своего духовнаго отца слова утѣшенія и съ этого времени стала какъ-будто спокойнѣе; мутный ея взглядъ прояснился—и вѣрующій ея взоръ направился къ святымъ иконамъ. Послѣ же причащенія Святыхъ Таинъ, съ трудомъ ею принятыхъ, она пожелала осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ и и при помощи другихъ перекрестилась. Затѣмъ, священникъ и мать больной отправились въ полковую церковь помолиться о болящей рабѣ Божіей Ю. Тамъ былъ отслуженъ молебенъ съ акаѳистомъ св. великомученику и цѣлителю Пантелеимону. И, дивное дѣло! Безнадежно больная съ этого дня стала поправляться. Силы ея, при правильномъ питаніи, начали возстановляться до полнаго выздоровленія. Сама эта женщина, и нынѣ здравствующая на радость семьѣ и роднымъ своимъ и въ назиданіе очевидцамъ ея тяжкой болѣзни, засвидѣтельствовала по выздоровленіи своемъ, что слово утѣшенія духовнаго отца и молитва пролили въ ея душу свѣтлый лучъ надежды на помощь Божію, и съ этого времени ей сдѣлалось лучше. Въ знакъ же своей молитвенной благодарности къ Господу Богу, благодѣющему о ней по молитвамъ св. великомученика Пантелеимона, она соорудила икону Великомученика въ серебряной ризѣ, съ вырѣзанными на ней словами „25-го мая 1894 года,“ и принесла ее въ даръ полковой церкви. (Прилож. къ „Сельск. Вѣстн.“ 1898 г. кн. 2).

Вразумленіе отступникамъ отъ св. православной Церкви.

Въ городѣ Н—вѣ жилъ православный, портной И. С—въ, который подпалъ, около 20 лѣтъ тому назадъ подъ вліяніе раскольниковъ и оставилъ православную Церковь.

Женился онъ на раскольницѣ, обзавелся раскольничьей семьей и въ концѣ концовъ сдѣлался ярымъ защитникомъ раскола и злостнымъ хулителемъ св. православной Церкви и ея пастырей. На увѣщаніе же православныхъ — его знакомыхъ — „образумиться“ всегда отвѣчалъ бранью на св. Цер-

ковь и восхвалялъ расколъ. И что же? Отступилъ отъ него и Богъ. Вначалѣ онъ былъ человѣкомъ добросовѣстнымъ, честнымъ, безусловно трезвымъ, имѣлъ у себя достаточное количество мастеровыхъ,—имѣлъ массу заказной портняжской работы и пользовался широкой репутаціей добросовѣстнаго и безукоризненнаго портнаго. Потомъ, когда врагъ имъ овладѣлъ, дѣла его измѣнились въ другую совершенно сторону: заказы работъ уменьшились, число рабочихъ сократилось, матеріальныя средства его слишкомъ ухудшились и онъ началъ „пить", а впослѣдствіи попалъ въ число зауряднымъ пьяницъ, нерѣдко вытрезвляясь въ полицейскомъ участкѣ. Ведя такой образъ жизни, онъ еще больше одебелѣлъ сердцемъ и еще больше ожесточился на св. православіе и православныхъ. Но милосердый Богъ, наконецъ, положилъ предѣлъ Своему долготерпѣнію и кара Божія свершилась надъ отступникомъ и хулителемъ св. Церкви.

Въ концѣ января мѣсяца 1900 года онъ былъ доставленъ ночью домой мертвымъ, и медицинскимъ вскрытіемъ обнаружено было, что онъ умеръ отъ водки, выпитой имъ въ чрезмѣрномъ количествѣ. Православные увидѣли въ этомъ кару Божію. За нѣсколько дней до своей смерти, онъ, какъ разсказываютъ, велъ пренія о вѣрѣ съ нѣкоторыми изъ православныхъ, при чемъ ругалъ и поносилъ св. Церковь и ея пастырей, а расколъ восхвалялъ, на что одинъ изъ православныхъ сказалъ ему: „оставилъ ты св. Церковь, да еще и ругаешься надъ ней: погибнешь ты, какъ скотина." И предсказаніе это, дѣйствительно, сбылось, ибо, какъ умершій отъ водки, онъ былъ зарытъ въ землю внѣ кладбища, безъ христіанскаго погребенія, даже раскольничьяго чинопогребенія лишился. Вотъ примѣръ, одинъ изъ многихъ, участи отступниковъ отъ св. православной Церкви; вотъ какъ иногда заканчивается земная жизнь хулителей св. православія: а въ загробной жизни участь такихъ людей должна быть еще ужаснѣе, ибо тамъ ихъ ожидаетъ вѣчная мука въ гееннѣ огненной. (Черн. Е. В.).

Кара Божія.

Въ ночь съ 15 на 16 число августа мѣсяца 1898 г. въ имѣніе N. былъ, по словамъ „Сар. Еп. В.", слѣдующій ужасный случай во время молотьбы хлѣба.

Въ хозяйствѣ N молотятъ хлѣбъ обыкновенно паровыми молотилками артелями крестьянъ: при каждой молотилкѣ находится до 60 человѣкъ обоего пола. Хлѣбъ размѣщается по хуторамъ и тамъ, на открытомъ воздухѣ, совершается молотьба. Рабочіе дѣлаютъ себѣ изъ соломы шалаши, съ одной только лазейкой вмѣсто двери, и цѣлыми десятками набиваются туда на ночь, затыкая наглухо (отъ мухъ и комаровъ) единственное выходное отверстіе.

Трудно приходится рабочимъ на молотилкахъ; тамъ работаютъ не менѣе 18 часовъ въ сутки, почему рабочіе въ такую короткую ночь, спятъ замертво. Означеннаго 15 числа рабочіе, въ виду хорошаго заработка, подвыпили всѣ, даже и подростки, и повалились въ своихъ шалашахъ. Съ вечера между нѣкоторыми изъ молодежи произошла ссора и драка.. Такъ они провели праздникъ „Успенія Божіей Матери" частію въ пьянствѣ, ссорѣ и дракѣ....

Нужно замѣтить, что у N существуетъ правило: рабочимъ и всѣмъ служащимъ не признавать никакихъ праздниковъ; кто не хочетъ работать въ праздники, тѣхъ и не нанимаютъ. Между тѣмъ, крестьяне одного изъ приходовъ въ этомъ имѣніи, изъ каковаго прихода и эти рабочіе, по случаю бывшаго у нихъ сряду два года неурожая хлѣба (поѣдалъ червь), дали клятву Богу „свято чтить праздники", и, для всегдашняго напоминанія себѣ объ этой клятвѣ, соорудили въ свой храмъ икону „Воскресенія Христова," пріурочивъ эту жертву къ событію въ Царствующемъ Домѣ 17 октября 1888 г. Соотвѣтственно всему этому и сдѣлана надпись на иконѣ. Но „громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится." При благополучіи все это забыто. Когда приходскій священникъ дѣлаетъ напоминаніе и увѣщаніе прихожанамъ, то они обыкновенно съ грустью отвѣчаютъ: „Живемъ мы, извѣстно тебѣ, больше заработками у N, а тамъ, ты самъ знаешь праздниковъ не признаютъ и принуждаютъ работать..." Такъ, по обыкновенію, было и сего 15 августа. Но „Богъ поругаемъ не бываетъ," хотя и долго терпитъ. Ровно въ 12 час. ночи одинъ изъ описанныхъ рабочихъ шалашей, по неизвѣстной причинѣ, загорѣлся. Тамъ спало 13 рабочихъ. Всѣ они пробудились, когда были уже въ дыму и въ пламени. Нѣкоторые успѣли попасть въ выходъ, нѣкоторые (посильнѣе) прорыли солому, гдѣ попало, поплатившись незначительными обжогами. Но двое обгорѣли такъ, что въ этотъ же день умерли въ страшныхъ мученіяхъ. Тотчасъ же ихъ отправили въ больницу ближайшаго города N. Когда ихъ везли городомъ по каменной мостовой (въ 2 часа ночи), то они такъ неистово кричали, что переполошили чуть не весь городъ. Пострадавшіе—оба мальчики 14 и 16 лѣтъ, дѣти достаточныхъ родителей. Тяжелая картина была при похоронахъ ихъ! Нечего говорить о горѣ родителей; все село навзрыдъ плакало, провожая умершихъ и въ храмъ и на кладбище.... Среди самихъ крестьянъ слышно было: „невинныя дѣти пострадали за наши грѣхи."

Всѣ эти 13 чел. могли бы сгорѣть, но чудомъ Божіимъ остальные были спасены. Одному изъ нихъ — мальчику — во снѣ явился „какой-то старецъ" (какъ онъ разсказываетъ всѣмъ) и говоритъ: „Эй, молодецъ! вставай, не то сгоришь." Мальчикъ тотчасъ вскочилъ. Кругомъ уже былъ дымъ и пла-

мя. Но онъ спалъ около выхода и выскочилъ совершенно невредимымъ, произведя тревогу.

Сколько бываетъ подобныхъ случаевъ, гдѣ явно Господь предостерегаетъ насъ: но мы остаемся глухи къ голосу Его. Давая *заповѣдь о почитаніи праздниковъ,* ужели всемогущій и всевѣдующій Богъ не знаетъ нашихъ нуждъ? И не для *всѣхъ* ли обязательна эта заповѣдь?

Троицкіе листки № 61.

Что такое вѣра?

(Изъ твореній св. Димитрія Ростовскаго).

Что означаетъ слово *вѣра;* какой его смыслъ, и почему именно вѣра называется *вѣрою?..* По ученію св. апостола Павла, *вѣра есть осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ* (Евр. 11, 1); по словамъ св. Іоанна Дамаскина, „вѣра есть то, на что мы надѣемся, и увѣренность въ вещахъ невидимыхъ"; по замѣчанію св. Златоуста, „вѣра есть взглядъ на неизвѣстное"... Итакъ, по толкованію великихъ учителей вселенскихъ, вѣровать можно только въ то, чего не видишь: потому вѣра и называется *вѣрою,* что вѣрятъ въ то, чего не видятъ. Изъяснимъ это подробнѣе.

Вѣра есть то, чего очи плотскія не видятъ и руки не осязаютъ, но сердце и умъ несомнѣнно утверждаютъ, что это должно быть именно такъ, а не иначе. Напримѣръ, мы не видимъ Бога, потому что Бога *никтоже* видѣ нигдѣже, какъ говоритъ св. евангелистъ Іоаннъ Богословъ (Іоан. 1, 18), но

несомнѣнно вѣруемъ, что Богъ есть,—это и есть вѣра. Мы не видимъ Троическихъ лицъ во Единомъ Божествѣ и не постигаемъ того, какимъ образомъ Троица пребываетъ въ Единицѣ и Единица въ Троицѣ, но несомнѣнно вѣруемъ тому, что единый Богъ есть Троица Пресвятая,—это и есть вѣра. Мы не видѣли и умомъ своимъ не можемъ постигнуть, какимъ образомъ Богъ Слово содѣлался плотію въ утробѣ Дѣвы и какъ родился безсѣменно, сохранивъ Пречистую Матерь Свою Дѣвою предъ рожденіемъ, во время рожденія и послѣ рожденія, но несомнѣнно вѣруемъ, что это было такъ,—это и есть вѣра. Въ пречистыхъ Христовыхъ Тайнахъ, подъ видомъ хлѣба и вина, мы не видимъ человѣческой плоти и человѣческой крови Сына Божія, однакоже вѣруемъ, что въ Евхаристіи преподаются истинное Тѣло и истинная Кровь Христовы,—это и есть вѣра. Плотскими очами нашими мы не видимъ Пресвятой Владычицы Богородицы, соцарствующей на небѣ Сыну Своему и Богу и ходатайствующей о насъ, грѣшныхъ рабахъ Своихъ, однакоже вѣруемъ, что Она соцарствуетъ Христу и о насъ ходатайствуетъ,—это и есть вѣра. Мы не видимъ святыхъ угодниковъ, которые въ торжествующей на небѣ Церкви предстоятъ престолу Божію и молятся о насъ, но вѣруемъ въ то, что они предстоятъ и молятся,—это и есть вѣра. Никто изъ насъ не видитъ св. ангела-хранителя своего; тѣмъ не менѣе мы вѣруемъ, что при каждомъ изъ послѣдователей Христовыхъ находится данный при крещеніи ангелъ-хранитель,—это и есть вѣра. Мы не видимъ вѣнцевъ славы небесной, приготовленной для тѣхъ, которые любятъ Бога, не видимъ и адскихъ мученій, уготованныхъ для нераскаянныхъ грѣшниковъ, однакоже вѣруемъ въ то, что каждому будетъ воздаяніе по дѣламъ его,—это и есть вѣра. Мы не видимъ, какъ мертвые возстаютъ изъ гробовъ, но вѣруемъ и ожидаемъ, что будетъ воскресеніе мертвыхъ въ послѣдній день,—это и есть вѣра. Кратко сказать, вѣра есть то, чего мы не видимъ, но во что вѣруемъ,—есть извѣщеніе (осуществленіе) *вещей невидимыхъ*.

Напротивъ, все, что очи наши видятъ и руки осязаютъ, не есть вѣра, какъ говоритъ о томъ и св. апостолъ Павелъ: *надежда, когда видитъ, не есть надежда; ибо если кто видитъ, то чего ему и надѣяться* (Римл. 8, 24)? *Теперь мы видимъ, какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда лицемъ къ*

лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно тому, какъ я познанъ. А теперь пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь, но любовь изъ нихъ больше (1 Кор. 13, 12—13). Итакъ, любовь больше вѣры и надежды: поелику любовь, по слову того же св. Апостола, *николиже отпадаетъ,*—любовь никогда не перестаетъ любить, а вѣра и надежда прекратятся. Вѣра и надежда пребываютъ въ насъ только до тѣхъ поръ, пока мы находимся на землѣ, пока не видимъ Бога лицемъ къ лицу, пока не получимъ тѣхъ благъ, которыя уготованы на небѣ для любящихъ Бога, которыхъ *око не видѣ, ухо не слыша*, которыя *и на сердце человѣку не взыдоша.* Вѣруемъ ли мы, напр., что въ будущей жизни узримъ Бога,—вѣруемъ до тѣхъ поръ, пока дѣйствительно не увидимъ Господа. Надѣемся ли получить блага небесныя,—надѣемся до тѣхъ только поръ, пока подлинно не получимъ ихъ. Подлинно, вѣра и надежда существуютъ лишь до времени, лишь до тѣхъ поръ, пока мы не увидимъ своими глазами то, во что вѣровали, и пока не получимъ то, что надѣялись получить; любовь же николиже отпадаетъ. Когда мы сподобимся быть въ Царствѣ Небесномъ (если только сподобимся) и увидимъ тамъ Бога, тогда престанетъ вѣра, такъ какъ уже лицемъ къ лицу увидимъ Того, въ Кого вѣровали; тогда престанетъ и надежда, поелику мы будемъ уже имѣть то, что ранѣе надѣялись только получить. Но любовь никогда не престанетъ, ибо тамъ — на небѣ вѣчно мы будемъ любить Бога, святыхъ Его и другъ друга. Когда осуществится то, во что мы вѣруемъ и на что надѣемся, тогда наипаче и будетъ царствовать любовь безконечная. Почему же вѣра и надежда престанутъ? Потому, что то, во что мы вѣруемъ теперь, увидимъ на небѣ своими очами, и то, на что мы уповаемъ теперь, получимъ тамъ въ свои руки...

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что только то есть вѣра, чего мы не видимъ очами, но во что вѣруемъ сердцемъ; напротивъ, все, что мы видимъ и осязаемъ, не есть уже вѣра. Такъ ли понимаютъ вѣру нашу глаголемые старообрядцы? Старая икона,—вотъ ихъ вѣра; осьмиконечный крестъ,—вотъ ихъ вѣра; семь просфоръ при литургіи—вотъ ихъ вѣра; старыя книги,—вотъ ихъ вѣра; двуперстіе,—вотъ ихъ вѣра... Жалости достойное ослѣпленіе! Развѣ старая икона—Богъ? Развѣ число концовъ у креста—Богъ? Развѣ число просфоръ—Богъ

Развѣ старыя книги—Богъ? Развѣ сложеніе перстовъ—Богъ? Свята честная икона, но она не—Богъ. Свята просфора, запечатлѣнная печатію креста Христова, но и она не—Богъ. Досточтимо и сложеніе перстовъ для крестнаго знаменія, но и это не—Богъ. Все это суть церковныя преданія, которыя мы должны свято чтить и хранить, но не—самая вѣра. Аминь.

Духъ времени.

Какъ часто приводится слышать отъ людей, такъ называемыхъ, *современныхъ* модное выраженіе: „духъ времени". Этимъ словомъ стараются не только объяснить, но и оправдать различныя нравственныя уклоненія отъ заповѣдей Божіихъ и постановленій Церкви извѣстной среды современнаго общества, обвѣянной *всякимъ вѣтромъ ученія.*

Что-жъ это за духъ? Не тотъ-ли *духъ злобы, духъ лестчій,* который искони уловляетъ человѣчество въ погибель?

Отъ начала міра, по Свящ. Писанію, извѣстны намъ духи свѣтлые и духи темные. Къ какимъ же духамъ отнести новаго духа, духа времени? Свящ. Писаніе учитъ распознавать какой духъ отъ Бога и какой отъ діавола по характеру ихъ. Духъ Божій благопокорливъ, кротокъ, смиренъ, чистъ и имѣетъ всѣ нравственныя совершенства; духъ лукавый противоположенъ ему, почему и называется противникомъ Божіимъ.

Качество духовъ свѣтлыхъ: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. Качество духовъ падшихъ: гордость, надменіе, высокоуміе и всякая нечистота. Примите во вниманіе эти признаки и скажите: за какого духа слѣдуетъ признать духъ времени? Очевидно, что въ немъ нѣтъ плодовъ духовныхъ; напротивъ, въ немъ усматриваются проявленія духа тьмы. Не скрывайся, падшій ангелъ, духъ времени, противникъ Божій. Ты всѣмъ заявляешь о своемъ существованіи, и только слѣпыхъ можешь увѣрить, что ты—свѣтъ. Нѣтъ, тьма никогда не была и не будетъ свѣтомъ! Ты только лжешь и прельщаешь невнимающихъ своему спасенію, и кто тебѣ не покоряется, того ты злобно преслѣдуешь, нападая на духъ его и на тѣло, какъ напалъ на многострадальнаго Іова, побѣдившаго тебя смиреніемъ. Ты избилъ великаго Антонія, едва живымъ оставилъ Макарія Великаго; такъ поступаешь ты и нынѣ съ вѣрными служителями Бога, нанося имъ всякаго рода раны. Но не спѣши торжествовать надъ истязуемыми тобою. Они поютъ уже побѣдную пѣснь предъ Тѣмъ, Кто Самъ, по неизреченной любви и снисхожденію къ роду человѣческому, за грѣхъ человѣка принялъ страданія, распятіе и смерть..

Въ началѣ христіанства духъ времени тысячами мучилъ

и убивалъ вѣрующихъ во Христа. Духъ времени внесъ въ міръ секты, расколы и ереси; духъ времени насѣялъ въ человѣчествѣ гордость, зависть, ревность, непокорство, высокоуміе, надменіе, тщеславіе и осужденіе ближняго, невѣріе, хулу на Бога, на Пречистую Его Матерь и на избранныхъ Божіихъ, привлекая къ себѣ, чрезъ агентовъ своихъ, какъ къ пророку и прорицателю, и сообщая въ различныхъ формахъ гаданія, ложь, все злое и неприличное уму и сердцу человѣческому. Духъ времени побуждаетъ человѣчество къ нарушенію заповѣдей Божіихъ, къ неисполненію Апостольскихъ и соборныхъ постановленій. Духъ времени вноситъ въ христіанскія общества языческіе обычаи и все скверное и нечистое, о чемъ, по слову Апостола, не лѣть есть и глаголати. Во всемъ сообщаетъ онъ лесть и обманъ, преобразуясь иногда, для обольщенія человѣка, даже въ ангела свѣтла, понуждая его то къ молитвѣ, то къ неразумному пощенію и другимъ добрымъ дѣламъ, но только такъ, чтобъ эти дѣла были дѣлаемы не во славу Божію, не съ должнымъ смиреніемъ и не въ духѣ покаянія, а въ духѣ гордости и тщеславія. Когда св. Антоній Великій увидѣлъ распростертыя сѣти діавола, то спросилъ съ глубокимъ вздохомъ: „кто возможетъ освободиться отъ этихъ сѣтей"?—„Смиренномудріе, сказано было ему, спасается отъ нихъ"—Какая же, послѣ сего, требуется осторожность въ жизни человѣческой! Только при большомъ вниманіи къ себѣ и блюденіи ума и сердца можно, при помощи Божіей, избѣжать сѣтей льстиваго духа времени. Человѣкъ, слѣдовательно, всегда долженъ быть на стражѣ, какъ воинъ Христовъ, внимая словамъ архистратига Божія: „вонмемъ! Станемъ добрѣ предъ сотворшимъ ны и не помыслимъ противная Богу!" (Мин. 8-го ноября).

Примкнемъ же и мы къ полкамъ небесныхъ силъ; Господь далъ намъ крестъ Свой оружіемъ на діавола; Онъ Самъ поведетъ насъ и путь спасенія Самъ укажетъ. *Азъ есмь путь, истина и животъ,* говоритъ Онъ въ Своемъ Евангеліи. *Азъ есмь дверь, Мною аще кто внидетъ, спасется, и внидетъ и изыдетъ и пажитъ обрящетъ. Азъ есмь пастырь добрый, и знаю Моя и знаютъ Мя Моя; яко-же знаетъ Мя Отецъ, и Азъ знаю Отца и душу Мою полагаю за овцы.* (Іоан. 10, 14 и 15).

Но сохранило ли бѣдное человѣчество вѣрность Господу? Увы,—оно само сознаетъ то, что находится подъ вліяніемъ духа времени, сознаетъ свое безсиліе возстать противъ этого духа и работаетъ ему, какъ плѣнникъ. Намъ ли, возрожденнымъ и искупленнымъ страданіями Христовыми, работать этому духу? Нѣтъ, мы должны стать противъ него со всѣми небесными силами. „Станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ и устрашимся идти за всякимъ духомъ; не слѣдуетъ воину Христову томить себя недоумѣніемъ—къ какому лагерю при-

стать? Когда воины земныхъ царей уходятъ въ чужой лагерь, ихъ зовутъ измѣнниками и перебѣжчиками: не такъ же ли слѣдуетъ назвать и тѣхъ, которые бѣгутъ изъ Церкви православной и ищутъ у разныхъ духовъ и сектантовъ новыхъ истинъ или болѣе современныхъ ученій? Неужто недостаточна для нихъ Церковь православная, установленная Самимъ Господомъ, оправданная, свидѣтельствованная и прославленная знаменіями и различными духовными дарованіями? И какъ достаетъ ихъ духу говорить: „для насъ всѣ религіи равны"! Ядъ ученій еретическихъ такъ тонокъ, что нерѣдко случается и высокимъ умамъ заражаться имъ, и хулится имя Божіе во языцѣхъ изъ-за такихъ больныхъ членовъ Церкви православной...

Грустно слышать, когда иновѣрцы, видя жизнь такихъ православныхъ, говорятъ съ насмѣшкой: „да что у васъ теперь—постъ или большой праздникъ?"—„Кто же нынѣ соблюдаетъ посты и чтитъ праздники!"—отвѣчаютъ имъ совершенно спокойно обумоnecessary обуморенные духомъ времени, и подъ вліяніемъ его продолжаютъ субботствовать, забывая слова Церкви святой: *Се женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, егоже обрящетъ бдяща, недостоинъ же паки, егоже обрящетъ унывающа...*

Вѣрныя чада Церкви православной! Припадемъ къ подножію Креста Христова и восплачемъ предъ Господомъ сотворшимъ насъ и искупившимъ на крестѣ отъ клятвы законной! Прольемъ источники слезъ и въ умиленіи сердца возопіемъ, какъ нѣкогда Адамъ, сидя прямо рая, вопіялъ о своей наготѣ, рыдая: „Милостиве, помилуй мя падшаго!"

Всѣ подвижники благочестія и ученики Христовы скитались въ пустыняхъ, въ горахъ, въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ (Евр. 11. 28) собственно для того, чтобы сохранить слезы умиленія и любовь ко Христу. Они мертвы были для земли, но живы для Бога и предвкушали блаженную вѣчность, находясь еще на землѣ: это предвкушеніе и утверждало ихъ въ вышеестественныхъ подвигахъ. Истинныхъ подвижниковъ благочестія, по словамъ Апостола, никто и ничто не можетъ разлучить отъ любви Христовой.

Да укрѣпитъ Господь съ ними и насъ немощныхъ тещи вслѣдъ Его, да причтетъ избранному Своему стаду и да упасетъ на пажити Своихъ овецъ. (Изъ сочин. еписк. Игнатія Брянчанинова).

Слово въ день преставленія св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова.

(Протоіерея о. Іоанна Кронштадтскаго).

Насталъ обычный праздникъ памяти св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова, день его славнаго преставленія

отъ земли на небо послѣ величайшихъ трудовъ его благовѣстія. Онъ называется Евангелистомъ потому, что написалъ, по вдохновенію отъ Бога, послѣднее по порядку Евангеліе, въ глубокой старости, послѣ всѣхъ трехъ евангелистовъ и дополнилъ многое изъ жизни и изреченій Христа Спасителя, чего не сказали первые три евангелиста: Матѳей, Маркъ и Лука, и многое опустилъ изъ того, что было сказано ими. Онъ написалъ еще три краткія соборныя посланія и книгу Апокалипсисъ, или Откровеніе, о послѣдней судьбѣ міра. Называется онъ Богословомъ потому, что въ Евангеліи, имъ написанномъ, онъ изложилъ высокое богословіе о второмъ Лицѣ Св. Троицы—о Богѣ Словѣ, о Его предвѣчномъ, безначальномъ рожденіи отъ Бога Отца и сотвореніи Имъ міра видимаго и невидимаго. *Вся Тѣмъ быша и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. 1, 3), возглашаетъ онъ въ началѣ своей громогласной проповѣди. Такимъ образомъ, мы имѣемъ отъ св. апостола Іоанна Богослова истинное и полное, и всѣмъ доступное богословіе о Богѣ Словѣ, или Господѣ Іисусѣ Христѣ, а вмѣстѣ и о Богѣ Отцѣ и о Св. Духѣ, третьемъ Лицѣ Св. Троицы, отъ Отца предвѣчно и собезначально исходящемъ—отъ единаго Отца,—но и не отъ Сына вмѣстѣ, какъ читаютъ нѣкоторые неправильно. Замѣтить надобно, что правильно богословствовать о Богѣ можетъ не всякій человѣкъ, ибо это не всякому дано отъ Бога, а только истинный христіанинъ, научившійся смиренномудрствовать и искренно вѣровать въ Бога согласно съ Церковью Божіей и имѣющій сердце чистое, такъ какъ о Богѣ, Источникѣ святости и чистоты, можетъ мудрствовать и говорить только очистившій себя *отъ всякой скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1),—и на основаніи Богооткровеннаго Евангелія; въ противномъ случаѣ, т.-е. если бы кто изъ міряиъ не имѣющій смиренія, и мнящій много о своемъ умѣ и учености, дерзнулъ мудрствовать и писать о Богѣ не на точномъ основаніи Евангелія, а по своему измышленію—какъ нашъ русскій богоотступникъ и богохульникъ графъ Левъ Толстой съ своими единомышленниками, — то онъ впалъ бы въ крайнее заблужденіе и ересь, ведущую въ погибель вѣчную. Ибо человѣкъ, кто бы ни былъ, безъ вѣры въ Бога и озаренія свыше даннымъ богословіемъ, слѣпъ и не знаетъ, что говоритъ, когда онъ дерзаетъ разсуждать о Богѣ; куда идетъ и ведетъ другихъ, и—проповѣдуетъ нелѣпое и пагубное ученіе. Такихъ вольнодумцевъ и отступниковъ отъ истиннаго евангельскаго ученія было много, и они, какъ зловредные и самочинные, самопрельщенные и нераскаянные, осуждены

Св. ап. и еванг. Іоаннъ Богословъ.

и отвергнуты Церковью, какъ и графъ Толстой. Да,—мудрствовать о Богѣ можетъ не всякій, еще повторяю, а только искренно вѣрующій, смиренный и чистый сердцемъ, человѣкъ совершенно благонамѣренный и обучившійся тайнѣ и наукѣ богословія отъ истинныхъ богослововъ, каковы были св. Апостолы и ихъ точные послѣдователи св. отцы и учители Церкви.

По причинѣ гордости и самомнѣнія, многіе, такъ называемые, ученые—за границей нашего отечества—взявшіеся не за свое дѣло и рѣшившіеся самовольно и самочинно разглагольствовать и писать о Богѣ и дѣлахъ Его въ св. Церкви и въ мірѣ (а въ числѣ ихъ и нашъ русскій писатель графъ Толстой), наговорили столько безумнаго, нелѣпаго, богохульнаго и гибельнаго безсмыслія и хулы на Бога и св. Церковь,—что нужно, крайне нужно, съ омерзеніемъ отвращать и слухъ и очи отъ дерзкаго глумленія ихъ надъ св. вѣрою и не имѣть съ ними ничего общаго, чтобы не заразиться отъ нихъ и зрѣніемъ, и слухомъ, потому что всякій грѣхъ заразителенъ, а хула на Бога особенно, по дѣйствію духа лести и злобы—діавола. Многіе легковѣрные или неблагонамѣренные люди изъ интеллигенціи и даже простыхъ, увлекшись ихъ безумнымъ ученіемъ, отпали отъ Бога и отъ Церкви и идутъ съ завязанными глазами въ вѣчную тьму и муку, позволяя себѣ безъ страха всякія беззаконія.

Мгла грѣховная, дьявольская закрыла глаза многимъ, и они не хотятъ видѣть Сына Божія. Выходитъ что-то нелѣпое и непонятное: мы отовсюду окружены полнымъ дневнымъ свѣтомъ—разумѣю Церковь и Писанія св. Апостоловъ и св. Отцевъ,—между тѣмъ многіе, многіе не видятъ свѣта и ходятъ во тьмѣ и желаютъ быть лучше во тьмѣ, а не во свѣтѣ. Разумѣю здѣсь какъ безбожниковъ и сектантовъ нашихъ, такъ и предавшихся пьянству, разврату или играмъ безпрестаннымъ и всякой суетѣ. Многіе ходятъ какъ бы во мглѣ, не видя свѣта и не желая видѣть его, между тѣмъ какъ свѣтъ православной вѣры и Церкви сіяетъ полнымъ свѣтомъ и готовъ озарить всѣхъ достойныхъ и смысленныхъ.

Странно и жалко видѣть христіанъ во тьмѣ заблужденія, ересей, сектъ и расколовъ, отступившихъ отъ свѣта Божія и остающихся во тьмѣ невѣжества, невѣрія и упорства. *Если бъ Я не пришелъ и не говорилъ имъ, то они не имѣли бы грѣха,* говорилъ Господь о книжникахъ и фарисеяхъ, *а теперь не имѣютъ извиненія во грѣхѣ своемъ* (Іоан. 15, 22).

Апостоле Христу Богу возлюбленне, ускори избавити люди безотвѣтны, пріемлетъ тя припадающа и ходатайствующаго о насъ, *иже падша на перси пріемый, Егоже моли, Богослове, и належащую мглу языковъ разгнати, прося намъ мира и велія милости.* Аминь.

Троицкіе листки № 62.

Изъ дневника православнаго христіанина.

Сила молитвы.

„Равное есть зло“, говоритъ Симеонъ Метафрастъ, „и еже глаголати неподобающая и еже молчати та, яже суть полезна и честна. Яко бо вредитъ мысли слышащихъ глаголяй нечестная; тако умалчиваяй добрая дѣянія святыхъ, лишаетъ благочестивыхъ пользы“. Въ обыденной жизни человѣчества бываютъ такіе рѣзкіе, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, случаи, что, когда внимательно всматриваешься въ ихъ значеніе, — видишь въ нихъ, какъ бы въ чистомъ источникѣ, ясные отпечатки, свидѣтельствующіе о всеуправляющемъ судьбами народовъ Промыслѣ Божіемъ, и—чѣмъ болѣе проникаешь въ сущность фактовъ, тѣмъ болѣе и болѣе сознаешь истину евангельскихъ словъ: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17); ясно угадываешь непреложное дѣйствіе Творческой силы; преклоняешься предъ всемогущимъ Промыслителемъ; сознаешь свое недостоинство, свою грѣховность, всечасно оскорбляющую Божіе милосердіе; облачаешься въ одежду смиренія и изъ глубины серд-

ца взываешь съ вѣнценоснымъ Давидомъ: *Господи, что есть человѣкъ, яко помниши его!*

Вотъ я передаю теперь фактъ, котораго былъ личнымъ свидѣтелемъ. Читатель увидитъ въ немъ чудодѣйственное явленіе силы небеснаго Промысла, Который и въ вѣкъ нынѣшняго оскудѣнія вѣры не лишаетъ насъ Своей благодати. Явленіе благодатнаго чуда было слѣдствіемъ молитвы, какъ нѣкогда одному изъ благочестивыхъ царей церкви подзаконной Езекіи, къ которому былъ посланъ пророкъ Исаія—возвѣстить опредѣленіе Божіе: *сія глаголетъ Господь*, вѣщалъ пророкъ болящему царю, *устрой о домѣ твоемъ, умираеши бо ты и не будеши живъ* (Исаіи 38, 1). Хотя труденъ и невыносимъ бываетъ для насъ болѣзненный одръ; хотя немощь до крайности истощаетъ физическія наши силы, и страданія берутъ перевѣсъ надъ терпѣніемъ; однако представленіе смерти ужасаетъ насъ и въ этомъ критическомъ состояніи намъ становится какъ-то жаль оставить этотъ прекрасный Божій міръ и переселиться въ безпредѣльную вѣчность. Такъ и Езекія, лишь только услышалъ отъ пророка опредѣленіе Того, въ десницѣ Котораго животъ и смерть человѣкомъ, тотчасъ обратилъ лице свое къ стѣнѣ и со смиреніемъ, изъ глубины сердца помолился Господу: *и плакася Езекія плачемъ великимъ* (Ис. 38, 3). И всеблагій Господь Сердцевѣдецъ, видя сокрушеніе и слезы благочестиваго царя, внялъ молитвѣ его и перемѣнилъ Свое опредѣленіе — еще прежде, чѣмъ Исаія успѣлъ выдти изъ царскаго двора: *и бяше Исаія еще посредѣ двора, и бысть слово Господне къ нему, глаголя: возвратися, и рцы Езекіи вождю людей моихъ: тако глаголетъ Господь Богъ Давида отца твоего: услышахъ молитву твою, и видѣхъ слезы твоя: се Азъ исцѣлю тя, и въ день третій взыдеши въ домъ Господень. И приложу къ лѣтомъ твоимъ лѣтъ пятьнадесять* (4 Цар. 20, 4. 5).

Таково было слѣдствіе молитвы благочестиваго іудейскаго царя, и благоволеніе Божіе къ нему въ вѣкахъ отдаленныхъ. *Милость Господня отъ вѣка и до вѣка на боящихся Его, и правда Его на сынѣхъ сыновъ, хранящихъ завѣтъ Его, и помнящихъ заповѣди Его творити я* (Псал. 102, ст. 17. 18). Милость Господня не оскудѣваетъ и донынѣ.

Въ г. О. въ П. переулкѣ есть уютный деревянный домикъ, принадлежащій о-му купцу К. Д. Щ. Домъ этотъ—переполненная чаша, изобилуетъ русскимъ радушіемъ—хлѣбомъ и солью, и всегда открываетъ привѣтливыя свои нѣдра для странника и пришельца. Но вотъ этотъ домъ, всегда веселый и радушный, нежданно-негаданно, превратился въ пріютъ печальный, унылый и полный скорби. Причина послѣдовавшей перемѣны была слѣдующая: радушный владѣлецъ его и отецъ живущаго въ немъ семейства внезапно сраженъ болѣзнію и мучится на своемъ одрѣ. Цѣлый консиліумъ

врачей каждый день окружаетъ постель его и совѣщается о способѣ лѣченія его болѣзни; микстуры ихъ, порошки, мази, пилюли только растравляютъ недугъ его, не подавая никакой помощи страждущему. Наконецъ, помощь человѣческая совершенно миновалась, врачи заявили, что „болѣзнь неизлѣчима". Но *отъ человѣкъ сіе невозможно есть, у Бога же вся возможна* (Матѳ. 19, 26). *Болѣзнь эта не къ смерти, а къ славѣ Божіей* (Іоан. 11, 4).

Больному день ото дня становилось хуже; врачи болѣе уже не посѣщаютъ; медикаменты уже исчезли. И вотъ, въ одинъ вечеръ, предсмертный одръ любвеобильнаго отца окружаютъ нѣжно взлелѣянныя имъ дѣти. Тихое мерцаніе лампады въ святомъ углу сумрачно обрисовываетъ слабымъ свѣтомъ зрѣлище приближающейся смерти. Больной, крайне исхудалый и блѣдный, лежитъ въ забытьи; смерть уже явственно заноситъ на него свою руку: кровь начинаетъ остывать, тѣлесные члены охладѣваютъ, цѣпенѣютъ, послѣднія силы истощаются обильно льющимся предсмертнымъ потомъ, и только тихое нервное дыханіе свидѣтельствуетъ, что въ немъ есть еще искра жизни. Но вотъ больной открылъ глаза: то были какъ бы послѣдніе лучи заходящаго солнца, угасающіе на западномъ горизонтѣ неба.

„Папаша!!!" завопили мать и дѣти, когда замѣтили это.

— „Конецъ мой близокъ, я умираю", произнесъ твердымъ голосомъ отецъ. „Какъ бы я желалъ еще разъ видѣть отца моего духовнаго, принять отъ него послѣднее благословеніе на загробный путь и поручить его попеченію и молитвамъ моихъ сирыхъ! Пошлите за нимъ, Вася!—продолжалъ онъ, обращаясь къ старшему сыну,—ты еще молодъ, только начинаешь жить. Слушай. Предъ неопытнымъ твоимъ взоромъ откроется со всѣми невзгодами житейское море и готово будетъ бурными волнами губительнаго порока увлечь тебя въ незримую пучину погибели. Въ минуту искушенія, сынъ мой, помни Бога!.. Онъ тебѣ помощникъ! Вотъ еще: нынѣ для юнаго сердца—вѣкъ опасный, вѣкъ колебанія умовъ и шатанія волей. Берегись, неопытный, въ вѣрѣ нетвердый юноша, берегись сообщаться съ погибельными сынами этого вѣка, затмевающими вѣру въ Творца и дерзающими посягать на все святое. Бѣгай ихъ: это—*порожденіе ехидны*,—бѣги отъ нея; иначе она ужалитъ тебя—на смерть вѣчную. „*Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его*!" тихо произнесъ больной и едва владѣющею рукой сдѣлалъ крестное знаменіе.

„У насъ, сынъ мой", продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, „всегда отперты были двери для бѣдняка и странника: не запирай ихъ и ты... Вотъ мать твоя... чти ее, благоговѣй предъ нею и имѣй къ ней уваженіе. Вотъ и дѣти,— ты будешь имъ отцомъ, когда не станетъ у тебя отца..."

Рыданія прервали этотъ монологъ умирающаго; отъ сильнаго волненія чувствованій онъ продолжать не могъ. „Скоро ли, батюшка? я чувствую... мнѣ тяжко... простите... Господи, прими мой...“ Послѣднія слова замерли на устахъ страдальца. Онъ вдругъ схолодѣлъ и лежалъ, какъ бездушный трупъ, доставшійся на долю осиротѣвшаго семейства. Зрѣлище было потрясающее. Въ ту же минуту кровные окружили одръ его... Раздирающій душу вопль, рыданіе, плачъ—ничто не могло пробудить отца ихъ отъ сна смертнаго!

И вотъ, въ минуту общаго сѣтованія осиротѣвшаго семейства, въ это тяжкое мгновеніе отчаяннаго плача и рыданія, вдругъ, будто Ангелъ, слетѣвшій нѣкогда съ неба къ плачущимъ у гроба Искупителя женамъ и благовѣстившій имъ радость велію (Матѳ. 28, 8),—четырехлѣтняя малютка, все время висѣвшая на шеѣ опечалившейся матери, и остававшаяся безмолвною свидѣтельницею общей скорби, говоритъ: „что же плакать? слезы не помогутъ намъ: давайте молиться Господу: Онъ воскресилъ сына бѣдной вдовицы,—будемъ молиться“,—и съ этимъ словомъ, спустившись съ рукъ матери, преклонила колѣна предъ иконами. Доселѣ все семейство находилось въ рѣшительномъ отчаяніи и самозабвеніи; но слова и дѣйствія малютки пронзили его, будто молнія, и пробудили въ немъ чувство жизни; въ скорбящихъ сердцахъ воскресла вѣра, и всѣ какъ бы повинуясь какой-то сверхъестественной силѣ, пали ницъ предъ всеблагимъ Господомъ. Воцарилась тишина: изъ глазъ обильно лились слезы умиленія; молитва вѣры въ благость Всемогущаго легко и свободно возносилась къ небу...

Кто изъ вѣрующихъ, въ годину испытаній, въ трудныя минуты жизни, не испыталъ на себѣ самомъ силу благодатнаго дѣйствія горячей молитвы къ Господу? Она—мать всѣхъ христіанскихъ утѣшеній, ключъ, отверзающій дверь милосердія Божія. Она для вѣрующихъ—вѣрная отрада въ скорби,—цѣльбоносный бальзамъ, врачующій болѣзни духа и плоти. „Кто“, скажемъ словами одного христіанскаго учителя, „не чувствовалъ, какъ она отъ чистаго сердца горѣ возсылается, небеса проницаетъ, и оттуду не возвращается тща, но низводитъ дары благодати, умудряющіе умъ и спасающіе души (см. предисловіе къ Часослову). Молитва и этого благочестиваго семейства не осталась тщетною; возсылаемая горѣ изъ глубины дѣтскаго, еще незапятнаннаго грѣхами, сердца, она проникла небеса, воспарила въ превыспренняя—къ престолу славы Вседержителя и низвела благодатный даръ чуда. Въ эти священныя минуты молящагося семейства, Господь *далъ вѣнецъ живота* (Апок. 2, 10) отцу *вѣрующихъ* (Матѳ. 17, 20),—и больной мертвецъ вдругъ какъ бы просыпается отъ сладкаго забвенія, молча объемлетъ взглядомъ все окружающее, дивится и не пони-

маетъ... „Дѣти! дѣти! что вы? что?“ произноситъ онъ, сходя съ одра смерти. Увидѣвъ это, дѣти съ невыразимымъ энтузіазмомъ хлынули къ нему: изумленіе и радость слились въ одно общее благодареніе Господу... „Господи! папашечка!..“ кричали они и бросились къ нему съ поцѣлуями. Картина была умилительная! перомъ не выразить того, что тутъ происходило... Отецъ падаетъ снова—молится и плачетъ; дѣти тоже плачутъ и молятся.

Сице Господь призрѣ на молитву смиренныхъ и не уничижи моленія ихъ. Да напишется сіе въ родъ инъ,—и людіе зиждеміи восхвалятъ Тя, Господи (Псал. 101, 18. 19). *Яко на небеси милость Твоя, и истина Твоя до облакъ. Правда Твоя яко горы Божія, судьбы Твоя бездна многа: человѣки и скоты спасеши, Господи! Яко умножилъ еси милость Твою Боже; сынове же человѣчестіи въ кровѣ крилу Твоею надѣятися имутъ* (Псал. 35, 6—8. „Странникъ“ 1866 г.).

С. Желтухинъ.

Богъ поругаемъ не бываетъ.

Въ Великомъ посту прошлаго года по дѣламъ службы мнѣ пришлось посѣтить деревни своего прихода Цѣпошникову и Вновь-Скородумскую, зараженныя расколомъ. Въ свободное отъ службы время мнѣ пришлось разговориться о той розни, которая существуетъ между православными и раскольниками. Сообщили мнѣ, что изъ сосѣдней дер. Дружининой пріѣзжали два безпоповскихъ наставника, принимали къ себѣ „на духъ“ и что болѣе шло раскольниковъ къ тому наставнику, который накладывалъ легкую эпитимію и менѣе поклоновъ.

Сообщали мнѣ еще объ одномъ случаѣ, бывшемъ лѣтомъ 1901 года; въ немъ всѣ православные деревень Цѣпошниковой и Вновь-Скородумской, по справедливости, усматриваютъ кару Божію за кощунство.

Лѣтомъ 1901 года были въ дер. Цѣпошникову принесены иконы (приносъ иконъ въ эту деревню явленіе очень рѣдкое по нежеланію прихожанъ). Крестьянинъ этой деревни, раскольникъ Григорій Даниловъ Поповъ, увидя суконныя хоругви, сказалъ: „навѣсили полотняныхъ-то идоловъ, да и носятъ“. Поповъ человѣкъ еще не старый, лѣтъ 50-ти, и здоровый сидѣлъ въ это время на заваленкѣ. И Богъ покаралъ его. Послѣ такихъ богохульныхъ словъ у него отнялись ноги, и ночью онъ умеръ неожиданно и незамѣтно для родныхъ.

Этотъ разсказъ сообщили мнѣ при священникѣ единовѣрческой церкви о. Іоаннѣ Шалабановѣ и и. д. псаломщика Леонидѣ Евладовѣ.

Припоминается намъ подобный же случай, бывшій лѣтъ 30 назадъ въ деревнѣ Вновь-Скородумской. Несмотря на то,

что это событіе было такъ давно, православные вспоминаютъ его очень часто и видятъ въ немъ наказаніе Божіе за непочтеніе къ свв. иконамъ. Въ то лѣто была сибирская язва, и крестьяне дер. Вновь-Скородумской принесли иконы для служенія молебновъ по дворамъ и полямъ, уповая, что Господь утолитъ болѣзнь. Когда изъ Заводо-Успенской церкви подносили иконы къ дер. Вновь-Скородумской, то шествіе шло чрезъ поле. Въ это время крестьянинъ этой деревни раскольникъ Степанъ Бѣлопуховъ работалъ въ полѣ съ народомъ. Нѣкоторые изъ рабочихъ, увидя свв. иконы, остановились, чтобы помолиться Богу, а другіе, можетъ-быть, просто хотѣли посмотрѣть шествіе. Степанъ Бѣлопуховъ тогда закричалъ на рабочихъ: „Что вы остановились и не работаете? Медвѣдя что-ли увидали“? и онъ палъ ницъ, чтобы не видать свв. иконъ. Вскорѣ послѣ этого Бѣлопуховъ почувствовалъ себя нехорошо; у него покосило ротъ, и онъ оставилъ работу. Въ тотъ же день, прежде даже, чѣмъ обошли съ иконами деревню, онъ умеръ въ тяжкихъ мукахъ отъ сибирской язвы.

Эти два случая наказанія Божія за непочтеніе свв. иконъ да послужатъ для сектантовъ и раскольниковъ вразумленіемъ, а православныхъ утвердятъ въ необходимости и пользѣ почитанія свв. иконъ („Тоб. Еп. В.“ 1904 г.).

Священникъ *С. Унжаковъ.*

Обязанности христіанскія.

(Слово къ Новогородской паствѣ блаж. Епископа Луки Жидяты. *).

Прежде всего, братія, вотъ какую заповѣдь всѣ мы, христіане, должны содержать твердо: вѣровать въ единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, во Отца и Сына и Св. Духа, какъ научили Апостолы и утвердили св. отцы въ символѣ вѣры: «Вѣрую во единаго Бога» и прочее до конца. Вѣруйте въ воскресеніе и жизнь вѣчную и въ муку вѣчную (уготованную) грѣшникамъ. Не лѣнитесь ходить въ церковь и на заутреню, и на обѣдню, и на вечерню: и въ клѣти своей, отходя ко сну, прежде помолитесь Богу, и тогда ложитесь на постель. Въ церкви стойте со страхомъ Божіимъ, не говоря ни о чемъ и не думая, но всею мыслію

---

*) Блаженный Епископъ *Лука* по прозванію *Жидята*, соорудитель Софійскаго собора въ Новгородѣ, святительствовалъ тамъ 23 года (1035—1059). преставился на пути изъ Кіева 15 окт. 1059 г. и погребенъ за алтаремъ Софійскаго собора. Въ 1558 году при копаніи рва для распространенія Іоакимовскаго придѣла, обрѣтены мощи блаж. Епископа Луки и преданы землѣ въ Мартиріевской паперти.

молите Бога, да отпуститъ Богъ вамъ грѣхи. Любовь имѣйте со всякимъ человѣкомъ, а особенно съ братіею, и да не будетъ у васъ одно на сердцѣ, а другое на языкѣ. Не рой подъ братомъ ямы, да не вринетъ тебя Богъ въ еще худшую. Будь правдивъ, за правду и законъ Божій не отрекайся и голову свою положить, и сочтетъ тебя Богъ со святыми. Прощайте братъ брату и всякому человѣку, не воздавайте зломъ за зло, другъ друга хвалите, да и Богъ васъ похвалитъ. Не производи ссоры, чтобы не назваться тебѣ сыномъ діавола, но примиряй, да будешь сыномъ Богу. Не осуждай ближняго ни рѣчью, ни мыслію, помня свои грѣхи, и тебя Богъ не осудитъ. Помните и милуйте странниковъ, и убогихъ, и голодныхъ, и заключенныхъ въ темницахъ, и къ своимъ сиротамъ будьте милостивы, ибо тотъ многомилостивъ, кто домашнихъ своихъ избавляетъ отъ скорби. Неприлично вамъ, братіе, переряживаться, произносить срамныя слова, неприлично и гнѣваться каждый день. Не злобствуй, не смѣйся ни надъ кѣмъ; въ напасти же терпи, уповая на Бога. Не имѣйте дерзости, ни гордости; не старайтесь иныхъ дѣлать буйными, гордыми, помня, что завтра будемъ смрадъ, и гной, и черви. Будьте смиренны и кротки, чтобы быть вамъ слугами и исполнителями Божіихъ заповѣдей; ибо въ сердцѣ гордаго—дьяволъ и слово Божіе не можетъ утвердиться въ таковомъ человѣкѣ. Почитайте стараго человѣка и родителей своихъ; не клянитесь именемъ Божіимъ и никого не заклинайте и не проклинайте. Судите по правдѣ, лихвы не берите и въ лихву не отдавайте. Бога бойтесь, царя чтите: мы рабы, во-первыхъ, Бога, а потомъ Государя. Чтите отъ всего сердца іерея Божія, почитайте и слугъ церковныхъ. Не ненавидь, не завидуй, не клевищи;—не убей, не украдь, не лги и не свидѣтельствуй ложно. Не пей безвременно, но въ мѣру и не до пьянства. Не будь гнѣвливъ и дерзокъ; съ радующимися радуйся, съ печальными будь печаленъ. Не употребляйте въ пищу оскверненнаго; святые дни почитайте. Богъ же мира со всѣми вами! Аминь.

Изъ дневника православнаго христіанина.

Небесный Врачъ.

„Не утаю отъ васъ всякаго словесе: тайну бо цареву хранити добро, дѣла же Божія открывати славно“. (Слова Архангела Рафаила старцу Товиту. Тов. 12, 11).

„Прославляющія Мя прославлю“ изрекъ дивный во Святыхъ Своихъ Богъ (1 Цар. 2, 30.).

Святый великомученникъ Пантелеимонъ, страданіями своими прославившій Господа, нынѣ сугубо прославляется Имъ на небѣ и на землѣ.—Ущедривъ святаго Страстотерпца, при жизни его, благодатію чудотвореній, Господь прославляетъ его и по кончинѣ, даруя ему силу чудесъ въ исцѣленіи различныхъ болѣзней и скорой помощи всѣмъ, прибѣгающимъ къ Великомученику съ вѣрою и теплымъ усердіемъ.

Въ Никомидіи, на мѣстѣ страданій и мученической кончины Страстотерпца, наканунѣ дня памяти его (27 іюля) торжествен-

но совершается крестный ходъ съ чудотворною его иконою; тысячи усердствующихъ православныхъ и иновѣрныхъ —армянъ, католиковъ, даже магометанъ, стекаются туда, привозя и принося своихъ больныхъ, коихъ полагаютъ на пути крестнаго хода и по вѣрѣ получаютъ милость Божію, чему несомнѣннымъ доказательствомъ служитъ ежегодное посѣщеніе исцѣленныхъ и принесеніе другихъ больныхъ.—Въ прежнее время, къ сожалѣнію, не были записываемы являемыя во множествѣ чудотворенія; до насъ дошли только преданія о нихъ. Изъ безчисленнаго множества чудесъ, совершенныхъ по благодати Божіей св. великомученикомъ Пантелеимономъ, предлагаемъ здѣсь немногія и замѣчательнѣйшія изъ тѣхъ, о коихъ имѣются достовѣрныя свѣдѣнія въ синодѣ никомидійской митрополіи, въ записной церковной книгѣ „кондикъ" *).

Въ 1826 г., двѣнадцати лѣтняя дѣвочка, дочь турецкаго темрюкчи (таможеннаго), подверглась апоплексическому удару, отъ котораго скорчило ей руку и ногу (руку пригнуло къ плечу, а ногу къ спинѣ); были употреблены различныя средства отъ разныхъ врачей, но облегченія не было никакого. Однажды два никомидійскіе христіанина—Сотирій Панаетъ и Димитрій Авьяриносъ, бывши у таможеннаго и видя жалкое положеніе дѣвочки, а вмѣстѣ узнавши, что никто изъ призываемыхъ врачей не могъ подать страждущей никакой помощи, сказали отцу: „въ нашей епархіи есть одинъ святый Врачъ (локума хетимъ), который всякія болѣзни исцѣляетъ и творитъ дивныя чудеса; хорошо бы ты сдѣлалъ, если бы обратился къ нему, можетъ быть, онъ не отказался бы и тебѣ помочь". Слова эти возбудили такое усердіе въ туркѣ, что онъ тутъ же сталъ просить христіанъ, чтобы они приняли участіе и походатайствовали предъ своимъ святымъ Врачемъ объ исцѣленіи любимой имъ дочери. Христіане, съ своей стороны, изъявили согласіе и сами повезли дѣвочку въ монастырь. Въ монастырѣ она прожила седьмицу, въ продолженіе которой очередной іерей (Василій, изъ села Ада-базаръ) служилъ молебны и читалъ надъ дѣвочкою молитвы; по истеченіи семи дней, онъ облилъ страдалицу водою изъ святаго колодезя и, ходатайствомъ св. Пантелеимона, больная получила совершенное исцѣленіе. Тогда привезшіе ее христіане взяли и привезли къ отцу, который въ восторгѣ не зналъ, какъ ихъ благодарить и тутъ же сдѣлалъ пожертвованіе въ монастырь.

Въ 1833 г., нѣмой евнухъ султана Махмуда пріѣхалъ въ церковь св. Пантелеимона. Неизвѣстно, долго ли онъ пребывалъ въ состояніи нѣмоты, побудившей его пріѣхать; онъ просилъ знаками дать ему воды изъ св. колодезя: его отвели въ нижній ярусъ храма, ко гробу св. Пантелеимона, и тамъ, почерпнувъ изъ цѣльбо-

---

*) Болѣе полное собраніе чудесъ, совершенныхъ въ Никомидіи и другихъ мѣстахъ Востока см. въ книгѣ: „Житіе, страданія и чудеса св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона, съ изображеніемъ его и видомъ храма Никомидійскаго" М. 1880 г.

иоснаго источника воды, дали выпить нѣмому—и евнухъ тутъ же получилъ даръ слова.

Въ 1833 и 1834 годахъ, у турокъ была война съ Египтомъ; надъ египетскимъ войскомъ начальствовалъ сынъ вице-короля, Ибрагимъ-паша; часть турецкаго войска, подъ начальствомъ Эмина-паши, отправившаяся на подкрѣпленіе главной турецкой арміи, пришла въ Никомидію въ октябрѣ 1833 г., и остановилась до полученія извѣстія о своемъ назначеніи: одинъ отрядъ войска расположился лагеремъ на землѣ, принадлежащей церкви св. великомученика Пантелеимона, а другой далѣе сей усадьбы, по ту сторону церкви. Долго не приходило никакого извѣстія; войска продолжали дожидаться; время проходило; приближался день памяти св. великомученика Пантелеимона. Въ такое время, казалось, надо было оставить и самую мысль о торжественномъ празднованіи этого дня; но вотъ св. Страстотерпецъ самъ позаботился устранить препятствія къ совершенію празднества, очистить занятыя турецкою арміею мѣста. За десять дней до праздника, онъ явился пашѣ во снѣ и сказалъ: „День моей памяти приближается; здѣсь будетъ совершаться празднованіе, поэтому снимись немедленно и уйди отсюда.“ Паша, проснувшись, счелъ это за мечту и не исполнилъ повелѣнія; но св. Пантелеимонъ въ другую ночь явился ему снова и повторилъ: „Сними войско и уйди отсюда, а не то—люто пострадаешь!“ Не внялъ паша и этому грозному приказанію св. великомученика Пантелеимона. Между тѣмъ въ войскѣ его открылась зараза, и турки стали умирать во множествѣ. Тогда св. Пантелеимонъ явился пашѣ въ третій разъ, уже не въ сновидѣніи и не ночью, а среди дня и въявѣ: онъ шелъ чрезъ станъ турецкаго отряда, въ эллинскомъ одѣяніи, направляясь къ палаткѣ паши. Турки кинулись было схватить дерзновеннаго (какъ они думали) пришлеца; но руки и ноги отнялись у тѣхъ, кои подступили къ нему, и всѣ въ ужасѣ остановились. Войдя въ шатеръ къ пашѣ, св. Пантелеимонъ грозно сказалъ: „Что же ты не уходишь съ войскомъ, когда я объявилъ тебѣ, что хочу совершить праздникъ! Въ наказаніе за это, я здѣсь же погублю войско твое и тебя.“ Паша, увидѣвъ предъ собою того, кто уже два раза являлся ему во снѣ, въ страхѣ упалъ ницъ на землю; а св. Пантелеимонъ сталъ невидимъ. Тогда, вразумленный и чуднымъ явленіемъ, и открывшеюся смертностію въ войскѣ, паша немедленно отдалъ приказъ собираться—и дивно! предъ выступленіемъ войска исцѣлились всѣ тѣ, кои кинулись было на Святаго и были отъ него за то наказаны; а паша, отойдя отъ церкви св. Пантелеимона на одинъ часъ разстоянія, расположился лагеремъ близъ еврейскаго кладбища, на мѣстѣ, называемомъ Имбоиръ. Послѣ этого, христіане свободно совершили праздникъ св. Великомученика, благословляя его помощь, покровительство и заступленіе. Въ станѣ же турецкомъ смертность открылась опять и дѣйствовала съ такою силою, что изъ всего войска паши осталось не болѣе третьей части, что христіане приписываютъ нака-

занію за похищеніе солдатами изъ храма св. Пантелеимона нѣкоторыхъ церковныхъ вещей.

Въ 1842 году, изъ Константинополя пріѣхалъ съ больною женою одинъ армянинъ—католикъ въ монастырь св. Пантелеимона, о чудесахъ котораго они много слышали. Жена армянина была одержима припадками бѣснованія; ее сопровождала мать и прислуга, а мужъ нарочно взялъ католическаго священника, для совершенія при гробѣ Великомученника молитвъ надъ болящею. По пріѣздѣ отправились они въ монастырь и просили дозволить ихъ священнику читать свои молитвы въ церкви, при гробѣ, въ чемъ имъ не отказали. Но сколько тотъ ни читалъ молитвъ, сколько ни кропилъ водою изъ святаго колодезя болящую; словомъ, чего ни дѣлалъ католическій патеръ, все оставалось безполезнымъ. Въ это время находился въ монастырѣ одинъ священникъ православный, по имени Григорій, исполненный простоты и вѣры; онъ, смотря на ихъ дѣйствія и удивляясь усиліямъ исцѣлить больную, по своему чину, сказалъ, наконецъ: „Всуе вы трудитесь, желая получить исцѣленіе чрезъ молитвы своего ксендза. Ничего не получите—Святый не принимаетъ вашихъ молитвъ! Попросили бы православнаго священника, и вѣрую, что больная давно получила бы исцѣленіе отъ св. великомученика Пантелеимона." Тогда всѣ приступили къ нему и стали просить о томъ его самого; онъ не отказался. Отслужа молебенъ, онъ велѣлъ облить больную водою изъ святаго колодезя, и когда стали снимать съ нея верхнюю одежду, она кричала, билась и всячески неистовствовала. Но лишь облили ее св. водою, она утихла, тутъ же исцѣлилась отъ тяжкаго недуга и стала благодарить св. Цѣлителя. Это такъ подѣйствовало на бывшихъ съ нею мужа, мать и ксендза, что они сперва не рѣшались даже уѣзжать изъ Никомидіи; но спустя нѣкоторое время, нашли необходимымъ возвратиться въ Константинополь, и предъ выѣздомъ предлагалй никомидійскому собору прислать каменную плиту на которой вырѣзанъ былъ бы разсказъ о совершившемся чудѣ; но митрополія отвергла такое предложеніе и католики уѣхали. А такъ какъ они, по своему положенію въ обществѣ, были люди извѣстные, то слава о совершившемся чудѣ скоро распространилась между ихъ единовѣрцами, и съ тѣхъ поръ католики стали почитать св. Пантелеимона и многіе изъ нихъ начали посѣщать Никомидію.

И турки чтутъ съ благоговѣніемъ св. Пантелеимона, какъ это видно изъ многихъ опытовъ и изъ того, что и они собираются на праздникъ святаго Пантелеимона, принося иногда съ собою и больныхъ своихъ. Въ 1844 году, у одного турка въ Никомидіи загорѣлся деревянный домъ; пламя быстро охватило верхъ его. Въ испугѣ турокъ выскочилъ на дворъ и закричалъ во весь голосъ: „Пантели,—ятишь!" (Пантелеимонъ, поспѣши, т. е. поспѣши подать помощь). Въ это время нѣкоторые замѣтили двухъ голубей, парящихъ надъ пламенемъ. Пожаръ тутъ же потухъ

самъ собою. Благодарный турокъ принесъ нѣсколько піастровъ въ церковь и отдалъ ихъ на масло св. Пантелеимону.

Въ Никомидіи, у однихъ родителей, Христа и Елены, заболѣлъ сынъ Іоаннъ, лѣтъ шести: четыре года онъ страдалъ, лежа безъ движенія, не имѣя силы даже повернуться въ постели и до того исхудалъ, что, казалось, вмѣсто живаго человѣка лежалъ остовъ, обтянутый кожею. Смотря на несчастнаго страдальца, мать его сама изнывала сердцемъ и не знала покоя, тѣмъ болѣе, что сынъ нуждался въ самомъ дѣятельномъ и осторожномъ уходѣ. Однажды, въ 1847 г., она, уложивъ его на носилки, отнесла, при помощи родныхъ, въ монастырь св. Пантелеимона и тамъ опустила его подъ гробъ Великомученика. „Святый Пантелеимонъ! молилась рыдающая мать: — или возьми его у меня, или исцѣли его. Скоро услышана была вопіявшая къ Святому въ скорби матерь и утѣшена имъ сверхъ всякаго ожиданія: мальчикъ всталъ и вышелъ по ступенямъ изъ подъ гроба совершенно здоровымъ, и самъ дошелъ до дома.

Благодарный отецъ (Болгаринъ) заказалъ въ ростъ мальчика, двѣ восковыхъ свѣчи и когда онѣ были готовы, отдалъ сыну; тотъ отнесъ въ церковь св. Пантелеимона и самъ поставилъ у гроба Великомученика—своего исцѣлителя.

Въ 1851 г., въ окрестностяхъ Никомидіи, саранча опустошала поля, сады и огороды и размножалась все болѣе и болѣе до ужасныхъ массъ. Истребивши въ селахъ всякую растительность, она налетѣла, наконецъ, къ самому городу и сплошною массою засѣла около церкви св. Пантелеимона. Жители—христіане прибѣгли съ молитвою къ святому покровителю своему—великомученику Пантелеимону; по совершеніи молебствія, священникъ вышелъ и покропилъ водою изъ св. колодезя саранчу около церкви, и тутъ же саранча вымерла сперва около церкви, гдѣ совершено было кропленіе, потомъ далѣе и далѣе, наконецъ, исчезла совсѣмъ, и городъ такимъ образомъ былъ избавленъ отъ бѣдствія.

Въ предмѣстьяхъ Константинополя: Неохоръ, Бонджи-кею, Буюкъ-дере и другихъ, множество болящихъ получили исцѣленіе. Въ „кондикѣ“ находится до двухъ тысячъ подписей, сдѣланныхъ собственноручно исцѣлѣвшими въ разное время. Хотя въ этой церковной книгѣ не упомянуты подробности исцѣленій, но таковой документъ весьма важенъ, какъ сборникъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, со стороны грековъ, турокъ, армянъ, италіанцевъ и другихъ иновѣрцевъ на ихъ собственныхъ языкахъ. По словамъ священниковъ и мѣстныхъ жителей, большая часть совершившихся исцѣленій не внесена въ „кондикъ“ по безчисленному ихъ множеству.—Больные, приходившіе на костыляхъ или приносимые на кроватяхъ, по выздоровленіи, оставляютъ эти предметы на мѣстѣ исцѣленія, какъ уже болѣе не нужные имъ.

На Востокѣ съ древнихъ временъ чтутъ страстотерпца Христова Пантелеимона, какъ великаго безмезднаго врача. Въ сердцѣ нашей православной Россіи, въ Москвѣ, и прочихъ городахъ про-

славился угодникъ Божій въ 1862 г., когда принесены были съ св. Аѳона, изъ русской обители, посвященной его имени, его многоцѣлебныя мощи. Рѣки исцѣленій истекли отъ святыни этой, которая обтекла многіе грады и села благословеннаго нашего отечества. Описаніе многихъ исцѣленій, совершившихся въ то время, напечатаны въ книгѣ озаглавленой: „Описаніе знаменій и исцѣленій, бывшихъ отъ св. мощей, принесенныхъ съ св. Аѳонской горы, изъ русскаго Пантелеимонова монастыря“. Не престаетъ всемилостивый небесный Врачъ и теперь являть свои милости всѣмъ, съ вѣрою къ нему притекающимъ, чему свидѣтельствомъ служатъ постоянно во множествѣ присылаемыя въ обитель св. Пантелеимона письма отъ разныхъ лицъ и изъ многихъ мѣстъ православной Россіи. Такъ какъ являемыя чудеса благотворны не только для тѣхъ, кои удостоены ихъ, но и для всѣхъ православныхъ христіанъ, утверждая ихъ въ вѣрѣ и благочестіи, то въ заключеніе предлагаемъ здѣсь благочестивымъ читателямъ и чтителямъ угодника Божія извлеченія изъ нѣкоторыхъ недавно полученныхъ писемъ.

1) Считаю за грѣхъ умолчать о милости Божіей, явленной надъ усопшимъ мужемъ моимъ Францемъ Іосифов. Корфъ, умершимъ на 50 году отъ рожденія. Онъ всю жизнь свою былъ католикомъ, но всю жизнь глубоко почиталъ угодника Божія Пантелеимона. Угодникъ Божій видимо и неоднократно былъ врачемъ—цѣлителемъ и помощникомъ моего мужа во всѣхъ его скорбяхъ и вотъ что особенно достопримѣчательно. Не задолго до смерти его, друзья покойнаго, которыхъ онъ очень любилъ, неоднократно предлагали ему принять православіе, но онъ упорно всегда отказывался. За два дня до кончины онъ сильно страдалъ, когда же, вечеромъ, прочтена была молитва Царицѣ Небесной, онъ впалъ въ глубокій сонъ, который продолжался не болѣе четверти часа; проснувшись, онъ сталъ требовать мощи св. Пантелеимона или хотя масла изъ лампады отъ мощей его, коимъ и велѣлъ мазать больныя мѣста, при чемъ замѣтно было, что онъ очень взволнованъ. На нашъ вопросъ: не видалъ ли онъ чего во снѣ, довольно рѣзко отвѣчалъ: „не спрашивайте меня“, и затѣмъ цѣлыя сутки упорно просилъ дать ему свѣта Божія, держа постоянно въ рукахъ присланное со св. Аѳонской горы изображеніе на атласѣ лика св. Пантелеимона. Чрезъ сутки только догадались мы удовлетворить его просьбу—дать ему свѣта Божія, предложили принять православіе и помазаться св. мνромъ, на что имъ тотчасъ же выражено было желаніе и онъ только объ одномъ просилъ, чтобы это исполнено было „поскорѣе“. Тотчасъ же былъ приглашенъ священникъ, который и учинилъ надъ нимъ все по чину Православной Церкви, причастилъ сейчасъ же Св. Таинъ, пособоровалъ и прочелъ отходную; послѣ чего, спустя девять часовъ, онъ мирно скончался. Никто изъ близкихъ и друзей покойнаго не могъ уговорить его принять православіе, а св. великомуч. Пантелеимонъ, къ которому постоянно обращался покойный, совершилъ это. Этому и я и всѣ мы близкіе вѣру-

емъ, и я за грѣхъ почитаю умолчать о сей милости Божіей къ почившему.

Городъ Тула. *Марія Алексѣева Корфъ.*
1890 г. ноябр 12 д.

2) Что невозможно отъ человѣкъ, то возможно отъ Бога. Гдѣ всѣ человѣческія познанія и усилія въ излѣченіи болѣзней не приводятъ ни къ чему, тамъ остается только надежда на Всемогущаго. Такъ случилось недавно и въ моемъ семействѣ. Есть у меня дочь Анна. Ей 11 мѣсяцевъ. Въ половинѣ августа она сильно заболѣла головною болью и разслабленіемъ желудка (въ послѣднемъ докторъ нисколько не помогъ), такъ что я не думалъ. чтобы она могла подняться: ноги у ней какъ бы отвалились, руками мало владѣла, лицо было безжизненно, точно у мертвеца; но вышло наоборотъ; по молитвамъ насъ недостойныхъ къ безмездному врачу Пантелеимону, она выздоровѣла. Я когда-то и гдѣ-то читалъ, что присылаемыя съ Аѳона изображенія св. Страстотерпца по вѣрѣ приносили пользу больнымъ. Получивши оттуда письмо съ изображеніемъ Страстотерпца, я со слезами на глазахъ и сердечною вѣрою въ скорую помощь св. Пантелеимона, далъ дочери приложиться къ изображенію, говоря „если уже не исцѣлитъ тебя Пантелеимонъ, то да будетъ надъ тобою воля Господня; если выздоровѣешь, то на икону Пантелеимона, которую пришлютъ съ Аѳона, закажу серебряную ризу. Вечеромъ 29 августа, послѣ вечерни, я попросилъ мѣстнаго священника отслужить св. Пантелеимону молебенъ съ акаѳистомъ о выздоровленіи дочери. Съ слѣдующаго же дня дочь стала выздоравливать: прекратился поносъ и утихла сильная головная боль, отъ которыхъ она предъ этимъ и день и ночь кричала изо всей силы. Въ настоящее время дочь моя Анна здорова. Вѣрую, что выздоровленіемъ своимъ она обязана безмездному врачу—св. Пантелеимону. Слава Богу и св. Пантелеимону во вѣки вѣковъ.

1890 г. *Діаконъ с. Логоваго, Бѣлгородскаго*
сен. 6 д. *уѣзда, Іоаннъ Яровицкій.*

3) Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1890 года, жена моя, въ слѣдствіе простуды, заболѣла ревматизмомъ во всѣхъ членахъ, сильнымъ сердцебіеніемъ и одышкою. Врачебная помощь, къ которой я прибѣгалъ, не оказала ей ни малѣйшаго облегченія. Тогда мы прибѣгли съ молитвою о помощи къ Божіей Матери, а грудь и главу больной помазали елеемъ отъ лампады св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона, присланнымъ намъ нѣкогда съ Аѳона, къ тому же возложили на грудь изображеніе Божіей Матери, именуемой „Избавительница“, съ обѣщаніемъ послать въ вашъ монастырь, на Аѳонѣ, на молебенъ. И что же? послѣдовала внезапная перемѣна къ выздоровленію, такъ что на другой день больная свободно могла вставать и ходить, а затѣмъ вскорѣ и совершенно миновалась вся болѣзнь и болѣе уже не повторялась; тогда какъ прежде ревматизмъ появлялся при каждой перемѣнѣ погоды.

29 іюня *Села Кырмыжа, Вятскаго уѣзда,*
1890 года *Священ. Василій Верещагинъ.*

4) Благодареніе Богу, исцѣлившему меня, по ходатайству св. великомученика Пантелеимона, отъ болѣзни, продолжавшейся шесть лѣтъ. Болѣзнь моя была сложная: я страдала катарромъ желудка, порокомъ сердца, сильною одышкою, нервными припадками, сильною тошнотою, геморроемъ и опасною женскою болѣзнію. Въ послѣднее время я лежала въ постели, не вставая двѣ недѣли. Тогда я вспомнила и стала мысленно призывать въ помощь Матерь Божію и св. цѣлителя Пантелеимона, чтобы они спасли меня отъ болѣзни. И только что, послѣ этого, я успѣла закрыть глаза, какъ мнѣ представилось, что идетъ ко мнѣ отрокъ съ сосудомъ въ рукахъ, а позади его Сама Божія Матерь; подошедши ко мнѣ, они будто дали мнѣ что-то въ ротъ. Когда я открыла глаза, то и тогда видѣла ихъ, какъ они пошли отъ меня прочь; я была въ то время въ темномъ мѣстѣ, а они въ свѣтломъ и какъ будто въ сіяніи. Сейчасъ же почувствовала я, что мнѣ стало легче, а послѣ и значительно я поправилась. Я дала обѣщаніе отслужить благодарственный молебенъ, но не исполнила своего обѣщанія, все откладывая и откладывая до тѣхъ поръ, пока опять не сдѣлалась больна. Опять стала ходить по докторамъ, но пользы никакой не получала. Тогда я рѣшилась тотчасъ же исполнить свое обѣщаніе отслужить молебенъ угоднику Божію—великомуч. Пантелеимону и пошла съ мужемъ на Аѳонское подворье въ С.-Петербургѣ. Во время молебна я не могла видѣть лика св. Угодника, но почувствовала, что у меня прибавилось силы. Мнѣ было очень жаль, что не могла видѣть его лика, а потому и стала просить его, чтобы опять увидѣть мнѣ его во снѣ, но этого я не удостоилась. Мужъ же мой видѣлъ его во снѣ, будто онъ одѣтъ былъ въ ризу. Когда я въ другой разъ пошла на Аѳонское подворье служить молебенъ, тогда я еще при входѣ въ часовню увидала образъ Великомученика и онъ какъ будто звалъ меня къ себѣ. Когда служили молебенъ, съ меня лился сильный потъ и я чувствовала, что мнѣ дѣлается лучше. Послѣ молебна мнѣ дали масла и св. воды и я спросила про сонъ мужа, что значитъ, что онъ видѣлъ Цѣлителя въ ризѣ, тогда какъ онъ безъ ризы? На это мнѣ отвѣтили, не заключается ли въ этомъ указанія—пожертвовать что-либо? По возвращеніи домой, я пила св. воду, а масломъ мазала больныя мѣста и это дѣлала нѣсколько разъ: тогда по всему тѣлу у меня сдѣлались нарывы, что принесло мнѣ большое облегченіе. Замѣтивши, что у образа Великомученика нѣтъ праздничной пелены, я рѣшилась сама сдѣлать ее и когда окончила работу, у меня выздоровѣла правая рука, которая болѣла около 12 лѣтъ; съ тѣхъ поръ, при всякой болѣзни, я обращаюсь съ молитвою къ цѣлителю Пантелеимону и всякій разъ чувствую большое облегеніе. Въ настоящее время прошу Васъ, честный отче съ братіею, отслужить благодарственный молебенъ о моемъ исцѣленіи св. Пантелеимону и Иверской иконѣ Божіей Матери, во дни ихъ праздниковъ, и прислать мнѣ ихъ образки въ память исцѣленія моей болѣзни.

С.-Петерб.
1890 года, іюля 30 д.

Ярослав. мѣщ. Александра Павлова Иванова.

5) 15 іюля 1890 года, поутру я получилъ (въ Омскѣ) съ почты изъ Москвы масло, вату и икону св. великомуч. Пантелеимона. За присланное приношу отъ себя и семейства искреннѣйшую благодарность.—Молитвами Заступницы усердной и св. Пантелеимона я многогрѣшный и недостойный съ дочерью своею Анною и знакомыми отроками: Владиміромъ и Порфиріемъ Васильевыми, въ этотъ же день, вечеромъ спасенъ былъ отъ явной погибели.

Я отправился съ ними на лошадяхъ на Нижній Хуторъ (верстъ за 8 9 отъ города) ловить рыбу, а оттуда по теченію рѣки Иртыша всѣ четверо поздно вечеромъ возвращались въ городъ на лодкѣ. Дулъ встрѣчный небольшой вѣтеръ. Когда мы были еще далеко отъ окраины города, вѣтеръ началъ усиливаться, почему я, какъ рулевой, сталъ править лодку къ правому берегу, поставивши ее, такимъ образомъ, нѣсколько наискось. Вѣтеръ все усиливался. Брызги волнъ обдавали насъ и попадали въ корму. Еще минута, и набѣжавшія волны залили лодку совершенно и она стала погружаться въ воду. Всѣ мы выскочили изъ лодки въ рѣку на значительной глубинѣ и старались перевернуть лодку вверхъ дномъ. Это удалось намъ съ большимъ трудомъ, какъ потому, что я лѣвою рукою держалъ дочь, такъ и потому, что мы всѣ находились на одной сторонѣ лодки: она нѣсколько разъ перевертывалась, до тѣхъ поръ, пока я не добрался до кормы и, ухватившись обѣими руками за обшивку, не привелъ лодку въ равновѣсіе. Владиміръ и Порфирій уцѣпились за лодку и легли на нее грудью, чтобы она болѣе не перевертывалась, а я, все время держа дорогую свою ношу-дочь, поднялъ ее теперь выше своей головы, чтобы сколько нибудь предохранить ее отъ опасности захлебнуться. Все это дѣлалось, хотя и быстро, но тѣмъ не менѣе, лодку нашу, а вмѣстѣ съ нею и насъ силою вѣтра отнесло отъ праваго берега на глубину рѣки и все относило далѣе. Оправившись нѣсколько отъ испуга, и не видя ниоткуда помощи, мы съ дочерью взмолились Пречистой Матери Господа нашего Іисуса Христа и заступнику нашему св. Пантелеимону о своемъ спасеніи отъ погибели. И лодка наша начала направляться къ правому берегу, противъ вѣтра, какъ бы невидимая сила подталкивала ее. Видя явную помощь свыше, энергія моя возбудилась, силы какъ бы удвоились. Мнѣ счастливо удалось снять съ себя высокіе сапоги и ватное пальто, и я, держась за корму, сталъ усиленно работать ногами. Такимъ образомъ съ помощію Божіею удалось подвинуть лодку къ берегу, на растояніи 40—50 саженъ отъ него. Наши крики о помощи, наконецъ, были услышаны на берегу: одинъ солдатъ—караульный купальни военнаго вѣдомства подалъ намъ лодку и всѣхъ принялъ въ нее. Послѣ 1½ или 2-хъ часоваго пребыванія въ водѣ, благодаря заступничеству Матери Божіей и св. Пантелеимона, всѣ, за исключеніемъ меня, остались въ вожделѣнномъ здравіи, я же нѣсколько похворалъ лихорадкою и усилился у меня ревматизмъ въ рукахъ, тогда какъ я совершенно отчаявался въ своей жизни въ слѣдствіе такой простуды.—За-

мѣчательно еще то, что пальто мое поймано было на другой день болѣе чѣмъ за 25 верстъ отъ мѣста катастрофы. — Покорнѣйше прошу, отцы святые, отслужить благодарственный съ акаѳистомъ молебенъ Господу Іисусу Христу, Царицѣ Небесной и великомученику Пантелеимону за спасеніе наше.

Гор. Омск. *Александръ Антоновъ Ключковскій.*
1890 г. авг 11.

6) Въ августѣ мѣсяцѣ 1889 года прибыла въ Баку монахиня Дарія Писаренкова съ тремя послушницами, для сбора пожертвованій на Каменнобродскую женскую общину, Саратовской губерніи, Царицинскаго уѣзда. На время пребыванія ихъ въ Баку, моя жена дала имъ свободную комнату при нашей квартирѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ мать Дарія вдругъ заболѣла сердцебіеніемъ въ то время, когда она ходила въ городѣ по сбору. Съ того времени болѣзнь эта съ нею не проходила и лѣчившій ее докторъ г. И., находя болѣзнь опасной, велѣлъ какъ можно меньше ходить до выздоровленія. Но м. Дарія не столько обращала вниманіе на свою болѣзнь, сколько ревновала о святомъ выполненіи принятаго ею на себя долга и больная отправилась въ январѣ мѣсяцѣ сего года въ Тифлисъ, пробыла тамъ мѣсяцъ, продолжая лѣченіе; потомъ, чрезъ Батумъ, посѣтила Ново-Аѳонскій монастырь. Тамъ болѣзнь ея еще болѣе усилилась и она, не получая никакой пользы отъ медицинскихъ средствъ, вовсе ихъ оставила, предавши себя въ волю Божію. 11 марта она возратилась въ Баку больная по прежнему, а 15 числа не могла уже ходить и слегла въ постель. Вечеромъ, въ этотъ день, приглашенный мною по просьбѣ м. Даріи, докторъ осмотрѣлъ больную и прописалъ ей микстуру и капли. По уходѣ доктора, больной стало хуже: она сильно стонала, металась, ломала руки и часто прижимала ихъ къ груди. На вопросъ мой, что она чувствуетъ, м. Дарія только и могла сказать: „простите меня“. Чрезъ часъ больной нужно было дать микстуру, но когда ее для сего приподняли, она не могла уже держать головы и открыть рта для принятія лѣкарства.

Къ этому времени собрались всѣ послушницы, бывшія гдѣ-то на чтеніи псалтири и другія ея знакомыя.

Видя, что больной стало еще хуже, а дыханіе рѣже и труднѣе, я не велѣлъ ее тревожить и безпокоить лѣкарствомъ, котораго она не въ состояніи была принимать, а предложилъ послушницамъ помолиться объ исцѣленіи болящей. Для сего я принесъ въ комнату больной икону св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона, присланную мнѣ съ св. Аѳонской горы и началъ читать вслухъ акаѳистъ ему; при этомъ всѣ послушницы со слезами молились. Послѣ акаѳиста я подошелъ къ больной, трижды благословилъ ее иконой и при этомъ не могъ не обратить вниманія на то, что она, до сего времени сильно стонавшая и метавшаяся въ постели, теперь тихо, спокойно лежала, безъ стоновъ, и дышала ровно, какъ обыкновенно здоровый человѣкъ спитъ.

Замѣтивъ такую быструю перемѣну въ состояніи больной, я

сказалъ послушницамъ: молитесь Богу. По милости Его и заступничеству св. великомученика Пантелеимона, болѣзнь матушки теперь не опасна; она спокойно спитъ. Послушницы опять начали молиться, а одна изъ нихъ стала читать вслухъ канонъ Пресвятой Богородицѣ. — Утромъ на другой день м. Дарія встала совершенно здоровой, чувствуя лишь небольшую слабость, и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени не ощущаетъ никакой боли, какъ будто ее вовсе не было.

Какъ свидѣтель и очевидецъ чудеснаго исцѣленія трудно-больной, совершившагося въ то время, когда читался акаѳистъ, я священникъ долгомъ считаю заявить объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, во славу имени Господа Бога и св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона. *Свящ. Петръ Евлампіевъ Русковъ.*

Такъ Господь прославлялъ вѣрнаго раба Своего великомуч. Пантелеимона всегда и вездѣ, прославляетъ и теперь, даруя Свои милости всѣмъ, кто ищетъ ходатайства Страстотерпца. Утѣшительно для насъ православныхъ христіанъ, что мы имѣемъ такого вѣрнаго и сильнаго ходатая предъ всемогущимъ Господомъ. Объ одномъ озаботимся, братіе, чтобы быть намъ, по своей жизни, достойными этого ходатайства.

Чудесное наказаніе и исцѣленіе отъ Богоматерней иконы Троеручицы.

Недавно по С.-Петербургу разнеслась вѣсть о чудесномъ случаѣ, происшедшемъ передъ Богоматернею иконою Троеручицы, находящеюся въ притворѣ, при входѣ въ церковь Ново-Аѳонскаго подворья, что въ Измайловскомъ полку. — Изъ устъ въ уста передавались подробности замѣчательнаго событія, заключающагося въ внезапномъ заболѣваніи необъяснимою болѣзнью и чудесномъ исцѣленіи отъ нея.—Мы посѣтили вчера, 10 апрѣля, Ново-Аѳонское подворье и получили отъ его настоятеля іеромонаха Алексѣя самыя точныя свѣдѣнія.

О. Алексѣй, прежде чѣмъ разсказать подробности событія, граничащаго съ чудомъ, попросилъ всѣхъ, вмѣстѣ съ нимъ, обозрѣть икону, передъ которой теперь ежедневно стоятъ толпы богомольцевъ. Мы сошли внизъ и оказались въ притворѣ. Стѣны здѣсь расписаны церковною живописью. Налѣво отъ входа находится колоссальное изображеніе чудеснаго исцѣленія Богородицею отрубленной сарацинскимъ княземъ руки св. Іоанна Дамаскина, невольно останавливающее на себѣ вниманіе живостью красокъ и выраженіемъ лица Богоматери.— Вотъ, когда вы сами осмотрѣли эту икону — я разскажу все, что произошло передъ нею, не утаивая ничего. Справедливость же моихъ словъ подтверждена очевидцами и самою исцѣленною, которая, въ данный моментъ, находится въ церкви.

15-го Января старшая надзирательница надъ пріютомъ для

дѣтей и надъ богадѣльнею Троицкаго благотворительнаго Общества,—Марія Матвѣевна Сѣверова, послѣ богослуженія въ церкви Ново-Аѳонскаго подворья отправляясь домой,—замѣтила въ притворѣ изображеніе чуда исцѣленія руки св. Іоанна Дамаскина и находящуюся надъ нимъ икону Богоматери. Ее поразилъ видъ отрубленной руки; она усомнилась въ правдивости этого чуда. Она въ теченіе нѣсколькихъ минутъ разсматривала изображеніе и усмѣхнулась: — неужели могло быть такое чудо, что икона исцѣлила отсѣченную руку? Нѣтъ — это просто выдумка!... мелькнуло у нея въ головѣ. Вслѣдъ за этимъ она какъ-то невольно произнесла вслухъ слѣдующія слова:—и какіе ужь это аѳонцы!... И чего только ни выдумаютъ они написать для привлеченія публики! Сказавъ это, она отправилась къ выходу, но едва только успѣла затворить за собою церковныя двери, какъ сейчасъ-же почувствовала сильную боль въ правой рукѣ. Испугавшись, она хотѣла приподнять эту руку,—но это оказалось невозможно; рука не повиновалась. Пріѣхавъ домой, г-жа Сѣверова начала растирать парализованную руку—но все было напрасно. Странная болѣзнь не только не ослабѣвала, но усиливалась: г-жа Сѣверова чувствовала нестерпимую боль въ боку и испытывала при этомъ невыносимыя мученія отъ внезапно развившейся болѣзни сердца. Пришлось ей въ тотъ-же день слечь въ постель, съ которой она уже не вставала. Нѣсколько недѣль провела она въ кровати. За это время ея мысли просвѣтились. Она стала искренно раскаяваться въ произнесеніи неосторожныхъ словъ, на одрѣ болѣзни припомнила она читанное когда-то житіе св. Іоанна Дамаскина, въ которомъ повѣствуется объ исцѣленіи отрубленной руки иконою Богоматери, со слезами она стала молиться Богородицѣ, прося исцѣленія, давъ себѣ обѣтъ отслужить молебенъ передъ иконою, передъ которою были сказаны ею роковыя слова. Послѣ молитвы она почувствовала значительное облегченіе, но страданія были все-таки сильны. Она рѣшилась разсказать подробно обо всемъ попечителю пріюта с.-петербургскому купцу П. П Нестерову, который и посовѣтовалъ ей обратиться къ ея духовнику—іеромонаху Алексѣю, что и было ею исполнено 4-го апрѣля.

Съ трудомъ поднявшись съ постели, г-жа Сѣверова отправилась въ церковь Ново-Аѳонскаго подворья. Здѣсь она разсказала все подробно о. настоятелю и со слезами просила его помолиться передъ иконою объ ея исцѣленіи. Желаніе ея было исполнено. Въ присутствіи массы богомольцевъ, передъ иконою было совершено молебствіе, во время котораго г-жа Сѣверова молила Царицу Небесную простить ее за вырвавшіяся слова и даровать исцѣленіе.

Только что окончилось богослуженіе, какъ г-жа Сѣверова почувствовала, что страданія ея прекратились. Не смотря на это, она все таки не смѣла вѣрить совершившемуся и боялась пошевелить рукою. Приложившись къ иконѣ, она почувствовала трепетъ въ рукѣ.

Все еще боясь, она попробовала пошевелить парализованными

пальцами. Трудно описать ея радость, когда она убѣдилась, что ея болѣзнь исчезла совершенно. Благоговѣйно подняла она исцѣленную руку и осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ.

Въ настоящее время г-жа Сѣверова совершенно здорова. („Петербург. Листокъ" 1891 года № 99).

Чудесно обращенный ко Христу еврей, впослѣдствіи аѳонскій инокъ.

Милосердіе Божіе на всѣхъ путяхъ жизни нашей сопровождаетъ насъ, постоянно и неизмѣнно отъ колыбели до гроба. Какъ воздухъ, которымъ дышемъ, составляетъ необходимое условіе для сохраненія и продолженія нашей физической жизни, и потому на каждой точкѣ земнаго шара въ изобиліи окружаетъ насъ; такъ и милость Божія, отъ которой зависитъ все наше счастіе—временное и вѣчное—въ безконечномъ изобиліи изливается на насъ отъ Самого небеснаго Источника милости и щедротъ. Счастливъ тотъ. кто всегда внимателенъ къ путямъ Промысла Божія: онъ ежедневно и ежеминутно, и въ сбытіяхъ міра и въ обстоятельствахъ собственной жизни, усматриваетъ десницу Вышняго, все направляющую къ благой и спасительной цѣли, онъ ясно видитъ, что не кто другой, а Самъ *Господь мертвитъ и живитъ*, *убожитъ и богатитъ*, *смиряетъ и высит*ъ (1 Цар. 2, 6—7), Той *болѣти творитъ и паки возставляетъ* (Іов. 5, 18), что отъ Него зависитъ даже *отвѣтъ языка* (Притч. 16, 1), и что Онъ указываетъ путь жизни, по которому должно идти человѣку (Пс. 142, 8). Человѣкъ, покорный сему мудрому и спасительному водительству небеснаго Промысла—умиленно скажетъ со св. Пророкомъ Давидомъ: *помыслихъ пути Твоя, и возвратихъ нозѣ мои во свидѣнія Твоя* (Пс. 118, 59). Онъ помнитъ, что великое и страшное горе ожидаетъ въ будущей жизни тѣхъ, которые здѣсь, по своему нерадѣнію, не воспользовались неизреченнымъ милосердіемъ Божіимъ. — Къ сожалѣнію, многіе, разсуждая о событіяхъ міра и объ обыкновенныхъ обстоятельствахъ житейскихъ, почти всегда причину ихъ приписываютъ какому то случаю, или естественному и неизбѣжному стеченію обстоятельствъ или какой то слѣпой и непреодолимой судьбѣ, которая самовольно и несправедливо распоряжается въ мірѣ. Въ подобнаго рода сужденіяхъ легко видѣть причину того, отъ чего столь многіе жалуются и ропщутъ на судьбу, недовольны своимъ состояніемъ и сами себя лишаютъ покоя. Но блаженъ, стократъ блаженъ тотъ, кто наблюдая пути Промысла, съ любовію и самоотверженіемъ несетъ крестъ свой, слѣдуя узкимъ и скорбнымъ путемъ за своимъ Спасителемъ. Онъ увѣренъ, что всѣмъ въ мірѣ, даже самыми малѣйшими обстоятельствами, управляетъ премудрый и всеблагій Промыслъ Божій, который ведетъ насъ къ самымъ лучшимъ цѣлямъ и самыми лучшими путями. Увѣренность въ этомъ составляетъ главное условіе для

того, чтобы стяжать миръ душевный, который завѣщалъ намъ Спаситель: *миръ Мой оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ* (Іоан. 14, 27).

Къ таковому размышленію естественно приводитъ насъ внимательное разсматриваніе обстоятельствъ благодатнаго призванія и обращенія аѳонскаго инока Никифора отъ тьмы невѣрія и грубаго еврейскаго заблужденія къ созерцанію истиннаго Свѣта, просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, чрезъ присоединеніе къ св. Православной Церкви и еще болѣе чрезъ ангело-подражательное житіе въ чинѣ иноческомъ. Въ этихъ обстоятельствахъ ясно и осязательно явилъ Господь чудодѣйственнымъ образомъ и неизреченную любовь къ человѣку грѣшнику и всеблагій Промыслъ въ предоставленіи ему средствъ, ведущихъ ко спасенію. Но прослѣдимъ разсказъ объ его обращеніи, взятый въ свое время со словъ самого о. Никифора и изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ.

Минской губерніи, Борисовскаго уѣзда, мѣстечка Смолявичъ, 12 лѣтній мальчикъ Ицко, изъ дѣтей еврейскихъ, поступилъ въ военное вѣдомство, будучи обученъ правиламъ своей вѣры очень хорошо. Онъ твердо зналъ весь Ветхій Завѣтъ и столь былъ преданъ своей вѣрѣ, что готовъ былъ пострадать, но неизмѣнить оной. Такая твердость его и знаніе закона пріобрѣли ему любовь евреевъ, кои наградивъ его деньгами, назначили ему впослѣдствіи должность учителя для наставленія прочихъ, служившихъ съ нимъ евреевъ, въ законѣ и поручили ему хранить у себя разныя священныя вещи, употребляемыя при совершеніи религіозныхъ обрядовъ. Шесть лѣтъ провелъ онъ въ военномъ званіи, слѣдуя своему еврейскому заблужденію, руководя въ тоже время и прочихъ сослуживцевъ своихъ евреевъ, видѣвшихъ въ немъ самаго жаркаго ревнителя отеческихъ преданій. Въ 1838 году случилось ему со своимъ полкомъ прибыть на зимнія квартиры въ село Вадъ, Арзамасскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Здѣсь онъ познакомился съ образованнымъ и духовно мудрымъ Иваномъ Васильевичемъ Знаменскимъ, — пономаремъ при церкви этого села. Ив. Вас. Знаменскій, по своему прекрасному духовно-религіозному настроенію, по окончаніи курса семинаріи, желалъ вступить въ монастырь, но блаженной памяти о. Серафимъ Саровскій, у котораго онъ просилъ совѣта и благословенія объ избраніи рода жизни, не благословилъ его принимать на себя монашество, а совѣтовалъ жить въ мірѣ, говоря: ты и тамъ получишь 14 вѣнцовъ свѣтлыхъ отъ Господа за обращеніе и спасеніе душъ человѣческихъ. Въ слѣдствіе сего онъ принялъ на себя должность пономаря, почитая эту скромную должность, согласно съ наставленіемъ о. Серафима, удобнѣйшею для достиженія высшихъ нравственныхъ цѣлей. Сей то избранникъ Божій, истинный ревнитель христіанскаго благочестія, обратилъ свое вниманіе на еврея Ицку, какъ на руководителя и наставника прочихъ евреевъ, его сослуживцевъ, и кроткими, исполненными любви доводами убѣждалъ его оставить свое заблужденіе и познать истину,

принявъ христіанскую вѣру. Ицко и слушать не хотѣлъ о принятіи христіанства, и, повидимому, готовъ былъ на всѣ муки за свою вѣру, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ и большая часть евреевъ, въ своемъ ослѣпленіи и фанатизмѣ считалъ христіанъ идолопоклонниками, а себя и евреевъ—народомъ избраннымъ, людьми Божіими. Вступивъ въ бесѣду съ И. В. Знаменскимъ, и, зная достаточно, по своему понятію, свой законъ, Ицко упорно противорѣчилъ всѣмъ доводамъ раба Христова. Какъ можно, говорилъ онъ, оставить Бога истиннаго и признать Богомъ человѣка, распятаго на крестѣ?!... Я вѣрую во Единаго Господа, сотворшаго небо и землю, Который Самъ многократно говорилъ, что *нѣтъ другаго Бога, кромѣ Меня*, и *повелѣлъ не творить себѣ кумира, и всякаго подобія* и проч. Богъ не рожденъ, не сотворенъ, а вашъ Іисусъ Христосъ рожденъ какъ обыкновенный человѣкъ!... Не повѣрю, говорилъ Ицко въ ожесточеніи невѣрія, не повѣрю, что бы ты ни говорилъ мнѣ о своей вѣрѣ! Ты говоришь отъ себя и человѣческое, а намъ, евреямъ, говорилъ Самъ Богъ: кого болѣе должно слушать? и кому повиноваться вамъ ли, или Богу?

Но вникни, другъ мой, говорилъ ему И. В., и ты самъ сознаешь, что слишкомъ много заблуждаешься. У Пророка Исаіи сказано: *се дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ* т. е. съ нами Богъ (Ис. 7, 14). Св. отцы, объясняя это мѣсто, говорятъ: Богъ съ нами былъ тогда попреимуществу, когда родился на землѣ и жилъ между людьми.—Но это не тотъ Христосъ, возразилъ Ицка; вашъ Христосъ, какъ человѣкъ слабый, не могъ избавиться отъ рукъ человѣческихъ и былъ преданъ жестокой и поносной смерти на крестѣ.—А вспомни-ка, Ицка, что говорится о Христѣ въ вашемъ законѣ. У Пророка Давида: *вскую шаташася языцы и людіе поучишася тщетнымъ, предсташа царіе земстіи и князи собрашася вкупѣ на Господа и на Христа Его* (Пс. 2, 1. 2). И у Исаіи Пророка сказано о Христѣ: *Той язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша: наказаніе мира нашего на Немъ,—язвою Его мы исцѣлѣхомъ;* и еще: *яко овча на заколеніе ведеся и яко агнецъ предъ стригущемъ его безгласенъ.* (Ис. 53, 5. 7). Богъ, въ предвѣчномъ Своемъ совѣтѣ о спасеніи рода человѣческаго, предназначилъ воплотиться Сыну Божію для спасенія рода человѣческаго и за много сотъ лѣтъ до исполненія сего событія Пророки, по вдохновенію Духа Божія, предсказывали подробно обо всѣхъ обстоятельствахъ рожденія, жизни, страданія, смерти, воскресенія, вознесенія Спасителя на небо и сошествія Св. Духа на Апостоловъ и на всѣхъ вѣрующихъ. И. В. приводилъ при семъ многія мѣста изъ пророчествъ объ Іисусѣ Христѣ, и всѣ возраженія Ицки опровергалъ скоро и рѣшительно. Но упорный ревнитель праотеческихъ заблужденій сказалъ: истинный Христосъ еще не приходилъ, — мы его ожидаемъ, онъ будетъ отъ сѣмени Давидова, а вашъ Христосъ происходилъ изъ незнатнаго рода, сынъ бѣднаго плотника. Нѣтъ, возлюбленный, замѣтилъ Ив. Вас.,

Іисусъ Христосъ и есть дѣйствительно тотъ обѣщанный Мессія, Котораго ожидали и сердечно желали видѣть Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и всѣ святые ветхозавѣтные праведники, и Онъ есть Тотъ именно Мессія, Котораго Богъ обѣщалъ послать на землю для искупленія людей отъ грѣховъ. А что Онъ происходитъ отъ сѣмени Давидова, то вотъ я покажу тебѣ родословную, въ которой ясно увидишь, что и Іосифъ, мнимый отецъ Іисуса Христа, и св. Дѣва Марія, безсѣменно зачавшая и родившая Его, происходятъ отъ сѣмени Давидова, и приводилъ ему всѣ доказательства объ истинномъ пришествіи Мессіи въ міръ, совершившемся въ Іисусѣ Христѣ. Но Ицка воскликнулъ при этомъ, въ своемъ упорствѣ и ослѣпленіи: не хочу этому вѣрить, не хочу перемѣнять своей вѣры, хочу умереть въ своей вѣрѣ, въ которой жили и умерли всѣ мои праотцы. — Если ясныя мѣста, приведенныя мною изъ писаній пророческихъ не достаточны для убѣжденія тебя въ истинѣ пришествія въ міръ Спасителя, уже совершившагося; то скажи же, наконецъ, чему ты повѣришь? Ицка отвѣчалъ: если не будетъ знаменія особаго, не явится мнѣ Распятый на крестѣ или что подобное,—болѣе ничему не повѣрю. — Дѣйствительно, сердце его было ожесточено, и тутъ убѣжденія словесныя не могли быть дѣйствительными; а какъ Апостолъ Павелъ говоритъ: *Іудеи знаменія просятъ, и Еллини премудрости ищутъ*, (1 Кор. 1, 22), то и для Ицки ничего не осталось болѣе, какъ увѣриться какимъ-либо знаменіемъ. Дѣло трудное, но полный вѣры Ив. В.—, что Господь не оставитъ ради спасенія единой души, за которую тоже пролита Имъ кровь, рѣшительно сказалъ ему: когда такъ, то поди, попостись и помолись три дня, чтобы Господь Самъ открылъ тебѣ истину,—и они разстались.

Возвратясь домой, Ицка находился въ совершенномъ разстройствѣ своихъ мыслей, въ его душѣ произошло, по дѣйствію Духа Святаго, возмущеніе, подобное, по благотворному дѣйствію, тому возмущенію, которое производилъ Ангелъ Господень въ купели Силоамской. „Дабы получить желаемое знаменіе, говорилъ И. В. въ своемъ письмѣ по этому дѣлу, Ицка пробылъ три дня въ постѣ и молитвѣ со слезами. Премилосердый Богъ, иже хощетъ всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истины пріити, провидя истинное расположеніе души еврея Ицки, и то, что въ послѣдствіи онъ будетъ избраннымъ и вѣрнымъ Его рабомъ и служителемъ нелицемѣрнымъ,—не презрѣлъ его слезныхъ молитвъ и воплей душевныхъ. Въ одну ночь, въ домѣ моемъ мы съ нимъ бесѣдовали вдвоемъ, внезапно входитъ къ намъ женщина изъ сосѣдняго дома и говоритъ со страхомъ: что вы сидите здѣсь?—подите-ка на дворъ, да посмотрите, какое дивное чудо Богъ явилъ намъ! Мы тотчасъ оставили бесѣду и вышли въ огородъ,—и что же узрѣли? на лунѣ—знаменіе животворящаго креста Господня, сіяющее неизреченнымъ свѣтомъ. Боголѣпное видѣніе продолжалось болѣе 3 часовъ и наконецъ сокрылось отъ очей нашихъ. Зрителями сего видѣнія были изъ военныхъ: фельдфебель, каптенармусъ, писарь и другіе

солдаты. При видѣ сего знаменія еврей Ицка съ удивленіемъ, восторгомъ и радостію воскликнулъ: великъ Богъ христіанскій! велика вѣра христіанская! Теперь я вполнѣ позналъ свое заблужденіе. Само небо проповѣдуетъ мнѣ о крестѣ Господнемъ, о истинѣ христіанской вѣры. И здѣсь же изъявилъ свое рѣшительное желаніе креститься во имя Святыя Троицы, о чемъ, по прошествіи ночи, объявилъ ротному своему командиру, потомъ и православному священнику. Священникъ донесъ объ этомъ мѣстному своему Преосвященному, который предписалъ: огласить Ицку, обучить главнымъ догматамъ христіанской вѣры и потомъ просвѣтить св крещеніемъ. Послѣ изученія главныхъ членовъ вѣры, мною преподанныхъ, оглашенный удостоенъ былъ св. крещенія и названъ Николаемъ 1838 года января 13 дня. Крещеніе совершалъ священникъ села Вада о. Гавріилъ Васильковъ съ причтомъ.

Послѣ этого И. В. часто бесѣдовалъ съ новокрещеннымъ, причемъ внушалъ ему правила св. вѣры и христіанской нравственности, и къ великому своему утѣшенію видѣлъ, что сѣмена слова Божія падали не на безплодную землю. Николай внимательно слушалъ преподаваемое ученіе евангельское, и со дня на день, болѣе и болѣе прилѣплялся къ нему. Углубляясь мыслями своими въ таинства христіанской вѣры, размышляя о скоротечности жизни временной и о жизни вѣчной, Николай вознамѣрился исключительно посвятить жизнь свою на служеніе Царю Небесному, отслуживъ царю земному. Предъ Венгерской войной онъ далъ обѣтъ Богу посвятить всѣ часы остальной жизни своей на подвиги иноческіе, если Ему благоугодно будетъ сохранить жизнь его отъ опасностей въ предстоявшей войнѣ. Милосердый Господь дѣйствительно исполнилъ его желаніе: среди тысячи опасностей, неизбѣжныхъ съ кровопролитными битвами, въ которыхъ Николай принималъ живое и дѣятельное участіе, онъ постоянно находился въ вожделѣнномъ здравіи. По окончаніи Венгерской кампаніи, Николай остался на вторичную службу, по предложенію начальства, и во время Восточной войны, участвовалъ во всѣхъ важныхъ сраженіяхъ, но и здѣсь милосердый Господь избавилъ его отъ безчисленныхъ опасностей. Николай видѣлъ надъ собою особенное покровительство Божіе и всѣми силами души прилѣплялся къ Нему. По окончаніи войны онъ сознавалъ, что Богъ сохранилъ жизнь его среди безчисленныхъ опасностей на войнѣ, и то, что пора уже исполнить данный Богу обѣтъ—быть инокомъ. Получивъ чистую отставку отъ службы царской, онъ странствовалъ по св. русскимъ обителямъ, испрашивая благословенія Божія на предпринятое имъ св. дѣло. Наконецъ Николай прибылъ на св. Аѳонскую гору, которая плѣнила его сердце своимъ пустыннымъ безмятежіемъ и святостію жизни подвижниковъ, населяющихъ ее. Между тѣмъ съ Аѳонской горы онъ отправился на поклоненіе св. мѣстамъ въ Іерусалимъ, откуда обратно прибылъ на св. гору и просилъ о принятіи его въ Русикъ.

Въ этомъ случаѣ онъ испыталъ сильную скорбь. По волѣ Божіей, безъ сомнѣнія, онъ не былъ принятъ съ Русикѣ, а потому, нашедъ себѣ старца - наставника въ жизни духовной, предалъ себя ему, во всемъ подчиняясь его волѣ, и такимъ образомъ подвизаясь 3 года, онъ, благодатію Христовою, восходилъ отъ силы въ силу по пути иноческаго житія.

Однажды, въ поздній вечеръ, совершивъ келейное правило, о. Никифоръ сидѣлъ въ своей кельѣ и размышлялъ о важныхъ обязанностяхъ христіанина и о тѣхъ отношеніяхъ своихъ къ Богу, въ которыя онъ поставилъ себя чрезъ иноческіе обѣты. Важныя думы тѣснились въ его головѣ, но тѣлесныя труды минувшаго дня и позднее время ночи погрузили его въ легкій сонъ. Среди сна вдругъ онъ слышитъ громкій голосъ: Отецъ Никифоръ! Отецъ Никифоръ! Онъ вскочилъ и, не видя около себя никого, поспѣшилъ къ кельѣ своего старца, думая, что это старецъ требовалъ его къ себѣ; но увидѣвъ, что келья старца заперта, въ недоумѣніи прилегъ опять и лишь только попрежнему заснулъ, какъ невѣдомый голосъ попрежнему звалъ его по имени, говоря: „иди въ Серай (т. е. Андреевскій скитъ), тамъ одна душа страждетъ, помоги ей!“ О. Никифоръ въ недоумѣніи размышлялъ: чей бы это былъ голосъ? чья то душа страждетъ, чѣмъ бы онъ могъ помочь страждущей душѣ, когда и его собственная душа сильно страждетъ отъ многихъ и тяжкихъ грѣховъ, и можетъ ли больной лѣчить больнаго? Но лишь только онъ помыслилъ это, какъ невѣдомый голосъ присовокупилъ и въ третій разъ: „душа страждетъ некрещенная, желаетъ крещенія и не получаетъ, — иди, помоги ей.“ Такое событіе пробудило его отъ сна и привело въ крайнее недоумѣніе. Съ разсвѣтомъ о. Никифоръ, получивъ благословеніе своего старца, отправился въ Серай. Въ Сераѣ онъ дѣйствительно нашелъ еврея, желавшаго принять крещеніе, и занимавшагося въ монастырѣ разными предметами по части построекъ. Отецъ Никифоръ вступилъ съ нимъ въ бесѣду, и узналъ отъ него, что здѣсь отказываютъ ему въ крещеніи по той причинѣ, что нѣтъ опытнаго лица для совершенія сего таинства. И потому, говорилъ еврей, я намѣренъ отправиться въ монастырь Пантократоръ, гдѣ обѣщали удостоить меня св. крещенія. Послушай, другъ, сказалъ ему о. Никифоръ, Пантократоръ—монастырь греческій, и потому, какое же впечатлѣніе произведетъ на тебя спасительное таинство, когда ты ни слова не знаешь по-гречески. Пойдемъ-ка лучше въ Русикъ: тамъ научатъ тебя правиламъ св. вѣры и крестятъ, при чемъ ты самъ будешь разумно слышать всѣ молитвы крещенія, и вполнѣ будешь наставленъ на путь спасенія. Еврей очень обрадовался, когда увидѣлъ, что въ немъ принимаетъ такое живое участіе христіанинъ—инокъ изъ евреевъ. Это много ободрило его въ его намѣреніяхъ креститься и было сильнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы немедленно исполнить святое дѣло. По прибытіи въ Русикъ, еврей былъ оглашенъ, а чрезъ шесть дней удостоенъ св. крещенія во имя Отца и Сына и Св.

Духа и названъ Іоанномъ. Предъ крещеніемъ ему преподаны были главные догматы вѣры православной, а послѣ крещенія, онъ жилъ въ Русикѣ довольно долго, при чемъ, подъ руководствомъ опытныхъ духовниковъ—наставниковъ, подробнѣе изучилъ правила св. вѣры и нравственности. Наконецъ новокрещенный началъ собираться въ путь. Это намѣреніе тоже было съ благословенія Божія, ибо о. Никифору три раза являлся во снѣ Іоаннъ и просилъ его придти въ Русикъ, говоря, что скоро уѣдетъ и желаетъ съ о. Никифоромъ проститься. О. Никифоръ поспѣшилъ придти въ Русикъ и нашелъ, что Іоаннъ дѣйствительно собирался къ выѣзду на родину. У сего Іоанна отецъ еврей и учитель еврейскій. Естественная и христіанская любовь къ отцу побудила его употребить все стараніе на то, чтобъ отца своего обратить ко Христу. Надѣясь на милость и помощь Божію, Іоаннъ крѣпко уповалъ, что отецъ его будетъ христіаниномъ, а примѣру своего наставника вѣроятно послѣдуютъ и многіе евреи. Это было въ 1860 хъ годахъ. О судьбѣ Іоанна мы не имѣли послѣ никакихъ свѣдѣній. А о. Никифоръ, принявъ схиму съ именемъ Николая, и преуспѣвая въ постническихъ подвигахъ, еще немало времени проводилъ безмолвную жизнь въ скиту Ксенофскомъ. Не задолго до кончины, по благословенію старца о. Іеронима, онъ перешелъ въ Русикъ, гдѣ, поболѣвъ, скончался въ 1874 г.

Въ приведенномъ разсказѣ объ обращеніи евреевъ въ христіанство много содержится поучительнаго для каждаго человѣка. Еврей, зараженный своимъ заблужденіемъ, не смотря на убѣдительныя доказательства Ив. В—ча, не соглашался и никогда бы не согласился съ нимъ, если бы чудесное знаменіе св. креста не убѣдило его въ могуществѣ и величіи Христа Спасителя. Но развѣ подобной загрубелости душевной не бываетъ между тѣми, которые отъ юности именуютъ себя учениками и исповѣдниками имени Христа? Развѣ меньшее нужно чудо для того, чтобы грѣшника очистить отъ грѣховъ и отклонить отъ порочнаго образа жизни, нежели какое явилъ Господь для обращенія еврея, упомянутаго въ разсказѣ нашемъ. Какъ эѳіопу трудно и невозможно собственными усиліями сдѣлать свою черную кожу бѣлою и—рыси стереть съ себя свои пестрины, такъ и намъ изъ грѣшниковъ сдѣлаться праведными и святыми. Невозможно грѣшнику и порочному самому сдѣлаться чистымъ отъ грѣховъ и праведнымъ. Невозможно собственными силами лѣнивому сдѣлаться трудолюбивымъ, скупому—милостивымъ къ нищимъ, расточительному — бережливымъ, плотоугоднику—воздержнымъ и цѣломудреннымъ, пьяницѣ—трезвымъ; гордому и тщеславному—смиреннымъ, кроткимъ и снисходительнымъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, чтобы произвесть въ человѣкѣ благотворную перемѣну къ лучшему, необходимо особенное содѣйствіе Божіей благодати. Но благодать Божія не дѣйствуетъ на человѣка принужденно и какъ бы насильственно; потому что Богъ, давши человѣку свободную волю, никогда не отнимаетъ у него этой свободы, а потому помогаетъ и содѣйствуетъ

ему Своею благодатію только тогда, когда видитъ въ немъ стремленіе къ добру. Въ противномъ случаѣ это была бы не помощь и содѣйствіе Божіе, а принужденіе къ добру, съ нарушеніемъ свободы человѣка, чего отнюдь не бываетъ и быть не можетъ, такъ какъ не согласно съ понятіемъ о свободной волѣ человѣка. Такимъ образомъ, Богу (скажемъ приспособительно къ понятію человѣка) надобно бываетъ употребить гораздо болѣе силы для того, чтобы исправить грѣшника, и сдѣлать его праведникомъ, нежели сотворить какое-либо чудо, независящее отъ воли человѣка, напримѣръ воскресить мертваго или явить крестное знаменіе на небѣ или на лунѣ. Воскресить мертваго возможно для Бога однимъ словомъ, а для исправленія человѣка недостаточно одного всемогущества Божія, а необходимо при этомъ участіе и самого человѣка добровольнымъ согласіемъ и непротивленіемъ спасающей силѣ Божіей.

Апостолъ говоритъ, что мы *недовольны и помыслить что либо доброе отъ себе, яко отъ себе, но довольство наше отъ Бога*. Изъ этихъ словъ нужно, повидимому, заключить, что во всѣхъ нашихъ добрыхъ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ, какъ и вообще въ дѣлѣ нашего спасенія, все зависитъ отъ Бога; — гдѣ же здѣсь участіе нашей свободной воли? Дѣйствительно, первоначальная и окончательная причина каждаго нашего добраго дѣла принадлежитъ Богу, т. е. мы должны признавать постепенныя дѣйствія благодати: благодать возбуждающую къ добру, благодать совершающую въ насъ добро и благодать усвояющую намъ добро и награждающую за оное. Наше участіе въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что мы не противимся внушеніямъ благодати и соглашаемся съ нею. Не противится, а соглашается человѣкъ съ благодатію—и доброе дѣло сдѣлано. Не согласится человѣкъ съ благодатію, воспротивится ея внушеніямъ и добраго дѣла не можетъ быть; потому что самъ по себѣ человѣкъ въ добрѣ совершенно безсиленъ, какъ младенецъ, а силенъ и могуществененъ онъ бываетъ только при помощи благодати.

Если такъ легко и удобно, при помощи благодати, совершать добрыя дѣла и заниматься дѣломъ своего спасенія, отъ чего же такъ мало истинно добродѣтельныхъ и спасающихся? Несомнѣнно, что иго Христово, при Его всесильной помощи благо и бремя Его легко, но только для тѣхъ, которые всѣми силами души желаютъ себѣ спасенія. А потому, кто внимательно размышляетъ о вѣчныхъ и святѣйшихъ истинахъ нашей вѣры, о бѣдственности жизни настоящей, о предназначеніи и объ участи человѣка въ жизни вѣчной, загробной, о ничтожности благъ временныхъ, о смерти, будущемъ судѣ для грѣшниковъ и о блаженствѣ праведниковъ, особенно о заслугахъ Спасителя и о неизреченной любви Его къ намъ;—тотъ, безъ сомнѣнія, найдетъ въ размышленіи о семъ много побужденій стремиться къ нравственному совершенству. А при глубокомъ сознаніи важности спасенія вѣчнаго, всѣ труды и подвиги къ достиженію его не будутъ казаться непре-

одолимыми и невозможными. Весь трудъ, вся тяжесть, въ этомъ случаѣ, главнымъ образомъ, состоитъ въ нашей лѣности и безпечности и въ нашей невнимательности къ столь важному дѣлу. Если отбросить эти недостатки и эти препятствія, иго Христово для каждаго на самомъ дѣлѣ будетъ благо, и бремя Его легко.

Въ дѣлѣ обращенія ко Христу евреевъ, о которыхъ сейчасъ разсказано, ясно видно, что благодать Божія посредственно и непосредственно побуждала ихъ къ принятію христіанской вѣры, а они съ своей стороны въ этомъ дѣлѣ участвовали тѣмъ, что, конечно, боролись съ еврейскими заблужденіями и предразсудками, которыми души ихъ заражены были отъ юности, вняли благодатному призванію и вступили на путь спасенія. Подобно сему бываетъ и въ обращеніи каждаго грѣшника: благодать и гласомъ совѣсти и безчисленными обстоятельствами жизни и многими другими способами призываетъ человѣка вступить на путь добродѣтели; но добродѣтельнымъ дѣлается только тотъ, кто покоряется сему гласу и, при помощи благодати, ведетъ постоянную борьбу съ грѣхомъ и упражняется въ дѣланіи добра; напротивъ тѣ, которые не внемлютъ внушеніямъ благодати, остаются упорными и нераскаянными и этимъ, къ сожалѣнію, доказываютъ, что и всемощная сила благодати безсильна къ обращенію на путь спасенія непокоряющихся ей. *Се стою при дверехъ и толку...* (Апок. 3, 20), говоритъ Господь. Кто отверзаетъ двери своего сердца Господу, къ тому Онъ входитъ, а кто не отверзаетъ дверей сердечныхъ, къ тому, конечно, не входитъ Господь.

Троицкіе листки № 63.

Путникъ.

(Изъ книги „Сокровище Духовное" св. Тихона Задонскаго).

Мы, христіане, отъ дня рожденія нашего до дня смерти, по пути житія сего путешествуемъ. Иному путнику путь дальше, другому ближе: такъ и путь житія нашего не для всѣхъ насъ одинаковый: одинъ скорѣе оканчиваетъ путь свой, другой дольше идетъ. Путникъ, идя дорогою, всякаго несчастія опасается: такъ намъ, по пути міра сего идущимъ, надобно всего опасаться. *Блюдите, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дніе лукави суть* (Ефес. 5, 15—16). Путникъ подвергается всякой непогодѣ и бурѣ: такъ и съ нами, по пути своему идущими, приключается всякая буря бѣдъ, напастей и искушеній. Путникъ о всемъ томъ небрежетъ, но, все претерпѣвая, идетъ, куда нужно: такъ и намъ должно пренебрегать всякою бѣдою, какая бы ни случилась, терпѣть и идти къ желаемому своему отечеству. На путника часто нападаютъ разбойники и обнажаютъ, а часто и убиваютъ и такъ до мѣста идти не допускаютъ: то же можетъ случится и съ нами; ибо и на насъ демоны, какъ разбойники, нападаютъ и неосторожныхъ уязвляютъ и убиваютъ и такимъ образомъ до желаемаго отечества не допускаютъ. Путники защищаютъ себя отъ разбойниковъ оружіемъ, такъ и намъ должно защищать себя отъ демоновъ молитвою и словомъ Божіимъ. У путника всегда на умѣ мѣсто, къ которому идетъ, и онъ заботится, какъ бы до него дойти: такъ и у насъ всегда должно быть отечество небесное на умѣ, и о томъ тщаніе, какъ бы до него достигнуть. *Тако теците, да постигнете*, глаголетъ намъ Апостолъ святый (1 Кор. 9, 24). Чѣмъ далѣе путникъ по пути идетъ, тѣмъ болѣе сокращается его путь: такъ, чѣмъ болѣе мы продолжаемъ путь житія нашего, тѣмъ болѣе къ концу приближаемся. Путникъ, пришедши на мѣсто, куда шелъ, безопасенъ бываетъ и успокоивается, и радуется: такъ и мы, христіане, когда благополучно окончимъ путь нашъ и придемъ въ небесное отечество, отъ всѣхъ бѣдъ и напастей освободимся, будемъ успокоиваться и о вѣчномъ своемъ блаженствѣ радоваться, которое буди намъ получить благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа. Аминь!

Мысли и изреченія свв. подвижниковъ *).

Изъ разныхъ патерическихъ сборниковъ монастыря св. Саввы Освященнаго.

(Переводъ съ греческаго. Изъ рукописей святителя Өеофана)

Искренно желающій стяжать какое-либо духовное благо, не останавливается препятствіями къ достиженію желаемаго, но съ ревностію предпринимаетъ и дѣлаетъ все, способствующее къ тому. Такъ, желающій стяжать твердое цѣломудріе не ищетъ ни роскошныхъ яствъ и питія, ни красивыхъ и мягкихъ одеждъ, ни красныхъ словъ, разсѣивающихъ благоговѣніе, ни радости и веселыхъ бесѣдъ съ юношами и дѣвами, и ничего другаго подобнаго, но старается подвизаться въ противномъ тому, т.-е. въ воздержаніи и неукрашеніи, степенности и благоговѣніи, въ безмолвіи и смиреніи,—сей сокрывательницѣ всѣхъ добродѣтелей, коею обрадованный Господь подастъ искомое благо и силу сохранить его.

Не возможно стяжать ничего добраго безъ терпѣнія и всецѣлаго воздержанія. Ибо говоритъ: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши*, и: *подвизаяйся отъ всѣхъ воздержится.* Но воздержанія нельзя исправить безъ частой молитвы, ибо *непрестанно*, говоритъ, *молитеся.* Молитва же не можетъ быть благопріятна безъ смиренія, ибо *призри,* говоритъ, *на молитву смиренныхъ и не уничижи моленія ихъ.* Итакъ, если желаемъ стяжать добродѣтели, будемъ подвизаться—на воздержаніе, терпѣніе, смиренномудріе, особенно же частую молитву,—и удобно достигнемъ искомаго.

Какъ безъ искусства и искусника, безъ орудій и вещества, невозможно построить домъ или корабль; такъ невозможно достигнуть конца добродѣтельной жизни безъ воздержанія, терпѣнія, смиренномудрія и молитвы. Ибо воздержаніе отрѣшаетъ умъ отъ мірскихъ сластей и поставляетъ его выше всякаго злостраданія, терпѣніе научаетъ его терпѣливо сносить труды, и приходящія отъ внѣ искушенія противъ воздержанія; смиренномудріе внушаетъ причастнику своему подвизаться въ самопознаніи, быть судіею болѣе себя самого, а не другихъ, воздавая достодолжно власть судить

Единому Господу, вѣрно знающему всѣ добрыя и худыя дѣла каждаго,—а чрезъ то приводитъ его къ кротости и мирному состоянію, возбуждаетъ искать совершеннаго безмолвія, чтобъ всегда быть въ себѣ и чрезъ то въ Богѣ; а частая неразвлеченная молитва, чрезъ бесѣду къ Богу, отводитъ умъ отъ мірскихъ мудрованій и представляетъ Богу; а чрезъ такое приближеніе къ Богу исполняетъ его благоговѣнія и блаженной тишины и теплоты духовной.

Ничто изъ творимаго нами добра не дѣлаетъ умъ такъ страшнымъ для демоновъ, какъ частая молитва, ибо она, сподобляя его близости Божіей (ибо, говоритъ, близъ Господь призывающимъ Его),—разрушаетъ всѣ покушенія противъ него враговъ.

Какъ накаленіе огнемъ дѣлаетъ желѣзо неприкосновеннымъ, такъ частыя и усердныя молитвы дѣлаютъ умъ страшнымъ въ силѣ. Потому демоны всячески стараются вложить въ насъ лѣность на присѣдѣніе въ молитвѣ, зная, что она есть ихъ навѣтница, а за умъ сильная воительница.

Знаемъ изъ Бож. Писанія, что молитва есть добродѣтель добродѣтелей, ибо она, предстоя Богу за всякія добродѣтели, умоляетъ Его помочь имъ во время нападенія страстей и демоновъ. Да убѣдитъ тебя въ семъ Моисей, молитвою укрѣпившій воителей Израильскихъ, и воздѣяніемъ рукъ обратившій вспять Амалика.

Грѣхъ и наказаніе за него.

Се, здравъ еси: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ (Іоан. 5, 14).

Такъ сказалъ Спаситель разслабленному. Значитъ, тяжелая болѣзнь, отъ которой онъ лежалъ безъ движенія 38 лѣтъ, была наказаніемъ Божіимъ за грѣхъ, содѣланный имъ. Какой это былъ грѣхъ, Евангеліе не говоритъ, и тѣмъ даетъ намъ знать, что подобное несчастіе можетъ постигнуть человѣка за всякій грѣхъ. Это—ядъ, который дѣйствуетъ разрушительно на тѣло наше, иногда медленно, иногда съ поразительною быстротою, но всегда разрушительно. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и ежедневный опытъ каждаго человѣка, и слово Божіе, и исторія. „Многи раны грѣшному“ (Пс. 31, 10). „Нѣсть мира въ костѣхъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ“, говоритъ св. Давидъ (37, 4). „Мужіе кровей и льсти не преполовятъ дней своихъ“ (54, 24). Отъ грѣха происходятъ и всѣ наши несчастія.

А между тѣмъ, какія радости и удовольствія обѣщаетъ намъ грѣхъ!

„Взыду на небо и поставлю престолъ выше звѣздъ небесныхъ, буду подобенъ Вышнему", мечталъ денница. А вотъ конецъ мечтаніямъ: „нынѣ во адъ снидеши, въ основанія земли". „Будете яко бози", шепчетъ діаволъ человѣку, и человѣкъ, возмечтавшій быть богомъ, прилагается скотомъ безсмысленнымъ и уподобляется имъ. „Тогда я только буду спокоенъ, когда не буду видѣть брата моего", думаетъ Каинъ; и поднимаетъ руку на брата своего, и съ тѣхъ поръ ни минуты—ни днемъ, ни ночью—не имѣетъ покоя, стеня и трясыйся проводитъ свою мятежную жизнь, всѣхъ людей боится, собственной тѣни страшится. „Разорю житницы мои, и большія созижду, и реку душѣ моей: ѣшь, пей, веселись", говоритъ самъ себѣ богачъ евангельскій, и вотъ онъ ѣстъ и не насыщается, пьетъ и не напивается, собралъ много, а хочетъ собрать еще болѣе; довольства у него нѣтъ; о счастіи нечего и говорить.—Деньги, говорятъ, богъ, которому всѣ служатъ; на деньги все можно купить.—Все? но не купить мира душевнаго, не купить счастія. Соберу побольше, и всѣ будутъ мнѣ служить; тогда-то я буду свободенъ. Собираетъ, и что же? Самъ становится рабомъ этихъ денегъ. Мечтаетъ Гіезій, какъ хорошо ему будетъ, когда онъ обманомъ получитъ отъ Неемана два таланта! Получаетъ, но увы, получаетъ съ ними и проказу Неемана. Сколько богатыхъ, страдающихъ отъ болѣзней! Они никогда не знали бы этихъ болѣзней, если бы не были богаты. Сластолюбецъ, конечно. въ сластолюбіи видитъ верхъ удовольствія, но кто болѣе всѣхъ лѣчится? Кому болѣе всѣхъ не по имени только извѣстны эти многоразличные недуги чрева, какъ чревоугоднику? И что болѣе всего сокращаетъ нашу жизнь, какъ не этотъ порокъ? Сладострастникъ подвергается такимъ болѣзнямъ, о нихже срамно есть и глаголати (Еф. 5, 12). Иногда онъ, какъ Иродъ, убійца виѳлеемскихъ младенцевъ, живой согниваетъ. Лжецъ, конечно, лжетъ, чтобы ему вѣрили, а кончаетъ тѣмъ, что ему не вѣрятъ и тогда, когда онъ говоритъ правду. Гордый хочетъ возвыситься выше всѣхъ, и какъ часто становится ниже всѣхъ! Навуходоносоръ дѣлается безумнымъ отъ гордости. Аманъ повѣшенъ на той висѣлицѣ, которую уготовалъ Мардохею; вельможи сирійскіе погибаютъ въ львиномъ рвѣ, который они уготовали Даніилу. Пріявшіе мечъ, отъ меча погибаютъ. Захватывающіе чужое теряютъ и свое, а кроткіе наслѣдуютъ землю. Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно: „изрываяй яму ближнему, впадаетъ въ ню" (Притч. 26, 27). Кто чѣмъ согрѣшаетъ, тотъ тѣмъ и наказывается. Печальныя послѣдствія грѣха идутъ и въ потомство, заражаютъ нашихъ дѣтей и внуковъ, такъ что они уже рождаются съ склонностію къ грѣху ро-

дительскому, а иногда и прямо съ болѣзнями ихъ родителей. „Какъ ты забылъ законъ Бога Твоего, такъ Я забуду дѣтей твоихъ“ (Осіи 4, 6). Какія страшныя слова! „Я—Господь Богъ твой, наказывающій дѣтей за вину отцевъ даже до третьяго и четвертаго рода“.

Будемъ же—бояться болѣе всего грѣха: Господь на всякомъ мѣстѣ не только Своею благодатію, но и правосудіемъ Своимъ. Будемъ помнить слово Божіе, что только родъ правыхъ благословится и сѣмя ихъ наслѣдитъ землю (Ис. 111, 2; 24, 13). А беззаконные будутъ истреблены съ земли и вѣроломные искоренены на ней (Пс. 36, 20. 28. 29).

Заслуженная награда за трезвость.

Назидательнымъ примѣромъ должной награды за трезвость можетъ для насъ православныхъ русскихъ людей, послужить одно древнѣйшее племя степной Аравіи, о которомъ упоминается въ Св. Библіи.

Въ книгѣ св. пророка Іереміи говорится (Iерем. 35 гл. ст. 2—19) объ Аравійскомъ племени Рехавитовъ, которое, за неизмѣнное соблюденіе завѣта своего предка Іонадава, указано пророкомъ Іеремією, какъ примѣръ для подражанія народу Израильскому, и которому, за вѣрность наставленіямъ родительскимъ, ниспослано особенное благословеніе Божіе.

Изложимъ это глубоко-назидательное сказаніе 35-й главы книги св. пророка Іереміи съ нѣкоторою подробностью и разъясненіемъ.

„Было слово Господне къ пророку Іереміи, во дни Іоакима, сына Іосіина, царя Іудина: „Иди въ домъ Рехавитовъ, и поговори съ ними и проведи ихъ въ домъ Господень, въ одну изъ комнатъ и дай имъ пить вина“. Пророкъ такъ и сдѣлалъ. Проведши Рехавитовъ въ указанное отъ Господа мѣсто поставилъ предъ ними полныя чаши вина и стаканы и сказалъ имъ: „пейте вино“! Но они сказали: „мы вина не пьемъ“, потому что Іонадавъ, сынъ Рехава, отецъ нашъ, далъ намъ заповѣдь, сказавъ: „не пейте вина ни вы, ни дѣти ваши во вѣки“. И вотъ мы послушались голоса отца нашего во всемъ, что онъ заповѣдалъ намъ, чтобы не пить вина всѣ дни наши.

Далѣе, послѣ этого (35 гл. 13 ст.) было снова слово Господа къ Іереміи: „иди и скажи мужамъ Іуды и жителямъ Іерусалима: неужели вы не возьмете изъ сего вразумленія для себя, чтобы послушать словъ Моихъ, говоритъ Господь. Слова Іонадава, сына Рехавова, который заповѣдалъ сыновьямъ своимъ не пить вина, выполняются, и они не пьютъ вина до сего дня, потому что хранятъ завѣщаніе отца своего; а Я непрестанно говорилъ вамъ, говорилъ съ ранняго

утра, посылалъ пророковъ къ вамъ, а вы не послушались Меня". Поэтому (17 стихъ), такъ говоритъ Господь: вотъ Я наведу на Іудею и на всѣхъ жителей Іерусалима все то зло, которое Я изрекъ на нихъ, за то, что Я говорилъ имъ, они не послушали, призывалъ ихъ, они не отвѣчали. А дому Рехавитовъ сказалъ Іеремія: „такъ говоритъ Господь Саваоѳъ, Богъ Израилевъ: за то, что вы послушались завѣщанія Іонадава, отца вашего, и храните всѣ заповѣди его, и во всемъ поступаете, какъ онъ завѣщалъ вамъ,—за это не отнимется у Іонадава, сына Рахавова, мужъ, предстоящій предъ лицемъ Моимъ, во всѣ дни" (18—19 ст.).

Въ поясненіе этихъ словъ пророческой книги отъ себя присовокупимъ слѣдующее: отъ времени Іонадава до пророка Іереміи прошло 300 лѣтъ, слѣдовательно, столько лѣтъ Рехавиты хранили завѣтъ отца своего.

Отъ пророка Іереміи до нашего времени прошло болѣе 2510 лѣтъ. Съ того времени, какъ Евреи разсѣяны по всему лицу земли, прошло болѣе 1800 лѣтъ. А племя Рехавитовъ доселѣ цѣло, находится оно въ степяхъ Аравіи; оно хранитъ до нынѣ завѣтъ отца своего ненарушимымъ. Рехавиты и теперь не пьютъ вина.

Много народовъ съ того времени изчезло съ лица земли, разныя царства возникали и исчезали, а племя Рехавитовъ, за храненіе заповѣди отца, хранитъ Божіе благословеніе, среди превратностей земли, цѣлымъ, невредимымъ и счастливымъ.

Свящ. *Стефанъ Мясищевъ.*

Человѣкъ не можетъ спастись безъ искушеній.

Жила въ одномъ монастырѣ благочестивая, богобоязненная монахиня, которая очень страдала отъ искушеній. Зная что „сила въ немощи совершается", непрестанно слезно молила она Господа избавить ее отъ ея искушенія.

И вотъ, когда стояла она однажды на молитвѣ и плакала горькими слезами, взывая ко Господу, явился вдругъ Ангелъ Господень и сказалъ:

— Ты хочешь освободиться отъ твоего искушенія?

— О, да!—отвѣчала она,—это мое горячее желаніе!

— Ну, такъ молись: исполни, Господи, страхомъ Твоимъ сердце мое, ибо я трепещу суда Твоего! И желаніе твое будетъ исполнено.

Ангелъ исчезъ, монахиня начала молиться, — и вдругъ искушеніе ея отступило отъ нея совсѣмъ.

Но—исчезло одно искушеніе, явилось другое, еще худшее! Теперь сталъ искушать ее діаволъ хульными помыслами на Господа. Это искушеніе скоро сдѣлалось для нея совершенно

невыносимымъ; она начала наконецъ сомнѣваться въ истинѣ христіанской религіи, и даже въ самомъ существованіи Бога.

И вотъ, снова взываетъ она къ милосердію Божію, снова съ горькими слезами умоляетъ Его, чтобы Онъ избавилъ ее и отъ *этого* страшнаго искушенія. И снова является ей Ангелъ Господень и спрашиваетъ:

— Каково теперь тебѣ, сестра?

— Хуже прежняго.—отвѣчаетъ она.

— Такъ неужели же думаешь ты,—продолжаетъ Ангелъ, что можно прожить безъ искушеній, и безъ борьбы съ ними заслужить вѣнецъ побѣдителя? Одно изъ двухъ искушеній обязательно должна ты вытерпѣть; выборъ между ними предоставляется тебѣ.

— Если такъ, Господи,—отвѣчаетъ монахиня,—пусть лучше буду терпѣть я прежнее... потому что, какъ ни тяжело было *то* искушеніе, все же оно было человѣческое! А теперешнее мое испытаніе—чисто сатанинское!

— Молись тогда опять,—говоритъ Ангелъ, и искушеніе минуетъ тебя.

Монахиня снова начинаетъ молиться и къ ней возвращается опять прежнее искушеніе.

Это же искушеніе попустилъ ей Господь для того, чтобы борьбою съ нимъ она заслужила себѣ награду на небесахъ и чтобы здѣсь на землѣ, упражняясь въ добродѣтеляхъ, не возгордилась бы своею чистотою. И этимъ же показалъ ей Господь, что Онъ лучше нашего знаетъ, какое искушеніе мы болѣе въ силахъ вынести (В. Б.).

А. К.

Св. мученикъ Аѳанасій Икійскій.

(Пострадалъ въ 1670 году іюля 24-го дня).

Св. Аѳанасій, родомъ изъ округа Икія (въ Никейской епархіи), богатый семьянинъ и значительный человѣкъ въ своемъ околодкѣ, былъ мужъ благочестивый и вѣрный хранитель заповѣдей Божіихъ. Однажды турки сверхъ всякаго чаянія обложили округъ тяжкою данію, называемою „турсатъ", которая падала исключительно на однихъ только христіанъ. Аѳанасій, какъ главный представитель общины и ревностный защитникъ интересовъ своихъ единовѣрцевъ, предложилъ мѣстнымъ туркамъ принять участіе въ султанской дани на томъ основаніи, что и они такіе же раи (подданные) и не пользуются правами ни янычаръ, ни спаговъ. Мусульмане, разумѣется, отвергли такое предложеніе, но, зная изворотливый умъ Аѳанасія, его значеніе въ округѣ и вліяніе на мѣстныхъ судей, опасались, какъ бы онъ не принудилъ ихъ судебнымъ порядкомъ принять законное участіе въ султанскомъ налогѣ. Для предупрежденія опасности они

составили заговоръ, схватили правдиваго христіанина и представили его въ Константинополь къ визирю, предъ которымъ оклеветали его, будто-бы онъ изъявилъ желаніе сдѣлаться туркомъ. Визирь допросилъ Аѳанасія и долго убѣждалъ его принять исламизмъ, но онъ твердо отвѣчалъ: „сохрани меня, Царь небесный, чтобы я когда-либо отрекся отъ своей православной вѣры!“—Несчастный Аѳанасій ввергнутъ былъ въ темницу, гдѣ по повелѣнію жестокаго сановника долженъ былъ переносить ежедневно жестокія пытки въ продолженіе шестидесяти дней. Послѣ этого онъ снова представленъ визирю и опять выслушалъ тѣ же предложенія—сдѣлаться мусульманиномъ. Непоколебимый исповѣдникъ не хотѣлъ измѣнить вѣрѣ отцовъ своихъ и желалъ умереть христіаниномъ. За сопротивленіе визирь осудилъ его на смертную казнь и для исполненія приговора предалъ мученика градоначальнику. Палачъ привелъ блаженнаго Аѳанасія въ Пармакъ-капи и тамъ усѣкъ ему главу. (Изъ кн. „Христіанскіе мученики, пострадавшіе на Востокѣ“... Свящ. П. Соловьева).

Благовѣстъ.

Звуки отчизны небесной,
Благовѣстъ Церкви святой!
Радостенъ гласъ твой чудесный,
Любъ мнѣ призывъ твой родной!

Къ Богу во храмъ призываетъ
Стройная звуковъ волна,
Долы кругомъ оглашаетъ,
Грѣшниковъ будитъ она.

Чуть надъ селомъ пронесется
Рѣдкій, торжественный звонъ—
Всюду народомъ кладется
Господу Богу поклонъ.

Съ первымъ къ обѣднѣ ударомъ
Шапки снимаютъ долой,
Крестится всякій недаромъ,
Къ небу стремится душой.

Чистые, чудные звуки
Любо душою ловить,
Ими тревожныя муки
Въ сердцѣ больномъ хоронить.

Звуки отчизны небесной,
Благовѣстъ Церкви святой!
Радостенъ гласъ твой чудесный,
Любъ мнѣ призывъ твой родной!

Н. Е. Добронравовъ.

Просвѣтленіе въ послѣднія минуты жизни.

(Изъ жизни студента).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось слышать разсказъ одного изъ студентовъ-медиковъ о томъ, какимъ путемъ онъ пришелъ отъ невѣрія къ вѣрѣ, будучи совершенно невѣрующимъ человѣкомъ. Одинъ изъ его товарищей, тоже студентъ-медикъ, ученикъ послѣдняго курса, пользующійся цвѣтущимъ здоровьемъ и всѣми земными благами, простудился и захворалъ. Сначала онъ мало придавалъ значенія своей болѣзни и продолжалъ заниматься наукою и вести другія бесѣды съ своими товарищами, съ которыми онъ любилъ весело проводить время, но мало-по-малу здоровье все ухудшалось и ухудшалось. Когда онъ обратился къ доктору за совѣтомъ, то докторъ нашелъ здоровье его въ плохомъ состояніи и посовѣтовалъ ему оставить всѣ его занятія и серьезно—заняться лѣченіемъ. Онъ началъ лѣчиться и былъ увѣренъ въ томъ, что скоро поправится и, не теряя надежды на жизнь, продолжалъ находиться въ томъ же хорошемъ настроеніи, въ какомъ онъ и былъ всегда. Но состояніе его здоровья постепенно все сильнѣе и сильнѣе ухудшалось, и наконецъ докторъ объявилъ его близкимъ друзьямъ, что у него скоротечная чахотка и скоро надо ждать конца его жизни. Съ глубокою грустью приняли это извѣстіе его друзья; они искренно жалѣли потерять своего добраго товарища и друга и не хотѣли ему говорить, что онъ уже приговоренъ къ скорой кончинѣ, но старались его всячески развлекать, дабы не дать ему остановиться на мысли о смерти. Товарищи съ нимъ не разлучались во все время его болѣзни и постоянно поочереди дежурили у него ночью и днемъ. Пріятели больного были большею частью люди не вѣрующіе, такъ же, какъ и онъ самъ, или не думающіе совершенно о религіозныхъ вопросахъ, но одинъ изъ нихъ, котораго особенно какъ то любилъ больной, былъ человѣкъ съ живой и глубокой вѣрой, который, зная то, что умирающій его товарищъ—человѣкъ совершенно ни во что не вѣрующій, страшно жалѣлъ его душу, но не зналъ, какъ приступить къ больному, чтобы просить его исполнить христіанскій долгъ предъ кончиной, исповѣдаться и принять св. Тайны Христовы. Много разъ онъ приближался къ постели больного и готовъ былъ сказать ему объ этомъ, но, каждый разъ, какъ-бы предчувствовалъ больной его намѣреніе, или проникалъ въ мысли товарища и начиналъ разговоръ такого содержанія, что было неудобно упомянуть о его духовныхъ потребностяхъ и приготовленіи его къ исходу въ вѣчную жизнь. Наконецъ, въ одну изъ ночей, въ которую дежурилъ у него его вѣрующій другъ, мысленно мо-

лящій Бога, чтобы Онъ помогъ вразумить больного исполнить христіанскій долгъ, больной началъ самъ говорить, что онъ скоро уже разстанется навсегда съ своими друзьями. такъ какъ онъ чувствуетъ самъ, какъ угасаютъ его жизненныя силы и оставляютъ его всѣ жизненные интересы. Послѣ этихъ словъ больной горько заплакалъ, и лицо его выразило глубокую скорбь и страданье. Воспользовавшись этимъ моментомъ, немедленно направилъ свою рѣчь его другъ на то, что хорошо бы было, если-бы онъ исповѣдался и принялъ св. Дары. Выслушавъ это, больной началъ раздражаться и обличать своего собесѣдника въ томъ, что онъ, зная убѣжденія и взгляды, какъ могъ рѣшиться предложить ему сдѣлку съ его собственной совѣстью, противъ которой онъ никогда не поступалъ въ своей жизни. Послѣ этихъ словъ, кажется, оставалось бы только молчать, но его истинный другъ, не обращая вниманія на раздраженіе больного, началъ вновь мягко дружески его умолять, прося не ради обряда и его настроенія и убѣжденій поступить такъ, какъ онъ проситъ его, а ради любви къ товарищамъ и той дружбы святой, которая готова идти на всѣ уступки ради друзей. Больной молча выслушалъ эти слова и долго еще молчалъ, не рѣшаясь сказать ни то ни другое въ отвѣтъ; но вдругъ его взглядъ остановился на другѣ и онъ, вздохнувши, сказалъ, что любовь его къ убѣждавшему его другу сильнѣе убѣжденій его, и ради этой любви онъ готовъ исполнить желаніе друга, но только отчасти, исповѣдаться согласенъ, но пріобщаться не буду. Немедленно позвали священника. Кучка близкихъ друзей собралась уже къ постели больного.

Придя къ больному, священникъ попросилъ всѣхъ выйдти въ сосѣднюю комнату; долго бесѣдовалъ съ больнымъ батюшка и по временамъ доносились въ сосѣднюю комнату вздохи больного и какъ будто рыданія наболѣвшей души. Наконецъ, священникъ торжественно открылъ двери въ ту комнату, въ которой были друзья больного и радостнымъ голосомъ, съ умиротвореннымъ выраженіемъ лица, сказалъ: „больной принялъ св. Дары; идите и поздравьте его“. Друзья, подойдя близко къ изголовью больного и увидѣвъ лицо его— поразились: оно было покойно и свѣтло, какъ никогда; на губахъ сіяла улыбка, какой ранѣе у него не бывало, глаза выражали полное умиротвореніе души, а онъ, съ любовію смотря на друга, который его убѣждалъ приблизиться къ таинству, началъ говорить слабымъ голосомъ: „Только теперь я позналъ, Кто есть свѣтъ міра и нашъ... и не окончивъ этой фразы, онъ быстрымъ взглядомъ всѣхъ окинулъ, потомъ закрылъ глаза, вытянулся всѣмъ тѣломъ, вздохнулъ, и лицо покрыла синеватая блѣдность; окружающіе подумали, что съ нимъ сдѣлалось дурно, и одинъ изъ товарищей положилъ ему на голову руку,—другою взялся за

пульсъ, но на лбу уже выступили холодныя капли пота, а пульсъ уже не бился, онъ скончался. Одинъ изъ присутствующихъ товарищей больного на этомъ духовномъ событіи, былъ совершенно не вѣрующій человѣкъ и даже смѣявшійся надъ религіей и таинствомъ въ то время, когда совершалось оно въ душѣ его умирающаго друга. И онъ, не вѣрующій человѣкъ, настолько былъ потрясенъ послѣдними минутами жизни товарища и чудомъ просвѣтленія его души, что даже послѣ этого событія нѣкоторое время нервно хворалъ и потомъ серьезно отдался религіознымъ вопросамъ и пришелъ къ глубокой вѣрѣ и на основахъ ея построилъ всю свою жизнь. И теперь, будучи уже врачемъ, онъ строго слѣдитъ за собою и своимъ отношеніемъ къ больнымъ, и въ каждомъ своемъ паціентѣ старается пробуждать христіанское настроеніе духа. Ему не разъ уже пришлось наблюдать въ своей практикѣ случаи, подобные этому въ измѣненіи человѣческихъ душъ не только въ послѣднія минуты ихъ жизни, но были и такіе случаи, когда человѣкъ во время болѣзни приносилъ глубокое покаяніе. По принятіи Святыхъ Таинъ больной просвѣтлялся и совершенно измѣнялся нравственно, обновлялся душою и тѣломъ и потомъ на новыхъ началахъ строилъ всю свою жизнь и дѣятельность.

Да, великая сокрыта сила въ покаяніи и непостижимо могущество и тайна въ Христовыхъ Животворящихъ Дарахъ („Кормч." 1910 г. № 49)...

Александра Дьяконова.

Вразумленіе свыше.

Въ 2 верстахъ отъ с. Пряжи, Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, на почтовомъ трактѣ въ г. Петрозаводскъ стоитъ крестъ со вставленною въ него иконою св. великомученика Пантелеимона. Крестьянинъ с. Пряжи Степанъ Ильичъ Мартыновъ, страдая недугомъ пьянства, каждый разъ при поѣздкахъ въ Петрозаводскъ усердно молился у этого креста и просилъ св. великомученика цѣлителя Пантелеимона помочь ему воздерживаться отъ злого напитка. При этомъ два года тому назадъ онъ далъ обѣтъ—построить новый крестъ взамѣнъ погнившаго. Но исполненіе своего обѣщанія онъ все откладывалъ опять-таки изъ-за пьянства. 27 сентября 1910 года во снѣ этому крестьянину явился св. цѣлитель Пантелеимонъ и грозно сказалъ: „Крестъ-то ты обѣщалъ сдѣлать и такъ долго не дѣлаешь. Въ карты и на пьянство не жалѣешь и тратишь по сту рублей, а на крестъ жалѣешь и малости".

Такъ вразумилъ угодникъ Христовъ нарушителя даннаго крестьяниномъ обѣта. Какой это урокъ всѣмъ нарушителямъ

обѣтовъ, и прежде всего пьяницамъ: вотъ какъ противенъ порокъ пьянства.

(Изъ донесенія крестьянина епархіальному начальству).

Божіе наказаніе нечестивцевъ.

Въ газетѣ „Колоколъ“ за 1910 годъ отъ 5-го октября сообщается замѣчательный случай Божія наказанія нечестивцевъ. „Въ селѣ Оргѣевскомъ, Бессарабской губ., праздновался храмовой праздникъ, совпадшій съ постомъ. Не взирая на постный день, молодежь непосредственно по окончаніи богослуженія въ церкви устроила въ селѣ танцы съ музыкой. Священникъ нѣсколько разъ пытался воздѣйствовать на молодежъ чрезъ отдѣльныхъ лицъ, но каждый разъ приходившіе отъ имени пастыря были встрѣчаемы и провожаемы крикомъ, бранью и даже угрозами.

Тогда священникъ, облачившись въ епитрахиль и съ крестомъ въ рукахъ самъ пошелъ, въ сопровожденіи церковнаго старосты, къ сказанной и шикающей толпѣ и сталъ уговаривать ее прекратить танцы.

Сначала толпа какъ будто опомнилась и готова была разойтись, но появилась группа мѣстныхъ буяновъ, которая набросилась на священника съ руганью и даже толкнула его и въ его присутствіи приказала музыкѣ играть, а молодежи танцовать.

Но вотъ небо сразу покрылось тучами, и надъ селомъ пронесся ураганъ необычайной силы, сопровождавшійся крупнымъ и частымъ градомъ. Ужасъ охватилъ недавнихъ дерзкихъ буяновъ, они стали просить священника помолиться. Священникъ началъ служить молебенъ, и ливень прекратился, но оказалось, что съ домовъ сорваны крыши, окна почти всѣ побиты, деревья обломаны, скирды сѣна разбросаны, а на поляхъ вся кукуруза оказалась побитой градомъ; въ особенности же пострадали виноградники, на которыхъ не только обиты всѣ богатые въ этомъ году гроздья, но и вѣтви, такъ что и въ будущіе годы—виноградники будутъ безплодны“.

Такъ часто правосудный Богъ не медля, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія караетъ нечестивцевъ за ихъ беззаконіе, дабы не приписали они наказаніе какому-либо простому случаю, если бы это наказаніе отложено было до будущаго времени, но скорое и непосредственное слѣдованіе казни за преступленіемъ до очевидности свидѣтельствуетъ и увѣряетъ,—чѣмъ именно вызвано было такое грозное Божіе посѣщеніе преступныхъ людей. Строго наказывая преступныхъ нечестивцевъ, Господь тѣмъ самымъ даетъ всѣмъ грозное вразумленіе и предостереженіе, и такимъ образомъ чудно

соединяетъ правду наказывающую съ любовію предостерегающею.

Наказаніе Божіе за сквернословіе.

(Изъ воспоминаній дѣтства).

„Всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ“ (Ефес. 4, 29).

Крѣпко сохраняются въ памяти впечатлѣнія дѣтства. На всю жизнь они остаются съ неослабѣвающей свѣжестью,— и чрезъ десятки лѣтъ такъ живо воспроизводятся, что, кажется, какъ будто только сейчасъ они получены.

Было нѣсколько случаевъ поразившихъ и мое дѣтское воображеніе и врѣзавшихся въ память на всю жизнь. Изъ нихъ два событія имѣли на меня столь благотворное вліяніе, что предохранили отъ одного дурного навыка, который, къ сожалѣнію, такъ распространенъ у насъ въ Россіи, этотъ навыкъ—сквернословіе.

И тяжкій же грѣхъ—сквернословіе! Ужъ если за праздное только слово, *еже аще рекутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово* (отвѣтъ) *въ день судный* (Матѳ. 12, 36), по слову Спасителя,—то кольми паче—за срамное. Вѣдь имъ человѣкъ оскверняетъ свой умъ, свои уста и, вообще, все свое богоподобное существо, и тѣмъ оскорбляетъ Бога. И, конечно, столь великій грѣхъ влечетъ великое и наказаніе за гробомъ. Но нерѣдко, правосудный Богъ строго наказываетъ за сей грѣхъ еще и здѣсь, на землѣ.

1. Въ раннія лѣта дѣтства запомнилъ я одного мужичка односельца, по имени Димитрія, отличительной чертой котораго было постоянно, на все село, кричать и браниться,— все равно,—одинъ ли онъ идетъ, или съ кѣмъ другимъ. Всякій разъ, бывало, какъ только услышимъ крикъ съ бранью, то ужъ знаемъ, кому онъ принадлежитъ. Я такъ привыкъ къ его крику, что почти уже и не обращалъ на него вниманія и считалъ какъ бы за нѣчто обычное.

Осень, помню, была теплая, и погода была—какъ лѣтомъ. Димитрій шелъ молотить хлѣбъ около своего овина, я вышелъ на улицу поиграть съ товарищами—сверстниками. Но невольно остановился, услыхавъ крикъ, хотя и знакомый, но болѣе обычнаго сильный, болѣе яростный сквернословіемъ. Хотя Димитрій шелъ не очень близко и, будучи за домами, не былъ видимъ мною, но почему-то въ этотъ разъ отъ его брани на меня напалъ такой страхъ, что,—вмѣсто того, чтобы идти къ сверстникамъ,—я поспѣшилъ обратно въ домъ. Потомъ, немного помедливъ, я опять вышелъ и увидѣлъ необычную картину: вижу,—бѣжитъ за село народъ, и всѣ съ выраженіемъ какого-то испуга на лицѣ. Движимый любопытствомъ, хотя и не безъ страха, послѣдовалъ

и я за всѣми бѣгущими. Всѣ направлялись къ овину Димитрія, гдѣ успѣла собраться уже немалая толпа народа. Пройти чрезъ толпу мнѣ, малышу, не удалось; и немало было труда узнать, что случилось,—такъ всѣ были поражены совершившимся... А совершилось вотъ что. Д—й взялъ цѣпъ и сталъ молотить. Но, ударивъ цѣпомъ разъ десятокъ, сошелъ съ „ладони" и легъ около нея какъ бы для отдыха. Но легъ, чтобы больше не встать, ибо душа его внезапно разлучилось съ тѣломъ,—и онъ сталъ бездыханенъ...

Такъ внезапно и на вѣки умолкъ языкъ, глаголавшій срамная...

Доселѣ не могу безъ содроганія вспоминать сего страшнаго наказанія Божія за сквернословіе. И доселѣ не забываю поминать о упокоеніи раба Божія Д—я, ужасаясь при мысли: что испытала, и быть можетъ, испытываетъ еще несчастная душа его по разлученіи отъ тѣла... Ибо сказано: „въ чемъ застану, въ томъ и сужу".

2. Не менѣе поразителенъ и другой примѣръ наказанія Божія за сквернословіе.

Въ этомъ же селѣ—мѣстѣ моей родины, жилъ крестьянинъ, по имени Ксенофонтъ. Его домъ былъ при самомъ въѣздѣ въ село, и слылъ корчемницей или, по народному выраженію,—кабакомъ. Кромѣ того К. съ женой содержалъ мелочную лавочку, куда случалось и мнѣ заходить купить кое-что. Самъ хозяинъ не отличался должнымъ благочестіемъ, потому что въ комнатѣ своей, обильной иконами, всегда почти пребывалъ въ шапкѣ. Мало того,—по словамъ моей родительницы,—„онъ былъ какъ турка: въ церковь не ходилъ, не говѣлъ и не причащался". Бранныхъ словъ лично я не слыхалъ отъ К—та и это, быть можетъ, потому, что очень мало его видалъ; но, судя по нижеописанному событію, привычку эту онъ несомнѣнно имѣлъ. Какъ то разъ зашли къ нему односельцы за покупками и, видя его въ шапкѣ и не молясь вкушающимъ хлѣбъ, замѣтили, что такъ христіанину грѣшно дѣлать. Что же К—ъ? А онъ, вмѣсто исправленія, накинулся на нихъ съ площадною бранью. Но не успѣлъ онъ кончить сквернословія, какъ постигла его Божія казнь: онъ внезапно повалился на полъ, будучи пораженъ параличемъ, который искривилъ ему ротъ, сдѣлавъ почти невозможнымъ принятіе пищи,—отнялъ разумъ, языкъ и всю лѣвую сторону тѣла. Промучившись съ недѣлю, К—ъ скончался безъ покаянія и причастія св. Христовыхъ Таинъ...

Невольно воскликнешь: „*смерть грѣшниковъ люта*" и „*Страшно есть еже впасти въ руцѣ Бога—живаго*". (Евр. 10, 31. „Тр. Слово" 1910 г. № 32).

Іеродіаконъ Ираклій.

Молитва матери спасаетъ дѣтей.

Помня слова Св. Писанія, что дѣла Божіи открывать славно, я считаю своимъ долгомъ сообщить къ общему свѣдѣнію случай, который убѣждаетъ насъ въ томъ, что Господь внемлетъ молитвамъ матерей за дѣтей и что умершіе, которыхъ мы помнимъ и чтимъ какъ праведныхъ, способствуютъ намъ при нашихъ молитвахъ.

23 января 1910 года вечеромъ я впала въ какое-то тоскливое состояніе, какъ бы ожидая несчастія, ночь провела томительно, а утромъ 24 числа пошла за раннюю литургію. Всю службу простояла тоже тоскливо. На молитвѣ я поминала блаженную Ксенію, которой въ этотъ день была память (я чту эту рабу Божію).

Придя домой, я начала свои домашнія работы, а сердце мое все сильнѣе болѣло отъ тоски. Въ 10 часовъ я встала предъ образомъ на молитву, опять поминая блаженную Ксенію, прося ее помолиться за меня. Молилась я такъ, какъ никогда въ жизни, душа моя вся возносилась къ Богу, изъ глазъ лились слезы ручьѐмъ. Я сама не знала, чему все это приписать.

Ударили къ вечернѣ, я пошла въ церковь и послѣ службы попросила батюшку отслужить панихиду по блаженной Ксеніи. Весь день она не выходила у меня изъ головы.

Пришла домой, не прошло и получаса, какъ пріѣзжаютъ мои два сына, которые служатъ въ Ярославской губерніи въ конторѣ господъ Понизовкиныхъ, ко мнѣ на именины, (25 числа день моего Ангела), пріѣхали они за 40 верстъ поздравить меня. Встрѣчаю, смотрю, у одного забинтована лѣвая рука, спрашиваю—не нарываетъ ли? отвѣчаетъ—много хуже. Что сдѣлалъ? скажи. Отвѣчаетъ: одно, мама, скажу, что ты, вѣрно, много молилась сегодня Богу, и твоя молитва часовъ въ 10 спасла меня отъ смерти, а то бы я тебѣ оставилъ жену и двухъ малютокъ. Тутъ я опять вспомнила блаженную Ксенію и мысленно возблагодарила Господа Бога за Его милость ко мнѣ недостойной.

Оказывается, дѣло было такъ: дѣти мои служатъ въ одной конторѣ, но живутъ на разныхъ квартирахъ. Александръ, второй мой сынъ, сбираясь ѣхать ко мнѣ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, заѣхалъ къ нему. Пока тотъ собирался съ женой, Александръ, увидѣвши лежавшій на комодѣ револьверъ, взялъ его и сталъ разсматривать, интересуясь какъ новинкой, ибо никогда прежде не держалъ сего оружія въ рукахъ, приложилъ даже къ своему виску, думая, какъ изъ такой маленькой игрушки убиваются люди на смерть. Вдругъ раздался выстрѣлъ, и пуля, задѣвши только мякоть указательнаго пальца лѣвой руки, ударилась въ стѣну близъ образа святит. Николая. Испугъ для всѣхъ бывшихъ въ домѣ

и изумленіе виновника выстрѣла для него самого были невыразимы. Какъ и отчего пуля очутилась въ стѣнѣ, а не въ головѣ его? Этого понять онъ не могъ и не можетъ до сихъ поръ. Для меня самой, если бы случилось несчастіе, было бы еще тягостнѣе, ибо я подумала бы, что я виновница его. Револьверъ, который былъ въ рукахъ у сына, я сама привезла старшему сыну въ домъ, своей невѣсткѣ на случай оградиться отъ недобрыхъ людей, когда мужъ бываетъ на службѣ. А допускать нападеніе недобрыхъ людей заставляло то, что домъ ихъ стоялъ на отлетѣ отъ домовъ духовенства села Боръ Голышкина, вдали отъ деревни. Для всѣхъ насъ было ясно, что рука Провидѣнія спасла моего сына; по другому объяснить я не могу, и утверждаю, что Богъ спасъ сына за молитвы матери хотя грѣшной и недостойной, по ходатайству, можетъ быть, блаженной Ксеніи, или предстательствомъ свят. Николая, образъ котораго былъ въ углу, образъ, которымъ я благословила старшаго сына Николая при вступленіи въ бракъ.

Я поняла теперь, что молитва сильнѣе всякаго оружія, и совѣтую всѣмъ матерямъ молиться за своихъ дѣтей, молиться усерднѣе, молиться всегда: и въ радости, и горѣ, въ полной надеждѣ на милость и покровительство Божіе.

Города Нерехты, Костром. г., мѣщанка *Фелицата Иванова Трескина.*

Чудесное исцѣленіе.

Дворянка Рязанской губ., Данковскаго у., дер. „Рановскіе Верхи“, Александра Андреевна Жукова 25 лѣтъ стала ощущать головную боль, затѣмъ у нея начала распухать шея. Докторъ Рудинскій призналъ и посовѣтовалъ ѣхать въ Петербургъ для операціи. Жукова пріуныла. Тогда мать ея, женщина глубоко вѣрующая, предложила ей помазать больное мѣсто св. масломъ отъ чудотворной иконы Божіей Матери „Черниговской“, что въ пещерахъ Геѳсиманскаго скита, гдѣ она была на богомольѣ. Она святымъ масломъ смазала ей больное мѣсто и дала св. воды. На второй день лѣченіе было повторено. И вдругъ Жукова почувствовала, что по шеѣ ея пробѣжала какъ бы какая-то струя, и опухоль замѣтно стала спадать; она начала свободно говорить, тогда какъ раньше, вслѣдствіе опухоли гортани, ей это было невозможно. Полная радости и благодарности, она дала обѣщаніе побывать въ пещерахъ и отслужить у чудотворной иконы Божіей Матери „Черниговской“ благодарственный съ водосвятіемъ молебенъ (Кол.).

Увѣщаніе жить по-православному.

(Древне-русское поученіе.—«Православный Собесѣдникъ», 1858 г.).

Прежде всего, братія, всякому человѣку христіанину должно вѣровать въ Господа Бога своего, во имя Котораго мы крестились, то есть, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, въ Пресвятую Троицу, въ истиннаго Господа Бога нашего. Крещеный человѣкъ какъ бы снова рождается, потомъ же, возрастая, въ жизни своей оскверняется, различно согрѣшая предъ Богомъ. Но Богъ милостивъ: хочетъ, дабы всѣ люди спаслись; не оставилъ Богъ человѣка въ погибели, но далъ ему покаяніе, дабы всѣ люди, прибѣгнувъ къ Нему и воздохнувъ изъ глубины сердца своего, покаялись во грѣхахъ своихъ, вольныхъ и невольныхъ; и пріиметъ Господь каждаго человѣка, кающагося во грѣхахъ своихъ. Далѣе, вотъ какія есть заповѣди: слушайте, братія, и держите ихъ у себя въ сердцѣ: исполнивъ ихъ, спасетесь. Первая заповѣдь—любить Бога всѣмъ сердцемъ своимъ, бояться словесъ Его, со страхомъ работать Ему, какъ бы видя лице Его. Вторая заповѣдь есть—любить другого какъ себя: ибо намъ не должно презирать никакого человѣка или говорить: вотъ этотъ праведникъ, а тотъ грѣшникъ; но должно говорить намъ: Богъ все знаетъ, а у меня есть печаль о своихъ грѣхахъ, до другихъ мнѣ нѣтъ дѣла. Потомъ, не должно творить блуда. А милостыню творить убогимъ, сколько можно по имѣнью. А главное, Великій постъ содержите со всею крѣпостію и вѣрою: со страхомъ и съ любовію кланяйтесь въ землю часто. Братія, потщимся чисто и честно проводить постные дни въ полномъ воздержаніи отъ всякаго зла. Проведши всю Страстную недѣлю чисто, въ Великую субботу причащавшіеся вкусятъ немного хлѣба и такъ проведутъ всю ту ночь въ молитвѣ къ Богу. Точно такъ же въ Воскресеніе Господне, пришедши въ свои дома, пусть немного ѣдятъ и пьютъ и поспятъ: ибо Христосъ воскресъ не ради питія и объяденія; но для того воскресъ, чтобы даровать радость всему міру и вѣрнымъ веселіе безконечное; дабы, видѣвши Воскресеніе Христово, праздновали всю ту недѣлю, но не пьянствомъ, не объяденіемъ, не пѣснями бѣсовскими, ни другими плотскими дѣлами и похотями. Ибо вся та недѣля составляетъ какъ бы одинъ день, потому вѣрующіе въ чистотѣ проводятъ ту недѣлю ради Воскресенія Господня, молятся и съ крестами ходятъ, а къ женамъ не прикасаются. Слыша сіе, братія, празднуйте, во-первыхъ, пресвѣтлое Воскресеніе Господа Іисуса Христа и всякій праздникъ Его, потомъ празднуйте и праздники Святой Госпожи нашей Богородицы и всѣхъ святыхъ Его. А отъ великаго дня до недѣли Пятидесятницы не кланяйтесь въ землю, не для

того, чтобы тѣло щадить, но славя Христово Воскресеніе, покланяйтесь иконѣ Христовой и Святой Богородицы и всѣхъ святыхъ. И всѣ воскресные дни такъ чтите, а грѣха не творите и не упивайтесь ни въ какіе дни; ибо упивающіеся погубятъ награду за трудъ свой. Въ тѣ дни часто творите молитву, какъ можете, по силѣ ума. Причастіе принимайте, а сами себя въ чистотѣ соблюдайте: если же недостойно причастимся св. Таинъ Христовыхъ, то осудимся въ муку. За наши грѣхи, намъ слѣдовало бы и главы не восклонять, біячеломъ предъ Нимъ, и очей не осушать, проливая слезы свои предъ Нимъ, стеня и скорбя о неподобныхъ дѣлахъ своихъ. О, братія, сестры, отцы и матери! Какъ намъ не бояться Господа своего и не трепетать словъ Его и не творить волю Его! Онъ сотворилъ небо и землю и море и все, что въ нихъ находится, взявъ отъ земли, сотворилъ наше тѣло, и не только тѣло, но и душу вдохнулъ и живыми насъ сотворилъ. Онъ сотворилъ также Ангеловъ и Архангеловъ, Херувимовъ и Серафимовъ, Престолы и Господствія; сотворилъ солнце и мѣсяцъ, и звѣзды, озера и рѣки и источники, всѣ горы и холмы, вѣтры, снѣга и дожди, скотовъ и звѣрей, и птицъ и гадовъ, и всякое земное древо. И все это боится Бога и трепещетъ и не преступаетъ повелѣнія Его, но все пребываетъ въ своемъ уставѣ, служа роду человѣческому. Земля даетъ плоды свои людямъ: на потребу и на пищу скотамъ и звѣрямъ, птицамъ и гадамъ и всякому земному дыханію. Солнце, осіявая и грѣя всю землю, восходя и заходя и служа людямъ, также исполняетъ повелѣнія Божіи, а также луна и звѣзды стоятъ на стражѣ всю ночь, восходятъ и заходятъ, даютъ свѣтъ людямъ, показываютъ всѣмъ путешествующимъ путь по морю, по рѣкамъ и по озерамъ; и, видя многія наши беззаконія, которыя мы сотворили предъ Творцемъ своимъ, все это терпятъ, боясь Божія прещенія. Точно такъ же и море и озера и рѣки и источники служатъ людямъ: переносятъ ихъ на корабляхъ по повелѣнію Божію, изъ города въ городъ, напояютъ водами, кормятъ всякими рыбами, омываютъ насъ: такъ намъ служатъ, боясь Творца своего; также и огонь творитъ, повинуясь Господу, служа людямъ: грѣетъ, варитъ, печетъ, сушитъ, все совершая намъ на потребу. Если же чего Господь не повелитъ творить, то все стоитъ въ уставѣ своемъ, не смѣя ничего сотворить. Все, братія, боится Бога и трепещетъ повелѣній Его: только мы, люди, все преступаемъ повелѣнія Его, заповѣдей Его не хранимъ, отцевъ своихъ не слушаемъ, по злому своему уму, и бѣгаемъ отъ пути истиннаго, спасительнаго, который ведетъ насъ въ жизнь вѣчную, къ вѣчному веселію: мы совращаемся съ этого пути на путь погибельный, ведущій насъ въ муку вѣчную и въ тьму кромѣшную. А никто насъ не ведетъ туда, но мы сами себя

вводимъ по своему злому обычаю: Бога не боясь, не почитая заповѣдей Его, творя дѣла діавола, совершая грѣхи, мы сами себя предаемъ въ рабство, будучи свободны. Ибо Самъ Господь въ Евангеліи говоритъ: *всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣху* (Іоан. 8, 34). А мы Господа Бога своего забываемъ и не исполняемъ воли Его. А какъ намъ не чтить Его! Ибо Самъ говоритъ намъ: „Почему, человѣче, ты Меня не умѣешь почитать? А Я для тебя свѣтъ сотворилъ, небо простеръ и землю на водахъ основалъ, море налилъ горстью, пескомъ оградилъ; для тебя сотворилъ озера и рѣки и источники; для тебя солнце, луну и звѣзды украсилъ; для тебя всякое дерево насадилъ и траву произрастилъ; для тебя огонь сотворилъ, пустилъ дождь и снѣгъ. И все это Меня боится и трепещетъ и не преступаетъ повелѣній Моихъ. А ты, человѣкъ, не боишься и не трепещешь Меня, не хранишь заповѣдей Моихъ .. Почему Меня не чтишь, человѣче? Я твой Богъ, Я твой Царь, Я твой Отецъ: какъ же ты, человѣкъ, не знаешь, какъ почитать Меня, не боишься Меня? Если Меня признаешь Богомъ своимъ: то почему Мнѣ не служишь со страхомъ, какъ служатъ Мнѣ Ангелы, Архангелы и вся тварь? Если Меня называешь Царемъ, то почему не чтишь Меня съ боязнію, какъ земному царю служатъ слуги? Если Меня называешь Отцемъ своимъ: то почему не чтишь Меня съ боязнію и не исполняешь воли Моей, какъ добрыя дѣти исполняютъ волю отцевъ своихъ? А мы, когда придетъ постъ — очищеніе душъ и тѣлесъ, тяжкимъ представляемъ говѣніе, и о томъ помышляемъ въ сердцахъ своихъ, какъ бы миновать постъ: не хотимъ отстать отъ всякаго беззаконія, и, когда іереи повелѣваютъ намъ честный постъ чисто и непорочно соблюдать, отступать отъ всякаго зла, приближаться къ Богу, чистыми слезами омывая всякую злобу, когда велятъ нашимъ душамъ, какъ птицамъ, избѣгать всѣхъ сѣтей діавольскихъ, тогда мы не хотимъ послушаться ихъ. Они говорятъ намъ добро; а мы говоримъ: это весьма тяжко, не можемъ вынести сего. На добрыя дѣла, приближающія къ Богу, мы, люди, слабы; слабы, немощны и лѣнивы мы на тѣ дѣла, которыми спасаются души и къ Богу возвышаются; а на худыя дѣла мы крѣпки, не можемъ отъ нихъ отстать, и нелѣнивы, и бодры; совершаемъ ихъ по своему безумію, а добрыя и полезныя Божіи заповѣди почитаемъ тяжелѣе всѣхъ земныхъ дѣлъ. Но почему намъ тяжкими кажутся заповѣди Божіи? Скажите мнѣ, братія и сестры, и чадца! Нѣтъ, въ заповѣдяхъ Божіихъ ничто не тяжко, и не трудно. Всѣ знаемъ, что мы крещены; но мы отрицались сатаны и всѣхъ дѣлъ его, а нынѣ опять погрузились въ первыя дѣла діавола, отъ которыхъ отрицались; не хотимъ отъ нихъ освободиться на старости и оставить ихъ въ зломъ сердцѣ своемъ. Какъ же хотимъ получить ми-

лость отъ Бога или избѣжать Его страшнаго суда, такъ поступая? Охраняя насъ отъ мысленнаго волка, который есть діаволъ, іереи велятъ намъ убѣгать на горы, и если мы на тѣ горы взбѣжимъ, то спасемся. А горы суть заповѣди Христовы, святыхъ Апостоловъ, Пророковъ и св. отцевъ. Братія и сестры! подвигнемся на добрыя дѣла, а отъ злыхъ дѣлъ отстанемъ и отбѣгнемъ, слушаясь духовнаго отца, храня заповѣди Господни. Молитвами Святыя Богородицы и св. Іоанна Предтечи и св. Апостоловъ и всѣхъ святыхъ да умоленъ будетъ Господь нашъ, и помилуетъ насъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Поученіе о. Іоанна Кронштадтскаго на всерадостный день св. Пасхи.

Христосъ Воскресе!

> *Я есмь Первый и Послѣдній, и живый; и былъ мертвъ, и се, живъ во вѣки вѣковъ, аминь. И имѣю ключи ада и смерти* (Апок. 1, 17. 18). *Такъ говоритъ Святый, Истинный, имѣющій ключъ Давидовъ, который отворяетъ, и никто не затворитъ, затворяетъ, и никто не отворитъ* (Апок. 3, 7).

Съ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ привѣтствую всѣхъ васъ и хочу въ такой великій и святый день побесѣдовать съ вами, дорогіе братья и сестры, по поводу приведенныхъ словъ Св. Писанія; а дорогими васъ называю потому, что вы очень дороги для Господа нашего Іисуса Христа, искупившаго всѣхъ насъ безмѣрно дорогою цѣною—пречистою кровію Своею, изліянною на крестѣ для спасенія нашего. Помните это и не забывайте, не забывайте, отъ чего вы искуплены дорогою цѣною: отъ грѣха, проклятія и смерти, временной и вѣчной. Берегитесь же всѣми силами грѣха, натворившаго столько бѣдъ въ мірѣ, да и нынѣ творящаго всякія бѣды. Итакъ, еще повторяю: Христосъ воскресе! Воистину воскресе!

Хочу разъяснить вамъ приведенныя въ началѣ слова Св. Писанія изъ откровенія Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову: *Я есмь Первый и Послѣдній (Альфа и Омега), и живый; и былъ мертвъ, и се, живъ во вѣки вѣковъ, аминь. И имѣю ключи ада и смерти.* Этими державными словами Господь указываетъ на то, что Онъ есть безначальный и всемогущій Творецъ видимаго и невидимаго, или ангельскаго міра,—что всѣ твари получили отъ Него свое начало, и самъ Денница—низринутый съ неба и ставшій сатаною и діаволомъ, начальникомъ падшихъ ангеловъ, дерзнувшій воспротивиться Богу и вступить въ борьбу съ Творцомъ своимъ

и внести въ міръ Божій грѣхъ и смерть; *Я,* говоритъ Господь, *есмь Первый и Послѣдній;* отъ Меня получили начало всѣ сотворенные духи — Ангелы и демоны, бывшіе прежде добрыми, святыми духами; Моимъ словомъ призваны къ бытію небо и земля и весь родъ человѣческій и даны имъ законы бытія и жизни; Мною совершаются и будутъ совершаться всѣ рожденія тварей, и Мною будетъ конецъ небу и землѣ со всѣми земными тварями; Мною будетъ общее всѣхъ воскресеніе и судъ; Мною будутъ побѣждены и попраны всѣ враги Мои и все сатанинское царство; Мною испразднится, уничтожится послѣдній врагъ—смерть.

Такъ какъ книга Откровенія Апостола Іоанна есть послѣдняя книга Св. Бытописанія, а первая книга есть книга Бытія міра и человѣческаго рода, писанная по вдохновенію Духа Святаго пророкомъ Моисеемъ, то, указывая на это, Господь говоритъ, что чрезъ Него началось бытіе міра и лѣтопись бытія, какъ черезъ Него же послѣдуетъ и конецъ видимому міру, о которомъ возвѣщается особенно подробно въ книгѣ Откровенія, и о послѣдней брани змія, или сатаны, съ Агнцемъ, закланнымъ и вкусившимъ смерть за спасеніе міра. Потому и говоритъ Господь Іоанну: *Я есмь Первый и Послѣдній*, т.-е. Мною все получило начало свое; Мною и кончится; чрезъ Меня будетъ и конецъ міра, конецъ царству сатаны и начало его вѣчнымъ мученіямъ, конецъ борьбѣ добра со зломъ, — конецъ смерти, конецъ умирающимъ — и воцарится правда,—отъ Меня получитъ праведное воздаяніе добро и зло, и пойдутъ *грѣшники* нераскаянные *въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную. Се иду скоро, и мзда Моя со Мною, воздати комуждо по дѣломъ его* (Апок. 22, 12), говоритъ Господь неоднократно въ книгѣ Откровенія. Указывая на то, что Онъ за насъ претерпѣлъ смерть и что несомнѣнно будетъ чрезъ Него, Побѣдителя смерти, общее воскресеніе, Онъ говоритъ: *Я былъ мертвъ, и вотъ, Я живъ во вѣки вѣковъ, аминь;* и вы живы будете вѣчно. Вотъ что означаютъ слова Воскресшаго: *Я есмь Первый и Послѣдній, и живый, и былъ мертвъ* для васъ, для искупленія вашего отъ смерти, *и се живъ во вѣки вѣковъ, аминь*, т. е. Я побѣдилъ смерть вашу Моею неповинною смертію ради васъ, и вотъ живъ во вѣки вѣковъ и возсѣдаю со Отцемъ Моимъ на престолѣ Его, отъ Котораго не разлучался, хотя и былъ на землѣ, совершивъ великій подвигъ Мой для васъ, подверженныхъ грѣху и смерти;—подвизайтесь и вы, Мои послѣдователи, противъ грѣха и творите правду, *и гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ*, т. е. въ вѣчномъ царствіи (Іоан. 12, 26).

Еще замѣчательны слова Господа: *имѣю ключи ада и смерти*; или — въ другомъ мѣстѣ той же книги: *такъ говоритъ Святый, Истинный, имѣющій ключъ Давидовъ, который отворяетъ, и никто не затворитъ, затворяетъ, и ни-*

кто не отворитъ. Какъ побѣдители городовъ, въ древности, въ знакъ побѣды своей брали ключи городскихъ воротъ и вступали торжественно въ побѣжденный городъ, такъ и Господь нашъ, побѣдивъ смертію Своею за насъ адъ и смерть, взялъ, какъ Побѣдитель, у сатаны ключи, коими онъ владѣлъ цѣлыя тысячи лѣтъ, ключи ада и смерти, и разрушилъ адъ, это мрачное, вѣчное узилище земнородныхъ, и освободилъ вѣчныхъ плѣнниковъ и вывелъ во свѣтъ царствія небеснаго.—Вотъ почему мы такъ свѣтло, всѣ со свѣчами горящими, встрѣчаемъ праздникъ Воскресенія, который всѣ мы называемъ свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ.

Будемъ же праздновать его свѣтло, во взаимной любви и во всякой добродѣтели, удаляясь темныхъ дѣлъ вражды, невоздержанія и всякой нечистоты грѣха. Аминь.

Воскресеніе Христово.

Христосъ воскресъ, и людямъ грѣшнымъ
Свобода вновь возвращена,
Грѣхъ первородный искупился
И смерть побѣждена.

Все ниспровергъ Десницей мощной,
За насъ Свою пролившій кровь,
Разрушилъ Онъ оковы ада
Къ блаженству путь открылъ намъ вновь.

Христосъ воскресъ, и чуднымъ свѣтомъ
Заря спасенія зажглась
И пѣснь любви и всепрощенья
Надъ грѣшнымъ міромъ пронеслась.

Журчанья водъ и солнца трепетъ,
Лазурь безоблачныхъ небесъ;
И пѣнье птицъ, и шопотъ вѣтра
Вѣщаетъ все: Христосъ воскресъ. (Р. П.).

Е. Балясникова.

Христосъ воскресе!

Христосъ воскресъ! Ликуйте, люди,
Забудьте скорбь и нищету
И гимнъ торжественный воспойте
Намъ рай отверзшему Христу.
Воскресъ Господь, любовь принесшій,
Нарекшій братьями людей,
Рабовъ и нищихъ не презрѣвшій,
Призвавшій грѣшныхъ мытарей.

Всѣхъ предъ Собою уравнявшій:
И богачей, и бѣдняковъ,
За всѣхъ Себя на смерть предавшій,
Всѣхъ свободившій отъ оковъ.
Въ сей день торжественный, побѣдный.
Пусть утѣшенье въ насъ найдетъ
Больной, отверженный и бѣдный
Въ любви пусть духомъ оживетъ.
Христосъ воскресъ, ликуйте, люди,
Сотрите скорби слѣдъ съ лица,
Объединясь съ любовью братской,
Воспойте Господа Творца!

К. Г.

Пасхальный звонъ.

(Н. П. Аксакова).

Колоколовъ пасхальныхъ звукамъ
Могучій свойственъ глаголъ.
Въ немъ врачеванье всякимъ мукамъ,
Въ немъ исцѣленье всякихъ золъ.
Въ немъ жизнь ликуетъ молодая,
Насилье смерти сокрушивъ,
Въ немъ сила мощная, живая,
Въ немъ свѣта радостный призывъ!
Въ немъ торжество и ликованье!
Побѣдный гимнъ надъ властью тьмы!
Въ немъ силу, вѣру, упованье
Всегда способны черпать мы.
И мнится мнѣ, пасхальнымъ звономъ
Съ землей Христосъ Самъ говоритъ,
И намъ земнымъ несяся лономъ,
Какъ пѣсня рѣчь Его звучитъ.
Онъ говоритъ: „Изъ сей юдоли
Душой воспряньте до небесъ;
Непобѣдимой силой воли
Воспряньте къ жизни!—Я воскресъ!“
Всѣмъ скорбь извѣдавшимъ сомнѣнья,
Всѣмъ правды видѣвшимъ позоръ
Пасхальный звонъ шлетъ утѣшенье,
Гремитъ неправдѣ приговоръ...

Важный историческій документъ.

Во второмъ приложеніи нѣмецкой газеты „Stetiner Abend Post“ (Штетинская вечерняя почта) напечатано: „Недавно сдѣлано открытіе величайшей важности. Оно касается историческаго сообщенія относительно смерти І. Христа. Въ капеллѣ Казерты (in der Kapelle von Caserta) находится одна доска, надпись на которой имѣетъ громаднѣйшее значеніе для всего христіанскаго міра. Доска эта имѣетъ надпись на древне-еврейскомъ языкѣ, изображающую текстъ смертнаго приговора, произнесеннаго намѣстникомъ Понтіемъ Пилатомъ. По переводу комиссіи французскаго „общества искусства“ въ Парижѣ приговоръ этотъ гласитъ слѣдующее: „Приговоръ, произнесенный Понтіемъ Пилатомъ, намѣстникомъ Нижней Галилеи, гласящій, что Іисусъ изъ Назарета долженъ понести смерть на крестѣ. — Въ семнадцатый годъ правленія Кесаря Тиберія и въ 25 день мѣсяца марта въ священномъ городѣ Іерусалимѣ, когда Анна и Каіафа были первосвященниками Божіими, Понтій Пилатъ, намѣстникъ Нижней Галилеи, сидя на президентскомъ стулѣ, приговариваетъ Іисуса изъ Назарета къ смерти на крестѣ между двумя преступниками, такъ какъ большія и достовѣрныя свидѣтельства народа говорятъ, что 1) Іисусъ — совратитель; 2) Іисусъ—возмутитель; 3) Іисусъ — врагъ закона; 4) Іисусъ — ложно именуетъ Себя Сыномъ Бога; 5) Іисусъ ложно именуетъ Себя царемъ Израиля; 6) Іисусъ вступилъ въ храмъ, окруженный толпой народа, несущаго въ рукахъ пальмовыя вѣтки; — и приказываетъ первому центуріону Квирилію Корнелію вести Его на мѣсто казни, и воспрещаетъ всѣмъ, какъ бѣднымъ, такъ и богатымъ людямъ, препятствовать смерти Іисуса. Свидѣтели, подписавшіе приговоръ противъ Іисуса, суть: 1) Даніилъ Робани, фарисей; 2) Іоаннъ Зарабатель; 3) Рафаилъ Робани; 4) Каперъ, книжникъ. Іисусъ будетъ выведенъ изъ города черезъ Серенскія ворота (Särena)“.

На сторонѣ текста стоитъ заключеніе: „Подобная доска посылается каждому роду (колѣну)“. (Колок. № 1571).

Плащаница Господня.

Въ Италіи, въ г. Туринѣ, съ начала 16 го столѣтія въ соборѣ во имя св. Іоанна Крестителя и до сего времени сохраняется святыня—подлинная (по преданію) погребальная пелена (плащаница) Господа нашего Іисуса Христа. — Въ 1898 году въ маѣ была въ Туринѣ выставка предметовъ церковнаго искусства, въ числѣ коихъ была помѣщена и плащаница Одинъ ученый фотографъ съ разрѣшенія итальянскаго пра-

вительства сфотографировалъ плащаницу. Полученное на фотографіи повергло всѣхъ въ величайшее изумленіе. Получилась совершенно отчетливая фотографія погребеннаго несомнѣнно послѣ распятія человѣка со знаками на спинѣ отъ бичеванія, съ лицомъ, близко похожимъ на ликъ, который по преданію, переходящему изъ вѣка въ вѣкъ, принято изображать при написаніи изображенія Христа Спасителя, и со слѣдами отъ терноваго вѣнца на лбу и головѣ. Ученые:— члены парижской академіи наукъ Поль Виньонъ и др. доказываютъ, что изображенія на плащаницѣ воспроизведены не рукою художника, а отпечатались сами въ то время, когда этой пеленой было обернуто тѣло Господа Іисуса Христа. Отображеніе тѣла Христа Спасителя на полотнѣ получилось обратное, подобно изображенію человѣка на фотографическомъ стеклѣ (негативѣ). Вопросъ, какимъ образомъ на полотнѣ,—служившемъ плащаницей для Христа, отпечаталось тѣло Его, научно объясняютъ такъ: причина заключается въ составѣ благовоній, которыми была умащена плащаница; благодаря алою, матерія плащаницы восприняла изображеніе Христа Спасителя, при чемъ потъ, которымъ было покрыто Его тѣло, оказалъ то дѣйствіе на слой благовоній, которое оказываетъ свѣтъ на стеклянную пластинку при фотографированіи. Предсмертный лихорадочный потъ, выдѣлявшійся въ изобиліи при висѣніи Христа Спасителя на крестѣ, не былъ смытъ съ тѣла за позднимъ временемъ и отсутствіемъ вблизи воднаго источника. Обильный потъ умирающихъ въ мученіяхъ богатъ по содержанію веществомъ (углекислый амміакъ), которое, по мнѣнію ученыхъ, должно было оказать химическое дѣйствіе на поверхность полотна, пропитаннаго алоемъ. Таково естественное объясненіе несомнѣннаго чуда для людей невѣрующихъ въ Бога, признающихъ только науку. Изъ древнихъ документовъ извѣстно, что въ Византіи находилось немало драгоцѣнныхъ христіанскихъ святынь, въ томъ числѣ и св. плащаница Господня, коя хранилась въ храмѣ Влахернской Божіей Матери, гдѣ была открываема для поклоненія народа каждую пятницу. Такъ продолжалось до 1205 года, когда вмѣстѣ съ паденіемъ Византіи подъ власть католиковъ — латинянъ неизвѣстно куда исчезла и эта всемірная святыня. Черезъ нѣкоторое продолжительное время одинъ изъ владѣтельныхъ князей Шампаньи, графъ Жофруа Шарни, принесъ въ даръ своему монастырю, имъ основанному, „подлинную“ плащаницу Господню (это было въ 1353 г.), ту самую, которая находится теперь въ г. Туринѣ. Предполагаютъ, что св. плащаница, сохранявшаяся благоговѣйно въ Константинополѣ, была похищена рыцаремъ западнаго воинства, овладѣвшаго всей имперіей, и можетъ быть даже предкомъ Шарни, и отвезена въ Шампанью, гдѣ хранилась въ тайнѣ въ семьѣ рыцаря. Потомъ была пожертво-

вана въ даръ монастырю. Въ соборъ св. Іоанна Крестителя въ Туринѣ св. плащаница передана на храненіе въ 1578 году. („Колок." 1911 г.).

Священномученикъ Парѳеній, патріархъ Константинопольскій.

(Пострадалъ въ 1657 году, въ Лазареву субботу).

Блаженный Парѳеній родился на островѣ Милитинѣ отъ благочестивыхъ родителей. Благодаря своимъ счастливымъ способностямъ, онъ скоро выучился церковной грамотѣ въ мѣстной школѣ, и когда достигъ зрѣлаго возраста, то любознательность его не ограничилась школьными только познаніями, — онъ жаждалъ высшаго образованія и неутомимымъ усердіемъ достигъ его, такъ—что считался однимъ изъ ученѣйшихъ своего времени. При своемъ духовномъ настроеніи онъ оставилъ все мірское, — предался чтенію Священнаго Писанія, и неуклонно посѣщалъ божественныя службы. За такія христіанскія добродѣтели его поставили сначала чтецомъ, потомъ посвятили въ иподіакона, діакона, іерея, а по смерти епископа Хіосскаго, по изволенію великой Церкви, возвели его, какъ мужа добродѣтельнаго и ученаго, на архіерейскую каѳедру Хіосской паствы, которую онъ и пасъ какъ истинный пастырь стада Христова. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, то есть въ 1657 году, единодушнымъ избраніемъ членовъ святѣйшаго цареградскаго синода, онъ возведенъ былъ на константинопольскій патріаршій престолъ. Св. Парѳеній недолго занималъ ввѣренный ему Христовою Церковію патріархатъ. Врагъ благочестія не могъ зрѣть свѣтильника, поставленнаго на свѣщницѣ, и изыскивалъ только предлогъ, какъ бы низвергнуть святителя. Случай къ тому вскорѣ представился.

Около этого времени крымскій ханъ послалъ къ казацкому гетману своего посла съ важными порученіями. Посолъ встрѣтился у гетмана съ бывшимъ митрополитомъ Никейскимъ, который пользовался тамъ большимъ почетомъ и вліяніемъ на дѣла.—Это очень не понравилось низкому татарину, и онъ, возвратившись къ хану, донесъ ему, что митрополитъ, безъ всякаго сомнѣнія, посланъ Константинопольскимъ патріархомъ, и что онъ измѣнникъ и предатель турецкаго царства и т. п. Ханъ сообщилъ эту вѣсть визирю, который не замедлилъ призвать къ себѣ патріарха для объясненія. По тщательномъ изслѣдованіи всего дѣла, о которомъ писалъ ханъ, обнаружилось, что патріархъ ничего не зналъ и ни въ чемъ не виноватъ. Однако, для прикрытія лжи такого лица, каковъ былъ ханъ и для отклоненія малѣйшаго подозрѣнія, безчестный визирь рѣшился пожертвовать владыкою

и предалъ его, какъ государственнаго измѣнника, градоначальнику для исполненія надъ нимъ смертнаго приговора. При этомъ вѣроломный далъ тайный приказъ даровать святителю жизнь, если онъ согласится сдѣлаться мусульманиномъ, и этимъ докажетъ свою преданность Турціи и отвергнетъ клевету.

Градоначальникъ, вслѣдствіе такого приказанія, предложилъ святителю принять исламизмъ и старался увѣрить его, что своимъ отступничествомъ онъ не только спасетъ жизнь, но будетъ еще почтенъ и обогащенъ султаномъ, займетъ высшія должности и сдѣлается однимъ изъ первыхъ сановниковъ государства.

Выслушавъ такія лестныя обѣщанія, блаженный Парѳеній сказалъ: — „Я не измѣнникъ государства и нимало не причастенъ подобнымъ замысламъ,—я страдаю невинно, что вы и сами сознаете, если пожелаете открыть истину. Что же касается до вашего предложенія отказаться отъ моей вѣры для спасенія моей жизни, то я не соглашусь на это, хотябы пришлось умирать мнѣ тысячу разъ; не отрекусь отъ моего Владыки и Бога Іисуса Христа.—Онъ моя радость и прибѣжище. О почестяхъ же вашихъ и слышать не хочу“.

Епархъ надѣялся жестокими истязаніями подѣйствовать на святителя болѣе, нежели лживыми обѣщаніями, но мученикъ Христовъ переносилъ ихъ съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ и неустрашимостію. За всѣ тяжкія раны онъ только благодарилъ Господа, что Онъ сподобилъ его пострадать за Свое святое имя, и молилъ даровать ему терпѣніе до конца.

Мучитель наконецъ убѣдился въ непобѣдимой твердости патріарха и повелъ его въ Пармаккапи, гдѣ и повѣсили блаженнаго въ Лазареву субботу. Такъ окончилъ мученически жизнь свою блаженнѣйшій патріархъ Парѳеній.

Всечестное тѣло мученика висѣло на перекладинѣ трое сутокъ, и каждую ночь небесное сіяніе освѣщало главу его. Послѣ бросили его въ море, изъ котораго извлекли его христіане, и тайно погребли съ подобающею честію и благоговѣніемъ на константинопольскихъ островахъ *).

Св. священномученикъ Гавріилъ.

(Пострадалъ въ 1659 году въ Бруссѣ).

Блаженный Гавріилъ, епископъ Ганскій и Хорскій, прибылъ въ Константинополь въ то самое время, когда св. Парѳеній

*) Вѣроятно, на одномъ изъ семи Принцевыхъ острововъ. Мученичество Парѳенія написалъ Мелетій, епископъ Сигирійскій. Объ немъ упоминаетъ Досиѳей въ своей книгѣ о патріархахъ іерусалимскихъ и Мелетій въ III томѣ своей книгѣ церковной исторіи.

переселился въ небесныя обители съ вѣнцомъ мученическимъ,—и на мѣсто его возведенъ былъ на патріаршій престолъ. Впрочемъ онъ недолго правилъ стадомъ Христовымъ. Какъ человѣкъ неученый, онъ долженъ былъ отказаться отъ своего престола и удалиться, по назначенію, на покой въ Бруссу. Спустя два года, онъ вооружилъ противъ себя всѣхъ мѣстныхъ евреевъ тѣмъ, что окрестилъ одного собрата ихъ, увѣровавшаго во Христа. Непримиримые враги христіанъ обратились съ жалобою къ визирю, бывшему тогда въ Бруссѣ съ султаномъ, и донесли ему, будто-бы Гавріилъ окрестилъ турка. Визирь приказалъ представить къ себѣ святителя и гнѣвно сказалъ ему: „Какъ ты дерзнулъ крестить турка? За такой поступокъ тебя слѣдуетъ повѣсить. Одно только для тебя спасеніе, если примешь исламизмъ. Тогда не только твоя жизнь будетъ цѣла, но еще пріобрѣтешь славу и почесть и сдѣлаешься знаменитымъ сановникомъ.“ Блаженный, выслушавъ такія нелѣпыя предложенія, безъ малѣйшаго страха отвѣчалъ: „Что я не крестилъ турка, и что евреи по злобѣ своей оклеветали меня—это всѣмъ извѣстно, даже и вамъ самимъ. Вы очень хорошо знаете, что этотъ отверженный народъ—евреи съ давнихъ временъ преслѣдуютъ насъ, и подобно тому, какъ умертвили Господа нашего Іисуса Христа, они готовы истребить и насъ всѣхъ христіанъ, если бы это было въ ихъ власти. Я невинно стражду. Что же касается до того, чтобы я отказался отъ вѣры и сдѣлался туркомъ для искупленія жизни, то я никогда ни подъ какимъ видомъ не соглашусь на это, хотя бы мнѣ, если это возможно, пришлось претерпѣть сто смертей. Я готовъ пострадать за святое имя Христово.“

Вмѣсто отвѣта визирь приказалъ заключить святителя въ темницу и тамъ мучить его разными пытками до тѣхъ поръ, пока онъ не приметъ ихъ закона. Однако, мужественный воинъ Христовъ твердо стоялъ въ вѣрѣ своей и все, что ни дѣлали съ нимъ жестокіе мучители, переносилъ бодро и благодушно съ теплою молитвою къ Богу, чтобы Онъ укрѣпилъ его еще на большіе мученическіе подвиги, дабы выразить тѣмъ безграничную любовь къ Спасителю. Жестокіе приставники донесли визирю о безуспѣшности своихъ пытокъ, и тотъ присудилъ невиннаго святителя къ висѣлицѣ. Палачъ вывелъ блаженнаго Гавріила съ лицомъ сіяющимъ радостію—на мѣсто казни и тамъ повѣсилъ его. (Изъ книги: „Христіанскіе мученики на Востокѣ“... свящ П. Соловьева. С.-П.-Б. 1862 г.).

Изъ дневника православнаго христіанина.

Въ Святую ночь.

(Истинное происшествіе).

Былъ конецъ марта.

Влажная мгла весенней ночи густой пеленой повисла надъ небольшимъ городкомъ, и въ сыромъ туманѣ ея теряли предметы ясность своихъ очертаній, и казались дома и строенія темными, безформенными массами.

По тротуарамъ одной изъ окраинныхъ улицъ осторожно и неспѣша двигалась рослая фигура какого-то человѣка. Онъ, видимо, не хотѣлъ быть кѣмъ-нибудь замѣченнымъ, потому что все время жался какъ можно плотнѣе къ стѣнамъ и заборамъ окраины и тщательно избѣгалъ мало-мальски освѣщенныхъ мѣстъ. Время и обстоятельства ему благопріятствовали: рѣдкіе фонари чуть мерцали желтоватыми пятнами въ сырой мглѣ воздуха, и прохожихъ почти совсѣмъ не попадалось: всѣ обитатели города сидѣли по домамъ, ожидая, когда первый ударъ колокола властно позоветъ ихъ къ Свѣтлой заутренѣ.

Скоро человѣкъ вышелъ на большую базарную площадь, всю заставленную постоянными навѣсами и ларями торговцевъ. Пробираясь между ними, онъ перешелъ на другую сторону площади и остановился, прячась въ тѣни и глядя на небольшой деревянный домикъ, три окна котораго были ярко освѣщены и бросали на мостовую полосы желтаго расплывчатаго свѣта.

Фигура скользнула къ дому и пропала, слившись съ его густой черной тѣнью. На нѣсколько мгновеній она еще разъ мелькнула передъ однимъ изъ оконъ, и, если бы кто-нибудь былъ здѣсь въ это время, до слуха его донесся бы сдавленный и хриплый, полный дикой радости шопотъ:

— Самого нѣтъ! То-то удача... Ну, да ладно... Обрадую я его.

Черезъ полчаса изъ дома, въ тѣни котораго скрывалась таинственная фигура, вышла женщина, повидимому, горничная, и въ разсѣянности оставила дверь незапертой. Какъ молнія, скользнулъ незнакомецъ въ домъ и очутился въ передней. Осмотрѣвшись, онъ, словно призракъ безплотный, прошелъ въ дальній уголъ ея, загороженный поставленнымъ сюда шкапомъ и сталъ невидимъ, забившись въ еще неубранныя зимнія шубы, висѣвшія на вѣшалкѣ.

А въ сосѣдней комнатѣ, служившей обитателямъ этого жилища столовой, слышались голоса и происходила такая сцена.

Двѣ дѣвочки-погодки лѣтъ шести-семи и маленькій трехлѣтній мальчикъ ужинали. Ихъ мать, совсѣмъ еще молодая женщина, съ красивымъ лицомъ, на которомъ сіяла добрая улыбка, вся насквозь пронизанная счастьемъ материнства, была тутъ же, ухаживая и кормя дѣтей.

Въ тотъ моментъ, когда незнакомецъ прятался въ темной передней, одна изъ дѣвочекъ подняла голову и произнесла, обращаясь къ другимъ:

— Тише!

— Ты что, Люба?--спросила ее мать.

— Кажется, вошелъ кто-то...

— Кому-же входить?

— Не знаю, но мнѣ послышался скрипъ двери,—настаивала дѣвочка.

Всѣ притихли. Съ минуту длилась мертвая тишина.

— Нѣтъ, Любочка, ты ошиблась. Видишь, никто не идетъ,—снова повторила мать.

Ужинъ продолжался. Когда дѣти кончили его, мать сказала.

— Ну, дѣтки, а теперь скоренько раздѣвайтесь и ложитесь въ постельки спать. А я пойду въ церковь, помолюсь за васъ Боженькѣ, а завтра подарю вамъ по яичку, хорошенькія красныя яички...

Всѣ перешли въ бывшую рядомъ спальную.

— А вдругъ, мамочка, это воры забрались?—спросила вторая дѣвочка, вспоминая происшедшее за ужиномъ.

— Дѣтка милая, что же у васъ воровать?—засмѣялась мать, цѣлуя ее.

— Я такъ боюсь спать, когда папа уѣзжаетъ... Противныя дѣла!—капризно воскликнула Люба,—изъ-за нихъ папа даже Пасху съ нами не встрѣтитъ завтра!..

— Чего же ты боишься, Любочка?- -спросила мать.

— А разбойниковъ!

— Разбойниковъ?—удивилась мать:—за что же нападутъ на васъ разбойники? Они грабятъ и убиваютъ только богачей, у которыхъ денегъ много... Къ намъ разбойники не придутъ.

— Разбойникъ—гадкій, разбойникъ—проклятый! — совер-

шенно неожиданно заявилъ все время молчавшій Сережа:—его самого убить надо.

— Сережа!—укоризненно воскликнула мать:—какъ тебѣ не стыдно!.. Развѣ можно хотѣть кого нибудь убить или желать кому-нибудь смерти и вообще всякаго несчастья? Кто тебя научилъ такимъ мыслямъ и словамъ.

Ребенокъ сконфуженно молчалъ.

— Разбойникъ—злой человѣкъ, но не проклятый! Никого нельзя проклинать, мой мальчикъ, и разбойниковъ тоже нельзя. Это—жалкіе, несчастные люди, у которыхъ злоба потемнила умъ и загрязнила душу. Они—большіе грѣшники и дѣлаютъ очень много дурного, но, если разбойникъ раскается, то Боженька проститъ его... Надо не проклинать разбойниковъ, а молиться за нихъ, молиться и просить Бога, чтобы Онъ вразумилъ ихъ и просвѣтилъ ихъ души и сердца.

— Боженька тоже не любитъ разбойниковъ,—проговорилъ Сережа.

— Онъ не любитъ ихъ, пока они убиваютъ и обижаютъ людей,—наставительно сказала мать:—когда одного разбойника распяли вмѣстѣ со Христомъ,—помните, дѣти, я вамъ третьяго дня читала объ этомъ?—Онъ покаялся, и Господь сказалъ ему, что онъ будетъ послѣ смерти въ раю.

Пока шелъ этотъ разговоръ, дѣти успѣли раздѣться. Теперь Сережа стоялъ въ кровати на колѣняхъ, въ бѣлой длинной рубашкѣ, съ бѣлокурыми золотыми кудрями, напоминая собой и своимъ чистымъ, невиннымъ личикомъ херувима, и читалъ обычную молитву, которой, едва только онъ сталъ говорить, научила его глубоко-вѣрующая мать.

— Господи, помилуй папу, маму, Любочку, Соню, Сережу и всѣхъ людей...

На минуту ребенокъ остановился.

— И разбойника,—добавилъ онъ, крестясь и укладываясь на постельку.

— Славный мой мальчикъ! Прелесть моя дорогая!—осыпала мать Сережу поцѣлуями.—Такъ всегда дѣлай, молись за всѣхъ, и даже за разбойниковъ. Имъ молитва даже нужнѣе, чѣмъ прочимъ людямъ: они больше грѣшатъ.

Слыша слова матери и похвалы ея брату, обѣ дѣвочки послѣдовали его примѣру и къ словамъ молитвы прибавили трогательное: и разбойника!

Въ тишинѣ комнаты святой чистотой и любовью звучала эта кроткая дѣтская мольба...

Прошло около часу.

Давно были потушены лампы, давно спали дѣти, давно, послушная зову колокола, ушла къ заутренѣ мать, когда, наконецъ, зашевелился темный уголъ у вѣшалки и оттуда вышелъ спрятавшійся тамъ человѣкъ. Скользя въ темнотѣ

неслышной тѣнью, прошелъ онъ столовую и остановился въ дверяхъ дѣтской.

Прямо противъ дверей, въ углу, передъ большимъ, потемнѣвшимъ отъ времени образомъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ ярко горѣла лампадка. Свѣтъ ея упалъ на лицо стоявшаго. Лохматые волосы и густая черная всклокоченная борода придавала ему видъ суровый и мрачный. Въ правой рукѣ у человѣка что-то блестѣло: это былъ большой обоюдоострый ножъ, и кроткіе лучи лампадки зажигали отраженія на полированномъ лезвіи.

Но лицо этого неизвѣстнаго, который вошелъ въ домъ для убійства, не было свирѣпымъ. Наоборотъ: всѣ мускулы его дрожали и подергивались какой-то страдальческой судорогой, а въ черной бородѣ искрились остановившіяся тамъ крупныя серебряныя капли: онъ плакалъ неслышными слезами...

Долго человѣкъ стоялъ на порогѣ и, наконецъ, рѣшился войти въ эту комнату, которую, казалось, защищалъ и охранялъ Самъ Скорбящій Страдалецъ. А войдя, упалъ ницъ передъ Его образомъ, захлебываясь беззвучными рыданіями и сдерживая рвавшіяся наружу крики...

Гдѣ-то ударилъ колоколъ.

Человѣкъ торопливо поднялся и подошелъ къ кроваткѣ Сережи. Наклонившись, часто-часто крестилъ онъ его. Ребенокъ спалъ спокойно. Одна ручка, выбившись изъ-подъ одѣяла, свѣсилась съ постели внизъ и къ ней, какъ къ святынѣ, приложился губами человѣкъ.

Несвязный шопотъ пролетѣлъ по комнатѣ и потонулъ въ тишинѣ.

Обойдя и перекрестивъ остальныхъ дѣтей, человѣкъ снова вернулся къ Сережѣ, сунулъ ему что-то подъ подушку и, увидѣвъ на столѣ карандашъ, написалъ при слабомъ свѣтѣ лампадки нѣсколько словъ на оборотной сторонѣ переплета случившагося тутъ Евангелія.

И снова упалъ передъ образомъ. Конвульсивно вздрагивало большое, рослое тѣло, капали на полъ, какъ свинецъ, тяжелыя, горькія слезы, и сливались съ радостнымъ, ликующимъ перезвономъ колоколовъ глухіе надорванные стоны...

А съ образа дивной радостью и божественной любовью сіяли глаза Скорбящаго Страдальца и смотрѣли на этого кающагося разбойника такъ же кротко и милосердно, какъ нѣкогда, почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, смотрѣли съ креста на другого...

Въ эту ночь, вмѣстѣ съ воскресеніемъ Христа, воскресла и темная душа человѣка для новой и лучшей жизни...

— А у меня, мамочка, золотыя копѣечки есть!—картавилъ радостно Сережа, встрѣчая входившую утромъ въ дѣтскую мать.

— Что ты, бутузъ, выдумываешь? Какія золотыя копѣечки еще у тебя?

— А вотъ, посмотри...

Въ рукахъ Сережи звенѣло нѣсколько крупныхъ золотыхъ монетъ. Мать хотѣла что-то сказать, какъ вдругъ увидала на столѣ развернутое Евангеліе и строки, написанныя на оборотѣ переплета.

— Доброй матери этихъ чудныхъ дѣтей на память отъ разбойника, котораго спасли чистыя дѣтскія молитвы отъ страшнаго злодѣянія,—прочла она вслухъ и... зашаталась, догадавшись отчасти, что было здѣсь ночью.

Еще секунда... Взоръ ея упалъ на забытый передъ иконой на полу громадный ножъ... и потрясенная мать, слабо вскрикнувъ, упала безъ чувствъ.

Черезъ три мѣсяца въ Петербургъ, на имя министра того вѣдомства, гдѣ служилъ отецъ Сережи, пришла крупная сумма денегъ и толстое письмо съ заграничнымъ штемпелемъ.

Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого письма:

„Единственный сынъ очень состоятельныхъ родителей,— съ дѣтства я былъ избалованъ въ высшей степени. Я не зналъ и не привыкъ къ противодѣйствію, малѣйшія желанія мои исполнялись безпрекословно, ни одинъ капризъ не встрѣчалъ отказа. Рано начавшій жить, я съ головой окунулся въ грязный омутъ кутежей, оргій и карточной игры. Послѣ смерти родителей, когда все довольно крупное состояніе перешло всецѣло въ мои руки, я, конечно, образа жизни не измѣнилъ... Скоро состояніе мое пошатнулось, а потомъ и совсѣмъ было растрачено. Убійство ростовщика, который грозилъ протестомъ векселей, было достойнымъ завершеніемъ этой безпутной и порочной жизни. Меня судили и сослали на каторгу. Нѣсколько лѣтъ пробылъ я тамъ, тѣша себя мыслью о мести тому слѣдователю, который обнаружилъ мое преступленіе и котораго поэтому я считалъ виновникомъ и причиной постигшей меня суровой, но,—теперь я это сознаю,—справедливой и вполнѣ заслуженной кары. Бѣжавъ, наконецъ, съ каторги, я пробылъ нѣкоторое время на золотыхъ сибирскихъ пріискахъ. Тамъ мнѣ повезло. Въ глухой тайгѣ открылъ я богатую золотоносную жилу и скоро сталъ обладателемъ порядочнаго состоянія. Тѣмъ временемъ мечты о мести меня не покидали. Я рѣшилъ продать пріискъ, убить своего мнимаго врага и скрыться за границу. Первое и третье исполнено: пріискъ давно проданъ, самъ я, какъ видно по штемпелю, въ Англіи“.

Дальше неизвѣстный описываетъ, какъ онъ разыскалъ слѣдователя, какъ шелъ къ нему ночью, какъ забрался въ квартиру и рѣшилъ перерѣзать всю семью: жену и дѣтей.

„Такая месть мнѣ очень улыбалась. Это было гораздо лучше, чѣмъ убить его самого... Но,—Боже!—въ то время,

какъ я сжималъ уже ножъ въ рукѣ и со свирѣпой радостью представлялъ себѣ предсмертныя судороги и конвульсіи своихъ жертвъ и горе ихъ отца и мужа,—мать учила дѣтей молиться за разбойника, а дѣти молились!.. Ихъ молитва возносилась и за меня, потому что я тоже былъ разбойникомъ!.. Я не знаю, что сдѣлалось со мной, я переродился въ эту святую ночь и изъ звѣря и негодяя сталъ человѣкомъ... Навѣрно, дошла молитва дѣтскихъ сердецъ до Престола Всевышняго, и Онъ, Милосердный Судья міровъ, далъ мнѣ слезы раскаянья и принялъ эти слезы и рыданія мои, какъ принялъ нѣкогда молитву распятаго на крестѣ съ Его Сыномъ разбойника"...

Письмо заканчивалось просьбой переслать прилагаемую сумму отцу Сережи на его воспитаніе.

Внизу стояла короткая надпись:

— Разбойникъ.

Деньги и это письмо были отправлены министромъ по назначенію (Р. Пал. 1909 г.).

С. С. Нелидовъ.

Объ обязанностяхъ пасомыхъ къ пастырямъ.

(Изъ твореній св. Тихона Задонскаго).

Поелику пастырь церкви возвѣщаетъ слово Божіе, то всему, чему онъ учитъ, ты прилежно внимай, христіанинъ, и сообразно съ этимъ поступай. Объ этомъ Апостолъ такъ говоритъ: *повинуйтеся наставникамъ вашимъ и покаряйтеся: тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще; да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе: неъсть бо полезно вамъ сіе* (Евр. 13, 17). Пастырь есть посланникъ Божій, который возвѣщаетъ тебѣ путь спасенія и зоветъ тебя именемъ Божіимъ въ вѣчное царство Его. Поэтому почитай его, какъ посланника Божія, столь великія блага тебѣ возвѣщающаго и къ нимъ тебя зовущаго. *Иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ*, говоритъ Господь (Матѳ. 10, 40). Такъ какъ пастырь заботится объ общей пользѣ, печется о всѣхъ и о тебѣ, чтобы всѣ получили вѣчное спасеніе, то люби его, какъ отца и благодѣтеля своего, и будь ему благодаренъ. Ты называешь его отцомъ, и хорошо: онъ раждаетъ всѣхъ, какъ и тебя, не для временной, а для вѣчной жизни. Люби же и ты его, какъ такого отца. Любишь ты отца по плоти; тѣмъ болѣе долженъ любить отца духовнаго.—Онъ печется и промышляетъ о всѣхъ и о тебѣ: не оставляй же и ты его въ нуждѣ, и чего требуетъ, въ томъ помогай ему и недостатокъ восполняй, чтобы имѣлъ онъ и

время заботиться и промышлять объ общей пользѣ. Поелику въ народѣ много есть недоброжелателей, которые пастырскаго обличенія не любятъ и по своей волѣ хотятъ жить и не мало клеветъ на пастыря измышляютъ и распространяютъ, то ты, когда услышишь какую клевету на пастыря и худой слухъ про него, не вѣрь тому и загради уста, чтобы и другому никому не сказывать о томъ. Иначе тяжко согрѣшишь, ибо зломъ за добро воздашь, а это есть великое беззаконіе. Тяжко и простого человѣка, а тѣмъ болѣе пастыря, оклеветать и обезславить. Отсюда и въ людяхъ великое нестроеніе, и пастырю презрѣніе и непослушаніе, а такимъ образомъ и трудъ его можетъ быть безполезенъ. Прилежно внимай сему, христіанинъ, и берегись злаго слуха на пастыря, а тѣмъ болѣе самъ не распространяй, чтобъ не коснулась тебя карающая рука Божія. Если замѣтишь какія-либо слабости въ пастырѣ, которыя и въ людяхъ благочестивыхъ бываютъ, то не соблазнись и не осуди его, но вспомни, что и пастырь такой же человѣкъ, какъ и прочіе, тѣ же имѣетъ немощи, какъ и всѣ люди. Такъ какъ пастырь подверженъ многимъ искушеніямъ, и на него особенно нападаетъ діаволъ и его злые слуги, и потому онъ требуетъ особенной помощи Божіей и подкрѣпленія; то какъ всѣмъ людямъ, такъ и тебѣ должно молиться о немъ Богу, да поможетъ ему и укрѣпитъ его. Благополучіе дома зависитъ отъ добраго хозяина, благополучіе воиновъ отъ добраго полководца и благополучіе плывущаго корабля отъ добраго кормчаго. Молись же, дабы пастырь былъ мудръ и добръ, и общество христіанское будетъ благополучно.

Іисусъ Христосъ.

Есть Имя чудное: средь міра суеты
Звучитъ Оно таинственно и свято.
Оно звучитъ въ вертепахъ нищеты,
Имъ оглашаются и царскія палаты.
    Его и праведникъ въ моленіи твердитъ,
    Его поютъ и ангельскія лица,
    И въ мигъ раскаянья чуть слышно говоритъ,
    Не смѣя взоръ поднять на небеса, блудница.
Средь царства зла, средь тьмы и лжи земной,
Звучитъ Оно такъ сладостно и дивно,
И съ царствомъ зла Оно зоветъ на бой,
И манитъ вдаль, какъ колоколъ призывный.

Средь міра бѣдъ, средь царства вѣчныхъ слезъ
Оно одно звучитъ, какъ пѣсня рая,
И въ горній міръ, и въ міръ надзвѣздныхъ грезъ
Зоветъ Оно, несчастныхъ утѣшая.
Какъ молнія, прорѣзавъ мглу вѣковъ,
Оно весь міръ, сверкнувши, озарило
И—вѣчная загадка для умовъ—
Грѣховный міръ для правды возродило.
Для христіанъ—незыблемый утесъ—
Оно стоитъ въ волнующемся морѣ;
Оно для нихъ—источникъ свѣтлыхъ слезъ
И радости, врачующій ихъ горе...
А для людей, невѣрьемъ одержимыхъ,
То—вѣчная загадка и вопросъ,
Ихъ разумомъ слѣпымъ неразрѣшимый,
То Имя—Іисусъ Христосъ (Херс. Еп. В. 1905 г.).

А. Зеленецкій.

Изъ дневника православнаго христіанина.

„Божія Милость“.

„Давно это было, годовъ 15—16 назадъ. Маленькимъ, годовъ 5—6 я былъ. Можно бы и забыть, но не могу...

Не разставался я съ тетушкой: она была до меня добрая, а маленькому что и надо? Но вотъ она заболѣла. Страшная боль въ желудкѣ не давала ей ни ѣсть ни пить. Увезли ее въ больницу, но и тамъ не вылѣчили. Врачъ приговорилъ ее къ смерти. Привезли ее домой, но ужъ почти одинъ скелетъ.

Вынесли ее на рукахъ. Вскорѣ она исповѣдалась, причастилась и потомъ еще особоровалась—этимъ какъ бы всю надежду возложила на Бога, всю себя отдала въ волю Божію.

— „Что Богу угодно, то пусть и будетъ“ говорила она. Я не отходилъ отъ ея постели, все съ ней лепеталъ.

Она заставляла меня помолиться за нее и я молился дѣтской молитвой: „Дай здоровья, Господи, моей тетушкѣ!“. Бралъ я изображенія Божіей Матери, св. Пантелеимона и др. святыхъ, печатанныя на Аѳонѣ—на атласѣ и на шелку и присланныя изъ Русскаго Пантелеимонова монастыря, прикладывалъ эти изображенія къ лицу больной и молился по дѣтски, дабы Господь помогъ моей „тетенькѣ“ выздоровѣть... Обложу вотъ всю ее этими изображеніями и заставляю потомъ каждое поцѣловать. Хоть и тяжело было больной, но она терпѣла, угождала мнѣ и... разъ наконецъ заснула... Я вышелъ изъ комнаты..

Въ избѣ собрались близкіе родные и деревенскіе, пришли проститься съ ней, приготовить ее къ будущей жизни. Ни-

кто не ждалъ ея излѣченія... Ждали, когда она проснется, чтобы проститься...

Долго спала она... Можетъ и я ее утомилъ. Да и давно къ тому же не засыпала. А теперь долго спала. Въ избѣ сидѣвшіе стали тревожиться — не померла ли она... Нѣтъ, нѣтъ и заглянутъ тихонько въ комнату. Но больная дышетъ, стало быть спитъ. Всѣ сидимъ и ждемъ чего то: или пробужденія, или смерти, или Богъ вѣсть чего...

И, о, чудо! Больная, не сходившая съ постели больше полгода, сама отворила двери и выходитъ... Всѣ остолбенѣли... А больная идетъ и, обводя кругомъ глазами, спрашиваетъ: „гдѣ икона? Дайте приложусь и я!..“ Господи, что съ ней? Въ своемъ ли она умѣ? Какая икона?.. Подхватываютъ ее, укладываютъ опять въ постель... И больная тихо разсказала намъ свой дивный сонъ. Я помню ея разсказъ, помню всю обстановку, все помню хотя былъ и маленькій.

— „Вижу я — несутъ икону св. цѣлителя Пантелеимона. Идетъ за иконой батюшка въ ризѣ и поетъ, а я вотъ и вышла на встрѣчу. Вотъ отворила двери и пошла, тутъ видно и проснулась и спросила: „гдѣ икона?“ Господи! до чего я ясно это видѣла! Сроду не видывала такихъ сновъ“...

Не долго прошло послѣ этого сна. Приняли въ домъ икону св. Цѣлителя. Положили обѣщаніе—ежегодно служить молебенъ съ акаѳистомъ на дому. Больная выздоровѣла, хотя и не совсѣмъ: рѣдко, но все же дастъ себя знать ея боль, и какъ бы напоминаетъ ей о смерти, чтобы не забывала Бога.

Старушка и доселѣ живетъ (въ дер. Василистовской, Вельскаго уѣзда), пережила даже и своего мужа. Постоянно она въ трудахъ, никогда ни на кого не осердится ни на что, до всѣхъ добрая.

Сгорбившись, согнувшись въ дугу, ходитъ она всегда одинаково веселая, но среди ея веселости нѣтъ-нѣтъ и проглянетъ въ ея глазахъ какая-то тайна, за которую она постоянно и благодаритъ своего благодѣтеля—небеснаго Врача. И донынѣ она встрѣчаетъ, но уже наяву, на другой день памяти св. Пантелеимона (28 іюля) икону его въ своемъ дому. По ея просьбѣ служатъ ей молебенъ съ акаѳистомъ св. Цѣлителю. Колѣнопреклоненная, согнувшаяся старушка вся изливается въ слезахъ благодарности святому великомученику.

Псаломщикъ *Клавдій Булыгинъ.*

Къ кончинѣ Казанскаго архіепископа Никанора.

Въ „Изв. по Казан. Еп.“ передаются слѣдующія трогательныя подробности изъ послѣднихъ минутъ земной жизни скончавшагося 27 ноября 1910 г. архіепископа Никанора:

„Въ седьмомъ часу вечера владыкѣ предложили помолиться и онъ попросилъ послужить возлѣ его одра всенощную. Началось краткое служеніе. Владыка какъ бы нѣсколько затихъ въ своей боли и ровнѣе дышалъ. Кончилась всенощная. Изъ устъ владыки послышались невнятные звуки. Онъ силился что-то сказать, но присутствующіе не могли разобрать произносимыхъ словъ. Наконецъ стало явственно различимо, что владыка проситъ посвятить во діакона. Это было то послѣднее дѣло, которое оставалось нерѣшеннымъ у умирающаго архіепископа. Умирающій до самой смерти остался вѣрнымъ себѣ. Будучи здоровымъ, онъ не имѣлъ обыкновенія оставлять на слѣдующій день нерѣшенныя дѣла и въ этотъ послѣдній день жизни владыки на его столѣ лежало только одно разсмотрѣнное, но не рѣшенное дѣло, и оно послѣднимъ мановеніемъ владычной воли все-таки было закончено. Святитель умиралъ стражемъ на своемъ посту. Когда владыка увидѣлъ, что его волю поняли и сдѣлали согласно ей распоряженіе, его уста снова зашептали что-то, и снова окружающіе не могли долго понять, что проситъ умирающій. А умирающій просилъ помазанія елеемъ отъ лампады, возженной предъ иконой св. великомученика Пантелеимона въ комнатѣ, гдѣ служили всенощную и гдѣ лежалъ болящій. Не разъ подавали владыкѣ разные предметы и указывали на разныя вещи, но болящій отрицательно качалъ головой. Но вотъ стало ясно слышно, что владыка проситъ освятить его и указываетъ на грудь, гдѣ особенно чувствовалась боль. Когда же, наконецъ, принесены были лампада и кисточка для помазанія, то лицо владыки озарилось радостью и онъ самъ помазалъ себѣ чело и грудь, благодаря присутствующихъ наклоненіемъ головы и взоромъ“.

Въ утѣшеніе вѣрующимъ и въ назиданіе невѣрующимъ и колеблющимся.

Божіимъ попущеніемъ и милостію, удивительное время переживаемъ мы: съ одной стороны, сильные приливы невѣрія и религіознаго безразличія, съ другой—неисчерпаемое чудесъ море, какъ въ перво-христіанскіе вѣка. Впрямь сбываются слова поэта: „чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды блещутъ“. Одни только глухо-нѣмые въ дѣйствительности или духовные слѣпцы не видятъ или намѣренно закрываютъ очи отъ тѣхъ чудесныхъ событій, какими полна окружающая насъ жизнь. А чудеса такъ неотразимы и ярки. Въ настоящій разъ мы не говоримъ о токѣ чудесъ, исходящемъ изъ подъ темныхъ сводовъ пещеры новоявленнаго угодника Божія святителя Іоасафа. Беремъ жизнь рядовую‘ безъ повышеннаго темпа, и отмѣтимъ въ ней такое событіе‘

которое источнымъ началомъ своимъ имѣетъ вѣру въ силу креста и имя Божіе, ту вѣру, о которой Самимъ Христомъ сказано, что именемъ Его бѣсы изгоняются, наступаютъ на змію и скорпію... и вообще у самыхъ вратъ смерти остаются невредимы. Вотъ это событіе, только что собщенное мнѣ моимъ добрымъ товарищемъ, священникомъ Покровской церкви города Стараго Оскола, отцомъ Василіемъ Ивановымъ. Предоставимъ ему, собственными его словами, рззсказать объ испытанномъ имъ чудѣ милости Божіей.

„На Троицкой седмицѣ, пишетъ онъ, я отправлялъ вечеромъ обычную службу. Въ тотъ моментъ, когда, дѣлая отпустъ, при послѣднихъ словахъ: „помилуетъ и спасетъ насъ, яко благъ и человѣколюбецъ", я осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, раздался страшный ударъ грома. Молнія, влетѣвъ чрезъ осмерикъ въ церковь, прошла мимо меня и бросилась въ открытыя наружныя двери. Встрѣтивъ, однако, здѣсь, въ стеклянныхъ стѣнкахъ наружнаго фонаря (входной коробки) препятствіе, пошла вверхъ по отверстію между стѣной церкви и рамой фонаря, неплотно къ стѣнѣ прилегающей, причемъ по пути исковеркала раму наружной картины Покрова Пресвятой Богородицы, отбила карнизъ, и исчезла въ воздухѣ. Сотрясеніе воздуха въ церкви было настолько велико, что меня отбросило въ сторону аршина на два, и самый воздухъ, какъ въ печи, былъ горячій. Отдѣлался я однимъ только испугомъ. О силѣ удара можно судить по тому, что неподалеку отъ церкви сидѣвшая женщина оглохла, и еще до сихъ поръ слабо слышитъ. Вотъ въ какихъ страстяхъ мнѣ пришлось быть! Воистину, былъ ятъ, но милостію Божіею, не удержанъ въ персяхъ смерти"...

Жаль, что не упоминаетъ онъ: были ли въ храмѣ молящіеся и сколько, хотя отсутствіе ихъ не измѣняетъ существа дѣла, присутствіе же усугубляетъ чудо. Въ послѣднемъ случаѣ молніеносная змія и скорпія миновала не одного іерея Божія, но и молившихся съ нимъ чадъ его. Неужели, послѣ этого, у кого нибудь хватитъ смѣлости видѣть здѣсь явленіе обыкновенное, а не глубоко-чудесное?! Почему же тогда жало смерти въ храмѣ Божіемъ для одного или нѣсколькихъ было тупо и безвредно, внѣ же его даже его отраженный ударъ такъ чувствителенъ и не безслѣденъ? Какъ здѣсь очертить и найти линію сопротивленія наибольшаго? Несомнѣнно, она—въ призывѣ имени Божія (возглашенія отпуста) и въ силѣ креста (осѣненіе себя его знаменіемъ), какъ и вообще въ преклоненіи стихій предъ мѣстомъ селенія славы Божіей. Бываетъ и неумолимо разрушительное дѣйствіе ихъ, но то тогда, когда мѣра беззаконій нашихъ превосходитъ милость Божію... Если, по Псалмопѣвцу, небеса повѣдаютъ славу Божію, то чудеса непрестанно возвѣщаютъ силу Его. Колебавшемуся Ѳомѣ сказано Господомъ: „блаженны не видѣв-

шіе, но вѣровавшіе". Какъ несчастны тѣ, кои видятъ и не вѣруютъ, слышатъ и не разумѣютъ. О нихъ нашъ вопль ко Господу: просвѣти и вразуми ихъ во благо и спасеніе и во славу святаго имени Своего! (Кур. Е. В.).

Священникъ *Іаковъ Тимоѳеевъ.*

Скоропослушницы — Достойно есть — Отрады или Оутѣшенія

Апостолъ любви.

Апостолъ любви! какой теплотой, какой отрадой вѣетъ отъ этихъ словъ! Всякій разъ, когда среди холодности и эгоизма нашего вѣка, хочешь возстановить въ памяти идеалъ человѣка христіанина, въ умѣ начинаетъ рисоваться свѣтлая идеальнѣйшая личность апостола любви, Іоанна Богослова.

Услышавъ призывный голосъ добраго Пастыря Іисуса, всѣ Апостолы, какъ послушныя овцы избраннаго словеснаго стада, тотчасъ послѣдовали за Спасителемъ міра, порвавъ всѣ земныя препоны. Но юному Іоанну, послѣдовавшему за Господомъ, еще совершенно были чужды эти земныя препоны. Только что сознательно открывъ глаза свои на Божій свѣтъ, юный Іоаннъ сразу увидалъ передъ собою Солнце правды—Христа, и послѣ этого уже не могъ и не хотѣлъ обращать свое вниманіе ни на что земное. Услышавъ божественный голосъ Спасителя, призывающій его слѣдовать за Собою и почувствовавъ своимъ чистымъ сердцемъ, что Іисусъ дѣйствительно есть „Путь, Истина и Жизнь", Іоаннъ предался ему всею душою и послѣдовалъ за Небеснымъ Учителемъ съ тѣмъ, чтобы уже никогда съ Нимъ не разлучаться. Весь погруженный въ слышаніе неземного ученія Спасителя и въ созерцаніе Его божественныхъ дѣйствій, Іоаннъ, по состоянію своей души походилъ болѣе на Серафима, предстоящаго престолу Божію, чѣмъ на смертнаго человѣка. А особенная любовь къ нему Сына Божія, Который Самъ—весь любовь, все глубже и глубже погружала сердце воз-

любленнаго Имъ ученика въ море безпредѣльной, божественной любви и вызывало въ немъ беззавѣтную преданность къ его небесному Другу и Учителю. Совершенная любовь, по слову Самого Бога Слова, изгоняетъ страхъ, и, вотъ, Іоаннъ на Тайной вечери припадаетъ къ груди Іисуса и безбоязненно спрашиваетъ своего Господа, кто предастъ Его.

Но, вотъ, наступилъ величайшій по своему значенію часъ, въ который долженствовало произойти искупленіе всего рода человѣческаго, тотъ самый часъ, для котораго Сынъ Божій нисшелъ на землю.

Надъ кроткимъ Агнцемъ, вземлющимъ на Себя грѣхи міра, сгущаются черныя тучи праведнаго гнѣва Небеснаго Отца.

Отецъ оставляетъ Сына, ученики покидаютъ возлюбленнаго Учителя. Избранный и Богомъ хранимый народъ съ язвительными насмѣшками и дикими криками пригвождаетъ своего Мессію ко кресту. Солнце скрываетъ свои лучи. Друзей Христовыхъ не видно... Только одинъ юный Іоаннъ съ Матерью Іисуса видны на мрачной Голгоѳѣ. Только они одни проливаютъ у креста Его горькія слезы. Они вполнѣ оцѣниваютъ страданія одинъ другого и раздѣляютъ предсмертныя мученія Предвѣчнаго! Только на нихъ однихъ отдыхаетъ взоръ божественнаго Страдальца. И Христосъ со креста благоволитъ наречь дѣвственнаго Іоанна сыномъ Матери Своей Приснодѣвы.

Но, вотъ тайна искупленія совершена. Христосъ, поправъ Своей смертію смерть, во славѣ возстаетъ изъ мертвыхъ. Но кто первый увѣровалъ въ воскресеніе Христово?

— Наперстникъ Христовъ, Іоаннъ.

Для удостовѣренія въ воскресеніи Христовѣ его любящей душѣ не нужно было явленіе Ангеловъ съ свѣтлой проповѣдью воскресенія, для Іоанна достаточно было только заглянуть во гробъ, увидѣть тамъ лежащія пелены и свитый платъ, лежащій на особомъ мѣстѣ, чтобы его нѣжное сердце исполнилось твердой вѣрою, что Источника жизни не могла удержать смерть.

Когда Христосъ по воскресеніи Своемъ изъ мертвыхъ явился ученикамъ Своимъ при морѣ Тиверіадскомъ, никто изъ нихъ не узналъ въ предразсвѣтномъ полумракѣ, стоящаго на берегу, божественнаго Учителя. Только безпредѣльно любящее сердце Іоанна подсказало ему, что это Господь, о чемъ онъ тотчасъ же съ радостью сообщаетъ товарищу своему Симону Петру.

Помня всегда заповѣдь Іисуса о взаимной любви между собою, Іоаннъ былъ самымъ ревностнымъ ея исполнителемъ. Зная, что Христосъ пришелъ взыскать и спасти погибшее, онъ, какъ истинный Христовъ ученикъ, всегда съ любовію и великимъ терпѣніемъ отвращалъ грѣшниковъ отъ бездны нечестія и приводилъ ко Христу.

Въ житіи Іоанна Богослова разсказывается слѣдующее трогательное происшествіе: Будучи уже глубокимъ старцемъ, св. Апостолъ, не щадя своихъ старческихъ силъ, бѣжалъ однажды за юношей, бывшимъ своимъ ученикомъ, который въ его отсутствіе отсталъ отъ благодатнаго общества христіанъ и сдѣлался атаманомъ разбойниковъ. Окрыленный любовію къ ближнимъ, св. старецъ нагналъ быстро убѣгающаго отъ него юношу, своимъ кроткимъ увѣщаніемъ тронулъ его сердце, вызвалъ изъ глубины его горячее раскаяніе и возвратилъ юношу снова въ лоно Христовой Церкви. Всѣ посланія Іоанна къ вѣрующимъ дышатъ христіанскою любовію къ ближнимъ, всѣ поученія его сводятся къ одному: „Дѣти! любите другъ друга“.

Неоднократное стараніе язычниковъ умертвить Іоанна Богослова мучительной, насильственной смертію оказались безуспѣшны. Св. Апостолъ даже изъ кипящей смолы вышелъ совершенно невредимымъ. Сосланный за проповѣдь Евангельскую на дикій островъ Патмосъ, Іоаннъ сподобился тамъ великихъ откровеній о будущемъ состояніи Христовой Церкви. Кромѣ книги „Откровеній“ и „апостольскихъ посланій“, Іоаннъ написалъ еще свое дивное Евангеліе, которое до сихъ поръ заграждаетъ уста еретиковъ, пытающихся отрицать божество Іисуса Христа.

Первый стихъ его евангелія: „Въ началѣ было Слово и Слово было у Бога и Слово было Богъ“ ясно говоритъ, что Іисусъ Христосъ—Предвѣчный Богъ.

Слова Спасителя, сказанныя ап. Петру о Іоаннѣ: „Если Я хочу, чтобы онъ пребылъ до тѣхъ поръ, пока приду, что тебѣ до того“ показались всѣмъ апостоламъ очень таинственными и навели апостоловъ на мысль, что ученикъ, котораго любилъ Іисусъ, не умретъ и мнѣніе это распространилось между братіями.

Послѣ величайшихъ апостольскихъ трудовъ, самоотверженныхъ подвиговъ и безчисленныхъ чудотвореній св. ап. Іоаннъ Богословъ мирно преставился ко Господу въ глубокой старости. Но преставленіе его было настолько таинственно, что едва ли кто рѣшится назвать его обыкновенной смертью праведника.

Замолкъ проповѣдническій голосъ божественнаго Апостола, но въ своихъ посланіяхъ къ вѣрующимъ, написанныхъ почти за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени, Апостолъ любви и къ намъ ко всѣмъ до сихъ поръ обращается съ кроткимъ увѣщаніемъ: „Дѣти! любите другъ друга“.

И въ исполненіи этого божественнаго и истинно мудраго завѣщанія, именно только въ немъ одномъ, и заключается все счастье и благоденствіе всего человѣчества.

Софія Кольчугина.

Изъ дневника православнаго христіанина.

Наказаніе Божіе.

(Разсказъ).

I.

Ежегодно въ приходѣ села Межуекъ, Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, въ маѣ мѣсяцѣ совершается молебствіе съ чудотворной иконой Казанской Божіей Матери изъ села Рожнова, при чемъ носится по домамъ и мѣстночтимая Иверская икона Божіей Матери. Такъ было и въ 1902 году. 11 мая Казанская икона Богоматери къ вечеру была принесена въ первую деревню межуйковскаго прихода,—въ деревню Завражное. На другой день утромъ священникъ, находящійся при этой иконѣ, по обыкновенію послалъ въ слѣдующую деревню Селищи узнать о желаніи жителей молебствовать. Долго отвѣта не получалось. Одни утверждали, что будто тамъ тоже желаютъ молебствовать, а пришедшіе изъ села мужички говорили совершенно другое: „нѣтъ, батюшка, вѣрно надо нести икону въ самое село: у насъ уже все готово". Священникъ недоумѣвалъ, что дѣлать, куда направить крестный ходъ. Наконецъ, деревня Завражное была обхожена съ молебнами по домамъ. Наступилъ вечеръ. Размышлять уже было некогда. Волей-неволей пришлось исполнить просьбу народа — нести икону въ село Межуйки (хотя и не по маршруту), такъ какъ посланный еще не воротился. Между тѣмъ, священникъ самъ не поѣхалъ за иконой, а остался ночевать въ деревнѣ Завражное: ему хотѣлось достовѣрно узнать, почему селищенскіе жители не пришли за иконой.

Поздно ночью приходитъ посланный съ отвѣтомъ. Священникъ прямо къ нему съ вопросомъ:

— Что это въ Селищахъ-то не надумали помолебствовать? Или что тамъ случилось?

— Да что, батюшка, — отвѣчалъ посланный, — по правдѣ надо сказать, чай, самъ знаешь, какой тамъ народъ: ой, сколько тамъ этихъ калугуровъ (раскольниковъ).

При этомъ онъ тяжело вздохнулъ.

— Слушай, разскажу, что было тамъ. Просто бѣда,—совсѣмъ народъ испортился... Вѣдь прежде и въ заводѣ не было, чтобы икону не принимать... Ну вотъ, батюшка, какъ тамъ, въ Селищахъ-то, услыхали, что Она Матушка, Царица Небесная, ходитъ въ нашемъ приходѣ, такъ церковники-то (православные) давай собирать сходъ. Прошелъ десятникъ

по всѣмъ домамъ. Сошлись мужички, и, какъ на грѣхъ, раскольниковъ собралось много. А знамо, если гдѣ они есть, такъ ужъ свое начнутъ тянуть. Такъ оно и вышло.

— „О чемъ сходовать-то, мужички!—заговорили нѣкоторые изъ раскольниковъ“.

— „Да о чемъ, — отвѣчали православные, — нешто вы не слыхали, что Царица Небесная ходитъ по Завражному?“

— Слышали... Такъ что же? Или опять хотите принимать поповъ-еретиковъ, служить молебны да расходы на насъ разверстывать. Не надо никакой иконы принимать! Цѣлыхъ еще два дня промолебствуютъ... Расходъ большой, и время то рабочее терять не стоитъ! Мы вовсе не будемъ вамъ платить за общіе молебны, и на обѣдъ попамъ ничего не дадимъ!“—бранились раскольники.

— „Да какъ же не принять икону то Царицы Небесной. Вѣдь Она, кормилица наша, прогнѣвается на насъ, можетъ наказать насъ,—говорили нѣкоторые изъ богобоязненныхъ“.

Но ничто не дѣйствовало на раскольниковъ. Кто то было уже предложилъ такую мѣру: „давайте, примемъ хотя Рожновскую икону и ея поповъ, а свою то Иверскую съ попами не примемъ,—на однихъ расходу поменьше“. Но эта мѣра такъ и осталась безъ отвѣта. И вотъ въ такомъ спорѣ мужичковъ между собою прошелъ весь день и принять икону такъ и не уговорились.

— Бѣда, батюшка, съ этими калугурами, — заключилъ посланный.

— Да, не приведи Богъ! Гдѣ ихъ много, тамъ они покажутъ себя,—отозвался священникъ.

Грустное впечатлѣніе, однако, произвело подобное пререканіе изъ-за иконы и на сельскихъ жителей. Всѣ только объ этомъ и говорили, и всѣ какъ будто чего-то ждали.

II.

Наступило утро 13 мая. Погода была ясная. Въ воздухѣ предвѣщало жаркій день. Приходскій священникъ отслужилъ молебны по полямъ, обошелъ съ крестнымъ ходомъ кругомъ села, а потомъ началъ служить и по домамъ. Народъ съ усердіемъ молился Господу Богу о ниспосланіи благъ земныхъ въ предстоящемъ лѣтѣ. Казалось, какъ бы всѣ стали забывать о вчерашнемъ спорѣ между селищенскими мужичками. Было два часа пополудни. Солнце жгло нестерпимо. Вдругъ густой черный дымъ показался надъ Селищами.

— Что такое, что это?—обращались испуганные сельскіе жители другъ къ другу. На лицахъ всѣхъ былъ ужасъ. Поднялась тревога, бѣготня и суета. Молебствіе пріостановилось. А страшное пламя продолжало разливаться надъ деревней. Огонь съ неимовѣрной быстротою охватилъ громадный порядокъ домовъ въ восемьдесятъ. Моментально

было уничтожено то, что пріобрѣталось годами. Развѣ только съ десятокъ домовъ уцѣлѣло на порядкѣ. Страшное зрѣлище представлялъ пожаръ. Жители въ испугѣ не знали, что и дѣлать. Никакого имущества не успѣли вытащить изъ своихъ домовъ. Плачъ ребятъ, женщинъ и нѣкоторыхъ мужиковъ слышался теперь въ воздухѣ намѣсто вчерашняго спора. Стенаніе и вопли обгорѣлыхъ (изъ коихъ трое вскорѣ и скончались), рыданія надъ ними ихъ родныхъ и знакомыхъ—все это сливалось въ какой-то общій гулъ. Нельзя было безъ сердечнаго содроганія смотрѣть на ужасающую картину пожарища. Многіе кричали: „Что мы сдѣлали вчера? Зачѣмъ не приняли икону Владычицы Божіей Матери? Вотъ Она, Царица Небесная, и прогнѣвалась на насъ и послала намъ достойное наказаніе. На будущее время урокъ намъ—никогда не спорить съ раскольниками, а прямо принимать икону Божіей Матери и молебствовать. Подумайте ка: на пяти годахъ за то, что не принимаемъ икону, два пожара... Еще послѣ перваго-то не успѣли оправиться, а тутъ и второй... Нѣтъ, вѣрно не слѣдуетъ забывать Господа Бога и Его Пречистую Матерь. Надо всегда принимать Царицу Небесную, нашу кормилицу“.

Дѣйствительно, въ глазахъ всѣхъ пожаръ былъ чудомъ Божіимъ—наказаніемъ за непринятіе иконы Божіей Матери, что еще болѣе увеличивалось тѣмъ обстоятельствомъ, что за пять лѣтъ предъ этимъ пожаромъ былъ подобный же споръ изъ-за иконы между мужичками около этого времени, и послѣ спора, когда икону не приняли, сгорѣлъ дотла тотъ же порядокъ. Изумительно то, что горитъ порядокъ, населенный исключительно раскольниками, а еще два порядка чисто-православныхъ въ оба пожара остаются невредимыми.

III.

Кончился пожаръ. Къ шести часамъ вечера пламя совершенно было затушено. Мужички, еще не оправившись, опять собрали сходъ и рѣшили просить священниковъ молебствовать. Раскольники, всѣ почти погорѣльцы, испуганные пожаромъ, ничего уже не говорили. И вотъ, когда въ селѣ кончено было молебствіе, и крестный ходъ направился было въ сосѣднюю деревню Пумру, прибѣгаетъ посланный изъ деревни Селищъ и проситъ священника, чтобы принести икону къ нимъ въ деревню. Священникъ, вполнѣ сочувствуя постигшему ихъ великому горю и несчастію, отклонилъ крестный ходъ въ деревню Пумру и наказалъ съ посланнымъ приходить мужичкамъ на слѣдующій день утромъ за иконой.

Рано утромъ 14 мая селищенскіе жители пришли въ церковь. Пока шла утреня и литургія, они горячо молились Господу Богу. Кончилась литургія. Съ благоговѣніемъ и

страхомъ подошли наказанные жители къ иконѣ Богоматери, вложили ее въ носилки и понесли въ свою деревню. А около деревни оставшійся дома народъ давно уже ждалъ Заступницу рода христіанскаго: и старъ, и малъ вышли навстрѣчу. Умилительно было смотрѣть, какъ народъ, издали еще завидя крестный ходъ, началъ креститься и падать на землю. У многихъ лились горючія слезы. Всѣ, казалось, оплакивали свое прегрѣшеніе и просили себѣ прощенія и помощи у Бога. Когда же принесли икону въ самую деревню, радости жителей не было конца. Началось молебствіе. Каждый старался взять икону въ домъ и отслужить молебенъ, твердо вѣруя, что Она, Пречистая Матерь, можетъ избавить отъ великихъ бѣдъ и золъ. Даже раскольники увѣровали какъ бы въ наказаніе Божіе. Нѣкоторые изъ нихъ на пепелищѣ служили молебны, чего прежде не замѣчалось (служеніе молебновъ), а одинъ старецъ, закоренѣлый раскольникъ, который никогда не былъ и въ церкви, но у котораго отъ пожара уцѣлѣлъ домъ, во время молебна у себя приложился къ Евангелію, а послѣ отпуста—ко кресту, что между прочимъ произвело сильное впечатлѣніе на православныхъ и на раскольниковъ. Такъ въ молитвѣ прошелъ весь день. Отслуженъ былъ послѣдній общій молебенъ, и икону понесли изъ деревни. Трогательны были проводы; большинство народа не могло смотрѣть безъ слезъ на чудотворный ликъ Пресвятой Богородицы. Вся деревня, какъ бы сговорившись, вышла за околицу. Многіе пошли провожать икону до слѣдующей деревни, а которые остались у околицы—долго-долго еще крестились, падая ницъ на землю. Только, когда крестный ходъ скрылся уже изъ виду, мало-по-малу стали расходиться по домамъ. Всѣ шли чѣмъ-то обрадованные. На лицахъ не было прежней печали и воздыханія. Искренняя молитва къ Пресвятѣй Госпожѣ Богородицѣ укрѣпила душевно и оставшихся невредимыми отъ пожара и погорѣльцевъ. Далеко еще за полночь виднѣлись огоньки въ домахъ и слышались разговоры о Божіемъ наказаніи... Всѣ безъ исключенія видѣли въ пожарѣ кару Божію и на будущее время обѣщались всегда молебствовать Казанской иконѣ Божіей Матери вмѣстѣ съ Иверской безъ всякихъ пререканій. Да послужитъ сей разсказъ глубокимъ назиданіемъ какъ для нѣкоторыхъ православныхъ, отрицающихъ въ нынѣшнее время чудодѣйственныя явленія отъ иконъ Богоматери, такъ и для раскольниковъ и сектантовъ, изъ которыхъ многіе совершенно отвергаютъ почитаніе иконъ и всѣми силами стараются унизить служителей православной Церкви (Воскр. День. 1903 г.).

Священникъ-миссіонеръ *Викторъ Цыгановъ.*

Знаменательный сонъ дьяческой вдовы А. А. Д—ой *).

(Посвящается дорогой матери).

„Вдовицъ почитай, истинныхъ вдовицъ.
„Если же какая вдовица имѣетъ дѣтей или внучатъ, то они прежде пусть учатся почитать свою семью и воздавать должное родителямъ, ибо сіе угодно Богу“ (1 къ Тимоѳ. 5, 2—4 ст.).

19-го мая 1911 года вечеромъ, въ день праздника Вознесенія Господня, въ У—скомъ погостѣ нашей епархіи скончалась дьяческая вдова А. А. Д—на. Напутствованная Св. Тайнами, она тихо отошла въ вѣчную жизнь, потухла, какъ вечерняя заря, на 87 году отъ рожденія.

Почившая старица по религіозному укладу своей жизни являлась яркою представительницею добраго стараго времени. Она твердо вѣрила въ Бога и Его св. Промыслъ, строго соблюдала посты и уставы св. Церкви, благоговѣйно чтила родителей при жизни и по смерти ихъ, воспитывала дѣтей въ страхѣ Божіемъ и благочестіи, съ бѣдняками дѣлила послѣдній кусокъ. Получая 2 рубля въ мѣсяцъ содержанія по должности просфорни (пока позволяли ей силы быть въ этомъ званіи) и имѣя на своемъ попеченіи четверыхъ дѣтей, А. А—на всю жизнь беззавѣтно трудилась; когда дѣти ея были малы и когда они обучались въ учебныхъ заведеніяхъ, она нерѣдко цѣлыя ночи просиживала, вышивая золотомъ, бусами и жемчугомъ кокошники, перевязки и, такъ называемые, „золотые платки“ по заказу крестьянскихъ женъ и дѣвицъ, а также—воздухи, покровцы, поручи и др. предметы изъ церковной ризницы. Въ невзгодахъ и нуждахъ житейскихъ, которыхъ немало видѣла усопшая труженица на своемъ долгомъ вѣку и которыя такъ обильно выпадаютъ на долю вдовъ и сиротъ нашего малообезпеченнаго духовнаго званія; А. А. всегда обращалась за помощью къ Матери Божіей и др. небеснымъ нашимъ предстателямъ и помощникамъ, и ненапрасно Съ особенною вѣрою и горячею молитвою она обращалась къ великому угоднику Божію, Святителю и Чудотворцу Николаю, котораго считала своимъ небеснымъ покровителемъ послѣ слѣдующаго знаменательнаго сна.

Въ 1863 году, на 40-мъ году жизни, А. А—ну неожиданно постигло вдовство съ четырьмя малолѣтними сиротами, въ возрастѣ отъ 1 мѣс. до 7 лѣтъ. Удрученная горемъ, она оплакивала и внезапную смерть мужа**), и свое вдовство, и

---

*) Анны Алексѣевны Дроздиной.
**) Мужъ А. А—ны 26 октября 1863 г. утонулъ въ р. Онегѣ, застигнутый ледоходомъ при переправѣ чрезъ нее на челнокѣ.

сиротство дѣтей, и неимѣніе собственнаго „угла“, ибо церковный домъ, служившій для нея помѣщеніемъ, вскорѣ долженъ былъ отойти къ вновь назначенному причетнику. „Гдѣ мнѣ пріютиться съ сиротами, не разъ размышляла А. А., когда явится новый дьячекъ?“... И вотъ, въ одно прекрасное утро она видитъ сонъ: будто сидитъ въ горницѣ уютнаго домика, въ красномъ углу его, подъ большимъ кіотомъ Божіей Матери, у круглаго столика, и вышиваетъ въ пялахъ кокошникъ. Вдругъ скрипнула дверь. А. А. отклонилась отъ работы и видитъ, что чрезъ кухню въ горницу идетъ ея (тогда умершая) мать, а вмѣстѣ съ нею благолѣпный старецъ, украшенный сѣдинами, средняго роста, съ чрезвычайно добрымъ выраженіемъ лица. А. А—на, проникнутая чувствомъ радости и вмѣстѣ удивленія по поводу неожиданнаго появленія нѣжно любимой ею матери, быстро встала, почтительно поклонилась старцу и, здороваясь съ матерью, спрашиваетъ ее: „матушка! ты откуда?“ — Вмѣсто отвѣта та строго, но участливо сказала ей: „полно тебѣ, Анна, плакать! Твоему мужу такая смерть назначена, а тебѣ отъ Бога такая жизнь положена“.—Какъ мнѣ не плакать, когда я осталась одна съ сиротами, и мнѣ пріютиться негдѣ.—„Какъ негдѣ?! Этотъ домикъ твой“, сказала ей мать. — А. А. въ недоумѣніи стала осматривать домъ и какъ бы не довѣряла словамъ матери. Между тѣмъ, та снова и такъ утвердительно говоритъ ей: „этотъ домикъ твой“! и прибавляетъ: „и о сиротахъ твоихъ много не безпокойся! Молись этому старцу: онъ теплый покровитель и скорый защитникъ вдовъ и сиротъ“.—Какъ ему молиться? спросила А. А—на: вѣдь я его не знаю. — „Какъ не знаешь?! А сама просила его! Это — святитель Христовъ Николай!“ И тотчасъ оба они стали невидимы. — Тотчасъ проснулась А. А., но уже не съ тяжелымъ чувствомъ одиночества и безпомощности, а съ приподнятымъ настроеніемъ духа, горе ея какъ бы вдругъ растворилось чувствомъ радости и ободренія, на душѣ стало легче. Несмотря на раннiй часъ утра, она хлопотала около своего маленькаго обихода, все размышляя сама въ себѣ о значеніи бывшаго сна.

Между тѣмъ, сонъ съ буквальною точностью сталъ сбываться съ этого же дня. Такъ, жившій напротивъ, чрезъ одно полотно почтоваго тракта, въ своемъ старомъ домѣ и доживавшій свой вѣкъ заштатный одинокій дьячекъ сего прихода Ѳ. М. Г—въ въ это же утро призываетъ къ себѣ А. А—ну и предлагаетъ ей купить свой домъ со службами за сходную цѣну, но съ условіемъ, чтобы ему былъ данъ уголокъ въ его домѣ до смерти. „Тебѣ уголокъ съ дѣтьми надо, говорилъ дьячекъ А. А—нѣ, а мнѣ теперь куда съ домомъ?! Пока глаза видятъ, хотѣлось бы ризу сдѣлать къ образу прор. Иліи да похорониться своими деньгами, да много-мало оставить на поминъ души“. Такъ мотивировалъ свое

предложеніе одинокій дьячекъ. А. А—на въ принципѣ соглашалась на покупку дома, но окончательное рѣшеніе этого дѣла, въ виду своей неопытности при покупкѣ строеній, отложила на нѣкоторое время, до совѣта со своимъ дядей, богатымъ крестьяниномъ Ѳ. Ѳ. Б—мъ, жившимъ за 20 верстъ отъ У—скаго погоста. Кромѣ того, ее смущалъ ужъ черезчуръ запущенный внутри и непривлекательный снаружи домъ Г—ва. И что же? Лишь только вернулась она отъ старца-дьячка, какъ къ ея дому подъѣзжаетъ тотъ Ѳ. Ѳ. Б—нъ, съ которымъ она желала совѣтоваться относительно покупки дома. Ѳ. Ѳ., встрѣченный племянницею со слезами, говорилъ ей: „слышалъ, А—ка, о твоемъ горѣ, слышалъ, ѣду изъ города и вотъ завернулъ тебя навѣстить“... Чрезъ часъ оба они,—и дядя и племянница, — ходили около дома дьячка Г. Старикъ дядя постукивалъ палкою въ углы и стѣны строенія и говорилъ: „хоть и старый домъ, а новый перестоитъ. Купить надо! По зимѣ можно заготовить бревенъ, а весною разрыть все это, сдѣлать новый подрубъ, новыя окна и двери, положить новую крышу, и выйдетъ хорошій домъ“. Тутъ же они вошли въ домъ Г., и покупка состоялась за 125 руб., съ условіемъ дать старику-причетнику уголокъ въ домѣ до смерти. Это было въ концѣ ноября или въ началѣ декабря 1863 г., предъ самымъ праздникомъ святителя Николая. Но не пришлось старику-причетнику быть квартирантомъ въ своемъ домѣ: чрезъ двѣ-три недѣли онъ сильно расхворался и вскорѣ умеръ! А. А. стала полною хозяйкою дома, который весною 1864 года, по указанію дяди, былъ перестроенъ, при чемъ Ѳ. Ѳ—чъ прислалъ своихъ (вполнѣ благонадежныхъ) плотниковъ и пожертвовалъ А. А—нѣ 50 рублей на постройку. Къ Успеньеву дню домикъ былъ совершенно готовъ и, къ удивленію его владѣлицы, оказался точь-въ-точь такимъ, какимъ она видѣла его во снѣ. Поселившись въ собственномъ домикѣ, А. А., побуждаемая чувствомъ благодарности къ Господу и своему небесному покровителю, святителю Николаю, дала обѣщаніе: никогда не отказывать въ ночлегѣ и временномъ пріютѣ благочестивымъ *странникамъ* и *странницамъ* *) и это свое обѣщаніе свято исполняла до конца жизни.

Сбылся сонъ А. А. и во второй его части, т. е. относительно воспитанія ея дѣтей. Въ 1864 году, во второй годъ вдовства А. А., родной братъ ея, вдовый и бездѣтный священникъ о. Н. А. Л—въ (носящій имя святителя Николая) принялъ на воспитаніе къ себѣ (за нѣсколько сотъ верстъ) ея дѣтей

---

*) Т. е. паломникамъ, которые до проведенія Архангельской жел. дор. въ значительномъ числѣ шли по Архангельскому почт. тракту къ Соловецкимъ угодникамъ.—Временнымъ пріютомъ: дня 3, 5 и рѣдко недѣлю пользовались паломники, недомогавшіе или очень утомившіеся отъ дальнаго пути.

и въ теченіе 4-хъ лѣтъ лично подготовилъ къ поступленію въ К. дух. училище. Всѣ три сына ея потомъ успѣшно окончили курсъ въ мѣстной духовной семинаріи. Младшій изъ нихъ по окончаніи курса вскорѣ умеръ, а двое старшихъ состоятъ священниками и, замѣчательно, оба они посвящены были къ церквамъ въ честь святителя и чудотворца Николая. При этомъ второй изъ нихъ просилъ епархіальнаго преосвященнаго о посвященніи его священникомъ къ Іоанно-Богословской церкви В—скаго прихода, но, спустя полгода, неожиданно для себя опредѣленъ былъ и посвященъ къ *Николаевской* церкви Т. прихода.

Такъ, съ поразительной точностью исполнился сонъ дьяческой вдовы А. А. Д—ой. Такъ ощутительно (конечно, для вѣрующаго и непредубѣжденнаго человѣка) проявилось небесное покровительство великаго святителя Христова Николая въ жизни ея и ея дѣтей. И это былъ не единственный случай въ ея жизни... Домъ, служившій помѣщеніемъ А. А—нѣ въ теченіе 47 лѣтъ, не подвергался никакимъ опасностямъ и въ настоящее время существуетъ благополучно. Дѣти ея пока съ честію проходятъ пастырское служеніе. Сама она, послѣ восьмилѣтней супружеской жизни, 47 лѣтъ честно вдовствовала; была уважаема всѣмъ приходомъ (въ немъ жила болѣе 50 лѣтъ), за нравственную жизнь, открытый характеръ, общительность и участливое отношеніе къ ближнимъ; удостоилась долголѣтней жизни и христіанской кончины. Погребеніе А. А—ны совершено 21 мая тремя священниками, во главѣ съ о. протоіереемъ З., и мѣстнымъ о. благочиннымъ, свящ. о. Я—мъ, при двухъ діаконахъ и значительномъ стеченіи народа.

Да упокоитъ Господь Богъ, Богъ милосердія и любви, душу усопшей труженицы, вѣрующей и благочестивой вдовы Анны въ невечернемъ дни Царствія Своего.

Свящ. *І. Дроздинъ.*

Молитва дитяти.

Молись, дитя: сомнѣнья камень
Твоей груди не тяготитъ,
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовію горитъ.
Молись, дитя, тебѣ внимаетъ
Творецъ безчисленныхъ міровъ
И капли слезъ твоихъ считаетъ,
И отвѣчать тебѣ готовъ.
Быть можетъ Ангелъ, твой хранитель,
Всѣ эти слезы соберетъ
И ихъ въ надзвѣздную обитель
Къ престолу Бога отнесетъ.
Молись дитя, мужай съ лѣтами!..
И дай Богъ, въ пору позднихъ лѣтъ,
Такими-жъ свѣтлыми очами
Тебѣ глядѣть на Божій свѣтъ!
Но ·если жизнь тебя измучитъ,
И умъ и сердце возмутитъ,
Но если жизнь роптать научитъ,
Любовь и вѣру погаситъ,—
Приникни съ жаркими слезами,
Креста подножье обойми:
Ты примиришься съ небесами,
Съ самимъ собою и съ людьми.
И вновь тогда изъ райской сѣни
Хранитель—ангелъ Твой сойдетъ
И за тебя, склонивъ колѣни,
Молитву къ Богу вознесетъ...

И. С. Никитинъ.

Изъ дневника православнаго христіанина.

Дѣтская вѣра и молитва.

(Изъ записокъ священника).

Я былъ священникомъ села Рыднина. Стояло долгое время страшная засуха; трава и посѣвы страшно погорѣли, люди пріуныли и ходили съ поникшими головами. Наконецъ, рѣшили поднять образа и устроить на полѣ молебствіе. Въ извѣстный день и часъ мы пришли въ избу старосты, куда должны были собраться и другіе сосѣдніе крестьяне.

Разговоръ, конечно, вертѣлся на злобѣ дня, т.-е. на засухѣ. Мать старосты особенно сильно жаловалась, говоря,

что на ихъ загонахъ хоть бы травка осталась, — все солнце повыжгло. Вдругъ подходитъ ея внучка Груня, дѣвочка лѣтъ десяти. — „Ну, чего же ты, бабка Домна, горюешь? Вѣдь идемъ молиться, такъ, значитъ, и дождичка Богъ подастъ, и хлѣбушекъ нашъ поправится. На-ка, вотъ лучше возьми свой большой платокъ, а то отъ дождя тебѣ и укрыться нечѣмъ будетъ“.

Бабушка улыбнулась, погладила внучку по головѣ, но, взглянувъ на небо, которое было ясно и чисто и нигдѣ ни единаго облачка и помину не было, — платокъ отклонила. Тогда Груня взглянула на меня своими довѣрчивыми глазками, какъ бы желая спросить меня: „какъ же такъ: будемъ молиться, а дождя не будетъ“? Я понялъ этотъ взглядъ ребенка и благословилъ, сказавъ: „Да укрѣпитъ Господь твою вѣру и подастъ Онъ тебѣ по вѣрѣ твоей“. Затѣмъ мы пошли въ поле. Солнце жгло немилосердно, такъ что многіе изъ крестьянъ покрыли головы бѣлыми платками. Груня шла все время близъ меня, и я замѣтилъ, что въ ея рукахъ было уже два платка большихъ. По мѣрѣ того, какъ подвигалась служба молебна, небо начинало темнѣть, и не успѣли мы окончить молебствія, какъ изъ безоблачнаго раньше неба полилъ такой дождь, что мы промокли буквально до костей.

Въ настоящее время появилось много людей, которые находятъ излишнимъ учить своихъ дѣтей молиться и водить ихъ въ церковь.

Я знаю даже такихъ, которые и крестить своихъ дѣтей не желаютъ. Я не буду высказывать моего мнѣнія по этому поводу, я только приведу разсказы, слышанные мною отъ людей, достойныхъ полнаго довѣрія и уваженія. Вотъ напр., разсказъ уважаемаго отца Герасима Смирнова.

Когда я былъ въ N—ской семинаріи, началъ о. Смирновъ— жилъ я на квартирѣ нѣкоей мѣщанки Маѳы Ивановны, или, какъ мы ее всѣ звали попросту, бабушка Маѳа. Эта бабушка была честная, трудолюбивая и сердечная женщина. Она никогда не гналась за лишнимъ рублемъ, а брала къ себѣ жильцомъ всякаго, кого ей Богъ посылалъ, и даже, мнѣ казалось, что къ бѣднѣйшимъ мальчикамъ она относилась еще задушевнѣе, чѣмъ къ тѣмъ, у кого были родители со средствами.

„Мнѣ, напримѣръ, не имѣвшему никогда ни гроша въ карманѣ, она нерѣдко втихомолку совала въ руку или кусокъ пирога съ малиной, или горсть подсолнуховъ. Избалованнымъ дѣтямъ такой гостинецъ можетъ-быть былъ бы не по вкусу, но такому неимущему, какъ былъ я, кусокъ сладкаго пирога и подсолнухи казались царскимъ дессертомъ. Вообще добрѣйшая старушка Маѳа Ивановна заботилась объ насъ, какъ родная мать. Каждый вечеръ видѣлъ я ее съ цѣлымъ ворохомъ нашего бѣлья, подчасъ столь ветхаго,

что и тряпичникъ отъ него отказался бы, а наша добрая хозяюшка, вооружась огромными очками и обводя насъ всѣхъ грустнымъ взглядомъ, перевернувъ по нѣскольку разъ это рваное тряпье направо и налѣво, все-таки кончала тѣмъ, что принималась чинить его, или вѣрнѣе сказать, дѣлать на немъ мозаику изъ заплатъ, и, благодаря этой безконечной мозаикѣ, жильцы Маѳы Ивановны имѣли опрятный видъ и не получали выговоровъ за неряшество.

„Но вотъ разъ, сильно простудившись на платомойнѣ, слегла наша добрая старушка. Первое время она перемогалась и, думая, что болѣзнь уступитъ домашнимъ средствамъ, за докторомъ не посылала, а потомъ впала въ безпамятство, и когда приглашенный врачъ осмотрѣлъ ее, то объявилъ, что она безнадежна и что ему больше и дѣлать у насъ нечего, такъ какъ больная черезъ 3—4 часа успокоится навѣки.

„Мы всѣ оцѣпенѣли, а самый маленькій изъ насъ, Вася Горюнковъ, принялся ревѣть и выть на весь домъ. Сосѣдка старушка, пришедшая ухаживать за больной, стала его уговаривать и между прочимъ сказала: „Ты бы лучше, Васюточка, пошелъ бы въ церковь, да попросилъ Царицу Небесную, можетъ-быть Она услыхала бы твою дѣтскую молитву да исцѣлила бы бабушку Маѳу“. Услыхавъ такую рѣчь, Васютка накинулъ на себя первую попавшуюся шубу и даже безъ шапки, какъ стрѣла, помчался въ церковь, гдѣ былъ чудотворный образъ Божіей Матери. Тамъ онъ упалъ на колѣни и прежде тихо всхлипывалъ, но потомъ, забывшись, началъ снова вопить громко, на всю церковь: „Царица Небесная! вылѣчи бабушку Маѳу“.

„Долго ли онъ ревѣлъ, — не знаю, но вотъ подходитъ къ нему старикъ въ очкахъ, въ дорогой шубѣ и говоритъ ему: „Перестань ревѣть, — иди и покажи мнѣ твою бабушку“. Мальчикъ, увѣренный, что этотъ человѣкъ посланъ Самой Богородицей, не говоря ни слова, ведетъ незнакомца въ домъ больной.

„Незнакомецъ оказывается извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ свѣтиломъ науки. Бывъ самъ человѣкомъ невѣрующимъ, онъ проѣздомъ черезъ городъ N заинтересовался старинною церковью, зашелъ въ нее, чтобы посмотрѣть на старинную живопись, и, услыхавъ вопль Васи, рѣшился помочь ему въ его горѣ. Осмотрѣвъ больную, онъ ей прописалъ лѣкарства, далъ наставленіе, какъ ихъ давать больной, — и въ результатѣ было то, что больная выздоровѣла и черезъ двѣ недѣли пришла лично служить благодарственный молебенъ Царицѣ Небесной, а Васю съ тѣхъ поръ она уже окончательно взяла на свое иждивеніе“.

Безвѣріе и вѣра.

Протоіерей-подвижникъ о. Веніаминъ Соколовъ 5 лѣтъ тому назадъ видѣлъ въ городѣ Вильнѣ, въ Св. Духовомъ храмѣ, гдѣ открыто почиваютъ чудотворныя мощи 3-хъ Виленскихъ мучениковъ—Антонія, Іоанна и Евстафія († 14 апр.), какъ одинъ господинъ, не довѣряя истинности мощей, дерзнулъ взять рукою своею за ногу одного изъ свв. мучениковъ. Держа рукою ножку св. чудотворца, испытующій поворачивалъ ее въ ту и другую сторону, вправо и влѣво. Послѣ, когда убѣдился въ подлинности мощей, хотѣлъ отнять руку отъ мощей, но уже не могъ ее выпрямить: рука испытующая такъ и осталась скорченной.

Горе невѣрующимъ!

Въ этотъ же храмъ къ мощамъ свв. мучениковъ приходитъ одинъ старообрядецъ — Ѳедосѣевецъ съ отмороженными на рукахъ пальцами. Болятъ пальцы, течетъ съ нихъ. Кладетъ страждущія руки на мощи и взываетъ къ мученикамъ: Угодники Божіи, я страдаю, если вы дѣйствительно святые, исцѣлите мои болящія руки и я увѣрую такъ, какъ вѣрили вы право". И—о, чудо! Пальцы сейчасъ перестали болѣть, и больной исцѣлился. Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ! Блаженны вѣрующіе въ Божественную силу, являемую черезъ нихъ („Лит. Е. В.").

Кара Божія.

Въ „Харьковскихъ Вѣдомостяхъ" напечатано нижеслѣдующее сообщеніе.

19 августа я поѣхалъ въ Саровъ на поклоненіе преподобному Серафиму, 20-го я повстрѣчался въ поѣздѣ съ тремя священниками: о. о. Владиміромъ, Львомъ и Сергіемъ. О. Владиміръ и о. Сергій ѣхали въ Сибирь на службу, а о. Левъ, бѣлгородскій житель, ѣхалъ въ Казань, на ферму преподавать Законъ Божій. Я спросилъ о. Льва: былъ ли онъ у св. мощей свят. Іоасафа. Онъ отвѣтилъ небрежно: „Нѣтъ", и сказалъ, что у св. Іоасафа была только одна добродѣтель,—онъ только былъ милостивъ, а затѣмъ началъ дерзко поносить св. Іоасафа. Вскорѣ Господь наказалъ его за эту дерзость. 21-го, въ присутствіи многихъ очевидцевъ, его начало трясти, съ искаженіемъ лица; пролежавъ безъ чувствъ и движеній минутъ 20, онъ очнулся и бросился бѣжать изъ вагона; если бы я его не задержалъ, то онъ на глазахъ всѣхъ, бывшихъ въ вагонѣ, упалъ бы съ поѣзда, который летѣлъ на полномъ ходу. Богъ наказалъ за Своего Угодника отнятіемъ у хулителя памяти: онъ совершенно ничего

не помнилъ, забылъ даже, кто такой и куда ѣдетъ. Я сдалъ его жандарму на ст. Рузаевкѣ, и не знаю, что съ нимъ впослѣдствіи было.

Свидѣтельствую передъ Богомъ и всѣмъ горнимъ міромъ, іеромонахъ *Евстратій Олейниковъ*, Спасова монастыря Харьковской епархіи. (Тр. Сл.).

1911 г. 22 сентября.

Богъ поругаемъ не бываетъ.

Въ с. Заборьѣ, Сѣнненскаго у., Могилев. губ., жилъ кр. И. Гирсъ. Въ концѣ 1910 года онъ зашелъ къ своему односельчанину В. Агейникову и, принеся съ собою бутылку водки, сталъ просить хозяина принять участіе въ выпивкѣ. Тотъ, ссылаясь на канунъ праздника (дѣло было въ субботу вечеромъ), долго отказывался, наконецъ согласился. Наливаетъ Гирсъ первую рюмку и подноситъ ее къ иконѣ Спасителя, говоря: „Твой завтра праздникъ, на, выпей чарку. Ну, чего же смотришь, на, выпей". Пораженный этими словами, хозяинъ выскочилъ изъ-за стола и сталъ умолять Гирса не кощунствовать, но послѣдній не унимался. На слѣдующее утро Гирсъ (ему было всего 35 лѣтъ) былъ найденъ на улицѣ, около еврейскаго крыльца, съ выкатившимися наружу глазами (Колок.).

Чудесно спасенная.

Корреспондентъ „Пет. Л." передаетъ такой случай: надняхъ на нашихъ глазахъ совершилось буквально чудо. Вблизи станціи Мшинской, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея, расположено большое село Ящера, Царскосельскаго уѣзда. Крестьянская дѣвица изъ этого села, 15-лѣтняя Марія Тимоѳеева Захарова, рѣшилась покончить съ собою. Съ этою цѣлью, отойдя отъ станціи по рельсамъ Петербургско-Варшавской дороги на 3 версты (на 96 вер. отъ Петербурга), она быстро вбѣжала на рельсы передъ проходомъ товарнаго поѣзда № 1009, шедшаго въ составѣ болѣе 66 товарныхъ вагоновъ, и бросилась подъ паровозъ. Все это было продѣлано ею такъ быстро, что машинистъ не могъ даже затормозить поѣздъ, который пролетѣлъ надъ нею. Тѣмъ не менѣе, машинистъ остановилъ потомъ поѣздъ и самъ тотчасъ же сообщилъ главному и младшимъ кондукторамъ о причинѣ остановки поѣзда. На 96 верстѣ нашли Захарову живою и невредимою. Оказалось, что она отдѣлалась только испугомъ и легкими ушибами и, поднявшись, пошла домой безъ посторонней помощи. Придя домой, она о случившемся

сообщила всѣмъ своимъ роднымъ и, прежде всего, возблагодарила Бога за то, что Онъ спасъ ея жизнь. Она дала клятву никогда больше не покушаться на самоубійство. Да будетъ чудесное спасеніе ея отъ смерти вразумленіемъ на всю ея жизнь!

Замѣчательное исцѣленіе больного.

Въ городѣ Томскѣ, въ Алексѣевскомъ мужскомъ монастырѣ, погребенъ на кладбищѣ таинственный старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ, съ именемъ котораго сказано много различныхъ преданій. Томичи благоговѣютъ предъ старцемъ и съ особенною любовію посѣщаютъ его могилу и келлію на Нечаевской улицѣ, гдѣ онъ проводилъ великую подвижническую жизнь. Больные обращаются съ молитвою къ старцу и получаютъ по вѣрѣ своей исцѣленія. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ случаевъ исцѣленія, описанный Иваномъ Кирилловичемъ Карловымъ, получившимъ исцѣленіе по молитвѣ старца. Въ 1910 году 25 іюля, — пишетъ Карловъ,— пріѣхалъ я изъ Москвы въ Томскъ на службу, въ торговый домъ Голованова; 1 сентября того же года я заболѣлъ воспаленіемъ слѣпой кишки; меня лѣчилъ докторъ Либеровъ; лѣченіе мое шло медленно, то улучшаясь, то ухудшаясь; наконецъ, докторъ предложилъ мнѣ сдѣлать операцію и удалить отростокъ слѣпой кишки; я согласился и онъ мнѣ далъ записку къ доктору Зимину, который, осмотрѣвъ меня и найдя слабымъ, велѣлъ придти къ нему черезъ недѣлю, обѣщаясь помѣстить меня въ клинику. Пріѣхавъ домой отъ доктора, я сталъ приготовляться къ операціи: началъ ходить въ мужской монастырь говѣть; 1-го октября я исповѣдывался, а 2-го пріобщился Св. Таинъ. Въ ночь на третье число увидѣлъ слѣдующій сонъ: будто бы я прихожу въ монастырь и вижу—много народа стоитъ предъ иконой Нерукотвореннаго образа Спасителя; впереди всѣхъ стоялъ старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ; я подошелъ ближе, старца уже не было; тогда я спросилъ, гдѣ же этотъ старецъ, а мнѣ говорятъ: онъ пошелъ по домамъ подавать то, кто чего у него проситъ. Я и говорю: а я пришелъ къ нему попросить его, чтобы онъ за меня помолился, такъ какъ мнѣ хотятъ дѣлать операцію. Какъ это я сказалъ, входитъ въ храмъ самъ старецъ и говоритъ мнѣ: „иди съ Богомъ, здоровье тебѣ я уже далъ, иди и молись“, и указалъ рукой своей на икону Нерукотвореннаго образа Спасителя. Проснувшись утромъ, я почувствовалъ себя очень хорошо и легко, мнѣ съ каждымъ часомъ становилось лучше и лучше. Въ назначенный день для операціи, я отправился къ доктору Зимину, который, когда сталъ меня выслушивать и

осматривать, спросилъ у меня: „когда я нажимаю бока, вамъ больно“? — я отвѣчаю: у меня никакой боли не чувствуется; докторъ спрашиваетъ: „когда вы поднимаетесь вверхъ по лѣстницѣ, то вамъ больно“? я ему говорю, что по какой угодно поднимусь лѣстницѣ, ибо никакой боли не чувствую. Докторъ Зиминъ пожалъ плечами и сказалъ: въ такомъ случаѣ я не нахожу нужнымъ дѣлать вамъ операцію, вы совершенно здоровы“ и отпустилъ меня домой. Я пришелъ домой, и мы радостные съ женой возблагодарили Господа Бога за Его милость. Въ слѣдующую же ночь я вижу сонъ: подводятъ меня къ иконамъ и говорятъ: это келлія старца, а это, указывая на икону Александра Невскаго,—икона его ангела, а эта икона его брата — указали икону великомученика Пантелеимона, — такъ какъ и ему, старцу, дано отъ Бога исцѣлять больныхъ.

Теперь я, благодаря Бога, совершенно здоровъ.

Подлинное письмо подписано Иваномъ Кирилловичемъ Карловымъ.

Такъ силенъ Богъ, во святыхъ Своихъ угодникахъ (Том. Е. В.).

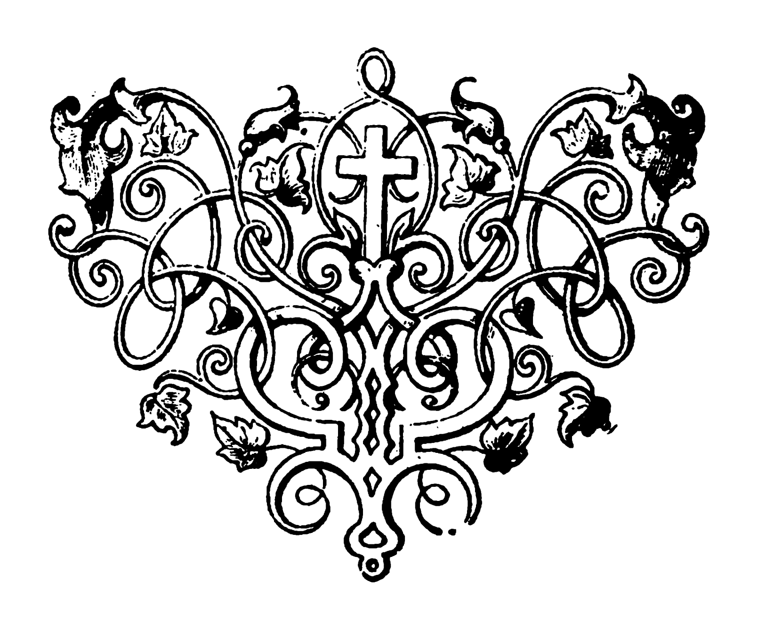
Сообщилъ *Епископъ Мелетій.*

Изъ міра чудеснаго.

Села Верхъ—Большого Каурца, Наровчатскаго уѣзда, Пенз. г., крестьянинъ Степанъ Сухоруковъ, отправляясь на несчастную войну съ японцами получилъ, по православному обычаю, отъ родителей своихъ въ благословеніе икону преп. Серафима, саровскаго чудотворца. Икона была все-таки значительныхъ размѣровъ—2×3 вершка и такъ какъ носить такую икону на груди было неудобно, то Сухоруковъ спряталъ ее въ солдатскую сумку, въ которой хранилось все его солдатское имущество и которую онъ берегъ, какъ зѣницу ока. Пріѣхалъ Сухоруковъ въ Манчжурію, продвинулся въ ряды дѣйствующей арміи, нахолодался, наголодался, видѣлъ всякіе ужасы, но все это было въ порядкѣ вещей при боевой жизни, и солдатское горе часто погашалось или горячей кашею или веселой пѣсней. Но у Сухорукова случилось такое горе, которое навело на него необычайное уныніе и неотвязную тоску: при поспѣшномъ отступленіи отъ одной сопки, въ ненастную темную ночь въ ужасной суматохѣ, поднявшейся вслѣдствіе страшнаго натиска непріятеля, Сухоруковъ потерялъ свою сумку, и съ ней, что главное, икону—родительское благословеніе. Запечалился Степанъ, невыразимо жаль ему было св. иконы. Онъ не могъ помириться съ мыслію, что у него нѣтъ уже „родительскаго бла-

гословенія“ и отъ тоски и сильной скорби не находилъ себѣ покоя. Неизвѣстно, чѣмъ разрѣшилось бы такое мучительное состояніе, но тутъ случилось слѣдующее. Во снѣ, говорить Сухоруковъ, является мнѣ согбенный старецъ, котораго я тотчасъ и узналъ—св. Серафимъ Саровскій и говоритъ ему: Степанъ, не грусти, что потерялъ икону, — она найдется. Обрадовался Степанъ дивному видѣнію, повѣрилъ слову говорившаго ему старца и сталъ съ терпѣніемъ выжидать, когда исполнится чудесное сновидѣніе. Но шли недѣли и мѣсяцы, окончились манчжурскіе походы, вотъ Степанъ уже и дома, быть-можетъ, о чудесномъ видѣніи онъ сталъ и забывать... Но сонъ исполнился въ точности. Сухоруковъ, какъ человѣкъ религіозный, любилъ ходить по св. мѣстамъ. Пошелъ онъ, между прочимъ, въ Салолейскую церковь, Нижне-Ломовскаго уѣзда, и здѣсь зашелъ въ сторожку, гдѣ на полочкѣ увидѣлъ икону препод. Серафима, которая по ближайшемъ разсмотрѣніи, къ великому удивленію и радости Сухорукова оказалась именно его иконой. На вопросъ, какимъ образомъ эта икона оказалась въ сторожкѣ, сторожа объяснили, что въ одно время они увидѣли „на полочкѣ“ эту икону, и до сихъ поръ не знаютъ, кто именно принесъ ее сюда. Взялъ Степанъ свою святыню, украсилъ ее, какъ могъ, фольгой и цвѣтами и помѣстилъ въ своемъ приходскомъ храмѣ (Дѣло Консисторіи, отъ 13 мая 1909 г.). („Пенз. Еп. Вѣд.“).

Троицкіе листки № 67.

Изъ дневника православнаго христіанина.

Богъ поругаемъ не бываетъ.

Одинъ изъ современниковъ-очевидцевъ постройки Луньевской вѣтки Пермской ж. д. сообщаетъ о знаменательномъ событіи, происшедшемъ на этой линіи въ то время. Служащіе при постройкѣ на ст. „Александровской“, нынѣ „Кони“, въ большинствѣ русскіе люди, въ лицѣ инженеровъ, бухгалтеровъ, счетоводовъ и другихъ захотѣли устроить балъ въ воскресенье на Крестопоклонной недѣлѣ Великаго поста. Выбрали помѣщеніе—большой деревянный домъ владѣльца заводовъ Демидова, князя Санъ-Донато, въ Александровскомъ заводѣ, хорошо меблированный, съ дорогими обоями, которыя для предохраненія были закрываемы гардинами изъ другихъ обоевъ; роскошно убрали его гирляндами изъ зелени и другими легкими украшеніями и приготовили все для бала. Нужно сказать, что инициаторовъ бала многіе изъ несочувствовавшихъ предупреждали и указывали имъ на постъ и день выноса святого животворящаго Креста Господня, но, видимо, эти голоса не имѣли большого успѣха, и балъ состоялся съ большимъ блескомъ.

Провидѣнію было угодно наказать такое вопіющее беззаконіе и неисполненіе завѣтовъ св. Церкви. Въ самый раз-

гаръ бала загорѣлась одна изъ гирляндъ зелени, служащая украшеніемъ, а затѣмъ вспыхнули моментально гардины, легкія драпировки, и сразу домъ деревянный, сухой обнялся пламенемъ огня среди общей паники собравшихся гостей. Дѣло не обошлось безъ человѣческихъ жертвъ: сгорѣла дѣвица, сестра бухгалтера Сутягина и еще нѣсколько челсвѣкъ, нѣкоторые получили ожоги.

Прахъ дѣвицы Сутягиной покоится при Веретійской Свято-Троицкой церкви, Соликамскаго уѣзда. Надъ могилой поставленъ мраморный памятникъ съ языками огня, пожирающими кругомъ столбъ, и съ соотвѣтствующей надписью. (Пер. Еп. Вѣд.).

Говѣніе вразумило.

Въ прохладномъ утреннемъ воздухѣ ранней весны звонко разливался надъ селомъ „Тихимъ“ рѣдкій благовѣстъ небольшого колокола. На улицѣ стояла великопостная тишина. Отъ села къ церкви плелись старушки; на паперти скопилась кучка ребятокъ.

Съ высокаго, узорчатаго крыльца новаго большого трактира спустился дюжій, исправно одѣтый мужчина лѣтъ сорока пяти; сановито пошелъ онъ по направленію къ церкви, съ важностію откланиваясь на почтительныя привѣтствія встрѣчавшихся крестьянъ.

— Далеко ли вы собрались, Акимъ Петровичъ?—спрашивали его болѣе словоохотливые изъ нихъ.

— Да вотъ поговѣть надумалъ, для Бога потрудить себя захотѣлъ,—отвѣчалъ онъ имъ.

— Дай Богъ, дай Богъ...

Акимъ Петровичъ Мамоновъ, мѣстный трактирщикъ, первый въ селѣ богачъ, вошелъ въ церковь, пробрался сквозь рѣдкіе ряды богомольцевъ къ правому клиросу и сталъ около него.

Непривычно было ему молиться: думы его дружно тянулись къ торговлѣ, къ хозяйству; соображалъ онъ, какъ бы удобнѣе перевезти къ празднику товарцу изъ города по наступившей уже распутицѣ, какъ бы заставить нѣкоторыхъ мужиковъ отдать ему долги... Но среди своихъ обычныхъ размышленій оглянулся онъ на собравшихся богомольцевъ и на лицахъ ихъ замѣтилъ то, чего давно уже не появлялось на его сытомъ, горделивомъ лицѣ: вотъ старушка, опустившись на колѣни передъ образомъ Спасителя, шепчетъ: „Господи, Царь Небесный! помилуй мя грѣшницу... Мать Пресвятая Богородица! Спаси меня окаянную“... а слезы межъ тѣмъ текутъ изъ ея старческихъ очей. Рядомъ со старушкой громко вздыхала молодая женщина; тутъ же около нея бѣдно одѣтый крестьянинъ, смиренно наклонясь, вни-

мательно вслушивался въ чтеніе псаломщика. Съ иконостаса строго смотрѣли лики св. угодниковъ.

Одинокимъ почувствовалъ себя Акимъ Петровичъ среди этихъ людей, собравшихся въ храмъ помолиться Творцу за свои грѣхи, выплакать здѣсь передъ Нимъ свою скорбь. Жутко стало у него на сердцѣ среди благоговѣйной церковной тишины.

Вотъ на клиросѣ стройно запѣли: „Во царствіи Твоемъ помяни насъ, Господи"... Вдумался Акимъ Петровичъ въ смыслъ сладкихъ Евангельскихъ словъ, тронули они его огрубѣлое сердце, въ немъ заговорило что-то новое, небывалое... напомнили они ему забытыя имъ наставленія его умершей матери—жить по-Божьи, жалѣть людей, молиться о царствіи небесномъ. Въ глубинѣ души его шевельнулась совѣсть: „Недостоинъ ты,—заговорила она,—царствія Божія, далеко, далеко стоишь ты отъ него, а удалила тебя отъ него твоя грѣшная, безобразная скотская жизнь".

Солнце уже высоко стояло на небѣ, когда кончилась литургія, и говѣльщики стали расходиться по домамъ. Шелъ къ себѣ домой и Акимъ Петровичъ, но не такъ, какъ онъ обыкновенно ходилъ по селу, гордо посматривая по сторонамъ, сознавая свою силу надъ односельчанами, но скромно, потупя голову шелъ вдоль улицы. Дома прошелъ онъ въ отдѣльную каморку, досталъ съ полки забытыя сказанія о жизни святыхъ и сталъ читать ихъ. Читалъ онъ, не отрываясь, до самаго благовѣста къ исповѣди и, какъ только раздался первый ударъ колокола, поспѣшно отправился въ церковь. Въ церкви уже ждалъ кающихся священникъ; первымъ подошелъ къ нему Акимъ Петровичъ, долго бесѣдовалъ онъ со своимъ пастыремъ, каялся предъ нимъ въ своихъ беззаконіяхъ какъ никогда, ни разу во всей своей жизни...

Сумерки накрыли „Тихое", на улицѣ пусто, трактиръ Акима Петровича освященъ слабо; посѣтителей нѣтъ, а хозяинъ задумчиво сидитъ у окна своей каморки. Картина всей его прошлой жизни развернулась предъ нимъ; изъ простого мужика скупостью, обманами сдѣлался онъ почетнымъ богачемъ: построилъ себѣ большой хорошій домъ, открылъ въ немъ трактиръ, туго набилъ свой кошелекъ, забылъ Бога, а думалъ и помнилъ объ одномъ своемъ богатствѣ, ему только служилъ вѣрно и неизмѣнно. Крѣпко уснула въ немъ совѣсть, убаюкиваемая ненасытнымъ корыстолюбіемъ.

Только сегодня впервые вникъ онъ въ службу Божію, и напомнила она ему о молитвѣ, о покаяніи, разбудила его уснувшую совѣсть, а таинство исповѣди озарило его заблудшую душу свѣтомъ, и увидалъ онъ, что жить попрежнему, по-безсовѣстному—постыдно, позорно... все то, что до нынѣшняго дня радовало его, влекло къ себѣ, сегодня потеря-

ло въ его глазахъ цѣну; забылъ онъ про свой кошелекъ, про долги мужиковъ, про товаръ, про торговлю. Только что прочитанныя имъ книжки о подвигахъ свв. угодниковъ открыли предъ нимъ иной міръ,—міръ добра, жизнь для Бога, для ближнихъ.

Семья вся улеглась спать, а Акимъ Петровичъ съ усталой отъ непривычныхъ думъ головой вышелъ на воздухъ. Безконечная синева небеснаго свода опрокинулась надъ селомъ, звѣздочки ясно смотрѣли на заснувшій грѣшный міръ.

Напротивъ трактира вросла въ землю избенка бѣдняка Власа, у котораго на дняхъ Акимъ Петровичъ взялъ за долгъ послѣднюю лошаденку... а на задахъ пріютилась убогая хатка вдовы Акилины, вчера только умолявшей Акима Петровича дать хоть немножко соломки прокормить коровенку, послѣднюю кормилицу малыхъ сиротъ: „Много васъ здѣсь шляется такихъ...—крикнулъ онъ въ отвѣтъ на ея жалобныя просьбы,—пошла, пошла!.. кто здѣсь про васъ приготовилъ соломки?“..

Чѣмъ дальше смотрѣлъ Акимъ Петровичъ вдоль сельскихъ слободокъ, тѣмъ больше и больше вспоминалъ онъ случаевъ того, какъ одного мужичка онъ обсчиталъ, другого обмѣрилъ, того споилъ, этого прижалъ въ нуждѣ.

Господи! сказалъ самъ себѣ Акимъ Петровичъ, — какъ я безсовѣстенъ, нехорошъ! и стою ли я жалости Твоей? Стою ли я того, чтобы Ты допустилъ меня завтра пріобщиться Св. Таинъ.

Спустя немного времени послышался стукъ въ окно Власовой избы.

— Кто тутъ?—окликнулъ Власъ.

— Это я, твой сосѣдъ, трактирщикъ... выдь-ка на минутку

Ворота заскрипѣли, и изъ нихъ показался Власъ. Увидя богача-сосѣда въ смиренномъ, небываломъ видѣ, державшаго за поводъ лошадь, онъ въ удивленіи остановился.

— „Прости меня, сосѣдъ,—началъ Акимъ Петровичъ,—за всѣ мои обиды тебѣ, да вотъ и лошадку-то свою возьми назадъ, владѣй ею на здоровье, а теперь пока прощай“!

„Охъ, Господи! видно, на исповѣди опомнился нашъ Акимъ Петровичъ“ А тотъ между тѣмъ отправился ко вдовѣ Акулинѣ и ее также немало удивилъ своимъ приходомъ въ неурочный часъ. „Вотъ что, тетка Акулина,—говорилъ Акимъ Петровичъ,—ты на меня не серчай за вчерашнее-то, что покричалъ-то я на тебя... корму то возьми у меня, сколько тебѣ требуется, а гнѣвъ и брань мою забудь... и вотъ тебѣ за обиду, возьми, годится ребятишкамъ на баранки“, и сунулъ ей въ руку рублевку.

Въ большомъ окнѣ Акимовой каморки сіяли блѣдные лучи лампадки, самъ онъ стоялъ на колѣняхъ предъ большой кіотой съ образомъ и молился...

Кончилъ молитву, снялъ съ гвоздя поддевку, положилъ ее подъ голову и, крестясь, легъ на голую лавку. Молитва, чистосердечная исповѣдь и положенное начало добрыхъ дѣлъ навѣяло миръ и отраду на грѣшную душу его. „Помоги мнѣ, Господи,—шепталъ онъ,—сдѣлать больше добра всѣмъ тѣмъ, кого я такъ много и такъ часто обижалъ... и не отвергни завтра меня, Милостивый, за мои грѣхи отъ Св. Таинъ“... И заснулъ вразумленный богачъ на голой, жесткой лавкѣ такъ сладко и спокойно, какъ не спалъ никогда на своихъ мягкихъ пуховикахъ.

Прошло 15 лѣтъ; село „Тихое“ нисколько не измѣнилось: мало измѣнился и домъ Акима Петровича, не видно только надъ его крыльцомъ расписанной зеленой вывѣски... Зато много перемѣнъ произошло въ приходскомъ храмѣ и около него: прежняя бѣдная, плохо выкрашенная, съ погнувшимися главами церковь превратилась въ чистенькій, бѣлый красивый храмъ, увѣнчанный вызолоченнымъ, ярко сіяющимъ на солнцѣ крестомъ; около церковной ограды, на пустой прежде площадкѣ, пріютился новенькій домикъ съ вывѣской: „Приходская школа“, а рядомъ съ ней другое бѣлое каменное зданіе—церковная богадѣльня.

Была Пасха. Стоялъ прекрасный апрѣльскій день. Весна уже дохнула тепломъ на обнаженную землю, и луга начали зеленѣть. На улицахъ толпами разгуливалъ нарядный сельскій людъ. Съ колокольни несся стройный трезвонъ. Изъ дома Акима Петровича только что вынесли свв. иконы и вышла толпа народу. Причтъ служилъ у него обычный пасхальный молебенъ, а послѣ молебна соборовалъ самого хозяина...

Акимъ Петровичъ лежалъ на смертномъ одрѣ, но смерти не боялся онъ; на его душѣ было мирно, покойно: онъ точно исполнилъ свое обѣщаніе, данное ночью послѣ исповѣди, наканунѣ причастія.

Вечеромъ того же дня все село узнало, что Акима Петровича не стало, отошелъ онъ ко Господу въ радостный пасхальный день (Тоб. Е. В.).

Примѣры чудодѣйственной силы Божіей.

1) Батюшка, перемѣни кусочекъ-то.

Въ селѣ В. въ одно время, Великимъ постомъ, въ числѣ прочихъ причащалась одна женщина, и только что приступила къ причащенію, какъ вдругъ отступила назадъ и священнику сказала: „батюшка, перемѣни кусочекъ-то“. Священникъ эту частицу опустилъ въ чашу и взялъ другую, женщина приняла. Послѣ сего она, на вопросъ священника: почему не приняла первой частицы? отвѣчала: „да вотъ почему:

когда я подошла причащаться, и ты сказалъ: причащается раба Божія Тѣла и Крови Христовой, то я подумала: что это за тѣло и кровь? Это просфора и вино. И лишь только это подумала, то у тебя на ложечкѣ-то увидѣла кусокъ мяса, которое такъ и трепетало, и изъ него текла кровь. Я и побоялась это принять. А какъ ты перемѣнилъ кусочекъ-то, то я увидѣла, что это просфора и вино, и это приняла"

———

2) Клянусь Богомъ, если сынъ твой окрестится, то будетъ здоровъ.

У знакомаго мнѣ портного Ивана Яковлевича, обращеннаго въ православіе изъ раскола, былъ внукъ, мальчикъ лѣтъ 7 или 8, и оставался некрещеннымъ ни раскольниками, ни православнымъ священникомъ. Поэтому священникъ постоянно говорилъ, что нужно его крестить, но мать не соглашалась, потому что голова его была въ золотухѣ и такой, что все слилось въ сплошную кору, которая казалась какою-то шапкой. Мать боялась, чтобы голова еще болѣе не разболѣлась. Священникъ сказалъ матери: „клянусь Богомъ, если сынъ твой окрестится, то будетъ здоровъ". Этому мать повѣрила, и мальчика окрестили. Его крестили часовъ въ 8 утра, а къ вечеру часовъ въ 8 же какъ-то нечаянно мать дотронулась до головы и увидала, что золотушная кора зашевелилась, и ее сняли съ головы, какъ шапку, и голова оказалась чистая безъ всякихъ язвинъ и безъ волосъ, которые потомъ стали показываться и выросли большіе и густые.

———

3) Не нужно оставлять молитвы ни при какихъ искушеніяхъ.

Нѣкто, ложась спать, сталъ молиться, но вдругъ явилась у него мысль: „не молись.—не нужно"; но другая мысль сказала: „стой и молись" Далѣе первая мысль говорила: „что молиться? не нужно: нѣтъ Бога, кому же ты молишься, кто тебя услышитъ? Люди оставлены себѣ самимъ, никто имъ не помогаетъ и никто ихъ не слышитъ; вотъ и ты долженъ погибнуть". И вдругъ состояніе его представилось ему безотраднымъ, ужаснымъ, и онъ хотѣлъ было оставить молитву; но другая мысль говорила: „стой и молись". Въ такомъ положеніи онъ былъ нѣсколько времени, и потомъ вдругъ сказалъ: „вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію,"—и лишь только это сказалъ, какъ слезы градомъ брызнули изъ глазъ, и онъ упалъ на колѣни и былъ, по его словамъ, въ какомъ то неизъяснимо блаженномъ состояніи.

———

4) Іисусъ Христосъ пришелъ взыскать и спасти погибшаго.

Въ одной книгѣ мнѣ пришлось прочесть слѣдующее. Одинъ священникъ имѣлъ обыкновеніе послѣ каждой литургіи въ

праздничные дни говорить экспромтомъ краткія поученія, и поэтому предъ литургіею бралъ, какой ему вздумается, текстъ, обдумывалъ и изъ него говорилъ поученіе. Въ одно время, приготовясь говорить на избранный имъ текстъ изъ Евангелія, когда взялъ Евангеліе, то открылся и бросился ему въ глаза текстъ: „Сынъ человѣческій пришелъ взыскать и спасти погибшаго". Онъ сталъ искать того текста, на который приготовился говорить, но какъ ни искалъ, все попадался ему тамъ сначала открывшійся текстъ, и онъ сталъ уже говорить изъ этого текста. По окончаніи литургіи, когда онъ возвратился домой, ему сказали, что пришелъ къ нему какой-то мужичекъ и хочетъ его видѣть. Священникъ вышелъ къ нему и спросилъ: что скажешь? Мужичекъ, поклонясь ему въ ноги, сказалъ: „спасибо батюшка, что ты меня избавилъ отъ смерти".—„Помилуй, братецъ, когда и какъ я тебя избавилъ отъ смерти, когда теперь только въ первый разъ и вижу тебя? Какъ же, не видавши тебя, спасъ тебя?"—„Да вотъ какъ, отвѣчалъ мужичекъ: я съ горя, отъ тяжелыхъ обстоятельствъ, рѣшился удавиться и, взявши веревку, пошелъ въ лѣсъ, чтобы тамъ повѣситься; но, проходя мимо церкви, вздумалъ въ послѣдній разъ помолиться, и когда ты говорилъ, что Іисусъ Христосъ приходилъ на землю спасти погибающихъ, то я подумалъ: когда Самъ Господь приходилъ на землю спасти погибающихъ, такъ зачѣмъ же я думаю себя погубить? Это нехорошо; не буду же налагать на себя руки,—и, выйдя изъ церкви, бросилъ веревку и пришелъ тебя поблагодарить. Теперь я пойду домой, потому что мнѣ полегчало".

———

5) Услышанная молитва вдовы.

Въ приходѣ села В. былъ скотскій падежъ, и въ одной деревнѣ вымерли всѣ коровы; только у одной вдовы была еще жива корова, но и та уже лежала и близка была къ смерти. Въ это время въ деревню принесли чудотворную Толгскую икону Божіей Матери и когда среди деревни стали пѣть водосвятный молебенъ, то вдова молилась и просила Божію Матерь исцѣлить ея корову; а потомъ, по освященіи воды, обмочила кусокъ хлѣба въ святой водѣ и дала коровѣ. Корова кусокъ съѣла и встала здоровой, вдова согнала ее со двора; іеромонахъ окропилъ ее св. водой, и корова пошла по улицѣ и стала щипать траву.

———

6) Скорая помощь.

Въ одно послѣобѣденное время, когда я сидѣлъ дома въ какомъ-то безсмысленномъ состояніи, вдругъ явилась у меня мысль: „удавись". Къ самоубійству, впрочемъ, не было ни-

какой причины, потому что и по службѣ и въ семьѣ было хорошо, и я никакой нужды не терпѣлъ, да и хмѣльного не пилъ и всегда былъ трезвъ. На эту мысль я мысленно же отвѣчалъ: „что за глупость давиться? да мнѣ нѣтъ и причины давиться, не буду". На второй день опять явилась та же мысль, и такъ являлась недѣль около двухъ и все съ новою силою, а въ послѣдній разъ явилась съ особою навязчивостію и указывала, гдѣ и какъ и чѣмъ удавиться, чтобы страданія были легче,—и я не могъ уже далѣе противиться этой мысли и хотѣлъ было это исполнить, но вдругъ какъ-то сказалъ: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, ради Тебя Самого, ради заслугъ Твоихъ, ради безцѣнной Твоей крови, которую Ты и за меня бѣднаго грѣшника пролилъ на крестѣ, избавь меня отъ этого лукаваго демона". И лишь только сказалъ, какъ вдругъ о самоубійствѣ мысль исчезла и болѣе не повторялась.

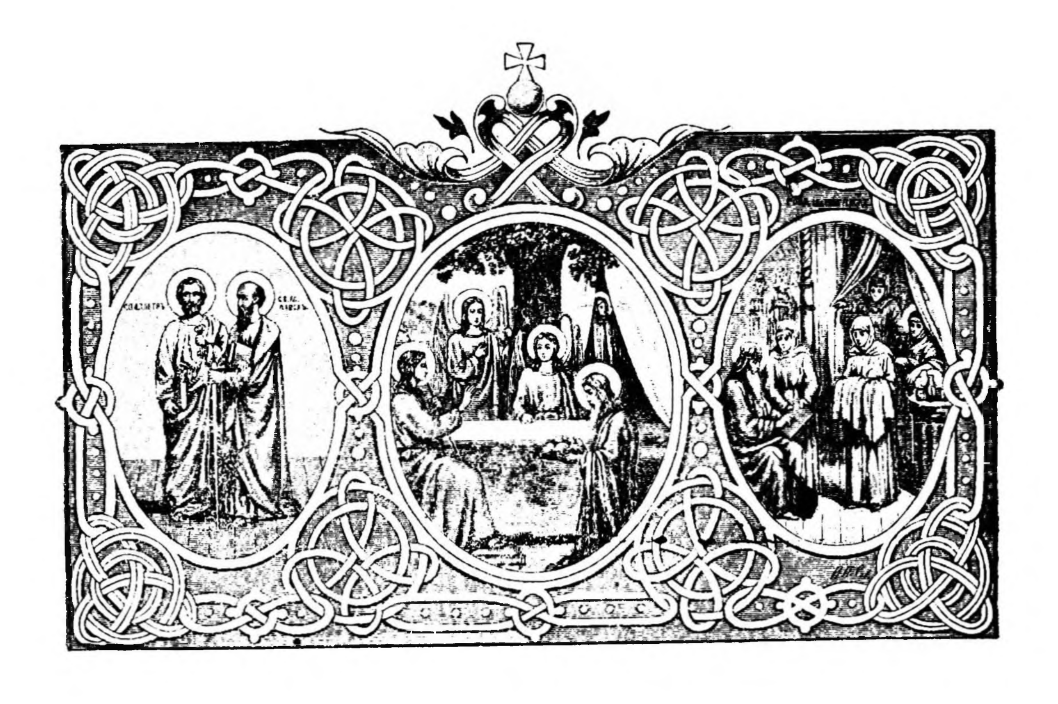
---

7) Опаляющій огнь.

Одинъ чиновникъ съ кондитеромъ согласились идти въ монастырь исповѣдаться. Идя дорогой, чиновникъ, зная, что кондитеръ на одного имѣлъ злобу, сказалъ ему: „какъ же ты будешь причащаться; вѣдь ты сердитъ на того-то, и тебѣ нужно его простить".—„Ну ужъ не прощу, отвѣчалъ тотъ, ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ".—„А когда не простишь, то тебѣ и причащаться нельзя".—„Ну, какъ-нибудь причащусь". И такъ, придя въ монастырь, исповѣдались и на утро пошли причащаться. Но только что кондитеръ причастился, какъ вдругъ страшно закашлялъ. Подумали, не тошно ли ему. Когда же послѣ обѣдни пришли въ гостиницу, то чиновникъ спросилъ кондитера: „отчего ты такъ страшно закашлялъ?"—„Да, развѣ ты не видалъ, отвѣчалъ тотъ, что монахъ пихнулъ мнѣ въ ротъ уголь, которымъ мнѣ во рту обожгло, и я чуть не подавился?"—„А покаялся ли ты, что ты золъ?"—„Нѣтъ, я объ грѣхѣ и не сказалъ на духу".—„Ну, такъ вотъ Тѣло Христово и послужило тебѣ огнемъ"

Е. Н—ій.

Изъ дневника православнаго христіанина.

Разныя духовныя наблюденія.

1. Какова жизнь, такова и смерть.

Былъ одинъ крестьянинъ въ сосѣдней съ нами волости, который во всю жизнь не зналъ никакой болѣзни, а потому и другимъ не вѣрилъ, — говорилъ, будто бы все притворяются. На исповѣдь и въ храмъ Божій онъ никогда не ходилъ. Когда, бывало, станутъ благовѣстить къ обѣднѣ или къ другой какой-нибудь службѣ, онъ обыкновенно говаривалъ: „вотъ долговолосые! нечего дѣлать, такъ бьютъ колокола“ Вообще въ его поступкахъ не замѣчали ничего христіанскаго, хотя онъ не былъ и отъявленнымъ плутомъ, или мошенникомъ. Къ матери своей, которая съ нимъ жила, былъ онъ непочтителенъ до того, что когда она однажды, въ сильномъ негодованіи на его грубости, сказала, что не дастъ ему своего благословенія, онъ такъ отвѣчалъ ей, что срамно и сказать... Ни сѣдинъ матери не постыдился, ни Бога не побоялся; ни во что вмѣнилъ для себя родитель-

ское благословеніе! Сначала жилъ онъ бѣдно, потомъ сталъ поправляться; наконецъ, однажды, на барской работѣ сдѣлался нездоровъ и вскорѣ послѣ того впалъ въ сумасшествіе; потомъ было опять поправился и нѣсколько времени былъ въ добромъ здоровьѣ, но снова сошелъ съ ума: такъ что родственники его принуждены были постоянно смотрѣть за нимъ. Однакожъ, сколько ни стерегли его, онъ однажды успѣлъ какъ-то уйти на дворъ и тамъ удавился на уздѣ, которую привязалъ къ яслямъ!—Какъ жилъ, такъ и умеръ.

Такіе и подобные сему примѣры правосудія Божія, по коему Онъ, при всемъ Своемъ милосердіи къ намъ, наказываетъ безпечныхъ и нераскаянныхъ грѣшниковъ, мы можемъ видѣть нерѣдко. Но они какъ-то мало замѣчаются нами и еще рѣже принимаются къ сердцу, а потому не оказываютъ на насъ почти никакого дѣйствія, и слѣдовательно не приносятъ намъ той пользы, какую мы могли бы извлечь изъ нихъ.

2. Опытное удостовѣреніе въ бытіи Ангела-хранителя.

Св. Церковь учитъ, что каждому изъ насъ при крещеніи дается отъ Бога Ангелъ-хранитель, для руководства насъ ко спасенію. Здравый разумъ говоритъ, что если этотъ св. руководитель нашъ дѣйствуетъ на нашу душу: то быть не можетъ, чтобы благодѣтельныя дѣйствія его не могли быть ощутительными для благочестиваго чувства внимающаго себѣ христіанина. Исторія Товіи описываетъ намъ особенное храненіе его св. архангеломъ Рафаиломъ и чудесное исцѣленіе имъ отца его Товита.—Вотъ что случилось и со мной назадъ тому лѣтъ 15. Въ концѣ семинарскаго ученія своего я сдѣлался нездоровъ горячкою. Въ одинъ вечеръ, когда я сталъ выздоравливать, долго не могъ уснуть. Слабый свѣтъ лампы тускло освѣщалъ комнату больницы, въ которой я лежалъ; глухіе стоны больныхъ собратій по временамъ доходили до ушей моихъ и наводили на меня грусть; постепенно стала овладѣвать моимъ сердцемъ сильная тоска... Вдругъ я слышу какой-то сладкій голосъ: „не унывай, Николай! молись Богу!“ Я спрашиваю говорящаго: кто ты?—„Я—Ангелъ-хранитель твой“, былъ мнѣ отвѣтъ. При сихъ словахъ, неизъяснимо сладко дѣйствовавшихъ на меня, грусть моя тотчасъ исчезла, какъ дымъ; я почувствовалъ въ душѣ моей необыкновенное веселіе и какое то особенно крѣпкое упованіе на Бога,—и долго, долго молился... И мнѣ было такъ хорошо, такъ сладко... О, я во всю жизнь мою не забуду этого райскаго состоянія души моей!

Черезъ два дня послѣ этого событія я былъ выпущенъ изъ больницы, какъ совершенно здоровый.

3. Христіанское средство отъ пьянства и запоевъ.

Во всякомъ званіи и состояніи, всякаго возраста и пола есть люди, подверженные пьянству и запоямъ. Не говоримъ о томъ, что человѣкъ въ пьяномъ видѣ уподобляется скотамъ несмысленнымъ, а нерѣдко, по своему безчинію и бѣшенству, становится еще хуже ихъ; не говоримъ о вредѣ отъ пьянства для благосостоянія семейнаго и общественнаго, для нравственности и спасенія души; говоримъ: сколько и сами одержимые недугомъ пьянства страдаютъ и тѣломъ и душею отъ своей слабости!... Прибавимъ къ этому еще преждевременную и нехристіанскую смерть, которою иногда оканчивается несчастная страсть къ пьянству, и которая, слѣдовательно, губитъ человѣка на всю вѣчность. — Представляя это, конечно, всякій согласится, что пьянство и запои суть истинная язва въ родѣ человѣческомъ. Послѣ сего неудивительно, что для лѣченія этихъ недуговъ употребляются многоразличныя и нерѣдко въ простонародьѣ унизительныя средства, соединенныя часто съ значительными издержками. Сдѣлаемъ о нихъ общее замѣчаніе. Всѣ средства, какими думаютъ отучить, отъ пьянства и запоевъ, можно раздѣлить на два рода: на *вещественныя* и *душевныя*; къ первымъ относимъ всѣ микстуры и настойки въ родѣ той, какую предлагалъ одинъ ученый въ своей психологіи и которая состоитъ въ настоѣ вина на богородской травѣ и щавелѣ. Такого рода лѣкарства, какъ матеріальныя, если и могутъ врачевать, то только тѣло, а никакъ не душевныя болѣзни, каковъ запой. Въ этомъ, конечно, всякій здравомыслящій согласится. Подъ вторыми, т.-е. *душевными*, средствами мы разумѣемъ рѣшимость, честное слово, обѣты и заклятія, какія обыкновенно дѣлаютъ одержимые недугами пьянства и запоевъ. Конечно, нельзя отвергать дѣйствительности этихъ средствъ; но столь же несомнѣнно и то, что они и слабы, и ненадежны... Не видимъ ли мы, что иногда пьяница, при всей своей доброй рѣшимости, при всѣхъ увѣреніяхъ другого своимъ честнымъ словомъ, при всѣхъ своихъ обѣтахъ, хотя бы то и клятвенныхъ, скоро нарушаетъ данное слово?... Если человѣкъ въ нравственномъ отношеніи столько слабъ, что дѣлаетъ худое противъ своей воли; *не еже бо хощу доброе, творю,* говоритъ апостолъ Павелъ, *но еже не хощу злое, сіе содѣваю* (Римл. 7, 19); то это чаще всего приводится видѣть на зараженныхъ пьянствомъ и запоемъ. Для такихъ людей особенно обѣты и заклятія, по сознанію одного изъ нихъ, суть то же, что горячіе угли въ пазухѣ...

Послѣ безполезныхъ средствъ *вещественныхъ,* и рѣдко дѣйствительныхъ, но всегда ненадежныхъ, средствъ *душевныхъ* человѣку-христіанину, одержимому пьянствомъ и за-

поемъ, остается еще прибѣгать къ средствамъ *христіанскимъ.* Вотъ одно изъ таковыхъ, многократно испытанное и всегда оказывающееся дѣйствительнымъ.

Желающій отстать отъ неумѣреннаго употребленія горячихъ напитковъ, долженъ отслужить водосвятный молебенъ, и въ продолженіе 6-ти недѣль каждодневно два или три раза пить натощакъ освященную воду. При этомъ онъ обязывается исполнять слѣдующія два условія: 1) въ теченіе сказанныхъ 6-ти недѣль не долженъ пить совершенно ничего хмѣльнаго, и 2) послѣ этого времени ни для кого и ни по какому случаю—*не принуждать* себя къ употребленію водки... Поступившій такимъ образомъ собственнымъ опытомъ увѣрится не только въ дѣйствительности предлагаемаго нами христіанскаго средства, но и въ преимуществѣ его предъ всѣми другими средствами.

Изъ многихъ, извѣстныхъ намъ лицъ, съ успѣхомъ пользовавшихся сказаннымъ средствомъ, мы упомянемъ объ одномъ N, хорошо намъ знакомомъ и главное—добросовѣстномъ, который дважды прибѣгалъ къ этому средству и всегда съ полнымъ успѣхомъ. Этотъ N, человѣкъ умный, къ несчастію, пилъ запоемъ. Бывало, запьетъ, такъ и со стороны жалко смотрѣть на него... По недѣлѣ, по двѣ и по мѣсяцу пьетъ напропалую... Какихъ средствъ ни употреблялъ онъ, и *естественныхъ*, и *душевныхъ*, чтобы отстать отъ вина; но все напрасно. Покрѣпится, покрѣпится, да и рѣшитъ, то для задушевнаго пріятеля, то для большого праздника, а потомъ и давай кутить... „Бывало“, говаривалъ онъ: „когда станешь подчивать пріятеля, а онъ тебя: тогда и вспомнишь о своемъ обѣтѣ не пить вина; вотъ, думаешь, и выпилъ бы рюмочку для друга, да нельзя до извѣстнаго времени... сердце разгорится, и вино сдѣлается еще пріятнѣе, какъ Евѣ плоды, во время діавольскаго искушенія въ раю... Думаешь, пускай пріятель еще попотчивалъ бы тебя, и тогда какъ будто бы ужъ не могъ отговориться... Пріятель настаиваетъ, — и рюмка выпита.. потомъ другая, но съ меньшею противъ прежняго отговоркою; тутъ третья и т. д.“ — Такъ N всегда преступалъ свое, твердо принятое намѣреніе и клятву, не пить до извѣстнаго времени вина. Изъ приведенныхъ нами словъ N видно, что какъ онъ ни старался психически дѣйствовать на себя, но страсть къ вину въ немъ не угасала, а только была на нѣкоторое время сдерживаема, то рѣшимостію, то обѣтомъ не пить вина, и при искушеніи *міра* въ лицѣ пріятеля или компаніи, N тѣмъ сильнѣе искушаемъ былъ *отъ своея похоти, влекомъ и прельщаемъ* (Іак. 1, 15). Почему ожидалъ или лучше желалъ, чтобы пріятель хотя бы еще разъ попотчивалъ его,—и онъ выпилъ бы будто только потому, что не могъ отговориться... Какое слабое и жалкое усыпленіе со-

вѣсти, колеблющейся преступить данное слово или клятву! Такъ слабы всѣ человѣческія средства къ удержанію въ себѣ наклонности къ вину! Не то было съ N, когда онъ рѣшился испытать прописанное нами *христіанское* средство. Послѣ срочныхъ 6 недѣль, N почувствовалъ въ душѣ какую-то особенную легкость. Взглядъ на вино нисколько уже не тревожилъ его. Когда же случалось ему потчивать кого водкой, ему и на умъ не приходило того, что люди пьютъ, а онъ не пьетъ, какъ это было прежде... желанія выпить, значитъ, въ немъ не раждалось. Онъ всегда былъ спокоенъ духомъ, и съ какимъ-то самодовольствіемъ угощалъ другихъ, любуясь въ это время своею трезвостію и нерасположенностію къ вину. Но, спустя долгое время, какъ-то N, безъ всякаго внутренняго влеченія, по одной, дѣйствительно неотступной, просьбѣ пріятеля позволилъ себѣ выпить водки,— думая, что отъ одной рюмки не можетъ быть худыхъ послѣдствій; но жестоко обманулся: страсть къ запоямъ пробудилась въ немъ съ прежнею силою... Снова прибѣгъ къ *христіанскому* средству отъ нихъ и попрежнему сталъ вести жизнь трезвую. Примѣръ этотъ показываетъ намъ, что предлагаемое нами средство утишаетъ, по благодати Божіей, въ сердцѣ нашемъ страсть къ вину, или, выражаясь словами Церкви, *жало грѣховное* этой страсти *притупляетъ*, но не избавляетъ насъ отъ опасности пасть отъ искушеній міра черезъ друзей или другія какія-нибудь обстоятельства, и отъ искушенія врага нашего *діавола*, ненавидящаго въ человѣкѣ всякую добрую рѣшимость, хитро и всеусильно старающагося поколебать ее. Для обезопашенія себя отъ этихъ враговъ нашихъ собственно и требуется другое условіе рекомендуемаго нами средства: ни для кого, и ни по какому случаю *не принуждать* себя къ употребленію водки.

4. Навожденіе бѣсовское и сила крестнаго знаменія съ молитвою Іисусовою.

Если бы мы были внимательны къ своимъ мыслямъ, расположеніямъ сердца и состояніямъ духа: то собственнымъ опытомъ убѣдились бы въ злокозненныхъ дѣйствіяхъ на насъ злого духа и, замѣчая ихъ, старались бы отражать отъ себя духа тьмы. Я рѣшился воздерживаться отъ употребленія вина, и долгое время исполнялъ свою рѣшимость. Разъ вдругъ отъ чего-то сдѣлалось на душѣ моей мрачно, точно облако закрыло небо; какая-то нашла на меня необъяснимая грусть и тоска: въ душѣ не стало ни одной свѣтлой мысли, ни одного добраго желанія... Я чувствовалъ себя подъ столь сильнымъ вліяніемъ кого-то другого, что, казалось мнѣ, не управлялъ ни своими мыслями, ни желаніями... Этотъ другой шепталъ мнѣ: „поди, выпей стаканъ водки,— тогда будетъ веселѣе... Я машинально оградилъ себя крест-

нымъ знаменіемъ и со вздохомъ произнесъ молитву: *Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.* Мгновенно въ душѣ моей точно разсвѣло, и я встрепенулся подобно птичкѣ, освободившейся отъ хищнаго коршуна.

Не есть ли это—дѣйствіе исконнаго врага нашего, который, по словамъ апостола Петра, *яко левъ рыкая, ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8)... Видно, онъ нападаетъ не на однихъ святыхъ Божіихъ, но и на обыкновенныхъ людей, когда эти послѣдніе рѣшаются на какое-нибудь доброе дѣло.

5. Чудесное дѣйствіе елея въ таинствѣ елеосвященія.

Жена моя сдѣлалась такъ нездорова, что въ одно утро я нѣсколько времени просидѣлъ у ея постели, не замѣчая въ ней никакого дыханія. Потомъ она пришла въ чувство, но лишилась употребленія языка. Я предложилъ ей на бумагѣ, чтобы она особоровалась; она отвѣтила мнѣ, тоже на бумагѣ, что желаетъ, вслѣдствіе чего и было совершено надъ нею таинство елеосвященія около полудня. Во весь этотъ день не случилось съ нею ничего особеннаго; нѣмота продолжалась, и мы взаимно объяснялись знаками. Около 12 часовъ ночи такимъ же образомъ говорила съ нею служанка наша и вышла изъ горницы, въ которой лежала больная. По уходѣ служанки, я посовѣтовалъ женѣ своей оставшійся отъ соборованія елей допить,—и едва только успѣла она сдѣлать это, какъ нѣмота ея исчезла, и она заговорила. Я кликнулъ служанку, и мы вмѣстѣ прославили Бога, такъ видимо явившаго милость Свою въ таинствѣ елеосвященія (ст. свящ. Н. Орлова въ жур. „Стран." 1865 г.).

Изъ дневника православнаго христіанина.

рудолюбивый пахарь.

(Разсказъ).

Былъ чудный весенній вечеръ. Солнце стояло еще высоко надъ горизонтомъ,—оставалось часъ или полтора до заката. Прозрачное, безоблачное небо дышало свѣжестію; оно, казалось, сообщало свѣжесть самой землѣ, гдѣ на всемъ виднѣлись признаки юности. Апрѣль приближался къ концу. Весна была ранняя, дружная: снѣгъ давно сбѣжалъ съ полей. Кругомъ царила необыкновенная тишина; только вдали въ рощахъ воркуетъ горленка и перелетаютъ съ мѣста на мѣсто дикіе голуби. Миріады насѣкомыхъ роями жужжатъ въ воздухѣ, снуютъ и качаются на гибкихъ травкахъ молодой зелени.

На краю нивы, на травѣ, сидѣлъ пахарь Власъ,—это былъ старичекъ лѣтъ 65-ти отъ роду, не высокаго роста, съ правильнымъ, продолговатымъ лицемъ, которое обрамляла сѣдая кудрявая борода. Пахарь Власъ, отеревъ потъ съ лица и сидя на травѣ, подкрѣплялъ себя пищею послѣ упорной работы и трудовъ на своей нивѣ; онъ ѣлъ ржаной хлѣбъ, запивая его квасомъ.

Дѣда Власа уважали всѣ однодеревенцы; онъ былъ человѣкъ разсудительный, резонный; онъ слылъ между своими однодеревенцами мастакомъ во всякомъ хозяйственномъ дѣлѣ. Знаніе его, соединенное съ услужливостію и добрымъ нравомъ, было причиною, что однодеревенцы часто обращались къ нему съ разными просьбами и за совѣтами въ своихъ крестьянскихъ затруднительныхъ случаяхъ и житейскихъ нуждахъ. Встрѣчалась ли сосѣду надобность купить корову или лошадь, дѣдъ Власъ долженъ былъ прежде осмотрѣть животное: приговоръ дѣда Власа рѣшалъ тотчасъ же дѣло. Требовалось ли соорудить новую снасть, купить топлива на зиму или лѣсу на избу, опять обращались къ его опытности. Во всемъ, что касалось полевыхъ работъ дѣда Власа слушали, какъ оракула. Глядя на то, что онъ дѣлалъ, дѣлали и другіе: дѣдъ Власъ выѣзжалъ сѣять—всѣ однодеревенцы сѣяли; онъ не косилъ травы—никто не бралъ косы, хотя бы даже минули Петровки.

Лучше дѣда Власа никто не могъ знать о времени жнитвы и посѣва, о свойствахъ земли и зеренъ.

— „А что Власъ Харитоновичъ, не пора ли овесъ сѣять? вымолвитъ, бывало, сосѣдъ, выходя весною за ворота, чтобы погрѣться на солнцѣ. Вишь, теплынь какая стала, даже паръ отъ земли пошелъ!“

— „Нѣтъ, погоди, скажетъ старый пахарь; ходилъ я нынѣ въ поле, глядѣлъ: листъ что-то малъ на дубкахъ,—не совсѣмъ еще развернулся,—ждать надо холоду, стало быть; можетъ статься, еще будетъ и сиверка; овесъ этого не любитъ! Сѣй его, какъ листъ дубовый развернется въ заячье ухо; тогда и сѣй, потому, значитъ, земля тогда готова,—за свой родъ принялась.“

У него на все были свои примѣты. Онѣ, надо полагать, постоянно оправдывались въ продолженіе многихъ—многихъ лѣтъ: онъ слѣпо вѣрилъ имъ, хотя очень и очень часто заключалъ всѣ свои наблюденія и опыты обыкновенно слѣдующими словами: *„все въ волѣ Божіей; да будетъ Его святая воля во всемъ!“*

Авторитетъ дѣда Власа былъ очень великъ между его односельцами...

Авторитетъ дѣда Власа былъ очень великъ между его однодеревенцами, хотя онъ никогда не былъ ни старостой, ни даже сотскимъ; онъ, какъ особенной милости, просилъ всегда, чтобъ избавили его отъ всякой почетной должности. При всемъ томъ, его почитали и слушали больше даже, чѣмъ начальниковъ, которые избирались міромъ. Не было почти ни одного случая, чтобы мірская сходка обходилась безъ присутствія дѣда Власа. Между тѣмъ дѣдъ Власъ не былъ ни особенно богатъ, ни силенъ, ни крикливъ; но его слушали, и его совѣтъ служилъ всегда послѣднимъ, рѣшительнымъ приговоромъ. То же самое было во всѣхъ трудныхъ запутанныхъ дѣлахъ и даже въ семейныхъ несогласіяхъ: что скажетъ, бывало, дѣдъ Власъ, то и свято.

При началѣ наступившей весны, дѣдъ Власъ сталъ прихварывать, крѣпко прихварывать. Сначала онъ долго не поддавался своей болѣзни, стараясь ее превозмочь; но, наконецъ, она его окончательно одолѣла,—и онъ слегъ въ постель. На пашнѣ управлялся его сынъ Василій, который былъ единственный у дѣда Власа.

Проѣзжалъ мимо пашни дѣда Власа его сватъ,—крестьянинъ изъ дальней деревни и, увидя одного Василія на пашнѣ, поздоровавшись съ нимъ, спросилъ:

— Что ты одинъ? гдѣ же твой старикъ?

— Старикъ дома лежитъ,—хвораетъ.

— Что такъ?

— Ему съ самой весны все что-то нездоровится; а въ эти три дня нашъ старикъ совсѣмъ слегъ... очень опасаемся; все думается, не встать ему; человѣкъ древній... долго ли? Вотъ уже третій день не ѣстъ, не пьетъ, слова не выговоритъ, все лежитъ; только иногда вздохнетъ, тяжело такъ, вздохнетъ; Господь знаетъ, что такое! сказалъ Василій. На его глазахъ заблестѣли слезы и онъ крѣпко-крѣпко задумался.

Наступило непродолжительное молчаніе.

— Жаль дѣда Власа, очень жаль: такихъ умныхъ, разсудительныхъ и трудолюбивыхъ стариковъ немного въ нашей

окрестности: о немъ слава прошла далеко, сказалъ печально сватъ крестьянинъ.

— Что и говорить, сказалъ Василій: его жалѣютъ и всѣ однодеревенцы; они говорятъ, что жили за нимъ, какъ за каменной стѣной; а наши деревенскіе горюютъ и плачутъ о немъ, какъ о родномъ отцѣ.

Помолчавъ немного, Василій опять заговорилъ:

— Недѣли двѣ назадъ мы ничего такого не чаяли, какъ словно даже лучше стало, отлегло,—сталъ поправляться... веснѣ что-ли очень обрадовался, Господь его знаетъ!.. Первый-то день, какъ всталъ, до самого обѣда ходилъ все по полю, смотрѣлъ озими; только на поясницу жаловался. Вечеромъ я пришелъ къ нему на гумно, онъ и говоритъ мнѣ: „Вотъ, Василій, весна на дворѣ...“ такъ говоритъ, а самъ все кругомъ осматриваетъ. „Весна на дворѣ, наши мужики пахать ѣдутъ; а сила, говоритъ, обманула меня... Знать мнѣ нонче не пахать съ вами...“ Смотрю, а на глазахъ его блестятъ слезы, а одна повисла на его рѣсницѣ. „Полно, говорю, батюшка! что напредки загадывать, Богъ милостивъ!“

„Нѣтъ, говоритъ, не пахать мнѣ нонче съ вами... сердце мое чуетъ.“ Подошелъ потомъ къ соломѣ, маленько постоялъ и, легши на нее, сталъ плакать навзрыдъ; насилу я его уговорилъ и увелъ въ избу и уложилъ на лавку. Съ тѣхъ поръ онъ уже болѣе не вставалъ съ постели; все молчитъ и только осѣняетъ себя часто крестнымъ знаменіемъ, глубоко вздыхая, закончилъ печально Василій.

Взглянувъ вдаль, Василій и его сватъ замѣтили бѣжавшую къ нимъ женщину, которая сильно махала рукою.

— Что это, ровно твоя, Василій, жена бѣжитъ? сказалъ сватъ крестьянинъ, пристально смотря на бѣжавшую женщину.

— Посмотрѣвъ попристальнѣе, Василій отвѣтилъ: „да, это точно Василиса моя бѣжитъ: каковъ-то нашъ старикъ?“ При этихъ словахъ голосъ Василія дрогнулъ.

Подбѣжавъ ближе къ Василію, женщина издали закричала: „Василій, Василій! бѣги скорѣй домой; дѣдушка нашъ совсѣмъ кончается!...“ Василиса остановилась немного на одномъ мѣстѣ, чтобы перевести духъ, а потомъ пустилась быстрѣе прежняго обратно къ своей деревнѣ.

Послѣ этихъ словъ своей жены, Василій нѣсколько секундъ оставался неподвиженъ: наконецъ, онъ медленно, какъ бы стараясь привести себя въ память, провелъ ладонью по волосамъ, тяжко вздохнулъ, перекрестился и, сѣвъ на лошадь верхомъ, быстро помчался къ деревнѣ, а за нимъ слѣдомъ поѣхалъ и сватъ.

Когда они подъѣхали къ избѣ, изъ нея явственно слышны были вопль и рыданія; тутъ же около избы стояло нѣсколько

стариковъ и молодыхъ съ печальными лицами; на глазахъ многихъ блестѣли слезы. Когда Василій со сватомъ вошли въ избу, они увидѣли дѣда Власа, который лежалъ на лавкѣ подъ образами, усланной соломой, а голова его покоилась на снопѣ овса; въ чертахъ умирающаго старца видно было полное душевное спокойствіе; смерть не отняла еще у него полнаго сознанія: мысль какъ бы просвѣчивала сквозь закрытыя вѣки его и озаряла черты его; онъ долженъ былъ слышать все, что происходило вокругъ него, но ни одна морщинка не показывала душевной, внутренней тоски. Онъ какъ будто засыпалъ въ полѣ послѣ трудоваго утра и, отходя постепенно ко сну, сладко прислушивался къ пѣнію жаворонковъ, которые заливались въ вышинѣ небесной... Вздохнувъ тяжело нѣсколько разъ, трудолюбивый пахарь — старецъ Власъ тихо-тихо скончался, напутствуемый въ вѣчность молитвами своего духовника и теплыми слезами своихъ и однодеревенцевъ, горько оплакивающихъ въ умершемъ примѣрнаго труженика-пахаря и разсудительнаго совѣтчика въ своихъ крестьянскихъ жизненныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Цѣль настоящаго правдиваго повѣствованія нашего та, чтобы показать, что только тотъ въ полномъ смыслѣ „человѣкъ,“ кто въ средѣ, предназначенной ему судьбою, не даромъ живетъ на свѣтѣ, кто честно и свято исполняетъ свои обязанности, кто сохраняетъ чистоту души, про кого можно сказать безъ лести и пристрастія, что онъ сдѣлалъ все, что могъ и что долженъ былъ сдѣлать.

Мы увѣрены, что память объ умершемъ старцѣ, трудолюбивомъ пахарѣ Власѣ долго не изгладится изъ памяти его современниковъ — однодеревенцевъ, для которыхъ онъ всегда служилъ свѣтомъ, образцомъ и примѣромъ (В. Чт. 1899 г.).

Священникъ *Алексѣй Соболевъ.*

Троицкіе листки № 68.

Все суета и крушеніе духа!

(Изъ твореній пр. Ефрема Сирина).

Быстро теченіе міра сего; заботы его, богатство, стяжанія проходятъ, какъ паръ. *Преходитъ бо образъ міра сего,* говоритъ Апостолъ (1 Кор. 7, 31).

Время за временемъ спѣшитъ и протекаетъ, родъ за родомъ уходитъ и исчезаетъ. И годы, и мѣсяцы, и дни взываютъ: *преходитъ міръ.*

Кто вступаетъ въ міръ, тотъ уже на пути и оставить его; и кто еще въ матерней утробѣ, тотъ приближается уже ко гробу, чтобы вселиться тамъ. Кто выходитъ на свѣтъ изъ матерняго чрева, тотъ идетъ уже въ область смерти. Одинъ приходитъ поселиться въ мірѣ, другой идетъ уже вонъ. Одинъ собираетъ и копитъ богатство, другой оставляетъ его и отходитъ изъ жизни. Смотри, какъ богатство переселяется изъ дома въ домъ, и бѣдность также ходитъ изъ одного жилища въ другое.

Суета суетствій, всяческая суета (Еккл. 1, 2).

Міръ подобенъ колесу, съ котораго свиваются времена и годы. И бѣдствія его то же, что паръ, и блага его — ничто; бѣдствія его не настоящія бѣдствія, и блага его—не настоящія блага. Счастіе мгновенно превращается въ скорбь. Ед-

ва пришла и настала радость: и ея уже нѣтъ, а на мѣстѣ ея—скорби. Кто сегодня веселится, тотъ наутро плачетъ и сѣтуетъ.

Полонъ радости женихъ на брачномъ пиру и восхищается юностью супруги своей; вдругъ постигаетъ смерть, разлучаетъ ихъ другъ съ другомъ, и послѣдовавшая скорбь—больше предшествовавшей радости.

Иной блистаетъ одеждами, украшенъ великолѣпно, но убранство его проходитъ какъ сонъ, и гробъ покрываетъ его паутинами.

Иной строитъ высокій чертогъ, величаво ходитъ по обширнымъ сѣнямъ; вдругъ приходитъ конецъ его жизни, лежитъ онъ распростертый на ложѣ, связанъ по рукамъ и ногамъ, сомкнулись уста, не могутъ вымолвить слова; мракомъ покрылись очи. Вонъ несутъ его изъ дома, не даютъ и дня провести въ великолѣпныхъ палатахъ: какъ можно скорѣе относятъ во гробъ, гдѣ и будетъ его обитель. Вся жизнь его была *суета и крушеніе духа*. Какъ сонъ пролетѣли дни его, и не стало его больше.

Иной стоитъ на высокой степени могущества, полный высокомѣрія, тѣснитъ и гнететъ другихъ, наполняетъ домъ свой неправеднымъ богатствомъ, наступаетъ же конецъ его жизни, и падаетъ онъ во прахъ. Все богатство его—*суета и крушеніе духа*.

Ночи подобенъ міръ, и всѣ событія его—сонная греза; но душа погрязаетъ въ нихъ и вводится въ обманъ призраками. Какъ сновидѣніе обманываетъ ночью, такъ міръ обманываетъ своими обѣщаніями. Какъ сонъ обольщаетъ душу призраками и видѣніями, такъ міръ обольщаетъ своими удовольствіями и благами. Обманчивъ бываетъ ночной сонъ: онъ обогащаетъ тебя найденными сокровищами, дѣлаетъ властелиномъ, даетъ тебѣ высокіе чины, облекаетъ въ пышныя одежды, надмеваетъ гордостію и въ мечтательныхъ призракахъ представляетъ, какъ приходятъ и честятъ тебя люди. Но миновала ночь; сонъ разсѣялся и исчезъ: ты опять бодрствуешь, и всѣ сіи видѣнія, какія представлялись тебѣ во снѣ, стали—чистая ложь. Такъ міръ обманываетъ своими благами и богатствами; они проходятъ, какъ ночное сновидѣніе и обращаются въ ничто.

Тѣло засыпаетъ въ смерти, а душа пробуждается, припо-

минаетъ свои сновидѣнія въ этомъ мірѣ, стыдится ихъ и краснѣетъ. Отъ внезапнаго изумленія приходитъ въ ужасъ, содрогается и трепещетъ, когда обнаруживается тайное: она уподобляется человѣку, пробудившемуся отъ сна, сокрушается напрасною печалью, что время ея протекло, какъ сонная мечта, мучится при видѣ злыхъ дѣлъ, которыя окружаютъ ее всюду.

Какъ глубокая тьма, передъ нею всѣ скверныя дѣла ея, и не знаетъ она, куда бѣжать, гдѣ укрыться, потому что злыя дѣла ея стоятъ передъ нею. Тогда приступаетъ къ душѣ лукавый и начинаетъ свои истязанія. Требуетъ у нея, чтобы ясно представила сновидѣнія міра сего; ставитъ ее обнаженною, издѣвается, ругается надъ нею. Требуетъ у нея того ненавистнаго *нечестія*, которое низвергаетъ ее въ геенну; требуетъ тѣхъ *хищеній*, которыя ввергаютъ ее во тьму; требуетъ у ней той *зависти*, того *обмана*, которые производятъ въ ней скрежетъ зубовъ; требуетъ у нея того гнѣва, той *вражды*, которыя готовятъ ей мученіе. Приводитъ къ ней и дѣлаетъ явными всѣ гнусныя дѣла, не оставляетъ сокрытымъ ни одного проступка, чтобы не поставить ей на видъ. Таковы-то горькія представленія, которыя вынуждаетъ у души лукавый, стоя предъ нею. Поелику душа обольщалась сонными мечтами, то мечты сіи дѣлаются для нея мученіемъ.

Не будемъ же забывать, что міръ преходитъ; не будемъ обольщаться его удовольствіями; не станемъ любить его обманчивость; потому что міръ преходитъ, какъ ночное сновидѣніе.

Какъ спѣшно текутъ дни, такъ быстро проходитъ и пролетаетъ жизнь; нѣтъ ей ни средствъ, ни возможности остановиться и стать на одномъ мѣстѣ. Если солнце станетъ въ высотѣ, и луна будетъ задержана въ теченіи своемъ; то можетъ остановиться и время, опредѣленное для жизни твоей, можетъ оно перестать стремиться къ концу.

Испытай на тѣни, что говорю тебѣ истину; тѣнь увѣритъ тебя въ справедливости словъ моихъ. Жизнь твоя проходитъ точно такъ же, какъ и тѣнь не стоитъ на мѣстѣ.

Проводи жизнь свою въ мірѣ, запасайся добрымъ напутіемъ, чтобы соединиться ей съ Богомъ. А если живешь нечестиво, то жизнь твоя *уже потеряна*; станешь искать ее и не найдешь. Если вода вылита на землю, тебѣ невозможно

ее пить, но если она налита въ сосудъ, то сбережется тебѣ для питія.

Непотребствомъ и *татьбою* не уподобляй жизнь свою гнилой водѣ; иначе поглотить ее земля, и глазъ не увидитъ ея больше.

Не въ *зависти* и *коварствѣ,* не въ *гнѣвѣ* и *враждѣ,* словомъ:—не въ порокѣ какомъ проводи жизнь свою; иначе она потеряна, и ты—дѣйствительно мертвецъ, потому что утратилъ жизнь свою.

Ничто не любезно такъ для человѣка, какъ жизнь: за нее, если бы возможно было, отдалъ бы онъ цѣлый міръ. Итакъ, гонись во слѣдъ за добрымъ, чтобы жизнь твоя, хотя и течетъ она какъ вода, собралась опять въ Богѣ.

Къ Богу направляй малый потокъ жизни своей, чтобы, когда изсякнетъ здѣсь, сдѣлалась тамъ моремъ жизни. Великъ у тебя ручей жизни въ этомъ преходящемъ мірѣ: направь ее къ Богу, чтобы сдѣлалась бездною жизни.

Да не обращаетъ въ ничто жизнь твою гнѣвъ, да не губитъ ее грѣхъ; иначе ты—всецѣло мертвъ, потому что совершенно лишенъ жизни. Если гнѣвъ вселится въ душу твою, то имъ уже уничтоженъ день твоей жизни; по крайней мѣрѣ, не дозволяй гнѣву переходить на другой день, чтобы не погубилъ онъ цѣлой жизни. *Довлѣетъ дневи злоба его* (Матѳ. 6, 34), какъ говоритъ Спаситель нашъ. Довольно гнѣву, если погубитъ и одинъ день твоей жизни; не давай ему переночевать въ душѣ твоей: да не зайдетъ солнце прежде нежели удалится отъ тебя гнѣвъ. Недобрый странникъ поселился у тебя: гони, понуждай его выйти; не давай ему мѣста. Съ протекшимъ днемъ пусть пройдетъ и гнѣвъ; если переночуетъ онъ, гораздо труднѣе будетъ удалить его.

Ты, Боже, Который и высоты, и дольнія глубины умиротворилъ кровію, истекшею изъ ребръ Твоихъ, посли гнѣвнымъ миръ Твой! Твой миръ да будетъ стражемъ душъ, умоляющихъ Тебя. Тебѣ хвала, а намъ щедроты Твои, Многомилостивый и Всещедрый!

На пути ли мы ко спасенію?

Вотъ что, особенно, можетъ показывать, что человѣкъ стоитъ на пути спасенія: если онъ 1) усердно и дѣятельно печется о спасеніи своемъ; а потому 2) тщательно познаетъ

волю Божію или путь спасенія, вмѣстѣ, заботится вѣрно познать себя, искренно обозрѣвая свою жизнь по отношенію къ заповѣдямъ Божіимъ, для исправленія себя, и 3) дѣятельно, съ усиліемъ и борьбою противъ враговъ спасесенія, старается сообразовать жизнь свою съ Божіими заповѣдями или съ закономъ Евангелія, а въ содѣланныхъ грѣхахъ приноситъ истинное покаяніе. Противное этому должно убѣждать въ томъ, что человѣкъ находится не на пути спасительномъ.—Раскроемъ эти истины яснѣе и подробнѣе.

Несомнѣнная истина, что спасеніе наше требуетъ отъ насъ попеченія о немъ и заботы.—Истинно и непреложно то, что Господь Спаситель совершилъ спасеніе наше на Голгоѳѣ; но это спасеніе наше нужно усвоить себѣ вѣрою, и вѣрою живою и дѣятельною, выполнить всѣ предписанія и условія, которыя Господь постановилъ въ дѣлѣ нашего спасенія. А потому, Господь спасаетъ насъ не безъ насъ; дѣло спасенія мы должны совершать и сами съ Господомъ. Господь сдѣлалъ и дѣлаетъ свое дѣло; и наше должно совершаться нами,—само собою оно не сдѣлается. Это дѣло требуетъ отъ насъ попеченія, и попеченія великаго, великой, вседушевной заботы. Потому св. Апостолъ велитъ со страхомъ содѣвать спасеніе: *со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте* (Фил. 2, 12), не со вниманіемъ только, а со страхомъ, съ величайшимъ вниманіемъ, осторожностію и опасеніемъ, какъ бы это великое дѣло не осталось не сдѣланнымъ, или не дѣлается ли оно не такъ, какъ должно! Если важныя дѣла, которыми рѣшается участь наша, дѣлаются съ особенною заботливостію и нѣкоторымъ страхомъ: не тѣмъ ли паче дѣло спасенія нашего, отъ котораго зависитъ вѣчная участь наша? Если благоразумный путникъ, отправляясь въ дальній и опасный путь, употребляетъ всю бдительность и осторожность въ путешествіи: не тѣмъ ли болѣе бдительность и осторожность нужны намъ, христіанамъ, которымъ предстоитъ дальнѣйшій путь отъ земли на небо, изъ видимаго въ міръ невидимый, путь опаснѣйшій, исполненный трудностей и препонъ, окруженный многими сильными и коварными врагами спасенія? Ибо здѣсь и духъ міра, съ своими соблазнами, или съ своею лестію и гоненіемъ, и собственная растлѣнная природа наша съ своими страстями и похотьми, и, особенно, духъ злобы, вѣчный, непримиримый, заклятый врагъ нашъ, съ своимъ коварствомъ и злобою, и *міръ, во злѣ лежащій*, (1 Іоан. 5, 19), идущій широкимъ путемъ самоугожденія и равнымъ образомъ увлекающій на этотъ путь, ставятъ намъ сѣти и преграды. Потому, этотъ путь исполненъ терній и преткновеній. Это и многое другое—пагубныя сѣти для христіанина; почему и говоритъ Св. Писаніе, что мы *посредѣ сѣтей ходимъ* (1 Тим. 6, 9; 2 Тим. 2, 26). Потому слово Божіе и

внушаетъ намъ: *блюдите, како опасно ходите* (Еф. 5, 15). Противу всего этого, нужно христіанину, взявъ богоуказанныя *оружія Божія*, сражаться и мужественно побѣждать. Потому всякій христіанинъ—воинъ духовный. Ему нужно вести духовную брань не только съ похотьми, страстями, со грѣхомъ, *воюющимъ на насъ*, но и съ самыми начальниками грѣха, *съ міродержителями тьмы вѣка сего, съ духами злобы поднебесными*, по слову Апостола. А воину приличны ли безпечность и оплошность среди такихъ враговъ? Видите, все это и многое подобное даетъ разумѣть, что дѣло спасенія требуетъ великой бдительности и заботы, усильныхъ трудовъ и подвиговъ; потому что христіанину для спасенія своего недостаточно только не дѣлать зла и бороться со грѣхомъ, а нужно и подвигать, понуждать себя на всякое добро, исполнять не половину воли Божіей, а всю волю Божію. И такая только искренняя, дѣятельная и постоянная *забота* о спасеніи есть одно изъ ручательствъ въ томъ, что человѣкъ стоитъ на пути ко спасенію.

Но если посмотрѣть на нашу жизнь, къ прискорбію, нельзя не видѣть, что этой заботы, этой усердной о спасеніи попечительности и нѣтъ въ большей части изъ насъ христіанъ. Это состояніе *безпечности* о спасеніи и будущей участи, всегда обымавшей большую часть христіанскаго міра, особенно усилилось и господствуетъ въ духѣ настоящаго времени, такъ называемаго положительнаго и матеріальнаго, стремящагося исключительно къ пользамъ временнымъ, только къ видимому и осязаемому. Много заботъ и попеченій, объемлющихъ христіанъ и глубоко входящихъ въ нашу душу, нерѣдко вносимыхъ и въ домъ Божій, домъ молитвы, гдѣ нужно отлагать житейскія попеченія; много заботъ не только о содержаніи своемъ—пищѣ и одеждѣ, но и богатствѣ и разныхъ удобствахъ, много заботъ о чести и славѣ, много попеченій объ устроеніи будущности своей—временной: но какъ мало заботы, какъ рѣдка попечительность о будущности вѣчной, о дѣлѣ спасенія своего! Конечно, есть заботы и о временномъ позволительныя и даже похвальныя; но это—заботы о дѣйствительно нужномъ, и, притомъ, заботы умѣренныя и въ духѣ христіанскомъ, а не объ излишнемъ и суетномъ; но и эти заботы о нужномъ должны стоять на второмъ мѣстѣ, послѣ заботы о спасеніи. Сюда можно приложить слова Господни: *сія творите, и онѣхъ не оставляйте* (Мѳ. 23, 23). Но на дѣлѣ, въ жизни, бываетъ, большею частію, наоборотъ, въ превратномъ порядкѣ: забота о спасеніи не только не первая, а едва-ли и послѣдняя, послѣ попеченія даже о суетномъ и излишнемъ. Есть люди, есть христіане, которые не только не содѣваютъ спасенія своего со страхомъ, какъ заповѣдуетъ Апостолъ, но и с-вниманіемъ какимъ-либо: они объ этомъ отлагаютъ попечео

нія, вовсе не прилагаютъ вниманія къ этому великому дѣлу, даже вовсе не думаютъ о немъ. Не только не готовы на брань духовную, но и не помышляютъ о врагахъ и сѣтяхъ, среди которыхъ мы ходимъ, по сказанію слова Божія. Многіе не только не ведутъ борьбы духовной, но и не убѣждены, что нужно вести ее; не только не сражаются съ грѣхомъ, но и охотно предаются во власть ему, ищутъ даже случаевъ къ тому, состоятъ въ тѣсной и постоянной дружбѣ съ нимъ; не только не идутъ противъ своихъ похотей и страстей, а еще усердно ихъ питаютъ и лелѣютъ. А *подвигать и понуждать* себя къ точному исполненію заповѣдей Господнихъ, — этотъ необходимый для спасенія трудъ, они почитаютъ для себя какъ бы ненужнымъ и излишнимъ, и оставляютъ заботу о немъ. Ихъ озабочиваютъ и тревожатъ только временныя пользы, удачи и неудачи. Они знаютъ только одни временныя бѣдствія и счастіе; вредъ духовный, польза духовная ихъ вовсе не занимаютъ, для нихъ это какъ бы вовсе не существуетъ. О благѣ души, о чистотѣ совѣсти они менѣе заботятся, нежели о вкусной пищѣ и пышной одеждѣ. Нужно ли доказывать, какъ такая *безпечность* далека отъ пути ко спасенію!..

Другое ручательство въ томъ, что человѣкъ стоитъ на пути ко спасенію, есть усердное познаваніе воли Божіей и пути спасенія, какъ первый плодъ попеченія о семъ дѣлѣ. Такая забота исполняла душу Давида, который взывалъ ко Господу: *скажи ми, Господи, путь, въ оньже пойду.* Знаніе вѣры для спасенія, говорятъ, есть знаніе короткое и простое. Точно, знаніе вѣры для спасенія есть знаніе короткое и простое, ибо не требуется оно необходимо во всей его обширности и глубинѣ; но, за всѣмъ тѣмъ, нужно знаніе достаточное для спасенія. Притомъ, истины эти, какъ истины вѣрнѣйшія и ясно сказанныя, и потому простыя, — суть, вмѣстѣ, истины высокія и глубокія, а потому знаніе ихъ не должно быть поверхностное и неточное. Нужно знать всю волю Божію, все заповѣданное Богомъ, а заповѣдь Божія, по слову Его, *широка зѣло* (Пс. 118, 96), нужно *разумѣвать, что есть воля Божія* (Еф. 5, 17), *испытывать, что есть благоугодно Богови* (Еф. 5, 10), что Ему угодно, и что неугодно. Нужно знать путь спасенія и всѣ распутія, отводящія отъ него, дабы избѣгать ихъ. Это не совсѣмъ легкое дѣло. Но еще болѣе труда и попеченія знать средства, какъ исполнить волю Божію, какъ избѣгнуть коварствъ, препонъ и сѣтей враговъ спасенія, знать, что способствуетъ, и что вредитъ дѣлу спасенія, что полезно и что пагубно для жизни духовной. А для этого требуется, хотя и не обширное, но достаточное и вѣрное познаніе, нужна нѣкоторая мудрость и опытность. Почему и заповѣдуетъ слово Божіе: *не дѣти бывайте умы, но злобою младенчествуйте, умы же совер-*

шенны бывайте (1 Кор. 14, 20) *будите мудри, яко змія, и цњли, яко голубіе* (Мѳ. 10, 16). Нужно быть мудрымъ для того, чтобы быть цѣлымъ.

Но много ли такого вѣдѣнія въ жизни, у многихъ ли есть оно? Не говоримъ о внушеніи Апостола: *исполняйтеся во всякой премудрости и разумњ духовномъ*,—у многихъ ли вѣдѣніе хотя не обширное, но достаточное для спасенія, вѣдѣніе вѣрное и живое, по внутреннему убѣжденію? Кажется, и это не у многихъ. Мало вѣдѣнія не только о томъ, какъ совершать угодное Богу и сохранять благоустройство духа своего, а и о томъ, *что есть благоугодно Богу*. И это главнымъ образомъ, горькій плодъ безпечности и небреженія о спасеніи, и вѣрный ихъ признакъ. Нѣтъ желанія знать это. Кто желаетъ знать, всякій почти можетъ узнать нужное ко спасенію. Сколько средствъ къ тому и пособій! Во-первыхъ, воспитаніе. Но, къ сожалѣнію, каково оно, большею частію, бываетъ у насъ! Учатся многому, часто излишнему,—кромѣ знанія воли Божіей и дѣла спасенія,—законъ Божій бываетъ большею частію только для полноты ученія и формы. Великія заботы бываютъ о томъ, чтобы дитя могло получить почести, богатство, умѣло хорошо держать себя предъ людьми въ свѣтѣ, устроило себѣ будущность счастливую; но чтобы оно умѣло вести себя благоугодно Богу, наслѣдовало блага небесныя и вѣчность блаженную—много ли попеченія объ этомъ у родителей и воспитателей? Храмъ есть училище вѣры и благочестія, здѣсь все поучаетъ, и даже самыя стѣны, изображеніями святыхъ украшенныя; здѣсь, въ теченіе года, прочитывается велегласно, во всеуслышаніе, все слово Божіе, по малымъ частямъ на день, какъ бы по урокамъ; здѣсь проповѣдуется и изъясняется слово Божіе: потому и неученый, и неумѣющій читать имѣетъ возможность узнать волю Божію, и что нужно ко спасенію. Но много ли усерднаго и внимательнаго слушанія *и слаганія того, что слышатъ, въ сердцњ* (Лук. 2, 19), не только проповѣданія и поученій, а и самого слова Божія? А надъ проповѣданіемъ нерѣдко глумятся и издѣваются. Такъ, когда отецъ своего сына, или добрый другъ своего друга начнетъ увѣщавать и обращать на истинный путь, часто, на увѣщанія, внутренно и даже гласно говорятъ имъ въ духѣ глумленія: вотъ началъ проповѣдь читать! Кромѣ церкви и ея ученія, сколько есть книгъ у насъ духовнаго содержанія, назидательныхъ и благочестивыхъ! Духъ благочестія, чтобы онъ не угасъ, нужно *возгрњвать* и питать, *чувства обучать въ благочестіи* (Евр. 5, 14). Одно изъ лучшихъ средствъ къ тому—чтеніе книгъ благочестивыхъ. Но многіе ли, умѣющіе читать и могущіе пріобрѣсть книги, читаютъ такія книги и имѣютъ ихъ? Увы, во многихъ мѣстахъ, селахъ и самыхъ даже большихъ городахъ трудно найти и цѣною пріобрѣсти книгу

духовнаго содержанія!—явный знакъ, что нѣтъ желающихъ имѣть эти книги и читать ихъ. А нежеланіе читать духовныя книги, на мѣсто которыхъ ставятся другія, душевредныя, показываетъ духъ человѣка или цѣлаго мѣста, далекій отъ духа христіанскаго. По книгамъ, какъ и по друзьямъ, справедливо говорятъ, можно заключать о внутреннихъ качествахъ человѣка. Христіанинъ истинный любитъ и друзей и книги христіанскаго духа, чѣмъ обнаруживаетъ свой духъ и вкусъ христіанскіе, и взаимно этимъ питаетъ ихъ. Подобный подобное любитъ. Такъ, относительно знанія вѣры, большею частію,—темные люди—не только простолюдины, а нерѣдко и просвѣщенные свѣтомъ наукъ и образованные.—Это—состояніе *невѣдѣнія духовнаго*, также устраненное отъ пути спасенія.

Еще одно изъ нужныхъ условій или средствъ ко спасенію и ручательствъ въ томъ, что человѣкъ стоитъ на пути спасительномъ—правильное самопознаніе и саморазсужденіе. Это столь важно въ дѣлѣ спасенія, что св. Апостолъ говоритъ: *аще бы себе разсуждали, не быхомъ осуждени были* (1 Кор. 11, 31). Изслѣдованіе жизни своей и проистекающее отсюда правильное самопознаніе и саморазсужденіе весьма сильно можетъ располагать и побуждать человѣка къ нравственному исправленію своему и покаянію, которое такъ важно въ дѣлѣ спасенія. Но много ли испытующихъ свою совѣсть, обозрѣвающихъ по-христіански свои дѣла и сердце? Не большею ли частію любятъ испытывать жизнь другихъ, разсуждать и осуждать ихъ, а своей жизни, своей совѣсти, по духу Евангелія, вовсе не изслѣдываютъ, по безпечности о спасеніи, даже и не почитаютъ этого нужнымъ дѣломъ. Многіе все обозрѣваютъ и обсуживаютъ; только никогда самихъ себя, свою душу. Они сами для себя совершенные незнакомцы; живутъ внѣ себя, никогда не входятъ въ себя, не испытываютъ своей совѣсти. Нѣкоторые и обозрѣваютъ жизнь свою; но, по невѣдѣнію, или по невѣрному и неполному вѣдѣнію, не въ точномъ видѣ видятъ себя. Большею же частію, желая видѣть себя и свою жизнь, смотрятъ не въ зеркало слова Божія, а въ образцы жизни въ свѣтѣ, похвальной по суду его; потому, смотря на себя въ невѣрномъ зеркалѣ, невѣрно усматриваютъ себя. Потому, относительно внутренней жизни своей, нерѣдко говорятъ мысленно: *богати есмы, и ничегоже требуемъ* (Апок. 3, 17). Если же, и за всѣмъ этимъ, видятъ въ себѣ многое худое, котораго не можетъ скрыть и невѣрная даже слову Божію совѣсть; то успокоиваютъ себя ложнымъ упованіемъ на милосердіе Божіе, которое будто бы не взыщетъ за это; тогда какъ къ искреннему покаянію вовсе не имѣютъ стремленія, и если приходятъ на исповѣдь, то часто только по формѣ и обычаю, и не столько желаютъ окаевать себя, какъ

бы должно быть *въ покаяніи*, сколько защищать и оправдывать. А такое упованіе на милосердіе Божіе, такой судъ о немъ оскорбляетъ и прогнѣвляетъ Господа. *Чего ради прогнѣва нечестивый Господа*, вопрошаетъ Пророкъ, и отвѣчаетъ: *рече бо: не взыщетъ* (Пс. 9, 34). Такой лживый судъ есть хула на святость и правосудіе Божіе. Это — состояніе *самопрельщенія* духовнаго, тоже далекое отъ пути спасенія.

Вотъ нѣкоторыя внутреннія состоянія, показывающія, каковъ человѣкъ по отношенію къ спасенію своему, и условія спасенія, со стороны нашей. Знающій волю Божію и путь спасенія, испытующій свою жизнь и совѣсть, усердно и дѣятельно попечительный о спасеніи своемъ, и борющійся со грѣхомъ и врагами спасенія, если не обладаетъ спасеніемъ, то стоитъ уже на пути спасительномъ, или идетъ къ нему. Но безпечный, не знающій воли Божіей и самопрельщенный, относительно спасенія своего — далекъ и отъ самаго пути спасенія.

Кто же мы, въ этомъ отношеніи? Совѣсть каждаго, совѣсть вѣрная и искренняя должна каждому изъ насъ отвѣчать на этотъ вопросъ. Но если кто изъ насъ найдетъ себя въ этихъ далекихъ отъ пути спасенія состояніяхъ, да позаботится усердно и тщательно, при помощи Божіей, выдти изъ нихъ, если дорожитъ своею душею, ея участію вѣчною. Будемъ благоразумны и попечительны о самихъ себѣ. Душа у каждаго изъ насъ одна, и жизнь, въ которую содѣвается спасеніе, одна: какая, поэтому, должна быть великая забота о спасеніи души! *Кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?!* Ахъ потерять спасеніе — невыразимое бѣдствіе! Всею душею потщимся избавиться бѣдствія этого, по благодати Божіей!

А. Ф.

Два пути.

Есть широкій путь, просторный,
Путь пороковъ и грѣховъ,
Путь безъ правды животворной,
Путь заблудшихся умовъ.
    Страсти тутъ кипятъ людскія
    Шумно, бурно, какъ потокъ:
    Гнѣвъ, досада, мысли злыя,
    Все, что названо порокъ.
Этотъ путь страстей просторный,
Гдѣ грѣха лишь слышанъ смрадъ,—
Гдѣ витаетъ духъ тлетворный:
Онъ ведетъ насъ прямо въ адъ.
    Есть другой путь,—путь страданій,
    Горя тяжкаго, нужды,

Свѣтлыхъ думъ и упованій,
Чуждый злобы и вражды;
Путь любви и всепрощенья,
Путь подвижниковъ святыхъ,—
Милосердья, сожалѣнья
О страдальцахъ и больныхъ.
Этотъ путь—скорбей пучина,
Но того, кто имъ идетъ,
Онъ, по слову Бога Сына,
Въ царство Божіе ведетъ (Мин. Е. В.).

Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику.

(Димитрія, еп. Херсонскаго).

Св. Церковь примѣромъ кающагося мытаря побуждаетъ насъ обратить испытующій взоръ на самихъ себя, и въ трепетномъ сознаніи своего недостоинства, въ сокрушеніи сердца о своей грѣховности, въ живомъ упованіи на одно токмо неистощимое милосердіе Отца небеснаго, молиться Ему: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному*.

Въ самомъ дѣлѣ, что можемъ мы принести Господу, кромѣ исповѣданія себя грѣшниками, не смѣющими предстать предъ величествомъ правды Божіей. Напротивъ, помышляя о лѣтахъ юности своей, кто не скажетъ съ Пророкомъ: *грѣховъ юности и невѣдѣнія моего не помяни, Господи! Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику!* Вся послѣдующая сознательная жизнь наша была непрерывнымъ рядомъ ошибокъ и заблужденій, нравственныхъ преткновеній и паденій. Все, что ни приходитъ на память изъ прожитыхъ лѣтъ жизни, отзывается невольною грустью на сердцѣ, тяжкимъ упрекомъ совѣсти, горькимъ сожалѣніемъ о потерянномъ для вѣчности времени жизни; все приводитъ въ стыдъ и смущеніе предъ самимъ собою, въ страхъ и трепетъ предъ Богомъ; все заставляетъ поникнуть долу, крѣпко ударять въ перси свои и вопіять къ Богу: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику!* И въ старости приноситъ добрый и благословенный плодъ только то, что посѣяно въ юности, удобрено и возращено многими трудами и подвигами, терпѣніемъ и добродѣланіемъ въ лѣта мужества. Въ противномъ случаѣ, что остается безсильной, немощной старости, какъ не одно горькое и безплодное сожалѣніе о потерянномъ для неба времени жизни, скорбное сознаніе своего безсилія начать новую жизнь, достойную неба, невозможность принести плодовъ, достойныхъ покаянія? И блаженна она, если будетъ въ состояніи глубоко сознать всю виновность свою предъ Богомъ, восчувствовать всю безотвѣтственность предъ Его правосудіемъ, проникнуться чувствомъ упованія на одно безпредѣльное мило-

сердіе Искупителя нашего и, ударяя въ перси свои, вопіять: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику!*

Придетъ, наконецъ, и тотъ, всѣмъ вѣдомый и никому не извѣстный, всѣми ожидаемый и никѣмъ не желаемый, часъ смертный. Обветшалое тѣло наше, какъ разрушающаяся храмина, распрострется на смертномъ одрѣ. Призываемая на судъ Божій, душа невольно чувствуетъ, что настало время разлучиться ей съ этимъ міромъ и предстать предъ сердцевѣдущимъ Судіею. Тогда-то смущенному взору ея предстанетъ мрачная картина прошедшей ея жизни, представятся содѣянныя ею неправды и беззаконія, достойныя казни вѣчной; обнажится пустота и ничтожество всего, чего искала и къ чему стремилась она въ продолженіе жизни, какъ къ желанному благу и счастію; обнаружится пустота и горькій обманъ всѣхъ удовольствій и наслажденій плотскихъ, которыми прельщалось и увлекалось ея сердце, исчезающихъ теперь подобно смрадному дыму; возстанутъ многія жертвы ея любочестія и любостяжанія: сообщники ея постыдныхъ дѣлъ, невинныя души, соблазненныя ея порочнымъ примѣромъ, увлеченныя злымъ совѣтомъ, растлѣнныя ея безумными рѣчами, оскорбленныя и обиженныя ея неправдами. Къ кому обратишься и къ кому прибѣгнешь, злосчастная душа моя, въ этомъ страшный день и часъ?

Воспряни убо нынѣ, когда продолжается время долготерпѣнія Божія, когда осіяваетъ тебя день спасенія; воспряни, окаянная душа, да нѣкогда уснеши въ смерть, да пощадитъ тя Христосъ Богъ, да отверзетъ тебѣ двери милосердія Своего, да приведетъ тебя къ истинному покаянію и исповѣданію всѣхъ грѣховъ твоихъ, да воскреситъ тебя къ новой богоугодной и богобоязненной жизни! *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику!*

Избранныя пѣснопѣнія Пресвятой Троицѣ изъ Октоиха.

(Изъ рукописей святителя Θеофана).

Въ воскресенье на полунощницахъ каноны глас. 1, 2 и 3.

Сперва создавши меня по образу и подобію Твоему, божественная и вседѣтельная Троице, неслiянная Единице, и нынѣ вразуми, просвѣти и укрѣпи всегда вѣрно творить волю Твою святую, благую и совершенную.

Воспѣваемъ Тя трисолнечное естество, все осуществовавшее за благость, испрашивая оставленіе прегрѣшеній и избавленіе отъ напастей, бѣдъ и скорбей.

Слове Божій, соестественное сіяніе Вседержителя Бога, сотвори во мнѣ, якоже обѣтовалъ еси, богодѣтельное вселеніе со Отцемъ Твоимъ и Духомъ, и страшнымъ мене покажи бѣсамъ и страстямъ.

Трисвѣтлая богоначальная Единице, разгони весь мракъ грѣховъ и страстей моихъ сладчайшими сліяніями свѣтлыхъ лучей Твоихъ и содѣлай меня храмомъ и скиніею неприступной славы Твоей.

Создатель естества человѣческаго тріvпостасный Боже, яко всевидѣцъ, видишь все мое нынѣ неможеніе. Тѣмже ущедри раба Твоего и къ жизни лучшей паки возведи.

Волителю милости, помилуй вѣрующихъ въ Тя, Боже Трисолнечный, и избави прегрѣшеній, страстей и бѣдъ рабовъ Твоихъ.

Единый неизмѣнный Тріvпостасный Господи! Ты всегда настраиваешь Ангельскія воинства къ непреложенію. Яви и мое сердце непреложнымъ, да славлю Тя тепло и воспѣваю благочестно.

Неприступная Троице, соприсносущная и собезначальная, ни въ чемъ, кромѣ личныхъ свойствъ, не разнствующая въ себѣ, разори воздѣйствіемъ Твоимъ всякій злой на меня совѣтъ демоновъ и соблюди меня невредимымъ отъ стуженія вражескаго.

Возсіяй въ сердцахъ воспѣвающихъ Тя трисіяннымъ свѣтомъ, тріvпостасный Боже, и дай разумъ—во всемъ уразу-

мѣвать и исполнять едину волю Твою благую и совершенную, и всегда величать и славить Твою безмѣрную благость.

Тлѣнное естество земнородныхъ поетъ Тя, присвѣтлаго Создателя, единаго неизмѣннаго, и вопіетъ Ти, Владыко: избавь меня всеразличнаго премѣненія, и спаси мя.

Яви меня, Владыко, пресвѣтлымъ храмомъ трисіяннаго Божества Твоего, разогнавъ лютое мое омраченіе грѣховное, свѣтодательными Твоими осіяніями.

Творящіе смуту.

„*Не умолкну ради Сіона и ради Іерусалима не успокоюсь* (Исаіи 62,1-й).“

„*Доколѣ не взойдетъ какъ свѣтъ правда и спасеніе его, какъ горящій свѣтильникъ* (Исаіи 61, 1-й).“

„*И увидятъ народы правду Твою и всѣ цари славу твою и назовутъ тебя новымъ именемъ, которое нарекутъ уста Господа, и будешь вѣнцомъ славы въ рукѣ Господа и діадемою на длани Бога твоего* (Исаіи 61, 2 и 3-й).“

Наша печать, въ томъ смыслѣ „наша“, что она употребляетъ нашъ русскій языкъ для своего выраженія, нерѣдко цитирующая всякую „толстовщину“, хотя бы она была ниже всякой критики, проходитъ молчаніемъ все то, что печатается противу этого вѣянія; а появляется много дѣльнаго, но, увы, мало или почти не извѣстнаго читающей публикѣ, особенно молодежи. Труды Казанскаго профессора г. Гусева противу толстовщины составляютъ богатый вкладъ въ современную апологическую богословскую науку и въ современную чисто философскую публицистику. Но кто изъ молодежи, захлебывающейся толстовщиною, знаетъ даже о существованіи сочиненій г. Гусева?

Въ г. Харьковѣ былъ, напр., всероссійскій церковный витія, старецъ Архіепископъ Амвросій, который неумолкаемо говорилъ съ церковной каѳедры слова правды о разладѣ современной русской жизни съ христіанскими началами. Въ Западной Европѣ каждое произведеніе такого оратора было бы распространено отъ хижинъ до палатъ; у насъ же въ Россіи кто читаетъ его труды, кромѣ обязательныхъ подписчиковъ „Церковныхъ Вѣдомостей“, гдѣ они печатаются?! Будучи руководимъ смолоду приснопамятнымъ Московскимъ Митрополитомъ Филаретомъ, Архіепископъ Амвросій усвоилъ отъ своего учителя ту непреложную ясность выраженія, которая доступна и ученымъ слушателямъ и читателямъ его

трудовъ и простецамъ. Черпая изъ текущей русской жизни матеріалъ для своихъ церковныхъ словъ, Архіепископъ Амвросій разсматриваетъ современныя явленія русской жизни при свѣтѣ слова Божія. Будущему безпристрастному историку русскаго общества нашего времени ораторскія произведенія Харьковскаго Архіепископа Амвросія будутъ сущимъ кладомъ. Они касаются различныхъ сторонъ русской внутренней жизни и представляютъ, ежели можно такъ выразиться, блестящую церковную публицистику. 18 марта 1901 года, въ актовомъ залѣ Харьковской духовной семинаріи, Архіепископъ Амвросій произнесъ обширную рѣчь: *„О дѣлателяхъ на жатвѣ Божіей"* (См. № 15 „Церковныхъ Вѣдомостей", 14 апрѣля 1901 г.). Сдѣлаемъ изъ нея извлеченіе выдающихся мѣстъ, по отношенію къ современному состоянію русскаго общества. „Не призванныхъ дѣятелей, силою врывающихся въ ограду Церкви Христовой, безчисленное множество. Мы говоримъ о тѣхъ образованныхъ людяхъ, которые, оставаясь по имени христіанами, на дѣлѣ являются опаснѣйшими врагами Церкви. Они носятъ разныя имена: *недовѣровъ, невѣровъ, либераловъ, соціалистовъ, прогрессистовъ, позитивистовъ, матеріалистовъ, декадентовъ, пессимистовъ и проч.;* они хотятъ направить человѣчество къ прогрессу—безъ доброй нравственности, къ общественному благоустройству, безъ повиновенія властямъ, и къ счастію—безъ правильнаго развитія и гармоніи силъ духовныхъ и тѣлесныхъ. Ихъ убѣжденія чрезвычайно разнообразны; они согласны только въ одномъ — во враждѣ къ Христіанству вообще и къ Православной Церкви въ особенности. Между ними въ Россіи, конечно, первое мѣсто занимаетъ графъ Л. Н. Толстой, потому что въ суммѣ его заблужденій находятъ всѣ враги христіанства свои воззрѣнія и убѣжденія, а его всесвѣтная извѣстность и благоговѣніе къ нему его почитателей служатъ поддержкой и оправданіемъ для всѣхъ лжеучителей и проповѣдниковъ противухристіанскихъ и противуправительственныхъ идей. Заблужденія его подробно перечислены въ посланіи Св. Сунода къ православному народу. Онъ (Л. Толстой) подходитъ къ нимъ (христіанамъ) отъ имени Іисуса Христа и отъ словъ Евангелія. Такъ на своихъ фантастическихъ сказкахъ, для простого народа, онъ ставитъ эпиграфы изъ Св. Писанія и вплетаетъ въ нихъ свои ложныя мысли между народными вѣрованіями. Но распространяютъ въ нашемъ отечествѣ ложныя ученія и размножаютъ пороки не одни толстовцы, а множество и другихъ дѣятелей. Кто же они и гдѣ они? Спросите лучше, гдѣ ихъ нѣтъ? Они держатся на всѣхъ ступеняхъ государственной и общественной лѣстницы — сверху до низу. Они есть и въ высшихъ сферахъ; это видно изъ того *молчаливаго попустительства*, какимъ нынѣ пользуются враги Церкви и истин-

наго блага нашего отчества. Это видно изъ тайнаго покровительства раскольникамъ и всякаго рода сектантамъ, чрезъ которыхъ надѣются сдѣлать ущербъ Православной Церкви, которая такъ ненавистна либераламъ и матеріалистамъ. Они несомнѣнно есть въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ: иначе не выходили бы изъ нихъ такіе юноши, которые осмѣливаются явно бунтовать противъ властей и общественнаго порядка. Они есть, какъ видимъ, въ нашихъ судахъ, гдѣ оправдываются явные злодѣи, даже сами сознающіеся въ своихъ преступленіяхъ. Они есть и въ земскихъ и думскихъ собраніяхъ, гдѣ дозволяютъ парламентскіе пріемы и составляютъ либеральные проэкты и гдѣ такъ трудно проходятъ церковныя дѣла и просьбы о нравственныхъ нуждахъ народа, въ сравненіи съ готовностію на устройство народныхъ театровъ и другихъ общественныхъ увеселеній. Они есть и въ сельскихъ волостяхъ, гдѣ тщательно скрываются различные сектантскіе пропагандисты. Что сказать о нашей, такъ называемой, легкой литературѣ, усердно распространяемой въ народѣ? Это проводникъ легкомысленныхъ и безталанныхъ твореній, извращающихъ народный вкусъ и отучающій его отъ духовнаго и серьезнаго чтенія. Наше современное общество... Это рынокъ, гдѣ обмѣниваются и предлагаются всякія дешевыя либеральныя идеи и сужденія. Наши высшіе классы и передовыя сословія пропитываются духомъ невѣрія и отрицанія ученія Христова. Ихъ невѣріемъ и либерализмомъ заражаются полуобразованные чиновники, купцы, приказчики—до волостныхъ писарей включительно. Въ простомъ народѣ усиливается пьянство. Появляются цѣлыя шайки разбойниковъ и грабителей. Отъ безчисленныхъ воровъ нѣтъ спасенія. Число сумасшедшихъ отъ пьянства, отъ наркотическихъ кушаній и напитковъ, особенно отъ невоздержанія и сладострастія, увеличивается съ каждымъ годомъ. Народъ обезсиленъ пороками и развращеніемъ, можетъ ли онъ давать молодыя поколѣнія сильныя и даровитыя?

Бурное, всесокрушающее дуновеніе Духа Божія, какъ буря, сокрушитъ враговъ Христовыхъ, какъ буря, очиститъ и овлажитъ воздухъ и все оживотворитъ въ Церкви Христовой. Но есть у насъ и готовая великая сила, для борьбы съ врагами вѣры, на-всегда дарованная намъ отъ Бога — это Самодержавная Власть Благочестивѣйшихъ Государей нашихъ. Намъ указала Церковь, какъ призывать эту силу въ помощь Церкви Божіей. Что для насъ нужно въ настоящее время, какъ не то, чтобы Государь нашъ обратилъ милостивый взоръ на современное положеніе нашей Церкви, болѣе бѣдственное, чѣмъ какое испытывала древняя Церковь. Нынѣ лже-учители врываются въ самое сердце Церкви, растлѣвая умы членовъ ея, развращая сердца и

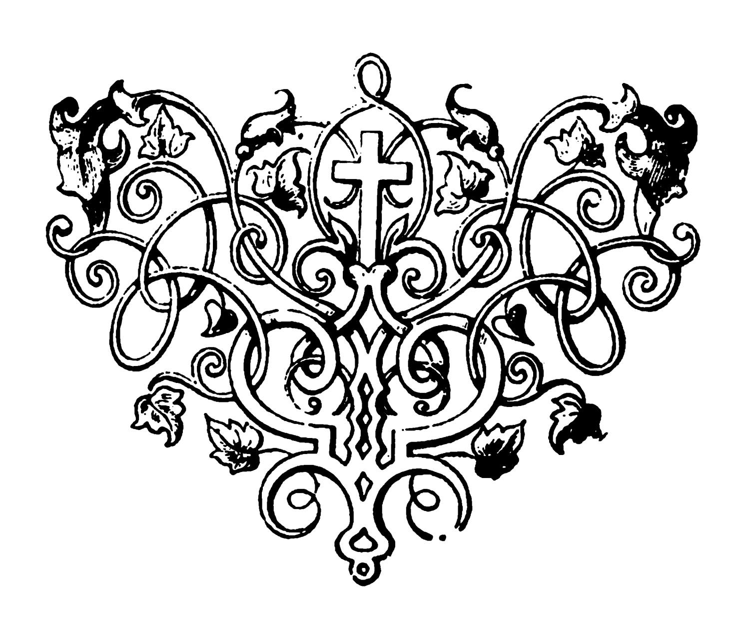
разслабляя силы нравственныя. Окружающіе престолъ Православнаго Царя должны идти по пути истины, разумѣется христіанской, и правды, разумѣется, евангельской. Не направленіемъ вѣка, не духомъ времени должны быть пропитаны ихъ воззрѣнія и убѣжденія, такъ же, какъ и ихъ совѣты и проэкты, представляемые Царю, а духомъ и силою вѣчной истины Божественнаго Откровенія и спасительными наставленіями Господа Іисуса Христа. Въ трудное время мы живемъ."

Не смотря на обширность рѣчи Архіепископа Амвросія, изъ каковой приведены здѣсь выдержки, глубоко уважаемый ораторъ и русскій патріотъ въ этой своей рѣчи избѣжалъ подробностей и деталей всего того, что смущаетъ теперь Россію. Упоминая о „толстовщинѣ", Архіепископъ Амвросій прошелъ молчаніемъ пропаганду въ Россіи живущихъ подъ сѣнію двухглаваго орла иновѣрцевъ и иноплеменниковъ и даже заграничныхъ. Кто не знаетъ настойчиваго, напр., ученія еврейскаго *Талмуда*, хотя бы по статьямъ, помѣщеннымъ за послѣдніе годы въ журналѣ *„Наблюдатель?"* Это ученіе повелѣваетъ каждому еврею развращать (нравственно, религіозно и политически) христіанское населеніе и обѣднять его. Образованные евреи, какъ и караимы,—самые отъявленные фанатики противу всего христіанскаго, хотя и надѣваютъ они личину индиферентизма. Полякующіе католики, указываетъ исторія, не пропускаютъ ни одного момента, чтобы не показать своей злобы къ Россіи. Гдѣ теперь нѣтъ этихъ враговъ Россіи, спросимъ мы словами Архіепископа Амвросія, не исключая и отдаленныхъ нашихъ окраинъ? Нѣмцы мирнымъ гарнизономъ наполнили западъ и югъ Россіи, и, вмѣстѣ съ устройствомъ своихъ фабрикъ, принесли намъ штунду. Бельгійцы съ различными своими „анонимными" компаніями заносятъ къ намъ неуваженіе къ почитанію праздниковъ нашихъ. Армяне гнѣваются на насъ за то, что мы русскіе своею кровію не устраиваемъ для нихъ „Великой Арменіи", и шипятъ они противу всего русскаго, правительственнаго и православнаго. Да можно ли перечислить всѣхъ внутренныхъ враговъ Россіи, среди которыхъ имѣется уже много и такихъ, которые носятъ только лишь имя русскихъ людей; а все наше домашнее, весь нравственный и экономическій ростъ Россіи имъ чужды? Глядя на совершающіяся теперь въ Россіи нежелательныя явленія, не можешь не удивляться нашимъ доморощеннымъ либераламъ и революціонерамъ, дѣлающимъ и печатающимъ различные несостоятельные проэкты для благоустройства Россіи... Пора сознать, что въ Россіи дѣйствуетъ не переставая пропаганда. Подъ знаменемъ *будто бы свободы*, внутренніе наши враги желаютъ закабалить Россію въ свои желѣзныя руки. Нѣтъ того благороднаго чувства у людей, которымъ бы не спѣ-

шили внутренніе враги Россіи воспользоваться для своихъ цѣлей: обѣднять Россію, поселить всеобщее неудовольствіе и брюзжаніе, производить безпорядки. Спрашивается, гдѣ же совѣсть у тѣхъ людей, русскаго происхожденія, которые составляютъ „панургово стадо“ у всевозможныхъ нашихъ недоброжелателей. Плохо мы ознакомлены съ исторіей Россіи. Пережило наше отечество всякія времена, и, за молитвы святыхъ Божіихъ людей, послѣ каждаго испытанія, какъ послѣ болѣзни, крѣпла, разцвѣтала. А Россія,—этотъ кивотъ Православія, каждый разъ, когда собирались надъ нею зловѣщія тучи, окружала своихъ Царей и говорила: костьми ляжемъ, а не выдадимъ! Вѣримъ и исповѣдуемъ, что пройдетъ и настоящее повѣтріе въ Россіи. Царствованіе незабвеннаго Императора Александра III было свѣтлымъ сіяніемъ, озарившимъ Русскую землю. Продолжается оно и нынѣ, на зло врагамъ нашего дорогого отечества.

Гр. К—ій.

Троицкіе листки № 69.

Поклоненіе Святой Троицѣ.

(Изъ твореній св. Димитрія, митрополита Ростовскаго).

Вся силы души моея,

пріидите, поклонимся Богу, въ Троицѣ единому, Отцу и Сыну и Святому Духу!

Вся мысли сердца моего,

пріидите, поклонимся Троицѣ, во Единицѣ почитаемой!

Вся чувства тѣла моего,

пріидите, поклонимся, и припадемъ, и восплачемся предъ Господемъ, сотворшимъ насъ!

Покланяюся Тебѣ, Пресвятая, Единосущная, Животворящая и нераздѣлимая Троице, Отче, Сыне и Святый Душе: вѣрую въ Тя и исповѣдую, славлю, благодарю, хвалю, почитаю, превозношу Тя и молю: помилуй мя непотребнаго раба Твоего! *Трижды.*

Покланяюся Тебѣ, Боже Отче, яко отъ небытія въ бытіе привелъ мя еси, образомъ Твоимъ Божественнымъ украсилъ мя еси!

Покланяюся Тебѣ, Боже Сыне, яко честною Твоею кровію стяжалъ мя еси, отъ законныя клятвы искупилъ мя еси, крещеніемъ святымъ просвѣтилъ мя еси!

Покланяюся Тебѣ, Боже Душе Святый, яко оживилъ мя еси, вразумилъ мя еси, свѣтомъ вѣры облисталъ мя еси!

Покланяюся Тебѣ, Боже Отче, яко далъ ми еси душу Божественнымъ и животворящимъ Твоимъ вдохновеніемъ!

Покланяюся Тебѣ, Боже Сыне, яко душу Твою за мя на крестѣ положилъ еси!

Покланяюся Тебѣ, Боже Душе Святый, яко избавляеши душу мою отъ смерти, очи мои отъ слезъ, и нози мои отъ поползновенія!

Покланяюся Тебѣ, Боже Отче, яко согрѣшающа мя не погубляеши со беззаконми моими, но долготерпиши, ожидая обращенія моего!

Покланяюся Тебѣ, Боже Сыне, яко не хощеши смерти мене грѣшнаго, но милосердно на покаяніе мя призываеши!

Покланяюся Тебѣ, Боже Душе Святый, яко обращающася мя не презираеши, припадающа не отметаеши, но яко блуднаго сына пріемлеши и обновляеши духъ правъ во утробѣ моей!

Покланяюся Тебѣ, Богу Отцу, очищающему вся беззаконія моя!

Покланяюся Тебѣ, Богу Сыну, исцѣляющему вся недуги моя!

Покланяюся Тебѣ, Богу Духу Святому, избавляющему отъ истлѣнія животъ мой!

Покланяюся Тебѣ, Богу Отцу, не до конца прогнѣвающемуся, не во вѣкъ враждующему!

Покланяюся Тебѣ, Богу Сыну, не по беззаконіямъ моимъ творящему ми!

Покланяюся Тебѣ, Богу Духу Святому, не по грѣхомъ моимъ воздающему ми!

Покланяюся Тебѣ, Богу Отцу, ущедряющему мя, якоже щедритъ отецъ сыны!

Покланяюся Тебѣ, Богу Сыну, знающему страстное естество мое и слабость!

Покланяюся Тебѣ, Богу Духу Святому, врачующему немощи моя и очищающему мя отъ всякія скверны!

Покланяюся Тебѣ, Боже Отче, яко падшаго мя возставляеши!

Покланяюся Тебѣ, Боже Сыне, яко погибшаго мя взыскуеши!

Покланяюся Тебѣ, Боже Душе Святый, яко мертваго мя оживляеши!

Покланяюся Тебѣ, Боже Отче милосерде, упованіе мое!

Покланяюся Тебѣ, Боже Сыне долготерпѣливе, прибѣжище мое!

Покланяюся Тебѣ, Боже Душе Святый, незлобиве покровителю мой!

Сіе падши ницъ на земли глаголи:

Достойно есть яко воистину покланятися, славословити и благодарити Тя, Троице Святая, Юже вся небесныя силы, херувими, серафими, трисвятыми пѣсньми восхваляютъ, вси Святіи благодарятъ, всякое созданіе раболѣпно покланяется, и азъ, бренный червь ползящій, предъ величествомъ неприступныя славы Твоея бездерзновененъ, въ надеждѣ милости Твоея дерзаю, припадаю и молю: даждь всегда, Тебѣ Создателю моему, неосужденно и нелѣностно кланятися, Тебе единаго знати, Тебе любити и боятися, Твоя повелѣнія хранити, Твоихъ заповѣдей путемъ ходити, Тебе хвалити и славити до послѣдняго моего издыханія, да и по разлученіи отъ бреннаго ми тѣла и паки съ нимъ возсоединеніи, не лишиши мя съ угодившими Тебѣ радостнѣ восклицати: Святъ, Святъ, Святъ, во вѣки, аминь.

О непрестанной молитвѣ.

(Изъ твореній св. Василія Великаго).

Молитва есть прошеніе благъ, возсылаемое благочестивыми къ Богу. Прошенія же, безъ сомнѣнія, не ограничиваемъ словами: ибо не думаемъ, что Богъ имѣетъ нужду въ словесномъ напоминаніи, но знаетъ полезное, когда мы и не просимъ. Поэтому, что же говоримъ мы? То, что надобно не въ словахъ заключать молитву, а напротивъ того, поставлять болѣе силу молитвы въ душевномъ произволеніи и въ добродѣтельныхъ дѣлахъ, непрерывно продолжаемыхъ чрезъ цѣлую жизнь! Ибо сказано: *аще ясте, аще ли піете, аще ли ино что творите, вся во славу Божію творите* (1 Кор. 10, 31). Сидишь за столомъ,—молись, вкушаешь хлѣбъ,—воздавай благодареніе Давшему; подкрѣпляешь виномъ немощь тѣла,—помни Подавшаго тебѣ даръ сей на веселіе сердцу и въ облегченіе недуговъ. Миновалась ли потребность въ снѣдяхъ? да не прекращается памятованіе о Благодѣтелѣ. Надѣваешь хитонъ,—благодари Давшаго; облекаешься въ плащъ,—усугубь любовь къ Богу, даровавшему намъ покровы, пригодные для зимы и лѣта, сохраняющіе жизнь нашу и закрывающіе наше безобразіе. Прошелъ ли день?

Благодари Даровавшаго намъ солнце для отправленія дневныхъ дѣлъ и Давшаго огонь освѣщать нощь и служить для прочихъ житейскихъ потребъ. Ночь пусть доставитъ тебѣ другія побужденія къ молитвѣ. Когда воззришь на небо и устремишь взоръ на красоту звѣздъ, молись Владыкѣ видимаго, и поклонись наилучшему Художнику всяческихъ, Богу, Который *вся премудростію сотворилъ* (Псал. 103, 24). Когда увидишь, что вся животная природа объята сномъ, опять поклонись Тому, Кто и противъ воли нашей посредствомъ сна разрѣшаетъ насъ отъ непрерывности трудовъ, и чрезъ малое успокоеніе опять приводитъ въ бодрость силъ. Поэтому ночь да не вся будетъ у тебя собственнымъ и исключительнымъ удѣломъ сна; не попускай, чтобы отъ соннаго безчувствія сдѣлалась безполезною половина жизни; напротивъ того, ночное время да раздѣлится у тебя на сонъ и на молитву. Даже и самые сны да будутъ упражненіемъ въ благочестіи;—ибо и сонныя представленія часто бываютъ какъ бы отголосками дневныхъ заботъ: каковыя житейскія наши занятія, таковы по необходимости и сновидѣнія. Такимъ образомъ непрестанно будешь молиться, не въ словахъ заключая молитву, но чрезъ все теченіе жизни приближаясь къ Богу, чтобы жизнь твоя была непрерывною и непрестанною молитвою.

Мысли и изреченія св. подвижниковъ *).

Изъ разныхъ патерическихъ сборниковъ монастыря св. Саввы Освященнаго.

(Переводъ съ греческаго. Изъ рукописей святителя Ѳеофана).

Въ двухъ преимущественно дѣланіяхъ проходитъ добрая жизнь: въ воздержаніи и терпѣніи. Того, что въ насъ есть—дѣлатель воздержаніе, а того, что не въ насъ—терпѣніе. Первое укрѣпляется страхомъ, а второе заимствуетъ силу отъ любви. Ибо *любы, говоритъ, вся покрываетъ, вся терпитъ, вся уповаетъ, любы николиже отпадаетъ.*

Если, по Іоанну, Богъ любы есть, то любяй въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ; а ненавидящій ближняго, однороднаго, удаленъ отъ Бога.

Истинно кающійся въ своихъ злыхъ дѣлахъ и самъ себя укоряетъ, и терпѣливо сноситъ укоры другихъ; а притворно

кающійся, не помня о своихъ паденіяхъ, споритъ и ссорясь въ негодованіи говоритъ: Богъ да воздастъ ему по достоянію, а о себѣ дерзостно говоритъ: что я сдѣлалъ? Укоряя такого, Богъ говоритъ чрезъ Іеремію пророка: *нѣсть человѣкъ каяйся—отъ злобы своея глаголяй: что сотворихъ.*

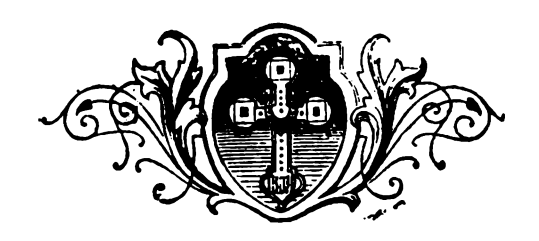
Признакъ истиннаго смиренія не то, чтобъ самому на себя изливать укоры, но терпѣливо сносить, когда укоряютъ другіе.

Кто, отвергая славу человѣческую, охуждаетъ самъ себя, а оскорбляется, когда поносятъ его другіе, тотъ прельщается мнимымъ смиреніемъ, охуждая самъ себя болѣе по человѣкоугодію, нежели по добродѣтели.

Кто для полученія чего-либо отъ Бога подъемлетъ труды добродѣтели, а не для Самого Бога, тотъ очевидно трудится въ добродѣтеляхъ не съ совершеннымъ намѣреніемъ.

Прежде должно отмщать Христа въ себѣ, а потомъ и въ другихъ. Такъ Моисей, прежде показавшій кротость и незлобіе къ погрѣшившимъ противъ него, благословно и естественно гнѣвался на согрѣшившихъ въ Бога, движимый не злопомнѣніемъ и страстію, но славою Божіею и любовію къ тѣмъ, противъ коихъ повидимому возставалъ.

Кто злопамятствуетъ на оскорбившаго, или обидѣвшаго, или вообще сдѣлавшаго ему какую-либо непріятность, тотъ оскорбляетъ милость Божію къ нему самому, не тою мѣрою, какою мѣрилъ ему Господь, возмѣряя сорабу. Какъ же благопріятна будетъ Богу ревность по Богѣ, когда онъ въ другомъ ревнуетъ отмщать Бога, а въ себѣ презираетъ Его и оскорбляетъ?

1960 г.

Изъ дневника православнаго христіанина.

Гость загробнаго міра.

(Изъ записной книжки умершаго инока).

Нѣкогда св. апостолъ Христовъ Павелъ, назидая современныхъ ему Солунскихъ христіанъ, писалъ имъ, чтобы они не предавались безмѣрной печали о своихъ умершихъ (1 Сол. 4, 13), что настанетъ неизбѣжный моментъ, когда воскресшіе мертвые и остававшіеся еще въ живыхъ соединятся для встрѣчи Господа. Такимъ образомъ отсюда слѣдуетъ, что разлученіе однихъ съ другими лишь временное, что духовная связь тѣхъ и другихъ не прерывается. Исторія Церкви Божіей и сказанія священной и сѣдой древности представляютъ намъ много случаевъ, подтверждающихъ эту истину. Но и наше время, несмотря на его повидимому крайній скептицизмъ, не лишено такихъ случаевъ, которые могутъ быть разсматриваемы только при яркомъ свѣтѣ христіанской вѣры, и только ею одною могутъ быть объяснены. Разскажу одинъ случай, глубоко запечатлѣвшійся въ моей душѣ, рельефно подтверждающій близость и общеніе мертвыхъ съ живыми.

„Въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка жилъ я въ числѣ братіи Троице-Сергіевой лавры. Одновременно со мною здѣсь же подвизался и простой, смиренный и неграмотный монахъ Смарагдъ, изъ крестьянъ Рязанской губерніи, проходившій послушаніе при свѣчномъ ящикѣ Троицкаго собора. Всегда молчаливый и сосредоточенный, какъ бы постоянно ушедшій внутрь себя, онъ не былъ близокъ со всѣми; но постояннымъ его довѣріемъ пользовался нѣкто инокъ лавры о. Г., по просьбѣ Смарагда писавшій ему иногда письма къ его родному брату—крестьянину, посильно помогать которому матеріальными средствами Смарагдъ считалъ своею обязанностію. Всегда неизмѣнно аккуратный и ревностный въ исполненіи возложенныхъ на него послушаній, Смарагдъ нѣсколько дней подъ рядъ не показывался въ церкви и, когда я освѣдомился о причинѣ такого явленія, то мнѣ сказали, что Смарагдъ, вслѣдствіе жесточайшей простуды, послѣ быстротечной болѣзни напутствованный всѣми

спасительными таинствами св. Церкви, мирно предалъ духъ свой Господеви. Смерть въ средѣ монашествующихъ не вызываетъ глубокой и безутѣшной горести о почившемъ и если бываетъ причиною чего,—то молитвы объ умершемъ и глубокихъ размышленій о неизбѣжности смертнаго часа. Такъ было и здѣсь. При весьма скромной обстановкѣ похоронили тѣло Смарагда на лаврскомъ братскомъ кадбищѣ при Боголюбской Киновіи и понемногу стали забывать о немъ.

Прошло уже болѣе 40 дней отъ его кончины. Однажды, въ холодный зимній вечеръ, послѣ вечерняго богослуженія, мы сидѣли вдвоемъ съ о. Г. въ его теплой и уютной келліи, разбирая только что полученные имъ журналы и бесѣдуя по поводу помѣщенныхъ въ нихъ статей. Разговоръ нашъ былъ чисто-литературнаго свойства и обыденныхъ явленій не касался. Мирно пробесѣдовавъ съ своимъ просвѣщеннымъ другомъ до 11 часовъ вечера, я, пожелавъ ему покойной ночи, удалился въ свою келлію. На утро встрѣчаю о. Г. Поздоровавшись со мною, онъ говоритъ мнѣ: — А я вчера ночью едва не побѣжалъ было къ тебѣ, и только одинъ Богъ укрѣпилъ меня въ рѣшимости остаться у себя въ келліи.

— Что за причина? спрашиваю.

— Видишь-ли, продолжалъ о. Г., какъ и тебѣ прекрасно извѣстно, вчера о покойномъ Смарагдѣ ни у тебя, ни у меня не было даже и мысли. Когда ты ушелъ, я, не имѣя охоты ко сну, тѣмъ не менѣе прилегъ отдохнуть на постель въ своей спальнѣ, оставивъ въ залѣ на столѣ горящую лампу. Мысли, одна разнообразнѣе другой, вереницею проносились въ головѣ моей. Вдругъ я инстинктивно чувствую, что въ комнатѣ есть кто то посторонній. Взглянулъ: и въ дверяхъ залы вижу стоящимъ въ мантіи и клобукѣ покойнаго Смарагда. Онъ молчалъ, молчалъ и я, не чувствуя въ то-же время ни страха, ни смущенія. Молчаніе нарушилъ первымъ Смарагдъ.

— А я къ тебѣ, о. Г., сказалъ онъ.

— Вижу, отвѣчаю; но вѣдь ты же, о. Смарагдъ, умеръ и какимъ образомъ здѣсь со мною?

— Умеръ-то я умеръ тѣломъ,—отвѣчаетъ; но душою, по милости Божіей, живъ.

— Какъ ты себя чувствуешь за предѣлами гроба?

— По неизреченному человѣколюбію и милосердію Божію—хорошо. Потрудись, о. Г., написать брату о моей кончинѣ, пусть помолится съ домашними о душѣ моей.

— Готовно исполнилъ-бы твое желаніе, о. Смарагдъ; но адреса не помню и письмо съ адресомъ давно затерялъ.

— Письмо это лежитъ въ твоемъ письменномъ столѣ, въ нижнемъ ящикѣ, подъ такими-то бумагами.

— Видѣлъ ли ты кого-либо изъ святыхъ Божіихъ на небѣ?

— Былъ я у святителя Димитрія Ростовскаго и получилъ его благословеніе.

— А видѣлъ-ли ты Бога?

— Видѣлъ и поклонился Ему.

— Заклинаю тебя: скажи, что есть Богъ?

Но, очевидно, вопросъ мой былъ настолько высокъ и пожалуй дерзокъ, что явившійся мнѣ загробный гость мой или не могъ, или не хотѣлъ отвѣтить на него. Положивъ палецъ на уста, онъ безмолвствовалъ. И мгновенно лице его стало исчезать; чрезъ секунду на меня глядѣлъ голый остовъ; еще чрезъ секунду предо мною были только клобукъ и мантія, свившаяся въ клубокъ, и безслѣдно исчезнувшія. Только теперь, когда все видѣніе окончилось, только теперь я почувствовалъ страхъ и непреодолимый ужасъ. Былъ моментъ, когда я готовъ былъ, какъ говорилъ тебѣ и ранѣе, бѣжать въ твою келлію, но, устыдившись своего малодушія и осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ — остался въ келліи. Желая провѣрить справедливость указанія Смарагда относительно нужнаго письма,—я заглянулъ въ указанный мнѣ ящикъ и дѣйствительно: подъ названными бумагами оно преспокойно лежало, давно мною забытое.

Конечно, много было, есть и, вѣруемъ, будетъ такихъ или подобныхъ ему явленій, ясно удостовѣряющихъ насъ въ той непреложной истинѣ, что смерть для людей благочестивыхъ, ходящихъ въ дѣланіи заповѣдей Божіихъ, есть не болѣе, какъ успеніе—сонъ, послѣ котораго слѣдуетъ сладкое пробужденіе и внитіе въ сопричастіе благихъ, *яже уготова Богъ любящимъ Его*.

Заключимъ нашъ скромный разсказъ глубокознаменательными словами о. Іоанна Златоуста: *никтоже да убоится смерти, свободи бо насъ Спасова смерть*. (Кормчій, 1911 г. № 16).

А. Воскресенскій.

Чудесное исцѣленіе по молитвамъ старца Даніила

Пасха 1910 г. въ г. Енисейскѣ ознаменовалась весьма великимъ событіемъ въ церковной и общественной жизни. А именно, Господь исцѣлилъ, по молитвамъ старца Даніила, почивающаго въ Енисейскомъ женскомъ Иверскомъ монастырѣ съ 1843 года въ особо устроенной въ монастырской

оградѣ—часовнѣ, отъ сильнаго умопомѣшательства дѣвицу Александру Сапожникову. Больная—дочь отставного надворнаго совѣтника Александра Сапожникова, проживающаго въ г. Енисейскѣ, въ собственномъ домѣ. Отецъ ея письмомъ на имя игуменьи Енисейскаго женскаго монастыря Сергіи сообщилъ то, дочь его, дѣвица Александра 30 лѣтъ, на послѣдней недѣлѣ Великаго поста, съ 12 апрѣля сего года, заболѣла сильнымъ умопомѣшательствомъ и буйствовала. Все, что ей попадалось подъ руки, разбивала: сбросила со стѣнъ иконы и картины, мебель разбивала. Вслѣдствіе этого, по совѣту доктора Васильева, лечившаго ее, она была заперта въ отдѣльную комнату. Своею болѣзнію и буйствомъ причиняла въ такіе великіе дни великую скорбь семейству и родственникамъ. Обращались къ Енисейскимъ врачамъ, которые, при всемъ своемъ стараніи, пособить больной не могли. Умопомѣшательство продолжалось и на Святой недѣлѣ Пасхи. Мы были въ большой печали. Но на пятый день святой Пасхи дочь моя чудеснымъ образомъ выздоровѣла и въ настоящее время совершенно здорова. Въ письмѣ этомъ не сказано, какимъ образомъ совершилось чудесное исцѣленіе умопомѣшанной. Событіе это совершилось приблизительно такъ. На чертвертый день святой Пасхи Енисейскаго женскаго Иверскаго монастыря игуменія Сергія, посѣщая своихъ знакомыхъ и благотворителей Святой обители, была у родственницы больной, Татіаны Васильевны Матониной, которая разсказала о постигшемъ ея родственниковъ несчастіи, и что отъ врачей никакой пользы нѣтъ. Игуменья Сергія посовѣтовала взять изъ часовни старца Даніила покровъ съ могилы его и возложить на больную: „можетъ быть, говорила она, Господь исцѣлитъ вашу больную". Т. В. сказала, что больная очень буйствуетъ и весь покровъ можетъ изорвать, такъ какъ всю одежду на себѣ рветъ. Игуменья Сергія просила ихъ не стѣсняться, а взять и возложить на больную и просить молитвъ старца. Если покровъ будетъ изорванъ, то можно будетъ сшить другой. Игуменья Сергія, пріѣхавъ домой, тотчасъ же послала покровъ, и сестра больной пришла въ часовню отслужить панихиду и при этомъ слезно молилась. Когда посланный покровъ отъ старца Даніила былъ возложенъ на больную, не приходящую въ сознаніе, она успокоилась, прилегла на кровать и заснула. Спала цѣлыя сутки. Проснувшись здоровою и въ разсудкѣ, обратила вниманіе на лежавшій на ней покровъ и спросила у матери и находившихся тутъ же родственниковъ: какимъ образомъ появился на ней покровъ со старца Даніила? Неужели она, находясь не въ разсудкѣ, была въ часовнѣ у старца Даніила, утащила и покрылась? Ей объяснили, что она уже болѣе никуда не выходила изъ дома, а покровъ этотъ дѣйствительно отъ

старца Даніила, возложенъ на нее по совѣту игуменьи Сергіи, и что, какъ только возложили покровъ, она успокоилась, уснула и спала сутки. Больная, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, благодарила Господа Бога и старца Даніила за свое исцѣленіе отъ такого сильнаго недуга. Родители ея въ тотъ же день приходили въ храмъ женскаго монастыря и въ часовню старца Даніила, гдѣ отслужены были благодарственный Господу Богу молебенъ и панихида по старцѣ. На другой или на третій день послѣ исцѣленія въ храмъ женскаго монастыря и часовню приходила и бывшая больная и горячо молилась во время молебна и панихиды. Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ. Чудесныя исцѣленія, по молитвамъ старца Даніила, бываютъ очень часто, но свѣдѣнія о нихъ или совсѣмъ не сообщаются, или же сообщаются, къ сожалѣнію, очень кратко и безъ удостовѣренія посторонними лицами. Какъ получившіе исцѣленія и разныя милости Божіи, такъ и обращающіеся за молитвенною помощію въ разныхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни почти каждодневно приходятъ въ часовню поклониться старцу Даніилу и поблагодарить за его ходатайство передъ Богомъ. Многіе изъ приходящихъ служатъ панихиды, берутъ пшеницы, земли съ могилы и елея изъ лампады („Приход. Чтеніе“ № 12, прилож. къ „Церк. Вѣдом.“ 1911 г.).

Троицкіе листки № 70.

Слово о молитвѣ.

Предлагается слово о молитвѣ, приличное начинающему идти ко Господу путемъ покаянія. Оно состоитъ изъ краткихъ статей, изъ которыхъ каждая изложена отдѣльно съ тою цѣлію, чтобъ онѣ могли быть читаемы съ большимъ вниманіемъ и удерживаемы въ памяти съ большею удобностію. Чтеніе ихъ, питая умъ смиренномудріемъ, а сердце умиленіемъ, можетъ доставлять душѣ должное направленіе въ ея молитвенномъ подвигѣ и служить къ оному предуготовительнымъ занятіемъ.

1 *). Молитва есть возношеніе славословія, благодаренія и прошеній нашихъ къ Богу.

2. Основаніе молитвы заключается въ томъ, что человѣкъ есть существо падшее. Онъ стремится къ полученію того блаженства, которое имѣлъ, но потерялъ, и потому молится.

---

*) *Примѣчаніе.* Всѣ сіи мысли извлечены изъ писаній св. отцевъ, а нѣкоторыя принадлежатъ современнымъ намъ блаженнымъ подвижникамъ. Вотъ имена этихъ отцевъ и подвижниковъ по порядку приводимыхъ изреченій:

1. 2. Св. Макарій Египетскій. 3. Вторая книга пастыря Ермы. 4. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ. 5. Св. Маркъ подвижникъ. 6, 7, 8, 9, 10. Св. Нилъ Синайскій и св. Илія Екдикъ. 11. Св. Исаакъ Сирскій. 12. Аѳанасій, Свѣнскій іеросхимонахъ. 14. Св. Исаакъ Сирскій. 13, 15. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ. 16, 17, 18, 19, 20, 21. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ, св. Ѳеолиптъ Филадельфійскій, св. Петръ Дамаскинъ, Серафимъ, затворникъ Саровской пустыни. 22. Св. Ѳеолиптъ, преп. Оеогностъ, преп. Григорій Синаитъ. 23. Св. Макарій великій и многіе другіе отцы. 24. тотъ же. 25. Святитель Димитрій Ростовскій. 26, 27. Св. Макарій великій, св. Іоаннъ Лѣствичникъ, св. Григорій Синаитъ. 28. Св. Исаакъ Сирскій. 29. Преп. Нилъ Синайскій. 30. Ѳеолиптъ.

3. Пристанище молитвы—въ великомъ милосердіи Божіемъ къ роду человѣческому. Сынъ Божій для спасенія насъ принесъ Себя Отцу Своему въ умилостивительную, примирительную жертву; почему, желая заняться молитвою, отвергни сомнѣніе, не скажи самъ себѣ: я грѣшникъ, неужели Богъ услышитъ меня?—Если ты грѣшникъ, то къ тебѣ-то и относятся сіи утѣшительныя слова Спасителя: *Не пріидохъ призвати праведныя, но грѣшныя на покаяніе* (Матѳ. 9, 13).

4. Приготовленіемъ къ молитвѣ служатъ: непресыщенное чрево, отсѣченіе попеченій мечемъ вѣры, прощеніе отъ искренности сердца всѣхъ обидъ, благодареніе Богу за всѣ скорбные случаи жизни, удаленіе мечтательности, благоговѣйный страхъ, который такъ свойственно имѣть созданію, когда оно будетъ допущено къ бесѣдѣ съ Создателемъ своимъ по неизреченной Его благости.

5. Первыя слова Спасителя къ падшему человѣчеству были: *Покайтеся, приближися бо Царство небесное* (Матѳ. 4, 17). Почему, доколѣ не внидешь въ сіе Царство, стучись во врата его покаяніемъ и молитвою.

6. Истинная молитва есть голосъ истиннаго покаянія. Когда молитва не одушевлена покаяніемъ, тогда она не исполняетъ своего назначенія, тогда не благоволитъ о ней Богъ. Но Онъ не уничижитъ *духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно* (Псал. 50).

7. Спаситель міра называетъ блаженными нищихъ духомъ, то-есть, имѣющихъ о себѣ самое смиренное понятіе, считающихъ себя существами падшими, находящимися здѣсь на земли въ изгнаніи внѣ истиннаго своего отечества, которое есть небо. *Блажени нищіе духомъ, яко тѣхъ есть Царствіе Небесное. Блажени плачущіе* въ молитвахъ своихъ отъ ощущенія нищеты своей, *яко тіи утѣшатся* благодатнымъ утѣшеніемъ Святаго Духа, которое есть умиленіе (Матѳ. 5, 3—4).

8. Господь, научая насъ молитвѣ, уподобляетъ молящуюся душу вдовицѣ, обижаемой соперникомъ и присѣдящей неотступно Судіѣ безпристрастному и нелицепріятному. Не удаляйся расположеніемъ души твоей въ молитвахъ твоихъ отъ сего подобія. Молитва твоя да будетъ, такъ сказать, постоянною и всегдашнею жалобою на насилующій тебя грѣхъ. Углубись въ себя, раскрой себя внимательною молитвою, и увидишь, что ты точно вдовствуешь въ отношеніи ко Христу

по причинѣ живущаго въ тебѣ грѣха, тебѣ враждебнаго, производящаго въ тебѣ внутреннюю борьбу и мученіе, содѣлывающаго тебя чуждымъ Богу.

9. *Весь день,* говоритъ о себѣ святый Давидъ, конечно весь день жизни сей, *сѣтуя хождахъ*, то есть, препроводилъ въ блаженной печали о грѣхахъ и недостаткахъ своихъ (Пс. 37, 7).

10. *Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ,* говоритъ пророкъ; а другой пророкъ говоритъ отъ лица Божія: *на кого воззрю, точію на кроткаго и смиреннаго и трепещущаго словесъ Моихъ* (Псал. 2, 11; Ис. 66, 2).

11. Хотя бы кто стоялъ на самой высотѣ добродѣтелей, но если онъ молится не какъ грѣшникъ, то молитва его отвергается Богомъ.

12. Въ тотъ день, въ который я не плачу о себѣ, сказалъ нѣкоторый блаженный дѣлатель истинной молитвы, считаю себя находящимся въ самообольщеніи.

13. Хотя бы мы проходили многіе возвышеннѣйшіе подвиги, сказалъ святый Іоаннъ Лѣствичникъ, но они неистинны и безполезны, если при нихъ не имѣемъ болѣзненнаго чувства покаянія.

14. Печаль при мысли о грѣхахъ есть честный даръ Божій; носящій ее въ персяхъ своихъ, съ должнымъ храненіемъ и благоговѣніемъ, носитъ святыню. Она замѣняетъ собою всѣ тѣлесные подвиги при недостаткѣ силъ для совершенія оныхъ. Напротивъ того, отъ сильнаго тѣла требуется при молитвѣ трудъ, безъ него сердце не сокрушится и молитва будетъ безсильною и неистинною.

15. Приноси Господу въ молитвѣ твоей младенческое лепетаніе, простую младенческую мысль, а не краснорѣчіе, не разумъ. *Аще не будете*, сказалъ Онъ намъ, *яко дѣти*, *не внидете въ Царствіе Небесное* (Матѳ. 18, 3).

16. Достоинство молитвы состоитъ единственно въ качествѣ, а не количествѣ. Тогда похвально количество, когда оно приводитъ къ качеству. Но качество всегда приводитъ къ количеству.

17. Качество истинной молитвы состоитъ въ томъ, когда умъ во время молитвы находится во вниманіи, а сердце сочувствуетъ уму.

18. Заключай умъ въ произносимыхъ словахъ молитвы—и сохранишь его во вниманіи Имѣй глаза на устахъ; симъ бу-

дешь способствовать соединенію ума съ сердцемъ. Произноси слова съ крайнею неспѣшностію, и будешь удобнѣе заключать умъ въ слова молитвы, ни одно слово твоей молитвы не будетъ произнесено, не будучи одушевлено вниманіемъ.

19. Умъ, заключаясь въ слова молитвы, привлекаетъ сердце въ сочувствіе себѣ,—сочувствіе. выражающееся умиленіемъ, которое есть благочестивое чувство, соединяющее въ себѣ печаль вмѣстѣ съ тихимъ, кроткимъ наслажденіемъ.

20. Умъ, предстоя внимательною молитвою предъ невидимымъ Богомъ, долженъ быть и самъ невидимъ, какъ образъ невидимаго Божества, то-есть, умъ недолженъ представлять ни въ себѣ, ни изъ себя, ни предъ собою никакого вида. но долженъ быть совершенно безвиднымъ.

21. Разсѣянность скрадываетъ молитву; мечтательность оскверняетъ молитву; изображенія предметовъ видимаго міра, напечатлѣваясь и замедляя въ умѣ, содѣлываютъ и его какъ бы вещественнымъ. Помолившійся въ таковомъ состояніи души ощущаетъ въ себѣ послѣ молитвы безотчетливую пустоту и сухость, отъ которыхъ раждается уныніе и невѣріе, а отъ сихъ чувствуется мертвость по отношеніи къ истинной жизни Богу. Все уже сіе вмѣстѣ служитъ вѣрнымъ признакомъ, что таковая молитва не принимается Богомъ.

22. Внимательная молитва, чуждая разсѣянности и мечтательности, есть видѣніе невидимаго Бога, влекущаго къ себѣ зрѣніе и желаніе ума. Тогда умъ зритъ безвидно и вполнѣ удовлетворяетъ себя невидѣніемъ, превысшимъ всякаго видѣнія. Причиною сего блаженнаго невидѣнія есть безконечная тонкость и непостижимость предмета, къ которому направлено зрѣніе. Невидимое Солнце правды—Богъ, испущаетъ и лучи невидимые, но познаваемые явственнымъ ощущеніемъ души: они просвѣщаютъ умъ, доставляя ему истинное богопознаніе и самопознаніе; они исполняютъ сердце чуднымъ спокойствіемъ, вѣрою, мужествомъ, кротостію, милосердіемъ, любовію къ ближнимъ и Богу. По симъ дѣйствіямъ, зримымъ во внутренной сердечной клѣти, человѣкъ признаетъ несомнѣнно, что молитва его принята Богомъ, начинаетъ вѣровать живою вѣрою и твердо уповать на Любящаго и Любимаго. Вотъ начало оживленія души для Бога и блаженной вѣчности.

23. Плодъ истинной молитвы есть святый миръ души, со-

единенный съ тихою, молчаливою радостію, чуждою всякой мечтательности, самомнѣнія и разгоряченныхъ порывовъ и движеній.—Сей миръ есть даръ Божій, привлекаемый въ душу ея вниманіемъ и смиреніемъ, хранимый ея вѣрностію къ Богу. Душа тогда пребываетъ въ сей вѣрности, когда удаляется всякаго слова, дѣла и помышленія грѣховнаго, когда немедленно раскаевается въ тѣхъ согрѣшеніяхъ, въ которыя увлекается по немощи своей.

24. То, что желаемъ стяжать даръ молитвы, доказываемъ терпѣливымъ присѣденіемъ молитвою при дверяхъ молитвы. За терпѣніе и постоянство получаемъ даръ молитвы. Ибо *Господь*, говоритъ писаніе, есть *даяй молитву* благодатную *молящемуся* терпѣливо при одномъ собственномъ усиліи (1 Царств. 2, 9).

25. Для новоначальныхъ полезнѣе краткія и частыя моленія, нежели продолжительныя, удаленныя одно отъ другаго значительнымъ пространствомъ времени.

26. Молитва есть высшее упражненіе для ума.

27. Молитва есть глава, источникъ, мать всѣхъ добродѣтелей.

28. Будь мудръ въ молитвѣ твоей. Не проси въ ней ничего тлѣннаго и суетнаго, помня заповѣданіе Спасителя: *Ищите прежде Царствія Божія и правды его*, *и сія вся,* то-есть, все нужное для временной жизни, *приложатся вамъ* (Матѳ. 6, 33).

29. Намѣреваясь сдѣлать что, или желая чего, также въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни, повергай мысль твою въ молитвѣ предъ Богомъ, проси того, что считаешь себѣ нужнымъ и полезнымъ, но исполненіе и неисполненіе твоего прошенія предоставляй волѣ Божіей въ вѣрѣ и уповаціи на всемогущество, премудрость и благость воли Божіей. Сей превосходный образъ моленія даровалъ намъ Тотъ, Кто молился въ саду Геѳсиманскомъ: *да мимо—идетъ* предопредѣленная Ему чаша. *Обаче не Моя воля,* заключалъ Онъ молитву Свою ко Отцу, *но Твоя да будетъ* (Лук. 22, 42).

30. *Не воздремлетъ*, *ниже уснетъ* (Псал. 120, 4) молитва, доколѣ не укажетъ возлюбленному своему чертогъ наслажденій вѣчныхъ, доколѣ не введетъ его въ небо. Тамъ она преобразится въ непрестанную жертву хвалы, приносимую избранными Божіими отъ непрестаннаго ощущенія блаженства, прозябшаго отъ сѣменъ покаянія, посѣянныхъ внимательною и усердною молитвою. Аминь.

Въ какихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ должна выражаться христіанская молитва.

Человѣкъ долженъ молиться Господу Богу душею и тѣломъ. Душа чувствуетъ содержаніе молитвы, а тѣло — языкомъ произноситъ слова, головою преклоняется въ знакъ смиренія, очи возноситъ на небо и проч. Самъ Іисусъ Христосъ, научающій насъ въ бесѣдѣ съ самарянкой (Іоан. 4, 24), что *Богъ есть Духъ и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися,* показалъ намъ Своимъ примѣромъ, что должно кланяться Богу не только душею, но и тѣломъ. Въ саду Геѳсиманскомъ предъ Своими страданіями Онъ падалъ на землю ницъ и возносилъ очи къ небу. Повинуясь чувству нашего сердца, и мы не должны удерживаться отъ того, чтобы внѣшнимъ образомъ не выражать нашего смиренія предъ Богомъ, нашей вѣры христіанской. Но что мы видимъ въ нашихъ храмахъ? — Одни порывистыми внѣшними движеніями стараются обратить на себя вниманіе молящихся, а другіе такъ неприлично киваютъ головою и машутъ рукою, что стыдно смотрѣть на нихъ. А между тѣмъ св. апостолъ Павелъ говоритъ: *вся вамъ благообразно и по чину да бываютъ* (1 Кор. 14, 40). Это наставленіе мы всегда должны держать въ памяти, особенно же во время молитвы дома и въ храмѣ Божіемъ. Молитвенныя чувства христіанина находятъ свое полное выраженіе въ слѣдующихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ.

Осѣненіе крестнымъ знаменіемъ. Съ самыхъ первыхъ временъ христіанства вѣрующимъ полагалось въ непремѣнную обязанность осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, во свидѣтельство своей вѣры въ Распятаго. И вѣрующіе дѣйствительно относились къ крестному знаменію съ особеннымъ благоговѣніемъ, полагая его на себя не только во время молитвы, но и при всякомъ дѣлѣ. Св. отецъ нашъ Ефремъ Сиринъ такъ говоритъ о семъ предметѣ: „животворящій крестъ ежечасно и ежеминутно, не отлагая, будемъ обносить съ собою на каждомъ мѣстѣ; безъ него ничего не будемъ совершать, но и лежа, и востая, и дѣлая, и идя, и пія, и путешествуя, и переплывая море, и переходя рѣки, всѣ члены нашего тѣла будемъ знаменовать животворящимъ крестомъ.“ Осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ во время молитвы, христіанинъ тѣмъ выражаетъ свою любовь къ Іисусу Христу, распятому за насъ на крестѣ, и надежду, что Отецъ небесный совершитъ по молитвѣ во имя Сына Божія, изрекшаго ученикамъ: *еже аще что просите отъ Отца во имя Мое, то сотворю* (Іоан. 14, 13). Нужно только совершать крестное

знаменіе благоговѣйно, не спѣша, и съ соблюденіемъ устава церковнаго относительно перстосложенія.

Преклоненіе головы. Издавна появился у людей обычай преклонять голову предъ высшими въ знакъ почтенія къ нимъ. А предъ Существомъ Наивысшимъ, предъ Богомъ, люди всегда преклоняли главу съ подобающимъ Его величію благоговѣніемъ. Въ храмѣ Божіемъ мы не разъ слышимъ слова: *главы ваша Господеви преклоните.* Въ отвѣтъ на эти слова нѣкоторые привыкли лишь кивать головою, а этого не должно быть, потому что слова эти имѣютъ слѣдующее значеніе: сейчасъ будетъ читаться весьма прилежная, весьма важная молитва,—смиримся же предъ Богомъ и преклонимъ главы наши! Посему не кивать нужно головою, но преклонять главу и оставаться такъ до окончанія молитвы. Это лучше всего можно видѣть на литіи, когда послѣ сугубой эктеніи діаконъ возглашаетъ: *главы ваша Господеви преклоните* и затѣмъ священникъ читаетъ длинную молитву, конецъ которой отъ словъ: *даруй намъ оставленіе согрѣшеній нашихъ* набожные люди привыкли повторять за священникомъ. Во все время чтенія этой просительной молитвы нужно имѣть главу преклоненной. Тоже должно сказать и о тѣхъ молитвахъ, которыя священникъ читаетъ *тайно* на литургіи послѣ словъ: главы ваша... и которыя оканчиваются возгласами: *яко благъ и человѣколюбецъ, яко Твоя держава и Твое есть царство,* и под.

Колѣнопреклоненіе. Молиться съ колѣнопреклоненіемъ было въ обычаѣ у многихъ народовъ, особенно у іудеевъ. Мы знаемъ, что царь Соломонъ, при освященіи іерусалимскаго храма, колѣнопреклонно произнесъ молитву о новосозданномъ храмѣ. На колѣняхъ молился и пр. Даніилъ во рву львиномъ. Въ христіанской Церкви колѣнопреклоненіе употребляется въ молитвахъ съ самыхъ первыхъ временъ. Такъ молились св. Апостолы, такъ молился и первомученикъ Стефанъ, побиваемый камнями за имя Христово. Преклоненіе колѣнъ означаетъ смиреніе, сознаніе своей грѣховности и потребность божественнаго милосердія. Св. Василій Великій такъ говоритъ о поклонахъ: „всякій разъ, когда мы преклоняемъ колѣна и снова встаемъ, мы тѣмъ показываемъ, что грѣхъ повергаетъ насъ на землю: а человѣколюбіе Господа Іисуса снова возводитъ насъ къ небу.“ Впрочемъ колѣнопреклоненіе не всегда требуется отъ насъ по уставу церковному, но лишь тогда, когда нужно выразить предъ Богомъ особенное смиреніе и сокрушеніе о нашихъ грѣхахъ, напр. въ великомъ посту, во время преждеосвященной литургіи и нѣкоторыхъ покаянныхъ молитвословій. Св. Василій Вел. говоритъ: „въ воскресный день мы молимся стоя, чтобы помнить о воскресеніи Христовомъ и о необходимости искать

высшаго, горняго. Въ дни же поста и покаянія установлены не только колѣнопреклоненіе, но и поклоны."

Воздѣяніе рукъ. Этотъ способъ выраженія молитвенныхъ чувствъ существовалъ еще въ ветхомъ завѣтѣ. Царепророкъ Давидъ молится Богу: *да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою, воздѣяніе руку моею — жертва вечерняя*. А во времена позднѣйшія съ воздѣяніемъ рукъ молились всѣ іудеи, ибо во второй Маккавейской книгѣ читаемъ: *вси же, воздѣвающе руцѣ на небо, моляхуся* (3, 20). И нужно сказать, что человѣкъ возноситъ руки къ небу невольно, по внутреннему чувству немощи, когда проситъ у Бога помощи въ окружающихъ его бѣдахъ. Вотъ почему воздѣяніе рукъ мы встрѣчаемъ и у первыхъ христіанъ. Св. ап. Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею пишетъ, чтобы вѣрующіе возносили Богу молитвы, *воздѣвающе преподобныя* (чистыя) *руцѣ*, а подъ чистотою рукъ онъ разумѣетъ чистоту духовную, отъ грѣховныхъ дѣлъ. У насъ теперь нѣтъ обычая воздѣвать руки во время богослуженія въ храмѣ, здѣсь только священникъ молится съ воздѣяніемъ рукъ, когда того требуетъ церковный уставъ. Въ домашней же молитвѣ всякій можетъ выражать свои чувства посредствомъ благоговѣйнаго вознощенія рукъ къ небу.

Возведеніе очей на небо, по примѣру нашего Спасителя. Пророкъ Давидъ такъ говоритъ объ этомъ: *Возведохъ очи мои въ горы, отнюдуже пріидетъ помощь моя. Помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю... Се яко очи рабъ въ руку господій, тако очи наши ко Господу Богу нашему*.

Таковы внѣшнія движенія тѣла при молитвахъ христіанскихъ. Но самое важное при этомъ заключается въ томъ, чтобы не довольствоваться одною внѣшностію, чтобы не думать, что одними поклонами, колѣнопреклоненіемъ и проч. можно уже угодить Богу. Мы знаемъ, что Іисусъ Христосъ укорялъ фарисеевъ за такія внѣшнія дѣла; съ которыми не согласовалось ихъ сердце жадное, сребролюбивое. Все внѣшнее должно выходить изъ сердца, и тогда только оно можетъ быть пріятнымъ Богу и душеспасительнымъ (Кормч. 1901 г. № 12).

Объ исповѣданіи вѣры въ древнія и нынѣшнія времена.

Всякъ, иже исповѣсть Мя предъ человѣки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ (Матѳ. 10, 32).

Что это за исповѣданіе, котораго требовалъ Спаситель и за которое обѣщалъ въ награду славу Свою на небесахъ? Это исповѣданіе состоитъ не въ однихъ только словахъ, но

и въ достойныхъ дѣлахъ, и простирается не на однихъ только Апостоловъ и ихъ преемниковъ, но на всѣ времена и народы христіанскіе, доколѣ не настанетъ кончина жатвы, конецъ міра. Съ явленіемъ Спасителя въ міръ, Его ученіе не вдругъ распространилось. Много осталось и остается еще іудеевъ и язычниковъ, которые вооружаются противъ Іисуса Христа и насажденной Имъ вѣры. Не менѣе являлось и является и изъ среды христіанъ еретиковъ и расколоучителей, раздѣляющихъ и искажающихъ православную вѣру нашу. И всѣ эти плевелы требуютъ добрыхъ и усердныхъ искоренителей, чтобы они благовременно искоренились и не препятствовали расти пшеницѣ. Къ счастію нашему, милосердый Господь всегда внималъ нуждамъ Церкви и воздвигалъ ревнителей вѣры и благочестія. Много было исповѣдниковъ вѣры во всѣ времена христіанства не только въ Церкви Греческой, но и въ Церкви Россійской. Между тѣмъ и на нашу долю остается немалое поле исповѣданія вѣры предъ тѣми, кои отвергаютъ догматы Православной Церкви, отдѣляются отъ нея и подрываютъ самую вѣру и благочестіе своими превратными ученіями и толкованіями. Поэтому слово объ исповѣданіи вѣры и нынѣ не только не излишне, но и совершенно необходимо.

Когда Апостолы начали проповѣдь Христову, они со всѣхъ сторонъ были окружены врагами ея. Вся вселенная была вооружена противъ исповѣдниковъ новой христіанской вѣры. Что же оставалось дѣлать двѣнадцати избраннымъ Апостоламъ? По указанію Спасителя, они безбоязненно вышли на борьбу противъ вселенной и явились въ ней, какъ агнцы среди волковъ, безъ всякой земной защиты и вооруженія. У нихъ не было ни воинскаго оружія, ни силы человѣческой, ни богатства, ни другихъ какихъ-либо средствъ. Вся ихъ сила заключалась въ словѣ Божіемъ и сообщенной имъ благодати. Вся ихъ надежда была на единаго Бога, всѣмъ управляющаго и все ведущаго ко благу и спасенію. И эта надежда не посрамила ихъ въ борьбѣ съ безчисленными врагами имени Христова. Вооруженные силою креста, они покорили подъ свою власть іудеевъ и язычниковъ, мужей и женъ, людей образованныхъ и необразованныхъ. Предъ ними преклонялись цари, вельможи, ученые и простолюдины, рабы и свободные. И вотъ въ короткое время, противъ всякаго чаянія, *во всю землю изыде вѣщаніе, и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Пс. 18, 5). Въ этомъ благодатномъ просвѣщеніи помогалъ имъ Самъ Господь Своею небесною силою. Но при этой сверхъ-естественной помощи немало требовалось усилій со стороны самихъ избранныхъ учениковъ. Они исповѣдывали вѣру Христову и подвергались за нее всякимъ лишеніямъ, истязаніямъ, такъ что самые первые Апостолы были первыми исповѣдниками и мучениками.

Кончился вѣкъ Апостольскій, но не прекратились гоненія на христіанъ, исповѣдниковъ имени Христова. Напротивъ, чѣмъ болѣе распространялась вѣра Христова, тѣмъ болѣе умножались гоненія и преслѣдованія. А чѣмъ болѣе увеличивались гоненія, тѣмъ болѣе укрѣплялась вѣра, такъ что кровь христіанская служила какъ бы сѣменемъ, изъ котораго произрастали новые христіане. Что же распространяло и утверждало христіанъ, какъ не исповѣданіе ими вѣры? Они находились въ постоянной опасности, такъ что за одно имя—*христіанинъ* ихъ преслѣдовали и мучили. И напротивъ одно отреченіе отъ этого имени, одно куреніе ѳиміама предъ идолами и одна простая запись въ числѣ отвергшихся могли бы спасти ихъ отъ всякаго истязанія и даже могли бы увѣнчать наградою. Кто бы изъ насъ, христіане, не соблазнился таковыми угрозами и обѣщаніями? Кто бы предъ истязаніями и мученіями не отказался отъ своего званія и не рѣшился принести жертву идоламъ? Но не таковы были первенствующіе христіане. Они готовы были лишиться имущества и самой жизни, только бы не унизить своего христіанскаго достоинства идолослуженіемъ и не осквернить онымъ души и тѣла. Въ такомъ исповѣданіи вѣры Христовой прошли три плачевныхъ вѣка. Много было въ это время мучениковъ, пострадавшихъ за вѣру, но не меньше было исповѣдниковъ, оставшихся живыми послѣ перенесенныхъ истязаній. Честь и слава всѣмъ подвижникамъ вѣры нашей и благочестія! Они служатъ примѣромъ для всѣхъ временъ и народовъ. Одно ихъ терпѣніе могло поддержать и сохранить Церковь, основанную Іисусомъ Христомъ.

Но благодареніе Господу Богу, что гоненія на христіанъ прекратились съ того времени, какъ объявлена вѣра христіанская господствующею. А съ этимъ вмѣстѣ надлежало бы кончиться и вѣку исповѣдническому. Между тѣмъ исповѣданіе вѣры не прекратилось, потому что не исчезли враги вѣры Христовой. Противъ вѣры стали вооружаться не іудеи только и язычники, но и христіане. Это были еретики и расколоучители. И сколько было ересей?! Сколько было соборовъ, на коихъ являлись защитниками вѣры великіе святители и исповѣдники оной! Таковъ былъ, между прочимъ, преп. Іоаннъ Дамаскинъ. Въ его время слѣдовало бы ожидать мира и покоя для Церкви Православной, прошедшей уже сквозь горнило различныхъ испытаній и очищеній. Но злоба исконнаго врага никогда не прекращалась и не прекратится. По злоумышленію врага, начались гоненія противъ иконъ и св. мощей. Въ числѣ особенныхъ почитателей и ревнителей вѣры православной явился тогда преп. Іоаннъ Дамаскинъ. Онъ такъ былъ преданъ вѣрѣ православной, что его не могли отвлечь отъ нея ни богатство, ни почести и слава міра сего. За вѣру и исповѣданіе ея предъ други-

ми онъ равнодушно переносилъ всѣ клеветы и осмѣянія, лишился даже правой руки и съ радостію замѣнилъ первое мѣсто при дворѣ калифа послѣднимъ въ пустынной обители, для истиннаго и безпрепятственнаго служенія Богу. Онъ среди всѣхъ угрозъ и униженій остался вѣренъ своему призванію; и потому до конца жизни пребылъ ревностнымъ защитникомъ иконопочитанія противъ иконоборцевъ, воздвигшихъ гоненія на христіанъ, и обогатилъ своими пѣснопѣніями Прав. Церковь. Мы услаждаемся доселѣ его церковными пѣснями въ храмахъ и внѣ оныхъ.

Примѣръ Іоанна Дамаскина долженъ быть поучителенъ не для однихъ окружавшихъ его современниковъ, но и для насъ отдаленныхъ отъ него, православныхъ христіанъ. Правда, мы живемъ не въ вѣкъ жестокихъ гоненій на св. иконы, но и нынѣ среди распространяющагося просвѣщенія, къ великой скорби Церкви, очень много есть не только иконоборцевъ, но и другихъ враговъ вѣры, противъ которыхъ писали Апостолы и собираемы были соборы. И нынѣ можно слышать о явныхъ и тайныхъ нападеніяхъ на все,что защищали и охраняли учители Прав. Церкви. Но въ прежнія времена, какъ мы видѣли, дорого цѣнилась вѣра, а теперь остается она у многихъ безъ всякой цѣны. Прежде дорого цѣнился и самъ человѣкъ; дорога была и жизнь его настоящая и будущая, семейная и общественная. А теперь жизнь человѣческая нерѣдко считается столь малоцѣнною, что лишаютъ себя и лишаютъ другихъ жизни безъ всякаго смущенія и содроганія. Самыя обязанности семейныя, общественныя и церковныя часто считаются неважными. Легко мы встрѣчаемъ нынѣ:—то невѣріе и непослушаніе, то лжепророковъ и самозванныхъ апостоловъ, проповѣдающихъ новую вѣру, которой не знали древніе христіане, жившіе ближе ко временамъ Христа. Все это походитъ на гоненіе или преслѣдованіе вѣры, но только на гоненіе тайное и не всѣми понимаемое, противъ котораго, однако, нужно вооружиться терпѣніемъ, мужествомъ и всѣми благодарованными средствами для борьбы со врагами нашего спасенія. Такимъ образомъ, и нынѣ мы постоянно должны быть готовы къ подвигу исповѣданія Христовой вѣры, которымъ такъ много прославились древніе истинные христіане. (В. Чт.)

Богу или мамонѣ?

(Бесѣда о. Іоанна Кронштадтскаго въ недѣлю третью по Пятидесятницѣ).

Слова Господни суть истинный свѣтильникъ намъ на пути жизни: такъ и слова нынѣ чтеннаго Евангелія; только надобно тщательнѣе поразмыслить объ нихъ. Размыслимъ. *Свѣтильникъ тѣлу есть око* (Мѳ. 6, 22. 23), говоритъ Господь, т. е. око или глазъ есть свѣтильникъ для тѣла: поче-

му не сказано: очи, а око? Потому что здѣсь Господь разумѣетъ не тѣлесныя очи, а око духовное, или сердце наше, которое управляетъ и тѣлесными очами и въ два глаза видитъ предметы не вдвойнѣ, а единичными. Итакъ, подъ окомъ разумѣется сердце, въ которомъ насаждена совѣсть, или внутренній законъ, указывающій, что добро и что зло; потому и сказано: око, а не очи; подъ тѣломъ же разумѣется вся внутренняя жизнь наша, помышленія, желанія, намѣренія, всѣ дѣла наши, которыя мы дѣлаемъ въ теченіе нашей земной жизни. Значитъ, смыслъ словъ Спасителя будетъ такой: сердце, или совѣсть, есть свѣтильникъ человѣку на пути его жизни, во всѣхъ помышленіяхъ, желаніяхъ, намѣреніяхъ, словахъ, во всѣхъ дѣлахъ его. Далѣе Господь говоритъ: *итакъ, если око твое будетъ просто, то все тѣло твое будетъ свѣтло*: если, т. е. сердце твое, совѣсть твоя, будутъ просты, чисты, то и всѣ помыслы твои, желанія твои, дѣла твои, намѣренія, предпріятія твои будутъ свѣтлы, правы, чисты; *если же око твое*, совѣсть твоя, *будетъ лукаво, то все тѣло твое будетъ темно*, т. е. всѣ помыслы, желанія, намѣренія, предпріятія, вся жизнь твоя, всѣ дѣла твои будутъ темны, неправы, лукавы. *Итакъ, если свѣтъ, который въ тебѣ, тьма; то какова же тьма*? Если сердце твое, которое дано тебѣ отъ Господа вмѣсто свѣтильника, по твоему нерадѣнію сдѣлалось само тьмою, то какова же будетъ вся жизнь твоя, всѣ дѣла твои? Не такъ ли бываетъ это въ жизни? Не видимъ ли мы тому постоянные примѣры? Возьмемъ примѣръ изъ жизни. Возьмемъ человѣка съ простымъ сердцемъ, съ прямою совѣстью, съ прямымъ взглядомъ на жизнь, со взглядомъ Евангельскимъ, и человѣка съ сердцемъ лукавымъ или совѣстью лукавою и пристрастнаго къ міру, къ плоти. Всѣ поступки перваго запечатлѣны справедливостью, усердіемъ, прямотою характера, доброжелательствомъ къ ближнему. На поступкахъ втораго лежитъ печать неправды, обмана, лицемѣрія, хитрости, коварства.

Первый доволенъ очень немногимъ и не снѣдается жаждою многаго, напримѣръ, не желаетъ роскошнаго стола, многихъ нарядныхъ и дорогихъ одеждъ,—жаждою богатства, широкаго и богатоубраннаго жилища и прочее: есть у него насущный хлѣбъ и похлебка, есть нѣсколько перемѣнъ чистой и приличной одежды, есть постоянный хотя можетъ и небогатый доходъ или жалованье, или трудами добытыя деньги, честною торговлею, промышленностью, рукодѣліемъ, здоровое жилище, хотя и не широкое, безъ богатой мебели: онъ доволенъ и благодаритъ Бога; большаго онъ и не желаетъ, потому что считаетъ излишнимъ: если видитъ у себя малые избытки, онъ лучше удѣлитъ ихъ нуждающимся ближнимъ, но не употребитъ ихъ на какія-либо прихоти свои.

Но посмотрите на жизнь другого человѣка съ сердцемъ

лукавымъ и совѣстью не прямою, лукавою. Онъ ничѣмъ недоволенъ; ему столъ не столъ, одежда не одежда, жилье не жилье, мебель не мебель, и при полной чашѣ хочетъ, чтобы она была еще полнѣе, ему мало своего, надо захватить чужое, хотя бы съ обидой для ближняго, для него эта пища нехороша, надо лучше, или ему насущнаго хлѣба и похлебки мало, надо вина, хотя въ немъ вовсе нѣтъ нужды; да не то, чтобы немного, это бы еще не бѣда, а то надо иному много, чтобы напиться допьяна; эта одежда нехороша, изъ моды вышла, надо лучше; это жилье не такъ просторно и удобно, надо пошире; эта мебель нехороша, надо новую; этихъ доходовъ, этого жалованья, этой выручки мало, надо больше, — и едва ли чѣмъ онъ бываетъ доволенъ: все у него, кажется, хорошо, всего довольно—человѣкъ сытъ и пресытъ, одѣтъ роскошно и прихотливо, и избытка у него много,—а все онъ недоволенъ; у другого при его средствахъ къ жизни, да еще и при меньшихъ, и для самого довольно, достанетъ и ближнимъ нуждающимся удѣлить на пищу, на одежду, у него же—и для себя мало, и другимъ нѣтъ ничего. Отчего? Оттого, что сердце его лукаво, омраченно, неразумно, ненасытно, страстно. А отчего оно таково?—Оттого, что заповѣдей Господнихъ не знаетъ или знать не хочетъ, свѣтомъ Евангелія Христова не водится. Оттого, что творитъ волю слѣпой, страстной плоти своей и помышленій своихъ.

Никто не можетъ служить двумъ господамъ; ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другого любить, или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть. Не можете служить Богу и мамонѣ. Какіе здѣсь разумѣются два господина, которымъ невозможно служить въ одно и то же время? Одинъ—это Господь и Богъ, другой—богатство или любогрѣховная плоть наша, въ которой дѣйствуетъ діаволъ, силящійся приковать ее къ міру. Очевидно, невозможно работать вмѣстѣ Богу и любогрѣховной плоти: именно потому, что Богъ требуетъ отъ насъ святости, неуклоннаго и точнаго исполненія воли Своей, а плоть непрестанно подстрекаетъ ко грѣху,—къ чревоугодію, пьянству, блуду, зависти, враждѣ, лихоимству и сребролюбію, къ лѣности и проч. Какъ согласить служеніе Богу и плоти? Очевидно, нельзя; слово Божіе прямо говоритъ, что *тѣ, кои Христовы, распяли плоть съ страстями и похотями* (Гал. 5, 24),—и отнюдь не служатъ многогрѣшной плоти, не угождаютъ ей. *Плоти угодія не творите въ похоти* (Римл. 13, 14), говоритъ святый апостолъ Павелъ. И всегда бываетъ такъ, что кто угождаетъ своей плоти, тотъ нерадитъ объ угожденіи Богу, о спасеніи души своей, объ исправленіи своемъ, о добродѣтельной жизни; не исправляетъ сердца своего, не стремится духомъ къ горнему отечеству, но весь бываетъ какъ бы при-

кованъ къ землѣ, къ земнымъ наслажденіямъ. Кто любитъ свою многогрѣшную плоть, тотъ не любитъ Бога, тому тяжкими кажутся заповѣди Его, тотъ не любитъ ближняго; онъ не попечется о его спасеніи, потому что и о своемъ не заботится; не поможетъ ему въ нуждѣ, потому что слишкомъ много любитъ самъ себя и лучше исполнитъ свои прихоти, чѣмъ отдастъ собственность свою на нужду ближняго. *Посему говорю вамъ*, продолжаетъ Господь, *не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Душа не больше ли пищи, и тѣло одежды?* Забота неумѣстная, неразумная, слишкомъ усиленная забота о пищѣ, питьѣ, одеждѣ, весьма вредитъ христіанскому житію: она-то и есть то, что назвалъ Господь раньше служеніемъ мамонѣ. Эта неправильная забота наша о пищѣ, питьѣ и одеждѣ ставитъ, такъ сказать, вверхъ дномъ всю жизнь нашу: вмѣсто того, чтобы заботиться главнымъ образомъ о душѣ, объ очищеніи, исправленіи, освященіи ея, вообще, о спасеніи, мы печемся ежедневно объ угожденіи своему алчному чреву, да о томъ, во что одѣться, а душу—это безсмертное существо, сотворенное по образу и подобію Божію,—погибающую заживо во грѣхахъ, оставляемъ въ пренебреженіи, безъ исправленія, или даже—ежедневно прилагаемъ грѣхи ко грѣхамъ; тѣло насыщаемъ и пресыщаемъ, а душу оставляемъ голодать; тѣло украшаемъ, а душу безобразимъ; тѣло оживляемъ, а душу убиваемъ. Потому Господь, обличая такое наше безуміе, говоритъ: *душа не больше ли пищи, и тѣло одежды?* Если душа, очевидно, больше пищи, то зачѣмъ же вы душу оставляете безъ попеченія, заботясь о томъ, что ничтожно, какъ пища и питіе: ибо *пища для чрева, и чрево для пищи; но Богъ уничтожитъ и то, и другое* (1 Кор. 6, 13). Или опять: тѣло не больше ли одежды? Если же Господь далъ вамъ большее, т. е. тѣло, то не заботится ли дать меньшее, не попечется ли о прикрытіи его—и не дастъ ли вамъ средствъ покрыть его наготу, какъ покрылъ наготу Евы и Адама?

Не о пустомъ ли вы заботитесь, оставляя самонужнѣйшее, единое на потребу?

Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницу; и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ? На птицъ Господь указываетъ намъ, маловѣрамъ, для того, чтобы показать недремлющій, непрестанный Промыслъ Отца небеснаго о всѣхъ тваряхъ земныхъ, Который отъ начала міра донынѣ не переставалъ и не перестаетъ сохранять и питать всякую тварь,— и особенно—вѣнецъ всѣхъ тварей—человѣка, созданнаго по образу и подобію Божію, и чтобы примѣромъ птицъ всегда сытыхъ, хотя не сѣющихъ, не жнущихъ хлѣбъ, мы убѣдились полагаться съ несомнѣнностію на Промыслъ Божій. Ко-

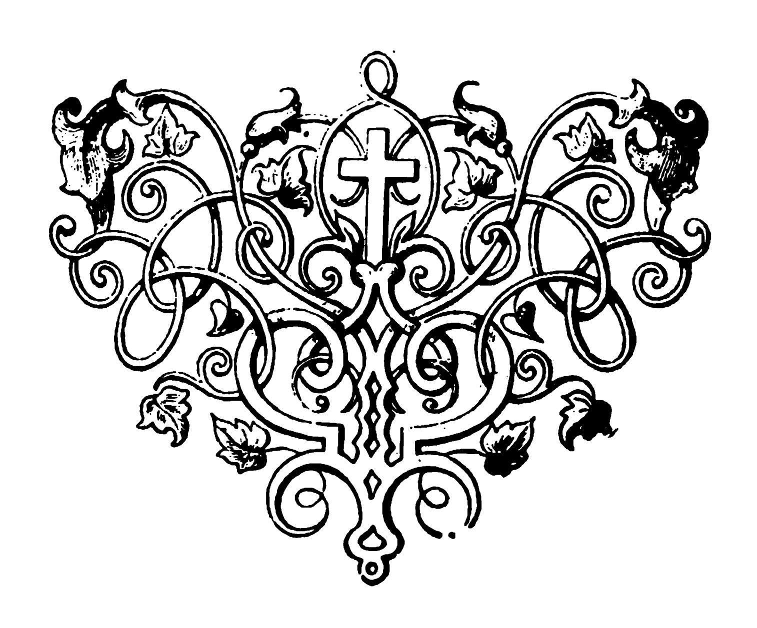
нечно, эти слова Господа не учатъ насъ сидѣть сложа руки и только надѣяться на Бога, а учатъ упражняться въ благословенныхъ трудахъ и при трудахъ надѣяться на благословеніе Божіе, на успѣхъ въ дѣлахъ, на дарованіе всего потребнаго. Далѣе, Господь говоритъ: *да и кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть?* Не все ли зависитъ отъ Бога? Если же тѣло наше во всѣхъ отправленіяхъ—и въ питаніи, въ возрастаніи—зависитъ отъ Бога, какъ дѣло рукъ Его, Его премудрости, благости, всемогущества: то не въ Его ли—зависимости также и пища наша? Не Онъ ли подаетъ и пищу для нашего возрастанія и укрѣпленія? Отчего же мы считаемъ пищу какъ бы чуждою Его Промыслу? О, воистину, Его Промыслъ питаетъ не только насъ, но и всякаго червяка, всякое насѣкомое! *И объ одеждѣ что заботитесь? Посмотрите на полевыя лиліи, какъ онѣ растутъ: не трудятся, ни прядутъ, но говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ, кольми паче васъ, маловѣры!*

Словами: *объ одеждѣ что заботитесь* — Господь учитъ насъ не имѣть пристрастія къ одеждѣ, какъ раньше говорилъ о томъ, чтобы не имѣть намъ пристрастія къ пищѣ и питію. Совсѣмъ не заботиться объ одеждѣ нельзя: мы должны заботиться, чтобы одежда наша была приличная, чистая; должны, кому слѣдуетъ, заниматься пряденіемъ, тканіемъ, шитьемъ. Сама Пречистая Дѣва Марія пречистыми руками Своими ткала и шила, какъ это показываетъ хитонъ Спасителя, сотканный Ея дѣвственными руками. Но непрестанныя заботы о нарядахъ, кружащія наши головы, совершенно противны духу Евангельскому: онѣ дѣлаютъ насъ суетными, мелочными, порождаютъ во многихъ нецѣломудріе и гордость. Если бы красивая одежда была необходима для насъ, какъ для какого либо злака цвѣтокъ его: то Отецъ небесный не оставилъ бы нарядить насъ въ тысячу разъ лучше розъ и лилій или павлиновъ; но извѣстно, что одежда наша есть временное покрывало, или временная повязка на ранѣ: потому что одежда появилась вслѣдствіе грѣха, когда люди узнали свою наготу; а стоитъ ли украшать повязки на ранѣ? Не о томъ ли надо заботиться, какъ бы поскорѣе рану вылѣчить, т. е. какъ бы скорѣе отъ грѣховъ очиститься? Разумно ли сшивать дорогія повязки на эти грѣховныя раны и этими повязками еще тщеславиться, какъ чѣмъ-то похвальнымъ? Не больше ли оттого зловонія грѣховнаго? Припомнимъ, что въ крещеніи всѣ мы получили одежду нетлѣнія, одежду правды Христовой. Вотъ объ этой одеждѣ правды будемъ заботиться: эту одежду будемъ хранить; она пусть будетъ нашимъ украшеніемъ. Если ее

сохранимъ, то въ будущемъ вѣкѣ Господь одѣнетъ насъ одеждою славы, одѣнетъ вѣчнымъ свѣтомъ, какъ Самъ одѣвается свѣтомъ, яко ризою.

Итакъ закончу бесѣду словами же Спасителя: *не заботьтесь и не говорите: что намъ ѣсть? или что пить? или, во что одѣться? потому что всего этого ищутъ язычники: и потому что Отецъ вашъ небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ.* Слышимъ: по слову Господнему—всѣ тѣ язычники, а не христіане, которые о томъ и заботятся, что ѣсть да пить или во что одѣваться; а о дѣлахъ Божіихъ и исполненіи заповѣдей Его не помышляютъ. *Ищите же прежде царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ.* Всякій хозяинъ, господинъ кормитъ, поитъ, одѣваетъ своихъ слугъ: кольми же паче Господь Богъ будетъ и питать, и одѣвать насъ, если мы будемъ слугами Его. Если не служащихъ Ему, не вѣдающихъ Его, Онъ питаетъ и одѣваетъ, кольми паче не забудетъ служащихъ Ему. Аминь.

Троицкіе листки № 71.

Что значитъ быть истиннымъ христіаниномъ.

Мы родились въ нѣдрахъ Церкви Христовой, крещены во имя Пресвятыя и Живоначальныя Троицы—Отца и Сына и Святаго Духа, съ младенчества воспитаны въ истинной православной вѣрѣ, ходимъ въ храмъ Божій, участвуемъ въ церковныхъ священнодѣйствіяхъ и таинствахъ, исполняемъ всѣ другіе обряды христіанства. Правда, все это необходимо для христіанина, но все это не дѣлаетъ еще насъ истинными христіанами безъ истинно-христіанской жизни и дѣлъ, все это не оправдитъ насъ предъ Богомъ, не покажетъ достойными сынами царствія Божія. Господь скажетъ намъ на судѣ Своемъ: *покажи Ми вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ*, ибо *вѣра безъ дѣлъ мертва есть о себѣ. Кая польза*, говоритъ Апостолъ: *аще вѣру глаголетъ кто имѣти, дѣлъ же не иматъ; еда можетъ вѣра спасти его?* (Іак. 2, 18. 20. 14). Вѣра истинная, спасающая, состоитъ не въ словеси, а въ силѣ, не въ одномъ устномъ исповѣданіи правой вѣры, а въ живомъ убѣжденіи сердца, объемлющемъ и направляющемъ всѣ силы духа человѣческаго къ Богу, въ истинно-христіанскомъ настроеніи мыслей, желаній и чувствованій,—не въ одномъ соблюденіи внѣшнихъ обрядовъ христіанства, при которомъ можно быть худымъ христіаниномъ, даже худшимъ язычника, но въ истинно-христіанской жизни, въ истинно-добрыхъ, богоугодныхъ и христоподражательныхъ дѣлахъ, въ которыхъ бы свѣтъ вѣры нашей свѣтился предъ человѣки.

Въ самомъ дѣлѣ, кто истинно вѣруетъ въ Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, тотъ убѣжденъ совершенно, что жизнь его какъ произошла вначалѣ отъ Бога, такъ въ Его всесвятой волѣ находится и во всякое время, а потому каждое мгновеніе жизни своей почитаетъ неоцѣненнымъ даромъ Божіимъ, непрестанно благодаритъ Даро-

подателя, Ему одному посвящаетъ все время своей жизни, блюдетъ себя, чтобъ не употребить во зло ни одной минуты, данной ему на дѣла благая. Тотъ убѣжденъ всѣмъ сердцемъ, что все, чѣмъ ни пользуется въ жизни, отъ свѣта солнечнаго до капли воды, упадающей съ облаковъ, отъ злака, питающаго тѣло, до послѣдней нити одежды, покрывающей его,—все ниспосылается и подается намъ отъ Отца свѣтовъ, а потому всѣмъ пользуется съ благоговѣніемъ, какъ даромъ Божіимъ, все пріемлетъ съ благодареніемъ, какъ даръ незаслуженный, отъ всего старается сотворить плодъ въ животъ вѣчный.

Кто истинно вѣруетъ въ Бога-Промыслителя, премудраго и всеблагаго, тотъ всю жизнь и судьбу свою ввѣряетъ Его премудрости, всего ожидаетъ и всего проситъ отъ Его благости, во всемъ уповаетъ на Его отеческій Промыслъ и милосердіе.—Тотъ безропотно и съ благодареніемъ срѣтаетъ все, что ни случается съ нимъ въ жизни, пріятное и непріятное, радостное и печальное, не радуется при избыткѣ, не скорбитъ и при недостаткѣ, не прилагаетъ сердца, когда течетъ къ нему богатство, не плачетъ и не печалится, когда оно и убѣгаетъ отъ него. Тотъ чувствуетъ и говоритъ подобно св. Апостолу: *вѣмъ и смиритися, вѣмъ и избыточествовати; во всемъ и во всѣхъ навыкохъ, и насыщатися, и алкати, и избыточествовати, и лишатися, вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ.*

Кто истинно вѣруетъ въ Бога, вездѣсущаго и всевѣдущаго, тотъ убѣжденъ совершенно, что, гдѣ бы онъ ни былъ и что бы ни дѣлалъ, всегда и вездѣ онъ предъ лицомъ Божіимъ, что Господь видитъ не только всякое дѣло его, но и всякій помыслъ, когда онъ только зачинается въ душѣ его, всякое желаніе, когда оно еще зарождается въ его сердцѣ, всякое намѣреніе, когда оно еще образуется въ умѣ его, а потому благоустрояетъ жизнь свою такъ, чтобы не оскорблять величія и святости Божіей не только дѣломъ или словомъ, но и мыслію и желаніемъ и намѣреніемъ. Тотъ, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ предъ очами Господа, о чемъ ни помышляетъ, помышляетъ предъ Господомъ, чего ни желаетъ, желаетъ предъ Господомъ, о чемъ ни радуется, радуется предъ Господомъ, о чемъ ни печалится, печаль свою возвѣщаетъ предъ Господомъ. Тотъ, подобно св. Давиду, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, и бодрствуя и засыпая, и трудясь и покоясь, и входя и исходя, *предзритъ Господа предъ собою выну, да не подвижится.*

Кто истинно вѣруетъ въ Бога, правосуднаго Судію и Мздовоздаятеля, Который *воздастъ комуждо по дѣломъ его,* тотъ страшится оскорблять величіе Божіе богопротивными помыслами, преогорчевать любовь Его неблагодарностію, безчувствіемъ и окаменѣніемъ сердечнымъ, оскорблять свя-

тость Его желаніями и похотями нечистыми, прогнѣвлять правду Его словами и дѣлами порочными. Тотъ ограждаетъ всегда душу свою страхомъ Божіимъ и при каждомъ поползновеніи сердца своего ко грѣху говоритъ самому себѣ: *како сотворю глаголъ сей злый, и согрѣшу предъ Богомъ?* Тотъ слѣдуетъ во всемъ не своей волѣ и своему мудрованію, не своимъ правиламъ, занятымъ отъ обычаевъ свѣта, а волѣ Божіей и правиламъ Евангелія Христова. Тотъ не рѣшится сдѣлать что-либо противу совѣсти и закона Божія, хотя бы угрожали ему всевозможныя опасности, всѣ виды тѣлесныхъ мученій и смерти; ибо онъ твердо помнитъ, что страшнѣе всего *еже впасти въ руцѣ Бога живаго, имущаго власть не только тѣло, а и душу его погубити въ гееннѣ огненной*, что всѣ временныя муки ничтожны въ сравненіи съ вѣчными мученіями ада.

Кто истинно вѣруетъ въ Сына Божія, воплотившагося для спасенія нашего, распятаго на крестѣ, страдавшаго и умершаго въ мукахъ для избавленія насъ отъ грѣха, проклятія и смерти; кто помнитъ всегда, что прощеніе грѣховъ заслужено для насъ страшными страданіями и крестною смертію Искупителя; тотъ страшится грѣха, какъ яда смертоноснаго, и лучше готовъ пролить собственную кровь свою, нежели поругаться надъ Кровію Христовою, предаваяся нечистотѣ и беззаконію. Тотъ любитъ Христа, Спасителя своего, всѣмъ сердцемъ своимъ, всею душею своею, всею крѣпостію своею и всѣмъ помышленіемъ своимъ. Тотъ любитъ св. Евангеліе какъ драгоцѣннѣйшій завѣтъ своего сладчайшаго Искупителя, и въ чтеніи или слушаніи его находитъ высочайшее наслажденіе, неописанную радость и утѣшеніе Тотъ любитъ Крестъ Христовъ паче всего въ мірѣ, съ любовію поклоняется ему въ храмѣ, съ любовію лобызаетъ его и тогда, когда срѣтаетъ его въ собственной жизни, съ любовію преклоняетъ выю подъ всякое бремя скорби, ниспосылаемой ему свыше или испытующею премудростію, или наказующею правдою Отца небеснаго Тотъ любитъ св. Церковь Христову, какъ избранную невѣсту Его, какъ любвеобильную матерь свою, возродившую, питающую и воздоящую его въ жизнь вѣчную; любитъ св. храмъ Христовъ какъ священное мѣсто, гдѣ совершаются спасительныя и животворныя тайны Христовы, гдѣ приносится святѣйшая жертва Тѣла и Крови Его, и изволяетъ *лучше приметатися въ дому Божіемъ, нежели жити въ селеніяхъ грѣшничихъ*. Тотъ съ любовію повинуется во всемъ Господу и Спасителю своему, съ усердіемъ исполняетъ спасительныя и животворныя Его заповѣди, ревностно старается уподобляться Ему во всемъ,—мыслить и чувствовать, какъ мыслилъ и чувствовалъ Іисусъ Христосъ, говорить и дѣйствовать, какъ говорилъ и дѣйствовалъ Іисусъ Христосъ, страдать и терпѣть, молиться и уповать, какъ

терпѣлъ и молился Господь Іисусъ Христосъ: *сіе да мудрствуется въ насъ, еже и во Христѣ Іисусѣ.*

Кто истинно вѣруетъ въ Духа Святаго, Господа животворящаго, освящающаго насъ Своею благодатію, живущаго въ христіанахъ, какъ въ истинныхъ храмахъ своихъ; тотъ страшится болѣе всего осквернить себя какою-либо скверною грѣховною, памятуя всегда оное слово Апостольское: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ? Аще кто храмъ Божій растлитъ, растлитъ сего Богъ* (1 Кор. 3, 16. 17). Тотъ не поблажаетъ падшей природѣ своей, не даетъ надъ собою воли страстямъ своимъ, но сражается съ ними и побѣждаетъ ихъ, отсѣкая всякое нечистое пожеланіе, погашая всякую нечистую похоть. Тотъ ревнуетъ всѣмъ сердцемъ о томъ, чтобы возрастить въ душѣ своей плоды Духа Святаго—*любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣру, кротость, воздержаніе.* Тотъ, если и падаетъ, какъ человѣкъ, не остается въ небреженіи, не предается усыпленію грѣховному, но тотчасъ возбуждаетъ себя къ покаянію, омываетъ душу свою слезами умиленія, очищаетъ совѣсть свою исповѣданіемъ грѣха. и тѣмъ съ большею ревностію течетъ по пути заповѣдей Христовыхъ.

Кто истинно вѣруетъ въ единую святую, соборную Церковь Христову, кто исповѣдуетъ ее своею матерію, тотъ, какъ послушный сынъ, повинуется ей во всемъ, исполняетъ святыя заповѣди и уставы ея, дорожитъ участіемъ въ ея священнодѣйствіяхъ и молитвахъ, почитаетъ установленныя ею священныя торжества и празднества, въ благоговѣніи, постѣ и воздержаніи проводитъ дни, назначенные ею для постническихъ подвиговъ покаянія и умиленія, съ любовію повинуется и покоряется постановленнымъ ею пастырямъ и учителямъ. Тотъ пребываетъ въ мирѣ и единомысліи, въ любви и единодушіи со всѣми во Христѣ братіями своими, чадами единой матери, нашей Церкви, омытыми кровію Сына Божія, любитъ ихъ, какъ членовъ единаго и того же Тѣла Христова, какъ соучастниковъ однихъ и тѣхъ же живоносныхъ таинствъ Христовыхъ, какъ чадъ Божіихъ и сонаслѣдниковъ царства небеснаго,—любитъ тою любовію Апостольскою, которая *долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидитъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ* (1 Кор. 13, 4—6), которая *радуется съ радующимися, плачетъ съ плачущими, ни единому же зла за зло воздающе, промышляюще же добрая предъ всѣми человѣки,* которая не побѣждена бываетъ отъ зла, но побѣждаетъ благимъ злое.

Кто истинно вѣруетъ въ жизнь вѣчную, кто видитъ предъ собою тѣ блага, *яже уготова Богъ любящимъ Его,*—то блаженство, которымъ будутъ наслаждаться вѣчно вѣрные рабы

Господа, благоугождающіе Ему усерднымъ исполненіемъ всѣхъ заповѣдей и повелѣній Его; тотъ, живя плотію на землѣ, умомъ и сердцемъ своимъ живетъ на небѣ, *идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя*, гдѣ всѣ сокровища и весь *животъ его сокровенъ со Христомъ въ Бозѣ*. Тотъ, пользуясь земными благами, ни къ чему не прилагаетъ сердца и всегда готовъ оставить все, только бы не отступить отъ Бога, не потерять своей совѣсти и не лишиться царствія Божія: *кая бо польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь, и отщетитъ душу свою?* Тотъ всегда имѣетъ предъ очами своими смерть и судъ Божій, постоянно приготовляется къ мирному переходу въ вѣчность къ своему Господу и Спасителю.

Таковъ христіанинъ, истинно вѣрующій! Онъ какъ вѣруетъ, такъ и мыслитъ и чувствуетъ, такъ и живетъ и дѣйствуетъ. Вѣра въ Господа и Его божественное слово служитъ у него живымъ и животворнымъ началомъ, основаніемъ и источникомъ всѣхъ его помысловъ и желаній, всѣхъ чувствованій и стремленій, всѣхъ словъ его и поступковъ. Такая-то вѣра—есть вѣра истинная, ибо свидѣтельствуется жизнію и дѣлами; есть вѣра живая и животворная, ибо отъ нея, какъ отъ живоноснаго корня и сѣмени, выростаетъ цѣлое древо благой и многоплодной дѣятельности, святой и богоугодной жизни; есть вѣра оправдывающая, ибо, соединяя духъ нашъ въ единъ духъ съ Господомъ, дѣлаетъ насъ причастными Его страданій, смерти и воскресенія, вмѣняетъ намъ Его правду и святость; есть вѣра спасающая, ибо, содѣлывая насъ чадами Божіими во Христѣ, дѣлаетъ наслѣдниками и Его вѣчнаго царства; есть вѣра чудодѣйственная, потому что облекаетъ нашу немощь силою Божіею—всемогущею. (Изъ поуч. Димитрія, почившаго архіеп. Херсонскаго).

„Мудрость человѣческая“.

Мудрый отшельникъ близъ моря скитался.
Все онъ покинулъ: отчизну, друзей,
Славу, богатство; познать онъ старался,
Въ чемъ заключается счастье людей?
  Рано и поздно, поникнувъ главою,
  Вѣчный рѣшая вопросъ роковой,
  Грустно бродилъ онъ, а въ сердцѣ толпою
  Думы носились одна за другой.
Разъ онъ услышалъ: „Отшельникъ, повѣдай,—
Вѣрно, ты видѣлъ и знаешь его,—
Гдѣ онъ?!.. О, сжалься надъ дѣвою бѣдной,—
Гдѣ мнѣ найти жениха моего?!“

Смотритъ пустынникъ: въ нарядѣ богатомъ,
Чудномъ, доступномъ царевнамъ однѣмъ,
Только изорванномъ въ клочья и смятомъ,
Странница-дѣва стояла предъ нимъ.
Ликъ ея дышалъ былою красою,
Очи горѣли потухшимъ огнемъ,
Волосы вились волшебной косою,
Станъ говорилъ о величьи былѣмъ...
„Вѣрно ты знаешь, скажи мнѣ скорѣе!..
О, полечу, догоню я его!
Можетъ, признаетъ меня, пожалѣетъ...
Старецъ! скажи мнѣ скорѣй про него!..
— Дѣва! не знаю я, въ чемъ твое горе?
Кто ты, откуда и кто твой женихъ?
Здѣсь лишь волнуется злобное море,
Пѣсни поютъ здѣсь лишь бури однѣ...
— Охъ ма, не знаешь... бѣда вѣковая!..
Слушай, о всемъ разскажу я сейчасъ,
Можетъ, ты видѣлъ?!..—И дѣва, рыдая,
Старцу повѣдала дивный разсказъ.
— Горе, отшельникъ, что помню я мало,
Все позабыла... Давно было то:
Въ свѣтломъ блаженствѣ жила я сначала
Дѣвой невѣстой невинной, святой.
Тамъ былъ женихъ мнѣ красы несказанной;
Бракъ былъ рѣшенъ ужъ, и пиръ былъ готовъ...
Вдругъ ко мнѣ кто-то чарующій тайно
Въ свѣтлый вошелъ мой предбрачный чертогъ.
Помню, какъ онъ мнѣ съ такою заботой
Дивныя, сладкія рѣчи шепталъ,
Царства сулилъ и лукаво мнѣ что-то,
Съ виду пріятное, вкусное далъ.
Рѣчью волшебной прельстясь, я вкусила...
Ядъ то былъ, старецъ!.. Онъ яду далъ мнѣ!..
Все потеряла я, все погубила!..
Въ этой очнувшись ужъ мрачной странѣ.
Долго я плакала, долго крушилась,
Стала я косу рвать, руки ломать;
Но, поодумавшись, твердо рѣшилась,—
Что погубила, то снова искать...
Время летитъ предо мною вѣками,
Все разрушая полетомъ своимъ.
Міръ весь: и солнце, и мѣсяцъ съ звѣздами,
Море и суша—трепещетъ передъ нимъ...
Сколько народовъ погибло, забыто!..
Царства капризно мѣняетъ оно...
Суша вся кровью людскою залита...
Море слезами людскими полно...

Все то глазами своими видала,
Вихремъ все то пронеслось предо мной,—
Я неустанно по міру блуждала,
Всюду искала потери моей.
Нѣтъ того мѣста, гдѣ бъ я не бывала,
Нѣтъ во всемъ мірѣ песчинки такой,
Что не просила бъ я, не умоляла:
„О, поищите дорогу со мной!..“
На небосклонѣ чуть зорька зардѣетъ,
Солнце проснется и все оживитъ,
Ночь ли настанетъ и міръ потемнѣетъ,
Буря ль завоетъ, гроза зашумитъ.
Пропасти моря и бездны земныя,
Страшныхъ чудовищъ видала ль какихъ,—
Къ нимъ я спѣшила: „скажите, родныя,
Вы не видали ли: гдѣ мой женихъ?!..“
Плачетъ со мной вся вселенная эта...
Слушай... то стонетъ со мною земля...
Но не слыхала нигдѣ я отвѣта,
Къ счастью дороги нигдѣ не нашла...
О, ты, лукавая рѣчь чародѣя!..
Вѣчное горе сулила ты мнѣ!..
Добрый отшельникъ! не скажешь ли, гдѣ я,
Гдѣ мнѣ дорога къ блаженной странѣ?!—
Старецъ заплакалъ —По этимъ примѣтамъ,
Дѣва заблудшая, что мнѣ сказать?..
Знаю... нигдѣ не найдешь ты отвѣта,
Какъ бы и гдѣ бы ни стала искать...
Можетъ, и правда, женихъ пожалѣетъ,
Вспомнитъ онъ самъ о невѣстѣ своей,
Если онъ живъ еще, сердце имѣетъ,—
Можетъ быть, снова придетъ за тобой.
Дѣвы ужъ не было. Гдѣ-то, рыдая,
Словно какъ призракъ исчезнувъ вдали,
Снова искала она, снова блуждала
Съ неразрѣшимымъ вопросомъ своимъ...

. . .

Свѣтлый женихъ ея видѣлъ страданья
Дѣвы, невѣрной невѣсты своей,
Стоны услышалъ, призывы, рыданья,
И приходилъ Онъ на землю за ней.
Но не узнала она... Его не узнала,
Голосъ любви, всепрощенья привѣтъ...
Злобно смѣялась надъ Нимъ, издѣвалась
И присудила на крестную смерть...
Братья! Вы встрѣтите странницу эту,
Всюду услышите скорбный вопросъ.

Сжальтесь надъ нею, скажите въ отвѣтъ ей:
„Дѣва! Женихъ твой—распятый Христосъ!..
Пусть она кончитъ рыданья, проклятья,
Тщетные поиски доли былой...
Пусть припадетъ у подножья Распятья,
Здѣсь ей отвѣтъ на вопросъ роковой!!

Душа и ея порывы къ небу.

Было время, когда въ мірѣ духовномъ царствовала одна лишь гармонія святости и красоты, но впослѣдствіи гордость падшаго ангела внесла въ него зло и безобразіе; было время, когда и въ мірѣ вещественномъ были стройность, порядокъ и красота, но человѣкъ, владѣлецъ земли, потерявъ свою невинность передъ Богомъ, сдѣлался причастнымъ злу и разрушенію и это зло и разрушеніе внесъ и въ вещественный міръ.

Итакъ, причиной зла и разрушенія въ вещественномъ мірѣ былъ человѣкъ. Въ моментъ грѣхопаденія онъ уже проникся грѣхомъ и потому не могъ больше оставаться въ раю — мѣстѣ святости и красоты, изъ котораго и былъ изгнанъ. Но грѣхъ, возобладавъ человѣкомъ, не въ состояніи былъ изгладить въ немъ слѣдовъ прежняго благородства, не могъ заглушить въ немъ тоски по утерянномъ раѣ, и эти драгоцѣнные слѣды, эта тоска, передаваясь изъ рода въ родъ, служатъ и до настоящихъ дней людямъ путеводными звѣздами къ возвращенному имъ Богочеловѣкомъ блаженному раю.

Ничто не можетъ изгладить въ человѣкѣ стремленія къ чему-то свѣтлому, превосходному и безконечному. Кто не испыталъ въ своей жизни того чувства, что, при полномъ, повидимому, земномъ счастіи и благоденствіи, ему все-таки чего-то недостаетъ. Безъ сомнѣнія, оно знакомо всѣмъ; оно, обыкновенно, проявляется въ душѣ неясно и выражается въ ней неопредѣленной грустью и тоской.

Что жъ это за чувство такое и о чемъ оно напоминаетъ человѣку? Это чувство составляется изъ всѣхъ лучшихъ порывовъ его души, которые ему врождены и служатъ главнымъ его отличіемъ отъ неразумныхъ тварей. Это чувство напоминаетъ человѣку о другой жизни, высшей и совершеннѣйшей, которой собственно и жаждетъ его душа. Будучи созданной по образу и по подобію Божію, она тяготѣетъ къ своему Первообразу, какъ дитя къ своей матери, и потому твердо вѣритъ въ будущую жизнь; она величественна, какъ частица безконечнаго ея Создателя, и потому ее ничто не удовлетворяетъ внѣ Божественнаго.

По своей неопытности душа иногда желаетъ земныхъ благъ: богатства, славы и проч., надѣясь въ нихъ, а не въ Богѣ,

найти полное удовлетвореніе своимъ желаніямъ; но едва достигаетъ ихъ, какъ уже сознаетъ себя опять несчастной и ничѣмъ не удовлетворенной. Такова безпокойная душа человѣка. Но едва ли ее можно упрекать за то, что она слишкомъ разборчива въ вещахъ, не соотвѣтствующихъ ея природнымъ требованіямъ; нѣтъ, это доказываетъ только ея величіе. Узнавъ по опыту всю ничтожность земныхъ благъ, она уже не придаетъ имъ большого значенія, ибо, если человѣкъ признаетъ себя выше и совершеннѣй чего-либо, то онъ уже не станетъ преклоняться предъ нимъ и домогаться его.

Душа человѣка стремится къ небу, потому что для нея такое стремленіе естественно; но ея земное тѣло мѣшаетъ ей, удерживая въ своихъ цѣпяхъ и привлекая къ землѣ. Оно является для души не только тормазомъ въ ея стремленіи, но и ея врагомъ; оно своими страстями искажаетъ прекрасный ликъ души и часто топчетъ въ грязь ея нѣжныя и свѣтлыя чувства, которыя ему ненавистны; оно всѣми силами своей падшей природы противится ея духовному трезвенію и увлекаетъ ее въ водоворотъ грѣха.

Но, кромѣ тѣла, у души есть еще и стороннія враги—нечистые духи. Они воюютъ противъ нея заодно съ ея собственнымъ тѣломъ и нѣрѣдко побѣждаютъ ее. Побѣжденная ими, она уже не можетъ свободно думать о Богѣ, о небѣ, о христіанской жизни, ибо она уже порабощена врагами, которые распоряжаются ею по своему усмотрѣнію. Однако, бываютъ въ жизни человѣка и такіе моменты, въ которые его душа ощущаетъ въ себѣ раскаяніе и умиленіе; тогда въ ней возникаютъ вдругъ святые и мощные порывы къ небу и, разрывая вокругъ нея сѣти грѣха, увлекаютъ ее вновь въ ея родную стихію — свѣтлый духовный міръ, научая ее въ то же время презирать свое тѣло и его прихоти. Многихъ грѣшниковъ возвели эти порывы на величайшую высоту духовнаго совершенства и святости; многихъ они произвели въ сверхчеловѣки по великимъ и чуднымъ дарамъ благодати свыше. Раскроемъ Четьи Минеи, патерики, лѣтописи и мы найдемъ тамъ подтвержденіе всего сказаннаго; прочтемъ жизнеописанія препод. Маріи Египетской, ходившей по водѣ, какъ по сушѣ, преп. Евдокіи, вознесенной по смерти сонмами ангеловъ къ престолу Божію, и многихъ другихъ, и мы увидимъ всю необыкновенную силу и важность этихъ возвышенныхъ порывовъ.

Одинъ мой товарищъ, который былъ со мною однихъ убѣжденій, при разговорѣ объ этомъ такъ передавалъ мнѣ дѣйствіе святыхъ порывовъ въ человѣкѣ.

„Иногда,—говорилъ онъ,—погружаясь внутрь себя, видишь тамъ одну безпросвѣтную тьму, въ которой находится душа. Ни одного луча съ неба! Ни малѣйшаго отблеска съ высоты!

Вдругъ появляется откуда-то свѣтлая, блестящая точка, разгоняя на своемъ пути мракъ, и приближается къ тебѣ. Ты очарованъ, ты восхищенъ ея красотой; ты желалъ бы хоть на мгновенье задержать ея полетъ... Но вотъ она увеличивается предъ тобою и, ставши какъ бы свѣтлымъ облачкомъ, окутываетъ тебя имъ, сгущаясь подъ твоими ногами, и ты уже чувствуешь, какъ съ быстротою мысли возносишься этимъ облачкомъ въ высоту. Чрезъ мигъ твои взоры начинаютъ уже улавливать свѣтъ иного міра, къ которому ты раньше стремился, но тщетно".

Да, наше стремленіе къ другому, лучшему, міру бываетъ тщетнымъ, когда мы боимся всецѣло отдаться святымъ порывамъ души. Мы боимся... потому что намъ тогда пришлось бы отвергнуть себя и жить по Евангелію, по совѣсти. А безъ Евангелія какъ можно и стремиться къ этому міру? Немыслимо... и мы погружаемся въ безрадостную тьму житейскихъ мелочей.

Страшно и грустно! Страшно потому, что мы рискуемъ умереть во мракѣ нашихъ страстей и погибнуть; грустно потому, что мы добровольно ослѣпляемъ себѣ глаза, дабы не видѣть истинъ, которыя насъ могли бы спасти. Насъ губитъ боязнь самоотверженія во имя Евангелія; безъ лѣни, холодности и разсѣянности мы не можемъ совершить ни одного добраго дѣла; мы боимся и на шагъ отступить отъ своего самоугожденія. Не потому ли теперь всѣ вольномыслящіе и вольноживущіе люди такъ смѣло и беззастѣнчиво поносятъ святыню и глумятся надъ христіанствомъ, что у нихъ недостаетъ духа жить по Евангелію? Они сознаютъ, что кощунствуютъ, однако, стараются увѣрить себя, что все это пройдетъ для нихъ безнаказанно. Жалкое самообольщеніе! Конечно, можно закрывать глаза и въ виду бездонной пропасти, если оттого чувствуется пріятно и спокойно; но какое будетъ разочарованіе въ спокойствіи, когда придется упасть въ эту пропасть!

Нѣтъ, не предадимъ свою безсмертную душу въ жертву страстному тѣлу, не допустимъ безсилія предъ духовными врагами и не рѣшимся промѣнять, по примѣру евангельскаго богача, добрую вѣчность на доброе время! Не будемъ пренебрегать душой и ея святыми порывами къ небу, которые въ состояніи возвратить насъ въ нѣкогда утерянный рай! (Рус. Пал.).

А. Бибиковъ.

Въ чемъ должно обнаруживаться наше раскаяніе.

Послѣ Своего крещенія Господь Іисусъ пошелъ въ предѣлы колѣна Завулонова и Невфалимова. Эта страна, примыкавшая къ морю Средиземному, была населена язычниками. Такъ и называлась „Галилея языческая". Тамъ люди ходили „во тьмѣ и сѣни смертнѣй", кланялись идоламъ и, разумѣется, жили по-язычески. Приморскія страны вездѣ и всегда самыя живыя, населенныя, шумныя, вслѣдствіе торговыхъ сношеній съ другими землями—эта часть Іудеи, очевидно, заселялась пришельцами, отъ которыхъ и природные жители Іудеи заражались идолопоклонствомъ. Въ торговомъ дѣлѣ суеты много. Нѣтъ времени взглянуть на небо, подумать о душѣ, вспомнить о Богѣ. Дѣла никогда не передѣлаешь, всегда его довольно.

Въ эту именно страну и пошелъ Господь съ Своимъ Божественнымъ ученіемъ и началъ говорить: „покайтесь, приблизилось царствіе небесное".

Я не знаю, съ какимъ призывомъ обратился бы Господь къ намъ въ настоящіе дни; но мы должны сознавать, что иныхъ словъ обращенія къ намъ не можетъ быть никакихъ, кромѣ этого „покайтеся". Другого выхода, кромѣ покаянія, у насъ нѣтъ. Мы очень далеко ушли отъ Бога. Надо вернуться къ Нему, протянуть къ Нему руки и просить, вопить и молить· „Отецъ нашъ, мы согрѣшили, но не введи насъ во искушеніе, не дай намъ искуситися паче, нежели понести можемъ".

Но прежде чѣмъ просить о помилованіи, объ избавленіи отъ бѣдъ,—надо заслужить это, надо сдѣлаться достойнымъ милости Божіей. Однихъ словъ покаянія, т.-е. исповѣданія грѣховъ—мало, недостаточно. Отъ словъ надо перейти къ дѣлу. Перемѣна въ настроеніи должна вести за собою перемѣну жизни, привычекъ, дѣйствій, поступковъ. Особенно въ отношеніяхъ съ ближними. Надо забыть предразсудки, разбить цѣпи условностей, привычекъ „свѣта", искусственныхъ приличій. Надо сознать всѣми силами души, что наши прежнія отношенія къ ближнимъ не имѣли даже тѣни христіанскихъ отношеній. Это были тѣ же отношенія, какія имѣли язычники, не вѣрующіе въ Бога и Христа. Если бы мы всѣ исполнились такимъ сознаніемъ, и захотѣли измѣнить свою жизнь по заповѣдямъ Христовымъ, любить ближняго, помогать несчастнымъ, питать алчущихъ, поить жаждущихъ, одѣвать нагихъ, посѣщать находящихся въ темницѣ, то, безъ сомнѣнія, наше покаяніе принесло бы свои плоды. Тогда прекратилась бы между нами вражда и междоусобная брань; общество успокоится и настанетъ миръ на землѣ:

въ человѣцѣхъ благоволеніе. Если же мы будемъ приносить одно словесное покаяніе, вздыхать о грѣхахъ своихъ, а отъ словъ не перейдемъ къ дѣлу,—насъ не спасетъ никакой новый порядокъ или строй жизни, къ которому всѣ такъ стремятся. Потому что новый порядокъ будутъ создавать тѣ же люди, съ тѣми же слабостями. Не можетъ на терновникѣ расти виноградъ, а на репейникѣ смоквы. Не можетъ дерево худое приносить добрые плоды. Не можетъ и народъ, вытравившій изъ своего сердца вѣру въ Бога, устроить порядки общественной жизни на Божьей правдѣ. Въ комъ Бога нѣтъ—тамъ во имя чего же будетъ утверждаться любовь другъ къ другу?!

Итакъ, христіане, покаемся,—приблизилось Царствіе Небесное. Аминь. (В. Благ.).

Протоіерей *Іаковъ Галаховъ*.

Наставленія о томъ, какъ должно исповѣдываться, чтобы получить прощеніе грѣховъ.

До исповѣди каждый изъ васъ, православные, долженъ постараться привести на память всѣ свои грѣхи, какіе кто сдѣлалъ вольно или невольно. долженъ повнимательнѣе прослѣдить жизнь свою, чтобы, если можно, припомнить всѣ грѣхи, не только содѣланные послѣ прошлаго дня исповѣди, но и давніе, по забвенію неисповѣданные. Потомъ, съ умиленіемъ и сокрушеніемъ сердца приступи ко Кресту и Евангелію и начинай исповѣдывать грѣхи свои.

1) Исповѣдуй грѣхи свои откровенно, помня, что ты разсказываешь ихъ не человѣку, а Самому Господу Богу, Который уже и такъ знаетъ твои грѣхи, но только хочетъ твоего признанія въ нихъ. И духовнаго твоего отца стыдиться нечего: онъ такой же человѣкъ, какъ и ты, онъ хорошо знаетъ и немощи человѣческія, и удобопреклонность человѣка ко грѣху, а потому духовный твой отецъ на исповѣди не можетъ быть твоимъ страшнымъ судіею.—Но ты стыдишься духовнаго отца не потому ли, что опасаешься потерять его доброе о себѣ мнѣніе? Напротивъ, духовный отецъ, если тебѣ только пріятно его о тебѣ доброе мнѣніе, видя твою искреннюю, откровенную исповѣдь, гораздо большую будетъ питать любовь къ тебѣ. Притомъ, если ты стыдишься и боишься открыть свои грѣхи предъ однимъ духовникомъ, то какъ перенесешь тотъ стыдъ, когда явишься на страшный судъ Божій, гдѣ твои грѣхи, если не очистишься отъ нихъ истиннымъ покаяніемъ, откроются предъ Самимъ Богомъ, ангелами и всѣми людьми, знаемыми и незнаемыми?—Итакъ, желая здѣсь очиститься отъ грѣховъ и избавиться за нихъ вѣчныхъ мукъ, ты непремѣнно долженъ разсказать своему духовному отцу грѣхи со всею откровенностію. Впрочемъ,

исповѣдуясь предъ духовникомъ откровенно, ничего не утаивая, не должно также и лишняго прибавлять, или обвинять себя въ томъ, чего не дѣлалъ и въ чемъ невиноватъ, какъ это многіе дѣлаютъ; иной, хотя чего и не дѣлалъ, все говоритъ „грѣшенъ“,—и это нехорошо.

2) Разсказывай всѣ свои грѣхи подробно. Многіе на исповѣди говорятъ только: „грѣшенъ, всѣмъ грѣшенъ, дѣломъ, словомъ, помышленіемъ“; это исповѣдь не такая, какой требуетъ отъ насъ св. Церковь. На исповѣди ты долженъ открыть себя духовному отцу своему такъ, чтобы онъ понималъ тебя; и когда ты говоришь только: „грѣшенъ, всѣмъ грѣшенъ, дѣломъ, словомъ, помышленіемъ“, то онъ тебя не пойметъ: это онъ и безъ тебя знаетъ, что ты грѣшенъ, а не святъ. Или, иной только и говоритъ: „что ступилъ, то согрѣшилъ“. И это также нехорошо: человѣкъ не всегда, какъ только ступитъ, такъ и грѣшитъ; иногда, какъ только ступаетъ, такъ и доброе дѣлаетъ,—напр., если онъ съ христіанскимъ усердіемъ и расположеніемъ сердца идетъ въ храмъ Божій на молитву, или куда-либо для добраго совѣта и благотворительности, то здѣсь, что ступаетъ, то доброе дѣло дѣлаетъ. Значитъ, когда человѣкъ на исповѣди говоритъ: „что ступилъ, то согрѣшилъ“, то онъ говоритъ несправедливо. Должно исповѣдывать каждый грѣхъ отдѣльно. Св. Златоустъ говоритъ: „не только должно сказать: согрѣшихъ, или грѣшенъ есмь, но и каждые виды грѣховъ должно изъявлять“, т. е. каждый грѣхъ должно наименовать. „Обнаруженіе грѣховъ“, говоритъ св. Василій Великій: „подлежитъ тому же закону, какъ и объявленіе тѣлесныхъ немощей“: грѣшникъ есть душевно-больной, а отецъ духовный есть врачъ, или лѣкарь; слѣдовательно, должно исповѣдывать, или разсказывать свои грѣхи духовному отцу такъ же, какъ больной тѣлесно разсказываетъ свои тѣлесныя болѣзни врачу, желая чрезъ него получить исцѣленіе.

3) Не вмѣшивай въ исповѣдь другихъ лицъ, какъ это многіе дѣлаютъ: часто на исповѣди родители жалуются на дѣтей, свекровь жалуется на невѣстку, невѣстка—на свекровь, мужъ укоряетъ въ невѣрности жену, жена—мужа,—какая же это исповѣдь? Это не исповѣдь, а осужденіе; значитъ—новый только грѣхъ. Ты долженъ говорить свои только грѣхи, отнюдь не вмѣшивая въ свою исповѣдь другихъ лицъ. Такъ же многіе, когда спроситъ о чемъ духовный отецъ, говорятъ: „въ этомъ, батюшка, всѣ люди грѣшны“. И это также нехорошо, какое намъ дѣло до другихъ? О своихъ грѣхахъ намъ должно разсуждать съ тобою, братъ, на исповѣди, а не о чужихъ.

4) Не старайся на исповѣди оправдывать себя какимъ-либо образомъ, какъ то: немощію, обычаемъ и т. п. На исповѣди кто чѣмъ болѣе себя оправдываетъ, тѣмъ менѣе будетъ

Богомъ оправданъ, а чѣмъ кто болѣе себя обличаетъ, осуждаетъ и обвиняетъ, тѣмъ болѣе будетъ Богомъ оправданъ. Поэтому должно не оправдывать себя на исповѣди, а, напротивъ, болѣе обвинять, обличать и осуждать, дабы сподобиться отъ Господа Бога получить прощеніе.

5) Не говори, когда о чемъ спроситъ духовный отецъ: „не помню, можетъ быть, и въ этомъ грѣшенъ". Богъ велѣлъ намъ всегда помнить свои грѣхи; а чтобы не оправдываться забвеніемъ, мы должны исповѣдываться какъ можно чаще. Древніе христіане исповѣдывались и причащались каждый воскресный день или каждый мѣсяцъ; а теперь св. Церковь заповѣдуетъ ревнующимъ о благочестіи исповѣдываться 4 раза въ годъ въ установленные посты, и всѣмъ непремѣнно хотя однажды, въ св. Четыредесятницу. Значитъ, если нѣкоторые, по своему нерадѣнію, не говѣютъ по нѣскольку лѣтъ и такимъ образомъ забываютъ свои грѣхи, то въ этомъ сами виноваты, а потому не могутъ надѣяться на отпущеніе грѣховъ, которые ими неисповѣданы. Посему непремѣнно мы должны постараться вспомнить свои грѣхи, а не говорить: „этого не помню, можетъ быть—и въ этомъ грѣшенъ". Когда намъ кто бываетъ долженъ, мы твердо помнимъ долгъ; а свои долги Господу Богу забываемъ! Не есть ли это съ нашей стороны крайняя безпечность и нерадѣніе о душѣ.

6) Безъ вопроса духовнаго отца самъ не говори о томъ, въ чемъ ты негрѣшенъ, или чего ты не дѣлалъ. Многіе такъ еще исповѣдаются: „я душъ не губилъ, большого не кралъ и другихъ большихъ грѣховъ не дѣлалъ". Это значитъ, подобно евангельскому фарисею, только хвалиться, а не исповѣдывать свои грѣхи, и потому только увеличивать свое осужденіе. Притомъ, какъ же можно говорить: „я большихъ грѣховъ не дѣлалъ?" Ты гнѣвался на брата своего напрасно: развѣ это малый грѣхъ? Это по слову Божію человѣкоубійство (1 Іоан. 3, 15). Ты осуждалъ ближняго: развѣ это малый грѣхъ? Если бы ты былъ величайшій подвижникъ, если бы ты всѣ заповѣди Божіи исполнилъ во всей точности, а только осуждалъ ближняго, то и тогда ты подлежишь вѣчному мученію за одно только осужденіе. Ты завидовалъ ближнему? А зависть, по ученію св. Василія Великаго, есть такой порокъ, который „изобрѣтенъ демонами, служитъ препятствіемъ къ благочестивой жизни, есть путь въ геенну, лишеніе небеснаго царствія". Вотъ сколь важны грѣхи—гнѣвъ, осужденіе, зависть и многіе подобные, нами всякій день, всякій часъ содѣваемые.

7) Должно исповѣдываться со скорбію и сокрушеніемъ сердечнымъ о грѣхахъ, коими мы оскорбили Господа Бога. Нехорошо, что многіе разсказываютъ свои грѣхи съ явнымъ хладнокровіемъ и безъ всякаго о нихъ сожалѣнія, какъ будто они ведутъ какой-либо обыкновенный разговоръ; а еще ху-

же, когда многіе, исповѣдуясь, позволяютъ себѣ даже усмѣхаться. Все это есть признакъ нераскаянности; а, исповѣдуясь такимъ образомъ, мы не очищаемся отъ грѣховъ, а еще увеличиваемъ ихъ.

Наконецъ, исповѣдуй грѣхи свои съ вѣрою въ Іисуса Христа и надеждою на Его милосердіе. Ибо только вѣруя въ Іисуса Христа и надѣясь на Него, мы можемъ получить прощеніе грѣховъ, а безъ вѣры никакъ не можемъ получить прощенія. Примѣромъ сему—Іуда предатель: онъ раскаялся въ своемъ грѣхѣ, и притомъ не предъ однимъ человѣкомъ, но предъ всѣми: *согрѣшихъ*, рече, *предахъ кровь неповинную*, и даже сребренники возвратилъ. Но поелику онъ не увѣровалъ въ Іисуса Христа, не прибѣгъ къ Его милосердію, а отчаялся; то и не получилъ прощенія, и погибъ ужасною смертію (Матѳ. 27, 3—6). Такъ необходимы при покаяніи грѣшному человѣку вѣра и упованіе.

Вотъ какимъ образомъ, братіе мои, необходимо намъ исповѣдываться, чтобы получить отъ Господа Бога прощеніе въ грѣхахъ. *Аще* тако *исповѣдуемъ грѣхи наша, вѣренъ есть* Господь *и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша и очиститъ насъ отъ всякія неправды* (1 Іоан. 1, 9), чего да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Іисуса Христа, Коему со Отцемъ и Св. Духомъ слава, честь и поклоненіе отъ насъ грѣшныхъ—нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ.

Прот. *А. Никольскій.*

„НЕ СОГРѢШАЙ".

(Наставленіе отца сыну по руководству десяти заповѣдей Господнихъ).

I заповѣдь.

Ты вѣруй въ Бога несомнѣнно,
Надеждой въ Богѣ утвердись;
Люби Его ты неизмѣнно
И Правосуднаго страшись!
Не забывай: ты персть земная;
Благой любовію Творца
Желанный ты наслѣдникъ рая
И сынъ небеснаго Отца!
Закону Божью поучайся
И о спасеньи разговоръ
Вести ты съ ближними старайся,
Вперяя къ небу умный взоръ.
Не оставляй святой молитвы,
На Промыслъ Божій уповай
И суевѣрія ловитвы
Какъ воинъ Божій избѣгай.

И что имѣешь, тѣмъ доволенъ
Всегда ты будь и не ропщи;
Здоровъ ли ты иль будешь боленъ—
Отраду въ Господѣ ищи.
И если грѣхъ тебя коснется,
Къ отцу духовному спѣши,
Да въ покаяньи грѣхъ сотрется
Съ твоей запятнанной души.

2 заповѣдь.

На знатныхъ ты не полагайся,
На ихъ богатства не кади;
И самомнѣнью не ввѣряйся,—
Похвалъ отъ ближнихъ ты не жди.
Въ ущербъ и совѣсти, и чести
Стыдись искать себѣ наградъ;
Держися правды, бойся лести,
И всякъ тебѣ да будетъ братъ.
Предъ духомъ времени не гнися,
Ханжей не будь, не лицемѣрь;
Стоять за правду не стыдися,
Сребру и золоту не вѣрь.
Во прахъ себя предъ всѣмъ священнымъ
Ты со смиреньемъ повергай
И будь рабомъ нелицемѣрнымъ,
Завѣты Бога сберегай.
И объяденіемъ, и пьянствомъ
Свою ты плоть не ублажай,
И нѣгой, роскошью и чванствомъ
Ты дней своихъ не загубляй.

3 заповѣдь.

Ты имя Божіе, угодныхъ
Ему людей и всѣхъ святыхъ
Страшись сказать въ рѣчахъ негодныхъ
Или въ глумленіяхъ пустыхъ.
И клятву, данную предъ Вышнимъ,
Забыть, нарушить берегись;
Въ дѣлахъ земныхъ ты передъ ближнимъ
Землей и небомъ не клянись.
Не заставляй божиться брата,
Не прикрывай божбой навѣта:
Исполни съ радостью и свято
Творцу и праведнымъ обѣтъ.
Къ молитвѣ праведной, усердной
Себя вседневно пріучай
И въ помощь Господа вселенной
Въ дѣлахъ худыхъ не призывай.

4 заповѣдь.

Воскресный день и дни святые
Почти молитвой и добромъ;
Оставь занятія земныя,—
Будь въ богомысліи святомъ.
Не нарушай уставъ священный,
Что Церковь Божія дала;
И пріучай свой духъ надменный
Спѣшить на добрыя дѣла.
Спѣши на помощь ты страдальцамъ,
Больныхъ, темничныхъ посѣти
И дай убѣжище скитальцамъ,
Всѣхъ оскорбителей прости.
Начало дней святи молитвой
И день молитвой завершай;
И такъ живя, священной битвой
Князей воздушныхъ сокрушай.

5 заповѣдь.

Люби отечество и власти,
Почти и прахъ отцовъ твоихъ,
И не страшись во дни напасти
Собой пожертвовать за нихъ.
Люби отца и мать, родившихъ,
Питавшихъ, холившихъ тебя;
Руководить тобой пріявшихъ
Весь трудъ и скорби на себя.
Почти ихъ пищей и одеждой,
Покорность, ласку окажи,
Будь ихъ опорой и надеждой,—
Съ любовью старость поддержи.
Проси у Господа терпѣнья
И гордый духъ свой усмири;
Прощать враговъ проси умѣнья,—
На гробъ и судъ всегда смотри.
И если Вышній Вседержитель
Тебѣ семейство даровалъ,
Храни его, чтобъ искуситель
Тотъ даръ священный не попралъ.

6 заповѣдь.

Храни ты жизнь—то даръ отъ Бога—
И не имѣй на ближнихъ зла;
Чтобы къ отмщенію дорога
Тебѣ безвѣстною была.
Работой тяжкой, непосильной
Людей своихъ не изнуряй;

Сиротъ и вдовъ и всѣхъ безсильныхъ
Люби, храни, не притѣсняй.
Грѣхомъ, соблазномъ, злымъ примѣромъ
Чужой души не загубляй,
И никакимъ кровавымъ дѣломъ
Руки своей не замарай.
И если близокъ кто къ паденью
Подъ ношей тяжкою креста,
Возставь его безъ озлобленья
По слову Господа Христа.

7 заповѣдь.

Люби того, кого укажетъ
Своимъ заботливымъ перстомъ
Тебѣ Господь и тайно свяжетъ
Во образъ Церкви со Христомъ.
И будь ты вѣренъ до могилы,
Храни супружества обѣтъ;
Проси въ безбрачьи Божьей силы.
Чтобъ миновать паденья бѣдъ.
Не оскверняй себя разженьемъ
Тѣлесной похоти, мечтой,
Нескромнымъ словомъ, обращеньемъ,
Грѣхомъ блуда, нечистотой.

8 заповѣдь

Жилище, пищу и одежду
Своимъ трудомъ пріобрѣтай;
На трудъ чужой оставь надежду;
Къ обману, лжи не прибѣгай.
Пронырствомъ, хитростью и лестью
Не похищай ты правъ чужихъ;
Не возвышай, торгуя честью,
Людей бездарныхъ и худыхъ.
Въ погонѣ жадной за наживой
Не промѣняй своей души
На блескъ обманчивый и лживый,
На звонъ металла, на гроши.
Въ трудѣ земномъ, земной работѣ,
Трудясь себѣ иль на другихъ,
Не потеряй въ плотской заботѣ
Наградъ небесныхъ и благихъ.

9. заповѣдь.

Ни на кого передъ начальствомъ
Языкомъ злымъ не клевещи;
Съ лукавой совѣстью, нахальствомъ
Въ другихъ порока не ищи.

Не ссорь людей и подъ присягой не лжесвидѣтельсвуй въ судахъ;
Не будь наушникомъ, сутягой, не изощряйся въ клеветахъ.
Пороки ближняго, проступки на судъ людской не выставляй;
И въ людяхъ добрые поступки ты грязной сплетней не пятнай.
Не двоедушничай лукаво, не лицемѣрь передъ людьми;
Не дѣлай рѣчь свою забавой, языкъ несдержанный уйми.

10-я заповѣдь.

Не пожелай чужихъ имѣній и ничего, что не твое;
Въ довольствѣ маломъ средь лишеній устрой ты счастіе свое.
Не дѣлай ближнимъ ты досаду и не завидуй счастью ихъ;
Ищи всегда въ себѣ отраду въ благополучіи другихъ.
И помни заповѣдь святую Страдальца Господа Христа,
Чтобы за Нимъ всю жизнь земную идти подъ ношею креста.
(Почаевскій Листокъ. Священникъ Павелъ Успенскій).

* * *

МОЛИТВА «ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ».

Изъ всѣхъ молитвъ, какія знаю, пою въ душѣ иль вслухъ читаю,
Какою дышетъ дивной силой молитва «Господи, помилуй»!
Одно прошенье въ ней: не много — прошу я милости у Бога,
Чтобъ спасъ меня Своею силой... Молитвой «Господи, помилуй»!
И горе таяло, и радость мнѣ приносила вдвое сладость...
Когда лились отъ горя слезы, иль страстныя смущали грезы.
Тогда съ особой сердца силой твердилъ я: «Господи, помилуй»!
Душа! Окончивъ жизнь земную, молитву эту, не иную, тверди и тамъ ты, — за могилой, съ надеждой: «Господи, помилуй»!..

* * *

Въ назиданіе друзьямъ.

Написалъ я эти строки въ назиданіе вамъ, друзья.
Въ нихъ таится смыслъ глубокій, увѣряю въ томъ васъ я.
Вамъ пріятно жить съ здоровьемъ, дѣлить радости семьи,
Обладать свободой полной и богатствами земли.
Эти дары драгоцѣнны, но есть лучше много разъ
У Творца всея вселенной дары, радости для насъ.
Если станете стремиться вы къ Нему и всей душой,
Ваша жизнь преобразится, міръ откроется иной.
Эта сутолка земная омерзѣетъ тогда вамъ,
Сердца ваши запылаютъ тутъ любовью къ небесамъ.
Никакое тогда горе вамъ вреда не принесетъ,
И корабль житейскимъ моремъ вашъ безбѣдно поплыветъ.

І. Ѳ. Чудинъ.

* * *

Важность поминовенія усопшихъ.

Святая православная Церковь, какъ благопопечительная мать, заботится о своихъ чадахъ, и при жизни испрашивая имъ у Бога здоровья и во всемъ благопоспѣшества и оставленія грѣховъ, въ особенности по смерти возноситъ о нихъ частыя моленія къ Богу, напримѣръ: на полунощницѣ, утрени, вечерни и повечеріи она проситъ о прощеніи грѣховъ и упокоеніи ихъ со святыми.

Но особливо на Божественной литургіи святая Церковь вопіетъ къ Богу за умершихъ, твердо вѣруя, что честною кровію Божественнаго Искупителя нашего Господа Іисуса Христа отмываются грѣхи всѣхъ поминавшихся за литургіей. Это поминовеніе преимущественно важно въ теченіе первыхъ 40 дней по кончинѣ, потому что въ 40-й день изрекается опредѣленіе Божіе о душѣ, рѣшающее участь ея до Страшнаго суда. Потому-то и совѣтуется служить и заказывать о душахъ скончавшихся «сорокоусты», польза, важность и сила каковаго поминовенія засвидѣтельствована многими примѣрами не только въ житіяхъ святыхъ, но изустными и письменными сообщеніями отъ начала христіанства и до настоящаго времени.

Однажды великій подвижникъ св. Макарій Египетскій, идя въ пустынѣ, увидѣлъ человѣческій черепъ на дорогѣ. «Когда я», говоритъ онъ, «дотронулся до черепа пальмовою палкою, то онъ что-то сказалъ мнѣ». Я спросилъ его: «кто ты»? Черепъ отозвался: «Я былъ начальникомъ языческихъ жрецовъ». — «Каково вамъ, язычникамъ, на томъ свѣтѣ?» спросилъ Макарій. — «Мы въ огнѣ, отвѣчалъ черепъ, пламя охватываетъ насъ съ ногъ до головы, и мы не видимъ другъ друга; но когда ты молишься о насъ, тогда мы начинаемъ видѣть нѣсколько одинъ другого, и это доставляетъ намъ отраду». (Христіанское Чтеніе ч. 2-я 1821г.).

* * *

Святый Григорій Двоесловъ разсказываетъ такой случай. Одинъ братъ, бывшій въ его монастырѣ, за нарушеніе обѣта нестяжанія, въ страхъ другимъ, лишенъ былъ по смерти церковнаго погребенія и молитвы въ продолженіе 30 дней, а потомъ изъ состраданія къ его душѣ 30 дней приносима была за него безкровная жертва съ молитвою. Въ послѣдній изъ сихъ дней усопшій явился въ видѣніи оставшемуся въ живыхъ родному брату своему и сказалъ: «доселѣ я жестоко страдалъ, теперь же мнѣ хорошо, и я нахожусь во свѣтѣ, ибо сегодня вступилъ въ общеніе». Такимъ образомъ, чрезъ спасительную безкровную жертву усопшій братъ избѣжалъ наказанія. (Изъ Бесѣды Григорія Двоеслова кн. 4-я гл. 55-я).

* * *

Во время жизни преподобнаго Венедикта, разсказываетъ Григорій Двоесловъ, были двѣ постницы, которыя, славясь святостію жизни, имѣли несчастную страсть говорить много и много ложнаго и вреднаго. Святый старецъ умолялъ ихъ удерживать свой языкъ и за непослушаніе угрожалъ имъ даже отлученіемъ отъ Церкви. Но страсть ко лжи такъ вкоренилась, что и угроза не остановила ихъ. Спустя нѣсколько дней, онѣ умерли.

Погребены были сіи постницы въ церкви. Когда діаконъ во время литургіи возглашалъ: **«оглашенніи, изыдите»**, онѣ, какъ отлученныя, выходили вонъ изъ церкви, что видѣли нѣкоторые благочестивые изъ христіанъ. Когда сообщили объ этомъ преподобному Венедикту, то сей святой мужъ послалъ въ церковь, гдѣ онѣ были погребены, просфору, приказавши вынуть изъ нея часть за упокой душъ ихъ и поминать ихъ.

Послѣ сего уже никто не видѣлъ, чтобы онѣ выходили изъ церкви, и вѣрные поняли, что молитвы за нихъ умилостивили Бога, и онѣ получили отъ Него прощеніе. (Бесѣда Григорія Двоеслова книга 2-я, глава 23-я).

* * *

Въ прологѣ повѣствуется, что у блаженнаго киръ Луки былъ родной братъ, который, и по вступленіи въ монашескій чинъ, мало заботился о душѣ своей. Въ состояніи такой безпечности постигла его смерть. Блаженный Лука, скорбя, что братъ его не приготовился, какъ должно, къ смерти, молилъ Бога открыть его участь. Однжды видитъ старецъ душу брата во власти злыхъ духовъ и тотчасъ послѣ сего видѣнія послалъ осмотрѣть келію его. Посланные нашли тамъ деньги и вещи, изъ чего старецъ уразумѣлъ, что душа его брата страдаетъ, между прочимъ, за нарушеніе обѣта нестяжанія. Все найденное старецъ раздалъ нищимъ за упокой души его.

Послѣ сего, во время молитвы, старцу открылось въ видѣніи судилище, на которомъ ангелы свѣта спорятъ съ духами злобы о душѣ усопшаго брата. Старецъ слышитъ вопль злыхъ духовъ: «душа наша, она творила дѣла наши!» Но ангелы говорятъ имъ, что она избавляется отъ ихъ власти милостынею, розданною за нее. На это духи злобы возразили: «развѣ усопшій раздалъ милостыню? не этотъ ли старецъ? указывая на блаженнаго Луку. Подвижникъ отвѣчалъ: «да, я сотворилъ милостыню, но не за себя, а за сію душу». Поруганные духи, услышавъ отвѣтъ старца, разсѣялись, и старецъ, успокоенный видѣніемъ, пересталъ скорбѣть объ участи брата. (Изъ кн. Прологъ 12-го августа).

* * *

Въ житіи преподобной игумени Аѳанасіи мы находимъ слѣдующее повѣствованіе. Игуменя Аѳанасія предъ смертью своею завѣщала сестрамъ своего монастыря кормить нищихъ въ память ея до 40 дней. Между тѣмъ, сестры приглашали нищихъ лишь 10 дней, а затѣмъ, по нерадѣнію, не исполняли завѣщанія своей бывшей начальницы. И что же? Игуменія Аѳанасія явилась изъ завѣщала сестрамъ своего монастыря кормить нищихъ въ память говоря: «да будетъ всѣмъ извѣстно, что творимыя до сорока дней за душу усопшаго милостыни и питаніе алчущихъ умилостивляютъ Бога. Если грѣшны души усопшихъ, то чрезъ сіе онѣ получаютъ отъ Господа отпущеніе грѣховъ; а если праведны, то благотворительность за нихъ служитъ ко спасенію благотворителямъ». (Изъ кн. Четіи Минеи 12-го апрѣля).

* * *

Много есть примѣровъ, изъ которыхъ видно, что усопшіе ожидаютъ отъ живыхъ молитвъ за себя, являются во снѣ, или въ бодрственномъ состояніи, увѣряя, что они имѣютъ нужду въ молитвенномъ поминовеніи ихъ, просятъ о томъ, показывая это въ различныхъ знаменіяхъ или образахъ.

Такъ св. Григорій Двоесловъ разсказываетъ, что нѣкій пресвитеръ имѣлъ обычай мыться въ теплицахъ. Однажды пришедши въ баню, онъ засталъ тамъ какого-то незнакомаго ему мужа, который сталъ ему помогать раздѣться. Незнакомецъ снялъ съ пресвитера сапоги, и взялъ его одежду на храненіе. Когда пресвитеръ вышелъ изъ бани, то онъ подалъ ему полотно отереть потъ, помогъ ему одѣться, и все это дѣлалъ съ великимъ почтеніемъ.

Такъ повторялось нѣсколько разъ, то есть пресвитеръ этотъ, приходилъ въ баню, встрѣчалъ незнакомаго человѣка, который, молча, дѣлалъ ему услуженіе. Желая выразить ему свою благодарность за его усердіе, пресвитеръ однажды, идя въ баню, взялъ съ собою двѣ просфоры, чтобы дать ихъ незнакомцу; и вотъ, по обыкновенію, онъ здѣсь встрѣтилъ его. Затѣмъ, когда выходилъ изъ бани, просилъ принять просфоры въ знакъ любви къ нему.

Незнакомецъ съ плачемъ сказалъ ему: «Отче! для чего ты мнѣ даешь это? Я ѣсть не могу. Я былъ нѣкогда хозяиномъ этого мѣста, но за грѣхи мои здѣсь осужденъ. Если желаешь сдѣлать для меня что-нибудь, то принеси за меня сей хлѣбъ Всемогущему Богу, и помолись о грѣхахъ моихъ, и знай, когда придешь мыться сюда и не найдешь меня болѣе здѣсь, то это будетъ означать, что твоя молитва услышана Богомъ». Сказавши это, незнакомецъ мгновенно сталъ невидимъ.

Тогда пресвитеръ понялъ, что незнакомый человѣкъ, доселѣ являвшійся въ баню для услуги ему — былъ духъ. Пресвитеръ провелъ по немъ цѣлую недѣлю въ слезахъ и молитвѣ о прощеніи

его грѣховъ, принося каждый день безкровную жертву. Чрезъ недѣлю онъ пришелъ снова въ баню, и уже болѣе не нашелъ здѣсь незнакомца, и послѣ никогда не встрѣчалъ его. (Изъ Бесѣды Григорія Двоеслова книга 4-я глава 55-я).

* * *

Просьба умершихъ о поминовеніи ихъ и благодарность за молитвы живыхъ.

Возвратясь отъ заутрени въ первый день Пасхи, я передаетъ А. Т. Б. легла спать, и едва забылась, какъ у самаго изголовья, услышала, что кто-то горько плачетъ. Сердце сжалось у меня отъ жалости; боясь открыть глаза, я робко спросила: «Надя, это ты, моя родная?» и страшилась услышать отвѣтъ, ибо мнѣ пришло въ голову, что можетъ быть сестра моя Надя, давно скончавшаяся, не получивъ блаженства въ вѣчной жизни, явилась мнѣ для испрошенія молитвы, но на мой вопросъ нѣжнымъ грустнымъ дѣвичьимъ голосомъ, дрожащимъ отъ рыданія, послышался отвѣтъ: «нѣтъ, я не Надя».

— Кто же вы? спросила я, скажите, что вамъ нужно? Я все сдѣлаю. Тогда рыданія усилились и плачущая отвѣчала: «Я Варвара Н., ради Бога помолитесь обо мнѣ, помяните меня за литургіей». Я обѣщалась, и рыданія утихли. Я открыла глаза, въ комнатѣ уже было свѣтло и никого не было.

Когда пріѣхали къ намъ родственники В. Н., я спросила зятя мужа моего: «какъ звали его сестру, скончавшуюся недавно въ Москвѣ»? Онъ отвѣчалъ: «Варварой Николаевной». Тогда я передала мое видѣніе. Онъ пораженъ разсказомъ и немедленно озаботился о поминовеніи сестры своей. (Изъ кн. «Душеполезныя размышленія» за 1882-й годъ, выпускъ 5-й).

* * *

Моя племянница Юленька живетъ у насъ уже семь лѣтъ, разсказываетъ г-жа Д... Я взяла ее трехлѣтнимъ ребенкомъ, тотчасъ послѣ смерти ея матери, а моей сестры. Теперь ей минуло десятокъ лѣтъ. До послѣдняго времени она была дѣвочка здоровая и веселая, никогда не задумывалась, и хорошо училась. Разъ утромъ она говоритъ мнѣ: «Тетя, я видѣла во снѣ мою мамашу, она обѣщалась придти ко мнѣ наяву, и сказала, чтобъ я не боялась ее».

Три дня спустя, тоже утромъ, когда Юля твердила урокъ изъ географіи, она вдругъ встала и пошла по направленію къ двери, какъ-бы къ кому-нибудь навстрѣчу, сказавъ при этомъ: «мамаша пришла». Затѣмъ протянула руку и подняла голову какъ-бы для полученія чьего-то поцѣлуя, и сѣла на стулъ рядомъ съ другимъ, на который, какъ намъ сказала, присѣла ея мать.

Потомъ Юля говорила, что мать велѣла передать мнѣ то-то и то-то. При этомъ заговорила о такихъ вещахъ, которыя были ей совершенно неизвѣстны, а главное недоступны въ ея лѣта, такъ напримѣръ, она разсказала факты изъ прошлаго, извѣстные только покойной сестрѣ и мнѣ, и передавала такія разсужденія отъ ея имени, какихъ ни одинъ десятилѣтній ребенокъ не только не могъ бы придумать, но даже и передать съ толкомъ послѣдовательно. Впослѣдствіи мы вели съ покойной сестрою черезъ Юлю цѣлые разговоры. Явленія эти повторялись часто въ продолженіи цѣлыхъ шести мѣсяцевъ, и мы совершенно привыкли къ нимъ. Одно мѣсто въ залѣ было повидимому любимымъ у посѣтительницы изъ загробнаго міра, — на него обыкновенно садилась и начинала разговоръ съ дочерью.

«Скажи тетѣ, сказала она однажды, что я могла-бы сдѣлаться видимою и для нея, но она не вынесетъ и можетъ заболѣть, потому-то я и говорю съ нею черезъ тебя, — дѣти меньше насъ боятся, чѣмъ взрослые». Очень часто она просила молиться о ней, и какъ-то разъ даже заказала отслужить по ней заупокойную обѣдню и панихиду.

Мы всѣ тогда отправились въ церковь. Нашъ священникъ уже привыкъ къ нашимъ разсказамъ и пересталъ имъ дивиться. Только что началась обѣдня, какъ Юленька сказала: «Вотъ и мамаша пришла съ своей подругой, и при этомъ она по обыкновенію пошла къ кому-то, для насъ невидимому, навстрѣчу, съ кѣмъ-то поздоровалась и, вернувшись на свое мѣсто, прибавила: онѣ обѣ стали на колѣни предъ царскими дверями. Въ началѣ панихиды Юленька сообщила: «Мамаша сказала, что ей не такую надо панихиду, а сугубую». Я подошла къ священнику и повторила ему просьбу покойницы, при чемъ спросила: Дѣйствительно ли есть сугубая панихида? «Такъ она не называется, сказалъ священникъ, но всеравно я понимаю, что вамъ нужно, — это очень пространная заупокойная служба, отправляемая больше по монастырямъ. Хорошо, я отслужу такую».

Когда запѣли «Со святыми упокой», Юленька сказала: «Мамаша плачетъ, молится и говоритъ: куда уже мнѣ со святыми, хотя бы немного успокоиться».

Въ одно изъ своихъ явленій она сказала Юленькѣ: «отецъ твой скоро женится, но ты не пугайся, мачиха твоя будетъ добрая. и очень тебя полюбитъ; даже оставитъ въ наслѣдство тебѣ все свое состояніе. Предсказаніе это исполнилось буквально.

По прошествіи шести мѣсяцевъ, она объявила, что миссія ея кончена, и она болѣе приходить не будетъ. Подъ конецъ своихъ посѣщеній, сестра приходила вдвоемъ — съ одной пріятельницей, тоже умершей, совсѣмъ неизвѣстной Юлѣ, но хорошо знакомой мнѣ, и отъ той я не разъ получала привѣтъ все черезъ Юленьку.

Сестра постоянно просила меня молиться за нее, хотя до той поры мы въ нашей семьѣ, откровенно сказать, были не особенно богомольны, а тутъ по просьбѣ сестры стали очень часто ходить въ церковь. (Ребусъ 1884 г. № 41).

* * *

Архимандритъ Симеонъ, живя въ Екатеринославѣ, былъ друженъ съ однимъ благороднымъ семействомъ. Отецъ этой семьи умеръ въ февралѣ 1844 года. Въ это время о. Симеонъ уже служилъ въ Воронежѣ. Въ числѣ осиротѣвшей семьи была дочь Любовь, которая страдала чахоткою. 6 августа того же года больная пріобщилась св. Таинъ, не снимая съ себя траура. Мать замѣтила ей, зачѣмъ она ради причастія не сняла съ себя траура, на что она отвѣтила: «я 15 числа наряжусь». И дѣйствително, въ день Успенія Божіей Матери она надѣла на себя полное вѣнчальное убранство, послала за священникомъ и снова пріобщилась св. Таинъ. Потомъ попросила читать ей отходныя молитвы, и во время чтенія ихъ, обращаясь къ умершему отцу своему, какъ-бы явившемуся ей, сказала: «папенька, милый папенька, подождите» Съ послѣднимъ словомъ отходной улетѣла душа ея.

Въ тотъ же день и часъ, когда она умерла въ Екатеринославлѣ, о. Симеонъ увидѣлъ въ Воронежѣ наяву отца скончавшейся дѣвицы, который сказалъ ему: «вамъ въ Екатеринославлѣ надо утѣшить скорбныхъ, а Любонька, со мною, но вы и насъ не забывайте». (Монастырскія письма 1884 г., 17-е).

* * *

Въ 1893-мъ году 2-го іюля къ преосвященному Мартиніану, епископу таврическому и симферопольскому явились настоятель Петропавловской церкви о. Димитрій Койко и одинъ изъ членовъ мѣстной интелегенціи, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, и доложили владыкѣ о нижеслѣдующемъ.

Въ ночь подъ 30-е іюня означенному лицу приснился сонъ, что къ нему подошелъ какой-то офицеръ съ окровавленной повязкой на головѣ и просилъ его передать священнику Петропавловской церкви вопросъ, почему тотъ не молится за него, а равно не молится тѣмъ угодникамъ Божіимъ, мощи которыхъ находятся въ пожертвованной имъ иконѣ, при чемъ прибавилъ, что на 20-го іюля, на Илію образу этому исполнится 200 лѣтъ. Видѣвшій сонъ, немедленно утромъ отправился къ настоятелю Петропавловской церкви и сообщилъ ему свое сновидѣніе. На это о. Димитрій замѣтилъ, что въ церкви нѣтъ 200 лѣтней иконы, такъ какъ самая церковь существуетъ лишь съ 1805 года, а равно нѣтъ иконъ съ частицами мощей, но что его удивляетъ явленіе офицера во снѣ, такъ какъ въ церкви есть икона, которую, какъ разсказывалъ ему предмѣстникъ его, протоіерей Рудневъ, нынѣ уже умершій, во вре-

мя Крымской компаніи привезъ какой-то офицеръ и оставилъ въ церкви подъ условіемъ, что если онъ возвратится изъ Севастополя, то возьметъ обратно икону, если же не возвратится, то жертвуетъ ее въ храмъ.

Неизвѣстный офицеръ не возвратился, и икона осталась въ церкви. Это совпаденіе сна объ офицерѣ съ вышесказанной иконой побудило о. Димитрія Койко осмотрѣть эту святыню, причемъ о. Димитрій, какъ лицу, передававшему сонъ, такъ впослѣдствіи и владыкѣ, засвидѣтельствовалъ, что состоя 14 лѣтъ при церкви, онъ ни разу не открывалъ того образа. Немедленно послали за діакономъ и всѣ три лица отправились въ церковь для осмотра иконы.

Икона представляетъ кипарисную доску, на которой старинной живописью изображена Пресвятая Троица, а также лики нѣсколькихъ угодниковъ. Въ особомъ углубленіи помѣщается серебряный крестъ. Когда его съ большимъ трудомъ вынули, то оказалось, что онъ раздвигается и въ серединѣ его находятся мощи св. Лазаря, св. великомученика Ѳеодора Стратилата, св. ап. и евангелиста Луки и св. первомученика и архидіакона Стефана.

Надписи указываютъ, что тутъ были еще и другія частицы, въ томъ числѣ первомученицы Ѳеклы. Но осматривающихъ ждало еще большее удивленіе: внизу креста чуть замѣтною вязью стояла вырѣзанная надпись, гласящая 7201 годъ отъ сотворенія міра, а слѣдовательно въ нынѣшнемъ году исполнилось иконѣ 200 лѣтъ. Когда объ этомъ было доложено преосвященному Мартиніану, то владыка сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ этой церки ежедневно были совершаемы заупокойныя ектеніи о воинахъ, павшихъ на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество. (Свѣтъ 1893 г.).

* * *

Въ одномъ приходѣ, по случаю смерти священника мѣсто его занято было другимъ. Но къ прискорбію прихожанъ, вновь назначенный іерей черезъ нѣсколько дней послѣ перваго богослуженія, совершеннаго имъ въ церкви, отошелъ въ вѣчность.

Назначенъ былъ новый священникъ. По пріѣздѣ въ приходъ, онъ вступилъ въ должность, и въ первый же воскресный день отправился въ церковь для богослуженія. Войдя въ алтарь, священникъ невольно остановилъ свои взоры на одномъ страшно поразившемъ его предметѣ: вблизи престола стоялъ незнакомый ему священникъ въ полномъ облаченіи, но скованный по рукамъ и ногамъ желѣзными цѣпями. Не понимая, что это значитъ, новый священнослужитель однако не потерялъ духа и приступилъ къ совершенію божественной литургіи.

Лишь только окончена была служба, къ новому удивленію служившаго обѣдню, привидѣніе вдругъ исчезло. Священнодѣйствующій іерей понялъ, что видѣнный имъ священникъ есть обитатель загробнаго міра; но что означало необычайное явленіе его въ та-

комъ устрашающемъ видѣ, не могъ разгадать. Одно только замѣтилъ, что незнакомый ему узникъ и собратъ, въ продолженіи всей службы, не вымолвилъ ни слова, и только время отъ времени приподнимая скованныя руки, указывалъ на одно мѣсто помоста въ алтарѣ, на которомъ повидимому ничего особеннаго не было. Тоже самое повторилось и въ слѣдующую затѣмъ службу, съ той лишь разницей, что новый священникъ по входѣ въ алтарь, прежде всего обратилъ вниманіе на то мѣсто, на которое указывало привидѣніе. Въ углу на полу, по близости жертвенника, онъ замѣтилъ старый небольшой мѣшокъ. Когда онъ развязалъ его, то нашелъ въ немъ не малое число записокъ съ именами умершихъ и живыхъ лицъ, какія обыкновенно подаются для поминовенія на проскомидію. Какъ-бы по внушенію свыше, священникъ понялъ, что записки эти при жизни стоявшаго тутъ скованнаго собрата его, бывшаго настоятелемъ этой же церкви, вѣроятно, остались не прочитанными имъ въ свое время. Посему, начавши службу, онъ первымъ долгомъ помянулъ на проскомидіи имена живыхъ и умершихъ, сколько было ихъ въ запискахъ и тутъ же увидѣлъ, какую важную услугу онъ оказалъ загробному обитателю исполненіемъ того, что долженъ былъ сдѣлать послѣдній во время своей земной жизни, ибо едва только успѣлъ окончить чтеніе помянутыхъ записокъ, какъ желѣзныя оковы въ одно мгновеніе спали съ рукъ и ногъ узника, а самъ онъ подошелъ къ служащему священнику и не говоря ни слова, поклонился ему въ ноги до лица земли.

Затѣмъ вдругъ ни его, ни желѣзныхъ оковъ не было видно. Послѣ этого существо загробное не являлось уже болѣе во время божественной службы. («Странникъ» 1867 г. т. 1-й).

* * *

У секретаря тверскаго Приказа общественнаго призрѣнія Селинина въ 1850-мъ году скоропостижно скончался родитель его, дьячекъ одной сельской церкви. Сынъ, узнавъ о кончинѣ отца, впалъ въ сильную тоску. Долго тяготила она его сердце. Но спустя годъ по смерти родителя своего, побывавъ въ родномъ селѣ своемъ, Селининъ нѣсколько утѣшился особенно тѣмъ, какъ сказывалъ самъ, что видѣлъ могилу отца близъ самаго клироса, на которомъ пѣвалъ покойникъ. Однако безпокойныя думы о загробной участи покойнаго родителя не покидали его до тѣхъ поръ, пока не явился ему отецъ во снѣ.

Однажды въ Духовъ день, бывши у обѣдни, онъ особенно усердно молился за отца, и въ ту же ночь ему приснился покойный, который подойдя поклонился въ ноги. «Помилуйте, батюшка, за что вы кланяетесь въ ноги сыну своему»? спросилъ Селининъ. Но онъ не отвѣчая, поклонился второй и третій разъ и потомъ уже сказалъ: «Спасибо, любезный сынъ, что ты меня не оставляешь», и съ сими словами сдѣлался невидимъ. (Стран. 1864 г.).

* * *

Въ 1831-мъ году 28-го февраля скончался въ Москвѣ генералъ отъ инфантеріи Степанъ Степ. Апраксинъ. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ коротко познакомился съ княземъ Василіемъ Владим. Долгоруковымъ. Оба они служили въ одномъ полку: первый въ чинѣ полковника, второй маіора. Долгоруковъ умеръ въ 1789-мъ году въ совершенной бѣдности, такъ что не было средствъ похоронить его. Другъ его Степанъ Ст. Апраксинъ устроилъ на свой счетъ погребеніе и поминовеніе князя; казалось онъ отдалъ послѣдній долгъ какъ-бы родному брату.

На третій день послѣ похоронъ умершій Долгоруковъ явился къ своему благодѣтелю съ тѣмъ, чтобы принести ему свою благодарность. Таинственный гость предсказалъ неизмѣнному и сердобольному другу долгую и благополучную жизнь на землѣ, обѣщался явиться незадолго до его кончины. Послѣ того добрый Апраксинъ былъ особенно внимателенъ къ нуждамъ бѣдныхъ и радовался всякій разъ, когда представлялся ему случай къ благотворительности.

Прошло 42 года и вѣрный своему обѣщанію князь Долгоруковъ вторично посѣтилъ старца-генерала въ десять часовъ вечера. Прежде всего князь счелъ нужнымъ напомнить о себѣ и о томъ благодѣяніи, какое ему было оказано много лѣтъ тому назадъ, потомъ увѣщевалъ своего друга готовиться къ смерти, имѣющей послѣдовать чрезъ 20 дней, обѣщался еще разъ посѣтить его за три дня до его кончины, и вдругъ вышелъ изъ комнаты. Апраксинъ повѣрилъ словамъ загробнаго вѣстника: исповѣдался, причастился и освятился елеемъ. За три дня до смерти онъ пригласилъ къ себѣ на ночь одного своего друга. Въ 11 часовъ ночи явился Долгоруковъ и вступилъ въ бесѣду со старцемъ Апраксинымъ. Присутствовавшій его другъ послѣ разсказывалъ многимъ, что во время разговора Апраксина съ Долгоруковымъ онъ ощущалъ невольный страхъ, хотя явившагося князя не видалъ, но голосъ его слышалъ. Черезъ три дня Апраксинъ скончался. Послѣ его смерти въ Москвѣ долго носилась молва о его свиданіяхъ съ покойнымъ Долгоруковымъ. (Душеполезное Чтеніе 1867-го года, часть 1-я).

* * *

Въ странѣ моей, говоритъ блаженный Киръ-Лука умеръ князь и былъ погребенъ, какъ должно. Однажды проходя мимо кладбища, я увидѣлъ при одной могилѣ стоящаго человѣка чернаго, какъ потухшій уголь. Онъ звалъ меня къ себѣ. Я подошелъ и вотъ что услышалъ: «Я написалъ въ завѣщаніи моемъ раздать бѣднымъ оставленныя деньги за спасеніе моей души, и это завѣщаніе мое не исполнено до сихъ поръ. Скажи, чтобы роздали непремѣнно, а иначе я останусь навсегда въ томъ положеніи, въ какомъ ты меня видишь. (Изъ кн. «Прологъ», 24-го августа).

* * *

Плиній младшій разсказываетъ, что въ Аѳинахъ былъ очень красивый домъ, въ которомъ однако никто не жилъ, такъ какъ въ немъ являлось привидѣніе. Однажды въ этотъ городъ прибылъ философъ Аѳинагоръ и узнавъ, что указанный домъ продается слишкомъ дешево, купилъ его и переѣхалъ жить. Въ первую же ночь, когда Аѳинагоръ по обыкновенію читалъ и писалъ, вдругъ раздалось бряцаніе какъ-бы отъ желѣза и потомъ явился старикъ, скованный цѣпями. Старикъ подошелъ къ Аѳинагору, но тотъ не обратилъ на него вниманія, продолжая писать. Привидѣніе сдѣлало знакъ, чтобы Аѳинагоръ слѣдовалъ за нимъ, но философъ съ своей стороны сдѣлалъ ему знакъ, чтобы явившійся обождалъ, и по прежнему продолжалъ писать. Потомъ взялъ свѣчу и послѣдовалъ за явившимся старикомъ.

Вышли на дворъ и здѣсь вдругъ въ одномъ мѣстѣ привидѣніе исчезло въ землю. Аѳинагоръ, нисколько не испугавшись, замѣтилъ это мѣсто, вырвавъ немного травы. На другой день онъ извѣстилъ о случившемся городскія власти. Когда начали рыть въ указанномъ мѣстѣ землю, открыли кости скованнаго цѣпями человѣка. Кости преданы были обычному погрбенію, и въ домѣ съ тѣхъ поръ старикъ въ цѣпяхъ больше не являлся. (Изъ Душеп. разм. 1883 г.).

* * *

Одинъ священникъ съ особеннымъ усердіемъ поминалъ за литургіей покойниковъ, такъ что если кто разъ подалъ ему записку о поминовеніи, онъ выписывалъ имена усопшихъ въ свой синодикъ и, не говоря о томъ подавшему, поминалъ всю жизнь. При соблюденіи такого правила, у него составился синодикъ съ такимъ многотысячнымъ перечнемъ именъ, что пришлось ему раздѣлить его на отдѣлы и поминать по очереди.

Случилось, что онъ впалъ въ какую-то погрѣшность, такъ что ему угрожало устраненіе отъ прихода. Дѣло было передано московскому митрополиту Филарету, и когда преосвященный уже собирался положить резолюцію объ устраненіи его, вдругъ почувствовалъ какую-то тяжесть въ рукѣ. Митрополитъ отложилъ подпись журнала до слѣдующаго дня. Ночью онъ видитъ сонъ: передъ окнами собралась толпа народа разнаго званія и возраста. Толпа о чемъ-то громко толкуетъ и обращается съ какою-то просьбою къ митрополиту.

— Что вамъ нужно отъ меня? спрашиваетъ архипастырь, — и что вы за просители?

— Мы отшедшія души и явились къ тебѣ съ просьбой: оставь намъ священника и не отстраняй его отъ прихода.

Впечатлѣніе этого сновидѣнія такъ было велико, что Филаретъ не могъ отдѣлаться отъ него по пробужденіи и велѣлъ позвать къ себѣ осужденнаго священника. Когда тотъ явился, митрополитъ спросилъ его: «Какія ты имѣешь за собою добрыя дѣла? Открой

мнѣ». «Никакихъ, владыко», отвѣчалъ священникъ, «достоинъ наказанія». «Поминаешь ли ты усопшихъ»? спросилъ его митрополитъ. «Какъ же, владыко, у меня правило: кто подастъ разъ записку, я ужъ постоянно на проскомидіи вынимаю частички о нихъ, такъ что прихожане ропщутъ, что у меня проскомидія длиннѣе литургіи, но я ужъ иначе не могу».

Преосвященный ограничился переводомъ священника въ другой приходъ, объяснивъ ему, кто былъ ходатаемъ за него. (Странникъ 1862 г. май).

* * *

Одинъ изъ аѳонскихъ подвижниковъ открылъ святогорцу, извѣстному отцу Серафиму, слѣдующее: «Причиною моего вступленія въ монашество было видѣніе во снѣ загробной участи грѣшниковъ. Послѣ двухмѣсячной болѣзни, я пришелъ въ сильное изнеможеніе. Въ этомъ состояніи я вижу двухъ юношей, вошедшихъ ко мнѣ. Они взяли меня за руки и сказали: «Слѣдуй за нами!» Я, не чувствуя болѣзни, всталъ, оглянулся на свою постель и увидѣлъ, что тѣло мое лежало спокойно на постели. Тогда я понялъ, что оставилъ земную жизнь и долженъ явиться въ загробный міръ.

Въ лицѣ юношей я узналъ ангеловъ, съ которыми и отправился. Мнѣ показаны были огненныя мѣста мученій; слышалъ тамъ вопли страдальцевъ. Ангелы, показывая мнѣ, за какой грѣхъ какое назначено огненное мѣсто, прибавили: «Если и ты не бросишь своихъ привычекъ къ грѣховной жизни, то — вотъ и твое мѣсто наказанія!»

Вслѣдъ затѣмъ одинъ изъ ангеловъ восхитилъ изъ пламени одного человѣка, который былъ черенъ, какъ уголь, весь обгорѣлъ и съ ногъ до головы окованъ. Тогда оба ангела приступили къ страдальцу, сняли съ него оковы — и вмѣстѣ съ ними исчезла вся его чернота: онъ сталъ чистъ и свѣтелъ, какъ ангелъ. Потомъ ангелы облекли его въ блестящее одѣяніе подобное свѣту.

«Что значитъ это измѣненіе сего человѣка?» рѣшился я спросить ангеловъ. «Это грѣшная душа», отвѣчали ангелы, «бывъ отлучена отъ Бога за свои грѣхи, должна быть вѣчно горѣть въ этомъ пламени; между тѣмъ родители этой души подавали много милостыни, дѣлали частыя поминовенія за литургіями, отправляли панихиды, и вотъ ради родительскихъ молитвъ и молитвъ святой Церкви, Богъ умилостивился и грѣшной душѣ даровано совершенное прощеніе.

Она избавлена вѣчнаго мученія и теперь предстанетъ предъ лице своего Господа и будетъ радоваться со всѣми Его святыми». «Когда видѣніе кончилось, я пришелъ въ себя и что же увидѣлъ? Вокругъ меня стояли и плакали, приготовляя тѣло мое къ погребенію». (Изъ журн. «Странникъ», май 1862-го года).

* * *

Явленія умершихъ родным ъ и друзьямъ съ извѣстіемъ о своей смерти.

Замѣчательный мыслитель, свѣтскій, но широко знающій всю богословскую литературу, разсказываетъ преосвященный Никаноръ, архіепископъ одесскій, передалъ ему слѣдующее. Одинъ кавказецъ сидѣлъ ночью у себя въ квартирѣ и читалъ книгу. Поднимаетъ глаза, — и видитъ противъ себя въ углу туманъ. Машетъ рукою, чтобы туманъ разсѣять, но изъ тумана выдѣляется свѣтлая фигура его невѣсты, которая была въ эту минуту далеко въ Россіи. Тотъ невольно падаетъ предъ тѣнью на колѣни. Невѣста кладетъ ему вѣнокъ на голову и исчезаетъ въ туманѣ. Онъ долго чувствовалъ на головѣ какъ-бы кругъ вѣнка. Идетъ сейчасъ къ своимъ родителямъ и разсказываетъ о видѣніи. Записали день и часъ, и что же? — въ этотъ день его невѣста умерла. (Стран. 1887 года).

* * *

Одинъ общеизвѣстный дѣятель Славянскаго благотворительнаго общества, отлично знающій св. Писаніе, каноннику, церковную исторію, разсказываетъ преосвященный Никаноръ, передалъ ему слѣдующее про своего брата офицера. Братъ его въ одномъ городѣ ѣхалъ съ товарищемъ домой съ вечерней пирушки въ одномъ экипажѣ. Пріѣхалъ и вошелъ въ свою квартиру, а товарищъ поѣхалъ дальше въ свою квартиру. Входитъ братъ въ кабинетъ съ собакою, сопровождаемый деньщикомъ, и за письменнымъ столомъ, къ нимъ спиною, сидитъ его товарищъ, съ которымъ онъ только что сію минуту разстался. Денщикъ говоритъ: «вотъ и не замѣтилъ, какъ они вошли». Даже собака обнаруживала признаки, что видитъ посторонняго человѣка. Братъ заглянулъ въ лицо сидящему, и видитъ ужасно мертвенное лицо товарища. Въ ту же минуту слуга товарища прибѣжалъ доложить, что баринъ сію минуту воротился домой и умеръ. (Странникъ 1887-го года за сентябрь).

* * *

У Евдокіи Петровны Елагиной занемогъ сынъ Рафаилъ. Мальчику, горячо любомому, было около двухъ лѣтъ. Онъ сильно страдалъ и мать, не сводя съ него глазъ, сидѣла подлѣ его кроватки. Нечаянно она взглянула на дверь, и въ это мгновеніе видитъ живо входящую Марью Андреевну Мойеръ (урожденную Протасову), свою подругу. Евдокія Петровна вдругъ вскакиваетъ со стула, и бѣжитъ къ ней навстрѣчу съ восклицаніемъ «Маша»! Но въ дверяхъ уже никого не было. Съ Евдокіей Петровной сдѣлалось дурно. Въ эту самую ночь и въ этотъ самый часъ Марья Андреевна скончалась въ Дерптѣ, какъ послѣ было получено извѣстіе. (Изъ Сочиненій В. А. Жуковскаго т. 4-й).

* * *

Въ 1858-мъ году, находясь на службѣ въ Москвѣ, разсказываетъ нѣкто Владимiръ Энгельгардъ, я въ началѣ февраля былъ командированъ въ Архангельскъ по дѣламъ службы. Передъ самымъ отъѣздомъ написалъ письмо моей матушкѣ, жившей въ Петербургѣ, убѣдительнѣйше прося ее заочно благословить меня въ путь-дорогу. Потомъ немедленно я отправился. Остановившись на одной станцiи отдохнуть, и не успѣвъ лечь на диванъ, я къ крайнему моему удивленiю, вдругъ вижу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня матушку мою въ сопровожденiи сестры моей, скончавшейся въ 1846 году. Пораженный этимъ непостижимымъ видѣнiемъ, я не могъ ни пошевельнуться, ни тронуться съ мѣста, но пристально и, признаюсь съ какимъ-то непонятнымъ страхомъ, смотрѣлъ на явившихся мнѣ дорогихъ лицъ. Матушка совершенно, какъ живая, благословила меня крестнымъ знаменiемъ. Я внезапно взялъ спичку, и зажегъ свѣчу, и въ свѣтлой комнатѣ не стало видѣнiя!.. Это событiе произошло съ 12-го на 13-е февраля 1858-го года въ третьемъ часу утра. Прибывъ въ Архангельскъ, я получилъ письмо отъ зятя съ извѣстiемъ, что въ эту самую ночь матушка моя скончалась. (Душеполезное Чтенiе за 1870-й годъ).

* * *

Дорогою, когда Ломоносовъ плылъ моремъ изъ заграницы въ свое отечество, случилось съ нимъ происшествiе, которое онъ никогда не могъ забыть, Михаилъ Васильевичъ видѣлъ во снѣ своего отца, выброшеннаго кораблекрушенiемъ и лежавшаго на Бѣломъ морѣ, но памятномъ ему съ юности, потому что онъ нѣкогда былъ прибитъ къ нему бурею съ отцемъ своимъ.

Лишь только онъ прiѣхалъ въ С.-Петербургъ, какъ поспѣшилъ справиться объ отцѣ у своихъ земляковъ, и узналъ, что онъ еще прошлою осенью отправился на рыбную ловлю и съ тѣхъ поръ не возвращался, а потому полагаютъ, что съ нимъ случилось несчастiе.

Ломоносовъ такъ былъ пораженъ этимъ извѣстiемъ, какъ прежде своимъ сновидѣнiемъ, и далъ себѣ слово отправиться на родину, отыскать тѣло несчастнаго отца на томъ самомъ островѣ, на которомъ онъ ему приснился и съ честiю предать землѣ. Но такъ какъ занятiя въ С.-Петербургѣ не позволяли Ломоносову исполнить это намѣренiе, то онъ съ купцами, возвращающимися изъ С.-Петербурга на его родину, послалъ къ тамошнимъ роднымъ своимъ письмо и поручилъ брату исполнить это предпрiятiе.

Желанiе его было исполнено въ то же лѣто: ватага холмогорскихъ рыбаковъ пристала къ указанному острову, дѣйствительно отыскали мертвое тѣло Василiя Ломоносова, похоронили и взвалили большой камень на могилу. (Исторiя Импер. Акад. Наукъ, въ С.-Петербургѣ, т. 2-й, стр. 312).

* * *

Графиня Елисавета Ивановна, супруга Владиміра Гр. Орлова, до замужества своего была фрейлиной Императрицы Екатерины 2-й. Въ бытность Высочайшаго двора въ Царскомъ Селѣ (1767 г.), Елисавета Ивановна, имѣя пребываніе въ ономъ, занималась своимъ туалетомъ въ присутствіи нѣсколькихъ молодыхъ подругъ, въ томъ числѣ графини Елисаеты Кириловны Разумовской.

Веселые разговоры и смѣхъ оживляли ихъ бесѣду. Между тѣмъ, среди полнаго разсѣянія Елисавета Ивановна устремила взоръ свой на окно съ примѣтной тревогой на лицѣ, еще взглянула съ большимъ удивленіемъ и, посмотрѣвъ въ третій разъ, она вдругъ вскочила съ кресла, говоря: «батюшка пріѣхалъ! — онъ подходитъ къ окну». Побѣжали въ садъ, но тщетно искали вездѣ Стакельберга, но его не было ни въ домѣ, ни въ саду.

Глубокая печаль замѣнила радость на челѣ нѣжной дочери. Напрасно подруги старались разувѣрить ее, что видѣніе было слѣдствіемъ думы — игра воображенія. Молодая Стакельбергъ повторила, что она три раза видѣла отца своего, что сначала сама не хотѣла вѣрить своимъ глазамъ, и продолжала тосковать.

За обѣденнымъ столомъ у Императрицы, фрейлины забавлялись на счетъ легковѣрной подруги. Государыня пожелала узнать предметъ ихъ разговора, и князь И. С. Барятинскій исполнилъ ея волю. «Успокойся», сказала Государыня, отца твоего нѣтъ въ Петербургѣ. Онъ не могъ бы пріѣхать сюда безъ моего позволенія. Тебѣ такъ показалось. Совѣтую, однако, для любопытства записать сіе видѣніе. Черезъ нѣсколько дней получено было извѣстіе изъ Риги о кончинѣ Стакельберга, и оказалось, что онъ умеръ въ тотъ самый день и часъ, когда явился дочери. (Изъ кн. «Словарь достопамятн. людей русской земли).

* * *

Вскорѣ по выпускѣ въ офицеры, дядя мой Логгинъ Ивановичъ Гречъ отправился къ арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ Н. И. Гречъ. Умеръ онъ въ 1772 году отъ моровой язвы въ Яссахъ. Онъ былъ любимцемъ своей матери и, какъ говоритъ семейное преданіе, явился ей въ минуту своей смерти. Моя бабушка, а его мать однажды послѣ обѣда легла отдохнуть; вскорѣ выбѣжала она изъ своей спальни встревоженная и спрашивала у домашнихъ: «Гдѣ онъ?» Я еще не спала. «Кто?» спрашиваютъ ее домашніе. «Какъ кто? Сынъ мой, Логгинъ Ивановичъ! Я начала было засыпать, вдругъ услышала шорохъ, открыла глаза, и вижу, что онъ проходитъ бережно, съ остановкой, мимо дверей спальни, чтобы не разбудить меня. Гдѣ онъ? Не прячьте его». Ее увѣрили, что Логгинъ Ивановичъ не пріѣзжалъ, и что ей это пригрезилось, и она со слезами убѣдилась въ своей ошибкѣ. Въ это время вошелъ въ комнату зять ея Безакъ. Узнавъ о слу-

чившемся, онъ призадумался, вынувъ изъ кармана записную книжку, и записалъ день и часъ этого случая. Черезъ двѣ недѣли было получено письмо, что въ этотъ самый часъ Логгинъ Ивановичъ скончался. (Изъ записокъ Н. И. Греча).

* * *

Сила церковнаго поминовенія.

Одна благочестивая старица, разговаривая со мною о разныхъ религіозныхъ предметахъ, разсказала мнѣ слѣдующее событіе изъ своей жизни: «Отецъ мой, говорила она, къ несчастію умеръ внезапною смертію безъ исповѣди и причастія св. Таинъ Христовыхъ.

Зная, что покойный былъ человѣкъ грѣшный, какъ и всѣ мы, подверженный разнаго рода немощамъ, особенно нетрезвости, отчего думаю, и послѣдовала ему внезапная кончина, я въ теченіи 40 дней съ особеннымъ усердіемъ молилась объ упокоеніи его души, подавала каждодневно посильную милостыню нищимъ, и въ особенности просила служащихъ священниковъ вынимать частицы за его упокоеніе, при совершеніи литургіи, а служба у насъ, какъ знаете, совершается ежедневно. Въ концѣ сороковыхъ дней вижу я сонъ: мнѣ представилось какое-то обширное темное мѣсто, въ концѣ котораго въ углу стоитъ мой отецъ, но только въ маломъ видѣ противъ того роста, какой онъ имѣлъ при жизни.

Вдругъ онъ говоритъ мнѣ весьма внятно: «Паша» (старушку звали Параскевой)! вѣдь я живъ! — «Да зачѣмъ ты такъ малъ»? спросила я. «Малъ я за грѣхи мои», сказалъ онъ: «толко ты продолжай молиться Богу за меня, корми голодныхъ, осбенно не забывай проскомидію, и я выросту». И еще что-то говорилъ, но я теперь этого не припоминаю. Въ заключеніе еще сказалъ громко: «Пашинька! молись же Богу; вѣдь я живъ!» Тѣмъ видѣніе мое и кончилось.

Нужно ли къ этому прибавлять что-нибудь? — Ничего, кромѣ того, что мы обязаны молиться о всѣхъ усопшихъ отцехъ и братіяхъ нашихъ, да помилуетъ ихъ Господь по велицѣй Своей милости, осбенно же не оставлять молитвъ нашихъ о нихъ при совершеніи Божественной литургіи. Слышалъ этотъ разсказъ давно, но записалъ на память 1870 года 26-го декабря, протоіерей Григорій Утробинъ. (Изъ журн. «Странникъ» 1880-го года).

Троицкіе листки № 73.

Участіе умершихъ въ судьбѣ живыхъ и особенно родныхъ и друзей.

Святогорецъ пишетъ: одинъ архіепископъ, жестоко страдавшій меланхолическими припадками, усердно просилъ себѣ помощи у Бога. Разъ во время вечерней молитвы, онъ замѣтилъ, что въ передней его комнатѣ разлился свѣтъ, который постепенно усиливался, наконецъ окружилъ его самого. Тутъ же онъ увидѣлъ какую-то женщину и, всмотрѣвшись въ нее, узналъ покойную мать свою. «Зачѣмъ такъ горько плачешь, сынъ мой?» сказала она. «Ты понимаешь ли чего просишь у Господа? Для Господа не трудно исполнить твое прошеніе, но знаешь ли чего черезъ это лишаешь себя? Ты и самъ не знаешь, чего себѣ просишь». И давъ ему нѣсколько наставленій, стала невидима. (Письма Святогорца, 218-е).

* * *

Въ 1851-мъ году апрѣля 20-го дня въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ умеръ іеромонахъ о. Симеонъ, котораго похоронили съ подобающею честію. На другой день послѣ погребенія одинъ изъ духовныхъ его дѣтей М. рано утромъ, сидя у себя на кровати, занятъ былъ грѣховными помыслами. Но вотъ онъ чувствуетъ, что кто-то около него; поднявъ голову, онъ увидѣлъ о. Симеона, который подойдя къ нему съ веселымъ лицемъ и, покачавъ головою, сказалъ: «Полно тебѣ грѣховнымъ помысламъ предаваться, — борись и сопротивляйся имъ, а обители обѣими руками держись». Еще что-то назидательное онъ говорилъ, но М. такъ перепугался, что не могъ запомнить всего сказаннаго. (Монастырскія письма, 29-е).

* * *

Это было давно, когда я еще учился въ коммерческомъ училищѣ, разсказываетъ извѣстный писатель Кельсіевъ. Я жилъ на квартирѣ, недалеко отъ училища, а отецъ мой съ семействомъ жилъ на Васильевскомъ островѣ. Онъ служилъ чиновникомъ въ таможнѣ и занималъ казенную квартиру около Биржи. Занятый службою, онъ посѣщалъ меня рѣдко. Однажды ночью, когда я еще не ложился спать и читалъ какую-то книгу, бывши одинъ въ комнатѣ, вижу — моя дверь отворяется, и въ комнату входитъ мой отецъ, блѣдный такой, печальный. Я нисколько не удивился его приходу, зная его заботливость обо мнѣ. Онъ прямо подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Вася, я пришелъ тебя благословить... Живи хорошенько и не забывай Бога». Сказавъ это, отецъ благословилъ меня, какъ слѣдуетъ и скрылся, т. е. вышелъ въ эту же дверь.

Это посѣщеніе не произвело на меня, какъ вещь обыкновенная, никакого впечатленія. Но каково же потомъ было мое удивленіе? Немного спустя послѣ ухода моего отца, ко мнѣ стучатъ въ дверь, такъ какъ я заперся, чтобы ложиться спать. Отворивъ дверь,

я увидѣлъ кучера, пріѣхавшаго за мною. Онъ мнѣ сказалъ, что отецъ мой только что скончался. И дѣйствительно, какъ оказалось, онъ умеръ не больше часа тому назадъ, и именно почти въ то самое время, когда я видѣлъ его у себя въ комнатѣ. Тутъ для меня стало ясно: отецъ благословилъ меня уже умершій. (Ребусъ 1884-го года № 11-й).

* * *

Однажды вечеромъ или пожалуй уже ночью, разсказывалъ Императоръ Павелъ 1-й (когда онъ былъ еще великимъ княземъ), я въ сопровожденіи Куракина (князя)и двухъ слугъ шелъ по Петербургскимъ улицамъ. Мы провели вечеръ у меня во дворцѣ за разговоромъ и табакомъ, и вздумали для освѣженія сдѣлать прогулку инкогнито, при лунномъ освѣщеніи. Это было въ лучшую пору нашей весны, конечно не южныхъ климатовъ.

Разговоръ нашъ шелъ ни о религіи, и ни о чемъ-либо серьезномъ, а напротивъ былъ веселаго свойства. Куракинъ такъ и сыпалъ шутками на счетъ встрѣчныхъ. Лунный свѣтъ былъ такъ ярокъ, что при немъ можно было-бы читать письмо, и слѣдовательно тѣни были очень густы.

При поворотѣ въ одну изъ улицъ, вдругъ вижу я въ глубинѣ подъѣзда высокую худую фигуру, завернутую въ плащъ, въ родѣ испанскаго, и въ военной надвинутой на глаза шляпѣ. Онъ будто ждалъ кого-то.

Только что я миновалъ его, онъ вышелъ и пошелъ около меня съ лѣвой стороны, не говоря ни слова. Я не могъ разглядѣть ни одной черты лица его. Мнѣ казалось, что ноги его, ступая на плиты тротуара, производятъ страшный звукъ, точно какъ-будто камень ударялся о камень. Я былъ изумленъ, и охватившее меня чувство стало еще сильнѣе, когда я почувствовалъ ледяной холодъ въ моемъ лѣвомъ боку со стороны незнакомца.

Я вздрогнулъ и обратясь къ Куракину, сказалъ: «Судьба намъ послала страннаго спутника». «Какого спутника»? спросилъ Куракинъ. «Господина, идущаго у меня слѣва, котораго кажется можно замѣтить по шуму, производимому имъ».

Куракинъ раскрылъ глаза въ изумленіи и замѣтилъ, что никого нѣтъ у меня съ лѣвой стороны. «Какъ? ты не видишь этого человѣка между мною и домовою стѣною? «Ваше Высочество идете возлѣ самой стѣны и физически невозможно, чтобы кто-нибудь былъ между вами и стѣною». Я протянулъ руку, и точно ощупалъ камень. Но все-таки незнакомецъ былъ тутъ, и шелъ со мною шагъ въ шагъ, и звуки шаговъ его, какъ удары молота, раздавались по тротуару. Я посмотрѣлъ на него внимательнѣе прежняго, подъ шляпой блеснули глаза столь блестящіе, что какихъ я не видалъ никогда ни прежде, ни послѣ. Они смотрѣли прямо на меня, и производили какое-то околдовывающее дѣйствіе.

— Ахъ, сказалъ я Куракину, я не могу передать тебѣ, что я чувствую, но только во мнѣ происходитъ что-то особенное. Я дрожалъ не отъ страха, но отъ холода. Я чувствовалъ, какъ что-то особенное проникало всѣ мои члены и мнѣ казалось, что кровь замерзла въ моихъ жилахъ. Вдругъ изъ-подъ плаща, закрывавшаго ротъ таинственнаго спутника раздался глухой и грустный голосъ: «Павелъ»! Я былъ во власти какой-то невѣдомой силы и машинально отвѣтилъ: «Что вамъ нужно?» — «Павелъ»! сказалъ опять голосъ на этотъ разъ, впрочемъ, сочувственно, но еще съ большимъ оттѣнкомъ грусти. Я не могъ сказать ни слова. Голосъ снова назвалъ меня по имени, и незнакомецъ остановился. Я чувствовалъ какую-то внутреннюю потребность сдѣлать тоже. «Павелъ! Павелъ! бѣдный князь»! Я обратился къ Куракину, который также остановился. Слышишь? спросилъ я его. «Ничего не слышу, отвѣчалъ тотъ, рѣшительно ничего». «Что касается меня, то этотъ голосъ и до сихъ поръ раздается въ моихъ ушахъ. Я сдѣлалъ отчаянное усиліе надъ собою, и спросилъ незнакомца, кто онъ, и что ему нужно»?

— Кто я? Бѣдный Павелъ! Я тотъ, кто принимаетъ участіе въ твоей судьбѣ, и кто хочетъ, чтобы ты не особенно привязывался къ этому міру, потому что ты не долго останешься въ немъ. Живи по законамъ справедливости, и конецъ твой будетъ спокоенъ. Бойся укора совѣсти: для благодарной души нѣтъ болѣе чувствительнаго наказанія. — Онъ пошелъ снова, глядя на меня все тѣмъ же проницательнымъ взоромъ. И если я прежде остановился, когда остановился онъ, такъ и теперь я почувствовалъ необходимость пойти, потому только, что пошелъ онъ. Онъ не говорилъ, и я не чувствовалъ особеннаго желанія обратиться къ нему съ рѣчью. Я шеяъ за нимъ, потому что онъ теперь направлялъ меня.

Это продолжалось около часа. Гдѣ мы шли, я незнаю. Наконецъ мы пришли къ большой площади, между мостомъ черезъ Неву и зданіемъ сената. Онъ пошелъ прямо къ одному, какъ-бы заранѣе отмѣченному мѣсту площади, гдѣ въ то время воздвигался монументъ Петру Великому: я конечно слѣдовалъ за нимъ, и затѣмъ онъ остановился. — «Прощай, Павелъ»! сказалъ онъ. «Ты еще увидишь меня». При этомъ шляпа его поднялась, какъ-бы сама собою, и глазамъ моимъ представился орлиный взоръ, смуглый лобъ и строгая улыбка моего прадѣда Петра Великаго. Когда я пришелъ въ себя отъ страха, его же не было предо мною.

Къ какому именно времени относится это видѣніе, опредѣлить можно только приблизительно. Великій князь разсказывалъ его 10-го іюля 1782-го года въ Брюселѣ въ присутствіи Оберкирхъ, которая, записавъ его разсказъ, свидѣтельствуетъ, что Павелъ Петровичъ былъ искренно и глубоко убѣжденъ въ реальности предста-

вившагося ему видѣнія. Такъ какъ спутникомъ цесаревича во время этого видѣнія былъ князь Куракинъ, вернувшійся изъ заграничнаго своего путешествія въ Петербургъ только въ 1772-мъ году, то видѣніе Павла Петровича должно было имѣть мѣсто въ 1773 — 1783 годахъ. (Русск. Архивъ 1869-го года № 3-й).

* * *

Митрополитъ Платонъ передаетъ слѣдующій случай изъ своей жизни. Когда я енисокопствовалъ на Дону, явился мнѣ Императоръ Николай Павловичъ, это было въ концѣ сорокоуста по скончавшемся Государѣ. Сижу я у себя, время было около полуночи, подъ воскресеніе, сижу и читаю очередную проповѣдь одного священника, въ которую и было погружено все мое вниманіе. Стало-быть воображеніе бездѣйстовало и ни къ чему меня не приготовляло. По правую сторону отъ моего стола находилась дверь въ пріемную, и она по обыкновенію настежъ была отворена. Сижу я, съ углубленіемъ читаю проповѣдь, кое-что мараю въ ней, и вдругъ чувствую, что меня что-то ударило въ правый бокъ, ударило слегка, какъ будто дѣтскимъ резиновымъ мячикомъ, брошеннымъ изъ растворенной двери. Я не могъ не взглянуть въ эту сторону, взглянувъ и что же представилось глазамъ моимъ?

Въ дверяхъ стоитъ во всемъ своемъ царскомъ величіи, не много склонясь въ сторону, Государь Императоръ Николай Павловичъ, устремляя на меня свой орлинный взоръ. И это не было какое-нибудь туманное, призрачное явленіе, нѣтъ, я вижу незабвеннаго моего Царя, какъ живого и въ немъ все, до мельчайшихъ подробностей явилось мнѣ въ осязаемыхъ очертаніяхъ. Могъ ли я не придти въ трепетное смущеніе?

Смотрю на явившагося возлюбленнаго Царя, и онъ проницательно, величественно и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушно смотритъ на меня. И это было не на мгновеніе. Невольно возникъ въ душѣ моей вопросъ: встать ли мнѣ и поклониться? Но какъ кланяться привидѣнію? А съ другой стороны, какъ не поклониться Царю?

Привстаю, и въ эти секунды ясный, дивный образъ великаго изъ Царей земныхъ сталъ мало по малу переходить въ туманный призракъ, сталъ исчезать, не двигаясь съ мѣста, и исчезъ предо мною; но я не заплакалъ и вотъ съ той поры рѣже стали падать изъ глазъ моихъ слезы, при воспоминаніи о незабвенномъ Царѣ Русскаго царства.

Не знаю, добавилъ митрополитъ, обратившись къ слушавшимъ разсказъ: повѣрите ли вы этому? но не забывайте, я старикъ и хотя недостойный, но служитель алтаря Господня, и мнѣ нѣтъ никакой надобности говорить ложь, или вымыселъ. (Новое Время 1893-го года, апрѣль).

* * *

Къ митрополиту Филарету 17-го сентября явился съ обычнымъ докладомъ о состояніи обители, разсказываетъ намѣстникъ, архимандритъ Антоній, (Митрополитъ былъ въ это время въ Троице-Сергіевой Лаврѣ). Послѣ моего доклада, преосвященный говоритъ: «Я нынѣ видѣлъ сонъ и мнѣ сказано: «берегись 19-го числа». На это я замѣтилъ ему: «Владыка святый, развѣ можно вѣрить сновидѣніямъ и искать въ нихъ какого-нибудь значенія? Какъ же можно при томъ обращать вниманія на такое неопределенное указаніе? Девятнадцатыхъ чиселъ въ году бываетъ двѣнадцать».

Выслушавъ это, онъ съ чувствомъ сердечной увѣренности сказалъ мнѣ: «не сонъ я видѣлъ: мнѣ явился родитель мой и сказалъ мнѣ тѣ слова, я думаю съ этого времени каждое 19-е число причащаться св. Таинъ». Я сказалъ, «что это желаніе доброе».

Черезъ два дня послѣ сего, 19-е сентября, во вторникъ на литургіи въ домовой церкви онъ причастился св. Таинъ. Въ октябрѣ онъ былъ въ Москвѣ и 19-го числа въ четвергъ тамъ причастился св. Таинъ въ своей домовой церкви. Наступило въ слѣдующем мѣсяцѣ ноябрѣ роковое 19-е число, это приходилось въ воскресеніе.

Предъ тѣмъ все время владыка чувствовалъ себя хорошо и легко, принималъ посѣтителей, ревностно занимался дѣлами, выѣзжалъ иногда изъ дому. На недѣлѣ предъ 19-мъ числомъ принималъ одного изъ своихъ почитателей, который при прощаніи передалъ ему просьбу одной почтенной дамы, такъ уважавшей святителя, что она желала бы быть у него и принять его благословеніе. Владыка сказалъ: «Пусть пріѣдетъ только прежде 19-го числа». Такъ глубоко засѣла въ немъ мысль о 19-мъ числѣ.

Восемнадцатаго ноября въ субботу владыка говоритъ своему келейному іеродіакону Парѳенію, что завтра онъ будетъ служить литургію въ своей домовой церкви, и чтобъ все было приготовлено къ служенію. Старикъ Парѳеній, отличавшійся прямотою и откровенностію, рѣшился замѣтить митрополиту-старцу, что онъ утомится отъ служенія и не будетъ пожалуй служить въ Введеньевъ день, что лучше бы тогда отслужить. Но владыка замѣтилъ ему: «Это не твое дѣло, — скажи, что я завтра служу». Онъ отслужилъ литургію и въ тотъ же день, 19-го числа, скончался. (Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ — М. Погодина).

* * *

Затворинкъ Георгій (Машуринъ) разсказываетъ въ собственноручной запискѣ, найденной въ его бумагахъ послѣ смерти, слѣдующій фактъ. Когда все покоилось въ мирной тишинѣ въ самую глухую ночь, и мать моя почивала на ложѣ своемъ, вдругъ озарился весь ея покой свѣтомъ. Отворилась дверь, увеличился свѣтъ, явился священникъ, бывшій ея духовникомъ и уже три года почивавшій во гробѣ, и принесъ на рукахъ своихъ икону. Тихо онъ

приблизился къ одру ея и благословилъ образомъ стоявшую въ радостномъ трепетѣ и объятую страхомъ свою духовную дочь и возвѣстилъ ей вожделѣнныя слова сіи: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Богъ дастъ тебѣ сына Георгія. Вотъ тебѣ и образъ св. великомученика Георгія.

Несказанно обрадованная Божіимъ благословеніемъ, она приложилась къ св. образу и, принявъ на свои руки, поставила въ божницу. Симъ видѣніе окончилось. Дивный сонъ этотъ сбылся: отъ Анны родился сынъ Георгій. Исторію чуднаго сновидѣнія затворникъ Георгій оканчиваетъ словами: «все это я имѣлъ счастіе слышать отъ самой родительницы моей». (Посмертныя записки затворника Георгія).

* * *

Іеромонахъ Аникита (въ мірѣ князь Сергій Шахматовъ), услышавъ о болѣзни своей благочестивой матери, отправился къ ней, чтобы проститься и получить благословеніе на вступленіе въ монашество, но засталъ ее уже бездыханною.

Горько онъ плакалъ о томъ, что она не успѣла благословить его. Благочестивая мать не замедлила утѣшить его своимъ явленіемъ. Во время легкаго сна, она явилась къ нему съ свѣтлымъ лицомъ и сказала: «благословить много, а дозволить можно». (О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты).

* * *

Я была еще маленькой дѣвочкой, разсказываетъ одна дама, когда мнѣ случилось быть свидѣтелницею необыкновеннаго слѣдующаго случая, который до самой смерти сохранился въ моей памяти. Однажды вечеромъ, только что я легла въ постель, погасивши свѣчи, вдругъ вижу, къ величайшему моему удивленію, передъ каминомъ, не совсѣмъ еще погасшимъ, сидитъ какой-то священникъ, и грѣетъ себѣ руки. По своему тѣлосложенію, наружности и осанкѣ, онъ походилъ на одного изъ нашихъ дядей, протоіерея, недалеко жившаго отъ насъ. Я тотчасъ сообщила объ этомъ сестрѣ, которая спала вмѣстѣ со мною. Она взглянула на каминъ и увидѣла тоже самое явленіе, причемъ въ сидѣвшемъ также признала нашего дядю.

Невыразимый ужасъ тогда овладѣлъ нами, и мы изо всѣхъ силъ стали кричать и звать на помощь. Нашъ отецъ, спавшій въ сосѣдней комнатѣ, разбуженный этими отчаянными криками, вскочилъ съ постели и прибѣжалъ къ намъ со свѣчою въ рукахъ. Привидѣніе исчезло. На слѣдующее утро мы получили писмо, изъ котораго узнали, что нашъ дядюшка протоіерей скончался въ тотъ самый день и часъ, когда мы его видѣли. (Петерб. Лист. 1883 г.).

* * *

Наканунѣ праздника св. Пятидесятницы преосвященный тульскій Димитрій видѣлъ сонъ, что онъ находится въ одесскомъ кафедральномъ соборѣ. На архіерейскомъ амвонѣ стоитъ архіепископъ одесскій Иннокентій съ свиткомъ бумагъ. Вручая свитокъ епископу Димитрію, онъ сказалъ: «Отецъ Димитрій, докончите». Оказалось потомъ, что архіепископъ Иннокентій умеръ наканунѣ Пятидесятницы, и преосвященный Димитрій былъ назначенъ пріемникомъ ему. (Прибав. къ Херсонскимъ Епарх. Вѣдом. 1887 г.).

* * *

Въ г. Свѣнцянахъ, виленской губерніи, одинъ шляхтичъ похоронилъ свою жену, умершую на послѣднемъ мѣсяцѣ беременности. Ребенокъ, по заключенію врачей, умеръ тоже, и шляхтичъ такимъ образомъ сразу лишился двухъ дорогихъ ему существъ... Потеря эта подѣйствовала на него чрезвычайно... Вернувшись съ похоронъ домой, онъ пошелъ къ себѣ въ комнату и легъ на диванъ, стараясь уснуть для того, чтобы хотя не много успокоиться отъ горя. Вмѣсто облегченія сонъ принесъ ему однако нѣчто совершенно другое...

Только что онъ закрылъ глаза, какъ вполнѣ ясно увидѣлъ около дивана свою жену вмѣстѣ съ ребенкомъ. Изъ глазъ ея капали слезы, она протягивала къ мужу руки и жалобнымъ голосомъ говорила: «Зачѣмъ ты похоронилъ насъ живыми? Зачѣмъ»? Шляхтичъ вскочилъ; на лбу его выступили крупныя капли холоднаго пота. Въ комнатѣ не было никого. Онъ перекрестился и думая, что ему просто показалось, снова легъ на диванъ.

Чрезъ нѣсколько секундъ видѣніе снова повторилось. На этотъ разъ лицо жены было искажено ужаснымъ страданіемъ... Ребенокъ лежалъ у ея ногъ мертвый, широко раскинувъ ручки съ посинѣвшимъ лицомъ и выкатившимися изъ орбитъ глазами. Шляхтичъ не зналъ что ему дѣлать. Похороны жены его происходили утромъ и онъ до глубокой ночи ходилъ по комнатамъ въ домѣ своемъ, боясь заснуть и увидѣть ужасную картину.

Наконецъ ночью физическая усталость и душевное потрясеніе взяли свое. Онъ не могъ болѣе бороться со сномъ, легъ и въ третій разъ увидѣлъ жену и ребенка. Жена стояла передъ нимъ и укоризненно шептала: «ты похоронилъ насъ живыми, ты живыми насъ похоронилъ». Шляхтичъ не выдержалъ. Утромъ чуть въ окнахъ показался свѣтъ, онъ побѣжалъ на кладбище и заставилъ могильщиковъ разрыть могилу. Когда открыли гробъ, глазамъ присутствовавшихъ представилась ужасная картина: женщина въ могилѣ разрѣшилась отъ бремени и лежала мертвая лицомъ внизъ, судорожно впившись зубами въ подушку... Ребенокъ тоже былъ мертвъ. (Петербургская газета 1893 г. № 208-й).

* * *

По большей части умершіе являются въ моментъ своей смерти только одному лицу, но случается, что ихъ видятъ нѣсколько человѣкъ одновременно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разсказываетъ В. Стритъ, я сидѣлъ у себя дома съ товарищами на площадкѣ лѣстницы, которая вела изъ нашихъ верхнихъ комнатъ въ большія сѣни, куда выходили комнаты отца, матери и сестры. Вдругъ всѣ мы слышимъ громкій стукъ въ дверь. Мать тоже слышала его и крикнула мнѣ, чтобы я шелъ отворить. Не успѣлъ я сбѣжать съ лѣстницы, какъ дверь отворилась сама, и въ сѣни вошла моя тетка, старшая сестра моей матери. Она направилась прямо въ гостинную. «Почему это тетка Тальботъ прошла прямо въ гостиную?» удивились мы всѣ, и пошли за нею въ гостиную. Но тамъ, къ великому нашему удивленію, мы никого не нашли.

«Навѣрное мы услышимъ о ея смерти», сказалъ отецъ, записывая день и часъ явленія ея. Вечеромъ того-же дня мы получили депешу, извѣщавшую насъ о смерти тетки. Она скончалась въ три часа дня, именно въ тотъ часъ, когда мы видѣли явленіе ея. (Петербургскій Листокъ 1892-го года № 112-й).

* * *

У помѣщика В. Дроцянскаго, жившаго въ деревнѣ Кутиловѣ, былъ братъ давно больной чахоткою. Въ то время, когда у Драцянскаго гостило нѣсколько человѣкъ сосѣдей, имъ было получено письмо отъ жены больного брата, которая писала, что болѣзнь ея мужа приняла угрожающій характеръ, и она просила немедленно пріѣхать къ умирающему. Письмо это онъ показалъ гостямъ и сказалъ, что завтра же утромъ поѣдетъ къ брату.

Выйдя изъ гостинной въ переднюю, чтобы отдать нужныя приказанія прислугѣ, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ въ передней своего брата, который снималъ съ себя пальто. «Какая мистификація», воскликнулъ онъ и возвратился въ комнату, чтобы объявить своимъ домашнимъ о пріѣздѣ брата и показать послѣднему только что полученное имъ письмо. Спустя минуту онъ возвращается въ переднюю къ брату, но не находитъ его ни тамъ, ни во всемъ домѣ. Дроцянскій спрашиваетъ прислугу и гостей, причемъ оказалось, что эти послѣдніе и особенно одинъ изъ гостей, именно Жель совершенно ясно видѣли брата въ передней, но объяснить, какимъ образомъ онъ могъ вдругъ исчезнуть, они не могли.

На другой день по утру Дроцянскій получилъ телеграму о кончинѣ его брата въ одинадцать часовъ вечера наканунѣ, какъ разъ въ то время, когда явился онъ. Этотъ фактъ произвелъ сильное впечатлѣніе среди мѣстныхъ жителей, особенно потому, что призракъ видѣли нѣсколько человѣкъ одновременно. (Ребусъ 1893 г.).

* * *

Моя служба заставляетъ меня дежурить въ госпиталѣ, разсказываетъ докторъ Вакуловскій. Дежурства эти продолжаются въ теченіи сутокъ и иной разъ бываютъ чрезвычайно утомительны, такъ что ночью не удается и выспаться: то позовутъ къ больному, то привезутъ человѣка, требующаго немедленной помощи. Однажды во время дежурства, это было въ минувшую зиму, я только что улегся спать, какъ вдругъ стучитъ кто-то. Отворяю дверь, — вижу фельдшера. «Ваше благородіе, въ палатѣ № 5-й такой-то больной очень плохъ». «Хорошо, сказалъ я, сейчасъ иду».

Поднимаюсь по лѣстницѣ и вижу стоитъ больной въ халатѣ. «Зачѣмъ не спишь»? сказалъ я, и вдругъ его не стало. Непріятно сдѣлалось. Прихожу въ палату, а фельдшеръ говоритъ: «сей-часъ умеръ». Прикладываю руку ко лбу — холодный, щупаю пульсъ — не бьется, кладу руку на сердце — все тихо. Умершій — вылитое лицо того, что попался мнѣ навстрѣчу на лѣстницѣ. Я не передавалъ никому объ этомъ, только внесъ этотъ случай въ свою записную книжку. Вернувшись въ дежурную, я не могъ тотчасъ же спать, а сѣлъ писать и написалъ статью по поводу столѣтія со дня рожденія В. А. Жуковскаго, появившуюся потомъ въ Русинской газетѣ «Слово». Очевидно, мозгъ мой не былъ вовсе настроенъ къ чему-либо фанастическому, о чемъ не замедлили бы говорить иные, если бы я вздумалъ разсказывать имъ этотъ фактъ. Значитъ не галлюцинація было то, что я увидѣлъ передъ собой умершаго больнаго. (Ребусъ 1882 г. № 49-й).

* * *

Въ годъ кончины моей матушки, разсказываетъ ветеранъ, служившій въ конной артиллеріи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, я получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она извѣщала меня, что собирается на все лѣто пожаловать къ намъ. Это было въ концѣ зимы. Я отвѣчалъ ей, что буду чрезвычайно радъ и приготовлю все для ея полнаго спокойствія.

Зная, какъ она любитъ цвѣты и всякаго рода роскошь, я отдѣлалъ заново большую половину дома, обращенную къ саду и прилегавшую къ оранжереѣ, а себѣ оставилъ половину, выходившую окнами во дворъ. Вечера еще были довольно долги и я, по обычаю своему, каждый вечеръ послѣ чая, отдыхалъ на своей постели и что-нибудь читалъ. Однажды лежа въ спальнѣ, вдругъ вижу дверь моей комнаты отворяется и входитъ матушка. Я мгновенно вскочилъ съ постели и запахнувши халатъ, бросился къ ней навстрѣчу, говоря: «Матушка, какъ я радъ, что вы пожаловали», совершенно забывая что это еще зима и что въ домѣ не было никакого предварительнаго движенія, возвѣщавшаго ея прибытіе. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ ко мнѣ, пристально посмотрѣла на меня и исчезла. Я былъ пораженъ. Въ первую минуту даже не могъ со-

образить, что у насъ только конецъ зимы, а когда пришелъ въ себя, то готовъ былъ увѣрять, что это была у меня точно матушка, такъ было реально это видѣніе.

Спустя недѣли двѣ послѣ этого случая, я получилъ письмо отъ сестры Парасковьи Ивановны, которая извѣщала, что матушка умерла какъ разъ въ тотъ день и часъ, когда она явилась мнѣ въ тульской деревнѣ. (Ребусъ 1887 г. № 1-й).

* * *

Въ Соединенныхъ Штатахъ въ г. Филадельфіи былъ домъ, извѣстный подъ именемъ «непокойнаго», такъ что никто не рѣшался жить въ немъ. Однажды въ этотъ городъ пріѣхали двѣ сестры съ намѣреніемъ остаться жить здѣсь. Они искали себѣ квартиру, и кто-то указалъ имъ на этотъ домъ. Хозяинъ непокойнаго дома согласился пустить ихъ безъ всякой платы, не скрывая однако причины, по которой онъ остается давно безъ жильцовъ. Сестры переѣхали на жительство въ страшный домъ.

Въ первые два-три дня ничего особеннаго не замѣтили. Но вотъ однажды ночью, когда они уже легли было спать, въ домѣ поднялся какой-то непонятный шумъ, такъ что онѣ поневолѣ перепугались. Вставши съ постели, одна изъ нихъ спросила: «кто здѣсь и чего нужно?» Вдругъ, какъ будто изъ земли, явился незнакомый мужчина и говоритъ: «Вотъ такъ давно-бы спросили меня, почему я и давалъ о себѣ знать всякими способами. Я прошу васъ помочь мнѣ, а въ чемъ именно, выслушайте меня. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я былъ хозяиномъ этого дома. Однажды ко мнѣ пріѣхалъ мой племянникъ-сирота, которому я предложилъ жить у меня. Онъ былъ человѣкъ бѣдный. У меня было намѣреніе оставить ему все состояніе, такъ какъ кромѣ его у меня никого не было изъ родныхъ. Я полюбилъ его и ничего отъ него не скрывалъ, такъ что онъ зналъ, что у меня были большія деньги. Однажды ночью онъ зарѣзалъ меня и трупъ мой скрылъ въ этой самой комнатѣ подъ поломъ, а деньги сто тысячъ долларовъ укралъ, и въ ту-же злосчастную ночь уѣхалъ изъ этого города по желѣзной дорогѣ и теперь живетъ подъ чужимъ именемъ вдали отсюда.

Прошу васъ заявить объ этомъ полиціи, которая найдетъ мой трупъ подъ поломъ и предастъ надлежащему погребенію, и я тогда уже успокоюсь».

На другой день сестры заявили объ этомъ кому нужно, и дѣйствительно былъ найденъ подъ поломъ скелетъ человѣка, который и преданъ былъ землѣ по христіанскому обряду. Съ тѣхъ поръ въ домѣ стало спокойно. (Сообщено словесно однимъ изъ интеллигентныхъ лицъ).

* * *

Сообщенія умершихъ о состояніи ихъ за гробомъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ одномъ изъ губернскихъ городовъ проживалъ нѣкто Н., отставной чиновникъ, довольно пожилыхъ лѣтъ, человѣкъ добрый и истинно благочестивый. Онъ былъ очень друженъ съ В., сотоварищемъ своего дѣтства и сослуживцемъ, одинаковыхъ съ нимъ лѣтъ и однихъ воззрѣній на вещи. Когда умеръ В., товарищъ его усердно молился Богу объ упокоеніи своего друга, при чемъ время отъ времени раздавалъ милостыню за спасеніе его души. Часто онъ думалъ о загробной участи друга.

Въ сороковый день послѣ кончины В., другъ его, сидя въ своей комнатѣ, услышалъ скрипъ дверей. Приподнявъ глаза, видитъ входящаго въ комнату своего друга В. «Благодарю тебя, другъ, сказалъ тихимъ голосомъ явившійся, за твои усердныя обо мнѣ молитвы и за милостыни, которыя много помогли мнѣ. По милости Божіей, я избавленъ отъ ада: обитель моя покойна». Съ ужасомъ и изумленіемъ слушалъ Н. чуднаго пришельца, не смѣя его прерывать. «Прости, другъ, до свиданія въ вѣчности, промолвилъ явившійся, уповаю, что скоро мы свидимся, будемъ обитать вмѣстѣ, а пока потрудись еще для вѣчнаго своего спасенія», и съ этими словами скрылся за дверью.

Набожный Н. усилилъ свои благочестивые подвиги, предоставивъ всѣ житейскія попеченія старшимъ своимъ дѣтямъ. Спустя два года послѣ своего видѣнія, онъ колѣнопреклоненный на молитвѣ тихо и мирно скончался. (Душеполезное Чтеніе. 1868 года).

* * *

Одна благочестивая жена передъ своею смертью разсказала своему другу слѣдующее. Въ прошлую ночь, передавала она, явилась мнѣ во снѣ покойная моя сестра. «Любезная моя, ты слишкомъ страшишься близкой твоей смерти, — хочешь ли узнать, что такое смерть?»

— Хорошо, сестра, я покажу тебѣ, что такое смерть. Смотри, вотъ она! Тутъ явившаяся тихо склонилась на софу, и тотчасъ изъ ея тѣла вышелъ чрезвычайно тонкій свѣтлый образъ человѣческій: то была смерть. Тутъ я пробудилась. (Душеполезныя размышленія, 1882-го года выпускъ 5-ый).

* * *

Въ могилевскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ помѣщенъ слѣдующій случай изъ жизни митрополита Платона. Въ моей жизни, — говорилъ преосвященный, обращаясь къ своимъ слушателямъ, — есть одинъ случай, при которомъ я видѣлъ тѣнь другого человѣка, да притомъ же такъ живо и отчетливо, какъ вотъ васъ вижу теперь. Это было въ 30-хъ годахъ, когда я состоялъ инспекторомъ

С.-Петербургской духовной академіи. У насъ былъ въ числѣ студентовъ Иванъ Крыловъ, изъ Орловской семинаріи, извѣстный мнѣ, когда я былъ тамъ наставникомъ. Учился онъ недурно, былъ хорошаго поведенія и благообразнаго вида. Разъ онъ приходитъ ко мнѣ и проситъ, чтобы позволилъ ему отправиться въ больницу. Я думаю себѣ: вѣрно онъ истощалъ, пусть тамъ покормятъ его получше, и онъ поправится. А можетъ быть и курсовое сочиненіе тамъ напишетъ. Проходитъ нѣсколько времени, я объ немъ ничего не слышу, докторъ ничего не говоритъ. Но вотъ, однажды, лежу я на диванѣ и читаю книгу, смотрю — стоитъ Крыловъ, и прямо смотритъ на меня. Лице его вижу такъ ясно, вотъ какъ васъ, но тѣло его было, какъ бы въ туманѣ или облакѣ. Я взглянулъ на него. Онъ.... Меня передернуло. Призракъ точно понесся къ окну и скрылся. Я еще раздумывалъ, что бы это значило, слышу стукъ въ мою дверь, входитъ больничный сторожъ и говоритъ мнѣ: «студентъ Крыловъ Богу душу отдалъ».

—«Давно ли?» спросилъ я въ изумленіи. «Да вотъ минутъ пять, я только собрался къ вамъ».

«Вотъ извольте разгадать эту тайну», сказалъ архипастырь, обращаясь ко всѣмъ присутствовавшимъ при разсказѣ. Всѣ молчали.

«Все это, заключилъ владыка, несомнѣнно доказываетъ намъ какую-то таинственную связь между нами и душами умершихъ». (Могилевскія Епархіальные Вѣдомости 1883-го года).

* * *

Идя по скиту, такъ разсказываетъ одинъ изъ монашествующей братіи Троицко-Сергіевой Лавры, зашелъ я къ умирающему Вуколу, послушнику покойнаго схимонаха Моисея. Въ тотъ день, когда я былъ у него, его соборовали масломъ. Увидавъ его въ благодушномъ состояніи, я спросилъ: — Что о. Вуколъ, видно въ путь собираешься? — Да, батюшка, помолись, да пошлетъ мнѣ грѣшному Господь Свою милость.

— Кланяйся отъ меня своему о. Моисею.

— Я нынѣ, говоритъ больной, видѣлся съ нимъ, онъ былъ у меня, и вотъ здѣсь читалъ акаѳистъ Богоматери, и меня, какъ и прежде бывало, заставилъ пѣть припѣвы, и такъ все правило совершилъ у меня. И сказалъ мнѣ съ радостію: «Мы съ тобою и тамъ вмѣстѣ будемъ жить, мнѣ позволено придти проводить тебя туда». Помолилися мы еще съ нимъ, и я какъ-бы совершенно былъ здоровъ, перекрестилъ онъ меня и отошелъ. Такъ я, батюшка, жду не дождусь, когда пошлетъ Господь перевести меня отсюда. Отецъ Моисей сказалъ, что тамъ несказанно хорошо. (Монастырскія письма 35).

* * *

Въ одномъ селѣ жила почтенная чета: старикъ, заштатный священникъ, отецъ Г. и старушка, жена его. Жили они очень долго на свѣтѣ и, какъ говорится, душа въ душу между собою. Отецъ Г. пріобрѣлъ своею жизнею уваженіе у многихъ въ окрестности. Это былъ человѣкъ добраго стараго времени, хлѣбосолъ, привѣтливый и добрый. Но всему бываетъ на свѣтѣ конецъ: отецъ Г. занемогъ, слегъ въ постель, и напутствованный христіанскими таинствами, тихо и мирно перешелъ въ вѣчность, оставивъ горько оплакивавшую спутницу своей жизни. Вотъ уже минулъ и годъ послѣ его смерти. Старушка, жена его, наканунѣ годичнаго о немъ поминовенія послѣ разныхъ хлопотъ, легла немножко отдохнуть. И вотъ видитъ во снѣ покойнаго мужа. Съ радостію бросилась она къ нему и начала его разспрашивать: что съ нимъ и гдѣ онъ теперь находится? Покойникъ отвѣчалъ: «Хотя я и не обязанъ съ тобою говорить, но такъ какъ при жизни не было у меня отъ тебя никакихъ тайнъ, то скажу, что, по милости Божіей, я не въ аду; скоро и ты послѣдуешь за мною, готовся къ смерти черезъ три недѣли послѣ этого дня».

Покойникъ медленно удалился, какъ-бы не желая съ нею разстаться, а старушка проснувшись, радостно стала всѣмъ разсказывать о своемъ свиданіи съ покойнымъ мужемъ. И дѣйствительно, ровно черезъ три недѣли она мирно скончалась. (Душеполезное Чтеніе 1868 г., часть 1).

Одинъ изъ богоносныхъ отцевъ, говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, имѣлъ ученика, жившаго въ безпечности. Когда сей ученикъ, въ такомъ нравственномъ состояніи, застигнутъ былъ смертію, то человѣколюбивый Господь, послѣ молитвъ, принесенныхъ старцемъ со слезами, показалъ ему ученика его, объятаго пламенемъ до шеи. Когда же старецъ его много подвизался и молился о прощеніи грѣховъ усопшаго, то Богъ показалъ ему юношу, стоящаго въ огнѣ по поясъ. Потомъ, когда благостный мужъ приложилъ къ трудамъ своимъ новые труды, то Богъ въ видѣніи явилъ его старцу совершенно избавленнымъ отъ мученій. (Слово о почив. въ вѣрѣ Христіанское Чтеніе ч. 26-я 1827 г.).

Отецъ мой зналъ о своей кончинѣ за нѣсколько лѣтъ, передаетъ нѣкто С., и вотъ какъ это ему было открыто. Наканунѣ имянинъ своихъ съ 31-го декабря на 1-е января увидѣлъ онъ во снѣ своего отца, Михаила Васильевича, который объявилъ ему о скоромъ ихъ свиданіи въ лучшемъ мірѣ. «Ты умрешь, сказалъ ему мой дѣдушка, 2-го января въ день и моей смерти». «Какъ! вскричалъ мой отецъ, такъ скоро?» «Нѣтъ, ты умрешь въ среду». И дѣйствительно, спустя нѣсколько лѣтъ, въ первую случившуюся среду, которая совпадала со 2-е января, мой отецъ умеръ. (Душеполезное Чтеніе 1862-го года, за апрѣль).

Въ концѣ прошлаго столѣтія помѣщикъ З., человѣкъ еще не старый, обремененный многочисленнымъ семействомъ и имѣвшій при этомъ довольно ограниченное состояніе, служилъ для семьи своей единственной опорой.

Но вотъ однажды З. отчаянно заболѣлъ и видимо началъ приближаться къ смерти; врачи отказались лечить. Убитая горемъ жена оплакивала больнаго мужа, какъ умершаго, представляя себѣ безвыходное положеніе съ кучею малолѣтнихъ дѣтей. Видя все это, безнадежный больной началъ мысленно просить Бога продлить ему жизнь, пока онъ пристроитъ своихъ старшихъ сыновей и такимъ образомъ оставитъ на ихъ попеченіе другихъ младшихъ своихъ дѣтей. Послѣ этой молитвы онъ уснулъ и проспалъ довольно долго. Проснувшись, немедленно зоветъ къ себѣ жену и радостно сообщаетъ ей, что видѣлъ во снѣ архипастыря бѣлгородскаго Іосафа Горленко, котораго помнилъ еще въ живыхъ. Архипастырь въ сонномъ видѣніи сказалъ ему, что по милосердію Божію, ради невинныхъ малютокъ дается ему еще двадцать лѣтъ жизни. Но чрезъ 20 лѣтъ, ровно въ этотъ день Господь призоветъ его къ Себѣ.

Разсказавъ свое сновидѣніе, больной попросилъ жену все это со словъ его записать въ молитвенникъ, что и было исполнено и безнадежный дотолѣ больной З. началъ къ удивленіп семьи и лечившихъ его врачей быстро поправляться, и вскорѣ совсѣмъ выздоровѣлъ.

Ровно чрезъ 20 лѣтъ, въ назначенный день З. почилъ вѣчнымъ сномъ на рукахъ своихъ сыновей и дочерей, уже пристроенныхъ и обезпеченныхъ съ благодарной молитвой на устахъ.

Молитвенникъ его съ записью доселѣ хринится у его потомковъ, какъ фамильная рѣдкость. (Душеп. Чтеніе за 1868-й годъ).

* * *

Родители наши большею частью жили въ своихъ деревняхъ, разсказываетъ графиня Г. Ч — ова, и такъ любили другъ друга, что пережили одинъ другого очень не надолго. Вскорѣ по ихъ кончинѣ наступилъ храмовой праздникъ въ нашемъ имѣніи. Я и всѣ мои сестры были уже за мужемъ, но къ этому дню мы собирались всею семьею въ это имѣніе, чтобы помолиться вмѣстѣ о нашихъ дорогихъ покойникахъ. Это было лѣтомъ. У всѣхъ насъ были хорошіе голоса и мы обыкновенно пѣли на клиросѣ.

Наканунѣ праздника послѣ обѣда всѣ мы сидѣли въ большомъ залѣ, изъ котораго стеклянная дверь выходила на террассу, а съ террассы былъ входъ въ садъ. Сестры спѣвались, готовясь пѣть на другой день за обѣдней въ память родителей любимый ихъ концертъ. Я же была не совсѣмъ здорова и въ спѣвкѣ не участвовала, а сидѣла въ концѣ залы противъ самой стеклянной двери растоваривая съ двоюроднымъ братомъ.

Пѣли въ этотъ дéнь сестры необыкновенно хорошо; слушая ихъ, я думала: вотъ, если бы живы были наши родители, какъ они были бы довольны, слушая этотъ концертъ. Смотря на брата, что-то мнѣ говорившаго, я вдругъ безъотчетно взглянула на дверь, выходящую на терарссу и о, ужасъ! Въ дверяхъ стоитъ моя мать въ простомъ бѣломъ капотѣ и бѣломъ чепчикѣ съ оборочкой, какъ была похоронена, и пристально смотритъ на меня. Не вѣря своимъ глазамъ и думая, что это воображеніе мнѣ рисуетъ ея образъ, я стала смотрѣть внизъ; чрезъ минуту подымаю глаза, она тутъ и тихо приближается ко мнѣ.

Я встала и пошла къ ней навстрѣчу. Какъ только я двинулась, она стала отступать къ двери, лицомъ ко мнѣ, не оборачиваясь. Я приблизилась къ ней, а она все отступала, продолжая пристально смотрѣть на меня. Такъ она спустилась съ терарсы въ садъ, и я за нею. Въ аллеѣ она остановилась. Я также остановилась и хотѣла взять ее за руку, говоря: «я за тобой». Но она отчетливо сказала: «Неприкасайся ко мнѣ, тебѣ еще не время». Потомъ она произнесла еще нѣсколько словъ, повторять я ихъ не могу; затѣмъ улыбнулась, лицо ея точно просвѣтлѣло какимъ-то блаженствомъ, и она тихо стала отдѣляться отъ земли, подыматься вверхъ, становясь все воздушнѣе и исчезла въ пространствѣ. (Современныя Извѣстія, 1874-го года, № 19-й).

* * *

Когда умерла шведская королева Ульрика въ своемъ замкѣ и положена была въ гробъ, то въ передней комнатѣ отрядъ лейбъ-гвардіи держалъ печальный караулъ. Въ полдень явилась въ пріемную любимая королевою графиня Стенбокъ изъ столицы Стокгольма и начальникъ стражи проводилъ ее къ тѣлу королевы. Такъ какъ она долго не возвращалась, капитанъ гвардіи отворилъ дверь и отъ ужаса остолбенѣлъ. Тогда поспѣшили къ нему присутствовавшіе оицеры, и ясно увидѣли чрезъ открытую дверь королеву, сидѣвшую въ своемъ гробу и обнимавшую графиню Стенбокъ.

Видѣніе казалось какъ-бы плавающимъ въ воздухѣ, но скоро превратилось въ густой туманъ; но когда туманъ разсѣялся, тѣло королевы лежало въ гробу по прежнему, а графини Стенбокъ нигдѣ не оказалось въ замкѣ. Тотчасъ-же послали курьера съ извѣстіемъ объ этомъ въ Стокгольмъ и былъ привезенъ отвѣтъ, что графиня Стенбокъ не оставляла столицы, но умерла въ то время, когда ее видѣли въ объятіяхъ королевы. Тогда составленъ объ этомъ событіи протоколъ, и подписанъ всѣми видѣвшими это явленіе. (Историческій и Статистическій журналъ 1815-го года).

* * *

Въ м. Теофиполѣ недавно случился такой фактъ. Издавна здѣсь въ одиночествѣ проживала почтенныхъ лѣтъ, всѣми уважаемая, чрезвычайно набожная вдова А-ова. Она особенно дружила съ подругою юныхъ лѣтъ своихъ Д-ой. Но въ послѣднее время неразрывные друзья, настолько крупно посорились, что А-ова, внезапоно заболѣвъ, приказала своимъ роднымъ не пускать къ себѣ на похороны Д-ину, если послѣдняя къ ней мертвой придетъ прощаться. Священникъ О-скій, призванный въ одинадцать часовъ ночи напутствовать, заболѣвшую, узналъ о непримиримой враждѣ почтенной вдовы съ ея прежней пріятельницею, сталъ угоааривать больную простить въ душѣ Д-ину, и тогда только приступить къ принятію св. Таинъ. Больная послушала своего духовнаго отца. Въ ту же ночь Д-ина, ничего не знавшая о внезапной болѣзни А-вой, среди крѣпкаго сна пробуждается отъ ощущенія чисто реальнаго присутствія, услышавъ умоляющій голосъ А-вой о прощеніи. Проснувшись, она зажгла свѣчу, но никого не нашла въ своей комнатѣ. Въ скоромъ времени она снова уснула. Но вдругъ Д-ина слышитъ крикъ дочери своей, дѣвушки 14-и лѣтъ. «Мама, иди сюда, здѣсь А-ова ходитъ. Вотъ она, вотъ пошла, смотри!». Д-ина зажгла свѣчу, и опять никого и ничего. Часы показывали три часа ночи. Мать и дочь совершенно осязательно ощущали присутствіе А-ой. На другой день Д-ина получаетъ извѣстіе, что А-ова умерла ровно 3 часа ночи.

Послѣ погребенія, священникъ О-скій, согласно распоряженію покойной, съ понятыми описалъ все ея имущество, лучшія вещи сложилъ въ сундуки и отправилъ въ церковный домъ до пріѣзда сына, оканчивавшаго Академію Художествъ; разные же коробочки и мѣшечки побросали въ уголъ, какъ никуда ненужный хламъ. Черезъ два дня послѣ смерти А-овой, является къ священнику испуганная, взволнованная племянница покойной и говоритъ: «Сегодня мнѣ явилась тетка моя А-ова, и велѣла вамъ батюшка, передать, что вы не хорошо распорядились имуществомъ ея: нажитое потомъ и кровію для сына, побросали въ уголъ».

Пошли въ домъ, стали перебирать коробочки, и нашли среди лоскутовъ 500 рублей денегъ. Черезъ нѣсколько дней, кажется на 6-й послѣ смерти, А-ова является съ тою же реальною осязательностью священнику О-му, какъ-бы въ благодарность и говоритъ: «небойся болѣзни своей, а опасайся вотъ чего», и сдѣлала ему предостереженіе. Дѣйствительно, по свидѣтельству почтеннаго священника, предсказанія ея сбылись. (Херсон. Епарх. Вѣд. 1886 г.).

* * *

Господь пріемлетъ и грѣшниковъ кающихся.

При греческомъ императорѣ Маврикіи былъ во Ѳракіи разбойникъ свирѣпый и жестокій. Поймать его никакъ не могли. Блаженный императоръ, услышавъ о томъ, послалъ къ разбойнику крестъ свой и повелѣлъ ему сказать, чтобы онъ не боялся, — чѣмъ означалось прощеніе всѣхъ его злодѣяній, съ условіемъ исправиться. Разбойникъ умилился, пришелъ къ царю и припалъ къ ногамъ его, раскаяваясь въ преступленіяхъ своихъ. Послѣ немогихъ дней, онъ впалъ въ недугъ, и помѣщенъ былъ въ сраннопріимный домъ, гдѣ видѣлъ во снѣ страшный судъ.

Пробудившись и примѣчая усиленіе болѣзни и приближеніе кончины, онъ обратился съ плачемъ къ молитвѣ и говорилъ въ ней такъ: «Владыко, человѣколюбивый Царю! Спасшій прежде меня подобнаго мнѣ разбойника, удиви и на мнѣ милость Твою: прими плачъ мой на смертномъ одрѣ. Какъ принялъ Ты пришедшихъ въ единонадесятый часъ, ничего не совершившихъ достойнаго; такъ пріими и мои горькія слезы, очисти и прости меня ими. Больше этого не взыскуй отъ меня ничего; уже я не имѣю времени, а заимодавцы приближаются. Не ищи и не испытывай; — не найдешь во мнѣ никакого добра; предварили меня беззаконія мои, я достигъ вечера; безчисленны злодѣянія мои. Какъ принялъ Ты плачь апостола Петра, такъ пріими этотъ плачъ мой, и омой рукописаніе грѣховъ моихъ. Силою милосердія Твоего истреби мои прегрѣшенія». Такъ исповѣдуясь въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и утирая слезы платкомъ, разбойникъ предалъ духъ.

Въ часъ смерти старшій врачъ страннопріимнаго дома видѣлъ сонъ: къ одру разбойника пришли мурины съ хартіями, на которыхъ были написаны многочисленные грѣхи разбойника; потомъ два прекрасные юноши-царедворцы принесли вѣсы. Мурины положили на одну чашу написанное на разбойника, эта чаша перетянула, а противоположная ей поднялась кверху. Святые ангелы сказали: не имѣемъ ли мы здѣсь чего? И что можемъ имѣть — возразилъ одинъ изъ нихъ, — когда не болѣе десяти дней, какъ онъ воздержался отъ убійства? Впрочемъ, прибавили они: поищемъ что-нибудь добраго.

Одинъ изъ нихъ нашелъ платокъ разбойника, намоченный его слезами и сказалъ другому: «точно, этотъ платокъ наполненъ его слезами». Положимъ его въ другую чашу, а съ нимъ человѣколюбіе Божіе, и посмтримъ, что будетъ? Какъ только положили платокъ въ чашу, она немедленно потянула и уничтожила вѣсъ рукописаній, бывшихъ въ другой. Ангелы воскликнули въ одинъ голосъ: «поистинѣ побѣдило человѣколюбіе Божіе»! Взявъ душу разбойника, они повели ее съ собою; мурины зарыдали и бѣжали со стыдомъ.

Увидѣвъ этотъ сонъ, врачъ пошелъ въ страннопріимный домъ; пришедши къ одру разбойника, онъ нашелъ тѣло его еще теплымъ, оставленнымъ душею; платокъ наполненный слезами, лежалъ на глазахъ его. Узнавъ отъ находившихся при немъ о покаяніи, принесенномъ Богу, врачъ взялъ платокъ, представилъ его къ императору и сказалъ ему: «Государь! прославимъ Бога, и при твоей державѣ спасся разбойникъ». Однако, — заключаетъ повѣсть эту весьма благоразумно передавшій намъ ее, — гораздо лучше благовременно приготовлять себя къ смерти и предварять страшный часъ ея покаяніемъ (Изъ кн. Прологъ 17-го октября).

* * *

Въ прошедшемъ столѣтіи въ К.... заводѣ (Вол. губ.), скончалась женщина, лѣтъ 30-и, Марія Н.... Двадцати лѣтъ она выдана была въ замужество за мастерового А. Н.; черезъ годъ послѣ свадьбы мужъ ея поступилъ въ солдаты, и бѣдная молодая женщина, проживши послѣ мужа года четыре скромно и честно, увлеклась потомъ соблазномъ и повела жизнь беспорядочную. Духовный отецъ Маріи увѣщевалъ ее нерѣдко обратиться къ жизни чистой и къ раскаянію въ прежнихъ проступкахъ, и всегда получалъ кроткій отвѣтъ: «постараюсь, батюшка, исправиться, постараюсь». Но несмотря на обѣщанія и, безъ сомнѣнія, дѣйствительное стараніе исправиться, потокъ соблазна и искушеній снова увлекалъ ее въ грѣхъ. Такимъ образомъ, бѣдная женщина провела не мало лѣтъ, попеременно, то въ грѣхѣ, то въ раскаяніи, то опять въ грѣхѣ. Но вотъ въ одинъ день зовутъ духовника Маріи для ея напутствованія. «Давно ли Марія больна?» спрашиваетъ онъ и узнаетъ, что она мѣсяца три уже страдаетъ грудною водянкой и часто о чемъ-то груститъ и плачетъ.

При исповѣди духовникъ нашелъ Марію въ сердечномъ сокрушеніи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сверхъ чаянія, въ великомъ, почти радостномъ уповании на милосердіе Спасителя. Она разсказала, что въ эти три мѣсяца своей болѣзни, она много страдала отъ угрызеній совѣсти при воспоминаніи о своихъ грѣхахъ и при мысли, что не воспользовалась въ свое время наставленіями своего духовнаго отца и одного благочестиваго старца-странника, что не могла исправиться отъ своей слабости; нерѣдко доходила до унынія и совершеннаго отчаянія, но въ то же время, при этихъ мрачныхъ помыслахъ, чувствовала, что какой-то голосъ говорилъ въ ея сердцѣ: «ты лучше поплачь о грѣхахъ своихъ, — авось Господь милосердый и проститъ тебя; вѣдь у Него милости больше, чѣмъ въ морѣ капель».

Это былъ голосъ благодати Божіей, призывающій душу къ покаянію и надеждѣ на милосердіе Спасителя грѣшныхъ. И Марія плакала, плакала отъ глубокаго покаяннаго чувства цѣлые дни и

ночи, и еще молила Господа даровать ей цѣлое море слезъ. И становилось легко на душѣ ея послѣ многихъ и обильныхъ слезъ.

Въ прошлую ночь, прибавила она, особенно тяжело было мнѣ. Врагъ силился отнять у меня всякую надежду на спасеніе. Я томилась и уже не знала, что дѣлать, какъ вдругъ, не знаю, — въ сонномъ ли забытьи, иди наяву, явился мнѣ старецъ, — котораго, съ годъ тому назадъ, приняла я къ себѣ больного и изнеможеннаго, покоила какъ отца, и, по выздоровленіи, его обшила, обмыла, и, отдавши ему на дорогу свою шубенку, проводила далеко, слушая его мудрыя наставленія и прося его молиться о мнѣ грѣшной. Этотъ старецъ сказалъ мнѣ съ строгимъ выраженіемъ голоса: «Марія, ты грѣшишь еще и противъ Божія милосердія?... Взявшій на Себя грѣхи всѣхъ человѣковъ, развѣ не можетъ подъять и твоихъ? Пострадавшій за грѣхи наши, развѣ радуется погибели бѣдныхъ грѣшниковъ? Или не знаешь, какъ милостиво принималъ Онъ и прощалъ великихъ грѣшниковъ, прибѣгавшихъ къ Его милосердію».

«Молись и надѣйся. Посмотри на меня. Вотъ и я представляю Ему въ ходатайство за тебя успокоенную тобою мою старость и эту одежду, дражайшую царскихъ порфиръ; узнаешь ли ее? Она одна у тебя и была, но ты пожертвовала ею ради Христа Спасителя и ради любви къ ближнему, — «а пребываяй въ любви, въ Бозѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ» (1 Ін. 4, 16), говоритъ возлюбленный ученикъ Христовъ. Неужели думаешь, что у Спасителя менѣе любви для тебя, чѣмъ сколько ты могла оказать ея для страннаго нищаго и для Него». — Тутъ я пристальнѣе вгядѣлась въ старца и увидѣда на его кроткомъ и свѣтломъ лицѣ радостную улыбку, а шубу мою блистающею на немъ подобно лучамъ солнечнымъ. «Миръ тебѣ, дочь моя», сказалъ еще старецъ и скрылся...

Съ тѣхъ поръ, батюшка, ощущаю я въ себѣ какое-то дивное, необъяснимое спокойствіе и, предчувствуя близкій конецъ себѣ, пожелала исповѣдаться во многихъ и тяжкихъ моихъ грѣхахъ и получить ваше благословеніе и прощеніе въ томъ, что многогрѣшная не слушалась вашихъ совѣтовъ наставленій. Простите, батюшка, простите меня Бога ради, — или я въ вѣкъ буду плакать о томъ.

Что оставалось тутъ дѣлать духовнику, какъ не плакать вмѣстѣ съ смиренною и кающеюся грѣшницею, или нѣтъ, — уже омывшею многими слезами глубокаго, сердечнаго раскаянія, грѣхи свои, уже оправданною предъ судомъ Вземлющаго грѣхи міра, но еще желающею во вѣки оплакивать ихъ?

Дивны суды и пути Господни! И здѣсь, надъ этой смиренной рабой Своей Онъ оправдалъ слово Свое: «мытари и любодѣйцы варяютъ вы въ царствіи Божіи» (Матѳ. 21, 31).

Марія въ вечеръ того же дня скончалась въ мирѣ. Вскорѣ, по уходѣ духовника, она простилась со всѣми при ней бывшими, и болѣе уже не говорила ни съ кѣмъ ни слова, потому ли что лишилась языка, или потому что мыслею своею была въ глубинѣ своего пламенѣющаго любовію сердца, — и никто не видѣлъ и не слышалъ, какъ предала она Помилователю грѣшныхъ свою смиренную душу...

Нѣкто изъ святыхъ сказалъ: «смиреніе и любовь суть два великія крыла, на которыхъ возносятя на небеса». На этихъ крылахъ, можно вѣрить, вознеслась туда и раба Божія Марія. (Изъ кн. «Душеполезное Чтеніе», за 1861-й годъ).

* * *

Въ Египтѣ нѣкоторая дѣвица, именемъ Таисія, оставшись сиротою послѣ родителей, умыслила обратить домъ свой въ страннопріимный для скитскихъ иноковъ. Прошло много времени, въ которое она принимала и успокоивала отцевъ. Наконецъ ея имѣніе истощилось, и она начала терпѣть недостатокъ. Съ нею познакомились неблагонамѣренные люди, и отвратили ее отъ добродѣтели; она начала проводить худую жизнь, даже развратную.

Отцы, услышавши это, очень опечалились, они призвали авву Іоанна Колова и сказали ему: «мы слышали о сестрѣ Таисіи, что она раззорилась. Когда она была въ состояніи, оказывала намъ свою любовь; и мы нынѣ покажемъ нашу любовь къ ней и поможемъ ей. Потрудись посѣтить ее».

Авва Іоаннъ пришелъ къ ней и сказалъ старицѣ, стоявшей на стражѣ у воротъ, чтобы она доложила о немъ госпожѣ своей. Она отвѣчала: «вы, монахи, поѣли все имѣніе ея». Авва Іоаннъ сказалъ: «доложи ей; я доставлю ей большую пользу». Старица доложила. Юная госпожа сказала ей: «эти иноки, постоянно странствуя при Чермномъ морѣ, находятъ жемчугъ и драгоцѣнные камни; поди, приведи его ко мнѣ».

Авва Іоаннъ пришелъ и сѣлъ возлѣ нея и, взглянувъ на лице ея, преклонилъ главу и началъ горько плакать. Она сказала ему: «Авва, что ты плачешь»? Онъ отвѣчалъ: «вижу, что сатана играетъ на лицѣ твоемъ, и какъ мнѣ не плакать? Чѣмъ не понравился тебѣ Іисусъ, что ты обратилась на противныя Ему дѣла»? Она, услышавъ это, затрепетала и сказала ему: «Отецъ! есть ли для меня покаяніе»? Онъ отвѣчалъ: «есть». «Отведи меня, куда хочешь», сказада она ему и, вставъ, пошла вслѣдъ за нимъ.

Іоаннъ, замѣтивъ, что она не распорядилась, даже не сказала ни одного слова о домѣ своемъ, удивился. Когда они достигли пустыни, уже смерклось. Онъ сдѣлалъ для нея возглавіе изъ песка, такое же другое, въ нѣкоторомъ разстояніи, для себя. Оградивъ ея возглавіе крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: «здѣсь усни». А самъ, исполнивъ свои молитвы, тоже прилегъ отдохнуть.

Въ полночь Іоаннъ проснулся и увидалъ, что образовался нѣкій путь, отъ мѣста, гдѣ почивала Таисія, до неба, и ангелы Божіи возносятъ ея душу. Тогда онъ всталъ и началъ будить ее; но она уже скончалась. Іоаннъ повергся на землю и услышалъ голосъ: «единъ часъ ея покаянія принятъ паче долговременнаго покаянія многихъ, не оказывающихъ при покаяніи такого самоотверженія». (Изъ кн. Патерикъ Скитскій).

* * *

ЧТО ЕСТЬ АДСКІЯ МУЧЕНІЯ?

Были два друга, — сказано въ нѣкоторой священной повѣсти, преданной Святогорцемъ, — одинъ изъ нихъ тронутый словомъ Божіимъ, вступилъ въ монастырь и провидилъ жизнь въ слезахъ покаянія, другой остался въ мірѣ, проводилъ разсѣянную жизнь и, наконецъ, пришелъ въ такое ожесточеніе, что началъ дерзко насмѣхаться надъ Евангеліемъ.

Среди такой жизни кончина постигла мірянина. Узнавъ о его смерти, монахъ, по чувству дружбы, началъ молить Бога, чтобы загробная участь почившаго ему была открыта.

По прошествіи нѣкотораго времени, въ тонкомъ снѣ является иноку другъ его. — «Что, каково тебѣ? Хорошо ли»? спросилъ монахъ явившагося: «горе мнѣ злочастному! неусыпающій червь точитъ меня, не даетъ и не дастъ мнѣ покоя чрезъ цѣлую вѣчность».

«Какого рода это мученіе»? продолжалъ вопрошать монахъ. «Это мученіе невыносимо! воскликнулъ умершій, но нѣтъ возможноси избѣжать гнѣва Божія. Ради молитвъ твоихъ дана мнѣ свобода, и, если хочешь, я покажу тебѣ мое мученіе. Тебѣ не вынести, если бъ я открылъ его такъ, какъ оно есть, вполнѣ; но, хотя отчасти, узнай его». При этихъ словахъ почившій приподнялъ одежду свою до колѣна. И, о, ужасъ! вся нога была покрыта страшнымъ червемъ, снѣдавшимъ ее, и отъ ранъ выходилъ такой зловоннай смрадъ, что потрясенный монахъ въ ту же минуту проснулся. Но адскій смрадъ наполнилъ всю келію, и такъ сильно, что монахъ въ испугѣ выскочилъ изъ нея, забывъ затворить за собою двери, отчего смрадъ проникъ далѣе и разлился по монастырю, всѣ келіи переполнились имъ, а такъ-какъ и самое время не уничтожило его, то иноки должны были совершенно оставить монастырь и переселиться въ другое мѣсто; а монахъ, видѣвшій адскаго узника и его ужасную муку, во всю жизнь свою не могъ избавиться отъ прилѣпившагося ему зловонія, ни отмыть его отъ рукъ, ни заглушить никакими ароматами. (Изъ кн. Вѣчная загробныя тайны. Изданіе Свято-Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ).

* * *

Видѣніе обителей Царствія Небеснаго.

Многіе изъ угодниковъ были Духомъ Святымъ восхищены въ рай и изъ него проникли на небо, въ небеса небесъ, къ самому Престолу Господа, окруженнаго пламенными Серафимами и Херувимами. Такъ преподобный Симеонъ Дивногорецъ видѣлъ въ раю чудные сады, видѣлъ тамъ душу праотца Адама и душу благоразумнаго разбойника, перваго изъ человѣковъ введеннаго Богомъ въ рай по искупленіи (Житіе преп. Симеона Дивногорца 24-го мая).

Изъ извѣстныхъ намъ видѣній Святыхъ Отцевъ, бывшихъ зрителями рая, съ особенною живостію и подробностію изложено видѣніе святого Андрея, Христа ради юродиваго, пребывшаго выше-естественно въ теченіе двухъ недѣль въ созирцаніи невидимаго рая. Онъ повѣдалъ сотаиннику своему Никифору объ этомъ видѣніи слѣдующее: «я увидѣлъ себя въ раю прекрасномъ и удивительнѣйшемъ, и, восхищаясь духомъ, размышлялъ: что это? Знаю, что живу въ Константинополѣ, какъ же очутился здѣсь — понять не могу. Я былъ въ недоумѣніи: въ тѣлѣ ли я, или внѣ тѣла — Богъ знаетъ это. Но видѣлъ себя облеченнымъ въ самое свѣтлое одѣяніе, какъ бы истканное изъ молній, вѣнецъ былъ на главѣ моей, сплетенный изъ великихъ цвѣтовъ, и я былъ опоясанъ поясомъ царскимъ. Радуясь этой красотѣ, дивясь умомъ и сердцемъ несказанному лбаголѣпію Божія рая, я ходилъ по нему и веселился. Тамъ были многіе сады съ высокими деревьями; они колебались вершинами своими и увеселяли зрѣніе; отъ вѣтвей ихъ исходило великое благоуханіе. Одни изъ деревьевъ непрестанно цвѣли, другіе украшались златовидными листьями, иные имѣли на себѣ различные плоды несказанной красоты и пріятности. Невозможно тѣхъ деревъ уподобить ни одному дереву земному: Божія рука, а не человѣческая насадила ихъ. Птицъ въ этихъ садахъ было безчисленное множество: иныя сидѣли на вѣтвяхъ райскихъ деревъ и пѣли прекрасно; отъ сладкаго пѣнія ихъ я не помнилъ себя — такъ услаждалось мое сердце; и казалось мнѣ, что гласъ пѣнія ихъ досягалъ даже до высоты небесной. Стояли тѣ прекрасные сады рядами, какъ бы полкъ противъ полка.

Въ то время, какъ я ходилъ между ними въ величіи сердца, увидѣлъ рѣку великую текущую посреди нихъ и ихъ напояющую. На другомъ берегу былъ виноградникъ, котораго лозы, украшенныя златыми листьями и златовидными гроздіями, широко раскидывались. Дышали тамъ отъ четырехъ странъ вѣтры тихіе и благоухающіе, отъ ихъ дыханія колебались сады, производящіе дивный шумъ листьями своими».

Такъ-какъ святый Андрей былъ восхищенъ не только въ рай, но, подобно святому апостолу Павлу, и до третьяго неба, то вслѣдъ за вышеприведеннымъ повѣствованіемъ о раѣ, онъ продолжалъ сказаніе такъ: Послѣ этого напалъ на меня ужасъ, и я ощущалъ,

что стою превыше небесной тверди. Юноша съ лицемъ подобно солнцу предшествовалъ мнѣ. Я послѣдовалъ за нимъ, и вотъ — увидѣлъ Крестъ прекрасный и великій, видомъ похожій на радугу.

Вокругъ него стояли пѣвцы огнезрачные, какъ пламень, и пѣли пѣснь сладкую, прославляя Господа, распявшагося на крестѣ. Предшествовавшій мнѣ юноша приступилъ ко Кресту, облобызалъ его и подалъ мнѣ знакъ, чтобы я сдѣлалъ то же: я припалъ ко Кресту, со страхомъ и радостію великою и усердно лобызалъ его. Въ то время, какъ я его лобызалъ, насытился духовной неизреченной сладости и обонялъ большее благоуханіе, нежели въ раю.

Миновавъ Крестъ, я посмотрѣлъ внизъ и, увидѣвъ подъ собою бездну, — потому что мнѣ казалось, что я хожу по воздуху, — началъ пугаться и возопилъ къ руководившему меня: боюсь, чтобы мнѣ не низвергнуться въ глубину! Онъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «небойся, намъ должно взойти выше». — и подалъ мнѣ руку. Когда я схватился за его руку, — мы очутились выше второй тверди; я увидѣлъ тамъ дивныхъ мужей и покой ихъ, и радость праздника ихъ, неизглаголаннаго языкомъ человѣческимъ.

Послѣ сего мы вошли въ чудный пламень, который насъ не опалялъ, но только просвѣщалъ. Я началъ ужасаться, и опять руководившій меня обратился ко мнѣ и подалъ мнѣ руку, говоря: «намъ должно взойти и еще выше». Съ этимъ словомъ мы очутились выше третьяго неба, гдѣ я услышалъ множество небесныхъ Силъ, поющихъ и славословящихъ Бога.

Мы пришли предъ завѣсу, блиставшую какъ молнія, предъ которою стояли страшные великіе юноши, подобные пламени огненному; лица ихъ сіяли паче солнца, и въ рукахъ ихъ было огненное оружіе; кругомъ со страхомъ предстояло безчисленное множество небеснаго воинства. Руковидившій меня юноша сказалъ мнѣ: «когда отымется завѣса и увидишь Владыку Христа, тогда поклонись престолу славы Его».

Услышавъ это, я вострепеталъ и возрадовался; меня объяли ужасъ и неизъяснимая радость; я стоялъ и смотрѣлъ, когда отымется завѣса. Ее отъяла нѣкая пламенная рука, и я увидѣлъ Господа моего, какъ нѣкогда Исаія пророкъ, сѣдящаго на престолѣ высокомъ и превознесенномъ, окруженнаго Серафимами. Онъ былъ облеченъ въ багряную одежду, лице Его сіяло неизреченнымъ свѣтомъ, и Онъ съ любовію обратилъ ко мнѣ Свои очи.

Увидѣвъ Его, я палъ предъ Нимъ на лице свое, поклоняясь пресвѣтлому и страшному престолу славы Его. Какая же тогда отъ видѣнія лица Его объяла меня радость, того не возможно выразить, такъ что и нынѣ, поминая это видѣніе, исполняюсь неизреченной сладости. Въ трепетѣ лежалъ я предъ Владыкою, удивляясь толикому Его милосердію, что попустилъ мнѣ, грѣшному и нечистому человѣку, придти предъ Него и увидѣть Божественную лѣпоту Его.

Я исполнился умиленія, размышляя о моемъ недостоинствѣ, и, разсматривая величіе моего Владыки, повторялъ въ себѣ слова пророка Исаіи: «о, окаянный азъ, яко сподобихся, человѣкъ сый и нечисты устнѣ имый, Господа моего очима моима видѣти». (Ис. 6, 5)!

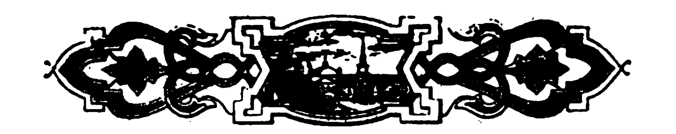
И услышалъ я, что премилосердый Творецъ мой изрекъ ко мнѣ пречистыми и сладчайшими устами Своими три Божественныя слова, которыя столько усладили мое сердце и столько разожгли любовію къ Нему, что я весь таялъ, какъ воскъ отъ дѣйствія теплоты духовной, и исполнились надо мной слова Давида: «бысть сердце мое, яко воскъ тая посредѣ чрева моего». (Псал. 21, 13).

Потомъ всѣ воинсва небесныя воспѣли пѣснь предивную и неизреченную. Послѣ этого, не знаю какъ, я очутился опять ходящимъ по раю. Пришла мнѣ притомъ мысль, что я не видѣлъ Госпожи Пресвятыя Богородицы; и вотъ вижу нѣкоего мужа, свѣтлаго какъ облакъ, носящаго крестъ и говорящаго мнѣ: «ты захотѣлъ видѣть здѣсь Пресвятую Царицу Небесныхъ Силъ? Нынѣ нѣтъ Ея здѣсь. Она ушла въ многобѣдственный міръ помогать человѣкамъ и утѣшать скорбящихъ. Я показалбы тебѣ Ея святое мѣсто пребыванія, но теперь уже не время: тебѣ должно возвратиться туда, откуда ты пришелъ, — такъ повелѣваетъ Владыка». Когда онъ говорилъ это, мнѣ показалось, что нахожусь на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде. (Изъ кн. Четьи Минеи 2-го октября).

* * *

Подобно этому преподобная Өеодора повѣдала о райской обители велидаго угодника Божія Василія Новаго, что она преисполнена была славы и имѣла многіе сады златолиственные и многоплодные. Святой Өеодорѣ былъ подробно показанъ рай ангелами, ее руководившими. И видѣла я, говорила она, прекрасныя селенія и многочисленныя обители, уготованныя любящимъ Бога, преисполненныя славы и благодати.

Водившіе меня показывали мнѣ отдѣльно обители апостольскія, отдѣльно пророческія, отдѣльно мученическія, отдѣльно обители каждаго чина святыхъ. Каждая обитель была красоты неизреченной, въ широту и долготу, сказатъ бы, подобная Царьграду, но несравненно красивѣйшая, со многими пресвѣтлыми нерукотворенными палатами. Всюду въ обителяхъ тѣхъ слышанъ былъ гласъ радости и веселія духовнаго, и видны были лики празднующихъ. Всѣ, увидя меня, радовались о моемъ спасеніи, выходили ко мнѣ навстрѣчу и лобызали меня, восхваляя Господа, избавившаго меня отъ сѣтей вражіихъ. (Изъ кн. Четьи Минеи 26-го марта).

Участіе умершихъ въ судьбѣ живыхъ и особенно родныхъ и друзей.

Въ г. Владимірѣ на Клязьмѣ у Золотыхъ воротъ, помѣщалась сто лѣтъ тому назадъ парикмахерская нѣкоего Павла Васильевича Карова. У этого парикмахера въ Москвѣ былъ родной братъ Сергѣй Васильевичъ Каровъ, тоже парикмахеръ. Братъ этотъ Сергѣй на пятой недѣлѣ Великаго поста опасно заболѣлъ и умеръ. Его родная сестра, жившая при немъ, тотчасъ сообщила о смерти его брату своему Павлу во Владиміръ. Но такъ какъ желѣзной дороги въ то время еще не было, а распутица и бездорожье были страшныя, то Павелъ Васильевичъ не счелъ возможнымъ ѣхать на похороны къ брату.

Наступила Пасха. Въ первый день праздника, часовъ около десяти вечера, Каровъ прилегъ на диванъ и призадумался безотчетно. Вдругъ отворяется снаружи дверь и входитъ въ комнату покойный Каровъ, братъ Павла, который перекрестясь предъ иконами, подойдя къ Павлу, сказалъ: «Христосъ воскресе, Паша!»

Тотъ страшно испугался, но когда Сергѣй подошелъ поцѣловаться, Павелъ отвѣтилъ ему: «Воистинну воскресе», и поцѣловались. Затѣмъ покойникъ сѣлъ рядомъ съ братомъ на диванъ. «Мать наша тебѣ кланяется, ей тамъ хорошо, сказалъ явившійся брату. «Да вѣдь ты, Сережа, умеръ»? спросилъ Павелъ брата. «Да, дѣйствительно я умеръ». «Какъ же ты пришелъ»? «А насъ отпускаютъ». Кое-какъ ободренный Павелъ Каровъ всталъ взялъ трубку, положилъ табаку и, закуривши ее, предложилъ брату; но Сергѣй, отказался, сказавъ: «у насъ не курятъ». Не вѣря своимъ глазамъ, Павелъ началъ тихонько ощупывать сюртукъ Сергѣя и оцѣнивать, какой онъ доброты. Оказалось, что сюртукъ былъ драповый, извѣстнаго покроя, и у Павла не осталось болѣе сомнѣнія, что передъ нимъ сидитъ именно его братъ Сергѣй.

Побесѣдовавъ, Сергѣй изъявилъ желаніе пойти домой, и выйдя отъ Павла изъ парикмахерской, направился прямо къ церкви Николѣ Зарядному, гдѣ въ колонахъ паперти и скрылся совершенно.

Во время бесѣды съ Павломъ, Сергѣй собщилъ ему слѣдующее. Когда меня похоронили, то сестра, взявши въ свою пользу все мое добро, до настоящаго-то не добралась. У меня въ сундукѣ моемъ двойное дно, и сдѣлано такъ незамѣтно, что не зная, его нельзя найти. Вотъ ты и возьми себѣ этотъ сундукъ; въ немъ положено сто пятьдесятъ рублей денегъ и росписка князя Голицына за годъ за бритье. Онъ тебѣ деньги выдастъ». Такимъ образомъ Павлу Васильевичу оставалось только провѣрить сказанное братомъ.

* * *

Въ воскресеніе на Ѳоминой недѣлѣ онъ выѣхалъ въ Москву. Явившись къ сестрѣ, похоронившей Сергѣя Васильевича, Павелъ разспросилъ о послѣднихъ дняхъ брата, а равно и о томъ, въ чемъ братъ былъ похороненъ. Сестра разсказала, что она положила брата въ сюртукѣ такомъ-то, пантолонахъ такихъ-то, манишкѣ такой-то, словомъ она подтвердила все то, что видѣлъ самъ Павелъ на братѣ. Затѣмъ справляясь о томъ, по-христіански ли братъ окончилъ жизнь, получилъ отвѣтъ, что онъ былъ соборованъ масломъ, исповѣданъ и пріобщенъ св. Таинъ наканунѣ смерти.

Относительно же имущества, оставшагося послѣ Сергѣя, она показала пустой сундукъ. Павелъ попросилъ у нея этотъ сундукъ себѣ на память. Сестра охотно согласилась отдать его. Привезъ Павелъ Каровъ сундукъ въ свой номеръ и началъ осматривать его дно. Дѣйстительно оказалось, что очень тонкая доска сверху дна привинчивалась къ настоящему дну и поднималась, а подъ нею оказались ассигнаціи на сумму ровно 150 рублей и росписка на 90 рублей князя Голицына. Съ этою роспискою Павелъ Каровъ явился къ князю, тотъ не сказавъ ни слова, выдалъ ему 90 руб..

Объ этомъ происшествіи Павелъ Васильевичъ Каровъ сообщилъ своему духовному отцу Гавріилу Ястребову. Отецъ Гавріилъ задумался надъ этимъ явленіемъ. Спустя нѣсколько времени, когда о. Гавріилъ пришелъ къ Карову со святою водою, и вновь просилъ разсказать объ этомъ событіи, Павелъ В. Каровъ охотно повторилъ этотъ разсказъ, въ присутствіи причта. Спустя нѣкоторое время Павелъ В. Каровъ тяжко заболѣлъ и позвалъ напутствовать себя своего духовнаго отца.

Желая вновь узнать истину событія, О. Гавріилъ въ третій разъ спросилъ Карова: правду ли онъ, Каровъ, разсказываетъ о явленіи ему брата Сергѣя? Тогда Павелъ В. Каровъ, указывая на святыя иконы и помня близкій смертный часъ, удостовѣрилъ отца Гавріила, что все сказанное о явленіи ему брата Сергѣя, есть сущая правда, и что ему не было нужды вводить о. Гавріила въ заблужденіе, что бесѣда и христосованіе съ мертвымъ были вполнѣ реальны. (Современныя Извѣстія № 80, 1887-го года).

* * *

Года за полтора до кончины Алексѣя Петровича Ермолова, такъ разсказываетъ о немъ С. С., я пріѣхалъ въ Москву для свиданія съ нимъ. Прогостивъ у него нѣсколько дней, я собирался въ обратный путь къ мѣсту моего служенія и, прощаясь съ нимъ, не могъ удержаться отъ слезъ при мысли, что вѣроятно мнѣ уже не придется еще разъ увидѣть его въ живыхъ, такъ какъ въ то время онъ былъ дряхлъ, а я не прежде какъ черезъ годъ имѣлъ возможность вернуться въ Москву. Замѣтивъ мои слезы, Алексѣй

Петровичъ сказалъ: «Полно, я еще не умру до твоего возвращенія сюда». «Въ смерти и животѣ Богъ воленъ», отвѣтилъ я ему. «Я тебѣ положительно говорю, что не умру черезъ годъ, а позднѣе».

На моемъ лицѣ выразилось сильное изумленіе, даже страхъ за нормальное состояніе всегда свѣтлой головы Алексѣя Петровича, что не могло укрыться отъ него. «Я тебѣ сейчасъ докажу, что я еще не сошелъ съума и не брежу».
Съ этими словами онъ повелъ меня въ кабинетъ, вынулъ изъ запертаго ящика исписанный листъ бумаги и поднесъ его къ моимъ глазамъ. «Чьей рукой писано»? спросилъ онъ меня. «Вашей», отвѣчалъ я. «Читай». Это было нѣчто въ родѣ послужнаго списка Алексѣя Петровича, начиная съ чина подполковника, съ указанімъ времени, когда произошелъ каждый мало - мальски замѣчательный случай изъ его богатой событіями жизни. Онъ слѣдилъ за моимъ чтеніемъ, и когда я подходилъ къ концу листа, онъ закрылъ рукой послѣднія строки.

«Этого читать тебѣ не слѣдуетъ», сказалъ онъ, тутъ обозначенъ годъ, мѣсяцъ и день моей смерти. Все, что ты прочиталъ здѣсь, написано впередъ и сбылось до мельчайшихъ подробностей. Вотъ какъ это случилось. Когда я былъ еще въ чинѣ подполковника, меня командировали для производства слѣдствія въ уѣздный городъ Т. Мнѣ пришлось много работать. Квартира моя состояла изъ двухъ комнатъ: въ первой помѣщались находившіеся при мнѣ писарь и деньщикъ, во второй я. Войти въ мою комнату можно было не иначе, какъ черезъ первую.

Разъ ночью я сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ и писалъ. Кончивъ, я закурилъ трубку, откинулся на спинку кресла, и задумался. Подымаю глаза — предо мной какой - то неизвѣстный человѣкъ, судя по одеждѣ мѣщанинъ. Прежде чѣмъ я успѣлъ спросить: «кто онъ и что ему нужно»? незнакомецъ сказалъ: «Возьми листъ бумаги, перо и пиши».

Я безусловно повиновался, чувствуя, что нахожусь подъ вліяніемъ неотразимой силы. Тогда онъ продиктовалъ мнѣ все, что должно случиться въ теченіи моей жизни, и кончилъ днемъ моей смерти.

Съ послѣднимъ словомъ онъ исчезъ, но какъ и куда — не знаю. Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ я опомнился, первою моею мыслью было, что надо мною подшутили. Я вскочилъ съ мѣста и бросился въ первую комнату, миновать которую не могъ незнакомецъ. Тамъ я увидѣлъ, что писарь сидитъ и пишетъ при свѣтѣ сальнаго огарка, а денщикъ спитъ на полу, у самой входной двери, которая оказалась запертою на ключъ. На вопросъ мой: «кто сей - часъ вышелъ отсюда»? удивленный писарь отвѣтилъ, что никто не проходилъ.

До сихъ поръ я никому не разсказывалъ объ этомъ, заключилъ Алексѣй Петровичъ, зная напередъ, что одни подумаютъ — я выдумалъ это, а другіе сочтутъ меня за человѣка, подверженнаго галлюцинаціямъ, но для меня это фактъ, не подлежащій сомнѣнію, видимымъ и осязательнымъ доказательствомъ котораго служитъ вотъ эта бумага. Теперь надѣюсь, ты не усомнишься въ томъ, что мы еще разъ увидимся.

Дѣйстительно, черезъ годъ послѣ того мы опять увидѣлись. Послѣ смерти я отыскалъ въ его бумагахъ таинственную рукопись и увидѣлъ изъ ней, что Алексѣй Петровичъ Ермоловъ скончался въ тотъ самый день и даже часъ, какъ ему было предсказано лѣтъ за пятьдесятъ. (Русская Старин. 1875-го года, за май).

* * *

Въ 30-хъ годахъ въ Севастополѣ служили два офицера, отличные моряки П. и Т., очень дружные между собою. Послѣдній, отправляясь въ какую-то экспедицію, приходитъ къ своему товарищу и говоритъ ему: «Послушай, я отправляюсь въ море. Мало-ли что можетъ случиться. Дай мнѣ слово исполнить то, о чемъ я попрошу тебя». «Можешь ли ты сомнѣваться во мнѣ», отвѣчаетъ П., «скажи, что ты хочешь»? «Въ случаѣ моей смерти, женись на моей вдовѣ, и будь отцемъ моему сыну». «Помилуй, что ты бредишь! Экспедиція твоя небольщая. Ты воротишься, да ты же и мастеръ плавать».

«Толковать объ этомъ нечего — я прошу тебя, и ты долженъ дать мнѣ слово». «Пожалуй, если тебѣ это нужно для твоего успокоенія». Друзья разстались. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Вдругъ П. видитъ во снѣ Т., который говоритъ ему: «ты долженъ исполнить свое обѣщаніе и жениться». Проснувшись, онъ счелъ этотъ сонъ дѣйствіемъ воображенія. Между тѣмъ объ экспедиціи ничего не было слышно. Вскорѣ онъ увидѣлъ во снѣ опять друга, который снова ему напоминалъ о женитьбѣ, и тогда же было получено въ адмиралтействѣ извѣстіе, что другъ его утонулъ. (Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ — Погодина).

* * *

Блаженный Августинъ разсказываетъ слѣдующее: Въ бытность его въ Миланѣ одинъ молодой человѣкъ постоянно былъ преслѣдуемъ своимъ заимодавцемъ. Долгъ, который тотъ требовалъ отъ него, былъ собственно долгъ его отца, въ это время уже умершаго, и уплаченъ былъ имъ еще при жизни, но сынъ не имѣлъ объ этомъ никакого письменнаго документа. Отецъ явился сыну, и указалъ мѣсто, гдѣ лежала квитанція, изъ-за которой перенесъ онъ такъ много безпокойства. (Соч. Калмета).

* * *

Въ деревнѣ Студенкѣ, дубенскаго уѣзда, волынской губерніи, жилъ зажиточный крестьянинъ Олійникъ, мужикъ здоровый, крѣпкаго сложенія. Было ему отъ роду около 50 лѣтъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1868-го года онъ сильно заболѣлъ, а спустя недѣли двѣ и Богу душу отдалъ. Послѣ него осталась жена и сынъ Антонъ, парень около 20 лѣтъ отъ роду.

Спустя шесть недѣль послѣ смерти мужа, разъ ночью жена покойнаго, проснувшись и лежа на печи слышитъ, что кто-то плачетъ. Въ избѣ кромѣ ея и сына никого не было. Прислушивается и узнаетъ, что плачетъ покойный мужъ ея. Зажигаетъ лучину, и дѣйствительно видитъ своего мужа, который стоитъ около спавшаго сына и плачетъ. Какъ ни испугалась она, все-таки собралась съ духомъ и говоритъ: «Что ты, Семенъ, пришелъ? Вѣдь ты сдается не былъ чаровникомъ»?

— Нужно было придти къ тебѣ, я и пришелъ, а ты напраслину, баба, не болтай, это дѣло не твоего разума». «Чего-жъ ты плачешь, стоя надъ сыномъ»? «А того я плачу, что ты за сыномъ не смотришь». «Какъ такъ»? «А такъ: Антонъ полюбилъ католичку и хочетъ съ нею обвѣнчаться». «Это, Семенъ, неправда твоя». «Какъ неправда? Мнѣ, вѣдь, все извѣстно. Ты лучше, баба, не спорь со мною, а поговри съ сыномъ, можетъ быть ты, какъ мать, и урезонишь его. Ежели-жъ ты не успѣешь его отговорить, то черезъ десять дней я его возьму къ себѣ».

Баба взвыла. Сынъ проснулся. Видѣніе исчезло. Мать давай разспрашивать сына, правда ли, что онъ полюбилъ дѣвицу. Тотъ сталъ отнѣкиваться, а потомъ сознался, что полюбилъ Адельку, дочку эконома, родители которой ни за что не разрѣшили бы выйти замужъ за крестьянина, и вдобавокъ за православнаго. А потому парень и дѣвчина порѣшили тайно бѣжать въ Галицію и обвѣнчаться у священника уніатскаго. Бѣжать порѣшили черезъ 10 дней. Наконецъ наступилъ роковой день. Рано утромъ, когда мать еще спала, Антонъ тихо вышелъ изъ избы. Невѣста его уже поджидала на своемъ огородѣ. Вотъ онъ уже вывелъ изъ конюшни самаго лучшаго жеребца, на которомъ рѣдко приходилось ѣздить, но увы! лошадь лягнула его въ правый бокъ, Антонъ потерялъ сознаніе, а вечеромъ Богу душу отдалъ. (Изъ кн. «Изъ загробнаго міра явленія умершихъ отъ глубокой древности до нашихъ дней»).

* * *

Недавно я пользовалъ одного изъ наиболѣе выдающихся гражданъ нашего города, разсказываетъ одинъ изъ врачей. Во время моего докторскаго визита, больной разсказалъ мнѣ слѣдующій случай. Одинъ докторъ въ Филадельфіи послѣ многочисленныхъ визитовъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ; когда пробило половина девятаго, онъ подумалъ, что пора ему закончить пріемъ и отдохнуть, и всталъ съ своего кресла, чтобы запереть дверь, но въ эту минуту

дверь отворилась, и въ комнату вошла дѣвочка, худенькая и блѣдная, съ большимъ платкомъ на головѣ, и такъ обратилась къ доктору: «Докторъ, пожалуста навѣстите мою мать, — она очень больна». Докоторъ спросилъ у дѣвочки имя ея и матери, а также ихъ адресъ, на что та отвѣчала ему совершенно внятно, и онъ подошелъ къ своему письменному столу, стоявшему въ глубинѣ комнаты, чтобы записать ея слова. Записывая, ему пришло въ голову идти къ больной тотчасъ же вмѣстѣ съ дѣвочкой, но когда онъ повернулся, чтобы сказать ей это, ея уже не было въ комнатѣ. Быстро отворивъ двери, онъ вышелъ на подъѣздъ, посмотрѣлъ во всѣ стороны, — дѣвочки нигдѣ не было. Не мало удивленный ея быстрымъ исчезновенiемъ, онъ наскоро взялъ свою шляпу и палку и отправился къ больной. Безъ труда нашелъ онъ домъ по данному адресу, и былъ введенъ къ больной. «Я врачъ сказалъ онъ, вы посылали за мной»?

— «Нѣтъ не посылала», отвѣтила больная. Докторъ подумалъ, что онъ ошибся адресомъ, и повѣряя въ своей записной книжкѣ, спросилъ, такъ ли ея имя? и получилъ утвердительный отвѣтъ.

— А есть у васъ дочь такая-то? На этотъ вопросъ больная отвѣтила не тотчасъ же, въ глазахъ ея бленули слезы: у меня была дочь, которую звали этимъ именемъ, но она умерла полтора часа тому назадъ. «Умерла? гдѣ умерла»? спросилъ докторъ. «Здѣсь», отвѣтила мать. — «Гдѣ же лежитъ ея тѣло»? — «Въ сосѣдней комнатѣ». Старшая дочь больной повела туда доктора, и онъ узналъ въ умершей ту дѣвочку, которая приходила звать его къ больной матери.

Ну, докторъ, прибавилъ мой пацентъ, что вы объ этомъ думаете? Мнѣ это происшествiе кажется въ высшей степени чудеснымъ! «А мнѣ такъ совершенно естественнымъ, возразилъ я. Какъ вы думаете, тѣло ли дѣвочки являлось къ доктору»? «Конечно нѣтъ, отвѣтилъ мой пацiентъ, это могъ быть только духъ ея». Съ этимъ мнѣнiемъ согласился и я. (Изъ кн. «Изъ загробнаго мiра явленiя умершихъ отъ глубокой древности до нашихъ дней». Свящ. Д. Булгаковскiй).

* * *

Но вотъ фактъ изъ записокъ одного сановника, помѣщенныхъ въ одномъ изъ самыхъ распространенныхъ свѣтскихъ журналовъ, найболѣе положительнаго научнаго оттѣнка, передаетъ Никаноръ, архiепископъ херсонскiй и одесскiй. Автобiографъ разсказываетъ, не помню объ отцѣ или дѣдѣ, который былъ назначенъ на службу, но дорогою къ мѣсту назначенiя своего заболѣлъ и умеръ.

Скорбь безпомощной семьи была такъ глубока, что жена, пораженная горемъ, слегла въ постель, а дамы города взяли на себя трудъ быть сидѣлками при ней день и ночь. Въ одну ночь слышитъ, что передняя дверь съ крыльца отворяется. Входитъ умершiй въ

костюмѣ, въ которомъ былъ во время болѣзни; проходитъ мимо служанки, которая не спитъ и смотритъ на него. Отворяетъ дверь въ слѣдующую комнату, и идетъ мимо дамы, лежавшей на полу; та приподнялась и всматривается въ него. Умершій съ глубоко-тоскливымъ видомъ садится на стулъ у постели не спавшей жены. Та приподнимается и протягиваетъ къ нему руки со словами: «что ты, мой другъ»? Умершій говоритъ нѣсколько ужасныхъ словъ, и выходитъ также, какъ вошелъ черезъ закрытыя двери, которыя были замкнуты на ночь. Поднялись посмотрѣть, и оказалось, что всѣ двери были отперты. (Странникъ за 1887-й годъ, мѣс. сентябрь).

* * *

Въ 20-и верстахъ отъ нашего имѣнія, разсказываетъ О. Д-цкій, жилъ въ селѣ Вишневцѣ, волынской губерніи, священникъ, который былъ въ большой дружбѣ съ моимъ отцемъ. Этотъ священникъ, овдовѣвъ, остался съ шестнадцати-лѣтнею дочерью. По его просьбѣ, отецъ мой отпустилъ на короткое время свою дочь Степаниду, чтобы отвлечь осиротѣвшую дѣвушку отъ тяжелыхъ впечатлѣній, по случаю смерти ея матери. Прошло около двухъ недѣль, Степанида не возвращалась, а потому отецъ со мною (мнѣ тогда было около десяти лѣтъ) отправился въ Вишневецъ съ цѣлью провѣдать своего друга, вдовца о. Г. и взять сестру домой. Было это въ іюнѣ 1860-го года.

Мы пріѣхали въ Вишневецъ вечеромъ, около десяти часовъ, священника не застали дома, а были дѣвушки, моя сестра и дочь священника. Мнѣ захотѣлось побѣгать въ саду, однако въ глубь сада я боялся идти, и присѣлъ на лавочкѣ, недалеко отъ дома.

Смотрю — идетъ по аллеѣ какая-то дама въ черномъ платьѣ. Поровнявшись со мною, она посмотрѣла на меня съ улыбкою и направилась въ домъ свяенника чрезъ крыльцо, которое прямо выходило въ садъ. Это было около 11-и часовъ вечера.

Спустя нѣсколько минутъ, я побѣжалъ къ тому крыльцу, гдѣ сидѣлъ мой отецъ и дѣвушки. «Какая-то дама вошла въ домъ чрезъ садовое крыльцо, сказалъ я». Сестра и подруга ея при этихъ словахъ переглянулись и какъ-будто встревожились, такъ что отецъ спросилъ ихъ, что съ ними и чего онѣ безпокоятся? Онѣ отвѣчали, что по моему описанію и по одеждѣ, это дама — покойная матушка, которая ходитъ ежедневно въ домъ, и всѣ ее видятъ. Такъ какъ отецъ мой не вѣрилъ въ подобнаго рода явленія, посмѣялся надъ дѣвушками.

Священникъ долго не возвращался домой, мы порѣшили пить чай безъ него. Всѣ сѣли въ гостинной, а сестра Степанида занялась приготовленіемъ чая въ сосѣдней комнатѣ, такъ что мы ее видѣли изъ гостинной. Вдругъ сестра вскрикнула и уронила чайникъ съ кипяткомъ. На вопросъ отца, что съ нею, она отвѣчала, что матушка проходила мимо нея,

Не дождавшись хозяина дома, мы легли спать; я легъ съ отцомъ въ одной комнатѣ, рядомъ съ кабинетомъ священника, а дѣвушки въ другой. Около двухъ часовъ ночи, я проснулся самъ не зная отчего и слышу въ кабинетѣ разговоръ. Мужской голосъ говоритъ: «Что ты сегодня такъ поздно пришла»? — «Я была раньше здѣсь, слышится женскій голосъ, видѣла гостей нашихъ, хотѣла обнять мальчугана въ саду, но тотъ убѣжалъ отъ меня, потомъ хотѣла поблагодарить Степаниду за дружбу съ нашей дочерью, но она такъ испугалась, когда я прошла около нея, что уронила чайникъ, и надѣлала шуму на весь домъ, такъ что я скрылась.

— «Почему же ты не подготовила ее»? «Намъ строго запрещено являться тѣмъ, кто пугается насъ, подъ угрозою лишенія права на дальнѣйшія свиданія съ живыми».

Услыхавъ это, я страшно испугался, потому что догадался, что разговоръ идетъ между покойницей и священникомъ, мужемъ ея, и прямо прыгнулъ на кроват къ отцу, который видимо еще не спалъ, предупредивъ, чтобы я не мѣшалъ ему слушать разговоръ загробнаго существа съ живымъ.

На другой день за утреннимъ чаемъ отецъ мой направилъ разговоръ на ночное посѣщеніе и высказалъ на счетъ его сомнѣніе, подозрѣвая совсѣмъ что-то другое.

— Угодно вѣрить или нѣтъ, отвѣчалъ о. Г., но я, какъ честный человѣкъ и служитель святого алтаря, сказываю вамъ, что нахожусь въ духовномъ общеніи со многими умершими и въ томъ числѣ съ моею женою. Они часто обращаются ко мнѣ съ просьбами молиться за нихъ, и когда я исполняю ихъ просьбы, лично благодарятъ меня. Жена же моя покойная почти каждый день посѣщаетъ мой домъ и часто выражаетъ интересъ ко всему окружающему, какъ живой человѣкъ. На всѣ мои вопросы объ условіяхъ загробной жизни, она каждый разъ уклоняется отъ прямыхъ отвѣтовъ, заявляя, что имъ умершимъ воспрещено отвѣчать на всѣ вопросы живыхъ, особенно праздные изъ нихъ. (Изъ кн. «Изъ загробнаго міра явленія умершихъ. Свящ. Д. Булгаковскій).

* * *

Троицкіе листки № 75.

Изъ міра таинственнаго.

Въ нашъ вѣкъ безвѣрія, все слышишь и видишь — сколько людей, себя лишившихъ жизни: одни отравляются, другіе бросаются въ воду, чтобы утонуть, третьи вѣшаются.

Отчего все это происходитъ? Перестали молиться, поститься, изсякла вѣра въ Бога, явилось искушеніе, что со смертію всему будетъ конецъ: и горю, и бѣдности и разнымъ бѣдамъ, а о будущей же жизни и не помышляютъ. Для вразумленія нѣкоторыхъ, хочу предложить вниманію одно обстоятельство, случившееся 1 января 1909 года.

Мужъ мой Л. Н. Ив. скончался съ 30 на 31 декабря 1908 года. 1 и 2 января онъ лежалъ въ гробу. Въ это время я была нездорова, оставалась въ постели, комната моя была отдалена, и мнѣ не было хорошо слышно моленіе, во время панихидъ, поэтому я просила служащихъ отворять дверь, и говорить, когда начинается моленіе, чтобы я могла въ постели молиться. 1 января, вечеромъ, забыли ко мнѣ придти, — вдругъ я слышу внятно голосъ моего мужа, голосъ, мнѣ столь знакомый: «дорогая О. (Оничка), привстань, помолись за меня, уже началось моленіе»; — я такъ обрадовалась, услыхавъ голосъ мужа и какъ будто живому, спѣшно говорю: «сейчасъ, Леонъ, буду за тебя молиться, да гдѣ же ты?» Смотрю направо, откуда былъ слышенъ голосъ, но я ничего не видѣла, начала вслушиваться: въ самомъ дѣлѣ, шла панихида, и я начала молиться, молилась я усердно; мнѣ стало легче на душѣ, зная, что Леонъ съ нами.

Это чудо загробной жизни меня такъ поразило, не могу до сихъ поръ вспомнить — безъ особаго умиленія, — вдругъ слышать голосъ умершаго человѣка. Мужъ много читалъ о явленіи умершихъ душъ, при жизни мнѣ говорилъ, что если ему будетъ возможно, онъ мнѣ заявитъ о безсмертіи души. Если мой добрый мужъ, который былъ хорошей жизни, скончался, какъ святой, исполнивъ всѣ церковные обряды, соборовался, нѣсколько дней сряду пріобщался, и ему требовалась молитва; что же станетъ съ людьми, себя погубившими насильственною смертію, — страшно подумать.

Можетъ быть, мой правдивый разсказъ не коснется-ли сердца невѣрующихъ, и они, бывъ искушаемы, прибѣгнутъ къ Господу съ молитвою и намѣреніемъ все терпѣть въ жизни, чтобы получить блаженную вѣчную жизнь, гдѣ нѣтъ ни плача, ни печали, ни воздыханія. Помоги имъ, Господи! («Колоколъ» № 1568).

• • •

Дивная кончина христіанскаго отрока.

Въ городѣ Твери отцемъ діакономъ Николаемъ Орловымъ разсказанъ слѣдующій случай: въ сентябрѣ 1860-го года были тяжело больны дѣти тверскаго мѣщанина Сергія П. Блинова отъ скарлатины. 15-го числа умеръ отъ этого маленькій сынъ его Арсеній одного года; потомъ черезъ недѣлю умерла дочь Марія трехъ лѣтъ; наконецъ, дня черезъ три 25-го сентября, сталъ умирать и двѣнадцатилѣтній сынъ его Николай.

Нужно замѣтить, что этотъ сынъ былъ старшій въ семействѣ и очень полезный помощникъ отцу въ его торговыхъ занятіяхъ, а главное — съ быстрымъ умомъ не по лѣтамъ, онъ соединялъ доброту сердца и искреннюю любовь и нѣжность къ родителямъ, сестрамъ и братьямъ и непонятно — привлекательную сладкорѣчивость и почтительность въ обращеніи со всѣми посторонними, особенно старшими по возрасту. За это особенно любили его всѣ: и родители, и родные, и знакомые.

Очень горько было отцу и матери видѣть своего дорогого сына при послѣднихъ минутахъ жизни; но они, сколько возможно, скрывали отъ умирающаго горькія свои слезы и усердно молили Господа за жизнь его.

По его желанію поскорѣе исповѣдываться и пріобщиться Святыхъ Таинъ призванъ былъ священникъ. При его приходѣ больной всталъ съ постели и, стоя на ногахъ, со всѣмъ чистосердечіемъ и умиленіемъ исповѣдался и потомъ внимательно слушалъ краткія молитвы предъ пріобщеніемъ и усердно молился. Когда священникъ велѣлъ ему повторять за собой: Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистину Христосъ, Сынъ Бога живаго... и Вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божій, причастника мя пріими... и слѣд., тогда больной, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ и воодушевившись, произнесъ эти молитвы съ такимъ жаромъ любви и вѣры въ Сына Божія Іисуса Христа, съ такимъ сильнымъ желаніемъ вѣчной жизни и единенія съ Богомъ, что удивилъ священника. По принятіи Святыхъ Таинъ, онъ съ глубокимъ чувствомъ благодарности обратился къ иконѣ Спасителя и сказалъ: «слава Тебе, Боже! слава Тебѣ»!

Послѣ благодарственной молитвы причастной священникъ пожелалъ ему здравія души и тѣла и сказалъ: «многіе больные, принимающіе Святыя Тайны съ вѣрою, скоро выздоровливаютъ отъ своей болѣзни. И ты теперь по своей вѣрѣ получишь здоровье. Дай Богъ тебѣ выздоровѣть. Тебѣ надобно жить. Ты еще молодъ». — Но юный избранникъ Божій, поблагодаривъ духовнаго отца за пожеланіе, сказалъ ему: «нѣтъ батюшка, я ужъ не буду жить въ здѣшнемъ мірѣ; я умру, непремѣнно умру».

Священникъ. — «Какъ же ты говоришь: умру! Почему тебѣ знать это? Только одинъ Богъ знаетъ это и опредѣляетъ каждому время жизни и смерти». Отрокъ. — «Такъ, батюшка. Да я отъ Бога-то и узналъ, что я умру. Онъ зоветъ меня къ Себѣ, и я пойду къ Нему».

Послѣ этого священникъ, замѣтивъ въ немъ слабость силъ, оставилъ его въ покоѣ, простился съ нимъ и его родителями. А больной легъ въ свою постель. Это было въ шесть съ половиною часовъ вечера.

Не прошло потомъ и полчаса, какъ отрокъ, лежа на своей постели, съ какою-то поспѣшностію и стараніемъ сталъ тихо читать молитвы, какія зналъ, Спасителю и Богоматери и святымъ угодникамъ, и, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, началъ постепенно ослабѣвать, и, мало-по-малу забываясь, пересталъ дышать, остановилъ глаза и скончался.

Родители умершаго, до сего времени едва-едва могшіе удерживаться отъ громкаго плача, дали теперь полную свободу своимъ слезамъ и рыданіямъ. То отецъ, то мать, то сестра матери, и братъ, и другіе бывшіе тутъ родственники, другъ передъ другомъ громко высказывали жалобы о потерѣ навсегда дорогого, ненагляднаго сына и племянника. А тотъ, кого оплакивали, лежалъ бездыханнымъ и безчувственнымъ къ плачущимъ и рыдающимъ.

Въ этихъ рыданіяхъ прошло около часа. Наконецъ, мать нѣсколько успокоилась и стала смотрѣть со вниманіемъ на черты лица умершаго сына, какъ бы желая при послѣдней разлукѣ съ нимъ запечатлѣть эти черты въ своемъ сердцѣ. Отецъ же вышелъ въ другую комнату посмотрѣть на другихъ двухъ больныхъ дѣтей своихъ, чтобы дать имъ нужное лѣкарство по совѣту врача.

Остановивши глаза свои на бездыханномъ сынѣ, мать вдругъ замѣтила какъ будто какое-то легкое колебаніе груди его. Принимая это за обманъ зрѣнія отъ слезъ и мерцанія свѣчей и лампадокъ предъ иконами, она продолжала внимательно смотрѣть на него. Но опять грудь покойника колеблется и движется едва замѣтно. Тутъ она пошла къ мужу и тихо сказала ему объ этомъ. Оба, притаивъ дыханіе, внимательно стали слѣдить за останками жизни сына. Еще полминуты, и настоящій вздохъ вышелъ изъ груди его и показалъ, что отрокъ живъ. Спустя нѣсколько секундъ, онъ уже открылъ тихо глаза свои.

Не желая безпокоить его своимъ разстроеннымъ видомъ, они незамѣтно отошли потихоньку и нѣсколько въ сторону отъ него. Но онъ сталъ искать ихъ глазами, и потомъ съ усиліемъ поднявшись, сѣлъ на постели и, увидѣвши отца, сказалъ ему: «батюшка! подойдите ко мнѣ ближе! Мнѣ нужно сказать вамъ немного словъ».

Когда отецъ подошелъ къ нему, — отрокъ сказалъ: «я воротился сюда, чтобы съ вами проститься». Я видѣлъ Машу и Ар-

синьку и Сашу (сестру семилѣтнюю, умершую 10 лѣтъ назадъ) и отца моего крестнаго (умершаго 12 лѣтъ назадъ) и говорилъ со всѣми ними. Вы думаете, что они умерли? Нѣтъ! Они всѣ живы! И какъ прекрасно мѣсто, гдѣ они живутъ!

Какой у нихъ тамъ свѣтъ блестящій, яркіе прекрасные цвѣты и деревья, а звѣзды какія большія! Что нашъ домъ? Втрое больше дома каждая звѣзда тамъ, и какое отъ нихъ радостное сіяніе! Вотъ я и увидѣлъ тамъ сестрицъ и братца, и крестнаго, и когда подошелъ къ нимъ, крестный сказалъ: мнѣ: «здраствуй, Николя! Зачѣмъ ты здѣсь»? — «Побывать къ вамъ пришелъ, увидѣться съ вами», отвѣчалъ я. — Хорошо, промолвилъ онъ, побудь здѣсь и погуляй съ сестрами и братомъ, а не то, совсѣмъ оставайся у насъ. «Останься съ нами!» сказали мнѣ сестры и братъ. «Видишь, какъ тутъ хорошо!» «И вправду я останусь съ вами», прибавилъ я: «у васъ такъ прекрасно!»

Въ это время сестра Маша взяла меня за руку и сказала: «ахъ, какъ хорошо, и Николя съ нами остается!» и радостно повела меня по цвѣтистому лугу мимо высокихъ, зеленыхъ прекрасныхъ деревъ, какихъ я нигдѣ никогда не видалъ. Съ нами вмѣстѣ шли и Арсинька, и Саша.

Прогуливаясь съ ними, вдругъ я вспомнилъ объ васъ, батюшка и маменька, и сказалъ: «ахъ! я вѣдь не простился съ отцемъ и матерью. Погодите, я пойду къ нимъ и попрошу у нихъ благословенія жить здѣсь съ вами. Я какъ разъ ворочусь къ вамъ опять». — «Ступай, простись! сказали они, только скорѣе опять приходи къ намъ; мы ждемъ тебя».

Вотъ я и пришелъ къ вамъ, мои любезные родители, проститься съ вами и попросить вашего родительскаго благословенія, жить мнѣ вмѣстѣ съ сестрицами и братцемъ. Отпустите меня, батюшка и маменька, благословите!

Въ продолженіе этого разсказа отецъ, мать и родные слушали его со вниманіемъ, и когда онъ кончилъ, отецъ подумалъ самъ въ себѣ: не въ бреду ли горячки говорилъ онъ все такое, и, чтобы узнать это, спросилъ его: Николя! да знаешь ли ты, кто я? Онъ взглянулъ на отца, слегка улыбнулся и сказалъ: неужели я васъ то, батюшка, не знаю! Вы Сергій Павловичъ Блиновъ, мой батюшка! Отецъ указалъ на мать его и сказалъ: а это кто? — Это моя маменька Александра Михайловна Блинова, сказалъ онъ. Послѣ сего поименовалъ бывшихъ тутъ родныхъ своихъ.

Потомъ отецъ сказалъ потихоньку женѣ, чтобы она велѣла сыну опять разсказать что онъ видѣлъ и гдѣ былъ. Она такъ и сдѣлала, и сынъ повторилъ ей свои слова и разсказалъ, къ удивленію всѣхъ, точно такъ же, какъ сначала отцу.

Наконецъ, онъ сказалъ: «да неужели вы, батюшка, не вѣрите мнѣ? Вѣдь я въ полномъ умѣ, и въ памяти, и въ сознаніи. Если

такъ вы сомнѣваетесь, то вотъ вамъ знакъ моей правды: черезъ день придетъ въ нашъ домъ Ксенія, дочь прежней нашей прислужницы, которую вы много лѣтъ не видали. Она спроситъ о здоровьѣ вашемъ и дѣтей и удивится, что у васъ всѣ дѣти больны и трое уже умерли, о чемъ ничего не знала и не слыхала. (Эта женщина дѣйствительно пришла въ ихъ домъ, въ день погребенія сына, и удивилась, что уже трое умерли). Вотъ тогда вы повѣрите всему, что я говорилъ вамъ. А теперь прошу, умоляю васъ, мои родители, не держите меня здѣсь, — отпустите меня скорѣй съ благословеніемъ.

Увѣрившись, наконецъ, въ истинѣ словъ сына, отецъ со всею силою родительской любви сталъ уговаривать его остаться, чтобы попрежнему быть умнымъ и полезнымъ помощникомъ ему во всѣхъ его дѣлахъ и занятіяхъ. Но отрокъ на это сказалъ отцу: батюшка! тутъ не стоитъ и жить. Здѣсь такъ худо, такъ грязно. Умоляю васъ: пустите меня! Не желайте, не молитесь, чтобы я здѣсь остался. Вѣдь и вамъ придется жить не сто лѣтъ. И вы тоже перейдете туда. Если меня отпустите, я буду за васъ и маменьку молить Бога, чтобы васъ принялъ Онъ въ Свой свѣтъ и въ Свою радость.

Убѣжденный и вмѣстѣ утѣшенный такими словами отецъ не могъ болѣе спорить съ сыномъ, — благословилъ его и пожелалъ ему жить въ мѣстѣ свѣтлѣ, отнюдуже отбѣже всякая болѣзнь, печаль и воздыханіе. Послѣ этого отрокъ успокоился, обрадовался, много разъ поцѣловалъ своихъ родителей, и, снова ложась на постель, сказалъ: «простите! пора мнѣ, меня ждутъ, Богъ съ вами, до свиданія!» Съ этими словами онъ осѣнился крестнымъ знаменіемъ, закрылъ тихо глаза свои и, сложивши на груди крестообразно руки, навсегда отошелъ изъ здѣшняго міра въ обители многи Отца свѣтовъ, «идеже праведники просвѣтятся, яко солнце» (Матѳ. 13, 43).

Во время погребенія тѣла, 26-го сентября, добавляетъ разсказчикъ, лице сего отрока свѣтилось какою-то радостно-покойной улыбкой. (Изъ журн. «Странникъ» 1864 г. стр. 18—24).

* * *

Замѣчательный сонъ одной крестьянки.

(Изъ письма сельскаго священника).

Недавно одна крестьянка разсказала мнѣ свой сонъ, который настолько интересенъ, что считаю нужнымъ сообщить его вамъ. Но прежде скажу о самой видѣвшей. — Она крестьянка деревни Ново-Марьевки, Ксенія Трофимова Малеткина, 37 л., грамотная, замужняя, въ семьѣ у нея мужъ и 5 дѣтей, живутъ бѣдно. Въ дѣвушкахъ она была очень богомольной, крѣпко любила посѣщать церковь. Родители ея перешли въ расколъ и въ расколѣ помазывали и ее,

хотя она раскола не любила. Сватали ее нѣсколько жениховъ-раскольниковъ, но она за нихъ не пошла, а вышла за вдовца русскаго. Когда она была просватана за жениха и сидѣла разъ на вечеркѣ, пришелъ туда одинъ изъ отвергнутыхъ ею жениховъ, уже женатый, и, пройдя мимо нея нѣсколько разъ, посмотрѣлъ на нее и сказалъ: «что?! не хотѣла выйти за насъ, пошла за вдовца, какъ выйдешь, такъ и будешь постоянно больна»; затѣмъ онъ ушелъ. Спустя немного времени послѣ его ухода, Ксенія стала искать вязальную иглу, но нигдѣ не могла найти. Когда всѣ разошлись, стала искать иглу на полу, и также не нашла, и только уже когда стала ложиться спать, почувствовала что то посторонее въ своей косѣ, кликнула подругу, и та вытащила изъ косы въ нѣсколько разъ свернутую иглу... А надо замѣтить, что говорившій съ нею мужикъ даже и къ столу близко не подходилъ. Выйдя замужъ, Ксенія дѣйствительно стала постоянно болѣть и страдать. Возили ее къ разнымъ знахарямъ, но помощи не было никакой, — тѣмъ болѣе, что сама она имъ не вѣрила, и ѣздила, уступая просьбѣ родныхъ, а наговоры ихъ пила, обращаясь внутренно съ молитвою къ Спасителю, сотворивъ крестное знаменіе. Сказали тогда ей, что болѣзнь ея отъ того человѣка, который тогда прошелъ три раза мимо нея; по его приказанію «духъ» и иголку завернулъ ей въ косу. Потомъ Ксенія ѣздила къ Уфимскому страдальцу Михаилу Ивановичу Безрукову, которому она жаловалась на свою боль, но онъ, увидавъ только ее, сказалъ ей: «какъ тебя Господь-то любитъ, какъ Онъ милостивый тебя любитъ!» и не велѣлъ ей лѣчиться. Еще будучи дѣвицей, она видѣла такой сонъ. Насталъ страшный судъ. Великое множество собралось людей, но какъ судились они, этого не видѣла, только смотритъ, шумъ утихъ и все великое множество людей куда-то исчезло, осталось съ ней очень немного. Она спросила кого-то невидимаго ею: куда всѣ ушли? И голосъ ей отвѣчалъ: «они осуждены». «А мы?» сказала она. «А вы идите вонъ въ тотъ домъ», и былъ ей показанъ прекрасный домъ. Они пошли. На дорогѣ росла чудная рожь, вдали виднѣлись роскошные луга и лѣсочекъ, и было сказано, что все это дано имъ отъ Бога въ пользованіе. Когда они пришли къ дому и вошли въ него, то увидали женщину, которая смахивала крылышкомъ пыль съ чего-то, они хотѣли войти къ ней, но жена эта сказала имъ: «сюда не ходите, вы недостойны сего, а вотъ идите рядомъ, тутъ ваше жилище. Они спросили, кто она? Она отвѣчала: Я — Божія Матерь. Поклонившись Ей, они пошли туда, куда было имъ указано, и въ то время гдѣ то внизу она услыхала пѣніе: — «Святый Боже» и увидала, что поютъ въ подземельѣ. Ей сказали, что тамъ ея родители, что имъ хорошо, только темнѣе, чѣмъ у нея. Не особенно давно она видѣла умершаго своего отца, который на вопросъ ея: не мучится ли онъ за вѣру свою, сказалъ, что за вѣру ничего, вѣдь онъ не отрекался отъ Христа; тогда она спросила: не

наказываютъ ли его за сквернословіе, но онъ отвѣчалъ, что въ этомъ грѣхѣ онъ покаялся, но что плохо за мелкіе грѣхи, которые онъ и грѣхомъ не считалъ. Предъ смертію ея отецъ былъ особорованъ и причащенъ. Онъ говорилъ, что ему не худо, а затѣмъ сказалъ: «мы всѣ съ трепетомъ ждемъ страшнаго суда»... Мужъ у этой Ксеніи человѣкъ честный и богомольный.

Несмотря на всю честность и набожность, въ жизни имъ не везетъ, и живутъ они очень бѣдно, часто хвораютъ сами, хвораютъ и дѣти. Сонъ, о которомъ я хочу сказать, касается жены брата Ксеніинаго мужа — снохи Агаѳіи... Агаѳья Малеткина была замужемъ за братомъ Степана Малеткина (мужъ Ксеніи), который былъ пьяница большой. Агаѳія стала и сама пить. Была она очень гордая, супружеской вѣрности не соблюдала, обижала сиротъ сильно. Умерла пять лѣтъ тому назадъ, было ей тогда 45-47 лѣтъ, за три года до смерти жизнь ея измѣнилась: она захворала, ей свело ноги, открылись на ногахъ раны, въ которыхъ завелись черви, предъ смертію особоровалась. Эту Агаѳію и видѣла Ксенія во снѣ.

«Вдругъ слышу, говоритъ Ксенія, что звонятъ, и звонъ такой — хорошій, совсѣмъ не такой, какъ у насъ. Дай-ка пойду въ церковь подумала я и, одѣвшись, пошла. Прихожу въ церковь, смотрю: стоитъ она какъ то не такъ, точно лицемъ на западъ, и иконы такія тусклыя, а народъ все незнаемый. Стала я смотрѣть на всѣхъ и вдругъ вижу направо въ углу стоитъ моя сношенница Агаѳья Захаріевна, одѣтая хорошо, по-праздничному. Я подошла къ ней и стала было здороваться, да потомъ вспомнила, что она, вѣдь, умерла, а потому и сказала той женщинѣ: «прости, тетенька, я омишурилась (ошиблась), я думала, что это сноха, а теперь вспомнила, что вѣдь она умерла!

— «Нѣтъ, ты не ошиблась, сказала ей та женщина, — я самая Агаѳія и есть — сноха твоя».

— «Какъ ты, ты вѣдь умерла?»

— «Да, я давно умерла!»

— «А какъ же ты сюда-то попала?»

— «А я на работахъ была, насъ, вѣдь, на работу гоняютъ, недалеко отъ васъ работа-то была и хотѣлось вотъ мнѣ тебя увидать въ этомъ храмѣ».

— «Да развѣ покойники работаютъ?»

—«Конечно, работаютъ; кто что заслужитъ; вонъ, праведники заслужили себѣ Царство Небесное, такъ и не работаютъ, а мы подъ властію князя тьмы», — насъ и заставляютъ работать; невыносимо трудно намъ работать-то; а ежели когда не работаемъ, то меня сажаютъ въ темный уголъ».

— «Господи! Неужели Господь тебя такъ и не проститъ, такъ ты и будешь тутъ?!»

— «Такъ и буду тутъ, наша молитва Богомъ не слышима, не слышитъ Богъ загробной молитвы!»

— «Какъ?! Вѣдь и непріятелевъ то (бѣсовъ), когда они ворочаются къ Богу, Господь прощаетъ!»

— «Не! Неправда. Они осуждены на вѣчно. Они и вопіютъ, и плачутъ, и скорбятъ, да нѣтъ ужъ»!..

— «А какъ вотъ одинъ мужичекъ у насъ въ домѣ читалъ въ повѣсти, какъ одинъ «врагъ» обратился въ ангела, когда старецъ заставилъ его пѣть ангельскую пѣснь!»

— «Онъ воротился то чрезъ старца! И мы чрезъ людей-то можемъ!»

— «А какъ тебя, вотъ, воротить-то?»

Послѣ этого вопроса Агаѳья откуда-то взяла небольшую корочку хлѣба ржаного, чернаго-чернаго, и сказала:

— «Вотъ возьми хоть этакую корочку хлѣба, да разломи ее на 40 частей и раздай 40 человѣкамъ, да скажи каждому: «помяни рабу Божію Агаѳію», то и тогда мнѣ будетъ большая отрада».

Ксенія, увидавъ хлѣбъ у Агаѳьи въ рукахъ и будучи этимъ заинтересована, откуда у ней взялся хлѣбъ, да такой черный, спросила:

— «Онъ васъ и хлѣбомъ кормитъ?»

— «Да, кормитъ, только не той пищей, что у васъ, и спать даетъ, и мы отдыхаемъ; только трудно подъ его властію то быть».

— «Если я подамъ за тебя милостыньку, то ты совсѣмъ тогда отъ него уйдешь?»

— «Нѣтъ еще не совсѣмъ!»

— «А какъ же тебя совсѣмъ-то выручить?»

— «Вамъ тяжело будетъ» (т. е. дорого).

— «Какъ же тяжело?»

— «Да надо отслужить обѣдню и панихиду; тогда я избавлюсь совсѣмъ отъ ихъ рукъ. А если не отслужите, то я останусь на вѣчно въ ихъ рукахъ».

Помолчавъ немного, она жалобно и протяжно сказала: «отслужи обѣдню то, Аксиньюшка!» Затѣмъ опять сказала:

— «Спасибо еще масломъ меня соборовали, мнѣ отрада есть, а ежели бы не соборовали, то по моимъ то дѣламъ мнѣ мѣсто-то было бы въ гееннѣ».

— «Развѣ еще мука есть?»

— «Еще двѣ ниже насъ муки: одна геенна, а другая тартаръ».

— «А Яковъ то съ вами?»

— «Какой Яковъ?»

— «Кочуровъ, кумъ то твой!»

— «Развѣ онъ умеръ?»

— «Умеръ!»

— «А я про него и не слыхала».

— «А развѣ вамъ слухъ есть?»

— «Когда нѣтъ?! Слухъ есть. Когда блаженная душа идетъ, мы ее сопровождаемъ, завидуемъ, а когда къ намъ идетъ какая, то мы скорбимъ — встрѣчаемъ ее, а которыя ниже насъ, тѣ намъ неизвѣстны».

Затѣмъ видѣвшая и разговаривавшая Ксенія пала на колѣни и стала просить Бога простить ея сродницу, и съ этимъ проснулась...

Такъ какъ сонъ этотъ, мнѣ думается, былъ реальнымъ видѣніемъ, то и счелъ я нужнымъ описать его вамъ. Видѣла Ксенія его мѣсяца два тому назадъ, и говоритъ, что Агаѳья ей говорила очень много, но вотъ — хоть убей, ничего не можетъ иного вспомнить, кромѣ сказаннаго, а это все какъ сейчасъ помнитъ.

А я удивился тому, какъ теперь дивно — подробно раскрыта намъ загробная жизнь, если взять во вниманіе повѣствованіе всѣхъ святыхъ отцовъ и подвижниковъ, такіе факты, какъ у Нилуса, или такія видѣнія, какъ у этой женщины. Остается только приложить вѣру! И первое пришествіе Спасителя не было чѣмъ-то неожиданнымъ, неподготовленнымъ; нѣтъ оно было по всей землѣ подготовлено и смутнымъ сознаніемъ язычниковъ, и ясной рѣчью пророковъ, и какимъ то безотчетнымъ, но положительно твердымъ голосомъ сердца всѣхъ людей, (о послѣднемъ говорю какъ фактѣ положительно существовавшемъ). Такъ и теперь постепенно подготовляется человѣчество ко второму пришествію нашего Господа и къ воспріятію будущей жизни. Вспоминается слово пророческое: «Излію отъ Духа Моего на всякую плоть, и будутъ пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, старцамъ вашимъ будутъ сниться сны, и юноши ваши будутъ видѣть видѣнія» (Іоил. 2, 28). И это время настало, настало время благопріятное и день спасенія. Какъ умножились всѣ эти видѣнія, какъ разнообразно полны они, какъ растетъ слава святыхъ, особенно Божіей Матери, какъ они близки нашему духу, какъ распространяются широко житія святыхъ, подвижническія минеи, какъ издаются если не цѣлыя творенія, то выдержки изъ твореній святыхъ отцовъ, и все это различается по многомилліонной массѣ православнаго народа, а прибавьте къ этому всѣ стотысячныя безкровныя жертвы, чуть не ежедневно совершаемыя по всему лицу земли, и невольно подумаешь, что небо преклонилось къ землѣ, и скоро сольются они. Не могу не напомнить вдохновенныхъ словъ «Странницы» (брош. изд. Шаморд. пустыни) «Нынѣ время прекрасное, самое лучшее время! съ нами Богъ! Господь устроилъ намъ широкую и гладкую дорогу! Прежде трудно было, нынѣ легко! Прежде неудобно, нынѣ удобно! Непроходимыя дебри раздѣляли насъ съ небомъ; древніе иногда видѣли цѣль, но не знали, какъ ея достигнуть!.. Богъ послалъ Единароднаго Сына Своего, — Онъ первый сдѣлалъ просѣку, прорубилъ дорогу и ясно открылъ небо. Дорога завалена была срубленными деревьями, сучьями, хламомъ и множествомъ препятствій. Пошли Апостолы, — убрали поваленный лѣсъ,

расчистили кустарники. Пошли мученики, — пробили каменныя горы и чистыми тѣлесами своими устлали дорогу. Пошли святые, — и раздвинули послѣднія препятствія: осушили болота, срѣзали кочки, уравняли пути. Пошли преподобные, — и настроили гостиницъ, — идите и отдыхайте. Такимъ образомъ, дорога сдѣлалась весела, пряма и покойна, — можно идти съ отдыхомъ, топи засыпаны, рвы замощены, пропастей не стало, все чисто, гладко. Но мы и затѣмъ боимся идти... говоримъ: какъ идти пѣшкомъ? Пожалуй и въ дилижансѣ провезутъ, только бы плата за провозъ — слезы. Лѣнивые говорятъ: песокъ набьется въ обувь, успѣемъ, — подождемъ, помедлимъ... А между тѣмъ смерть срываетъ медлительныхъ и повергаетъ въ ямы нечистыя.

«Нынѣ время благопріятное! пойдемъ ко Господу! Съ нами Богъ! съ нами Богъ! Нагрѣшивъ много, люди боятся и унываютъ, — знаютъ, что нагрѣшили, и что Богъ побьетъ прутомъ, а врагъ — сатана нарочно чернитъ будущее и распускаетъ молву: будетъ-де погибель великая. — Не надобно отчаяваться, — уныніе опасно, не надобно тѣшить врага; Господь покараетъ — Господь и помилуетъ. Нынѣ время благопріятное ко спасенію.» (Странница», стр. 5-6).

* * *

Видимые слѣды, оставляемые умершими при ихъ явленіи.

Лѣтъ около пятнадцати назадъ, разсказываетъ Сенковскій, я служилъ чиновникомъ военнаго вѣдомства и завѣдывалъ складомъ военныхъ припасовъ въ окрестностяхъ Петербурга, какъ вдругъ надо мною неожиданно стряслась бѣда. Изъ моего склада, неизвѣстно какимъ образомъ, пропали вещи на довольно значительную сумму. Самые тщательные розыски, произведенные по горячимъ слѣдамъ, не могли открыть похитителя.

Положеніе мое легко себѣ представить: получаемаго мною содержанія даже въ сложности за нѣсколько лѣтъ не хватило бы на покрытіе пропажи, а тутъ еще предстояло слѣдствіе и всевозможныя непріятности по службѣ. Положеніе мое было самое ужасное. Года за три передъ тѣмъ я овдовѣлъ, оставшись съ двумя дѣтьми 6-и и 4-хъ лѣтъ, и уже съ годъ какъ былъ женатъ на другой женѣ. Какъ мы ни судили съ женой, что намъ дѣлать, ничего придумать не могли.

Одна изъ нашихъ знакомыхъ, набожная старушка, посовѣтовала женѣ отправиться въ Петербургъ и отслужить молебенъ въ часовнѣ, что при Вознесенской церкви, въ которой по ея словамъ, находится икона святого, молитва которому помогаетъ отыскивать пропавшія вещи.

Утопающій, говорится, и за соломинку хватается, а притомъ жена и я всегда были люди религіозные, такъ что понятно, что совѣтъ этотъ какъ нельзя болѣе пришелся намъ по душѣ. Согласно

этому совѣту, я отправилъ на другой же день жену въ Петербургъ, заказавъ ей отслужить молебенъ и поставить свѣчи, какъ совѣтовала наша знакомая, самъ же съ дѣтьми и тещей, матерью второй моей жены, остался дома.

Дѣло было лѣтомъ, ночи были довольно свѣтлыя, и я долго ходилъ у себя въ гостинной, раздумывая о своемъ горѣ. Наконецъ утомившись, отправился въ спальню, въ которой ставни были заперты и было совсѣмъ темно; тутъ же спали дѣти. Черезъ комнату спала моя теща. Притворивъ слегка дверь въ гостинную, взглянувъ на дѣтей и посидѣвъ еще немного въ раздумьи на кровати, я приготовился уже раздѣваться, какъ вдругъ сквозь неплотно прикрытую дверь, увидѣлъ въ гостинной какой-то свѣтъ.

Полагая, что я позабылъ потушить свѣчу, приподнялся было съ кровати, но въ тотъ моментъ неслышно отворилась дверь, и на порогѣ появилась съ горящею восковою свѣчою моя покойная жена. Сранное дѣло: я не только не испугался ея появленія, но даже какъ будто и не удивлялся тому, точно какое-то затмѣніе на меня нашло, и какъ будто это былъ совершенно естественный фактъ. Я хорошо помню, что я очень мало былъ взволнованъ и удивленъ появленіемъ покойной.

«Здравствуй», сказала она и подошла ко мнѣ, держа восковую свѣчу въ рукѣ. Не помню теперь, что я отвѣчалъ на это привѣтствіе, но помню только, что почти тотчасъ вслѣдъ затѣмъ сказалъ: «ты знаешь, какое у меня горе?» «Знаю, знаю», отвѣчала она, «но не безпокойся очень, я помогу тебѣ». Я сталъ умолять открыть мнѣ похитителя, но она отказалась это сдѣлать, говоря только, что поможетъ мнѣ перенести мое горе.

«Ты не сердишься, говорю я, что я такъ скоро женился»? «О, нѣтъ, даже напротивъ, это ты хорошо сдѣлалъ». Далѣе благодарила меня, что я не забываю ее въ молитвахъ.

«Вы, живущіе, сказала она, не можете понять, что мы чувствуемъ, когда вы за насъ молитесь». Я забылъ сказать, что во время этого разговора, она восковую свѣчу, которую держала въ рукахъ прилѣпила къ лежанкѣ, накапавъ воскомъ.

Разговоръ перешелъ затѣмъ на дѣтей. «Что же ты не взглянешь на дѣтей»? сказалъ я ей. «Я ихъ и безъ того посѣщаю», отвѣтила она, впрочемъ, взяла свѣчу и подошла къ спящимъ дѣтямъ.

Въ это время раздался голосъ тещи изъ сосѣдней комнаты: «Съ кѣмъ ты разговариваешь, Николай»? и съ этими словами я услышалъ, что теща поднялась съ кровати и стала надѣвать туфли.

«Прощай, сказала мнѣ жена, никто не долженъ видѣть меня съ тобой». Я сталъ удерживать ее, такъ какъ шаги тещи уже приближались, но когда обернулся снова назадъ, то ни жены, ни свѣта уже не было, и въ комнатѣ царила полутьма лѣтней ночи.

Вошедшая теща была удивлена, что передъ этимъ она слышала разговоръ двухъ голосовъ, а вошедши, никого не застала, кромѣ меня. Что это такое было, я не могу и до сихъ поръ объяснить себѣ. Конечно, скажутъ — простое видѣніе, но вотъ что странно: осмотрѣвши вслѣдъ затѣмъ лежанку, на которой была прилѣплена восковая свѣча, я замѣтилъ очень явственные слѣды накапанного воска, которыхъ, по моимъ соображеніямъ, раньше не было. Другое обстоятельство, заставляющее меня думать, что тутъ было нѣчто другое, чѣмъ обыкновенное видѣніе или галлюцинація, касается произнесенныхъ женою словъ, относящихся къ дѣтямъ: «Я ихъ безъ того часто посѣщаю».

Недѣли за три до этого таинственнаго случая, ходившая за дѣтьми нянька, доложила мнѣ, что она уже два раза, входя въ комнату спящихъ дѣтей, была перепугана присутствіемъ какой-то женщины, наклонявшейся надъ постелью дѣтей, и съ ея появленіемъ сей-часъ исчезавшей. Когда я теперь попросилъ няньку описать наружность являвшейся женщины (она совсѣмъ не знала покойницу, такъ какъ незадолго передъ этимъ поступила къ намъ), то описаніе ея во всемъ сходилось съ наружностью первой моей жены. (Ребусъ 1887-го года, № 20-й).

* * *

Въ 1821-мъ году, вскорѣ послѣ смерти Наполеона 1-го на островѣ св. Елены, поставленный вмѣсто него на престолъ Франціи изъ прежней династіи Бурбоновъ Людовикъ 18-й въ одну ночь лежалъ въ своей спальной комнатѣ, но долго не могъ заснуть и думалъ о Наполеонѣ.

Свѣчи тускло горѣли, на столѣ лежала корона французскаго государства и брачный контрактъ маршала Мармона. Этотъ контрактъ предложенъ былъ для подписи Наполеону, но военныя событія помѣшали утвержденію его, и вотъ онъ опять лежитъ передъ Людовикомъ. Часы на храмѣ Богоматери пробили полночь. Едва затихъ послѣдній ударъ, отворилась дверь спальной комнаты, которую заперъ самъ Людовикъ.

Взошелъ Наполеонъ, подошелъ къ столу, надѣлъ на себя корону, взялъ брачный контрактъ и потомъ перо, — въ это время чувства оставили Людовика. Когда онъ пришелъ въ себя, было уже утро..

Первымъ дѣломъ его было осмотрѣть дверь, она найдена запертою на замокъ и еще задвижкой извнутри, затѣмъ король подошелъ къ столу и нашелъ контрактъ, подписанный именемъ «Наполеона».

Дальнѣйшее изслѣдованіе показало, что нѣкоторыя слуги, долго дожидавшія своихъ товарищей, въ полночь видѣли блѣдный призракъ, спѣшившій въ спалную комнату короля. Почеркъ подписи

императора на контрактѣ былъ признанъ за истинный, и этотъ замѣчательный контрактъ находился еще въ 1847-мъ году въ королевскомъ архивѣ въ Парижѣ. (Шальбергъ — о безсмертіи, стр. 42).

* * *

Въ лѣтописяхъ Англіи записано, какъ умершая 4-го января 1736-го года королева англійская Софія, по происхожденію брауншвейгская, явилась по смерти дважды супругу своему Георгу 1-му и просила его разорвать незаконную связь съ Гораціею, начатую еще при жизни королевы. Явившись во второй разъ, она взяла кружевной воротникъ короля, лежавшаго въ постели, завязала на немъ узелъ и бросила на грудь короля, сказавъ, что «изъ смертныхъ его никто не развяжетъ». Горація на другой день, не могши развязать узла, въ досадѣ бросила воротникъ въ огонь. Король вытащилъ изъ камина, но онъ упалъ на платье Гораціи, которое быстро воспламенилось, и она умерла отъ ожоговъ. Георгъ раскаялся; по долгу молился, основалъ госпиталь, много дѣлалъ добра именемъ королевы, и умеръ спустя два мѣсяца послѣ послѣдняго ея явленія. (Шальбергъ — о безсмертіи, стр. 42-я).

* * *

Извѣстный польскій драматургъ Домникъ Магнушевскій разсказываетъ, что однажды днемъ, когда онъ лежалъ въ постели и задремалъ, его разбудилъ шумъ въ сосѣдней съ его спалной комнатѣ, которую подмѣтали, и онъ увидѣлъ свою мать, умершую уже нѣсколько лѣтъ назадъ. Она стояла около столика и казалось читала молитвенникъ. Когда онъ въ испугѣ вскрикнулъ, то она закрыла книгу и мгновенно исчезла. Магнушевскій тотчасъ подбѣжалъ къ столику и открывъ книжку на загнутомъ листкѣ, нашелъ на томъ мѣстѣ молитву объ умершихъ. (Ребусъ 1890 года № 9-й).

* * *

Сообщенія умершихъ о состояніи ихъ за гробомъ.

У аввы Спиридона, епископа тримифунскаго, была дочь дѣвица, именемъ Ирина, такъ же благочестива, какъ и отецъ ея. Одинъ изъ родственниковъ отдалъ ей на сохраненіе какое-то драгоцѣнное украшеніе. Дѣвица, чтобы лучше сберечь ввѣренную ей вещь, зарыла ее въ землю. Черезъ нѣсколько времени она умерла.

Когда же пришелъ ввѣрившій вещь и не нашелъ дѣвицы въ живыхъ, сталъ у Спиридона требовать свою вещь. Старецъ, соболѣзнуя родственнику въ потерѣ драгоцѣнности, пошелъ на могилу дочери и тамъ со слезами умолялъ дочь указать, гдѣ она спрятала данное ей на храненіе драгоцѣнное украшеніе. Дѣвица тотчасъ же явилась къ отцу, указала мѣсто, гдѣ сокрыто украшеніе и опять стала невидима. (Монаха Митрофана — «Какъ живутъ наши умершіе»).

* * *

Графъ и графиня П. владѣли значительнымъ имѣніемъ въ псковской губерніи, которое было завѣщано дядею графа послѣ своей смерти. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда они въ первый разъ пріѣхали въ свое новое имѣніе, ихъ предупредили, что домъ этотъ со времени смерти стараго графа посѣщается чуть не каждый день призракомъ. Эти разсказы нисколько не смутили графа и графиню и, будучи полнѣйшими скептиками относительно подобныхъ явленій, они спокойно поселились въ «непокойномъ» домѣ. Спальня ихъ имѣла двѣ двери: одна вела въ длинный коридоръ, а другая въ цѣлый рядъ нежилыхъ комнатъ, выходившихъ въ концѣ опять въ тотъ же коридоръ.

Вскорѣ послѣ того, какъ первая изъ этихъ дверей была заперта на ключъ и свѣча потушена, графиня услышала какой-то шорохъ возлѣ этой двери. Когда она прислушалась, ей сдѣлалось ясно, что кто-то пытается отворить дверь. Графиня обратила на это обстоятельство вниманіе мужа, и когда была зажжена свѣча, то оба ясно увидѣли, что дверная ручка шевелилась, какъ бы нажимаемая кѣмъ-нибудь съ противоположной стороны. Графъ со свѣчею въ рукахъ направился во вторую дверь; войдя въ коридоръ, онъ увидѣлъ, что какая-то человѣческая фигура стоитъ у двери. Подойдя ближе, онъ узналъ своего покойнаго дядю. Одѣтъ онъ былъ такъ, какъ одѣвался и при жизни, и графъ, забывая, что его уже нѣтъ въ живыхъ, невольно воскликнулъ: «Дядя, какимъ образомъ вы здѣсь?!» Призракъ взглянулъ на него печально и исчезъ; тогда только графъ опомнился, что дяди нѣтъ уже въ живыхъ. (Ребусъ 1886-го года № 15-й).

* * *

Во время поученія, когда мое вниманіе было занято доводами проповѣдника, разсказываетъ врачъ Н., я вдругъ увидѣлъ, что въ церковь вошли три женщины, которыя медленно направились къ каѳедрѣ. Слѣдуя за ними, я узналъ въ одной изъ нихъ мою жену, въ другой мать, обѣ тогда умершія. Третья фигура, державшаяся въ срединѣ между обоѣими и обнимавшая мать одной рукой, была прелестная маленькая дѣвочка. Поза и жестъ обличали въ ней какъ-будто мою дочь. Подойдя къ правому клиросу, эта группа фигуръ остановилась. Двѣ изъ нихъ — жена и дѣвочка стали видимо блѣднѣть и мало по малу исчезли. Мать еще оставалась, обратила лицо ко мнѣ и смотрѣла на меня нѣсколько минутъ съ любовію, потомъ и она исчезла, подобно первымъ. (Спорная область между двумя мірами — Р. Д. Оуэнъ).

* * *

Преподобный Акакій нѣкогда, совершая свои молитвы, пришелъ въ изступленіе и увидѣлъ чуднаго мужа, который взялъ его за руку, привелъ въ поле, казалось, безграничное, гдѣ было мно-

жество дивныхъ зданій, но пустыхъ. Удивляясь, онъ спросилъ вожатаго: отчего они пусты? — «Это мѣсто приготовлено для тѣхъ изъ Христіанъ, которые платятъ туркамъ подати и иныя повинности и терпятъ все это ради Христа съ благодарностію». Когда видѣніе кончилось, утромъ онъ призвалъ своихъ учениковъ и велѣлъ имъ заплатить подать туркамъ, говоря, что и мы должны имѣть участіе съ тѣми, которые платятъ повинности туркамъ. (Изъ книги Аѳонскій Патерикъ. Память его 12-го апрѣля).

* * *

Христіанинъ! помни, что и къ тебѣ придетъ указъ отъ Царя небеснаго, и придетъ, когда не знаешь, и позоветъ тебя; и что случается съ прочими при ихъ кончинѣ, то же будетъ и съ тобою. Поэтому, будь разуменъ и мудръ, и заблаговременно къ часу тому покаяніемъ и сокрушеніемъ сердца приготовляйся. Страшенъ тотъ часъ не только грѣшникамъ, но и праведникамъ, которые всегда помнили его, сокрушались и плакали о грѣхахъ своихъ. Помни смерть, и, воистинну, вся суета и роскошь міра сего омерзѣетъ тебѣ, и ты будешь болѣе искать плача и слезъ, нежели веселія и утѣхи. (Изъ кн. Вѣчныя загробныя тайны и др. источниковъ).

* * *

Троицкіе листки № 75.

Мѣстонахожденіе рая, по ученію Священнаго Писанія и святыхъ Отцевъ Церкви.

Мѣсто первоначальнаго земного рая опредѣляется Священнымъ Писаніемъ на востокѣ: **«И насади Господь Богъ рай во Едемѣ на востоцѣхъ»** (Быт. 2, 8). Въ такомъ же направленіи указывается рай по отношенію къ землѣ и небесный. Преподобная Өеодора повѣдала, что по исшествіи ея изъ тѣла, она съ сопутствовавшими ей ангелами направилась, для достиженія небесныхъ обителей, къ востоку. Великій угодникъ Божій Симеонъ Дивногорецъ видѣлъ рай на востокѣ. (Четіи Минеи 24-го мая). На востокѣ видѣла его преподобная Евфросинія Суздальская въ дивномъ видѣніи своемъ. Вотъ почему востокъ въ христіанской Церкви имѣетъ великое значеніе. Такъ, храмы строятся алтаремъ на востокъ; покойники кладутся лицемъ къ востоку; православные молятся на востокъ.

Православная Церковь, не занимаясь отыскиваніемъ мѣстности рая во вселенной, въ своихъ молитвахъ, особенно въ Великую Субботу и Воскресеніе Христово, высказываетъ свое мнѣніе о мѣстѣ рая на небѣ.

Многіе угодники Божіи новозавѣтной Церкви созирцали рай подобно саду. Но, конечно, вещество его и природа соотвѣтствуютъ естеству его жителей — духовъ, и потому рай недоступенъ для нашихъ чувствъ, огрубѣвшихъ отъ глубокаго паденія.

При погребеніи Божіей Матери св. Іоаннъ Богословъ шелъ съ райскою вѣтвію, принесенною на землю изъ рая архангеломъ Гавріиломъ.

Святый Макарій Великій пишетъ, что по смерти наслѣдующіе рай встрѣчаются, отводятся въ особенные сады, въ обители приуготованныя заблаговременно и возлагаются на нихъ драгоцѣнныя одѣянія. (Бесѣда 16-я).

Святый Григорій Синаитъ пишетъ, что рай есть нисшее небо; что дерева садовъ постоянно покрыты цвѣтами и плодами; посреди рая течетъ рѣка, его напояющая и раздѣляющаяся на четыре рукава. Объ этой рѣкѣ повѣствуетъ и моисей въ своей книгѣ: **«Рѣка же исходитъ изъ Едема напояти рай: оттуду разлучается въ четыре начала»** (Быт. 2, 10).

У всѣхъ св. Отцевъ и учителей Церкви рай представляется садомъ дивной, неописанной красоты, котораго природа вполнѣ соотвѣтствуетъ природѣ души, недоступной нашимъ огрубѣвшимъ чувствамъ.

Однакоже недоступная райская природа для однихъ, была доступна, при содѣйствіи Святаго Духа, для другихъ. Такъ, подобно апостолу Павлу, восхищенному однажды въ рай, былъ восхищенъ туда и одинъ благочестивый подвижникъ игуменъ Власій. Онъ

началъ служеніе съ раннихъ лѣтъ и былъ украшенъ всѣми добродѣтелями.

Власію пришло непреодолимое желаніе узнать, въ какое мѣсто за гробомъ вселяютъ души монаховъ подвизавшихся во время земной жизни. Послѣ трехлѣтней келейной, въ каждую ночь, молитвы, въ одну ночь игуменъ Власій, стоя по обычаю на молитвѣ, внезапно былъ восхищенъ въ рай. Здѣсь онъ чувствуетъ, что ходитъ по какому-то полю, на полѣ былъ рай Божій. Блаженный Власій вошелъ въ рай, который представлялся цвѣтущимъ садомъ, исполненнымъ благовонія и наполненнымъ разными деревьями.

Въ раю онъ увидѣлъ своего монастыря монаха Евфросина, сидящимъ подъ деревомъ на золотомъ престолѣ. Увидѣвъ Евфросина, Власій подошелъ къ нему и сказалъ: «это ты, сынъ мой, Евфросинъ, что ты здѣсь дѣлаешь»? — «Я поставленъ здѣсь отъ Бога стражемъ», отвѣчалъ Евфросинъ. — «А можешь ли мнѣ что-нибудь дать, ежели я у тебя попрошу»? продолжалъ Власій. «Могу, проси». Тогда Власій, показавъ рукою на яблоко, сказалъ: — «Дай мнѣ съ этой яблони три яблока». Евфросинъ снялъ три яблока и подалъ ихъ игумену. Игуменъ принялъ ихъ въ мантію и тотчасъ пришелъ въ себя; онъ опять видитъ себя въ келіи и три яблока въ мантіи.

Зазвонили къ утрени. По окончаніи богослуженія игуменъ приказалъ братіи, чтобъ никто изъ нихъ не выходилъ изъ церкви. Призвавъ изъ поварни Евфросина, спроилъ его: «сынъ мой, гдѣ ты былъ въ эту ночь?» Евфросинъ, опустивъ глаза въ землю, стоялъ и молчалъ. Старецъ не переставалъ его допрашивать; тогда Евфросинъ отвѣчалъ: «тамъ, авва, гдѣ ты меня видѣлъ».

— «А гдѣ я видѣлъ тебя»? возразилъ старецъ. Евфросинъ отвѣчалъ: «гдѣ просилъ у меня три яблока, въ святомъ Божіемъ раю, и я тебѣ ихъ далъ, а ты принялъ», «Вотъ эти три яблока, полученные мною въ Божіемъ раю», продолжалъ игуменъ, показывая ихъ братіи: «въ эту ночь Богъ сподобилъ меня быть въ раю и видѣть его».

Яблоки на благословеніе были раздѣлены между братіею и, больные между ними, по вкушеніи райскихъ плодовъ, дѣлались совершенно здоровыми. (Изъ кн. «Алфавитный Патерикъ»).

Изъ сего сказанія видно, что рай существуетъ, и что Евфросинъ и Власій были своими душами въ раю, о которомъ описаніе закончимъ словами св. апостола Павла, бывшаго тамъ и видѣвшаго его и слышавшаго тамъ **«неизреченные глаголы, ихже не лѣть есть человѣку глаголати»** (2 Кор. 12, 3—4).

Итакъ, мы можемъ видѣть изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, что смерть для праведниковъ скорѣе желательна, чѣмъ страшна и ужасна. И это потому, что они всю жизнь помнили о смерти, всю

жизнь приготовлялись къ ней, — готовы были встрѣтить ее каждый часъ, помня слова Господа: «бдите убо, яко не вѣсте дне, ни часа, въ оньже Сынъ Человѣческій пріидетъ» (Матѳ. 25, 13).

* * *

Нравственный выводъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ.

Итакъ, изъ этихъ примѣровъ ясно видно, — что часъ смертный отъ насъ сокрытъ и что смерть случается иногда внезапная. Истинно это и справедливо; но мы можемъ и освободиться отъ страха смерти. Для этого мы должны быть вѣрными и мудрыми рабами Господними, какъ Авраамъ и Исаакъ и другіе святые мужи: тогда умремъ мы старцами исполненными дней, въ старости маститой. (Быт. 25, 8). Умремъ не принужденно и внезапно, но радостно, и въ чаяніи блаженства, въ ликѣ праведныхъ. Будемъ рабами мудрыми и вѣрными, какъ Іаковъ и Іосифъ, тогда мы предузнаемъ и часъ своей кончины, и каждый изъ насъ скажетъ: « се, азъ умираю»(Быт. 48, 21). Тогда увидимъ мы чадъ своихъ и отойдемъ отъ сея жизни, благословляя «и моляся о чадѣхъ своихъ» (Быт. 49,25). Тогда заповѣдаемъ мы о погребеніи своемъ, и уснемъ, и почіемъ въ мирѣ и вѣчной радости.

Итакъ, будемъ рабами Господними вѣрными и мудрыми: вѣрными, — храня и соблюдая, какъ зеницу ока, даже до послѣдняго издыханія, православную вѣру; мудрыми, — удаляясь отъ всякаго грѣха, исполняя всякую правду, тогда не устрашимся мы смерти и вѣчнаго мученія; ибо, когда придетъ къ намъ часъ смертный и найдетъ насъ готовыми встрѣтить его, тогда Владыка и Господь нашъ вчинитъ насъ въ ликѣ блаженныхъ и праведныхъ, ибо Онъ сказалъ: «блаженъ рабъ той, егоже, пришедъ господинъ его, обрящетъ тако творяща» (Матѳ. 24, 46).

А такъ - какъ ни одинъ человѣкъ не можетъ сказать о себѣ, что онъ во всякое время готовъ къ будущей загробной жизни, то будемъ, по крайней мѣрѣ, твердо надѣяться на всеблагаго Бога, что Онъ Самъ, по неизреченной любви Своей къ роду человѣческому и ради безцѣнныхъ заслугъ Господа нашего Іисуса Христа, имиже вѣсть судьбами спасетъ насъ.

Ученіе о мытарствахъ подтверждается и Священнымъ Писаніемъ, которое называетъ воздухъ именно областію злыхъ духовъ: «яко нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ. (Ефес. 6, 12).

Если же несомнѣнно, что злые духи принимаютъ великое участіе въ дѣлахъ нашихъ и стараются всячески вредить намъ здѣсь, то, конечно, они не могутъ оставить насъ спокойными въ столь удобное для нихъ время — при прохожденіи души чрезъ ихъ

какъ-бы собственную область. Но собственно ученіе о мытарствахъ излагается въ нѣкоторыхъ молитвахъ церковныхъ и есть у многихъ Отцевъ Церкви, конечно, на основаніи Священнаго Преданія. Такъ въ одной молитвѣ говорится: «страшно бо и грозно мѣсто имамъ проити тѣла разлучився, и множество мя мрачное и безчеловѣчное демоновъ срящетъ». (Въ Слѣд. Псалтири молитва по 4-й каѳизмѣ)и въ другихъ мѣстахъ.

Святый Іоаннъ Златоустъ говоритъ въ словѣ о памяти умершихъ, что по разлученіи съ тѣломъ душа имѣетъ великую нужду въ помощи и заступленіи ангеловъ, дабы препроводить ее мимо старѣйшинъ и властей и невидимыхъ міродержцевъ воздуха сего. У св. Ефрема Сирина есть много мѣстъ, въ его твореніяхъ, доказывающихъ всеобщность въ его время мнѣнія о мытарствахъ. Итакъ, мы можемъ видѣть изъ вышесказаннаго, что души умершихъ, и праведниковъ и грѣшниковъ, подвергаются частному суду, при своемъ восхожденіи на небо, и, смотря по своимъ дѣламъ, тутъ же получаютъ опредѣленіе своей участи до всеобщаго воскресенія, отъ «плоти истлѣніе, и отъ духа животъ вѣчный». (Гал. 6, 8). Души святыхъ, праведныхъ и богоугодно пожившихъ на землѣ относятся ангелами на небо въ райскія обители, и здѣсь блаженствуютъ, — по ученію православной Церкви, предвкушаютъ блаженство, а грѣшники, люди порочные, умершіе безъ покаянія низвергаются во адъ и здѣсь пріемлютъ мученіе. (Изъ кн. Вѣчныя загробныя тайны и другихъ источниковъ).

* * *

Общіе выводы изъ разсказовъ о явленіяхъ умершихъ.

Основываясь на тѣхъ данныхъ, какія имѣются въ представляемыхъ нами разсказахъ, можно сдѣлать слѣдующіе выводы о явленіяхъ умершихъ живымъ. Являются умершіе преимущественно близкимъ ихъ сердцу — роднымъ, друзьямъ и знакомымъ, хотя иногда бываютъ случаи явленія ихъ и постороннимъ лицамъ, даже незнакомымъ. Почему не всѣ умершіе являются, а толко нѣкоторые, неизвѣстно. Видно только изъ одного разсказа, что имъ строго воспрещено являться людямъ, которые сильно могутъ испугаться ихъ. Такъ мать явившись дочери-ребенку во снѣ, предупреждаетъ ее не пугаться, когда она придетъ къ ней наяву. «Я могла бы сдѣлаться видимой и тетѣ твоей», говоритъ мать своей маленькой дочери, «да она не вынесетъ и можетъ заболѣть, — дѣти меньше насъ боятся, чѣмъ взрослые».

Являются умершіи какъ во снѣ, такъ и наяву, хотя нѣкоторымъ лицамъ только во снѣ, это тѣмъ, кто не можеттъ перенести свиданія съ ними наяву. Одни изъ нихъ являются днемъ, другіе только ночью, такъ что дневное появленіе для нихъ какъ будто совсѣмъ невозможно. Являются большею частію тамъ, гдѣ было по-

слѣднее ихъ на землѣ мѣстопребываніе, хотя встрѣчаются примѣры явленія и въ мѣстахъ совершенно случайныхъ. Чаще всего являются въ той одеждѣ, въ какой они преданы были на землѣ.

Одни умершіе, являясь извѣстному лицу, стараются, чтобы никто изъ постороннихъ не замѣтилъ ихъ. Случается и такъ, что посторонніе хотя не видятъ умершаго, но голосъ его слышатъ. Встрѣчаются и такіе примѣры, что умершій является сразу нѣсколькимъ лицамъ, находящимся въ одномъ и томъ же мѣстѣ, такъ что видятъ его всѣ съ одинаковою отчетливостью. Иногда являются цѣлыми групами, и даже въ сопровожденіи лицъ, совершенно незнакомыхъ для тѣхъ, кому они явились. Замѣчательно то обстоятельство, что умершихъ видятъ даже животныя, какъ напримѣръ собаки, которыя замѣчаютъ появленіе умершихъ прежде человѣка и при этомъ такъ же, какъ и люди, пугаются ихъ.

Намъ кажется, что не всѣ отшедшія души имѣютъ одинаковую матеріальную оболочку, въ которой являются живымъ. По всей вѣроятности, въ зависимости отъ ихъ оболочки находится и то обстоятельство, что одни являются вдругъ, словно изъ земли выростаютъ, другіе медленно, предупрждая о своемъ появленіи разными внѣшними знаками, какъ-то шорохомъ, постукиваніемъ въ дверь, стукомъ шаговъ и т. п. Затѣмъ, одни изъ нихъ входятъ и выходятъ чрезъ затворенныя двери, окна, стѣны, такъ что для нихъ не существуетъ никакой внѣшней преграды. Другіе же не иначе, какъ чрезъ открытыя двери. Если же двери бываютъ заперты на замокъ, умершій стучитъ, чтобы ему отворили. Трудно сказать навѣрное, потому ли они стучатъ, что не могутъ войти чрезъ запертыя двери, или же стукомъ предупреждаютъ о себѣ, чтобы внезапнымъ своимъ появленіемъ никого не испугать.

Исчезновеніе умершихъ происходитъ тоже неодинаково. Одни скрываются вдругъ, такъ что нѣтъ возможности замѣтить, какъ и куда скрылся умершій. Другіе же удаляются медленно, точно не желая разстаться съ тѣмъ лицемъ, которому явились. Сначала явившійся блѣднѣетъ, превращаясь какъ-бы въ туманъ или облако, тихо отдѣляется отъ земли, потомъ мало-по-малу поднимается вверхъ, становится болѣе и болѣе воздушнымъ, сливаясь съ воздухомъ, наконецъ расплывается въ немъ и исчезаетъ въ пространствѣ.

Нѣкоторые умершіе, при свиданіи съ живыми, бываютъ весьма общительны Они выражаютъ свой привѣтъ рукопожатіемъ, поклонами, поцѣлуями, принимаютъ живыхъ въ свои объятія, ласково гладятъ лицо ихъ, волосы, а равно не препятствуютъ и живымъ проявлять чувства нѣжности. Случается даже, что явившіеся приносятъ живымъ привѣты изъ загробнаго міра, и отъ живыхъ не отказываются передавать поклоны умершимъ...

Благодаря такой общительности, нѣкоторые живые настолько осваиваются съ умершими, что иногда забываютъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. Такъ, одинъ парикмахеръ до того забылся, что онъ закуривъ трубку, предложилъ ему покурить, но тотъ, конечно, отказался: «у насъ, сказалъ онъ, не курятъ».

Иные же умершіе не только сами держатъ себя далеко отъ живыхъ, но даже послѣднихъ не допускаютъ приближаться къ себѣ. Когда, напримѣръ, явился одной женщинѣ сынъ ея — малютка, и та хотѣла въ порывѣ материнскаго чувства, привлечь его въ свои объятія, дитя, угадавъ ея мысли и отодвинувшись нѣсколько назадъ, предупредило: «Мама, ты меня не трогай, меня теперь нельзя, трогать». Точно также, когда дочь хотѣла подойти къ матери и взять ее за руку, та отстранивъ, сказала: «не прикасайся ко мнѣ». Когда священникъ хотѣлъ отъ радости бросится къ своему товарущу на шею, явившійся, отскочивъ назадъ, сказалъ: «Я умеръ, не приближайся ко мнѣ».

Тоже необходимо сказать и относительно рѣчи ихъ. Одни изъ умершихъ охотно вступаютъ въ разговоръ съ живыми, разсказываютъ, какъ они бываютъ между родными, что видятъ, что слышатъ; другіе-же сохраняютъ строгое молчаніе, и отвѣчаютъ только тогда, когда ихъ спрашиваютъ.

Являются и такіе, что ни слова не проронятъ во все время своего свиданія. Очего такая разница между ними — неизвѣстно.

Замѣчательно при этомъ, что нѣкоторые умершіе, бесѣдуя съ живыми, не все позволяютъ разсказывать другимъ, и это запрещеніе имѣетъ такую необыкновенную силу, что живые до самой смерти сохраняютъ тайну, не смотря ни на какія просьбы друзей открыть имъ запрещенныя слова.

Можно-ли опредѣленно сказать, съ какими цѣлями являются умершіе живымъ? Если мы часто не въ состояніи дать себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, а равно не можемъ объяснить многихъ явленій изъ міра насъ окружающаго, міра физическаго, то тѣмъ болѣе намъ трудно проникнуть въ тайны міра загробнаго, духовнаго. Тѣмъ не менѣе, основываясь на тѣхъ данныхъ, какія представляютъ намъ разсказы о явленіяхъ умершихъ, мы можемъ отчасти отмѣтить слѣдующія цѣли ихъ явленій.

Являются нѣкоторые по обѣщанію, еще при жизни данному своимъ роднымъ или друзьямъ. Весьма многіе являются, чтобы извѣстить близкое лицо о своемъ отшествіи въ загробный міръ. Такія явленія бываютъ большею частію въ моментъ смерти или вскорѣ послѣ нея, и умершіе въ это время обыкновенно не вступаютъ въ бесѣду съ живыми, за рѣдкими исключеніями.

Такъ какъ вѣра въ безсмертіе души и существованіе загробной жизни озаряетъ нашъ земной путь и раскрываетъ передъ нашимъ

взоромъ назначеніе земной жизни, то многіе умершіе являются единственно съ цѣлію удостовѣрить тѣхъ, кто колеблется въ этой вѣрѣ или совсѣмъ потерялъ ее. Такъ умершій, явившись врачу, не признававшему безсмертія души, объяснилъ, какимъ образомъ душа, по разлученіи отъ тѣла, сохраняетъ свое бытіе.

Дѣвица, явившись своему жениху, говоритъ: «Ты не вѣришь, что за гробомъ есть жизнь, вотъ я явилась тебѣ, смотри на меня: видишь, я жива, даже цѣлую тебя. Вѣрь же, мой другъ, что со смертію непрекращается жизнь человѣка».

Офицеръ, явившись своему товарищу, сомнѣвавшемуся въ загробной жизни, говоритъ:« Жизнь въ иномъ мірѣ существуетъ».

«Я живъ, хотя и умеръ, умеръ и живъ — все равно», говоритъ учитель своему товарищу. «Помни: смерти нѣтъ, только тѣло сгніетъ, душа-же вѣчна», говоритъ мужъ своей женѣ.

«Я пришелъ къ тебѣ, какъ сказалъ раньше», говоритъ отецъ сыну, я не умеръ, я живъ, я покинулъ только мое земное тѣло, облеченъ теперь въ тѣло духовное и пребываю въ мирѣ и успокоеніи. Я хочу, чтобы ты вѣровалъ, что духи тѣхъ, кого вы любите, могутъ посѣщать землю». (См. Троицкій Листокъ № 35-й)

«Ты не признаешь Бога, будущей жизни, безсмертія души» говоритъ мать сыну, «вотъ тебѣ доказательство загробной жизни: я умерла, но явилась и говорю съ тобою... Ты не вѣришь и можетъ-быть думаешь объяснить мое явленіе тебѣ разстройствомъ твоего воображенія, но знай, что объясненія твои ложны, и я своимъ духовнымъ существомъ теперь предстою предъ тобою, и въ доказательство этого — вотъ тебѣ крестъ, отвергнутый тобою, прими его, иначе погибнешь». (См. Троицкій Листокъ № 36-й).

Одна умершая, когда явилась больной сестрѣ, которая страшилась смерти, показала ей на самой себѣ, что есть смерть.

Другіе являются близкимъ ихъ сердцу съ тѣмъ, чтобы увѣрить, что они снова свидятся въ загробномъ мірѣ, гдѣ соединятся на вѣки. Такъ жена, явившись своему мужу, говоритъ: «Мы и теперь можемъ имѣть духовное общеніе другъ съ другомъ, а въ жизни загробной на вѣки соединимся, если ты будешь достоинъ того».

Мужъ, явившись женѣ, говоритъ: «Здѣсь у тебя дѣти, обязанности, а тамъ мы свидимся съ тобою». «Я перешла въ другой міръ и теперь нахожусь на небѣ», такъ сказала невѣста, когда явилась своему жениху, «мы свидимся въ загробномъ мірѣ, гдѣ соединимся на вѣки».

Являются умершіе и съ тою цѣлію, чтобы извѣстить родныхъ и друзей, какъ они живутъ за гробомъ. Такъ мужъ, явившись своей женѣ, говоритъ, что онъ, по милости Божіей, избавленъ отъ мученій.

А одинъ умершій на вопросъ отца: каково ему тамъ? отвѣтилъ: «Слава Богу, батюшка, мнѣ хорошо». Отецъ спрашиваетъ сына —

малютку: «Хорошо ли тебѣ, Володя?» «Хорошо, лучше чѣмъ у васъ», отвѣчалъ тотъ. Послушникъ одного монастыря передаетъ, что явившійся ему духовный отецъ его сообщилъ, что «ему несказанно хорошо тамъ».

Умершій, явившись своему другу, съ радостію открылъ ему: «По милости Божіей, я избавленъ отъ ада, обитель моя покойна». Ребенокъ, явившись своей матери, говоритъ: «Мама мнѣ хорошо тамъ, но еще лучше было бы, если бы ты меньше плакала». Монастырскій чтецъ, явившись своему духовному отцу, съ горькими слезами жаловался, что онъ несетъ ужасныя мученія за то, что противился и смѣялся закону и писаніямъ.

Умершіе весьма часто со слезами просятъ своихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ молиться за нихъ и подавать милостыню. И эти просьбы ихъ, конечно, весьма понятны для насъ. Имъ дорого и пріятно думать, что они не покинуты за гробомъ, что на землѣ есть существа, которыя помнятъ ихъ, интересуются судьбою ихъ и желаютъ имъ блаженства.

Но главное они чувствуютъ на себѣ, какъ наши молитвы умилостивляютъ Бога. Такъ, когда одинъ умершій просилъ монаха молиться о немъ и послѣдній спросилъ: «развѣ ты нуждаешься въ молитвахъ»? «Ахъ, и какъ еще нуждаюсь», отвѣчалъ тотъ и крѣпко сжавши его руку, продолжалъ: «помолись пожалуйста обо мнѣ».

Нѣкоторые изъ умершихъ жалуются, что они тоскуютъ и на вопросъ: «чѣмъ имъ помочь»? просятъ молиться за нихъ и не плакать. Такъ, когда къ одному преосвященному явился пѣвчій и тотъ спросилъ его: «Какъ ты чувствуешь себя»? умершій отвѣчалъ: «Я тоскую». «Чѣмъ же этому помочь»? снова спросилъ архіерей. «Молитесь за меня; вотъ донынѣ, съ грустію отвѣчалъ онъ, не совершаются обо мнѣ заупокойныя литургіи». Но когда преосвященный обѣщался совершать о немъ поминовеніе, пѣвчій успокоился.

Когда одна умершая явилась своей родственицѣ и горько плакала, та спросила: «скажите, что вамъ нужно, и все сдѣлаю». Плачущая отвѣчала: «Ради Бога помолитесь обо мнѣ, помяните меня за литургіею», и когда та обѣщалась исполнить ея просьбу, рыданія утихли.

Когда одинъ священникъ принялъ умершаго за живого и подалъ ему просфору, тотъ отвѣчалъ: «Отче, для чего ты даешь мнѣ это? Я ѣсть не могу. Если желаешь сдѣлать для меня что-нибудь, то принеси за меня сей хлѣбъ Всемогущему Богу и помолись о грѣхахъ моихъ».

Дитя, явившись своему отцу, говоритъ: «мнѣ особенно бываетъ скучно, когда плачутъ обо мнѣ, а утѣшаетъ меня, когда молятся обо мнѣ и даютъ бѣднымъ за меня». Одна мать, явившись своей дочери-малюткѣ, просила ее отслужить по ней заупокойную ли-

тургію; во время богослуженія дочь видѣла, какъ мать ея вошла въ церковь, и стала на колѣни передъ царскими вратами.

Одинъ умершій князь, явившись блаженному Киръ-Лукѣ, просилъ, чтобы родные его раздали бѣднымъ оставленныя имъ по завѣщанію деньги за спасеніе его души, «иначе я, говорилъ явившійся, останусь навсегда въ томъ положеніи, въ какомъ ты видишь меня», (а онъ увидѣлъ его чернымъ, какъ уголь). «Вы живущіе не можете понять», говоритъ явившаяся своему мужу, «что мы чувствуемъ, когда вы молитесь за насъ».

Есть примѣры, что умершіе, указывая, гдѣ находятся ихъ тѣла, просятъ совершить надъ ними обрядъ погребенія. Это конечно тѣ, смерть которыхъ осталась для живыхъ по разнымъ несчастнымъ случаямъ въ неизвѣстности, и тѣла ихъ лишены надлежащаго погребенія.

Отшедшія души являясь глубоко благодарятъ своихъ молитвенниковъ. Такъ умершій, явившись своему другу, говоритъ: «Благодарю тебя, другъ, за твои усердныя обо мнѣ молитвы и за милостыни, которыя много помогли мнѣ». Отецъ, явившись своему сыну, троекратно поклонился ему въ ноги за то, что тотъ усердно молился о спасеніи души его. Жена, явившись мужу, благодаритъ, что онъ не забываетъ ее въ своихъ молитвахъ.

Иногда въ выраженіе своей благодарности за поминовеніе, умершіе предостеригаютъ своихъ благодѣтелей отъ непредвидимыхъ опасностей; иные открываютъ все, что случится съ ними въ жизни и особенно день кончины ихъ.

Судя по цѣлямъ, съ какими являются умершіе, мы полагаемъ, что души, удостоенныя вѣчнаго блаженства, рѣдко возвращаются на землю для свиданія съ живыми. Если же являются иногда, то стараются проявить свое вліяніе на живыхъ въ смыслѣ нравственнаго усовершенствованія и исправленія порочной жизни, отнюдь не вмѣшиваясь въ житейскіе интересы ихъ.

Чаще являются на землю души, неспособныя къ возвышеннымъ стремленіямъ и лишенныя общенія съ свѣтлыми духами. Они по необходимости держатся земли и постоянно вмѣшиваются въ нашу жизнь. Они исключительно заняты бываютъ тѣмъ, что порабощало ихъ мысль и чувство во время земнаго существованія. Поэтому, за нихъ-то особенно необходимо молиться, чтобы помочь имъ подняться отъ земли на небо.

Въ заключеніе скажемъ, что многія лица, которымъ являлись умершіе, хотя ранѣе не были убѣждены въ безсмертіи души и загробной жизни, навсегда сдѣлались глубоко-вѣрующими въ дѣйствительность загробной жизни, и эту вѣру ихъ уже никакія возраженія не въ состояніи поколебать.

Троицкіе Листки посвящаются тѣмъ людямъ, которые по разнымъ причинамъ забываютъ, что ихъ ожидаетъ за гробомъ другая жизнь, жизнь безконечная; посвящаются тому, кто кромѣ матеріи ничего не хочетъ видѣть. Кто потерялъ вѣру въ безсмертіе души и послѣ смерти не ожидаетъ новой жизни. Посвящаются они тѣмъ страждущимъ, которые, изнывая подъ бременемъ лишеній и житейскихъ невзгодъ, падаютъ въ борбѣ за существованіе съ крикомъ отчаянія. Цѣль наша будетъ достигнута, если намъ удастся озарить свѣтомъ вѣры хотя одинъ умъ, колеблемый невѣріемъ, успокоить надеждою на лучшее будущее за гробомъ хотя одно человѣческое сердце, удрученное скорбями.

Троицкіе Листки составлены изъ книгъ: «Вѣчныя загробныя тайны»; «Какъ живутъ наши умершіе» монаха Митрофана; «Изъ загробнаго міра явленія умершихъ, отъ глубокой древности до нашихъ дней» свящ. Д. Булгаковскаго. — Изъ журналовъ: «Душеполезный Собесѣдникъ» изданіе Свято-Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ; «Странникъ»; «Кормчій»; «Колоколъ»; «Русскій Паломникъ» и другихъ источниковъ.

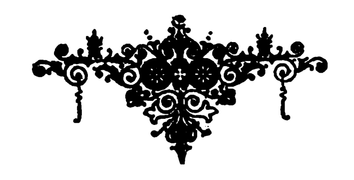
Въ настоящемъ изданіи 3-хъ выпусковъ, 120-и Троицкихъ Листковъ, помѣщены избранныя изреченія святыхъ богоносныхъ Отцевъ Церкви; повѣсти изъ Житій Святыхъ; разсказы о явленіяхъ умершихъ изъ загробнаго міра, отъ глубокой древноси до нашихъ дней.

Подобно пчелкѣ медъ, собирали мы изъ многихъ духовнаго содержанія книгъ и журналовъ, самыя лучшія доказательства о бытіи загробнаго міра, замѣчательнѣйшіе разсказы о загробной жизни и замѣчательные случаи изъ «Житій Святых», и изъ жизни современныхъ христіанъ.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, да благословитъ, чтобы эти избранныя изреченія, повѣсти и разсказы были приняты и прочитаны со вниманіемъ. Внимательное чтеніе этихъ повѣстей, направляетъ всякаго христіанина на истинный путь Богоугожденія. (Закончилъ это послѣсловіе 24-го марта 1960-го года Архимандритъ Пантелеимонъ).

* * *

Троицкіе Листки. № 76.

Оглаленіе.

Замѣчательное совпаденіе. 362

Видъ Свято-Троицкаго монастыря.